

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

1 Oct. - 31 Oct., 1898.

КНИГА 9-я. — СЕНТИМБЕРЬ, 1898.

Стр.

I.—МОЛОДО-ЗЕЛЕНО.—Новеллы.—I-XIX.—В. Г. Аветикова.	5
II.—СЛАВИНСКАЯ СПАРТА.—Очерк путешествия по Далмации и Черногории.—VIII-XI.—Евг. Маркова.	48
III.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—„Ошибки“.—Н. Ильина.	99
IV.—ЭТО ВЪ ГАРЦЕ.—Изъ путевыхъ записокъ.—Н. А. П.	100
V.—ДНИ НЕДЪЛИ.—Стих. Вяч. Иванова.	123
VI.—ДЕАКОМО ЛЕОПАРДИ.—III-IV.—Окончание.—Юр. Веселовского.	125
VII.—ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ВЪ ПРУССИИ.—Е. Д.—внчъ.	142
VIII.—ГОРСТЬ ПИБРАННИКОВЪ.—Эскизъ изъ романа „Le soleil des mers“, par Camille Maupassant.—Ю. З.—ой.	173
IX.—АНГЛИЙСКИЕ РАБОЧІЕ НА ДОСУГѢ.—Очеркъ развлеченій рабочихъ въ Лондонѣ.—I-VI.—С. Р.—ть.	219
X.—„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“.—Романъ.—The lesser World, by George Gissing.—XVII-XXV.—Съ англ. А. В.—г.	247
XI.—БИСМАРКЪ.—Письмо изъ Германіи.—Гр. Толстого.	304
XII.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Въ дорогѣ.—Н.	353
XIII.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новый недородъ хлѣбныхъ и травъ. — Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1894 и 1895 гг. — Австрійское согласіе, какъ „весьма опасный и вредный“ видъ раскола. — Распространительное толкованіе понятія объ „особенно вредныхъ“ сектахъ и хлыстстве изъ него выводы. — Фактическое ограниченіе и юридическое измѣненіе закона. — Шугудимы и молоканство. — Бывшіе греко-униаты въ пріицѣ 2-го іюня 1898 г. — Православіе и католицизмъ въ прибалтійскомъ краѣ. — Статистическія данныя о церковныхъ школахъ. — Новыя законодательныя мѣры.	354
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Дипломатическая нота 12-го августа. — Вопросъ о тяготахъ вооруженнаго жара и проектъ международной конференціи. — Кончина „желѣзнаго канцлера“. — Князь Висмаркъ, какъ государственный дѣлатель и германскій патриотъ. — Испанія и Соединенные Штаты. — Новое возраженіе П. А. Тверского.	380
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Т. I. — Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ, Изд. Щеглова. — Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, Н. А. Шликина. — В. Г. Билибинскій и чествованія его памяти, В. Глинского. — Д. — Новая книга и брошюра.	393
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Alphonse Daudet, par Léon Daudet. — II. Gedichte von Alex. Puschkine, von Fr. Fiedler. — III. Die Frau des Weisen, v. Art. Schnitzler. — Z. B. — IV. Fables choisies de Kryloff, par I. Schnitzler. — T.	412
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Открытіе памятника императору Александру II-му въ Москвѣ и отголоски этого событія въ печати. — Личная и оборотная сторона сужденій о великихъ реформахъ. — Сотрудники императора: „подготовители“ и „исполнители“ реформъ. — Записки бывшаго земскаго начальника. — Нѣчто о дѣлности преставленъ. — Письмо старообрядца. — Катковъ по отзывамъ его знатоковъ а.—Б. Н. Чичерина. — М. Г. Чернышевъ.	431
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Правленія Слѣд. Общества вспомоществованія б. воспитанниками Кіевскаго Университета: объ участіи въ памяти Н. Х. Бунге.	447
XIX.—БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстр. Н. К. Шиллера. — Сборникъ статей проф. Н. М. Коркунова. — Антропология, Эд. Тейлора. — Силы и законы природы, А. Ламма. — Дарвинизмъ, Ал. Уоллеса. — Иллюстрированная классификація луговыхъ травъ, А. В. Лавжарева. — Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Петра Вейсберга.	
XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ДЪ LXII. — ТОМЪ СССLXVII. — 1/18 СЕНТЯБРЯ 1898.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ТРЕТІЙ . ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1898

448 18 3 Slav. 30.2

P Slav 176.25

1878, Oct. 1 - Oct. 31
Sever yard.

2692

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

ПОВѢСТЬ.

I.

Es ist das Weibliche die dunkle Frage,
Die Jeden, der hinaus in's Leben stürmt,
Als ernster Prüfstein sich entgentürmt.
E. Schönaich-Carolath.

На длинной террасѣ большого ресторана въ Монте-Карло, за столомъ, сверкавшимъ бѣлизною бѣлья и блескомъ хрусталя, обѣдало общество нашихъ соотечественниковъ. Всѣ они пріѣхали изъ Ниццы, въ коляскахъ, чтобъ насладиться великолѣпною прогулкою по гребню Cognitione, отдать честь удивительной кухнѣ этого ресторана, и пройтись затѣмъ по заламъ казино, посвященнымъ рулеткѣ и trente-et-quarante. Опытный глазъ ни минуты не усомнился бы въ ихъ русскомъ происхожденіи: о немъ свидѣтельствовалъ синій цвѣтъ ихъ пиджачковъ, ихъ громкій разговоръ и еще болѣе громкій смѣхъ. Можно было бы указать и еще на одинъ признакъ, изъ очень несомнѣнныхъ: самый старшій по лѣтамъ въ этомъ обществѣ вытягивалъ изъ-подъ скатерти огромныя, плоскія и широкопалыя ноги, обутыя не въ ботинки, а въ сапоги съ голенищами и въ калоши.

Этотъ господинъ, съ длиннымъ лицомъ багроваго оттѣнка, большимъ толстымъ носомъ, маленькими свѣтлыми глазами и давно нестриженными пасмами сѣдыхъ волосъ, торчавшими изъ-подъ котелка, представлялъ, повидимому, центральную фигуру въ группѣ. Не то чтобы въ немъ заискивали, но немножко за нимъ

ухаживали, и охотно выражали ему почтеніе. А онъ говорилъ съ слащавымъ московскимъ отѣнкомъ, явно выискивая отборныя, характерныя словечки, и ѣлъ неопратно, тыкая вилокъ и подхватывая языкомъ съ ножа.

Звали его Василиемъ Провичемъ Спѣсивцевымъ. Это былъ очень извѣстный московскій капиталистъ, глава какой-то партіи, ораторъ и мужъ совѣта. На немъ что-то покоилось, и къ нему принято было зачѣмъ-то обращаться. Онъ каждый годъ, раза два, пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ знакомъ съ сановниками и биржевыми тузами, и приглашался во всѣ тѣ коммисіи, труды которыхъ никогда не получали дальнѣйшаго хода. За границу онъ тоже частенько ѣздилъ, но зачѣмъ именно—трудно понять: все заграничное онъ рѣшительно осуждалъ, и находилъ, что даже климатъ въ Москвѣ лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ и теперь, глотая вмѣстѣ съ шампанскимъ удивительный воздухъ Ривьеры, это тончайшее сочетаніе горной чистоты и морской влажности, увѣрялъ, что въ Останкинѣ или Кунцевѣ дышется пріятнѣе.

— Серьезнѣе какъ-то у насъ климатъ,—говорилъ онъ.— Въ немъ, видите ли, и мягкость есть, и строгость. Нашъ воздухъ глотать, все равно, что материнское молоко пить.

— Отлично сказано! — подхватилъ съ одобрительнымъ смѣхомъ худощавый, съ выкрашенными въ черную краску усами господинъ, по фигурѣ котораго тотчасъ можно было узнать отставного генерала. — Мастерски выразился Василій Провичъ.

— А вѣдь это именно наши два народные элемента: мягкость и строгость,—вставилъ третій собесѣдникъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ круглымъ лицомъ не то барскаго, не то бюрократическаго типа, выражавшаго смѣсь тонкой дипломатичности съ напускнымъ благодушіемъ. Онъ уже доѣлъ послѣднее блюдо, и сидѣлъ въ полъ-оборота къ обществу, глаза на постороннюю публику и раскачивая къ себѣ и отъ себя палку съ серебрянымъ набалдашникомъ.—Да, да, мягкость и строгость—это два чудныя начала, лежація въ основѣ всего нашего устройства, семейнаго и общественнаго.

— Весь народный укладъ на нихъ держится,—подтвердилъ Василій Провичъ.— И климатъ у насъ тоже народный: мягкій и вмѣстѣ суровый.

... Что это, какія вы смѣшныя вещи говорите, — неожиданно вмѣшалась одна изъ двухъ сидѣвшихъ тутъ дамъ.—Вѣдь если такъ разсуждать, то береза у васъ окажется лучше пальмы, потому что напомнить вамъ строгую отеческую розгу.

— Береза? Да это первое дерево въ мірѣ! — воскликнулъ

Спѣсивцевъ. — Она даже и по красотѣ живописнѣе вашей пальмы.

— Вы торгуете березовыми дровами, что ли?—сказала дама, и засмѣялась, чтобы смягчить рѣзкость своей выходки.

Спѣсивцевъ въ душѣ обидѣлся, но не показалъ виду, и посмотрѣлъ на даму ласково-сострадательнымъ взглядомъ.

— Очень ужъ вы въ заграницамъ привыкли, — отвѣтилъ онъ.

— И не раскаиваюсь, — подтвердила дама, улыбнувшись красивыми, немножко крупными губами, съ замѣтнымъ темнымъ пушкомъ надъ ними и крошечной родинкой на уголкѣ рта.

Ее звали Еленой Дмитриевной Глыбовой. Мужъ ея, большой дѣлецъ, директоръ крупнаго промышленнаго предпріятія и миллионеръ, находился теперь въ Петербургѣ, и долженъ былъ пріѣхать за нею въ концѣ сезона. Она жила въ Ниццѣ съ девятилѣтней дочкой и гувернанткой, занимала прелестную маленькую виллу, и считалась одной изъ самыхъ элегантныхъ представительницъ русской колоніи. Ей было тридцать лѣтъ, но лицо ея сохраняло слѣды свѣжести, и вся она носила отпечатокъ той милой, влекущей прелести, какою обладаютъ только очень молодые женщины.

II.

Великолѣпнаго вида гарсонъ подаль ликеры и фрукты. Генералъ съ покрашенными усами смотрѣлъ на этого гарсона съ какою-то злобною насмѣшливостью, точно рѣшалъ въ умѣ: — „а что, еслибъ ему да вдругъ крѣпкое словцо загнуть?“

— Вотъ, полюбуйтеся, — обратился онъ ко всѣмъ вообще: — самая настоящая квинт-эссенція западной цивилизации. Кожа, у каналы, какъ у женщины тонкая, да розовая, усики какъ у гусарскаго корнета, фракъ, какой у насъ полтора ста рублей стоитъ, а вѣдь лакей, хамъ; бросьте ему два мѣдныхъ су, онъ въ жилетный карманъ спуститъ и „merci, monsieur!“ скажетъ; а попробуйте ему, напримѣръ, рожу горчицей смазать, такъ въ тюрьму васъ засадитъ. Правильно это, я васъ спрашиваю?

— Кто же лакеямъ рожу горчицей мажетъ? — возразилъ круглолицый господинъ, по фамиліи Толченевъ, директоръ и тайный совѣтникъ. Въ его голосѣ какъ бы даже безглагольность слышалась.

— Нѣтъ, я разсуждаю принципиально, — продолжалъ генералъ. — По-моему, если ты хамъ, такъ и держи себя хамомъ, и ситуаенское-то свое достоинство оставь. А то, изволите видѣть: на водку ему подай, а говори съ нимъ на *вы*. И добро бы въ

самомъ дѣлѣ честный гражданинъ быть, а то вѣдь дрянъ, жуликъ, въ душѣ ни Бога, ни совѣсти нѣтъ, всякія развратныя мерзости дѣлаетъ...

— Да почему вы знаете? — вскричала другая дама, очень недурненькая брюнетка небольшого роста, съ пухленькой, немного приподнятой верхней губой, придававшей, вмѣстѣ съ коротенькимъ носомъ, нѣсколько задорное выраженіе всему лицу.

Она только недавно вышла замужъ, и проводила въ Ниццѣ свой медовый мѣсяцъ. Ея мужъ, Эсперъ Петровичъ Варваровскій, тучный блондинъ лѣтъ сорока-пяти, совершавшій бойкую служебную карьеру подъ покровительствомъ своей воспитательницы княгини Троевѣровой, извѣстной ханжи и благотворительницы на чужія деньги, присутствовалъ тутъ же.

— Кто же этого не знаетъ? — возразилъ генералъ. — Вся Франція, въ сущности, вотъ изъ такихъ гарсоновъ состоитъ. Общее растлѣніе, вырожденіе; распутство какъ образъ жизни. Ни у кого ни Бога, ни чести въ душѣ нѣтъ. Поганые трусишки, крикуны, блажёры. Послушать ихъ — первая нація въ мірѣ; а поставь ихъ снова подъ прусскія пули — опакостятся хуже, чѣмъ въ тотъ разъ.

Молчавшій до тѣхъ поръ Варваровскій взглянулъ на жену и на Елену Дмитріевну, какъ бы желая убѣдиться, не смущены ли онѣ выраженіями генерала; но, не замѣтивъ на ихъ лицахъ ничего особеннаго, проговорилъ тономъ убѣжденія:

— Совсѣмъ пропащій народъ.

— Да ужъ чего лучше, когда они только и дышать стали съ тѣхъ поръ, какъ явилась надежда на военное заступничество Россіи, — продолжалъ генералъ. — Батюшки мои, какъ обрадовались! Только-что не говорятъ: спасите, молъ, насъ отъ нѣмцевъ, а мы въ это время будемъ паскудничать и подлая пансонетки пѣть. И вѣдь что противно: самомнѣніе при этомъ величайшее. Ну, если ты трусишка, чортъ съ тобой, полѣзай ко мнѣ за пазуху; такъ по крайней мѣрѣ знай, что ты прохвость, и поклонись мнѣ въ ножки. А они все еще себя первой націей въ мірѣ считаютъ. Мы ихъ отъ нѣмцевъ спасать должны, а скажи я вотъ этому самому гарсону по-русски: „подай счетъ, подлая твоя рожа!“ — такъ вѣдь онъ глаза выпучить, и не пойметъ ни слова.

Мужчины разсмѣялись.

— И хорошо, что не пойметъ, — замѣтилъ Толченновъ; — а то повели бы васъ, русскаго генерала, судиться съ гарсономъ у французскаго мирового.

— Да еще не у французскаго, а у монахскаго,—вставилъ, смѣясь, Спѣсивцевъ.

— Меня вотъ что удивляетъ, господа, — заговорила Елена Дмитриевна, натягивая перчатку на свою узкую, чуть-чуть загорѣвшую руку.—Когда французы относились къ намъ и ко всему русскому съ пренебреженіемъ и насмѣшкой, у насъ всѣ имъ поклонялись, и въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества прямо лакействовали передъ ними. А когда во Франціи отношеніе къ намъ измѣнилось, и они стали насъ цѣнить, и можетъ быть даже искать въ насъ, мы вдругъ пронились невѣроятнѣйшимъ презрѣніемъ ко всему французскому. Согласитесь, господа, что это вовсе не народная наша черта, и что въ этомъ нѣтъ ничего симпатичнаго.

— Позвольте, но вѣдь надо знать, почему они стали цѣнить насъ. Имъ наши два милліона штыковъ нужны, вотъ что-съ!—вступился за генерала Спѣсивцевъ.

— Это одно другому не мѣшаетъ; еслибы Германія намъ грозила, да еще вмѣстѣ съ Австріей или Англіей, такъ и намъ французскіе штыки пригодились бы, — защищалась Елена Дмитриевна.

— Обошлись бы, обошлись бы безъ нихъ! сами отъ всѣхъ отбились бы!—кричалъ генераль:—Съ нами воевать—не то, что съ культурными народами. Въ нашей непокрытой избѣ ничѣмъ не поживишься. У насъ грязь невылазная, да голь перекатная—намъ терять нечего.

— Ну, вотъ видите: сами же сознаетесь, что намъ терять нечего,—продолжала Глыбова.—А у нихъ въ каждый квадратный метръ земли сколько труда и капитала заложено. Не удивительно, что имъ есть за что тревожиться, и что война пугаетъ ихъ больше, чѣмъ насъ. Люди дорожатъ своими культурными благами, накопленными вѣками, а вы ихъ за это трусами считаете.

— Нѣтъ-съ, не то,—возразилъ Толченевъ, — а ужъ очень они избаловались, жизнь свою слишкомъ хорошо обстроили, оттого и рисковать ею не хочется. Въ этомъ всегда лежитъ начало паденія народовъ.

— Такъ, по вашему, для величія народа нужно, чтобъ онъ всегда въ непокрытыхъ избахъ жилъ? — вмѣшалась Катерина Павловна Варваровская.

— Нужно не нужно, а только такъ какъ-то серьезнѣе выходитъ, — отвѣтилъ Толченевъ съ маленькимъ, неизвѣстно къ чему относившимся смѣхомъ.

— Душу свою народъ сберегаетъ этакъ,—пояснилъ за него Спѣсивцевъ.

Елена Дмитріевна немножко прищурила на него свои большіе, продолговатые глаза и расхохоталась.

— Ахъ, Василій Провичъ, вы неподражаемы,—проговорила она всесело. — Теперь я понимаю, почему при вашихъ фабрикахъ не устроено ни одной порядочной школы: вы душу народную оберегаете.—Но мы засидѣлись, господа; не пора ли въ казино?

III.

Все общество направилось черезъ площадку, отдѣлявшую террасу ресторана отъ казино. Впереди шли обѣ дамы, съ Спѣсивцевымъ по одной сторонѣ и генераломъ по другой. Толченновъ, немного прихрамывавшій, держался съ Варваровскимъ позади.

— Какъ вы теперь себя чувствуете?—помогаетъ ли южный воздухъ?—освѣдомился у своего спутника Варваровскій.

— Помогаетъ, несомнѣнно помогаетъ,—отвѣтилъ тотъ.— Меня вѣдь чтó напугало: въ пальцахъ лѣвой ноги какой-то холодокъ сталъ ощущаться. Ни съ того, ни съ сего, вдругъ точно вѣтеркомъ подуетъ. И представьте, въ лѣвой рукѣ тоже самое: вотъ въ родѣ того, какъ на спиритическихъ сеансахъ бываетъ. Подуетъ, подуетъ, и перестанетъ.

— Вы думаете, это опасно?—спросилъ Варваровскій.

— Въ этихъ случаяхъ не надо думать, надо оберегать себя,—возразилъ Толченновъ.— Мнѣ, понимаете, было очень трудно уѣхать среди нашей законодательной сессіи. Моя просьба объ отпускѣ удивила князя. Но я сказалъ:—„Ваше сіятельство, съ тѣхъ поръ какъ Шарко умеръ, мы всѣ, отдающіе свой мозгъ высшимъ вопросамъ государственной политики, должны вдвое беречь себя“.

— Какъ? какъ? какъ вы сказали?—обернулась черезъ плечо Елена Дмитріевна.— Повторите, пожалуйста, вашу фразу.

— О, я знаю насмѣшливое направленіе вашего ума,—проговорилъ, слегка покраснѣвъ отъ досады, Толченновъ.—Но какова бы ни была моя фраза, важно то, что, благодаря ей, я имѣю удовольствіе гулять съ вами по Монте-Карло.

— Напрасно подозреваете мою насмѣшливость,—отвѣтила Елена Дмитріевна.—Ваши слова меня заинтересовали просто потому, что до сихъ поръ отъ меня ускользала связь между

высшей государственной политикой и... вашими консультаціями у Шарко.

— Знаю, знаю, что вашъ язычокъ острѣ всякой бритвы,— проговорилъ Толченевъ, преодолевая почувствованную обиду.— Но это не мѣшаетъ мнѣ оставаться вашимъ всегдашнимъ поклонникомъ.

Елена Дмитриевна улыбнулась ему черезъ плечо, одной стороной лица.

— Чѣмъ и доказывается, что умные люди умѣютъ понимать шутки,— сказала она.

— Амен!—произнесъ съ аффектаціей генераль.—Видите, и мы что-нибудь по-латыни знаемъ.

— Да это вовсе не латинское слово,—возразила Глыбова.

Генераль озадачился, но дамы уже взбѣгали по широкимъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ рулетки.

Залы казино были переполнены. Шумъ снующей вездѣ и впередъ толпы, гулъ разговоровъ на языкахъ всего міра, непрерывающійся звонъ сгребаемого и разбрасываемого золота, тяжелое звяканье серебряныхъ пяти-франковиковъ, пестрота дамскихъ туалетовъ, духота въ воздухѣ, пронизанномъ крѣпкою смѣсью духовъ и человѣческихъ дыханій—все это оглушало, раздражало, царапало нервы и ускоряло кровообращеніе. Чувствовалась какая-то нездоровая, вакхическая приность, замаскированная разнузданность оргіи, свободный культъ неназванного, жестокаго и властнаго бога, незримо торжествовавшего въ этомъ великолѣпномъ капищѣ.

А въ большія расписныя окна глядѣла дивная южная ночь, вся млѣющая въ своей ласковой свѣжести, слабо муршали по стекламъ острые концы пальмовыхъ листовъ и мерцали трепетнымъ бѣлымъ блескомъ далекія звѣзды. И эта чистота, эта прозрачность, это цѣломудренное мерцаніе ночи, ласково покрывшей капище своими холодѣющими тѣнями, какъ будто еще усиливали ощущеніе ядовитой приности, наполнявшее внутренность храма.

— Взгляните! взгляните!—говорилъ Спѣсивцевъ, идя на шагъ впереди всѣхъ и плавно вздымая руки.—Это зданіе, эти рельефы на стѣнахъ, эти плафоны, эта живопись—что это такое? для чего? во имя чего? Вѣдь это дворецъ, это музей. И какое назначеніе? Надъ чѣмъ трудилось искусство, вдохновеніе, знаніе? Чтобы создать игорный домъ, вертепъ! Вотъ эмблема современной цивилизаціи...

— Я же говорилъ! Развѣ я не говорилъ! — подхватывалъ генераль.

При входѣ во вторую залу Варваровскій окликнулъ всѣхъ:

— Господа, а развѣ мы не приостановимся отдать дань рулеткѣ? Mesdames, скажите мнѣ по вдохновенію нумеръ, чтобъ поставить en plein.

— Тринадцатый! я всегда на него ставлю! — откликнулась Глыбова.

— Отлично. На ваше счастье! — произнесъ Варваровскій, и подошелъ къ столу.

Остальные тоже подошли къ столу. Варваровскій бросилъ черезъ голову какого-то американца лундоръ и подвинулъ его лопаточкой на 13-й нумеръ. Шарикъ уже вертѣлся, зыкая и подпрыгивая.

— Rien ne va plus! — слышался окрикъ крупье.

— Zéro, — раздался черезъ секунду тотъ же голосъ.

— Погибла золотушка! — съ гримасой обратился ко всѣмъ Варваровскій. — А вы, господа, развѣ не рискнете?

Спѣсивцевъ досталъ портмоне, порылся и вытащилъ лундоръ, который у него не приняли сегодня въ двухъ магазинахъ.

— Я на красную поставлю, — сказалъ онъ, и осторожно, чтобъ не зазвенѣла, положилъ монету на сукно. Онъ зналъ, что по звону отличаютъ хорошія монеты отъ „нехорошихъ“.

— Trente-deux, rouge, pair et passe, — объявилъ крупье.

Спѣсивцевъ спокойно снялъ двѣ монеты и опустилъ ихъ въ карманъ.

Елена Дмитріевна поставила на 13-ый нумеръ и проиграла.

Толченовъ тоже что-то поставилъ и проигралъ. Варваровская, не захватившая съ собой денегъ, взяла у Глыбовой пятифранковку — у мужа она не хотѣла брать — и наобумъ, ничего не понимая въ игрѣ, положила монету на черту. Крупье выбросилъ на ея ставку 55 франковъ. Она вопросительно оглянулась на Елену Дмитріевну.

— Берите же, это ваши. Вы сдѣлали transversale de trois numéros, — объяснила та.

IV.

Заплативъ, такимъ образомъ, скромную дань рулеткѣ, общество соотечественниковъ отошло отъ стола и продолжало прогулку по заламъ.

При входѣ въ отдѣленіе trente-et-quarante, на встрѣчу имъ попался молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, средняго роста, съ очень пріятными чертами чисто русскаго лица. Темно-русые

волосы его были коротко острижены, отчего онъ казался еще моложавѣе. Веселые каріе глаза его какъ будто улыбались, добродушно и мягко. Яркія, пухлыя губы подѣ маленькими усиками не улыбались, но и отъ нихъ вѣяло тѣмъ же мягкимъ добродушіемъ; даже и въ овалѣ щекъ, немножко полныхъ, съ нѣжной, какъ у женщинъ, розоватостью, замѣчалось то же добродушіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ молодомъ человѣкѣ чувствовались и бойкость, и энергія, и большое русское „себѣ на умѣ“, и не-растратченное любопытство къ жизни.

Онъ шелъ довольно скоро, молодой, крѣпкой походкой, и безопасно поглядывалъ по сторонамъ, какъ человѣкъ, которому все равно, уйти ли сейчасъ отсюда, или встрѣтить знакомыхъ и остановиться съ ними. Онъ чуть не налетѣлъ на Елену Дмитріевну, но, узнавъ ее, тотчасъ радостно улыбнулся, при чемъ все лицо его немножко вспыхнуло, и въ бойкихъ зрачкахъ засвѣтился тотъ ласковый блескъ, которымъ, кажется, обладаютъ только русскіе глаза.

Онъ раскланялся, назвавъ Елену Дмитріевну по имени. Она какъ будто не сразу его узнала, прищурилась на него съ нѣкоторой осторожностью, но потомъ, припомнивъ, протянула ему руку и проговорила съ равнодушной привѣтливостью:

— Мосе Лаховъ? Давно ли вы въ этихъ мѣстахъ? Очень рада съ вами встрѣтиться.

Молодой человѣкъ, съ лица котораго еще не сбѣжала вызванная неожиданной встрѣчей краска, отвѣтилъ съ запинками конфузливаго молодого самолюбія, что пріѣхалъ вчера, остановился въ Ниццѣ, думаетъ прожить здѣсь съ мѣсяцъ, потому что „чуждое же мѣсто“, а собственно въ Монте-Карло сегодня въ первый разъ, и еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ любопытнымъ „заведеніемъ“.

Онъ, говоря, все время слегка посмѣивался, весело поводя глазами, и немножко точно пританцовывалъ на мѣстѣ, какъ дѣлаютъ молодые люди, не успѣвшіе овладѣть собою и желающіе скрыть это.

А Елена Дмитріевна, чтобъ ободрить его, старалась глядѣть на него какъ можно привѣтливѣе, и въ то же время припоминала все, что только могла о немъ припомнить. Но память под-сказывала очень немного. Она встрѣчала его мелькомъ въ Петербургѣ, онъ даже бывалъ у нихъ въ домѣ, на большихъ балахъ. Но это было совсѣмъ поверхностное знакомство, не выдѣлявшее Лахова изъ толпы, которую она принимала три-четыре раза въ годъ. Впрочемъ, однажды, кто-то обратилъ на него ея

вниманіе, и она пристально и проникающею оглядѣла его. Впечатлѣніе, кажется, было въ его пользу. И еще припомнила Елена Дмитріевна, что Лаховъ какъ будто былъ заинтересованъ ею, и иногда она ловила его втайнѣ устремленный на нее, любующійся взглядъ. Но это было такъ обыкновенно...

— Попробовали счастья?—спросила она.

— Проигралъ около ста франковъ,—отвѣтилъ Лаховъ такимъ тономъ, какъ будто это обстоятельство доставляло ему несказанное удовольствіе.

— И мнѣ сегодня не повезло. Впрочемъ, неудивительно: я ставлю только на 13-й нумеръ.

— Число демоническаго отъѣзда?—вопросительно произнесъ Лаховъ.

Елена Дмитріевна снисходительно улыбнулась.

— Вотъ кому сегодня везло,—кинула она на Катерину Павловну.—Вы не знакомы?

И она представила Лахова всему обществу. Разговоръ немногу завязался, и Елена Дмитріевна съ удовольствіемъ замѣтила, что Лаховъ разговариваетъ довольно свободно и неглупо, безъ самолюбивой застѣнчивости, которая была замѣтна въ немъ въ первую минуту. Очевидно, онъ только ея одной немножко стѣснялся, и это въ нѣкоторой степени даже нравилось ей.

При выходѣ изъ казино она повторила ему, что будетъ очень рада встрѣчаться съ нимъ въ Ниццѣ, и назвала свой отель. И почему-то сочла нужнымъ тотчасъ прибавить:

— Я здѣсь одна съ дочерью и ея гувернанткой, и приѣмать у меня, конечно, нѣтъ, но между пятью и семью часами я почти всегда дома.

V.

На другой день, какъ только Елена Дмитріевна со своей дочкой Лили и m-lle Бульянъ вошла въ городской скверъ, Лаховъ тотчасъ попался имъ на встрѣчу. Онъ былъ одѣтъ въ сѣреный костюмъ съ соломенной шляпой и имѣлъ такой же безпечно торопливый и радостный видъ, какъ и наканунѣ. Молодые ноги его пробѣжали уже всю Promenade des Anglais, и слегка загорѣлое лицо было влажно.

Они пошли рядомъ.

— Вы давно уже изъ Петербурга?—спросила Елена Дмитріевна.

— Мѣсяца два,—отвѣтилъ Лаховъ.—Я былъ на нашемъ

югѣ, потомъ изъ Екатеринослава проѣхалъ въ Вѣну, оттуда въ Италію, побывалъ въ Венеціи, въ Римѣ, въ Неаполѣ... Я въ первый разъ за границую, хочется побольше видѣть. Но здѣсь я проживу съ мѣсяцъ—тутъ мнѣ нравится. А потомъ въ Парижъ, въ Швейцарію, въ Берлинъ...

— Цѣлое путешествіе вокругъ свѣта!—отозвалась Глыбова.

Она вспомнила, что не знаетъ, кто такой, собственно, этотъ Лаховъ, и спросила:

— Вамъ дали такой продолжительный отпускъ?

— Нѣтъ, я не служу,—отвѣтилъ Лаховъ.—На югѣ я былъ по особому дѣлу, очень удачно его окончилъ, и такъ какъ получилъ сразу порядочныя деньги, то и предпринялъ эту заграничную поѣздку. А на мѣсто я поступлю уже по возвращеніи въ Петербургъ. Оно у меня въ виду.

— Но какая ваша специальность?

— Я инженеръ.

— А-а!—протянула Елена Дмитриевна. — Между нашими знакомыми много инженеровъ. Мой мужъ, по своимъ занятіямъ, постоянно имѣетъ дѣла съ ними.

Лаховъ назвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, бывавшихъ у нея въ домѣ. Елена Дмитриевна тоже напредила нѣсколько именъ. Среди короткихъ фразъ, которыми они обмѣнивались, она чувствовала на себѣ его кидаемые сбоку взгляды, обливавшіе то ея профиль, то затылокъ, то ея блиставшій свѣжестью утренній туалетъ. Не было никакого сомнѣнія, что молодой человѣкъ жадно любовался ею. Она ничего противъ этого не имѣла. Напротивъ, это неотступное любованье возбудило въ ней желаніе, въ свою очередь, рассмотреть его. На ходу это было неудобно, и она предложила сѣсть. Къ тому же, солнце блистало нестерпимо, и на покрытой серебристымъ налетомъ набережной было больно глазамъ. Они вернулись въ скверъ и сѣли на скамью.

Любующійся взглядъ Лахова перешелъ на дѣвочку. Лили была прелестный ребенокъ: хорошенькая, изящная, отлично воспитанная. Сходство съ матерью поразительное, но всѣ черты тоньше, и когда она не смѣялась, въ выраженіи лица проступала какая-то забавная серьезность.

— Совсѣмъ вашъ портретъ,—сказалъ Лаховъ.

Ему хотѣлось схватить ее и растормошить, но онъ не смѣлъ.

— Она и на отца похожа,—замѣтила Елена Дмитриевна.

Лицо Лахова выразило сомнѣніе. Онъ сталъ припоминать Глыбова, его мѣшковатую фигуру, коротенькій носъ, сосредоточенный взглядъ дѣловаго человѣка и большія, слегка выпя-

ченныя, губы,—и никакъ не могъ доискаться въ Лили сходства съ нимъ.

— Развѣ вотъ то, что у нея такое серьезное выраженіе,—сказалъ онъ.

Елена Дмитріевна, пока онъ занимался дѣвочкой, раза два внимательно оглянула его. У него, безспорно, была очень пріятная наружность. Немножко лишней простоты, немножко мало тѣхъ законченныхъ, выработанныхъ манеръ, какими обладаютъ свѣтскіе люди, но это его не портило. Напротивъ, такъ онъ выходилъ даже интереснѣе: получалось извѣстное впечатлѣніе свѣжести, чувствовалось отраженіе дѣловой, занятой жизни, серьезныхъ годовъ ученья. Главныя черты характера у него, очевидно, уже сложились.

— Кого изъ вашихъ товарищей по выпуску вы встрѣчали у насъ?—вдругъ спросила Елена Дмитріевна.

А спросила она потому, что ей хотѣлось такимъ способомъ узнать, сколько ему можетъ быть лѣтъ.

Лаховъ назвалъ нѣсколько фамилій. Елена Дмитріевна подсчитала въ умѣ и пришла къ заключенію, что ему еще нѣтъ тридцати. Это какъ будто слегка удивило ее.—„Я становлюсь старше молодыхъ мужчинъ“,—подумала она. И какое-то новое для нея чувство, не лишенное горечи, на минуту застлало ея глаза.

VI.

По широкой площадкѣ сквера непрерывно сновали гуляющіе, направляясь на набережную или съ набережной. На скамьѣ, подъ громадными листьями пальмы, было не жарко, даже свѣжо; не хотѣлось оставлять это мѣсто. Къ тому же, разговоръ, происходившій между Еленой Дмитріевной и Лаховымъ, интересовалъ обоихъ. Они осторожно выпрашивали и объясняли себѣ другъ друга.

— Вы, вѣроятно, весь день проводите въ прогулкахъ? Здѣсь такія прелестныя окрестности,—говорилъ Лаховъ.

— Я иногда хожу до изнеможенія,—отвѣтила Глыбова.— Видите тамъ на горѣ владбище? Я и туда пѣшкомъ ходила. Тамъ, между прочимъ, похороненъ Герценъ. Васъ не интересуетъ это?

— Надо будетъ взглянуть. Для нашего поколѣнія, впрочемъ, Герценъ—только имя. Мы ужъ отошли отъ этого, да и доставать его трудно. Развѣ вотъ за границей,—отозвался Лаховъ.

— И за границей не вездѣ найдете: не спрашиваютъ. Чѣмъ это объяснить? Развѣ нынѣшняя молодежь равнодушна къ идеямъ?

— Нѣтъ, не думаю. Но, видите, произошла нѣкоторая перестановка. Прежде занимались исключительно политическими идеями, а теперь больше интересуются нравственными вопросами, и даже подчиняютъ имъ все политическое.

— Да, Толстой! — произнесла неопредѣленнымъ тономъ Елена Дмитріевна.

— А вы не поклонница его?

— Его „второй манеры“? Нѣтъ, не поклонница. Я люблю жизнь, какъ она сложилась, обыкновенную культурную жизнь, хотя и могу пересчитать по пальцамъ всѣ ея такъ называемыя „язвы“; цѣню хорошо сдѣланный туалетъ, хорошаго повара, и съ удовольствіемъ читаю Мопассана и Жиба; а о смерти совѣтъ не люблю думать и не переносу никакого изувѣрства.

Лаховъ поглядѣлъ на нее, снялъ шляпу, и провелъ рукой по неостывшему еще лбу.

— Да, это все можно любить, то, чтѣ вы любите, — сказалъ онъ. — Но, тѣмъ не менѣе, идеи Толстого выше всего этого.

— Напротивъ, нѣкоторыя гораздо ниже. Напримѣръ, желаніе прекращенія рода человѣческаго. Ниже этой плоскости ничего выдумать нельзя.

Лаховъ опять взглянулъ на нее. — „Или она очень умна, или умѣетъ запоминать умныя вещи, которыя слышала“, — подумалъ онъ.

— Я, впрочемъ, не сказалъ, чтобы принадлежалъ къ послѣдователямъ Толстого, — увернулся онъ. — Но намъ всегда нравятся идеи, которыя въ разладѣ съ дѣйствительностью, хотя бы мы сами по уши погрязли въ этой дѣйствительности.

— Зачѣмъ же погрязать? Это только русская манера выражаться, — возразила Елена Дмитріевна. — Я увѣрена, напримѣръ, что мы съ вами вовсе не погрязли, хотя живемъ и будемъ жить какъ обыкновенные люди.

— Вы разсуждаете какъ молодая, красивая, избалованная женщина; и потому, конечно, вы тысячу разъ правы, — сказалъ Лаховъ.

— Вы хотите отдѣлаться комплиментомъ? — улыбнулась ему Елена Дмитріевна. — Хорошо, я согласна. И тѣмъ болѣе, что спорить вообще не стоитъ.

— Неужели не стоитъ?

— „Молодые, красивыя, избалованныя женщины“ развѣ

спорять? Онѣ разрѣшаютъ соглашаться съ ними, вотъ и все,— закончила Елена Дмитриевна съ маленькимъ смѣхомъ.

Лаховъ вдругъ покраснѣлъ. Ему показалось, что она немножко смѣется надъ нимъ, надъ его плоскимъ комплиментомъ. А ему ужаснѣе всего было бы думать, что она смѣется надъ нимъ. И вообще онъ былъ недоволенъ собою: во всемъ этомъ разговорѣ онъ былъ какъ-то меньше ея, и не сказалъ ничего умнаго, тогда какъ все, что она говорила, было очень тонко и отзывалось зрѣлостью, которой онъ не чувствовалъ въ себѣ, когда говорилъ съ нею.

И почему онъ разсѣлся тутъ, точно близкій знакомый? Можетъ быть, ей вовсе не занимательно цѣлый часъ проболтать съ нимъ, и она въ душѣ удивляется его безтактной навязчивости? Можетъ быть, у нея тутъ романъ есть, она ждетъ кого-нибудь, и только изъ деликатности не спѣшитъ отъ него отдѣлаться?

Эта мысль словно ужалила Лахова. Онъ быстро всталъ и раскланялся. Въ лицѣ Елены Дмитриевны выразилось нѣкоторое удивленіе, но она привѣтливо протянула ему руку и напомнила часы, когда бываетъ дома.

VII.

Лаховъ прошелъ еще разъ по набережной, завернулъ въ купальню и съ наслажденіемъ взялъ ванну изъ подогрѣтой морской воды. „Promenade des Anglais“, между тѣмъ, опустѣла: публика разошлась по отелямъ и ресторанамъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора была завтракать. Молодой человѣкъ вошелъ въ большую залу „London House“.

Тамъ, за столикомъ въ углу, онъ тотчасъ увидѣлъ почти все русское общество, съ которымъ познакомился вчера въ Монте-Карло. Катерина Павловна Варваровская предсѣдательствовала, ея мужъ распоряжался кулинарною частью, Спѣсивцевъ руководилъ разговоромъ, а Толченевъ пыжился, и хотя во всемъ ему поддакивалъ, но съ такою важностью, какъ будто изображалъ собою дипломата союзной державы.

— Что въ немъ хорошаго находятъ, въ этомъ тюрбо?—говорилъ Спѣсивцевъ, тыкая вилкой въ тарелку.—По моему, прѣснота какая-то. Ужъ такой рыбки, какъ наша осетрина или стерлядь, въ Европѣ не найдешь.

— Стерляжья уха, напримѣръ, какъ въ англійскомъ клубѣ,—подтвердилъ Толченевъ.

— Уху надо у насъ въ Москвѣ ѣсть: тамъ традиціи,—поправи́лъ Спѣсивцевъ.

— Не спорю, не спорю, но тѣмъ не менѣе тюрбо очень хорошо,—настаивалъ Варваровскій, заказывавшій завтракъ.

Лаховъ попросилъ позволенія сѣсть подлѣ Катерины Павловны. Онъ рассчитывалъ, что разговоръ неизбежно зайдетъ о Еленѣ Дмитриевнѣ, и надѣялся что-нибудь узнать о ней.

Катерина Павловна начала, впрочемъ, съ того, что сама спросила его, давно ли онъ знакомъ съ м-ше Глыбовой, и получивъ въ отвѣтъ, что это знакомство очень недавнее и очень отдаленное, выразила даже удивленіе.

— Вы такъ обрадовались этой встрѣчѣ, что я сочла васъ... немножко влюбленнымъ въ нашу красавицу, и даже подумала, что это не совсѣмъ случайная встрѣча! — сказала она съ маленькимъ лукавствомъ тоже молодой и интересной женщины.

— Не совсѣмъ случайная встрѣча?—переспросилъ Лаховъ, смущаясь этой неожиданной атакой уже зарождающейся сплетни.

— Что же было бы удивительнаго?—продолжала Варваровская.—Елена Дмитриевна обладаетъ всѣми данными, чтобъ возбуждать романическія чувства, а обстановка ея въ настоящую минуту сама по себѣ очень романическая. Она здѣсь безъ мужа, безъ родныхъ, съ однимъ ребенкомъ, въ наемной виллѣ, дѣлать ей нечего, приходится наполнять день прогулками, поѣздками въ окрестности, пикниками, ресторанами. Нельзя придумать болѣе удобнаго положенія.

Лахову не нравился этотъ тонъ разговора о Глыбовой.

— Мнѣ кажется, вы пересчитали именно тѣ условія, которыя неудобны въ положеніи молодой женщины,—сказалъ онъ съ отбѣнкомъ строгости.

Катерина Павловна посмотрѣла на него пытливо и чуть-чуть насмѣшливо.

— Я говорю съ точки зрѣнія человѣка, который вздумалъ бы за ней ухаживать. Съ точки зрѣнія опытнаго человѣка,—пояснила она.

— А вы сами не слишкомъ молоды, чтобъ судить съ этой точки зрѣнія? — вмѣшался Варваровскій, на апатичномъ лицѣ, котораго вдругъ проступило недовольное выраженіе.

Катерина Павловна посмотрѣла на него довольно высокомерно.

— У женщинъ ихъ маленькій умъ созрѣваетъ раньше мужского,—сказала она, и сейчасъ же обратясь къ Лахову, продолжала:—Знаете, очень трудно судить объ удобствахъ положенія

женщины, когда въ рѣшеніе задачи входитъ такая сомнительная величина, какъ мужъ. Вы знаете самого Глыбова, Николая Антоновича?

— Очень мало,—отвѣтилъ Лаховъ.

— Великолѣпный мужъ: умѣнье втерѣться въ свѣтъ, наживать милліоны, создать себѣ репутацію умнаго дѣльца, глубокаго знатока какой-то спеціальности... по эксплуатаціи чего-то, я не знаю. Но мнѣ всегда кажется, что за женою такого великолѣпнаго мужа, если она молода и хороша, непременно должны стремиться ухаживать. Все равно какъ за актрисой; это какъ-то само собой выходитъ,—пояснила Варваровская.

— Все дѣло, вѣроятно, въ томъ, какъ сама жена относится къ такому мужу,—сказалъ Лаховъ.

Катерина Павловна посмотрѣла на него еще болѣе насмѣшливо.

— Вы, если не ошибаюсь, тоже спеціалистъ, м-г Лаховъ?—произнесла она съ нѣкоторой выразительностью. — Я замѣчала, что у спеціалистовъ, у дѣльцовъ, всегда есть маленькій недостатокъ: они очень непроницательны, когда дѣло касается женщинъ.

Толченевъ вдругъ визгливо засмѣялся, а Спѣсивцевъ посмотрѣлъ на Варваровскую слегка умаслившимися глазами.

— Потому что женщины—это тоже спеціальность!—заявилъ Толченевъ.

— Доступная однимъ избраннымъ,—улыбнулась Катерина Павловна, и обвела всѣхъ, не исключая и мужа, своимъ насмѣшливымъ взглядомъ.

Лаховъ былъ немножко смущенъ. Онъ внутренно возставалъ противъ замѣчанія Варваровской. „Какая тамъ особенная проницательность нужна въ отношеніи женщинъ?—думалъ онъ.—Это ихъ свѣтскіе вертуны избаловали, у которыхъ мозги жиже бабьихъ. А нашего брата никакая бабенка не проведетъ, мы себѣ на умѣ“.

И онъ, выходя изъ ресторана, рѣшилъ поѣхать куда-нибудь подальше, въ горы. Онъ боялся, что если останется въ Ниццѣ, то его потянетъ сдѣлать визитъ Еленѣ Дмитриевнѣ, а ему не хотѣлось обнаружить слишкомъ много поспѣшности.

VIII.

Лаховъ обладалъ неутомимыми ногами. Онъ пошелъ въ гору, гдѣ расположено городское кладбище, осмотрѣлъ замѣчательные памятники, подивился порядку, полюбовался роскошными каету-

сами и, отдохнувъ на теплой, мшистой, какъ будто дышащей жизнью, надмогильной плитѣ, спустился въ городу, около желѣзно-дорожнаго мостика, перекинутого черезъ совершенно высохшую рѣчку, и, пробираясь опять по камнямъ и какимъ-то узенькимъ переулочкамъ, вошелъ въ ворота парка, принадлежащаго виллѣ, гдѣ скончался покойный цесаревичъ Николай Александровичъ.

Въ паркѣ никого не было. Лаховъ пошелъ на-обумъ по узкой, кривой аллеѣ, подымавшейся въ гору. Какія-то высокія, мелколиственные деревья бросали на красноватый щебень узорчатые тѣни. Безъ конца тянулись по сторонамъ узкія, пестрые цвѣточные грядки. Глубокая, пахучая тишь стояла въ воздухѣ.

Лаховъ, уже порядочно утомленный, дошелъ до небольшой часовни, внезапно сверкнувшей передъ нимъ своими бѣломраморными стѣнками. Сторожъ, въ отставномъ пѣхотномъ мундирѣ, бросился куда-то за ключами, потомъ пригласилъ его подняться по ступенькамъ и раскрылъ двери. Лаховъ вошелъ, осмотрѣлъ внутренность часовни, поклонился кресту изъ живыхъ цвѣтовъ—и, охваченный чувствомъ тихо волнующаго умиленія, вернулся въ паркъ.

Тамъ снова со всѣхъ сторонъ окружило его неоглядное, пахучее море южной растительности. Оно словно ласкалось къ его разгоряченному, влажному лицу. Высокіе, серебристые эвкалиптусы качали надъ нимъ еще обнаженными отъ листьевъ вѣтвями, пыльные кактусы протягивали къ нему свои израненныя, мясистыя колючки, розы съ лицемѣрною скромностью выглядывали изъ-за папоротниковъ, и кое-гдѣ, словно нарочно разставленные волонны, надменно выдѣлялись опутанныя зеленью вьющихся растений, неумирающія пальмы.

Лаховъ обрадовался, увидѣвъ скамью, и сѣлъ отдохнуть. Усталость навѣяла ему на душу блаженное, тихое смятеніе. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, но въ этомъ утомленіи было какое-то возбужденіе. Южная природа, такая нѣжная и ласковая здѣсь въ первое время весны, начинала одолевать его; онъ словно всѣмъ существомъ своимъ отдавался ей во власть.

Это ощущеніе неотразимо влекло за собою тревожныя, смутныя запросы желаній. Потребность чего-то нѣжнаго и чистаго, какъ этотъ прозрачный воздухъ, и страстнаго, какъ торжествующая буйная сила этой растительности, погружала его въ опьяненіе.

„Что это такое?“—спрашивалъ онъ себя, обмахивая шля-

пой разгоряченное лицо. — „Вѣдь это — потребность любви. Неужели мнѣ предстоитъ любить“?

И онъ задумчиво улыбался этой мысли. Она не пугала его, а только дразнила любопытство. Онъ относился къ ней съ той же трезвостью, какъ и ко всему на свѣтѣ. Любовь представлялась ему опытомъ, безъ котораго можно бы и обойтись, но который ничему не мѣшаетъ, и напротивъ, даже даетъ не лишнее наслоение къ накопляемой зрѣлости. Лишь бы не распуститься, не раскиснуть и не дойти до какихъ-нибудь глупостей. Но нѣтъ, глупостей онъ не надѣлаетъ. Онъ — серьезный, разсудительный и практичный реалистъ. До сихъ поръ эта любопытная штука, любовь, не встрѣчалась на его пути. Да ему и некогда было: онъ учился, и учился хорошо, „вплотную“, какъ онъ самъ выражался, а потомъ становился на ноги, прокладывая себѣ дорожку, тянулъ грузъ жизни изъ всѣхъ силъ, билъ прямо лбомъ, и достигъ того, что его замѣтили, выдѣлили, получили къ нему такое довѣріе, какъ будто онъ уже двадцать лѣтъ работалъ и отличался. Последнее дѣло на югѣ, въ донецкомъ бассейнѣ, удалось какъ нельзя лучше: онъ и нажилъ порядочно, и почувствовалъ, что его теперь ищутъ, что онъ поидетъ. И тогда, по возвращеніи въ Петербургъ, ему опять некогда будетъ заниматься такою штукой, какъ любовь. А вотъ теперь, когда онъ далъ себѣ отдыхъ — другое дѣло.

Онъ улыбался самъ себѣ, съ наслажденіемъ вытягивалъ ноги — и понемногу мысли его сосредоточились на Еленѣ Дмитриевнѣ. Ея изящный образъ словно вспыхнулъ передъ нимъ, какъ свѣтящееся пятно. Она ему нравилась, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Это онъ зналъ еще въ Петербургѣ, когда тайно и скромно любовался ея красотою. Но тамъ она являлась ему на недоступномъ разстояніи. Тамъ она была богатая, блестящая свѣтская женщина, всегда окруженная, занятая, соединенная тысячами нитей съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ еще не могъ предъявить никакихъ личныхъ правъ. Она проживала восемьдесятъ тысячъ въ годъ. Эта цифра подавляла Лахова.

Но здѣсь, безъ мужа, безъ своей петербургской обстановки, незанятая, можетъ быть втайнѣ скучающая, она представлялась ему гораздо ближе, проще, доступнѣе. И ея обращеніе съ перваго же разу было гораздо свободнѣе; она, разумѣется, сама сознавала, что въ Ниццѣ она должна быть другою, и Лаховъ долженъ быть для нея не тѣмъ, чѣмъ былъ въ Петербургѣ. И очень можетъ быть, что она также неотразимо и безсознательно отдается власти опьяняющей, торжествующей природы юга, и въ ней

встаютъ тѣ же самые тревожные и смутные запросы сердца и крови...

IX.

Лаховъ, наконецъ, поднялся со скамьи и пошелъ къ выходу. Но едва только онъ свернулъ съ аллеи, какъ увидѣлъ Елену Дмитриевну. Она сидѣла всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, совсѣмъ одна. Голова ея была отклонена назадъ, руки лежали на колѣняхъ. Черныя кружева, спускаясь съ широкихъ полей соломенной шляпы, бросали прозрачную тѣнь на ея красивый, нѣжный лобъ. Глаза равнодушно и разсѣянно смотрѣли прямо впередъ, рѣдко и слабо мигая. Она казалась утомленною.

Когда Лаховъ остановился передъ ней, приподнявъ шляпу, она слегка вздрогнула отъ неожиданности, даже поблѣднѣла, потомъ улыбнулась и протянула руку. И улыбнулись не одні только красиво и крупно очерченныя губы,—улыбнулись глаза и все лицо.

— Вы смотрѣли часовню цесаревича?—заговорила она. — Я часто сюда прихожу, я люблю этотъ садъ. Тутъ никто почти никогда не бываетъ, особенно въ нѣкоторыхъ уголкахъ, и тѣни очень много. Садитесь, мнѣ надоѣло быть одной. Или я не беру съ собой, когда ухожу надолго.

— Здѣсь, дѣйствительно, очень хорошо. Вамъ не будетъ не-пріятно, если намъ еще когда-нибудь случится здѣсь встрѣтиться?—спросилъ Лаховъ.—То-есть, я хочу сказать,—поправился онъ,—я не нарушу вашей привычки къ уединеннымъ прогулкамъ?

Елена Дмитриевна улыбнулась.

— Не ручаюсь,—отвѣтила она.—Иногда я люблю быть совершенно одна. Въ Петербургѣ я такъ мало пользуюсь этимъ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ слово тотчасъ отослать меня прогуляться, если я попадусь вамъ на глаза въ мечтательную минуту,—предложилъ Лаховъ.

— Хорошо,—согласилась Елена Дмитриевна.—Я вѣдь вообще не люблю стѣснять себя. Но мнѣ показалось, что вы вложили немножко ироніи въ слова: „въ мечтательную минуту“. Развѣ вамъ самому никогда не случается мечтать?

— Очень рѣдко,—отвѣтилъ Лаховъ.—Мечтать можно, когда нѣтъ на рукахъ никакого дѣла; а я рабочій человѣкъ.

— Мечтаютъ, мнѣ кажется, не отъ бездѣлья, а оттого, что человѣку дана эта способность,—возразила Елена Дмитриевна.—Животное не будетъ мечтать, хотя бы оставалось въ праздности.

— Можетъ быть, мы различно понимаемъ слово: мечтать,— сказалъ Лаховъ.— Я имѣлъ въ виду пустое фантазированье, не связанное съ дѣйствительной жизнью, или недостижимое при условіяхъ, въ какихъ находится мечтающее лицо. Женщины склонны именно къ такимъ мечтаніямъ, и я объясняю это, независимо отъ особенностей женской организаціи, еще тѣмъ, что женщины почти всегда праздны. Деревенская баба не станетъ мечтать.

На лицѣ Елены Дмитріевны выразилось маленькое недовольство.

— Вы сказали: „женщины склонны мечтать“ — такимъ тономъ, какъ будто это было доподлинно вамъ извѣстно,— прервала она его.— А между тѣмъ, вы просто слышали это, или читали. Настоящаго же знанія женщинъ и „особенностей женской организаціи“ у васъ никакого нѣтъ, да и быть не можетъ.

— То-есть, у меня нѣтъ большого собственнаго опыта? — подхватилъ нѣсколько задѣтый Лаховъ.— Но вѣдь не одинъ опытъ научаетъ. Мы оставались бы очень долго дѣтьми, или невѣждами, если бы доходили до всего собственнымъ опытомъ.

— Я заговорила объ этомъ потому, что у молодыхъ людей есть несносная привычка выставять себя знатоками женщинъ,— продолжала Елена Дмитріевна.— Начитаются кое-какихъ романовъ, наслушаются другъ отъ друга разныхъ пошлостей—и начинаютъ уже разсуждать отъ собственнаго я, словно мудрецы какіе-то. Я этого ужасно не люблю — слышите, м-г Лаховъ? Кстати: я не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Ипполитъ Михайловичъ.

— Такъ вотъ, Ипполитъ Михайловичъ, никогда не берите со мной этого тона, если хотите мнѣ нравиться. Но, можетъ быть, вы не хотите мнѣ нравиться?—добавила Елена Дмитріевна, и окинула его быстрымъ, улыбающимся взглядомъ, отъ котораго его точно обожгло...

— Боюсь, какъ бы это не оказалось „мечтаніемъ“ въ моемъ смыслѣ,—отвѣтилъ Лаховъ, чувствуя выступившую на лицѣ краску, и еще болѣе смущаясь оттого.

Еленѣ Дмитріевнѣ, напротивъ, его отвѣтъ показался находчивымъ. И его способность вдругъ покраснѣть тоже ей нравилась, потому что Лаховъ не казался застѣнчивымъ молодымъ человекомъ, склоннымъ конфузиться при другихъ обстоятельствахъ. Онъ стѣснялся только ея одной, и она ничего противъ этого не имѣла.

— Прекрасно, мы возвращаемся къ нашему разговору о „ме-

чтаніяхъ“, — сказала она. — Вы, кажется, сознались, что хотя рѣдко, но и вамъ также случается мечтать. Эти мечты, надо думать, совершенно противоположны женскимъ, то-есть не выходятъ изъ области практическаго, дѣловаго, можетъ быть даже матеріальнаго? Вы, точнѣе сказать, мечтаете объ удачахъ, о карьерѣ?

— Да, конечно, — подтвердилъ Лаховъ совершенно просто.

— Вы забываете воображеніемъ впередъ, видите себя на какомъ-нибудь выгодномъ мѣстѣ, съ крупнымъ окладомъ, съ процентнымъ вознагражденіемъ изъ прибылей...

— Какъ вы отлично знаете эти дѣла! — засмѣялся Лаховъ, предпочитая эту фразу прямому отвѣту.

— Какъ же мнѣ не знать: вѣдь мой мужъ дѣлецъ, я окружена дѣльцами, я въ Петербургѣ только и слышу разговоры о дѣлахъ, — отвѣтила Глыбова. — И по правдѣ, мнѣ не составило никакого труда догадаться о томъ, въ чемъ вы увидѣли мое знаніе дѣлъ. Но это очень обыкновенно, и даже, вѣжес, очень правильно. По крайней мѣрѣ, мнѣ показалось бы страннымъ, если бы вы вдругъ стали увѣрять меня, что совсѣмъ не думаете о карьерѣ, не гонитесь за дѣловыми или матеріальными удачами, и т. д. Мнѣ пришлось бы или не повѣрить вамъ, или пожалѣть о васъ, какъ о человѣкѣ, попавшемъ не на свою дорогу, не въ свои условія, и которому не предстоить ничего достигнуть. А о васъ я, напротивъ, думаю, что вы достигнете...

Лаховъ бросилъ на нее вопросительно-возбужденный взглядъ.

— Вы не собираетесь въ свою очередь иронизировать? — спросилъ онъ, улынувшись съ свойственнымъ ему выраженіемъ „себѣ на умѣ“.

— Нисколько. Я совсѣмъ не наивна, хорошо знаю цѣну богатства, и люблю мужчинъ, сильныхъ въ дѣловой сторонѣ жизни. Теперь и между молодежью уже есть такіе; я ихъ называю русскими американцами. Вы знаете князя Кренецкаго? Онъ двадцати-пяти лѣтъ уѣхалъ въ Америку, поступилъ тамъ на заводъ простымъ рабочимъ, изучилъ на практикѣ всю технику дѣла, потомъ былъ принятъ въ долю, разбогатѣлъ, перебрался въ Парижъ, сыгралъ тамъ на биржѣ на американскихъ бумагахъ, и теперь имѣетъ что-то около пяти милліоновъ. Мнѣ нравятся такіе люди, хотя ихъ милліоновъ мнѣ не нужно.

— Да, но для этого надо, чтобъ везло какъ князю Кренецкому, — сказалъ Лаховъ. — Мои мечты гораздо скромнѣе.

— А именно? Объясните мнѣ ваши планы, расскажите вообще о себѣ. Вѣдь я почти ничего не знаю. Рассказывайте, мнѣ очень любопытно.

X.

Она проговорила это такимъ простымъ, искреннимъ тономъ, на ея лицо набѣжала такая милая серьезность, что Лахову, въ свою очередь, захотѣлось заговорить съ ней о себѣ.

Онъ разсказалъ ей о своемъ отцѣ, профессорѣ механики, очень умномъ человѣкѣ, которому онъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ практическимъ взглядомъ на вещи и первыми серьезными запросами къ жизни. Мать, простая, но толковая женщина, отлично умѣла вести хозяйство, и приглядѣть за воспитаніемъ дѣтей тоже могла.

— Если правду сказать, въ семьѣ царствовали немножко мѣщанскія понятія, и я потомъ долженъ былъ перерабатывать ихъ въ себѣ, — пояснялъ Лаховъ. — Но на первыхъ порахъ эта мѣщанская трезвость и честность спасли меня отъ многихъ уклоненій въ нежелательную сторону. Въ горделивомъ плебействѣ есть свой прокъ: какое-нибудь дрянцо изъ меня не вышло бы.

— А дальше, когда вы студентомъ были, что вы дѣлали, что увлекало васъ? — допрашивала Елена Дмитриевна.

— Студентомъ я учился, — отвѣтилъ Лаховъ. — Во мнѣ рано сложилось убѣжденіе, что учиться надо много и хорошо, „вплотную“ (онъ улыбнулся этому своему институтскому выраженію). Съ этого надо начать, и тогда все остальное окажется въ половину легче. У меня, впрочемъ, уже были кое-какія заручки, черезъ отца. Да и съ товарищами я умѣлъ держать себя; они мнѣ гадости не сдѣлаютъ.

— Но ваши планы, ваша программа жизни? — торопила его Елена Дмитриевна.

— Планъ всего одинъ: трудъ, и результаты труда, — отвѣтилъ Лаховъ.

— Богатство? почести?

— Отъ богатства не откажусь, — усмѣхнулся Лаховъ; — а почести у насъ какія же? За зеленой подкладкой я не гонюсь. Извѣстность, авторитетъ — это другое дѣло. Показать себя во весь ростъ, приобрести вліяніе личности, а не чина — этимъ я могу увлекаться.

— Стало быть, на русско-американскій манеръ? Что жъ, прекрасно. Я буду рада слѣдить за вашими успѣхами, — сказала Елена Дмитриевна, и ея глаза съ какою-то значительностью остановились на немъ. Но она тотчасъ отвела ихъ, и стала смотрѣть прямо передъ собою.

— Все это прекрасно,—повторила она через минуту,—но это только внѣшняя оболочка жизни. Развѣ вы не интересуетесь ничѣмъ кромѣ своего дѣла, труда? Да это и не сходилось бы съ вашимъ планомъ; одинъ трудъ не можетъ создать личности. Нужна ширина общаго развитія.

Лаховъ пожалъ плечами.

— Это ужъ какъ окажется,—сказалъ онъ.—Жизнь иногда помогаетъ.

Елена Дмитриевна помолчала и пошевелила зонтикомъ, лежащимъ у ея колѣнъ. Потомъ вдругъ быстро, смѣло взглянула на Лахова.

— Ну, а женщина играетъ въ вашей программѣ какую-нибудь роль?—спросила она.

Лаховъ тоже на нее взглянулъ, и также смѣло.

— Для женщины въ моей программѣ оставлено пустое мѣсто,—отвѣтилъ онъ.

— И ни одна строка еще не вписана?

— Ни одна.

Елена Дмитриевна перестала на него смотрѣть. На губахъ ея появилась чуть примѣтная улыбка — задумчивая, какъ будто она улыбалась своимъ невысказаннымъ мыслямъ. Лахову почему-то необычайно понравилась эта улыбка.

— Я думаю, что когда женщина явится, она сама впишетъ то нужно въ оставленное для нея пустое мѣсто въ программѣ,—сказалъ онъ.

— А! вы не боитесь такихъ женщинъ!—проговорила какъ-то словно сквозь зубы Елена Дмитриевна.

— Нѣтъ, не боюсь...—отвѣтилъ Лаховъ, и опять взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Не пропадете?—проговорила тѣмъ же страннымъ, какъ бы стиснутымъ звукомъ Глыбова.

— Не пропаду!—отвѣтилъ Лаховъ.

Елена Дмитриевна поправила высунувшуюся изъ шляпы шпильку и раскрыла зонтикъ.

— Берегитесь, судьба не любитъ, чтобъ ей посылали вызовъ,—проговорила она.—Женщина явится!..

И она засмѣялась неполнымъ, красивымъ, задорнымъ смѣхомъ.

— А теперь проводите меня до коляски, — добавила она, вставая.

XI.

Солнце каждый день блистало ярче и теплѣе. Широкая панель набережной съ десяти часовъ утра наполнялась высокими англійскими миссъ въ однообразныхъ, точно форменныхъ платьяхъ, еще болѣе высокими англійскими молодыми людьми съ воротничками, туго подпиравшими ихъ широкіе, отмѣнно выбритые подбородки, и нашими соотечественниками. Между послѣдними выдавалась представительная фигура Спѣсивцева, въ длинномъ, московскаго покроя, синемъ пальто и резиновыхъ калошахъ. Эти калоши онъ, кажется, нарочно для того не снималъ, чтобъ показать недовѣріе къ южному климату. Онъ еще издали увидѣлъ Елену Дмитріевну съ дочкой и гувернанткой, и направился прямо къ ней, привѣтствуя ее тоже издалика своей слащаво-плутоватой улыбкой.

— А на васъ имѣются виды, да-съ,—заговорилъ онъ послѣ первыхъ любезностей.—Уповаемъ, что не откажете.

— Что такое?—безъ видимаго интереса спросила Глыбова.

Спѣсивцева, съ его дѣланною благоувѣтливостью, она не очень жаловала.

— Откушать съ нами нижайше просимъ. Приглашаю знакомыхъ соотечественниковъ вспомнить вмѣстѣ далекую родину,—объяснилъ Спѣсивцевъ.—Все извѣстныя вамъ лица. Да еще барыня одна изъ Москвы пріѣхала, Дарья Викуловна Шестухина, прекраснѣйшая особа, молодая и современная; вамъ будетъ интересно познакомиться. Мужъ въ Москвѣ большимъ дѣломъ ворушаетъ, и ради мужа она по тайности старой вѣры придерживается. Катерина Павловна уже изъявила согласіе. У Фавра, въ семь часовъ. Тамъ такая вторая зальца есть внизу, такъ вотъ въ ней и расположимся. А въ кабинетахъ у него, знаете, какъ-то не того: очень ужъ много безстыжихъ этихъ шмыгаетъ...

Еленѣ Дмитріевнѣ не особенно нравилось это приглашеніе; но съ Спѣсивцевымъ существовали „петербургскія“ отношенія, которыми нельзя было пренебрегать. Притомъ, и уединенная жизнь въ Ниццѣ начинала уже немножко наскучать ей. Она поблагодарила, и общала пріѣхать.

— Кстати, новость будете кушать, — продолжалъ Спѣсивцевъ:—маленькія лангусты аля-борделезъ. Фавръ самъ для меня придумалъ. Я къ нему все приставалъ, что хочу раковъ; да гдѣ-жъ у нихъ тутъ раки, у голопнятыхъ этихъ? Такъ вотъ-съ, онъ для меня и придумалъ: подамъ, говорить, вамъ такихъ маленькихъ

лангусть, что чуть-чуть побольше рава и сочнѣе. Находчивый бродяга.

„Бродягами“ Спѣсивцевъ звалъ вообще всѣхъ иноплеменниковъ.

„А Лаховъ будетъ“?—мелькнуло въ умѣ Елены Дмитріевны, но она не спросила. А Спѣсивцевъ пошелъ дальше, оглядываясь на нее и продолжая откланиваться. Съ этимъ откланиваньемъ и своими резиновыми калошами, онъ очень походилъ на сидѣльца изъ „теплыхъ рядовъ“.

Спустя минуту, къ Еленѣ Дмитріевнѣ подѣла Варваровская. Она была одна и имѣла какъ будто разстроенный видъ.

— Что такое съ вами?—спросила Глыбова.

— Съ мужемъ скандалила,—отвѣтила та.

Она съ Глыбовой вообще держала себя откровенно, и явно добивалась того же и отъ нея. Но Елена Дмитріевна никогда не поддавалась.

— Вы счастливица, сколько времени здѣсь однѣ живете, а мой таскается за мной слѣдомъ,—продолжала Варваровская. — Но я ему прямо сказала, что видѣть его не могу.

— И что же?

— Позеленѣлъ весь, зашипѣлъ, да еще вздумалъ меня пугать—чемоданъ свой сталъ укладывать. А я стала передъ зеркаломъ шляпу надѣвать. Тогда онъ вдругъ на колѣняхъ началъ ползать, руки мнѣ цѣловать. Ну, я простила, только запретила со мной идти.

Елена Дмитріевна глядѣла на нее и усмѣхалась.

— Что же такое вы простили?—не поняла она.

— Ахъ, душечка, простила, что изъ-за него разстроила себя.

— Вы совсѣмъ не любите его? — спросила Глыбова уже серьезно.

Катерина Павловна въ свою очередь разсмѣялась.

— Вотъ тоже вопросъ!—фырнула она.—Нѣтъ, вы иногда просто удивительны бываете. Люблю ли я Эспера Петровича... это только вы способны спросить!

И она продолжала смѣяться, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нелѣпость вопроса безконечно забавляла ее.

Елена Дмитріевна пожала плечами.

— Зачѣмъ же вы выходили замужъ?—спросила она.

— Зачѣмъ! Затѣмъ, что надо же было за кого-нибудь выйти,—объяснила Варваровская.—И притомъ, до свадьбы онъ не былъ такой противный. И еще ревнивый, подумайте!

— Но во всякомъ случаѣ вы должны заѣхать вмѣстѣ съ нимъ за мною, чтобы отправиться на обѣдъ,—напомнила Глыбова.

— Ахъ, кабы можно было безъ него! Что это, право, даже и за границей намъ никакой свободы нѣтъ!—пожаловалась Варваровская, но тѣмъ не менѣе общала заѣхать.

XII.

Обѣдъ соотечественниковъ вышелъ даже парадень. Дамы надѣли элегантные туалеты, мужчины явились въ смокингахъ, а самъ Спѣсивцевъ даже во фракѣ. По столу были разбросаны живые цвѣты, подлѣ дамскихъ приборовъ лежали букеты. Но параднѣ всѣхъ казалась Дарья Викуловна Шестухина. Ея платье на половину состояло изъ какой-то необычайно плотной золотистой матеріи, похожей на парчу, на головѣ была шляпа величиною съ дождевой зонтикъ, а въ ушахъ и на груди сверкали такіе брилліанты, что даже гарсоны разсматривали ихъ съ нѣкоторымъ остолебѣніемъ.

Собою Шестухина была и молода, и недурна, но уже слишкомъ отличалась здоровьемъ и чрезмѣрною подвижностью. Она точно сразу хотѣла показать каждому, что хотя и придерживается старой вѣры, но во всемъ остальномъ усвоила себѣ самый современный образъ мыслей, и воспитанія самаго усовершенствованнаго.

Лаховъ оказался тоже въ числѣ приглашенныхъ. Его посадили между Еленой Дмитріевной и Шестухиной. Послѣдняя не обратила, впрочемъ, на него никакого вниманія: она вообще не интересовалась неизвѣстными молодыми людьми. Ея сочувствіемъ пользовались сыновья московскихъ архи-милліонеровъ, если они сумаспешествовали въ отдѣльных кабинетахъ съ цыганами, и еще тѣ петербургскіе юноши, которые изрѣдка проносятся по московскимъ улицамъ въ золоченыхъ каскахъ съ орлами.

Гастрономической частью завѣдывалъ самъ Фавръ, и началъ со своей знаменитой „petite marmite“, къ которой овощи и поджаренный хлѣбъ у него подаются отдѣльно. Затѣмъ дошло дѣло до лангусть аля-борделезъ, вызвавшихъ восторженное настроеніе въ Толченовѣ.

— Вотъ это я понимаю! вотъ насчетъ этихъ морскихъ гадовъ они мастера!—вослициалъ онъ, щелкая и хрустя скорлупою.

Дамы тоже одобряли. Но Спѣсивцевъ желалъ взглянуть съ философской точки зрѣнія.

— А все-таки, — ухмыльнулся онъ, — хотя и не совсѣмъ кстати напоминать объ этомъ за трапезой, но нельзя забыть, что не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ.

— И не о лангуствѣ тѣмъ болѣе, — подхватилъ со злобной ужимочкой генераль Усоповъ, тотъ самый, котораго возмущала благообразность заграничныхъ вельнеровъ. — А вотъ того-съ, тѣмъ живутъ люди, у нихъ нѣтъ. И они сами это чувствуютъ, и изнываютъ.

Лаховъ, совсѣмъ не привыкшій къ такимъ разговорамъ, недоумѣвалъ, и наивно спросилъ:

— Кто это изнываетъ?

— Европа-съ, вотъ кто! — выкрикнулъ генераль.

— Какъ изнываетъ? почему изнываетъ? — не понималъ Лаховъ.

— Изнываетъ душою, потому что душа скорбитъ объ утраченной правдѣ и чистотѣ, — съ снисходительной важностью пояснилъ Спѣсивцевъ, слегка склоняя голову въ сторону Лахова.

— Европейское человѣчество объято міровою скорбью, оно разлагается въ культурномъ перегноѣ, — выпалилъ генераль.

— Отчего же оно объято скорбью? — удивилась м-ше Шестухина; — мнѣ кажется, здѣсь людямъ превесело живетъ.

— Повидимому-съ, только повидимому, а на дѣлѣ не такъ, — утверждалъ генераль, чувствовавшій себя сегодня особенно плотно заряженнымъ, потому что только-что прочелъ присланную ему изъ Петербурга брошюру, подъ заглавіемъ: „Будущее міра, съ точки зрѣнія убѣжденнаго русскаго человѣка“. — Да-съ, весь европейскій міръ подгнилъ, и его ждетъ неминуемое рушеніе. Западная цивилизація сказала свое послѣднее слово.

— Вамъ-то кто сказалъ это? — возразилъ Лаховъ. — Откуда вы взяли это? Цивилизація каждый день новое слово говорить, а вы ручаетесь, что она больше ничего не можетъ сказать.

— Да-съ, фонографы она изобрѣтаетъ, или летательные аппараты, это правда, — вмѣшался Спѣсивцевъ. — Не сомнѣваюсь, дойдутъ до того, что будемъ летать по воздуху.

— А это развѣ пустяки? — обратился къ нему Лаховъ.

— Сущіе пустяки, потому что останется та же пустота и скудость жизни, то же неудовлетворенное алканіе души, — отвѣтилъ ему Спѣсивцевъ уже совсѣмъ проповѣдническимъ тономъ.

— Это похоже на умозаключеніе портного въ разсказѣ Горбунова, который тоже находилъ, что „отъ хорошей жизни не полетишь“, — сказалъ Лаховъ.

Всѣ, кромѣ Спѣсивцева и генерала Усопова, разсмѣялись.

— Что до меня, то я первая полечу, если изобрѣтутъ

летательную машину, — объявила Шестухина, и обвела всѣхъ такимъ легкомысленнымъ взглядомъ, какъ будто уже летѣла по воздуху.

Спѣсивцевъ потупился: выхода Дарьи Викуловны, представительницы московскаго „уклада“, смутила его. Толченовъ, напротивъ, захопалъ въ ладоши и воскликнулъ:

— Bravo! Узнаю въ васъ русскую женщину, которая всегда смѣлѣе всѣхъ и впереди всѣхъ!

— Хотя одинъ любезный человѣкъ нашелся! — отвѣтила ему за присутствовавшихъ дамъ Катерина Павловна Варваровская.

— Такъ, такъ-съ, — съ унылою благоувѣтливостью произнесъ Спѣсивцевъ: — а все-таки этотъ мануфактурный, такъ сказать, прогрессъ не оживитъ человѣчества. Изжилося оно, передряхлѣло; гробомъ повапленнымъ пахнетъ, хотя и изукрашено наружно.

— Вотъ что надо понять! — подхватилъ генералъ, и почему-то навелъ въ упоръ на Лахова свои желтые зрачки.

XIII.

Лахова этотъ разговоръ начиналъ интересовать. Все, что онъ слышалъ, попадалось ему въ русскихъ газетахъ и журналахъ, но встрѣчаться съ образованными людьми, насосавшимися этихъ взглядовъ, ему еще не случалось. Среди заводскихъ рабочихъ онъ иногда замѣчалъ какую-то утробную враждебность ко всему нерусскому и тупо-смѣшливое отношеніе къ культурнымъ привычкамъ иностранцевъ; но тамъ онъ это явленіе такъ и рассматривалъ, какъ утробное, объясняемое народною темнотою. А тутъ сошлись люди, достаточно вѣкусившіе отъ плодовъ цивилизаціи, и какъ будто нарочно, словно норовистая лошадь, пятащіеся въ эту самую темноту народную. Это представлялось ему безвкуснымъ ломаньемъ, особаго рода самодурствомъ, заманчивости котораго онъ не постигалъ.

Онъ оглянулся на присутствовавшихъ, и замѣтилъ, что ихъ взгляды обращены на него. Ему показалось, что на лицѣ Елены Дмитріевны онъ тоже прочелъ выраженіе заинтересованнаго ожиданія.

— При всемъ моемъ желаніи, не могу васъ понять, — обратился онъ къ Спѣсивцеву, минуя генерала. — Почему человѣчество изжилося, передряхлѣло? Потому что оно научилось высоко цѣнить матеріальное благо? Но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ оно направляетъ усилія къ тому, чтобы этими благами могла какъ можно

больше пользоваться масса. Объ этомъ только теперь заговорили, и уже это одно свидѣтельствуеъ о томъ, насколько современная цивилизація выше, свѣжѣе, гуманнѣе цивилизаціи прежнихъ поколѣній.

— Все это больше ничего, какъ вынужденная уступка социализму,—отозвался съ нѣсколько высокомерной гримасой Спѣсивцевъ.—Это капитуляція буржуазіи передъ напоромъ четвертаго сословія. Она испортила народъ, раздражила въ немъ развратные аппетиты, и теперь сама боится его.

— Наше спасеніе только на Востока, потому что тамъ колыбель человѣчества!—вдругъ выпалилъ Усуповъ.

— Восточная культура неизмѣримо выше европейской,—подтвердилъ Спѣсивцевъ.—Она умѣетъ экономить силы народовъ, тратить ихъ понемногу. Подъ вліяніемъ западной культуры народъ горитъ какъ фейерверкъ; а на Востока онъ тихо теплится цѣлыя тысячелѣтія.

— Въ такомъ случаѣ природа дурно распорядилась, допуская человека расти и выльзаться изъ колыбели,—сказалъ Лаховъ.—Если вы радуетесь, что ребенокъ растетъ, то почему же вы хотите, чтобы цѣлое человечество оставалось въ младенчествѣ?

— Потому что такимъ образомъ оно сохранитъ свои жизненные силы,—настаивалъ Спѣсивцевъ.

— Да ихъ пока вовсе не видно у восточныхъ народовъ,—возразилъ Лаховъ;—онѣ обнаружатся только тогда, когда эти народы примутъ европейскую цивилизацію. Такъ было съ Россіей, и то же самое мы видимъ теперь въ Японіи.

— Да-съ, съ европейской точки зрѣнія какъ будто такъ выходитъ; но попробуйте окунуться въ глубину народнаго русскаго духа, и вы увидите, что этотъ духъ всецѣло принадлежитъ восточной культурѣ,—продолжалъ Спѣсивцевъ.—Вопреки петербургскимъ усиліямъ разрушить духовный идеалъ русскаго народа, наше крестьянство сохранило его. Востокъ близокъ нашему духу, нашъ народъ не разорвалъ своей таинственной связи съ колыбелью. Въ этомъ вся наша сила, наша жизненность.

Лаховъ пожалъ плечами.

— Можно вѣдь говорить что угодно,—сказалъ онъ:—это искусство такъ усовершенствовалось, что самую очевидную несообразность теперь умѣютъ высказать такимъ образомъ, будто въ ней какой-то очень хитрый смыслъ заключается. А когда смысла уже явно нѣтъ, тогда „духъ“ является. Люди начинаютъ кликушествовать, вопить хлыстовское: „накатись! накатись“! Это уже не смѣшно, а жалко.

— Вотъ это вѣрно!—одобрительно воскликнула Шестухина, понявшая только, что Лаховъ былъ противъ хлыстовъ. А она хлыстовъ не любила, по своимъ московскимъ отношеніямъ.

Усоповъ собирался захрипѣть, но Спѣсивцевъ остановилъ его плавнымъ движеніемъ руки, и произнесъ съ примирительной усмѣшкой:

— Вотъ вы хорошо сказали, что смыслъ бываетъ хитрый. Такъ и въ отношеніи русскаго духа: постигнуть его не сразу можно. Запечатлѣвъ онъ семью печатями, да-съ.

Лахову всѣ эти ужимки, наконецъ, стали забавными казаться.

— Знаете, это напоминаетъ мнѣ „Сумасшедшій домъ“ Воейкова, гдѣ про Сергѣя Глинку сказано:

Номеръ третій: на лежанкѣ

Истый Глинка возсѣдять.

Передъ нимъ „духъ русскій“ въ стѣланкѣ

Неоткупоренъ стоитъ.

Дамы разсмѣялись; даже Толченевъ слегка осклабился, но тотчасъ принялъ серьезный видъ. Спѣсивцевъ, страшно озлобленный, склонилъ голову нѣсколько вбокъ и посмотрѣлъ на Лахова мстительнымъ и давящимъ взглядомъ, отъ котораго въ Москвѣ тряслись поджилки у его приказчиковъ.

— Такъ неоткупоренъ-съ? неоткупоренъ стоитъ?—протянулъ онъ значительно, и даже постучалъ ножомъ по тарелкѣ.

— Полагаю, что русскій народъ еще не выразилъ своего духа,—спокойно отвѣтилъ Лаховъ.—До него не дошла очередь; онъ выскажется только со временемъ, когда выйдетъ изъ своей тысячелѣтней одичалости.

— Господа, велите лучше откупорить стѣланку съ шампанскимъ!—произнесла своимъ весело-задорнымъ тономъ Шестухина.

Елена Дмитріевна протянула Лахову подъ столомъ руку, и крѣпко, дружески отвѣтила на его пожатіе. Онъ быстро взглянулъ на нее, и ему показалось, что глаза ея выражаютъ больше, чѣмъ простое согласіе съ его мнѣніемъ... Его сердце внезапно и радостно вздрогнуло.

XIV.

Елена Дмитріевна вернулась къ себѣ въ состояніи нервной усталости и вмѣстѣ возбужденности. Длинный обѣдъ съ неуѣстнымъ, тяжелымъ споромъ утомилъ ее; въ виски немножко ударило отъ шума и выпитаго вина. Но всѣ эти ощущенія были

какъ будто пріятны и ей не хотѣлось сейчасъ же съ ними разстаться.

Она прошла на террасу, взглянула, какъ маленькая Лили укачивала въ гамакѣ свою любимую, совсѣмъ простую, картонную куклу Мареушку, и сказала m-me Бульянъ, что дѣвочкѣ пора спать. Потомъ вернулась въ спальную и переодѣлась въ свой утренній халатикъ, теплый и легкій, изъ какой-то сине-зеленой мягкой полковой матеріи. Густая масса кружевъ пріятно охватила ее обнаженные шею и грудь...

Горничная, привезенная съ собой изъ Петербурга, внесла лампу и поставила на круглый столикъ. На этомъ же столикѣ лежали русскія газеты и письмо подъ русской маркой. Елена Дмитріевна присѣла въ низенькое кресло и безъ всякой поспѣшности стала разрывать конвертъ: она узнала руку мужа. Въ шутиливо-дружескомъ, дѣланномъ тонѣ мужъ сообщалъ, что живъ и здоровъ, жаловался на обремененіе дѣлами и передавалъ совсѣмъ неинтересныя петербургскія новости. Чувствовалось, что ему нечего сказать и нечѣмъ подѣлиться; поэтому онъ пускался въ иронизированіе, создавалъ поддѣльный тонъ безпритязательной болтовни, какое-то подражаніе юмору сатирическихъ журналичковъ. Выходило плоско, неостроумно, и явная ненужность всего этого была въ глаза.

Въ концѣ письма стояли слѣдующія строки: „Не встрѣчала ли ты въ Ниццѣ, или въ Монте-Карло (какъ видишь, я допускаю, что ты бываешь ради любопытства и тамъ, и соизволяю)—нѣкоего инженера Лахова, который, кажется, бываетъ у насъ въ домѣ? Если онъ еще вертится по вашей Ривьерѣ, постарайся пожалуйста разглядѣть, что это за человѣчекъ такой? Здѣсь о немъ говорятъ какъ о юношѣ съ большими способностями и чрезвычайной дѣловитостью. Онъ уже заявилъ себя, и ему прочать видное мѣсто въ одномъ изъ солиднѣйшихъ акціонерныхъ учрежденій. Вотъ почему мнѣ важно было бы узнать, что это за гусь такой. Ты же большая мастерица разглядывать людей сразу, да къ тому же русскій человѣкъ нигдѣ такъ себя не показываетъ, какъ за границею, гдѣ считаетъ себя внѣ всякаго наблюденія. А тутъ, ничего не подозревая, онъ и попадетъ подъ твое проницательное соглядатайство. Въ особенности важно было бы знать, какъ онъ относится къ знаменитому казино. Это отличный оселокъ для распознаванія ословъ и не-ословъ (кажется, игра словъ вышла?). Если удастся произвести наблюденія, отпиши мнѣ, не ожидая моего пріѣзда за тобой“.

Все письмо мужа, своимъ плоскимъ тономъ, произвело на

Елену Дмитріевну непріятное впечатлѣніе. Конечно, она хорошо знала своего Николая Антоновича, его ограниченную дѣловитость, натасканную образованность и проникавшую все существо его благоприличную пошловатость. Но пошлость, попавшая на бумагу, становится вдвое выразительнѣе. Притомъ, въ этой дѣланной шутливости—„козлиной“, какъ она мысленно выражалась—ей чувствовалось самодовольство мужа-холостяка, пріятно наслаждающагося удобствами петербургской жизни за нѣсколько тысячъ верстъ отъ семьи. И ей живо представилась коротенькая, точно растопыренная фигурка Николая Антоновича, возвращающагося поздно ночью домой, съ покосившимся подъ жиденькой бородкой галстучкомъ и съ сильнымъ запахомъ выпитаго вина и какихъ-то крѣпкихъ духовъ, какими душатся только французскія полу-актрисы. Она разъ, какъ сквозь сонъ, видѣла его такимъ, когда онъ передъ утромъ вошелъ въ ея спальную и что-то съ шумомъ уронилъ со столика; одинъ только разъ, это правда, но впечатлѣніе той ночи у нея никогда не изглаживалось.

Всего непріятнѣе подѣйствовали на Елену Дмитріевну послѣднія строки письма. Отъ нея требовали какого-то соглядатайства, шпионства, не заботясь даже скрыть некрасивую форму дѣла. Ее втягивали въ совершенно чуждые ей интересы, причемъ она должна была отнестись къ Лахову, какъ къ безличной единицѣ, на которую готова была обратиться захватывающая шестерня эксплуатаціи, управляемой ея мужемъ и его биржевыми и финансовыми друзьями. Конечно, она ничего этого не сдѣлаетъ.

Но это было мимолетное впечатлѣніе, скоро уступившее мѣсто другому. Она приблизила къ лампѣ послѣднюю страницу письма, и медленно, словно наслаждаясь чѣмъ-то, перечла тѣ строки, гдѣ говорилось о замѣчательныхъ способностяхъ Лахова и ожидающемъ его видномъ мѣстѣ. И вдругъ она вся вспыхнула какимъ-то страннымъ, сложнымъ возбужденіемъ. Ей и радостно было, точно дѣло касалось ея собственнаго успѣха, и какая-то смутная тоска, накинъ взволнованнаго эгоистическаго чувства, съ болью давила на сердце. „Способности, умъ, молодая дѣловитая энергія, всѣ шансы успѣха и карьеры, все у него есть, и все это онъ пуститъ въ дѣло“, — думала она, зажавъ ладонями глаза и поставивъ локти на столъ. — „А какое мнѣ дѣло до этого? Чтѣ онъ мнѣ? Развѣ я не жена Николая Антоновича Глыбова, тайнаго совѣтника, капиталиста и предсѣдателя десяти правленій“?

„Ну и что же изъ того, что я жена Николая Антоновича Глыбова?—спрашивала она себя черезъ минуту.—Мой мужъ не можетъ на меня пожаловаться; я именно такая жена, какая ему нужна. Но любить его я не могу, и онъ это знаетъ. А за эти десять лѣтъ брака я выкупила свою свободу, свое право любить“...

XV.

Прошло съ полчаса, а Елена Дмитриевна все еще находилась во власти охватившаго ее возбужденія. Въ виски по прежнему стучало, въ нервахъ чувствовалось странное, почти пріятное изнеможеніе. А мысли бѣгали въ умѣ раздражающія, дразнящія, полныя горечи и какого-то порыванія, то негодующаго, то вдругъ пронизаннаго жгучимъ ощущеніемъ ласки.

Она, наконецъ, встала, вынула изъ шифоньерки большую кружевную шаль, накинула ее на голову, тихо прошла черезъ пустыя комнаты и вышла на террасу.

Вечеръ уже смѣнился ночью. Блѣдно-синее, прозрачное небо свѣтилось сквозь безлистные верхушки эвкалиптусовъ и широкія лопасти пальмъ. Въ неподвижномъ воздухѣ еще стылъ лѣтній зной, и широкими волнами расплывался запахъ цвѣтовъ. Слухъ едва улавливалъ неясный шумъ успокоившагося города, вмѣстѣ съ далекимъ шорохомъ морского прибоя. Гдѣ-то мигали огоньки, догорала засыпающая жизнь. Въ саду, окружающемъ виллу, тѣни густѣли внизу, тогда какъ выше, по купамъ зелени, бродилъ серебристый блескъ, должно быть отъ только-что всходившаго мѣсяца.

Елена Дмитриевна облокотилась о чугунную рѣшетку и опустила голову. Мысли ея продолжали бѣгать, привязанныя къ одному центру. Въ этомъ центрѣ стояла она сама, со своей блестяще и пусто сложившейся жизнью. Раньше она эту пустоту только сознавала, но не тяготилась ею; теперь начинала тяготиться. Ей уже тридцать лѣтъ. Рука времени снисходительна къ ней, ея красота еще не пострадала. Эта чуть пробивающаяся желтизна кожи, эти тѣни около глазъ нисколько не вредятъ ей. Еще лѣтъ пять она будетъ красива, еще лѣтъ десять мужчины будутъ смотрѣть на нее заинтересованными, допрашивающими глазами. Но жизнь уже надломилась въ ней кое-что, нарушила эгоистическую уравновѣшенность молодой, избалованной женщины, и создала новые запросы. Не внѣшняя пустота жизни тяготила и пугала ее; съ этимъ она примирилась бы. Блистать,

наслаждаться роскошью, наполнять дни пустыми, условными обязанностями—къ этому она привыкла, съ этимъ сжилась. Но что-нибудь должно озарять эту обстановку, эту оболочку. Въ сердцѣ пробуждался поздній и опасный голодъ.

Это новое ощущеніе и томило, и пугало, и какъ будто радовало Елену Дмитриевну. И въ особенности въ послѣдній годъ, и всего больше здѣсь, въ Ниццѣ, на этомъ завораживающемъ югѣ, среди этой уединенной и однообразной свободы, немолчно и настойчиво сказывались смутные запросы сердца. Какая-то новая, очередная полоса жизни безповойно подступала къ ней... Вся возбужденная, словно обезсилѣвшая, Елена Дмитриевна смотрѣла въ темноту, а въ вискахъ у нея по прежнему стучало.

Вдругъ слабый шумъ шаговъ, оборвавшійся гдѣ-то совсѣмъ близко, привлекъ ея вниманіе. Она нагнулась, вытянула шею и плечи, прищурилась. Слабое восклицаніе неожиданности вылетѣло вмѣстѣ съ ея участвующимся дыханіемъ. Она увидѣла Лахова.

Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, подъ рѣшеткой виллы, въ растерянной позѣ захваченнаго врасплохъ человѣка. Потомъ подвинулся впередъ, снялъ шляпу. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, и на немъ лежало выраженіе, которое Елена Дмитриевна сразу поняла, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать что-нибудь. По ея нервамъ пробѣжала слабая дрожь.

— Вы... вышли прогуляться? — крикнула она ему сверху, напрасно усиливаясь придать голосу обычный тонъ.

— Простите, я, кажется, испугалъ васъ,—выговорилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, нисколько. Хотите войти? Калитка, вѣроятно, еще не заперта.

Она сошла съ террасы и, кутаясь въ свой кружевной платокъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ по крупному песку, хрустѣвшему подъ ногами. Прямо противъ чугунной калитки, въ которую вошелъ Лаховъ, была маленькая площадка, обсаженная кактусами и прикрытая широкими пальмовыми вѣтвями. Тутъ стоялъ желѣзный столикъ, такая же скамейка и нѣсколько стульевъ. Елена Дмитриевна сѣла къ столику.

— Какимъ образомъ вы попали сюда?—спросила она, указывая ему глазами на другой стулъ.

— Мнѣ пришла фантазія взглянуть, есть ли у васъ огонь,—отвѣтилъ онъ.—Я вѣдь еще не былъ у васъ, и виллы вашей не зналъ. И вдругъ увидѣлъ васъ на террасѣ...

— А еслибъ не увидѣли?

— Прошелъ бы нѣсколько разъ мимо, вглядываясь въ очер-

танія дома, въ темныя окна, и угадывая наобумъ, которая именно ваша комната...—отвѣтилъ Лаховъ.

Эти слова звучали признаніемъ. Да не только слова, но и голосъ, и короткое, частое дыханіе. А на лицѣ его проступало то самое выраженіе, которое она прочла сразу, въ темнотѣ, когда онъ стоялъ передъ нею за оградой виллы. И она не почувствовала себя оскорбленною, даже не удивилась очень. Только какое-то жуткое ощущеніе холодеомъ пробѣгало по ея нервамъ.

XVI.

Принять Лахова здѣсь, въ саду, у самой калитки, казалось Еленѣ Дмитріевнѣ всего удобнѣе: онъ какъ будто былъ не у нея, они какъ будто просто гдѣ-то встрѣтились.

Она не отвѣтила на его послѣднія слова, а только чуть-чуть засмѣялась, глядя на него, потягивая руками концы кружевного платка и поводя плечами, точно ёжилась отъ холода. У простыхъ русскихъ красавицъ бываетъ такой незамѣтный смѣхъ и такія подергиванья руками и плечами, когда онѣ въ первый разъ слышатъ признаніе...

— Вы за мою нескромность не будете на меня сердиться?—проговорилъ Лаховъ, близко вглядываясь въ ея лицо и тоже читая въ немъ.

— Нѣтъ, Ипполитъ Михайловичъ, не буду,—отвѣтила она.— Я очень рада, что это такъ случилось, что мы еще разъ встрѣтились сегодня. Я получила письмо отъ мужа, онъ о васъ пишетъ...

— Обо мнѣ?—удивился Лаховъ.

— Да. Онъ знаетъ, что вы здѣсь, и сообщаетъ... для васъ это не новость, но я очень обрадовалась за васъ... Вамъ предстоитъ получить очень видное мѣсто въ Петербургѣ.

— Ахъ, объ этомъ!—проговорилъ Лаховъ.— Да, мнѣ обѣщали

— Вашимъ способностямъ отдадутъ справедливость. Я очень рада.

Лаховъ поблагодарилъ. Онъ все вглядывался въ ея лицо и испытывалъ затрудненіе вести разговоръ.

— Вы, стало быть, окончательно устроитесь въ Петербургѣ?—продолжала она.

— Вы говорите про мою службу? Да, конечно. Я буду очень доволенъ получить это мѣсто. Тѣмъ болѣе, что я... что мнѣ во всякомъ случаѣ надо будетъ жить въ Петербургѣ...

— Почему?

Ея глаза прямо, въ упоръ смотрѣли на него, и ему казалось, что они что-то вытягиваютъ изъ него, изъ глубины души.

— Потому что мнѣ необходимо... я хочу жить тамъ же, гдѣ и вы...

Сквозь ея чуть открытыя губы опять послышался странный, едва примѣтный смѣхъ.

— Вотъ какія вещи вы говорите, Ипполитъ Михайловичъ...— промолвила она, точно забавляясь какою-то жуткой шуткой и между тѣмъ вся блѣднѣя.

— Тутъ моей власти нѣтъ. Такъ вышло,—сказалъ онъ медленно и глухо.

— Въ вашей программѣ этого не было?—попробовала она улыбнуться, но вмѣсто того у нея только задрожали губы.— Вы, кажется, говорили, что тамъ у васъ было оставлено пустое мѣсто...

Онъ ближе наклонился къ ней и продолжалъ смотрѣть ей въ глаза съ выраженіемъ, въ которомъ сквозили и жадное любопытство, и страсть, и вызовъ... И она тоже не потупляла вызывающаго взгляда. Они походили на двухъ бойцовъ, измѣрившихъ другъ друга передъ неизбежной схваткой...

Елена Дмитріевна подняла руку, чтобы поправить спустившійся съ головы кружевной платокъ. Лаховъ схватилъ эту руку. Она вырвала ее, встала и, словно спасаясь отъ него, пошла скорыми шагами по узкой дорожкѣ сада, опустивъ голову и сдвинувъ плечи. Онъ шелъ за нею, растерянный, блѣдный. Черезъ минуту онъ поровнялся съ нею.

— Я очень виноватъ передъ вами?—спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ, стараясь черезъ плечо заглянуть ей въ лицо, почти спрятанное подъ нависшими въ беспорядкѣ кружевами.

Она какъ будто не слышала его, обошла маленькій мраморный бассейнъ съ бездѣйствовавшимъ фонтаномъ и, встрѣтившись съ полосой луннаго свѣта, повернула въ сторону. Онъ снова догналъ ее.

— Елена Дмитріевна!—прошепталъ онъ.

Она сразу остановилась, лицомъ къ лицу съ нимъ, сдвинула еще больше плечи и спрятала руки подъ туго натянутые концы платка.

— Оставьте меня! Уйдите!—проговорила она съ усиленіемъ, сквозь нервно вздрагивавшія губы.—Развѣ вы не видите, что мы оба сходимъ съ ума?

Лаховъ порывисто протянулъ къ ней руки.

— Я васъ прошу... оставьте меня одну! Уйдите!—повторила она, вся дрожа, и, быстро взбѣжавъ по ступенькамъ террасы, скрылась за широкою стеклянною дверью.

XVII.

Лаховъ напрасно на другой день бѣгалъ часа два по „Promenade des Anglais“, надѣясь увидѣть Елену Дмитріевну: ея не было. Наскоро позавтракавъ, онъ пошелъ на виллу цесаревича Николая, исходилъ тамъ всѣ дорожки, и не нашелъ ея. Въ пять часовъ онъ рѣшился пойти къ ней. Съ волненіемъ, еще издали, увидѣлъ онъ ея террасу, потомъ заглянулъ сквозь чугунную ограду на маленькую площадку подъ пальмами, гдѣ они вчера сидѣли. Но ни на террасѣ, ни въ саду никого не было.

Лаховъ попробовалъ отворить калитку: она была заперта. На всѣхъ окнахъ дома были спущены зеленые жалюзи, и ни откуда не доносилось ни одного звука.—„Что если она вдругъ уѣхала совсѣмъ, испуганная вчерашнимъ и предпочитая спастись бѣгствомъ“?—мелькнуло у него въ умѣ, и онъ точно весь то-скливо съѣжился отъ этой мысли.

Онъ прошелъ мимо всей рѣшетки и завернулъ въ узенькій корридорчикъ, образовавшійся между двумя виллами. На крошечномъ дворикѣ онъ увидѣлъ, наконецъ, стараго итальянца, занятаго развѣшиваніемъ какого-то мокраго тряпья, и спросилъ, дома ли m-me Глыбова.

— Уѣхала, всѣ уѣхали съ утра,—отвѣчалъ привратникъ.

— Какъ уѣхали? куда уѣхали?—почти вскричалъ Лаховъ, чувствуя, что блѣднѣетъ.

— Въ Ментону, на цѣлый день,—объяснилъ итальянецъ.

Не будь Лаховъ русскій, этотъ старый Джузеппе непременно обратилъ бы вниманіе на его встревоженные разспросы; но русскіе—кто ихъ разберетъ? Совсѣмъ неизвѣстный народъ, непонятный. И поэтому онъ предпочелъ снять шляпу и привести ее въ такое положеніе, которое ясно подсказывало, что туда слѣдуетъ что-нибудь бросить. Лаховъ повиновался внушенію, и, пожелавъ итальянцу добраго здоровья, повернулъ на улицу.

— Значитъ, мосье пожелаетъ завтра? Завтра мы будемъ дома!—крикнулъ ему вслѣдъ Джузеппе, успѣвшій уже оцѣнить щедрость гостя.

Лаховъ, чтобъ убить время, поѣхалъ въ Монте-Карло, и вернулся только съ послѣднимъ поѣздомъ.

На другой день онъ опять нигдѣ не встрѣтилъ Елены Дмитриевны, и въ пять часовъ снова стоялъ передъ ея виллой. На этотъ разъ Джузеппе какъ будто поджидалъ его; по крайней мѣрѣ онъ тотчасъ показался изъ-за угла ограды и неспѣшно подошелъ, еще издали снявъ шляпу.

На вопросъ Лахова онъ загадочно усмѣхнулся, но тотчасъ придавъ своему лицу подозрительно-печальное выраженіе.

— Мосье правъ, совершенно правъ,—объяснилъ онъ (Лаховъ, однако, не могъ понять, въ чемъ онъ былъ правъ).—Мадамъ дѣйствительно вернулась вчера изъ Ментоны, и маленькая барышня вернулась; и сегодня мадамъ дома, какъ онъ вчера еще имѣлъ честь завѣрить мосье. Но что вы будете дѣлать, если мадамъ немножко нездорова. Это всегда такъ легко можетъ случиться. Ничего больше, какъ маленькое нездоровье, а иначе мосье былъ бы тотчасъ принять. И онъ, Джузеппе, всегда радъ служить щедрому русскому мосье.

Шляпа стараго итальянца давно уже находилась въ требуемомъ положеніи. И Лаховъ вторично оправдалъ его довѣріе къ русской щедрости.

Онъ удалился смущенный, точно придавленный. Не болѣзнь Елены Дмитриевны его тревожила: онъ даже не повѣрилъ ей. Но что означало это явное намѣреніе скрываться отъ него? Она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя легко пугаются собственнаго сердца. Она знаетъ свою силу, знаетъ, что для нея любовь никогда не будетъ рабствомъ. Не вѣрнѣ ли, что она не хочетъ любить именно *его*, что она тотчасъ замѣтила ошибку ихъ сближенія и рѣшила разомъ все прервать?

Это была самая досадная изъ всѣхъ догадокъ, тѣснившихся въ умъ Лахова. Но онъ мысленно ободрялъ себя, находя, что это все-таки лучше, чѣмъ безразличное равнодушіе. Она предвидитъ опасность—на первый разъ этого было довольно.

На слѣдующій день онъ встрѣтилъ въ скверѣ Лили со своей гувернанткой. Онъ тотчасъ же подошелъ къ нимъ. Дѣвочка на его вопросъ о здоровьѣ мамы отвѣтила обычной фразой; ясно, что никакихъ разговоровъ о болѣзни Елены Дмитриевны въ домѣ не было.

— Почему же мама не пошла съ вами?—спросилъ Лаховъ.

— Не знаю... мама ушла одна,—отвѣтила Лили.

— И не сказала, куда?

Дѣвочка разсмѣялась.

— Конечно нѣтъ,—отвѣтила она, и Лахову почудилась на ея умненькомъ личикѣ подозрительная усмѣшка.

Это почти разозлило его. Онъ пошелъ на набережную и, отыскавъ мѣстечко на скамьѣ, сѣлъ. Передъ нимъ совершалась обычная утренняя прогулка международной колоніи. Англійскія миссъ съ длинными кузенами, укутанныя по-старушечьи русскія дамы съ тайными совѣтниками и переодѣтыми полковниками, Спѣсивцевъ въ тепломъ синемъ пальто и резиновыхъ калошахъ, генералъ Усоповъ, развертывающій только-что полученный номеръ „Figaro“—всѣ передъ нимъ промелькнули въ обычномъ порядкѣ. Показались и супруги Варваровскіе. Лаховъ рѣшился подойти къ Катеринѣ Павловнѣ, въ надеждѣ что-нибудь услышать отъ нея о Еленѣ Дмитріевнѣ. Но оказалось, что дамы не видѣлись съ обѣда въ ресторанѣ Фавра.

— А сами вы развѣ не были у нея?—подозрительно спросила Варваровская.—Совсѣмъ не любезно предоставлять ей скучать тутъ одной.

— Елена Дмитріевна не жаловалась мнѣ на скуку,—возразилъ Лаховъ.

— Подите вы!—засмѣялась Катерина Павловна.—Со мной не нужно этихъ хитростей. А можетъ быть, вы въ самомъ дѣлѣ такъ наивны? Хоть рѣдко, а попадаются такіе.

Лаховъ отвѣтилъ не особенно любезно и отошелъ.

XVIII.

Ему вдругъ сдѣлалось нестерпимо скучно въ этой многочудной, эlegantной, полной всевозможныхъ развлеченій Ниццѣ. Его теперь удивляло, почему онъ рѣшилъ прожить тутъ мѣсяцъ. Никогда онъ этого не сдѣлаетъ. Гораздо лучше поскорѣе уѣхать въ Парижъ: тамъ театры, музеи, чудеса искусствъ и цивилизаціи, тамъ самая толпа производитъ подхватывающее впечатлѣніе, тамъ уличный асфальтъ оказываетъ непонятное, оживляющее дѣйствіе на нервы.

„Нервы“?—мысленно поймалъ себя на этомъ словѣ Лаховъ.—„Да развѣ нервы у меня не въ порядкѣ? Когда же это я успѣлъ ихъ разстроить“?

Но онъ продолжалъ нарочно думать о Парижѣ, точно хотѣлъ насильно заинтересовать имъ себя. Дѣйствительно, для Парижа мало одного мѣсяца, который онъ первоначально назначилъ себѣ прожить тамъ. Кромѣ всего остального, тамъ надо присмотрѣться къ техническому дѣлу, къ организаціи большихъ

предпріятій, побывать на заводахъ. Наконецъ, въ Парижѣ—женщины.

На этомъ словѣ мысли Лахова опять оборвались. Онъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что слово не производитъ на него прежняго впечатлѣнія. Воображеніе не дѣйствовало, нервы не трепетали. Ему представились парижанки, какихъ онъ видѣлъ въ казино въ Монте-Карло: разрисованныя, словно ушедшія цѣликомъ въ свои громадныя шляпы, высокіе вѣрты и неизмѣримыя буфы. Гдѣ же тутъ женщина? Она слишкомъ ничтожна передъ колоссальностью того, что уходитъ въ ея туалетъ. Да и вообще... вообще...

„Ужъ не хочу ли я сказать, что вообще женщинъ нѣтъ, а есть только Елена Дмитріевна Глыбова?“—опять мысленно поймалъ себя Лаховъ.—„Что за вздоръ! Много ли я знаю эту Елену Дмитріевну? И когда бы это я успѣлъ дойти... до такой нелѣпости“?

„Но рулетка во всякомъ случаѣ въ Монте-Карло существуетъ“,—подумалъ онъ черезъ минуту, и рѣшилъ поѣхать туда.

Тамъ онъ сначала позавтракалъ—впрочемъ, съ очень небольшимъ аппетитомъ,—потомъ погулялъ въ великолѣпномъ паркѣ, среди изумительныхъ газоновъ и цвѣточныхъ клумбъ, и, наконецъ, потолкался въ игорныхъ залахъ. Но видъ этой разноязычной, живущей ненормальными, какими-то пряными интересами толпы, произвелъ на него непріятно-раздражающее впечатлѣніе. Онъ и презиралъ эту толпу, и какъ будто завидовалъ ей—завидовалъ доступности ея ощущений. Онъ, кажется, былъ бы радъ, еслибъ злой духъ игры внезапно овладѣлъ имъ. Но напрасно онъ пробовалъ бросать на рулеточный столъ свои луидоры: азартъ игрока не пробуждался въ немъ. Даже выигрышъ нисколько не раздражилъ его.

И вдругъ мысль, что если онъ сейчасъ уѣдетъ, то будетъ въ Ниццѣ какъ разъ къ пріемному часу Елены Дмитріевны, недолимо овладѣла имъ. Пропустить сегодняшній день, не попытаться еще разъ быть принятымъ ею, показалось ему нелѣпымъ. Онъ уѣхалъ.

Въ Ниццѣ, проѣзжая по „Avenue de la Gare“, онъ увидѣлъ за стеклами цвѣточнаго магазина громадныя пушистыя вѣтки сирени. Онъ зашелъ въ магазинъ, велѣлъ сдѣлать букетъ, и поѣхалъ прямо къ виллѣ, гдѣ жила Елена Дмитріевна.

На этотъ разъ старый Джузеппе не встрѣтилъ его. Лаховъ пошелъ прямо къ крыльцу и позвонилъ. Дверь отперла русская горничная, и при видѣ его замѣтно смутилась.

— Елена Дмитриевна не принимаютъ, — объявила она, не дождавшись его вопроса.

— Нездорова? — спросилъ Лаховъ.

— Да, онѣ не совсѣмъ здоровы, — отвѣтила горничная, и даже сдѣлала омраченное лицо.

Лаховъ медленно досталъ изъ кармана свою карточку и передалъ ее горничной, вмѣстѣ съ букетомъ. Онъ даже ничего не сказалъ, боясь, что голосъ его дрогнетъ. И въ самомъ дѣлѣ, лицо его подергивало, въ горлѣ чувствовалась нестерпимая сухость.

„Я уйду“, — подумалъ онъ.

XIX.

Утромъ, когда онъ проснулся, на него глянуло въ окно сѣренькое небо, подернутое не то туманомъ, не то облаками. Это почти обрадовало его: въ такую погоду удобнѣе ходить пѣшкомъ, а онъ еще очень мало зналъ окрестности Ниццы. И онъ рѣшилъ въ эти послѣдніе дни, передъ отъѣздомъ, побывать вездѣ.

На набережную онъ сегодня не пошелъ, а просидѣлъ съ часъ на террасѣ „Casino de la jettée“, на самомъ морѣ, слушая шумъ прибоя, вглядываясь въ блѣдно-сѣрую даль и слѣдя лѣнивое движеніе какого-нибудь далекаго паруса. Потомъ онъ позавтракалъ тутъ же, и отправился потихоньку въ горы, по дорогѣ на Симиэсъ.

Поднявшись уже на значительную высоту, Лаховъ увидѣлъ передъ собою довольно большую каменистую площадь, почти лишенную растительности. По срединѣ, правильнымъ кругомъ, возвышался занесенный песками валъ. Это были развалины древняго римскаго цирка, и мѣстами ясно сохранялись слѣды каменныхъ ступеней и основанія колоннъ. Вокругъ все было пустынно; новая жизнь расцвѣла въ сторонѣ отъ этого античнаго центра.

Лахову захотѣлось отдохнуть здѣсь. Онъ оглянулся, и вдругъ замѣтилъ на одномъ изъ маленькихъ пригорковъ сидящую женщину. Эта женщина тоже оглянулась, привлеченная шорохомъ его шаговъ, и онъ узналъ Елену Дмитриевну.

Онъ радостно вспыхнулъ и прямо подошелъ къ ней.

— Наконецъ, я васъ вижу! Вы были такая недобрая эти дни... — сказалъ онъ, жадно оглядывая ее всю. — Вы не хотѣли меня видѣть...

Она казалась смущенною, и ея голосъ прозвучалъ печально, когда она произнесла:

— Я была немножко нездорова, Ипполитъ Михайловичъ...

— Но, наконецъ, я васъ вижу, это самое главное,—прервалъ ее Лаховъ.—Мнѣ было такъ тяжело, такъ незаслуженно тяжело...

Она посмотрѣла мимо него.

— Что дѣлать, Ипполитъ Михайловичъ...—проговорила она.

Онъ продолжалъ вглядываться въ ея глаза, въ ея лицо, фигуру, туалетъ. Она какъ будто немножко похудѣла, какъ будто потеряла лежавшее на ней отраженіе торжествующей и равнодушной свѣжести.

И туалетъ ея онъ тоже замѣтилъ—все черное, кромѣ большихъ красныхъ маковъ на шляпѣ. Къ корсажу была приколата вѣтка бѣлой сирени, очевидно изъ его букета.

— Позвольте мнѣ сѣсть подлѣ васъ, мнѣ такъ необходимо говорить съ вами,—попросилъ онъ.

Она прижала складки платья, какъ бы давая ему мѣсто.

— Всѣ эти дни я искалъ васъ, сторожилъ, бѣгалъ по всей Ниццѣ,—продолжалъ Лаховъ.—Я понялъ, что вы не хотите меня видѣть, но я искалъ васъ именно для того, чтобы спросить...

Его стѣсняло ея молчаніе. А она даже не глядѣла на него, и шевелила концомъ зонтика попавшійся подъ ногами камешекъ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ вопросъ: не долженъ ли я самъ уѣхать изъ Ниццы?—рѣшился сказать Лаховъ.

Елена Дмитриевна, не отвѣчая, продолжала играть камешкомъ. Потомъ вдругъ быстро взглянула на Лахова.

— А вы уѣхали бы?—спросила она съ какимъ-то недобрымъ звукомъ въ голосѣ.

Лаховъ развелъ руками.

— Я догадался, что вы... рѣшили избѣгать меня. И тогда подумалъ, что вамъ будетъ удобнѣе, если я уѣду,—объяснилъ онъ.

— А-а, вы догадались, вы подумали! — повторила Елена Дмитриевна.—Но вы могли ошибиться, Ипполитъ Михайловичъ. Просто, я была нездорова, была не въ духѣ... что тутъ удивительнаго! Кстати, пегсі за букетъ: видите, я пускаю его въ дѣло.— И она указала на вѣтку сирени, бѣлѣвшую на ея корсажѣ.

Лаховъ покачалъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, я, все равно, долженъ буду уѣхать,—сказалъ онъ грустно.

— Почему?—быстро вскинула она на него глазами.

— Потому что... если это правда, если у васъ не сохра-

нилось никакого впечатлѣнія отъ нашей послѣдней встрѣчи, тогда... тогда мнѣ надо бѣжать отъ васъ. Мнѣ будетъ слишкомъ тяжело встрѣчаться съ вашимъ равнодушіемъ,—отвѣтилъ Лаховъ.

— Какъ вы много о себѣ заботитесь!—воскликнула Елена Дмитриевна.—А мнѣ развѣ не тяжело?

И словно въ злобѣ на эти выдавшія ея слова, она сорвала съ груди вѣтвь сирени, перекусила ее два раза и отшвырнула далеко отъ себя.

Лаховъ отвѣтилъ радостнымъ крикомъ и прижался лицомъ къ мягкимъ складкамъ ея платья. Елена Дмитриевна поблѣднѣла и не шевелилась.

— Какъ я васъ люблю! и какое счастье—любить васъ!—проговорилъ онъ словно не своимъ, а какимъ-то безумнымъ голосомъ.

В. Авсѣенко.

СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА

ОЧЕРКИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ДАЛМАЦІИ И ЧЕРНОГОРИИ *).

VIII.—Народный праздникъ Черногоріи.

Мы пріѣхали въ Цетинье еще засвѣтло; проѣхали мимо зданія новаго театра, съ вставленною въ него старинною венеціанскою плитою, изображающею, конечно, обычнаго льва св. Марка, проѣхали мимо женскаго института, устроеннаго на русскія средства... Отъ гостинницы нашей рукой подать до дворца наследника и до новаго городского гулянья, едва только разбиваемаго на городскомъ выгонѣ, противъ того же дворца. Тамъ уже толпилось много черногорцевъ и происходило что-то, чего нельзя было разглядѣть изъ оконъ нашей гостинницы. Очевидно, народный праздникъ начался уже съ вечера. Мы съ женою, не теряя времени, направились къ толпѣ, тѣснившейся передъ дворцомъ.

У наружной ограды только-что отстроеннаго дворца молодого князя Данилы сидѣлъ на стулѣ, въ своемъ характерномъ и живописномъ костюмѣ, князь Николай и рядомъ съ нимъ двѣ по-европейски одѣтыя дамы, какъ мы узнали послѣ, жены посланниковъ англійскаго и французскаго, пріѣхавшія на праздники изъ Рагузы, гдѣ ихъ обычное мѣстопробываніе. Съ женой французскаго посланника и съ нимъ самимъ мы познакомились потомъ за табль-д'отомъ въ своей гостинницѣ, гдѣ они тоже остановились.

*) См. выше: августъ, стр. 445.

Сильная, плечистая фигура князя, въ бѣлой гунѣ и бѣлыхъ доколѣнникахъ, въ богато расшитомъ золотомъ красномъ джамаданѣ и красной капицѣ, такъ давно знакомая намъ по портретамъ и иллюстраціямъ, сразу привлекаетъ къ себѣ своею патриархальною простотою и вмѣстѣ величіемъ... Немного позади князя сидитъ на стулѣ одинъ только изъ всѣхъ окружающихъ, въ такой же бѣлой гунѣ и такомъ же красномъ джамаданѣ, какъ и князь, высокій и сухой старикъ съ длинными сѣдыми усами, какъ у Тараса Бульбы на картинѣ Зичи, съ суровымъ и умнымъ взглядомъ, типическій представитель тѣхъ грозныхъ черногорскихъ воеводъ, которые съ горстью своихъ юнаковъ сокрушали турецкія полчища и наводили ужасъ на самыхъ храбрыхъ пашей султана...

Это дѣйствительно—одинъ изъ знаменитыхъ воеводъ Черногоріи, тестъ князя и отецъ княгини Милены—Петръ Вукотичъ, всегдашній совѣтникъ князя въ важныхъ дѣлахъ правленія и войны.

Ни наслѣдный князь Данила, ни меньшей братъ его Мирко не смѣютъ сидѣть, по стариннымъ обычаямъ Черногоріи, въ присутствіи стараго князя. Стоятъ тоже на ногахъ—немного поодаль—другіе заслуженные воеводы, сенаторы, сердари, всѣ въ такихъ же армяхъ, живописныхъ нарядахъ, сверкающихъ золотомъ и оружіемъ, всѣ такіе же грозные усачи, сѣдые и черные, такіе же рослые, плечистые богатыри...

Стоять кругомъ и перьяники князя, на подборъ юнакъ къ юнаку, чистая стая молодыхъ орловъ, горя на лучахъ заходящаго солнца своими красными какъ кровь гунами. У всѣхъ на капицахъ серебряные двуглавые орлы, у байрактаровъ (знаменщиковъ)—сбоку капицы маленький серебряный знакъ, изображающій переkreщенный ятаганъ и знамя.

Народъ окружилъ кольцомъ свободную площадку передъ сидѣніемъ князя, и хотя тутъ нѣтъ никакой полиціи, никакихъ жандармовъ, толпа сама сохраняетъ почтительное разстояніе отъ своего владыки и вся стоитъ безъ шапокъ...

По старинному завѣту, князь съ семьею своею и съ своимъ дворомъ тѣшится теперь лихими играми своихъ юнаковъ, со всѣмъ такъ, какъ десятки вѣковъ тому назадъ тѣшился подобными играми съ порога своего дворца, воспѣтый Иліадою, оеакійскій царь Алейной.

Десять два молодцовъ, поскидывъ съ себя гуни и джамаданы, въ однихъ бѣлыхъ рубахахъ, на перебой другъ съ другомъ, разбѣгаются по очереди съ тяжелыми камнями въ рукахъ и на бѣгу изъ всей силы кидаютъ ихъ, словно резиновые мячики, далеко впередъ себя; чѣмъ тяжелѣе камень, чѣмъ дальше и выше

пролетитъ онъ по дорогѣ, тѣмъ больше славы юнаку, тѣмъ громче раздаются крики одобренія въ толпѣ. Это стоитъ, во всякомъ случаѣ, гомеровскаго метанія дисковъ.

Когда изрядно наморились эти „метатели диска“ своего рода, молодой князь Данила выбѣжалъ на середину улицы и захлопалъ въ ладоши. Откуда ни возьмись новая толпа удалцовъ, тоже безцеремонно сбросившая на траву стѣснявшую ихъ одежду, ринулась бѣжать на перегонки; нужно родиться черногорцемъ и съ младенчества развить свои чугунныя легкія, прыгая съ проворствомъ серны по пропастямъ и утесамъ, чтобы пронестись такою бурей мимо князя и свиты его, какъ неслись, настигая, опереживая, перескакивая другъ черезъ друга, эти разыгравшіеся молодые атлеты, подстрекаемые ободряющими криками толпы и надеждой почетной награды изъ рукъ своего князя.

Послѣ перегонки—новыя состязанія въ перепрыгиваніи, въ борьбѣ... Этими олимпійскими играми своего рода черногорцы всегда чествуютъ канунъ своего любимаго праздника.

Въ самый разгаръ этихъ игръ, на дорогѣ, которая проходитъ тутъ же передъ дворцомъ и на которой главнымъ образомъ и происходили состязанія юнаковъ, появился вдругъ сѣрый осликъ, навьюченный цѣлымъ возомъ топорщившихся во всѣ стороны рогатыхъ и колючихъ сучьевъ. Его гналъ изъ какой-то сосѣдней горной деревушки оборванный мальчуганъ съ огромной хворостиной въ рукахъ, совсѣмъ уже не подходившій своимъ замазаннымъ видомъ деревенскаго пастушонка въ раззолоченной толпѣ княжескихъ сердарей и перьяниковъ... Но этотъ наивный горецъ, повидимому, проникнуть былъ непоколебимымъ сознаниемъ своего права везти на цетинскій базаръ свою грошевую охапку хворосту по дорогѣ, для этого назначенной, какіе бы князья и воеводы ни засѣдали на ней. Онъ храбро ввалился съ своимъ, также самоувѣренно шагавшимъ, осликомъ въ середину олимпійскаго ристалища, безцеремонно расталкивая борцовъ направо и налево, едва не задѣвъ самого князя далеко торчавшими концами своихъ сучьевъ, и промаршировалъ себѣ своею дорогою дальше въ городъ, не взглянувъ ни на кого, не поклонившись князю, только сурово покрививъ на своего ушастаго конька, да подгоняя его колючею хворостиною, не обращая вниманія рѣшительно ни на что, кромѣ порученной ему вязанки дровъ...

Я думалъ-было, глядя на этого ребенка-дикаря, затесавшагося въ толпу придворныхъ, что вотъ-вотъ подскачутъ сейчасъ къ недогадливому мальченку усаые перьяники, схватятъ бѣднягу

за шиворотъ и потащутъ встрѣчать праздникъ въ какую-нибудь мѣстную бутузку, какъ это навѣрняка случилось бы, будь это на глазахъ русскаго городского или вквартальнаго. Но въ моему большому утѣшенію и удивленію, лихіе борцы мирно разступились передъ отважнымъ ребенкомъ, князь весело улыбнулся, и ни одинъ изъ раззолоченныхъ перьяниковъ не бросилъ даже угрожающаго взгляда на простодушно шагавшаго мимо нихъ деревенскаго оборванца...

Когда смерелось, толпы народа, наполнявшія городъ, сбились главнымъ образомъ въ широкое проулѣ, что идетъ мимо княжескаго дворца къ монастырю. Здѣсь въ разныхъ мѣстахъ составились хороводы, по здѣшнему „кѣло“. „Кѣло“ по-славянски такъ же, какъ и по-русски, означаетъ колесо, кругъ. Хоръ военной музыки князя игралъ тутъ до полуночи, стройно и бойко, заливая громомъ своихъ трубъ и литавръ темныя улицы маленькаго городка. Танцы черногорцевъ нельзя назвать особенно искусными или увлекательными. Они слишкомъ однообразны и бѣдны фантазіей. Мужчины и женщины становятся въ тѣсный кругъ, обыкновенно очень большой, кладутъ одну руку на плечо лѣваго сосѣда, а другою рукою обнимаютъ станъ праваго... Сплотившись въ такую крѣпкую цѣпь, они долго топчутся на мѣстѣ, колыхаясь всѣмъ своимъ живымъ кольцомъ то вправо, то влѣво, припѣвая совсѣмъ не мелодическія пѣсни, поднимая вверхъ, впередъ и назадъ то одну, то другую ногу. Повидимому, всѣ эти движенія совпадаютъ со смысломъ пѣсни и должны изображать собою что-нибудь понятное и близкое сердцу черногорца, но на сторонняго зрителя танецъ этотъ производитъ впечатлѣніе какого-то безцѣльнаго и нисколько не интереснаго топтанія на одномъ мѣстѣ... Но вотъ кѣло расширяется все больше и больше, юнаки и дѣвушки все подходятъ къ нему и влетаются въ это медленно кружащееся живое колесо, все живѣе раздаются слова пѣсни, все проворнѣе мелькаютъ ноги танцующихъ; наконецъ на середину хоровода выбѣгаетъ какой-нибудь ловкій молодецъ, къ нему присоединяется такая же молодая красавица, среди быстро вертящагося кѣла парень и дѣвушка начинаютъ выдѣлывать другъ передъ другомъ всякіе выкрутасы, лихо и высоко подпрыгивая вверхъ... Нужна непочатая сила черногорскаго юнака, чтобы совершать такіе гомерическіе прыжки вверхъ, ловко падая въ тактъ пѣсни опять на ноги и опять сейчасъ же подбрасывая себя высоко въ воздухъ, размахивая руками какъ крыльями взлетающаго орла, испуская какіе-то обрывистые,

словно угрожающіе, крики нападенія или погони, тоже больше похожіе на страстное клѣтанье хищной птицы, и облетая этими молодецкими круговыми прыжками жадно преслѣдуемую подругу, которая отвѣчаетъ его орлинымъ порывамъ такими же смѣлыми и сильными движеніями, такими же прыжками и взмахиваніями крыльевъ разыгравшейся орлицы. Къ одной парѣ присоединяется другая, къ другой третья, ко́ло все растетъ и ширится, все учащается темпъ пѣсни, тактъ пляса...

Толпа народа плотно обступаетъ хороводы, и изъ нея то-и-дѣло выскакиваютъ на смѣну уставшимъ новыя плясуны, новыя плясуньи, соблазненные расхोдившеюся удалью пляски и провожаемые сочувственными криками толпы.

Все ближе и ближе придвигаются широко раздвинувшіяся ко́ла къ дверямъ княжескаго дворца, все гуще растетъ въ темнотѣ вокругъ нихъ народная толпа, освѣщенные окна княжескаго дома открыты настежь, въ каждомъ изъ нихъ любопытныя головы, на балконѣ старая княгиня и князь съ дочками, съ почетными гостями; въ дверяхъ, на порогѣ, княжеская свита и дворцовая челядь... Всѣ съ искреннимъ сочувствіемъ, съ нескрываемою радостью, любятъ на родной ихъ сердцу танецъ, слушаютъ всѣмъ съ дѣтства знакомыя пѣсни... Даже у сѣдоусыхъ стариковъ невольно подмываются ноги, и каждая жилка просится разгуляться по прежнему въ лихомъ плясѣ...

Этотъ простодушный народный хороводъ въ темнотѣ ночи, передъ окнами княжескаго дома, такъ живо перенесъ мое воображеніе на далекую родину, въ тѣ далекія уже теперь времена, когда передъ балкономъ помѣщичьихъ хоромъ, бывало, точно такъ же водились танки и пѣлись хоровыя пѣсни, когда дворовые плясуны и деревенскія красавицы, подъ тактъ самодѣльныхъ балалаекъ, дудокъ и гармоникъ, съ наивнымъ усердіемъ откалывали казачка и трепака на утѣшеніе любовавшихся ими барина, барыни, барчуковъ и барышень, высылавшихъ на балконъ и на крыльцо вмѣстѣ съ своими гостями, горничными и лакеями...

Въ дополненіе этой иллюзіи, изъ княжескаго дворца вдругъ выскочилъ, не утерпѣвъ отъ соблазна, молодой барчукъ, лихой князь Мирко, статный восемнадцатилѣтній красавчикъ, и мгновенно вмѣшался въ ко́ло, схвативъ первую попавшуюся молодую дѣвушку, ловко облетая вокругъ нея граціозными и удалыми прыжками... Общій гулъ удовольствія раздался въ толпѣ.

— Мирко, Мирко! — сочувственно били сѣдоусые черногорцы, дружески потрясая руку молодому князьку, когда онъ, за-

пыхавшись отъ отчаяннаго пляса, высочилъ изъ кола.—Юнакъ Мирко!.. Добре, Мирко!..

Милый и веселый юноша, такой же простодушный, какъ всѣ эти наивные горцы, не могъ устоять противъ подмывающихъ звуковъ родного танца и еще раза два срывался съ крыльца, чтобы лихо покружиться въ серединѣ двигающагося живого кольца съ рослыми и тугогрудыми цетинскими красавицами.

Незамѣтно, одинъ по одному, вклетаются въ это безостановочно крутящееся кольцо, на смѣну уставшимъ, новые молодые богатыри; должно быть, они заранѣе подобрались одинъ къ одному, всѣ такіе же плечистые, такого же громаднаго роста. Происходить что-то, чего въ полутьмѣ ночи я не понялъ сразу... Какъ будто мгновенная остановка, какая-то мимолетная возня—и тѣсно сомкнутая вереница живыхъ тѣлъ опять закачалась и задвигалась въ ладъ пѣсни, подъ звуки музыки...

Но что это такое?.. Огни княжескаго дворца освѣтили мелькавшія въ темнотѣ ночи усаыя лица юнаковъ чуть не на высотѣ княжескаго балкона, словно все коло вдругъ разомъ выросло вдвое выше, чѣмъ было... Господи! да и въ самомъ дѣлѣ оно стало вдвое выше. Теперь уже я ясно вижу, что на могучихъ плечахъ юнаковъ, крѣпко сцѣпившихся руками, движется по верху другое такое же коло.

Богатыри, плеча которыхъ служатъ подставками для верхняго кольца, кажется, не чувствуютъ никакой тяжести отъ топчущихъ ихъ товарищей и съ тою же воинственною удалюю и легкостью продолжаютъ быстро вертѣться въ хороводѣ, отступая и наступая, подымая въ тактъ то лѣвую, то правую ногу, громко распѣвая свою любимую плясовую пѣсню нетронутыми никакой болѣзнию дѣвственными легкими горнаго жителя...

Долго еще гремѣла музыка, пѣлись пѣсни, кружились хороводы въ темнотѣ безлунной и темной ночи. Мы ушли спать въ свою гостиницу, не дождавшись конца празднества. Ровинскому, съ которымъ мы пробродили весь вечеръ, тоже нужно было отправиться пораньше домой, приготовить все къ отѣзду, такъ какъ онъ завтра долженъ былъ уѣхать изъ Цетинья на свое обычное лѣтнее купанье въ Ульцинъ, приморскій портъ, на самомъ южномъ краю Черногоріи, называемый обыкновенно въ географіяхъ и картахъ итальянскимъ именемъ Дульциньо, хотя его древнее названіе римскаго и эллинскаго времени—Улькиніонъ—не даетъ, кажется, ни малѣйшаго права цивилизованнымъ народамъ исказить его законное историческое имя по фантазіи итальянцевъ.

Съ ранняго утра всѣ немногочисленные улицы и переулки маленькаго Цетинья были уже запружены народомъ; черногорцы встаютъ рано и въ полдень обыкновенно прячутся по домамъ. Мы съ женою не хотѣли упустить никакой подробности народнаго праздника и потому пошли толкаться среди народа тоже съ ранняго утра... Но этотъ народъ, эта толпа не имѣетъ ничего общаго съ народною толпою, которую мы привыкли видѣть въ Парижѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ или Москвѣ. Тутъ нѣтъ въ эту минуту ни бѣдныхъ, ни простыхъ, ни плохо одѣтыхъ; тутъ вы окружены сплошнымъ легиономъ какихъ-то своеобразныхъ и живописныхъ рыцарей, ярко разодѣтыхъ, величаво двигающихся, съ горделивымъ достоинствомъ взирающихъ на васъ съ высоты своихъ колоссальныхъ воинственныхъ фигуръ...

Цѣлое населеніе витязей-великановъ, обвѣшанныхъ богатымъ оружіемъ, сверкающихъ золотомъ и серебромъ и всевозможною пестротою красокъ, съ самоувѣренною важною гуляетъ по улицамъ родного имъ города, дружески схватившись за руки и захвативъ своею могучею шеренгою всю ширину широкой улицы... Хотя я и порядочнаго роста, но теряюсь въ этихъ фалангахъ богатырей какъ маленький ребенокъ. Все это зеленныя, малиновыя „доламы“, бѣлыя „гуни“, красно-черныя „капы“ съ орлами и значками, ярко-красныя „джемаданы“, расшитыя позументами, бѣлыя и зеленныя „элеки“ и „душаницы“ изъ бархата и тонкаго сукна, шолоховыя пояса, или „пасы“, восточныхъ цвѣтовъ поверхъ кожаныхъ „колановъ“. У иныхъ вся грудь покрыта массивною серебряною броней своего рода, цѣлыя латы изъ чеканенныхъ серебряныхъ пластинокъ, широкіе золоченные складни на ключицахъ, колѣнчатые ребрышки на бокахъ. Нѣкоторые изъ этихъ древнихъ вооруженій изумительнаго богатства осыпаны дорогими камнями, художественно отчеканены; большая часть ихъ—трофеи кровавыхъ битвъ, сняты съ груди разрубленнаго или обезглавленнаго врага, какого-нибудь знаменитаго турецкаго паши или албанскаго князя, и переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, какъ священнѣйшіе клейноды семьи. Кто знаетъ, какія давнія историческія имена и какія великія историческія событія связаны съ этими бранными реликвіями, достававшимися по очереди отъ одного счастливаго побѣдителя другому; они, навѣрное, пережили многіе вѣка и прошли многія страны, пока одѣли собою могучую грудь черногорскаго сардаря изъ какихъ-нибудь Кучей или Бѣлопавличей, и, можетъ быть, нѣсколько столѣтій назадъ украшали какого-нибудь родовитаго рыцаря или великолѣпнаго сарацинскаго витязя.

На груди у многих медали и кресты, даже наши георгиевскіе крестики съ черножелтой ленточкой. Мы невольно останавливались и до неприличія любовались на этихъ статныхъ витязей въ ихъ картинныхъ костюмахъ. Дѣлается радостно за человѣчество, что оно еще не совсѣмъ выродилось физически, что еще уцѣлѣли хотя въ этомъ полудикомъ горномъ углѣ настоящіе человѣческіе организмы въ ихъ непочатой свѣжести, силѣ и естественной красотѣ, вполне достойные своего названія.

Живописно спустивъ съ одного плеча тяжелыя черныя „струки“ съ аршинною бахромою, совершенно напоминающія пледы шотландскихъ гайлендеровъ и замѣняющія здѣсь бурки и шинели,— эти колоссы-воины шагаютъ цѣлымъ длиннымъ строемъ взадъ и впередъ среди маленькихъ домиковъ городка, громоздкіе и могучіе, такъ что, кажется, разопруть сейчасъ своими плечами утлыя стѣнки улицы. Посмотришь на эти массивныя, словно изъ бронзы вылитыя икры, туго обтянутыя бѣлыми „доболѣнницами“, и кажется, что смотришь не на живого человѣка, а на какую-нибудь мраморную каріатиду титана, поддерживающую зданіе, или на статую Геркулеса Фарнезскаго.

Племя какихъ-то сказочныхъ паладиновъ, разрубающихъ сразу коня и всадника, сносящихъ однимъ взмахомъ ханджара съ самой крѣпкой шеи самую храбрую голову. Немудрено, что это гнѣздо богатырей такъ побѣдоносно отбивалось цѣлыхъ пять вѣковъ отъ обстоившихъ его со всѣхъ сторонъ вражьихъ силъ и отстояло свою крошечную бѣдную землю отъ такихъ грозныхъ завоевателей, передъ которыми падали, какъ трава подъ кося, обширныя и сильныя царства.

Невольно взглянешь на нихъ съ благоговѣніемъ и изумленіемъ, особенно когда узнаешь ту по истинѣ трогательную простоту и скудость, въ которой живетъ этотъ народъ-герой, всѣмъ обязанный своей собственной доблести и такъ мало получившій отъ судьбы...

Вотъ хотя бы и на этомъ великомъ народномъ праздникѣ всѣ эти сверкающіе оружіемъ и гордо смотрящіе рыцари только въ ничего не стоящихъ имъ пляскахъ, играхъ да пѣсняхъ находятъ всѣ свои праздничныя радости и развлечения. Почти ни у кого ничего въ карманѣ; выпьетъ на кофѣйку какую-нибудь крохотную чашечку чернаго кофе, а уже много-много бутылку пива въ кабачкѣ, закуритъ папиросу и шагаетъ себѣ, не зная усталы, съ утра до вечера по улицамъ, болтая съ земляками и пріятелями да подтягивая себѣ потуже животъ.

Женщинъ собралось тутъ тоже много; но онѣ уже не похожи

на тѣ унылыя и утомленныя фигуры, всѣ въ черномъ и бѣломъ, какія мы встрѣчали по дорогѣ въ Рѣку; теперь онѣ разряжены въ серебро и дорогіе характерныя наряды, въ громоздкія старинныя серьги и броши, по доброму полуфунту вѣса въ каждой, въ бархатныя „якеты“ и „кореты“, бѣлыя, расшитыя золотомъ „гуни“, въ лиловыя, голубыя и зеленыя юбки; на головахъ у дѣвушекъ граціозныя красныя „капѣцы“, а у замужнихъ — падающій съ теменѣ на спину темный платокъ. Онѣ тоже, подражая мужчинамъ, ходятъ шеренгами, взявшись за руку, но держатъ себя удивительно скромно, словно благонравныя пансіонерки какого-нибудь института, выведенныя на прогулку своими гувернантками.

За городомъ на выгонѣ устроено нѣсколько балагановъ съ разными нехитрыми яствами и питьями, и женщины въ особенномъ множествѣ разсѣлись здѣсь; цетинскіе горожанки отличаются отъ жительницъ горныхъ деревушекъ своею красотою, богатыми нарядами и свѣжимъ, неизмученнымъ видомъ; сейчасъ видно, что имъ не выпадаетъ на долю столько тяжелой работы, какъ ихъ сестрамъ-селянкамъ.

Хозяинъ нашей гостинницы — сухой черногорецъ, громаднаго роста, въ то же время и городской голова Цетинья; онъ былъ очень любезенъ съ нами и старался показать свой городъ и свой народъ съ казоваго конца. Вѣроятно, съ этою цѣлью онъ немилосердно уснащалъ свою рѣчь разными модными словами, въ родѣ: „цивилизациа“, „культура“, „пресса“, „демократія“, „модерный“, и т. п., давая понять русскимъ путешественникамъ, что и въ Черной-Горѣ люди что-нибудь слышали и что-нибудь знаютъ; онъ особенно подчеркивалъ намъ, что у нихъ въ Черногоріи многіе стали говорить даже по-французски, очевидно придавая этому таланту своихъ земляковъ больше значенія, чѣмъ удивляющему насъ качеству ихъ, слишкомъ уже здѣсь для всѣхъ привычному.

Мы, однако, были очень благодарны ему, когда онъ предложилъ провести мою жену внутрь крошечной монастырской церкви, гдѣ народу было набито тѣснѣе, чѣмъ спички въ своей коробчѣ, и гдѣ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать на торжественномъ богослуженіи князь со всею семьей и свитой своей. Что касается до меня, то я отказался отъ этой чести. Посланныкъ нашъ испросилъ мнѣ у князя аудіенцію сейчасъ же послѣ обѣдни, поэтому мнѣ пришлось стоять обѣдню во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, которые обратились бы въ мокрыя тряпки, если бы я рискнулъ затесаться въ невообразимую давку внутри маленькаго храма. Поэтому я остался снаружи церкви, сейчасъ

около ея входа, во внутреннемъ дворѣ, рядомъ съ гробницею княгини Даринки, гдѣ, впрочемъ, тоже набилось много народа. Тутъ не разбирають чиновъ и званій, полиціи никакой нѣтъ, такъ что толпы простыхъ бабъ, забравшіяся первыми въ церковь, спокойно оставались тамъ, не вытѣсняемыя никѣмъ, и не давая возможности протиснуться туда многимъ знатнымъ сердарямъ и сенаторамъ, по неволѣ остановившимся за дверью.

Это дало мнѣ случай полюбоваться на великолѣпные воинственные наряды многихъ воеводъ, на ихъ золоченныя, камнями украшенныя древнія брони, по-черногорски „тоге“; на опоясывавшія ихъ дорогія шали тончайшаго полосатаго шолка, большею частью желтаго съ зеленымъ, синимъ и краснымъ, изъ-за которыхъ торчатъ богато обложенные серебромъ и перламутромъ огромные пистолеты, и больше всего, конечно, на ихъ суровыя и гордыя лица, съ сѣдыми длинными усами, съ чернымъ пламенемъ въ смѣлыхъ глазахъ, на ихъ могучіе торсы, напоминающіе богатырей древняго эпоса.

Впрочемъ, хотя я и принималъ за важныхъ людей черногорцевъ, одѣтыхъ побогаче другихъ, но это могла быть моя собственная иллюзія, потому что въ Черногоріи почти нѣтъ возможности отличить по наряду простого пандура отъ вліятельнаго сердаря, если не знаешь разныхъ мелкихъ значковъ и примѣтъ. Тутъ всякій вправѣ носить все, и всякій искренно считаетъ себя равнымъ всякому,—демократія самая абсолютная и самая естественная, безъ всякой искусственной натяжки и писанныхъ узаконеній, глубоко проникающая собою весь народъ отъ мала до велика, отъ послѣдняго свинопаса до предсѣдателя сената, и никого поэтому здѣсь не удивляющая и не возмущающая. Но на меня эта огульная роскошь нарядовъ цѣлой сплошной толпы, наполняющей городъ, сравнивавшая подъ одною и тою же народною одеждою богатаго и бѣднаго, рядового воина и знаменитаго воеводу, производила нѣсколько поражающее и вмѣстѣ утѣшительное впечатлѣніе.

Если не утѣшало, то зато не мало потѣшало меня наивное отношеніе этихъ непосредственныхъ сыновъ природы къ обрядамъ своей религіи, къ церкви, къ празднику. Только сравнительно ничтожная горсточка народа, притомъ большею частью служащіе при князѣ, собрались въ церкви и около нея, въ маленькомъ дворикѣ-кладбищѣ. Все же огромное большинство, столпившееся на улицѣ, повидимому, не сознавало никакой необходимости слушать обѣдню въ церкви и молиться Богу въ великій народный праздникъ; достаточно было и того, что всѣ они пришли сюда,

въ городъ владыки Петра, нарядились въ свое лучшее платье, пьютъ, поютъ, танцуютъ и играютъ въ его честь и память. Однако довольно большая толпа разсѣлась на зеленомъ выгонѣ противъ монастыря и, можетъ быть, этимъ сосѣдствомъ своимъ съ домомъ молитвы считаетъ себя нѣкотораго рода участницей въ богослуженіи. Стоящіе во внутреннемъ дворикѣ рыцари Черной-Горы тоже занимаютъ меня не мало; они оживленно бесѣдуютъ другъ съ другомъ, только изрѣдка осѣняя себя крестомъ, когда изнутри храма вдругъ донесется какой-нибудь отрывочный возгласъ пѣвчихъ; но тѣ, кто стоятъ ближе къ церкви, протягиваютъ къ стѣнѣ ея кто руку, кто голову, вѣроятно въ наивномъ убѣжденіи, что одно механическое прикосновеніе пальцевъ или лба къ зданію святаго храма уже въ нѣкоторомъ смыслѣ приобщаетъ человѣка къ совершающимся тамъ таинственнымъ священнодѣйствіямъ, все равно, видитъ ли онъ, слышитъ ли, понимаетъ ли ихъ, или нѣтъ. Иные сѣдоусые богомольцы пришли сюда съ чубуками, затнутыми за поясъ, и, пожалуй, охотно бы закурили ихъ здѣсь.

Но вотъ въ толпѣ, наполняющей дворикъ, какое-то суетливое движеніе, и всѣ глаза оборачиваются назадъ, ко входу; прибѣгаютъ вооруженные ятаганами перьяники князя въ своихъ кроваво-красныхъ гуняхъ и прочищаютъ дорогу князю; толпа сама собою почтительно раздвигается, оставляя широкій проходъ по серединѣ.

Симпатичная, нѣсколько потучнѣвшая отъ лѣтъ, властительная и вмѣстѣ привѣтливая фигура князя Николая появляется во дворикѣ вмѣстѣ съ осанистою княгиней Миленой и дѣтьми, сопровождаемая залитою золотомъ свитою. Кажется, будто что-то веселое, сверкающее и огненное вдругъ вспыхнуло среди толпы при появленіи этого шумнаго и яркаго кортежа. Князь сіяетъ своимъ нарядомъ какъ солнце; золотой орелъ на шапкѣ, золотомъ залита грудь „джемадана“, золотомъ убранъ малиновый бархатный „элекъ“, надѣтый сверхъ бѣлой, расшитой золотомъ „гуни“; звѣзды и кресты блистаютъ среди этого золота и яркихъ красокъ бархата. Князь нынче безъ „доколѣнницъ“, въ высокихъ военныхъ сапогахъ со шпорами.

Княгиня Милена, теперь уже довольно пожилая, еще сохранила бывшую замѣчательную красоту; она тоже въ звѣздѣ, въ бархатномъ „якетѣ“, въ „коретѣ“ блѣдно-голубаго цвѣта; съ нею три взрослыхъ красавицы дочери и четвертая еще дѣвочка, маленький хорошенькій Петя, сегодняшній именинникъ, любимецъ всей семьи, одѣтый въ такую же, крошечную, бѣлую гуню и малиновый джемаданъ, въ такую же „капу“ съ двуглавымъ орломъ,

какъ и старый князь, и сзади всѣхъ еще безусый стройный юноша Мирко,—популярный среди народа будущій юнакъ. Нѣсколько грозныхъ сѣдоусыхъ главарей, молодыхъ придворныхъ и адъютантовъ, тоже въ бѣлыхъ раззолоченныхъ гуняхъ, въ золотомъ расшитыхъ „элеахъ“, иные въ богатыхъ массивныхъ окладахъ, „токе“, въ богатомъ оружїи, поспѣшно слѣдовали за княжеской семьей. Этотъ характерный торжественный входъ вождя рыцарскаго народа во главѣ своихъ витязей такъ и просился на картину талантливаго художника. Быстро прошумѣла сквозь толпу сверкающая княжеская процессія и исчезла подъ низкими сводами стараго храма, гдѣ перьяники съ трудомъ растищали узенькую дорожку. Князю подали при входѣ огромную восковую свѣчу, какія у насъ носятъ передъ Евангеліемъ, онъ преклонилъ колѣна передъ царскими вратами и отправился на отведенное ему мѣсто у гроба святопочившаго Петра, гдѣ все время службы стоялъ со свѣчою въ рукахъ, окруженный всею семьей. Очень скоро послѣ него явился въ церковь и наслѣдникъ княжескаго престола, молодой красавецъ князь Данила, такой же яркій и блестящій, какъ и отецъ его, сопровождаемый своею особою свитою, въ такихъ же богатыхъ и сверкающихъ нарядахъ, съ такимъ же шумомъ и бряцаньемъ оружїа продвигаясь черезъ наполнявшую дворикъ толпу.

Оказалось, что я выбралъ очень удобное мѣсто для наблюденія, потому что внутри церкви, въ давкѣ и жарѣ, я не могъ бы такъ хорошо рассмотреть всѣхъ входившихъ и выходившихъ; хотя меня не разъ вызывались провести въ церковь познакомившіеся съ нами вліятельные черногорцы, но я настойчиво отказывался отъ этихъ приглашеній, и нисколько не раскаялся въ этомъ. Жена моя попала-было въ большую тѣсноту, но митрополитъ Митрофанъ, служившій обѣдню и уже намъ знакомый, замѣтилъ ее и выслалъ изъ алтаря священника, который помѣстилъ ее на сравнительно просторное мѣсто на солеѣ. Обѣдня продолжалась довольно долго, часа полтора или два; въ концѣ ея, по греческому обычаю, не соблюдаемому у насъ въ Россіи, митрополитъ раздавалъ всѣмъ молящимся кусочки артоса; подавая освященный хлѣбъ князю, княгинѣ и взрослымъ дочкамъ ихъ, онъ у всѣхъ у нихъ цѣловалъ руки, не подавая имъ цѣловать своей руки, что совсѣмъ не похоже на существующій у насъ для этихъ случаевъ обычай.

Я дождался обратнаго выхода князя и его семьи, чтобы еще подробнѣе взглянуть въ нихъ и ихъ свиту, и, захвативъ жену, не безъ труда отыскалъ въ толпѣ нашего посланника. Оказа-

лось, что вышло маленькое недоразумѣніе. Г. Аргиропуло испросилъ у князя аудіенцію на сегодняшний день не только для меня, но и для моей жены, между тѣмъ какъ она на это вовсе не рассчитывала, и, не имѣя съ собою въ дорогѣ платья, требуемаго этикетомъ княжескаго двора для представленія княгини, тѣмъ болѣе въ таковой торжественный національный праздникъ, даже лишена была возможности явиться въ княжескій дворецъ безъ явнаго нарушенія приличій. Хотя изъ этого выходила нѣкоторая неловкость и для меня, и для г. Аргиропуло, но поправить дѣло было нельзя, и мы отправились съ нимъ вдвоемъ, конечно, пѣшкомъ, какъ ходятъ всѣ въ Цетинѣ, какъ шель, возвращаясь во дворецъ, самъ князь съ своею семьею и митрополитъ съ духовенствомъ. Митрополитъ, впрочемъ, шель церковною процессіею, съ крестами и хоругвями, въ придворную церковь, недавно построенную между монастыремъ и дворцомъ, не доходя до него нѣсколько десятковъ сажень. Въ монастырѣ было отправлено общее богослуженіе по случаю національнаго и церковнаго праздника; въ придворной же церкви нужно было отслужить семейный молебень по случаю именинъ маленькаго князька. Поэтому въ эту церковь, тоже очень небольшую, вошла только княжеская семья да нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ княжества, особенно близкихъ ко двору. Посланникъ нашъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ и довѣріемъ князя и постоянно бывавшій въ его семействѣ какъ частный знакомый, тоже считъ себя обязаннымъ присутствовать на этой семейной молитвѣ и ввелъ съ собою въ княжескую церковь и меня. Митрополитъ служилъ очень чинно, хоръ пѣлъ весьма изрядно, и моему русскому сердцу было отрадно слышать здѣсь, на далекихъ берегахъ Адриатики, съ дѣтства знакомые звуки православныхъ молитвъ на томъ же языкѣ, на которомъ поютъ ихъ у насъ въ сельскихъ церквахъ щигровскаго и тимскаго уѣзда. Князь все время стоялъ у аналоя, молча слѣдя за службою по лежавшей на немъ книгѣ. Молебень кончился скоро, и когда всѣ подошли поздравлять именинника-ребенка и его родителей, я удалился изъ церкви. Во дворецъ мы отправились съ посланникомъ тотчасъ же, какъ пошелъ туда и князь съ своимъ семействомъ. Огромныя входныя сѣни около лѣстницы, ведущей на второй этажъ, служатъ общею приемою дворца. Здѣсь обыкновенно толпятся просители и придворные. При входѣ нашемъ тутъ стоялъ молодой наслѣдникъ престола, князь Данила, и съ нимъ нѣкоторые изъ черногорскихъ министровъ. Посланникъ представилъ меня и тѣмъ, и другимъ. Князь Даниль любезно разпра-

пивать меня о моемъ путешествіи и о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня ихъ народный праздникъ. Познакомили меня также съ Божидаромъ Петровичемъ Нѣгошемъ, двоюроднымъ братомъ князя Николая, предсѣдателемъ сената; этотъ знаменитый, ни разу не побѣжденный побѣдитель турокъ во многихъ битвахъ, по виду совсѣмъ не похожъ на богатыря; онъ небольшого роста, сухой, порывистый въ движеніяхъ; несокрушимый духъ и быстрая рѣшимость свѣтятся въ его черныхъ оживленныхъ глазахъ. Изъ другихъ бывшихъ здѣсь лицъ свиты, которымъ представлялъ меня г. Аргиропуло, я запомнилъ только министра иностранныхъ дѣлъ Вуковича, министра финансовъ Матановича, да огромнаго швейцарца-воспитателя наслѣдника, котораго я встрѣтилъ еще ранѣе въ гостинницѣ, въ обществѣ французскаго посланника и котораго громоздкая красивая фигура въ черногорскомъ костюмѣ гораздо болѣе напоминала подлиннаго черногорскаго юнака, чѣмъ педагога европейца.

И князь Даніиль, и министры князя по-русски не говорятъ, но свободно объясняются по-французски, потому что большинство изъ нихъ училось въ Парижѣ, по распоряженію предшественника князя Николая—Даніила, большого сторонника Франціи и всего французскаго.

Изъ нижней пріемной насъ ввели въ залъ второго этажа, украшенный прекрасными портретами князя Даніила, Мирка Петровича и другихъ членовъ княжеской фамиліи. Отсюда адъютантъ князя попросилъ насъ пройти во внутренніе покои. Князь Николай встрѣтилъ насъ во второй гостиной, стоя, и подаль намъ руку, любезно пригласивъ въ третью гостиную, гдѣ на креслахъ сидѣла княгиня Милена съ своими тремя дочками. Тутъ же стоялъ стройный юноша Мирко и маленькій хорошенькій княжичъ Петръ, сегодняшній именинникъ. Княгиня указала мнѣ на кресло рядомъ съ нею и княземъ, а посланникъ нашъ, бывший здѣсь совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ, подсѣлъ къ молодымъ княжнамъ.

Расположеніе и убранство комнатъ княжескаго дворца ничѣмъ не напоминаетъ Востока, а вполне европейское; особенной роскоши ни въ чемъ незамѣтно, но все хорошо и прилично, какъ въ любомъ достаточномъ домѣ Москвы или Петербурга.

Повидимому, г. Аргиропуло заранѣе рассказалъ княгинѣ и князю о моихъ дальнихъ путешествіяхъ, потому что княгиня съ этого и начала разговоръ; и она, и князь спросили меня, отчего жена моя не захотѣла представиться имъ, и чтобы не обнаруживать происшедшей путаницы, я долженъ былъ выдумать, что ей

сдѣлалось дурно въ тѣснотѣ церкви, и она чувствуетъ себя слабой. Князь сообщилъ намъ, что ѣдетъ на дняхъ въ Ниешичъ закладывать новый храмъ и скажетъ тамъ политическую рѣчь, едва ли пріятную его сосѣдѣ Австріи. Насъ онъ звалъ туда же, а встати назвалъ мнѣ болѣе интересныя мѣста Черногоріи, совѣтуя непременно проѣхать туда и вообще пожить подольше въ его княжествѣ, чтобы основательно познакомиться со всѣмъ. Княгиня очень много вспоминала и, кажется, искренно восхищалась Россіей, Петербургомъ, Москвою, и спрашивала меня о разныхъ русскихъ дѣлахъ, ее, видимо, интересовавшихъ. И князь, и княгиня говорили по-французски; князь Николай, кажется, понимаетъ по-русски, только стѣсняется говорить; по-французски же онъ выражается вполне свободно, такъ какъ учился въ Парижѣ, а княгиня Милена выучилась этому языку уже будучи взрослою и сдѣлавшись владѣтельной княгиней. Любезная простота и ласковость обращенія князя и княгини по истинѣ очаровали меня; оба они еще вполне сохранили не только бодрость силъ, но и своего рода красоту, зрѣлую и величественную. Рѣдкій по живописности мѣстный нарядъ ихъ дѣлаетъ эту могучую пару супруговъ типическими представителями настоящего черногорскаго мужа и настоящей черногорской женщины...

Несмотря на мягкія цивилизованныя манеры князя и на его европейскую рѣчь, въ этой богатырской груди, широкой какъ стѣна, въ этихъ изъ бронзы отлитыхъ плечахъ и смѣло глядящихъ очахъ сидитъ еще безстрашный черногорскій юнакъ, лично водившій свои побѣдоносныя четы на турецкіе баталіоны. Но этотъ юнакъ и вождь еще народный поэтъ, какъ его предокъ владыка Радо; горы и ущелья его пустынной родины вдохновляютъ его не только громомъ битвъ, но и тихими радостями творчества. Князь Николай—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ поэтовъ своего народа; красоты черногорской природы, какъ красоты черногорской души, умирающей за свою бѣдную родину, нашли въ князѣ Николаѣ своего нѣжнаго и страстнаго пѣвца.

На прощаніе князь выразилъ мнѣ сожалѣніе, что мы такъ скоро уѣзжаемъ изъ Цетинья и не можемъ дожидаться его отъѣзда въ Никшичъ, чтобы въ одно съ нимъ время отправиться туда на предполагаемое празднество, на которое соберется все выдающееся въ Черногоріи.

IX.—Русскія симпатіи черногорцевъ.

Мы были приглашены завтракать къ посланнику нашему, у котораго собралось все крошечное русское общество, имѣвшееся на лицо въ Цетиньѣ. Здѣсь мы познакомились, кромѣ секретаря посольства, г. Вурцеля, съ С. Н. Мертваго, директрисою русскаго цетинскаго института для дѣвицъ, который она съумѣла въ короткій срокъ поставить на блестящую ногу послѣ большого упадка его при прежней начальницѣ, когда во всемъ институтѣ едва оставалось 8 ученицъ, и князь Николай только изъ уваженія къ русской императрицѣ, давшей институту имя свое, не рѣшался окончательно закрыть его, какъ совершенно безполезный. Помощница г-жи Мертваго, М. А. Матренинская, оказалась даже изъ нашихъ мѣстъ, такъ что у насъ нашлось много общихъ знакомыхъ. Много разспрашивали мы у своихъ гостепріимныхъ земляковъ о Черногоріи и черногорцахъ, и они сообщили намъ много полезнаго. Г. Аргиропуло знаетъ отлично и страну, и народъ, и пользуется здѣсь вполне заслуженною любовью и авторитетомъ. Онъ самъ любитъ Черногорію какъ вторую родину свою, а это—огромное условіе для того, чтобы приносить пользу народу, среди котораго дѣйствуешь. Къ сожалѣнію, далеко не всегда это дорогое условіе встрѣчается среди дипломатовъ нашихъ, имѣющихъ дѣло съ маленькими скромными государствами.

Женскій институтъ въ Цетиньѣ содержится почти исключительно на русскія средства.

Вѣдомство императрицы Маріи вмѣстѣ съ святѣйшимъ синодомъ даютъ жалованье директрисѣ, министерство народнаго просвѣщенія отпускаетъ 10.000 флориновъ на содержаніе института; кромѣ русской директрисы, двѣ учительницы института тоже русскія; остальные учителя выбираются изъ лучшихъ черногорскихъ профессоровъ. Институтъ успѣлъ уже выпустить 46 хорошо подготовленныхъ дѣвушекъ, свободно говорящихъ по-русски. Исторія, географія, русскій языкъ преподаются въ институтѣ на русскомъ языкѣ, кое-что преподается по-французски, а остальные предметы—по-сербски. Въ числѣ ученицъ есть 20 дѣвочекъ изъ австрійской Сербіи, и если бы не строгія запрети-тельные мѣры Австріи, ихъ было бы значительно больше; можно сказать, всѣ бы потянули сюда. Нельзя не сочувствовать глубоко такой мудрой политической и патріотической мѣрѣ, какъ учрежденіе русскаго учебнаго заведенія среди родственнаго намъ

и всегда дружественнаго племени. За бокалами шампанскаго, которое любезный хозяинъ предложилъ выпить за наше здорье, и за оживленною бесѣдою мы просидѣли часовъ до пяти, когда посланнику нужно было ѣхать на официальный обѣдъ къ князю. Мы унесли самое теплое воспоминаніе о нашихъ милыхъ цетинскихъ землякахъ, такъ радушно принявшихъ подъ своимъ кровомъ скромныхъ странниковъ изъ далекой родины. Въ этотъ же день всѣ мы, полною русскою колоніею, проводили на морскія купанья въ Ульцинъ (Дульциньо) глубоко любимаго и уважаемаго всѣми Ровинскаго, — „Павла Русса“, какъ зовутъ его черногорцы. Мы усадили его въ красный четырехъ-мѣстный дилижансъ, какіе уже теперь рѣдко встрѣтишь въ Европѣ. Мѣсто внутри стоитъ до Ульцина всего 2 флорина. Загудѣлъ рогъ кондуктора на подобіе трубы іерихонской, и красная колымага, гремя колесами и цѣпями, какъ колесница Ильи пророка, покатилась по мостовымъ Цетинья тою же дорогою, что недавно проѣзжали и мы, направляясь въ Рѣку Черноевича.

У насъ въ Цетиньѣ, благодаря Ровинскому и меру города, нашему хозяину, скоро набралось довольно много знакомыхъ. Всякій, кто сколько-нибудь могъ объясняться по-русски, интересовался познакомиться съ русскими путешественниками, которые очень рѣдко заглядываютъ сюда. Мой титулъ писателя тоже отчасти помогалъ этому. Познакомились мы такимъ образомъ съ редакторомъ „Гласа Черногорца“, единственной газеты этой маленькой страны, съ нѣсколькими врачами, учившимися въ Россіи, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, съ аптекаремъ Дречемъ, большимъ руссофиломъ, пятнадцать лѣтъ прожившимъ въ Россіи, и съ многими другими, наиболѣе интеллигентными черногорцами; образованная молодежь уже, повидимому, не вдохновляется старыми боевыми идеалами и суровою простотою быта черногорскихъ юнаковъ, невольно отодвигаемыми теперь назадъ ходомъ исторіи. Они вздыхаютъ по недостатку культурной дѣятельности, культурныхъ развлеченій, и съ сочувственною завистью сравниваютъ счастливое положеніе русскаго культурнаго человѣка — съ своимъ тяжелымъ жребіемъ.

Но эти отдѣльныя единицы, отрываемыя отъ родной почвы неодолимымъ движеніемъ цивилизаціи, еще тонуть пока, какъ щепки въ морѣ, въ сплошной массѣ непочатаго черногорскаго рыцарства. Одного изъ такихъ колоссальныхъ сѣдоусыхъ витязей остановилъ гулявшій съ нами знакомый черногорецъ, чтобы спросить, за чтѣ получилъ онъ русскій георгіевскій крестъ и множество другихъ орденовъ, украшавшихъ его могучую грудь.

— А не знаю, за коя и за колико битвовъ! доста ихъ было!
— добродушно разсмѣявшись, отвѣчалъ воинъ.

Утромъ нужно было намъ отправляться въ предположенное путешествіе по Черногоріи. Мы намѣтили себѣ путь на Подгорицу, Спужъ, потомъ по долинѣ Зеты черезъ Даниловъ-градъ и землю Бѣлопавличей въ Орью-Луку и Никшичъ; изъ Никшича намъ хотѣлось заѣхать еще въ имѣнье Божицара Петровича, къ женѣ котораго мы имѣли письмо отъ г-жи Мертваго, а потомъ въ знаменитый монастырь Острогъ, гдѣ покоятся мощи св. Василия, — эта глубоко почитаемая народная святыня Черной-Горы.

Выѣхали мы, по обыкновенію, очень рано, въ четыре часа утра, наскоро уложившись. Пришлось еще разъ повторить ту же дорогу до Рѣки, которую мы уже два раза проѣхали; но все-таки мы съ удовольствіемъ любовались на знакомыя уже глубокія провалы горныхъ котловинъ и на весело глядѣвшія изъ нихъ черногорскія селенья. Дорога была полна народа, уходившаго съ праздника; многіе были еще щеголевато разодѣты, а другіе уже сняли свои праздничные наряды и несли ихъ кто въ узлахъ, кто въ узкихъ, длинныхъ ящикахъ. Разноцвѣтная, живописная толпа мужчинъ и женщинъ, съ веселымъ смѣхомъ, говоромъ, пѣснями, просто лилась по крутизнамъ горъ, настигая и обгоняя нашу коляску.

Въ Рѣкѣ нужно было отдохнуть и покормить лошадей. Мы остановились, разумѣется, у знакомой уже кафаны, и когда довольный хозяинъ вынесъ намъ на улицу подъ дерево столикъ и скамейки, чтобы накормить насъ завтракомъ и напоить пивомъ и кофе, то къ намъ сейчасъ же дружелюбно подсѣлъ старый нашъ гребецъ и съ нимъ нѣсколько другихъ мимолетныхъ уличныхъ знакомцевъ нашихъ. Всѣ они переважно пожимали наши руки и съ полнымъ достоинствомъ осушали предлагаемые стаканы пива.

Въ кафанѣ по прежнему вѣчно праздные войники, развалившись въ небрежно граціозныхъ позахъ, собравшись живописными группами въ своихъ картинныхъ нарядахъ, рѣзались въ карты, потягивая дешевое мѣстное вино. Виноградники и сады гранатъ, смоквонницъ, айвы и разныхъ другихъ фруктовъ покрываютъ пригорки Рѣки и доставляютъ жителямъ возможность обходиться собственнымъ виномъ и собственными плодами. Изъ Рѣки мы повернули рѣзко на западъ, какъ разъ мимо простенькаго зимняго домика князя Николая. Дорога нѣкоторое

время шла по надъ берегомъ рѣки Рѣки, стариннаго Обода; сверху рѣка казалась намъ длиннымъ и узкимъ зеленымъ лугомъ, среди котораго сочилась тонкая ленточка воды: такимъ сплошнымъ зеленымъ ковромъ устлали ее кувшинки съ помощью своихъ круглыхъ широкихъ листьевъ. Потомъ мы повернули къ сѣверо-западу внутрь страны, покинувъ долину Рѣки.

Окрестности тутъ мало интересны и однообразны: вездѣ кругомъ невысокія горы, покрытыя сѣрыми камнями да тощими и рѣдкими молодыми лѣсками дуба. Проѣхали село Ничку-Каменицу съ запущенными виноградниками по долині. Пока мы больше спускаемся, чѣмъ поднимаемся. Окрестности становятся все больше и больше каменистыми. На одномъ изъ крутыхъ подъёмовъ—совсѣмъ каменоломня кругомъ; среди рѣдкой дубовой и буковой поросли вездѣ наворочены бѣлесоватые камни.

Бѣжо останавливается и приглашаетъ насъ посмотрѣть вокругъ.

— На этомъ мѣстѣ жестокая битва была черногорцевъ съ турками, давно еще!—говорить онъ. —Видите, вонъ, камни бѣлые торчмя воткнуты, сколько ихъ тутъ! счесть нельзя! Каждый камень на томъ самомъ мѣстѣ поставленъ, гдѣ лежало тѣло убитаго черногорскаго воина; сколько вы камней видите, столько и убитыхъ тутъ было! Тѣла ихъ перенесли въ родныя селенья, отсюда кто былъ, и тамъ похоронили; а для памяти воткнули эти камни!..—разъяснялъ намъ словоохотливый Бѣжо.

Стоячихъ камней дѣйствительно было множество,—словно крестовъ на старомъ деревенскомъ погостѣ у насъ на Руси.

— Какъ мѣсто зовется?—спросили мы.

— Царевъ-Лазъ! — отвѣчалъ съ какимъ-то благоговѣніемъ Бѣжо.—Тутъ владыка Даніилъ пашу турецкаго побилъ...

Эта знаменитая битва владыки Даніила особенно дорога по воспоминаніямъ всякому черногорцу, потому что по стеченію тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ побѣда турокъ совершенно уничтожила бы независимость Черногоріи.

Битва при Царевъ-Лазѣ случилась очень скоро послѣ неудачи русскихъ въ Прутскомъ походѣ. Петръ Великій своимъ свѣтлымъ умомъ постигъ всю пользу, какую Россія могла получить отъ балканскихъ славянъ въ борьбѣ съ такимъ страшнымъ врагомъ, какимъ была еще тогда Турція, а геройская Черногорія, грудью сохранявшая свою свободу въ неприступныхъ горахъ и ущельяхъ, обращала на себя въ этомъ отношеніи особенное вниманіе великаго царя. Полковникъ Милорадовичъ, сербъ родомъ, и капитанъ Иванъ Лукашевичъ изъ Подгорицы,

бывшіе на русской службѣ, присланы были посланниками къ владыкѣ съ милостивою грамотою Петра. Петръ увѣдомлялъ владыку и народъ черногорскій, что рѣшился начать войну съ невѣрными турками, чтобы „утѣсненныхъ православныхъ христіанъ, если Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить“, общая „самоперсонно вступить противъ враговъ вѣры съ любезно вѣрными и искусными нашими войсками“ и приглашая черногорцевъ „древнія свои славы обновити“, „и единокупно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу Вашу, за свободу Вашу и наслѣдниковъ Вашихъ“, „да имя Христово вѣще прославится, а поганина Магомета наслѣдники прогнаны будутъ въ старое ихъ отечество, во пески и степи Аравіи“.

Владыка былъ сильно обрадованъ такимъ неожиданнымъ могучимъ союзникомъ. Онъ собралъ свой народъ и держалъ имъ такую рѣчь: „мы, братья черногорцы, слышали, что Богъ знаетъ, какъ далеко, гдѣ-то на сѣверѣ, есть христіанскій царь. Всегда мы желали узнать о немъ и его царствѣ, но заключенные въ горахъ ни отъ кого не могли получить извѣстій“.

„Но вотъ мы видимъ его посланниковъ, вотъ его грамоты въ нашихъ рукахъ; не съ чужими посланниками говоримъ, но съ нашими братьями сербами, и они сказываютъ намъ, что есть Петръ 1-й Великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и его царство Богомъ благословенно, сильно и пространно отъ всѣхъ царствъ свѣта; онъ ратуетъ съ турками и не ищетъ другой славы, какъ освободить церкви и монастыри Христовы, воздвигнуть на нихъ крестъ, родъ христіанскій избавить отъ тяжелаго ига турецкаго. Мы должны молить Бога, да будемъ ему помощниками... Мы съ русскими одной крови и одного языка. Вооружитесь, братья черногорцы, и я, не жалѣя ни имущества, ни жизни, пойду съ вами на службу царю христіанскому и нашему отечеству“...

Общій восторгъ народа былъ отвѣтомъ на эту рѣчь.

„Слава великому Богу! — кричали черногорцы по словамъ народной пѣсни:—мы видѣли письма отъ *нашего* царя славянскаго и православнаго! Никогда мы не помышляли дожить до того времени, когда узнаемъ о немъ. Мы слышали, что живетъ онъ на свѣтѣ тамъ, гдѣ и слышать ему о насъ невозможно. Когда же онъ услышалъ и знаетъ насъ, вотъ наши сабли при поясѣ, вотъ наши ружья въ рукахъ, мы исправны и готовы съ веселыми сердцами ударить на турокъ“!

Черногорское войско храбро бросилось къ границамъ Алба-

ніи и прошло огнемъ и мечемъ до самаго Скадра-града на Боянѣ-рѣкѣ.

„Не сказалъ бы ты, милый братъ, что идутъ съ турками биться, но на пированіе пить холодное вино и пѣть веселыя пѣсни“!—прибавляетъ народная былина.

Къ великому сожалѣнію, Прутскій походъ Петра Великаго окончился обиднымъ для насъ миромъ, и покинутая Россіею Черногорія, въ пользу которой ничего не было оговорено въ мирномъ договорѣ, осталась одна съ своею ничтожною горстью храбрецовъ глазъ-на-глазъ съ турецкими полчищами.

Турки были увѣрены, что теперь раздавать ее навсегда.

И вотъ въ эту-то минуту смертельной опасности для нея разразился геройскій бой на Царевомъ-Лазѣ, и ободрившіеся орлы Черной-Горы опять свободно вздохнули... 15.000 турецкихъ тѣлъ остались среди камней горнаго прохода, черезъ который мы теперь проѣзжаемъ.

Черезъ два года, впрочемъ, 120-тысячное войско султана, подъ начальствомъ знаменитаго визиря Душманъ-паши Чуприловича, все-таки вторглось въ Черногорію и разорило ее изъ края въ край, уничтоживъ церкви и монастыри, въ томъ числѣ и цетинскій. Самъ владыка едва уцѣлѣлъ отъ гибели; кто не могъ держать оружія, дѣти, старики, бѣжали въ Поморье, гдѣ вѣроломные венеціанцы выдавали ихъ головою туркамъ. Тогда Данилъ бросился въ Россію, къ новому союзнику своему. Петръ снабдилъ его деньгами (15.000 р.), книгами, церковною утварью, прислалъ награды храбрецамъ, обѣщалъ высылать ежегодную денежную помощь, и съ этого-то времени и начинается постоянная связь черногорцевъ съ Россіей. Русскіе червонцы дали возможность этой бѣдной странѣ обзавестись хотя самыми необходимыми боевыми припасами для непрекращавшейся борьбы съ Турціею, порошкомъ, свинцомъ, ружьями, и съ ихъ помощью отстаивать свою независимость. Послѣдующіе владыки, по примѣру Данила, не разъ лично ѣздили въ родную имъ Россію, черпая въ ней и нравственную и матеріальную помощь; ѣздилъ ко двору Елизаветы Петровны владыка Савва, преемникъ Данила, тоже вернувшійся съ деньгами и съ похвальною грамотою геройской храбрости „единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ славянъ“; ѣздилъ потомъ три раза владыка Василій, даже умершій въ Россіи, при которомъ 15 черногорскихъ юношей были привезены въ Петербургъ и опредѣлены въ шляхетный военный корпусъ. Книги, церковные сосуды и облаченья щедро высылались тогда изъ Россіи въ разоренные церкви и монастыри, которые съ этою по-

мощью понемногу возстановлялись и отстраивались владыками. Нравственная связь черногорцевъ съ Россією черезъ всѣ эти сношенія мало-по-малу такъ усилилась, а вѣра черногорцевъ въ русскаго царя, какъ естественнаго покровителя и защитника Черногоріи, стала такою всеобщей, что во всѣхъ церквахъ Черногоріи имя русскаго царя поминалось при богослуженіи въ теченіе почти полутора столѣтій, пока французоманія перваго свѣтскаго князя Черногоріи, Даниїла, современника императора Николая Павловича, подпавшаго подъ вліяніе западныхъ державъ, не прекратила этого трогательнаго народнаго обычая черногорцевъ.

Несмотря на разныя неправды и ошибки нашей дипломатіи, много разъ покидавшей безъ помощи нашу всегда вѣрную геройскую союзницу, подчасъ оскорблявшей ее недовѣріемъ и несправедливыми обвиненіями,—народъ черногорскій ни разу не усомнился въ Россіи и продолжалъ вѣрить въ непоколебимую правду и любовь къ Черногоріи русскихъ царей, приписывая всѣ случавшіяся обиды и ошибки недобросовѣстности царскихъ слугъ.

Когда одинъ изъ нашихъ путешественниковъ спросилъ перваго попавшагося мальчишку въ черногорской деревнѣ, слышать ли онъ что-нибудь о *русскихъ и русскомъ царѣ*, то ребенокъ отвѣчалъ ему: „Руси су братья наша, а царъ руски е велики пріатео (пріятель) нашего господара и безъ нега (него) нашъ господаръ ништа не ради (ничего не дѣлаетъ)“. Почти тѣми же словами выражали мнѣ десятки разъ простые черногорцы, рыбаки, хозяева кофеенъ, войники,—свой взглядъ на русскій народъ и русскаго царя.

Взглядъ этотъ выразился и во множествѣ старыхъ и новыхъ пѣсенъ черногорцевъ, извѣстныхъ каждому здѣшнему пастуху, который такимъ образомъ съ дѣтства приучается представлять себѣ русскаго царя, какъ естественнаго защитника и друга Черногоріи; „онъ брачу црногорце любви, као свое русе на Русіи“ (онъ также любитъ братьевъ черногорцевъ, какъ своихъ русскихъ въ Россіи), поется въ одной изъ такихъ пѣсенъ. Россію черногорецъ представляетъ себѣ какъ величайшую и сильнѣйшую страну, съ которой не подъ силу сладить цѣлому міру, которая захватываетъ собою полъ-свѣта.

„Полгода солнце свѣтитъ русской землѣ, а полгода ужъ остальному свѣту“, поетъ другая черногорская пѣсня.

Еще одна пѣсня ихъ такъ выражается о русскомъ царѣ:

Не было бы креста трехперстнаго,
Еслибъ не было великаго орла,
Великаго царя російскаго.

Какъ отзвучіе этой пѣсни, черногорцы часто говорятъ про-
межъ себя: „Да би Русіе ніе било, не би било креста одъ три
прста (трехперстнаго креста)“.

Самому тяжкому испытанію въ своей вѣрности Россіи под-
верглись черногорцы въ 1803 году, въ царствованіе Александра
Благословеннаго, когда русская дипломатія, руководимая людьми,
совершенно чуждыми славянству и историческимъ задачамъ Рос-
сін, едва-было не совершила величайшей несправедливости отно-
сительно благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго вождя Черной-
Горы.

Завистники энергическаго владыки, святопочившаго Петра I,
одного изъ величайшихъ патріотовъ своего отечества, оказавшаго
Черногоріи незабвенныя услуги, наклеветали на него, будто бы
онъ, по наущенію своего секретаря, французскаго аббата Дольчи,
рѣшился за 25.000 рублей предать Черногорію въ руки фран-
цузовъ. Въ Черногорію посланъ былъ недругъ владыки, графъ
Ивеличъ, съ собственноручнымъ письмомъ императора и съ по-
сланіемъ св. синода къ черногорскому владыкѣ. Св. синодъ, не
сдѣлавъ ни малѣйшей попытки провѣрить клеветы на владыку,
обвинялъ его въ „величайшемъ преступленіи и несправедливости“
и призывалъ этого вождя независимаго народа „немедленно на
судъ, дабы доказать свою невинность или подвергнуться нака-
занію, если окажется виновнымъ“. Въ противномъ случаѣ синодъ
грозилъ владыкѣ „лишить его сана и отлучить отъ церкви, какъ
недостойнаго сына, измѣнника отечеству, призвавъ черногорскій
и бердскій народъ избрать достойнѣйшаго пастыря и послать его
въ Петербургъ для посвященія“.

Вся Черногорія пришла въ глубочайшее негодованіе отъ
этого оскорбительнаго посягательства на честь ея владыки и на
ея свободу. Черногорскіе главари послали пространный отвѣтъ
графу Ивеличу, въ которомъ съ большимъ достоинствомъ за-
являли о своей независимости и отрицали у русскаго синода
всякое право вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла.

„Со времени паденія сербскаго царства,—писали воеводы
Черной-Горы,—чтобы удалиться отъ враговъ Христова имени, мы
убѣжали въ эти горы и основали тутъ свое пребываніе, ни отъ
кого независимое, получая только указанія и завися только отъ
власти нашихъ *митрополитовъ*, какъ нашихъ пастырей, и отъ
нихъ мы научились защищать православную вѣру и нашу сво-
боду. Теперешній нашъ владыка больше, чѣмъ всякій другой,
сдѣлавъ уже для насъ, и дѣлаетъ... и мы обязаны ему вѣчною
благодарностью за сохраненіе нашей свободы“. „Нашъ митро-

полить остается въ нашей церкви независимымъ, не подчиняясь ничьей власти“; „черногорцы и бердине—не подданные Россійской Имперіи... и единственно вслѣдствіе одинаковости вѣры и народности мы сохраняемъ привязанность, вѣрность и любовь къ русскому двору, каковыми и пребудемъ навсегда“... „будемъ любить Россію и останемся ей вѣрны, пока она сохранитъ православную вѣру, объявляя, однако, при всемъ томъ, что и мы не желаемъ поступить въ подданическія отношенія къ ней... и будемъ защищать свободу, завѣщанную намъ въ наслѣдство нашими предками, до послѣдней крайности, готовые всѣ скорѣе умереть съ саблею въ рукахъ, чѣмъ сдѣлаться низкими рабами какого бы то ни было государства. До сихъ поръ никто не осмѣливался ставить нашего владыку подъ отвѣтственность передъ русскимъ синодомъ; поэтому мы никому не позволимъ присвоить себѣ право судить его дѣйствія“.

Въ то же время было написано письмо къ императору Александру, въ которомъ излагались жалобы на злокозненные дѣйствія гр. Ивелича и его друга Вучетича, и которое кончалось такъ:

„Нашъ владыка не заслужилъ, чтобы кто-либо осмѣлился прійти въ его домъ и нарушить его свободу и относиться къ нему такимъ тиранскимъ способомъ; пока мы живы, нѣтъ той человѣческой силы, которая бы отважилась на такое насилие“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ черногорцы торжественно заявляли о своей всегдашней преданности своему высокому покровителю, русскому царю, и просили его прислать для дознанія чистой истины „честнаго человѣка какъ своего уполномоченнаго, только природнаго русскаго“.

Императоръ исполнилъ ихъ просьбу, и истина дѣйствительно разъяснилась, а впослѣдствіи тотъ же самый св. синодъ призналъ святопочившаго владыку Петра причисленнымъ къ лику святыхъ православной церкви.

Но всего поучительнѣе то обстоятельство, что никто другой, какъ владыка Петръ, такъ незаслуженно оскорбленный Россією, оставилъ въ своемъ завѣщаніи преемникамъ своимъ и черногорскому народу такое закліаніе:

„Да будетъ проклятъ тотъ, кто бы покусился отвратить васъ отъ вѣрности благочестивой и христіюливой Россіи, и всякому, кто бы изъ васъ, черногорцевъ и бердянъ, пошелъ противъ единоплеменной и единовѣрной намъ Россіи, дай Богъ, чтобы у него у живого отпало мясо отъ костей, и не было бы ему добра ни въ этой жизни, ни въ будущей“!

Этотъ завѣтъ святого владыки до сихъ поръ остается руководящимъ знаменемъ и князей, и народа черногорскаго.

Между прочимъ и сказочный успѣхъ самозванца Степана Малаго, въ теченіе семи лѣтъ деспотически правившаго вольнолюбовою Черногорією, объясняется не чѣмъ инымъ, какъ обаятельнымъ для черногорцевъ именемъ русскаго царя, за котораго выдавалъ себя смѣлый и талантливый авантюристъ, назвавшійся Петромъ III. Когда по адриатическому поморью прошла вѣсть, что въ глухомъ монастырѣ Майнѣ скрывается самъ русскій императоръ Петръ III, то торговые и богатые славянскіе жители Далмаціи прислали ему золотой скипетръ и корону, а простодушные горцы Берды, Зеты и Черной-Горы — въ томъ числѣ племена кучей, бѣлопавличей и пиперовъ, не принадлежавшіе еще къ черногорскому княжеству, — провозгласили его своимъ господаремъ. Изъ Сербіи явился на поклонъ „русскому царю“ и благословилъ его на княженіе послѣдній сербскій патріархъ Василій Беркичъ...

Только авторитетъ мнимаго „русскаго царя“ далъ Степану возможность произвести многія важныя перемѣны въ самыхъ коренныхъ обычаяхъ черногорцевъ, — между прочимъ, уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабить кровавую месть, „крраву освѣту“, и гайдучество внутри страны; Степанъ посмѣлъ даже разстрѣливать черногорцевъ, нарушавшихъ его повелѣнія, чего никогда не было до него.

Когда турки, встревоженные появленіемъ мнимаго русскаго царя въ области, которою они надѣялись овладѣть, и подстрекаемые еще болѣе испуганными венеціанцами, ворвались съ трехъ сторонъ въ Черногорію съ 70.000 войска, а Венеція обложила въ то же время Черногорію со стороны Боки-Которской, то черногорцы, разстрѣлявъ весь свой порохъ и потерявъ уже многіе округи, все-таки наотрѣзъ отказались выдать султану „русскаго царя“.

„Придите и возьмите его сами!“ — по-спартански отвѣчали они турецкимъ посламъ.

При Екатеринѣ II Черногорія заключила формальный союзъ съ Россією. „Увѣряемъ васъ торжественнымъ и сильнымъ словомъ своимъ, — писала Екатерина въ грамотѣ 29 января 1768, — что отъ сегодняшняго дня будемъ считать всѣхъ славянъ, которые примутъ участіе въ этой святой войнѣ, за пріятеля нашего царства, и что ихъ участь будетъ участію нашею, и когда мы сдѣлаемъ миръ, то не позабудемъ упомянуть о васъ, какъ о себѣ самихъ“.

Черногорцы дѣятельно помогли русскимъ въ ихъ первой

войнѣ съ Турцією, и въ самый годъ побѣды Румянцова подъ Кагуломъ разбили на голову тридцати-тысячное войско турецкаго паши Махмета.

Но, несмотря на всѣ увѣщанія Екатерины, не выдали и ей Степана Малаго, котораго искренно считали за русскаго царя Петра III, и который, впрочемъ, измѣннически убить былъ въ томъ же 1774 году своимъ слугою-грекомъ, подкупленнымъ турецкимъ пашою.

Однако, несмотря на торжественныя обѣщанія грамоты своей, Екатерина II, даже и послѣ побѣдоносной войны, не выговорила по Кучукъ-Кайнарджійскому миру ничего въ пользу Черногоріи, кромѣ общаго права своего покровительствовать балканскимъ славянамъ. Черногорцы и въ этотъ разъ, какъ послѣ Прутскаго похода Петра Великаго, оставлены были безъ всякой помощи и должны были въ одиночку продолжать отчаянную войну съ вѣковымъ врагомъ своимъ.

Но это не помѣшало геройскому племени еще разъ соединиться съ Россією, когда въ 1788 году Екатерина объявила новую войну Турціи и обратилась за помощью къ черногорцамъ, „своимъ старымъ вѣрнымъ союзникамъ“.

Въ третій разъ Россія забыла свою великодушную маленькую союзницу, и по мирному трактату въ Яссахъ 1791 г. опять о Черногоріи не было упомянуто ни слова.

И опять геройскій народъ принялъ на свою грудь всю тяжесть непосильной борьбы съ обрушившимся на него могущественнымъ врагомъ, и опять Балканскій полуостровъ былъ потрясенъ вѣстью о страшномъ разгромѣ турокъ орлами Черной Горы...

Вотъ мы переѣхали теперь границы рѣчской нахіи, и ѣдемъ уже нахією лѣшанской, тѣми самыми мѣстами, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1796 году, погибъ съ своимъ отрядомъ въ отчаянной рукопашной сѣчѣ, подъ ятаганами черногорцевъ, грозный и славный въ свое время визирь Албаніи, Кара-Махмудъ-Бушатлія. Налѣво отъ насъ скалистая Велья-Гора, и подъ нею большое черногорское село Градацъ, а за нимъ—село Крусы и гора Бусовникъ, уже примыкающая къ долинѣ Зеты. Между Градацомъ и Брусами, или, вѣрнѣе, между Вельей-Горою и Бусовникомъ, произошла эта великая битва, спасшая свободу Черногоріи.

Тогда разоренною и разстроенною Черногорією правилъ святопочившій Петръ I, энергически призывавшій черногорскія

племена сплотиться во-едино, прекратить свои междоусобицы и по старому стать на защиту вѣры и домовъ своихъ.

Кара-Махмудъ велѣлъ сказать ему: „не на Черногорію иду я войною, а на Берду, подвластную туркамъ!.. Если же можете Бердѣ, то я завоюю всю Черную-Гору“!

Берда до тѣхъ поръ не принадлежала еще къ Черногоріи, но въ это самое время бердяне заявили свое рѣшительное желаніе присоединиться къ ней, и владыка Петръ считалъ позоромъ выдать ихъ врагу.

„Бердяне такіе же мои братья, какъ и черногорцы!—отвѣчалъ ему Петръ.—И если не отложишь своего намѣренія, то мы будемъ противъ твоей силы и противъ нападенія твоего съ помощью Божьею биться до послѣдняго человѣка“!

Пороху между тѣмъ не было у черногорцевъ ни горсти, и владыка вынужденъ былъ послать въ Вѣну свою драгоценную митру, за которую австрійскій императоръ Леопольдъ II прислалъ ему 300 боченковъ пороху. Народное собраніе въ Цетинѣ, созванное владыкою, приговорило не выдать берчанъ, дать въ томъ твердую вѣру.

Кара-Махмудъ двинулся на черногорцевъ отъ р. Ситницы, которую мы сейчасъ переѣхали черезъ Лѣшко-поле, и сжегъ село Крусы. Съ нимъ было 40.000 войска. Черногорцевъ собралось не больше пяти съ половиною тысячъ, а по другимъ—только 4.000. Битва кинѣла три дня сряду. Самъ Кара-Махмудъ погибъ въ страшной сѣчѣ, и голова его была потомъ воткнута, какъ самый славный трофей, на зубцы цетинской башни, гдѣ она оставалась болѣе полустолѣтія, пока князь Даниилъ не велѣлъ снять ее и не прекратилъ навсегда этотъ дикій народный обычай. Ибрагимъ-паша, братъ Махмуда, едва увезенъ былъ раненный; три съ половиною тысячи турецкихъ труповъ остались на мѣстѣ, не считая раненыхъ. Отсѣчено было 74 головы однихъ только знатныхъ беговъ; кромѣ того, множество турокъ потонуло во время отчаяннаго бѣгства въ водахъ „великаго Зетскаго Езера“...

Х.—Подгорица и развалины древней Діоклеи.

Только недавно проѣхали мы рѣчку Ситницу, впадающую въ Морачу, оставивъ за собою историческія мѣстности кровавой памяти, а вотъ опять переѣзжаемъ съ громомъ по длинному каменному мосту какую-то большую рѣку.

— Это Морача!—важно сообщаетъ намъ Бѣжо.—Теперь сейчасъ Подгорица... Вонъ уже видны огни!

Среди густой тьмы, охватывавшей окрестность, мигавшіе впереди многочисленные огоньки казались особенно привлекательными для изрядно утомленных путниковъ.

Наконецъ мы гремимъ по широкой улицѣ, освѣщенной фонарями, обсаженной деревьями, и поворачиваемъ на какую-то площадь.

Въ гостинницѣ Ристо, какъ оказалось, насъ уже ждали. Любезный голова города Цетинья телеграфировалъ, чтобы намъ приготовили комнату и ужинъ.

Двухъ-этажный домъ гостинницы или, вѣрнѣе, постоялаго двора, былъ ярко освѣщенъ, пышныя широкія постели были постланы, и ужинъ, въ нашему великому удовольствію, былъ поданъ очень скоро. Добродушный хозяинъ, черногорецъ большого роста, въ одной рубашкѣ, безъ гуни и джемадана, по случаю жаркаго времени, не жалѣлъ ничего, чтобы угостить рѣдкихъ русскихъ гостей. Ужинъ намъ подали обильный: и форель, по-черногорски „пастрву“, и „чорбу“ изъ баранины, и курицу, и кислое молоко; бутылка очень порядочнаго приморскаго вина, густого до черноты, скрасила его еще больше и оказалась особенно кстати послѣ долгаго пути. Хозяинъ нашъ холостъ, но съ нимъ живетъ и ведетъ домашнее хозяйство его родная сестра, могучая и роскошная красавица, какихъ не всегда можно встрѣтить. Глядя на нее, я невольно вспомнилъ стихъ Тургенева:

Такая дѣвушка не вздоръ
Въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый.

Черногорцы безперемонны и демократичны, какъ истыя дѣти природы. Ихъ непринужденность и простота въ обращеніи невольно вселяютъ уваженіе въ нихъ. Никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ, что между нимъ и вами можетъ быть какая-нибудь разница. Онъ свободно протягиваетъ вамъ руку, садится съ вами за столъ, чокается съ вами стаканчикомъ; то же сдѣлаетъ онъ и съ своимъ воеводою.

Въ прежнее время и съ самимъ владыкою обращались такъ же просто, но со временъ князя Данила, усвоившаго многіе европейскіе взгляды и обычаи, эта трогательная патриархальная простота уже мало-по-малу стала исчезать.

Послѣ ужина, за которымъ пріятельски бесѣдовали съ нами хозяинъ, онъ уговорилъ насъ пройтись по улицамъ Подгорицы; ему, очевидно, не терпѣлось похвастаться передъ своими просвѣщенными братьями-русскими новѣйшею цивилизаціею его родного городка! Онъ съ увлеченіемъ восхвалялъ богатство, мно-

голюдство, благоустройство Подгорицы, ея магазины, ея улицы, ея дома, и хотя дѣйствительность, какъ мы уже заранѣе предвидѣли, опровергла довольно грубо его патріотическія похвалы. Но тѣмъ не менѣе было такъ понятно, что недавнему дикарю, жившему столько лѣтъ въ какой-нибудь полутемной и тѣсной „кучѣ“ горнаго ущелья, дешевая роскошь мало-мальски торговаго и люднаго городка съ фонарями и мощеною улицею должна была казаться чуть не Парижемъ своего рода.

Луна взшла уже довольно высоко, и прогулка въ тихую ночь по безмолвнымъ улицамъ незнакомаго городка, послѣ долгаго сидѣнья въ экипажѣ, была не лишняя.

Смотрѣть собственно въ городѣ было рѣшительно нечего; лавки были уже заперты, и только въ нѣсколькихъ кофейняхъ свѣтились гостепріимные огоньки, около которыхъ кучки запоздалыхъ посѣтителей, въ характерныхъ воинственныхъ одеждахъ своихъ и характерныхъ воинственныхъ позахъ, курили трубки и играли въ карты, освѣщенные красноватымъ отблескомъ огня, и кидая отъ себя рѣзкія, какъ чернила черныя тѣни, точно живыя картины какаго-нибудь Рембрандта.

Новый пріятель нашъ настоялъ, чтобы и мы съ нимъ зашли въ одну изъ такихъ кофейенъ и выпили съ нимъ по стаканчику вина, за которое онъ ни за что не позволилъ намъ платить. Вино было прескверное, но отъ угощенія пріятеля отказываться было неловко, и пришлось, скрѣпя сердце, проглотить кислятину.

— Ристо всѣ русскіе любятъ, у Ристо всѣ русскіе останавливаются! И самъ Аргиропуло, посланникъ, и Вурцель, и Павло Ровинскій... Даже по нѣсколько дней живутъ у меня!..—хвастался добродушный черногорецъ, обращаясь столько же къ намъ, сколько къ толстому, сѣдоусому земляку, хозяину кофейни, сидѣвшему съ нами, какъ и онъ, въ одной бѣлой рубашкѣ.—Я уже знаю, какъ принять хорошихъ людей. Только напиши мнѣ или телеграмму пришли... Все будетъ готово, что нужно... Русскіе меня любятъ, а я русскихъ люблю...—прибавилъ онъ, протягивая ко мнѣ свой стаканчикъ, чтобы чокнуться.

Рано утромъ, пользуясь холодкомъ, пока еще не разгорѣлся зноимъ ясный синій день, — мы пошли бродить по Подгорицѣ. Новая Подгорица, черногорская, подобно новымъ русскимъ городамъ Средней Азіи, составляетъ совершенно отдѣльный поселокъ отъ старой, турецкой Подгорицы, присоединенной къ Черно-

горѣ только по берлинскому трактату. Черногорскій городокъ отгородился отъ турецкаго и просторнымъ выгономъ, и глубокою пропастью рѣчного русла Рыбницы, черезъ которую построенъ хорошій каменный мостъ. Воды въ этой рѣкѣ теперь очень немного, но зато все длинное ущелье ея русла заросло высокими итальянскими тополями, которыхъ и макушекъ не видно, пока не подойдешь къ самому краю крутого, обрывистаго берега. Зарѣкою сильная, хотя изрядно обветшавшая, крѣпость въ старинномъ вкусѣ: маленькія зубчатая стѣны съ узкими бойницами, круглыя и четырехугольныя башни, совсѣмъ какъ въ какой-нибудь древней Византіи. И крѣпость, и старшій городокъ, ютящійся подъ ея стѣнами, смотрятъ рѣшительно по-турецки; мы еще издали насчитали пять минаретовъ, а ихъ, навѣрное, гораздо больше. Впрочемъ, среди магометанскихъ мечетей высится и высокое зданіе католическаго костела.

Въ Подгорицѣ жили не одни турки и албанцы-мусульмане, но еще и албанцы-католики изъ племени миридитовъ. По присоединеніи Подгорицы къ княжеству, и мусульмане, и католики спокойно остались на своихъ мѣстахъ, зная по долгому сосѣдскому опыту, что подъ черногорскою властью больше свободы, безопасности и равноправія, чѣмъ подъ произволомъ скутарійскихъ пашей. Народъ, который толпами движется изъ стараго городка въ новый, еще больше усиливаетъ илюзію. Все это высокія красныя фески съ характерными синими кистями, висящими до самой спины, по которымъ съ перваго взгляда узнаешь турка. Но не меньше тутъ бѣлыхъ фесокъ и живописныхъ накрахмаленныхъ фустанеллъ албанцевъ. По спокойному и довольному виду этой толпы нельзя сомнѣваться, что этимъ недавнимъ заклятымъ врагамъ Черной-Горы живется въ своемъ новомъ отечествѣ нисколько не хуже, чѣмъ прежде. Напротивъ, теперь торговля и богатство Подгорицы сильно поднялись. Въ дни турецкаго владычества Подгорица представляла изъ себя своего рода главный вооруженный лагерь турецкихъ силъ, воевавшихъ Черную-Гору. Здѣсь, можно сказать, не прекращалась вѣчная пограничная война, если не велась война формальная, отъ имени султана и Высокой Порты, то все-таки продолжалась такъ-называемая негласная или „малая война“ черногорскихъ племенъ съ племенами албанскими, или гайдучество отдѣльныхъ „четъ“, которыя выросли сами собою въ здѣшней воинственной, полудикой жизни въ глухихъ ущельяхъ недоступныхъ горъ то Черногоріи, то Албаніи; если не было „четъ“, то пла не менѣе ожесточенная борьба также никогда не прекращавшейся

кровавой мести. Изъ Подгорицы обыкновенно направлялись всѣ турецкіе походы въ долину Зеты, въ Кучи, въ Мартыничѣ, къ Рѣкѣ и Цетинью. На Подгорицу и на сосѣднія съ нею крѣпостцы, Спужъ и Жаблякъ, прежде всего обрушивались отчаянныя нападенія черногорскихъ юнаковъ. Многія села, когда-то окружавшія торговую Подгорицу, или вовсе стерты съ лица земли этими частыми боями, или переселены въ ущелья Черной-Горы. Оттого теперешняя „нахія Подгорицы и Зеты“, примыкающая къ Скадрскому озеру и заключающая въ себѣ низовья довольно значительныхъ рѣкъ, какъ Морача, Цѣвня и пр., сравнительно безлюдна и пустынна.

Подгорица стоитъ какъ бы у входа въ ту узкую долину нижней Зеты, клиномъ врывающуюся въ горы вольнаго княжества, между племенемъ кучей съ востока и лѣшанской нахией съ запада, въ концѣ которой, на крайнемъ рубежѣ бывшей турецкой земли, стоитъ крѣпость Спужъ, и по которой обыкновенно турецкіе паши вторгались внутрь Черной-Горы.

Бродя по старой Подгорицѣ, въ тѣни ея крѣпостныхъ стѣнъ, нельзя не вспомнить недавняго геройскаго боя въ ея ближайшей окрестности того самаго, ни разу не побѣжденнаго турками, воеводы Божо Петровича Нѣгоша, съ которымъ я только-что познакомился во дворцѣ князя и въ деревню котораго мы имѣли въ виду проѣхать, будучи въ Никшицѣ.

Это было въ 1876 году, въ разгаръ сербско-черногорской войны противъ турокъ, когда Мухтаръ-паша съ своею арміею, претерпѣвъ рядъ позорныхъ пораженій въ Герцеговинѣ и Бердѣ отъ князя Николая и усташей Пеко Павловича, былъ запертъ ими въ Требиньѣ, а Махмудъ-паша, присланный на выручку его, также неудачно пытался пробиться къ нему изъ Подгорицы черезъ Зетскую долину и Никшицъ.

26-го августа, въ день нашего Бородинскаго боя, Божидаръ Петровичъ съ 5.000 своихъ юнаковъ на голову разбилъ между Подгорицей и Медуномъ въ жестокой рукопашной сѣчѣ 20-тысячную регулярную армію Махмуда. 10.000 турокъ пали на полѣ битвы, остальные едва успѣли добѣжать и скрыться въ стѣнахъ Подгорицы. Каждый черногорскій батальонъ изрубилъ ханджарами болѣе 1.000 враговъ, а батальонъ мартыничей, особенно страшныхъ туркамъ своею неистовою храбростью и своею заклятою ненавистью къ нимъ, изрубилъ до 2.000; на иного юнака приходилось не менѣе десяти убитыхъ турокъ, а байракъ-

тарь князя Николая, Милошъ Новакъ, собственноручно изрубилъ 17 человекъ... Черезъ пять дней Мухтаръ еще разъ пытался двинуться изъ Подгорицы къ Мелуну, но отрядъ его, оттѣсненный яростною атакою черногорцевъ къ отвѣсному обрыву скалы, погибъ почти весь. 3.500 турокъ остались на мѣстѣ.

Ужась турокъ послѣ медунскаго разгрома былъ такъ великъ, что на другой день черногорцы нашли 240 турокъ, безпомощно забившихся въ скалы. И даже когда на смѣну посрамленнаго Махмуда явился храбрый Дервишъ-паша, старый боецъ съ Черно-Горою, то войска его при первомъ появленіи черногорскихъ юнаковъ впадали въ панической страхъ и бѣжали назадъ въ Подгорицу, подъ защиту ея стѣнъ и пушекъ, не слушая никакихъ угрозъ и приказовъ пашы.

Замѣчательно, что всѣ турки, бѣжавшіе отъ черногорцевъ съ поля сраженія, закрывали обѣими руками заднюю часть шеи,—до того ихъ поражала ужасомъ привычка черногорскихъ богатырей сразу сносить ударомъ ханджара турецкія головы...

Новая Подгорица мало интересна: небольшіе одноэтажные дома какъ въ любомъ селеніи, мелкія лавчонки и кофейни, но улицы широкія, хорошо обсаженныя бѣлою акаціею. Народъ тутъ, кажется, не совсѣмъ чистаго черногорскаго племени, а скорѣе помѣсь; и языкъ здѣшній много испорченъ примѣсью турецкихъ и албанскихъ словъ. Даже сидятъ здѣсь по-турецки, поджавъ ноги, а ужъ бездѣльничаютъ во всякомъ случаѣ по-мусульмански. Куда ни взглянешь, вездѣ шатаются или безопасно посиживаютъ праздныя народы.

По срединѣ главной улицы—незатѣйливый монументъ одному изъ храбрѣйшихъ героевъ современной Черногоріи—покойному Мирко Петровичу, отцу князя Николая, знаменитому побѣдителю на Граховомъ полѣ, заслуженно прозванному „мечомъ Черногоріи“.

Въ Подгорицѣ, на свободномъ полѣ, въ сторонѣ и отъ стараго и новаго города, выстроены новый красивый дворецъ князя Николая, въ которомъ собрано довольно много интересныхъ находокъ римскаго и эллинскаго времени изъ развалинъ древней Дюклен, по-сербски Дукли, которая всего въ полчаса ѣзды отъ Подгорицы.

Оставили мы, наконецъ, Подгорицу и поѣхали открытою равниною, только вдаль окруженною горами. Вправо отъ насъ ухо-

дить горная страна кучей, пограничнаго съ албанцами славянскаго племени, которое послѣ другихъ присоединилось къ черногорскому княжеству, хотя и прежде часто воевало вмѣстѣ съ черногорцами противъ турокъ. Вслѣдствіе сосѣдства съ мусульманствомъ и долгой, хотя больше номинальной зависимости отъ турецкой власти, среди православныхъ кучей много мусульманъ, и попадаются также католики. Впрочемъ, въ старыя годы даже среди истыхъ черногорцевъ, жителей катунской, цермницкой и рѣчской нахій, встрѣчалось много мусульманъ, такъ-называемыхъ потурченцевъ; собственно говоря, многія племена Албаніи—тоже не что иное, какъ старыя сербы-потурченцы, не устоявшіе противъ давленія ислама въ первые вѣка по разгромѣ сербскаго царства. Оттого они по образу жизни и обычаю и даже по своей храбрости такъ похожи на черногорцевъ. Только рѣшительнымъ истребленіемъ и изгнаніемъ своихъ потурченцевъ маленькая Черногорія могла въ свое время обособиться въ такую непобѣдимую и стойкую христіанскую общину, какою она является въ исторіи послѣднихъ вѣковъ.

Этимъ важнымъ историческимъ шагомъ своимъ Черногорія обязана своему владыкѣ Даніилу, современнику Петра Великаго. Даніилъ видѣлъ, что борьба съ турками, отовсюду охватившими крошечную родину его, будетъ безнадежна, пока внутри страны у нихъ въ каждомъ городѣ и селеніи находятся естественные друзья и союзники, готовые при первой возможности отворить имъ ворота всякой крѣпости и измѣнически ударить сзади на вѣрныхъ защитниковъ Черной-Горы.

Онъ созвалъ черногорскихъ главарей и горячею рѣчью убѣдилъ ихъ уничтожить съ корнемъ это народное зло. Задумана была Сицилійская вечерня своего рода. Въ назначенную ночь черногорцы-христіане безпощадно вырѣзали всѣхъ своихъ потурченцевъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, которые согласились вернуться въ христіанство.

Развалины древней Діоклеи, или Дукли, по мѣстному названію, всего въ какомъ-нибудь полу-часѣ разстоянія отъ Подгорицы, если ѣхать довольно скоро. Тихая Зета впадаетъ въ этомъ мѣстѣ въ быструю и бурную Морачу, которая несетъ свои прозрачныя темнозеленыя волны изъ далекихъ пустынныхъ ущелій Яворской планины. Каменная водяная мельница стоитъ внизу у самаго впаденія Зеты. Около нея, на высокомъ берегу, старый турецкій блокгаузъ,—каменный замокъ съ примыкающими къ нему четыремя небольшими башнями, окруженный стѣною.

Видно оконъ узкія бойницы, нѣкоторыя въ видѣ крытыхъ балкончиковъ, съ отверстіемъ внизъ, для обстрѣливанія лѣзущихъ на стѣны, какія мнѣ приходилось уже видѣть въ старинныхъ королевскихъ замкахъ Сербіи. Въ этой мѣстности, гдѣ столько вѣковъ чуть не ежедневно раздавались только удары ятагановъ да ружейные выстрѣлы, каждый домъ строился какъ крѣпость. Коляска наша остановилась въ тѣни деревьевъ, а мы отправились пѣшкомъ черезъ прекрасный каменный мостъ посмотрѣть на римскія развалины.

Древній городъ Диоклетіана, который онъ задумывалъ сдѣлать даже столицей, судя по охвату его развалинъ, былъ одинъ изъ очень большихъ городовъ. Онъ занималъ всю низменную равнину въ углѣ между Зетою и Морачею, начиная отъ самой горы. Но старикъ-пастухъ, который провожалъ насъ въ нашей археологической экскурсіи, увѣрялъ меня, что и за рѣкою на большомъ разстояніи земля покрыта обломками и камнями стараго города. Простодушный пастухъ называлъ невѣдомаго ему строителя города царемъ Дуклиномъ и, повидимому, нисколько не сомнѣвался, что онъ былъ такой же господарь-черногорецъ, какъ и святопочившій Петръ, и владыка Радо, и князь Николай, ничто же сумняся о его римскомъ имени и римскомъ титулѣ...

Перейдя по мостику небольшой ручей, мы поднялись изъ ющинки на легкій изволокъ и очутились среди сплошныхъ обломковъ стѣнъ и фундаментовъ изъ тесаныхъ камней; ясно видны крѣпостныя стѣны стараго города, еще и теперь довольно высокія; въ 1841 году, нашъ извѣстный путешественникъ Ковалевскій, посѣтившій Дуклию почти подъ выстрѣлами Подгорицы, видѣлъ эти стѣны „почти вполнѣ сохранившимися“, но въ протекшіе послѣ того десяти лѣтъ турки изъ Подгорицы и Служа растаскали на свои постройки много совсѣмъ готовыхъ камней изъ крѣпостныхъ стѣнъ, дворцовъ и храмовъ Дукли. Стѣны толщиною не менѣе 4-хъ аршинъ и составляютъ правильный четырехугольникъ, примыкавшій къ Морачѣ. По сторонамъ дороги еще стоятъ по обычаю древнихъ грековъ цѣлый рядъ каменныхъ и мраморныхъ гробницъ съ сильно стертыми уже латинскими надписями; торчатъ изрѣдка кое-гдѣ нижнія половинки бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, обнажаются изъ-подъ густой травы бѣломраморныя ступени разрушенныхъ портиковъ; въ одномъ мѣстѣ попался намъ остатокъ маленькаго капища съ коринѣскими колоннами, съ низвергнутыми въ прахъ скульптурными фризами; около него камень съ очень красивомъ фи-

гурою нагой женщины, съ колчаномъ черезъ плечо,—вѣроятно, Діаны. На другомъ камнѣ, уже расколотомъ—болѣе загадочныя изображенія большого человѣческаго глаза и какихъ-то странныхъ цвѣтовъ... Лучшее всего уцѣлѣло и показывается путешественникамъ, какъ главная достопримѣчательность этихъ развалинъ, зданіе царскаго дворца, которое пастухъ-черногорецъ почему-то называлъ „судилищемъ царя Дукляна“; тамъ цѣлый длинный рядъ колоннъ, отъ которыхъ видны нижнія основанія, обрывки стѣнъ еще довольно высокихъ, груды капителей и обломанных карнизовъ, украшенныхъ красивою скульптурою; сзади этого продолговатаго зданія довольно хорошо сохранился покой съ нишей, живописно обросшій плющомъ по полуразрушеннымъ его стѣнамъ. Кромѣ скульптурныхъ карнизовъ и капителей тутъ еще камень съ латинскою надписью, переломленною какъ разъ по серединѣ этой надписи... Прежніе изслѣдователи Діоклен забрали съ собою всѣ камни съ надписями, болѣе или менѣе разборчивыми, оказавшіяся большею частью времени Константина и Елены и императора Діоклетіана, такъ что теперь наружи осталось мало интереснаго; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нѣдрахъ этихъ безчисленныхъ земляныхъ курганчиковъ, которыми взбурвалена Дуклянская равнина, погребены еще неисчерпаемыя археологическія сокровища. Каждый изъ этихъ курганчиковъ—не чтò иное, какъ занесенныя въ теченіе вѣковъ землею и заросшія бурьяномъ развалины древнихъ строеній Діоклетіанова города. Бродя дальше среди этихъ камней и кургановъ, наткнулись мы на развалины двухъ храмовъ. Въ ближнемъ, продолговатомъ, кромѣ основанія стѣнъ и ступеней, уцѣлѣлъ короткій входной портикъ съ іоническими колонками и круглая задняя ниша; скульптурныхъ обломковъ тутъ мало. Другой, самый дальній изъ сколько-нибудь сохранившихся памятниковъ, разрытъ, повидимому, недавно и уже глубоко ушелъ въ землю. Это очень большой и интересный храмъ: сначала входной портикъ съ ступенями, потомъ первая комната съ прекраснымъ мозаиковымъ поломъ, сильно уже попорченнымъ; въ этой части храма незамѣтно никакихъ слѣдовъ христіанства; но за нею вправо идетъ большая, продолговатая зала съ основаніями колоннъ по бокамъ, заваленная обломками капителей, карнизовъ, архитравовъ; здѣсь валяются среди обломковъ два каменные креста, изъ которыхъ одинъ уже разбитъ. Ниша алтаря окружена внутри каменными ступенчатыми сидѣньями—какъ бы для служенья архіерея съ священниками. Повидимому, этотъ храмъ обращенъ въ христіан-

скій, какъ это часто случалось, изъ храма какому-нибудь языческому богу...

Когда мы собирались уже уходить, обойдя все болѣе или менѣе видное на поверхности земли, старикъ-пастухъ повелъ насъ еще куда-то, въ самую чащу развалинъ. Тамъ онъ указалъ намъ глубокую и узкую яму, обложенную камнемъ.

— Тутъ была темница царя Дукляна! Сюда онъ бросалъ плѣнныхъ турокъ!..—объявилъ намъ наивный нашъ чичероне, увѣренный, что и у царя Дукляна не могло быть никакихъ другихъ враговъ, кромѣ ненавистныхъ черногорцу турокъ.

— А на далеко еще идутъ эти развалины?—спросилъ я его.

— Да по всей этой равнинѣ, до Зеты и до Морачи!—отвѣчалъ пастухъ, широко взмахивая кругомъ рукою.—Тутъ подъ всю землю тесанные камни, даже пахать нельзя! Раскопали еще не много, большая часть еще въ землѣ осталась!..

— А на горахъ тѣхъ?—спросилъ я.

— На горахъ нѣтъ развалинъ, на горахъ наше Рогаме!..—радостно сверкнувъ глазами, съ одушевленіемъ и гордостью отвѣтилъ пастухъ.—На горахъ война большая съ турками была, воевода нашъ Божо Петровичъ здѣсь турокъ посѣкъ... Столько ихъ тутъ было, сколько травы въ лѣсу! Черногорцы наши вонъ на той горѣ у Рогаме стояли въ скалахъ, а турки на этой... Да всѣ въ Подгорицу бѣжали, кто живъ остался... Въ Морачѣ ихъ потонуло—счета нѣтъ.

На одной изъ выдающихся обрывистыхъ горъ, господствующихъ надъ равниною Дукли, дѣйствительно виднѣтся славное въ исторіи черногорскихъ войнъ укрѣпленіе Рогаме, постоянно торчавшее какъ рожонъ передъ носомъ турецкой Подгорицы.

„А Рогаме пиперска крайна“, какъ ее называютъ старинныя пѣсни, въ которыхъ подгорицкіе и скутарскіе аги и бей собираются вмѣстѣ,

„Да Рогаме града разградимо“!

„Бердскія страны намъ надоѣли!—говорятъ между собою эти турки въ черногорской пѣснѣ,—затворили нашу Подгорицу; это мы бы имъ еще простили, но построили укрѣпленіе прямо противъ крѣпости, безъ позволенія царя и визиря; а пиперское село Рогаме не даетъ нашимъ пастухамъ выводить овецъ на паству вонъ изъ города. Мы бы и то имъ простили, но убиваютъ турокъ по долинѣ до рѣки Рыбницы, мы же, турки, смотримъ на это, а помочь не можемъ. И то бы мы имъ простили, но ловятъ нашихъ женщинъ и скидаютъ съ нихъ ожерелья.

Этого не писано въ нашемъ Коранѣ, такой обиды мы не можемъ перенести, но пойдемъ, братья турки, чтобы отмстить кровавую обиду, попросимъ у Мустафы, скутарскаго визиря, храбрыхъ албанцевъ и ударимъ съ войскомъ на пиперское село Рогаме и разрушимъ ихъ укрѣпленіе“!

Конечно, пиперы въ пѣснѣ посрамили турецкіе замыслы и прогнали ихъ побитыхъ изъ Рогаме. Но и въ дѣйствительности туркамъ рѣдко удавалось одолѣть этотъ смѣло глядѣвшій имъ прямо въ глаза передовой редутъ Берды.

Даже храбрецъ Дервишъ-паша, умѣвшій драться съ черногорцами, обломалъ зубы о рогамскія высоты, когда вздумалъ овладѣть ими, по категорическому требованію дивана, въ послѣднюю войну съ Сербіею и Черногоріею. У Божидаря Петровича, защищавшаго Рогаме, было всего 2.500 юнаковъ, а Дервишъ покрылъ своими пушками всѣ окрестныя высоты и, открывъ канонаду противъ черногорцевъ изъ всѣхъ окрестныхъ фортовъ, которыми тогда кипѣла Дуклейская долина, 6-го сентября 1876 года вдругъ неожиданно бросился на штурмъ Рогаме. Божидаръ не сталъ дожидаться врага, а зная, что въ рукопашной схваткѣ никто не одолѣетъ черногорца, съ ханджарами наголо смѣло ринулся на турка изъ окоповъ горы. Войска Дервиша были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ, и къ вечеру вся долина покрылась бѣгущими турецкими батальонами. Сотни турокъ погибли въ волнахъ Морачи и Зеты, сотни были убиты и изранены. Дервишъ-паша напрасно стрѣлялъ изъ пушекъ по собственнымъ солдатамъ, чтобы удержать ихъ отъ бѣгства. Одинъ видъ поднятыхъ черногорскихъ ятагановъ охватывалъ ихъ непобѣдимымъ ужасомъ.

Объ этомъ-то разгромѣ и рассказывалъ намъ его участникъ и очевидецъ—теперешній дуклянский пастухъ.

Отъ Дукли мы уже ѣдемъ долиною Зеты; долина же Морачи поворачиваетъ въ глубь горъ на сѣверо-востокъ, отдѣляя собою по правую сторону сначала земли кучей и братоножичей отъ племенъ Берды, Пиперовъ и Бѣлопавличей, а дальше, въ верховьяхъ своихъ, земли Морачанъ и Колашинцевъ отъ земель племени Ровцы.

Долина Зеты широкая, вся въ кукурузникахъ, въ садахъ, въ жильяхъ. Ближе къ Подгорицѣ по старой турецкой привычкѣ сѣютъ много табаку, которымъ и торгуетъ Подгорица. Здѣшній мягкій, все-таки довольно южный климатъ и здѣшняя плодород-

ная почва, постоянно утѣняемая разливами рѣкъ, позволяютъ въ одно лѣто собрать съ одного поля двѣ жатвы. Обыкновенно, послѣ пшеницы сѣютъ кукурузу, и она успѣваетъ отлично выспѣть уже къ іюлю мѣсяцу. Посѣвный клеверъ здѣсь косятъ по три раза въ лѣто. Вообще низменное дно этихъ горныхъ долинъ щедро оплачиваетъ трудъ земледѣльца и садовода, но, къ сожалѣнію, Черногорія слишкомъ бѣдна такими тучными низменностями, да и тѣ, которыя есть у нея, часто страдаютъ отъ опустошительныхъ дождей, разливовъ и заносовъ. Вслѣдствіе этого черногорецъ дорожитъ каждымъ клочкомъ удобной почвы какъ сокровищемъ, и его крошечные поля и огороды, которые онъ большею частью обрабатываетъ киркою и мотыгою вмѣсто плуга, и по этому способу обработки и по микроскопическому своему объему больше похожи на цвѣтные горшки, чѣмъ на настоящія поля, подобныя нашимъ необъятнымъ русскимъ нивамъ. Каменные громады горъ, выковавшія черногорцу его каменную ногу, его желѣзную руку, его желѣзный духъ,—въ то же время почти совершенно отнимаютъ у него удобный просторъ для мирныхъ сельскохозяйственныхъ трудовъ, по неволѣ обращая его въ вѣчно празднаго пастуха. Большое еще благополучіе для Черногоріи, что послѣднія земельныя пріобрѣтенія ея, которыя Россія съ такимъ трудомъ отстояла на Берлинскомъ конгрессѣ постыдной памяти, дали ей новыхъ плодородныхъ мѣстностей значительно больше, чѣмъ было у нея до войны, въ томъ числѣ и всю роскошную долину нижней Зеты.

Горы восточной стороны, земля Пиперовъ, кажутся болѣе цвѣтущими, а вмѣстѣ и болѣе крутыми и живописными, чѣмъ западный берегъ долины; русло Зеты тоже больше жметъ къ Пиперамъ; нижняя половина горъ вся въ садахъ, поляхъ и деревенькахъ, но выше онѣ грозны, бесплодны, и кое-гдѣ только обросли лѣсами. По дну долины стелется много луговъ съ узкими стожками свѣжаго сѣна, усыпавшими Зетскую низину какъ гнѣзда грибовъ.

Не больше какъ въ получасовомъ пути отъ Дукли стоитъ и крѣпость Спужъ, этотъ вбитый турками въ грудь Черногоріи желѣзный клинъ; Спужъ съ юга, съ сѣвера Никшичъ—какъ тисками сжали своими башнями и пушками самое сердце герцогской страны, далеко вдавшись внутрь ея. Разстояніе между ними менѣе дня пути, такъ что обѣ эти сторожевыя крѣпости турокъ, можно сказать, постоянно подавали другъ другу руку, и войска, собранныя въ одной изъ нихъ, легко могли въ нѣсколько часовъ пройти до другой сквозь Зетскую долину, обра-

тивъ мимоходомъ въ пепелище ея селенья, сады и нивы. Такъ и бывало это не разъ въ многострадальной исторіи черногорцевъ. Омеръ-паша въ 50-хъ годахъ пробился съ своею многочисленною арміею изъ Герцеговины въ Албанію этимъ именно обычнымъ путемъ,—единственными естественными воротами, распаханутыми самою природою между неприступными горными массами Черной-Горы и Берды. Это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ и горькихъ минутъ въ жизни Черногоріи. Князь Николай, еще тогда молодой и мало опытный, вынужденъ былъ чуть-ли не единственный разъ въ лѣтописяхъ своего отечества согласиться на постыдный миръ, по которому онъ предоставлялъ туркамъ право устроить свои укрѣпленія вдоль всей Зетской долины, то-есть насквозь черезъ все тѣло Черногорской земли, и такимъ образомъ протянуть тюремную цѣпь своего рода между Черною-Горою и Бердою. Только могущественное вмѣшательство Россіи спасло Черногорію отъ этого перваго гибельнаго шага къ турецкому рабству. Но, къ счастью, такіа удача для турокъ были очень рѣдки, а въ большей части случаевъ короткий путь по Зетской долинѣ отъ Никшича къ Спужу и отъ Спужа къ Никшичу даже и для самыхъ храбрыхъ турецкихъ пашей вмѣсто побѣдоносной прогулки обращался въ томительное похоронное шествіе своего рода, а иногда и въ отчаянное бѣгство. Черногорцы не противопоставляли ни Спужу, ни Подгорицѣ, ни Никшичу, никакихъ крѣпостей съ своей стороны, ихъ крошечныя „кулы“—башенки на утесахъ горъ—больше служили для отстрѣливанія отъ грабителей. какому-нибудь десятеу пастуховъ съ ближней „планины“, чѣмъ защитою противъ врага. Какъ нѣкогда у грековъ-спартанцевъ, у юнаковъ этой „Сербской Спарты“ ихъ безстрашная грудь служила единственною твердынею, охранявшею рубежи ихъ родины, защищавшею ихъ домашній очагъ.

XI.—Долина Зеты.

Видъ Спужа—очень характерный. Это—типическая средневековая крѣпостца. Какъ и Жаблякъ, Спужъ торчитъ на одинокой пирамидальной скалѣ, плоское темя которой обращено въ цитадель, наполненную казармами и укрѣпленную зубчатыми стѣнами и башнями. Такія же стѣны и башни живописно спалзываютъ выходящую лентой по обрывамъ и ребрамъ скалы внизъ и окружаютъ ее тамъ вторымъ, болѣе широкимъ кольцомъ. Вокругъ крѣпости налиты домики и сады городка Спужа. Глядя на этотъ

знакомый глазу пейзажъ, я вспомнилъ, что и древніе эллинскіе городки, подобныя Лариссѣ Аргоа, и библейскіе ветхозавѣтные города, подобныя Вефилю и множеству другихъ, мною видѣнныхъ въ Палестинѣ, расположены совершенно такъ же; стало быть, этотъ приѣмъ защиты изобрѣтенъ людьми чуть не въ доисторическія времена, и только развѣ теперь, въ вѣкъ дальнобойныхъ орудій, пробивающихъ своими стопудовыми ядрами даже желѣзныя стѣны,—традиціонныя каменные гнѣзда на макушѣхъ отвѣсныхъ скалъ сдѣлались безсильными и бесполезными.

Хорошая экипажная дорога ведетъ теперь въ Спужъ, отдѣляясь въ бокъ отъ главной артеріи, что ведетъ прямо къ Даниловъ-граду, старинной Главицѣ. Турокъ почти не осталось теперь въ Спужѣ, до того они чувствовали себя здѣсь чужими, будучи со всѣхъ сторонъ охвачены селеніями черногорцевъ. Это не то что Подгорица, опирающаяся на сосѣднее, сплошь мусульманское населеніе. Немного дальше Спужа, правѣ нашей дороги, мы видѣли такую же пирамидальную горку съ плоской вершиной, такъ и просящуюся подъ стѣны крѣпости, а потомъ и еще нѣсколько такихъ же пирамидъ. Мѣстность здѣсь точно сама надоумливаетъ человѣка, куда ему забраться побезопаснѣе, чтобы спастись отъ врага. Въ Даниловъ-градѣ все время идетъ прямое, гладкое шоссе, отлично обсаженное бѣлою акаціею. Черезъ полчаса и самъ городъ показался въ концѣ этой безконечной зеленой аллеи. Несмотря на громкое названіе свое въ честь князя Данила, городишко показался намъ довольно ничтожнымъ и точно совсѣмъ заснувшимъ. Улицы были пусты, лавчонки жалки; въ кофейнѣ, у которой мы остановились отдохнуть, не нашлось даже бутылки пива освѣжиться послѣ полуденнаго зноя. Намъ вынесли столики подъ тѣнь дерева и подали кофе, молока и яицъ съ хлѣбомъ. Молоко, къ нашей радости, оказалось не козье и не овечье, какъ въ большей части Греціи и Черногоріи, а „кравье“.

Князь Николай назвалъ старую Главицу Даниловъ-градомъ въ честь своего предшественника и родного дяди, князя Данила, и думалъ сдѣлать изъ него важный торговый центръ для внутренней Черногоріи, такъ какъ съ одной стороны Даниловъ-градъ лежитъ на половинѣ пути отъ Подгорицы въ Никшичъ, притомъ на главной торговой артеріи, прорѣзающей княжество поперекъ съ сѣвера на югъ, по долинѣ Зеты; а съ другой стороны онъ служитъ естественнымъ посредникомъ между западною, или настоящею, Черногоріею и Черногоріею восточною, позже присоединенною, къ которой принадлежатъ Берда, Кучи, Васоевичи...

Но хотя воскресные базары города и бывают довольно многлюдны, и хотя Зетская долина у его ногъ особенно густо населена и особенно плодородна, но все-таки большого торговаго значенія Даниловъ-градъ до сихъ поръ не приобрѣлъ. Противъ Даниловъ-града, лежащаго по правую сторону Зеты, на той сторонѣ Зетской долины, которая тутъ не меньше восьми верстъ въ ширину, ютится въ горахъ славное въ лѣтописяхъ черногорской борьбы селеніе Мартыничѣ, главное ядро того безстрашнаго племени, которое обыкновенно изъ первыхъ бросалось на встрѣчу всякому турецкому вторженію въ долину Зеты.

„Въ Мартыничаяхъ нѣтъ юнака, который бы не отрубилъ десяти турецкихъ головъ!“—съ хвастовствомъ сообщалъ намъ хозяинъ кофейни, показывавшій намъ издали разныя замѣчательныя мѣстности долины.

Въ одной изъ старинныхъ мѣстныхъ пѣсней владыка черногорскій отвѣчаетъ на слезныя просьбы сердаря морачскаго: „не плачьте, мои вѣрные слуги, я пришлю вамъ помощь, мало войска, но хорошихъ бойцовъ, изъ страны отъ Острога до кроваваго Спужа, чтобы драться вамъ съ турками за святую православную вѣру и свободу своего отечества. Потомъ всталъ владыка и написалъ письма, одно въ село Мартыничѣ на имя попа Вуксана“...

Въ другой черногорской пѣснѣ поется: „но не легко поддаются Бердяне (т.-е. жители Берды), они храбро защищаются и особенно Мартыничѣ и Стіена, кровавое село. Бьются ежедневно, безпрерывно; и не много ихъ въ Мартыничаяхъ, всего 50 человѣкъ, кромѣ мертвыхъ и раненыхъ, но все отборныя и легкіе бойцы, кромѣ другихъ бердскихъ пограничанъ“.

Мартыничѣ—первое отъ Пиперовъ село нахія Бѣлопавличей, въ числу которыхъ принадлежитъ и племя Мартыничей; весь восточный берегъ Зетской долины, начиная отсюда до самой горы Планиницы, преграждающей 15 верстъ ниже Даниловъ-града Зетскую долину, принадлежитъ уже къ Бѣлопавличамъ, этимъ кореннымъ владѣтелямъ средней Зеты. Долина эта кишитъ садами, полями кукурузы, табачными плантаціями, виноградниками, которые взбираются на скаты горъ. Въ одномъ изъ племенъ Бѣлопавличей—Пѣшивцахъ—даже дѣлается прекрасное мѣстное вино, которое въ ближайшихъ окрестностяхъ вполне замѣняетъ чернильное, и которое мы съ удовольствіемъ пили потомъ въ Острогѣ. Сверху трудно замѣтить, что жилища черногорцевъ устраиваются не на низменномъ днѣ долины, часто заливаемомъ разливами Зеты и слишкомъ болотистомъ для жилья, а непремѣнно на холмахъ и горныхъ скатахъ, куда не можетъ достиг-

нѣтъ вода и гдѣ воздухъ не такъ сырѣ; такое расположеніе хуторовъ и деревень вызывалось, вѣроятно, еще и условіями постоянной войны, потому что защищаться отъ нападенія на нѣкоторой крутизнѣ, конечно, гораздо удобнѣе, чѣмъ на ровномъ мѣстѣ.

Растительность въ этой жаркой и влажной долиנѣ, защищенной горами, какъ природная теплица, довольно южная: смоковница, гранатникъ, айлантъ, грецкій орѣхъ, черешня, шелковица, или, какъ здѣсь называютъ ее, „мурва“. Кое-гдѣ здѣсь занимаются даже воспитаніемъ шелководныхъ коконовъ, что мы видѣли въ довольно большихъ размѣрахъ въ Рѣкѣ. Много тутъ и дуба, и ясеня; деревья провожаютъ рядами оба берега рѣки, деревьями окруженъ каждый участокъ поля. Вообще, когда ѣдешь въ покойной воляскѣ по хорошему шоссе высокаго правого берега и любишься внизъ на эту тѣсно заселенную, старательно обработанную долину съ ея роскошною зеленью, мирными домиками селеній, горами, покрытыми молодымъ лѣсомъ, воображаешь себя, забывшись, въ какой-нибудь Италіи или Швейцаріи. Только вскинувъ свой взглядъ выше, поверхъ этихъ живописныхъ зеленыхъ горъ и холмовъ ближайшей декораціи, увидишь за ними сухія и голыя громады, мрачно выглядывающія сквозь клубящіяся пары облаковъ, словно скованные цѣпями титаны изъ своей далекой темницы... И вы уже не сомнѣваетесь больше, что отсюда смотреть на васъ подлинная Черногорія съ ея непроходимыми пропастями, неприступными утесами, съ дѣвственною грубостью и простодушнымъ величіемъ своего полудикаго геройскаго населенія...

Орья-Лука уже порядочно выше Даниловъ-града и стоитъ на крутомъ холмѣ. Дорога наша поднимается вмѣстѣ съ подъемомъ долины и дѣлается все труднѣе. Несмотря на близкое сосѣдство Даниловъ-града, князь Николай останавливается всегда въ Орьей-Луцѣ, гдѣ у него домъ и цѣлое деревенское хозяйство. Здѣсь же новая красивая церковь, выстроенная княземъ въ память своего отца Мирко Петровича, — „меча Черногоріи“, — котораго геройскими подвигами полна Зетская долина. Прекрасный длинный мостъ на каменныхъ аркахъ въ Даниловъ-градѣ, построенный тѣмъ же княземъ въ 1870 году, почему-то носить тоже названіе „моста Мирки“.

Едва-ли по всей этой дорогѣ есть мѣсто съ болѣе красивыми видами, какъ Орья-Лука. Отсюда вся Зетская долина видна какъ на ладони.

Не мудрено поэтому, что князь Николай избралъ Орью-Луку, она же и Пажичи, для одного изъ своихъ лѣтнихъ мѣстопробываній...

Мы забрались уже такъ высоко, что даже небольшія горки по срединѣ долины кажутся намъ гладкимъ дномъ. Дорога лѣпится среди безотрадныхъ, каменистыхъ кручъ, по варнизу, висящему надъ глубокимъ провалемъ долины. Это тѣ же сѣрые, голые известняки, взбудораженные будто въ какомъ-нибудь дьявольскомъ котлѣ,—какіе мы видѣли въ Нѣгушахъ и около Подгорицы. Они всѣ оцетинились каменными зубьями, шипами, цѣлыми острыми утесами, цѣлыми поднятыми вверхъ тяжелыми пластами, выпирающими наружу словно ободранныя ребра земли. Известковые слои земные здѣсь перевернуты почти совсѣмъ вертикально, и торцы ихъ, вывѣтриваясь на воздухъ, размываясь дождями, крошатся въ своихъ болѣе мягкихъ составныхъ частяхъ и производятъ черезъ это впечатлѣніе какой-то титанической каменной бороны, навалившейся надъ узенькой долиной. Среди острыхъ сѣробѣлыхъ камней растетъ только одно несокрушимое „держидерево“ съ своими желѣзными шилами, да изрѣдка молодыя рощицы колючаго горнаго береста и другихъ подобныхъ породъ. Нечего удивляться, что турки при всей своей выносливости не въ силахъ были проглотить въ теченіе цѣлыхъ 500 лѣтъ эту маленькую зубастую страну, оцетинившуюся во всѣ стороны остриями своихъ утесовъ, какъ дикобразъ своими иглами.

Дорога поразительно безлюдна. Кромѣ большихъ праздничныхъ дней да военного времени, Черногорія—чистая пустыня. Рѣдко-рѣдко встрѣтится какая-нибудь навьюченная лошадь и мѣрно шагающій около нея задумчивый черногорецъ. Даже пѣшеходовъ не видно. Словно все вымерло кругомъ. Дѣлать тутъ, должно быть, нечего,—и никто не дѣлаетъ ничего, не спѣшить никуда. Удивляешься невольно, кому нужна эта дорога, и можетъ ли она окупить сдѣланныя на нее затраты? Положимъ, князья черногорскіе—люди расчетливые, и всѣ подобныя работы стараются дѣлать, такъ сказать, натуральною повинностью, собственными руками почти всегда праздныхъ юнаковъ своихъ; но все-таки и при этомъ условіи—шоссейныя дороги не мало стоили Черногоріи, а при полномъ отсутствіи торговаго движенія, въ странѣ безъ заводовъ и фабрикъ, почти безъ сельскаго хозяйства, такія дороги полезны только для административныхъ цѣлей да для удобства немногихъ случайныхъ проѣзжихъ. Въ смыслѣ военномъ удобный путь въ глубь Черногоріи—вещь далеко не

желательная, потому что удалыцы-черногорцы сжились какъ серны съ своими горными тропинками, а непроходимость дорогъ, недоступность горъ и ущелій Черногоріи всегда служила ей надежною защитою отъ враговъ.

Впечатлѣніе пустыни еще болѣе усиливаетъ немолчная надоѣдливая стрекотня цикадъ; даже грохотъ колесъ по камнямъ и топотъ копытъ не заглушаютъ ихъ. Горячій синій зной полудня безжалостно льетъ сверху, раскаляя не только эти бѣлые камни, охватывающіе васъ со всѣхъ сторонъ, но и самый воздухъ, которымъ вы дышите. И среди этого томящаго зноя вамъ кажется, что въ этой жесткой какъ ляцванье жести, трескотнѣ цикадъ поетъ свою тоскливую пѣснь сама унылая каменная пустыня...

Долина между тѣмъ все суживается и все больше поднимается въ гору. Зета течетъ тутъ въ узкомъ и глубокомъ руслѣ, сверкая малахитовою зеленью своихъ водъ... И вдругъ она словно проваливается куда-то въ незримую пропасть. Гдѣ ни ищетъ ее глазъ, нигдѣ ничего кромѣ горныхъ обрывовъ и скатовъ. Мы теперь у подножія горы Планиницы, которая задвигаетъ собою, какъ могучею ширмою, долину Зеты; вѣришь сказать, только отсюда начинается долина средней Зеты, текущей съ сѣвера на югъ, къ Спужу и Дуклѣ. Божо сначала молча улыбался моему недоумѣнію, куда это вдругъ дѣвалась Зета, но потомъ смиловался и благосклонно указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ дороги маленькое ущелье, гдѣ чуть слышно гудѣла вода, скатывавшаяся съ каменнаго порога. Оттуда бралась эта вода—было совершенно непонятно.

Изъ объясненій Божо оказалось, однако, что Зета, какъ и нѣкоторыя другія рѣки Черногоріи, въ одномъ мѣстѣ своего теченія, именно между равниною Никшича и долиною Бѣлопавличей, или средней Зеты, пропадаетъ подъ землею и, пройдя невидимо около 2¹/₂ или 3-хъ верстъ подъ горнымъ хребтомъ, раздѣляющимъ эти двѣ низины, опять появляется на свѣтъ Божій изъ-подъ паты горы Планиницы, гдѣ мы теперь ее видимъ.

Съ противоположной стороны долины за Зетою, на громадной широкой стѣнѣ горъ, чуть не подъ самыми облаками, обрисовались вдругъ среди отвѣсныхъ красныхъ обрывовъ, подъ тѣнью огромной черной впадины, крошечныя бѣленькія строенія монастыря св. Василія. Это—знаменитый Острогъ, Троицкая Лавра черногорцевъ. Значительно ниже этого „горного монастыря“—на площадѣ скалы видны довольно обширныя зданія нижняго

или, по здѣшнему, „доньяго“ монастыря, котораго черногорское имя невольно навело меня на мысль, что и наша рѣка Донъ, и всѣ названія большихъ рѣкъ черноморскаго бассейна, какъ Днѣпръ (Don-арег), Днѣстръ (Don-астер), Дунай (Don-аи), и осетинскихъ рѣкъ—Ар-донъ, Нар-донъ, Фіаг-донъ, Гизель-донъ и пр.—принадлежать не языку какихъ-то загадочныхъ азоевъ или язиговъ, какъ остроумно доказываютъ Дюбуа де Монперё и другіе иноземные ученые, а родному нашему славянскому языку, сохранившему до сихъ поръ въ словѣ „дно“ понятіе о глубокой впадинѣ, залитой водою.

Еще много ниже Доньяго Острога, словно на широко разставленныхъ колѣнахъ горнаго великана, разбросаны сады, рощи и дома селеній Боронины и Дубравы, постепенно спускающіеся къ сѣверу...

Конная тропа ужасающей крутизны желтоватыми зигзагами карабкается по этому сѣверному склону черезъ темнозеленные лѣски на отвѣсную грудь скалы до самаго „горняго“ Острога. Впрочемъ, и бѣлая лента шоссе, отъ которой отдѣляется эта тропа, забирается впереди насъ Богъ знаетъ на какую высоту, почти въ уровень съ верхнимъ монастыремъ, и тоже мечетъ частыя петли то вправо, то влѣво, обходя неприступные каменные колоссы, поминутно увертываясь отъ распахнутыхъ на ея пути пропастей.

Мы вѣзжаемъ между тѣмъ въ село Богетичи, бѣдную деревушку, едва замѣтную среди каменнаго хаоса, въ которомъ она прячется. Домики крыты жидкимъ слоемъ почернѣвшей соломы, уложенной ступенчатыми гряточками, какъ въ Галиціи и у насъ въ Подолѣ. Только кафана и два-три домика позажиточнѣе покрыты легонькой черепицей. Мы остановились у кафаны покормить лошадей и отдохнуть передъ труднымъ крутымъ переваломъ черезъ Планиницу въ долину Никшича.

Потолковъ тутъ нѣтъ, и сквозь плохо уложенную черепицу во всѣ швы крыши свѣтитъ Божье небо. Въ кафанѣ, по обыкновенію, прилавокъ въ глубинѣ комнаты, полки съ посудой и съ виномъ по стѣнамъ; по серединѣ очагъ на камнѣ безъ всякой трубы, безъ отверстія, такъ что дымъ наполняетъ комнату и просачивается только черезъ просвѣты черепицъ.

Заказавъ себѣ кофе, мы нарочно зашли съ хозяиномъ кафаны въ нѣкоторые сосѣдніе дома посмотреть на внутреннюю жизнь черногорцевъ. Проѣзжая селами, мы и въ долині Зеты, и около Подгорицы, и въ Рѣкѣ, не разъ заходили въ дома селяковъ и хорошо ознакомились съ ихъ устройствомъ и убранствомъ. Всѣ

они производятъ грустное впечатлѣніе. Темно, безпріютно, бѣдно, нечистоплотно... Это—не жилище разумнаго и дѣятельнаго существа, обставленное разнаго рода удобствами, украшенное всѣмъ, что можетъ радовать глазъ и душу человѣка, привязывающее къ себѣ своего обитателя, а какая-то угрюмая берлога звѣря, прячущагося здѣсь только отъ холода и опасности, проводящаго всю жизнь свою на вольномъ воздухѣ, въ горахъ и лѣсахъ, въ борьбѣ за существованіе съ другими звѣрями.

Въ первой избѣ, куда мы вошли, стояли четыре самодѣльныхъ кровати, грубо сколоченныхъ изъ досокъ и кольевъ, очень напоминавшихъ намъ знакомое убранство мужицкой кѣлѣи; тутъ же столъ, кадушки, горшки и всякая утварь. На стѣнѣ висѣлъ портретъ императора Александра II рядомъ съ портретомъ князя Николая, и икона Божіей Матери. Хозяина звали Джуро. Онъ встрѣтилъ насъ очень радушно, и когда я выразилъ ему свое удовольствіе, что черногорцы такъ почитаютъ русскаго царя, Джуро началъ говорить о милостяхъ царя къ Черногоріи, почтительно приподнявшись со скамьи и снявъ съ головы свою „капу“. Это случилось каждый разъ, какъ мнѣ приходилось бесѣдовать съ черногорцами о нашихъ государяхъ.

Черногорская хата — это обыкновенно каменный темный сарай съ каменнымъ же поломъ, съ очагомъ по серединѣ; кругомъ стѣны сундуки съ домашнею рухлядью, на полкахъ кое-какая скудная посуда, на крючьяхъ висятъ одежды и оружіе, въ углу валяется какой-нибудь котелъ или чугунокъ. Почти вездѣ одно и то же съ самою ничтожною разницею.

Пожилыя женщины черногорскія, когда онѣ не въ праздничныхъ нарядахъ гдѣ-нибудь на улицахъ Цетинья и Рѣки, а въ домашнемъ быту, въ своихъ монашескихъ черныхъ рясахъ,—смотрятъ некрасиво и скучно; у молодыхъ черты лица мягкія, симпатичныя, большіе глаза глядятъ добро и ласково, но онѣ старѣютъ очень скоро, главнымъ образомъ отъ непосильнаго физическаго труда, который здѣсь выпадаетъ на долю женщинъ, и вѣсто нѣжнаго и кроткаго выраженія, въ изношенномъ лицѣ появляется отпечатокъ какого-то хроническаго утомленія и равнодушія. Да и общій типъ черногорской женщины— не въ моемъ вкусѣ: все больше плоскогрудыя, тонкошейныя, съ длинными носами. Но полагаться на внѣшнія впечатлѣнія, какія производятъ на путешественника по бѣглому взгляду эта мрачная и неинтересная на видъ черногорская женщина, было бы совсѣмъ неосновательно. Даже не долго поживъ въ Черногоріи, успѣваешь убѣдиться, какія рѣдкія силы духа скрываетъ въ себѣ

эта молчаливая труженица, какую незамѣнимую пользу приносить она семьѣ, и какую огромную роль играетъ она не только въ домашнемъ мірѣ черногорца, но и въ его боевомъ быту, и, стало быть, нѣкоторымъ образомъ въ судьбахъ всей страны его.

Черногорка хотя и безропотно покорна мужу своему, отцу, брату, хотя и цѣлуетъ почтительно у нихъ руки, также какъ и руки ихъ гостя, и не называетъ своего мужа иначе какъ господаремъ, но далеко все-таки не лишена самостоятельности, какъ можно было бы по праву ожидать отъ народа, котораго вся исторія—сплошная лѣтопись войнъ, разбоевъ, кровавой мести, и который поэтому вѣчно нуждался только въ рукахъ, способныхъ держать ятаганъ, а не прялку. Правда, черногорецъ каждый разъ извиняется передъ знакомыми своимъ наивнымъ „опростите“, когда сообщаетъ имъ о рожденіи дочери; правда, семьи черногорцевъ, не имѣющія сыновей, считаются у нихъ какими-то жалкими и безправными, нося даже нѣсколько обидную кличку „никоговичей“, въ отличіе отъ „кугичей“,—семействъ, гдѣ много мужчинъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, ни въ одной странѣ Европы женщина, дѣвушка, не пользуется такимъ благоговѣйнымъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ въ полудикой Черногоріи.

Здѣсь женщина можетъ смѣло пройти одна сквозъ всю страну, и никто не осмѣлится оскорбить или обидѣть ее. Цѣломудріе своей женщины черногорецъ охраняетъ какъ зѣницу ока, и если недавно еще дѣвушка, уличенная въ развратѣ, подвергалась „каменованью“, то-есть закидывалась на-смерть камнями или изгонялась изъ своей страны куда-нибудь на чужбину, то и мужчину, осмѣливагося опозорить дѣвушку, ждала неминуемая смерть отъ руки братьевъ или родственниковъ обиженной, если онъ не прикрывалъ грѣха женитьбою. Случалось, что изъ-за оскорбленія одной дѣвушки десятками лѣтъ тянулись кровавыя расправы между племенами или отдѣльными родами, и насчитывалось по 30, по 40 убитыхъ съ обѣихъ сторонъ.

Извѣстный нашъ путешественникъ по славянскимъ землямъ А. Поповъ въ своей интересной старой книгѣ о Черногоріи передаетъ любопытный разговоръ владыки Петра II съ однимъ изъ русскихъ гостей своихъ:

— Отчего въ Черногоріи нѣтъ ни одного постановленія объ оскорбленіи женщинъ?—спросилъ путешественникъ.

— Не нужно!—коротко отвѣтилъ владыка.

— Ну, а если кто оскорбитъ женщину?

— Это было бы то же, если бы вы сказали, если кто вспрыгнетъ на луну!

Когда женщины попадали въ плѣнъ къ туркамъ, то черногорцы закладывали и продавали послѣднее оружіе свое, самую драгоценную для нихъ святыню, чтобы только выкупить женщинъ.

По одному народному преданію визирь Босніи, вторгнувшись въ 1756 г. съ 45.000 войска въ Черногорію, послалъ владыкѣ Василию Петровичу такое требованіе:

„Слушай меня, горный монахъ! пришли мнѣ немедленно 12 красивыхъ дѣвицъ 12—15-лѣтняго возраста и кромѣ того вдову-красавицу Бѣлу Станишину: ихъ возьму я вмѣсто подати. Если не исполнишь моего желанія, клянусь тебѣ, черный монахъ, святымъ Магометомъ и богомъ Аллахомъ, что предамъ пламени всю Черногорію, и весь народъ вашъ подъ саблю положу“!

У черногорцевъ свирѣпствовалъ тогда голодъ, вся страна была разорена войною, не было ни пороку, ни денегъ. Собрались главари вокругъ владыки и написали турку такой отвѣтъ:

„Пошлю я тебѣ вмѣсто молодыхъ дѣвицъ 12 свиныхъ хвостовъ, а за одну Бѣлу Станишину 12 бараньихъ роговъ, чтобы все это ты носилъ на своемъ тюрбанѣ; кромѣ того, пошлю тебѣ 12 камней, чтобы ты ихъ отослалъ царю вмѣсто подати, чтобы онъ зналъ, что такое Черногорія“!

Этотъ отвѣтъ вызвалъ войну, и бой съ турками продолжался непрерывно четырнадцать дней, пока наконецъ турѣи были сломлены, и визирь едва спасся бѣгствомъ.

Въ 1858 году около монастыря св. Василия, на который мы теперь любимся, произошелъ поразительный случай, убѣдительно доказывающій, какъ еще живы въ черногорскомъ народѣ глубоко укорененные вѣками взгляды на святость женской чести. На праздникъ въ Острогъ, куда обыкновенно двигаются со всѣхъ сторонъ толпы богомольцевъ, не только изъ Черногоріи, но изъ Герцеговины, Босніи и даже Албаніи, шла между прочимъ одна дѣвушка изъ племени Кучей; молодой юнакъ догналъ ее по дорогѣ и во время отдыха пытался изнасиловать ее; вблизи оказался только одинъ родной братъ его; увидѣвъ безчестный поступокъ брата, онъ бросился на защиту дѣвушки и, выхвативъ ятаганъ, не раздумывая, снесъ брату голову...

Впрочемъ въ Черногоріи часты случаи, когда и сама дѣвушка кровью расплатывается съ своимъ оскорбителемъ.

Подъ защитою такихъ возвышенныхъ взглядовъ черногорца на женщину, черногорская дѣвушка смѣло является одна и въ полѣ, и въ городѣ, на общественныхъ собраніяхъ и на народныхъ празднествахъ.

Во время самыхъ беспощадныхъ и ожесточенныхъ племенныхъ распрей черногорка безопасно проникаетъ въ селенья и дома враждебныхъ родовъ, никогда не рискуя не только жизнью, но малѣйшею обидою.

Черногорскій юнакъ считалъ бы за величайшее безчестіе для себя, если бы тронуть одинъ волосъ на женщинѣ; даже убить мужчину въ присутствіи женщины онъ почитаетъ за стыдъ, и не разъ женщины нарочно провожали своихъ мужчинъ на базары въ чужія селенья, гдѣ имъ грозила кровавая месть, и гдѣ подъ покровомъ женщины они оставались, однако, совершенно безопасными. Женщина въ Черногоріи можетъ имѣть право собственности, независимое отъ мужа, можетъ самостоятельно являться съ своими жалобами даже въ сенатъ и къ своему князю, присягать наравнѣ съ мужчиною, вообще пользоваться тѣми же юридическими правами, какъ и мужчины. Черногорецъ гордится этою свободою своей женщины и въ пѣсняхъ своихъ поетъ:

„Родила меня ни рабыня-дѣвица, ни була, ни бѣлая латинка, родила меня храбрая черногорка, которая не знаетъ никакого рабства“!

Въ семьѣ, несмотря на свою роль вѣчной работницы, — а пожалуй, даже именно въ силу этой важной роли своей, — черногорка пользуется любовью и уваженіемъ мужчинъ. Мужъ называетъ жену свою „вѣрною люблю“, женихъ величаетъ свою невесту — „вѣреницею“; „тешко кучи, гдѣ нема жене“ („тяжко дому, гдѣ нѣтъ женщины“) и „пуста куча, гдѣ нема котуле“ („пустъ тотъ домъ, гдѣ нѣтъ юбки“, говоритъ черногорская пословица. Хотя отецъ часто самъ выбираетъ жениха своей дочери, но насилія въ бракѣ черногорскіе нравы не допускаютъ, и дѣвушка нерѣдко отказывается выйти за нелюбимаго человѣка, несмотря на всѣ настоянныя и огорченія родныхъ.

На принужденіе къ браку черногорцы смотрятъ какъ на величайшій грѣхъ. „За стараго не дала бъ я гроша мѣднаго, и за вдовца — разбитаго горшка, но за молодого, неженатаго — половину имѣнья отцовскаго и даже все отдать бы согласилась, съ двумя родными братьями“... такъ высказываетъ свои заповѣдныя мечты о бракѣ черногорская дѣвушка въ одной изъ разпространенныхъ народныхъ пѣсней.

„Вѣдь не въ деньгахъ, люди связываютъ, наше счастье заключается, и богатство — не въ грошахъ только съ дукатами, — оно въ томъ, что сердцу дорого“.

Во время войны черногорская женщина замѣняетъ собою для черногорца и санитаровъ, и врачей, и интендантство. Она

неустрасимо выносить на своихъ плечахъ раненныхъ юнаковъ изъ самаго разгара боя, перевязываетъ ихъ раны, приносить воду и пищу сражающимся отцамъ, сыновьямъ и братьямъ. Нечего говорить, что она обшиваетъ и одѣваетъ ихъ съ головы до ногъ. А въ случаяхъ крайней опасности женщины отбиваются отъ враговъ съ такою же отчаянною смѣлостью, какъ и братья ихъ.

Во время черногорско-турецкой войны 1876 года русскіе врачи Краснаго Креста, бывшіе при черногорскомъ войскѣ, не разъ находили между ранеными дѣвочекъ 8—12 лѣтъ, а объ отдѣльныхъ подвигахъ черногорокъ, взрывавшихъ собственноручно башни съ сотнями ворвавшихся въ нихъ турокъ, бросавшихся со скалы вмѣстѣ съ крѣпко охваченнымъ туркомъ,—сохраняется въ здѣшнемъ народѣ много разсказовъ и пѣсней. Эту смѣлость духа и мужскую силу мускуловъ воспитываетъ въ черногоркѣ пастушечья жизнь, въ которой проходятъ ея дѣтство и молодость. Каждая черногорка, какъ и каждый черногорецъ, не исключая и нынѣшняго князя Николая, проходятъ эту суровую школу пастушества на заоблачныхъ горныхъ пастбищахъ, или „катуняхъ“, какъ ихъ называютъ здѣсь. Всю весну и лѣто черногорка пробываетъ „пастирицею“, или „планинкою“ (отъ слова „планина“—гора), учась доить скотъ, дѣлать масло и сыръ, шить одежду и обувь въ семью свою; вмѣстѣ съ подростками-мальчишками, она кочуетъ день и ночь надъ головобружительными безднами, карабкаясь безъ тропинокъ по скаламъ и обрывамъ, закаляя себя въ лишеніяхъ, трудахъ и опасностяхъ всякаго рода, отбиваясь отъ звѣрей и грабителей, дѣлаясь ловкою и безстрашною, какъ серны ея горъ.

„Планинка“ въ прежнія безпокойныя времена рано приучалась къ виду крови, къ шуму битвъ. Невольно воспитывались въ ней спартанскіе вкусы, спартанскія привычки, спартанскій характеръ.

„Рости, дорогой, пока не выростешь; когда выростешь, проси мѣня у отца, только принеси мнѣ въ подарокъ яблочко—турску главу на верх оштра кольца“ (голову турка на остріѣ кола), обращается къ своему будущему жениху въ старой народной пѣснѣ черногорская дѣвушка.

Конечно, новые государственные порядки Черногоріи, новыя, гораздо болѣе благопріятныя, политическія обстоятельства ея, наконецъ, школьное образованіе, начинающее понемногу проникать даже въ горныя деревни,—все это сильно повліяло на черногорскую женщину, на ея образъ жизни и характеръ,—и, нѣсколько подорвавъ въ ней прежнія эпическія доблести, сдѣ-

лало ее болѣе мягкою и мирною. Но существенныя условія прежняго быта ея еще далеко не упразднились новыми теченьями исторіи, и во всемъ существенномъ она еще остается тою же черногорскою народныхъ пѣсней и разсказовъ.

Пока Бѣжо кормилъ лошадей и самъ отдыхалъ сладкимъ сномъ, мы съ женою бродили по селу и живописнымъ окрестностямъ его, любуясь на обступавшія насъ со всѣхъ сторонъ горы. Въ Богетичахъ выстроена хорошая каменная церковь, со-всѣмъ на русскій образецъ, кажется, уже княземъ Николаемъ. Она была заперта, но положеніе ея очень эффектно, на выступѣ скалы, господствующей надъ долиною, такъ что съ ея террасы самый лучший видъ на окрестности. Ярво цвѣтушіе кусты гранатника пробиваются здѣсь въ обиліи сквозь известковую почву.

Странное дѣло, сколько времени мы странствуемъ по берегамъ Адриатики и по Балканскому полуострову, и куда ни приѣдемъ, вездѣ насъ встрѣчаетъ своими кроваво-красными, огнемъ пылающими цвѣтами этотъ вѣчно, кажется, цвѣтушій кустарникъ, „купина неопалимая“ своего рода.

Чтобы не терять потомъ нѣсколькихъ часовъ на розыски, мы заранѣе заказали Джуро нанять намъ во времени нашего возвращенія изъ Никшича верховыхъ лошадей для поѣздки въ Острогъ, куда не могутъ ходить экипажи, и когда Бѣжо, достаточно выспавшись, соблаговолилъ, наконецъ, подвезти коляску къ кафанъ,—отправились въ дальнѣйшій путь.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

„Ошибся“!.. Кажется, всего одно лишь слово.
Увы, одно; но что таить оно?
Для цѣвта нѣжнаго, оно—морозъ суровый;
Для цѣпи радостей—разбитое звено.
То гибель всѣхъ надеждъ и свѣтлыхъ упованій;
Развалина всего, что сердцемъ полюбилъ;
Надгробный памятникъ святыхъ воспоминаній,
Крушеніе жизни всей и юношескихъ силъ.
То мука горькая съ тоскою безъ предѣла;
То болью острою пронизанная грудь;
То ночи холодомъ охваченный всецѣло
Когда-то радостный и лучезарный путь...

Н. Ильинъ.

ЛѢТО. ВЪ ГАРЦѢ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Наши путешественники, отправляющіеся за границу, рѣдко заглядываютъ въ мелкіе провинціальныя города или деревни Германіи, а насъ интересовала именно жизнь тихой провинціи, и мы воспользовались случаемъ провести лѣто въ Гарцѣ, который обѣщаль спокойное и вмѣстѣ очень здоровое дачное пребываніе. Мы выбрали для того — Ильзенбургъ, едва ли кому извѣстный и по имени.

Отъ Берлина до Ильзенбурга со скорымъ поѣздомъ можно доѣхать въ $5\frac{1}{4}$ часовъ, съ остановками въ нѣсколько минутъ, да и то на самыхъ большихъ станціяхъ. Выѣхавъ въ девять часовъ утра, мы могли быть на мѣстѣ около трехъ. Мимо насъ промелькнулъ Магдебургъ на Эльбѣ, старинный городъ съ соборомъ, построеннымъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ; когда-то, въ незапамятныя времена, тутъ жили славяне, и это мѣсто называлось „Дѣвий-Городъ“. Теперь на этомъ мѣстѣ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ сѣверной Германіи и столица прусской Саксоніи. Еще быстрѣе промелькнула станція Додендорфъ, знаменитая въ военныхъ лѣтописяхъ Германіи сраженіемъ прусскаго отряда противъ королевскихъ вестфальскихъ войскъ 1809 г.: „Bei Dodendorf farbten die Preussen gut das fette Land mit französischen Blut“, — замѣчаетъ Арндтъ. Наконецъ мы миновали и Гальберштадтъ, извѣстный уже въ восьмомъ столѣтіи, въ качествѣ резиденціи епископа, а съ 998 года онъ получилъ и городскія права.

Послѣ Гальберштадта картина измѣнилась; изъ безконечной равнины, по которой мы до сихъ поръ ѣхали, выступили тем-

ныя очертанія горъ; мы приближались къ исходному пункту Гарца, городку Вернигероде, отъ котораго въ получасъ ѣзды лежатъ и Ильзенбургъ.

О Гарцѣ существуетъ цѣлая обширная литература. Въ средніе вѣка эта мѣстность называлась Hart и составляла сѣверную часть средне-германской возвышенности; между рр. Лейной и Саалой, на границѣ нижней и верхней Саксоніи, служившей чертою, отдѣлявшею племена и нарѣчія—нижне-нѣмецкое отъ верхне-нѣмецкаго. Его полу-эллиптическая площадь имѣетъ, при длинѣ въ 100 километровъ и при наибольшей ширинѣ въ 33 километра, между Бланкенбургомъ на сѣверѣ и Валькенридомъ на югѣ, около 2.000 квадратныхъ километровъ, съ населеніемъ въ семьдесятъ тысячъ, большею частью лютеранскаго вѣроисповѣданія. Гарцъ постепенно поднимается, какъ волнистая возвышенность, перерѣзанная многочисленными долинами, а въ ея западной части выступаетъ наиболѣе высокая цѣпь Брокена—въ восьми километрахъ отъ Ильзенбурга. Брокенъ расположенъ между Верхнимъ и Нижнимъ Гарцемъ и достигаетъ 1.142 метровъ надъ уровнемъ моря. Вслѣдствіе климатическихъ условій онъ подверженъ частымъ туманамъ и дождямъ, изобилуетъ потому водой и торфяными болотами, покрывающими ея каменистую почву. Самое большое такое горное болото расположено на площадѣ, называемой Brockenfeld,—въ западной части Брокенской цѣпи.

Различныя высоты Гарца обуславливаютъ разнообразную растительность; на гранитѣ площадки Брокена произрастаетъ богатая сѣверная флора; на другихъ возвышенностяхъ Верхняго Гарца господствуютъ хвойныя породы, и только въ глубинѣ долинъ попадаетъ лиственный лѣсъ; а въ Нижнемъ Гарцѣ, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ болѣе въ немъ лиственного лѣса изъ бука, дуба и березы. Съ высокихъ пунктовъ Гарцъ представляется почти однимъ сплошнымъ лѣсомъ, который изрѣдка прерывается отдѣльными обнаженными мѣстами или руслами рѣкъ, и только вершины Клаустальской плоскости и нѣкоторыя равнины на восточныхъ высотахъ лишены деревьевъ. Изъ 200.000 гектаровъ, которыя занимаетъ Гарцъ, первоначально 182.000 были заняты лѣсомъ. Потребленіе лѣсу въ Гарцѣ огромное; одни желѣзные заводы, которыхъ очень много въ Гарцѣ, требуютъ около полу-милліона кубическихъ метровъ древеснаго угля, а другія фабричныя и хозяйственныя нужды истребляютъ около милліона кубическихъ метровъ; сверхъ того, большое количество строительнаго лѣса и дровъ уходитъ въ города и по ближайшему сосѣд-

ству, которое Гарцъ снабжаетъ также лубкомъ, смолой и дегтемъ. Новою отраслью промышленности явилось добываніе древесной муки для производства бумаги.

На высокихъ плоскостяхъ Верхняго Гарца растетъ только картофель, рожь уже не дозрѣваетъ, ячмень—рѣдко; напротивъ того, въ Нижнемъ Гарцѣ пашни сплошь покрываютъ однообразныя высокія равнины между живописными рѣчными долинами, и здѣсь можно забыть, что находишься въ горной странѣ, пока не подойдешь къ краю горы и не посмотришь въ глубокую, узкую, богатую лугами долину, окруженную лѣсомъ и скалами. Но и тутъ рожь не совсѣмъ дозрѣваетъ, а фрукты родятся скудно. Луга составляютъ главное богатство страны, но требуютъ ухода для доставленія достаточнаго количества сѣна на зиму. Зато лѣтомъ кормовой травы на высотахъ такъ много и она такъ сочна, что прежде изъ сосѣднихъ мѣстностей посылали въ Гарцъ, въ началѣ мая, цѣлыя стада скота, и только осенью они возвращались тучными домой.

Гарцскій скотъ доставляетъ великолѣпное молоко, масло и сыръ. Въ Нижнемъ Гарцѣ распространено также овцеводство.

Горное дѣло тоже сильно развито въ Гарцѣ, и горная школа въ Клаусталѣ пользуется большою извѣстностью съ давняго времени.

Гарцъ въ глубокой древности представлялъ первобытный лѣсъ, служившій убѣжищемъ хищныхъ животныхъ. Только у подошвы горъ первые жители строили свои хижины и мѣста языческаго поклоненія. Въ преданіяхъ этихъ мѣстъ встрѣчаются древнегерманскія божества: Воданъ, Тоннаръ и другіе. Въ честь богини Весны и матери Земли зажигались костры. По преданію, осенью съ шумомъ проносился на охоту со свитой своихъ героев Воданъ, и остатокъ этого вѣрованія еще хранится въ нѣмецкой легендѣ о „дикомъ охотникѣ“. Всѣ эти громадныя первобытныя лѣса Гарца уже въ началѣ десятаго вѣка стали владѣніями нѣмецкихъ императоровъ саксонскаго дома, и надолго остались потомъ „заповѣдными лѣсами нѣмецкихъ императоровъ“, какъ то видно изъ свидѣтельства, помѣщеннаго въ „Саксонскомъ Зерцалѣ“: „Когда Богъ сотворилъ человѣка, то далъ ему власть надъ рыбами, птицами и надъ всѣми дикими животными... Но есть три мѣста въ саксонской землѣ, гдѣ императорскимъ приказаніемъ дарованъ миръ всѣмъ животнымъ, кромѣ медвѣдей, волковъ и лисицъ. Первое мѣсто — Койна, второе — Гарцъ, и третье — Люнебургская плоскость. Кто въ этихъ мѣстахъ будетъ ловить дичь, тотъ долженъ заплатить императору штрафъ въ 60 шиллинговъ. Кто проѣзжаетъ черезъ заповѣдный лѣсъ, у того

лукъ долженъ быть спущенъ, колчанъ закрытъ, борзья и охотничьи собаки привязаны. Если человѣкъ охотится на дичь за предѣлами заповѣднаго лѣса, и если его собака погонится за дичью въ лѣсъ, то онъ можетъ послѣдовать за собакой, но не трубя въ рогъ, не требуя отъ нея добычи; ему позволено только отозвать собаку назадъ“.

Пока намъ вспоминалась судьба древняго Гарца, поѣздъ приблизился къ самому подножію уже болѣе не темныхъ, а зеленыхъ горъ; возлѣ нихъ гнѣздилися веселый, красный, благодаря своимъ высокимъ черепичнымъ кровлямъ, городокъ, а надъ нимъ, на одной изъ горъ, выступалъ изъ густой, прелестной весенней зелени парка, красивый замокъ; въ это время кондукторъ прокричалъ названіе станціи: „Wernigerode“!

Черезъ полчаса мы были въ Ильзенбургѣ.

При выходѣ изъ вагона насъ уже обдало свѣжимъ, чистымъ, опьяняющимъ воздухомъ; пахло молодой, распускающеюся зеленью, душистыми, едва развернувшимися почками тополей и первыми весенними цвѣтами, съ раскинувшася возлѣ станціи лужка.

Лѣтній сезонъ еще далеко не начался, и потому скоро удалось устроиться въ чистенькой небольшой, но очень уютной квартиркѣ въ домѣ, принадлежащемъ сапожнику. При мысли о сапожникѣ, у всякаго петербуржца является представленіе объ иномъ подвальномъ жильѣ, сыромъ, наполненномъ забитыми или пьяными подмастерьями и жалкими, блѣдными, учениками; ничего подобнаго мы не увидали въ Ильзенбургѣ, и домъ намъ сразу понравился; выходилъ онъ въ красивый маленькій садикъ; за большими окнами виднѣлись чистенькія кисейныя занавѣси. Внутри тоже было очень мило убрано; вездѣ отличная ясеневая мебель, все солидно, крѣпко, чисто и даже изящно; всюду удобныя кресла съ подушечками и скамеечками, вездѣ вышитыя салфетки, красивыя вязаныя одѣяла, и все это блестящей бѣлизны. Когда мы начали уговариваться со старушкой-хозяйкой о наймѣ, она сказала, что сама будетъ жить надъ нами съ сыномъ и неvěсткой, и что ея сынъ сапожникъ, но не простой, а „мейстеръ“. Итакъ, мы поселились и прожили у этого мейстера два мѣсяца.

Ильзенбургъ — небольшой городокъ; съ одной стороны онъ со всѣмъ близко примкнулъ къ живописнымъ горамъ, покрытымъ почти сплошь великолѣпнымъ лѣсомъ, а съ другой — расположена равнина съ превосходно обработанными полями, лугами и безчисленными „деревнями“. Гулять по такимъ лѣсамъ — настоящее наслажденіе. Повсюду проложены дороги и тропинки, по кото-

рымъ можно удобно забираться въ самую чашу. Въ лѣсу производится не мало работъ; встрѣчаются каменоломни и много порубленнаго лѣсу, но всѣ эти работы производятся въ удивительномъ порядкѣ. Порубленные деревья аккуратно сложены, большія бревна всѣ перенумерованы; около лѣсопильных заводовъ не видно цѣлыхъ горъ щеповъ. Все это тщательно убирается. Въ опредѣленные дни бѣдному населенію деревень и мѣстечекъ дозволено отправляться въ лѣсъ и собирать тамъ хворостъ себѣ на топливо. Обыкновенно этимъ занимаются старухи и дѣти, непригодныя на другія работы, и ихъ иногда встрѣчаешь цѣлыми десятками, съ огромными корзинами хвороста за плечами. Такимъ образомъ лѣсъ сохраняется въ большой чистотѣ. Берегутся лѣса тщательно; нигдѣ не увидите громаднѣхъ пространствъ, покрытыхъ пнями, какъ у насъ въ лѣсныхъ мѣстахъ можно встрѣтить на каждомъ шагѣ; зато здѣсь часто видишь склоны горъ, усѣянные крохотными деревцами, разсаженными бороздками. Это все зачатки будущихъ лѣсовъ. Сами лѣса необыкновенно хороши; внизу они—лиственные, и въ нихъ преобладающія породы—букъ, липа, кленъ, дубъ, каштанъ, изрѣдка береза, а повыше въ горы—пихта, ель и сосна.

Вездѣ масса горныхъ ручьевъ съ чистой, прозрачной, какъ кристалль, водой; часто, гдѣ-нибудь на высотѣ, около какой-нибудь хижины для рабочихъ, увидишь, что ручеекъ приведенъ въ порядокъ: онъ выливается изъ-подъ земли по жолобу и стекаетъ въ кадку, врытую въ землю. Кромѣ ручьевъ, въ Гарцѣ особенно красивы горныя рѣчки, образующія множество водопадовъ. Главныя три рѣчки берутъ начало на Брокенѣ и текутъ по живописнымъ горнымъ долинамъ: рѣчка Боде течетъ на югъ, Океръ—на западъ, и Ильза—на востокъ; подлѣ нея-то и раскинулся городокъ Ильзенбургъ.

Среди этой жизни напоминаетъ о себѣ и старая германская исторія. На одной изъ скалъ, на берегу Ильзы, стоитъ старый замокъ, по преданію, построенный еще императоромъ Генрихомъ I. Здѣсь жилъ въ 995 году императоръ Оттонъ III, а Генрихъ II подарилъ замокъ въ 1003 году епископу Арнульфѣ изъ Гальберштадта, который передѣлалъ его въ бенедиктинскій монастырь, и здѣсь еще въ XI-мъ вѣкѣ была устроена школа для саксонскаго рыцарства. Послѣ крестьянской войны монастырь, въ 1572 году, перешелъ во владѣніе графовъ Штольберговъ-Вернигероде, которые передѣлали его въ свою резиденцію. Одна часть замка перестроена графомъ Отто уже въ наше время въ 1861 году въ романскомъ стилѣ, а остатки древняго аббатства

реставрированы въ первоначальномъ стилѣ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка и превращены въ небольшой музей древностей. Этотъ музей показывала намъ молодая, миловидная дѣвушка, дочь сторожа; она довольно хорошо знала исторію каждой вещи. Тутъ сохранилось старое оружіе, урны, домашняя утварь съ прекрасной старинной рѣзбой по дереву, отличная маіолика; впрочемъ, все это въ весьма ограниченномъ количествѣ, потому что большинство замѣчательныхъ вещей перевезено въ нынѣшнюю резиденцію графовъ Штольберговъ, замокъ Вернигероде.

Изъ древней трапезы аббатства, находящейся въ каменномъ подвалѣ съ колоннами и сводами, мы вышли въ замковый садъ. Тутъ собраны всевозможныя рѣдкости растительнаго царства. Садъ благоухалъ отъ массы цвѣтущихъ деревьевъ. Старая монастырская стѣна совсѣмъ утопала въ плющѣ и дикомъ виноградѣ. Вдоль дорожки, извивавшейся вокругъ пруда и то спускавшейся, то поднимавшейся, всюду цвѣли громадныя кусты сирени розовой, бѣлой и витайской. Кусты жимолости, усыпанные розовато-бѣлыми цвѣтами, перемѣшивались съ опущенными вѣтвями „золотого дождя“, какъ здѣсь называютъ особенную породу желтыхъ акацій. Тутъ же, вблизи замка, масса розовыхъ кустовъ; подальше—темныя площадки, среди старыхъ липъ и дубовъ; а дальше вглубь встрѣчаются хвойныя породы, какъ переходъ къ сосновому лѣсу, который разстилается за паркомъ. Мы долго бродили по парку. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то нѣжная теплота; утромъ была гроза, и облака, спустившіяся въ долину, еще не успѣли переползти черезъ горы; по временамъ слышался вдалекѣ громъ и мелькала молнія. лягушки неистово квакали въ заросшемъ тиною пруду, а черныя, съ ярко-желтыми полосами, саламандры ползали по дорожкамъ, неуклюже поворачивая своимъ хвостомъ. Мы хотѣли выйти изъ сада другой дорогой. Но онъ, оказалось, былъ обнесенъ глухимъ заборомъ, съ накрѣпко заколоченными калитками. Волей-неволей мы вернулись къ старому аббатству, и сквозь холодный темный коридоръ, прорѣзывающій стѣну, вышли на дворикъ. Это—продолговатая, четырехугольная площадка, ограниченная со всѣхъ сторонъ строеніями замка; она тоже вся утопаетъ въ роскошной растительности. Прелестно здѣсь и весной, когда все распускается, и лѣтомъ, когда вѣтви деревьевъ гнутся отъ тяжести цвѣтовъ, и глазъ не успѣваетъ уловить самыя разнообразныя и причудливыя краски и тоны, изъ-за которыхъ, какъ забытая могила, выступаетъ жилище невѣдомыхъ намъ прежнихъ людей. Изъ одного угла этого дворика калитка ведетъ къ спуску въ долину

рѣки Ильзы. За ней высятся зеленныя горы, иногда темныя, покрытыя голубоватой дымкой тумана, иногда освѣщенные солнцемъ и выдѣляющіяся яркой зеленью на свѣтло-голубомъ фонѣ. Съ противоположной стороны—ворота, выходящіе къ замковой церкви, дому пастора и кладбищу, а дальше дорожка спускается въ городъ.

Церковь была открыта и раздавался колокольный звонъ; было около восьми часовъ вечера, и на мой вопросъ, какая начиналась служба, сторожъ отвѣтилъ мнѣ, что сейчасъ начнется Mission-Stunde.

Мы зашли въ церковь; она была еще пуста и освѣщалась одной старинной люстрой въ видѣ золотой короны, съ темнымъ красивымъ орнаментомъ на внутренней ея сторонѣ, наведеннымъ чернью по золоту.

Въ высокихъ окнахъ все еще мелькала молнія, и отдаленный громъ придавалъ еще болѣе торжественности вечерней обстановкѣ церкви.

Въ этотъ вечеръ, по случаю грозы, собралось не много слушателей. Пришла и наша булочница съ дочерью, содержательница кафѣ, модистка; онѣ чинно вошли и заняли свои мѣста. Потомъ появились сестры милосердія изъ мѣстной больницы въ черныхъ платьяхъ и большихъ бѣлыхъ чепчикахъ; а за ними вошелъ молодой высокій пасторъ съ серьезнымъ лицомъ и въ очкахъ. Онъ молча прошелъ между рядами скамеекъ. Заигралъ органъ. Небольшой хоръ мальчиковъ прекрасно пѣлъ. Прочитавъ молитвы, пасторъ вошелъ на кафедру и началъ свою рѣчь, начало которой не мало меня удивило. Онъ заговорилъ объ островѣ Мадагаскарѣ; довольно подробно рассказалъ его географію, исторію, самымъ спокойнымъ, серьезнымъ тономъ, точно профессоръ, хорошо знающій свой предметъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ характеристикѣ жителей Мадагаскара и ихъ религіи. Рассказалъ, когда и какъ заѣхали туда первые англійскіе миссіонеры и какъ распространилось тамъ христіанство. Это послужило ему поводомъ заговорить о высотѣ христіанскаго ученія, о терпимости къ другимъ религіямъ; но затѣмъ онъ вдругъ торжественно и вмѣстѣ печально объявилъ, что, къ несчастью, Мадагаскаръ завоеванъ французами, которые безжалостно его разорили и, кромѣ того, задерживаютъ распространеніе христіанства; они не допускаютъ на Мадагаскаръ другихъ миссіонеровъ, кромѣ французовъ. Проповѣдь съ такимъ содержаніемъ все-таки меня удивила. Молодой пасторъ видимо былъ человѣкъ съ большими познаніями, но и слушатели его оказывались достаточно подготовленными, что здѣсь и не удивительно;—напримѣръ, наши хозяева,

сапожники, получаютъ двѣ газеты, одну берлинскую, а другую ильзенбургскую, и не только живо интересуются своей родиной, но и всѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Обязательное обученіе принесло здѣсь богатые плоды.

Каждый путешественникъ по Гарцу торопится прежде всего взобраться на Ильзенштейнъ. Мы подходили къ нему по прелестной Psenthal. Рѣчка Ильза весело и быстро, съ шумомъ несетъ между высокими скалистыми берегами, до самаго подножія заросшими букомъ, дубомъ и другимъ лиственнымъ лѣсомъ. Вдоль рѣки вьется узенькая дорожка. Мѣстами горы совсѣмъ сдвигаются и образуютъ темное ущелье, по которому идти не безопасно послѣ сильныхъ дождей; тогда рѣка бушуетъ, волны ея становятся сѣрыми и мрачными, поднимая со дна песокъ. Ущелье приводитъ къ громадному, крутому гранитному утесу. Со всѣхъ сторонъ окруженъ онъ высокими лѣсистыми горами, и только одна сѣверная сторона круто обрывается надъ рѣкой, и на вершинѣ скалы виднѣтся крестъ. Этотъ утесъ и называется Ильзенштейнъ.

Преданіе рассказываетъ, что Ильзенштейнъ составлялъ, съ лежащими противъ него „западными скалами“, одну большую гору, на которой стоялъ гордый и крѣпкій замокъ короля Ильзунга, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ со своей красавицей дочерью, принцессой Ильзой. А внизу, у подножія замка, жила старая колдунья, со своей уродливой, рыжей, большеголовой дочерью Трутой.

Однажды проѣзжалъ мимо замка молодой красавецъ, рыцарь Рольфъ. Его увидала Трута и такъ въ него влюбилась, что упростила колдунью мать, посредствомъ волшебныхъ чаръ, подчинить ей рыцаря, чтобы онъ отвѣчалъ на ея любовь.

Старая колдунья приготовила для Рольфа любовный напитокъ, до того сильный, что, несмотря на безобразіе Труты, Рольфъ въ нее влюбился и сдѣлался ея женихомъ.

Но вскорѣ волшебныя зелья потеряли силу, и храброму Рольфу удалось вырваться изъ объятій Труты и освободиться отъ колдовства старухи.

Онъ бѣжалъ отъ нихъ въ горы, къ замку короля Ильзунга.

Въ зеленомъ лѣсу онъ встрѣтился съ прелестной королевной Ильзой. Увидя ея милое лицо, обрамленное золотистыми волосами, онъ безъ всякаго волшебства въ нее влюбился; а такъ какъ и Ильза отвѣчала ему тѣмъ же, то старый король взялъ его себѣ въ зятя.

Но не была еще отпразднована свадьба, какъ счастье влюбленныхъ омрачилось.

Трута и ея мать узнали о предстоящей свадьбѣ. Онѣ пришли въ ярость и упросили самого сатану спустить въ Вальпургіеву ночь съ Брокена въ долину потока, который бы все разрушилъ.

Такъ и случилось: съ ужасной силой устремился потокъ и затопилъ всѣ скалы, на которыхъ стоялъ замокъ; а вмѣстѣ съ замкомъ погибли въ пучинѣ и Ильзунгъ, и Рольфъ. Одна Ильза спаслась на вершинѣ утеса Ильзенштейна и осталась жить.

Еще и теперь, въ ночной тишинѣ, когда луна слабымъ свѣтомъ озаряетъ движущіеся въ долинѣ туманные образы, прекрасная королева, по увѣренію легенды, блуждаетъ по берегу серебристаго лѣснаго ручья, который и носить ея имя. Папоротники и травы тѣснятся вокругъ ея ногъ, цѣлуютъ края ея одежды и развѣвающимся покрывало, которымъ она укутана. Она ихъ снимаетъ въ тѣни густаго лѣса, чтобы освѣжить свои дѣвственные члены въ свѣжемъ, журчащемъ потокѣ.

Но едва покажется утренняя заря на востокѣ, она должна вернуться подъ Ильзенштейнъ, въ свой утонувшій замокъ; рѣдко къ кому изъ смертныхъ она бываетъ такъ благосклонна, что покажетъ удивительную красоту и великолѣпіе этого замка.

Если въ своихъ ночныхъ странствіяхъ она встрѣчаетъ прекраснаго и добродѣтельнаго юношу, — такимъ нѣкогда былъ императоръ Генрихъ, — она уводитъ его въ свой подземный дворецъ, обласкаетъ и одаритъ; но кто захочетъ подсмотреть, какъ она купается въ ручьѣ, она превращаетъ того въ старую косматую ель; и ихъ уже много стоитъ у подножія Ильзенштейна.

Не мало такихъ легендъ, иногда очень красивыхъ, привязано къ разнымъ мѣстностямъ Гарца: онѣ собраны усердными этнографами и любителями мѣстной поэзіи; легенды о Брокенѣ извѣстны всей Германіи.

Послѣ долгихъ сборовъ, мы отправились на Ильзенштейнъ, а оттуда въ Плессбургъ, гдѣ живетъ одинъ изъ многочисленныхъ лѣсничихъ Гарца.

Былъ чудный, мягкій день; воздухъ былъ такъ прозраченъ, что, придя на площадь рынка, откуда можно было видѣть вершину Брокена, мы совершенно ясно разсмотрѣли на ней и гостиницу, и башню, что намъ до сихъ поръ не удавалось, потому что „Vater Blocksberg“ не особенно любитъ показываться безъ туманной шапки. Омнибусъ на Брокенъ ушелъ еще утромъ, а теперь былъ третій часъ, и мы поспѣшили къ Ильзенштейну по парку въ долинѣ Ильзы. Вдругъ до насъ донеслись веселые звуки пѣсни, а пройдя нѣсколько шаговъ, мы встрѣтили толпу

мальчиковъ въ одинаковыхъ голубыхъ шапочкахъ—это путешествовала школа. Впереди шагала учитель, а за нимъ бойко шли въ тактъ большіе и маленькіе мальчуганы, съ веселыми, разрумяненными лицами, и громко, задорно выкрикивали слова какой-то пѣсни. За плечами у каждого была сумочка; повидимому, они шли съ Брокена.

Шествіе замыкалъ другой педагогъ, уже немолодой, но бодро слѣдовавшій за своими питомцами. Весело было смотрѣть на эту милую и оживленную компанію.

Нерѣдко можно встрѣтить и цѣлые пансіоны дѣвочекъ, пріѣзжающіе весной изъ ближайшихъ городовъ для большихъ прогулокъ ¹⁾. Во многихъ отеляхъ для такихъ кочующихъ школъ дѣлается большая уступка, и, какъ говорили наши хозяева, родители или близкіе родственники дѣтей могутъ принимать участіе въ такихъ компаніяхъ.

Мы шли по ущелью Ильзы и были крайне удивлены: въ одномъ мѣстѣ у плотины, гдѣ, за два дня, бушевала рѣка такъ, что съ большой опасностью можно было переходить по узенькому мостику,—теперь совсѣмъ почти не было воды. Въ это время насъ обогналъ рабочій въ синей блузѣ, съ ближайшаго завода (въ Ильзенбургѣ нѣсколько желѣзныхъ и другихъ заводовъ); по нѣмецкому обыкновенію, обгоняя насъ, онъ снялъ шляпу и сказалъ: „Guten Tag“, а замѣтивъ въ насъ иностранцевъ (пріѣзжихъ почти еще не было, и потому на насъ всѣ поглядывали съ нѣкоторымъ любопытствомъ), онъ замедлил шагъ и видимо искалъ предлога заговорить съ нами. Мы ему сдѣлали это удовольствіе и спросили, такъ ли мы идемъ къ Ильзенштейну, по какой тропинкѣ ближе всего подняться и отчего произошла эта внезапная убыль воды въ Ильзѣ. Нѣмецъ обрадовался случаю поговорить; объяснилъ, что воду отвели въ другое русло, чтобы въ мелкой водѣ наловить форелей, которыми изобилуютъ рѣки Гарца; подвелъ насъ къ самой водѣ и указалъ намъ мелькавшихъ рыбъ; потомъ спрашивалъ, какъ намъ нравится чудесная дорожка въ ущельѣ; радовался на хорошіе дни, на красоту горъ; говорилъ, что будетъ еще наряднѣе въ паркѣ, когда дорожки будутъ усыпаны пескомъ (Kies). Повидимому, онъ здѣсь провелъ всю жизнь, потому что говорилъ объ ущельѣ, какъ о чемъ-то ему крайне миломъ. Говорилъ онъ на Plattdeutsch,

¹⁾ Каникулы въ Германіи очень коротки; они начинаются въ іюлѣ и продолжаются шесть недѣль, но это не мѣшаетъ дѣтямъ отлично пользоваться лѣтними мѣсяцами, благодаря такимъ прогулкамъ.

нижне-нѣмецкомъ нарѣчїи, которое здѣсь господствуетъ, и нужно очень къ нему прислушаться, чтобы научиться понимать здѣшній говоръ ¹⁾; но мы уже къ нему привыкли послѣ многихъ, весьма комичныхъ, недоразумѣній за первыя двѣ недѣли.

Нашъ языкъ тоже заинтересовалъ незнакомца, и онъ спросилъ, откуда мы приѣхали и кто мы такіе. Я его попросила угадать.—*Sie sind doch keine Engländer?* (Вѣдь вы не англичане?)—*Nein.*—*Auch nicht Holländer?* (И не голландцы?)—*Nein.*—*Kommen sie aus Amerika?* (Вы приѣхали изъ Америки?)—*Auch nicht.*—Перечисливъ еще датчанъ и шведовъ, онъ истощилъ свой запасъ находчивости; тогда мы объявили ему, что мы русскіе и приѣхали сюда изъ Петербурга.

— А, я знаю,—возразилъ онъ:—*Petersburg an der Newa*, и Одессу знаю, и Кронштадтъ,—продолжалъ онъ вспоминать съ увлеченіемъ:—мы въ школѣ учились—и Москву знаю, туда на коронацію ѣздилъ нашъ кронпринцъ; но у васъ тамъ вѣрно очень холодно теперь?

Я его успокоила на этотъ счетъ: у насъ въ маѣ часто бываетъ очень тепло.

— А вотъ и тропинка, по которой вамъ надо подниматься,—сказалъ онъ:—пожалуй, вамъ будетъ мало и добрыхъ полчаса (*eine gute halbe Stunde*); ну, а я, по привычкѣ, взбираюсь въ десять минутъ.

Онъ раскланялся, живо перебѣгая черезъ мостикъ къ заводу, а мы свернули на тропинку, около которой къ дереву была предупредительно прибита надпись: „*Steil und beschwehrlich*“.

Въ Гарцѣ, какъ и во многихъ мѣстахъ Германіи, существуетъ особый кружокъ, „*Verschönerungs - Verein*“, который имѣетъ вездѣ своихъ членовъ и заботится объ украшеніи всѣхъ окрестностей очень дѣлательно и усердно. Главную заботу кружка составляетъ содержаніе въ порядкѣ дорогъ, которыя вездѣ такъ хороши, что по всему Гарцу ходишь точно по парку. Всюду великолѣпныя шоссе, по обѣимъ сторонамъ усаженные въ три ряда каштанами розовыми и бѣлыми, или дубами, или же фруктовыми деревьями. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ намъ приходилось ходить по такимъ красивымъ придорожнымъ фруктовымъ садамъ изъ яблонь, грушъ, сливъ и вишенъ. Встрѣтивъ, еще раннимъ лѣтомъ, на такомъ шоссе, садовника, подстригавшаго сухія вѣтви на яблоняхъ, мы спросили его, какъ это на боль-

¹⁾ Напримѣръ, вмѣсто *artiges Kind*, говорятъ: *ortiges*, а вмѣсто *Sommer*—*Summer*, и при этомъ еще сокращаютъ слова.

шой дорогѣ разсажены фруктовыя деревья и кому они принадлежать? Онъ объяснилъ, что они принадлежать тому, кто арендуетъ землю у графа Штольберга, а ему принадлежитъ большая часть Гарца. — Неужели же, когда фрукты поспѣютъ, ихъ не рвутъ прохожіе? — О, нѣтъ, — какъ бы удивившись, отвѣчалъ садовникъ: — вѣдь за это берутъ большой штрафъ; да у насъ вообще этого и не случается; у всякаго есть свои фрукты, зачѣмъ онъ будетъ брать чужіе?

Но вернемся къ дѣятельности Verschönerungs-Verein'a. Онъ заботится не только о большихъ дорогахъ, но обо всѣхъ заболотахъ и высотахъ горъ. Если гдѣ-нибудь скалы представляютъ особенно красивыя группы, или же съ нихъ открывается интересный видъ, или какой-нибудь горный ручеекъ причудливо несетъ по живописной долиנѣ, то ко всѣмъ этимъ мѣстамъ прокладываются прелестныя дорожки; на крутыхъ скалахъ строятся небольшіе домики и заводится хозяйство (Wirthschaft), родъ крохотныхъ гостинницъ, гдѣ, въ случаѣ непогоды, можно и переночевать, а ужъ поѣсть всегда можно, такъ же какъ получить почтовую карточку съ изображеніемъ этой мѣстности; тутъ же всегда находится и почтовый ящикъ. Около такихъ домиковъ, въ лѣсу или въ саду, смотря по мѣстности, разставлены столы, за которыми по воскресеньямъ сидятъ цѣлыя семьи, съ малыми дѣтьми.

Кромѣ этихъ маленькихъ хозяйствъ, по горамъ встрѣчаются и небольшія бесѣдки, гдѣ можно укрыться отъ дождя; всюду скамейки съ надписью: „Verschönerungs-Verein“, а на перекресткахъ и поворотахъ безчисленныхъ тропинокъ — надписи съ указаніемъ направлений къ разнымъ городкамъ, съ обозначеніемъ числа километровъ до ближайшаго пункта.

Благодаря этимъ указателямъ дороги, въ Гарцѣ невозможно заблудиться.

Поднимаясь по дорожкѣ, шедшей зигзагомъ на одну изъ такихъ вершинъ, мы взобрались на каменную скалу, съ желѣзнымъ крестомъ на крохотной площадкѣ, гдѣ едва можно было помѣститься вдвоемъ, и намъ открылся прелестный видъ на Ильзенбургъ съ его красными кровлями, красиво выглядывавшими изъ-за зеленыхъ аллей.

Отсюда мы двинулись обратно черезъ горы и доли въ Плессбургъ; мы брели, то опускаясь, то поднимаясь; тишина нарушалась только журчаньемъ ручейковъ и крикомъ и щебетаньемъ лѣсныхъ птичекъ; гдѣ-то вдали слышался звонъ колокольчиковъ: вѣроятно стадо возвращалось къ какому-нибудь селенію. Сначала

дорога шла между небольшими холмами, зеленые дуга чередовались съ лиственнымъ лѣсомъ; понемногу стали попадаться сосны, лѣсъ становился гуще и гуще; ни души не видно, только изрѣдка проскочить заяцъ, или изъ-подъ самыхъ ногъ взбѣжить по стволу и спрячется въ вѣтвяхъ пушистая бѣлочка, или въ чащѣ покажется пара пугливыхъ оленей и, завидя насъ, живо убѣгаетъ.

По сторонамъ дороги часто встрѣчаются небольшія тропинки; онѣ ведутъ на безчисленныя скалы. Эти скалы всѣ носятъ названія, какъ, напримѣръ: Kattennäse (кошачьи носы), Rabenklippen (вороньи скалы) и т. п. Скоро мы натенулись на какую-то изгородь и на толпу дровосѣковъ; съ ними разговаривалъ высокій, красивый старикъ — это и былъ лѣсничій. Отпустивъ дровосѣковъ, онъ подошелъ къ намъ и, видя, что мы здѣсь чужія, любезно предложилъ зайти къ нему отдохнуть. Мы вошли въ небольшой дворикъ, устроенный тутъ же въ лѣсу; намъ казалось, что мы въ ужасной глуши, но, оглянувшись, замѣтили прелестную березовую бесѣдку съ красивой садовой мебелью и объявленіе, что здѣсь можно имѣть молоко, простоквашу, всякія фруктовыя воды, и тутъ же стоялъ автоматическій аппаратъ, выбрасывавшій за 10 пфенниговъ шоколадъ, — необходимая принадлежность каждаго нѣмецкаго рестораника. Когда мы напились молока, старикъ началъ насъ торопить скорѣе домой, боясь, что стемнѣетъ и мы заблудимся; несмотря на наши увѣренія, что мы знаемъ дорогу, онъ проводилъ насъ до перекрестка и пожелалъ скорѣе добраться домой, такъ какъ къ ночи надо было ждать грозы. Грозы въ Гарцѣ случаются очень часто и довольно сильныя. Дома насъ встрѣтили наши хозяева, озабоченные нашимъ отсутствіемъ въ такую пору. Они, оказалось, уже ходили насъ искать въ разныя стороны.

Наконецъ, выдался солнечный денекъ, и мы рѣшились отправиться на Брокенъ, или, какъ его называютъ, „Vater Blocksberg“. Мы рѣшили идти пѣшкомъ. Захвативъ съ собой наши палки и повѣсивъ за спину плѣды, мы двинулись.

Мы быстро и весело шли, изрѣдка встрѣчая пѣшеходовъ съ сумочками за плечами, возвращавшихся съ Брокена. Всѣ они ласково привѣтствовали насъ своимъ неизбѣжнымъ „Guten Morgen“. По ихъ довольному виду можно было заключить, что „Vater Blocksberg“ пересталъ хмуриться и показать имъ Гарцъ во всей его красотѣ.

Отъ ресторана „Принцессы Ильзы“ мы стали подниматься выше и выше по отличному шоссе вдоль рѣки Ильзы, спадающей въ долину прелестнымъ водопадомъ. Не даромъ эту рѣку разукрасила народная фантазія. Она прелестна и очень разнообразна: сначала, на вершинѣ Брокена, она течетъ тихимъ, чистымъ, незамѣтнымъ ручейкомъ, какъ дѣтство, какъ эмблема просыпающейся жизни; потомъ скрывается подъ мхи и камни и слышится ея гулъ, сначала невнятный, потомъ все болѣе громкій и бурный—это крѣпнущія отроческія силы, уже пробудившіяся въ сердцѣ и умѣ, но еще не умѣющія показаться наружу; наконецъ, дико вырываясь изъ-подъ камней, потокъ бросается внизъ по камнямъ, порывисто скачетъ и рвется все впередъ, какъ юность, не знающая преградъ, ищущая своей цѣли; но вотъ онъ уже внизу, въ долинѣ, и еще кипитъ и бушуетъ, но люди забрали его силы, преградивъ потокъ многочисленными плотинами и плюзами, а воду отвели во множество мельницъ и фабрикъ и отняли у потока его свободу.

Поднимаясь подлѣ водопада все выше, мы подошли къ перекрестку, гдѣ нѣсколько дорогъ расходились, и прочли, что одна дорожка вела на Брокенъ черезъ Schneeloch (снѣжное ущелье). Въ нашемъ путеводителѣ она рекомендовалась какъ самая короткая, но самая крутая. Мы поднимались уже два часа и съ полчаса по густому туману, который мы замѣтили, еще поднявшись надъ Ильзенбургомъ. Мы думали-было вернуться, потому что туманъ сталъ походить на дождь и въ двухъ шагахъ ничего не было видно; но не хотѣлось вернуться домой, не достигнувъ цѣли, хотя бы пришлось даже ничего не увидеть, и рѣшили идти черезъ Schneeloch; по крайней мѣрѣ ближе, и мы успѣемъ захватить омнибусъ.

Туманъ дѣлался все гуще; еще въ лѣсу была видна дорога, но когда мы вышли на болѣе открытое мѣсто, сквозь туманъ вырисовался только силуэтъ какого-то строенія, вѣроятно каменоломни, судя по грудамъ бѣловатаго, обтесаннаго въ формѣ кирпича, камня.

Тутъ дорожка свернула налѣво вверхъ и походила на каменную лѣстницу, сложенную изъ крутыхъ, неуклюжихъ камней, представляющихъ ступени. Кромѣ двухъ, трехъ ближайшихъ камней лѣстницы, мы уже ничего не видѣли передъ собой. Большой лѣсъ прекратился, по сторонамъ торчали только небольшія елочки среди поблеклой болотной травы, да вывороченные камни, принявшіе какой-то злобный видъ среди темно-сѣраго тумана; на землѣ стояли лужи, струились ледяные ручьи и на каждомъ

шагу стали попадаться огромныя глыбы снѣга. Это и есть Schneeloch.

Въ одномъ мѣстѣ мы услышали сильный подземный шумъ; тутъ, именно, рѣка Ильза ушла подъ землю. Казалось, что всевозможныя чудовища, которыми народная фантазія населила гору Брокенъ, выворотили съ корнями деревья и камни. Въ Вальпургіеву ночь вѣдьмы и черти до тѣхъ поръ носятся въ бѣшеной пляскѣ по вершинѣ Брокена, пока не стонятъ съ нея весь снѣгъ. А свачутъ они туда верхомъ на вилахъ, мѣтлахъ, на котахъ, на козлахъ и другихъ фантастическихъ животныхъ. Становилось какъ-то жутко въ этомъ сыромъ темномъ облакѣ, среди камней, которымъ не видно было конца.

Повидимому, мы были очень высоко, выше горныхъ лѣсовъ; позади насъ виднѣлось только одно сплошное море тумана. Мы были очень утомлены; обстановка дѣйствовала угнетающимъ образомъ, и намъ было очень пріятно услышать голоса вблизи насъ. Мы столкнулись съ цѣлымъ обществомъ дамъ и мужчинъ, укутанныхъ въ платки и плады, и успѣли обмѣняться съ ними вопросами, самыми существенными для насъ въ ту минуту. Они насъ спрашивали, сколько времени мы идемъ въ этомъ ужасномъ туманѣ, а мы спросили, далеко ли намъ до вершины и застанемъ ли мы тамъ омнибусъ въ Ильзенбургъ. Оказалось, что до гостинницы придется идти еще полчаса, а омнибусъ уйдетъ въ четыре часа.

Собравъ послѣднія силы, мы поднялись, наконецъ, на верхнюю площадку Брокена и увидѣли столбъ съ надписью, которую едва можно было разобрать: это была просьба не рвать на Брокенѣ цвѣтовъ. Какіе тутъ цвѣты, когда, кромѣ болотной травы, мы ничего не видали! Черезъ нѣсколько минутъ мы буквально наткнулись на омнибусъ—у самыхъ дверей гостинницы.

Черезъ четверть часа пришлось занять мѣста въ омнибусѣ, съ четырехъ сторонъ закрытомъ кожаными занавѣсками. Съ нами ѣхало цѣлое семейство, состоящее изъ двухъ молодыхъ нѣмокъ и двухъ ихъ малолѣтнихъ братьевъ, съ отцомъ. Кучеръ боялся сбиться съ дороги и ѣхалъ шагомъ; тѣмъ не менѣе насъ порядочно подбрасывало изъ стороны въ сторону. Наши спутники, какъ оказалось, намѣревались переночевать въ Ильзенбургѣ и ѣхать въ Bodethal; это самая красивая изъ долинъ рѣкъ, берущихъ начало на Брокенѣ; особенно знаменито ущелье Rosstrappe (скачокъ лошади), о которомъ отецъ семейства тутъ же разсказалъ легенду.

У насъ вообще распространено, даже господствуетъ предубѣжденіе противъ нѣмецкаго „бюргерскаго“ быта, слишкомъ будто бы узкаго и мелочнаго для нашихъ широкихъ натуръ. Прежде всего, нѣмцы живутъ тѣснѣ нашего, уже вслѣдствіе той простой причины, что Германія давно тѣсна для своего населенія. Но надо удивляться тому практическому разуму, съ какимъ нѣмцы устриваютъ свой бытъ. На нашъ взглядъ въ этомъ провинціальномъ бюргерскомъ быту можетъ показаться тѣсно и мелочно: дома и сады миниатюрны, точно они устроены не для живыхъ людей, а для куколъ. Комнаты небольшія, всюду масса всевозможныхъ руководѣлій, которыя придаютъ уютность квартирѣ. Въ садахъ дорожки и грядки узки, но разукрашены всевозможными столбиками, стеклянными шарами, фарфоровыми тумбочками и столиками; цвѣтовъ—масса... Когда взглянешь на все это, то съ восхищеніемъ вспомнится нашъ русскій просторъ, большіе помѣщичьи сады, и покажется, что здѣсь находишься въ какомъ-то игрушечномъ царствѣ. То ли дѣло у насъ?! Но сравненіе фальшиво, потому уже, что сравниваются вещи совсѣмъ разныя. Здѣсь это—не помѣщичьи дома (какихъ и у насъ становится все меньше и меньше), а простые „мѣщанскіе“, гдѣ устриваютъ свою жизнь люди самаго скромнаго достатка; эти домики здѣсь не исключеніе, а обыкновенное дѣло.

Проживъ въ Ильзенбургѣ два мѣсяца, привыкнувъ къ его внѣшней идеальной чистотѣ, къ простой, разумной, свободной жизни его обитателей, невольно забудешь свое прежнее недобѣріе и поймешь слова Гёте, сказанныя о его любимой Іенѣ, куда онъ уѣзжалъ отдохнуть отъ суетливой жизни при дворѣ:

„Hier bin ich Mensch,
Hier darf ich's sein“.

Легко такъ живетъ; свободно, тихо и нескучно; а почему это? Отвѣтъ, мнѣ кажется, въ разумной постановкѣ цѣлаго быта: въ высокомъ уровнѣ образованности всего народа; въ доступности школы и всякаго знанія; въ правильномъ распредѣленіи труда и отдыха; въ разумныхъ удовольствіяхъ.

Прежнее политическое устройство Германіи, раздробленной на множество отдѣльныхъ государствъ, имѣло много своихъ тяжелыхъ сторонъ, почему нѣмцы давно стремились къ національному объединенію; но это раздѣленіе въ свое время принесло и свою долю пользы. Каждое маленькое государство имѣло свой центръ общественности и образованія; всюду учреждались низшія и среднія школы и университеты, особенно въ эпоху реформаціи. Всѣ эти университеты, разбросанные прежде по раз-

нымъ королевствамъ, княжествамъ и герцогствамъ, были источниками широкаго просвѣщенія; маленькіе провинціальныя городки могли гордиться своими „высокими шеолами“ и великими учеными именами; они и до нынѣ, къ славѣ Германіи, остались центрами просвѣщенія. Въ старой, раздѣленной Германіи, отчасти въ связи съ университетами, создалось, кромѣ крупныхъ университетскихъ столицъ, множество маленькихъ городовъ, пользующихся высокою культурой; напримѣръ, по Рейну и около него: Кельнъ, Кобленцъ, Боннъ, Гейдельбергъ, Тюбингенъ; въ центрѣ: Гёттингенъ; на востокѣ: Іена, Веймаръ, Эрфуртъ, Галле, Бреславль и пр.

Присутствіе этой общей высокой культуры чувствуется и въ самыхъ маленькихъ провинціальныя городахъ, какъ нашъ Ильзенбургъ, Вернигероде и пр., и пр. Въ Ильзенбургѣ существуютъ двѣ прекрасныя бібліотеки; подписавшись на шесть нѣмецкихъ журналовъ, мы за четыре мѣсяца заплатили четыре нѣмецкихъ марки, т.-е. меньше двухъ рублей, притомъ журналы аккуратно доставлялись намъ на домъ. И эти бібліотеки процвѣтаютъ такъ же, какъ „Ильзенбургская газета“, несмотря на то, что въ полчасѣ ѣзды, въ одну сторону, лежитъ уже совсѣмъ оживленный городъ Вернигероде, а въ другую—модный курортъ Гарцбургъ. Почта нѣмецкая поставлена идеально; сегодня вы выпишете что-нибудь изъ Берлина, завтра вамъ на домъ приносятъ заказъ. Случайно мы узнали, что, кромѣ почты, изъ Ильзенбурга ежедневно отправляется въ Вернигероде „Botenfrau“ и ей можно давать самыя замысловатыя порученія. Намъ особенно поражаютъ низшій классъ населенія—ремесленники и фабричныя рабочіе, — среди котораго у насъ господствуетъ пьянство и слѣдующія за нимъ одичаніе и нищета. Именно этотъ классъ населенія мы могли наблюдать въ Ильзенбургѣ, гдѣ почти всѣ домовладѣльцы работаютъ на художественно-плавильномъ заводѣ графа Штольберга. Нашъ сосѣдъ, старичокъ Бартельсъ, всегда поражалъ насъ своимъ трудолюбіемъ. Онъ служитъ слесаремъ на заводѣ и ежедневно проводитъ тамъ полъ-сутокъ—съ шести часовъ утра до шести вечера. У него два сына; одинъ парикмахеръ, а другой тоже работаетъ на заводѣ. Жена усердно занимается хозяйствомъ; сама стираетъ бѣлье и моетъ полы, а лѣтомъ изапно убираетъ свой домикъ и отдаетъ его внаймы. Возвратясь домой и поужинавъ, старичокъ, до пріѣзда къ нему Sommergäste, усаживался на лѣсенокъ, приставленной то къ одной, то къ другой стѣнѣ, и небольшою кистью подмазывалъ то окно, то дверь, то стѣну своего и безъ того блестящаго сѣраго домика. Видя, что

на его домѣ не остается ни пятнышка, онъ принимался, съ такимъ же стараніемъ и терпѣніемъ, ухаживать за своимъ цвѣтникомъ, гдѣ у него всякія рѣдкости. Благодаря такой любви жителей къ садоводству, Ильзенбургъ лѣтомъ совсѣмъ утопаетъ въ цвѣтахъ и иногда у какого-нибудь самаго бѣднаго домика вся стѣнка увита розами, что придаетъ большую привлекательность здѣшнимъ улицамъ.

По окончаніи своей дневной работы, молодежь расходится во всякіе „ферейны“, а старики проводятъ время или въ бесѣдѣ за кружкой пива въ своемъ саду, или у сосѣда, куда выходятъ и ихъ разодѣтыя жены съ какой-нибудь работой въ рукахъ. Въ десять часовъ жизнь въ городѣ затихаетъ, весь городъ спитъ...

Наши хозяева очень много работаютъ: старуха съ утра уходитъ на шитье, она—поденная портниха; ея молодая невѣстка ведетъ хозяйство и убираетъ наши комнаты, а мужъ пьетъ на верху сапоги и при этомъ заливается соловьемъ—у него очень хорошій голосъ и онъ—одинъ изъ главныхъ пѣвцовъ „Gesang-Verein'a“. Казалось, что такъ нѣжно можетъ пѣть только женщина, а не этотъ черномазый нѣмецъ, всегда одѣтый въ большой передникъ, съ вѣчно засученными по локоть рукавами; по временамъ, онъ, напѣвая, выходитъ въ садъ полюбоваться цвѣтами или приласкать нашихъ дѣтей, а въ своей мастерской прерываетъ пѣсню стукомъ молотка о подошву. Это желаніе и умѣнье вносить извѣстную долю поэзіи и въ устройство своего жилья, и въ свой трудъ, умѣнье любить жизнь и забота разумно устроить ее—составляютъ особенно привлекательную черту нѣмцевъ и въ этомъ скромномъ кругѣ, который мы наблюдали. Нашъ сапожникъ унаслѣдовалъ слухъ отъ матери. Разъ мы позвали старушку на нашъ русскій чай; она предложила принести гитару и слабымъ, но красивымъ голосомъ пропѣла намъ массу нѣмецкихъ народныхъ пѣсень; мы говорили потомъ о музыкѣ, и оказалось, что она очень порядочно знакома съ нѣмецкими классиками. Приходилось только удивляться: всѣ эти лавочники, мясники, колбасники, булочники—люди воспитанные, недурно образованные, всегда помнящіе свое достоинство и ту истину, что никакой честный трудъ не можетъ унижить человѣка, а исполняютъ они свой трудъ очень добросовѣстно. Съ утра одѣтыя не въ нарядныя, но въ блестящія чистотой платья, хозяйки сами идутъ за водой къ водокачалкѣ у насъ на улицѣ; ведра у всѣхъ легенькія, эмалированныя; мальчикъ развозитъ молоко въ красивой телѣжкѣ на рессорахъ съ ящикомъ, въ одну лошадь, и у мальчика всегда роза въ петличкѣ. Въ мясной лавкѣ

прилавки, подоконники, все—бѣлое мраморное: булочныя можно сравнить только съ лучшими петербургскими кондитерскими; вездѣ можно пить кофе, шоколадъ или ѣсть мороженое въ комнатѣ или въ саду, и нѣмцы это очень любятъ. Пришлось намъ познакомиться, между прочимъ, и съ нѣмецкимъ столяромъ, которому нужно было заказать вещь по довольно замысловатому рисунку. Я нашла столяра за работой, въ большой мастерской, расположенной во дворѣ,—собственно въ саду. Поговоривъ со мной о дѣлѣ, столяръ предложилъ посмотреть исполненные имъ заказы. Это все были изящныя вещи, выжженные и рисованныя по дереву; одни онъ хвалилъ, въ другихъ находилъ недостатки, показавъ такое знаніе рисунка, какъ будто онъ прошелъ толковую школу. Онъ съ удовольствіемъ узналъ, что мы изъ Петербурга, потому что видимо гордился своимъ искусствомъ и тѣмъ, что одинъ заказъ онъ отправлялъ въ Лондонъ, другой въ Гамбургъ, а третій въ Нью-Йоркъ.

За четыре мѣсяца пребыванія въ Германіи мнѣ не пришлось встрѣтить ни одного неграмотнаго человѣка; не посылать дѣтей въ школу значить — платить за это штрафъ. Зато по утрамъ можно встрѣтить всѣхъ маленькихъ жителей и жительницъ городка, краснощекихъ и чистыхъ, бѣгущихъ въ школу. По вечерамъ дѣти собирались въ небольшія общества, въ удобныхъ для игръ мѣстахъ, и тутъ начиналось веселье. Недалеко отъ насъ, на площадкѣ передъ домомъ булочника (у него было пять дѣвочекъ), собиралась обыкновенно компанія человѣкъ въ двадцать пять; они то играли, то пѣли хоромъ. Тутъ сошлись пріѣхавшія изъ Берлина дѣти высшаго круга съ дѣтьми мелкихъ ремесленниковъ; всѣ они одинаково были дѣтьми, одинаково знали свои нѣмецкія пѣсни и игры, и не было между ними никакого принужденія.

Въ маленькомъ Ильзенбургѣ существуютъ, кромѣ упомянутаго „Verschönerungs-Verein“, — Gesang-Verein (пѣвцы), Turn-Verein (гимназисты), Mutter-Verein (кружокъ матерей), Verein gegen die Bettler (общество попеченія о нищихъ) и Harz-Klub. Два послѣдніе имѣютъ широкое общественное значеніе. Ферейнъ „противъ нищенства“ имѣетъ цѣлю не преслѣдованіе, а борьбу противъ нищенства; онъ имѣетъ особенно много членовъ среди содержателей гостинницъ на большихъ дорогахъ. Всякій бѣднякъ, проходя черезъ Ильзенбургъ, получаетъ даровой обѣдъ въ определенномъ Gasthaus'ѣ, а въ Вернигероде имѣетъ такой же даровой ночлегъ; затѣмъ ферейнъ заботится о пріисканіи бѣднякамъ работы. Результатомъ является полное отсутствіе нищихъ,

и попрошайничество дѣлается излишнимъ. Если же какой-нибудь бѣднякъ дѣйствительно неспособенъ къ труду, по болѣзни или по старости, то фереинъ обязываетъ сосѣдей поочередно кормить такихъ несчастныхъ. Такъ наша хозяйка каждую субботу носила обѣдъ одной старушкѣ и исполняла эту обязанность свято и съ радостью. „Harz-Klub“—самый большой фереинъ Гарца; онъ имѣетъ членовъ во всѣхъ большихъ и маленькихъ городахъ, и даже путеводители рекомендуютъ обращаться къ нимъ за всѣми свѣдѣніями, касающимися жизни въ Гарцѣ. Его цѣль—подробное изученіе климата, почвы, дорогъ, общественной жизни и исторіи Гарца, а также—возможное улучшеніе жизни; его обязанность—содѣйствовать всякимъ полезнымъ предпріятіямъ, въ родѣ открытія библіотекъ, учрежденія мелкихъ фереиновъ и т. п.

Въ „Ильзенбургской газетѣ“ было какъ-то приведено одно нѣмецкое изреченіе по поводу отчета „Rechtfechtsschule Verein'a“, гдѣ по нѣскольку пфенниговъ собрали 1.050.000 марокъ: „Viele Wenig machen ein Viel,—Vereinte Kräfte führen zum Ziel“. Эти-то „vereinte Kräfte“ дѣйствительно составляютъ вездѣ силу нѣмцевъ: они всѣ любятъ свое отечество въ широкомъ смыслѣ, и ревностно работаютъ, учатся и примѣняютъ свои знанія въ томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ.

Неудивительно потому, что особенно новыя улицы нѣмецкихъ городовъ удивительно красивы; это—широкіе бульвары съ фонтанами и цвѣтами; новые дома можно сравнить съ прелестными виллами, потому что они окружены палисадниками и тонутъ въ зелени и цвѣтахъ; таковъ Ring—въ Кельнѣ, Poppelsdorfer-Allee въ Боннѣ, новыя улицы Франкфурта-на-Майнѣ и Гослара. Но стремясь устраивать свои города на новый ладъ, согласно съ самыми послѣдними требованіями гигиены и эстетики, нѣмцы вмѣстѣ съ тѣмъ умѣютъ цѣнить старину и дорожатъ ею; они усердно поддерживаютъ и реставрируютъ старыя постройки, знаютъ исторію каждаго камня. Въ музеяхъ сохраняются картины и остатки древняго искусства, въ библіотекахъ книги, а въ монастыряхъ—древняя ихъ обстановка; въ школахъ дѣтямъ разсказывается исторія родного города и его древностей.

Такое бережное отношеніе къ старинѣ можно увидѣть не только въ городахъ, но въ каждомъ небольшомъ селеньѣ, гдѣ только такая старина встрѣтится. Въ деревнѣ Дрюбекъ, около Ильзенбурга, мы обратили вниманіе на очень старую церковь; она обнесена оградой, сложенной изъ крупныхъ камней, уже наполовину заросла мохомъ и даже травой. Пройдя по узкой дорожкѣ между стѣнной церкви и оградой, мы вошли въ церков-

ный дворъ и увидали посреди его необыкновенныхъ размѣровъ липу. Она правильно раскинула свои вѣтви во всѣ стороны и подъ нею смѣло могло помѣститься общество человѣкъ въ двадцать. Мы постучали въ окошко, за которымъ сидѣла съ работой какая-то женщина, и спросили, что это за необыкновенное дерево. Она отвѣчала, что это липа, которой уже много столѣтій, а церковь и башня построены тысячу лѣтъ тому назадъ. Непосредственно къ башнѣ примыкаетъ длинное каменное строеніе, и около его двери въ стѣну вбита мраморная доска въ видѣ щита съ графской короной, которую въ 1877 году поставили здѣсь графы Штольберги въ память тысячелѣтія этой постройки. Тутъ былъ нѣкогда католическій монастырь; нѣсколько разъ онъ подвергался разрушеніямъ; во время знаменитой крестьянской войны были пробиты стѣны и, наконецъ, послѣ торжества реформациі, монастырь былъ обращенъ въ лютеранскую церковь. Старикъ сторожъ, сопровождавшій насъ, рассказалъ, что церковь была построена въ саксонскомъ базилиевомъ стилѣ съ криптой. Онъ и повелъ насъ въ эту крипту, чтобы показать первоначальную древнюю постройку; ея каменные колонны опирались на каменные шары; на колоннахъ высѣчены орнаменты. Стѣны сложены изъ необтесаннаго камня, и дѣйствительно обстановка переноситъ мысль въ далекіе вѣка. Но интереснѣе всего былъ самъ старикъ-сторожъ, съ увлеченіемъ восхищавшійся умомъ предковъ, которые такъ искусно и крѣпко умѣли складывать стѣны и высѣкать такіе отличные орнаменты: передъ нами былъ какъ будто не сторожъ, а настоящій археологъ. Онъ не только прекрасно прочелъ намъ лекцію о постепенномъ развитіи нѣмецкой церковной исторіи, но и самъ былъ нагляднымъ примѣромъ одной изъ отличительныхъ чертъ этой національности — умѣнья углубляться въ предметъ и необычайной любознательности.

Слово „захолустье“ въ Германіи нельзя примѣнять въ его настоящемъ значеніи ни къ одной деревнѣ. При словѣ „деревня“ намъ представляется непремѣнно немощеная, или грязная, или нестерпимо пыльная улица, съ сидящими въ этой грязи босонгими ребятишками, часто кривоногими и съ раздутыми животами; избы часто полуразрушенныя; рѣдко гдѣ встрѣтится какое-нибудь тощее дерево.

Вокругъ Ильзенбурга „деревень“ много; особенно часто мы отправлялись въ ближайшую деревню Шталельбургъ. Шоссе туда въ іюлѣ мѣсяцѣ служитъ рынкомъ вишенъ и ничуть не напоминаетъ пыльной дороги, съ торчащими иногда по бокамъ гнилыми ивами, представляющими единственное спасеніе отъ солнца

въ жаркій лѣтній день. А тутъ идешь по фруктовому саду. Вишни поспѣли и ярко выглядываютъ изъ-за густыхъ зеленыхъ вѣтокъ; въ маленькой сторожкѣ чистенькая дѣвушка продаетъ собранныя ягоды, а къ деревьямъ приставлены лѣстницы, и мальчики осторожно снимаютъ вишни въ корзины; на землѣ не валяется ни одной сломанной вѣтки.

Приближаясь къ Штапельбургу, мы очутились среди лѣса, но ни рытвинъ, ни гнилыхъ мостовъ нигдѣ не встрѣтишь; если дорогу гдѣ и пересѣкаетъ ручей, то это можно замѣтить только по крѣпкимъ каменнымъ периламъ насыпи или моста. За лѣсомъ потянулись поля; намъ поминутно встрѣчались возы со свѣжимъ, душистымъ сѣномъ; а вотъ и сама деревня.

Деревенскіе дома здѣсь строятся большею частью двухъ-этажные, а снаружи или выкрашиваются, или обкладываются черепицей. Окна и въ деревняхъ довольно большія. Возлѣ домовъ—садики, или небольшіе огороды, но непременно съ дорожками, усыпанными пескомъ. Дома увиты пристѣнными яблонями; улицы шоссированы. Въ каждой деревнѣ есть порядочныя лавки, гдѣ, начиная отъ сбруи, можно достать все, что угодно: и велосипедъ, и почтовую бумагу, и кофе, и сахаръ. Въ каждой деревнѣ есть почтовый ящикъ; за письмами пріѣзжаетъ почтальонъ на велосипедѣ. Въ каждой деревнѣ есть также „Gasthaus“, вѣчто среднее между трактиромъ и гостинницей, но несмотря на то, что всѣ нѣмцы пьютъ много пива, пьяныхъ нигдѣ не встрѣтишь. Порядокъ на улицахъ въ деревняхъ такой же строгій, какъ въ городахъ. Вдоль одной улицы Штапельбурга, около самаго забора большого сада, протекаетъ ручей съ чистѣйшей водой; онъ ничѣмъ не огороженъ и, несмотря на это, не только въ немъ не валяется какой-нибудь дохлой кошки, но даже никто не полощетъ бѣлья. Къ столбу прибита досочка съ надписью, что всякій, загрязнившій воду въ ручѣ, платитъ штрафъ (довольно большой). Вообще всякое мелкое нарушеніе правилъ общегитія наказывается штрафомъ. А правила очень строги: берется штрафъ не только за шумъ на улицѣ, но даже за громкій разговоръ около больницы. Но эти строгости нужны были только для введенія порядка, а послѣ онъ сдѣлался уже общей привычкой.

Тутъ же въ Штапельбургѣ мы осмотрѣли ферму. Какъ и всѣ другія, которыя мы раньше видѣли, она великолѣпна. Типъ нѣмецкой фермы, это—огромный дворъ, вокругъ котораго расположены каменные постройки, сарай и конюшни для коровъ и овецъ. Конюшни эти—съ асфальтовыми или каменными полами, съ отличной вентиляціей и широкими воротами. На всякой

фермѣ непременно существуетъ и птичникъ, съ самыми разнообразными породами утокъ, куръ, индюшекъ; и тутъ же гуляетъ обыкновенно павлинъ. Намъ каждый разъ казалось, что мы приходимъ на какую-нибудь особенную, образцовую ферму, а когда фермеръ предлагалъ намъ зайти въ садъ и напиться молока за деньги, намъ казалось, что передъ нами богатый помѣщикъ, а его нарядная, одѣтая по городскому, служанка—его гостыя. Пока мы не привыкли ко всей этой изящной обстановкѣ, мы съ неуверенностью клали на поднось „Trinkgeld“, и успокоивались только услышавъ отъ нарядной Fräulein: „schönsten Dank“. Противъ фермы въ Штапельбургѣ, на высокомъ холмѣ, видны развалины замка; вокругъ нихъ, уступами, на мѣстѣ древнихъ рововъ, насаженъ фруктовый садъ. Фермеръ предложилъ проводить насъ къ развалинамъ. Отъ замка остались только обросшія мохомъ стѣны, съ выбоинами для оконъ, отсюда открывался безконечный видъ. Глядя на эту туманную даль, вспоминались мечты Гейне, на развалинахъ замка, о прежней жизни; о рыцаряхъ и турнирахъ.

„Dorten setz'ich still mich nieder
Und gedenke alter Zeit,
Alter blühender Geschlechter
Und versunkner Herrlichkeit.

Cras bedeckt jetzt den Turnierplatz,
Wo gekämpft der stolze Mann,
Der die Besten überwunden
Und des Kampfes Preis gewann“...

Такихъ поэтическихъ уголковъ въ Гарцѣ много; по воскресеньямъ они оживляются городскими жителями, которые ѣдутъ in's Grüne, любоваться природой. По воскресеньямъ города и мѣстечки пусты; въ Гарцѣ всѣ уѣзжаютъ и уходятъ въ горы. Рабочіе и ремесленники очень нарядные—съ женами въ шляпкахъ и въ свѣтлыхъ платьяхъ и съ дѣтьми въ колясочкахъ—мало иногда отличаются отъ многочисленныхъ пріѣзжихъ „Bade-gäste“. Сады ресторановъ полны, тутъ пѣлыя семьи; но ни толкотни, ни криковъ не слышно. Всѣ веселы, смѣются; дѣти пьютъ молоко, взрослые—кофе или пиво, и вся эта пестрая толпа оставляетъ общее впечатлѣніе — порядочнаго, симпатичнаго общества...

Н. А. П.

ДНИ НЕДѢЛИ

Обычай приурочивать дни къ семи свѣтиламъ, именуемымъ планетами (Солнцу, Лунѣ, Марсу, Меркурію, Юпитеру, Венерѣ и Сатурну), возникъ у египтянъ, но существуетъ у всѣхъ людей.

Діонъ Кассій.

Силой звѣздныхъ чаръ, отъ вѣка,
Въ дни трудовъ и въ дни торжествъ,
Посѣщаютъ человѣка
Семь таинственныхъ божествъ—

И ведутъ чредой священной
Тотъ же стройный, свѣтлый ходъ,
Какъ впервые въ храмъ вселенной
Совершился ихъ приходъ.

И въ веселый мигъ начальный
Кругъ заводитъ Солнце-богъ,
Какъ впервые мракъ печальный
Только онъ разсѣять могъ.

И за нимъ, съ улыбкой ясной,—
Сребролукая Луна,
Какъ впервые въ міръ прекрасный
Брату вслѣдъ пришла она:

Да наставитъ троглодита
Пользѣ стрѣлъ, труду ловитвѣ...
Но и кровь людей пробита,
И пылаетъ пламя битвѣ!

Сталъ онъ жить добычей бранной,
 Дикъ и золь, какъ хищный барсъ, —
 И за мирною Діаной
 Мчится вслѣдъ кровавый Марсъ.

Но зерно и въ снѣжномъ гробѣ
 Грѣетъ зимній Водолей;
 Жизнь смѣется мертвой злобѣ,
 Жизнь выводитъ злакъ полей.

Съ нимъ—торговли трудъ полезный:
 Нѣтъ друзей, и нѣтъ враговъ;
 Быстрый, хитрый, всѣмъ любезный,
 Въ міръ летитъ гонецъ боговъ.

А за Герміемъ, съ державой,
 Зевсъ нисходитъ съ высоты—
 Образъ вѣчной, величавой,
 Неприступной красоты...

Но высокаго искусства
 Людямъ тяжекъ чистый хладъ;
 Ихъ изнѣженныя чувства
 Новыхъ требуютъ усладъ:

И, полна богатствъ и лѣни,
 Стала жизнь безумный пиръ, —
 И царицу наслажденій,
 Афродиту, видитъ міръ!

Но опасенъ непрестанный
 Праздникъ: алчность и развратъ,
 И вражда съ тревогой бранной
 Опыненныхъ сторожатъ.

И затихли звуки жизни,
 И развѣянъ прахъ изъ урнъ:
 На безмолвной, долгой тризнѣ
 Пировать идетъ Сатурнъ.

И сидитъ старикъ, и, взоры
 Въ дальній мракъ вперяя, ждетъ:
 Скоро ль новый блескъ Авроры
 Солнце-бога приведетъ.

Вяч. Ивановъ.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Окончаніе *).

III.

Какое грустное, истинно пессимистическое міросозерцаніе! — готовы мы иногда воскликнуть, читая произведенія Леопарди. Но если мы хотимъ быть вполне безпристрастными, мы должны признать, основываясь на знакомствѣ съ біографіей поэта, что онъ все же отнюдь не былъ настоящимъ пессимистомъ по натурѣ; его міросозерцаніе сложилось постепенно, по мѣрѣ того, какъ жизнь все чаще давала о себѣ знать съ дурной стороны и грустно разлетались золотыя надежды и иллюзіи поэта, разбитыя неприглядною дѣйствительностью. Если онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что земля — юдоль страданій, то, быть можетъ, въ значительной степени потому, что прежде онъ представлялъ себѣ жизнь въ слишкомъ радужномъ свѣтѣ и жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ. Если онъ привыкъ съ ироніей и печалью смотрѣть на людскія страсти, борьбу честолюбій, мелкіе интересы и эгоистическія стремленія, то это отношеніе къ людямъ смѣнило собою полную идеализма любовь къ человечеству. Самъ Леопарди откровенно говоритъ объ этомъ въ своихъ „Pensieri“; прежде чѣмъ высказать извѣстное утвержденіе, что весь свѣтъ не что иное, какъ обширный заговоръ негодяевъ противъ честныхъ людей, онъ вспоминаетъ, какъ онъ любилъ когда-то всѣхъ своихъ ближнихъ, вмѣсто того, чтобы ихъ ненавидѣть, и какъ горькій опытъ заставилъ его постепенно измѣнить свое отношеніе къ нимъ. Въ діалогахъ и письмахъ Леопарди не разъ встрѣчаются указанія на то, что онъ пере-

¹⁾ См. выше: авг., 697 стр.

родился съ теченіемъ времени, что прежде онъ былъ другимъ человѣкомъ. Въ „Dialogo di Torquato Tasso e del suo genio familiare“ устами Тассо проводится, между прочимъ, та мысль, что знаніе жизни и выпадающія намъ на долю страданія подавляютъ въ каждомъ изъ насъ „прежняго человѣка“; иногда, правда, старыя свойства и возрѣнія снова вырываются наружу и даютъ о себѣ знать, но чѣмъ дальше идетъ жизнь, тѣмъ это случается все рѣже... „Sono nato ad amare,—говоритъ Элеандръ:—я рожденъ, чтобы любить, и я любилъ... Но теперь я не стыжусь признаться, что не люблю никого, кромѣ себя“. По письмамъ Леопарди можно прослѣдить, какъ постепенно мѣнялись основные взгляды поэта на жизнь и людей. Въ 1819 году онъ въ одномъ письмѣ заявляетъ, что все съ большимъ жаромъ и воодушевленіемъ относится къ такимъ благороднымъ и добрымъ натурамъ, какъ его корреспондентъ, графъ Триссино, по мѣрѣ того, какъ узнаетъ порочность и подлость людей. Въ другой разъ, обращаясь къ Джордани, Леопарди вспоминаетъ то благословенное, счастливое время, когда онъ еще надѣялся на счастье и мечталъ о немъ, при чемъ эти надежды и мечты доставляли ему иногда такое наслажденіе, какъ будто само счастье уже выпало ему на долю. Но тогда онъ еще почти не зналъ жизни, еще мало испыталъ тяжелыхъ, горькихъ разочарованій, хотя иногда его уже тревожили мысли о томъ, что будетъ съ нимъ, когда онъ покинетъ Реканати и отправится странствовать по обширному, невѣдомому для него свѣту, входя въ болѣе тѣсное общеніе съ людьми, узнавая на опытъ ихъ отрицательныя стороны. Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Леопарди къ Пьетро Коллетта (мартъ, 1829), содержащее въ себѣ цѣнныя указанія на тѣ разнообразныя сочиненія, которыя намѣревался создать поэтъ: „Caratteri morali“, „Paradossi“, „Scienza del senso comune“, „Parallele delle cinque lingue“ и т. д. Въ числѣ этихъ предполагавшихся сочиненій видное мѣсто занимаютъ: романъ подъ заглавіемъ „Storia di un'anima“ и оригинальный діалогъ „Colloqui dell'io antico e dell'io nuovo“. Въ первомъ произведеніи Леопарди хотѣлъ показать, какъ благородное и нѣжное сердце постепенно мѣняется при столкновеніи съ реальною жизнью, становится болѣе холоднымъ, скептически настроеннымъ. Во второмъ онъ хотѣлъ изобразить самого себя въ два различныхъ періода жизни, противопоставить радужныя мечты первой молодости грустнымъ размышленіямъ человѣка, уже узнавшаго людей и задумавшагося надъ вѣчными вопросами бытія.

Такимъ образомъ, считать Леонарди пессимистомъ по натурѣ можно только по недоразумѣнію. Что въ его характерѣ съ самаго начала было извѣстное расположеніе въ меланхоліи и пытливому изслѣдованію всего окружающаго, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но нельзя отрицать и того, что только жизнь, полная страданій и тревогъ, положившая неизгладимую печать на міросозерцаніе Леонарди, дала окончательный перевѣсъ его пессимистическимъ взглядамъ и почти заглушила свѣтлыя надежды и юношескіе порывы, недавно волновавшіе душу поэта. Сдѣлался ли, однако, Леонарди типичнымъ пессимистомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе приложимо къ Шопенгауеру, Гартману и другимъ теоретикамъ міровой скорби? ¹⁾ Стоитъ основательно ознакомиться съ его стихотворными и прозаическими сочиненіями, чтобы убѣдиться, что, при всей безотрадности, при всемъ скорбномъ и мрачномъ колоритѣ его творчества и міросозерцанія, онъ все же отнюдь не былъ представителемъ не идущаго ни на какія уступки пессимизма. Поэтическія грезы и картины смягчаютъ иногда печальную философію иныхъ его произведеній; отголоски юношескихъ мечтаній неожиданно сказываются у него за нѣсколько лѣтъ до смерти... Вслѣдствіе этого, его теоріи проигрывали въ отношеніи стройности и послѣдовательности, поэтъ часто впадаетъ въ явныя противорѣчія, зато онѣ становились менѣе односторонними, болѣе доступными и близкими обширному кругу читателей. Такъ, напримеръ, когда въ стихотвореніи „Sopra un basso rilievo antico sepolcrale“ поэтъ, постоянно воспѣвавшій смерть, какъ благодѣтельница и избавительницу человѣческаго рода, разражается горькими упорами, чуть не проклятіями этой же самой „bella morte“ за ту жестокость, съ которой она разбиваетъ человѣческое счастье, разлучаетъ влюбленныхъ, отнимаетъ дѣтей у родителей, мы сознаемъ, что его устами говоритъ въ эту минуту искреннее чувство, которое онъ не хочетъ подавлять въ угоду своимъ основнымъ теоріямъ. И, быть можетъ, нѣкоторая непослѣдовательность, о которой сейчасъ шла рѣчь, дѣлаетъ творчество Леонарди особенно симпатичнымъ и, главное, глубоко человѣчнымъ ²⁾...

Провозглашая не разъ, что все въ мірѣ, кромѣ горя,—суета, поэтъ до конца своихъ дней не утратилъ, однако, всѣхъ преж-

¹⁾ Сопоставленіе идей Леонарди и Шопенгауера см. въ статьѣ де-Санктиса въ „Rivista Contemporanea“, anno VI, vol. XV. Ср. также: James Sully, „Pessimism, a history and a criticism“, London 1877.

²⁾ Ср. Эдуарда Пода: „Etudes“, стр. 31.

нихъ упованій, и далеко не все въ жизни стало чуждымъ, ненавистнымъ или безразличнымъ для него. Прежде всего, если дѣйствительность въ его глазахъ была несовершенна, полна скорби, порока или пошлости, то міръ фантазіи и грезъ неотразимо привлекалъ его къ себѣ и нерѣдко вливалъ въ его больную душу сладостное очарованіе. Чѣмъ хуже и труднѣе было жить, тѣмъ заманчивѣе казался этотъ воображаемый міръ. Въ „Storia del genere umano“¹⁾ мы читаемъ, что Зевсъ послалъ на землю сны и грезы, чтобы усладить человѣческую жизнь, чтобы обмануть людей волшебными призраками, скрывая отъ нихъ, хоть на время, всю безцѣльность, весь ужасъ ихъ скорбнаго, томительнаго существованія. Эти призраки близки и дороги сердцу Леопарди. Въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній, переполненномъ отголосками античнаго міра: „A un vincitore nel pallone“,—говорится съ большимъ жаромъ о томъ, что правда отнюдь не болѣе реальна, чѣмъ вымыселъ, что сама природа даровала людямъ сладостныя, хотя и обманчивыя мечты, что тамъ, гдѣ утратили прежнюю силу и привлекательность могущественно дѣйствующія на человѣческую душу *заблужденія*, жизнь стала блѣдною и безцвѣтною... Въ старину, когда въ жизни было больше поэзіи, когда легенды и непосредственныя вѣрованія владѣли сердцами людей, когда вся природа казалась одушевленною, человѣчеству было легче жить²⁾. Мечта можетъ вполне замѣнить дѣйствительность, она даже приноситъ людямъ больше счастья, чѣмъ все реальное, конкретное, связанное съ землею. Блаженъ тотъ, кто сохранить до старости способность мечтать и грезить на яву, увлекаться красотою природы, любить и цѣнить поэзію³⁾. Но если въ этомъ стихотвореніи Леопарди упоминаетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, уже утратившемъ эту завидную способность, то въ знаменитомъ „Risorgimento“ онъ снова поддается обаянію того, что онъ называетъ „*moti soavi, immagini, palpiti, error beato*“, — вспоминаетъ, что сама природа его научила вѣрить „сладостнымъ призракамъ“, что страданіе только усыпило его прежнія грезы, но не заглушило ихъ навсегда.

Въ діалогахъ Леопарди устами различныхъ лицъ нерѣдко высказываются сходныя мысли. „Знай,—говоритъ духъ, обращающійся къ Торквато Тассо,—что между дѣйствительностью и ме-

¹⁾ Специальный этюдъ объ этомъ своеобразномъ произведеніи см. въ книгѣ Дж. Вейса: „Saggi critici intorno a Giacomo Leopardi“, стр. 107—123.

²⁾ „Inno ai patriarchi“.

³⁾ „Al conte Carlo Pepoli“.

чтою нѣтъ другой разницы, кромѣ той, что послѣдняя иногда бываетъ привлекательнѣе и сладостнѣе, чѣмъ когда-либо можетъ стать первая.—Итакъ, воображаемое наслажденіе имѣетъ такую же цѣну, какъ реальное?—Да, я такъ думаю,—отвѣчаетъ духъ.—Я знаю даже одного человѣка, который, если онъ ночью, въ прекрасномъ снѣ, видитъ любимую женщину, избѣгаетъ затѣмъ въ теченіе всего слѣдующаго дня встрѣчаться съ нею, зная, что она не выдержитъ сравненія съ тѣмъ образомъ, который запечатлѣлся въ его умѣ во время сна, и что реальный образъ, изгнавъ изъ его мыслей воображаемый, лишитъ его необыкновенныхъ наслажденій, которыя съ тѣмъ были связаны.—Кто соглашается жить, — говоритъ духъ немного ниже, — тотъ, въ сущности, дѣлаетъ это только съ тою цѣлю, чтобы грезить, то есть вѣрить, что онъ будетъ наслаждаться, или уже наслаждался,—два одинаково ложныхъ и фантастическихъ предположенія!.. Наслажденіе вообще всегда представляется людямъ только въ видѣ прошлаго или будущаго, и никогда не бываетъ ихъ настоящимъ"! Покидая темницу поэта, духъ обѣщаетъ послать ему чудный, прекрасный сонъ, который поможетъ ему забыть объ его тяжелой участи; и среди такихъ сновъ и грезъ должна отнынѣ пройти вся его жизнь. Совершенно такъ же Элеандръ признаетъ великое значеніе тѣхъ представленій и грезъ, которыя хотя и ложны сами по себѣ, но могутъ побудить людей къ благороднымъ и великодушнымъ мыслямъ и поступкамъ, восхваляетъ прекрасныя, счастливыя иллюзіи, которыя придаютъ истинную цѣну человѣческой жизни. Письма Леонарди также заключаютъ въ себѣ немало любопытныхъ признаній подобнаго характера. „Этотъ міръ ничто, и все хорошее, что въ немъ есть, состоитъ въ дорогихъ иллюзіяхъ“, пишетъ поэтъ 14 августа, 1820, своему другу Пьетро Брингенти. Но еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи французское письмо Леонарди къ Якобсену, написанное приблизительно черезъ три года послѣ предъидущаго. Нѣкоторыя строки этого письма могутъ быть сопоставлены съ отдѣльными сентенціями стихотвореній и діалоговъ. Здѣсь опять восхваляется чувствительность, энтузіазмъ, фантазія, какъ желанный якорь спасенія для страдающихъ и предающихся грустнымъ думамъ людей. „Sans doute, ou il ne faudrait pas vivre, ou il faudrait toujours sentir, toujours aimer, toujours espérer... Il n'appartient qu'à l'imagination de procurer à l'homme la seule espèce de bonheur positif dont il soit capable. C'est la véritable sagesse, que de chercher le bonheur dans l'idéal, comme vous faites“.

Въ письмахъ Леопарди есть еще одно очень характерное мѣсто. Въ письмѣ изъ Пизы поэтъ рассказываетъ, что одну дорогу,—очевидно въ окрестностяхъ города,—по которой онъ особенно любить гулять, онъ называлъ „дорогою воспоминаній“; по ней онъ ходитъ тогда, когда ему хочется *презитъ съ открытыми глазами* ¹⁾. Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ представителей поэзіи мировой скорби является, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденнымъ глашатаемъ чистаго идеализма, и безпощадный анализъ всего существующаго не мѣшаетъ ему уноситься иногда мыслями въ міръ чувства, фантазіи и обманчивыхъ призраковъ...

Но изъ всѣхъ „блаженныхъ заблужденій“, дарованныхъ Зевсомъ людямъ, какъ мы узнаемъ въ „Storia del genere umano“, самымъ могущественнымъ и благотворнымъ является любовь,—и въ творествѣ Леопарди ей отведено видное и почетное мѣсто; она внушила ему много чудныхъ строфъ, полныхъ искренней страсти, поэзіи, вдохновенія ²⁾. Разбитый недугомъ, слабый, некрасивый, застѣнчивый, поэтъ былъ лишенъ тѣхъ радостей взаимной, вполне раздѣленной любви, которыя выпадали на долю столькимъ зауряднымъ лицамъ вокругъ него.

Онъ хорошо понималъ это,—и довольно значительная часть пессимистическихъ думъ объясняется горькимъ сознаніемъ, что ни одна женщина никогда не отнесется къ нему съ горячимъ, искреннимъ чувствомъ, о которомъ онъ мечталъ когда-то, что въ лучшемъ случаѣ она заинтересуется его остроумною и занимательною бесѣдою или выкажетъ ему одно состраданіе, какъ выказала Эльвира несчастному умирающему Консальво ³⁾. Но при всемъ этомъ любовь играетъ громадную роль въ творествѣ Леопарди, подобно тому, какъ она ее играла въ его жизни. Почти до самой смерти поэтическіе женскіе образы мелькаютъ въ искреннемъ, субъективномъ творествѣ поэта; Сильвіа, Нерина, Эльвира, Аспазія, наконецъ „la sua donna“, воспѣтая въ извѣстномъ стихотвореніи, — всѣ эти образы проходятъ передъ нами, окруженные поэтическимъ ореоломъ, во всеоружіи красоты и обаятельности. Напрасно стали бы мы, конечно, искать

¹⁾ Письмо къ Паолинѣ отъ 25 февраля 1828.

²⁾ Сердечной исторіи Леопарди и его любовнымъ стихотвореніямъ посвящена книга Andrea Lo Forte Randi: „Giacomo Leopardi e i suoi canti d'amore“. Palermo, 1897. См. также статью P. Tedeschi въ „Giornale Napoletano do filosofia e lettere“ и Mestica: „Gli amori di Giacomo Leopardi“, „Tanfulla della Domenica“, годъ II, № 14; Teresa Leopardi, „Notes biographiques“, стр. 43—47.

³⁾ Подробный, но слишкомъ строгій разборъ „Consalvo“ у Монтефредини, стр. 486—502, Кардуччи въ своей лекціи о Жоффриу Рюдэлѣ также отнесся къ этому произведенію очень строго.

у поэта полныхъ надежды на блаженство эротическихъ стихотворений; но воспоминанія о былой любви, скорбь о безвременной кончинѣ дорогого существа, не заглушаемый страданіями восторженный культъ красоты, молодости, непосредственнаго чувства, горькія сѣтованія, вызванныя сознаніемъ всего ужаса одинокой жизни, лишенной благъ любви,—все это очень ярко отразилось въ его творчествѣ и письмахъ („Мнѣ нужно любви, любви, любви, огня, энтузіазма, жизни“, пишетъ, напр., поэтъ 25 ноября 1822 года своему брату Карлу). Долгое время считали, что большая часть воспѣтыхъ Леопарди женщинъ—только созданія его фантазіи, олицетворенія, поэтическія видѣнія, посѣщавшія его сонъ. Въ настоящее время доказано, что это были вполнѣ реальныя лица, дѣйствительно встрѣченныя поэтомъ на своемъ жизненномъ пути и завладѣвшія на время его сердцемъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно сильное впечатлѣніе, произведенное на него еще въ самые молодые годы его двоюродною сестрою, графинею Гертрудой Лаззари, урожденною Касси де Пезаро, которая пріѣхала въ 1817 году въ Реканати и, хотя была значительно старше годами, чѣмъ Джакомо, и имѣла уже 10-лѣтнюю дочь, такъ плѣнила его, что, по свидѣтельству Карла Леопарди, онъ въ любовномъ экстазѣ бился иногда головою объ стѣну... Ей мы обязаны чуднымъ стихотвореніемъ: „*Primo amore*“, въ которомъ Леопарди замѣчательно вѣрно передалъ силу горячаго, искренняго чувства, впервые охватившаго свѣжую и отзывчивую молодую душу. Сильвія и Нерина ¹⁾—вымышленныя имена для одного и того же лица, Терезы Фатторини, дочери кучера графа Мональдо Леопарди, плѣнившей поэта во время его пребыванія въ Реканати и рано похищенной смертью ²⁾. Въ Аспазіи, на которую біографы иногда склонны были смотрѣть только какъ на олицетвореніе красоты, соединенной съ вѣтренностью и неискренностью, на самомъ дѣлѣ выведено реальное лицо, Фанни

¹⁾ Неринѣ посвящены слѣдующіе стихи въ „*Après une lecture*“ Мюссе:

...Et pourtant il s'y mêle une douceur divine;
Hélas! c'est ton amour, c'est la voix de Nérine,
Nérine aux yeux brillants, qui te faisaient pâlir,
Celle que tu nommais ton „éternel soupir“,
Hélas! sa maison peinte au pied de la colline
Resta déserte un jour, et tu la vis mourir...

Ей же посвященъ рассказъ П. Гейзе, приложенный къ его переводу сочиненій Леопарди.

²⁾ По другимъ свѣдѣніямъ подъ именемъ Нерины нужно разумѣть Марію Бельардинелли, также происходившую изъ народа и рано умершую. См. Траверси: „*Studi*“, стр. 192—194.

Тарджони Тоззелли, встрѣченная Леопарди во Флоренціи и владѣвшая сердцемъ поэта въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Она не любила его, смотрѣла нѣсколько иронически на его восторги, которые съ женскою проницательностью угадывала, потому что застѣнчивый поэтъ такъ никогда и не рѣшился на открытое признаніе, но все же принимала его въ своемъ салонѣ, просила дать ей свой портретъ, завлекала своимъ кокетствомъ. Наконецъ Раньери открылъ Леопарди глаза на настоящее положеніе дѣла,—и въ грустной, бѣдной радостями душѣ поэта стало однимъ разочарованіемъ больше.

Жажда любви, ласки, привѣта, такимъ образомъ, не покидала поэта всю жизнь. Пусть этой жаждѣ суждено было всегда оставаться неудовлетворенною; пусть счастье взаимной любви могло быть доступно поэту только въ мечтахъ и сновидѣніяхъ,—самое чувство не теряло для него вслѣдствіе этого своей неотразимой прелести; вѣдь воображаемое наслажденіе, по взгляду Леопарди, можетъ доставить сердцу такую же отраду, какъ реальное... Фантазія его работала, и онъ создалъ постепенно чудный, идеальный женскій образъ, который надѣлилъ всѣми духовными и тѣлесными совершенствами, такой образъ, въ сравненіи съ которымъ обыкновенная, земная красота казалась блѣдною и не достойною вниманія... Леопарди съ жаромъ и воодушевленіемъ воспѣваетъ свой завѣтный идеалъ; можно даже сказать, что мало найдется въ новой европейской поэзіи такихъ пламенныхъ восхваленій чувства любви, какія вылились у лишеннаго земныхъ утѣхъ поэта, который на вопросъ: „что такое наслажденіе?“ могъ бы отвѣтить виѣстъ съ Торквато Тассо: „я слишкомъ мало его извѣдалъ, чтобъ знать, что это такое“. Невольно вспоминаются слова Паолины: „у насъ, у Леопарди—огненная натура“! Леопарди видитъ въ любви единственное счастье, которое доступно людямъ на землѣ, которое можетъ ихъ заставить дорожить своимъ существованіемъ, забывать о страданіяхъ и печальной участи, вѣрить во всѣ остальные призраки, улаждающіе человѣческую жизнь. Этою идеей проникнуто мастерски написанное окончаніе „Storia del genere umano“. Даже воспоминаніе о разбитой или невозвратно прошедшей любви, о лицахъ, когда-то любимыхъ и ставшихъ затѣмъ добычею смерти, доставляетъ сердцу неизъяснимую отраду. Безвременно покинувшія этотъ міръ нѣжныя и чистыя созданія посѣщаютъ поэта, окутанныя таинственною дымкою фантастическаго сна, и нашептываютъ ему сладостныя рѣчи о мечтахъ и надеждахъ прошлаго. Въ „Il sogno“, „La vita solitaria“, „Consalvo“, „Alla sua donna“, „A Silvia“,

„Le ricordanze“, „Aspasia“ — отразился этот пламенный культ любви, придающий пессимизму Леопарди столь своеобразный, оригинальный оттенок, — культ, въ которомъ страстные, восторженные мотивы чередуются по волѣ поэта съ идеалистическими, мечтательными, иногда, пожалуй, нѣсколько туманными. Можно допустить, на основаніи цѣлаго ряда мѣстъ изъ его различныхъ сочиненій, что еслибы сердечная жизнь его сложилась иначе, и его міросозерцаніе не было бы такимъ безотраднымъ... Прибавимъ, что въ одномъ изъ самыхъ раннихъ его стихотвореній, — „Nelle pozze della sorella Paolina“, — высказывается мысль, что любовь должна побуждать людей къ благороднымъ поступкамъ, поддерживать въ нихъ бодрость и мужество. Такое высокое понятіе о значеніи любви, которую Шопенгауеръ склоненъ былъ низводить на степень животнаго чувства, не находя для нея другого термина, кромѣ „Geschlechtsliebe“ ¹⁾, дѣлаетъ задачу критика, формулирующаго міросозерцаніе Леопарди, особенно трудною. Недаромъ авторъ одной изъ новѣйшихъ книгъ, посвященныхъ поэту, и въ частности его любовнымъ стихотвореніямъ, Ранди, пришелъ къ заключенію, что Леопарди вовсе не былъ пессимистомъ, или, по крайней мѣрѣ, былъ пессимистомъ только по разсудку, а сердце говорило совершенно иное ²⁾... Извѣстно, что самъ поэтъ прекрасно сознавалъ происходившую въ немъ борьбу между холоднымъ разсудкомъ, которому онъ даетъ однажды названіе „палача всего человѣческаго рода“, и склонностью къ мечтамъ и грезамъ, съ которою онъ никогда вполне не разставался.

Но не одну только любовь исключилъ Леопарди изъ общаго отрицанія всего существующаго въ мірѣ. Чувство дружбы, искренней и безкорыстной, было ему знакомо по опыту, онъ вѣрилъ въ его возможность на землѣ. Да и могъ ли онъ отрицать существованіе дружбы, когда въ разное время тѣ или другія лица приходили ему на помощь, отзывались на его умственные запросы, принимали въ немъ участіе, старались облегчить его судьбу. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ лицъ или, на примѣръ, о тѣхъ „тосканскихъ друзьяхъ“, которымъ Леопарди посвятилъ сборникъ своихъ сапті, благодаря ихъ за вниманіе и сочувствіе, онъ встрѣтилъ на своемъ пути такихъ лицъ, какъ Джордани ³⁾ и Раньери. Начало дружбы съ Джордани отно-

¹⁾ Гартманъ оцѣниваетъ любовь не выше. См. его „Philosophie des Unbewussten“, стр. 199 и др.

²⁾ См. также Монтефредини, стр. 81, 113, 467, 511—518, 568—576.

³⁾ Письма Джордани къ Леопарди приложены къ Epistolario. См. также Монтефредини, стр. 87—95, 270, 284 и др.

сится къ ранней молодости Леопарди; въ 1817 году онъ послалъ ему въ Миланъ свои первые опыты, вмѣстѣ съ крайне почтительнымъ, даже прямо робкимъ письмомъ. Джордани, пламенный патріотъ, мечтавшій о національномъ и культурномъ возрожденіи Италіи, сразу обратилъ вниманіе на даровитаго юношу, обладалъ его, приобрѣлъ его довѣріе и оказалъ вскорѣ сильное воздѣйствіе на его вкусы и интересы. Постепенно между Джордани и Леопарди завязалась искренняя и прочная дружба; десятки писемъ поэта достаточно показываютъ, какъ онъ дорожилъ безкорыстною дружбою Джордани, какую отраду ему доставляло сочувствіе и расположеніе этого отзывчиваго и благороднаго человѣка. Тонъ многихъ писемъ восторженный; порою это признанія въ любви: „Скажи мнѣ, гдѣ я найду человѣка, подобнаго тебѣ, котораго бы я могъ любить наравнѣ съ тобою“?!—читаемъ въ письмѣ отъ 17 декабря 1819. „Ты не долженъ сомнѣваться въ моей любви,—говорить поэтъ въ другой разъ,—если ты не сомнѣваешься въ солнцѣ, которое видишь“. Этотъ приподнятый тонъ, объясняющійся, какъ и изысканные комплименты въ письмахъ къ Стеллѣ и Анджело Май, въ значительной степени литературными вкусами и приемами того времени, находятъ свое оправданіе и въ той поддержкѣ, которую оказалъ начинающему писателю Джордани, притомъ въ самую тяжелую пору его жизни, когда ему еще не удалось даже на время покинуть Реканати. Къ концу жизни Леопарди на горизонтѣ появляется новое лицо, въ послѣдствіи сыгравшее очень отрицательную роль въ дѣлѣ изученія и разработки біографіи и творчества поэта, но въ свое время выказавшее ему большое и, кажется, вполне искреннее расположеніе. Это былъ талантливый, краснорѣчивый литераторъ, въ послѣдствіи депутатъ Антоніо Равьери, человѣкъ съ увлекающеюся и впечатлительною натурою, съ живымъ интересомъ къ судьбѣ Италіи, съ горячею любовью къ родной словесности и ея выдающимися представителямъ, но, вмѣстѣ, съ нѣкоторыми странными замашками. Послѣ смерти Леопарди онъ держалъ себя такъ, какъ будто взялъ привилегію на толкованіе творчества Леопарди, составленіе его біографіи, пересмотръ и разборку его писемъ и неизданныхъ сочиненій. Онъ считалъ своимъ личнымъ врагомъ каждого, кто осмѣливался идти по одному пути съ нимъ, распоряжался письмами поэта по своему усмотрѣнію, нѣкоторыя откладывалъ въ сторону, другія уничтожалъ, если считалъ это нужнымъ.

Правда, у него есть и несомнѣнныя заслуги по части обнародованія произведеній Леопарди; такъ, напр., сатирическая поэма „*Palapomeni della Batracomiomachia*“ была напечатана

благодаря его стараніямъ въ Парижѣ, потому что въ Италіи, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, она бы не могла увидѣть свѣта. Дружба съ великимъ человѣкомъ на всю жизнь осталась какъ бы его *idée fixe*; онъ постепенно началъ приукрашать и раздувать ее въ своемъ воображеніи; ему самому стало казаться, что онъ былъ самымъ близкимъ другомъ, какого только когда-либо имѣлъ Leopardi. Пылкая фантазія рисовала ему иногда совершенно вымышленныя картины. Авторъ „*Canti*“ превратился, по волѣ Раньери, въ идеальную личность, надѣленную въ его письмахъ и печатныхъ отзывахъ такими эпитетами, какъ „*angelico*“, „*solo ed eterno amico*“ и т. д. Но особенно странное впечатлѣніе производитъ книга Раньери, „*Sette anni di sodalizio*“ (на самомъ дѣлѣ дружба ихъ длилась не семь лѣтъ, а 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ). Этою книгою, появившеюся въ 1880 году, на такомъ отдаленіи отъ описанныхъ въ ней событій, Раньери оказалъ поэту по истинѣ медвѣжью услугу. Она даетъ столь странное понятіе о Leopardi, рисуетъ его жизнь и дѣятельность въ такомъ свѣтѣ, что единственнымъ оправданіемъ для появленія этой книги можетъ служить старость автора въ ту пору, когда онъ ее писалъ (замѣтимъ, что онъ дожилъ до 1888 года) и констатированное специалистами-психіатрами, между прочимъ и Ломброзо, ослабленіе его умственныхъ способностей и начало полной невмѣняемости. Раньери, прежде безусловно идеализировавшій Leopardi, здѣсь подчеркиваетъ и преувеличиваетъ, напр., его физическіе недостатки и недуги, увѣряетъ, что поэтъ жилъ на его средства, что онъ не любилъ природы, страшно боялся холеры, разговаривалъ иногда по 12 часовъ въ день о философіи, въ бесѣды о любви вставлялъ скабрёзныя подробности, и т. д., и т. д. Долгое время книга Раньери пользовалась безусловнымъ почетомъ и довѣріемъ у лицъ, изучавшихъ жизнь и поэзію Leopardi, и многихъ ввела въ заблужденіе; теперь ея авторитетъ окончательно поколебленъ, и въ частности, въ книгѣ Риделлы, „Посмертная неудача Leopardi“—она подвергнута остроумной и беспощадной критикѣ ¹⁾. Но тотъ же самый Раньери при жизни Leopardi отнесся къ нему съ сочувствіемъ, выказалъ ему большую преданность и, безспорно, до извѣстной степени скрасилъ ему послѣдніе годы жизни. Шестьдесятъ краткихъ, но любезныхъ, даже ласковыхъ писемъ Leopardi къ Раньери указываютъ на прекрасныя отно-

¹⁾ Franco Ridella, „Una sventura postuma di Giacomo Leopardi“. Torino, 1897. Ср. также: Teresa Leopardi, „Notes biographiques“, стр. 60—63.

шенія, существовавшія между ними. Къ числу друзей Леопарди слѣдуетъ отнести и горячо любимаго имъ брата Карла, съ которымъ поэтъ велъ оживленную переписку, дѣлился всѣми своими интересами и тревогами, высоко цѣня его расположеніе, называя его однажды „синонимомъ жизни“. Такимъ образомъ, чувство дружбы не было пустымъ звукомъ для Леопарди; онъ вполне признавалъ его значеніе и вѣрилъ въ то, что оно можетъ облегчить и сдѣлать болѣе привлекательнымъ наше земное существованіе.

Но сказаннымъ все еще не исчерпывается то, что, по мнѣнію Леопарди, придаетъ извѣстную цѣну нашей жизни. Онъ ставилъ, напр., очень высоко способность восторгаться красотами природы, заключающей въ себѣ для воспріимчивой души неизсякаемый источникъ эстетическихъ наслажденій. Пусть она равнодушна и безучастна къ людскимъ страданіямъ, пусть она не даетъ людямъ отвѣта на волнующіе насъ вопросы,—она отъ этого не менѣе величественна, полна поэзіи. „Прекрасно твое одѣяніе, божественное небо! прекрасна ты, покрытая росой земля!“—восклицаетъ Сафо, несмотря на всѣ свои горести. Такъ и самъ поэтъ, томясь тоскою и разочарованіемъ, никогда не утратилъ пониманія красотъ этой безжалостной къ его мукамъ природы и способности востѣвать ее съ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ; въ его стихотвореніяхъ, напимѣръ въ „*Le ricordanze*“, „*La vita solitaria*“, „*Canto notturno*“ и др., есть немало высоко-поэтическихъ строкъ, посвященныхъ природѣ; особенно удавались ему картины лунной ночи, погруженной въ сонъ земли и общаго безмолвія.

Но на ряду съ иллюзіями и грезами, съ любовью и дружбою, съ красотой природы, было еще нѣчто болѣе могущественное, привязывавшее Леопарди къ жизни сильнѣе, чѣмъ все остальное и доставлявшее ему утѣшеніе въ трудныя, печальныя минуты,—мы говоримъ объ его поэтическомъ дарованіи, о горячей любви къ литературѣ, какъ итальянской, такъ и всемірной, которая воодушевляла его и поддерживала въ немъ бодрость. Въ „Сѣверныхъ Богатыряхъ“ Ибсена старый витезъ, гонимый судьбою, потерявшій всѣхъ своихъ сыновей, утѣшается тѣмъ, что онъ еще не всего лишился,—у него остался безцѣнный „даръ пѣсенъ“, и онъ можетъ излить въ нихъ свое безысходное горе, облегчить наболѣвшую душу. Такъ и авторъ „*Canti*“, придя къ сознанію неизбежности страданій и горя въ жизни каждаго человѣка, по справедливому замѣчанію Гейзе ¹⁾,

¹⁾ Въ предисловіи къ его переводу произведеній Леопарди (Leopardi, deutsch von Paul Heyse, Berlin 1878).

могъ найти утѣшеніе въ способности дѣлиться со всѣми людьми своими наблюденіями надъ жизнью и тѣми мыслями и выводами, которые онъ считалъ безусловно вѣрными и справедливыми. Какъ бы грустны и безотрадны ни были его пѣсни, онѣ могли доставить ему облегченіе,—и самыми тяжелыми минутами были для него тѣ, когда его покидало вдохновеніе. Любовь его къ поэзій и вообще къ литературѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Осужденный на смерть безпощаднымъ недугомъ, сознавая, что силы его уходятъ съ каждымъ годомъ, онъ, несмотря на то, до конца своихъ дней строить планы относительно будущаго, задумываетъ цѣлый рядъ новыхъ сочиненій, иногда прямо поражаетъ столь несвойственною вообще пессимистамъ жаждою кипучей дѣятельности, вспышками энергіи и любви къ работѣ. Съ интересомъ и сочувствіемъ отзывается онъ о Байронѣ въ письмахъ къ Фр. Пуччинотти и П. Бригенти, котораго поздравляетъ съ тѣмъ, что ему удалось познакомиться съ великимъ поэтомъ. Онъ принимаетъ близко къ сердцу судьбу итальянской словесности ¹⁾; его тяготятъ и возмущаютъ въ ней археологическій духъ, педантизмъ, схоластика, отсутствіе лирической поэзій, философій, краснорѣчія. Онъ съ радостью привѣтствуетъ всякое истинно выдающееся произведеніе, даже если оно принадлежитъ писателю несимпатичнаго ему направленія, напр. Манцони, котораго онъ ставитъ очень высоко, хотя и расходится съ нимъ во взглядахъ ²⁾. „Если я буду жить, такъ только для литературы“,—пишетъ Леопарди къ Джордани въ 1817 г. Проходитъ двѣнадцать долгихъ, тяжелыхъ лѣтъ, но воодушевленіе его не уменьшается, и изъ-подъ его пера выходитъ уже упомянутое нами замѣчательное письмо къ Пьетро Коллетта, въ которомъ онъ мечтаетъ о созданіи длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ произведеній. Леопарди твердо увѣренъ, что развитіе словесности,—именно словесности, а не политической экономіи, статистики или точныхъ знаній,—можетъ повлечь за собою общее возрожденіе Италіи, которая утратила умственные интересы и пришла въ упадокъ, но когда-нибудь пробудится отъ сна и займетъ подобающее ей мѣсто въ культурномъ мірѣ. И это гово-

¹⁾ О вліяніи на Леопарди старыхъ итальянскихъ поэтовъ см. у Монтефредини и въ „Etudes“ Эдуарда Роде, стр. 34—38. Въ 1823 онъ посѣтилъ могилу Торквато Тассо и задумался надъ участіемъ поэта (письмо къ Карлу отъ 20-го февраля).

²⁾ Съ Манцони Леопарди познакомился въ 1827 году во Флоренціи. См. письмо его къ отцу и къ издателю „Stella“ отъ 8 сентября этого года и къ графу Антоніо Паладополи отъ 25 февраля 1828. Ср. также статью Маміани въ „Nuova Antologia“ 1873 года и Траверси въ его „Studi su Giacomo Leopardi“.

рить поэтъ, признанный однимъ изъ наиболѣе выдающихся пѣвцовъ міровой скорби, только-что смѣявшійся надъ прогрессомъ и утверждавшій, что *все* въ мірѣ, кромѣ горя,—суета!

IV.

Таковы главные мотивы творчества Джакомо Леопарди. Что же завѣщаль онъ послѣдующимъ поколѣніямъ? какіе уроки могутъ извлечь изъ его пѣсенъ, діалоговъ или „Pensieri“ тѣ потомки, которые, чувствуя столѣтнюю годовщину со дня его рожденія, придутъ возложить вѣнокъ на его могилу? Должны ли они, чтобы достойно почтить его заслуги, непременно усвоить его пессимистическое міросозерцаніе, отречься отъ вѣры въ прогрессъ, признать царство зла и страданія въ мірѣ чѣмъ-то неизбежнымъ и неотвратимымъ? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить примѣръ Пауля Гейзе, который посвятилъ нѣсколько лѣтъ переводу сочиненій Леопарди на нѣмецкій языкъ, отнюдь не симпатизируя пессимизму. Быть можетъ, придетъ время, когда основныя положенія Леопарди будутъ казаться слишкомъ безотрадными, мрачными, болѣзненными, — это будетъ признакомъ, что общество прониклось болѣе здоровымъ и бодрымъ духомъ; но его поэтическое дарованіе будетъ несомнѣнно цѣниться и послѣ того, какъ его философское ученіе потеряетъ свое прежнее обаяніе и привлекательность для людей ¹⁾. Безпристрастная критика всегда оцѣнитъ искренность и непосредственность его вдохновенія,—качества, которыя могутъ быть поставлены въ образецъ всѣмъ будущимъ поколѣніямъ поэтовъ. Она признаетъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ изливалъ въ своихъ пѣсняхъ только то, что дѣйствительно думалъ и чувствовалъ,—дѣлалъ это, притомъ, безъ всякой рисовки, аффектаціи, театральности. Леопарди, безспорно, одинъ изъ самыхъ искреннихъ лирическихъ поэтовъ новаго времени ²⁾. Свой пессимизмъ, какія бы крайности мы въ

¹⁾ Патрици думаетъ, что значеніе Леопарди какъ мыслителя будетъ постепенно падать, а его значеніе какъ поэта будетъ возрастать. „Saggio psico-antropologico“, стр. 164.

²⁾ См. Вейса, „Saggi critici“: „Il Leopardi uomo e scrittore“.—Всего больше общаго Леопарди имѣетъ съ Николаемъ Ленау, также очень несчастнымъ въ своей личной жизни и одареннымъ многими особенностями характера и міросозерцанія, напоминающими Леопарди;—у него встрѣчаются тѣ же сѣтованія на непрочность земного счастья, на скорбь, царящую въ мірѣ, тѣ же мечты объ истинной любви и обращенія къ смерти и природѣ, которыя иногда являются у него (напр., въ его „Фаустѣ“) затронутыми міровой скорбью, въ отличіе отъ бездушной природы, фигурирующей въ произведеніяхъ Леопарди.

немъ ни находили, онъ, несомнѣнно, выносилъ и выстрадалъ въ глубинѣ своей души. Да и можемъ ли мы, послѣ всего отмѣченнаго выше, утверждать, что лишь одинъ пессимизмъ отразился въ его стихотворныхъ и прозаическихъ произведеніяхъ?.. Мы видѣли, что Леопарди иногда неожиданно выступалъ и въ роли пѣвца любви, дружбы, красоты, природы... Но этого мало; самъ поэтъ указываетъ намъ—и это очень характерно—на одно изъ средствъ для борьбы съ печальными думами и гнетущею душу тоскою: средство это—*работа*, дѣятельность на пользу другихъ и вообще всякое занятіе, не дающее простора одинокимъ размышленіямъ и безплоднымъ сѣтованіямъ. Самъ Зевсъ, какъ разсказывается въ „*Storia del genere umano*“, создалъ на землѣ различныя работы и занятія, чтобы отвлечь вниманіе людей отъ міровыхъ вопросовъ и неразрѣшимыхъ проблемъ. Наше существованіе, говоритъ метафизикъ въ одномъ изъ „*Диалоговъ*“, становится, если не болѣе счастливымъ, то, по крайней мѣрѣ, менѣе несчастнымъ, по мѣрѣ того, какъ оно дѣлается болѣе оживленнымъ и занятымъ... Если же оно настолько полно бездѣлья и скуки, что его можно скорѣе назвать пустымъ, то слѣдуетъ почти согласиться съ Пиррономъ, утверждавшимъ, будто между жизнью и смертію нѣтъ никакой разницы. Мысль о спасительномъ значеніи работы, какъ средства для борьбы съ меланхоліей, тоской и скукой, высказываетъ и Торквато Тассо въ бесѣдѣ съ духомъ, и Христофоръ Колумбъ въ отвѣтъ на вопросы Пьетро Гутьерреца. Наконецъ, эти мысли слишкомъ ясно отразились во многихъ мѣстахъ „*Epistolario*“, показывающихъ, какую важную роль трудъ и занятія играли въ жизни самого Леопарди, помогая ему забывать объ его тяжеломъ положеніи, недугахъ, одиночествѣ...

Но въ творествѣ Леопарди заключенъ и высокій нравственный урокъ, которымъ могутъ воспользоваться даже тѣ, кто не вполне сочувствуетъ его идеямъ, который придаетъ иногда его міросозерцанію глубоко симпатичный характеръ. Если *все люди* обречены на страданія, если личное горе каждаго—только незначительная частица общей, міровой скорби, то, по взгляду поэта, мы не можемъ, не имѣемъ права не принимать къ сердцу участи нашихъ *товарищей по несчастью*. Необходимость солидарности всѣхъ людей, состраданія къ судьбѣ выносящихъ то же, что и мы, нашихъ братьевъ, взаимной поддержки и утѣшенія,—если оно возможно,—вотъ наиболѣе симпатичный, высоко гуманный выводъ, который можно сдѣлать изъ пессимистическихъ

заявленій славнаго поэта... ¹⁾ Въ минуту раздраженія или гнѣва Леопарди могъ, какъ мы видѣли, отозваться съ презрѣніемъ или насмѣшкою о человѣческомъ родѣ, его порочности или пошлости,—но онъ же былъ способенъ на самое мягкое, чисто братское отношеніе къ тѣмъ, кто осужденъ, такъ или иначе, жить въ этомъ мірѣ страданія и горя. „Я оплакиваю несчастную участь рабовъ и тирановъ, угнетенныхъ и угнетающихъ, хорошихъ и дурныхъ людей; въ моей печали нѣтъ болѣе ни искры гнѣва“, пишетъ поэтъ къ Джордани въ 1819. А вотъ что говоритъ Плотинъ въ „Dialogo di Plotino e di Porfirio“, обращаясь къ своему другу и выражая, несомнѣнно, мысли самого поэта: „Будемъ жить, Порфирій, поддерживая другъ друга; не станемъ отказываться отъ той доли несчастій всего нашего рода, которая намъ дана въ удѣлъ судьбою! Будемъ стараться ободрять другъ друга, протягивая одинъ другому руку помощи, чтобы прожить, какъ можно лучше, эту томительную жизнь. Когда же придетъ смерть, мы не будемъ скорбѣть объ этомъ; до самаго конца друзья и товарищи будутъ поддерживать и ободрять насъ, и намъ доставить утѣшеніе та мысль, что и послѣ нашей смерти они будутъ часто думать о насъ и любить насъ такъ же, какъ и прежде“. Какъ далеко до этой проповѣди солидарности и братства, вытекающей изъ самаго безотраднаго, въ основѣ, міросозерцанія, шатобріановскому Рене, съ его гордымъ презрѣніемъ къ человѣческому роду, да и многимъ байроновскимъ героямъ, съ ихъ недоступными пониманію прочихъ смертныхъ страданіями, загадочнымъ демонизмомъ и роковыми дарами природы!.. Лучше многихъ другихъ пессимистовъ-теоретиковъ зная, что такое несчастье, Леопарди протягиваетъ руку всѣмъ, кто страдает: онъ говоритъ имъ о томъ, что человѣчество должно сплотиться, потому что у него одна участь, одно горе, одни сомнѣнія. Онъ вовсе не измѣняетъ при этомъ своему основному образу мыслей, не приукрашаетъ истиннаго положенія вещей,—онъ хочетъ только примирить людей съ неизбежностью зла и горя въ мірѣ, съ тѣмъ, что все равно ничего не сдѣлаешь противъ грустной участи, которою надѣлено все человѣчество... Не впадая почти никогда ни въ озлобленіе, ни въ ропотъ, онъ старается приучить ихъ къ мысли о смерти, которая сильнѣе красоты, молодости,

¹⁾ Замѣчательно, что Гартманъ въ своемъ отрицаніи не пощадилъ и чувства состраданія, которое онъ считаетъ глубоко эгоистичнымъ. „Philosophie des Unbewussten“, стр. 681.

энергіи, жажды дѣятельности,—подобно тому, какъ безмолвные трапписты, при встрѣчѣ другъ съ другомъ въ стѣнахъ своего монастыря, произносятъ, какъ утверждаетъ старая легенда, эту законическую, грустную, но лишенную горечи фразу: „Frère, il faut mourir“.

Юрій Веселовскій.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

ВЪ

ПРУССІИ

I.

Инициатива введенія обязательнаго всеобщаго обученія въ Пруссіи исходила отъ правительства, въ рукахъ котораго оно въ прежнее время являлось однимъ изъ средствъ устраненія областного партикуляризма и созданія государственнаго единства. Первые законодательные акты въ области обязательнаго обученія всѣхъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, были изданы еще въ XVIII вѣкѣ. Вслѣдъ за первымъ указомъ короля Вильгельма I (1717) слѣдуютъ постановленія Фридриха II (1763) и Фридриха III (1798). Всѣ эти постановленія предписываютъ родителямъ или опекунамъ, подъ страхомъ денежнаго штрафа, посылать дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ въ школу.

Однако эти постановленія, попавъ на неподготовленную почву, долго оставались мертвой буквой, несмотря на многократныя напоминанія со стороны правительства. Въ феодальной Пруссіи конца XVIII вѣка не было общественной силы, способной взять на себя исполненіе этой задачи. Вынужденное силой обстоятельствъ, правительство возложило ее на дворянъ-землевладѣльцевъ, которые должны были въ роли попечителей начальныхъ школъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ предписаній. Но дворяне-землевладѣльцы, съ своей стороны, не обнаруживали ни малѣйшей склонности идти на встрѣчу правительственнымъ начинаніямъ и заботиться объ обученіи дѣтей ихъ крѣпостныхъ. О такомъ отношеніи къ дѣлу дворянъ-попечителей свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдую-

щее извѣстіе, относящееся къ 1764 году: „Большинство попечителей совсѣмъ не заботятся о школѣ; многіе изъ нихъ считаютъ разумное воспитаніе подданныхъ въ христіанскомъ духѣ излишнимъ и ненужнымъ. Они полагаютъ, что хорошій крестьянинъ долженъ только умѣть пахать, косить и молотить, и что этого для него вполне достаточно... Многія свѣтскія власти считаютъ сколько-нибудь удовлетворительное воспитаніе подданныхъ вреднымъ для своихъ интересовъ. Полагаютъ, что чѣмъ глуше подданный, тѣмъ легче онъ будетъ довольствоваться всѣмъ окружающимъ, съ покорностью подъяремнаго скота 1)“.

Нѣсколько лучше, чѣмъ въ деревняхъ, дѣло начальнаго обученія было поставлено въ нѣкоторыхъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ, гдѣ богатые горожане еще къ концу XII в. начали сознавать потребность въ обученіи своихъ дѣтей, будущихъ торговыхъ людей или городскихъ представителей, не только въ обученіи ихъ грамотѣ, но и въ сообщеніи нѣкоторыхъ свѣдѣній по географіи, иностраннымъ языкамъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ развитія мануфактуръ, возрасталъ спросъ на искусныхъ мастеровъ. Въ виду этого во многихъ городахъ Германіи еще въ XIII вѣкѣ богатые горожане открываютъ на общія средства съ мастеровыми такъ называемыя „школы письменности“, гдѣ дѣти ихъ учились вмѣстѣ 2). Но вообще народныхъ начальныхъ школъ было мало; въ 1740 лѣтъ двадцать спустя послѣ перваго постановленія объ обязательномъ всеобщемъ обученіи, во всей Пруссіи было только 1700 низшихъ, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ школъ 3). При этомъ большинство школъ находилось въ самомъ жалкомъ состояніи: многія деревенскія школы не имѣли отдѣльнаго помѣщенія и нерѣдко еще, какъ въ средніе вѣка, учитель съ учениками поочередно переходятъ изъ одного дома въ другой и здѣсь занимаются среди неудобствъ, неизбѣжныхъ въ домашней жизни бѣдной семьи, ютящейся въ одной, рѣже въ двухъ комнатахъ. Учителя народной школы вели полуголодное существованіе и, чтобы какъ-нибудь прокормиться съ семьей, брались за всевозможныя ремесла зимой, а лѣтомъ уходили на земледѣльческія работы. Не мало времени поглощали у нихъ также церковныя обязанности, которыя къ тому же ставили учителя въ полную зависимость отъ священника. Неудивительно, поэтому, если лицъ, желавшихъ занять столь незавидныя вакантныя мѣста учителей,

1) Heppe, Geschichte des deutschen Volksschulwesens, III, 97.

2) Fischer, Geschichte des deutschen Volksschullehrerstandes, I, 13.

3) Thilo, Volksschulwesen, 22.

являлось мало и что вслѣдствіе отсутствія учительскаго персонала занятія въ школахъ нерѣдко прерывались. Чтобы не закрывать школъ по недостатку учителей, приходилось пользоваться услугами всякихъ импровизированныхъ педагоговъ, являвшихся нерѣдко людьми почти неграмотными, съ сомнительнымъ прошлымъ, людьми нетрезвыми и жестокими, широко примѣнявшими въ школахъ всевозможныя тѣлесныя наказанія. Нечего говорить, что при такомъ составѣ педагогическаго персонала качественная сторона народно-школьнаго дѣла стояла очень низко.

Въ концѣ XVIII-го вѣка, подъ вліяніемъ идей Руссо, Песталоцци и другихъ дѣятелей эпохи просвѣщенія, замѣчаются и въ Пруссіи попытки улучшить постановку начальныхъ школъ и поднять образовательный уровень народныхъ учителей. Съ этою цѣлью кое-гдѣ начинаютъ устраиваться учительскія семинаріи и нѣсколько увеличивается содержаніе учителей. Однако крѣпостное право по прежнему продолжаетъ служить существеннымъ препятствіемъ на пути улучшеній въ народно-школьномъ дѣлѣ и передъ силою этого препятствія иногда опускаются руки у искреннихъ друзей народа. „Къ чему мы будемъ просвѣщать дѣтей народа, — говорятъ нѣкоторые изъ нихъ, — если имъ придется впослѣдствіи отдать всѣ свои силы барщинѣ“?

Къ счастью, недалеко уже было время, когда крѣпостное право въ Пруссіи должно было пасть и когда въ жизни прусской народной школы наступила едва-ли не самая свѣтлая пора, совпадающая съ эпохой борьбы за освобожденіе отъ господства французовъ. Въ 1806 году Германія была разбита и покорена французами, но это-то обстоятельство и явилось источникомъ цѣлаго ряда прогрессивныхъ реформъ, какъ въ общественной жизни Пруссіи, такъ въ частности и въ дѣятельности народной школы. Пока надъ Пруссіей тяготѣлъ гнетъ иностраннаго ига, вся она была охвачена однимъ стремленіемъ — освободить родину. Но какъ достигнуть этой цѣли? Надо было пробудить и призвать къ участию въ общественной жизни всѣ наличныя силы страны, возбудить въ обществѣ возможно большую самодѣятельность и дать послѣдней желательное направленіе. Громадная часть населенія Пруссіи была скована крѣпостнымъ правомъ — надо было прежде всего освободить ее. Въ виду этого, 9-го октября 1807 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III объявляетъ: „Съ Мартынова дня 1810 года крѣпостная зависимость во всѣхъ нашихъ государствахъ прекращается. Съ Мартынова дня — всѣ

свободны"! Съ цѣлью пробудить самостоятельность городовъ, правительство даетъ имъ въ 1808 году право самоуправленія, и въ городахъ закипаетъ энергичная работа во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни.

Затѣмъ, на очередь выступила новая задача — направить пробужденныя силы общества къ одной цѣли: освобожденію родины. Лучшіе люди Германіи видятъ вѣрнѣйшее средство для осуществленія этой задачи въ воспитаніи и образованіи народныхъ массъ. „Но недостаточно вліять на современное намъ поколѣніе,—говоритъ Штейнъ, передовой дѣятель этой славной эпохи,—надо упрочить наше вліяніе среди молодыхъ, подростающихъ поколѣній“. Всѣ свои надежды на лучшее будущее онъ возлагаетъ именно на это молодое поколѣніе, отъ него ждетъ онъ освобожденія родины: „Какъ скоро намъ удастся,—говоритъ онъ,—воспитать въ юношествѣ побужденія, создающія силу и достоинство человѣка (чѣмъ въ прежнее время, къ сожалѣнію, слишкомъ часто пренебрегали), мы смѣло можемъ рассчитывать на лучшее будущее нашей родины: его не замедлитъ создать новое, молодое поколѣніе, сильное въ физическомъ и моральномъ отношеніи“.

Впервые въ это время была опредѣленно поставлена прусской начальной школою такая высокая задача, какъ воспитаніе гражданъ, способныхъ понять важнѣйшія задачи времени и содѣйствовать созданію „лучшаго будущаго“ страны. Мнѣніе Штейна о высокой миссіи народной школы раздѣляли и другіе выдающіеся люди того времени: Фихте, Арндтъ и др. отдавали ей свои силы. Не жалѣло и правительство средствъ на народное образованіе,—открывало рядъ школъ и учительскихъ семинарій, посылало наиболѣе способныхъ молодыхъ учителей къ Песталоцци и, по возможности, привлекало къ школьному дѣлу способнѣйшихъ людей, извѣстныхъ своими организаторскими или педагогическими талантами. Вотъ какъ описываетъ это время Морфъ въ своихъ „Источникахъ къ біографіи Песталоцци“: „Недавно пережитое время тяжелыхъ испытаній обратило вниманіе благороднѣйшихъ людей Пруссіи на духовныя сокровища народа. Вожди и руководители послѣдняго считаютъ своей первой обязанностью заботиться о лучшемъ воспитаніи юношества, чтобы посредствомъ него создать болѣе счастливое и прекрасное будущее. Это было трогательное, великое, вдохновляющее, никогда еще невиданное зрѣлище: въ тяжелое время, когда рядъ неотложныхъ нуждъ поглощалъ средства какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, обремененные заботами государственные

люди Пруссіи искали средствъ къ достиженію лучшаго будущаго въ школѣ и не останавливались передъ жертвами, казалось бы, неосуществимыми въ то время“.

Результаты такого отношенія къ школѣ не замедлили сказаться. Возникаетъ цѣлая педагогическая литература; основные принципы Песталоцци: возможно большая самостоятельность учащагося и развитіе въ немъ способности самостоятельно мыслить, становятся руководящими началами въ школьной практикѣ; въ начальныхъ школахъ вводятся нѣкоторые общеобразовательные предметы, какъ географія, исторія и естествовѣдѣніе; значительно раздвигаются вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлы подготовки учителей; число учительскихъ семинарій возрастаетъ; замѣтно увеличивается также число низшихъ какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ школъ—этихъ главныхъ проводниковъ всеобщаго обязательнаго обученія. Последнее значительно развилось за это время какъ въ количественномъ отношеніи, распространившись на большее количество дѣтей школьнаго возраста, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Оставалось упрочить достигнутые результаты. Главной мѣрой въ этомъ направленіи должно было явиться созданіе единого законодательства въ области начальнаго образованія, для всѣхъ провинцій Пруссіи, гдѣ до тѣхъ поръ дѣйствовали разновременныя и разнородныя постановленія, нерѣдко шедшія въ разрѣзъ другъ съ другомъ. Съ окончаніемъ войны съ французами трудная задача составленія соотвѣтствующихъ законоположеній была возложена на Сюверна. Последній, являясь представителемъ лучшихъ традицій эпохи борьбы за освобожденіе, положилъ въ основу своего проекта слѣдующіе принципы: элементарное образованіе должно являться общедоступнымъ благомъ; начальная школа съ общеобразовательной программой должна находиться въ органической связи съ гимназіями и готовить своихъ учениковъ къ свободному поступленію въ соотвѣтствующіе классы гимназій. Удѣляя много вниманія заботамъ о повышеніи образовательнаго уровня учителей народныхъ школъ, Сювернъ видѣлъ главное средство къ достиженію этой цѣли въ лучшемъ вознагражденіи учителей. Расходы по содержанію школы Сювернъ относилъ на счетъ государства, которому, по его проекту, долженъ былъ принадлежать и надзоръ за школами. Значительныя средства, необходимыя для осуществленія проекта, Сювернъ полагалъ возможнымъ пріобрѣсти путемъ усиленнаго обложенія крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Правда, онъ и самъ предвидѣлъ энергичное сопротивленіе съ этой стороны...

Проектъ былъ оконченъ въ 1819 году. Время было крайне неблагоприятное для его появленія. Въ правительственныхъ сферахъ началась реакція. Убійство Коцебу Зандомъ (1819 г.) и студенческія манифестаціи въ Вартбургѣ (въ 1817 г.) являлись въ глазахъ реакціонной партіи призраками революціи. Чтобы подавить недовольство въ народныхъ массахъ, рѣшено было устранить главный источникъ его— „излишекъ свободомыслія“. Главнымъ разсадникомъ послѣдняго въ глазахъ сторонниковъ реакціи являлась школа, въ основѣ которой лежали принципы Песталоцци. И вотъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда реакція готова была наложить свою руку на школы, въ основѣ которыхъ лежали эти принципы, появляется законопроектъ Сюверна, имѣвшій въ виду упрочить школы, проникнутыя духомъ Песталоцци; мало этого—проектъ грозилъ усиленнымъ обложеніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Понятно, что послѣдніе встрѣтили его съ нескрываемою враждой; присоединилось къ оппозиціи и духовенство, недовольное ролью, отводимой ему въ школьныхъ дѣлахъ новымъ законопроектомъ. Проектъ былъ признанъ неудобнымъ для осуществленія. Сювернъ подалъ въ отставку.

Между тѣмъ, несмотря на наступавшую въ правительственныхъ сферахъ реакцію, школьное дѣло въ Пруссіи продолжало расти. Быстрый ростъ промышленности, наступившій съ отмѣной крѣпостного права и съ основаніемъ германскаго таможеннаго союза, вызвалъ усиленный спросъ на болѣе умѣлыхъ и сознательныхъ рабочихъ. По даннымъ официальной статистики, собраннымъ въ промежутокъ времени отъ 1839 до 1841 года, въ Пруссіи числилось уже 30.000 народныхъ школъ и число лицъ, не учившихся въ школахъ, среди рекрутъ, равнялось въ Саксонской провинціи 1,19%, въ Помераніи—1,23, въ Бранденбургѣ—2,47, Вестфалии—2,74, въ Рейнскихъ провинціяхъ—6,06, въ Силезіи—9,22, въ Пруссіи—15,33 и въ Познани—41,09.

Что касается характера начального обученія въ народныхъ школахъ, то здѣсь все еще продолжали осуществляться завѣты Песталоцци, широко распространившіеся въ эпоху войны за освобожденіе. Гонимые въ официальныхъ сферахъ, завѣты эти сохранились въ средѣ учителей начальныхъ школъ, гдѣ къ этому времени успѣло созрѣть сознаніе общности интересовъ учительскаго сословія и понималась уже необходимость защищать общіе интересы совмѣстными, дружными усиліями. Главнымъ средствомъ объединенія учительскаго персонала являлись періодическіе учительскіе съѣзды. Послѣдніе возникли въ 1820 году изъ обычая чествовать юбилей народныхъ учителей и вскорѣ яви-

лись свѣтлыми точками въ жизни учительскаго персонала, поддерживая интересъ къ общему дѣлу и являясь источникомъ бодрости для отдѣльныхъ лицъ, работающихъ иногда въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. Другимъ средствомъ объединенія учительскаго персонала служила педагогическая печать, достигшая къ этому періоду значительнаго развитія; наконецъ, говоря о путяхъ и средствахъ, которыми прусскимъ учителямъ удалось создать въ своей средѣ извѣстное единомысліе и единодушіе, нельзя не упомянуть о частныхъ конференціяхъ, происходившихъ обыкновенно на квартирѣ кого-нибудь изъ учителей. На этихъ частныхъ собраніяхъ поднимались вопросы о задачахъ школы, о методахъ преподаванія, объ отношеніяхъ учителей къ общинѣ и къ церкви, о необходимости самообразованія среди учителей, о повышеніи ихъ содержанія и т. п. Въ началѣ 40-хъ годовъ вновь усилившаяся реакція сказалась также значительнымъ стѣсненіемъ дѣятельности учителей; запрещены были учительскіе съѣзды (1842 г.), преслѣдовались частныя конференціи и, наконецъ, въ 1844 году появилось министерское предписаніе, гдѣ всѣмъ инспекторамъ народныхъ училищъ рекомендовалось обратить вниманіе на книги, которыми пользуются учителя въ цѣляхъ самообразованія, и постараться устранить „вредное, безсистемное и слишкомъ обильное чтеніе“. Инспектора должны были особенно внимательно ознакомиться съ частными библіотеками и очистить ихъ отъ опасныхъ книгъ и рукописей.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ препятствія, учителя все-таки находили возможность собираться для совмѣстнаго обсужденія дорогихъ имъ дѣлъ школы и своего сословія. Въ результатѣ этихъ совѣщаній явилось значительное единомысліе по основнымъ пунктамъ желательныхъ улучшеній въ жизни народной школы.

Случай проявить это единомысліе представился въ 1848 году, когда послѣ мартовскихъ событій правительство, имѣя въ виду подготовительныя работы по созданію конституціи, обратилось къ народнымъ учителямъ съ запросомъ: какія именно измѣненія они находятъ желательными въ существовавшей постановкѣ школъ.

Собранныя въ разныхъ мѣстахъ мнѣнія учителей почти вездѣ намѣчали одни и тѣ же измѣненія: признаніе за учителемъ права быть членомъ училищнаго совѣта; возможно болѣе высокій образовательный уровень народныхъ учителей, при чемъ большинство высказывалось за университетское образованіе ихъ. На ряду съ этимъ высказывалось желаніе, чтобы школа являлась учрежденіемъ государственнымъ, — чѣмъ имѣлось въ виду ограни-

чить вліяніе духовенства на школьнія дѣла,—и, наконецъ, чтобы незначительныя сравнительно ассигновки на школьнія дѣла уступили мѣсто затратамъ, болѣе соотвѣтствующимъ ихъ важному общественному значенію.

Этимъ пожеланіямъ народныхъ учителей не суждено было исполниться. Усилившаяся послѣ 1848 года реакція повела народно-школьное дѣло совсѣмъ въ обратномъ направленіи, уничтожая шагъ за шагомъ завоеванія, сдѣланныя школой въ лучшіе моменты ея жизни. Главной задачей школы теперь считалось воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ набожности, смиренія и терпѣнія; умственное развитіе считалось дѣломъ вреднымъ, потому что оно „лишаетъ молодыя поколѣнія покоя и мира, дающаго столько счастья простому человѣку, и будить запросы и потребности, не соотвѣтствующія средѣ, въ которой этимъ поколѣніямъ суждено жить“. Новые взгляды на задачи начальнаго образованія нашли выраженіе въ знаменитыхъ „Трехъ регулятивахъ“ 1854 года, чисто реакціонныхъ постановленіяхъ, которыя повлекли за собою замѣну трехклассныхъ школъ одноклассными, сокращеніе общеобразовательныхъ предметовъ преподаванія и введеніе обширнаго матеріала по Закону Божію, значительная часть котораго должна была заучиваться наизусть.

Но и этого, казалось, было недостаточно для искорененія прежняго духа начальныхъ школъ. Чтобы окончательно измѣнить народную школу, надо было воспитать иной типъ народнаго учителя, не похожій на поколѣніе, выросшее подъ вліяніемъ идей и передовыхъ дѣятелей эпохи освобожденія. Въ видахъ перевоспитанія учителей, усиленное вниманіе было обращено на учительскія семинаріи. Послѣднія, для огражденія отъ нежелательныхъ вѣяній, были превращены въ интернаты; многія семинаріи были переведены съ той же цѣлью въ небольшіе провинціальныя города. Въ стѣнахъ семинарій запрещено было чтеніе даже классическихъ писателей: Шиллера, Гёте, Лессинга и др. Замѣчалась тенденція замѣнять по возможности предметы общеобразовательныя техническими свѣдѣніями по садоводству, земледѣію и т. п. Главными добродѣтелями учительскаго сословія считались теперь—смиреніе и набожность; обладаніе извѣстными званіями казалось дѣломъ второстепеннымъ.

За предѣлами семинарія народный учитель подпадалъ подъ руководство лицъ духовнаго званія, которымъ принадлежалъ какъ высшій, такъ и непосредственный, ближайшій надзоръ за школами. На ряду съ этимъ, чтобы окончательно перевоспитать учительскій персоналъ, считалось необходимымъ ослабить въ его

средѣ корпоративный духъ, поддерживавшій среди учителей стремленіе къ самообразованію и независимости. Съ этой цѣлью продолжалось усиленное гоненіе учительскихъ съѣздовъ и союзовъ. Жертвой реакціи палъ и возникшій въ 1848 году „Всеобщій германскій союзъ учителей“. Подъ влияніемъ цѣлаго ряда репрессій, учителя, даже послѣ обнародованія прусской конституціи, опасались пользоваться правомъ свободы собраний, хотя и гарантированнымъ конституціей. Наконецъ, 1 февраля 1854 года прусскимъ учителямъ, несмотря на конституціонныя гарантіи, было прямо объявлено запрещеніе посѣщать засѣданія учительскихъ союзовъ. Постановленіе это было отмѣнено только въ 1860 г., при чемъ все-таки сохранилось предписаніе ограничиваться при обсужденіи вопросовъ лишь областью методики и другихъ ближайшихъ нуждъ школы; даже вопросъ о размѣрахъ вознагражденія учителей не считался подлежащимъ ихъ обсужденію.

Послѣдствія всѣхъ этихъ мѣропріятій и тяжелыхъ условий дѣятельности учителей не замедлили отразиться на жизни народной школы: являлось очень мало лицъ, желавшихъ занять свободныя учительскія мѣста, вслѣдствіе чего приходилось пополнять недостающій персоналъ болѣе или менѣе случайными кандидатами, не имѣвшими необходимой педагогической подготовки. Уровень учительскаго персонала, по сравненію съ прежнимъ, замѣтно упалъ. Все это отразилось очень тяжело на дѣятельности народной школы, на ея направленіи и качествѣ преподаванія. При всемъ томъ школа страдала подъ гнетомъ крайне ограниченного бюджета, учителя ея бѣдствовали: размѣръ ихъ вознагражденія значительно отсталъ отъ возросшихъ цѣнъ на всѣ жизненные средства. Въ то время какъ вздорожаніе жизненныхъ средствъ достигло, съ 1820 г. по 1870, 124⁰/₁₀₀, размѣръ содержанія учителей повысился только на 63⁰/₁₀₀, т. е. содержаніе учителей за эти годы уменьшилось на 61⁰/₁₀₀. Скудные затраты на нужды начальнаго образованія и, между прочимъ, на увеличеніе числа наличныхъ школъ отразилось также и на размѣрѣ примѣненія закона объ обязательномъ обученіи. Еще въ 1871 году, послѣдній, какъ показываютъ статистическія данныя, въ цѣломъ рядѣ случаевъ оставался мертвой буквой и число неграмотныхъ во всей Пруссіи въ среднемъ равнялось 15,82⁰/₁₀₀ ¹⁾.

Замѣтный поворотъ къ лучшему въ судьбѣ народной школы наблюдается лишь съ конца шестидесятыхъ годовъ. Въ 1867—

¹⁾ По отдѣльнымъ провинціямъ процентъ неграмотныхъ былъ очень неравномеренъ: такъ, напр., въ Познани онъ равнялся 64,57, въ Западной Пруссіи—62,24, но въ другихъ мѣстахъ число неграмотныхъ не превышало 3,88 процентовъ.

1868 году правительство провозгласило всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право. Обстоятельство это выдвигало на первый план заботы о народном образовании, о подготовке молодых поколений к их новой ответственной роли активных участников в политической жизни их родины. Заботы эти идут в двух направлениях, распространяясь как на качественную сторону школьного дела, так и на количественное расширение действия закона об обязательном всеобщем обучении. И в той, и в другой области успех дела мог быть достигнут лишь при увеличении материальных средств школы. И на этот раз правительство не остановилось перед увеличением бюджета на народные школы. В период времени с 1872 по 1877 год, во время министерства Фалька, затраты на народные школы увеличились больше чем в четыре раза, с 1.426.000 тал. до 6.473.972 талеров. Изменение взгляда на задачи школы вызвало, наконец, отмену реакционных постановлений 1854 года; место их заняли действующие и по настоящее время „общия постановления“ 1872 года (Allgemeine Bestimmungen). В них нормальным типом начальной школы признается не одноклассная, а трехклассная школа, расширена программа по общеобразовательным предметам и введены ограничения в изучение Закона Божия.

Перемена взгляда на задачи народной школы отразилась также и на положении учителей: размер их вознаграждения был увеличен и, кроме того, большая свобода деятельности дала снова возможность развиваться корпоративной жизни учителей; в 1871 году возникает Германский учительский союз, а в 1872 г. — „Союз прусских учителей“.

К этому же времени относится стремление прусского правительства ограничить влияние духовенства на начальные школы, стремление, встретившее сильную оппозицию в рядах духовенства и вызвавшее шумную парламентскую борьбу, известную под именем „культур-кампа“ и увенчавшуюся победой правительства.

Впрочем либеральное министерство Фалька не долго удержалось у власти. Рост социаль-демократической партии снова вызвал опасения и реакцию в правительственных сферах. Правительство в лице нового министра народного просвещения, Путкаммера, опять сочло необходимым усилить влияние духовенства на школьное дело, отдав в его руки инспекцию школ; снова начали раздаваться голоса за изменение постановки начальных школ в духе „Регулятивов“ 1854 года.

Однако время „Регулятивовъ“ безвозвратно, повидимому, миновало. Въ обществѣ успѣло сложиться иное соотношеніе общественныхъ силъ, иное настроеніе, иные взгляды. Реакціонные проекты, не разъ предлагавшіеся парламенту, всякій разъ встрѣчали достаточно сильный отпоръ, подъ ударами котораго ихъ погибло не мало.

II.

Изъ этой исторіи постановки народной школы можно видѣть, что какъ болѣе или менѣе послѣдовательное примѣненіе закона объ обязательномъ обученіи, такъ и сравнительно высокій уровень образованія, считавшійся необходимымъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, стояли въ полной зависимости отъ условій общественной жизни той или другой эпохи: моменты подъема общественной жизни всегда вызывали улучшенія въ дѣлѣ всеобщаго обученія, и напротивъ, періоды реакціи сказывались неизбѣжно въ цѣломъ рядѣ стѣсненій и ограниченій въ области народнаго образованія. Мы видѣли также, какъ за послѣднія три-четыре десятилѣтія быстрое развитіе промышленной жизни и введеніе всеобщаго избирательнаго права, создавъ спросъ на болѣе высокій уровень образованія народныхъ массъ, поставили, повидимому, дѣло начальнаго обученія въ Пруссіи на прочную почву.

Намъ остается разсмотрѣть, какъ и при какихъ условіяхъ осуществляется въ Пруссіи законъ объ обязательномъ всеобщемъ обученіи въ настоящее время.

Главнымъ проводникомъ въ жизнь этого закона какъ прежде служила, такъ и теперь продолжаетъ служить начальная, такъ называемая, „народная школа“, гдѣ, по даннымъ статистики за 1891 годъ, обучалось 93% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста ¹⁾. Въ виду этого для сужденія о способѣ примѣненія въ настоящее время закона объ обязательномъ всеобщемъ обученіи необходимо познакомиться съ современной постановкой народныхъ школъ въ Пруссіи.

Въ юридической сторонѣ дѣла здѣсь остается еще важный

¹⁾ Въ 1891 году всѣхъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 6 до 14 лѣтъ) въ Пруссіи было 5.299.810; изъ нихъ въ народныхъ школахъ училось 4.916.476. Въ числѣ ихъ мальчиковъ было 2.467.558 и дѣвочекъ 2.448.918. Около двухъ третей всѣхъ учащихся занимались совмѣстно въ такъ наз. „смѣшанныхъ“ классахъ, состоящихъ изъ дѣтей обоего пола, причемъ за послѣднее время въ большихъ городахъ замѣчается стремленіе устраивать отдѣльныя мужскія и женскія школы. Въ 1896 году число учащихся достигло 5.286.826.

пробѣтъ. Въ Пруссіи до сихъ поръ нѣтъ еще общаго законодательства для учебно-воспитательнаго дѣла, введеніе котораго было обѣщано § 26 прусской конституціи 1850 года, и народныя школы донинѣ управляются временными постановленіями 1872 г. Собственно говоря постановленія эти не являются закономъ; они были выработаны конференціей, члены которой, приглашенные министромъ, имѣли лишь право совѣщательнаго голоса, и въ настоящее время многія, не безъ основанія, оспариваютъ право министра народнаго просвѣщенія издавать постановленія, вносящія существенныя измѣненія въ образованіе 95% населенія. Къ тому же эти постановленія не уничтожили разнородныхъ школьных законовъ, изданныхъ въ разное время въ отдѣльныхъ провинціяхъ Пруссіи и идущихъ нерѣдко прямо въ разрѣзъ другъ съ другомъ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ начальнаго образованія въ Пруссіи многое продолжаетъ еще оставаться недостаточно определеннымъ. Тѣмъ не менѣе, современныя условія общественной жизни, налагая свою печать на народную школу, даютъ возможность указать здѣсь рядъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ школьнаго дѣла во всѣхъ провинціяхъ Пруссіи.

Однимъ изъ такихъ принциповъ является *государственный характеръ школы и централизація управленія школьными дѣлами въ рукахъ правительства.*

Правительство контролируетъ въ Пруссіи не только officialныя, но и частныя учебно-воспитательныя учрежденія, утверждаетъ въ должности народныхъ учителей, считающихся чиновниками государственной службы, и назначаетъ цѣлую іерархію школьных инспекторовъ, обязанныхъ тщательно наблюдать за точныхъ проведеніемъ въ школьной жизни правительственныхъ распоряженій и тенденцій. Подъ вліяніемъ современной политики, правительство поручаетъ въ настоящее время ближайшій надзоръ за школами и народными учителями въ большинствѣ случаевъ духовенству, назначая преимущественно изъ лицъ духовнаго званія какъ „мѣстныхъ“ инспекторовъ, такъ и „окружныхъ“ школьных инспекторовъ. Занятіе этихъ должностей открываетъ духовенству возможность значительнаго вліянія на школьныя дѣла; такъ прямой обязанностью мѣстнаго инспектора является моральное воздѣйствіе на учителей, въ особенности молодыхъ. Мѣстный инспекторъ „обязанъ стремиться пробудить и укрѣпить въ учителяхъ вѣрность и преданность ихъ дѣлу, истинную любовь къ дѣтямъ и къ работѣ, готовность къ самопожертвованію, терпѣніе и выносливость“; онъ долженъ также заботиться о томъ, чтобы оградить молодыхъ учителей отъ „раз-

сѣянной жизни и приучить къ тихой сосредоточенной дѣятельности на пользу школы". Кроме того мѣстный инспекторъ обязанъ слѣдить за порядкомъ школьныхъ занятій и за успѣхами учениковъ. Съ этой цѣлью онъ производитъ ревизіи школъ въ зависимости отъ того, насколько тотъ или другой учитель способенъ внушить ему довѣріе. Мѣстный инспекторъ обязанъ еще устраивать съ учителями своего округа по крайней мѣрѣ одну конференцію въ мѣсяцъ. Сфера вѣдѣнія окружного инспектора, конечно, значительно шире: кромѣ официальныхъ народныхъ школъ, онъ завѣдуетъ еще частными, далѣе школами воскресными и такъ называемыми „Fortbildungsschulen", или школами дальнѣйшаго образованія. Окружной инспекторъ, заботясь не только о внутреннемъ, но и о вѣншнемъ ходѣ школьной жизни и объ исправномъ посѣщеніи школы учащимися, въ то же время обязанъ также контролировать дѣятельность учителя съ правомъ налагать на него денежные штрафы до 9 марокъ. Наблюденіе за школой происходитъ посредствомъ школьныхъ ревизій, которыхъ въ каждой школѣ бываетъ не менѣе двухъ въ годъ. Какъ окружной, такъ и мѣстный инспектора всегда бываютъ подчинены свѣтской власти въ лицѣ „правительственнаго инспектора", который назначается правительствомъ изъ лицъ компетентныхъ въ педагогическомъ отношеніи и является посредникомъ между мѣстными школьными властями и правительствомъ.

Что касается общины, т.-е. родителей дѣтей, посѣщающихъ народную школу, то хотя она несетъ главную тяжесть расходовъ по содержанію школъ, все же участіе ея въ управленіи школьными дѣлами вкрайне ограничено ¹⁾. Правда, существуютъ мѣстные учрежденія для завѣдыванія школьными дѣлами, извѣстными въ городахъ подъ именемъ „школьныхъ депутацій", а въ деревняхъ подъ названіемъ „школьныхъ совѣтовъ", но достаточно взглянуть въ ихъ составъ и организацію, чтобы понять, какъ незначительно здѣсь вліяніе на школьные дѣла именно родителей учащихся. Они почти не входятъ въ составъ членовъ мѣстныхъ совѣтовъ; послѣдніе состоятъ обыкновенно изъ мѣстныхъ священниковъ, являющихся часто вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторами школъ, изъ мѣстнаго старосты или городского головы и изъ по-

¹⁾ Всего на народныя школы Пруссіи расходовалось въ 1891 году 146 милл. марокъ; изъ нихъ государствомъ ассигновалось около 42 милл. марокъ, т.-е. около 28,5% всей суммы; остальные 71,5% падали на общину.

Размѣръ школьнаго налога въ среднемъ во всей Пруссіи въ 1891 году равнялся 4,85 мар. на жителя.

печителей школы, которые избираются не мѣстнымъ населеніемъ, а старостой и мѣстными инспекторами, при участіи окружного инспектора, и утверждаются окружнымъ ландратомъ; при чемъ чаще всего попечителями школъ бываютъ, въ деревняхъ, крупные землевладѣльцы, а въ городахъ—болѣе значительные фабриканты. Если же въ составъ такого мѣстнаго школьнаго совѣта и попадутъ два-три отца дѣтей, учащихся въ школѣ, то все-таки повліять на школьныя дѣла имъ врядъ ли удастся. Во-первыхъ, компетенція мѣстныхъ совѣтовъ ограничивается лишь заботой о внѣшнемъ положеніи школы, о содержаніи въ порядкѣ школьнаго помѣщенія, его ремонтѣ, постройкѣ, о назначеніи каникулярнаго времени и т. д. Заботы же о внутренней жизни школы, ея духѣ и направленіи составляютъ, какъ упомянуто, прямую обязанность мѣстнаго инспектора, въ большинствѣ случаевъ священника. Во-вторыхъ, главная роль въ мѣстныхъ совѣтахъ принадлежитъ попечителямъ; обыкновенно они являются предсѣдателями въ засѣданіяхъ совѣтовъ; въ случаѣ отсутствія ихъ предсѣдательствуетъ школьный инспекторъ, онъ составляетъ протоколы и завѣдуетъ корреспонденціей. Такимъ образомъ и въ предѣлахъ школьных совѣтовъ роль отцовъ учениковъ мѣстной школы остается второй-степенной.

Школьный учитель играетъ въ мѣстномъ совѣтѣ лишь совѣтательную роль.

Такимъ образомъ современная школьная организація Пруссіи является точнымъ отраженіемъ существующаго въ настоящее время распредѣленія власти въ обществѣ: общественнымъ группамъ, сильнымъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, принадлежитъ также рѣшающее вліяніе на школьныя дѣла.

Однако въ настоящее время усиленная централизація народно-школьнаго дѣла въ рукахъ правительства вызываетъ серьезное недовольство въ обществѣ, при чемъ указывается, что содержаніе цѣлой іерархіи инспекторовъ дорого обходится и безъ того далеко не богатой общинѣ, а усиленная регламентація преподаванія, подавляя инициативу учителей, дѣлаетъ преподаваніе безжизненнымъ. Такъ одинъ изъ сторонниковъ болѣе самостоятельности школъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ¹⁾: „Мнѣ думается, что въ настоящее время внѣшнее вмѣшательство слишкомъ сильно врывается въ жизнь школъ и учителей и что стремленіе все пересоздать и предусмотрѣть *извне* мѣшаетъ развитію самодѣятельности въ школѣ... По мѣрѣ того, какъ всему школь-

¹⁾ Pädagogischer Jahresbericht, 1894.

ному міру все болѣе и болѣе грозитъ опасность попасть въ руки бюрократическаго всемогущества, а власть чернила и бумаги все растетъ, развитіе внутренней жизни школы терпитъ все большія и большія стѣсненія, и только внѣшняя, формальная сторона дѣла процвѣтаетъ“.

Подобные протесты раздаются вообще противъ усиленной централизаціи школьныхъ дѣлъ и въ пользу возможно большаго участія въ управленіи школой народныхъ учителей и общины, т.-е. преимущественно родителей дѣтей, посѣщающихъ школу. Сторонники этого взгляда полагаютъ, что это не только избавило бы общину отъ лишннихъ расходовъ на многочисленную инспекцію, но вызвало бы также болѣе живой интересъ къ школѣ со стороны мѣстнаго населенія и дало бы возможность примѣнять преподаваніе къ мѣстнымъ условіямъ, дѣлая его болѣе жизненнымъ.

Другимъ вопросомъ, волновавшимъ педагогическій міръ Германіи въ 1893—94 году на собраніяхъ въ Лейпцигѣ, Бранденбургѣ, Кёнигсбергѣ, Ганноверѣ и пр., была отмѣна надзора за школой со стороны духовенства и предоставленіе этой обязанности специалистамъ педагогамъ. Реформа признавалась тѣмъ болѣе желательной, что усиленное вліяніе духовенства на школьныя дѣла поддерживаетъ въ настоящее время въ школахъ *тѣмъ выраженный конфессіональный характеръ*. А именно: всѣ прусскія народныя школы подраздѣляются теперь на евангелическія, —гдѣ всѣ учащіеся и учителя протестантскаго вѣроисповѣданія, и мѣстнымъ инспекторомъ чаще всего является мѣстный пасторъ,—на школы католическія, —гдѣ всѣ католики,—школы іудейскія и, наконецъ, на школы смѣшанныхъ вѣроисповѣданій,—этихъ послѣднихъ мало и значеніе ихъ еще уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ старшихъ классахъ учащіеся обыкновенно подраздѣляются по вѣроисповѣданіямъ ¹⁾.

Вслѣдствіе такого разъединенія между школами различныхъ вѣроисповѣданій, молодыя поколѣнія Пруссіи воспитываются въ настоящее время въ духѣ религіозной розни, будучи разобщены другъ съ другомъ еще на школьной скамьѣ. Нежелательность по-

¹⁾ Въ 1882 году, по официальнымъ статистическимъ даннымъ, учащіеся слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по школамъ:

Всѣхъ дѣтей школьнаго возраста было 4.339.729; изъ нихъ евангелическую школу посѣщали 2.723.911, католическую—1.405.989, іудейскую—10.037 и школы смѣшанныхъ вѣроисповѣданій—199.792 (Zeitschrift des königlich-preussischen statist. Bureaus. Herausgegeben v. E. Blenck, 1883. Die öffentlichen Volksschulen im preuss. Staat).

Въ 1891 году въ евангелическихъ школахъ было 3.050.864 учащихся, а въ католическихъ—1.635.779.

добнаго явленія съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ сознавалась еще въ прошломъ вѣкѣ, когда Вильгельмъ III, вмѣстѣ съ передовыми дѣятелями того времени, предполагалъ устранить вѣроисповѣдную рознь школъ. „Надо бороться съ слишкомъ распространеннымъ предразсудкомъ, что школы прежде всего являются дѣломъ отдѣльныхъ редижіозныхъ партій и должны быть именно таковыми. Онѣ, безспорно, являются *государственными* учреждениями, а не учреждениями отдѣльныхъ исповѣданій, поэтому желательно, чтобы преподаваніе Закона Божія ограничивалось сообщеніемъ только общихъ для всѣхъ вѣроисповѣданій истинъ и общаго для всѣхъ нравственнаго ученія“ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ высказанные правительствомъ Вильгельма III взгляды широко распространились въ обществѣ, но въ силу современныхъ политическихъ условій имъ все еще не удается осуществиться на практикѣ.

Современныя условія общественной жизни мѣшали до сихъ поръ полному осуществленію и другой задачи сторонниковъ единства въ воспитаніи дѣтей, именно ихъ стремленію придать школѣ *всесословный* характеръ, при чемъ дѣти всѣхъ сословій, благодаря совместно проведеннымъ годамъ школьной жизни, научились бы лучше понимать и уважать другъ друга. Двери такой *всесословной* школы „должны быть раскрыты для всѣхъ слоевъ народонаселенія; она стремится къ тому, чтобы *всѣ* дѣти, богатые и бѣдные, сидѣли на одной и той же скамьѣ и воспитывались въ одинаковыхъ принципахъ нравственности и просвѣщенія... Это — лучший путь къ сближенію между различными классами“. Въ 1891 году степень приближенія къ такой *всесословной* школѣ была неодинакова въ различныхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Такъ въ деревняхъ школа была почти *всесословной*, такъ какъ услугами ея пользовались почти всѣ дѣти школьнаго возраста (97⁰/о), въ городахъ же народная школа посѣщалась лишь 85,4⁰/о общаго числа дѣтей школьнаго возраста ²⁾. Главнымъ препятствіемъ къ созданію *всесословной* школы до сихъ поръ служитъ социальное неравенство; оно ставитъ дѣтей неимущихъ классовъ въ условія крайне неблагопріятныя по сравненію съ жизненной обстановкой людей состоятельныхъ. Матеріальная необеспеченность и необходимость нерѣдко еще на школьной скамьѣ зарабатывать кусокъ хлѣба несомнѣнно вредно отражаются на ходѣ школьныхъ занятій, понижаютъ уровень пре-

¹⁾ Neese. Die preussisch-deutsche Volksschule und die Schulaufsichtsfrage. Стр. 6.

²⁾ Tews. Ergebnissen der preussischen Volksschulstatistik vom Jahre 1891. Стр. 4.

подаванія въ школѣ и побуждаютъ людей зажиточныхъ давать начальное образованіе своимъ дѣтямъ не въ народной школѣ. Очевидно, что только при повышеніи матеріальнаго и культурнаго уровня рабочей среды, для дѣтей рабочихъ явится возможность идти въ школьной жизни рука объ руку съ дѣтьми болѣе зажиточныхъ классовъ, не отставая отъ нихъ въ успѣхахъ, а до тѣхъ поръ сторонники сословной школы будутъ справедливо указывать, что дѣти непривилегированныхъ классовъ сильно отстаютъ отъ своихъ товарищей, поставленныхъ въ болѣе счастливыя условія.

Тѣсно связанная съ условіями жизни общества, школа страдаетъ отъ его нестроений, но въ то же время общее поступательное движеніе общественной жизни также не проходитъ для нея безслѣдно. Въ Пруссіи оно создало уже въ области начальнаго обученія такой порядокъ вещей, который во многихъ отношеніяхъ остается для насъ лишь желанной, но къ, сожалѣнію, еще отдаленной мечтой. Законоположеніе о всеобщемъ обязательномъ обученіи не осталось здѣсь одинокимъ: оно было дополнено постановленіемъ о *бесплатности* начальнаго образованія. Провозглашенная еще въ 1850 году, въ § 25 конституціи, бесплатность обученія долго оставалась лишь на бумагѣ и только за послѣднее десятилѣтіе вошла въ почти повсемѣстную практику. Съ цѣлью предупредить нарушеніе закона объ обязательномъ обученіи со стороны родителей и опекуновъ, прусское законодательство издавна выработало систему штрафовъ, въ размѣрѣ до 10 гульденовъ, и тюремные аресты, которыми подвергаются родители и опекуны въ случаѣ неисправнаго посѣщенія школы дѣтьми школьнаго возраста, т.-е. отъ 6 до 14 лѣтъ, если для такихъ нарушеній нѣтъ достаточныхъ законныхъ основаній. Наконецъ, за послѣднее тридцатилѣтіе Пруссія вступила на путь законодательства, регулирующаго фабричный трудъ дѣтей школьнаго возраста, имѣя и здѣсь въ виду обезпечить имъ возможность посѣщать школу.

На ряду съ этими законодательными мѣропріятіями шли заботы объ увеличеніи числа школъ и народныхъ учителей. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ въ 1896 году на содержаніе народныхъ школъ государство и мѣстное самоуправленіе (городское и земское) отпускали болѣе 200 милліоновъ марокъ, или около 100 милліоновъ рублей въ годъ,—и это для населенія почти вчетверо меньше нашего ¹⁾. Въ результатѣ такихъ заботъ удалось создать почти поголовную грамотность населенія. Еще въ

¹⁾ Statistische Correspondenz за 1896 годъ.

1891 году въ Пруссіи было только 0,8% неграмотныхъ среди населенія, а въ 1894—95 году среди рекрутъ число лицъ, не учившихся въ школѣ, равнялось всего лишь 0,33% ¹⁾, тогда какъ даже во Франціи среди рекрутъ призыва 1892 года процентъ неумѣющихъ ни читать, ни писать равнялся, по официальнымъ даннымъ, 6,9%. Такимъ образомъ, судя по ничтожному проценту лицъ, не прошедшихъ народной школы, слѣдуетъ заключить, что въ Пруссіи въ настоящее время, законъ объ обязательномъ обученіи уже близокъ къ полному осуществленію. Главной задачей въ области начального обученія теперь является устраненіе тѣхъ частичныхъ нарушеній закона объ обязательномъ обученіи, которыя мѣшаютъ дѣтямъ школьнаго возраста всецѣло посвящать весь восьмилѣтній періодъ этого возраста школьнымъ занятіямъ. Одною изъ причинъ такихъ нарушеній до послѣдняго времени было недостаточное количество школъ, вслѣдствіе котораго приходилось отказывать въ приѣмѣ дѣтямъ, достигшимъ уже школьнаго возраста. Это обстоятельство настойчиво указывалось друзьями начальной школы, какъ величайшая непослѣдовательность со стороны правительства по отношенію къ имъ же провозглашенной обязательности обученія; но въ настоящее время размѣръ этого рода нарушеній очень незначителенъ. Именно, по послѣднимъ даннымъ 1896 года, за отсутствіемъ мѣста въ школѣ, освобождены изъ 5¹/₄ миллионѣ всего 2.400 дѣтей, и то лишь на полгода. Труднѣе устранить другую причину частичныхъ нарушеній закона объ обязательномъ обученіи, именно преждевременный уходъ изъ школы дѣтей еще до наступленія четырнадцати лѣтъ, при чемъ они нанимаются на фабрики, на сельскія работы или отправляются пасти скотъ. Школьное законодательство Пруссіи допускаетъ освобожденіе отъ обязательныхъ школьныхъ занятій ради заработка. Правда, оно упоминаетъ о цѣломъ рядѣ условій, лишь при наличности которыхъ можетъ быть допущено такое освобожденіе: такъ школьная инспекція должна наблюдать, чтобы дѣти, ушедшія на заработокъ, имѣли возможность учиться въ школѣ не менѣе 12 часовъ въ недѣлю, и чтобы общее число рабочихъ часовъ дѣтей-подростковъ на фабрикѣ и въ школѣ не превышало 9 часовъ ²⁾. Наконецъ, въ законодательствѣ говорится, что такое преждевременное освобожденіе отъ правильныхъ школьныхъ занятій можетъ быть допустимо лишь въ видѣ исключенія, въ случаяхъ

¹⁾ Allgemeine deutsche Lehrerzeitung, 1896. № 2.

²⁾ Petersilie. Das öffentliche Unterrichtswesen im Deutschen Reiche. II. 1897.

очень тяжелаго положенія семьи учащагося. Но обыкновенно на практикѣ преждевременный уходъ ученика на заработки происходитъ безъ особыхъ затрудненій. Дѣло въ томъ, что слѣдующіе за правильнымъ посѣщеніемъ школы школьные совѣты, въ деревняхъ и селахъ, какъ уже упоминалось, засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ помѣщиковъ, состоящихъ попечителями школъ, а въ городахъ подобные же мѣстные совѣты, такъ называемыя „школьныя депутаціи“, насчитываютъ въ своей средѣ не мало фабрикантовъ. Такое общественное положеніе лицъ, завѣдующихъ отпускомъ, несомнѣнно предрасполагаетъ ихъ къ снисходительному отношенію къ доводамъ родителей, и они отпускаютъ дѣтей на работы, иногда на своихъ же плантаціяхъ или фабрикахъ. Статистическія данныя показываютъ, что такіе преждевременные отпуска подростковъ изъ школы, по закону допустимые лишь въ видѣ исключеній, достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Такъ, въ 1891 году, ранѣе 14 лѣтъ изъ школы вышло 62.838 учениковъ. Изъ нихъ 20.945 приходится на Рейнскія провинціи и въ частности 13.566 на округъ Дюссельдорфа, гдѣ сильно развита крупная промышленность. „Всѣ эти дѣти,—говоритъ одинъ изслѣдователь нѣмецкой школы,—отпущены, по видимому, на законномъ основаніи. Въ дѣйствительности же гораздо большее число ихъ оставляетъ школу до окончанія школьнаго возраста, чтобы отправиться на фабрику или на другой какой-нибудь заработокъ и тамъ вскорѣ забыть то, чѣмъ съ такимъ трудомъ надѣлила ихъ школа“.

Правда, за послѣднее время фабричное законодательство, ограничивъ трудъ малолѣтнихъ шестью часами, повело, по видимому, къ уменьшенію числа дѣтей, работающихъ на фабрикахъ: въ виду трудности согласовать часы дѣтскаго труда съ работой взрослыхъ, фабриканты менѣе охотно стали пользоваться теперь трудомъ малолѣтнихъ у себя на фабрикахъ. Но это улучшеніе въ положеніи дѣтей школьнаго возраста—только кажущееся. Въ дѣйствительности законъ, ограничивающій трудъ малолѣтнихъ, обходится, и работа раздается дѣтямъ на домъ, гдѣ они ускользаютъ отъ всякаго контроля. Отчеты о положеніи дѣтскаго труда показываютъ, что не только въ школьномъ возрастѣ, но даже и до наступленія его дѣти работаютъ на дому и притомъ больше, чѣмъ полагается на фабрикахъ. Въ 1897 году народные учителя подняли вопросъ объ обремененіи дѣтей школьнаго возраста промысловыми работами. Въ одномъ изъ предмѣстій Берлина предприняты были статистическія изслѣдованія, и результаты „возмутили общественную совѣсть“. Фабричное законода-

тельство запретило работы школьничковъ, но сотни тысячъ дѣтей еще подвергаются изнуренію въ мелкихъ промыслахъ и разносной торговлѣ, которыхъ законъ не включилъ въ кругъ своего дѣйствія. „Маленькія, восьмилѣтнія дѣти, съ 5 часовъ утра разносившія газеты или хлѣбъ, по приходѣ въ школу—засыпали; большинство не въ состояніи были одолѣть элементарнѣйшіе предметы школьной программы; криминальная статистика обнаружила вліяніе преждевременныхъ работъ на преступность“. Впрочемъ, и правительство, и общественныя учрежденія уже начали обращать вниманіе на ограниченіе разныхъ видовъ дѣтскаго труда, но всѣ начинанія этого рода носятъ пока еще единичный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самой школьной практикѣ имѣется обычай, допускающій опять эксплуатацію труда дѣтей школьнаго возраста: таково назначеніе каникулъ, зависящее отъ школьных совѣтовъ, во время спѣшныхъ работъ въ полѣ и на плантаціяхъ. Каникулы эти такъ и извѣстны въ школьномъ обиходѣ подъ именемъ „свекловичныхъ вакацій“¹⁾. Дѣтскій трудъ очень выгоденъ при уборкѣ свекловицы, которая до сихъ поръ вытягивается изъ земли просто-на-просто дѣтскими руками; быть можетъ, въ виду этого обстоятельства школьные совѣты, въ составъ которыхъ входятъ и мѣстные помѣщики въ роли попечителей школъ, такъ снисходительно смотрятъ на лишеніе дѣтей необходимаго каникулярнаго отдыха и на работу ихъ на плантаціяхъ, происходящую въ крайне вредной для нихъ обстановкѣ. Чтобы дать понятіе о характерѣ этой работы, приводимъ описаніе ея въ „Прусской школьной газетѣ“. „Вакаціи эти—сущее мученіе для школы. Послѣ того какъ въ теченіе цѣлыхъ дней и даже недѣль, смотря по величинѣ мѣстныхъ свекловичныхъ плантацій, дѣти поудѣтыя, согнувшись, ползаютъ по землѣ, вслѣдствіе чего, при совместной работѣ мальчиковъ и дѣвочекъ утрачивается всякая стыдливость и скромность, они являются въ школу настолько *усталыми, съ такой притупленной впечатлительностью и ослабленной умственной дѣятельностью*, что въ началѣ всѣ попытки пробудить въ нихъ умственный интересъ терпятъ неудачу. Лицо дѣтей бываетъ распухшимъ, взглядъ тупымъ, кожа потрескавшейся отъ солнца; руки отъ долгаго копанья въ землѣ тоже покрыты трещинами, причемъ грязь такъ прочно держится въ ранахъ и порахъ, что съ трудомъ и то не сразу можетъ быть отмыта самымъ острымъ мыломъ. Вслѣдствіе продолжительнаго ползанія на четверенькахъ,

¹⁾ Rübenferien.

въ согнутомъ положеніи, дѣти отучаются сидѣть прямо и приучить ихъ снова къ этому удастся лишь съ трудомъ“.

Какой же характеръ носить обязательное обученіе въ начальныхъ школахъ, какова его программа и метода, какъ организованы школы, какой подготовкой обладаютъ ихъ учителя и каковы условія дѣятельности этихъ послѣднихъ?

Со времени введенія всеобщаго избирательнаго права, прусскія начальные школы носятъ *общеобразовательный характеръ*, необходимость котораго была признана еще въ 1872 году въ „постановленіяхъ“, изданныхъ въ министерство Фалька. Постановленія эти вводятъ въ программу народныхъ школъ, на ряду съ прежнимъ преподаваніемъ Закона Божія, нѣмецкаго языка, ариметики и пѣнія, еще географію, исторію и естествовѣдѣніе, въ которомъ сообщается рядъ элементарныхъ свѣдѣній по ботаникѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, зоологіи и физиологіи ¹⁾. При изученіи географіи и исторіи на первомъ планѣ стоитъ знакомство съ Пруссіей. Преподаваніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ Закона Божія, ведется на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ по національностямъ дѣти школьнаго возраста въ 1891 году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Изъ 4.916.476 въ семьяхъ говорили исключительно на нѣмецкомъ языкѣ—4.268.909; только по-польски—491.142, по-польски и по-нѣмецки—76.298 и по-датски—22.735; остальные распредѣлялись между менѣе значительными національностями. Оффиціальная статистика констатируетъ для всей Пруссіи небольшое возрастаніе съ 1886 года числа дѣтей, говорящихъ только по-нѣмецки, именно, съ 86.58 до 86.83⁰/₀; но замѣчательно, что въ

¹⁾ Въ постановленіяхъ 1872 года, которыми и до настоящаго времени управляютъ народныя школы Пруссіи, рекомендуется слѣдующее распредѣленіе учебныхъ часовъ по возрастамъ:

	Младшій возрастъ.	Средній возрастъ.	Старшій возрастъ.
	Въ недѣлю:		
Законъ Божій.....	4 ч.	5 ч.	5 ч.
Нѣмецкій языкъ.....	11 „	10 „	8 „
Ариметика и геометр..	4 „	4 „	5 „
Рисованіе.....	—	1 „	2 „
Общеобразовательные предметы.....	—	6 „	6 „
Гимнастика и женскія рукодѣлія.....	—	2 „	2 „
Пѣніе.....	1 „	2 „	2 „
Всего въ недѣлю..	20 ч.	30 ч.	30 ч.

См. Petersilie. Das öffentliche Unterrichtswesen. Т. II, стр. 34.

мѣстахъ наиболѣе ожесточенной національной борьбы, какъ, напр., въ Познани, на границѣ Даніи и пр., часто видна противоположная тенденція: процентъ дѣтей, говорящихъ только по-нѣмецки, уменьшается.

Въ старшихъ классахъ имѣется въ виду по возможности подготовить учащихся къ ихъ будущей отвѣтственной роли въ качествѣ избирателей и избираемыхъ. Съ этой цѣлью главное вниманіе обращается здѣсь на изученіе современныхъ государственныхъ учреждений Пруссіи и другихъ союзныхъ государствъ Германіи. Изучаются также цѣли и дѣятельность частныхъ союзовъ и обществъ, дѣйствующихъ въ Пруссіи и прочихъ союзныхъ государствахъ Германіи, какъ, напр., рабочихъ союзовъ, „общества взаимнаго страхованія“ и т. п. Наконецъ, выясняются, по возможности, права и обязанности гражданъ. Но въ настоящее время въ Пруссіи, какъ и во всей Германіи, признаютъ, что начальная школа, выпуская своихъ учениковъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, не можетъ дать имъ сколько-нибудь законченнаго міросозерцанія, и единственнымъ средствомъ пополнить пробѣлъ, оставляемый начальной школой, остается продолженіе обязательнаго школьнаго возраста, созданіе систематическаго „послѣ-школьнаго обученія“, которое являлось какъ бы надстройкой къ современной школѣ. Въ настоящее время этой потребности удовлетворяютъ уже „школы дальнѣйшаго образованія“ (Fortbildungsschulen). Онѣ ставятъ цѣлью не только содѣйствовать дальнѣйшему общему образованію учащихся, но главнымъ образомъ помочь имъ въ выработкѣ общественнаго міросозерцанія. Въ виду этого въ „школахъ дальнѣйшаго образованія“ на ряду съ нѣмецкимъ языкомъ, геометрией и арифметикой изучаются также политическая экономія, законодательство страны, ея исторія, всеобщая исторія. Необходимость преподаванія въ этихъ школахъ наукъ общественныхъ одинъ изъ изслѣдователей школы объясняетъ такъ: „Всеобщее избирательное право дало каждому гражданину возможность вліять на выборы въ законодательное собраніе. Это важное право можетъ дать благоприятные результаты лишь въ томъ случаѣ, когда каждый гражданинъ, имѣющій право голоса, будетъ ясно понимать жизнь государства и различныя функціи его органовъ. Каждому гражданину должно быть выяснено, что всякое рѣшеніе, принятое въ томъ или иномъ общественномъ учрежденіи, имѣетъ непосредственное положительное или отрицательное значеніе, какъ для блага цѣлаго общества, такъ и для блага

отдѣльной личности. Все это должно быть выяснено учащемуся, чтобы онъ могъ проявить сознательную любовь къ родинѣ¹⁾.

Занятія въ школахъ дальнѣйшаго образованія должны происходить по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, каждый разъ не менѣе чѣмъ по два часа. Съ цѣлью обезпечить учащимся необходимое для занятій время, обученіе въ „школахъ дальнѣйшаго образованія“ признано въ Пруссіи съ 1891 года *обязательнымъ*, при чемъ предприниматели „обязаны предоставлять рабочимъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, опредѣленное мѣстными властями время для посѣщенія учреждений, дающихъ дальнѣйшее образованіе и признанныхъ государственными или мѣстными властями“. Благодаря этому постановленію, устройство „школъ дальнѣйшаго образованія“ теперь вполнѣ зависитъ только отъ того, найдутся ли въ каждомъ данномъ случаѣ средства на содержаніе подобной школы и на плату учителямъ. Но присканіе необходимыхъ средствъ и составляетъ наиболѣе затруднительную часть дѣла. Средства общинъ ограничены: средства частныхъ обществъ, по инициативѣ и на счетъ которыхъ преимущественно открываются эти школы—также. Содѣйствовать широкой постановкѣ дѣла могло бы только государство. Но здѣсь опять сказывается духъ реакціи, господствующій въ настоящее время въ правительственныхъ сферахъ Пруссіи. Прусское правительство ассигнуетъ на дѣло послѣ-школьнаго обученія, какъ техническаго, такъ и содѣйствующаго дальнѣйшему общему образованію, всего по 11 пфенниговъ (т.-е. около 6 копѣекъ) на душу въ годъ, что слишкомъ недостаточно²⁾. Неудивительно поэтому, что, несмотря на дѣятельную помощь частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, въ школахъ дальнѣйшаго образованія учится менѣе, чѣмъ *шестая* часть лицъ, которымъ по закону слѣдовало бы тамъ учиться³⁾. Такимъ об-

¹⁾ Pache. Die zeitgemäße Gestaltung der deutscher Fortbildungsschule.

²⁾ Особенное несочувствіе къ школѣ дальнѣйшаго образованія проявляется среди крупныхъ землевладѣльцевъ, что наглядно проявилось при дебатахъ, происходившихъ недавно въ сѣльскохозяйственной камерѣ Западной Пруссіи. Референтъ, поставившій на обсужденіе вопросъ о школахъ дальнѣйшаго образованія, „категорически высказался противъ этого нововведенія, такъ какъ „школы только портятъ крестьянскихъ дѣтей, вызываютъ недовольство мѣстными заработками и толкаютъ къ переселенію въ городъ“. Бывшій консервативный депутатъ Гольцъ замѣтилъ, что достаточно уже и нѣмѣйшей школы, которая также даетъ крестьянскимъ дѣтямъ слишкомъ много знаній и возбуждаетъ у нихъ несбыточные желанія; ввести же еще школы дальнѣйшаго образованія—значитъ разрушить послѣдній остатокъ патріархальныхъ отношеній. Еще откровеннѣе говорилъ другой аграрій, членъ камеры, оставшійся вѣрнымъ старинной традиціи дворянъ-землевладѣльцевъ: „самые глупые бываютъ лучшіе работники“.

³⁾ Reyer. Handbuch des Volksbildungswesens, стр. 4.

разомъ для значительнаго большинства населенія единственнымъ средствомъ обученія все еще остается начальная народная школа.

Обратимся къ ея порядкамъ.

Стремленіе поднять образовательный уровень начальной школы не только вызвало введеніе въ ея программу общеобразовательныхъ предметовъ, но и возбудило вниманіе къ методамъ преподаванія. Въ постановленіяхъ 1872 года особенно рекомендуется *наглядность*, которая должна достигаться при помощи картинъ, коллекцій изъ мѣстныхъ минераловъ, животныхъ и пр., но главнымъ образомъ при помощи экскурсій по опредѣленному плану. Въ настоящее время во всѣхъ народныхъ школахъ замѣчается стремленіе идти на встрѣчу этимъ какъ нельзя болѣе основательнымъ требованіямъ, и каждая школа стремится, по возможности, къ устройству музеевъ изъ произведеній данной мѣстности, къ посадкѣ школьныхъ садовъ, гдѣ разводились бы мѣстныя растенія, и т. д.

Кромѣ заботъ объ улучшеніи программы и методовъ, постановленія 1872 г. обращаютъ еще вниманіе на *улучшеніе организации* начальныхъ школъ. До введенія этихъ постановленій въ Пруссіи были сильно распространены одноклассныя школы, гдѣ всѣ дѣти школьнаго возраста, начиная съ шестилѣтнихъ и оканчивая четырнадцатилѣтними, обучаются въ одной и той же комнатѣ, одновременно, однимъ и тѣмъ же учителемъ. Постановленія 1872 года, хотя не отмѣняютъ этихъ школъ, но все-таки указываютъ ихъ неудобства и рекомендуютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется нѣсколько одноклассныхъ школъ, сливать ихъ въ одну многоклассную школу (съ 3, 4, 5, 6, 7 и болѣе классами). Преимущество многоклассныхъ школъ сознается и населеніемъ, и въ настоящее время вездѣ, гдѣ только позволяютъ средства, число классовъ въ школахъ увеличивается. Чаще всего это наблюдается въ оживленныхъ городскихъ центрахъ, но въ деревняхъ и глухихъ мѣстечкахъ, гдѣ учащихся немного, община въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ средствъ на устройство нѣсколькихъ классныхъ помѣщеній и на наемъ нѣсколькихъ учителей, и здѣсь одноклассныя школы все еще встрѣчаются въ большомъ количествѣ, хотя изъ году въ годъ число ихъ уменьшается ¹⁾.

¹⁾ Слѣдующая таблица показываешь постепенное измѣненіе въ школьной организаціи съ 1886 по 1891 годъ (Tewz, Ergebnisse, 1891, стр. 7).

1886 годъ.	Школъ.	Учащихся.	1891 годъ.	Школъ.	Учащихся.
Съ 1-мъ классомъ .	17.744	1.146.701	Съ 1-мъ классомъ .	16.600	969.598
Съ 2-мъ класс. . .	8.845	1.078.459	Съ 2-мъ класс. . .	9.474	1.047.507

Другимъ недостаткомъ, кромѣ существованія школъ съ однимъ единственнымъ классомъ, въ современной школѣ является чрезмѣрное переполненіе классовъ, достигающее невѣроятныхъ размѣровъ, при которыхъ нечего и думать о правильной постановкѣ образованія и воспитанія. Очевидно, что при всемъ желаніи у учителя не можетъ найтись времени, чтобы удѣлить каждому ученику хотя бы минуту вниманія. О степени этого переполненія находимъ слѣдующія цифры.

Прусское законодательство очень снисходительно въ опредѣленіи маѣсимальнаго числа учащихся, сидящихъ въ одномъ и томъ же классѣ. Такъ, въ силу министерскаго постановленія 1827 года, сохраняющаго свое значеніе и до настоящаго времени, классъ, гдѣ сидятъ 70 человѣкъ, считается *нормально* составленнымъ, даже для сравнительно лучше организованныхъ многоклассныхъ школъ. Въ одноклассной школѣ классъ считается нормально составленнымъ и при 80 учащихся. И однако, несмотря на всю снисходительность въ признаніи „нормальными“ даже классовъ съ 70 и 80 учащимися, по даннымъ 1891 года значительная часть учащихся сидѣла въ классахъ „ненормальныхъ“, т.-е. такихъ, гдѣ учениковъ было больше 70 или 80. Именно, въ 1891 году изъ 4.916.476 дѣтей школьнаго возраста въ переполненныхъ классахъ сидѣло 1.661.182 дѣтей, или около $\frac{1}{3}$ общаго числа. При этомъ въ классахъ съ 81 до 100 или отъ 71 до 90 учениковъ помѣщалось не менѣе 1.309.174 дѣтей, въ классахъ съ 101—160 или 91—120 человѣкъ сидѣло 324.821 учащихся и въ классахъ, имѣющихъ болѣе 150 или 120 учениковъ, находилось 27.186 дѣтей. Понятно—въ виду

Съ 3-мя класс. . .	3.949	833.013	Съ 3-мя класс. . .	4.447	850.383
Съ 4-мя класс. . .	1.352	449.744	Съ 4-мя класс. . .	1.553	476.403
Съ 5-ю класс. . .	649	285.282	Съ 5-ю класс. . .	692	274.412
Съ 6-ю класс. . .	1.187	829.823	Съ 6-ю класс. . .	1.551	994.952
Съ 7-ю и болѣе. .	290	215.225	Съ 7-ю и болѣе. .	425	303.221

Въ общемъ замѣчается слѣдующая тенденція—типъ одноклассной школы падаетъ, среди 2—5-классныхъ школъ замѣчаются лишь незначительныя измѣненія, тогда какъ развитіе 6- и 7-классныхъ школъ замѣтно усиливается.

Во всей этой таблицѣ принято во вниманіе только число *основныхъ классовъ* безъ параллельныхъ отдѣленій. Съ параллельными отдѣленіями школа, въ особенности 6-ти, 7-ми или 8-классная, имѣетъ въ среднемъ отъ 10,5 до 11,4 классныхъ помѣщеній. Какіхъ громадныхъ размѣровъ должны достигать школы въ большихъ городахъ, видно изъ того, что въ Берлинѣ, въ *среднемъ*, число классовъ (основныхъ и параллельныхъ вмѣстѣ), въ школахъ *шестикласснаго* типа—равнялось 16,7; въ Галле оно равнялось 25, при чемъ 2 школы, семикласснаго типа, имѣли тамъ вмѣстѣ 94 класса (Ibid)!

такого положенія вещей—заявленіе министерства, что школьная администрація не можетъ болѣе ручаться за сохраненіе современнаго образовательнаго уровня народа.

Въ послѣднее время замѣчается какъ будто нѣкоторое уменьшеніе чрезмѣрно переполненныхъ классовъ. Но улучшеніе здѣсь только кажущееся. Достигается оно простымъ подраздѣленіемъ одного чрезмѣрно разросшагося класса на два, или двухъ переполненныхъ классовъ на три, при чемъ не увеличивается ни число учительскаго персонала (занимается со всѣми классами все одинъ и тотъ же учитель), ни количество классныхъ помѣщеній, такъ какъ всѣ вновь устроенные классы занимаютъ поочередно въ одной и той же комнатѣ и въ общемъ дѣло обходится совсѣмъ безъ увеличенія расходовъ. Этимъ и объясняется на первый взглядъ не совсѣмъ понятное явленіе, что въ Пруссіи число классовъ въ начальныхъ школахъ больше числа классныхъ помѣщеній и числа народныхъ учителей ¹⁾.

Несомнѣнно однако, что недостаточное количество учительскаго персонала вредно отражается на ходѣ школьныхъ занятій. Работая поочередно съ двумя классами, учителя волей-неволей должны сокращать число часовъ для каждаго класса, а ихъ усталость, происходящая отъ усиленнаго труда въ теченіе цѣлаго дня, не можетъ не отразиться на качествѣ занятій ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ страдаетъ и здоровье дѣтей, не имѣющихъ отдѣльнаго класснаго помѣщенія; имъ приходится заниматься въ комнатахъ, откуда только-что вышли другіе ученики и гдѣ воздухъ уже испорченъ.

Чѣмъ же объяснить такіе существенные недочеты въ современной постановкѣ начальныхъ школъ Пруссіи, гдѣ, повидимому, уже громадная часть общества ясно даетъ себѣ отчетъ въ значеніи народнаго образованія?

На одного студента университета правительство находить возможнымъ тратить въ видѣ государственной субсидіи ежегодно 625 марокъ, на одного ученика среднихъ учебныхъ заведеній—

¹⁾ Въ 1891 году въ Пруссіи было 82.746 классовъ и только 70.950 классныхъ помѣщеній, такъ что не менѣе 23.592 классовъ должны были пользоваться помѣщеніями поочередно. Въ томъ же году на тѣ же 82.746 классовъ учителей имѣлось только 70.094, слѣдовательно 12.652 класса не имѣли отдѣльнаго учителя.

²⁾ Въ 1891 г. число учениковъ, приходящихся на 1 учителя, въ среднемъ равнялось 60. Но по отдѣльнымъ округамъ оно значительно колебалось, достигая, напримѣръ, въ католическихъ деревенскихъ школахъ Познани по истинѣ грандіозныхъ размѣровъ; именно, въ Западной Познани на 1 учителя приходилось 136 учениковъ.

91,16 марокъ, а на содержаніе учениковъ начальныхъ школъ, оно не находитъ возможнымъ ассигновать болѣе 29,74 ¹⁾ марокъ на душу. Понятно, что университеты, съ библіотеками, кабинетами, лабораторіями, съ дорогими профессорами, не могутъ не требовать огромныхъ средствъ, — но школа все-таки остается слишкомъ бѣдна, и улучшить современную постановку начальнаго образованія можно было бы только однимъ путемъ—увеличивъ налоги на содержаніе начальныхъ школъ. Но въ Пруссіи, гдѣ плата за право ученія въ начальныхъ школахъ отмѣнена и гдѣ доходы—до 900 марокъ включительно—освобождены отъ налоговъ, увеличеніе податного бремени въ пользу начальныхъ школъ должно было бы пасть на болѣе зажиточные классы. Однако, при настоящемъ составѣ парламентскаго большинства, привлечь эти классы къ сколько-нибудь болѣе значительнымъ пожертвованіямъ на содержаніе начальныхъ школъ—нѣтъ никакой надежды.

Что касается учительскаго персонала, — въ 1892 въ 34.754 начальныхъ школахъ Пруссіи работало 61.810 учителей и 8.235 учительницъ ²⁾. За рѣдкими исключеніями, этотъ персоналъ обладалъ спеціальной педагогической подготовкой, вынесенной изъ учительскихъ семинарій, число которыхъ въ 1891 достигало 176 ³⁾. Въ этихъ учительскихъ семинаріяхъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, какъ говорятъ, воспитанники проходятъ по нѣмецкому языку, закону Божію, географіи и исторіи приблизительно то же, что и воспитанники, оканчивающіе курсъ въ гимназіяхъ; по математикѣ, физикѣ и химіи—нѣсколько меньше. Но зато они проходятъ еще педагогику, психологію и логику.

Однако, несмотря на значительныя требованія, предъявляемыя къ подготовкѣ учителей, и на всеобщее признаніе ихъ важной общественной миссіи, учителямъ все еще приходится и въ настоящее время страдать подъ гнетомъ нужды, безправнаго положенія въ школьныхъ дѣлахъ и того пренебрежительнаго отношенія, которое традиціонно тяготѣло въ Пруссіи надъ учительствомъ народной школы.

Насколько низокъ окладъ жалованья народныхъ учителей—видно изъ слѣдующихъ данныхъ официальной статистики: въ 1893 году въ Пруссіи изъ 42.228 деревенскихъ учителей 12.185

¹⁾ Марка равна 45,85 коп.

²⁾ Pädagogische Jahresbericht, 1894. По послѣднимъ даннымъ 1896, число учительскаго персонала, какъ женскаго, такъ и мужскаго, равнялось 79.472 (Statistische Correspondenz).

³⁾ Ritter и Brachelli. Statistische Skizze.

получали менѣе 750 марокъ, не говоря уже о такъ называемыхъ „голодныхъ мѣстахъ“, гдѣ учителя получали только отъ 300 до 450 марокъ. Правда, законъ 1897 года о вознагражденіи учителей нѣсколько увеличилъ учительскіе оклады, опредѣливъ минимальный окладъ для учителей въ 900 марокъ въ годъ, а для учительницъ въ 700, кромѣ даровой квартиры и прибавокъ за выслугу лѣтъ; но въ то же время учителя, вновь поступившіе на службу, получаютъ только $\frac{4}{5}$ вознагражденія. Сравнивалъ; однако; размѣръ этихъ окладовъ съ окладами другихъ служащихъ на казенной службѣ, мы встрѣчаемъ подобный размѣръ вознагражденія лишь у ночныхъ сторожей, школьныхъ служителей, привратниковъ, стрѣлочниковъ, при чемъ менѣе 800 марокъ получали въ Пруссіи только лѣсные и луговые сторожа. При дороговизнѣ жизни въ Пруссіи такой окладъ является просто нищенскимъ и учитель обрекается или на такую же, а иногда и на большую нужду, чѣмъ какой-либо изъ бѣдняковъ, пользующихся общественной благотворительностью. Такъ, въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ въ Шриммѣ съ 1-го апрѣля 1893 г. на 1 человека выдается въ день по 41 пфеннигу продовольственныхъ денегъ, такъ какъ 38 пфенниговъ на человека оказалось недостаточнымъ при существующихъ цѣнахъ. Средняя семья народнаго учителя состоитъ изъ мужа, жены, 3 дѣтей и одной прислуги. По расчету содержанія въ домѣ призрѣнія, эта семья должна была бы получать 2,46 марки въ день, а въ годъ—898,90 марокъ, или столько, сколько получаетъ по новому положенію учитель, уже пробывши нѣкоторое время на службѣ, т.-е. больше, чѣмъ учитель вновь поступившій на службу. Такимъ образомъ и по новому закону учитель и его семья обрекаются на такую же, а иногда и большую нужду, какъ бѣдняки, пользующіеся благотворительностью дома призрѣнія.

Мы привели минимальныя цифры учительскихъ окладовъ. Въ среднемъ, окладъ этотъ въ Пруссіи нѣсколько выше и, за исключеніемъ даровой квартиры, равнялся, вмѣстѣ съ государственными прибавками за выслугу лѣтъ, въ 1891 г. 1.120 маркамъ. Но и тутъ онъ ниже окладовъ низшихъ служащихъ на государственной службѣ, жалованье которыхъ равнялось 1.125 маркамъ въ годъ.

Нѣкоторымъ улучшеніемъ въ судьбѣ народныхъ учителей явилась пенсія, относительно которой они подчинены теперь тѣмъ же правиламъ, какъ и остальные государственные чиновники. Но, въ общемъ, окладъ жалованья все-таки слишкомъ малъ и учителя начальныхъ школъ, въ особенности семейные, принуждены искать

всевозможныхъ побочныхъ занятій, чтобы какъ-нибудь просуществовать съ семьей: лѣтомъ они занимаются садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ, иногда становятся землемѣрами, завѣдующими почтой и проч.; городскіе учителя начальныхъ школъ, покончивъ занятія въ школахъ, принуждены бываютъ еще давать частные уроки.

Неудивительно въ виду этого, что средняя продолжительность жизни учителей начальныхъ народныхъ школъ ниже таковой же учителей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Именно, по даннымъ статистики учителя начальныхъ школъ въ среднемъ живутъ 40—52 года, а учителя высшихъ учебныхъ заведеній—59—60 лѣтъ ¹⁾.

Послѣдствіемъ является чрезвычайно незначительное вліяніе учителей на ходъ политическихъ событій ихъ родины. Они принадлежатъ по имущественному цензу къ избирателямъ III-го класса, т.-е. къ числу лицъ или не платящихъ налоговъ, или платящихъ очень мало. Значеніе такихъ избирателей въ большихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, положительно ничтожно. Такъ, въ 1885 году—4.964 голоса избирателей I класса равнялись по своему значенію 236.673 голосамъ избирателей III класса: т.-е., 1,9⁰/₁₀₀ всѣхъ, обладающихъ правомъ голоса, имѣли такое же вліяніе на исходъ выборовъ, какъ 90⁰/₁₀₀ ¹⁾.

Но учитель народной школы безправенъ не только въ политическомъ отношеніи: онъ лишенъ вліянія даже на близкія ему школьныя дѣла, гдѣ онъ находится въ полной зависимости отъ цѣлой іерархіи начальства. Какъ велика эта зависимость, видно, между прочимъ, изъ того, что учитель не имѣетъ даже права давать частные уроки, не заручившись предварительно позволеніемъ своего начальства. Зависимость эта, тяжкая сама по себѣ, становится еще тягостнѣе, вслѣдствіе пренебреженія, съ которымъ привыкли относиться къ учителю крупные землевладѣльцы, состоящіе обыкновенно въ роли попечителей школъ; они смотрятъ на него такъ же, какъ сто лѣтъ тому назадъ, когда видѣли въ немъ лишь человѣка, обучающаго дѣтей ихъ крѣпостныхъ. По старой привычкѣ, они и теперь еще склонны считать главной добродѣтелью народнаго учителя—покорность и безпрекословное исполненіе всѣхъ ихъ приказаній. Депутатъ Кнѣрке, бывшій раньше священникомъ, рассказалъ однажды въ

¹⁾ Allgemeine deutsche Lehrerzeitung. 1895, № 32.

²⁾ Statistischer Jahrbuch der Stadt Berlin. XIII Jahrg. Statistik des Jahres 1885. Стр. 364.

парламентѣ слѣдующій случай, наглядно иллюстрирующій отношеніе мѣстныхъ попечителей къ народнымъ учителямъ. Когда въ округѣ, которымъ завѣдывалъ Кнѣрке, однажды освободилось учительское мѣсто, то школьный попечитель, прося его о пріисканіи учителя, говорилъ: „Выбирайте самого глупаго, какого только найдете; онъ будетъ оказывать большую покорность“. — „Такая точка зрѣнія встрѣчается нерѣдко“, — прибавилъ депутатъ.

При тяжеломъ матеріальномъ, служебномъ и политическомъ положеніи учителей, могущественной поддержкой ихъ является принадлежность къ учительскимъ союзамъ. Дѣятельность этихъ союзовъ за послѣднее время все возрастаетъ; они вербуютъ себѣ членовъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ и въ настоящее время охватываютъ громадную часть всѣхъ наличныхъ учительскихъ силъ какъ Пруссіи, такъ и всей Германіи. На одномъ изъ сѣздовъ, происходившемъ въ 1894 году въ Штутгартѣ, присутствовало 3.500 делегатовъ отъ 79.612 учителей Германіи. Хотя учительскіе сѣзды въ Германіи существуютъ уже около пятидесяти лѣтъ, но здѣсь, на штутгартскомъ сѣздѣ, въ первый разъ собрались представители всего учебного персонала Германіи, безъ различія государствъ и религій.

Современная организація учительскихъ союзовъ въ Германіи, объединяя учителей въ одинъ „Всеобщій союзъ германскихъ учителей“ (Allgemeiner deutscher Lehrerverein), учрежденный по почину знаменитаго педагога Дистервега и саксонскихъ учителей въ 1848 г., въ Эйзенахѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ широкій просторъ дѣятельности мѣстныхъ и провинціальныхъ союзовъ. Во всѣхъ этихъ союзахъ кипитъ оживленная работа; всѣ стремятся содѣйствовать духовному развитію членовъ своего сословія и улучшать ихъ матеріальное и общественное положеніе; всѣ хлопочутъ о возможно широкомъ распространеніи въ обществѣ основныхъ педагогическихъ принциповъ, объ улучшеніи постановки школы и, наконецъ, о распространеніи въ обществѣ большаго сознанія значенія школы. Они отзываются на всѣ животрепещущіе вопросы времени и стремятся уяснить себѣ: какимъ образомъ школа можетъ, съ своей стороны, содѣйствовать успѣшному рѣшенію того или другого изъ этихъ вопросовъ. Въ результатъ, благодаря принадлежности къ этимъ союзамъ, учитель, отдавая свою профессиональную дѣятельность, въ то же время имѣетъ возможность не терять изъ виду широкихъ общечеловѣческихъ и современныхъ общественныхъ интересовъ, а въ тяжелую минуту жизни можетъ найти со стороны союза какъ матеріальную, такъ и нравственную поддержку, въ которой такъ часто встрѣчается

необходимость въ жизни одинокаго труженика на незамѣтномъ служебномъ посту.

Для поддержанія болѣе высокаго образовательнаго уровня въ своей средѣ, учителя устраиваютъ „научные курсы“, гдѣ читаются лекціи по педагогикѣ, латинскому языку, по исторіи, правовѣдѣнію, физикѣ и химіи. Съ той же цѣлью устраиваются педагогическія бібліотеки, достигающія иногда обширныхъ размѣровъ; въ центральной педагогической бібліотекѣ въ 1893 имѣлось 63.840 томовъ. Оживленная духовная жизнь учительскаго персонала отражается между прочимъ въ многочисленныхъ временныхъ изданіяхъ и книгахъ, издаваемыхъ учителями, гдѣ они работаютъ въ особенности для распространенія во всѣхъ слояхъ общества свѣдѣній, необходимыхъ для пониманія окружающей жизни, исторіи своей родины и ея государственныхъ учреждений.

Сознаніе необходимости организоваться въ союзы, для защиты какъ своихъ сословныхъ, такъ и общественныхъ интересовъ, проникло также и въ среду учительницъ. Уже въ 1893 г., „Всеобщій германскій союзъ учительницъ“ насчитывалъ во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ 5.556 членовъ; „Общество германскихъ воспитательницъ и учительницъ“ состояло изъ 860 членовъ, а „Общество для выдачи пенсій учительницамъ и воспитательницамъ“ — изъ 2.595 членовъ. Здѣсь также одною изъ существенныхъ задачъ признается поднятіе образовательнаго уровня членовъ. Кромѣ того, желая предохранить членовъ своего сословія отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны постороннихъ лицъ, учительскіе союзы устраиваютъ въ настоящее время въ своей средѣ особыя „общества для защиты правъ“.

Долгая совмѣстная работа учителей на почвѣ общихъ вопросовъ школы и своего сословія мало-по-малу расширила ихъ горизонтъ и замѣнила въ нихъ чувство преданности интересамъ своего сословія — преданностью интересамъ всего общества. Такая перемѣна во взглядахъ явилась неизбѣжной, въ особенности съ того момента, какъ учителя, послѣ введенія всеобщаго избирательнаго права, могли, наконецъ, черезъ своихъ депутатовъ попытаться провести въ жизнь, парламентскимъ путемъ, ихъ заветныя пожеланія въ области школьныхъ реформъ. Парламентскія пренія не замедлили выяснить, что школьный вопросъ, вслѣдствіе многосторонней и тѣсной связи его съ вопросами о государствѣ, церкви и общинѣ, можетъ быть успѣшно рѣшенъ только въ связи съ цѣлымъ рядомъ прогрессивныхъ реформъ какъ въ политической, такъ и въ экономической жизни страны.

Е. Д—вичъ.

„ГОРСТЬ ИЗБРАННИКОВЪ“

Эскизъ изъ романа: „Le soleil des morts“, par Camille Maclair.

I.

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ, хозяинъ дома, поэтъ Казикстъ Армель, обвелъ жестомъ присутствующихъ, представляя ихъ другъ другу:

— Г. Элія Ротесъ, г. Манюэль Эрикуръ, г. Жерманъ Бюссеръ, г. де-Арморъ... Господа, г. Андре де-Нёзъ.

Андрэ де-Нёзъ и другъ его, Лука Дерэнъ, приведшій его сюда, присѣли въ сторонкѣ. Де-Нёзъ былъ смущенъ непривычной обстановкой, незнакомыми лицами и даже самымъ привѣтствіемъ Армеля. Тотъ сказалъ молодому человѣку, что читалъ его первыя поэмы и почувствовалъ въ немъ единомышленника, а потому просить считать его отнынѣ своимъ другомъ.

Де-Нёзъ осмотрѣлся: на стѣнѣ, въ золоченой рамѣ, висѣла картина Мане, темнѣли офорты въ бѣлыхъ лакированныхъ рамкахъ, на каминѣ бѣлѣла мраморная Данаида—Родэна, на этажеркѣ лежали кипы роскошныхъ художественныхъ альбомовъ; мебель была простая, стиля епріге. Съ предметовъ взоръ его перешелъ на присутствующихъ, имена и произведенія которыхъ были ему знакомы. Вотъ, прямо противъ него, Жерманъ Бюссеръ, импрессионистъ, картина котораго вызвала оргіей своихъ оранжевыхъ и синихъ тоновъ чуть не бунтъ въ послѣднемъ салонѣ; у него темные волосы, повелительный, почти грубый видъ, бархатные каріе глаза, энергичный изгибъ рта, обрамленнаго черной курчавой бородой, загрубѣлая отъ работы руки. Къ нему

наклонилась бѣлокурая, голубоглазая фигура Манюэля Эрикура. У этого кошачьи усы и нервныя ноздри; одѣтъ онъ романтически-изысканно: атласный галстукъ съ изумрудной булавкой. откритый жилетъ, панталоны какого-то рѣдкостнаго цвѣта, шолковые чулки и лакированные башмаки на маленькой, женственной ногѣ. На указательномъ пальцѣ тонкой, изящной руки блестящее стальное кольцо, а на четвертомъ пальцѣ сверкалъ бѣлый огонекъ брилліанта. Весь Эрикуръ сказывался въ этихъ рукахъ, съ его пламенной душой, причудливымъ дэндизмомъ, тонкимъ, парадоксальнымъ, энциклопедическимъ, ироническимъ, мечтательнымъ и бойкимъ умомъ. Эрикуръ написалъ уже съ десятокъ блестящихъ, поспѣшно набросанныхъ и несомнѣнно талантливыхъ романовъ. А вотъ рядомъ, въ наглухо-застегнутомъ черномъ сюртукѣ, Элія Роместь, символистъ, авторъ космологическихъ разсказовъ, примѣшивающій къ литературѣ научные элементы для того, чтобы пародировать ихъ, умъ сильный и рѣзкій. У него угловатое, желтое лицо, некрасивое, но производящее впечатлѣніе, благодаря сѣрымъ, выпуклымъ и влажнымъ глазамъ; ихъ пристальный взоръ манилъ къ себѣ, а прозрачностью своею они напоминали кристаллы соли. Подальше виднѣлся блѣдный, спокойный и худощавый профиль Клода-Эрика де-Арморъ, крайне страннаго симфониста; сборникъ его музыкальныхъ мелодій удивлялъ всѣхъ музыкантовъ Парижа, а его послѣднія оркестровыя прелюдіи чуть не вызвали драки на одномъ изъ концертовъ Ламурѣ. Со своими усами, низко опущенными на чувственный, ненормально-развитый подбородокъ, съ своими свѣтлыми глазами и чрезвычайно правильнымъ лбомъ, Арморъ имѣлъ пренебрежительный видъ; держался же онъ съ холоднымъ изяществомъ породистаго человѣка. Онъ принадлежалъ къ знатному роду, но былъ въ ссорѣ со своей родней. Одѣвался онъ скромно, и на темномъ фонѣ всего костюма выступала только миниатюрная булавка на галстукѣ, въ формѣ жемчужной графской коронки, да на ниточкѣ блестялъ монокль, который онъ вертѣлъ своими сухими пальцами съ острыми ногтями.

Осмотрѣвши подъ шумокъ общаго разговора всѣхъ гостей, де-Нѣзъ рѣшился, наконецъ, взглянуть и на самого Каликста Армея; одѣтый въ простую черную куртку, съ широкимъ развѣвающимся галстукомъ на шеѣ, онъ стоялъ прислонившись спиною къ камину. Несмотря на небольшой ростъ, „учитель“ казался большимъ, благодаря величественной красотѣ его сѣдьющей могучей головы; особенно привлекательны въ немъ были глаза, тоскующіе, ласкающіе, глубокіе, полуприкрытые длинными

вѣями. Прелестное выраженіе его лица, загадочное, иногда чувственное, а иногда улыбающееся и доброе, но всегда высокомерное, какъ бы дополнялось своеобразнымъ жестомъ руки. Армелъ имѣлъ привычку курить красную глиняную трубку, и, окруженный голубоватымъ дымкомъ этой трубки, онъ точно отдалялся отъ всѣхъ. Магнетическое обаяніе его геніальности и эта его слегка откинутая назадъ голова держали невольно всякаго въ нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи, и, несмотря на любезность, простоту и радушіе его приѣма, онъ все-таки оставался далекимъ отъ того, кому оказывалъ этотъ приѣмъ. Онъ говорилъ съ нервной авторитетностью, и, казалось, подчеркивалъ каждое слово, такъ что самыя обыденныя фразы приобрѣтали какую-то торжественность.

Де-Нёзъ замечтался, созерцая своего учителя. Вспоминалось ему, какъ на родинѣ, въ Турени, онъ зачитывался, будучи юношей, поэмами Армеля, и мечталъ, гуляя по парку, о встрѣчѣ съ нимъ! По смерти своего отца, Андрэ продалъ имѣніе и уѣхалъ путешествовать. Въ Голландіи онъ познакомился съ Дерэномъ, а когда де-Нёзъ поселился въ Парижѣ, тотъ привелъ его къ Армелю, на котораго Андрэ смотрѣлъ какъ на своего перваго наставника, почти какъ на бога. И де-Нёзъ перевелъ теперь благодарный взглядъ на своего друга, бѣлокурого, худощаваго, изнуреннаго кровохарканіемъ, сложнаго и сентиментальнаго, страстнаго элениста, поэта и автора одного эротически-утонченнаго романа.

Де-Нёза вывелъ изъ задумчивости голосъ Армеля, и онъ прислушался, наконецъ, къ разговору. Въ эту минуту Армелъ, обращаясь къ Армору, развивалъ ту идею, что если теперь исчезли фрески, то мы имѣемъ оркестръ. Музыкѣ суждено одержать верхъ надъ всѣмъ и облечь, наконецъ, наши мечты въ настоящую форму. Люди окунулись совсѣмъ въ демократію, исчезла всякая внѣшняя пышность; безцвѣтное равенство царить во всемъ; нѣтъ болѣе дворцовъ, говорившихъ о славѣ предковъ; новые люди утратили родовое благородство, осталось только благородство душевное. И вотъ душа выливается въ музыкѣ, высказывается въ звукахъ; современная симфонія передаетъ все звуками, — даже молчаніе, и появилась она какъ разъ въ-время. Вотъ и прекрасно, музыка придастъ рельефности слову, и, благодаря ей, толпа пойметъ, что красота одна, красота только то, что зарождается изнутри.

— Да, — подтвердилъ Арморъ, — публика очевидно смутно понимаетъ это. Толпой является она на воскресные концерты, въ погонѣ

за душевными эмоціями и забвеніемъ; а многіе ли изъ этихъ слушателей способны прочесть сборникъ поэмъ!

— А это потому, — заявилъ Ромёсъ, — что стихи все же проявленіе индивидуальности, читателю приходится подчиняться волѣ автора, а толпѣ непріятна эта нѣмая власть. Музыка же представляется ей явленіемъ безличнымъ.

— Да, — заговорилъ Армель, — толпа дѣйствительно считаетъ еще это искусство безличнымъ, потому что его создаютъ такіе великіе души, что всякій можетъ приобщиться къ композитору своей душой, не подозревая даже, что творческая душа поглощаетъ въ себѣ все. Книгу же всякій можетъ взять въ руки, немало не воображая, что выраженные въ ней мысли сильнѣе его, читателя; вѣдь распространено же до сихъ поръ то недоразумѣніе, что литература питается всѣми доступными словами, и каждый считаетъ себя хозяиномъ словъ, тогда какъ кисть или рѣзецъ внушаютъ каждому почтеніе, потому что управленіе ими неизвѣстно. На дѣлѣ же, слова, прошедшія черезъ творческое горнило, превращаются въ совершенно особое вещество. Но не скоро еще допуститъ толпа, что разговорная рѣчь — одно, а письменная — другое.

Заговорили и другіе. Совершенно вѣрно, вѣдь, перо писателя является такимъ же специальнымъ орудіемъ, какъ и рѣзецъ офортиста. Армель продолжалъ на ту же тему: музыка надолго отдалить толпу отъ книгъ, а теперь торжество ея до того велико, что даже они, поэты, стараются придавать своимъ стихамъ наибольшую музыкальность для борьбы съ волшебницею-музыкой. Но когда толпа, недовѣрчивая къ поработавшему ее произведенію отдѣльной личности, отыщетъ такую же личность и въ симфоніи, то она вернется инстинктивно къ личности писателя, перестанетъ ее бояться, захочетъ непременно проникнуть въ ея тайники и поработить ее себѣ. Музыка есть скрытое броженіе толпы будущаго. Когда безчисленная публика воскресныхъ концертовъ молчаливо отдается впечатлѣнію звуковъ оркестра, она точно прислушивается къ самой себѣ, къ своимъ мечтамъ, къ своему образу мыслей, къ воплю своихъ желаній, не осуществимыхъ для каждаго отдѣльнаго лица и осуществляющихся тутъ, передъ всѣми, для всѣхъ. Разъ въ недѣлю толпа является туда прислушиваться къ своему собственному коллективному голосу, къ своимъ неяснымъ грезамъ; здѣсь раскрывается передъ нею душа человѣчества вообще, и толпа немного знакомится съ нею, прежде чѣмъ разсыпаться вновь по улицѣ своими отдѣльными, безыменными, лишенными всякаго обаянія составными частями.

Да, въ этомъ великолѣпнѣмъ звуковѣ, никому не принадлежащемъ и всѣмъ доступномъ, демократія обрѣла свой культъ и свою химеру! Все—въ жизни и въ искусствѣ—есть взаимность, намекъ и аллегорія. Душа—не что иное, какъ внутренность формы, и вотъ почему музыка, никогда не передающая формы, а передающая лишь результатъ душевнаго волненія, не знающая описаній, отличающихъ литературу, кажется всегда доступной толпѣ; толпа видитъ въ ней безымянную и публичную сокровищницу своихъ собственныхъ мыслей.

— Но въ такомъ случаѣ остается лишь одна форма искусства—символическая!—возразили Армелю.

— Разумѣется, ибо все есть символъ, знакъ одной и той же скрытой истины. Искусство едино, какъ едина природа. Даже цифра—такой же символъ, какъ звукъ.

Въ эту минуту раздался звонокъ и въ гостиную вошли двое новыхъ гостей. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ 35 лѣтъ, плотный и рыжій сангвиникъ, саксонскаго типа; другой маленький, какой-то загадочный, съ живыми глазами и почти всѣмъ сѣдыми волосами, съ мефистофелевскимъ, насмѣшливымъ лицомъ.

Первый былъ Рожэ Лейманъ, критикъ, ярый защитникъ молодыхъ артистовъ въ официальныхъ газетахъ, но тѣмъ не менѣе мало симпатичный имъ. Второй, пріѣхавшій въ Парижъ съ сегодняшнимъ утреннимъ поѣздомъ, былъ знаменитый норвежскій художникъ Нильсъ Эльстьернъ, удивлявшій уже цѣлыхъ десять лѣтъ салоны рядомъ морскихъ пейзажей и портретовъ, достойныхъ Рейнольдса, а свѣтъ—причудливой, блестящей жизнью странствующаго вельможи. Никто не видалъ никогда Эльстьерна за работой, никто не зналъ, гдѣ онъ, пока не появлялись и онъ, и его картины, точно вырастая изъ-подъ земли. И онъ самъ, и его полотна казались какимъ-то волшебствомъ, чему нисколько не мѣшали ни его сардоническій видъ, ни изысканный, тонкій станъ, ни острый, безпощадный умъ. Онъ давно былъ друженъ съ Армелемъ, написалъ какъ-то урывкомъ съ него удивительный портретъ и порой являлся къ нему нечаянно, неизвѣстно откуда.

Появленіе новыхъ гостей вызвало всеобщее передвиженіе. Вдругъ Андре де-Нёзъ вздрогнулъ, неожиданно услыхавъ недалеко отъ себя серьезный, мягкій голосъ, одного тембра съ голосомъ Армеля, сдержанно окликавшій:

— Отецъ!..

Впереди горничной, несшей подносъ съ прохладительными

напитками, въ комнату входила молодая дѣвушка, брюнетка, съ тяжелыми волнистыми волосами, обрамлявшими круглый бѣлый лобъ, съ ясными сѣрыми глазами, съ тонкими блѣдно-розовыми губами, довольно высокая, одѣтая въ плотно облегавшее ее платье изъ темной шерстяной матеріи. Андре показалось, что, несмотря на улыбку, въ ея лицѣ и во всей фигурѣ было что-то замкнутое, какъ и въ Армелѣ. Когда она прошла мимо него, передъ нимъ мелькнула ея бѣлая, красиво очерченная шея подъ темными скрученными волосами. Не обращая на него вниманія, она протянула дѣтскимъ жестомъ руку Эльстьерну, потоварищески пожала руку Эрикуру, а съ другими мужчинами поздоровалась свободно и весело, но серьезно.

— Сильвена! — окликнулъ Армелъ.

Обернувшись и замѣтивъ Андре де-Нѣза, она взглянула на него прямо и открыто, но безъ всякаго любопытства.

— Рекомендую тебѣ нашего новаго друга, г. де-Нѣза, стихотворенія котораго ты прочла на дняхъ... *Mademoiselle* Сильвена Армелъ, моя дочь...

— Я прочла вашу книгу и она мнѣ понравилась вдвойнѣ: и потому, что стихи хороши, и потому, что она посвящена моему отцу, — сказала Сильвена, смотря на молодого человѣка все тѣмъ же яснымъ, но уже болѣе мягкимъ взоромъ.

— Я считалъ своимъ долгомъ посвятить свою книгу тому, кто былъ моимъ первымъ наставникомъ, и теперь я вознагражденъ безмѣрно, ибо этому я обязанъ очаровательнымъ письмомъ вашего отца, сегодняшнимъ пріемомъ... и вашимъ одобреніемъ...

Она гордо посмотрѣла на него, и онъ покраснѣлъ, испугавшись, чтобы она не приняла конецъ его фразы за иронию, но эта краска спасла его; взоръ молодой дѣвушки прояснился, доброе выраженіе мелькнуло въ уголкахъ ея губъ, она слегка поклонилась ему, обмѣнялась нѣсколькими словами съ отцомъ и исчезла въ дверяхъ, незамѣтно для всѣхъ остальныхъ. Сначала Андре почувствовалъ облегченіе, а потомъ ему почему-то показалось, что онъ болѣе одинокъ, чѣмъ былъ прежде, и что его окружаютъ совсѣмъ чужія лица. Дерзнь угадалъ его настроеніе и прошепталъ:

— Я объясню тебѣ Сильвену Армелъ; она того стоитъ.

— Вполнѣ увѣренъ, — отвѣчалъ безсознательно Андре, но тотчасъ же удивился своей поспѣшности и покраснѣлъ, потому что въ глазахъ его друга промелькнула иронія. Де-Нѣзъ отвернулся и прислушался къ разговору. Теперь разглагольствовать

Лейманъ, размахивая руками и, по своему обыкновенію, выражаясь грубо.

— Читали вы статью этого негодяя Фэли объ импрессионизмѣ? Каково животное! Но я закачу ему отвѣтъ. Пора проучить этихъ людишекъ! Помилуйте, развѣ не очевидно для всякаго, что Клодъ Монэ—гениальный пейзажистъ?

— И вовсе не очевидно,—произнесъ насмѣшливый голосъ Нильса Эльстерна:—для пониманія его произведеній необходимо обладать тонкимъ знаніемъ и рѣдкимъ вкусомъ. Къ тому же, они говорятъ сами за себя и ихъ часъ пробѣтъ. Какое значеніе имѣетъ газетная замѣтка! Я не говорю о такихъ художественныхъ и долговѣчныхъ страницахъ, какъ ваши статьи, Лейманъ... гмъ! Вы меня, конечно, понимаете... гмъ! не правда ли?

Насмѣшливая двусмысленность и дерзкая вѣжливость отвѣта старика художника, остраго языка котораго вездѣ побаивались, вызвали общую улыбку, но Лейманъ ничего не замѣтилъ.

— Я отвѣчу этому идиоту Фэли и всѣмъ остальнымъ! Да по правдѣ сказать, всѣ мы недостаточно отвѣчаемъ.

— Я пишу,—заявилъ спокойно Эльстерна.

— Да, это отвѣтъ.

— И единственный цѣнный, Лейманъ, — сказалъ серьезно Армель.

— Но вѣдь бороться же необходимо, необходимо проповѣдывать великую идею недостижимаго, высшаго искусства, не составляющаго достоянія общественной глупости, словомъ, идею избранныхъ! Вѣдь мы же и есть эти избранные, замкнувшіеся въ своемъ святилищѣ, внѣ жизни!—кричалъ Лейманъ.

— Тѣ люди, чтò требуютъ отъ жизни одного лишь права—мыслить и молчать, требуютъ себѣ такого гордаго преимущества, Лейманъ, что имъ ничего другого не нужно. Я надѣюсь, что мы дадимъ начало новой религіи, но религіи не насилуютъ людей, а выжидаютъ въ полутьмѣ, чтобы скрытая въ нихъ истина произвела свое дѣйствіе. Никогда я не признавалъ за собою права навязывать совѣты; мы дѣйствительно образуемъ группу людей, думающихъ иначе, нежели другіе, мы конденсаторы будущихъ истинъ, но истины проявляются сами собою. Къ чему же опешить идеи избранныхъ въ бѣглой газетной замѣткѣ? Если намъ суждена неудача, по крайней мѣрѣ жизнь наша была полна благородныхъ мечтаній, а единственной наградой намъ можетъ быть только кликъ вѣжовъ—слава!

Армель проговорилъ все это очень быстро, а когда Лейманъ, ошеломленный, попробовалъ замѣтить, что вѣдь иной разъ обще-

ственное мнѣніе преграждаетъ путь достойнымъ и создаетъ мучениковъ, то Армелъ жестко возразилъ, что мучениковъ нѣтъ. Если человѣкъ всецѣло посвятилъ себя проведенію высшихъ, глубокихъ истинъ, то онъ первый долженъ жить своей вѣрой, чтобы доказать, что она истинна. Если же его вѣра не поддержала его, значитъ, или онъ не заслуживалъ ея поддержки, или ошибся въ выборѣ своего божества. Мученикъ, погибающій черезъ свою вѣру, убивалъ ее съ собою. Какъ можетъ высшая истина, если она и есть настоящая истина, не поддержать человѣка тамъ, гдѣ тысячи другихъ живутъ благополучно, опираясь на софизмы или равнодушіе? Еще можно заблуждаться въ дѣлѣ вѣрованій, но не въ искусствѣ, а потому искусство и есть грозное исключительное призваніе, поглощающее человѣка всего, цѣликомъ. Посвящая себя ему, слѣдуетъ не думать ни о какой второстепенной радости и стремиться въ одному—самому свѣту. А нашъ свѣтъ — это слава. И если мы не хотимъ, чтобы, по роковому выраженію, слава была „солнцемъ мертвыхъ“, то мы должны разъ навсегда закрыть глаза на дневное солнце, отказаться отъ всѣхъ жизненныхъ выгодъ, не принимать блеска репутаціи за лучезарный свѣтъ безсмертія. Символь вѣры современнаго жреца искусства—молчаніе. А ужъ если никакъ нельзя добиться, чтобы васъ оставили въ покоѣ, то есть одно радикальное средство—прослыть сумасшедшимъ. Это—вѣрнѣйшее инокънито превосходства, первая форма избранничества.—И эту послѣднюю фразу Армелъ уронилъ съ иронической небрежностью, скрадывавшей горькое выраженіе его взгляда.

Гости стали расходиться. Армелъ ласково предупредилъ Андре де-Нѣза, что принимаетъ по четвергамъ до мая, а затѣмъ переедетъ, какъ всегда, на дачу въ излюбленный имъ Компьенскій лѣсъ. Не навѣститъ ли его тамъ де-Нѣзъ на своемъ велосипедѣ?

Когда на улицѣ Деранъ остался вдвоемъ съ Андрѣ, онъ спросилъ его, что онъ думаетъ объ Армелѣ и доволенъ ли сегоднѣшнимъ вечеромъ?

— Ты знаешь, что это знакомство было моимъ самымъ душевнымъ желаніемъ. Армелъ, по-моему, такъ же удивителенъ, какъ и его поэмы; онъ представляетъ собою самое совершенное воплощеніе человѣка ума. Онъ всегда выше всѣхъ, и даже когда онъ отвѣчаетъ,—чувствуется, что онъ допрашиваетъ. Я думаю, что навсегда привяжусь къ нему.

— Да, это понятно. Но вѣдь я обѣщалъ тебѣ поговорить о mademoiselle Армелъ. Зайдемъ въ кафѣ и побесѣдуемъ. Не правда

ли, что mademoiselle Армель очень хорошенькая?—спросилъ онъ съ улыбкой, которую Андрэ пряталъ на свой счетъ и обидѣлся.

— Чтò за манера дразнить! Неужели ты думаешь, что я влюблюсь въ mademoiselle Армель?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ задумчиво Дерэнъ.—Въ нее не влюблюсь. По крайней мѣрѣ...

— Не понимаю.

— Подожди, сейчасъ объясню.

Друзья пристроились въ укромномъ уголкѣ скромнаго кафѣ, и Дерэнъ разсказалъ исторію Армеля.

Поэту Каликсту Армелю было 55 лѣтъ. Отецъ его, маркизъ Армель д'Эриси де-Новръ, бросилъ когда-то семью, уѣхалъ за англійской актрисой Модъ Давенсэй, гениальной исполнительницей шекспировскихъ ролей, и женился на ней въ Лондонѣ. Отъ своихъ родовитыхъ предковъ, жившихъ въ провинціи и занимавшихся науками, мечтательныхъ, склонныхъ къ созерцанію, маркизъ унаслѣдовалъ любовь къ уединенію, крайнюю чувствительность, безпокойную душу и умъ, жадный до общихъ идей. Когда его жена, послѣ скитаній по Европѣ, получила въ Лондонѣ прочный ангажементъ, супруги зажили въ довольствѣ, благодаря остаткамъ состоянія маркиза и жалованью Модъ. Раннее дѣтство Каликста протекло въ уединенномъ коттеджѣ, гдѣ отецъ его внушалъ ему идеи самаго абсолютнаго аристократизма и умственной и нравственной непримиримости, а строгая красота и трагическій даръ матери пробуждали въ ребенкѣ страсть къ искусству. Въ 20 лѣтъ онъ писалъ уже поэмы и собирался ѣхать во Францію, какъ вдругъ его поразила двойная катастрофа: мать его погибла самой ужасной смертью при пожарѣ театра, а отецъ скончался отъ разрыва сердца, получивъ извѣстіе о ея гибели.

Каликстъ исчезъ, и цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ родня его ничего не знала о немъ. Узнали какъ-то, что онъ живетъ въ Христіаніи, гдѣ даетъ уроки просто подъ именемъ Армеля, но скоро и этотъ слѣдъ пропалъ. Это полное отчужденіе отъ родни и отреченіе отъ титула отбивало всякую охоту интересоваться имъ. Года черезъ два онъ очутился въ Богеміи, гдѣ навлекъ на себя гоненія за соціологическія статьи, враждебныя лагерю чешской оппозиціи, а такъ какъ родъ д'Эриси де-Новръ присоединился къ имперіи, то этотъ республиканизмъ Армеля окончательно всѣхъ раздражалъ. Такъ шли годы, а Армель и не думалъ сближаться съ родней.

Въ концѣ имперіи, въ нѣкоторыхъ клубахъ и гостинныхъ не-

модныхъ писателей внезапно появился незнакомый господинъ, 32 лѣтъ, удивительно красивый и обаятельный, полный умственного благородства и замѣчательно грустный. Онъ, видимо, многое передумалъ и выстрадалъ, и несмотря на то, что онъ разговаривалъ о разнообразнѣйшихъ предметахъ, такъ и чувствовалось, что онъ привыкъ молчать. Его образъ мыслей не походилъ ни на чей, но рѣчи его дѣйствовали магнетически на собесѣдниковъ, главное потому, что онъ обладалъ странной способностью открывать тайную связь между самыми различными точками зрѣнія. Жилъ Каликстъ Армелъ скромно и одиноко. Всегда изящный, серьезный, вѣжливый, онъ вносилъ съ собою въ общество какой-то непонятный, пророческій тонъ, производившій сильное впечатлѣніе. Казалось, онъ ничего не скрывалъ, а между тѣмъ о немъ ничего не знали; казалось, онъ готовъ разговаривать съ каждымъ, а между тѣмъ всякій сейчасъ же понималъ, что дальше идти не слѣдуетъ. Въ немъ чулась будущая сила и его наперерывъ заманивали всюду, но онъ скоро показалъ, что желаетъ пребывать внѣ современной жизни. Случилось ему разъ, въ кружкѣ поэтовъ, прочесть нѣсколько своихъ стихотвореній, блестящая и скорбная красота которыхъ привела всѣхъ въ восторгъ, но онъ только пожалъ плечами, объявилъ, что Орфей былъ послѣднимъ поэтомъ, и пересталъ говорить о своихъ произведеніяхъ. О его гениальности и скромности сложилась цѣлая легенда. Онъ ея не опровергалъ.

Вернувшись изъ германскаго плѣна послѣ бѣдствій 1870—1871 годовъ, Каликстъ Армелъ измѣнилъ свое поведеніе и рѣшительно вступилъ въ періодъ дѣятельности. Вся Франція точно обновлялась. Не касаясь политики, Армелъ принялся сотрудничать въ независимыхъ газетахъ, проповѣдывалъ международность въ искусствѣ, развивалъ смѣлыя этнологическія теоріи, касался основъ нравственности. Англійская и нѣмецкая метафизика, философія и біологія,—ничто не было чуждо ему. Въ то же время онъ издалъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Фавны“, и ихъ глубокое сладострастіе, героизмъ, странная гармонія и необычайная утонченность вызвали просто вопли восторга и негодованія. Въ какія-нибудь двѣ недѣли Каликстъ Армелъ сталъ знаменитостью и отщепенцемъ. Но хвалили его или бранили, а все-таки въ немъ чули протестующаго художника, молчаливика, наблюдающаго и отвергающаго толпу, что она прощаетъ менѣе всего. Онъ написалъ превосходный этюдъ о Вагнерѣ, выступилъ защитникомъ сѣверной литературы, не признавалъ иныхъ признанныхъ репутацій, сошелся съ импрессион-

стами, съ англійскими поэтами, держался молчаливо и независимо, и вокругъ его личности скандалъ все росъ и росъ. Въ 1874 году онъ женился на молодой вдовѣ, г-жѣ д'Оврессѣ. Каждое новое его произведеніе встрѣчалось воплями буржуазной публики и печати, но привлекало къ нему симпатіи людей съ утонченными вкусами. Въ гостиной его жены бывали нѣкоторые передовые писатели, и скоро на домъ его стали смотрѣть, какъ на убѣжище интеллигенціи или какъ на гибельный вертепъ. Въ 1876 г. г-жа Армелъ родила дѣвочку, Сильвену, и умерла.

Поэтъ отправилъ ребенка въ деревню, а самъ исчезъ какъ-то сразу. Три года онъ провелъ въ Германіи и въ Австріи. Въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ въ Парижъ, Нильсъ Эльстьернъ разсказалъ, что познакомился, вмѣстѣ съ Армелемъ, съ знаменитой пѣвицей Вальманъ, открытой Вагнеромъ, пріятелемъ Армеля, и что Армелъ безумно въ нее влюбился. Юдишъ Вальманъ, съ своими золотыми волосами и странно-прекрасными глазами, представляла собою воплощеніе Брунгильды. Каликсту Армелю было 43 года; его магнетическое обаяніе и необычайныя эстетическія доктрины вскружили ей голову, и она влюбилась въ него воображеніемъ, тогда какъ онъ, уже надломленный горемъ и работой, потрясенный ея красотой и трагическимъ даромъ, привязался къ ней сердцемъ. Они прожили годъ вдвоемъ; она бросила сцену, пѣла только въ концертахъ, декламировала поэмы Армеля. Онъ мечталъ сдѣлать изъ нея воплощеніе самого искусства, но самая изысканность ихъ умственныхъ ухищреній создавала между ними разладъ. Скоро гордость и таинственная недосыгаемость его души испугали пѣвицу. Ея физическое увлеченіе имъ прошло, она влюбилась внезапно, въ Нюрнбергѣ, въ какого-то молодого художника и убѣжала съ нимъ, оставивъ Армелю краткую и необыкновенно проникательную записку: „Я чувствую, что даже въ чадѣ поцѣлуевъ твой геній соблюдаетъ самъ себя. Ты созданъ для одинокой жизни; я не могу болѣе слѣдовать за тобою, мнѣ нужно жить жизнью обыкновенной женщины. Мечты твои утомляютъ меня, мнѣ необходима дѣйствительность. Я признаюсь въ своемъ безсиліи, я ревную тебя къ твоимъ мыслямъ; въ концѣ концовъ я или возненавидѣла бы тебя, или умерла бы неудачницей подлѣ тебя. Тебѣ нужна любовница безличная, простое орудіе, или же женщина, похожая на тебя. Меня на это не хватало, хотя я сомнѣваюсь, чтобы ты нашелъ что-либо лучшее. Предоставь меня моему ремеслу. Прощай“. А затѣмъ она скоро появилась вновь на сценѣ дрезденской оперы. Валькирія спустилась съ неба на театральныя подмостки.

Когда въ 1879 году Каликстъ Армелъ вернулся въ Парижъ, ему было всего 45 лѣтъ, но его трудно было узнать. Этотъ кризисъ страсти состарилъ его сразу: волосы посѣдѣли, виски ввалились. Въ жизни его произошелъ крутой переверотъ. Онъ заперся у себя на нѣсколько мѣсяцевъ, а когда двери его вновь раскрылись для друзей, тѣ нашли при немъ пятилѣтнюю, хорошенькую Сильвану. Армелъ взялъ простую бонну и сталъ самъ воспитывать дочь, которую обожалъ. Съ женщинами онъ болѣе не сходилъ.

Несмотря на отсутствіе, его не позабыли, и стоило ему напечатать нѣсколько статей по вопросамъ художественной критики, отрывокъ изъ драмы съ хорами и, наконецъ, поэму, какъ вновь разгорѣлась неумолимая полемика. Онъ вносилъ новизны и выражался высокоумнымъ, убѣжденнымъ, невѣдомымъ доселѣ языкомъ. Армелъ занимался всего болѣе вопросами синтаксиса, свойствами французской рѣчи, требовалъ перемѣны формулъ стили; онъ разбиралъ литературу съ самыхъ зачатковъ ея, предлагалъ преобразование всего языка, а также и поэтическихъ произведеній, куда вводилъ аналогіи, музыкальность, символическіе образы. Не приводя ни одного имени, онъ отрицалъ почти все направление современной литературы съ точки зрѣнія теоретической. Личностей онъ не отвергалъ, а оспаривалъ самую эволюцію умовъ за четыре вѣка. Это скрытое презрѣніе къ личностямъ еще болѣе озлобило противъ него признанныхъ писателей, подъ ногами которыхъ онъ подрывалъ почву.

Когда человѣкъ живетъ среди общества, не дѣлая никому и ничему уступокъ, не гоняясь ни за чѣмъ одобреніемъ, кромѣ своего собственнаго, ему предоставляется быть свободнымъ, безумнымъ или гениальнымъ, если ему такъ хочется. Каликстъ Армелъ не шелъ на уступки, ничего не просилъ, нигдѣ не бывалъ, только голосъ его раздавался среди другихъ голосовъ. Не позволяя себѣ никакихъ эксцентричностей, онъ не возбуждалъ любопытства, а частная жизнь его внушала одно уваженіе. Модные любимцы публики быстро сообразили опасность и стали его замалчивать, но это не помѣшало славѣ Армея. Молодежь шла къ нему сама. И на этого независимаго человѣка, ничего не добивавшагося, даже прозелитовъ, посыпались ожесточенныя нападки. Многіе шли къ нему какъ къ пророку, проникнувшись его вѣрой, безкорыстно, привлеченные его обаяніемъ. Выставляя онъ себя на показъ, пускай онъ въ ходъ трескучую рекламу, ему это простили бы, но этой молчаливо завоеванной симпатіи ему не прощали.

Передъ нимъ закрылись двери журналовъ, газетъ, театровъ. Онъ сталъ сотрудничать въ изданіяхъ молодежи, покупавшихся цѣнителями ради статей Армеля. Англія, Германія, Америка почтительно просили его сотрудничества. Неизвѣстные поклонники посылали ему картины, вдохновенныя его поэмами, къ нему являлись знатные посѣтители, его бранили, осмѣивали въ каламбурахъ. Явился для него и Іуда-предатель, нѣкій Проперцій Дефрэнъ, по настоящему еврей Исаакъ Гольцъ, поэтъ. Гольцъ шумно восторгался Армелемъ, но въ то же время Дефрэнъ выражалъ горькое собогѣзнованіе по поводу того, что эти чудныя произведенія понятны всего какимъ-нибудь пятидесяти умамъ въ Европѣ. Это мнѣніе быстро распространилось и замуrowало Армеля въ гробницу. Отнынѣ другіе писатели привѣтствовали Каликста Армеля, воздавая должное его личному обаянію, но *жалтя*, что его художественное направленіе не вызываетъ одобренія публики, т.-е. успѣха.

Армель только улыбался. Гордый защитникъ своихъ идей, онъ не палъ духомъ передъ этой коалиціей. Въ искусствѣ онъ искалъ забвенія своей скорби, а отъ людской любви не ждалъ ничего. Онъ даже не зналъ, любить ли онъ этихъ молодыхъ людей, бросившихся къ нему въ порывѣ справедливости и восхищенія. Вся любовь его сосредоточивалась на одной Сильвэнѣ.

Она была дочерью души его, онъ любилъ ее какъ отецъ и какъ художникъ, воспиталъ ее по-своему, въ мірѣ собственныхъ химеръ. Первые прочитанныя ею печатныя строки были газетныя статьи, объявлявшія ея отца безумцемъ или мистификаторомъ, и онъ приучилъ ее смотрѣть на это отщепенство какъ на признакъ свободы гордаго творческаго ума. Онъ счумѣлъ передать дочери свое свойство окружать себя и свои мечты непроницаемымъ покровомъ и радоваться своему духовному одиночеству. И онъ счумѣлъ не испугать ее, а научилъ гордиться этимъ одиночествомъ.

Съ самаго дѣтства онъ знакомилъ ее со всѣми проявленіями искусства, и въ десять лѣтъ Сильвэна, воспитанная этимъ молчаливымъ, непонятнымъ гениемъ, среди рукописей и нѣсколькихъ рѣдкихъ картинъ, уже привыкшая къ звуковымъ волнамъ концертовъ, имѣла о мірѣ совершенно иное представленіе, нежели всѣ другія дѣти. Она жила съ отцомъ на дачѣ по двѣ трети года, а когда, вдоволь насладившись поэзіей природы, она возвращалась съ нимъ въ Парижъ, онъ училъ ее сравнивать свободное искусство съ свободною природой. Онъ пряталъ ее отъ всѣхъ глазъ, а отпуская ее въ какой-нибудь садъ съ бонной,

строго наказывать той только смотреть за нею, но не внушать никакихъ мыслей; да и то онъ зачастую сопровождалъ ихъ самъ, не желая, чтобы въ душу Сильвэны попало хотя бы одно неосторожное слово.

Но онъ слишкомъ уважалъ всякое проявленіе индивидуальности, а потому не насиловалъ натуры дочери, догадываясь, что она такъ же высокомерна, какъ и его собственная. И когда Сильвэнѣ исполнилось 14 лѣтъ, онъ точно вдругъ пересталъ интересоваться ею и предоставилъ ее самой себѣ, хотя незамѣтно пристально слѣдилъ за нею. И, къ его радости, она оказалась именно такою, какъ онъ желалъ. Вся чистая, серьезная, простая, она была всегда изящно и строго одѣта въ туалеты, не имѣвшіе ничего общаго съ модой, исполненные по рисункамъ Нильса Эльстіерна. Осанка была у нея гордая, а красота ея была чисто духовная, не бросающаяся въ глаза, пока не почувствуешь души. Непритворно веселая, она была чужда дѣтскихъ удивленій; она скорѣе скользила, нежели шла; жесты ея были непринужденны, хотя и сдержанны; улыбалась она часто, но не смѣялась громко; ненавидѣла шумъ, какъ и самъ Армелъ; любила, какъ и онъ, мягкія, темныя матеріи, полусвѣтъ, тихій голосъ, задумчивыя позы. Подобно ему, она подмѣчала внутреннюю связь вещей, аналогіи, мыслила образами, умѣла схватывать во всякомъ фактѣ лишь его неожиданныя послѣдствія. И въ лицѣ ея онъ находилъ общія съ нимъ черточки, тѣ же фосфорическія искорки въ глазахъ; отъ матери она унаслѣдовала замкнутую мягкость.

Онъ познакомилъ ее съ нѣсколькими друзьями, съ Эльстіерномъ, Теофиломъ де-Брузейлемъ, удивительнымъ поэтомъ, умницей и необыкновенно добрымъ человекомъ, единственнымъ изъ признанныхъ писателей, выразившимъ Каликсту Армелю непоколебимую симпатію, — съ импрессионистомъ Пьеромъ Пэронни, съ оригинальнымъ композиторомъ Родольфомъ Мервезомъ, наконецъ съ Урбаномъ Десизомъ, творцомъ маленькихъ сладострастныхъ бронзовыхъ группъ, отъ которыхъ такъ и вѣяло любовнымъ пыломъ, на удивленіе всему Парижу. Сильвэна жила среди этихъ людей, свободно разговаривавшихъ при ней о своемъ искусствѣ, и привыкла смотрѣть на искусства какъ на существенную пружину міра. Но зато всякое официальное искусство казалось ей грубымъ, неестественнымъ и нелѣпымъ. До 16 лѣтъ она не прочла ни одной газеты, не слышала ни одной комической оперы, не была ни въ одномъ салонѣ. Армелъ познакомилъ ее со всѣмъ этимъ сразу, ей стало противно и она не пожелала повторять этотъ опытъ.

Скоро она застѣнчиво предложила отцу помогать ему въ его работахъ. Армель уступилъ ей желанію, и она часами не выходила изъ его рабочаго кабинета, писала цѣлыя ночи подъ диктовку, такъ какъ онъ страдалъ бессонницами, или сидѣла, смиренно въ уголку, пока онъ писалъ, приводила въ порядокъ его разбросанныя замѣтки, приобщалась къ образу мыслей отца, воплощавшаго для нея весь міръ. Взоръ усталаго генія отдыхалъ, глядя на эту стройную дѣвическую фигуру въ черномъ, легкую и молчаливую; онъ привыкалъ мыслить и мечтать передъ нею вслухъ, совсѣмъ забывалъ ея полъ, рассуждалъ съ нею какъ съ философомъ. Иногда въ ихъ присутствіи Мерѣзь предавался импровизаціи: отецъ и дочь слушали его и Армель присматривался къ внутреннему трепету дочери. Кончая играть и обертываясь, Мерѣзь заставлялъ ихъ въ неподвижной позѣ и странны были выраженія ихъ лицъ. Сильвэна, опустивши голову на плечо отца, точно прислушивалась къ скрытому въ груди отца невѣдомому генію, котораго ей хотѣлось понять и котораго въ то же время она боялась; и она обожала это духовное общеніе въ музыкѣ. Въ ней зарождалась женщина, но очень странно.

Когда, въ разгарѣ его славы, вокругъ Армеля стали собираться молодые люди, посѣщенія ихъ трогали Сильвэну,—значитъ, произведеніямъ ея отца воздавали должное. Но на самихъ молодыхъ людей она не обращала вниманія. Армель ничего не могъ разобрать по ея замкнутому виду, а между тѣмъ его мучила ревнивая тревога; хотя онъ и сознавалъ свой эгоизмъ, но страшно боялся, чтобы у него не отняли дочери. Когда у него собирались гости, она показывалась всего на нѣсколько минутъ, произносила нѣсколько словъ, но и этихъ мимолетныхъ появленій оказалось достаточно, чтобы красота ея произвела переполохъ среди посѣтителей Армеля. Когда одинъ изъ этихъ молодыхъ людей навѣщалъ ихъ на дачѣ, Сильвэна бывала любезна, веселилась съ нимъ по-дѣтски, качалась на качеляхъ, каталась въ лодкѣ, но все же теперь въ ней чувствовалась женщина. Если ей случалось разговаривать подъ вечеръ съ гостемъ, у нея вырывались фразы, изобличавшія въ ней натуру интеллектуальную и дѣятельную. Когда, несмотря на ея нежеланіе бывать въ свѣтѣ, Армель все-таки свезъ ее въ нѣкоторыя, тщательно выбранныя имъ гостиныя, гдѣ ожидали увидать педантку, неловкую и полную претензій, и тамъ немало удивились, очутившись лицомъ къ лицу съ изящной, благовоспитанной и непринужденно гордой особой. Скоро въ свѣтѣ поняли, что съ

mademoiselle Армель приходится считаться. Она была до того замкнута, что ни одна женщина не пыталась дружить съ нею, а Армель подумалъ, что это свойство ея помѣшаетъ ей выйти замужъ, и тайнѣмъ порадовался, но въ оправданіе себя рѣшилъ, что Сильвена сама счѣтетъ пойти на встрѣчу тому, на комъ остановить свой выборъ. Въ Сильвену влюблялись одинъ за другимъ Эрикюръ, Арморъ, Деранъ, но ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ высказаться, и всѣ они превратились въ ея товарищей, потому что она счѣтала дать имъ незамѣтно понять, что она ничего другого не хочетъ. Душа Сильвены, какъ и душа ея отца, была полна таинственности, самъ Армель мало зналъ ее, несмотря на ихъ полное общеніе въ искусствѣ. И порою Каликстъ Армель смотрѣлъ на дочь съ боязливымъ восхищеніемъ, чувствуя въ ней еще болѣе глубокую душевную тайну, чѣмъ въ самомъ себѣ. Манюэль Эрикюръ сравнивалъ Сильвену съ Мореллой Эдгара Поэ; она воплощала въ себѣ духовное сознаніе ея отца, отдѣлившееся отъ него самого.

II.

Въ слѣдующее воскресенье, въ концертѣ Ламурѣ, должно было состояться первое исполненіе оркестровыхъ *Прелюдій* Армора. Ожидалось стеченіе всѣхъ избранныхъ жрецовъ искусства, и всѣ понимали, что безъ скандала дѣло не обойдется. Андре де-Нёзъ и Деранъ, пріѣхавшіе въ началѣ концерта, осматривали залу, и Деранъ называлъ Андре входившихъ знаменитостей. Только-что они успѣли обмѣняться поклонами съ Армелемъ и его дочерью, одѣтой въ простое, черное, мягкое платье, какъ къ Армелю подошелъ высокій господинъ, вычурно одѣтый, съ пенсэ и глазами на выкатѣ. Это былъ Людовикъ Марансъ, свѣтскій хроникеръ, терпѣвшійся изъ снобизма близъ будущихъ свѣтилъ и покровительствовавшій имъ.

Андре оглядывалъ концертную залу, служившую лѣтнему циркомъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобъ оркестръ заигралъ и положилъ конецъ непріятному гулу собравшейся публики. Вотъ вошли Эрикюръ и Ромесъ въ сопровожденіи толстощекаго, бѣлокурого господина съ голубыми глазами и веселымъ лицомъ. Деранъ сообщилъ Андре, что это Стефанъ Серизъ, музыкальный критикъ и знатокъ музыки, о которой онъ пишетъ полу-серьезно, полу-шутливо. Онъ другъ Армора и вѣрная опора всего кружка, которому онъ оказываетъ иногда искреннія услуги, тогда какъ

Марэнсъ превозноситъ членовъ кружка изъ снобизма, а Дефрэнъ — изъ расчета. Вотъ и Дефрэнъ, — конечно, рядомъ съ Марэнсомъ. И пусть Андре не думаетъ, что онъ, Дерэнъ, сплетничаетъ и разыгрываетъ изъ себя моралиста, — онъ просто предостерегаетъ его, своего друга, отъ этихъ людей, старающихся скомпрометтировать ихъ своей фамильярностью. Эти господа не могутъ допустить, чтобы артисты работали и творили въ тишинѣ, безъ ихъ вмѣшательства. И въ какихъ только уловкахъ они не прибѣгаютъ: Дефрэнъ пристаётъ къ нимъ на бульварахъ съ лстивыми комплиментами, Марэнсъ цитируетъ стихи Армеля въ газетной замѣткѣ о какой-нибудь горизонталѣ и притворяется, что съ восторгомъ отерываетъ новыхъ поэтовъ. И ничѣмъ нельзя отдѣлаться отъ этихъ господъ! Имъ не присылаютъ вновь появившихся книгъ, не забрасываютъ даже визитной карточки, а Эрикуръ, недавно опять превознесенный Марэнсомъ, объявилъ, что собирается побывать у него и оставить на его каминѣ золотой въ 20 франковъ. И они дѣлаютъ все это ничуть не изъ симпатіи къ новому искусству, въ которомъ, въ сущности, ничего не смыслятъ, а потому, что чуютъ въ начинающихъ артистахъ скрытую силу и хотятъ быть съ ними за-одно. Дефрэнъ старается возстановить свою писательскую честь, Марэнсъ — свою нравственность, а Лейманъ пытается составить себѣ опредѣленное мнѣніе. Потерпи сегодня Клодъ-Эрикъ де-Арморъ неудачу, и всѣ эти господа станутъ великодушно заступаться за него въ газетахъ; ужъ гораздо лучше прямой и грубый приѣмъ романиста Максима Эрѣ, публично заявившаго: „Я ненавижу молодыхъ людей, они не представляютъ ни малѣйшаго интереса, я талантливѣе ихъ, и плевать мнѣ на ихъ мнѣнія и происхожденія“. — А! вотъ вѣрные друзья Армора, Паронни и Бюссеръ, вотъ и г-жа де-Тальмандъ, крестная мать Сильвэны Армеля, свѣтская дама, принимающая выдающихся музыкантовъ, но никогда не поющая сама, чтѣ большая рѣдкость. Этотъ маленькій брюнетъ — Гюставъ Дусси, композиторъ реалистъ; вотъ и Эльстиернъ и Десизъ. Словомъ, всѣ въ сборѣ; не хватаетъ одного Родольфа Лореза, который навѣрное возится въ фойе съ Арморомъ. Вѣдь Арморъ, несмотря на свою виѣшнюю холодность, страшно нервный человѣкъ.

Концертъ начался съ Reformation-symphonie Мендельсона. По рядамъ публики пробѣжалъ легкій трепетъ и она затихла. Одного мановенія палочки капельмейстера, единственнаго чловека, оставшагося стоять и повелѣвающаго музыкантамъ, было достаточно, чтобы три тысячи головъ смиренно поникли. Толпа,

казалось, внимала своимъ послѣднимъ жрецамъ. Въ душѣ Андрэ де-Нёза зарождалось то же чувство, которое испытываешь на порогѣ пустынного храма,—душа чувствуетъ, что эта пустыня есть самый Богъ. Его не смущала посредственная шаблонность Мендельсоновской симфоніи; онъ наслаждался, подобно всякому истинному музыканту, непосредственнымъ пробужденіемъ звуковыхъ волнъ огромнаго оркестра, не заботясь о самомъ рисункѣ мелодіи. Эти волны какъ бы окутывали молодого человѣка теплою струей, убаюкивали его мечты. Онъ смутно слушалъ это несовершенное произведеніе, не думая о смыслѣ, всецѣло погруженный въ свои думы. Но вдругъ онъ вспомнилъ о Каллиестѣ Армелѣ, взглянулъ въ его сторону и увидалъ въ его рукахъ записную книжку, куда онъ незамѣтно что-то вписывалъ. Армелъ работалъ здѣсь, въ этомъ морѣ музыки, онъ тоже жрецъ... Андрэ вспомнилъ, что замѣтки эти будетъ разбирать потомъ Сильвэна, и онъ перевелъ взглядъ на нее. Она перехватила его взглядъ на записную книжку отца, тоже посмотрѣла на нее, а потомъ взглянула на Андрэ и взгляды ихъ встрѣтились. И сразу оба поняли, что между ними зародилась глубокая духовная связь. Она незамѣтно отвернулася и приняла прежній непроницаемый видъ, но удивительное спокойствіе снизошло теперь на Андрэ.

Въ эту самую минуту Дерэнъ обратилъ его вниманіе на новое входящее лицо, — ерника Нёфлиза. Симфонія кончилась при аплодисментахъ публики дорогихъ мѣстъ и молчаніи променуара. Среди гула общихъ разговоровъ повсюду слышалось имя Клода-Эрика де-Армора.

— Знаешь, — сказалъ Дерэнъ, — первая прелюдія еще пройдетъ съ грѣхомъ пополамъ, но вторая, съ женскимъ невидимымъ голосомъ, способна вызвать вопли негодованія. Какъ только онъ кончатся, пойдемъ въ фойе артистовъ подбодрить Армора. Заодно ужъ ты увидишь тамъ и пѣвицу, Люсьенну Лестранжъ; чрезвычайно интересная особа. Она согласилась пропѣть нѣсколько фразъ безъ словъ и даже не позволила выставить своего имени на программѣ... Начинаютъ!..

И вотъ, среди тишины, изъ оркестра точно отъ мучительнаго человѣческаго привосновенія вырвался медленный стонъ, оборвался и послышался вновь, словно шелестъ свернувшихся отъ холода осеннихъ листьевъ на зарѣ; шелестѣли скрипки точно гѣсная чаща и раздался упорный, дикій голосъ сатира. Флейта хрипѣла. Порывъ шквала заглушилъ голосъ сатира, но онъ побѣждалъ дагѣе, задыхаясь, перескакивая со скалы на скалу, продолжая свою нестройную, жуткую, какъ рыданіе, пѣсню, а

вѣтеръ разносилъ пронзительныя ноты; скоро вѣтеръ смѣшался совсѣмъ съ этими звуками, и грустныя завыванія его покрылись ироническимъ хлѣстомъ дождя арпеджій. Голосъ сатира все удалялся и удалялся въ лѣсу... Замерла пѣсня, остался одинъ рѣзкій шумъ ливня. Но и онъ сталъ стихать, капли падали все рѣже и рѣже. Наступила пауза. И вдругъ въ занимающейся блѣдной зарѣ пронесся насмѣшливый крикъ пѣтуха, пародировавшій замершій голосъ сатира.

Композиція прелюдіи была сложна, странна и прелестна. Въ променуарѣ громко зааплодировали. Кое-гдѣ раздались также робкіе хлопки; кое-гдѣ сдержанно зашивали, что только ожило аплодисменты. „Довольно!“—произнесъ чей-то хриплый, авторитетный голосъ. Капельмейстеръ обернулся, обвелъ публику долгимъ, чуть-чуть пренебрежительнымъ взглядомъ и вновь взмахнулъ своей палочкой. Въ ореолѣ бурныхъ звуковъ поднялось ослѣпительное, палищее солнце, пробѣжало по оркестру колеблющимися волнами огня и замерло въ восточной пустынѣ, выжженной его лучами. Верхушки высокихъ пальмъ дрогнули подъ лучезарнымъ пожаромъ, и поэма ихъ трепета выразилась въ сліяніи дикихъ созвучій. Сладострастно въ тростникахъ заняли флейты, томно извивались баядерки; звуки носились по оркестру, поднимались и спускались въ бурной и безстыдной мелодіи; скрипки мчались въ бѣшеномъ танцѣ, флейты задорно журчали, какъ бѣгущія струи воды; зазвенѣли гонги и все пламенное лѣто прорвалось въ потокѣ арпеджій. И вдругъ вся эта неудержимо сладострастная буря стихла, однѣ только пальмы шептались. И зарыдалъ женскій голосъ. Точно зародился онъ изъ нѣдръ самой земли, точно кротко стонала сама земля. Это человѣческое пробужденіе было такъ внезапно, что музыкальная иллюзія вдругъ исчезла; вся зала заводновалась, похолодѣла, точно передъ нею дѣйствительно билась на землѣ женщина въ припадкѣ отчаянія. Мракъ непонятнаго ужаса охватилъ оркестръ. Могучій, странный голосъ точно задыхался среди слезъ, изнывалъ отъ страданія и любви, стоналъ по-голубиному; все выше и выше поднимался этотъ голосъ... истерическій голосъ жрицы, опьяненной ядовитымъ дымомъ, нагой колдуньи среди ночной пустыни, изнывающей, сладкій голосъ галлюцинацїи въ любовномъ чаду. Мелодія замолкла совсѣмъ, остался одинъ вопль и внезапно оборвался въ ужающемъ взрывѣ смѣха, пробудившемъ всю симфонію. Всѣ темы перемишались, заглушая одна другую и... потонули всѣ въ нирванѣ.

Эта картина сладострастія и бури, неслыханно смѣлая и

бившая по нервамъ до оскорбительности, подняла на ноги всю залу. Неистовое шиканье смѣшалось съ аплодисментами. Лица Ромеса, Армеля, Мерёза, Десиза были блѣдны или совсѣмъ красны; Сильвэна пренебрежительно выпрямилась. Раздались пронзительные свистки и вопли: „Довольно! Въ сумасшедшій домъ! Bravo! Играйте это въ звѣринцѣ! Да здравствуетъ .Арморъ! Бисъ! бисъ! Нѣтъ! Довольно! Monsieur Ламурё, да сыграйте вы имъ шансонетку! Позоръ! Отправляйтесь слушать Полюса! Сумасброды! Лавочники! Долой, долой! Bis!“ Въ затѣ долго стоялъ стонъ. Трехтысячная толпа проснулась, стряхнула путы музыки, кричала, бранилась, хохотала, чуть не дралась. „Да, это музыка пьянаго человѣка! Прелюдiя къ чему? Къ сумасшедшему дому! Автора! Пѣвицу! Да это хуже Вагнера! Играйте это за границей! Довольно насмѣхаться!“ Оркестръ ждалъ, неподвижный, а капельмейстеръ, обловотившись о пюпитръ, смотрѣлъ на залу съ едва замѣтной усмѣшкой. Однако все кончилось взрывомъ аплодисментовъ и честь композитора была спасена.

Андрэ де-Нёзъ, Дерэнъ и человѣкъ пятьдесятъ бросились къ лѣстницѣ, ведущей въ фойе.

Де-Нёзъ и Дерэнъ вошли въ залу, загроможденную скамейками и футлярами скрипокъ, со стѣнами, оклеенными рванными, отсырѣвшими обоями. Изъ окна безъ занавѣсокъ открывался видъ на Елисейскія поля, запорошенныя снѣгомъ; тусклый свѣтъ газоваго рожка падалъ на хрупкую, блѣдную фигуру Армора, опиравшагося о плечо добродушнаго великана Мерёза. Руки композитора дрожали, но гордость свѣтилась въ глазахъ. Армелъ пожалъ ему безмолвно руку, а Дерэнъ бросился къ нему, театально восклицая:

— Позвольте обнять васъ, Арморъ! Иныя пораженiя заносятся въ скрижали будущаго и стоятъ побѣдъ!

Арморъ молчалъ. Сернэ сказалъ своимъ свистящимъ голосомъ, что человѣкъ, написавшій подобную вещь, можетъ не обращать никакого вниманiя на людскiе толки, Марэнсъ рассыпался въ лстивыхъ метафорахъ. Его прервало появленiе Люсьенны Лестранжъ; высоко держа свою властную голову, въ золотистомъ ореолѣ волосъ, она стремительно вошла въ фойе, влача за собою длинную атласную накидку поверхъ бѣлаго блестящаго платья. Внѣ себя отъ гнѣва, она отстранила мужчину и схватила за руки Армора: „Я стану всюду пѣть вашу музыку, другъ мой, я заставлю ихъ слушать ее! Низость этой толпы омерзительна!“ Золотыя кудри ея развѣвались, зеленые глаза

горѣли фосфорическимъ блескомъ. Андрэ де-Нёзъ стоялъ такъ близко отъ нея, что сильный запахъ ея духовъ бросился ему въ голову и онъ поблѣднѣлъ, а когда она, случайно обернувшись, прикоснулась рукой къ рукаву его фрака, восклицая: „Не правда ли, что это мастерское произведеніе?“—онъ отшатнулся, испуганный видомъ этой ослѣпительной, дразнящей красоты. А когда она вышла, увлекая за собой кучку очарованныхъ мужчинъ, онъ бросился за нею съ Дерёномъ. Тотъ спросилъ его, какъ онъ находитъ г-жу Лестранжъ. Андрэ отвѣчалъ очень громко, что она просто красавица, и въ ту же минуту, еще ослѣпленный этой сверкающей красотой, онъ увидалъ въ полумракѣ лѣстницы Сильвэну Армелъ, всю въ черномъ, строгую, замкнутую, благородную. По лицу ея пробѣжала загадочная улыбка и она спросила своимъ мягкимъ и гордымъ голосомъ: „И эта музыка, и ея исполнительница—прекрасны, не такъ ли, monsieur де-Нёзъ?“ Онъ смутился, пристыженный, но она уже прошла мимо него. „Красота блѣдная и красота яркая“, мелькнуло въ его умѣ. Онъ замѣтилъ, что кровь его бурлитъ одинаково въ присутствіи актрисы и въ присутствіи Сильвэны, и это пугало его. Ему казалось, что онъ пьянъ. При выходѣ Дерёнъ замѣтилъ ему, что у него измученный видъ, но что со временемъ онъ привыкнетъ къ этимъ волненіямъ, и Андрэ вскричалъ, что глубоко понимаетъ Армелъ, укрывшагося подальше отъ всего этого! Мимо нихъ прошелъ какъ разъ Армелъ подъ руку съ Сильвэной и поровнялся съ отъѣзжавшей каретой, въ окно которой мелькнула золотистая головка г-жи Лестранжъ. И Андрэ никакъ не могъ рѣшить, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе—развратной или молчаливой.

Мимо него сновала разряженная воскресная толпа, и онъ подумалъ, что трудиться на потѣху подобному сброду—смѣшно, а надо молчать и выжидать вмѣстѣ съ избранными, надо жить въ безвѣстности, своими мечтами, презирая толпу и обиденную жизнь, жить только для красоты и въ ней одной. Красота! Сильвэна, Люсьенна Лестранжъ! Неужели онъ любитъ Сильвэну Армелъ, какъ любятъ ее другіе? А этотъ глубокій, рыдающій голосъ красавицы Люсьенны Лестранжъ, этотъ жестъ ея руки, точно обжегшій его сквозь рукавъ. А тонкія ручки Сильвэны и этотъ ея загадочный взглядъ на лѣстницѣ? Глаза ея обожгли его, какъ рука той!.. Но какъ разстроилъ его нервы этотъ концертъ... Мало ли женщинъ въ Парижѣ, увидеть онъ еще и другихъ... Сильвэна Армелъ о немъ не думаетъ; а кто любовникъ той? Конечно, у нея имѣется любовникъ, даже нѣсколько

любовниковъ... Да, онъ понялъ все видѣнное! Группа гордыхъ людей, масса невѣждъ, и между тѣми и другими—посредники и рекламы. А въ центрѣ—искусство, невозмутимая, грозная религія, и только на нее одну стоитъ тратить свои силы... А дѣлать уступки толпѣ невѣждъ—никогда! И онъ почувствовалъ, что весь уйдетъ теперь въ работу.

Давно уже Андрэ шелъ по улицѣ одинъ, задумавшись, продрогъ и зашелъ въ первое попавшееся кафѣ. Войдя туда, онъ попытался при видѣ одиноко сидѣвшаго Армора, но тотъ подозвалъ его жестомъ и они разговорились. Арморъ былъ блѣденъ, но спокоенъ. Онъ пишетъ теперь лирическую драму, нѣчто по-крупнѣе этихъ двухъ прелюдій... А онъ, де-Нёзъ, что дѣлаетъ?.. Онъ пишетъ романъ, но его смущаетъ вопросъ о формѣ... Да, это огромный вопросъ... Ищешь, какъ высказаться... Искусство — это тяжелая болѣзнь... Нѣчто въ родѣ чахотки... Это—цѣлое душевное состояніе. А она, публика, этого не понимаетъ... „Свободныя искусства“—такъ, кажется, называютъ они это физическое и умственное рабство... Если бы они знали, какъ тяжело, тяжелѣе ихъ свистковъ, сидѣть передъ своей бумагой и чувствовать, что творчество не дается, не хочетъ даваться... А вѣдь за возможность творить прекрасное артистъ готовъ отдать семью, любовь, здоровье, все...

III.

Время шло. Андрэ де-Нёзъ жилъ въ маленькой квартиркѣ на Сентъ-Жерменскомъ бульварѣ. Въ одинъ весенній вечеръ у него сидѣли Эрикуръ и Дерэнъ. Первый говорилъ Андрэ, что вотъ теперь, когда онъ сблизился со всѣми ними, ему должны быть понятнѣе тѣ явленія, которые такъ трудно обсуждать, живя въ провинціи. Толстые журналы недостаточно освѣдомлены, а о періодической печати нечего и говорить: она считаетъ себя въ своемъ родѣ государственной властью, и когда дѣло идетъ о новыхъ артистахъ,—она ихъ замалчиваетъ, либо осмѣиваетъ, либо коверкаетъ. А такъ какъ все-таки печать — переводчикъ между ними и публикой, то приходится ничего не довѣрять печати, а вступать въ прямое общеніе съ публикой, но это крайне трудно тому, кто не вѣритъ въ толпу. Они представляютъ изъ себя поколѣніе, рожденное годиною бѣдствія, и старшіе ихъ предшественники не понимаютъ ихъ. Когда послѣ погрома страна стала оправляться и обновляться, отъ подроставшаго поколѣнія ожидали, конечно, возрожденія, но при

этомъ старшіе ждали въ младшихъ встрѣтить людей, подобныхъ имъ. Но это новое поколѣніе совсѣмъ сбило ихъ съ толку. Въ началѣ, пока они еще не вышли на опредѣленную дорогу, ихъ честили утопистами, снобами или школьниками; но съ тѣхъ поръ, какъ они стали выдвигаться впередъ, и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ философій, вновь прибывшіе вытѣснили своихъ предшественниковъ, и разница очевидна. Новое поколѣніе, зачатое среди самой смерти, не отличается веселостью. Оно ждетъ больше отъ идей, нежели отъ чувствъ. Пока старшіе проповѣдуютъ реваншъ, младшіе стараются добраться до причины погрома, найти ключъ ко всему.

— Видите ли, де-Нёзъ, страна наша больна сердечнымъ кеврозомъ. Насъ обвиняютъ въ отсутствіи патріотизма, потому что мы серьезно разсматриваемъ чужеземныя идеи. Французская молодежь стремится разобратъ, какою невидимою силой иностранцы осилили насъ. Разсматривая все иностранное, мы доискиваемся до удовлетворительной системы, съ помощью которой можно успѣшно бороться. Вѣдь не оружіемъ насъ побѣдили, а именно невидимою силой. А вдругъ это не чтò иное, какъ какая-то философская сила? Вотъ мы и вносимъ философію въ искусство, а насъ упрекаютъ, говоря, что наше искусство не французское. Не потому ли, что не хватаетъ духа сознаться, что Франція не страна философій!?

Андрэ де-Нёзъ возразилъ, что Франція не зарождаетъ идеи, а скорѣе играетъ роль прочищающаго фильтра, въ который другія страны опускаютъ свои концепціи въ сыромъ видѣ и который возвращаетъ ихъ обратно въ обработанномъ видѣ. И роль эта сама по себѣ прекрасна. Да, но тѣмъ не менѣе имъ не прощаютъ ихъ пристрастія къ Вагнеру, Толстому и Ибсену, даже не разбирая, не ищутъ ли они въ нихъ просто новыхъ элементовъ для обогащенія французскаго искусства. Они непопулярны, потому что умы ихъ отличаются философическимъ направленіемъ, потому что они увлекаются иностранцами и стараются приспособить новыя элементы къ національному творчеству. Тѣ самые господа, чтò одѣваются у англійскихъ портныхъ, не допускаютъ и мысли, чтобы Франція не могла поставлять имъ одна всѣ нужныя для жизненнаго обихода идеи. И чего еще никогда не простятъ имъ журналисты, такъ это ихъ образованности, позволяющей имъ, напримѣръ, читать въ оригиналѣ замѣчательные новѣйшіе англійскіе романы, которые потому не переводятся по-французски, что изданіе ихъ не окупило бы расходовъ. Ихъ отрицаютъ, потому что они интере-

суются предметами серьезными, т.-е. скучными, и не находятъ, что все къ лучшему въ лучшей изъ республикъ. Ихъ не обещаютъ, во-первыхъ, потому, что это создало бы имъ даровую рекламу, на что газеты не способны, а во-вторыхъ, потому, что если вывести ихъ изъ терпѣнія, то можно обжечься и быть уличеннымъ въ невѣжество. Ужъ лучше отдѣлаться парадоксомъ или вовсе не признавать ихъ существованія. Никакія новыя идеи не допускаются. Когда ему, Эрикуру, случается принести въ газету статью съ какой-нибудь незатасканной идейкой, лица вытягиваются. Въ сущности, отъ всякаго писателя, слышащаго смѣлымъ, стараются добиться банальности, прикрытой флагомъ его имени. Печать говоритъ: „Мы потому не предлагаемъ публикѣ того-то и того-то, что она этого не желаетъ“. А толпа отвѣчаетъ: „Мы беремъ то, что намъ даютъ, потому что намъ не предлагаютъ другого“. Вотъ, напримѣръ, талантливый романистъ-философъ Мирво, превратившійся теперь въ депутата. Или съ досады онъ станетъ анархистомъ, или ничего существеннаго не сдѣлаетъ. Ужъ лучше оставался бы писателемъ,—онъ слишкомъ утонченно-аристократиченъ для грязи избирательной кухни. Но Мирво честолюбивъ и къ тому же скучаетъ. Да, между ними, новыми людьми, и ихъ предшественниками—огромная пропасть, и заполнить ее можетъ только время. Они моложе,—значитъ, и шансовъ у нихъ больше. Но дѣло въ томъ, что когда, годамъ къ сорока, они завладѣютъ позиціей, то они будутъ утомлены, а самыя ихъ идеи покажутся выдохшеюся болтовней. И появятся другіе молодые люди, воспользуются проторенной дорожкой и вытѣснятъ ихъ, а публику оглушатъ самой новѣйшей трескотней.

Невеселая перспектива, нарисованная Эрикуромъ, вызвала со стороны Андрэ замѣчаніе, что въ подобномъ обществѣ созерцательнымъ натурамъ будетъ тѣсно.

— Что прикажете, де-Незъ! Я просто объясняю, что ожидаетъ насъ въ будущемъ. Вы скажете, положимъ, что не преслѣдуете никакихъ честолюбивыхъ цѣлей, а только занимаетесь искусствомъ и литературой, и имѣете право обращаться со стилемъ, какъ вамъ угодно. Нѣтъ, даже этого права вы не имѣете. Вотъ пять или шесть лѣтъ какъ мы всѣ вѣчно ищемъ новаго языка, оригинальныхъ метафоръ, избѣгая шаблона, стараясь обогатить новыми выкладами французскую литературу. Каждый изъ насъ вносилъ свою посильную лепту. А чего мы добились? Крикливыхъ ругательствъ ничтожныхъ людей, преграждающихъ намъ путь, несмотря на свою незначительность. Имъ въ

сущности нѣтъ дѣла ни до психологіи, ни до стили, ни до литературныхъ тонкостей. Посмотрите, какъ они относятся къ Армелю, какой принимаютъ пренебрежительный или раздраженный видъ. На дѣлѣ же они чувствуютъ его превосходство и дивятся его глупости: занимается человѣкъ трудными работами, не приносящими ему ни денегъ, ни почестей. Чтò же намъ остается дѣлать?

— Отвернуться отъ жизни и молчаливо творить,—произнесъ медленно Андрэ.

— Совершенно вѣрно: они всѣ такъ и поступаютъ, ни на что не надѣясь въ дальнѣйшемъ. Армель вовсе отвернулся отъ жизни и молчаливо работаетъ, собираясь даже не подписывать своей послѣдней книги и оставить ее недоконченной; но чтобы такъ относиться къ своей судьбѣ, необходимо большое мужество, благородство характера, а главное привычка трудиться лишь для своего собственнаго удовольствія, ибо другого выхода ждать нечего. И всякій, вступающій въ ихъ братство, долженъ или примириться съ этимъ сознаніемъ, или не вступать туда. И нечего смотрѣть на то, что публика стала посѣщать выставки импрессионистовъ и слушать вагнеровскую музыку и символическія поамы. Развѣ это настоящая публика? Нѣсколько сотенъ лицъ, друзья артистовъ, да снобы. И гораздо было бы пріятнѣе обходиться безъ послѣднихъ! Они напаяливаютъ на себя молодое искусство точно новый галстукъ, нисколько не замѣчая, что красота его состоитъ въ томъ, что его жрецы отказываются отъ всякихъ привилегій и безкорыстно работаютъ изъ любви къ нему, вмѣсто того, чтобы пользоваться благами жизни! Въ этомъ честь ихъ профессіи, совершенно упущенная изъ вида снобами. Взять хоть бы Леймана! Какія онъ ни писалъ трескучія статьи, какъ бы онъ ни кадилъ Родэну, Моне, Армелю, г-жѣ Лестранжъ, Армору, онъ никогда не умѣетъ возвыситься до нихъ и никогда не станетъ онъ талантливѣе отъ соприкосновенія съ ними. И еще это самый добродушный изъ жужжащихъ вокругъ нихъ шмелей. Развѣ лестно быть предметомъ лести Марэнса, этого сомнительнаго, красиваго фата, ломающагося у Ліаны де-Пужи, лебезящаго въ уборной Сары Бернаръ и употребляющаго посланія вѣжливости на закладки для сочиненій Армеля! Прибавимъ Нефлиза и замараннаго Дефрэнэ, кающаго новымъ талантамъ изъ расчета,—вотъ и получится полная картина сателлитовъ горсти избранниковъ! Да, остается одно—уединенный трудъ. 1870-й годъ перевернулъ всю прежнюю Францію вверхъ дномъ и молодые умы призадумались надъ новыми идеями. Но ихъ призваніе—

лишь приготовить будущую жатву, соберутъ же ее не они, а ихъ преемники. Поколѣніе ихъ обречено на бесплодіе, потому что не хотятъ ни понимать его, ни помочь ему. Лучше ужъ сразу уступить мѣсто новымъ, какъ это дѣлаетъ Армель, прежде чѣмъ ихъ попросить о выходѣ. Ихъ судьба, какъ и судьба всѣхъ избранниковъ, прекрасна и безнадежна! Живутъ они тѣсно сплоченные, отстраняютъ зѣвакъ, терпятъ снобовъ и погружаются въ чудныя, неисполнимыя мечты, потому что это имъ пріятно, а будничная жизнь противна.

— Ну, вотъ,—заключилъ Эрикуръ, — теперь вы знаете, на что идете, примыкая къ намъ. А теперь я засяду за романъ, который не будетъ понятъ, какъ и предыдущіе мои романы. Впрочемъ, мнѣ это все равно: я работаю, потому что въ этомъ вся моя жизнь, и не питаю никакихъ иллюзій насчетъ безсмертія романовъ.

— Какъ я насчетъ безсмертія стихотвореній,—добавилъ весело Дерэнъ.

— Если избранные—люди, отказавшіеся отъ всего, чтобы оставаться самими собою, то я примыкаю на всю жизнь къ ихъ тѣсному кружку,—сказалъ серьезно Андрэ де-Нёзъ.

— И это самое лучшее для такой тонкой и нервной натуры, какъ ваша,—закключилъ Эрикуръ.—Я разочаровалъ васъ немного въ Парижѣ, но это ничего; вы увидите, что зрѣлище, все-таки весьма интересное. А главное,—у насъ имѣются женщины, а онѣ куда любопытнѣе мужчинъ. Да хотя бы обѣ наши героини, mademoiselle Армель и г-жа Лестранжъ... Къ нимъ стоитъ присмотрѣться... Советую вамъ побывать какъ нибудь вечеромъ у г-жи Лестранжъ.

Оставшись одинъ, Андрэ сильно задумался. Онъ чувствовалъ себя дряблымъ, неспособнымъ къ борьбѣ, рожденнымъ для работы въ тишинѣ и инстинктивнаго созерцанія. Онъ искренно желалъ примкнуть къ этимъ людямъ, гордо отказавшимся отъ жизненныхъ благъ. Его тихое, одинокое дѣтство заранѣе подготовило его къ подобной жизни.

Скоро мысли его остановились на лицахъ г-жи Лестранжъ и Сильвэны, и онъ самъ не понималъ, почему онѣ у него сливались вмѣстѣ. Или онѣ уже до такой степени нераздѣльны съ горстью избранниковъ, что станутъ нераздѣльны и со всей его жизнью! Со дня концерта онъ видѣлъ Сильвэну нѣсколько разъ, а пѣвицу встрѣчалъ раза два, но не посмѣлъ представиться ей. Ничего новаго къ его наблюденіямъ не прибавилось, но ему смутно, неясно чулось, что одна изъ этихъ двухъ женщинъ—

добрый гений, а другая—злой. Иногда онъ чувствовалъ, что обожаетъ Сильвэну какъ художникъ, а Люсьенну Лестранжъ—какъ мужчина... И только одно сознавалъ онъ ясно: то были двѣ единственныя когда-либо интересовавшія его женщины, и онъ не думалъ ни о какой другой женщинѣ... Онъ не чувствовалъ себя ни смущеннымъ, ни несчастнымъ, но онѣ занимали удивительно много мѣста въ его помыслахъ.

Андрэ заперся у себя, чтобы кончить начатый имъ романъ, и пока онъ работалъ, онъ жилъ въ обществѣ незримаго существа—Сильвэны. Вся книга его была полна ею, и теперь, кончивъ свой трудъ, онъ зналъ, что любить Сильвэну. Навѣщая иногда Армеля, онъ раза два поймалъ въ ея глазахъ тотъ самый взглядъ, что тогда въ концертной залѣ вызвалъ въ нихъ тайное душевное созвучіе. Онъ окончательно примкнулъ къ группѣ новыхъ жрецовъ искусства, упивался утонченными произведеніями, непонятными толпѣ, и скоро былъ причисленъ къ отщепенцамъ, отстранявшимся отъ жизни. Онъ не стремился къ тщеславнымъ удовольствіямъ, онъ жилъ мечтами. Но это добровольное отшельничество привело его къ всепоглощающей, молчаливой страсти къ Сильвэнѣ. Для него не существовало болѣе другой женщины, и онъ чувствовалъ это.

Разъ, въ публичной конференціи о поэзіи, случилось ему высказать свои вѣрованія, и онъ сдѣлалъ это съ пылкимъ краснорѣчіемъ, удивившимъ его самого... „Нравственное и эстетическое развитіе поэта прямо противоположно развитію толпы... Первый долгъ интеллектуальнаго человѣка—одиночество... Онъ долженъ быть независимъ, отказываться отъ всякихъ ассоціацій, общественныхъ почестей, должностей, орденовъ, голосованія... Быть самимъ собою, посвятить себя одному высшему, центральному образу“... Онъ существовалъ, этотъ единственный образъ,—то была Сильвэна... Произнося эти слова, онъ уловилъ ея взглядъ, устремленный на него съ горделивой улыбкой.

Газеты раздраженно осмѣивали его слова... Не все-ли равно, что онѣ ругаются? Тѣмъ лучше, что эти газетчики не понимаютъ ихъ,—по крайней мѣрѣ они не опопляты ихъ идей!..

Въ чудесный іюньскій день Андрэ де-Нёзъ ѣхалъ черезъ Компьенскій лѣсъ къ Армелю на велосипедѣ. Не обращая вниманія ни на прекрасную погоду, ни на окружающій пейзажъ, Андрэ крѣпко задумался. Внезапно, на берегу озера, онъ увидалъ подъ деревьями крышу дома, валитку и молодую дѣвушку въ свѣтломъ платьѣ, выходящую изъ-за деревьевъ. Это была Сильвэна, въ большой шляпкѣ изъ золотистой соломѣ и кисей-

номъ платочекъ, скрещенномъ на груди. Видъ у нея былъ менѣе замкнутый, чѣмъ обыкновенно. Она оглянула спортсменскій костюмъ молодого человѣка и улыбнулась; улыбнулся и онъ, и они очень просто поздоровались. Отецъ ея ушелъ навѣстить больного сосѣда и вернется черезъ полчаса.

— А пока не можете ли вы мнѣ прицѣпить руль къ нашей лодкѣ? Я нарочно принесла его, чтобы все приготовить и чтобы можно было прокатиться въ лодкѣ сейчасъ послѣ завтрака.

Андрѣ поднялъ руль, лежавшій въ травѣ, а Сильвѣна прошла въ тростники, гдѣ виднѣлась бѣлая лодка. Она легко вскочила въ нее и наклонилась къ рулю. Андрѣ увидалъ ея гибкую талию и густые волосы, скрученные тяжелымъ узломъ, и трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу. Близость ея такъ смущала его, что онъ неловко помогалъ ей прикрѣплять руль, особенно когда рука его нечаянно коснулась ея руки. Сильвѣна же дѣлала внимательно свое дѣло, а когда кончила, то выпрямилась и спросила:

— Не правда ли, какое красивое мѣсто?

— Удивительно красивое; это прекрасное убѣжище для грѣзъ вашего отца.

— Да, ему тутъ хорошо и онъ охотно жилъ бы здѣсь круглый годъ. Я думаю, что онъ не дѣлаетъ этого изъ-за меня, а мнѣ это было бы такъ по душѣ... Парижъ утомляетъ меня не менѣе, чѣмъ его самого; друзья наши стали бы навѣщать насъ во всякое время года; а остальные...

Да, онъ знаетъ, что Армелю было бы довольно нѣсколькихъ близкихъ друзей. Сильвѣна сказала, что онъ принадлежитъ къ этимъ друзьямъ, и, на его вопросительный взглядъ, пояснила, что знаетъ, какъ онъ любитъ ея отца; впрочемъ, отецъ его тоже очень любитъ и они часто говорятъ о немъ.

Да, ей было бы пріятно жить тутъ, въ этой тишинѣ. По вечерамъ вокругъ лампы собирались бы ихъ друзья... Она любитъ этотъ домъ... Сюда пріѣхала она ребенкомъ съ отцомъ, здѣсь онъ началъ учить ее и вызвалъ вторично къ жизни своимъ воспитаніемъ; здѣсь поняла она, что такое истинная жизнь, благодаря ему.

— Вашъ отецъ для васъ все,—сказалъ Андрѣ, точно разговаривая самъ съ собою, и сейчасъ же зашнурлся, не смѣя поднять глазъ, испугавшись необычной смѣлости своихъ словъ. Когда, наконецъ, онъ рѣшился взглянуть на нее, онъ встрѣтилъ холодный, серьезный взоръ.

— Да, все,—сказала она сповойно.

Несмотря на то, что онъ и не могъ ожидать ничего иного, онъ почувствовалъ безумное, глухое разочарованіе. „Я люблю ее, люблю“, подумалъ онъ.

Они дошли до дому. Сильвэна сняла съ себя шляпку и по-двинула стулья къ накрытому подъ бесѣдой столу. Въ садъ пришла горничная, нацѣдила изъ насоса воды и ушла. Наступила полная тишина. Андрэ и Сильвэна сѣли, и онъ сказалъ:

— Какъ здѣсь должно быть хорошо жить... Съ книгами...

Сильвэна только качнула въ отвѣтъ привычнымъ движеніемъ свою хорошенькую головку, еще болѣе замыкаясь въ себѣ. Вдругъ она встрепенулась, взоръ ея просвѣтлѣлъ и она встала.

— Отецъ идетъ!..

Она точно проснулась, вся преобразилась, подъ властью невѣдомаго магнетизма, и подбѣжала къ двери; а когда Армелъ вошелъ, молодой человѣкъ, обмѣниваясь съ нимъ привѣтствіемъ, разсматривалъ отца и дочь, потрясенный страннымъ выраженіемъ взгляда Сильвэны.

Армелъ стоялъ передъ нимъ съ своимъ яснымъ, глубокимъ взглядомъ, а Сильвэна наклонялась къ его плечу, съ такими же глазами, какъ у него, стройная, гибкая; и души обоихъ были одинаково замкнуты въ таинственномъ созвучіи... И онъ чувствовалъ, какъ его вмѣшательство тутъ бесполезно, а между тѣмъ онъ чужалъ, что въ Сильвэнѣ говорить не одно дружеское влеченіе; собственное пламенное желаніе не ошибалось, въ немъ дрогнули тѣ тонкія струны, которыя чувствуютъ отзвукъ въ любимомъ существѣ. Неужели въ Сильвэнѣ отделивалась одна женщина, а существо духовное не уступало отъ себя ничего? Ужъ не *двойственна* ли Сильвэна?

Они позавтракали втроемъ, и мало-по-малу, подъ впечатлѣніемъ чуднаго дня, Андрэ успокоивался. Армелъ былъ веселъ и простъ. Въ деревнѣ въ немъ подъ утомленнымъ бариномъ прорывался нервный, сластолюбивый лѣсной фавнъ, прислушивающійся ко всѣмъ безчисленнымъ звукамъ природы. Армелъ былъ всесторонній художникъ, ловившій во всемъ связь. Построеніе любой фразы казалось ему вещью такой же простой и въ то же время сложной, какъ тончайшія жилки листка или извивы водныхъ струй. Невѣжды называли его произведенія дѣланскими, но эта дѣланность зависѣла отъ его глубокаго проникновенія въ тайну формъ природы, гдѣ онъ почерпалъ аналогіи для своего творческаго ума. Природа была для него неистощимой сокровищницей.

— Вотъ,—говорилъ Армелъ, катаясь въ лодѣхъ и указывая на стрекозъ, ютившихся въ тростникахъ,—мой балетъ; эти тростники—декорація, а я—публика. Отъ малаго до великаго, все въ жизни имѣетъ между собою аналогію, взаимное непрерывное соотношеніе. Въ центрѣ каждаго движенія, будь то бурлящій водоворотъ или внутреннее волненіе человѣческой души, всегда имѣется мертвая точка, нейтрализація уравновѣшенныхъ силъ, ритмъ, отъ котораго зависитъ все, но который самъ по себѣ—отвлеченность, законъ. На свѣтѣ нѣтъ ничего мелкаго или великаго; всѣ естественныя явленія равномерны между собою, одинаково значительны. И непрерывность жизненной цѣли поражаетъ меня. Возьмемъ, на примѣръ, танцовщицу-звѣзду, посреди остальныхъ танцовщицъ; она есть центръ абстрактнаго водоворота, создательница ритма, мертвая точка, отъ которой разбѣгаются круги,—эволюціи балета. Душевное сознаніе этой женщины есть неподвижная точка среди движенія всей ея танцующей фигуры. А въ глубинѣ ея сознанія существуетъ отвлеченная точка, невидимое внушеніе композитора, инициатора всего спектакля. Словомъ, вокругъ насъ все полно значенія, всѣ явленія—взаимные символы. И вотъ для меня эти кружащіеся въ воздухѣ стрекозы воплощаютъ всю вселенную. Тутъ я работаю, точно передо мною балетъ, оркестръ или толпа, тутъ уловляю я мѣрный ритмъ жизни. И если я такъ упорно ищу новыхъ формъ для выраженія своихъ мыслей, такъ это не изъ одного пристрастія къ лингвистикѣ, а въ силу убѣжденія, что только тотъ настоящій поэтъ, кто умѣетъ придать своему языку ту же гибкость и ритмичность, чудные образчики которыхъ такъ щедро расточаетъ намъ природа. Я не разъ мечталъ о такомъ языкѣ, который по самому расположенію своего печатнаго текста представлялъ бы собою въ нѣкоторомъ родѣ рисунокъ, словомъ, нѣчто въ родѣ ромбическихъ задачъ въ газетахъ, конечно только въ изящномъ видѣ. Рисунокъ былъ бы, кажется, элементарный, но вѣдь намекъ на это уже имѣется въ печатномъ текстѣ въ формѣ бѣлыхъ пространствъ, новострочія, нѣмыхъ слоговъ и т. д. Посмотрите, какъ удивительно торжественны и значительны инныя паузы въ трагическомъ стихѣ. Но замѣйте, какъ намъ иногда кажется, что тѣ или другія слова напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ, что происходитъ отъ особо-рельефнаго расположенія окружающихъ ихъ словъ... Или еще случается, что въ какой-нибудь пьесѣ мы точно никогда не *слышимъ* иныхъ словъ, пока тотъ или другой артистъ не произнесетъ ихъ съ особенной интонаціей, отбѣняющей ихъ красоту... Никогда не слѣдуетъ забывать,

что поэзія есть пѣснопѣніе, транспонировка рѣшительно всѣхъ искусствъ. Она обладаетъ своей собственной музыкой, своими красками,—почему бы не обладать ей и особой типографской пластикой? Объ этомъ почти никто не думаетъ; всякій пишущій играетъ беззаботно на своемъ инструментѣ, не пытаясь его усовершенствовать. Да, съ языкомъ не принимаютъ и десятой доли тѣхъ предосторожностей, какія любой виртуозъ принимаетъ со своей скрипкой. И меня это всегда удивляетъ.

Да, никто не думаетъ объ этомъ, и Армель былъ правъ. Но цѣлая умственная пропасть отдѣляетъ этого человѣка отъ его времени; онъ проживетъ всю свою жизнь, почерпая все въ самомъ себѣ, потому что его созерцательная душа всегда найдетъ для себя достаточную пищу въ окружающей природѣ. И де-Нёзъ въ эту минуту понялъ всю душевную драму непризнаннаго генія, довольнаго жизнью въ этомъ скромномъ уголкѣ.

— Единоство мысли и непрерывность явленій—на эти два принципа опирается вся моя философія, мое творчество и личная жизнь,—добавилъ Каликстъ Армель.—Я могу прекрасно удовольствоваться нѣсколькими друзьями, своей парижской квартирой, этой лачугой и тобой, Сильвэна.

— Меня не къ чему считать отдѣльно, отецъ; я составляю какъ бы часть всего остального, нѣчто въ родѣ домашней кошки.

Отецъ и дочь разсмѣялись, но Армель сказалъ:

— Не совсѣмъ такъ, Сильвэна; ты всегда представляешься мнѣ какимъ-то таинственнымъ, молчаливымъ силфомъ моего рабочаго кабинета...

Они смотрѣли нѣжно другъ на друга, и Андрэ опять чувствовалъ между ними тайную связь, а себя одинокимъ. И вдругъ представилась ему Сильвэна въ объятіяхъ жениха... она мѣтеть отъ любви, но она безжизненна,—душа ея навѣки осталась у Армея... подъ вліяніемъ его умственнаго магнетизма родилась и умереть мысль Сильвэны, Армель для нея тотъ мужчина, котораго женщина не забываетъ... И жгучая, непонятная, противоестественная ревность кольнула его въ сердце.

И въ молчаніи доплыли они до берега; но когда Андрэ подалъ Сильвэнѣ руку, чтобы помочь выйти изъ лодки, дѣвушка такъ продолжительно и властно сжала его пальцы въ своихъ, что онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости... Она его любитъ, любить! Но что за сила удерживаетъ ее... О, если бы онъ могъ похитить ее и зажить съ нею далеко, вдвоемъ...

По дорогѣ къ дому, Армель говорилъ Андрэ, что самъ онъ умеръ для всего, но что ему иногда бываетъ жаль, что отъ

него всѣ такъ отступились... жаль изъ-за дочери, она такъ молода... Андрѣ возразилъ ему, что въ глазахъ Сильвэны онъ выше всѣхъ людей...

— Пожалуй, это нехорошо,—прошепталъ Армелъ:—мнѣ думается иногда, что я оказываю слишкомъ сильное давленіе на ея судьбу, и это тревожитъ меня. Я точно безсознательно *держу* ее въ оковахъ своихъ грезъ... Какъ бы мнѣ это выразить?... да, я служу ей компасомъ, намагничиваю ее. Есть во мнѣ существо, которое этого хочетъ, а другое не хочетъ, приказываетъ предоставить Сильвэнѣ умственную свободу...

Андрѣ испугался и понялъ, что эти отецъ и дочь—*двойнымъ* существа. А вдругъ у нихъ одна душа на двоихъ! И поглощенный этой мыслью, онъ разсѣянно прислушивался къ рѣчи Армеля. А тотъ говорилъ, что особенно его любить, считаетъ его чѣмъ-то въ родѣ брата Сильвэны... Андрѣ чувствовалъ, что Армелъ угадываетъ его самыя сокровенныя мысли раньше, чѣмъ онѣ зарождаются въ немъ. „Братъ Сильвэны“! Да, магнетизмъ этого колдуна дѣйствовалъ и на него, онъ былъ въ его власти. А что, если зажить вотъ тутъ, втроемъ, съ Армелемъ и Сильвэнной...

Въ пять часовъ, когда солнце близилось уже къ закату, они сидѣли втроемъ вокругъ стола и молчали, очарованные прелестью лѣтней тишины. Смутныя думы бродили въ головѣ Андрѣ: „Счастіе никогда не бываетъ далеко, напротивъ, оно всегда подлѣ насъ“. Стоить Армелю взять вотъ эту руку Сильвэны и вложить ее въ мою... Небольшой и простой жестъ, но благодаря ему началась бы цѣлая новая жизнь... Мы всѣ трое—хорошіе люди... Почему бы и не быть этому счастью? А полюбила ли бы она мой образъ мыслей? Пожалуй, если онъ похожъ на образъ мыслей ея отца... А это возможно, я уже *намагниченъ* имъ... я уже умственный братъ ея“... Братъ Сильвэны! Какое дорогое слово, но нѣтъ въ немъ мѣста для его любви...

— Здравствуйте, monsieur Армелъ!—произнесъ громко и весело бархатный, чарующій женскій голосъ, голосъ г-жи Лестранжъ. —Не ожидали?... а мнѣ неудержимо захотѣлось видѣть васъ... Вотъ я и явилась!

Съ своимъ ореоломъ золотистыхъ волосъ, развѣвавшихся изъ-подъ шляпки съ цвѣтами, съ своими зелеными, блестящими, какъ драгоценный камень, глазами и удивительной бѣлой кожей, пѣвица похожа была теперь на наяду, внезапно вынырнувшую изъ озера. Вся ея фигура, плотно обтянутая темнымъ платьемъ, извивалась на ходу, точно набѣгающая волна. И прежде чѣмъ, ошеломленный этимъ появленіемъ, Андрѣ де-Незъ успѣлъ опомниться,

она была совсѣмъ подлѣ нихъ и здоровалась съ Армелемъ и Сильвэной.

— А! это вы!—сказала она, когда Армель представилъ ей молодого человѣка. — Очень рада познакомиться съ вами; мнѣ давно уже хотѣлось сказать вамъ, что произведенія ваши мнѣ нравятся. Кажется, я видѣла уже васъ въ фойе, въ тотъ памятный воскресный концертъ, когда произошла такая баталія...

По лицу Сильвэны мелькнуло что-то неясное, но Андрэ не замѣтилъ этого, потому что почтительно склонилъ голову передъ пѣвицей, а когда онъ ее поднималъ, то молодой дѣвушки уже не было. Люсьенна Лестранжъ спокойно заняла ея мѣсто. Андрэ казалось, что передъ нимъ сидитъ сама фея солнца, жгучая и яркая; отъ нея вѣяло торжествомъ и страстью. Предъ нимъ явилась сама властительница, женщина, чудная и опасная... пришла и заняла мѣсто той маленькой отшельницы съ задумчивыми глазами. И вотъ она говоритъ своимъ жгучимъ, ласкающимъ голосомъ:

— Я разучиваю новую партитуру Армора. Поразительная вещь. Надѣюсь, что первое представленіе ея вознаградитъ его за все прошлое... Я не знаю ничего изъ написаннаго во Франціи за эти двадцать лѣтъ, что могло бы сравниться съ нею. И знаете, эта музыка перевернетъ всѣхъ, и имя Армора прогремитъ сразу. Впрочемъ, я собираюсь пѣть ее въ разныхъ мѣстахъ.

Армель не сомнѣвался въ успѣхѣхъ съ такой исполнительницей, какъ она, да и самъ Арморъ считаетъ встрѣчу съ нею величайшимъ счастьемъ для себя. Ей и самой кажется, что они точно созданы другъ для друга,—по крайней мѣрѣ, она стала хорошо понимать свое искусство съ тѣхъ поръ, какъ поетъ произведенія Армора. Но она находитъ, что простого успѣха для него мало; онъ стоитъ славы, не одобренія небольшого кружка цѣнителей, а поклоненія толпы, неизвѣстныхъ обожателей и далекихъ странъ. Только такая слава и имѣетъ значеніе! Затронуть своимъ произведеніемъ самое сердце и нервы своей эпохи,—вотъ что важно, а не однѣ похвалы тонкихъ цѣнителей... Она знаетъ, что ея товарищи по профессіи чуждаются ей, или смѣются, или недоумѣваютъ, какъ можно такъ относиться къ искусству, какъ она. Тѣмъ не менѣе, она надѣется добиться своего. А вѣдь она проводитъ только свое пониманіе исполненія!.. На что же долженъ быть способенъ самъ Арморъ, художникъ-творецъ!

И голосъ, и внѣшность пѣвицы дѣйствовали неотразимо на Андрэ, а когда Сильвэна вернулась, разставила на столѣ чашки

и печенья и молча сѣла, онъ сталъ инстинктивно слѣдить за ея жестами. Вотъ Сильвэна протягиваетъ чашку Люсьеннѣ Лестранжъ и та беретъ ее,—сколько кротости и странной, почти покорной сдержанности въ молодой дѣвушкѣ, сколько надменности и чувственности въ пѣвицѣ! Въ это убѣжище забытаго, увядающаго генія, къ блѣдной дѣвушкѣ, окруженной простыми цвѣтами, точно внезапно расцвѣтшая необычайная орхидея, ворвалась высокая, пышная женщина, горделивая, сулящая безумныя радости. И вдругъ Андрэ понялъ, что онъ хочетъ обладать ею. Сильвэна—„сестра“, замкнутая, загадочная... а та! Эта струя пронизающихъ духовъ, вдругъ пахнувшая на него, этотъ гибкій станъ, эти золотистые волосы и свержающіе глаза вызвали въ немъ физическій трепетъ. Онъ вспомнилъ жгучее привосновеніе ея руки въ фойе, и вдругъ въ немъ заговорила ревность къ Армору, имя котораго она такъ часто произносила. Музыка Армора наполняла ея душу, Арморъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи это чудное орудіе страсти и красоты. Они работаютъ вмѣстѣ... И онъ ея любовникъ безъ сомнѣнія... Надо узнать...

Обѣдъ прошелъ почти молчаливо, и Андрэ ни разу не удалось встрѣтиться глазами съ Сильвэной. Онъ чувствовалъ, что она упорно избѣгаетъ общенія съ нимъ. У Армеля начиналась головная боль, и онъ едва отвѣчалъ пѣвицѣ, все время оживленно говорившей. Въ десятомъ часу г-жа Лестранжъ собралась ѣхать, и было рѣшено, что Андрэ проводить ее до ближайшей станціи. Армеля пѣвица уговорила не провожать ее дальше поворота въ лѣсъ.

Когда Андрэ де-Нёзъ пожалъ Сильвэнѣ руку на крыльцѣ, онъ почувствовалъ, что рука ея холодна и безжизненна; въ темнотѣ онъ не видалъ ея глазъ.

— До свиданія, *mademoiselle* Сильвэна,—сказалъ онъ тихо, а она спокойно отвѣчала:

— Прощайте, *monsieur* де-Нёзъ.

Никакой особенной интонаціи своимъ словамъ она не придавала. Сердце его сжалось, онъ молча поклонился, взялся за ручку своего велосипеда и вышелъ на дорогу, гдѣ звенѣлъ смѣхъ Люсьенны Лестранжъ. Скоро Армель мило распростился съ ними, и въ блѣдномъ свѣтѣ догорающаго дня Андрэ остался съ пѣвицей одинъ. Андрэ слѣдилъ за каждымъ ритмичнымъ движеніемъ этой изящной фигуры и близость молодой женщины дразнила его.

— Я скоро спою двѣ прелестныя мелодіи, написанныя Армо-

ромъ на ваши стихи. Приходите какъ-нибудь послушать ихъ ко мнѣ вечеромъ,—заговорила г-жа Лестранжъ.

— Буду весьма счастливъ...

— Вамъ давно слѣдовало побывать у меня, и я не разъ просила Дерэна и Эрикура привести васъ, да они вѣрно не сгусли. Мнѣ нравятся ваши поэмы и я хотѣла видѣть ихъ автора, но вы, кажется, держитесь въ сторонѣ? Не отпѣкивайтесь, это весьма благоразумно и понятно, разъ вы заняты работой! Случалось, я встрѣчалась съ вами, но думала, что вы хотите, чтобы васъ оставили въ покоѣ, а потому не посылала никого къ вамъ. Кромѣ того, я считаю, что самыя лучшія встрѣчи—случайныя. Все приходитъ само собою. И я была увѣрена, что мы встрѣтимся...

— Я тоже, — сказалъ онъ такъ наивно, что оба они разсмѣялись.

— Итакъ, мы съ вами товарищи?

— Конечно.

— Ну, вотъ и отлично. И я хорошо сдѣлала, что навѣстила сегодня Армеля. Давно я его не видала... Онъ тутъ освѣжѣлъ, но все-таки видъ у него утомленный... Да кромѣ того... какъ бы это сказать? Впрочемъ, вамъ можно, вы такъ близки теперь съ нимъ. Видите ли, мнѣ кажется, что мое присутствіе немного тяготитъ Армеля, и мнѣ это очень жаль, потому что я его просто обожаю... Случалось вамъ видѣть портреты Юдиен Вольманъ?

Андрэ вздрогнулъ.

— Видалъ... давно... довольно плохую фотографію...

— Я очень похожа на нее, и Армелю вѣрно тяжело меня видѣть. Она сдѣлала ему такъ много зла, а я напоминаю ее... И я тоже пѣвица...

Андрэ припомнилась и явная холодность Сильвэны къ ней. Неужели по той же причинѣ? Значить, опять изъ-за отца, а не изъ ревности къ нему. И горько стало у него на душѣ.

— Мы пришли, благодарю васъ. Значить, рѣшено,—мы съ вами друзья?

— Разумѣется,—и онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, серьезно? вы не станете избѣгать меня, какъ зимой? Ну хорошо, я вамъ вѣрю, но нельзя же заключать дружескій договоръ въ темнотѣ. Отцѣпите вашъ фонарикъ отъ велосипеда и взгляните другъ на друга.

Онъ повиновался и близко увидалъ ея сверкающіе глаза и соблазнительныя уста. Оба молчали и смѣхъ ихъ прошелъ.

— Ну, до свиданія. Я стану ждать васъ съ завтрашняго вечера...

— Я буду у васъ завтра же.

Этими словами онъ отдавалъ себя ей. Онъ пожалъ ей руку, вскочилъ на велосипедъ и уѣхалъ, не оборачиваясь. Сердце стучало въ его груди, все въ немъ влокотало. Что-то порвалось сегодня и что-то новое, непредвидѣнное, завязалось...

IV.

Вотъ уже два мѣсяца какъ Андре де-Нёзъ живетъ въ тихомъ предмѣстьѣ Нёлы, въ маленькомъ павильонѣ, прячущемся въ густой листвѣ сада. Выходитъ онъ изъ дому только по вечерамъ, побродить по пустыннымъ аллеямъ, и медленно возвращается къ себѣ, грустный, какъ сама окружающая его осень.

Какъ сталъ онъ любовникомъ Люсьенны Лестранжъ? Онъ самъ затруднился бы объяснить это. Произошло оно внезапно, стремительно. Поговоривши съ нимъ раза два, она отдалась ему. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ она со своей властной улыбкой овладѣла его сентиментальной, утонченной и немного усталой натурой, а онъ только покорно подчинился ей. Онъ зналъ, что она только-что порвала съ Арморомъ и что теперь между пѣвицей и композиторомъ сохранились лишь артистическія отношенія. Нервно утомленные оба, они перешли отъ любви къ товариществу, а Люсьенна Лестранжъ была изъ тѣхъ, что никогда не оборачиваются назадъ. Въ этой женщинѣ всегда и во всемъ говорилъ умъ, а не сердце; самое сладострастіе въ ней было искусствомъ, всякая привязанность—результатомъ разсудка. Стоило зародиться въ ней какому-либо инстинктивному побужденію, какъ умъ ея сейчасъ же принимался разсматривать и изучать такое побужденіе. Основую ея натуры была молчаливая, никогда не поддававшаяся гордость и безконечное презрѣніе къ мужчинамъ; у нея имѣлась цѣлая система неумолимыхъ сужденій и желѣзная воля, тщательно слѣдившая за случайными капризами. Ея любовь къ искусству доходила до извращеній, а свою логику она доводила до противоестественной жестокости. На дѣлѣ она любила лишь свои собственныя на все воззрѣнія. На физическую любовь она смотрѣла какъ на законное слѣдствіе своей красоты; красота эта дѣлала ее царицей, и вотъ она властно шла на встрѣчу тому, кто ей нравился, завладѣвая имъ какъ покоренной стра-

ной. Такъ поступила она съ Арморомъ и де-Нёзомъ. Эта необыкновенная повелительница была фаталисткою по убѣжденію; она не знала ни сожалѣній, ни угрызений совѣсти, никогда не просила пощады, стойко переносила разочарованія и вновь принималась созидать на свѣжихъ развалинахъ. Будь она одарена творческимъ талантомъ, она создала бы шедевры, потому что умѣла безстрастно наблюдать и разбирать страсти другихъ; но творческаго таланта у нея не было, и она просто смотрѣла на жизнь какъ на зрѣлище. Подобно тѣмъ актерамъ, которые силою своего искусства заставляютъ зрителей переживать чувства, ими самими не переживаемыя, она хладнокровно *играла* въ жизнь. Такой утонченный эгоизмъ влечетъ за собою ясность духа. Разъ ей сердце ни въ чемъ не принимало участія, Люсьенна Лестранжъ почти не могла ни ошибаться, ни страдать. Она хотѣла только одного—власти, а съ ея красотою это было не трудно. Но властвовать она стремилась, главнымъ образомъ, надъ душевнымъ міромъ людей. И обаятельный умъ ея имѣлъ на людей гораздо болѣе опасное, растлѣвающее вліяніе, чѣмъ ея внѣшняя красота.

Тонкость ея эстетическихъ сужденій, разнообразіе и обширность ея познаній, страстный пылъ ея трагическаго таланта въ соединеніи съ ея исключительной красотой, обезпечивали Люсьеннѣ Лестранжъ особенное вниманіе и успѣхъ. Она была какъ бы создана для того, чтобы стать центромъ кружка отборныхъ нервныхъ жрецовъ искусства; но въ ней не было ни ихъ умственной неустойчивости, потому что ее не сжигало пламя творчества, ни ихъ чувствительности, которую она тщательно изучала въ нихъ, но не проявляла сама. Всякій разъ какъ у нея завязывалась любовная интрига, она старалась вносить въ нее какъ можно меньше лжи; вѣдь большинство женщинъ лжетъ, чтобы не мучить другихъ,—но разъ Люсьенна Лестранжъ не могла соболѣзновать неощутительнымъ для нея огорченіямъ, ей не къ чему было и лгать. Она откровенно признавалась въ каждомъ новомъ любовномъ капризѣ, потому что свободная любовь—ея право. Такимъ образомъ, вмѣсто пытки притворства и лжи, она подвергала людей пытѣ беззащитной искренности. Жерменъ Бюссеръ, Десизъ, Эриккуръ были предметами ея краткихъ увлеченій и быстрыхъ, откровенныхъ охлажденій; между ними чуть, было, не вспыхнула распря, но она вступилась, насильно помирила ихъ и высокомерно объявила, что не допускаетъ никакихъ ссоръ изъ-за обладанія ея особой, ибо она принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать только себѣ самой—они же

лишь объекты ея развлеченій. Они поняли, съ какою неумолимо надменной и чертовой душой имѣютъ дѣло, и появились огуломъ бросить ее. Кончилось тѣмъ, что всѣ вернулись въ ней снова и подчинились своей властительницѣ. Она жила какъ женщина со средствами, много путешествовала по Европѣ, распѣвала мелодіи Армора, декламировала иной разъ поэмы Армеля, сторонилась отъ женскаго общества и отстраняла свѣтскія приглашенія. Появилась она въ кружкѣ избранниковъ внезапно; никто не зналъ, откуда она явилась, а громадный успѣхъ скоро заглушилъ всякіе толки. Гдѣ закалилась эта желѣзная воля,— того не вѣдалъ никто. И вотъ, въ средѣ жрецовъ независимаго искусства, гдѣ былъ наставникомъ Армель и гдѣ тихо мерцала скромная фигурка Сильвэны Армель, засверкала яркая фигура Люсьенны Лестранжъ.

Она дѣйствительно была похожа на Юдию Вольманъ, и подобно тому, какъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, та, будучи подругой Каливста Армеля, чуть не сдѣлалась душой кружка избранныхъ, Люсьенна Лестранжъ сдѣлалась душою этою кружка въ ту минуту, какъ его идеи достигли апогея своего расцвѣта и блеска. Но, быть можетъ, Люсьеннѣ Лестранжъ было мало той роли, которую она играла среди этихъ людей, и она мечтала занять особое мѣсто, добиться какъ бы умственной диктатуры, значенія, параллельнаго значенію Каливста Армеля. И она настойчиво выжидала удобнаго часа. Не теряя ни минуты изъ вида этой цѣли, она предварительно растлѣвала своей красотой этихъ людей, которыхъ отрицаютъ сегодня, но которые восторжествуютъ завтра и будутъ пьедесталомъ ея собственнаго величія.

Де-Нёзъ понравился ей, какъ милая игрушка, и она взяла его. Она сразу разобрала его кроткую, нерѣшительную, сентиментальную натуру, рано окупнувшуюся въ литературу и наивную въ обыденной жизни. Его внѣшнее изящество и ласковыя манеры внушили ей чувственный капризъ. И вотъ, какъ мистики, вѣчно мечтающіе обнять необъятное, они принялись вносить разсудочность въ любовный экстазъ. Андре де-Нёзъ очень скоро всецѣло поддался влиянію личности Люсьенны Лестранжъ и дошелъ до какого-то умственнаго оцѣпенѣнія. Все предрасполагало его къ этому физическому и душевному порабоженію, которымъ она такъ наслаждалась, и его одинокое воспитаніе, и болѣзненная юность, и сложность его ума, и эта внезапная пересадка его въ нервную парижскую артистическую среду, и самое его пристрастіе къ роскоши и къ искусству. Люсьенна

Лестранжъ почти ни о чемъ не думала такъ, какъ думаютъ другія женщины, а Андрэ де-Нёзъ заранѣе приготовился къ встрѣчѣ всевозможныхъ женщинъ, кромѣ именно этой. Увлеченіе его очень скоро перешло въ любовь сердечную, тогда какъ она сохранила все свое самообладаніе. Онъ не сразу замѣтилъ это. Люсьенна Лестранжъ вела себя такъ ловко, что разгадать ея тайныя побужденія было невозможно. Но самъ Андрэ де-Нёзъ только черезъ два мѣсяца своей связи съ нею созналъ, что онъ влюбленъ въ глубокомъ и грозномъ значеніи этого слова. Онъ понялъ, что заболѣлъ страшною, необъяснимою болѣзнью любви.

Они жили врозь, вовсе не потому, чтобы она боялась праздныхъ толковъ, а изъ любви къ свободѣ. Она принимала у себя кого хотѣла и всегда была готова къ отъѣзду по первой прихоти. Днемъ онъ бывалъ у нея на виду у всѣхъ, а потомъ приходилъ ночью тайкомъ, и они видѣлись каждый день. Деранъ уѣхалъ въ далекое путешествіе, а другихъ близкихъ друзей у де-Нёза не было, и никому не было дѣла до образа его жизни. Люсьеннѣ вздумалось провести остатокъ лѣта и осень въ Парижѣ, гдѣ она жила теперь болѣе скромной жизнью, отдыхая отъ зимней суеты, а Андрэ принималъ эту временную передышку за серьезную перемѣну и надѣялся въ душѣ, что они такъ будутъ жить и впредь, и безъ конца. Люсьенна Лестранжъ была иногда подвержена такому временному утомленію, и ей случалось тогда упиваться чтеніемъ отвлеченныхъ книгъ и погружаться въ совѣщанія со своей собственной душой. У нея былъ одинъ душевный порокъ—логическое мышленіе. Эта женщина, совершенно неспособная мечтать, знала за собою одинъ недостатокъ: потребность провѣрять и оправдывать свои поступки передъ самой собою, прикладывая къ нимъ мѣрку мнѣній разнообразѣйшихъ моралистовъ, главнымъ образомъ фаталистовъ. Ихъ ловкая манера приурочивать слабости характера къ предопредѣленіямъ судьбы давала ей возможность сваливать на судьбу бурныя вспышки своей натуры и извинять ихъ въ собственныхъ глазахъ. Люсьенна Лестранжъ считала, что провиниться ей случается только противъ самой себя и вмѣняла себѣ въ преступленіе только такія дѣянія, которые не клонились къ возвышенію ея собственной личности. Обширность ея философскихъ познаній была поразительна и даже ненормальна для женщины, потому что она превращала философію уже не въ упражненіе, а въ сладострастіе; опираясь на нее, она мотивировала всякій свой поступокъ логическими соображеніями высшаго порядка. То, что другая женщина сдѣлала бы изъ

безразсудной прихоти, то продѣлывалось ею во имя Шопенгауэра, Эмерсона или Ибсена.

Арморъ чуть не сошелъ съ ума отъ невозможности разобратъ, права ли Люсьенна или нѣтъ; она была такая мастерица облекать всѣ свои доводы въ форму справедливости, что окончательно разстроивала болѣзненно-щекотливый мозгъ современнаго человѣка. Она шла прямо и безнаказанно къ намѣченной ею цѣли, хорошо зная, что ее окружають артисты, одаренные весьма утонченнымъ мышленіемъ, а потому неспособные судить грубо, но просто и ясно. А что было всего хуже въ ея любовныхъ капризахъ, такъ это ея манера удерживать при себѣ брошеннаго любовника и превратить его въ друга, когда тотъ переживалъ еще жестокия муки разрыва. Большинство изъ нихъ уступало изъ гордости, чтобы не выдавать своихъ тайныхъ мукъ, а пока эти люди терзались еще сожалѣніями и внутреннимъ стыдомъ, она уже выставляла имъ на показъ новаго, счастливаго любовника, упиваясь прелестью контраста душевной борьбы и бѣшенства съ официальными проявленіями дружбы. И это зрѣлище только увеличивало въ ней презрѣніе къ мужчинамъ, развивало ея умъ и укрѣпляло ея сценическій талантъ.

Красота Люсьенны Лестранжъ, хотя и страстная, отличалась аристократической гармоничностью, и изящная величавость ея не нарушалась даже въ самыя пылкія минуты любовнаго экстаза. Въ Аѳинахъ Люсьенна Лестранжъ была бы совершеннѣйшей Аспазіей; она была несвоевременнымъ воплощеніемъ античной гетэры, знала это и старалась быть понятою, по крайней мѣрѣ, послѣднею горстью избранныхъ жрецовъ искусства.

Эта властная, цѣльная натура, здравомыслящая и страстная, всецѣло поработила Андре де-Нѣза. Эта женщина почти осуществляла его мечты объ исключительномъ искусствѣ въ жизни, уединеніи и сердечномъ мистицизмѣ. Она на время развлекалась, а онъ строилъ на ихъ связи планы на долгіе годы. Когда они сошлись, у обоихъ было столько сказать другъ другу, что они не могли предвидѣть той страшной минуты, когда все между ними будетъ сказано и останется жить лишь созвучіемъ душъ.

Въ соприкосновеніи со жгучею натурой Люсьенны Лестранжъ, застѣчивая душа Андре де-Нѣза быстро распускалась, и изъ юноши онъ превращался въ мужчину. Радости его принимали болѣе серьезный характеръ, огорченія становились продолжительнѣе. Ему какъ-то не хотѣлось бывать въ Парижѣ и

онъ спокойно наслаждался тихой прелестью осени въ Нёльи, лишь изрѣдка навѣщая Жермена Бюссера въ его мастерской. Онъ встрѣтилъ его какъ-то на берегу Сены и они сошлись другъ съ другомъ; подъ своей чувственной, почти грубой внѣшностью, Бюссеръ таилъ мягкую, почти дѣтскую душу, радовавшуюся мельчайшему проявленію красоты природы. Пылкій и наивный пантеистъ, онъ пытался передать въ своихъ картинахъ трепетъ природы, писалъ водныя пространства, ряды тополей подъ вѣтромъ, вереницы несущихся тучъ, писалъ размашистыми мазками и манера его скандализовала толпу.

— Они хотятъ, — говаривалъ Бюссеръ, — чтобы живопись была спокойнымъ, пріятнымъ искусствомъ, законченнымъ, какъ искусство античное. Но вѣдь люди XV вѣка опирались на принципъ терпѣливаго смиренія, а мы, вотъ уже три вѣка, представляемъ изъ себя нетерпѣливыя, мятежныя души. Не можемъ же мы повторять тѣхъ. Да, наконецъ, если я хочу писать непріятныя вещи, если природа меня раздражаетъ и я хочу передать это раздраженіе въ своихъ картинахъ? Я хочу, чтобы мои листья дрожали на полотнѣ, чтобы отъ моего дождя чувствовалась сырость и люди плотнѣе кутались бы въ свои плащи... Ну, я и пишу по-своему, неугодными имъ мазками. Это мое дѣло и мое право... Наконецъ, я пишу просто для себя, потому что я боленъ искусствомъ...

Андрѣ де-Нёзъ былъ боленъ той же „болѣзнью“, и это тоже сближало его съ Бюссеромъ. Тотъ провелъ его разъ черезъ свой дворъ въ сосѣдній павильонъ, гдѣ жилъ Урбанъ Десизъ, скульпторъ, „старина“, какъ звалъ его Бюссеръ. Уроженецъ Пикардін, Десизъ смотрѣлъ простымъ крестьяниномъ, съ своей длинной рыжей бородой, сѣрыми глазами, крупнымъ носомъ и огромными руками и ногами. Онъ являлся изъ Парижа въ семь часовъ утра, открывать у себя въ павильонѣ форточки и работать въ мастерской до сумерекъ, мурлыкая пѣсни на своемъ пикардійскомъ нарѣчій. По вечерамъ онъ поздно рисовалъ еще при лампѣ, частенько забывалъ пообѣдать и ходилъ перекусить чего-нибудь въ ближайшемъ кафе. Онъ служилъ помощникомъ у академика скульптора Беллуаза и выбился на дорогу, благодаря своей геніальности. Человѣкъ этотъ творилъ чудеса, дѣлалъ изъ мрамора влюбленныхъ, спящихъ дріадъ удивительной красоты, отливалъ необычныя бронзовыя фигуры. Изъ огромныхъ глыбъ глины онъ лѣпилъ гигантскія, скорченные фигуры, почти нечеловѣческія по формамъ, создавалъ вокругъ себя цѣлый загадочный, поразительный міръ, полный мощной, грубой жизнен-

ности. Были у него и необыкновенной красоты эскизы, альбомы, съ набросками для поэмъ Армеля. „Старина“ жилъ тутъ одинъ, окруженный этими фигурами, и очень мало говорилъ; по временамъ онъ находилъ полезнымъ появляться „въ жизнь“, какъ онъ выражался, и вотъ, напяливъ блестящій цилиндръ, коричневое пальто со свѣжей красной ленточкой въ петлицѣ, и тѣсные желтыя перчатки, онъ отправлялся дѣлать визиты наугадъ, а вернувшись, вновь облачался въ блузу, набивалъ трубку и мѣсяца три никуда не показывался. Онъ почтительно трепеталъ передъ любымъ невѣждой журналистомъ, выпрашивалъ у перваго встречнаго названій для своихъ гениальныхъ группъ. Творилъ онъ ихъ безсознательно, а когда пытался иногда пояснить ихъ смыслъ, путался въ банальностяхъ и неловко умолкалъ.

И Андрэ прожилъ весь сентябрь между этими двумя нехитрыми натурами въ Люсьенной. Онъ работалъ немного, испытывая какую-то робость передъ бумагой и чувствуя, что „это серьезно“. Разъ какъ-то онъ съѣздили къ Армелю, но оказалось, что тотъ уѣхалъ съ дочерью на югъ, потому что Сильвена прихворнула. И благородный образъ дѣвушки понемногу блѣднѣлъ въ воспоминаніи Андрэ.

V.

Съ наступленіемъ зимы публика вернулась къ концертамъ, книгамъ и выставкамъ картинъ; полемики возобновились съ еще большею силою, и горсть избранныхъ очутилась вновь лицомъ въ лицу съ оппозиціей печати, безсознательностью скептиковъ, нелѣпымъ равнодушіемъ постороннихъ и льстивымъ рвеніемъ ложныхъ друзей.

Нервные, утонченные, истерзавшіеся въ погонѣ за почти неуловимыми оттѣнками искусства, представители этого искусства не умѣли бороться съ невѣжествомъ и отсталостью и напрасно воевали противъ массъ. Чтобы заставить эту эпоху, топчущуюся на одномъ мѣстѣ и не желающую болѣе изобрѣтать, принять всѣ ихъ тонкости, нужно было либо содѣйствіе грубой силы, либо милліоны для постройки своего собственнаго, недосягаемаго дворца высшаго искусства. А теперь, осмѣянные, разрозненные, они бродили одиноко, внутренне терзаясь сознаніемъ бесполезности своихъ усилій. Они не шли впередъ, первая энергія была растратчена, новыя мысли ихъ уже были черезъ-чуръ извѣстны, сокровенный идеалъ красоты колебался и они только

лѣгали въ себѣ его послѣдній, блѣдный отблескъ, чувствуя себя почти сторожами гробницы. Да, они были вѣѣ жизни, какъ говорилъ Манюэль Эрикуръ, и Андрэ де-Нѣзъ ощутилъ это зимой. И всѣ эти люди, пытавшіеся поддержать и провести прекрасное, но болѣзненное искусство, были сами больные, неврастеники. Клодъ-Эрикъ де-Арморъ былъ блѣденъ и хилъ, Эрикуръ страдалъ болѣзнью сердца, Дерэнъ харкалъ кровью, Армель страдалъ бессонницами, Ромесь—болѣзнью печени, да и самъ Андрэ былъ такой слабый и дряблый. Познакомился онъ и съ другими: съ карриатуристомъ Ланнуа, безобразнымъ, остроумнымъ и циничнымъ гномомъ, на дѣлѣ княземъ де-Ланнуа Талаверъ. Озлобленный на весь міръ за то, что родился карликомъ, онъ рисовалъ гениальныя каррикатуры изъ міра самой низменной, порочной среды въ дешевыхъ листкахъ, швырялъ ихъ въ лицо публикѣ и жилъ богатымъ бариномъ среди подонковъ общества, черпая свою мечь и талантъ въ грязныхъ осадкахъ вѣка. Познакомился онъ съ Десснеромъ, рисовальщикомъ-анархистомъ, любимѣйшимъ ученикомъ Перонни, бросившимъ импрессионизмъ для изображенія депутатовъ, дѣльцовъ и евреевъ, что онъ и продолжалъ мѣтко и зло; познакомился и со многими другими. Все больные, слабые, развинченные маньяки, упорно ищущіе новыхъ отгѣнковъ, эпитетовъ, красокъ, разноречій, теряющіе способность просто смотрѣть на вещи, создающіе съ натугой разныя затѣйливыя формы для выраженія скудныхъ мыслей.

Отверженный кружокъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ шуточнаго маленькаго государства: у него были свои льстецы,—великій Лейманъ, вѣроломный Нѣфлизъ, низкіе Марэнсъ и Дефрэнъ, услужливые снобы, и, наконецъ, рѣдкіе, анонимные поклонники. А за этимъ—море непониманія. Произведенія ихъ встрѣчали полное равнодушіе, и имъ приходилось превращать свое искусство въ ремесло, чтобы имѣть возможность издать книгу или выгнать статую. Немногихъ удачниковъ, какъ Перонни, Мерѣза и Десиза, преслѣдовали своею ненавистью официально признанные таланты. Мало кто изъ нихъ имѣлъ личное состояніе, какъ Дерэнъ и Андрэ де-Нѣзъ. Многіе жили скуднымъ чиновничьимъ заработкомъ, скрывая свое сочинительство какъ позоръ. Случалось, что одинъ изъ нихъ умиралъ, другой вончалъ самоубійствомъ, ряды ихъ рѣдѣли, а исчезнувшіе не всегда замѣнялись новыми. Произведенія ихъ цѣнились за границей или провинціальной молодежью, но въ самомъ Парижѣ успѣхъ и слава были удѣломъ другихъ.

Оставалось у новыхъ представителей искусства и нѣсколько

вѣрныхъ друзей, какъ, напримѣръ, г-жа Таньмандъ; тайно не разъ помогавшая изданію книги или отливкѣ статуи и пропагандировавшая новыя имена въ аристократіи. Люсьенна Лестранжъ оставалась покровительницей и товарищемъ друзей Армея. Покупали еще ихъ произведенія нѣкоторые богатые снобы, изъ шика, чтобы разыгрывать роль покровителей будущихъ знаменитостей, но это была капля въ морѣ отрицателей.

Сколько времени продлится еще подобное положеніе вещей? Чѣмъ болѣе чуждалась ихъ толпа, тѣмъ болѣе эти послѣдніе жрецы искусства изошрялись въ тонкости пріемовъ, упорно преслѣдуя усовершенствованіе въ подробностяхъ и все увеличивая разстояніе; отдѣлявшее ихъ отъ толпы. И если на долю изнуренныхъ латинскихъ расъ суждено еще выпасть интеллектуальной славѣ, то не будетъ ли она, по роковому выраженію Армея, солнцемъ мертвыхъ?.. Солнце мертвыхъ! Старый міръ, изношенный вѣрованіями, философіями, извращеніями чувственности, обрѣтетъ свою душу лишь въ смерти,—въ ту послѣднюю минуту, когда душа эта, безучастная ко всему, отрешаяся отъ всякихъ жизненныхъ формъ, будетъ свободно носиться въ эфирѣ. Всѣ гонятся за славой въ концѣ нашего вѣка, большинство ищетъ ея въ немедленномъ успѣхѣ, избранные—въ молчаніи и отреченіи, но свѣтъ славы, подобно свѣту иныхъ звѣздъ, доходящему до насъ черезъ тысячи лѣтъ послѣ того какъ онѣ уже потухли, засіяетъ лишь черезъ вѣка послѣ смерти послѣднихъ носителей этого свѣта.

Андрэ де-Нёзъ смутно сознавалъ все это, задумываясь о судьбѣ, ожидавшей его сотоварищей. Зимой онъ увидалъ ихъ опечаленными: оппозиція публики все росла, печать относилась къ нимъ все надменнѣе и надменнѣе. Ни въ толстые журналы, ни въ газеты имъ не было доступа, вездѣ царили продажность и пошлость. Въ то время какъ о новыхъ писателяхъ едва-едва говорили кое-гдѣ изъ снобизма, тысячи желтыхъ афишъ пестрѣли повсюду рекламами романовъ Максима Эрбѣ. Книгами торговали какъ кожей или изюмомъ; устарѣлые романы отсылались тюками въ южную Америку или продавались въ розницу иллюстрированными выпусками, по 10 сантимовъ за экземпляръ. Бѣдныя утонченныя произведенія избранныхъ художниковъ терялись, какъ ребенокъ въ праздничной толпѣ. Встрѣчали ихъ или унижительныя насмѣшки, или умалчиваніе. Лирическую драму Армора въ оперѣ не приняли, а когда Люсьенна Лестранжъ пѣла отрывки изъ нея въ концертахъ, о ней писали совершенно незначащія рецензіи. Выставка Бюссера вызвала отчаянные вопли, а у его учителя,

Перонни, внезапно отняли заказъ, чтобы передать его пошлomu живописцу Гюффену, акварели котораго походили на пирожное, но который былъ богатъ и закармливалъ обѣдами и завтраками печать. Фѣльи раздражался своими обычными обвинениями новыхъ художниковъ въ „византийствѣ“. На пьедесталѣ чудной группы Десиза, выставленной посреди полотнъ Бюссера, кто-то нацарапалъ непристойное четверостишіе, а юмористическіе листки постыжили напечатать его. Какой-то театральнй директоръ, будто бы изъ смѣлости, принялъ превосходную пьесу Эрикура, но поставилъ ее неряшливо; заранѣе возстановленная критика разнесла ее, и пьеса скандально провалилась, а черезъ пять дней была снята съ репертура. Когда Каликстъ Армелъ вернулся въ Парижъ, на него тоже посыпались ругательства. И въ такой напрасной борьбѣ прошла для нихъ вся зима.

Андрѣ де-Нѣзъ былъ въ отчаяніи: вѣдь они правы въ основѣ, поддерживая преданія высшаго искусства, правы, несмотря на свои ошибки и несовершенства!

Одинъ Армелъ пребывалъ по прежнему высокоумѣнно ясенъ, аристократически пренебрежителенъ, отстраняясь отъ всего и дорожа своей правотой только относительно самого себя. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, внѣ жизни.

Глядя на эту агонію непонятыхъ талантовъ, Андрѣ возмущался всей своей молодой натурой, сбрасывая съ себя спокойствіе, магнетически навязанное Армелемъ, у котораго онъ бывалъ все рѣже и рѣже. И ему хотѣлось дѣйствовать и жить. И еще болѣе очертя голову уходилъ онъ въ свою любовь къ Люсьеннѣ Лестранжъ, точно эта волшебница воплощала въ себѣ всѣ его грѣзы.

Разсуждая однажды съ нею о мучившихъ его вопросахъ, Андрѣ встревожился отъ ея взгляда, въ которомъ отражалась такая-то жестокая рѣшимость.

— Да,—отчеканила она,—это большое несчастье, что избранные таланты топчутся на мѣстѣ въ виду всеобщаго недоброжелательства. Но я все-таки начинаю думать, что всѣ вы недостаточно себя заявляете.

Онъ вздрогнулъ.

— Но позволь, Люсьенна, развѣ мы не правы? Развѣ мы не трудимся во имя непреодолимой истины?

— Слѣдуетъ совершить еще больше.

— Но что же?

— Надо заставить признавать себя.

— Но какъ?

— Ваше дѣло найти—какъ, средство должно быть. Вы замкнулись, отъ васъ отступились. Они могутъ обходиться безъ васъ, а вы—нѣтъ. Вамъ слѣдуетъ найти средство поработить, взять свое силою.

— Ты говоришь какъ ребенокъ, Люсьенна.

— Нѣтъ, какъ женщина!—и она улыбнулась.—И я думаю, что въ васъ мало крови... О, завладѣть всѣмъ, вопреки всему, и царить...

Въ Люсьеннѣ Лестранжъ говорила вѣковѣчная женщина, жаждущая проявленія силы и идущая къ ней на встрѣчу, пассивная побѣдительница, слѣдящая за тѣмъ, какъ люди убиваютъ другъ друга, чтобы потомъ покориться осилившему борцу. И Андре почувствовалъ, что когда они будутъ побѣждены, Люсьенна Лестранжъ уйдетъ отъ нихъ, и, подобно невозмутимому солнцу, станетъ свѣтить въ иномъ мѣстѣ. И онъ поблѣднѣлъ, но она уже угадала его собственную мысль и загадочнымъ жестомъ привлекла его къ себѣ. И онъ замеръ въ поцѣлуѣ, припавъ къ ея прекрасному лицу...

Ю. 3—А.

АНГЛІЙСКІЕ РАБОЧІЕ НА ДОСУГѢ

ОЧЕРКЪ РАЗВЛЕЧЕНІЙ РАБОЧИХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

I.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ нашего времени является увеличеніе досуга рабочихъ массъ. Можно даже сказать, что экономическое развитіе состоитъ именно въ томъ, что рабочій все больше и больше овладѣваетъ своимъ временемъ. Въ рабствѣ, весь онъ со всѣмъ своимъ временемъ составляетъ чужую собственность; въ крѣпостномъ состояніи, часть времени уже принадлежитъ ему лично, а въ свободномъ состояніи онъ номинально сталъ полнымъ хозяиномъ своего времени, но на самомъ дѣлѣ вынужденъ отчуждать очень большую долю его въ пользу другого человѣка, капиталиста. Лишь въ послѣднія пять-десять лѣтъ начинается серьезная борьба противъ чрезмѣрнаго захвата времени рабочихъ нанимателями, и сокращеніе рабочего времени дѣлается лозунгомъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ надежды и стремленія рабочихъ. И какъ результатъ этой борьбы, то въ одной отрасли промышленности, то въ другой урѣзывается часть-два для взрослыхъ, сокращается работа дѣтей и женщинъ и устанавливаются рамки и предѣлы, которыхъ переступить нельзя.

Сначала сокращеніе рабочего времени требуется во имя отдыха, а затѣмъ уже и прямо во имя досуга. Когда дѣло идетъ лишь объ отдыхѣ рабочего, не можетъ быть, конечно, и рѣчи еще о развлеченіяхъ и играхъ, объ образованіи и умственномъ

развитіи его. Отдыхъ—это лишь обратная сторона труда, одинъ немислимъ безъ другого. Сколько времени нужно человѣку для полнаго отдыха, наврядъ ли кто можетъ точно опредѣлить. Тутъ играютъ роль чисто-индивидуальныя черты каждаго рабочаго отдѣльно, характеръ работы, климатическія условія, свойства питанія, и пр., и пр. Несомнѣнно, однако, что много десятковъ тысячъ рабочихъ трудятся значительно больше, чѣмъ они физически въ состояніи. Это доказывается уже просто тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ производствахъ продолжительность жизни рабочихъ меньше, чѣмъ у другихъ. Изможденный видъ, блѣдность и хилость многихъ рабочихъ происходятъ не столько отъ лишеній, сколько отъ отсутствія должнаго отдыха. Сокращеніе рабочаго дня, помимо разныхъ политико-экономическихъ соображеній, является поэтому простой фізіологической необходимостью для поддержанія расы, тѣмъ болѣе, что интенсивность труда все больше и больше увеличивается. И получивъ отдыхъ, усталый человѣкъ не чувствуетъ потребности въ развлеченіяхъ и вмѣсто книжки или театра предпочитаетъ рюмку крѣпкаго напитка, способнаго произвести обманчивое впечатлѣніе, будто онъ возобновляетъ силы.

Но вотъ рабочій отдохнулъ. Онъ возвратилъ своему организму отнятую у него долю жизненной энергіи, мускулы опять запросили работы, мозгъ освѣжился и сталъ опять чуткимъ и жаднымъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Тутъ-то и начинается досугъ, съ увеличеніемъ котораго естественно возникаетъ вопросъ: какъ употребить его?

Вопросъ этотъ, благодаря именно большому и большому сокращенію рабочаго времени, въ послѣдніе годы выдвинулся въ Англіи съ особенной силой. Досуга у лондонскаго рабочаго теперь уже не мало. Рабочій день во многихъ случаяхъ, какъ, напримеръ, на строительныхъ работахъ, кончается въ четыре или пять часовъ пополудни. По субботамъ работы вездѣ, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ и въ большинствѣ магазиновъ, кончаются около полудня и во всякомъ случаѣ не позже двухъ. Тѣ же магазины, которые торгуютъ въ субботу позже двухъ, закрываются зато въ четвергъ въ два часа пополудни. О воскресномъ днѣ и говорить нечего. Въ этотъ день открыты только табачныя лавочки, конфектныя, кабаки (на весь день) и нѣкоторые рестораны.

Кромѣ воскресеній, полныхъ праздничныхъ дней въ Англіи бываетъ еще всего пять: пятница на страстной, понедѣльникъ на святой, духовъ день, 26-е сентября (boting day) и первый

понедѣльникъ въ августѣ мѣсяцѣ. Этотъ послѣдній праздничный день называется у англичанъ въ шутку днемъ св. Лѣббока, въ виду того, что онъ установленъ парламентомъ въ 1871 г. по предложенію сэра Джона Лѣббока.

Затѣмъ, на каждомъ заводѣ, на каждой фабрикѣ и вообще въ каждомъ торгово-промышленномъ заведеніи, будь это англійскій банкъ или большой магазинъ, имѣется свой собственный годичный праздникъ для рабочихъ и служащихъ, такъ называемый *bean feast*. Такимъ образомъ полныхъ не-рабочихъ дней въ году у каждого англійскаго рабочаго имѣется около 60, а полудней около 52.

Какъ же проводить свой досугъ англійскій рабочий? Всесторонній отвѣтъ на этотъ вопросъ обнялъ бы собою всю культурную жизнь народа, всѣ его политическіе, общественные и домашніе интересы. Наша задача гораздо скромнѣе, и, говоря о развлеченияхъ въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, мы постараемся лишь дать описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе распространенныхъ и характерныхъ въ народной англійской массѣ.

Нужно сказать, что за послѣднія 15—20 лѣтъ въ народныхъ развлеченияхъ въ Англіи произошла крупная перемѣна. Безпредѣльно властвовавшій когда-то кабакъ замѣтно отступаетъ на задній планъ подъ напоромъ новыхъ культурныхъ факторовъ. Просматривая статьи въ англійскихъ журналахъ, написанныя въ 60-хъ и даже въ 70-хъ годахъ, я былъ пораженъ высказанными въ нихъ горькими жалобами на грубость народныхъ забавъ, на отсутствіе болѣе или менѣе сносныхъ развлеченій, на пьянство въ воскресенье и вообще на тоскливую жизнь рабочаго даже въ досужіе часы его. Въ то время общество еще рѣшительно ничего не дѣлало для доставленія какихъ-нибудь развлеченій народу. Оно не только не считало этого своимъ долгомъ, но въ лицѣ вліятельнаго, къ сожалѣнію, еще по настоящее время не выведшагося, класса сытыхъ лицемѣровъ и ханжей, всѣми силами мѣшало развитію народныхъ развлеченій. Многіе провозглашали смертнымъ грѣхомъ даже посѣщеніе театра. Танцы осуждались, какъ нѣчто безбожно-порочное. Одна мысль, что мужчина въ вальсѣ обнимаетъ даму, казалась до того странной, до того shocking, что о такомъ танцѣ и рѣчи даже не могло быть не только въ народѣ, но и въ другихъ классахъ общества. Какой-нибудь народный джигъ или торжественный менуэтъ еще куда ни шло, но веселый, бойкій вальсъ, полька или кадрили считались верхомъ распущенности. Даже музыка для народа, особенно въ воскресный день, казалась какимъ-то недостижимымъ.

идеаломъ. Не далѣе еще какъ въ 1878 г., извѣстный, уже нынѣ покойный, профессоръ Джевонсъ долженъ былъ серьезно доказывать на страницахъ „Contemporary Review“, что музыка—самое пріятное, самое гигиеническое и самое чистое удовольствіе для народа и что одинъ или два оркестра, которые бы играли хотя бы по воскресеньямъ въ одномъ или двухъ изъ лондонскихъ парковъ, составляли бы величайшее благо для народа. Но съ тѣхъ поръ какъ Джевонсъ писалъ это, утекло много воды. За эти 20 лѣтъ выросло новое поколѣніе, получившее образованіе уже въ новыхъ, превосходнѣйшихъ школахъ Лондона; возникли и развились такіа учрежденія, какія 20 лѣтъ тому назадъ еще не существовали или были лишь въ зачаткѣ: народныя университеты, университетскія поселенія, рабочіе клубы, совѣтъ лондонскаго графства и др. Появилось много новыхъ развлеченій, а нѣкоторыя изъ старыхъ, носившихъ грубый и непріятный характеръ или бывшихъ мало доступными, стали болѣе культурными и болѣе доступными. Значительное сокращеніе рабочаго дня само по себѣ уже создало усиленный спросъ на развлеченія, и послѣднія появились въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ и въ болѣе обогащенномъ видѣ.

II.

Воскресенье. Лѣтнее солнце стоитъ высоко и щедро льетъ тепло и свѣтъ. На улицахъ Лондона тихо, особенно на тѣхъ, которыя лежатъ въ сторонѣ отъ главныхъ городскихъ артерій. Въ рабочихъ семьяхъ только-что пообедали. Матери убираютъ посуду, отцы собираются вздремнуть и съ воскресной газетой въ рукахъ опускаются въ кресла у оконъ, а дѣти, чтобы не мѣшать послѣобѣденному отдыху старшихъ, усыпаются въ воскресную школу.

Тѣниво и полудремотно отдыхающій рабочій человѣкъ перелистываетъ газету, съ одинаковымъ интересомъ просматривая отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ и о дѣлахъ въ уголовномъ, полицейскомъ и бракоразводномъ судахъ; особенно интересны дѣла бракоразводныя и иски по нарушеніямъ обѣщанія жениться. Вдругъ гдѣ-то вблизи раздастся музыка. Сонный читатель высовываетъ голову изъ окна и видитъ, какъ цѣлая процессія заворачивается въ его улицу, обыкновенно заброшенную, непроѣздную, малолюдную. „Что это, армія спасенія?“—произноситъ онъ, но тутъ же самъ себѣ отвѣчаетъ: „А, это госпитальная“. Между

тѣмъ процессія приближается. Маленькая и тихая улица сразу какъ бы затопляется народомъ, звуками, шумомъ. Гремятъ барабаны, развѣваются знамена, впереди выступаютъ женщины и мужчины въ цвѣтныхъ шарфахъ черезъ плечо, мальчики и дѣвочки съ такими же шарфами перебѣгаютъ съ одной стороны улицы на другую, бренчатъ шкатулками и, встрѣчая прохожихъ или подбѣгая къ окнамъ, выпрашиваютъ: „въ пользу госпиталя, въ пользу госпиталя“! Мѣдные монеты летятъ на мостовую изъ оконъ и дверей и быстро подбираются мальчиками, а барабанщики и флейтисты продолжаютъ свое шествіе по улицамъ и переулкамъ.

Участники процессіи покрыты пылью и потомъ, но весело и бодро идутъ впередъ, неся свои тяжелыя знамена. Сзади за процессіей, точно маркитанты за полкомъ, слѣдуютъ разные торговцы съ орѣхами, апельсинами, лимонадомъ, ginger beer. Обойдя нѣсколько улицъ, процессія останавливается гдѣ-нибудь въ тѣни для отдыха, а затѣмъ, минутъ десять-пятнадцать спустя, трогается опять въ свой шумный, веселый и благотворительный походъ, пока не совершитъ весь предначертанный заранѣе маршрутъ.

Эти процессіи—дѣло послѣднихъ 10—15 лѣтъ—являются подражаніемъ процессіямъ политическаго характера, извѣстнымъ въ Англіи съ незапамятныхъ временъ. Въ процессіяхъ благотворительныхъ участвуютъ главнымъ образомъ общества трезвости и взаимопомощи, въ родѣ „Феникса“, „неудачниковъ“ (oddfellows), „тѣсниковъ“ и т. п. Обыкновенно деньги собираются въ пользу того или другого госпиталя, но часто и съ другими цѣлями, какъ напр., съ цѣлью помощи семьямъ, пострадавшимъ отъ стачки, отъ какого-нибудь стихійнаго бѣдствія и пр. Для участниковъ процессіи, для знаменосцевъ, для дѣтей-сборщиковъ, для музыкантовъ-любителей, процессіи эти составляютъ предметъ развлечения, полезное и въ то же время интересное времяпрепровожденіе.

Такимъ же въ сущности развлеченіемъ для рабочихъ бываютъ и уличныя политическія демонстраціи, тоже обыкновенно происходящія лишь по воскресеньямъ. Большія демонстраціи въ Гайдпаркѣ и почти еженедѣльныя на Трафальгаръ-скверѣ имѣютъ гораздо большее значеніе, какъ народная забава, тѣмъ политическая манифестація. Всякій, кто только имѣлъ случай присутствовать въ Лондонѣ на одномъ изъ этихъ большихъ народныхъ собраній, знаетъ, какой мирный, обычно-праздничный характеръ они имѣютъ. Большія майскія демонстраціи, принятые за послѣднія 7—8 лѣтъ во всей Европѣ, обратились въ Англіи исключительно въ народный праздникъ, не имѣющій и тѣни политики,

несмотря на всѣ усилія социаль-демократической федераціи наполнить его духомъ борьбы и сдѣлать орудіемъ партійныхъ цѣлей. Изъ ста человѣкъ, собирающихся въ паркѣ или у памятника Нельсона, быть можетъ, лишь пять или десять пришли по сочувствію къ той или другой идеѣ, во имя которой гремятъ оркестры и развертываются на солнцѣ десятокъ другой знаменъ. Громадное же большинство привлекается сюда любопытствомъ и жаждой зрѣлища.

Къ этому же разряду народныхъ развлеченій можно смѣло отнести и религіозныя собранія, происходящія на открытомъ воздухѣ по воскресеньямъ. Само участіе въ церковномъ ходѣ или въ оркестрѣ составляетъ удовольствіе и наполняетъ содержаніемъ и интересомъ досугъ рабочаго человѣка. Иногда эти религіозныя собранія въ тѣни развѣсистаго дуба или каштановаго дерева въ лѣтній день гдѣ-нибудь въ паркѣ Викторіи полны высокой прелести и занимательности, и рабочій человѣкъ, удосужившійся выйти въ воскресенье изъ дома и не чуждый религіознаго настроя, наврядъ ли можетъ придумать болѣе чистое и пріятное провозженіе времени, какъ послушать эту религіозную музыку и пѣніе гимновъ, въ которомъ и самъ принимаетъ участіе.

Коснувшись церковныхъ хоровъ, какъ народнаго развлеченія, я попрошу читателя на время оставить городской паркъ и перенестись со мною за-городъ, въ одно изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ въ мірѣ мѣстъ для народныхъ гуляній, а именно въ Хрустальный Дворецъ (Crystal Palace). Здѣсь разъ въ году, въ одну субботу, встрѣтимъ навѣрное и тотъ хоръ, который мы слышали въ паркѣ, если не весь, то по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ участниковъ его, но встрѣтимъ его уже не одинокимъ, гдѣ-нибудь подъ деревомъ, а на огромной эстрадѣ, на которой онъ тонетъ въ ряду другихъ многочисленныхъ хоровъ, составляющихъ одинъ союзъ, союзъ хоровъ нон-конформистскихъ церквей, и собравшихся сюда праздновать свою годовщину. Съѣхались пѣвцы и пѣвицы изъ Ланкашира, Йоркшира и многихъ другихъ графствъ, применившихъ къ союзу. Есть тутъ и члены методистскихъ церквей, и веслеянцы, и унитаріи, и конгрегационалисты и представители другихъ сектъ—все любители пѣнія и всѣ, почти безъ исключенія, рабочаго класса. Не нужно особенной наблюдательности, чтобы узнать въ собравшихся хористахъ ткачей, столяровъ, каменщиковъ, земледѣльцевъ, механиковъ, мелкихъ приказчиковъ и другого рода и вида тружениковъ. Въ полдень у нихъ происходило тутъ же въ концертной залѣ состязаніе въ пѣніи. Записалось на состязаніе семь хоровъ. Нужно было про-

пѣтъ одинъ заданный церковный гимнъ и одну свѣтскую пьесу по собственному выбору. Пѣлъ хоръ какой-то мало извѣстной деревни, пѣлъ хоръ веселянцевъ изъ Кента, пѣли веселянцы и изъ Нортемптона и изъ Стакстедса, пѣлъ хоръ „свободной церкви соединенныхъ методистовъ“ изъ Литльборо (городъ въ Ланкаширѣ), пѣли „коренные методисты“ изъ Генсборо, пѣлъ наконецъ хоръ старо-баптистовъ изъ Рапдена. Побѣдившій хоръ получаетъ награду, которая и выдается ему въ тотъ же день при самой торжественной обстановкѣ, во время большого соединеннаго концерта на эстрадѣ Дворца, расположенной амфитеатромъ и извѣстной подъ названіемъ эстрады Генделя. Это одна изъ самыхъ обширныхъ эстрадъ, если не самая обширная въ мірѣ. На ней можетъ совершенно свободно умѣститься до 6.500 человѣкъ, но теперь на ней заняли мѣста всего четыре тысячи человѣкъ, не считая большого оркестра.

Музыканты расположились по срединѣ и поближе къ публикѣ; новыше и по сторонамъ ихъ—дамская часть хора, а еще повыше—мужчины, и картина получается удивительно импозантная и красивая. Пѣвицы въ лѣтнихъ костюмахъ (собранія обыкновенно происходятъ лѣтомъ) и шляпкахъ переливаются яркими цвѣтами, и ихъ красныя, голубыя и бѣлыя платья, ленты, перья отдѣляются гигантскимъ, точно намѣренно подобраннымъ, пестрымъ букетомъ отъ однообразной массы человѣческихъ головъ сидящихъ за ними мужчинъ.

Программа концерта составлена изъ разныхъ церковныхъ гимновъ и псалмовъ, переложенныхъ на музыку, и когда дирижеръ становится у пюпитра и взмахнетъ палочкой, вся эта масса народа, всѣ эти 4.000 человѣкъ сразу поднимаются со своихъ мѣстъ, и громадный залъ оглашается торжественно-громкими или мягко-сдержанными звуками, смѣшанными изъ многочисленныхъ человѣческихъ голосовъ, музыкальныхъ инструментовъ и огромнаго органа, возвышающагося надъ эстрадой. Подъ стеклянной высокой крышей дворца, вдоль его желѣзной паутины балокъ, стропилъ, галлерей, несутся отчетливо слова знакомыхъ церковныхъ пѣснопѣній и псалмовъ, вылитыя въ музыкальныя фразы и одухотворенныя мощными аккордами. Вотъ, вы слышите бодрый призывъ: „проснись, спящій, возстань, умершій“... Вотъ грустно заплѣли подъ музыку Гуно парафразу 137-го псалма: „Іерусалимъ, если забудемъ тебя“... Вотъ спѣли соло изъ малозвѣстной ораторіи Макфарлена, и т. д. Въ срединѣ программы происходитъ церемонія вознагражденія отличившагося въ составѣ хора. Господинъ въ сѣромъ пиджакѣ, выдѣлившись съ

верхнихъ рядовъ, изъ среды хористовъ, быстро спускается внизъ, къ передней части эстрады. Здѣсь онъ становится на возвышеніе, уступаемое ему дирижеромъ оркестра, и откланивается поклонъ публикѣ, встрѣчающей его привѣтственными аплодисментами. Это—дирижеръ побѣдившаго хора. Изъ громаднаго аншлага, вывѣшеннаго у эстрады, публика узнаетъ, что побѣдилъ хоръ „свободной церкви соединенныхъ методистовъ“ изъ Литльборо, и въ награду ему подносятъ серебряный щитъ, переходящій ежегодно отъ одного побѣдителя въ руки другого и поступающій въ полную и окончательную собственность лишь того хора, который три года въ ряду окажется первымъ на состязаніяхъ. Кромѣ этого, хору подносится и денежная награда и дипломъ, а лично дирижеру въ полную собственность—палочка, отдѣланная серебромъ.

Публика, собирающаяся послушать концертъ и состязательное пѣніе, конечно, разнообразная, но и она состоитъ главнымъ образомъ изъ рабочихъ классовъ. Большая часть ея состоитъ изъ родныхъ и знакомыхъ хористовъ и хористокъ, и то-и-дѣло видите, какъ между отдѣльными лицами публики и членами хора происходятъ взаимныя привѣтствія и мимическіе разговоры: машутъ другъ другу платками и руками, дѣлаютъ знаки, киваютъ головой.

Эти ежегодныя состязанія и собранія любительскихъ церковныхъ хоровъ—учрежденіе сравнительно новое и союзъ нонконформистскихъ хоровъ существуетъ всего десять лѣтъ. Кромѣ этого праздника, въ Crystal Palace происходятъ въ теченіе года, особенно лѣтомъ, множество другихъ пѣвческихъ праздниковъ и разныхъ народныхъ стѣздовъ и собраній, какъ членовъ кооперативныхъ обществъ, обществъ трезвости, спорта и пр.

Само собою разумѣется, что раньше, чѣмъ выступить на публичное состязаніе или хотя бы съ участіемъ въ громадномъ хорѣ на эстрадѣ Crystal Palace, нужно разуचितъ то и другое, нужно собираться хоть разъ въ недѣлю или въ мѣсяцъ, чтобы спѣться, и такимъ образомъ то народное массовое развлеченіе, на которомъ мы присутствовали, является лишь указателемъ развлеченій въ теченіе многихъ другихъ досуговыхъ часовъ.

Возвратимся, однако, въ городской паркъ.

III.

Въ лондонскомъ паркѣ можно послушать не одну только религіозную музыку и не одинъ только любительскій оркестръ, сопровождающій политическую манифестацію. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ лондонская дума, извѣстная больше подъ именемъ совѣта лондонскаго графства, серьезно занялась вопросомъ о доставленіи возможности лондонскому населенію проводить болѣе или менѣе пріятно свой досугъ, и музыка въ городскихъ паркахъ явилась естественнымъ послѣдствіемъ этихъ заботъ. Мечта профессора Джевонса объ одномъ или двухъ оркестрахъ не только осуществилась, но уже отстала отъ дѣйствительности чуть не въ 20 разъ, такъ какъ теперь одновременно играютъ въ лондонскихъ паркахъ не два, а сорокъ оркестровъ. Теперь уже нѣтъ здѣсь парка, нѣтъ общественнаго сквера, въ которомъ въ лѣтнее время не игралъ бы оркестръ по нѣсколькимъ часамъ въ тотъ или другой день недѣли, и въ большинствѣ случаевъ—въ воскресенія и четверги. Музыка эта обошлась городу въ прошломъ году, напримѣръ, 8.000 фунтовъ. Кромѣ оркестровъ, оплачиваемыхъ думой, играютъ еще изрѣдка и нѣкоторые любительскіе оркестры или такіе, которые вознаграждаются изъ кассы Воскресной лиги.

Конечно, это—даровая музыка, но обыкновенно кругомъ эстрады имѣется нѣсколько рядовъ стульевъ, за пользованіе которыми взимается по полу-пенсу и программа тоже стоитъ полпенса, такъ что, потратившись на цѣлый пенсъ, вы можете слушать очень недурной оркестръ, съ программой въ рукахъ и на вольномъ воздухѣ. Уже одно пребываніе въ паркѣ, даже безъ музыки, является пріятнымъ времяпровожденіемъ само по себѣ, особенно въ англійскомъ паркѣ, столь богатомъ зеленью и такъ хорошо содержащемся. Отсутствіе въ лондонскихъ городскихъ паркахъ этихъ крайне докучливыхъ, стереотипно-грозныхъ „предостереженій“ публикѣ о томъ, чтобы „травы не мять, цвѣтовъ не рвать, деревьямъ не ломать и собакъ не водить“, какія обыкновенно мозолятъ глаза гуляющему въ какомъ-нибудь чухломъ петербургскомъ „саду“, уже одно это отсутствіе напоминаній дѣлаетъ прогулку въ любомъ лондонскомъ паркѣ пріятной и привлекательной. Возможность поваляться на чистой, иногда только-что скошенной травѣ, переходить изъ одного края парка въ другой, по какимъ угодно направленіямъ манить и влечь человека, большую часть дня запертаго въ мастер-

ской или на фабрикъ, доставляетъ ему огромное удовольствіе и сильно освѣжаетъ его. Лондонская дума поэтому ставитъ приобрѣтеніе и содержаніе парковъ одной изъ существеннѣйшихъ своихъ задачъ, не только какъ средство оздоровленія города, но и какъ мѣсто для прогулокъ на досугѣ. Объ этой сторонѣ дѣятельности лондонской думы достаточно сказать, что въ 1889—90 г., т.-е. въ первомъ году своего существованія, она расходовала на содержаніе парковъ всего 52.700 фунт. стерлинговъ, а въ 1896—97 г. уже 105.400 фунтовъ, и за эти семь лѣтъ она прибавила къ имѣвшимся уже городскимъ паркамъ и скверамъ тысячу слишкомъ акровъ, такъ что въ 1896—97 г. въ вѣдѣніи думы было 3.685 акровъ „зелени“. Къ этому нужно еще прибавить площадь такихъ большихъ парковъ, какъ Гайдпаркъ, Риджентъ-паркъ, Гринпаркъ и др., состоящихъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ и, какъ собственность націи, а не думы, содержащихся на счетъ государственнаго казначейства.

Но главное значеніе большинства лондонскихъ парковъ состоитъ въ пользованіи ими какъ мѣстами для спорта.

Спортъ, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ особенностей Англіи и въ то же время любимое развлеченіе рабочихъ массъ. Но что такое спортъ? Въ послѣдніе годы этимъ словомъ сильно злоупотребляютъ.

Далеко отъ береговъ Англіи, гдѣ-нибудь на лазурныхъ волнахъ Средиземнаго моря, вы можете встрѣтить англичанина, безопасно и уединенно пробирающагося на собственной своей яхтѣ въ какой-нибудь бойкій приморскій городъ. Это—спортъ.

Поднимаясь вверхъ по Темзѣ, къ Генли или Марлоу, вы увидите цѣлую флотилію щегольскихъ лодокъ, катеровъ, яхтъ и прочихъ мелкихъ судовъ всевозможнаго вида, переполненныхъ изящными дамами въ модныхъ лѣтнихъ костюмахъ, кавалерами въ шолоховыхъ рубашкахъ и бѣлоснѣжныхъ фланелевыхъ штанахъ, и маленькими дѣтьми, одѣтыми милыми куколками. Это тоже спортъ.

Отойдя немного отъ рѣки въ сторону и повернувъ въ Аскотъ или Ипсомъ, вы увидите два знаменитыхъ скаковыхъ круга, на которыхъ одновременно мчатся съ десятковъ лошадей, имѣя на своихъ спинахъ какія-то тоненькія сосиски въ видѣ человѣческихъ фигуръ. И это спортъ.

Заглянувъ въ паркъ, окружающій какой-нибудь замокъ или барскую виллу, вы замѣтите джентльменовъ верхомъ на маленькихъ пони, въ пенснэ или съ моноклями и съ длинными молотками въ рукахъ. Джентльмены заняты тѣмъ, что, ударяя

жолотками въ шары, подбрасываютъ ихъ впередъ или отбрасываютъ назадъ. Это тоже спортъ, при томъ еще самый аристократическій, извѣстный подъ названіемъ Polo.

Забираясь поглубже въ какое-нибудь захолустье Норфолька, въ кустарники Юрешира, не говоря уже о горахъ Шотландіи, вы услышите пальбу, лай собакъ и рожокъ охотника, направленные противъ безобиднаго фазана, краснаго звѣря и добродушнаго зайца. Это все — спортъ, но для людей богатыхъ и пользующихся большимъ досугомъ. Рабочему человѣку такія забавы недоступны, и если вы хотите видѣть настоящій народный спортъ, въ которомъ рабочій участвуетъ не только какъ зритель, но и какъ дѣйствующее лицо, и который интересуетъ его именно какъ игра, какъ забава, какъ времяпровожденіе, то заберитесь въ глубь лондонскихъ рабочихъ кварталовъ, въ паркъ Викторіи, или Бэтерси, или какой-нибудь другой, расположенный среди труженическаго населенія. Заберитесь сюда въ четвергъ пополудни, а еще лучше въ субботу, и остановитесь на одной изъ крайнихъ дорожекъ. Дальше не пустать, такъ какъ все поле занято любителями спорта. Но и незачѣмъ дальше идти: передъ вашими глазами развертывается такая картина, какой нигдѣ, кромѣ Англіи, не увидишь. Огромная часть площади зеленаго парка вся кишитъ полураздѣтымъ народомъ. Мальчики, юноши и взрослые, безъ верхняго платья, часто въ специально-спортсменскихъ костюмахъ, бѣгаютъ, кричатъ и выдѣлываютъ разныя движенія руками и ногами.

Подкидываемые ими вверхъ резиновые мячи десятками и сотнями несутся по воздуху, и удивляешься, какъ играющіе не путаются мячами, не смѣшиваются другъ съ другомъ и не мѣшаютъ другъ другу. Однако все идетъ, какъ должно быть. Бросаемые вверхъ мячи попадаютъ въ надлежащія руки, играющіе не переходятъ за отведенныя имъ границы, и все ведется на основаніи опредѣленныхъ законовъ.

Все поле разбито на квадраты приблизительно въ акръ величины каждый, одинъ квадратъ отъ другого отдѣленъ линіями, проведенными по травѣ бѣлой краской, и каждый отрядъ спортсменовъ, или, какъ это называется здѣсь, каждый „клубъ“, отдѣльно запасается билетомъ заранѣе на право занятія того или другого квадрата, обозначеннаго опредѣленнымъ номеромъ. Билеты выдаются душой, и часто приходится ждать долгой очереди, особенно для парковъ, расположенныхъ въ многолюдныхъ кварталахъ. Въ паркѣ передъ нашими глазами происходитъ самая популярная въ Англіи игра—крикетъ, вмѣстѣ съ футболомъ со-

ставляющій чисто народный спортъ. Для этихъ игръ ничего больше не требуется, какъ резиновый или кожаный (для футбола) мячъ, по своей цѣнѣ доступные и самымъ бѣднымъ спортсменамъ. Что же касается до мѣста, гдѣ играть, то, какъ мы видѣли, объ этомъ уже заботится дума, а кто можетъ изъ болѣе богатыхъ клубовъ, тотъ самъ арендуетъ гдѣ-нибудь участокъ частной земли для пользованія разъ или два въ недѣлю.

Съ популярностью мяча можетъ поспорить только велосипедъ, который въ послѣдніе годы чрезвычайно распространился среди рабочаго класса. Система продажи съ разсрочкой платежа или отдача на прокатъ сдѣлала его доступнымъ рѣшительно для всѣхъ. Чтобы получить нѣкоторое понятіе о степени распространенія велосипедной ѣзды, какъ времяпрепровожденія, стоитъ только пройти въ субботній или воскресный день по одной изъ главныхъ улицъ Лондона, выводящихъ на городскія окраины и дальше—въ открытыя окрестности. Словно выпущенная сразу туча стрѣлъ, мчатся другъ за другомъ, иногда пять-шесть въ рядъ, велосипедисты, которые въ остальные дни недѣли заняты физическимъ трудомъ, какъ средствомъ существованія. Особенно принята велосипедная ѣзда въ воскресенье, когда другіе виды спорта считаются въ Англіи почему-то неумѣстными. И тутъ лондонская дума явилась на помощь рабочему населенію, и въ нѣкоторыхъ паркахъ она не только устроила спеціальныя дорожки для велосипедистовъ, но и разрѣшила нѣкоторымъ велосипеднымъ фирмамъ держать въ паркахъ свои велосипеды для отдачи ихъ въ наемъ по часамъ, при чемъ установила опредѣленную таксу. Обычная плата—шиллингъ въ часъ.

Есть еще одинъ видъ спорта, сильно развитый среди рабочихъ въ Англіи, это—военныя упражненія. Какъ извѣстно, въ Англіи нѣтъ обязательной воинской повинности. Поступаетъ въ военную службу кто хочетъ и кто чувствуетъ къ ней призваніе, и изъ тѣхъ, которые всецѣло отдаютъ себя ей, составляется постоянное, такъ называемое регулярное войско, хорошо обученное и по своей дисциплинѣ похожее на континентальное. Но кромѣ этого регулярнаго войска, имѣется въ Англіи еще огромная армія, состоящая изъ такъ называемыхъ волонтеровъ, изъ людей, остающихся все время въ рядахъ остальныхъ гражданъ, продолжающихъ заниматься своими обычными трудами и посвящающихъ военнымъ упражненіямъ лишь свой досугъ. Эти добровольцы никакой воинской службы не несутъ. Они готовятъ себя въ защитники отечества лишь на случай непріятельскаго вторженія въ предѣлы Соединеннаго Королевства, и пока обя-

занность ихъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы опредѣленное число разъ въ году являться на ученьяхъ.

Чтобы не отстать въ патриотизмѣ отъ другихъ, каждая изъ большихъ профессиональныхъ корпорацій имѣетъ свой собственный добровольческій отрядъ. Адвокаты, врачи, университеты, чиновники (civil service), нѣкоторыя извѣстныя школы, какъ Итонская, Гарроуская и др., Британскій музей, почта—все они выделяютъ изъ своей среды большіе или меньшіе отряды добровольцевъ. Но все-таки самая большая часть и самая солидная въ арміи добровольцевъ состоитъ изъ приказчиковъ, ремесленниковъ и другихъ рабочихъ. Такъ какъ въ субботу работа кончается раньше, то и военныя упражненія обыкновенно происходятъ, въ этотъ день, часа въ три-четыре пополудни. Къ этому времени рабочій одѣваетъ военный мундиръ, иногда очень затѣливой формы, и, взявъ винтовку, съ ранцемъ за плечами, отправляется въ drill-hall, въ манежъ, или на смотръ въ Гайд-паркъ. Въ праздники, когда времени свободного больше, назначаются лагерныя занятія или большія военныя прогулки. Впрочемъ, для лагерныхъ занятій рабочіе и приказчики получаютъ даже разъ въ году особые отпуска отъ хозяевъ, которые, въ виду общественнаго мнѣнія, всегда стоящаго на сторонѣ волонтеровъ, не смѣютъ отказать въ такихъ отпускахъ.

Конечно, по самому характеру этого рода развлеченія, въ военныхъ упражненіяхъ должна преобладать молодежь, и дѣйствительно, большинство волонтеровъ состоитъ изъ людей моложе 30 лѣтъ, хотя не рѣдкость встрѣчать въ рядахъ ихъ и людей 40—50 лѣтъ. Обыкновенно каждый отрядъ имѣетъ собственный манежъ, свою организацію, кассу и особые порядки и обычаи. Раза два-три въ году каждый изъ отрядовъ устраиваетъ семейно-танцевальныя вечера, концерты и спектакли, на которыхъ присутствуютъ друзья и члены семействъ добровольцевъ.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы англійскія женщины сдѣлали попытку основать даже собственный женскій добровольческій отрядъ. Въ 1893 или 1894 г. мнѣ случилось присутствовать на собраніи женщинъ въ помѣщеніи „Ideal Club“, созданныхъ для обсужденія этого вопроса: почему-то онъ разсматривался тогда больше съ точки зрѣнія формы: какъ одѣваться? носить ли коротенькую юбку или шаравары? что болѣе подходитъ для военныхъ упражненій? Помнится, было рѣшено основать добровольческій отрядъ, а вопросъ о юбкѣ и шараварахъ отложить до тѣхъ поръ, пока въ отрядъ не запишется по крайней мѣрѣ сто женщинъ. Не знаю, чѣмъ кончилось дѣло, но во всякомъ случаѣ это была

затѣя лишь богатыхъ и совершенно праздныхъ женщинъ, готовыхъ на всякія эксцентричности, лишь бы послѣднія имѣли какую-нибудь идейную вывѣску. Рабочія женщины едва ли записались въ этотъ оригинальный отрядъ.

Рабочія женщины вообще почти не участвуютъ въ спортѣ. Въ то время какъ въ среднемъ классѣ велосипедомъ пользуются и женщины не менѣе, если не значительно больше, чѣмъ мужчины, среди рабочихъ велосипедъ почти исключительно мужское орудіе спорта, а жены и дочери рабочихъ ѣздятъ на немъ очень мало. Да и другіе виды спорта очень мало распространены среди рабочихъ женщинъ. У нихъ постоянно есть какая-нибудь работа дома, по хозяйству. Молодыя дѣвушки цѣлый день гдѣ-нибудь служатъ, въ горничныхъ, на фабрикахъ, въ переписчицахъ, на почтѣ и т. д., а въ часы досуга болѣе склонны къ прогулкамъ, особенно съ своими ухаживателями, къ театру и къ церковнымъ службамъ, и затѣмъ у каждой изъ нихъ всегда найдется какая-нибудь домашняя работа. Не мало изъ рабочихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, однако, занимаются и спортомъ, игрой въ лаунъ-теннисъ, особенно въ лондонскихъ городскихъ паркахъ Викторіи и Батерси. А въ bank-holidays, въ большіе праздники, можно видѣть молодыхъ рабочихъ женщинъ и дѣвицъ изъ болѣе низкихъ слоевъ гдѣ-нибудь на Hampstead Heath, любимомъ мѣстѣ гуляній, прыгающими черезъ веревку и танцующими. Прыганье черезъ веревку, которую держать за концы и рассказываютъ двое мужчинъ, составляетъ, кажется, любимѣйшую забаву рабочей дѣвушки. Она продолжаетъ прыгать до тѣхъ поръ, пока не спотыкнется или пока уже нечѣмъ дышать. И удовольствіе это стоитъ всего полпенса или пенсъ.

Болѣе крупное участіе женщины принимаютъ въ другомъ родѣ развлеченій, не менѣе распространенномъ среди рабочихъ классовъ Англіи, чѣмъ спортъ, это—въ экскурсіяхъ.

IV.

Главный признакъ чисто рабочей экскурсіи есть ея кооперативный характеръ. Кооперативныя поѣздки въ настоящее время вообще очень въ модѣ. Комитетъ „Тойнби-голла“, политехникумы, общество домашняго чтенія и нѣкоторые другія учрежденія ежегодно устраиваютъ довольно дешево и комфортабельно, исключительно на кооперативныхъ началахъ, очень большія поѣздки, какъ по Англіи, такъ и за границей. Политехникумъ на Риджентъ-

Стритъ обзавелся даже въ Швейцаріи и Италіи и, кажется, также въ Швеціи и Норвегіи, собственными виллами, меблированными комнатами и лужайками для спорта, для удобства своихъ путешественниковъ. Этими большими поѣздками, стоящими отъ трехъ до пяти фунтовъ и дороже, пользуются главнымъ образомъ учителя, конторщики, чиновники, студенты, но въ партіи туристовъ Тойнби-голла или политехникума вы найдете рядомъ съ учителемъ, архитекторомъ или студентомъ медицинской школы и молодого механика, каменщика, рисовальщика изъ какой-нибудь типографіи или другихъ представителей физическаго труда. Вообще составъ партіи смѣшанный, но это все-таки не специально рабочіе. Настоящая же экскурсія рабочихъ имѣетъ гораздо болѣе упрощенный и скромный характеръ.

Предпринимаются эти экскурсіи на самыхъ разнообразныхъ основахъ и по самымъ разнообразнымъ случаямъ. Наиболѣе распространенный видъ поѣздокъ—это по случаю такъ называемыхъ feast-bean, устраиваемыхъ рабочими одного и того же завода или фабрики, вообще рабочими у одного и того же хозяина. Деньги на feast-bean (я не даю перевода этого слова, такъ какъ сами англичане не могутъ добраться до его происхожденія: это не то „праздникъ бобовъ“, не то „праздникъ костей“, но во всякомъ случаѣ ежегодный праздникъ того или другого промышленнаго предпріятія) начинаютъ собираться съ Новаго года. Въ одномъ мѣстѣ ихъ собираютъ три мѣсяца, въ другомъ — четыре, въ третьемъ еще долѣе. Каждый изъ рабочихъ еженедѣльно вноситъ нѣсколько пенсовъ и затѣмъ къ собранной суммѣ хозяинъ прибавляетъ изъ своихъ средствъ столько же, сколько всего собрано, и на эти деньги устраивается маленькій праздникъ, состоящій обыкновенно изъ поѣздки за-городъ и обѣда. Нѣкоторые изъ этихъ feast-bean'овъ въ послѣдніе годы, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, приняли по истинѣ колоссальные размѣры. Большіе и богатые заводчики, отличающіеся своей щедростью, уже не ждутъ, чтобы ихъ рабочіе сами собирали между собою извѣстную сумму для части расходовъ, а берутъ на себя весь расходъ по экскурсіи, которая предпринимается довольно далеко.

Одною изъ наиболѣе интересныхъ экскурсій, устроенныхъ, напримѣръ, этимъ лѣтомъ хозяевами для своихъ рабочихъ, можно считать поѣздку рабочихъ, служащихъ на пивоваренномъ заводѣ въ Бартоуѣ, принадлежащемъ извѣстной старинной фирмѣ Bass, Ratcliff and Gretton. Всего было участниковъ экскурсій, считая рабочихъ, членовъ ихъ семействъ и служащихъ фирмы, 9.000 человекъ.

Мѣстомъ экскурсіи, состоявшейся 17-го іюня, былъ избранъ Скарборо, приморскій городъ на востокѣ Англіи, лежащій въ 200 верстахъ съ чѣмъ-то отъ Бартона. Для перевозки всего этого народа были взяты 15 специальныхъ поѣздовъ, отправлявшихся отъ Бартона черезъ каждыя десять минутъ, начиная съ трехъ часовъ утра. Нѣкоторое понятіе о величинѣ этой экскурсіи можетъ дать то, что всего потребовалось 250 вагоновъ. Въ пути экскурсанты пробыли три съ половиною часа, такъ что въ Скарборо они пріѣхали очень рано и здѣсь имъ предстоялъ цѣлый рядъ развлеченій, бесплатно предложенныхъ имъ фирмой. Каждый изъ участниковъ экскурсіи былъ снабженъ билетомъ, дававшимъ ему право посѣщать даромъ всѣ театры, выставку, сады, музеи, циркъ, акваріумъ. Одинъ изъ цирковъ былъ даже для этого случая специально выписанъ и театры давали экстренныя представленія. Скарборо вообще извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ и удобныхъ купальныхъ городовъ Англіи. Его даже называютъ „королевой сѣверныхъ купаленъ“, такъ что въ разнообразныхъ развлеченіяхъ тамъ никогда недостатка не бываетъ; притомъ фирма зафрахтовала еще два парохода и цѣлую флотилію маленькихъ парусныхъ лодокъ для желающихъ прокатиться по взморью, и на свой счетъ наняла лишнихъ два оркестра, которые должны были играть въ теченіе дня на берегу. Весело проведя цѣлый день въ Скарборо, участники экскурсіи стали возвращаться домой вечеромъ, въ девятомъ часу, въ специальныхъ же поѣздахъ и тѣмъ же порядкомъ, какъ и прибыли утромъ. Надо прибавить, что каждый изъ рабочихъ накануне экскурсіи получилъ еще довольно значительный денежный подарокъ.

Эти гигантскія экскурсіи рабочихъ и служащихъ пивоваренной фирмы Bass происходятъ ежегодно, съ тою лишь разницей, что въ одномъ году они ѣдутъ въ Скарборо, а въ другомъ—въ Блэкнулъ, Ливерпуль или Ярмутъ.

Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ учрежденіяхъ эти ежегодныя экскурсіи приняли за послѣдніе годы новое направленіе, общающееся, кажется, быстрое развитіе. До сихъ поръ рабочіе собирали деньги лишь на feast-bean, т.-е. на однодневную поѣзду, въ которой они всѣ участвовали одновременно; теперь же начинается входить въ обычай собраніе денегъ съ тѣмъ, чтобы дать возможность каждому рабочему провести не менѣ недѣли гдѣ-нибудь въ отъѣздѣ вмѣстѣ съ своей семьей. Я, напримѣръ, знаю одну типографію, въ которой наборщики, печатники, корректоры, брошюровщики и другіе рабочіе вотъ уже четвертый годъ пла-

тять въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ еженедѣльно по нѣскольку пенсовъ въ общую кассу. Взнось бываетъ не менѣе трехъ пенсовъ въ недѣлю, и каждый изъ участниковъ кассы заявляетъ впередъ за два мѣсяца, когда онъ намѣренъ воспользоваться отпускомъ. Одинъ изъ этихъ рабочихъ, стоящихъ при машинѣ, проводитъ, напр., свою недѣлю обязательно за границей—въ Парижѣ, Брюсселѣ или Берлинѣ. Впрочемъ, этотъ знакомый мнѣ рабочий—человѣкъ холостой. Семейные же уѣзжаютъ въ провинцію къ роднымъ или же проводятъ время на морскомъ берегу.

Но англійскій рабочий не только связанъ съ мѣстомъ работы, съ родомъ своихъ занятій. У него есть и другіе интересы, и другіе товарищи. Онъ—членъ клуба, онъ поетъ въ хорѣ, онъ—участникъ вспомогательной кассы, членъ общества трезвости или, наоборотъ, членъ клуба посѣтителей того или другого кабака (самые распространенные въ Англіи кружки) и т. под. И всѣ эти общества имѣютъ свои годовщины, свои ежегодные или ежемѣсячные обѣды и свои экскурсіи. То онъ отправляется въ экскурсію въ товариществѣ своихъ политическихъ единомышленниковъ, то ѣдетъ церковнымъ или инымъ хористомъ и т. д. Всѣхъ случаевъ поѣздокъ не перечесть, но въ большинствѣ ихъ онъ ѣдетъ съ семьей и участвуетъ въ общихъ расходахъ.

Если онъ ѣдетъ съ собутыльниками по кабаку или какъ членъ общества трезвости, какъ членъ той или другой церкви, то онъ это дѣлаетъ обыкновенно на лошадахъ, въ огромныхъ фургонахъ, снабженныхъ брезентовымъ верхомъ на случай дождя. Въ фургоны усаживается человѣкъ 30—40. Крупная тройка или четверка лошадей запряжена цугомъ; кучеръ или сидящій рядомъ съ нимъ кондукторъ, а то просто и любитель изъ экскурсистовъ громко трубятъ въ длинную пастушью трубу. Всѣ въ праздничныхъ костюмахъ. Мужья, чисто выбритые и умытые, съ цвѣтами въ петлицахъ и съ трубками въ зубахъ; жены съ корзинками провизіи на колѣняхъ; дѣти въ бѣлыхъ отложныхъ воротникахъ.

Конечнымъ пунктомъ экскурсіи избирается какое-нибудь мѣсто, служащее извѣстнымъ притягательнымъ пунктомъ для многихъ тысячъ экскурсантовъ. Обыкновенно это бываетъ какой-нибудь трактиръ, находящійся въ живописной мѣстности, вблизи парка, на берегу рѣки, у лѣса или у моря. Трактирщикъ въ большинствѣ случаевъ заранее извѣщается о прибытіи той или другой партіи и знаетъ, что ему нужно приготовить, обѣдъ или чай, а можетъ быть и то и другое, и на сколько человѣкъ и въ какую цѣну.

Самымъ любимымъ мѣстомъ лондонскихъ рабочихъ, куда они

стигиваются особенно по субботамъ огромными толпами, это Rue House, верстѣ тридцать отъ Лондона по большой восточной желѣзной дорогѣ, и Соутэндъ, верстѣ 55 отъ Лондона, у устья Темзы. Въ первое мѣсто они ѣдутъ почти исключительно на лошадяхъ, въ фургоняхъ, которые быстро оставляютъ улицу за улицей, удаляясь какъ бы все дальше и дальше отъ будничнаго труда и заботъ. Вотъ уже и первый загородный заѣзжій домъ, первая остановка. Если это экскурсія не трезвенниковъ, то путешественники „подкрѣпляются“. Впрочемъ остановка не продолжительна. Минутъ черезъ десять опять трубятъ рожокъ, и вся вереница разнообразныхъ фургоновъ трогается дальше, уступая свое мѣсто вновь прибывшимъ. Остановившись въ пути еще раза два-три, наконецъ достигаютъ цѣли. Здѣсь для нихъ все готово. Столы, въ хорошую погоду на лужайкѣ, накрыты бѣлыми скатертями. Есть тутъ и содержатели игръ для дѣтей, есть качели и шарманки, и ослики для катаній, и торговцы игрушками. За обѣдомъ бывають и рѣчи, и тосты. Послѣ обѣда молодежь устраиваетъ танцы, прогулки въ паркѣ или лѣсу, а если есть рѣка или прудъ, то катаются на лодкахъ. Все зависитъ отъ характера экскурсіи, отъ мѣстности, погоды. Къ вечеру экскурсанты собираются домой.

Поѣздки по желѣзной дорогѣ предпринимаются, конечно, на значительно болѣе дальнія разстоянія. Экскурсіонные поѣзда изъ Лондона идутъ рѣшительно во всѣ концы Соединеннаго Королевства и, состоя въ связи съ пароходами, берутъ путешественниковъ и на всѣ прилежающіе острова. Поѣздка съ экскурсіоннымъ поѣздомъ стдтъ вдвое, а въ иныхъ случаяхъ четверо дешевле, чѣмъ въ обыкновенномъ поѣздѣ. Напр., изъ Лондона въ Брайтонъ и обратно можно съѣздить за два шиллинга вмѣсто $7\frac{1}{2}$ шиллинговъ, въ Ширнессъ-он-Си за $2\frac{1}{4}$ вмѣсто 9 шиллинговъ и т. д. Иные изъ экскурсіонныхъ поѣздовъ идутъ ежедневно, другіе въ опредѣленные дни недѣли, а третьи лишь въ извѣстные дни въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Поѣздки по желѣзной дорогѣ, въ противоположность только что описанной на лошадяхъ, предпринимаются рабочими и въ одиночку, на собственный страхъ и рискъ. Важность увеселительныхъ поѣздокъ, какъ средства развлечения для рабочихъ классовъ, признана въ Англіи давно, но особенно много сдѣлано въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы. Нѣкоторые общества, созданныя съ цѣлью доставленія здоровыхъ и пріятныхъ развлеченій рабочимъ въ дни ихъ досуга, какъ, напр., воскресная лига, общество пріятныхъ воскресеній (Pleasant Sunday Afternoon Society), общество ранняго прекращенія торговли и другія, направ-

лють на дешевыя поѣздки особенное вниманіе и устраиваютъ ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, беря на себя не только роль организаторовъ, но и путеводителей по разнымъ мѣстамъ Англіи и за границей.

Этимъ развитіемъ увеселительныхъ поѣздокъ среди рабочихъ классовъ начали пользоваться и нѣкоторыя торговыя фирмы специально для своихъ цѣлей, и въ нынѣшнее лѣто, на примѣръ, извѣстная въ Англіи чайно-торговая фирма Tee-To-Tum, вербующая своихъ кліентовъ главнымъ образомъ въ рабочемъ населеніи, заявила, что она выдаетъ билеты на даровой проѣздъ на пароходѣ въ Рамсгетъ, Маргатъ или Соутэндъ каждому купившему у нея извѣстное количество четвертушекъ чаю. Билетъ дѣйствителенъ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ на одну поѣздку въ любой день. Каждый разъ при покупкѣ покупателю выдается ярлычокъ и, по накопленіи потребнаго количества ярлычковъ, онъ представляетъ ихъ въ магазинъ фирмы и взаменъ получаетъ обѣщанный билетъ.

Конечно, этимъ предложеніемъ фирмы пользуются исключительно рабочія семьи, отлично, однако, понимающія, что чаоторговцы имъ никакихъ подарковъ не дѣлаютъ и что даровой билетъ на проѣздъ является лишь результатомъ извѣстнаго вида сбереженій.

V.

Само собою разумѣется, что экскурсіи и отчасти спортъ приняты главнымъ образомъ въ лѣтнее время. Зимой преобладаютъ развлечения сценическія и клубныя, хотя слѣдуетъ сказать, что они не прекращаются и лѣтомъ.

Сцена, несмотря на всѣ усилія и протесты пуританъ, являлась въ Англіи, особенно въ Лондонѣ, издавна народнымъ развлеченіемъ и свою широкую популярность среди народныхъ массъ сохранила по настоящее время. Для своего процвѣтанія она не требуетъ субсидій и привилегій и въ своей программѣ не выноситъ никакихъ скрытно-образовательныхъ или воспитательныхъ цѣлей. Народный театръ въ Лондонѣ—такое же частное, коммерческое предпріятіе, какъ и всякій другой лондонскій театръ, и своей дѣятельностью онъ преслѣдуетъ лишь двѣ цѣли: наживу съ одной стороны и удовольствіе — съ другой. Антрепренеръ ищетъ барыша, а зритель — пріятныхъ впечатлѣній, и, повидимому, обѣ стороны довольны. Между ними не становится никто, чтобы направлять программу и репертуаръ въ ту или другую

сторону. Даже театральная цензура, сохранившаяся еще здѣсь, какъ обломокъ старины, касается лишь драматическихъ сочиненій и совершенно чужда другихъ представленій и сочиненій, какъ куплетовъ, романсовъ, пантомимъ и прочаго. Но и въ драмѣ ея роль слишкомъ ограничена, и, чувствуя себя неумѣстнымъ въ свободной Англіи, чуждымъ всему духу вѣка и существующимъ лишь по забывчивости парламента, занятаго болѣе важными дѣлами, драматическій цензоръ старается какъ можно меньше напоминать о себѣ, и радъ, если получаетъ свое жалованье, довольно приличное, въ полномъ забвеніи и неизвѣстности.

Такимъ образомъ вопросы о задачахъ искусства, объ облагораживающихъ впечатлѣніяхъ, о поднятіи вкуса и пр. вообще посторонни театральной антрепризѣ въ Лондонѣ, и я не знаю здѣсь ни одного театра, который бы задавался какими-нибудь народно-воспитательными цѣлями.

Строго говоря, народныхъ театровъ въ Лондонѣ вовсе даже нѣтъ. Есть лишь театры, которые посѣщаются однимъ почти „народомъ“, но это потому, что эти театры расположены въ такихъ частяхъ города, гдѣ все населеніе состоитъ лишь изъ рабочихъ и бѣдныхъ классовъ. Что же касается до самыхъ представленій, то, за малыми исключеніями, по существу никакой разницы между богатыми и бѣдными театрами нѣтъ. Тѣ же пьесы, которыя ставятся въ театрѣ Вестъ-Энда, можно увидѣть и въ самой бѣдной части Истъ-Энда, особенно если это жестокія мелодрамы или не знающіе мѣры бойкіе фарсы. Любимыя представленія, это—смѣсь, состоящая изъ множества нумеровъ—пѣнія, рассказовъ, танцевъ, жонглерства, пантомимъ и пр. Сцены, на которыхъ дается такая смѣсь, въ отличіе отъ чисто драматическихъ, называются music hall'ами, концертными залами. Граница между music hall'омъ и театромъ бываетъ, однако, иногда столь незамѣтна, что оба типа театральныя представленія можно смѣло принять за одинъ. Въ богатыхъ театрахъ эта граница еще кое-какъ можетъ быть указана, но въ народныхъ очень часто драмѣ предшествуетъ представленіе акробата, или куплеты и шансонетки слѣдуютъ за драмой. Очевидно, тутъ все дѣло въ томъ, чтобы угодить на всякій вкусъ, а чѣмъ угодить—вопросъ не особенно важный. Насколько это отсутствіе менторскаго и филантропическаго духа въ лондонскихъ народныхъ театрахъ хорошо или дурно, я не разбираю. Моя цѣль—лишь рассказать о томъ, что есть. Но чтобы поближе познакомиться съ народными

театральными развлечениями въ Лондонѣ, отправимся въ одинъ изъ театровъ, въ восточной части Лондона, Истъ-Эндъ.

Передъ нами одинъ изъ восьми или десяти театровъ, лежащихъ довольно близко одинъ отъ другого въ такой мѣстности, гдѣ они могутъ разсчитывать лишь на очень скромнаго театрального посѣтителя. Изъ богачей здѣсь никто не живетъ, а немногочисленный средній классъ предпочитаетъ театры въ западной части города, гдѣ публика „почище“.

Театръ, который мы собираемся посѣтить, расположенъ на Майль-Эндъ, на одной изъ широчайшихъ улицъ Лондона, на широкихъ тротуарахъ которой по вечерамъ гуляютъ толпы рабочаго люда, происходитъ торгъ фруктами, рыбой и разными товарами, и затѣваются небольшіе импровизированные диспуты, собирающіе вокругъ диспутантовъ множество любопытныхъ. Спорятъ обо всемъ,—и о религіи, и о политикѣ, и о морали. Интересно иной разъ послушать эти диспуты, ведущіеся по всѣмъ правиламъ публичныхъ митинговъ между какими-нибудь вочегаромъ съ ближайшаго завода или парохода и столяромъ, между рабочимъ въ докахъ и механикомъ или между другими представителями здѣшняго населенія. Намъ, однако, некогда останавливаться. Уже семь часовъ, а начало ровно въ половинѣ восьмого, а то и раньше. Въ западной части Лондона обычный часъ для начала, это — четверть или половина девятого, но это разсчитано на тѣхъ, которые обѣдаютъ въ восьмомъ часу и въ театръ пріѣзжаютъ въ тѣхъ же бальныхъ костюмахъ, въ какихъ встали изъ-за стола. Въ этомъ же, истъ-эндскомъ театрѣ—публика другая. Она обѣдаетъ, если есть на что, въ часъ дня, а въ шесть часовъ уже стоитъ у театральныхъ дверей, ожидая открытія кассы и торопясь занять лучшее мѣсто. Мѣста здѣсь недорогія. Заплативъ полтора шиллинга, около 75 копѣекъ, можно получить мѣсто въ седьмомъ ряду въ партерѣ: такое же мѣсто въ театрѣ Вестъ-Энда стоило бы пять шиллинговъ. Мѣста въ первыхъ шести рядахъ стоятъ по 2½ шиллинга; есть мѣста и въ шесть пенсовъ, и въ девять, и въ шиллингъ. Внутри театръ отлично отдѣланъ и обставленъ. Обычная театральная роскошь вся налицо: четырехмѣстные диванчики обиты краснымъ плюшемъ, барьеры галерей и разные барельефы въ позолотѣ; потолокъ—лѣпной работы; большія буфетныя стойки по сторонамъ зрительной залы блестятъ и сверкаютъ позолотой, мраморомъ, зеркальнымъ стекломъ и хрусталемъ. Освѣщеніе, само собою, электрическое. Внизу публики мало; заняты главнымъ образомъ задніе ряды, которые подешевле, а ряды въ полтора шиллинга почти пусты.

Есть между рабочими какъ будто и не рабочаго класса; быть можетъ, лавочники, старшіе приказчики, надсмотрщики. Главная публика, наверху, переполнивъ собою первый и второй ярусы, и преобладающій элементъ въ ней—молодежь, самая юная и уличная.

Всѣ спинки скамеекъ и дивановъ снабжены сзади полками, такъ что сидящіе за ними могутъ поставить на нихъ свои стаканы съ напитками. Тутъ же стоятъ спичечницы, и зрители то и-дѣло чиркаютъ ими и закуриваютъ папиросы и трубки.

Оркестръ сыгралъ увертюру, вызвавъ аплодисменты. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ представлений по программѣ. Музыкальный эксцентрикъ, въ помятой шляпѣ и во фракѣ съ оторванной фалдой, смѣшитъ публику на кларнетѣ. Онъ показываетъ, какъ играетъ англичанинъ и какъ нѣмецъ, и оказывается, что первый играетъ превосходно, съ чувствомъ и толкомъ, а второй—отвратительно. Публика очень довольна. Эксцентрикъ польстилъ ея національной гордости, и она сопровождаетъ его аплодисментами и рѣзкимъ свистомъ, что въ лондонскомъ народномъ театрѣ вовсе не выражаетъ собою неодобрения: свистятъ тамъ и отъ полноты удовольствія. Послѣ эксцентрика выступаетъ комикъ, маленькаго роста, одѣтый сначала солдатомъ, а потомъ констеблемъ. Онъ довольно зло осмѣиваетъ храбрость и безкорыстіе того и другого, и за это вознаграждается одобреніемъ публики. Слѣдующая за комикомъ одновременно пара актеровъ смѣшитъ публику пощечинами, каламбурами и нескладными прыжками. Любовно-сентиментальный элементъ является на сценѣ въ лицѣ пѣвицы, одѣтой скромною матроной. Во второй выходъ, какъ бы желая показать товаръ лицомъ, она уже появляется балериной, немного канканируетъ, какъ вообще канканируютъ балерины, безъ крайностей и подчеркиваній. Публика остается довольна и ею.

Слѣдуетъ рядъ другихъ комиковъ, пѣвицъ, танцовщицъ. Одинъ изъ нихъ выбѣгаетъ на сцену, запыхавшись, и спрашиваетъ, не видалъ ли кто испанскаго флота, и тутъ же рассказываетъ что-то смѣшное изъ быта моряковъ. Другой, „комическій“ пѣвецъ, поетъ довольно грустную исторію о томъ, какъ онъ 25 лѣтъ тому назадъ оскорбилъ ни за что, ни про что единственнаго своего сына, обвинивъ его въ воровствѣ. Сынъ исчезъ, а теперь вотъ онъ, старикъ, покоя не знаетъ.

Сынъ оказался невиннымъ и совѣсть грызетъ и мучитъ отца. Но гдѣ же сынъ, гдѣ онъ? въ какихъ дальнихъ странахъ бродитъ онъ одинокимъ, подъ незаслуженнымъ отцовскимъ проклятіемъ, терпя, быть можетъ, лишенія и горе, когда дома ждутъ

его сотни тысячъ?... „Гдѣ онъ“?—поетъ тоскующій отецъ, и слезы капаютъ изъ глазъ молодой женщины, сидящей за моей спиной съ мужемъ и мальчикомъ. „Гдѣ ты“?—продолжаетъ вопить отецъ, и вдругъ ему подають изъ-за кулисъ телеграмму: сынъ живъ, онъ здѣсь,—и вся театральная зала тронута и довольна воображаемымъ счастьемъ воображаемаго отца.

Затѣмъ „летающіе Евгенийі“ перебрасываютъ другъ друга съ трапеціи на трапецію, „японцы“ жонглируютъ, а „веселая компанія“, состоящая изъ восьми человѣкъ, разыгрываетъ комическія сцены изъ быта полицейскихъ и другихъ.

Публика относится ко всѣмъ исполнителямъ сочувственно и тепло. При нѣкоторыхъ, наиболѣе популярныхъ нумерахъ программы публика подпѣваетъ довольно громко и стройно. Многія изъ пѣсенъ впередъ разсчитаны на хоръ зрителей. Мой сосѣдъ запасся даже печатными экземплярами нѣкоторыхъ куплетовъ въ видѣ синихъ и красныхъ листовъ, продающихся на улицахъ по пенсу или дешевле за дюжину. Мой сосѣдъ внимательно слѣдитъ за текстомъ и въ болѣе патетическихъ мѣстахъ присоединяетъ свой голосъ къ голосамъ другихъ зрителей. Вотъ, напримѣръ, въ 12 номерѣ программы высокая и полная пѣвица въ трико и въ газовой мантильѣ, которую она носитъ на манеръ римской тоги, поетъ очень популярную теперь въ Лондонѣ пѣсню: „Ради старыхъ временъ“. Содержаніе пѣсни состоитъ изъ трогательнаго разсказа о томъ, какъ два брата влюбились въ одну дѣвицу. Естественно, одинъ долженъ былъ уступить, а другой женился. Черезъ много времени братья встрѣтились, предметъ ихъ ссоры давно умеръ, остался лишь послѣ нея ребенокъ, который и примирилъ ихъ „во имя ея святого имени“ и „ради старыхъ временъ“.

„Life's too short to quarrel, hearts too precious to break;
Shake hands, be brothers and friends for old times sake“¹⁾.

поетъ артистка, и вся театральная зала вторитъ бойкому и немножко грустному рефрену.

Послѣдній номеръ состоитъ изъ балетной пантомимы, а затѣмъ при звукахъ національнаго гимна публика расходится, не услышавъ за весь вечеръ ни одного двусмысленнаго намека и не увидѣвъ на сценѣ ни одного неприличнаго жеста или не-

¹⁾ Жизнь слишкомъ коротка, чтобы ссориться, сердца слишкомъ драгоценны, чтобы разбивать ихъ; пожмите руки, будьте братьями и друзьями во имя старыхъ временъ.

скромнаго тѣлодвиженія. Все это можно увидѣть и услышать въ богатыхъ music-hall'ахъ Вестъ-Энда.

Въ нѣкоторыхъ рабочихъ music-hall'ахъ и театрахъ, еще болѣе дешевыхъ, чѣмъ описанный, каждый вечеръ даются по два представленія: отъ половины седьмого до половины девятаго, и отъ девяти до половины одиннадцатаго.

Въ народныхъ театрахъ представленія кончаются значительно раньше, чѣмъ въ богатыхъ, иногда на цѣлый часъ. Мы выходимъ изъ театра около 11 часовъ. На Майль-Эндѣ жизнь еще бьетъ полнымъ ключомъ. Тротуары еще сильнѣе запружены, чѣмъ въ началѣ вечера; кучки любопытныхъ, окружающія диспутантовъ, выросли уже въ цѣлыя толпы, а торговля съ лотковъ—въ самомъ разгарѣ. Нефтяныя воронки торговцевъ выбрасываютъ огромные пламенные языки и ярко освѣщаютъ какъ бѣдный товаръ ихъ, такъ и неприхотливаго, помятаго жизнью и плохо-одѣтаго покупателя.

Сценическія представленія не ограничиваются одними подмостками театровъ. При охотѣ и досугѣ англійская рабочая семья имѣетъ случай много разъ въ году послушать за очень маленькую плату, а иногда и даромъ, хорошую музыку и посмотреть недурныя представленія, предлагаемыя ему не антрепренерами, а людьми, ничего общаго съ театромъ не имѣющими. То даетъ вечеръ мѣстный политическій клубъ, то церковь, то какое-нибудь общество. И въ воскресенье онъ можетъ присутствовать на концертахъ воскресной лиги, общества воскреснаго хора, камерной музыки въ Соутсъ-Плэсѣ и др., даваемыхъ въ 15—20 мѣстахъ Лондона одновременно. Концерты эти очень хорошіе; музыканты, пѣвцы и пѣвицы, участвующіе въ нихъ—артисты съ именемъ.

VI.

На рабочіе клубы когда-то возлагались очень большія надежды. Первые инициаторы ихъ, лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, прямо считали эти клубы для рабочихъ призванными возродить человѣчество, влить новый духъ братства и любви въ рабочую массу и связать всѣхъ людей однимъ высокимъ идеаломъ культурнаго общежитія. Въ представленіяхъ этихъ идеаловъ клубъ рисовался не столько мѣстомъ развлеченій, сколько средствомъ воспитанія и самообразованія, ячейкой всевозможныхъ рабочихъ организацій, зерномъ социальныхъ реформъ. Клубъ долженъ былъ научить самоуправленію, снабдить книгами для

чтенія, служить касседрой по разнымъ научнымъ предметамъ и, главнымъ образомъ, явиться противовѣсомъ кабаку.

Таковъ былъ идеаль. Жизнь, однако, дала нѣчто совсѣмъ другое. Клубы для рабочихъ—чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше—удалились отъ своихъ воспитательныхъ и образовательныхъ цѣлей и, подобно клубамъ для людей богатыхъ, обратились исключительно въ мѣста отдыха, развлечения и—что непріятнѣ всего—въ мѣста неумѣреннаго питья. И произошло это по той простой причинѣ, что клубамъ хотѣли дать несвойственную имъ задачу. Всѣ тѣ цѣли, которыя ставились первыми инициаторами рабочихъ клубовъ, начали достигаться другими путями, болѣе совершенными и прямыми. Ростъ техническихъ и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, распространение политехникумовъ, вечернихъ классовъ, появленіе народныхъ университетовъ и сотенъ общественныхъ библіотекъ, изданіе закона о школьныхъ совѣтахъ, введеніе новыхъ думскихъ, графскихъ и приходскихъ выборовъ и многое другое, чрезвычайно облегчавшее доступъ къ образованію, поднявшее народное самоуваженіе и выдвинувшее цѣлый рядъ новыхъ благотворныхъ социальныхъ факторовъ,—все это умалило роль рабочихъ клубовъ, сдѣлало излишнимъ и ненужнымъ ихъ слабыя и разрозненные усилія въ сферѣ болѣе сложныхъ общественныхъ задачъ. Основанный въ 1862 году союзъ рабочихъ клубовъ и институтовъ (Working Men's Club and Institute Union), который долженъ былъ объединять и направлять ихъ воспитательную и образовательную дѣятельность, хотя и существуетъ по настоящее время, давно пересталъ быть, да никогда и не былъ, какимъ-нибудь серьезнымъ факторомъ общественнаго процесса въ Англіи. Нынѣшній рабочий клубъ, по характеру своему, ничѣмъ не отличается отъ всякихъ другихъ клубовъ, обладая всѣми имъ свойственными недостатками и достоинствами.

Рабочихъ клубовъ въ Лондонѣ, во всякомъ случаѣ, не мало.

Считая только причисленные къ союзу,—а другихъ нечего считать, такъ какъ это въ сущности маленькіе кабаки и игорные дома, содержимые частными лицами,—въ концѣ 1896 года ихъ было 155; они считали 43 тыс. членовъ. Цифра эта очень маленькая для города съ рабочимъ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ человекъ; притомъ въ числѣ этихъ 43 тысячъ членовъ добрая треть состоитъ изъ молодыхъ людей, не достигшихъ и 20-лѣтняго возраста. Затѣмъ очень многія лица и не изъ рабочего класса состоятъ также членами рабочихъ клубовъ.

Очевидно, англійскій рабочий еще въ сравнительно слабой

степени испытываетъ потребность въ клубной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, откуда взяться этой потребности у рабочаго чело-вѣка, цѣлый день не бывающаго дома? Клубъ, это—убѣжище или для пресыщенныхъ уже семейной жизнью, или, наоборотъ, для тѣхъ, которые никогда не знали ея. Семейнаго чело-вѣка, который приходитъ домой лишь къ вечеру и цѣлый день не видѣлъ ни дѣтей, ни жены, можетъ потянуть въ клубъ лишь бу-фетъ и карты, т.-е. именно то, чему, по замыслу доброжелатель-ныхъ идеалистовъ, рабочіе клубы призваны были противодѣй-ствовать.

Вотъ почему среди развлеченій англійскихъ рабочихъ, какъ это ни странно можетъ казаться съ перваго взгляда, клубъ за-нимаетъ самое послѣднее мѣсто и никогда не является дѣломъ собственной инициативы рабочихъ. Будучи дѣломъ, въ большей части навязаннымъ извнѣ, вызваннымъ не потребностью самихъ рабочихъ, а цѣлями, имѣющими мало общаго съ задачами клуб-ной жизни, рабочіе клубы лишены той внутренней жизненности, какая свойственна естественно-выросшимъ обществамъ, и въ ре-зультатъ множество клубовъ, но очень мало членовъ въ нихъ.

Обыкновенно клубы для рабочихъ по своему происхожденію раздѣляются на политическіе и соціальныя. Изъ 155 лондон-скихъ рабочихъ клубовъ—78 политическіе и 73 соціальныя (объ остальныхъ у меня свѣдѣній нѣтъ). Первые считаютъ около 23 тыс. членовъ, вторые—около 19.

Политическіе клубы устроиваются политиками, часто людьми, собирающимися поставить свою кандидатуру на парламентскихъ выборахъ. Будущій кандидатъ даетъ деньги на зданіе, обстановку, библіотеку и затѣмъ ему приходится тратить и на содержаніе клуба, такъ какъ однихъ членскихъ взносовъ иногда не хва-таетъ на это. Средній размѣръ членскаго взноса—около семи шиллинговъ (отъ одного до 15 шиллинговъ въ годъ); но и эти взносы дѣлаются не всегда аккуратно, и число членовъ всегда меньше, чѣмъ требуется для полной оплаты расходовъ.

Рабочій политическій клубъ поэтому почти всегда зависитъ отъ подачекъ своихъ покровителей, и мѣстный членъ парламента служить для него постоянной дойной коровой. Особенно это справедливо въ отношеніи рабочихъ клубовъ консервативной партіи. Рабочихъ консерваторовъ вообще очень немного въ Англіи, а членовъ клуба еще того меньше, и содержаніе клу-бовъ всецѣло падаетъ на тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые пользуются ими для своихъ партійныхъ цѣлей.

Соціальныя клубы чужды всякой партійной политики. Они

состоять изъ такъ называемыхъ церковно-приходскихъ клубовъ, parish-clubs, устроиваемыхъ пасторами въ своихъ приходахъ, и изъ клубовъ, устроиваемыхъ культурными миссіонерами, дѣятелями среди народа, богатыми филантропами, особенно членами университетскихъ поселеній.

Соціальные клубы чаще всего открываются на средства самихъ членовъ ихъ, обыкновенно въ самомъ упрощенномъ видѣ. Снимается одна или двѣ комнаты, ставится столъ и пара скамеекъ—и клубъ готовъ. Но и эти скромные клубы въ концѣ концовъ рѣдко обходятся безъ посторонней матеріальной помощи и всегда находятся подъ надзоромъ людей изъ средняго класса. Такимъ образомъ, настоящихъ рабочихъ клубовъ въ Лондонѣ, вполнѣ окупающихъ всѣ свои расходы, можно сосчитать по пальцамъ. Да и эти клубы обязаны своимъ успѣхомъ не столько увеличившейся потребности въ клубной жизни, сколько бойкой торговлѣ буфета. Клубы, основанные на принципѣ трезвости, влечать жалкое существованіе. Такихъ клубовъ въ Лондонѣ немного: изъ 151 клуба лишь 14 не торгуютъ крѣпкими напитками—одинъ политическій и тринадцать соціальныхъ.

Говоря о роли буфета въ судьбахъ рабочаго клуба, считаю не лишнимъ привести здѣсь отзывъ, слышанный мною на дняхъ въ одномъ частномъ собраніи фабіанскаго общества. Въ собраніи былъ поднятъ вопросъ, отчего въ послѣдніе годы члены общества такъ мало читаютъ лекцій въ рабочихъ клубахъ? Уменьшился ли запросъ на эти лекціи, или сами фабіанцы недостаточно усердно относятся къ дѣламъ общества? И отвѣтъ былъ данъ самый поразительный. Клубная публика просто предпочитаетъ оставаться въ буфетѣ, и лекторъ, при всей его охотѣ, оказывается ненужнымъ.

Но если клубъ является плохой аудиторіей,—онъ вполнѣ удовлетворяетъ свое назначеніе, какъ мѣсто развлеченій. Подобно многимъ другимъ клубамъ, и рабочіе клубы имѣютъ свои годовые обѣды, свои ежемѣсячные или еженедѣльные концерты, танцы и прочія празднества и собранія. И, во всякомъ случаѣ, если въ клубѣ и пьютъ, то не пьянствуютъ. Пьяному въ рабочемъ клубѣ нѣтъ мѣста. Стоитъ какому-нибудь члену показаться въ клубѣ раза два-три не въ своемъ видѣ, чтобы онъ былъ совершенно исключенъ. Само правленіе союза клубовъ исключаетъ изъ своей среды всякій клубъ, въ которомъ буфетъ показываетъ чересмѣрный доходъ. Въ то же время клубъ является и прекрасной почвой для разныхъ другихъ начинаній въ области пріятныхъ времяпрепровожденій, какъ кружковъ спорта

и игръ, музыки, пѣнія, драматическаго искусства, экскурсій и пр. И можно ожидать, что съ постановкою вопроса о рабочихъ клубахъ на болѣе реальную и соотвѣтствующую жизненнымъ потребностямъ почву, характеръ ихъ еще болѣе улучшится. Въ послѣдніе годы замѣтенъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнный прогрессъ. Достаточно сказать, что не далѣе какъ въ 1890 году клубовъ, причисленныхъ къ союзу, было всего 328, а къ концу 1897 г. ихъ уже было 627. И съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ досуга рабочихъ массъ неминуемо разовьется и клубная жизнь, хотя съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и то, что съ увеличеніемъ домашнего комфорта уменьшается потребность въ клубѣ.

Клубная жизнь—это уже въ нѣкоторомъ родѣ замкнутая жизнь дома. Говоря о ней, мы поэтому какъ бы уже стоимъ на порогѣ частной жизни рабочей семьи. Поэтому интересно было бы взглянуть на англійскаго рабочаго въ кругу его семьи, въ стѣнахъ его жилища, этого „замка англичанина“, взглянуть на него не только какъ на члена того или другого клуба, того или другого общества, а какъ на мужа, отца, брата, въ той будничной, повседневной обстановкѣ семейной жизни, которая обыкновенно скрываетъ въ себѣ главный источникъ радостей и страданій всякаго средняго человѣка.

Но объ этомъ крайне интересномъ предметѣ мы надѣемся поговорить особо.

С. Р—тъ.

„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“

РОМАНЪ

„The nether World“, by George Gissing.

XVII.—Наконецъ-то! *)

Въ дешевой мебелированной комнатѣ, за круглымъ, шаткимъ столомъ сидѣла Клара.

„Я получила ваше письмо (писала она); но оно для меня такъ же неясно, какъ и предыдущее. Вы какъ будто чего-то не договариваете; или, можетъ быть, вамъ стыдно сказать? Вы говорите, что для меня представляется прекрасный случай заработать большія деньги; такъ если вы не шутите, растолкуйте мнѣ хорошенько, въ чемъ дѣло? Это тѣмъ болѣе важно для меня въ настоящее время, что я не вижу никакой перемѣны къ лучшему въ условіяхъ моей жизни; если же я не достану денегъ на покупку костюмовъ, то и ролей мнѣ не дадутъ никогда подходящихъ; а на тѣхъ, которыя я теперь исполняю, не выдвинешься, да и противѣли онѣ!

„Отъ васъ я больше брать не намѣрена ни гроша; впередъ говорю: такъ и знайте! Но вы мнѣ пишете, что эта возможность дать мнѣ заработать деньги идетъ не отъ васъ; въ такомъ случаѣ говорите прямо: что я должна сдѣлать?

„За большія деньги я *почти* на все готова, но не настолько ужъ я низко пала, чтобы пуститься на подлые или безчестные

*) См. выше: августъ, стр. 641.

поступки. Хотя, повторяю, въ своемъ отчаяніи я дошла до того, что на многое посмотрѣла бы сквозь пальцы, лишь бы дожидаться торжества моихъ многолѣтнихъ усилій „пробиться“! Чего бы мнѣ это ни стоило, а я заставлю людей говорить обо мнѣ, заставлю читать и слушать про меня! Я сторицею вознагражу себя за претерпѣнное униженіе и неудачи! Пишите же прямо безъ обиняковъ, или заходите сами“.—К. В.

Подъ унылый свистъ вѣтра, который завывалъ въ трубѣ, при неровномъ свѣтѣ, который бросало пламя въ каминѣ, то вспыхивая, то потухая, Клара запечатала свое письмо и написала адресъ:

„К. Г. Скауторну, эсквайру“.

Утомленная, она опустила на кресло и печально задумалась обо всемъ... и ни о чемъ. Такъ съ нею бывало теперь каждый разъ, какъ она оставалась одна, особенно въ сумеркахъ или въ темнотѣ. Вотъ уже четвертая недѣля, какъ она служитъ въ странствующей труппѣ, которая разъѣзжаетъ по провинціи съ самымъ выгоднымъ репертуаромъ—одной единственной, но „знаменитой“ мелодрамой „Тайна рѣки Темзы“. Эта пьеса выдержала четыреста представленій *подъ рядъ* въ столицѣ! И потому она доходила сотни всякихъ умныхъ другихъ. Роль у Клары была меньше, чѣмъ у Грэсъ Данверъ; но и та была на второстепенныхъ „амплуа“; главную роль исполняла Эрминія Уолькотъ, которая дѣлила шумный успѣхъ въ каждомъ представленіи съ ея героемъ (онъ же и антрепренеръ), м-ромъ Самюэлемъ Пилемъ. Никто такъ, какъ Эрминія, не умѣлъ поразить публику въ той сценѣ, гдѣ какіе-то негодяи душатъ ее и швыряютъ за рѣшетку лондонскаго моста. Теперь предстояло третье и послѣднее (для небольшого городка въ Ланкаширѣ) представленіе этой замѣчательной пьесы.

Клара только-что подошла къ камину, чтобы помѣшать огонь, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь.

— А? Какъ вамъ понравится? Миссъ Уолькотъ дала тягу!—воскликнулъ оживленно женскій голосъ и въ комнату вошла молодая женщина лѣтъ двадцати-пяти.

Но Клара не проявила особаго удивленія при этой грандіозной новости: она знала, что давно уже были замѣтны неладки между „хозяиномъ“ и премьершей“. Зато волненіе Грэсъ Данверъ было ей тѣмъ болѣе понятно, что эта послѣдняя должна была замѣнить въ тотъ же вечеръ бѣжавшую миссъ Уолькотъ.

— Очень рада,—замѣтила Клара сдержанно.

— Что-то не похоже, — возразила въ свою очередь ея сослуживица, начиная раздражаться.

— Чего же вамъ еще больше? Кричать мнѣ, что-ли, отъ восторга, что случай, наконецъ, даетъ возможность величайшей въ мірѣ артистѣ показать себя?

Въ этомъ намекѣ вылилась немалая доля той горечи, которая уже не сегодня накопилась между бывшими подругами. Клара впрочемъ вела себя несравненно сдержаннѣе, а Гресь положительно теряла всякое самообладаніе.

— А все-таки этотъ случай пришелъ! — рѣзко засмѣявшись, сказала она. — Когда придетъ твой чередъ, можешь требовать, чтобы и я поздравляла тебя въ свою очередь! — и она торжественно выплыла вонъ изъ комнаты.

Клара также вышла изъ дому, бросила письмо въ почтовый ящикъ и пошла по направленію къ театру, гдѣ шла экстренная репетиція, устроенная исключительно для Гресь, о появленіи которой собственно публика не должна была ничего подозрѣвать до начала представленія.

Въ послѣднюю минуту, когда зрителей уже набралось порядочно, когда занавѣсъ уже готовъ былъ подняться, а раекъ, биткомъ набитый, трепеталъ отъ нетерпѣнія, м-ръ Пиль появился и сказалъ прочувствованнымъ и внятнымъ голосомъ, что „къ сожалѣнію, по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ вынужденъ замѣнить отсутствующую артистку другою, но, несмотря на быстроту происшедшей перемѣны, онъ надѣется, онъ вѣритъ въ благосклонность и снисходительность почтеннѣйшей публики“!..

Первый ропотъ неудовольствія прокатился по рядамъ и перешелъ въ грохотъ рукоплесканій. Представленіе началось и кончилось безъ особыхъ приключеній; публика осталась довольна, но дамы-артистки замѣтили не безъ злорадства, что самъ герой пьесы, м-ръ Пиль все время игралъ раздражаясь на неумѣнье и нечуткость миссъ Данверъ, которая не стѣмѣла отгнать его выигрышныя мѣста, какъ это дѣлала миссъ Уолькотъ. Клара играла разбѣяниѣ обыкновеннаго, но не придавала этому никакого значенія, такъ какъ ея роль была незначительная. Каково же было ея изумленіе, когда ее вдругъ позвали въ кабинетъ „хозяина“, въ первый же перерывъ по окончаніи мелодрамы. М-ръ Пиль, человекъ еще молодой и статной, даже изящной внѣшности, гордился тѣмъ, что умѣетъ всегда деликатно обращаться со своимъ дамскимъ персоналомъ; однако на этотъ разъ какъ-то такъ свирѣпо смотрѣли его черные глаза изъ-подъ надвинутыхъ бровей, что Клара изумилась.

— Миссъ Вэль,—началь онъ:—вамъ, можетъ быть, не безвѣстно, что вы провели свою роль хуже обыкновеннаго?

— Можетъ быть, — не глядя на него, подтвердила Клара.

— Но *почему* же это такъ случилось?

— Должно быть, я была не въ духѣ. Да и не стоило стараться: для публики разница была бы незамѣтна.

— Въ томъ смыслѣ, что вы, значить, *всегда* играете невнимательно?

— Нѣтъ, если роль не стоитъ вниманія... хотя бы публика была способна ее оцѣнить.

Въ манерѣ и голосѣ Клары было столько дерзости и она такъ ловко счумѣла ихъ оттѣнить, что само по себѣ это умѣнье было залогомъ ея сценическихъ способностей.

— Однако, сударыня! Такъ говорить о публикѣ, которая мнѣ дѣлаетъ восторженный приѣмъ, все равно, что считать *меня* бездарностью!—воскликнулъ антрепренеръ.

— Я не имѣла намѣренія...

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не имѣли; но скажите, вы недовольны своей ролью?

— И это, надѣюсь, вполне естественно,—подсказала Клара.

— Вы, пожалуй, готовы вообразить, что изъ васъ выйдетъ и Джульетта, и лэди Макбетъ?

— И та, и другая выйдетъ у меня не хуже, чѣмъ у другихъ,—сколько мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ.

М-ръ Пиль разразился смѣхомъ, не лишеннымъ добродушія.

— Очень жаль, что не могу пока доставить вамъ возможность выступить въ Шекспирѣ; но что вы скажете на предложеніе снизойти до роли Лауры Дентонъ?

Предложеніе замѣнить Грэсъ, которая въ этой роли только что выступила вмѣсто миссъ Уолькотъ, показалось Кларѣ нѣсколько страннымъ и даже подозрительнымъ.

— Какъ вамъ кажется: во сколько времени вы могли бы ее выучить?—продолжалъ тотъ.

— Часъ или два—не больше: я ее почти знаю!

Задумчиво прошелся м-ръ Пиль взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Условій, конечно, я не дѣлаю съ вами пока никакихъ, а только... мы завтра ѣдемъ въ Болтонъ и вы тамъ попробуете свои силы. Завтра можемъ переговорить еще и сдѣлать репетицію. Спокойной ночи!

Выходя отъ директора, Клара пропустила почти безъ вниманія то обстоятельство, что въ корридорѣ у дверей кабинета притаились, жадно ожидая ея появленія, Грэсъ Данверъ и дру-

гая актриса. До дому она дошла подъ дождемъ; но не чувствовала, что промокла до костей и, не дотрогиваясь до ужина, который ожидалъ ее, принялась читать свою роль громко и съ надлежащимъ выраженіемъ. Несмотря на поздній часъ, ей помѣшали и никто иной, какъ Грѣсъ, которая жила отдѣльно отъ нея.

Поздняя посѣтительница была до того взволнована, что хотѣла заговорить—и не могла; только губы ея беззвучно шевелились, а языкъ не повиновался, какъ у параличной. Молча стояли онѣ обѣ, не сводя одна съ другой своихъ горячихъ глазъ.

— Я полагаю, вы намѣрены сдѣлать мнѣ сцену?—спросила Клара.—Только пожалуйста не забудьте, что уже поздно и что шумъ будетъ слышенъ всѣмъ въ домѣ.

— Вы хотите сказать, что приняли предложеніе Пили безъ возраженій, не указавъ ему на неловкость говорить съ вами прежде, чѣмъ со мной?

— Да, хочу сказать! Довольно мнѣ пришлось дожидаться. Я тоже хочу воспользоваться удобнымъ случаемъ.

— И вы еще считаетесь моимъ другомъ?

— Самый близкій мнѣ другъ—я сама, тѣмъ болѣе въ подобномъ дѣлѣ. На моемъ мѣстѣ и вы поступили бы такъ же точно.

— Никогда! Я не способна на такіе низкіе поступки. Всѣ васъ осудятъ!

— Вотъ вздоръ! Чѣмъ же я виновата, что вы плохо сыграли свою роль? И наконецъ, какъ для васъ это былъ пробный спектакль, такъ это будетъ и для меня.

Грѣсъ язвительно засмѣялась:

— „Плохо сыграла“! Какъ будто всѣмъ намъ неизвѣстно, какимъ способомъ вы этого добились? Знаемъ мы прекрасно, какъ достаются успѣхи подобнымъ особамъ!..

Голосъ ея прервался; она захлебнулась раздражительнымъ кашлемъ; на платѣ, который она поднесла къ губамъ, показалась кровь... Клара сдержала свой гнѣвный порывъ и, презрительно взглядывая на несчастную, проговорила:

— И пробовать не буду съ вами спорить или говорить дерзости; въ этомъ вы, конечно, осилите меня! Лучше послушайтесь добраго совѣта, пойдите домой и ложитесь въ постель: вамъ надо побережечь себя, вы совсѣмъ больны! Чтѣ бы ни думали обо мнѣ вы или всѣ другіе, мнѣ все равно, хоть вы и наговариваете на меня. Вы говорите вдобавокъ, что мы съ вами друзья; но какая же можетъ быть дружба между женщинами, которымъ

надо каждой пробить себѣ дорогу въ жизни! Вамъ самой приходилось переживать такія же тяжелыя времена, какъ и мнѣ. И вы, конечно, въ глубинѣ души не думаете, чтобы я могла поступиться своими правами въ вашу пользу; по крайней мѣрѣ отъ васъ я не стала бы требовать ничего подобнаго. Мы должны бороться съ жизнью, и слабѣйшія изъ насъ погибнуть. Вотъ чему научилъ меня житейскій опытъ!

— Вы правы!—съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ отвѣтила Грэсъ.—Посмотримъ, кто-то побѣдитъ?

Все вниманіе, всѣ помыслы Клары были поглощены ея письмомъ къ Скауторну—иначе она замѣтила бы съ испугомъ, какой ужасный взглядъ, полный ненависти, бросила на нее соперница, уходя. Ярче, нежели обыкновенно, представилась Кларѣ та бездна житейской грязи, въ которую она по доброй волѣ окунулась, въ надеждѣ поскорѣе придти къ желанной цѣли. И вотъ... Какъ эта цѣль близка! Какъ близко время, когда она всѣмъ покажетъ, что она не даромъ понадѣялась на себя, на свой талантъ... Скоро начнется цѣлый рядъ успѣховъ; потомъ—ея портреты появятся въ окнахъ на ряду съ другими знаменитостями, и *тѣ*,—тѣ близкіе и родные, которыхъ она не успѣла убѣдить, —увидятъ и убѣдятся!.. Наконецъ-то!!

На репетиціи Клара была особенно мягка къ несчастной Грэсъ: въ сердцѣ у нея защемило, когда она увидала, до чего та блѣдна и худа. Имя Клары Вэль уже появилось въ Болтонѣ на всѣхъ перекресткахъ;—крупными буквами оно было напечатано противъ имени героини на грандіозныхъ цвѣтныхъ афишахъ. Сама Клара была, какъ во снѣ, и какъ во снѣ слышались ей горячія похвалы м-ра Пили, сулившія ей близкое и вѣрное торжество. На спектакль она пошла заблаговременно, чтобы не спѣша одѣться и подготовиться къ выходу.

Вечеръ былъ чудесный, но въ двухъ-трехъ переулкахъ, которые прилегали къ театру, было особенно темно и тѣсно. Мастерицы толпою шли домой и, по обыкновенію, пѣли хоромъ. Клара прижалась къ стѣнѣ и дала имъ пройти; а затѣмъ бѣгомъ ринулась впередъ.

У самого входа на сцену стояла какая-то женщина подъ вуалью и никого не пропускала мимо безъ того, чтобы не взглянуть пристально въ лицо прохожему. Клара въ свою очередь посмотрѣла на незнакомку и спросила ее почти ласково:

— Грэсъ, это вы?

Вмѣсто отвѣта, ей въ лицо хлеснуло что-то ужасное, —жидкое, жгучее, разъядающее мясо до костей. Съ отчаяннымъ, не-

человѣческимъ воплемъ, Клара бросилась бѣжать, сама не зная куда.

Въ ту же ночь одинъ стрѣлочникъ, идя вдоль по рельсамъ желѣзной дороги недалеко отъ города, набрелъ на тѣло страшно искалѣченной женщины, смятой повозомъ. Платье на ней было такое, какихъ не носятъ ни рабочія, ни крестьянки, а болѣе зажиточныя и цивилизованныя женщины; на ней былъ очень большой платокъ, а на рукахъ—перчатки. Ничто не могло бы дать чужимъ людямъ возможность удостовѣрить ея личность, тѣмъ болѣе, что ея лицо... Но въ полицію уже пришла просьба о розысканіи одной исчезнувшей особы, и люди, знавшіе ее, безъ труда признали въ трупѣ не кого иного, какъ Грэсъ Данверъ.

XVIII.—Джозефъ устроился.

Помощникъ нотариуса, Чарльсъ-Генри Скауторнъ, родился въ красивой мастерской, въ обстановкѣ которой и протекло его раннее дѣтство; но его влекло къ болѣе отвлеченному и, такъ сказать, умственному труду, а потому отецъ и не препятствовалъ ему поступить въ контору нотариуса,—сначала только въ качествѣ мальчишки-переписчика. По смерти отца, ему пришлось одному перебиваться, чтобы прокормить самого себя и свою мать;—мастерской какъ не бывало. Въ это время нужды и стремленія выбиться на дорогу съ нимъ случилось то, чему подтверждено большинство такихъ же бѣдняковъ: онъ преуспѣлъ въ своемъ намѣреніи, но его нравственныя стороны потерпѣли поражение. Изъ такого испытанія человѣкъ рѣдко выходитъ неповрежденнымъ нравственно. Такъ и на Скауторна умѣнье выдвинуться по службѣ имѣло пагубное вліяніе; между прочимъ, онъ пристрастился къ театру и сжился съ его закулиснымъ міромъ. Такимъ образомъ, онъ познакомился съ Грэсъ Данверъ, и отъ него узнала Клара о судьбѣ, постигшей ея бывшую покровительницу и подругу, которая сдѣлалась любимой ученицей м-ра Дрэка.

Прошло еще немного,—и къ тому же профессору драматическаго искусства Скауторнъ привелъ молодую дѣвушку, красавицу и умницу, но почти необразованную, однако мечтавшую сдѣлаться актрисой. И въ самомъ дѣлѣ, года полтора спустя, миссъ Клара Юэттъ, а по сценѣ Вэль, получила ангажементъ въ какомъ-то шотландскомъ театрѣ.

Джозефъ Снаудонъ все это припомнилъ, когда въ разговорѣ съ Клемъ услышалъ о Кларѣ; но теперь ему было не до того. Онъ былъ самъ не свой, пока старикъ и Дженни были въ отлучкѣ. Едва заслышавъ объ ихъ возвращеніи, онъ поспѣшилъ „провѣдать дочь“, и въ сущности не особенно въ данномъ случаѣ притворялся, потому что Дженни невольно будила въ немъ какое-то хорошее, искреннее чувство. Можетъ быть, тутъ отчасти помогли условія его собственнаго домашняго очага и то обстоятельство, что у отца своего, въ присутствіи Дженни, онъ дѣйствительно отдыхалъ душою. Главное, что его тревожило, это бракъ Дженни и Сиднея, который могъ помѣшать его денежнымъ разсчетамъ... Заглянувъ къ „старикѣ“ Джозефъ удивился, что засталъ дома свою дочь.

— Я все хвораю и опять успѣлъ прихворнуть, — пояснилъ тотъ. — Такъ ужъ думаю, пусть она больше не ходитъ на работу.

Встрѣтивъ взглядъ Дженни, особенно серьезный и молчаливый, отецъ еще больше изумился; тѣмъ болѣе, что и въ ея тихой поступи онъ замѣтилъ какую-то новую для него твердость и самообладаніе. Разгада не замедлила.

Чувствуя, что его здоровье ненадежно, дѣдъ въ то утро сказалъ ей то же, что недавно говорилъ Сиднею; теперь же настала очередь Джозефа, которому онъ считалъ долгомъ объяснить положеніе дѣла, хоть и не могъ рассчитывать на его сочувствіе.

— Послѣ моей смерти, ты убѣдишься, что и по отношенію къ тебѣ я поступилъ такъ же внимательно, — проговорилъ старикъ въ заключеніе. — Но ты уже не первой юности человекъ, и, конечно, прежде чѣмъ умру, я хотѣлъ бы видѣть, какъ ты устроишь окончательно свои дѣла.

Смущенный Джозефъ поспѣшилъ просить по почтѣ Скауторна „назначить свиданіе“. И они свидѣлись въ своемъ обычномъ ресторанчикѣ на другой день.

— Да. Завѣщаніе сдѣлано десять дней тому назадъ, — замѣтилъ Скауторнъ. — Вамъ семь тысячъ фунтовъ, за вычетомъ судебныхъ издержекъ; а тридцать тысячъ — Дженни. Душеприказчиками, опекунами Дженни до ея совершеннолѣтія, назначены м-ръ Герсиваль и его сынъ; въ случаѣ же ея смерти, эти деньги будутъ розданы на благотворительныя учрежденія.

— По-моему, старикъ рехнулся, — стиснувъ зубы со злости, проговорилъ Джозефъ. — Или онъ въ самомъ дѣлѣ такой ужъ дуракъ, что могъ вообразить, будто Дженни дѣйствительно не истратитъ на себя ввѣренныхъ ей денегъ? А Керквудъ? О, это тон-

кій человекъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы съ нимъ познакомились. (Скауторнъ поспѣшилъ замѣтить, что онъ и самъ былъ бы отъ этого не прочь). Ну, а если онъ женится на ней?

— Все равно, деньги—ея личная, неотъемлемая собственность; впрочемъ, ей предоставляется полная свобода тратить ихъ по своему усмотрѣнію, — а это вѣдь, все равно, сводится къ тому же...

— А если, „по ея усмотрѣнію“, ей вздумалось бы подарить отцу, хоть изрѣдка, сотенку-другую?...

— Что-жъ, вполне возможно!

— Нѣтъ, пусть бы ужъ лучше этотъ Керевудъ женился на своей, на той, на прежней...

— На комъ?

— На Кларѣ Юэттъ. Интересно знать, куда она дѣвалась? — прибавилъ онъ, пытливо поглядывая украдкой на своего собеседника. — Расскажите все подробно, — настойчиво потребовалъ онъ.

Джемсъ рассказалъ все, что зналъ, и встаетъ прибавилъ, что эта Клара—бывшая подруга жены ихъ общаго знакомаго, Польвенхорна.

— Мнѣ только бы раздобыть кого-нибудь такого, кто помогалъ бы браку Дженни съ Керевудомъ. Я думаю, тотъ не раскисается, — прибавилъ онъ.

— Ну, а что вы намѣрены дѣлать, чтобы воспользоваться предложениемъ отца? — спросилъ Скауторнъ.

— И самъ еще не знаю хорошенько, — отвѣчалъ Джозефъ: — пожалуй, пойду по фильтровой части.

— Какъ такъ?

Джозефъ поспѣшилъ объяснить. Въ качествѣ коммисіоннаго агента онъ за послѣднее время помогалъ демонстрировать и распространять особаго устройства фильтръ, который обѣщали имѣть большой успѣхъ... Были бы только деньги, чтобы начать дѣло.

— И вы не останетесь въ дуракахъ? — замѣтилъ Скауторнъ.

— Можете на меня положиться: я знаю, на что иду! — былъ увѣренный отвѣтъ.

И фильтровое предпріятіе осуществилось.

Старикъ Снаудонъ принялъ горячее участіе въ дѣлахъ сына, и съ помощью совѣтовъ м-ра Персиваля у Джозефа оказалась собственная мастерская съ надписью на окнахъ: „Лэкъ, Снаудонъ и К^о“. Умолчавъ о завѣщаніи отца, Джозефъ объяснилъ женѣ и ея матери, какое участіе отецъ принималъ въ устройствѣ его дѣла. Клемъ и м-съ Пекковеръ возликовали.

Въ той же мастерской старикъ пристроилъ бѣднягу Юэтта, которому Сидней нашелъ комнату у своихъ друзей,—добрыхъ, но бездѣтныхъ супруговъ; такимъ образомъ и за дѣтьми было присмотрѣно, и Джонъ спокоенъ, что они живутъ въ чистомъ, сухомъ помѣщеніи. Когда Джонъ впервые зашелъ осмотрѣть его, онъ былъ пораженъ „роскошью“ обстановки. На окнѣ—бѣлоснѣжная штора; на полу—войлокъ и клеенка; кровать, столъ, стулья, комодъ... М-съ Игльсъ скромно ступевалась.

— Это еще чтѣ значить?—нетвердымъ голосомъ, недовольно нахмурившись, спросилъ Юэттъ своего спутника, Сиднея

— Вѣрно, кто-нибудь успѣлъ побывать здѣсь до насъ,—съ улыбною отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же могу я уважать себя, если вы продолжаете все еще *такъ* со мною обращаться?—вспылилъ Джонъ и тотчасъ же удрученно опустилъ голову.

— Да вѣдь это не я, м-ръ Юэттъ! Не поднимайте исторій изъ-за пустяковъ.

— Такъ это же?

— Вашъ другъ. Придетъ время,—узнаете!

Однако, несмотря на то, что въ домѣ у него водворилось сравнительное благосостояніе,—за дѣтьми было присмотрѣно и они накормлены, онъ самъ сытъ и одѣтъ прилично,—у Джона было неспокойно на душѣ. Что-то тревожило и гнало его вонъ изъ дому: онъ или уходилъ на свои „засѣданія“, или, когда ихъ не было, просто шатался по улицамъ, особенно же въ тѣ часы, когда дѣти уже засыпали, а его друзей и квартирохозяевъ, супруговъ Игльсъ, клонило ко сну. Какъ одурѣлый или полупомѣшанный, Джонъ вдругъ поднимался и уходилъ; а выйдя изъ дому, всегда шелъ въ одномъ и томъ же направленіи. Вздыхая, бродилъ онъ чуть не до разсвѣта, и возвращался домой ни съ чѣмъ... опять ни съ чѣмъ!..

Съ Бобомъ онъ видѣлся рѣдко, все еще не рѣшаясь простить ему его женитьбу; когда же тотъ заходилъ къ нему, отецъ принималъ его не особенно привѣтливо.

Въ сущности, Бобъ дѣйствительно того стоилъ.

Онъ отравлялъ жизнь своей несчастной женѣ, шатался по трактирамъ и, вдобавокъ, запретилъ ей „знаться“ съ Дженни Снаудонъ и Керквудомъ, а самъ свелъ дружбу съ Джэкомъ.

Однажды, къ нему зашелъ Джэкъ Бартлей и по обыкновенію сталъ плакаться на нужду, которую ему будто бы по-

стоянно приходится терпѣть; почти каждый разъ онъ ударялся въ слезы:

— Я сутки какъ ужъ ничего не ѣлъ, честное слово!— всхлипывая, говорилъ онъ.—А эта дрянъ Сюкъ (его жена, съ которою онъ разошелся) еще встрѣтилась со мной и глазъ подбиза,—видишь? Д-да! Она самая. Такъ-то! Легко ли это, сами посудите.

— А чтобы *тебѣ* попробовать этакъ *меня* отдѣлать, а, Пеннъ?—пошутилъ Бобъ съ женою, молодцовато выпрямляясь и чувствуя свое превосходство надъ своимъ тщедушнымъ товарищемъ.

— Не стойтъ; ты бы мнѣ задалъ такого въ отвѣтъ, что я вѣкъ бы не забыла!—подхватила шутку его добродушная и ероткая рабыня.

— Что-жъ, ничего мудренаго,—согласился мужъ и молча продолжалъ смотрѣть, какъ усердно утолялъ свой голодь бѣдный Джэкъ. Частью чтобы занять его, частью чтобы послушать его похвалы, Бобъ принялся показывать ему свою работу—медальки и медальоны, въ которыхъ онъ былъ дѣйствительно большой искусникъ. Еслибъ онъ жилъ въ ту пору, когда еще не наступило царство коммерческихъ предпріятій и машинъ, онъ былъ бы знаменитостью въ мірѣ граверовъ и нажилъ бы себѣ милліоны. Его гордостью было послѣднее его издѣліе (ради своего удовольствія)—изображенія принца и принцессы Уэльскихъ въ полуѣвнкахъ изящнѣйшей отдѣлки. Джонъ пересталъ ѣсть, призадумался и вдругъ сказалъ:

— А чтò, ты могъ бы мнѣ это подарить? А, Бобъ? Тебѣ не будетъ жалко?

— Конечно нѣтъ; бери, если хочешь.

— Благодарю!—Джэкъ опустил медальку въ карманъ и скоро собрался уходить.

— Вотъ бы мнѣ такую жену, какъ твоя!—замѣтилъ онъ Бобу и кивнулъ головой въ сторону Пенни, которая наклонилась поправить дѣтей въ постелькѣ.

Глаза ея заблестѣли отъ удовольствія и она молча перевела ихъ на мужа; но тотъ возразилъ политично:

— Особеннымъ нечѣмъ похвастать. Всѣ бабы на одну колюду!

Бѣдная женщина усиленно старалась улыбаться, чтобы угодить своему супругу и властелину.

Послѣдній посвятилъ цѣлый вечеръ домашнему отдыху и благословеннымъ радостямъ на лонѣ семьи, и теперь считалъ

себя вправѣ вернуться къ своимъ обычнымъ удовольствіямъ, которые были у него различны, смотря по состоянію его кармана: если тамъ были еще какія-нибудь деньги, Бобъ шелъ въ концертный залъ; если нѣтъ,—просто на улицу и только! А такъ какъ въ данномъ случаѣ послѣднее было вѣрнѣе, то онъ, не долго думая, смѣшался съ толпою бродягъ и визгливыхъ „барышенъ“... Какое гадѣнье, какіе непередаваемые разговоры слышались въ этой толпѣ! Записать ихъ не было бы никакой возможности, но довольно было разъ услышать этотъ ужаснѣйшій жаргонъ, чтобы почувствовать нѣкоторый намекъ на тотъ социальный вопросъ, какимъ является жизнь этого разряда людей. Что касается собственно Боба Юэтта, это вамъ помогло бы пожалуй понять ту перемену, которая въ немъ произошла такъ скоро и такъ повидимому безпричинно.

Когда онъ вернулся домой уже въ двѣнадцатомъ часу ночи, Пенни ему сказала, что Джэкъ заходилъ опять и зайдетъ еще завтра днемъ.

При ихъ встрѣчѣ присутствовала Пенни. Джэкъ показавъ на нее глазами, и Бобъ отослалъ жену съ дѣтьми за провизіей въ завтраму. Пенни повиновалась, хотъ и не особенно охотно. Но едва она скрылась, какъ Джэкъ заговорилъ, до шопота понижая голосъ:

— Помнишь медальку, что ты подарилъ мнѣ тогда?

— Какъ же, помню.

— Я ее продалъ за четырнадцать пенсовъ одному знакомому человѣчку, а теперь... Пришелъ я туда въ трактиръ, а мой пріятель сидитъ съ какимъ-то тамъ другимъ. Мой взялъ медальку, и пошелъ себѣ на ночлегъ, а тотъ вышелъ за мной да и говорить:—„Стой“!—„Стою!“—отвѣчаю я:—„А есть у тебя еще такія же медальки?“—А вамъ на что?—говорю.—„Ну не все ли равно, на что? Только вѣдь онѣ у васъ не покупныя?“—Да вамъ-то что за дѣло?—„А то, что я бы могъ дать хорошую цѣну за хорошую вещицу... Когда вамъ вздумается заработать на „свѣтлячокъ“, приходите сюда: я тутъ бываю всегда по четвергамъ. Помните же: вечеромъ, по четвергамъ!“—прибавилъ онъ и повернулъ за уголь.

— Какой такой „свѣтлячокъ“?—глядя изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, спросилъ друга Бобъ.

— Въ ту пору я и самъ не понималъ, что это за штука; а потомъ узналъ: это трактирная жестяная марка.

По лицу Боба скользнула тѣнь и на немъ отразилось, что онъ сообразилъ, въ чемъ штука.

Когда Пенни вернулась, Бобъ сидѣлъ молча, задумавшись, и весь вечеръ не шелохнулся, несмотря на свою любовь къ разсужденіямъ. Даже замѣчаніе Пенни насчетъ квартирной хозяйки и ея приставаній онъ пропустилъ мимо и почти безъ движенія провелъ всю остальную часть вечера, не отходя отъ огня.

Собственно говоря, искреннее уваженіе къ закону могутъ питать только тѣ люди, у которыхъ есть что-либо, что законъ обязанъ беречь и ограждать. Если же вы человѣкъ, недостаточно свѣдущій въ отвлеченныхъ наукахъ, то ваше личное мнѣніе приведетъ васъ къ простѣйшему выводу: бери, хватай, приобретай какими бы то ни было способами, все равно, лишь бы прошло безнаказанно! Бобъ зналъ, что за такія дѣла, на какія онъ косвеннымъ образомъ согласился, всякій пойдетъ подъ судъ. Да, всякій, но не онъ, Бобъ Юэттъ! Онъ былъ увѣренъ, что до этого не допустить его природный умъ, что онъ съумѣетъ вывернуться и, наконецъ, кто можетъ заподозрить въ чемъ-либо противозаконномъ того человѣка, который ни разу не былъ ни въ чемъ замѣченъ?

„Пустьки! Объ арестѣ или наказаніи *такого* человѣка нечего и говорить. Это вещь совершенно невозможная“!

Такъ уговорилъ себя Бобъ, поддаваясь заманчивой перспективѣ заработать, хоть и несправедливыми путями, но все-таки побольше, чѣмъ обыкновенно.

Таковы приблизительно доводы, которыми стараются себя успокоить люди, еще не привыкшіе грѣшить противъ закона. Мы знаемъ, какъ смотрѣлъ на законы его отецъ, вольнодумецъ Джэкъ; но Бобъ меньше походилъ на него, чѣмъ Клара, которая, какъ отецъ, была способна возмущаться. Дурныхъ наклонностей у ея брата не было, онъ даже былъ порой великодушенъ, какъ это доказала, напримѣръ, его женитьба. Но она же и тяготила его, она или вѣрнѣе—недостатокъ любви къ женѣ, настоятельная потребность работать на семью не любя, все это вмѣстѣ взятое было для него тяжелымъ гнетомъ, который оказывался ему не подъ силу.

Скоро Пеннилофъ стала замѣчать въ обхожденіи мужа какія-то странности, для которыхъ не находила подходящаго объясненія. Такъ, напримѣръ, ему вздумалось перемѣнить квартиру, а передъ выѣздомъ онъ собралъ и уничтожилъ всѣ свои медали и ихъ болванки.

— Это еще зачѣмъ?—спросила жена.

— А вотъ зачѣмъ (только смотри, держи языкъ за зубами!)

Мнѣ кое-кто сказалъ, что на меня все это можетъ навлечь неприятность.

— Но чего ради? Чѣмъ твои медальки могутъ тебѣ повредить?

— Ну, все равно! Помалчивай и все тутъ! Да не суйся съ разспросами: слишкомъ ужъ ты любишь чесать языкомъ.

Что онъ не сидѣлъ дома вечеромъ, это ужъ давно была не новость, но совершенно ново было состояніе страннаго и какого-то пугливаго возбужденія, которое въ немъ теперь ясно замѣчалось. При малѣйшемъ порохѣ Бобъ съ испугомъ оглядывался вокругъ и блѣднѣлъ, какъ больной или виноватый. Жену тревожило его нервное состояніе, которое вдобавокъ отняло у нея ея единственную отраду: Бобъ раздраженно запретилъ ей видаться съ ея другомъ и покровительницей Джени, не давая, впрочемъ, нивакихъ на это объясненій.

На новую квартиру Джэкъ Бартлей тоже пересталъ ходить, но зато и Бобъ сталъ рѣже ходить на работу.

Однажды, когда онъ, мрачно насупившись, брелъ себѣ по дорогѣ, кто-то остановилъ его, потянувъ за рукавъ. Бобъ вздрогнулъ и съ такимъ испугомъ посмотрѣлъ въ лицо удивленной и нарядной дамѣ, что та (не кто иная, какъ Клемъ) остановилась:

— Однако, вы подпрыгнули, словно я васъ булавкой кольнула!—замѣтила она.—Чтѣ вамъ такое представилось?

Бобъ смотрѣлъ на нее съ кислой улыбкой. Ея изящный нарядъ, слишкомъ видный для женщины ея круга, состоялъ изъ густо отдѣланной шляпы, коричневаго вельветиноваго жакета и мѣшочка изъ поддѣльнаго мѣха.

— Что вы не на работѣ?—спросила она.—Знаетъ м-съ Пеннилофъ, какъ вы проводите время?

— Вашъ мужъ, видно, не научилъ васъ „знать свой штокъ“?—возразилъ Бобъ.

Клемъ отнеслась къ его возраженію вполне добродушно и продолжала идти рядомъ съ нимъ, хотя ему и не особенно ловко было чувствовать, какимъ контрастомъ являлась въ этомъ случаѣ его грубая рабочая куртка.

Они проходили мимо Британскаго музея.

— Вы здѣсь бывали?—спросила м-съ Клемъ.

— Еще бы!—свысока, почти съ гордостью отвѣтилъ Бобъ, вспомнивъ, что дѣйствительно когда-то въ дѣтствѣ заходилъ туда съ отцомъ и особенно интересовался государственными печатями.

— Надо платить за входъ? Зайдемъ-ка на полчаса.—Боба

не очень туда тянуло, но ему было довольно пріятно возобновить старое знакомство, и онъ охотно принялся объяснять Клемъ все, что помнилъ самъ или зналъ по наслышкѣ, о печатяхъ и о прочихъ предметахъ старины, которые интересовали Клемъ. Наконецъ она устала интересоваться или дѣлать видъ, что интересуется, и они сѣли поболтать, обмѣняться разспросами о взаимномъ житіѣ-бытіѣ.

— А что бы сказала м-съ Пеннилофъ, еслибъ узнала, что вы были здѣсь со мною? Вы вѣдь не посмѣете признаться ей?

— Вотъ еще! Развѣ я не самъ себѣ господинъ? Стану я ей докладывать!

— А ея маменька съ братцемъ часто у васъ бывають? Милые люди, не правда ли? Самая настоящая компанія для м-ра Боба!

М-ръ Бобъ невесело улыбался.

— А кстати: какъ поживаетъ м-съ Пеннилофъ?

— А кстати: какъ здоровье, съ позволенія сказать, м-ра Снаудона?

— Мой мужъ—настоящій джентльменъ, и хорошо я сдѣлала, что не дожидалась никого другого; тѣмъ лучше для меня!

— И для меня также, осмѣлюсь замѣтить!

— А теперь-то вы чего гуляете? Или вамъ дали по шапкѣ?

— Моя воля: хочу работаю, хочу—нѣтъ.

— Чего жъ вы тутъ разгуливаете въ одиночку: брали бы хоть жену съ собой,—замѣтила она.—Да вотъ что! Приходите сюда въ воскресенье: пожалуй и я приду... Да можете прихватить съ собой и вашу супругу, если захотите.

Дойдя до конца улицы, они простились небрежнымъ кивкомъ головы и разошлись въ разные стороны.

XIX.—Переворотъ.

Дженни томилась душою съ той минуты, какъ дѣдъ открылъ ей свое желаніе, какъ именно онъ думаетъ устроить ея жизнь въ будущемъ. Не то чтобы она не знала людей своего круга или не жалѣла ихъ;—ее просто тревожила мысль, будетъ ли она въ состояніи выполнить возложенную на нее задачу? Слишкомъ молода была она для того, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ чувствахъ, которыя теперь ее волновали; ее больше всего тревожилъ и пугалъ торжественный тонъ дѣда, который ей казался просто строгимъ и суровымъ. Но что значать намеки его на Берквуда?..

— Дѣдушка! М-ръ Керквудъ зналъ о твоёмъ намѣреніи относительно меня?—спросила она его однажды.

— Зналъ, дитя.

— И онъ думаетъ, что я въ состояніи какъ слѣдуетъ выполнить твое душевное желаніе?

— Конечно!

— А!.. Значитъ, онъ во мнѣ увѣренъ?

— О, еще бы! Впрочемъ, лучше ты сама его спроси. Но, кромѣ того, я съ нимъ говорилъ тутъ кой-о-чемъ, и это „что“ касается тебя. Онъ самъ выяснитъ своевременно этотъ вопросъ... Ну, ужъ Господь съ тобой; иди спать.

Но Дженни еще долго не могла заснуть, мучась своими тревожными думами и подмѣченной ею перемѣной въ обращеніи Сиднея: за послѣднее время тотъ какъ будто больше стѣснялся съ нею, говорилъ сдержаннѣе. Въ сердцѣ Дженни уже давно загорѣлось къ нему болѣе горячее чувство, нежели простая дружба; но гордость не позволяла ей дать ему это замѣтить, пока онъ не выскажется самъ болѣе опредѣленно. Но Сидней молчалъ.

Джозефъ Снаудонъ не терялъ времени въ исполненіи задуманнаго имъ плана—отвлечь вниманіе Сиднея отъ Дженни.

— Послушайте! — началъ онъ. — Вы говорили уже съ нею... обо всемъ... Вы понимаете, чтò я хочу сказать? Отецъ мнѣ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ еще, — задумчиво проговорилъ Керквудъ: — это вѣдь не такъ спѣшно...

— Вотъ и я такъ же думаю, чего спѣшить? Только спросить бы у нея, не передумаетъ ли она за это время: очень ужъ молода,—это и Персиваль говорить. Положимъ, говоря откровенно, мнѣ не очень важно, чтò говоритъ Персиваль, но дѣло въ томъ, что относительно васъ онъ мнѣ тоже задалъ два или три вопроса, и, признаюсь, довольно странныхъ. Положимъ, онъ ничего такого не сказалъ, а только... только намекнулъ, чтобы я, значить, держалъ съ вами ухо востро... хе-хе-хе! Это только показываетъ, какъ онъ мало знаетъ и васъ, и моего отца. Тотъ, знаете, придумалъ прекрасно—познакомить нашу Дженни съ этою миссъ Лантъ, и вообще, я думаю, дѣвочкѣ не будетъ бесполезно годикъ-другой еще поосмотрѣться, пока она освоится со своимъ новымъ положеніемъ. Женитьба не уйдетъ; чего спѣшить? А, чтò вы скажете?—прибавилъ онъ, добродушно облокотившись на столъ и какъ-то особенно кон-

фиденциально поглядывая на своего безмолвного собесѣдника, который только коротко замѣтилъ:

— Вполнѣ съ вами согласенъ,—и снова замолчалъ.

— Я, видите-ли, говорю съ вами откровенно,—продолжалъ Джозефъ:—но я вѣдь знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло, и понимаю, что могу вамъ довѣриться; вы объ этомъ болтать не пойдете. Конечно, пойди вы къ отцу, да передай ему, что я говорилъ вамъ некрасивыя вещи про его Персиваля—это будетъ непорочно съ вашей стороны. Но вы вѣдь на это неспособны и понимаете, что я желаю добра нашей Дженни. Даже по справедливости необходимо, чтобы вамъ было извѣстно все, что говорится. Главное, не тревожьтесь: только бы выждать время, и годикъ-другой промелькнетъ незамѣтно... А?

Сидней всталъ, молча простился и вышелъ; а придя домой, написалъ длиннѣйшее посланіе Михаилу Снаудону; но почему-то раздумалъ его посылать и заперъ въ ящикъ.

Когда пришелъ тотъ вечеръ, который онъ обыкновенно проводилъ у старика Снаудона, онъ зашелъ только забросить записку, что ему *по дѣламъ* нельзя быть сегодня.

Эти дѣла попросту состояли въ томъ, чтобы безцѣльно мѣсить грязь вокругъ Кларкенуэля.

Задумавшись, проходилъ онъ мимо оконъ Юэттовъ, какъ вдругъ его остановили. Онъ увидалъ передъ собою лицо Джона, искаженное горячимъ волненіемъ:

— Сидней! Пойдемъ со мной, сюда! Скорѣе!

— У васъ бѣда? Да говорите: что случилось?

— Слушайте... Сидней! Она... дѣвочка моя, моя Клара... Нашелъ ее, нашелъ!

М-съ Игльсъ, довольно пухлая особа среднихъ лѣтъ, съ большимъ трудомъ и частыми остановками поднималась къ себѣ, на свой пятый этажъ. Какъ и всегда, она несла тяжелый мѣшокъ съ провизіей и запыхалась, еще не дойдя до порога. Ее душилъ желтоватый туманъ, разстлавшійся у нея надъ головой, вокругъ газовыхъ рожковъ. Она закашлялась.

Ей отворила Эми Юэттъ; младшія дѣти сидѣли за уроками. Съ перваго же взгляда, м-съ Игльсъ замѣтила, что Эми провинилась:

— Ты такъ и не отстанешь отъ этой глупости? Придется мнѣ пожаловаться отцу; не могу я видѣть, что ты себѣ вредишь, и молчать!

— Да право же я не пила... ну, ни крошечки,—попробовала Эми отпугнуться; но дѣло было ясно.

— Та-та-та! Извольте видѣть! А губы вамъ стянуло по какой причинѣ? Глупая ты дѣвчонка, вотъ и все!

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свои одиннадцать лѣтъ, Эми была настолько глупа, что не слушалась ея и пила уксусъ съ такой же жадностью, съ какою пьяница уничтожаетъ воду. Плохое питаніе и недостатокъ вкусовыхъ веществъ нерѣдко наталкиваютъ дѣтей бѣдняковъ на такое извращеніе вкуса, какъ употребленіе уксуса, которое есть не что иное, какъ подготовительный шагъ къ пьянству и кутежамъ, угрожающимъ этимъ несчастнымъ, когда онѣ подростутъ.

Покончивъ съ воркотнею, м-съ Игльсъ отправилась въ свою комнату, гдѣ мужъ ея—тощій, большеголовый, некрасивый, но умный (повидимому) человѣкъ, сидѣлъ на постели, погруженный въ глубокія думы. Его страстью были вычисления; никто лучше его не зналъ финансовыхъ условій государства; никто не принималъ ихъ къ сердцу такъ искренно и горячо; никто не изучалъ ихъ такъ ревностно и такъ толково, какъ этотъ скромный финансистъ, которому естественно приходили въ голову такія комбинаціи и такіе налоги, до какихъ министръ и правительство никогда не могли бы додуматься. Сосредоточенность и глубокомысліе—вотъ отличительныя черты этого замѣчательнаго математика и финансиста. Мало того, зарабатывая по два фунта въ недѣлю, онъ вполне былъ доволенъ своей судьбой и вѣчно погруженъ въ финансовыя выкладки.

На колѣняхъ у него лежала торговая газета, а самъ онъ, сидя безъ сюртука, только на мигъ поднималъ голову, чтобы сказать женѣ своимъ обычнымъ невозмутимымъ тономъ:

— А вѣдь имъ дорогою плохо придется.

— Каково ей-то, бѣдняжкѣ, возвращаться въ такую погоду!—вздохнула сочувственно м-съ Игльсъ.—Но, можетъ быть, за городомъ и не такъ скверно?

Супруги принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ своихъ жильцовъ и ихъ также волновало предстоящее событіе: Джонъ Юэттъ долженъ былъ сегодня же перевезти къ себѣ свою болную дочь Клару.

Однажды онъ получилъ откуда-то вырѣзку изъ газеты съ сообщеніемъ о происшедшей катастрофѣ, при чемъ на поляхъ была сдѣлана мужской рукой помѣтка:

„Настоящее имя Клары Вэль—Клара Юэттъ“.

Часъ спустя, Сидней встрѣтился съ нимъ, и оба обсудили

вопросъ, гдѣ и какъ разыскивать потерпѣвшую. Полицейскимъ дознаніемъ было установлено, что обидчица, лишившая себя жизни, и есть бывшая Грэсъ Реддъ; но Клара отказалась давать о себѣ и о своей семьѣ какія бы то ни было показанія. Отецъ нашелъ ее въ больницѣ, когда исходъ болѣзни еще не былъ установленъ; но вѣсти, которыя онъ получалъ съ тѣхъ поръ, были самыя благопріятныя. Къ счастью, кислота не попала въ глаза, а лицо, утративъ свою красоту, настолько зажило, что больную уже можно было взять домой. Однако, сценическая карьера Клары погибла навсегда. Положимъ, сдѣлана была подписка между ея товарищами и это дало 5 ф. стерл., да хозяинъ трупы самъ подарилъ ей 20 фунт.—но тѣмъ и кончились навсегда ихъ взаимныя отношенія.

Поздно вечеромъ, когда ночная тьма слилась съ обычнымъ городскимъ туманомъ, Джонъ Юэттъ вернулся домой въ сопровожденіи плотно закутанной женщины и провелъ ее въ спальню дѣвочекъ. Выйдя оттуда, онъ молча приласкалъ Эми и, цѣлуя ее, неудержимо разрыдался; младшіе смотрѣли на эту сцену съ какимъ-то пугливымъ удивленіемъ. Когда его слезы нѣсколько затихли, Эми рискнула спросить:

— Налить тебѣ чаю, папа?

— Вы развѣ еще не пили?—не глядя ей въ лицо, возразилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ пейте сами, да налейте мнѣ, и еще чашку на маленькій поднесите. А то, что грѣется въ кастрюлькѣ, уже готово?

— М-съ Игльсъ говоритъ: черезъ пять минутъ!

— Хорошо! Садитесь себѣ кушать, а я пока пойду...

Пяти минутъ не прошло, какъ онъ уже сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и держалъ въ своей рукѣ руку дочери, уговаривая ее принудить себя скушать кусочекъ.

— Нарочно для тебя сдѣлано, голубчикъ,—прибавилъ онъ:—да и съ дороги это не мѣшаетъ.

Клара сидѣла, не глядя на отца, который говорилъ съ нею тихимъ и нѣжнымъ голосомъ, совершенно непохожимъ на его собственный.

Но дочь отказывалась, говоря:

— Да нѣтъ, отецъ, мнѣ ѣсть не хочется... пока.

— Хорошо, хорошо, голубчикъ: можетъ быть, скушаешь попозже? Пусть пока остынетъ: еще горячо!.. Тебѣ не хо-

чется ли чего-нибудь другого? Я постараюсь достать что-нибудь тебѣ по вкусу...

— Нѣтъ. Все равно... Я и это съѣмъ... общаю тебѣ!

Оба умолкли.

— Клара!—началь тихо отецъ:—тебѣ ничего, что Эми и Анни придуть сюда ложиться спать?

— Все равно, отецъ; только бы онѣ не заставляли меня говорить.

Джонъ вернулся къ дѣтямъ съ лицомъ значительно посвѣтлѣвшимъ. Ему чужалось, несмотря на несловоохотливость дочери, что она еще привязана къ нему.

Въ воскресенье поутру, уже довольно поздно, Эми сказала отцу, что Клара встала и не хочетъ выйти въ другую комнату. Тамъ, гдѣ она сидѣла, согнувшись по вчерашнему, было уже прибрано, но штора спущена. Бѣдная дѣвушка сама боялась выглянуть на свѣтъ божій, боялась еще и того, что на нее кто-нибудь взглянетъ съ выраженіемъ состраданія или брезгливости и отвращенія. Когда отецъ вошелъ, она его спросила:

— У тебя еще сохранилась та газета... знаешь?—И отецъ поспѣшилъ подать ей хранившееся у него письмо.

Клара пристально посмотрѣла на приписку на поляхъ и тихо спросила, хочетъ ли онъ непременно ее сохранить, а затѣмъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, бросила вырѣзу въ огонь.

— Что, вамъ здѣсь хорошо живется?—проговорила она.

— Да, мой другъ.

— А гдѣ вы прежде жили... тамъ было худо?

— Ну, могло быть и хуже...

— И тамъ... она?..

— Да... Да, тамъ.

— Какъ же ты справился, чтобы купить всю эту мебель?

— Признаться сказать, въ этомъ мнѣ помогли... помогъ одинъ пріятель...

— Ты можешь мнѣ сказать, кто онъ такой?

Отецъ видимо смутился, а Клара взглянула на него и отвернулась, тоже смущенная.

— Отчего-жъ ты прямо не сказалъ, что это м-ръ Керквудъ?—тихо замѣтила она.

И оба замолчали.

— Онъ, вѣроятно, очень измѣнился?—продолжала Клара.— И, вѣрно, ужъ женатъ?

— Нѣтъ, онъ не изъ такихъ. И что это тебѣ въ голову пришло?

— Я думала... А что, онъ часто здѣсь бываетъ?

— Случается, мой другъ.

— И ты ему сказалъ...

Ну да; я думалъ, что даже обязанъ его предупредить...

— Не бѣда, отецъ; вѣдь не могъ же ты держать это въ секретѣ. Только не надо ему сюда приходить, пока я здѣсь. Ты понимаешь, почему?

— Да, да!.. Пусть хоть совсѣмъ не ходитъ, если ты не хочешь.

— Нѣтъ, отецъ: только бы пока я здѣсь.

— Но, Клара, ты здѣсь будешь вѣдь *всегда*.

— О, ни за что! Никогда я не соглашусь быть навсегда тебѣ обузой; я буду работать, какъ только поправлюсь. Я найму себѣ комнату и переѣду...

— Нѣтъ, Клара, нѣтъ! Ты не захочешь это сдѣлать, ты меня пожалѣешь, старика. И безъ того у меня было много горя: нужда, смерть матери... и все такое... Я ужъ не тотъ... не тѣ ужъ силы... А и тогда мнѣ тяжело далось... Я не сдержалъ себя, я началъ пить... Дитя мое родное, не бросай меня! Не говори, что ты уйдешь: будемъ жить вмѣстѣ, сколько проживется... Не правда ли, ты больше ужъ не будешь говорить объ этомъ?

Клара молчала. Туманъ сгущался, и сквозь его утреннюю дымку не видно было даже намека на дневной свѣтъ; порывы вѣтра сердито и безжалостно швыряли въ оконную раму большія пригоршни дождя.

— Да, если ты уйдешь, — глухимъ голосомъ продолжалъ отецъ, — я... я не ручаюсь за себя... Я опять запыю! Мать умерла, нашъ банкъ обокрали... Хоронить было не на что! Совѣсть замучила меня... Она лежитъ... мертвая, несчастная, а я... Я тогда только понялъ, что обходился съ нею не такъ, какъ она заслуживала. Сидней помогъ... онъ нашелъ мнѣ денегъ, онъ пожалѣлъ меня, былъ другомъ... какъ и прежде. Теперь живется легче, ...но мнѣ все равно; я скорѣй согласенъ питаться подаянiемъ, только бы ты не уходила отъ меня!.. Твое мѣсто — подлѣ меня, моя бѣдная дѣвочка! — Какъ ни беззвучно проговорилъ онъ эти слова, но глубокая жалость, которая въ нихъ заключалась, отозвалась на сердцѣ у бѣдной дѣвушки, и впервые послѣ той минуты, которая ей на всю жизнь разбила всѣ ея надежды, Клара залилась слезами.

XX.—Благодѣтели и оборванцы.

Съ первымъ дуновеніемъ предстоящихъ зимнихъ холодовъ трепеть ужаса пробѣгалъ по тѣмъ злополучнымъ созданіямъ, которыя не успѣли хорошенько отдохнуть за короткіе лѣтніе дни отъ зимней стужи и голода. Лѣтомъ все-таки легче дышется всей этой меньшей братіи, вынужденной съ большими трудами и лишеніями кое-какъ отапливать свои лачуги или мерзнуть въ своихъ сырыхъ и голыхъ четырехъ стѣнахъ, съ которыхъ плесень и черные потеки никогда не сходятъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ. Бѣдняку, глядя на зловѣще-темнѣющія низкія облака остается только тяжело вздохнуть, горячо прошептать молитву или крѣпкое ругательство.

Въ довершеніе бѣдствій, съ наступленіемъ зимы и стачекъ въ столицу являются отовсюду переселенцы или ищущіе заработка провинціалы. Рабочихъ рукъ столько, что работы на нихъ не хватаетъ. Еще слава Богу, если часто выпадаетъ снѣгъ.

— Вотъ и чудесно! На безработицу, и то работа! — говорятъ они.

Но, Боже мой! Зима такъ длинна и такъ неумолима! Снѣгъ выпадаетъ рѣдко, а студеный вѣтеръ пронизываетъ до костей несчастныхъ, плохо защищенныхъ своими грязными и скудными лохмотьями, отъ которыхъ издали несетъ затхлостью подваловъ. Они какъ бы всѣ сдѣлались подъ цвѣтъ старымъ постройкамъ Шутерсъ-Гарденса. Ужасъ тѣмъ болѣе глубоко проникаетъ въ ихъ сердца, что эти постройки, которыя служатъ имъ пріютомъ, существуютъ послѣднюю зиму: онѣ осуждены на сносъ, а на ихъ мѣсто будутъ возведены образцовыя жилища для рабочихъ.

Въ такомъ-то старомъ, заплесневѣвшемъ домѣ жила и м-съ Канди со своимъ сыномъ, Стефеномъ, который, какъ и дочь ея „Пеннилофъ“, довольно-философски относился къ неизбежному концу, ожидавшему несчастную пьяницу. Въ самой дальней изъ самыхъ дешевыхъ комнатъ было на чтѣ посмотреть: тамъ жила цѣлая семья, занимавшаяся разборкою тряпья, за которыми ходили по улицамъ и по дворамъ дѣти—дѣвочка пятнадцати и мальчикъ двѣнадцати лѣтъ. Отецъ калѣка сидѣлъ, конечно, безвыходно дома и разбиралъ принесенное тутъ же, въ комнатѣ, гдѣ пили, ѣли и спали. Можно себѣ представить этотъ воздухъ и эту картину! М-ръ Хопъ, глава семьи, несмотря на свое болѣе чѣмъ скромное занятіе, счумѣлъ снискать себѣ всеобщую извѣстность и всеобщее уваженіе. Въ этомъ кварталѣ, гдѣ самой силь-

ной брани было всегда достаточно, онъ выдѣлялся, онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ глубокой страхъ своими утонченно-вѣрскими окриками. Матѣйнаго повода было довольно для того, чтобы онъ пригрозилъ кому-либо изъ своихъ дѣтей „брюхо распоротъ“ или „раскрыть черепъ“. Впрочемъ, на всемъ пространствѣ Шутерсъ-Гарденса не было, кажется, ни единого ребенка, котораго поминутно не страшали бы всякими такими ужасами. Мать или отецъ образованнаго ребенка пугаютъ его угрозой:—Смотри, я разсержусь!—Здѣсь же чумазый, полуголодный ребенокъ вмѣсто того слышитъ:—Я тебѣ сверну шею!...—Смотри, я тебя проучу!—говорятъ въ высшемъ кругу.—Убью!!—кричатъ въ низшемъ.

Впрочемъ, на послѣднее никто не обращаетъ вниманія. Дѣло привычное! Но м-ръ Хопъ былъ человѣкъ особенный; онъ умѣлъ заставить всю свою семью трепетать передъ нимъ; онъ умѣлъ заставить всѣхъ остальныхъ жильцовъ побросать свои дѣла и бѣжать туда, откуда раздавался его грозный окрикъ.

Въ сосѣдней комнатѣ жили мать и четверо дѣтей, которыхъ она ухитрилась ежедневно отправлять въ школу на тощій желудокъ.

— Велика важность завтракъ!—говорила она.—Придете домой, пообѣдаете.

Но обѣдать бѣдняжкамъ приходилось впроголодь; ихъ мать, чтó называется, „зашибала“, и куда посильнѣе, чѣмъ ея грозный, но болѣе милостивый супругъ.

Вотъ ради такихъ-то обездоленныхъ людей и затѣяла миссъ Лантъ привлечь Дженни къ участию въ присмотрѣ за народной столовой, которая была открыта тутъ же, по сосѣдству съ Шутерсъ-Гарденсомъ. Дамы-благотворительницы чередовались въ этомъ добромъ дѣлѣ; но всѣ, однако, замѣтили, что человѣкъ, которому было поручено завѣдываніе кухней, не оправдываетъ довѣрія и даже грубитъ посѣтителямъ, равно какъ и его почтенная супруга.

— Хотите—ѣшьте, хотите—нѣтъ, а не резонъ всюду свою нось совать!—говаривалъ онъ недовольнымъ, и тѣ со смѣхомъ подхватывали его добродушно-шутливый тонъ.

Дамы-благотворительницы посмотрѣли-посмотрѣли на эти порядки, да и смѣнили злополучнаго юмориста.

— Можетъ ли этотъ грубіанъ и невѣжда поднять нравственный уровень въ простомъ фабричномъ кругу?—разсудили онѣ, и попросили супруговъ остаться „за штатомъ“.

Казалось бы теперь, съ улучшеніемъ качества пищи, должно было увеличиться и число потребителей благотворительной сто-

ловой; но нѣтъ! Старанія благотѣлительницъ исправить злоупотребленія супруговъ Баттерби пропали даромъ: горохъ, который, въ видахъ экономіи (чтобъ накормить возможно большее число людей), покупали дешевле, не понравился шутерсъ-гарденцамъ. Каждый изъ нихъ считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ ѣсть въ общественной кухнѣ горохъ и телячью голову. Движимые болѣзненнымъ самолюбіемъ, многіе изъ постоянныхъ посѣтителей дешевой столовой простерли свою дерзость до того, что явились въ кухню съ нетронутыми тарелками въ рукахъ и потребовали обратно деньги.

Служащіе отвѣтили на это отказомъ, и (что жъ бы вы думали?) разъяренные невѣжды выплеснули свои тарелки на полъ и стремительно бросились вонъ изъ столовой.

Миссъ Лантъ была обижена, поражена черной неблагодарностью чернаго народа.

— Не угодно ли послѣ этого увлекаться благотворительными бреднями?—говорила она, негодуя. — Что, еслибъ мы съ вами, mesdames, были тамъ въ это время? А мы-то думали стяжать ихъ благодарность!

— Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не видите, что обитатели Шутерсъ-Гарденса—бѣдный, обездоленный, голодный и озлобленный народъ? Могутъ ли такіе люди испытывать благородныя или хоть сколько-нибудь человѣчныя стремленія? Нечего съ нихъ и требовать того, что они дать не могутъ? Нѣтъ, будетъ съ васъ и той радости, которую вы испытываете, дѣлая имъ добро; и продолжайте свое дѣло, только старайтесь ихъ не раздражать,—вотъ и все!

Однако ихъ доброму предпріятію угрожалъ серьезный крахъ. Дамы-благотворительницы не могли сами не видѣть, что дешевый горохъ и на видъ, и на вкусъ былъ хуже; пришлось опять вернуться къ прежнему поставщику. Со стороны завѣдующихъ это была уже значительная уступка; но посѣтителямъ и этого было мало. Горохъ имъ ужъ просто опротивѣлъ. Овсянку они попросили, и забраковали.

— Она что-то ужъ очень неказиста,—говорили они, недообрчиво покачивая головою, и всѣ поочередно отказывались ее отвѣдать.

Всегда скромная, тихая, худенькая Дженни, въ своемъ неизмѣнномъ сѣромъ платьѣ съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ, дѣлала свое дѣло не спѣша, внимательно, смиренно. Безпрекословно исполняла она требованія грубыхъ посѣтителей и выслушивала ихъ дерзости или смѣлыя шутки:

— Эй ты, дѣвчонка!—кричалъ кто-нибудь изъ нихъ.—Весь день, что-ли, ты меня продержишь? Развѣ у меня только и есть дѣла, что передъ тобой торчать?

Ее, очевидно, принимали за служанку, и она никого не развѣряла; тѣмъ болѣе, что ея робкое обращеніе поддерживало ихъ въ этомъ заблужденіи. Но ея зоркіе глазки и чуткое сердечко ближе, чѣмъ всякія дамы-благотворительницы, угадывали истинныя потребности народа и причины его недовольства. Частью по разсказамъ о прежнихъ годахъ, частью по собственному опыту, Дженни мало-по-малу составила себѣ извѣстное понятіе о томъ, что дѣйствительно спасло бы доброе предпріятіе отъ окончательной гибели и тѣмъ помогло бы самимъ бѣднякамъ.

— Пожалуй, даже жаль, что стариковъ Баттерби пришлось уволить,—однажды замѣтила она робко.

— А что?—встрепелась миссъ Лантъ.—Вы серьезно такъ думаете?

— Они вѣдь такъ умѣли ладить съ народомъ; а это очень важно, потому что всѣ были довольны другъ другомъ. Какъ вамъ кажется, миссъ Лантъ?

— Пожалуй, — согласилась та. — Но съ нравственной стороны его вліяніе на нихъ было пагубно: онъ такъ грубо и такъ презрительно съ ними обращался. Онъ унижалъ въ нихъ чувство собственнаго достоинства.

— Но, мнѣ кажется, они не очень обращали на это вниманіе, — возразила Дженни простодушно; — и если-бъ стариковъ вернули, все пошло бы прекрасно; посѣтителѣ ужъ не разъ объ этомъ поминали.

— Да, объ этомъ, пожалуй, стоило бы подумать, — проговорила миссъ Лантъ.—И результатомъ ея думъ было водвореніе супруговъ Баттерби на ихъ прежнемъ мѣстѣ.

Опять шумныя привѣтствія встрѣтили ихъ появленіе, опять поднялась добродушная перебранка, въ которой одинаково веселое и горячее участіе принимали и самъ завѣдующій, и его гости, которые были въ восторгѣ, что имъ подаютъ недобросовѣстно замѣщенную, но зато бесспорно-привычную похлебку.

Несмотря на все это, у Дженни на сердцѣ было теперь почти всегда невыразимо-тяжело, и она приписывала это состояніе боязни, справится ли она съ возложенной на нее грандіозной задачей. Но въ сущности ее тревожило въ равной мѣрѣ какое-то странное отчужденіе, возникшее между нею и Сиднеемъ.

Эту перемену чувствовалъ Сидней и въ себѣ самомъ. Письмо, которое онъ лишь два дня спустя послать старику Снаудону по

поводу своихъ отношеній къ Дженни, дѣйствительно, являлось лучшимъ и правдивѣйшимъ выразителемъ его душевнаго состоянія, его сомнѣній. Онъ въ самомъ дѣлѣ опасался, какъ бы въ его поспѣшности сочетаться бракомъ съ любимой дѣвушкой не заподозрили унизительной погони за приданнымъ богатой наслѣдницы. Въ томъ же письмѣ онъ прибавлялъ, что ни разу никакого обмѣна обѣщаній между нимъ и Дженни не происходило. На дѣлѣ, онъ поступалъ такъ же, какъ говорилъ, т.-е. все время не ослабѣвало его чисто-братское участіе къ радостямъ и горестямъ его „друга“; но въ обращеніи его съ нею было что-то неувольное, хотя и ему, и ей одинаково замѣтное. Даже называть Дженни по имени Сидней теперь избѣгалъ преднамѣренно; даже разспрашивать ее, какъ прежде—простоудшно и безъ заднихъ мыслей, онъ уже не могъ.

Старикъ Снаудонъ радовался въ душѣ, полагая, что за предѣлы братски-родственныхъ чувствъ отношенія молодыхъ людей не заходили. И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ больше убѣждался, что обыденная семейная жизнь и сопряженная съ нею заботы отвлекли бы только вниманіе Дженни отъ ея настоящаго, святаго назначенія. Чтò можетъ быть отраднѣе, святѣе такой цѣли? Она не измѣнитъ, она не рухнетъ никогда добровольно, но зато ей надо всецѣло отдаться на всю жизнь, ни о чемъ другомъ не мыслить и ничѣмъ другимъ не отвлекаться въ сторону отъ намѣченнаго пути. Для этого надо только одно: полное согласіе и добровольное стремленіе самой Дженни никогда не знать супружескаго ярма, которое такъ ужасно стѣсняетъ свободу дѣйствій. А главное, надо переговорить объ этомъ съ Дженни; но лучше отложить ненадолго исполненіе этого намѣренія...

Между тѣмъ, въ тотъ самый вечеръ, когда Дженни шла домой особенно печальная и сосредоточенная, ей повстрѣчался Сидней и пошелъ съ нею, чуя что-то несовсѣмъ ладное въ ея хмурой сосредоточенности. Дженни первая прервала молчаніе, освѣдомившись, давно ли онъ видѣлъ Пеннилофъ?

Это имя вызвало у него въ памяти Боба Юэтта; Бобъ Юэттъ—Джона, а отъ Джона мысли его весьма естественно перескочили къ несчастной, которая нашла убѣжище въ его семьѣ. Отецъ говорилъ, кажется, что Бобъ и не подозрѣваетъ о возвращеніи Клары домой. Какая путаница въ этихъ семейныхъ отношеніяхъ!..

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — я къ нимъ не заходилъ уже давно. — А чтò, — помолчавъ, началъ онъ опять: — вы намѣрены всю зиму продолжать свои занятія въ столовой?

— Да; я такъ думаю.

Если бы Сидней далъ волю искреннему чувству, онъ горячо возсталъ бы противъ ея ненавистнаго „назначенія“, ея подвига христіанской любви къ ближнему; но мысль, что и это могутъ приписать его алчности, его остановила. Онъ чуялъ настроеніе враждебное и Дженни, и ему—въ разговорахъ Джозефа Снаудона, въ обращеніи Клемъ, которая прежде такъ мучила несчастную дѣвочку и не могла же вдругъ перемѣниться... Но мысли его опять вернулись къ положенію Дженни, обязанной подавать кушанье чуждымъ и дерзкимъ оборванцамъ.

— А вы вѣдь что-то не такая веселенькая, какъ бывало? Это почему?

— Что за вопросъ!.. Конечно...—Дженни только вспыхнула и усиленно старалась какъ можно бодрѣе улыбнуться.

— Вы ходите еще куда-нибудь, кромѣ этой столовой?

— Да, изрѣдка. Вотъ, напримѣръ, на дняхъ мы съ миссъ Лантъ были въ одномъ бѣдномъ семействѣ... Она думаетъ, что было бы хорошо помочь имъ устроиться, купить кое-что изъ мебели, изъ вещей и платья... Это вѣдь будетъ для нихъ существенная помощь. Не правда ли?

Сидней кивнулъ головой. Онъ думалъ о той семьѣ своихъ друзей Юэттовъ, которымъ уже помогла такимъ образомъ сама Дженни, а они и не подозрѣвали, что она—ихъ неизвѣстный благодѣтель.

— Только смотрите, чтобы не расточать свое вниманіе тѣмъ, кто этого не стоитъ,—задумчиво замѣтилъ онъ.

— Мы все-таки надѣемся на лучшее,—возразила она:—будутъ же они сами для себя стараться...

— Да, да; конечно! Однако, у васъ видъ такой усталый... Идите-ка домой и отдохните...

Трудно ему было съ нею разстаться, а еще труднѣе—не раздражаться при мысли, что такое нѣжное, такое юное созданіе осуждено даромъ растратить свою жизнь.

Дженни радовалась, что встрѣтила его; но ее брало сомнѣніе: отчего онъ становится какой-то странный, сдержанный? Неужели никогда не суждено разсѣяться тому, что такъ незримо стало теперь между ними?

XXI.—Дьявольское навожденіе.

Джозефъ не любилъ сидѣть дома больше, чѣмъ того требовала самая крайняя необходимость, и вообще держался, что называется, себѣ на умѣ. Ему и въ голову не приходило, что такъ же точно держится относительно его самого его красавица-жена.

Видя, что отъ мужа ничего не добьешься, она рѣшила дѣйствовать самостоятельно, но въ томъ же направленіи, всѣ силы своей хитрости устремляя на то, чтобы разузнать про настоящее положеніе дѣлъ о наслѣдствѣ старика Снаудона. Сдѣлавшись хозяиномъ торговаго предпріятія, мужъ ея счелъ необходимымъ перемѣнить квартиру, и Клемъ не противорѣчила ему, такъ какъ сама была не прочь уѣхать подальше отъ своей черезчуръ зоркой маченьки, которая могла бы помѣшать ея хитроумнымъ планамъ. Чашевсего видѣлась Клемъ съ Бобомъ Юэттомъ и, пользуясь его настроеніемъ, учила его донимать и безъ того уже несчастную, безотвѣтную Пенни.

Дня два спустя послѣ того, какъ вернулась Клара, въ Старой улицѣ, недалеко отъ вокзала Шордичъ, въ дрянной комнаткѣ, въ дрянной кондитерской сидѣли, въ рабочую пору, Клемъ и Бобъ за чашкою какао. Съ послѣднимъ глоткомъ она поставила локти на столъ и проговорила повелительнымъ тономъ:

— Прикажете, чтобы Пеннилофъ опять съ нею видалась.

— Это еще зачѣмъ?

— Затѣмъ, что мнѣ необходимо знать, что дѣлается тамъ, у старика. Вы разыграли дурака, когда запретили ей видаться съ *тою*. Впрочемъ, они ужъ вѣрно видятся опять, помимо вашей воли. Станетъ она васъ слушать всегда и во всемъ?! Какъ бы не такъ!

— Конечно, станетъ; головой ручаюсь!—спорилъ Бобъ.

Горячій, разъяренный взглядъ свернулъ ему въ отвѣтъ.

— Ну, ужъ вы со своей возлюбленной Пеннилофъ! Весьма возможно, что она вамъ правду говоритъ: вы вѣдь такъ влюблены другъ въ друга! А вы-то какъ обращаетесь съ нею!

— А кто меня подстрекаетъ, чтобы обращаться еще хуже?

— Ну, кто жъ больше, какъ не я? Зато ужъ какъ я ее ненавижу! Вотъ я была бы рада, еслибы вы мнѣ сказали, что она помираетъ съ голоду и ея щенята вмѣстѣ съ нею! Сколько вы дали ей на расходъ на прошлой недѣлѣ? Смотрите, не соврите!

— Почему я знаю? Ну, три-четыре „боба“, вотъ и все.

— Три-четыре?! Не давайте больше одного, и конецъ дѣлу! Морите ее съ голоду! Заставляйте закладывать все, до послѣдней нитки, и пусть себѣ ходитъ хоть голая... Ну ее!

Огонь ревности вспыхивалъ у нея въ глазахъ и на щекахъ; она стиснула зубы со злобы.

— Лучше я разомъ бы ее прикончилъ, — замѣтилъ Бобъ, злобно усмѣхаясь.

Клемъ пристально взглядылась въ него и глухимъ голосомъ проговорила:

— Шутя, иной разъ, говорятъ и правду.—И послѣ жуткаго молчанія прибавила, заглядывая близко-близко, прямо ему въ лицо:—Нѣтъ еще, погодите! Мнѣ надобно сначала выпытать до конца все, что нужно отъ Дженни, чрезъ посредство вашей Пеннилофъ... Ну, поняли? Вотъ и чудесно! А знаетъ она что-нибудь про Клару?

— Нѣтъ; почему?

— Да такъ; вы вѣдь другъ съ другомъ отеровенны, какъ настоящіе любящіе супруги. Смотрите же,—пусть она хорошенько поголодаетъ всю эту недѣлю.

— Но голодать ей не придется, если Дженни будетъ ей помогать,—возразилъ Бобъ.

— Можете отвести душу здоровой затрещиной! Да вотъ еще что: если *она* умретъ раньше, чѣмъ ея отецъ, то перейдутъ ли ея капиталы прямо къ Джо?

— Почему я знаю?

— А этотъ самый Керевудъ, Богъ его вѣдаетъ, что онъ за птица? Онъ долженъ бы, наконецъ, вмѣсто Дженни жениться на вашей сестрѣ.

— Ну, этого нечего бояться.

— Отъ него всего можно ожидать... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣ дочери прямой наслѣдникъ—Джо?

— Конечно.

— А если Джо умретъ раньше, я получу все, что у насъ есть?

— Не знаю; но мнѣ кажется...

— А ея долю я могла бы получить, если бы, напримѣръ, съ нею приключился неожиданно несчастный случай?

— Да, если бы не оказалось завѣщанія.

— Ну, станутъ ли такіе молодые люди думать о завѣщаніи?—встреппенувшись, сказала она. — Положимъ, деньги мнѣ бы все равно; только бы отъ *нею* избавиться... вотъ что мнѣ надо!

Бобъ нахмурился.

— Ну, чего зря болтать!—пробормоталъ онъ.

— Не ворчи, самъ первый началъ!..

— Нѣтъ, ты виновата.

— Врешь! Никогда съ тобой не сговоришь!—заклчила она рѣшительно и прибавила, подумавъ немного: — Въ среду увидимся? Въ какомъ часу?

— Не знаю; и въ среду я не могу придти. На службѣ на

меня и безъ того косятся; я не смѣю больше прогуливать ни одного часу. Такъ продолжать нельзя.

Сердито встали оба и, громко споря, остановились у порога. Бобъ разсердился и вышелъ на улицу. Клемъ постояла, подумала и побѣжала за нимъ въ догонку. Разставаясь на улицѣ, они ввернули одинъ другому по нѣскольку крѣпкихъ словечекъ и затѣмъ разошлись грубо и порывисто, условившись, однако, насчетъ дня слѣдующей встрѣчи.

Туманъ былъ невообразимый, и въ его волнахъ не спѣша плелся Бобъ Юэттъ, засунувъ руки въ карманы. Изрѣдка съ устъ его срывалось ругательство, но и только.

Дойдя до Вестъ-Смитфильда, онъ свернулъ подъ сѣнь большой больницы св. Вареоломея. Тамъ онъ постучался въ двери одного дома, откуда на зовъ выскочилъ не кто иной, какъ Джоржъ Бартлей. Оба обмѣнялись восклицаніями удивленія и проворно взобрались наверхъ, къ нему въ комнату.

— Билъ попался. Его уже забрали.

— Чтѣ? Забрали? Но при немъ „этихъ“ штукъ не оказалось?

— Слава Богу, одна только монета въ полкроны, которую онъ хотѣлъ-было сплавить. Пусть ужъ самъ справляется, когда его выпускаютъ. Никогда не взялъ бы я на себя размѣнъ...

— Посмотримъ-ка на остальныхъ, — предложилъ Бобъ, и живо принялся за дѣло, какъ только дверь въ комнату за ними затворилась. Въ то время, какъ его товарищъ запираетъ дверь на замокъ, Джэкъ досталъ изъ-за печки маленькую жестяную коробочку, въ которой лежало точное подобіе полу-кронъ и флориновъ. Числомъ всего съ дюжину, не больше. Для поддѣлки, — особенно же при такомъ искусствѣ, которое проявлялъ еще съ дѣтства Бобъ Юэттъ, — это были самые удобные и безопасные образцы; они не требуютъ ни особенно-сложныхъ машинъ, ни особой тонкости въ отдѣлкѣ: для этого нужны только формочка и глиняный горшокъ. Но не въ изготовленіи фальшивой монеты, а въ размѣнѣ ея заключается главная трудность и опасность; это, впрочемъ, и не особенно важно, потому что у такихъ смѣлыхъ людей есть обыкновенно такіе же смѣлые товарищи; надо только выбирать исключительно людей, на которыхъ можно положиться, что они не выдадутъ и не обманутъ. Нельзя сказать, чтобы эта зависимость отъ другихъ была для Боба особенно пріятна, какъ и весь характеръ, который теперь получила его жизнь. Онъ сталъ держаться далеко не такъ, какъ прежде, а его одежда и стремленіе бросать деньги по трактирамъ ясно говорили о перемѣнѣ, происшедшей съ нимъ уже не сегодня.

Бобъ то-и-дѣло увѣрялъ себя, что ему ничего не стѣитъ вернуться къ прежней трудовой, но зато спокойной жизни. Но напрасно! Его всосала въ себя тина безпорядочнаго разгула и швырянья легко-доставшимися деньгами, и теперь, идя домой, онъ безъ особаго волненія передумывалъ въ одиночѣе все, о чемъ говорили они съ Клемъ наединѣ,—и говорили уже не впервые. Вотъ почему все это больше не казалось ему такъ ужасно...

Старшій изъ дѣтей давно спалъ крѣпкимъ сномъ, когда Бобъ Юэттъ вернулся домой; младшаго Пеннилофъ качала на рукахъ, потому что бѣднаго ребенка мучилъ жесточайшій кашель. Сама Пенни, ожидавшая (недѣли черезъ двѣ) третьяго, была чуть-жива отъ истощенія, но еще больше отъ злобы на судьбу, которая ей посылала все новыя горести и заботы. Боба раздражала ея беременность, и онъ даже не старался это отъ нея скрывать.

Не будучи въ настроеніи бесѣдовать, онъ молчалъ на всѣ разспросы жены, и наконецъ грузно повалился на кровать рядомъ съ нею.

— Да потуши же!—крикнулъ онъ, полежавъ нѣсколько минутъ спокойно.

— Ребенокъ все не спитъ; кашляетъ онъ какъ будто меньше, а сонъ его не беретъ,—возразила Пенни.

— Дай ему микстуры, вотъ и все! Да шевелись, да потуши скорѣе!

Пенни исполнила послѣднее изъ приказаній, но отъ перваго воздержалась: ей страшно было давать ту „болтушку“, отъ усиленныхъ приѣмовъ которой на дняхъ умеръ сосѣдскій ребенокъ.

Опять настала мертвенная тишина; только слышалось тяжелое, прерывистое дыханіе ребенка.

— Ты спишь?—озлившись Бобъ жену.

— Нѣтъ еще; а что?

— Я ужъ давно хочу тебѣ сказать, что ты можешь опять видѣться со своею Джени.

— Ну?! Въ самомъ дѣлѣ?

— Я тебѣ говорю! Это можетъ быть даже не безъ пользы для тебя. Ну, теперь спи же, спи!

На утро бѣдной Пенни предстояла трудная задача просить у мужа денегъ. Она хотѣла снести ребенка на приѣмъ въ больницу;—а Бобъ сталъ особенно грубъ и скупъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ возможность быть къ самому себѣ щедрѣе въ деньгахъ. Болѣзненное состояніе Пенни развивало въ ней, какъ изъ грѣхъ, сильнѣйшій аппетитъ, и, питаясь грошевой, неудобовари-

мой пищей, она только отягощала себѣ желудокъ и еще больше разстроивала здоровье, котораго, впрочемъ, у нея никогда не бывало. Когда бѣдная женщина хотѣла полакомиться и получше покормить дѣтей, она позволяла себѣ покушать „побольше“ гороховаго киселя; изрѣдка (неслыханная роскошь!) Пеннилофъ разрѣшала себѣ разориться на покупку патоки, да и то немножко, чуть-чуть!

Бобъ раздраженно швырнулъ на столъ монету въ шесть пенсовъ, чувствуя, что ему стыдно самого себя; надо ему отдать справедливость, что, несмотря ни на что, онъ еще не научился чувствовать укоры совѣсти. Но зато тѣмъ тяжелѣе казалось ему супружеское ярмо.

„Всю жизнь, что-ли, я обязанъ вывозить на своихъ плечахъ эту дуру и съ восхищеніемъ смотрѣть, какъ она старается плодить ребятъ“.

И опять, всю дорогу идя на работу, онъ продумалъ надъ словами Клемъ. По дождю, по слякоти вышла вслѣдъ за нимъ жена съ ребенкомъ на рукахъ и спѣшными шагами направилась къ больницѣ. Стоя на мостовой, въ самой лужѣ, она не думала ни о томъ, что въ такое время ей вредна тяжелая ноша, ни о томъ, что въ ея дырявые сапоги сочится холодная грязная вода, ни о томъ, что холодный вѣтеръ рветъ у нея съ головы поношенный платокъ и пронизываетъ ее до костей, а намокшее платьѣ облѣпило ея жалкую фигуру и грозитъ ей серьезной простудой. Прижимая къ груди свое бѣдное больное дитя, защищая его всѣми силами отъ холода, она думала только о немъ. Долго сидѣла она въ пріемной у доктора, выжидая своей очереди, и, наконецъ, дождалась.

Въ эту минуту затихнувшій ребенокъ шевельнулся, и мать заглянула ему въ лицо. Въ эту самую минуту бѣдное дитя перестало жить.

Докторъ обошелся съ нею очень ласково, но она не выказала ни малѣйшаго признака горести или хотя бы испуга. Сухими глазами, безъ слезъ смотрѣла она какъ бы въ удивленіи на неподвижное тѣлце маленькаго страдальца; только нѣсколько разъ повторила какъ дурочка:

— Она умерла? Она въ самомъ дѣлѣ умерла?—и только. Въ тотъ же день Пеннилофъ пошла къ м-съ Біасъ и боязливо остановилась у порога, не зная, что и какъ сказать. Голосъ отказывался ей служить. М-съ Біасъ испугалъ ея безсвязный лепетъ, тѣмъ болѣе, что она не знала ничего о Пенни.

Не разобравъ, въ чемъ дѣло, Бесси махнула на чужую ручку (положимъ, махнула довольно добродушно) и захлопнула дверь.

Постояла, постояла озадаченная Пеннилофъ и вдругъ почувствовала приливъ отчаянной рѣшимости.

„Вѣдь надо же мнѣ, непременно надо видѣть Дженни“!.. — подумала она и постучалась еще разъ смѣлѣе.

— Можно ли повидать миссъ Снаудонтъ?—спросила она.

— Ну, слава тебѣ, Господи, заговорила!—воскликнула немного раздраженно Бесси.—Давно бы такъ сказали! Идите вотъ сюда!

Еще мгновенье—и внизъ по лѣстницѣ слетѣла въ ней сама ея сокровище, ея защита—Дженни, съ громкимъ крикомъ:

— О, Пенни, Пенни!

Отрадный, милый голосъ! Какое утѣшеніе услышать его послѣ долгой и безсонной ночи, послѣ цѣлаго утра холода и душевной тревоги, послѣ физической усталости и сердечной боли при мысли, что тамъ, въ убогой комнатѣ, одиноко лежитъ ея родное, ея мертвое дитя!..

XXII.—СВѢТЪ И ТѢНИ.

Вскорѣ послѣ рассказанныхъ выше событій, Скауторнъ получилъ краткое письмо, которое не особенно его удивило, но тѣмъ не менѣе сильно встревожило его. Это была просьба придти вечеромъ въ тотъ же день на свиданіе, на вокзалъ Ватерло, подписанная: „К. В.“

Все, происшедшее съ бѣдной дѣвушкой Скауторнъ зналъ прекрасно. И теперь, когда ея наружность больше не могла быть ему полезна, онъ охотнѣе всего прекратилъ бы всякія сношенія съ нею.

Онъ вообще за послѣднее время затруднялся своимъ двойственнымъ положеніемъ: по внѣшнему изяществу и уму онъ находилъ себя равнымъ лишь высшее общество, а оно, какъ на грѣхъ, знать его не хотѣло. Большая часть его сослуживцевъ, получая даже меньше, чѣмъ онъ получалъ, поженились—и все на дѣвушкахъ сравнительно низшаго круга: на продавщицахъ въ магазинахъ или конторщицахъ. Но Скауторну, несмотря на прекрасное жалованье, все было мало, благодаря его привычкѣ не стѣснять себя въ удовольствіяхъ. Въ виду этого не только съ женой, а даже одному ему было трудно сводить концы съ концами... Да, впрочемъ, онъ ихъ и не сводилъ, хотя долгами тяго-

тился. Урѣзывая себя съ этой цѣлью во всемъ необходимомъ, онъ собственно оставался бездомникомъ и становился старымъ холостякомъ, который, какъ женихъ, уже неинтересенъ. Другой на его мѣстѣ давно бы убѣдился, что жизнь выше средствъ для него недоступна, высшее общество также, и примирился бы съ необходимостью достойнымъ образомъ прожить свою сѣренъкую жизнь. Но не такимъ былъ созданъ Скауторнъ: онъ возмущался своимъ настоящимъ, тяготился своимъ прошлымъ, а письмо Клары Вэль именно это прошлое и воскресило. Между тѣмъ, его служебныя дѣла неожиданно повернули къ лучшему и получилось нѣчто такое блестящее въ будущемъ, о чемъ никогда онъ не смѣлъ и помыслить.

Фирма „Персиваль и Пилъ“ давно уже состояла изъ одного только Персиваля съ сыномъ,—съ того момента, какъ скончался ихъ компаньонъ; но Персиваль-младшій оказывался совершенно неспособнымъ къ тонкостямъ ума и обращенія, которыя являются основной необходимостью занятій нотаріуса, и, чувствуя приближеніе старости, отецъ его остановилъ свой выборъ на своемъ способномъ и дѣятельномъ подчиненномъ—Скауторнѣ, какъ на достойномъ себя преемникѣ. Онъ предложилъ ему, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, поступить на три года въ повѣренныя (какъ это требовалось нотаріальнымъ уставомъ), чтобы вслѣдъ затѣмъ сдѣлаться его младшимъ компаньономъ. Такое предложеніе было самымъ вѣскимъ доказательствомъ цѣны, которую придавалъ нотаріусъ Персиваль уму и солиднымъ способностямъ своего молодого друга и помощника.

И вдругъ это письмо... И такъ некстати! Чтò ей понадобилось отъ него, этой несчастной? Теперь онъ въ глубинѣ души былъ самъ доволенъ, что изъ его возней противъ капиталовъ старика Снаудона ничего не вышло: онъ сразу какъ-то вдругъ остепенился и его идеаломъ сдѣлалось незапятнанное имя честнаго труженика. Могла ли Клара въ этомъ отношеніи повредить ему? Чтобы разъяснить этотъ вопросъ, онъ въ назначенный часъ встрѣтилъ Клару въ назначенномъ мѣстѣ и уединился съ нею въ одинъ изъ закоулковъ, которыми такъ богато большое зданіе Ватерло.

— Это вы прислали отцу вырѣзку изъ газеты о моемъ несчастіи?—спросила она, не поднимая густого вуала, изъ-за котораго даже голосъ ея звучалъ глухо.

— Конечно, нѣтъ. Почему я знаю его адресъ? Правда, я ѣздилъ въ Болтонъ справиться о васъ, но узналъ тамъ, что отецъ уже навѣщаетъ васъ, и весьма естественно предположилъ, что вы

сами дали ему знать. Наконецъ, я думаю, что въ такомъ случаѣ вы врядъ ли будете мнѣ благодарны, если я вмѣшаюсь.

Вѣрить Скауторну на-слово Клара не имѣла основанія, но въ то же время она знала, что больше ничего отъ него не добьется.

— Надѣюсь, вы уже оправились послѣ болѣзни?—спросилъ онъ любезно.

— Да, оправилась, насколько это возможно при моемъ общемъ состояніи. Но я просила васъ со мною повидаться, чтобъ наконецъ узнать, на чтѣ вы намекали въ вашемъ послѣднемъ письмѣ? Ответъ мой вы, конечно, получили?

— Да, получилъ; но наше дѣло опоздало и о немъ не стоитъ поминать. Я, можетъ быть, и самъ въ немъ ошибался, судя нѣсколько поспѣшно...

— Но въ чемъ же оно заключалось?

— Не стоитъ говорить... Впрочемъ, если хотите... Я хотѣлъ васъ пристроить къ драматической труппѣ, отправлявшейся въ Австралію, въ Мельбурнъ, гдѣ предстоялъ выгодный ангажементъ. Но этотъ господинъ, т.-е. хозяинъ театра въ Мельбурнѣ, оказался не вполне такимъ, какимъ бы мнѣ хотѣлось, и вотъ...

— Вы думаете, такъ я и повѣрю вашей сказкѣ?

— Какъ вамъ будетъ угодно! Только я вспомнилъ во-время про вашъ мнительный характеръ, и побоялся, что вы можете подумать, будто я, почему-либо, нарочно хочу васъ удалить... Но теперь могу я быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ?

— Нѣтъ, не можете! Вы въ свое время мнѣ помогли, и я не думаю, чтобы мы были въ долгу одинъ у другого. Вамъ нечего бояться, что я въ будущемъ могу васъ беспокоить...

— Вы составили себѣ ложное представленіе о моихъ чувствахъ... Этому ужъ не поможешь; но все-таки я искренно хотѣлъ быть вамъ полезнымъ...

— Благодарю васъ!—иронически оборвала разговоръ бѣдная дѣвушка, и въ такомъ настроеніи они разошлись.

За эти три недѣли, которыя Клара уже провела въ родительскомъ домѣ, ей пришлось немало претерпѣть въ нравственномъ отношеніи. Она видѣла, что сестры не могли безъ содроганія смотрѣть на ея мрачную, укутанную фигуру, а по ночамъ долго ворочались подъ жуткимъ вліяніемъ ея безмолвнаго присутствія. Теперь понемногу онѣ начинаютъ привыкать; но по прежнему м-съ Игльсъ и Эми не пускаютъ Клару помогать имъ въ уборкѣ комнатъ и въ хозяйствѣ, зная, что при этомъ трудно не отерывать лица, а ей (какъ ни старательно предлагала она

свои услуги) это было бы слишкомъ тяжело. Еслибы не отецъ, который, приходя съ работы, ужиналъ вмѣстѣ съ ними и потомъ сидѣлъ съ нею вдвоемъ, Клара чувствовала бы себя совершенно одинокой.

Но, Боже мой!—отецъ не долговѣченъ; вмѣстѣ съ нимъ въ жизни ея угаснетъ послѣдній лучъ отрады. Что ждетъ ее тогда? Кромѣ него, ни для кого и никогда она не перестанетъ быть предметомъ жалости и отвращенія! Шли часъ за часомъ и день за днемъ; не смѣнялось только удрученное состояніе духа несчастной. Слезъ у нея не было: слишкомъ велико было ея горе для того, чтобы плакать. Зато нерѣдко въ глубокой, мрачной тишинѣ ея полутемной комнаты слышались подавленные крики, стоны и проклятія.

Разъ случилось, что Клара вышла на площадку лѣстницы и увидала, что во дворъ сдѣлано въ стѣнѣ отверстіе, загороженное до половины желѣзною рѣшеткой.

Она вытянулась впередъ, нагнулась надъ глубокимъ пространствомъ, въ которомъ далеко внизу чернѣла грязная мостовая двора, и въ головѣ ея мелькнула мысль:

„А что, если броситься туда? Одинъ конецъ! Живую не поднимутъ!“ Быть можетъ, не ее одну тянула къ себѣ роковая бездна?

Однако, какъ ни часто возвращалась она къ этой мысли, она все-таки знала, что не здѣсь, не въ этомъ домѣ суждено этому случиться: она никогда не рѣшится нанести этотъ послѣдній ударъ единственному въ мірѣ сердцу, которое ей никогда не измѣняло. Ея привязанность не могла бы идти въ сравненіе съ горячей, преданной любовью, которую она видѣла съ самаго дѣтства отъ отца; но мало-по-малу сознаніе того, чѣмъ былъ для нея отецъ всю ея жизнь, смягчило ея строптивое чувство, и она уже не раздражалась на его попытки развлечь ее и вызвать ее на разговоръ; она не вырывала свою худенькую, нѣжную ручку изъ его грубой, трудовой руки, и даже чувствовала нѣчто въ родѣ душевнаго успокоенія, когда онъ ее гладилъ. Джонъ умудрился однажды достать ей книгу для чтенія, которая дѣйствительно завлекла ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разбудила въ ней на время притаившіяся чувства злобы и зависти: дѣло было въ томъ, что герои романа, какъ на бѣду, были люди высшаго общества и въ немъ исключительно вращались...

— Какъ? По какому праву этимъ людямъ досталась въ жизни лучшая доля, чѣмъ мнѣ, родившейся не въ ихъ кругу, но съ большими задатками ума и красоты? Это несправедливо, это

возмутительно-несправедливо! — горячо негодовала бѣдная дѣвушка, пока ей не приходило на память, что все это для нея уже миновало: никто не будетъ больше, во всю ея жизнь, интересоваться ею самой, ея красотой и ея талантливостью!..

И еще тяжелѣе показалось Кларѣ ея безысходное положеніе.

Такимъ образомъ, вмѣсто добра, книга принесла только вредъ. Джонъ замѣтилъ въ дочери перемѣну къ худшему: руки у нея горѣли; въ движеніяхъ и въ голосѣ слышались нотки прежняго раздраженія. Онъ спросилъ, понравилась ли ей книга? Она отвѣтила, что у нея глаза устаютъ читать. Отецъ принялся добиваться, чтò съ нею случилось.

— Ну, такъ и есть! — воскликнула она, послѣ долгихъ отказовъ признаться: — я же вамъ говорила, что вашъ другъ не станеть къ вамъ ходить, пока я буду здѣсь!

Выраженіе „вашъ другъ“ ясно указывало на то, что она не переставала думать о Сиднеѣ, какъ думалъ о немъ и самъ Джонъ.

— Я не видалъ его недѣли двѣ, — какъ-то смущенно проговорилъ онъ.

— Развѣ я васъ не предупреждала, что теперь онъ ходить не будетъ? Вѣдь ты сказалъ ему, что я вернулась?

— Ну, да. Такъ вскользь... когда ты мнѣ сказала, что тебѣ все равно... Ну, я сказалъ, а онъ только головой кивнулъ въ отвѣтъ.

Клара промолчала.

— А чтò случилось, — помнишь? — съ той дѣвочкою, Дженни, которая жила въ одномъ домѣ съ нами? — спросила она нѣсколько минутъ спустя.

— Она вѣдь переѣхала со старикомъ отъ м-съ Пекковеръ, еще тогда же. Говорятъ, у Снаудона были деньги; но мало ли чтò люди болтаютъ? А только у него вдругъ явился сынъ, и какъ будто человѣкъ не изъ бѣдныхъ. Онъ еще женился на миссъ Пекковеръ.

— Вотъ какъ? — удивилась Клара. — Кто же онъ? Ужъ не отецъ ли Дженни?

— Да, отецъ! Я, такъ сказать, работаю на него, у него на заводѣ „Лэкъ, Снаудонъ и К^о“.

— Отчего же ты мнѣ раньше ничего объ этомъ не говорила?

— Да такъ, къ слову не пришлось.

Но Клара подозрительно на него посмотрѣла, чуя, что отъ нея что-то скрываютъ; но чтò именно?..

— А что Дженни? Подросла и поправилась? Помнится, она была такой слабенькой и тощей, что нельзя было и представить ее въ видѣ взрослой. Расскажи мнѣ про нее. Работаетъ она, или нѣтъ?

— Какъ же! То-есть, я даже не знаю хорошенько: рѣдко приходится съ нею встрѣчаться. Сидней—другъ ея дѣда и, кажется, частенько тамъ бываетъ.

— А какая она лицомъ? Какъ она вообще?

— Право, голубчикъ мой, не могу сказать: я вѣдь ее почти не вижу.

— Кто вамъ говорилъ про нее? М-ръ Кервудъ?

— О, нѣтъ. Мнѣ м-съ Пекковеръ какъ слухъ передавала... Болтаютъ, будто есть что-то такое между нею и Сиднеемъ... Что-жъ, можетъ быть, онъ поэтому не ходитъ... къ намъ!—тихо прибавилъ Джонъ; но дочь, повидимому, выслушала все спокойно.

— Ахъ, да. Понимаю...—подтвердила она, и въ тотъ вечеръ они больше не возвращались къ этому вопросу.

Въ томъ же домѣ, только двумя этажами ниже Юэттовъ, жила семья, съ которой они были знакомы. Однажды, когда его друзьямъ понадобилось выѣхать на два дня изъ города, Джонъ пообѣщалъ, что получитъ за нихъ то письмо, котораго они ждали съ нетерпѣніемъ, и перешлетъ его тотчасъ же. Въ его отсутствіе Эми собралась-было спуститься въ пустую квартиру караулить почтальона, какъ вдругъ ее остановила Клара:

— Постой-ка, дай мнѣ ключъ; я сейчасъ пойду мимо и зайду.

Для Эми было большое удовольствіе побывать въ чужой квартирѣ; но заявленіе о какомъ бы то ни было желаніи со стороны сестры было такая рѣдкость, что дѣвочка безпрекословно согласилась.

Клара допила свою чашку чаю (единственное кушанье, на которое она согласилась во время завтрака), надѣла шляпу съ густымъ вуалемъ и сошла внизъ.

Ничего уютнаго не представляла пріемная или, вѣрнѣе, такъ называемая чистая комната м-съ Холлэндъ. За тѣ двое сутокъ, въ которыя хозяевъ не было дома, комнаты уже успѣли пріобрѣсти нежилой, затхлый видъ и запахъ, тѣмъ болѣе, что сырость, свойственная всѣмъ дешевымъ жилищамъ, давала себя знать. Несмотря на спущенныя шторы и на-глухо закрытыя окна, тѣлая лондонская пыль пробилась сюда и лежала замѣтнымъ слоемъ на стульяхъ и столахъ.

Клара посмотрѣла внизъ, на ближайшія улицы. Обычная дневная сутолока и грохотъ, гамъ толпы и крики торговцевъ, а надъ ними и вокругъ нихъ туманъ и фабричный дымъ съ невообразимой копотью,—вотъ что ей бросилось въ глаза и такъ рельефно, какъ еще никогда.

„Боже мой! Что за жизнь! И что за ужасъ быть принужденной жить среди *такихъ* людей и *такихъ* интересовъ!—думала она.—Я рождена не для такой презрѣнной доли. Но меня хочетъ доконать судьба... Такъ я-же не дамъ ей! Еще испробую одно, единственное средство, и тогда... Повончить же съ собой всегда успѣю“!

Въ тотъ вечеръ Клара собралась опять спуститься внизъ, и нашла нужнымъ предупредить отца:

— Я просила, чтобы ко мнѣ пришли туда,—въ пустую квартиру. Я думаю, вѣдь это ничего.

— Конечно, мой голубчикъ! Только вотъ что сосѣди... увидятъ, станутъ сплетничать...

— Ну, и пусть! Я не могу иначе... Я не могу иначе...—повторяла она возбужденно.

— Клара! Это не что-нибудь по поводу работы?

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Ты можешь быть спокоенъ!

— Ну, хорошо. А остальное для меня не важно. — Онъ наклонился и поцѣловалъ ее.—Какія у тебя горяченькія щечки! У тебя лихорадка, жаръ?

Но Клара успокоила его и въ назначенный часъ уже поджидала гостя въ пріемной м-съ Холлэндъ.

XXIII.—Женщина и актриса.

Керквудъ, которому она писала утромъ, не заставилъ себя долго ждать. Еще не прогудѣли девять разъ густые басы часовъ на колокольнѣ собора св. Павла, какъ раздался звонокъ. Отворяя, Клара отступила назадъ, въ комнату, и удивилась, что Сидней молчитъ. Въ пріемной горѣла лампа, но Клара двигалась такъ, чтобы ея лицо оставалось въ тѣни.

— Вы, значить, поняли мою записку? Друзья отца уѣхали на время, и здѣсь мы не можемъ никого стѣснить.

Первые же звуки голоса, который и прежде поражалъ его своимъ изяществомъ, но сталъ теперь еще прелестнѣе, подѣйствовали на него такъ неотразимо, такъ живо пробудили въ глубинѣ души на время заглушенные воспоминанія, что онъ за-

былъ, что собирался говорить и въ какихъ выраженіяхъ. Былое чувство обаятельной волной залило ему умъ и сердце, и онъ ждалъ молча, чтобъ она сама заговорила.

— Пожалуйста, садитесь! Я буду вамъ невыразимо благодарна, если вы удѣлите моему дѣлу нѣсколько минутъ. Видите ли, я стою теперь въ такихъ условіяхъ, что весьма нуждаюсь... въ добромъ совѣтѣ... въ помощи и участіи друга... Не смѣю думать, что вы—этотъ другъ, но... вы всегда были такъ добры ко мнѣ... Мнѣ такъ ужасно... такъ тяжело живется...

— Будьте увѣрены, что я всегда готовъ придти на помощь...— проговорилъ растроганный Сидней. Простота и глубокий трагизмъ ея рѣчи сразу его подействовали.—Я сдѣлаю для васъ все, что могу.

Сценическій талантъ пришелся Кларѣ встать: каждое слово, каждая перемѣна въ голосѣ, каждое ея движеніе были полны самой пластичной красоты. Безукоризненныя линіи ея стройной фигуры могли бы привести въ неописанный восторгъ художника и скульптора въ тотъ моментъ, когда она садилась, а голосомъ и его оттѣнками могли бы заслушаться актеръ и музыкантъ.

— Не знаю, какъ и что еще вамъ говорить, — продолжала Клара.—Хоть я еще слаба, но силы возвращаются ко мнѣ постепенно; только голова... Я сама не понимаю иногда, что говорю. Да... такъ я хотѣла вамъ сказать, что мнѣ было бы единственной отрадой не быть въ тягость отцу, и я... Я считаю, что пора мнѣ начать искать работы...—голосъ ея прервался, она склонила голову на руки, и свѣтъ лампы скользнулъ по ея волнистымъ волосамъ.

— Но какого же рода... работа была бы вамъ удобнѣе всего?—спросилъ Сидней, запинаясь отъ волненія.

— Не знаю. Большинство женщинъ, конечно, брало бы шитье на-домъ, но на это я совершенно не способна, да и не умѣю шить. Лучше бы всего работать дома; но отецъ... онъ не хочетъ, чтобы я помогала домашнимъ; а если я уйду, ему будетъ вѣдь еще тяжелѣе. Мнѣ не хотѣлось бы его огорчать... Вы такой опытный... онъ васъ такъ любитъ... Вотъ если бы вы съ нимъ поговорили... О, еслибъ вы могли себя представить, какъ я безпомощна, какъ я несчастна!

— Если хотите, я могу переговорить съ вашимъ отцомъ...

— Хочу ли я?! Да развѣ я не вижу, что я всѣхъ стѣснила тѣмъ, что здѣсь живу? Они больше нуждаются, чѣмъ безъ меня; они всего себя лишаютъ, даже удовольствія видѣть своихъ друзей... Я это чувствую сама, хотя отецъ и не хочетъ этого допустить...

Сидней смотрѣлъ въ полъ; но ему ясно было слышно, что голосъ ея дрогнулъ.

— Я больше не хочу здѣсь жить на такихъ условіяхъ, чтобы всѣмъ отравлять существованіе!—горячо продолжала Клара.—Я чувствую, что и вы, м-ръ Керквудъ, потому только перестали у насъ бывать, что я тутъ поселилась. Пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ! Я сама одинаково избѣгаю выходить, какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ.

Опять тяжелое молчаніе.

— Но вамъ все-таки лучше?—спросилъ опять Сидней.

— Физически, конечно; но умственныя способности у меня притупились, и, въ сущности, оно вполне понятно. Въ былое время (сами помните?) я была своенравна до того, что все дѣлала всѣмъ наперекоръ. Стоило только сказать мнѣ: „Ты должна сдѣлать такъ, а не иначе“! — чтобы я тотчасъ возмущалась и на-зло не сдѣлала бы требуемаго. Такова ужъ я была съ дѣтства, отъ рожденія, и такой оставалась, пока не попала въ больницу. Тамъ, вспоминая все, мало-по-малу я стала разсуждать, обдумывать свои поступки, и пришла къ заключенію, что черезчуръ жестоко наказаніе за мое упрямство. За что, за что она меня такъ звѣрски погубила? За то, что она чувствовала мое превосходство—всегда и во всемъ! Если-бъ кто зналъ, какъ я трудилась, какъ страдала, прежде чѣмъ дождалась дебюта, да и то случайно! Можно ли было ожидать, что я откажусь отъ своей выгоды, какъ бы случайна она ни была? Я жадно ухватилась за эту возможность выдѣлиться и наконецъ стать твердой ногой на сценѣ... Ну, кто меня осудить?

Она видимо выжидала, что-то онъ скажетъ?

— Я знаю все; я все читалъ! — почти грубо вырвалось у него.

— Значить, вы знаете, что я вела примѣрную, трудовую жизнь. Но къ чему же поминать про это? Вы скажете, конечно, что не нужно понапрасну беречь старыя раны и плакаться на свою горькую судьбу?

— У васъ хватало силы бороться за успѣхъ,—проговорилъ Сидней, вставая:—хватить и пережить неудачу пораженія.

— Женщинѣ, слабѣе характеромъ было бы легче все это пережить. Малодушная—давно бы покончила съ собой.

— Но вы и въ такомъ случаѣ не имѣли бы права лишить себя жизни; помните, что у васъ есть отецъ, котораго вы должны щадить.

— Да я помню; я и цѣню его привѣтъ и ласку, и не хо-

тѣла бы его никогда больше огорчать. Насъ еще то сближаетъ, что онъ такъ же, какъ и я сама, всю жизнь боролся съ превратностями своей судьбы. Совершенно справедливо, чтобы вы, какъ его лучший другъ, напоминали мнѣ объ этомъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Сидней заговорилъ опять на старую тему:

— Такъ мнѣ сегодня же переговорить съ отцомъ? Или какъ вы хотите?

— Пожалуй; если у васъ есть для меня какая-нибудь работа на примѣтъ. И вотъ еще что! Вы сказали, что не будете высказывать мнѣ свое участіе, потому что слова въ такомъ случаѣ безсильны. Вотъ и я тоже... не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ мою благодарность.

— Полноте! Это простое дружеское одолженіе...

— А много ли у меня друзей? Какое я имѣю право рассчитывать на ваше участіе? Развѣ я словомъ или дѣломъ его заслужила, когда я сама...

Вдругъ она вся преобразилась. Такую пережѣну могла вызвать въ себѣ и въ своей внѣшности лишь опытная и талантливая актриса. Ни взглядомъ, ни улыбкой ей судьба не разрѣшила выразить чувства, охватившія ее; поэтому всю силу своего волненія, всю тонкость ощущеній она вложила въ изящное, полное искренней радости, движеніе своихъ рукъ. Она вдругъ, будто повинувшись внутреннему порыву, протянула ихъ впередъ и тотчасъ же отдернула, какъ бы робѣя. Это отчасти должно было подготовить Сиднея къ тому, что она только-что хотѣла ему сказать. По этому движенію онъ легко могъ догадаться, что она улыбается и что глаза ея засвѣтились отъ радостныхъ воспоминаній... И въ тотъ же мигъ порывисто и нѣжно, мягко и страстно зазвучалъ ея обаятельный голосъ,—тотъ самый голосъ, который только-что выражалъ съ такой полнотой сердечную тоску и горечь самобичеваній.

— Но это было такъ давно... давно! Вы все забыли... вы меня простили? Отецъ сказалъ мнѣ, что васъ ждетъ большое счастье... и я... я счастлива за васъ!

Сидней невольно отступилъ на шагъ. Его поразило, что она такъ просто относится къ его мнимой близости съ Дженни Снау-донъ. Онъ вспыхнулъ и, тяжело переводя духъ, возразилъ:

— Конечно, мнѣ понятно, на что вы сейчасъ... намекали. Но вашъ отецъ ошибся... Онъ... Я не знаю, кто могъ его увѣрить?.. Право же, это недоразумѣніе...—лепеталъ онъ, все болѣе смущаясь и краснѣя.

— Недоразумѣніе?!—переспросила Клара.—Вы, вѣрно, хотите сказать, что люди слишкомъ поспѣшно выводятъ свои заключенія? Мнѣ бы не слѣдовало вовсе такъ смѣло повторять...

— Оставимъ это, прошу васъ!—прервалъ ее Сидней.—Значитъ, мы на томъ и рѣшили, что я пойду и переговорю съ вашимъ отцомъ.

— Благодарю васъ!.. А я ему скажу, кто такой мой знакомый, котораго я, признаюсь, не ожидала видѣть...

— Это же почему?

— Да потому, что я... Вы меня приучаете говорить откровенно: ну, такъ, въ сущности,... я была убѣждена, что вы *даже* ко мнѣ не откажете придти...

Нервы Сиднея отказывались ему служить... Мысли его мутились, а разобраться въ нихъ было необходимо. Только бы остаться одному и успокоиться немного! Нервная дрожь пробѣжала по спинѣ и ему становилось жутко:

— Ну, а пока простимся! — сказалъ онъ, и Клара молча проводила его на лѣстницу. Долго еще стояла она на площадкѣ, прислушиваясь къ его гулкимъ шагамъ, удалявшимся внизъ по ступенькамъ.

Клара вернулась къ своимъ. Отецъ посреди комнаты (приемной) стоялъ и разговаривалъ со своимъ квартиро-хозяиномъ, м-ромъ Игльсомъ; въ спальнѣ дѣвочки ложились спать. Сестра обождала, пока разговоръ отца кончился и м-ръ Игльсъ ушелъ, а затѣмъ сама обратилась къ нему:

— Мой другъ былъ сейчасъ у меня. Возьмешься угадать, кто онъ?

— Нѣтъ; право, ужъ не знаю.

— А на м-ра Керквуда ты и не подумалъ?

— Не можетъ быть!

— Отецъ! Вѣдь ты ошибся... знаешь, относительно Дженни Снаудонъ.

Джонъ такъ и привскочилъ на стулѣ.

— Ну?! Онъ самъ тебѣ сказалъ?

— Ну, да! Только послушай: никому пока не надо говорить объ этомъ. Ты будешь остороженъ... Да, отецъ?

Джонъ съ удивленіемъ вскинулъ на нее глазами. Она нагнулась, поцѣловала его въ лобъ и тихо вышла изъ комнаты.

XXIV.—Новый просвѣтъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Джонъ Юэттъ лишился своихъ послѣднихъ сбереженій, онъ больше не принадлежалъ—изъ принципа—ни къ какимъ обществамъ или кассамъ. Даже члены „собранія“ Шутерсъ-Гарденса были теперь лишены наслажденія послушать горячія филиппики „старика Юэтта“...

Какіе были гроши, онъ понемногу приберегалъ ихъ дома въ шкатулѣ, запертой на ключъ; если-жъ ему когда-либо хотѣлось высказать свое мнѣніе, онъ избиралъ своимъ слушателемъ м-ра Игльса, который умѣлъ дѣйствовать на него успокоительно своею флегматичностью и невозмутимымъ спокойствіемъ.

Ничто не могло такъ отвлечь вниманія Джона, какъ возвращеніе дочери подъ отчій кровъ; даже работая въ своей фильтровой мастерской, онъ ни на минуту не думалъ ни о чемъ и ни о комъ, кромѣ своей Клары; даже во время работы его не оставляло выраженіе тревоги на лицѣ; нерѣдко онъ бормоталъ себѣ подъ носъ что-то совершенно непонятное и растерянно, какъ-то по-дѣтски испуганно, вскидывая глазами на того, кто его оживлялъ. Между его товарищами сложилось убѣжденіе, что Юэттъ впадаетъ въ дѣтство; между тѣмъ, Юэттъ просто грустилъ, оплакивая ежечасно горькую долю своей любимицы. И часто у него мелькала безумная мысль:

„Ахъ, если-бы Сидней не перемѣнилъ своего намѣренія за послѣдніе четыре года“!

Хоть они и не думали сообщить объ этомъ другъ другу, но и у Клары начала чаще являться мысль, которая сначала ей казалась совершенно неосуществимой. На это натолкнула ее та горячность, та искренность и то смущеніе, которыя проявилъ Сидней въ разговорѣ съ нею. Она не смѣла надѣяться... Она подумать не смѣла... и вдругъ!!

Ее вдругъ озарилъ лучъ счастья, единственного, которое еще могло быть ей доступно: счастья—не дрожать каждый мигъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, не бояться за грядущій день, не голодать, не оставаться безъ пристанища среди толпы презрѣнныхъ, грубыхъ и злорадныхъ, завистливыхъ созданій, которыя называются „людьми“! Она сама довольно испытала, довольно насматрѣлась на нищету, и если-бъ только Сидней далъ ей все, что оградило бы ее отъ прямой нищеты!

Да нѣтъ! Не одно только это ее привлекало: она меньше, чѣмъ кто другой, была въ состояніи выносить одиночество, а ее

бѣдствія и ея ужасная болѣзнь показали ей, что и она (какъ она ни упряма и горда) можетъ нуждаться въ тепломъ участіи, въ ласкѣ и дружбѣ. Къ отцу она давно уже стала относиться мягче и мало-по-малу искренно къ нему привязалась...

Бѣдная! Побѣжденная судьбою, она уже была не та, что прежде. Она устала бороться... она устала жить!.. Нѣтъ, нѣтъ! Любовь все оживить и все освѣтить; и Сиднею не нужно будетъ любоваться ея лицомъ для того, чтобы прочнѣе было его искреннее чувство... Конечно, онъ теперь самъ поспѣшитъ придти, и ужъ тогда...

Но онъ не шель; шли только дни за днями; шли еще медленнѣе и еще тоскливѣе, чѣмъ прежде!

Какъ-то разъ, когда отецъ пришелъ съ работы, Клара спросила, давно ли онъ видѣлъ Сиднея Керквуда?

— Да, пожалуй, вотъ уже вторая недѣля.

— Не можешь ли ты самъ къ нему зайти? Я знаю, что у него есть кое-что нужное сообщить тебѣ.

И отецъ согласился. Но, какъ бы предупреждая его намѣреніе, Сидней самъ прислалъ письмо съ просьбою зайти къ нему; послѣ чего Джонъ тотчасъ же двинулся въ путь и по дорогѣ для храбрости забѣжалъ выпить рюмку. Одно только страшило бѣднаго вдовца: какъ бы Сидней не замѣтилъ, что отъ него несетъ „сивухой“. Бѣднякъ уже не могъ обойтись ежедневно безъ этого живительнаго средства.

Но Сиднею было не до того, чтобы слѣдить за степенью трезвости своего гостя; онъ тревожно ходилъ взадъ и впередъ по своей просторной комнатѣ и продолжалъ говорить на ходу.

— Вы знаете, что я видался съ Кларой? Она хотѣла вамъ сама сказать объ этомъ.

— Да, да. Ну, а теперь, надѣюсь, вы больше уже не будете бояться къ намъ ходить?.. А о чемъ она меня послала съ вами говорить, она вамъ не сказала?

— Она мнѣ говорила, что тяготится ничего не дѣлать, но что вы не хотите ее утруждать...

Джонъ вскочилъ и нервно сжалъ обѣими руками спинку стула.

— Она вамъ поручила приготовить меня къ тому, что уйдетъ изъ дому?

— Уйдетъ? Нѣтъ, ей же некуда уйти отъ васъ.

— Да, да; конечно, некуда! Бѣдняжка!.. Видите ли, Сидней, я ничего не буду имѣть противъ того, чтобы она нашла себѣ работу дома: я тоже понимаю, что безъ дѣла ее больше одолѣ-

ваетъ горе и тоска. Будетъ она двигаться, шевелиться, думать о своемъ, хотя бы самомъ пустомъ дѣлѣ, и ей останется гораздо меньше времени сидѣть на одномъ мѣстѣ и грустить, закрывъ руками свое бѣдное, искаженное лицо, опустивъ свою беззащитную голову. Сердце надрывается, на нее глядя! Пусть уже лучше работаетъ все, что угодно, только бы никуда для этого не уходить!

Сидней молча шагаль изъ угла въ уголъ.

— Вы, можетъ быть, не такъ поняли меня? — подхватилъ горячо Юэттъ. — Я вовсе не хочу сказать, чтобы я ей не довѣрялъ, напротивъ! Но вѣдь она только изъ-за того ушла бы, что считаетъ себя слишкомъ тяжелою для насъ обузой. Но я вѣдь отдаю ей все свое свободное время и для меня большая отрада видѣть, что ей пріятно быть со мною. Къ м-съ Игльсъ она не очень расположена, но это не такого склада человекъ, котораго она могла бы считать своимъ другомъ: у нея свои воззрѣнія на дружбу и друзей. Не потому, чтобы она была горда, бѣдное дитя! но потому, что... Она добрая дѣвочка, вѣрьте мнѣ, Сидней! У нея доброе сердце и она хорошо относится къ своему старику-отцу. Еслибы Богъ привелъ мнѣ только видѣть, что ей чуть-чуть счастливѣе живется, я готовъ больше никогда не роптать на судьбу!

Что можетъ быть убѣдительнѣе простой, искренней рѣчи? Джонъ искренно былъ убѣжденъ въ достоинствахъ дочери, но ему же самому показалось, что его собесѣдникъ могъ приписать его похваламъ особое, преднамѣренное значеніе. Въ сущности Сидней дѣйствительно и самъ понялъ его слова въ такомъ же смыслѣ и еще тревожнѣе заходилъ по комнатѣ. Надо полагать, что его безмолвныя думы во время водворившагося молчанія имѣли какую-либо связь съ Джозефомъ Снаудономъ, потому что онъ думалъ именно о немъ...

И въ ту же минуту (легоетъ на поминѣ!) явился на порогѣ не кто иной, какъ этотъ самый джентльменъ, выступая съ достоинствомъ, подобающимъ его высокому званію. Юэттъ былъ непріятно пораженъ: его всегда стѣсняло присутствіе „хозяина“, съ которымъ онъ еще такъ недавно былъ въ самыхъ простыхъ и дружескихъ отношеніяхъ.

— А, и вы здѣсь, Юэттъ! — воскликнулъ Снаудонъ. — Признаться, я было хотѣлъ кой-о-чемъ потолковать съ нашимъ общимъ другомъ. Но все равно, можно и въ другой разъ!..

Однако онъ не особенно намѣревался уходить, и Джонъ успѣвши предупредить его:

— А я, пожалуй, загляну къ вамъ еще разокъ попозже,— проговорилъ онъ, обращаясь къ Сиднею. — Или вамъ, можетъ быть, удобнѣй завтра вечеромъ?

— Ну, хорошо. До завтра!—и Сидней простился съ пріателемъ въ то время, какъ Снаудонъ развалился на стулѣ, совершенно равнодушный къ неловкости, которую только что сдѣлалъ.

— Человѣкъ обстоятельный, этотъ Юэттъ, — проговорилъ онъ. — Ничего себѣ, порядочный человѣкъ. Только жаль, что онъ, къ несчастію, замѣтно старѣеть. Я слышалъ, у него, кажется, было много огорченій, а это вѣдь сушитъ человѣка...

Сидней улыбнулся, но ничего не сказалъ.

— Ну, думаю, разъ что пришелъ, отчего же мнѣ и не остаться?—непринужденно распахивая свой „хозяйскій“ внушительный скюртукъ, продолжалъ Джозефъ. — У меня собственно есть кое-что вамъ сообщить. Не лучше ли вамъ сѣсть?

— Нѣтъ, благодарю васъ! — продолжая шагать, отвѣтилъ Сидней.

— Мнѣ тутъ случилось немного потолковать съ моимъ старикашкой относительно Дженни. Вы ему сами заявили, что между вами все кончено.

— Чтò же, весьма возможно!

— И знаете, все это какъ-то такъ неопредѣленно... Я боюсь, что старикъ очень встревоженъ. Онъ могъ подумать, что вы немного... того... хе-хе!..

Уже не разъ и не два принимался онъ за такіе туманные рѣчи, и терпѣніе Сиднея лопнуло.

— Нѣтъ возможности угадать, чтò и кто про меня можетъ думать, если пожелаетъ извлечь изъ этого для себя пользу,— началъ онъ. — Я прямо и совершенно ясно сказалъ м-ру Снаудону, что никогда не могу быть для Дженни иначе, какъ *только* другомъ. И думалъ я, и чувствовалъ все время совершенно искренно; если вы въ этомъ усомнитесь, то можете дня черезъ два получить окончательное въ этомъ доказательство.

Джозефъ принялъ видъ оскорбленнаго достоинства.

— Однако, это немного странный пріемъ для того, чтобы порвать свои обязательства... позвольте вамъ замѣтить, м-ръ Керквудъ! Про себя я еще ничего не говорю; но касательно моей дочери...

— Чтò надо понимать подъ вашими словами? — угрюмо и горячо перебилъ его Сидней. — Вы сами прекрасно знаете, что вы только того и добивались, какъ бы насъ разлучить! Вамъ это

удалось; ну, и радуйтесь, и будьте довольны! Если вы имѣете еще что-нибудь мнѣ сказать, о чемъ-либо другомъ, скажите, и конецъ этому дѣлу! Я больше не чувствую ни малѣйшаго желанія блуждать въ потемкахъ.

— Вы меня совсѣмъ не такъ поняли, Керквудъ,—возразилъ тотъ, но не могъ скрыть искорки удовольствія, загорѣвшейся у него въ глазахъ.

— Нѣтъ, я хорошо... я даже слишкомъ хорошо васъ понимаю; но чтобы вы мнѣ больше никогда объ этомъ не поминали! Все кончено, поймите хорошенько! Поймите разъ и навсегда!

— Ну, ну! Вы сегодня что-то не въ своей тарелкѣ... А пока, до свиданія!

И онъ ушелъ, а Сидней еще долго-долго сидѣлъ неподвижно, погруженный въ свои глубокія думы...

Джонъ Юэттъ не преминулъ явиться вечеромъ на слѣдующій день и удивился улыбающемуся виду своего друга.

— Вы изъ дому?—спросилъ тотъ, пристально глядя на него.

— Да, изъ дому. А что?

— Да такъ. Я хочу спросить: вамъ Клара ничего не говорила?

— Нѣтъ! Въ чемъ дѣло?

— А она знала, что вы ко мнѣ идете?

— Да.

Сидней продолжалъ улыбаться.

— Ну, значитъ, она предпочла, чтобы я самъ сказалъ,—замѣтилъ онъ.—Я вѣдь заходилъ вчера, чтобы ее видѣть.

Полураскрытыя губы, легкое дрожаніе въ сѣдоватыхъ усахъ и возбужденный взглядъ Юэтта указывали на его напряженное вниманіе.

— Въ самомъ дѣлѣ?—переспросилъ онъ въ волненіи.

— Мнѣ надо было повидать ее... наединѣ. Давно уже я обращался къ ней съ этимъ вопросомъ и... наконецъ... наконецъ я дождался *настоящаго* отвѣта!

Волненіе Джона возросло до крайнихъ предѣловъ.

— То-есть, вы... вы сдѣлали Кларѣ предложеніе?!

— Надѣюсь, въ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго?

— Вашу руку!.. Вашу руку! Сидней Керквудъ, дайте мнѣ пожать вашу руку! Если былъ когда-либо на свѣтѣ такой великодушный, такой сердечный человѣкъ, такъ это только вы—вы,

Сидней! Что я могу сказать на это? Это слишком большое счастье... Постойте, дайте мнѣ васъ хорошенько разглядѣть... глаза мнѣ застилаются... Я счастливъ, какъ ребенокъ...

Голосъ его прервался и онъ больше не въ силахъ былъ сдерживать свой смѣхъ, свои рыданія. Его волненіе сообщалось и Сиднею, который поблѣднѣлъ, хоть на губахъ его еще мелькала слабая улыбка:

— Если вамъ это такъ отраднo слышать, тѣмъ болѣе отраднo для меня!

— Отраднo? Вы сказали: *отраднo*? А я... я не знаю, какъ и что мнѣ говорить! Да нѣтъ! Вы понимаете,—вѣдь такихъ словъ нѣтъ, и не будетъ, пока свѣтъ стоитъ!.. Ну, вашу руку! Мнѣ кажется, я долженъ бы стать передъ вами на колѣни и просить прощенія. Вы ли не были къ намъ добры; вы ли не утѣшали насъ своею лаской?.. И вдругъ еще... еще такое!.. Да я вѣдь слышалъ, что вы женитесь на той... знаете, на другой...

— Ну, люди ошибались.

— Да смѣлъ ли я когда надѣяться,—скажите сами, Сидней? Это—единственное въ мірѣ, чего бы я просилъ у Бога! Несчастная моя, бѣдняжка Магги! Она не дожидла до этой радостной минуты! То-то она была бы счастлива за васъ обоихъ!.. А Клара, Клара! Я уйду, она и говоритъ: „Куда ты?“—Къ Керквуду, говорю.—„А! Ну, смотри же, скорѣе возвращайся!“—это она-то говорить, плутовка! И еще улыбнулась. А я не могъ понять: ну, кажется, съ чего бы ей улыбаться?.. Она вамъ будетъ доброю женою, Сидней. Сердце ея смягчилось ко всему, что прежде было ей и дорого, и близко. Она всю жизнь будетъ вамъ вѣрной и доброю женою; вѣрно вамъ говорю!.. Надо скорѣй пойти, сказать ей, что я знаю... Нѣтъ въ мірѣ человѣка, какъ бы онъ ни былъ знатенъ и богатъ, который былъ бы счастливѣе меня!

Шатаясь отъ волненія, сошелъ онъ внизъ по лѣстницѣ и побрелъ домой.

Дома Томми сидѣлъ за тетрадкой и держалъ перо въ рукѣ, какъ вдругъ дверь распахнулась и отецъ, проходя мимо, шумно выбилъ перо изъ рукъ сыннишки.

— Ну, отецъ! Что ты?—воскликнулъ Томми, но тотъ ужъ былъ въ сосѣдней комнатѣ и, не помня себя отъ восторга, цѣловалъ свою Клару.

— А ты-то мнѣ ни слова!—говорилъ онъ.—Ни пол-слова!..

— Я сама не была увѣрена,—возразила она тихо, ласково положивъ руки ему на плечи.

— Сокровище! Родная! Дитя мое! Пойди, сядь ко мнѣ на колѣни, какъ бывало въ дѣтствѣ. Я старый, слабый человекъ, но вѣрь, никто не можетъ тебя такъ любить, какъ любилъ я всю твою жизнь! А онъ? Онъ тебя не забывалъ все время, пока тебя не было здѣсь. Другого нѣтъ такого добраго на свѣтѣ! И у него такой довольный видъ...

— Да? Да? Такъ онъ доволенъ? Ты навѣрное знаешь?

— Навѣрное ли? Да ты бы только посмотрѣла, что за чудесное лицо у него было, когда я вошелъ! Но ты вѣдь не забудешь своего старика-отца? Ты мнѣ позволишь, дорогая, приходить къ вамъ побесѣдовать съ тобою иногда часокъ-другой... Ну, какъ теперь? Согласна?

— О, да, отецъ, еще бы! Я тебя никогда еще такъ не любила, какъ за твою жалость, за твою ласку ко мнѣ, одинокой и несчастной. Сердце мое къ тебѣ лежало всегда и вездѣ...

— Знаю, голубчикъ, знаю! Я и не сомнѣвался никогда. Ну, что бы со мною было, если-бъ ты не вернулась?

— Не будемъ говорить объ этомъ, и постараемся забыть... Отецъ! О, если-бъ у меня было мое... то, прежнее лицо!

Отчаяніе зазвучало въ ея возгласѣ. Она бросилась къ отцу на грудь и зарыдала горячо, неудержимо, какъ бы прощаясь навсегда, въ послѣдній разъ, съ тѣми блестящими мечтами, къ которымъ такъ стремилась всю свою жизнь.

XXV.—Конецъ мечтамъ!

Всю зиму старикъ Снаудонъ провелъ почти безвыходно въ своей комнатѣ, и за это время его часто посѣщалъ Джозефъ, который со дня на день прибрѣталъ большое значеніе и даже научился плясать подъ дудку филантроповъ. Фильтръ его еще не былъ вполне осуществленъ, но „Лэкъ, Снаудонъ и К^о“ уже провели мысль, что какъ они, такъ и прочіе фабриканты могли бы сдѣлать народу большое благодѣяніе, пустивъ обыкновенные фильтры по удешевленной цѣнѣ.

— Какое питье для рабочаго люда можетъ сравниться съ чистою водою?!—восклицалъ онъ умиленно. Съ отцомъ онъ говорилъ всегда почтительно и понижая голосъ и даже съумѣлъ заинтересовать его своей бесѣдой; но съ дочерью у него дѣло шло гораздо туже. Джени вообще какъ бы сторонилась отца. Присматриваясь къ ней и къ Сиднею поближе, Джозефъ пришелъ къ убѣжденію, что боязнь ея передъ такой крупной

отвѣтственности и его боязнѣ, какъ бы люди (а главное, она) не подумали, что онъ женится на деньгахъ,—крупные козыри въ рукахъ ловкаго и терпѣливо выжидающаго игрока. Только бы удалось заставить обѣ стороны видѣть въ наслѣдствѣ дѣда главную и ненавистную помѣху къ ихъ взаимному счастью и душевному спокойствію!..

Наконецъ, ему повезалось, что время пришло начать свои дѣйствія. Дождавшись, пока Дженни осталась одна, онъ притянулъ свой стулъ поближе къ ней и мягкимъ, отеческимъ тономъ началъ такъ:

— Дженни, дитя мое! Я очень за тебя тревожусь!

— Тревожишься, отецъ?—нервно перебила Дженни.

— Да. Какъ ни тяжело въ этомъ признаться, а только... ты, моя единственная дочь..., ты, дорогое мнѣ дитя, не такъ близка со мной, какъ бы это (при другихъ обстоятельствахъ, конечно) могло быть. Дженни, признайся: ты очень обидишься, если я съ тобой буду говорить о м-рѣ Керевудѣ?

— Нѣтъ, отецъ,—отвѣтила она тихо. Но быть внимательной къ своей работѣ она ужъ больше не могла.

— Мнѣ кажется, милая моя, между вами не было формальнаго обмѣна обѣщаній?

— Нѣтъ, отецъ!—послышалось еще слабѣе.

— А все-таки вы, кажется, дорожите... (не сердись, мой другъ!), да, именно дорожите, одинъ для другого, чѣмъ простые друзья?

Дженни не отвѣчала.

— Я думаю... (вѣдь я часто подумываю о тебѣ!) что м-ръ Керевудъ самъ немного преувеличилъ свои отношенія къ тебѣ... когда хотѣлъ ихъ измѣнить...

— То-есть, какъ это: измѣнить?—спросила Дженни.

— Можетъ быть, я виновата, что не такъ понимаю васъ обоихъ, но не могу же я не замѣчать, что дѣвочка моя худѣетъ и блѣднѣетъ. Я знаю, вамъ обоимъ тяжело...

Дженни не шелохнулась, затаивъ дыханіе, опустивъ глаза.

— Дженни?

— Отецъ?

— Можетъ быть, не хорошо, что я говорю съ тобой помимо дѣда? Только не думаю, чтобы онъ замѣчалъ въ тебѣ ту пережѣвну, которую я замѣтилъ. Онъ не допустилъ бы, чтобы ты могла чувствовать себя несчастной.

— Да, можетъ быть... Но при чемъ тутъ м-ръ Керевудъ? Если вы начали, такъ ужъ и говорите до конца. Чтѣ же тутъ можетъ быть дурного?

— Видишь ли, м-ръ Керевудъ... Его положеніе теперь такъ щекотливо... Онъ думаетъ, что при такихъ условіяхъ ему неловко на тебѣ жениться. Твое богатство его отстраняетъ...

— Но, Боже мой! Оно же не мое; и это ему хорошо известно,—возразила, вздрогнувъ, бѣдная дѣвушка.

— Ну, да, конечно, знаетъ. Только вѣдь это все равно. Онъ сказалъ дѣду, милая моя, что между вами... (конечно, это очень грустно) ничего, кромѣ дружбы,... никогда быть не можетъ! Что отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ слишкомъ велика; что все, что *могло бы* быть между вами, кончено навѣкъ!

Дженни вскинула на него глазами и тотчасъ же опустила ихъ.

— Конечно, вѣкъ моей власти чѣмъ-либо повліять на такое положеніе дѣлъ; но, какъ отецъ, я считалъ своимъ долгомъ тебя предупредить. Понятно, я ни говорить, ни притворяться не умѣю; это ты, надѣюсь, понимаешь? Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты была увѣрена во мнѣ, какъ въ своемъ самомъ преданномъ другѣ... Такъ-то, сокровище мое!

Дженни сидѣла неподвижно; когда отецъ простился, она машинально съ нимъ простилась и пошла затворить за нимъ дверь, а потомъ осталась стоять, прислонившись къ косяку, чтобы не упасть. Она была поражена, подавлена ужасной вѣстью. Положимъ; онъ могъ дѣйствительно колебаться изъ боязни передъ ея капиталами и сопряженной съ ними нелегкой задачей; могъ даже оттягивать свое рѣшеніе до болѣе отдаленнаго срока; но измѣнить ему совершенно и совершенно отшатнуться отъ нея!.. Нѣтъ, нѣтъ! Никогда она этому не повѣритъ! Но тогда что же можетъ значить нежеланіе его раздѣлить съ нею обязанности, возложенныя на нее желаніями дѣда? Вѣдь сочувствуетъ же имъ самъ Сидней?.. Дженни была недостаточно тонкихъ ощущеній человѣкъ для того, чтобы отдать себѣ отчетъ, въ чемъ же тутъ разница и въ чемъ причина такой перемѣны въ ея другѣ и бывшемъ покровителѣ? Положимъ, она сама испуталась важности возложеннаго на нее подвига; но вѣдь свое малодушіе она не могла приписать Сиднею... И наконецъ, можно ли положить на отца? Этотъ вопросъ ужъ давно занималъ ее. И почему отецъ не хотѣлъ обратиться за разъясненіями прямо къ дѣду?..

Не успѣло еще ея волненіе улегся, какъ самъ старикъ Снаудонъ вышелъ изъ своей комнаты.

— А я какъ будто слышалъ голосъ твоего отца?—замѣтилъ онъ, неспѣшной, старческой походкой проходя къ своему креслу у окна.

— Да. Онъ не могъ остаться.

Дженни говорила и держалась какъ-то неувѣренно. Дѣдъ усьмлся въ кресло и взглянулъ на внучку, но не такъ прямо и открыто, какъ бывало; теперь онъ смотрѣлъ на нее какъ-то исподтишка, пытливо, будто съ намѣреніемъ видѣть насквозь каждую ея мысль.

— Миссъ Лантъ принесла тебѣ книгу?

— Да, принесла! (въ голосѣ Дженни не слышно было ни малѣйшаго участія въ книгѣ, которая состояла изъ отчета о какомъ-то благотворительномъ предпріятіи въ глухомъ концѣ Лондона).

— А ты не прочь мнѣ почитать немного?

Дженни стояла у его столика и машинально перелистывала книгу.

— Дѣдушка! Говорилъ тебѣ про меня м-ръ Керквудъ?— вырвалось у нея невольно порывисто, но она не вспыхнула, а еще больше поблѣднѣла. Рука ея судорожно сжала книгу.

— А что? Кто объ немъ тебѣ напомнилъ?

— Отецъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Керквудъ тебѣ объяснилъ, что между нами ничего, кромѣ дружбы, быть не можетъ.

— И онъ сказалъ тебѣ причину?

— Нѣтъ; впрочемъ, мнѣ кажется, я его понимаю.

— Пойди-ка, сядь ко мнѣ поближе, Дженъ! Поговоримъ объ этомъ мирно и толково. Очевидно, Сидней не чувствуетъ себя способнымъ провести въ жизни такую задачу, и потому рѣшается быть только твоимъ другомъ... Ну, пойдѣ же, дѣтище мое!—мягко прибавилъ онъ.

Дженни печально подошла.

— Знаю, что это тяжело на тебѣ отзовется... конечно, сначала; но когда ты разсудишь хорошенько, ты бросишь горевать. Я въ этомъ увѣренъ! Объ этомъ мы не разъ ужъ говорили: пусть это будетъ большая жертва, большой подвигъ съ твоей стороны; зато у тебя есть же силы довести его до конца. Да, да! Моя Дженни—сильный духомъ человѣкъ... не то, что другія женщины! Только постарайся сосредоточить всѣ свои мысли на своей цѣли, и это наполнить всю жизнь твою... вѣрь мнѣ, Дженни! У тебя времени не будетъ на дѣла, которыя такъ занимаютъ другихъ женщинъ,—ну, и Богъ съ ними!

Его пронизательные глаза смотрѣли на нее тѣмъ энергичнымъ взглядомъ, который по своей безпощадности такъ похожъ на взглядъ убѣжденнаго фанатика. Онъ наложилъ руку на ея сердечныя стремленія, на ея чистыя дѣвическія грезы.

Каждое его слово какъ ножомъ рѣзало ей душу, разрывало ей сердце на части, вырывало съ корнемъ, одну за другой, всѣ ея давнія надежды. Эта пытка разрѣшилась отчаяннымъ воплемъ и, какъ подкошенная, Дженни упала передъ старикомъ на колѣни.

— Нѣтъ, не могу я, не могу! Дѣдушка, не требуй! Отдай все кому-нибудь другому. Силъ у меня не хватитъ! Позволь мнѣ жить, какъ прежде!

Какъ черная туча, потемнѣло лицо старика. Онъ вырвалъ у нея свою руку и всталъ съ мѣста, скорѣе съ удивленіемъ, нежели съ гнѣвомъ поглядывая на склонившуюся фигуру дѣвушки. Она не рыдала, не билась; закрывъ лицо руками, она прижималась къ стулу и молча вздрагивала.

— Дженни! встань и отвѣчай! — приказалъ старикъ. Но Дженни не шевелилась.

— Дженни!

Дѣдъ протянулъ къ ней руку, ухватился за нее; она подняла голову и съ трудомъ старалась приподняться... но вдругъ тяжело застонала и упала безъ чувствъ.

Снаудонъ подошелъ къ дверямъ и позвалъ м-съ Біасъ; затѣмъ вернулся и поддержалъ Дженни.

— Боже мой! А я-то думала, больше ужъ никогда съ нею не повторится!—воскликнула въ ужасѣ добрая Бесси.—Бѣдная дѣвочка! За послѣднее время она что-то была нехороша... вѣрно вамъ говорю!

Блѣдное личико, худоба котораго (слѣды несчастнаго дѣтства) теперь яснѣе выдѣлялась, ея худенькое тѣло и безпомощная поза, все говорило, что не она рождена творить геройскіе подвиги... Дженни пришла въ себя, и въ ту же минуту дѣдъ ея вышелъ изъ комнаты.

— Ну, вотъ!.. Ну, вотъ!—ободряла ее м-съ Біасъ, глядя по головѣ и хлопая по ладонямъ.—И какъ это на васъ нашло, дитя мое? Ну, плачьте себѣ, плачьте на здоровье: сейчасъ же легче будетъ. И что же за причина?..

— Не помню... Мы говорили... О, я уже могу стоять на ногахъ, м-съ Біасъ! Я пойду къ себѣ... Уже вѣрно поздно?

Она не позволила доброй Бесси проводить ее, а дошла сама, все время вспоминая, какое ужасное лицо было у дѣда. Такого взгляда она не запомнить... Какъ онъ пережѣнился въ нѣсколько секундъ!

А Сидней?.. Сидней будетъ ея другомъ, *только* другомъ... О, Боже! Она лишилась ихъ обоихъ... навсегда!..

На утро Дженни рано встала и удивилась, заслыша голосъ дѣда.

— Дженни, погоди! Позавтракаемъ вмѣстѣ!

Давно ужъ не случалось, чтобы дѣдъ вставалъ такъ рано... Жутко стало бѣдной Дженни: давно ужъ не вставалъ ея дѣдъ въ такую пору; а его голосъ звучалъ бодрѣ обыкновеннаго и даже сурово. По лицу его было видно, что онъ провелъ ночь безъ сна. Да и ея лицо тоже было страшно блѣдно.

За завтракомъ онъ дѣлалъ видъ, что пробѣгаетъ книгу миссъ Лантъ; дальше отрывочныхъ, будничныхъ замѣчаній разговоръ не шель. Дженни взяла работу. Вдругъ онъ обратился къ ней:

— Дженни! Намъ съ тобой надо сказать пару словъ. Вѣдь это даже необходимо, да?... (Дженни заставила себя взглянуть на дѣда). Ты въ самомъ дѣлѣ думаешь все то, что говорила?

— О, дѣдушка! Я сдѣлаю все, что ты захочешь! Я все исполню, все, какъ можно лучше и точнѣе! Я неблагодарная, мнѣ теперь самой стыдно за свои слова!

— Слова тутъ ни при чемъ и въ тебѣ нѣтъ неблагодарности, но ты не могла говорить иначе, повинувшись невольно тому чувству, сильнѣе котораго ты уже больше никогда не испытаешь. Но въ тебѣ я этого не могъ бы допустить... не могъ бы!

Изъ-подъ сѣдыхъ бровей его глаза смотрѣли на нее, какъ бы стараясь уловить малѣйшій проблескъ возраженія, которое дало бы ему хоть надежду, что не совсѣмъ еще погибла его любимая, его единая мечта...

— О, дѣдушка! Я постараюсь, я для тебя на все готова... да, на все!

Бѣдное, слабое дитя! Она и прежде также ему общала, трепеща и робѣя, что все сдѣлаетъ для него!

— А если у тебя на это не хватитъ силъ,—что тогда?

Его пронизательный взглядъ скользнулъ по ея хрупкому, худенькому тѣлу, блѣдному лицу и слабымъ ручкамъ.... Вздохъ, полный глубокой тоски и горя, приподнялъ его старческую грудь и онъ отверлъ глаза въ сторону.

— Дженни, ты здорова?

— Да, дѣдушка, здорова.

— И хорошо спала?

— Нѣтъ, какой же тутъ сонъ, когда я чувствую, что тебя огорчила... А мнѣ такъ горячо хотѣлось никогда тебя не огорчать! Я надѣялась, что я не буду для тебя тяжелымъ разочарованіемъ!

Старикъ задумался; но не надолго.

— Я не разочаровался, дорогая,—серьезно проговорилъ онъ. —Я самъ уже виноватъ, если принимаю твою ласку не такъ, какъ бы это мнѣ слѣдовало. Сейчасъ мнѣ надобно идти по дѣлу; но къ обѣду я все-таки вернусь. Можетъ быть, мы тогда опять съ тобою потолкуемъ.

За послѣднее время старикъ Снаудонъ всегда говорилъ внучкѣ, куда и зачѣмъ идти; но сегодня онъ какъ бы лишилъ ее своего довѣрія, и это еще грустнѣе настроило ея думы.

Опять вокругъ нея все рушится, тускнѣетъ; жизнь опять становится тяжелымъ, подневольнымъ игомъ... какъ „тогда“... Бѣдная Дженни старалась себя увѣрить, что она сама же въ этомъ виновата: зачѣмъ она такъ скоро поддается постыдному, непростительному малодушію?

Когда дѣдъ вернулся, она употребила всѣ свои старанія, чтобы не выказывать ему ни своей горести, ни своей лѣни или утомленія. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Когда дѣдъ поднимался изъ-за стола, Дженни бросилось въ глаза, что онъ держится нетвердо, двигается неувѣренно: машинально тряся головою, онъ брался за нее руками, какъ бы провѣряя, дѣйствительно ли она кружится? Внучка подошла къ нему, но не посмѣла сказать ни слова.

— Я пойду къ себѣ, наверхъ!—сказалъ онъ, слегка вздыхая.

— Можно придти и почитать тебѣ?

— Нѣтъ; погода немного. Пойди лучше, пройдишь, пока еще стоитъ хорошая погода.

Онъ вышелъ нетвердыми шагами и, придя къ себѣ, усьлся въ свое обычное кресло, въ которомъ сживалъ столько лѣтъ.

Вотъ тутъ же, подлѣ, та самая скамеечка, на которой у его ногъ, бывало, ютилась Дженни, еще съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ переѣхала сюда чуть-живой, молчаливой, запутанной дѣвочкой по тринадцатому году... Вотъ стулъ — тотъ самый, на которомъ сживалъ Сидней, горячо бесѣдуя съ нимъ и увлекаясь ихъ общими мечтами... На все теперь легла печать безмолвія и грусти. Надежды и мечты, все рухнуло на вѣки!

Утренняя прогулка его утомила. Онъ задремалъ, но чуткимъ, непокойнымъ сномъ.

То онъ видѣлъ себя опять въ Австраліи и его, какъ на яву, пугала вѣсть о смерти сына Михаила, и это заставляло его просыпаться и дрожать всѣмъ тѣломъ. То опять онъ засыпалъ и видѣлъ себя еще молодымъ, но уже женатымъ и отцомъ семейства; его пугаетъ приближеніе нужды; онъ скупъ и грубъ

съ домашними; онъ, не задумываясь, терзаетъ жену свою жестокостью и требованіемъ копить деньги, беречь каждый грошъ... На него надвигается большой, ужасный, черный гробъ, въ который и сливаются всѣ остальные предметы... И въ ужасѣ старикъ опять возвращается къ сознанію,—но только для того, чтобы опять забыться, видѣть свою мертвую жену и заморенныхъ дѣтей... Она лежитъ, а рядомъ съ нею—стѣлянка... Онъ, онъ—ея убійца!..

Всю жизнь мечталъ онъ искупить свой грѣхъ и помогать такимъ же бѣднымъ, обиженнымъ женщинамъ, какою была она... О, неужели надо отказаться отъ этого утѣшенія? Можно, конечно, завѣщать свои средства благотворительнымъ учрежденіямъ, но это будетъ уже совсѣмъ не то...

Время подвигалось къ вечеру. Въ полутьмѣ сумерекъ старикъ досталъ изъ внутренняго кармана скюртука какую-то бумагу, повидимому дѣловую, и пробѣжалъ ее внимательно нѣсколько разъ; затѣмъ медленно разорвалъ ее вдоль, надорвалъ поперекъ; а лоскутки порвалъ совсѣмъ, на мелкіе кусочки и побросалъ въ огонь...

А. Б—г—

БИСМАРКЪ

Письмо изъ Германіи.

Отъ смерти Бисмарка очень скоро „жизнь перешла въ очереднымъ вопросамъ дня“, какъ выражаются на языкѣ газетъ. Въ здѣшней печати еще приводятся воспоминанія о замѣчательномъ человѣкѣ, но преимущественно анекдотическаго свойства; мелкіе интересы и заботы отодвинули уже изліянія скорби о національной потерѣ и разсужденія о томъ, чѣмъ былъ для Германіи и для міра Отто фонъ-Бисмаркъ. Тихо теперь и въ Саксонскомъ-лѣсу, гдѣ въ тяжеломъ гробу лежитъ онъ, не находя себѣ и послѣ смерти покоя въ землѣ. Рѣдкіе посѣтители Фридрихсруэ разсматриваютъ въ паркѣ гору изъ завидныхъ вѣнковъ, на лентахъ которыхъ красуются надписи изъ всѣхъ частей свѣта: „Великому, Безсмертному, Единственному Германскому герою“...

Вѣнки выражаютъ лаконически, что болѣе пространно говорили въ статьяхъ и рѣчахъ тысячи горячихъ поклонниковъ. Въ жизни, однако, Бисмаркъ такъ долго стоялъ лицомъ къ лицу съ „моремъ ненависти“, какъ онъ самъ выражался, что было бы удивительно, еслибъ предъ лицомъ смерти не раздалось другихъ рѣчей, кромѣ хвалебныхъ. По отношенію къ столь крупной исторической личности, къ тому же умѣвшей тоже ненавидѣть за гробомъ, — „nil nisi bene“ не можетъ имѣть смысла. Въ огромномъ большинствѣ критическихъ отзывовъ, появившихся въ Германіи, былъ сохраненъ приличный тонъ, и слышалось сознаніе, что критика личности и системы противника не исключаетъ удивленія къ его могучей индивидуальности. Въ Германіи исключеніе составляютъ весьма многіе органы французской печати, не нашедшіе въ своихъ отзывахъ о врагѣ достойныхъ великой націи выражений. Впрочемъ,

одинъ изъ серьезныхъ французскихъ публицистовъ ¹⁾ замѣтилъ, что „какъ ни жаль разрушать иллюзіи, но нужно сознаться, что Бисмаркъ сдѣлалъ то, что дѣлаютъ всѣ великія личности. Онъ только не боялся называть вещи собственными именами... Для Франціи очень прискорбно, что Бисмаркъ родился въ Германіи, а не у насъ. Развѣ мы не считали бы за счастье имѣть подобнаго ему“?

Прошло больше восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ изумленный міръ узналъ, что объединителя Германіи можно было удалить отъ государственныхъ дѣлъ, но и теперь еще пора безпристрастной, свободной отъ субъективныхъ взглядовъ и чувства, характеристики — не наступила. Въ иностранномъ обзорѣнн предъидущаго мѣсяца у насъ справедливо замѣчено было, что, при тѣсной связи между дѣятельностью Бисмарка и судьбами Европы второй половины нашего вѣка, итоги этой дѣятельности — еще задача будущаго. Ту же мысль развивалъ даже органъ рѣшительнѣйшихъ противниковъ Бисмарка въ его собственной странѣ, заявивъ, въ полемикѣ съ извѣстнымъ публицистомъ Мерингомъ, что нужно много самоувѣрія, чтобы считать себя способнымъ произносить теперь историческій приговоръ такой личности, какъ Бисмаркъ: „послѣднее слово о немъ во всякомъ еще случаѣ не самое послѣднее; нужно полное отсутствіе вкуса, чтобы судить о такихъ историческихъ дѣятеляхъ по ихъ отношеніямъ, на примѣръ, къ „союзу сельскихъ хозяевъ“.

Если до окончательнаго итога еще пройдетъ не мало времени, то для выясненія личности и дѣятельности Бисмарка, — насколько потребность въ томъ существуетъ у современниковъ, — можно содѣйствовать изученіемъ главныхъ періодовъ его общественной дѣятельности. Огромная литература о Бисмаркѣ, въ нашихъ глазахъ, имѣетъ гораздо менѣе цѣны, чѣмъ оригинальные матеріалы въ видѣ рѣчей и писемъ его, въ которыхъ читатель можетъ ознакомиться вполнѣ съ идеями этого замѣчательнаго человѣка въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

I.

Въ апрѣлѣ 1847 г., въ Берлинѣ былъ созванъ первый соединенный ландтагъ, на которомъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV произнесъ знаменитыя слова: „Никакой силѣ въ мірѣ не удастся пре-

¹⁾ Франсисъ Шаркъ въ „Revue des Deux Mondes“, отъ 15-го августа, стр. 950—51.

вратить естественное отношеніе между княземъ и народомъ въ условное, конституціонное, и никогда я не допущу, чтобы между нашимъ Создателемъ на небѣ и этою землею втиснулся исписанный листъ бумаги". Ландтагъ, составленный изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній, имѣлъ только совѣщательный характеръ по вопросамъ управленія, но согласіе его необходимо было для введенія новыхъ налоговъ и заключенія займовъ. Въ адресѣ королю собраніе, однако, заявляетъ, что видитъ въ нынѣшнемъ ландтагѣ и его полномочіяхъ не цѣль, а лишь начало развитія новаго общественнаго порядка, и проситъ короля поставить созывъ депутатовъ въ зависимость отъ основного закона, а не доброй воли правительства. Въ преніяхъ объ адресѣ участвуетъ въ качествѣ „запасного“ депутата отъ провинціи саксонскій молодой землевладѣлецъ Бисмаркъ, именуемый по имению фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ. Высокая, крупная фигура; густые волосы, отъ которыхъ потомъ сохранились легендарные три волоса „Кладдерадача“, коротко острижены; свѣтло-русская борода обрамляетъ загорѣлое, здоровое лицо, свидѣтельствующее о долгомъ пребываніи на чистомъ воздухѣ; смѣлый взглядъ сѣрыхъ глазъ à fleur de tête не имѣетъ въ себѣ ничего выдающагося, — „юнкеры“ всѣ глядятъ смѣло; голосъ тонкій и не очень пріятнаго тембра. Молодой депутатъ сидитъ на крайней правой и оппонируетъ адресу, какъ попыткѣ уничтожить „цвѣтокъ довѣрія“, — *die Blume des Vertrauens*, — народа къ монарху. Ораторъ онъ не блестящій, рѣчь его часто обрывается, выраженія не легко достаются, но они точны и мѣткі. Слова его не встрѣчаютъ одобренія собранія, и когда онъ говоритъ, что истинное настроеніе нѣмецкаго народа можно изучать не на собраніяхъ въ Берлинѣ или Кёнигсбергѣ, поднимается шумъ. „Въ нечленораздѣльныхъ звукахъ я не вижу аргументовъ“, — спокойно отвѣчаетъ депутатъ съ трибуны, и начинаетъ проводить параллель между конституціонализмомъ въ Англіи и общественными условіями Пруссіи: — „тамъ цѣлый вѣкъ революціи далъ возможность народу отдать корону (Вильгельму Оранскому) подъ извѣстными условіями; здѣсь же сама корона отдаетъ изъ своихъ фактически неограниченныхъ правъ часть ихъ народу: примѣръ, рѣдкій въ исторіи, и потому ландтагу, особенно если онъ сравнитъ настоящее съ недавнимъ прошлымъ, нѣтъ основанія не довѣрять королю или оказывать на него давленіе“.

Молодой феодалъ вызываетъ къ себѣ интересъ не столько оригинальностью мыслей, сколько непринужденностью пріемовъ. Объ его прошломъ знаютъ, что онъ изъ средней дворянской семьи,

дѣтство его прошло, однако, въ Берлинѣ, учился онъ въ Геттингенѣ, былъ лихимъ студентомъ корпораціи; одно время былъ на службѣ, сначала въ судѣ, потомъ въ администраціи, но скоро вышелъ въ отставку и теперь занимается хозяйствомъ. Сосѣди его сначала были скандализированы его безцеремоннымъ пренебреженіемъ ко всему условному, но въ послѣднее время онъ остепенился и много читаетъ; онъ недурной хозяинъ и энергичный человѣкъ, зарекомендовавшій себя на земской должности. Идеи его—„юнгерскія“, такъ что трудно было повѣрить, что юношей его въ семьѣ считали республиканцемъ, и мать, изъ чиновничьяго круга, мечтавшая о дипломатической карьерѣ сына, оттого не отпустила его въ Гейдельбергъ, что тамъ читаетъ Шлоссеръ, у котораго молодой человѣкъ дворянскаго воспитанія можетъ укрѣпиться въ своихъ вредныхъ идеяхъ. Въ томъ, что Бисмаркъ выражалъ на ландтагѣ, дѣйствительно не было уже ни капли этого яда: при обсужденіи законопроекта о выкупѣ реальныхъ повинностей крестьянъ, онъ протестуетъ противъ нарушенія благопріобрѣтенныхъ правъ землевладѣльцевъ; при дебатахъ объ уравниваніи правъ еврейскаго населенія, возражаетъ противъ предоставленія не-христіанамъ возможности занимать казенныя должности въ христіанскомъ государствѣ. „Это—средневѣковые предразсудки, всосанные съ молокомъ матери“,—отвѣчаетъ ему фонъ-Бенератъ, будущій министръ.

Не прошло года, и „листъ бумаги“, о которомъ говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уже сталъ необходимостью послѣ мартовскихъ дней 1848 года. Во взглядахъ Бисмарка-Шёнгаузена на добровольное отреченіе короны отъ своихъ привилегій тоже произошла нѣкоторая перемѣна, хотя онъ искренно убѣжденъ, подобно многимъ другимъ лицамъ его тогдашняго круга, что мартовское движеніе, если не все, то отчасти, продуктъ агитаторовъ, и что при болѣе энергіи со стороны короля вспышка прошла бы безслѣдно. Національное движеніе, охватившее многихъ въ связи и независимо отъ социальныхъ и политическихъ идей времени, Бисмарка совершенно не привлекаетъ. Идеаль его,—если выраженіе это примѣнимо къ человѣку, уже тогда обнаружившему полную свободу отъ увлеченій и восторженности, связанной съ стремленіемъ къ идеалу,—сильная Пруссія: „прусская армія, прусская бережливость, интеллигентное прусское управленіе, живая связь короны съ народомъ и преданность народа коронѣ,—все это специфически-прусское, ставшее въ послѣднее время ругательнымъ словомъ, помогло намъ, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, устоять на ногахъ“,—говорилъ онъ

въ ландтагъ 1849 года. „Mein Vaterhaus ist Preussen“, — прибавляетъ юный депутатъ нѣсколько времени спустя, при дебатахъ объ обще-германской конституціи: — „я не знаю трехцвѣтнаго воодушевленія, вы его не найдете ни въ арміи, ни въ прусскомъ народѣ“. Потребности въ національномъ возрожденіи онъ не видитъ, звуки прусскаго марша любить, и не встрѣчаетъ еще ни одного солдата, который распѣвалъ бы: Was ist der Deutschen Vaterland? „Народъ не имѣетъ никакого интереса — потопить прусскую монархію въ южно-германской несдержанности и безпорядочности“... Шikanье и крики негодованія прерываютъ эти слова, и референтъ палаты произноситъ фразу, которою онъ содалъ себѣ незавидную знаменитость, вслѣдствіе политическаго впечатлѣнія, какое неволью связывается съ нею теперь: „гдѣ много свѣта, тамъ много и тѣни. Великое германское отечество должно также имѣть своего *блуднаго сына*“!..

Къ мужеству, которое проявляетъ Бисмаркъ-депутатъ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ; высказывая несомнѣнное убѣжденіе, идущее въ разрѣзъ не только съ большинствомъ парламента, но и съ идеями правительства, присоединяется еще и „буршиковское“ игнорированіе внѣшнихъ формъ ¹⁾, умышленное и часто не оправдываемое сущностью вопроса вызываніе противъ себя общественнаго мнѣнія. Эти черты его характера больше всего создали ему репутацію надменнаго и отчаяннаго реакціонера, и онъ часто стѣсняли даже его политическихъ единомышленниковъ. Что Бисмаркъ тогда уже стоялъ головой выше нормальнаго „юнвера“ — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: онъ былъ умнѣе и образованнѣе той среды, въ которой вкусы и взгляды оправдывались псовой охотой и конюшней, тогда какъ Бисмаркъ въ то же время любилъ Гёте и Шекспира, особенно послѣдняго, котораго онъ подъ старость зналъ чуть ли не наизусть. За беззаботной и безцеремонной внѣшностью укрывалось огромное честолюбіе, искавшее себѣ удовлетворенія не обычнымъ медленнымъ путемъ чиновничьей лѣстницы или черезъ придворныхъ кузинъ и тетусекъ. Съ вліятельными приближенными Фридриха-Вильгельма IV онъ сдумывалъ завязать связи, особенно съ генераломъ Герлахомъ, бывшимъ однимъ изъ его главныхъ покровителей, едва ли впрочемъ понимавшимъ реальное содержаніе его полити-

¹⁾ При этомъ, самъ Бисмаркъ былъ очень чувствителенъ ко всякому оскорбленію своей личности; правда, въ его грубости тогда не было еще попытокъ задѣвать честь противника. Но уже къ этому періоду относится его дуэль съ однимъ изъ вождей умѣренныхъ либераловъ, барономъ Финке. Вызовъ Вирхову во время конфликта тоже имѣлъ поводомъ личную обиду въ парламентѣ.

ческихъ идей. Изрѣдка, въ парламентскихъ рѣчахъ Бисмарка, — при обсужденіи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе: цеховъ, поземельнаго налога, таможенной системы, желѣзныхъ дорогъ, но въ особенности при дебатахъ объ общей политикѣ, — встрѣчались уже мысли, доказывающія, что у Бисмарка-депутата было много общаго съ знаменитымъ „объединителемъ“ Германіи. Кромѣ „прусской идеи“, только-что упомянутой, въ его рѣчахъ проглядываетъ въ особенности идея государственнаго эгоизма, которую онъ впервые открыто формулируетъ при дебатахъ объ Ольмюцѣ, въ декабрѣ 1850 г. „Единственное разумное основаніе въ политикѣ великаго государства — это государственный эгоизмъ, а не романтизмъ, и недостойно всякой страны воевать за дѣла, не зады-вающія ея собственныхъ интересовъ“. Бюрократію онъ и тогда уже терпѣть не могъ, въ особенности же ея инстинктивное стремленіе къ нивелированію и централизированію, которое, по его увѣренію, составляетъ особую страсть у „либеральничающихъ тайныхъ совѣтниковъ“. Кромѣ парламентскихъ достоинствъ и недостатковъ, 35-лѣтній Бисмаркъ обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ политическаго журналиста, мастерски владѣющаго тономъ юмористическаго разсказа и политическаго фельетона, который и впоследствии составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей канцлера. Съ основанія „Kreuzzeitung“ онъ становится ея дѣятельнымъ сотрудникомъ, и первый ея редакторъ, Германъ Вагенеръ, въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что во время парламентской сессіи не было почти нумера, въ которомъ депутатъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ не помѣстилъ бы статьи или за-мѣтки. Чаще всего это были маленькіе фельетоны „Берлинскаго наблюдателя“, живыя, злыя и остроумныя картины изъ жизни парламента. Біографъ Бисмарка, проф. Горстъ Коль (Horst Kohl), откопалъ ихъ въ старыхъ нумерахъ „Kreuzzeitung“ и нѣкоторыя изъ нихъ перепечаталъ въ „Bismarck-Jahrbuch“. Сарказмъ депутата-фельетониста направленъ не только противъ своихъ политическихъ противниковъ и всего демократическаго вообще: какъ истинный юмористъ, онъ подмѣчаетъ тривиальную или смѣшную черту и среди консерваторовъ, и у министровъ, не щадя въ особенности тѣхъ изъ нихъ, консерватизмъ которыхъ имѣетъ свойства романтизма. Герлахъ, покровитель Бисмарка, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что „назначеніе его протекжѣ посломъ во Франкфуртъ было бы невозможно“, еслибы король зналъ, что статьи въ „Kreuzzeitung“ о генералѣ Радовицѣ и Прокешѣ, такъ разсердившія его величество, принадлежатъ перу Бисмарка“. Радовицъ былъ дру-

гомъ Фридриха-Вильгельма IV и вель отъ имени Пруссіи переговоры о заключеніи германскаго союза. Это—блестящій ораторъ, импонирующая фигура, и онъ сумѣлъ привести въ восторгъ всю палату изложеніемъ состоянія національнаго вопроса; депутаты, публика, печать, были полны восторга, но Бисмаркъ сообщаетъ читателямъ „Kreuzzeitung“ объ этомъ замѣчательномъ засѣданіи въ тонѣ человѣка, не только оставшагося спокойнымъ, въ то время какъ другихъ охватило волненіе, но не пропустившаго ни одного слабого пункта у оратора и ни одной смѣшной детали въ картинѣ собранія. Вы видите предъ собою биткомъ набитую залу и переполненныя галереи. Жара такая, что даже дипломаты въ ложѣ слушаютъ въ потѣ лица. Внѣшность оратора, его характерный классическій профиль, интересная блѣдность лица, манера рѣчи, превосходно гармонирующая съ обстановкой, все это нарисовано въ нѣсколькихъ удачныхъ штрихахъ. Но еще лучше схваченъ ансамбль слушающей палаты: „масса загнипотизирована красивыми фразами; профессиональные болтуны съ трудно скрываемымъ недоброжелательствомъ смотрятъ на новаго конкуррента; „господа изъ Франкфурта“ бросаютъ вокругъ лезущіе взгляды, какъ бы желая сказать: слушайте, вотъ какъ у насъ говорятъ въ церкви св. Павла (франкфуртскій парламентъ), и забывая при этомъ, въ локальномъ патріотизмѣ или вслѣдствіе общностей воспоминаній, что тамъ, въ Paulskirche, былъ не другъ, а врагъ“. Въ заключеніе „всѣ тронуты; но въ печатномъ отчетѣ трудно указать отдѣльныя мѣста, давшія поводъ къ плачу, особенно на скамьяхъ, гдѣ сидятъ мягкія души центра“... У одного высокопоставленнаго сановника изъ министерства финансовъ по раскраснѣвшимся щекамъ катился цѣлый бюджетъ слезъ; у другого, не менѣе высокопоставленнаго представителя прусской справедливости, попытки остаться твердымъ вызвали такія гримасы на лицѣ, что одинъ острякъ потомъ утверждалъ, будто столпъ юстиціи вмѣсто венгерскаго вина выпилъ силезскаго. Финалъ былъ полонъ такихъ бурныхъ знаменъ восторга, что можно было подумать—мы находимся въ собраніи мадьяръ ¹⁾, когда среди нихъ появилась Марія Терезія, и на каждомъ лицѣ ясно написана была клятва: *Moriatur pro tribus nostris regibus!* Правая апплодировала, лѣвая рукоплескала, трибуны тоже, и только въ дипломатической ложѣ мы замѣтили, что руки, которыя, насколько намъ извѣстно, при появленіи танцовщицы Ц., не остаются бездѣтельными, тутъ предпочли воздержаться. Chacun

¹⁾ Намекъ на венгерское происхожденіе Радовица.

a son goût... Таково было превосходное представлѣніе высокой декламаціи, которое онъ, Радовицъ, далъ сегодня второй палатѣ“.

Мы приводимъ этотъ отрывокъ не только для того, чтобы дать понятіе о Бисмаркѣ, какъ журналистѣ; въ немъ уже очень сильно выражена та черта въ характерѣ будущаго дипломата, которая составляла одну изъ основныхъ причинъ его практическихъ успѣховъ. Ее можно выразить словами, которыя онъ самъ однажды произнесъ въ обращеніи къ рейхстагу: „Meine Herren! Sie imponiren mir nicht, ich lasse mich vom ganz Europa nicht imponiren“!.. При всемъ своемъ ройализмѣ, онъ говоритъ и съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV такимъ тономъ, что королева, слушая благонамѣренныя рѣчи этого смѣлаго „юнкера“, приходитъ въ негодованіе и проситъ его не забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ. На артистическую натуру короля Бисмаркъ производитъ сначала отталкивающее впечатлѣніе, которое выражается въ извѣстной характеристикѣ: „красный реакціонеръ, пахнетъ кровью“; однако Фридрихъ-Вильгельмъ прибавляетъ, что позже имъ можно будетъ воспользоваться. Будущій императоръ Вильгельмъ видѣлъ въ Бисмаркѣ-Шёнгаузенѣ ординарнаго крикуна, и былъ очень удивленъ, когда его предложили на постъ прусскаго уполномоченнаго при союзѣ во Франкфуртѣ-на-М.: „Diesen Reservelieutenant wollen Sie zum Gesandten machen“?!

Съ литературными пробами пера Бисмарка стоитъ дѣйствительно познакомиться и ради нихъ самихъ, хотя, въ теченіе десятилѣтъ лѣтъ его общественной дѣятельности, сюжеты, амплуа и манеры его существенно измѣнились. Канцлеръ и ораторъ Европы не пишетъ больше фельетоновъ; онъ бережетъ ихъ для десерта, послѣ приѣма дѣятелей парламента и дипломатинъ, за трубкой,—но онъ всю жизнь оставался журналистомъ въ душѣ, и никто до него съ такимъ искусствомъ и безцеремонностью не пользовался печатнымъ словомъ для проведенія своихъ замысловъ. Нужно вспомнить брезгливое отношеніе старой цеховой дипломатіи къ прессѣ, чтобы оцѣнить это отношеніе къ ней Бисмарка, что впрочемъ нисколько не мѣшаетъ признавать и деморализующее вліяніе перваго канцлера на печать своего отечества. Въ „Bismarckbriefe“, изданныхъ проф. Колемъ, и въ его же „Ежегодникѣ Бисмарка“ можно найти рядъ чрезвычайно цѣнныхъ и для характеристики Бисмарка, и для пониманія его эпохи писемъ и статей изъ „Magdeburger“ и „Kreuzzeitung“, а сколько ихъ потомъ выпло изъ-подъ его пера или по его диктовкѣ на бѣлыхъ страницахъ, которыя ему представляли „Norddeutsche“, „Kölnische“ или „Post“! Въ отношеніи къ независимости печати огром-

ная разниа между Бисмаркомъ—частнымъ челоѣкомъ, и Бисмаркомъ—министромъ, всеильнымъ канцлеромъ. Во время конфликта онъ, какъ извѣстно, всегда пытался зажать прогрессивной печати ротъ незаконными запрещеніями; въ качествѣ канцлера, онъ безпощадно воевалъ съ „Frankfurter Zeitung“, „Volkszeitung“ и другими органами демократіи, редакторамъ которыхъ неоднократно приходилось имѣть дѣло съ судомъ за „оскорбленіе Бисмарка“, ставшаго своего рода юридическимъ терминомъ, по аналогіи съ *crimen laesae Majestatis*. Полную противоположность представляетъ его образъ дѣйствій до и послѣ министерства. Сохранились интересныя письма къ редактору „Кладдерадача“, которые Бисмаркъ писалъ въ промежуткѣ между 1848 и 1862 гг. Въ одномъ изъ нихъ онъ грозитъ редактору, когда въ журналѣ появилась шутка надъ его фамиліей и предками: „пока вы задѣваете мою личность, я не стану прибѣгать къ другимъ средствамъ борьбы, и ограничусь тѣми, которыя даетъ перо; но если вы затронете мою семью, то надѣюсь, что вы не сочтете за признакъ допотопнаго конкверства, если я потребую того способа удовлетворенія, который принять между джентльменами“. Эрнстъ Домъ находитъ, что Бисмаркъ совершенно правъ, и отвѣчаетъ ему, что въ „Кладдерадачѣ“ его отнынѣ будутъ затрогивать только какъ общественнаго дѣятеля. „Меня радуетъ, — слѣшпитъ Бисмаркъ отвѣтитъ,—что я не ошибся, когда думалъ, что политическая краска не имѣетъ ничего общаго съ порядочностью или честностью“. Десять лѣтъ спустя, онъ пишетъ редактору „Кладдерадача“ изъ Петербурга, по поводу появившейся въ журналѣ остроты: Мюллеръ спрашивалъ Шульце, правда ли, что, покидая Франкфуртъ-на-М., Бисмаркъ, на данномъ ему прощальномъ обѣдѣ, провозгласилъ тостъ за союзъ Пруссіи съ Франціей? Какъ мы себѣ это представляемъ при нынѣшнихъ условіяхъ; не слишкомъ ли это дипломатично? Шульце отвѣчаетъ, что это дѣйствительно высоко-дипломатическій тостъ; но такіе тосты произносятся за обѣдомъ, и потому нужно знать—послѣ котораго стакана онъ связанъ? „Передайте, пожалуйста, Мюллеру,—пишетъ Бисмаркъ,—что Шульце ему сказалъ глупость. Самый фактъ выдуманъ, не вѣрьте вообще франкфуртскимъ сплетницамъ, или, какъ мы говоримъ на дипломатическомъ языкѣ: вамъ сдѣлано сообщеніе преждевременно. Вѣрно только то, что мнѣ дали обѣдъ, но безъ французовъ и безъ тостовъ. Мое опроверженіе не имѣетъ цѣлью возстановить репутацію дипломата, оскорбленнаго въ своемъ патріотизмѣ и своей трезвости: желаю лишь очиститься отъ подозрѣнія въ глупости и отсутствіи вкуса только въ глазахъ

органа, которому я обязанъ многими веселыми минутами своей жизни. Согласитесь, что такъ не пишутъ вообще послы, аккредитованные отъ большого двора"! Послѣ своей отставки, Бисмаркъ снова становится въ дружественныя отношенія къ печати вообще и ни разу не возбуждаетъ ни одного обвиненія въ оскорбленіи своей личности; но вопросъ остается открытымъ: дѣйствуетъ ли онъ такъ по осторожности, или только потому, что, какъ частное лицо, онъ спокойно и безъ вреда для власти переноситъ всѣ обвиненія?

Годы, проведенные Бисмаркомъ во Франкфуртѣ, Петербургѣ и Парижѣ, принадлежать къ его политическимъ „Lehr- und Wanderjahre“, въ теченіе которыхъ онъ видѣлъ міръ, проникъ въ тайныя стороны „глупости“ тогдашней дипломатіи, насквозь изучилъ ея руководящихъ людей, въ особенности Наполеона III и князя Горчакова, и сбросилъ съ себя многіе, еще сидѣвшіе въ юнкерѣ-пруссакѣ, предразсудки, усвоенные воспитаніемъ и узкой средой. Письма его изъ той эпохи, особенно къ женѣ и Леопольду Герлаху, полны ума, наблюдательности и сарказма, одинаково мѣтко рисующія и среду, и людей. Политическое его перевоспитаніе начинается съ измѣненія взглядовъ на Австрію и съ стремленія связать интересы остальной Германіи съ Пруссіей, по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждается, что для Пруссіи и Австріи нѣтъ двухъ равныхъ мѣстъ въ германскомъ союзѣ. Въ 1851 г. онъ еще пишетъ своему покровителю, что, „несмотря на господствующую entente cordiale, самое печальное въ здѣшнихъ условіяхъ то, что партіи (въ Союзѣ) разбиваются на австрійскую и прусскую, тогда какъ въ дѣйствительности можно быть или за Австрію и Пруссію, или противъ обѣихъ“. Два года спустя, онъ уже заявляетъ Вагенеру (редактору „Kreuzzeitung“), что, при расходящихся интересахъ обоехъ главныхъ государствъ, необходимо стремиться къ привлеченію юга на прусскую сторону. Убѣжденіе въ неминувости столеновенія, рано или поздно, изъ-за гегемоніи въ Германіи, красной нитью проходитъ черезъ всѣ его заявленія друзьямъ и официальные сообщенія въ Берлинъ. Зорко въ то же время слѣдя за ходомъ европейской политики, Бисмаркъ во время крымской войны употреблялъ свое, правда, не очень еще значительное вліяніе на то, чтобы предостеречь Пруссію отъ вмѣшательства противъ насъ, и этимъ обезпечилъ себѣ радушный пріемъ въ Петербургѣ, когда его назначили туда прусскимъ посломъ. Надо думать, — по крайней мѣрѣ, мы судимъ такъ на основаніи той частной переписки съ генераломъ Герлахомъ, которая до сихъ поръ опубликована, — что у насъ въ то время преувеличивали дружбу

въ намъ Бисмарка: „если русскіе и дальше будутъ дѣлать плохія дѣла,—пишетъ онъ въ октябрѣ 1855 года, — то для насъ возникнетъ вопросъ, насколько мы въ собственныхъ интересахъ можемъ допустить склоненіе чаши вѣсовъ на другую сторону. Если же они (т.-е. мы) будутъ лучше держаться, то въ этой войнѣ, въ общемъ дурной, будетъ по крайней мѣрѣ то хорошо, что французскихъ солдатъ во Франціи останется меньше“. Это не мѣшало, впрочемъ, Бисмарку быть *persona gratissima* у Наполеона, когда его изъ Петербурга на короткое время перевели въ Парижъ. Наполеонъ III, подобно кн. Горчакову, находилъ удовольствіе въ его грубоватыхъ шуткахъ, не-дипломатической простотѣ и манерахъ добраго бурша, напоминавшаго французскому императору объ его молодости, проведенной въ этой странѣ добрыхъ „Михелей“, интеллигентныхъ, но немножко наивныхъ. А „наивный“ нѣмецъ внимательно присматривался и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, изучалъ характеры, льстилъ честолюбію одного и понималъ сильныя и слабыя стороны другого. Въ вѣ-которомъ отношеніи Бисмаркъ дѣйствительно былъ ученикомъ Наполеона, и „Кладдерадачъ“, при появленіи его въ роли министра-президента, не даромъ изображалъ г. Бисмарка-Шёнгаузена въ роли фамулуса императора французовъ. Въ умѣннѣ смягчать цезаризмъ каплей демократическаго масла, въ отношеніи къ соціальному вопросу—у обоихъ много общаго, хотя черты различія гораздо крупнѣе, чѣмъ—сходства; а главное же, что даетъ печать всякой исторической фигурѣ—сила воли: у одного она была парализована, а у другого—превышала обычные человѣческіе размѣры.

II.

Въ теплый сентябрьскій день, въ лѣтнемъ дворцѣ прусскаго короля, Нейбабельсбергѣ у Потсдама, за столомъ сидѣли Вильгельмъ I и Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, только-что вызванный генераломъ Роономъ съ юга Франціи, чтобы занять постъ министра-президента. Королю тогда было немного болѣе 60 лѣтъ, но въ этотъ день онъ казался дряхлымъ старикомъ: согнувшись на своемъ стулѣ, онъ говорилъ Бисмарку о полномъ крушеніи всѣхъ своихъ попытокъ найти компромиссъ съ парламентомъ; уже два года продолжается борьба изъ-за военнаго бюджета; послѣдніе выборы дали прогрессистамъ еще болѣе подавляющее большинство, всѣ министры забаллотированы, кабинетъ Гогенлоэ подалъ въ отставку, и впереди—никакого исхода. Роонъ настоялъ на при-

глашеніи Бисмарка, на которое Вильгельмъ пошелъ только сѣрѣя сердце: „г. Бисмаркъ,—говорилъ онъ раньше, когда выдвигали эту кандидатуру,—долженъ радикально измѣниться, чтобы я въ состояніи былъ довѣрить ему веденіе иностранной политики. Этого только недоставало, чтобы министромъ сталъ человѣкъ, который все перевернетъ головою внизъ“. Въ эту минуту головою внизъ уже стояла вся внутренняя политика Пруссіи,—хуже, по мнѣнію короля, ничего быть не могло. Идти на конфликтъ у него нѣтъ силъ, говорилъ будущій императоръ: „самое лучшее—отречься отъ престола въ пользу кронпринца, которому либералы симпатизируютъ. Фрицу легче будетъ найти компромиссъ. Я вижу уже предъ окнами своего дворца страшную судьбу Людовика XVI“,—заявилъ король новому министру, вспоминая при этомъ о тяжеломъ собственномъ урокъ въ 1848-мъ году, о толпахъ берлинскаго народа, разрушившаго дворецъ ненавистнаго принца Вильгельма, котораго считалъ виновникомъ кровопролитія, о своемъ бѣгствѣ въ Англію и тяжелыхъ мѣсяцахъ изгнанія... „Мы спустились въ садъ,—разсказывалъ потомъ Бисмаркъ.—Прохаживаясь взадъ и впередъ по аллеѣ, я говорилъ со всей силой убѣжденія, какая у меня была, доказывалъ преувеличенность его опасеній, наконецъ взялъ короля за портупею, напомнивъ ему объ его долгѣ солдата и необходимости провести военную реформу. Это подѣйствовало. Когда мы поднялись наверхъ, король шелъ прямо, поднимая голову“... Этого сентябрьскаго дня 1862 года Вильгельмъ никогда не забылъ Бисмарку, и больше чѣмъ всѣ великія приобрѣтенія и вся слава, которою онъ обязанъ былъ своему канцлеру,—эти воспоминанія объ услугѣ 1862 г. диктовали перу императора то „никогда!“, которое онъ написалъ на прошеніи Бисмарка объ отставкѣ, хотя и для него канцлерская диктатура иногда становилась нестерпимою.

Перспектива столкновенія съ Австріей, открывавшаяся съ конца 50-хъ годовъ взору не одного Бисмарка, заставила Вильгельма I, тогда еще принца-регента, выработать проектъ усиленія и реформы арміи, защиту которыхъ предъ палатой взялъ на себя военный министръ Роонъ. Составъ арміи въ мирное время долженъ былъ быть увеличенъ съ 150 на 213 тысячъ человѣкъ; вмѣсто 40.000 рекрутовъ ежегодно наборъ поднять былъ до 63.000, и при томъ срокъ пребыванія въ запасѣ увеличенъ съ 2 на 4 года, безъ измѣненія трехлѣтняго срока службы въ войскахъ. Ежегодное увеличеніе военнаго бюджета вслѣдствіе этого составляло 10 милліоновъ талеровъ. Палата не отнеслась отрицательно къ идеѣ увеличенія арміи, но сдѣлала возраже-

нія относительно отдѣльныхъ предложеній, отказывалась принять весь планъ en bloc и ставила свое согласіе на увеличеніе военного бюджета и усиленіе мирнаго контингента въ зависимости отъ сокращенія срока дѣйствительной службы до 2 лѣтъ. Военное вѣдомство отвѣтило, что эти условія разрушаютъ всю боевую готовность арміи, и взяло проектъ обратно, удовлетворившись отпускомъ 9 милл. талеровъ въ качествѣ чрезвычайнаго военного кредита. Получивъ эту сумму, принцъ-регентъ и Роонъ, однако, немедленно привели въ исполненіе весь планъ, и при открытіи слѣдующей сессіи палаты предстали предъ ней съ совершившимся фактомъ реорганизации, требуя теперь, чтобы палата подчинилась и вотировала въ новомъ бюджетѣ средства на сформированные полки, которымъ успѣли дать знамена и штандарты. Палата, понятно, отказала, и между правительствомъ и народомъ началась парламентская война, длившаяся почти 6 лѣтъ. Положеніе, которое засталъ Бисмаркъ, было крайне неблагоприятно для правительства, не имѣвшего даже моральнаго оправданія, такъ какъ предшествовавшее министерство скомпрометировало себя и тѣмъ, что изъ другихъ вѣдомствъ, бюджеты которыхъ палатой были одобрены, средства переводились въ военное министерство, и этотъ пріемъ возмущалъ общественную совѣсть. Теперь, послѣ побѣдъ 1866 и 1870 гг., конечно, легко сказать, что военное вѣдомство въ своемъ требованіи было право, да и сколько послѣ того прошло такихъ военныхъ проектовъ, все вызывавшихъ большіе конфликты! Для справедливой оцѣнки прошлаго, однако, важно знать, что сокращеніе дѣйствительной службы, которое тогдашнее правительство признавало покушеніемъ на боевую готовность арміи, теперь осуществлено въ Германіи при болѣе сложныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ солдату, и что бюджетное право, которое охраняла прусская палата, само по себѣ нисколько не стояло на пути исполненія военной реформы.

Легко понять, что при такихъ условіяхъ назначеніе президентомъ министерства человѣка, о которомъ изъ ландтаговъ 1849—50 гг. сохранились воспоминанія, какъ объ ультра-реакціонерѣ, должно было произвести впечатлѣніе вызова. Объ его дипломатической дѣятельности знали небольшой кружокъ; для общества онъ, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, былъ апатичный, надменный юнкеръ, импонировавшій и въ дипломатіи больше дерзостью, чѣмъ способностями. О томъ, что у него уже давно спала феодальная пелена съ глазъ, не догадывались и нѣкоторые изъ его покровителей. Nonchalant до безстыдства, иногда грубо-остро-

умный, но у него ни одной дѣйствительной идеи, — такъ характеризовалъ его тогда вліятельнѣйшій органъ умѣренного либерализма. Бисмаркъ — это государственный переворотъ, — повторяла вся демократическая печать. А между тѣмъ онъ дѣйствительно еще надѣялся, что ему удастся найти компромиссъ, не жертвуя, однако, матеріальнымъ содержаніемъ реформы и не подчиняя короны парламенту! Въ засѣданіи бюджетной комиссіи Бисмаркъ то бросаетъ депутатамъ въ лицо софизмъ, будто конституція признаетъ только соглашеніе съ нижней и верхней палатой о бюджетѣ, но не даетъ одной палатѣ права veto; то ударяется въ національный тонъ, и намекаетъ, что „Пруссія должна сберегать силы для рѣшительной минуты; не парламентскими рѣчами, — это была ошибка 48 года, — а кровью и желѣзомъ будутъ разрѣшены великіе вопросы времени“ ¹⁾.

„Г. фонъ-Бисмаркъ, — писала тогда „Kölnische Zeitung“, — очевидно находить, что статьи бюджета заранѣе исчисляются для ихъ собственнаго удовольствія, затѣмъ имъ даютъ отдыхъ, и наконецъ онѣ приходятъ въ готовый видъ. Всѣ прочіе политики до сихъ поръ думали, что вотированіе бюджета — одна изъ основныхъ прерогативъ парламентовъ, но г. фонъ-Бисмаркъ спѣшитъ разсѣять наши предразсудки. Прусская конституція, по его толкованіямъ, даетъ палатѣ право не на разрѣшеніе бюджета, а на соглашеніе (съ короной) относительно бюджета: это двѣ различныя вещи! Такими софизмами новый министръ-президентъ думалъ исчерпать все, что можно было сказать по основному спорному пункту государственнаго права. Г. фонъ-Бисмаркъ на немъ дольше не останавливается, онъ не любитъ сухихъ и слишкомъ положительныхъ предметовъ. Рѣчь его быстро поднимается къ высшему полету: смыслъ конституціоннаго режима вообще, различіе между французскимъ и нѣмецкимъ національнымъ характеромъ, либерализмъ мелкихъ и развитіе силы въ крупныхъ государствахъ, *Satimarische Existenzen* и „разрѣшеніе вопросовъ времени кровью и желѣзомъ“, — это все проходитъ предъ нашимъ взглядомъ въ kaleidosкопическомъ смѣшеніи съ такой быстротой, что глазъ едва въ состояніи уловить каждую черту въ отдѣльности. Въ первыя минуты впечатлѣніе было удивительное: мы давно уже не привыкли въ Пруссіи искать много ума у министровъ, — здѣсь же предъ нами вспыхивало нѣчто на то похожее. Когда, однако, послѣ

¹⁾ Замѣтимъ, что эта фраза, въ свое время на шумѣвшая на весь міръ, впервые уже встрѣчается въ письмѣ Бисмарка, отъ 1858 г., но въ латинской редакціи: „igni et ferro“.

перваго изумленія, слушатели были въ состояніи спокойно наслаждаться рѣдкимъ напиткомъ, то оказалось, что это не шампанское, а содовая вода. Чѣмъ дальше министръ говорилъ (рѣчь его иногда обрывается, въ некоторые періоды онъ выпаливается залпомъ, но въ общемъ это умѣлый ораторъ), тѣмъ рѣзче выступали контрасты прежней серьезной и дѣловой манеры въ сужденіяхъ бюджетной комиссіи съ этой болтовней, усыпанной иностранными выраженіями и чуждыми уху словообразованіями, какъ „какофонія“, „деролировать“ „индугировать“ и т. п. Жаль, что въ комиссіи не было стенографа, который записалъ бы эту рѣчь и далъ странѣ вѣрное о ней представленіе. Во всякомъ случаѣ, о политикѣ фонъ-Бисмарка тогда не было бы двухъ мнѣній. Человѣкъ, способный однимъ духомъ выступать съ рискованнѣйшимъ толкованіемъ конституціоннаго права, отрицающимъ существеннѣйшее право парламента, и въ то же время говорить объ осторожности въ отношеніи къ конституціи, требующій для короны правъ, которыя ей не принадлежать, и вслѣдъ затѣмъ любезнѣйшимъ, сердечнѣйшимъ образомъ шепчущій:—довѣрьтесь намъ, честнымъ людямъ, вѣдь мы дѣти одной и той же родины, — такой министръ не поведетъ въ соглашенію короны съ парламентомъ!.. Г. фонъ-Бисмаркъ не сдѣлалъ ни одного положительнаго предложенія и даже намека къ устраненію конфликта: онъ говорилъ о великихъ рѣшеніяхъ, то отрицая значеніе либерализма въ качествѣ фактора возвышенія Пруссіи, то выступая за соединеніе всѣхъ живыхъ силъ націи для разрѣшенія великаго національнаго вопроса, и соглашался, что конфликтъ парализуетъ силы правительства: связи между этими противорѣчащими другъ другу мыслями нѣтъ и быть не можетъ“...

Имѣлъ ли Бисмаркъ въ это время опредѣленный національный планъ, или будущее ему представлялось только въ общихъ очертаніяхъ,—но для немногихъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ этого турнира, напротивъ, было очевидно, что предъ Германіей выступалъ человѣкъ съ огромными способностями и желѣзной силой воли.

Палатѣ едва ли можно сдѣлать упрекъ заднимъ числомъ,—какъ это дѣлали потомъ нѣмецкіе патріоты,—что она не шла на встрѣчу національнымъ планамъ Бисмарка, такъ какъ при особыхъ условіяхъ внѣшней политики онъ не въ состояніи былъ сообщать факты. Нужно было довѣріе къ характеру главы правительства, а его не было, и по всѣмъ даннымъ предшествовавшаго времени и не могло быть; насъ только поражаетъ теперь, при чтеніи отчетовъ о бурныхъ столкновеніяхъ между Бисмаркомъ и палатой, то, что полныя ума его рѣчи, приковывающія теперь вни-

маніе, хотя бы вы не въ состояніи были согласиться ни съ одной изъ нихъ, на слушателей производили впечатлѣніе подчасъ остроумныхъ, но чаще возмутительныхъ выходокъ и болтовни. Консерваторы, поддакивая по привычкѣ министру, втихомолку опасались его, какъ *enfant terrible*. Умѣреннѣйшіе либералы стараго гвернаментальнаго покроя, какъ бывшій министръ графъ Шверингъ, третировали Бисмарка, какъ выскочку, не имѣющаго понятія объ обязанностяхъ государственнаго чловѣка. Симсонъ, вполѣдствіи президентъ рейхстага и предсѣдатель верховнаго кассационнаго суда, заявляетъ Бисмарку въ палатѣ, что вся его „система“ состоитъ лишь въ усиліяхъ удержаться на мѣстѣ: „отъ правительства не должно требовать непременно геніальности, но можно ожидать опыта и нѣкоторыхъ талантовъ“; нынѣшній глава кабинета отличается донъ-кихотствомъ и качествами „канатнаго плясуна“. Вирховъ сомнѣвается въ дипломатическомъ искусствѣ министра и на возраженіе Бисмарка желаетъ ему, чтобы онъ когда-либо „занялъ среди дипломатовъ такое же мѣсто, какое онъ, ораторъ, занимаетъ среди ученыхъ“. — „Я отъ души присоединяюсь къ этому желанію, и хорошо знаю, какъ авторитетенъ профессоръ Вирховъ у своихъ коллегъ по специальности, — отвѣчаетъ министръ-президентъ, — но увѣряю васъ: политикѣ я лучше понимаю“. И палата отвѣчаетъ на эти слова ироническимъ смѣхомъ. Но зачѣмъ удивляться такому отношенію палаты, если кронпринцъ Фридрихъ открыто высказываетъ свое сочувствіе оппозиціи противъ Бисмарка и послѣ пріема въ Данцигѣ вынужденъ „положить къ ногамъ своего отца всѣ свои гражданскія должности и военные чины“?

Взаимное непониманіе ведетъ къ озлобленію съ обѣихъ сторонъ. Въ промежуткѣ между двумя ландтагами появляется распоряженіе о печати, отмѣняющее гарантированную свободу слова: Бисмаркъ пробуетъ дѣйствовать механическими средствами, вмѣсто убѣжденія, и его деспотическая, страстная натура не останавливается предъ произволомъ. Новая палата, съ еще болѣе могущественной оппозиціей, требуетъ преданія его суду. Гнейстъ, Зибель и другіе столпы образованнаго общества обвиняютъ министра въ томъ, что его вѣдѣніе политика — только диверсія отъ внутренней: не будучи въ состояніи справиться съ внутренними затрудненіями, Бисмаркъ хочетъ вовлечь страну въ войну и играетъ опасную игру. Капля истины въ этомъ обвиненіи заключается, — мы опять сошлемся на переписку съ Герлахомъ, — хотя Бисмаркъ потомъ и отвергалъ это подозрѣніе, увѣряя, что онъ никогда на такой авантюризмъ не былъ способенъ. Однако онъ же увѣрялъ,

что расположеніе его къ Блейхредеру основывается на томъ, что берлинскій банкиръ далъ ему средства на веденіе войны, „когда я стоялъ такъ же близко къ эшафоту, какъ и къ трону“. Въ столь непріятной позиціи, люди рѣшаются на многое, чего не сдѣлаютъ въ болѣе спокойномъ положеніи. Возбужденіе изъ-за Шлезвигъ-Гольштейна не помѣшало палатѣ отказать Бисмарку въ кредитѣ на веденіе войны, и послѣ Дюппеля оппозиція не стала слабѣе, но зато Кёниггрецъ рѣшилъ все: онъ открылъ глаза на Бисмарка и Германіи, и Европѣ. Изъ многочисленныхъ отзывовъ о дипломатіи Бисмарка у насъ осталась въ памяти фраза: „Макиавель порадовался бы такому образцовому ученику“. Мы цитируемъ ее не потому, чтобъ она была оригинальна, но она выражала ходячее мнѣніе: и поклонники, и противники дипломатіи Бисмарка, преимущественно видятъ причины ея успѣховъ въ „дьявольской хитрости“ и способности не брезгать никакими средствами. Одни возмущаются, другіе восхищаются, а болѣе объективные говорятъ: въ желаніи пользоваться *всеми* средствами у другихъ дипломатовъ недостатка также не было, недоставало только такого умѣнья!

Какъ всякое утвердившееся мнѣніе,—макиавеллизмъ Бисмарка, или его іезуитизмъ—подъ оболочкой прямого и честнаго чловѣка—имѣетъ кое-что за себя, но имъ едва-ли исчерпается содержаніе его дипломатіи. Къ войнѣ съ Австріей Пруссія была готова уже въ то время, какъ она вмѣстѣ съ австрійцами завоевала Шлезвигъ-Гольштейнъ, и очень вѣроятно, что, привлекая Австрію въ компанію противъ Даніи, Бисмаркъ заранѣе спекулировалъ на то, что дѣлежъ добычи дастъ скоро *sans bell*. Гораздо больше ума, однако, нужно было на то, чтобы обезпечить себѣ невмѣшательство Россіи и Франціи, и не только ума, но упорнаго и продолжительнаго труда въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, и зоркаго взгляда на все возможное и вѣроятное въ европейскихъ отношеніяхъ. Однако, гениальнымъ дипломатомъ Бисмаркъ проявилъ себя не до, а послѣ Кёниггреца, когда король, который раньше смотрѣлъ на войну какъ на братоубійство и нарушеніе дорогого ему „легитимитета“, послѣ побѣды требовалъ отъ имени арміи въѣзда въ Вѣну, а отъ своего имени—территоріальнаго вознагражденія на счетъ нѣмецкой Австріи. Бисмаркъ, наоборотъ, настаивалъ на необходимости воздержаться отъ обычныхъ приемовъ побѣдителей. Возможно, что онъ опасался вмѣшательства съ нашей и французской стороны; безспорно, однако, что имъ руководили и тѣ соображенія, которыя потомъ оправдались во время войны съ Франціей и еще позже, при заключеніи тройственнаго союза: въ интересахъ Пруссіи и объединенія Германіи, Австрія должна **быть**

выброшена изъ Союза, но ее не нужно дѣлать вѣчнымъ врагомъ Германіи. Въ первый разъ Бисмаркъ при этомъ случаѣ сошелся съ кронпринцемъ, будущимъ императоромъ Фридрихомъ, который вообще былъ противникомъ войны съ Австріей. Свидѣтели сценъ, происходившихъ предъ заключеніемъ мира между королемъ и монархомъ, вѣроятно, могли бы подтвердить, что министръ „не былъ исполнителемъ воли короля, орудіемъ въ его рукахъ или Hand-langer'омъ“; усилія, которыя пришлось сдѣлать Бисмарку, чтобы осуществить свою волю, были такъ велики, что у этого желѣзнаго челоѣка напряженные нервы нашли выходъ въ слезахъ. Вильгельмъ I счелъ своимъ долгомъ въ особомъ письменномъ заявленіи подтвердить, что подчиняется требованію неприкосновенности Австріи и Саксоніи — „противъ внутренняго убѣжденія“.

Не меньше дальновидности и умѣнья подчинять свои личные чувства тому, что онъ считалъ необходимымъ въ интересахъ страны, проявлено было Бисмаркомъ, по возвращеніи въ Берлинъ, по отношенію къ парламенту. Дѣло правительства уже было выиграно, и подъ громомъ побѣды произошли выборы, обнаружившіе полный переворотъ въ настроеніи населенія, хотя и не уничтожившіе совершенно оппозицію, но сведшіе ее съ подавляющаго большинства на меньшинство.

Тринадцать лѣтъ спустя, вспоминая въ рейхстагѣ объ этой эпохѣ, когда онъ былъ вліятельнѣе, чѣмъ когда-либо, — „въ меньшей сферѣ, но вліятельнѣе, чѣмъ теперь (1874 г.)“, — канцлеръ замѣтилъ, что, по возвращеніи съ войны противъ Австріи, ему было бы очень легко „на всѣхъ парусахъ устремиться въ рѣшительнѣйшую и смѣлую реакцію“; больше того: ему съ трудомъ пришлось тогда побороть искушеніе, охватившее не его, а короля и консервативную партію, — а именно, если не порѣшить съ конституціей, то передѣлать ее въ реакціонномъ духѣ, сославшись на существенныя территоріальныя измѣненія. Въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшей прикрасы. Въ Прагѣ къ королю и Бисмарку являлась депутація отъ консервативной партіи, требовавшая реформы „хартіи Вальдека“, т.-е. конституціи, въ духѣ болѣе соотвѣствующемъ прусскимъ и монархическимъ традиціямъ; этимъ, молъ, покончено будетъ и съ „внутреннимъ Дюппелемъ“ (Düppel). На короля такія требованія производили впечатлѣніе и находили откликъ въ его собственныхъ желаніяхъ, но Бисмаркъ категорически заявилъ, что не считаетъ благоразумнымъ сводить счета съ оппозиціей. „Большая была перепалка изъ-за тронной рѣчи“, — пишетъ Бисмаркъ женѣ, и хотя во главѣ консервативной депутаціи былъ его старый покровитель Клейстъ-Ретцовъ, онъ прибавляетъ: „у люди-

шекъ этихъ слишкомъ мало дѣла, всѣ они не видятъ дальше своего носа и упражняются въ бурныхъ волнахъ фразы. Съ врагами можно справиться, но эти милые друзья"! Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ справляется и съ ними, и тронная рѣчь, которою 5-го августа была открыта новая сессія палаты, дышетъ желаніемъ установить внутренній миръ.

Упомянувъ о Божіей милости, которая помогла Пруссіи сплести новый вѣнокъ на чело націи, и о значеніи войны, какъ борьбы за національное развитіе Германіи, Бисмаркъ устами Вильгельма I говоритъ народу: „Въ единодушномъ сотрудничествѣ правительство и народное представительство должны стремиться дать созрѣть плодамъ, которые посѣяны на кровавой нивѣ, иначе кровь будетъ пролита напрасно... Правительство, къ своему прискорбію, вынуждено было вести государственный бюджетъ безъ законнаго базиса. Только крайняя необходимость заставила отступить отъ него. Я питаю увѣренность, что послѣднія событія поведутъ къ необходимому соглашенію и что палата не откажетъ моему правительству въ Indemnität'ѣ (признаніи дѣйствительнымъ), за время управленія, дѣйствовавшаго безъ законнаго государственнаго бюджета. Этимъ на всѣ времена поконченъ будетъ конфликтъ, тѣмъ болѣе, что предстоящее расширеніе территоріи и введеніе общаго союзнаго войска поведутъ къ равномерному распредѣленію военныхъ налоговъ между всѣми членами Союза“.

Отвѣчая въ засѣданіи палаты на рѣчи Вальдека, Гнейста и другихъ ораторовъ оппозиціи, которые еще не въ состояніи были совершенно подчиниться силѣ обстоятельствъ, Бисмаркъ проситъ своихъ оппонентовъ отказаться отъ бесплодныхъ воспоминаній и подавить въ себѣ чувство обиды, на которое они, можетъ быть, имѣютъ право: „и вы, и я,—говоритъ онъ,—въ послѣдніе четыре года съ большей или меньшей страстностью и горечью защищаемъ свои воззрѣнія; намъ не удалось переубѣдить другъ друга, но каждый изъ насъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему подсказывали долгъ и совѣсть. Подумайте, что было бы, еслибъ во внѣшнихъ отношеніяхъ необходимымъ условіемъ мира признавалось требованіе, чтобы только одна сторона принесла покаяніе? Вѣдь тогда вообще невозможенъ былъ бы миръ, да и мы его желаемъ въ этой внутренней войнѣ не потому, чтобы мы (правительство) больше не въ состояніи были бороться, напротивъ: въ настоящую минуту народное теченіе въ нашу пользу. Насъ не пугаетъ и отвѣтственность за наши поступки; въ отсутствіи смѣлости вы меня тоже никогда не обвиняли. Мы желаемъ внутренняго мира еще и потому, что, по нашему мнѣнію, онъ больше, чѣмъ когда-либо, нуженъ ради оте-

чественныхъ интересовъ; я бы его искалъ раньше, еслибъ у меня была надежда, что вы откликнетесь. Теперь я надѣюсь, что вы не отвергнете руки, которую мы протягиваемъ съ честными на-
мѣреніями, и надежда моя основывается на томъ, что вы должны были замѣтить, что я не стою далеко отъ васъ въ отношеніи задачъ, которыя составляли ваши завѣтные стремленія. Если вы раньше думали иначе, то одною изъ причинъ было молчаніе правительства въ вопросахъ, по которымъ оно не могло открыто высказаться. Въ союзѣ съ вами мы разрѣшимъ еще большія задачи, стоящія на очереди, изъ которыхъ—прибавляетъ Бисмаркъ, при бурномъ одобреніи почти всей палаты, за исключеніемъ крайней правой,—я отнюдь не исключая внутреннихъ реформъ, улучшенія условій внутри страны, исполненія обѣщаній, заключающихся въ конституціи. Въ настоящую минуту на первомъ планѣ, однако, еще стоятъ вопросы внѣшней политики: блестящія побѣды пока только увеличили нашу ставку, но рискъ потери усилился, и игра еще не выиграна: въ правительственныхъ вѣнскихъ газетахъ проповѣдуютъ ненависть къ Пруссіи; въ южной Германіи такъ мало еще сознаютъ общность нѣмецкихъ интересовъ, что возможны случаи, какъ, на примѣръ, подстрѣливаніе прусскихъ офицеровъ баварскими солдатами. Наша задача еще не разрѣшена, для этого нужно единодушіе всей страны. Часто говорили, что перо портитъ то, чтó добыто мечомъ; но я убѣжденъ, что намъ не придется услышать, чтобы добытое мечомъ и перомъ уничтожено было съ этой трибуны“.

Нужно много самообладанія для того, чтобы при страстномъ темпераментѣ и властной и злопамятной натурѣ умѣть такъ подчинить свои личныя чувства требованіямъ обстоятельствъ. Изрѣдка въ послѣдующихъ отношеніяхъ Бисмарка еще вспыхиваетъ старая злоба къ противникамъ, не признававшимъ въ немъ даже умнаго человѣка. „Еслибъ я столько разъ дѣлалъ промахи въ политикѣ и такъ часто оказывался ложнымъ пророкомъ,—говоритъ онъ Вирхову,—у меня не хватило бы смѣлости выступать снова съ критическими замѣчаніями, послѣ всего, чтó произошло“. Однако онъ уже видитъ многихъ изъ старыхъ враговъ у своихъ ногъ,—это будущіе національ-либералы; другіе, болѣе стойкіе, какъ Вальдекъ, Шульце-Деличъ, отрицая, чтобы осуществленіе ихъ идеаловъ могло произойти безъ полной свободы внутри объединеннаго отечества, фактически, однако, могли идти съ Бисмаркомъ въ осуществленіи цѣлаго ряда внутреннихъ реформъ, какъ, на примѣръ, уничтоженіе цеховыхъ привилегій, осуществленіе свободы передвиженія, свободы торговли, а отчасти и свободы

печати, объединеніе процессуальнаго права. Эпоха второй половины 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, принадлежащая къ самымъ блестящимъ періодамъ во внутренней исторіи Германіи, характеризуется союзомъ Бисмарка съ либеральнымъ среднимъ сословіемъ; это союзъ, основанный не на любви, а на расчетѣ, постоянно требующій компромиссовъ, но онъ кладетъ основанія для развитія народныхъ силъ и создаетъ условія, при которыхъ возможенъ дальнѣйшій ростъ экономической и умственной дѣятельности. Для возникавшей крупной промышленности, напр., свобода передвиженія означала возможность привлекать въ достаточномъ количествѣ рабочія руки; для рабочихъ она уничтожала остатки приврѣпленія къ помѣщичьей землѣ; а въ глазахъ Бисмарка она уничтожала сепаратизмъ и партикуляризмъ, открывая пруссаку право быть нѣмцемъ въ Саксоніи, и саксонцу не числиться иностранцемъ въ Пруссіи. Въ вопросѣ о выборной системѣ для рейхстага Бисмаркъ, по національнымъ и политическимъ соображеніямъ, шелъ дальше гражданской демократіи: официально защищая предъ правительствомъ и палатой всеобщее избирательное право въ качествѣ „настѣдія стремленій къ объединенію“, завѣщаннаго изъ церкви св. Павла, канцлеръ въ дѣйствительности видѣлъ въ привлеченіи всего народа къ законодательству гарантію какъ противъ династій, нѣхотя подчинявшихся прусской гегемоніи, такъ и противъ попытокъ буржуазіи подчинить корону парламенту. Бисмаркъ, однако, защищается отъ упрека, будто онъ на всякій случай создаетъ себѣ возможность союза съ массами „противъ свободы буржуазіи, для осуществленія цезаризма“. „Я не принадлежу къ поклонникамъ народнаго суверенитета, — говорилъ онъ въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ, — но въ общемъ чувствѣ или сознаніи народа я всегда находилъ больше здраваго смысла, чѣмъ въ профильтрованномъ и привилегированномъ мнѣніи меньшинства, не имѣющаго другъ съ другомъ ничего общаго, кромѣ одинаковой собственности или квотанціи въ уплатѣ налоговъ. Прямые и всеобщіе выборы по крайней мѣрѣ даютъ исходъ броженію въ націи и ставятъ насъ въ возможность щупать народный пульсъ. Что вы мнѣ можете предложить вмѣсто этого? Не прусское же избирательное право по тремъ разрядамъ? Кто знаетъ его вблизи, долженъ сказать, что болѣе бессмысленнаго и болѣе отвратительнаго способа, какъ этотъ, нельзя себѣ представить“... Въ другой разъ, отвѣчая на упрекъ за уступку демократическому принципу, Бисмаркъ сравнилъ прусскую палату съ рейхстагомъ и замѣтилъ, что хотя ему въ палатѣ легче живется, „но онъ долженъ признать, что она ни-

какъ не интеллигентнѣе выбираемаго всеобщей подачей голосовъ рейхстага, скорѣе напротивъ“...

Способностей своихъ старыхъ товарищей по консервативной партіи Бисмаркъ никогда не преувеличивалъ, но въ эти годы его замѣчательнѣйшихъ успѣховъ онъ внутренне уже съ ними вовсе разошелся, и наружно—связь поддерживалась съ большимъ трудомъ. Чѣмъ больше расширялся его собственный горизонтъ, тѣмъ менѣе онъ понималъ чувства „юнкера“, готоваго лучше вернуться къ временамъ бранденбургскихъ маркграфовъ, чѣмъ потопить прусскія особенности и собственныя привилегіи въ объединенной Германіи. „Легитимитета“, по крайней мѣрѣ въ общемъ, принципиальномъ смыслѣ, онъ не ставилъ ни во что, тогда какъ консерваторы съ ужасомъ относились къ зрѣлищу падающихъ мелкихъ нѣмецкихъ троновъ; для нихъ объединеніе, совершавшееся такой цѣною, было равносильно упраздненію монархическаго начала вообще. Уступокъ либерализму во внутреннемъ управленіи они также не понимали, личность канцлера очень мало ихъ прельщала, а въ вопросахъ благодарности они раздѣляли съ нимъ полное отсутствіе сентиментальности. Геній государственнаго челоука вызывалъ искреннее поклоненіе сельскаго учителя, профессора, но каждый померанскій землевладѣлецъ,—какъ Бисмаркъ однажды самъ аттестовалъ своихъ земляковъ,—считалъ себя способнымъ на такія же дѣла,—„если, конечно, прикажутъ сверху и будетъ такое же чертовское счастье“. Немногимъ приходило въ голову, сколько упорнаго труда и силы воли требовалось, чтобы уловить счастье въ надлежащую минуту, и что есть моменты, которые не возвращаются. Въ лучшихъ элементахъ консерватизма отчужденіе отъ правительства Бисмарка имѣло принципиальные мотивы, въ другихъ—играла роль зависть, придворныя отношенія, несбывшіяся надежды на карьеру.

При первыхъ признакахъ консервативной оппозиціи, Бисмаркъ еще пытается дѣйствовать на старыхъ друзей убѣжденіемъ. На упрекъ Клейстъ-Ретцова и многихъ другихъ въ палатѣ господъ, что „канцлеръ сталъ во главѣ прежней оппозиціи“, побивувъ партію, которая его поддерживала въ трудное время конфликта, онъ отвѣчаетъ: „если бы вы понимали положеніе правительства, вы не требовали бы, чтобы оно проводило взгляды партіи. Большое государство не можетъ руководствоваться партійными принципами; оно обязано считаться съ общей суммой требованій и воззрѣній, распространенныхъ въ странѣ и имѣющихъ выраженіе въ парламентѣ“. Другимъ консерваторамъ, заявляющимъ, что они охотно признаютъ авторитетъ Бис-

марка во внѣшней политикѣ, но не могутъ раздѣлять его вредной внутренней политики, канцлеръ отвѣчаетъ уже другимъ тономъ. Велика поддержка, которую они ему оказывали въ періодъ конфликта: всѣхъ ихъ было въ палатѣ 11 душъ, — много ли можно было опираться на такую „партію“! Борьбу велъ онъ самъ, и если консервативная партія теперь велика, то этимъ она обязана поддержкѣ правительства. „У представителей консерватизма, — говоритъ онъ, — нѣтъ монополіи на политическую мудрость, но зато очень много свободного времени, чтобы критиковать дѣйствія правительства, и полная неспособность подчиняться измѣняющимся условіямъ государственной жизни“... Вражда не прекращается, а скорѣе усиливается послѣ франко-прусской войны: несмотря на величайшую популярность канцлера, консервативная партія открыто выступаетъ противъ его внутреннихъ реформъ и въ церковныхъ вопросахъ, при возникновеніи „культуръ-кампа“, становится на сторону католицизма во всѣхъ вопросахъ школьнаго надзора и гражданскаго брака. Судья Герлахъ, когда-то его учитель и старшій товарищъ по „Kreuzzeitung“, напоминаетъ ему объ его собственныхъ выходкахъ въ палатѣ 1849—50 гг. противъ гражданскаго брака, какъ требованія демократин: „ich hoffe es noch zu erleben, — говорилъ тогда депутатъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, — dass das Narrenschiff der Zeit an dem Felsen der christlichen Kirche scheitert!“ „Я желалъ бы, чтобы имперскому канцлеру еще до наступленія этого срока удалось спрыгнуть съ Narrenschiff'a, на которомъ онъ находится теперь, и вплавь добраться до утеса церкви“, — иронизируетъ бывшій его учитель. — „Когда-то, — отвѣчаетъ Бисмаркъ, — вы служили мнѣ примѣромъ политическаго дѣятеля. Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка, и опытъ жизни научилъ меня не довѣряться рецептамъ учителей, не желающихъ никогда подчинять собственныхъ вкусовъ требованіямъ общаго блага. Я думаю, что въ этомъ отношеніи мы съ Герлахомъ могли бы помѣняться ролями и кое-чему онъ могъ бы теперь научиться у меня. Какъ министръ, я не знаю фракціонной политики и личныхъ симпатій: много ли или мало внутренней борьбы будетъ мнѣ стоять отказаться отъ мнѣній, которыя я исповѣдывалъ въ качествѣ частнаго и неотвѣтственнаго человѣка, но въ государственной дѣятельности нужно научиться „не выбрасывать ребенка вмѣстѣ съ ванной“... Мнѣ никогда не стыдно сознаваться, что въ томъ или другомъ вопросѣ я раньше ошибался, и во всякомъ случаѣ я изъ ложнаго стыда не предприиму ничего, что по моимъ нынѣшнимъ убѣжденіямъ расходится съ интересами страны и монархіи“.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ отношенія Бисмарка къ консерватизму, принявшія такія рѣзкія формы, что въ главномъ органѣ консерваторовъ, сотрудникомъ котораго онъ самъ прежде состоялъ,—не говоря уже о знаменитой „Reichsglocke“,—противъ Бисмарка появились злостныя обвиненія въ сношеніи съ биржевиками ради личной спекуляціи, противъ чего онъ съ свойственной ему энергіей протестовалъ въ открытомъ засѣданіи рейхстага. Бисмарку не удалось, однако, сломить своихъ враговъ, хотя одно время его угроза, что „всю консервативную партію скоро можно будетъ доставить въ рейхстагъ на одномъ извозчикѣ“,—была близка къ осуществленію. „Маленькая, но вліятельная партія“ сѣмѣла задними ходами дворца снова подняться на ноги,—и канцлеръ былъ слишкомъ большимъ реалистомъ, чтобы не считаться съ этой силой. Впослѣдствіи, особенно въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, онъ уже рѣдко имѣлъ поводъ воевать съ консерваторами: канцлеръ имъ былъ нуженъ для осуществленія аграрныхъ пошлинъ, а онѣ были необходимы правительству для защиты милитаризма отъ гражданскаго либерализма и исключительныхъ законовъ противъ соціаль-демократіи. Если, однако, за гробомъ великаго канцлера консерваторы шли въ первомъ ряду плакальщиковъ, то позволительно усомниться въ искренности ихъ слезъ, послѣ того, какъ въ 1890 г. ни одинъ консерваторъ не нашелъ въ себѣ мужества или желанія поднять голосъ за павшаго государственнаго чело-вѣка. Бисмаркъ въ частныхъ бесѣдахъ, назначенныхъ для печати, аттестовалъ нынѣшній консерватизмъ какъ партію карьеристовъ, въ которой каждый руководствуется только личными мотивами, какъ, напримѣръ, приглашеніе жены на придворный балъ, повышение сына-офицера и т. п. Чистые аграріи, типа „союза сельскихъ хозяевъ“, ему были симпатичнѣе, насколько ими можно было пользоваться противъ новаго курса; но, беря ихъ подъ свой протекторатъ, Бисмаркъ превосходно зналъ цѣну и ихъ руководителямъ, и утопичности стремленій вернуть Германію на путь чисто земледѣльческаго государства.

Мы останавливаемся нѣсколько дольше на отношеніи Бисмарка къ консерватизму, чѣмъ это, можетъ быть, допускаетъ требованіе пропорціональности въ очеркѣ, имѣющемъ задачей въ немногихъ словахъ охватить главныя черты колоссальной эпохи и крупной личности, наложившей на эту эпоху свою печать. Однако не только у насъ, но и во всемъ мірѣ очень распространено представленіе объ объединителѣ Германіи, какъ о крупнѣйшемъ представителѣ консервативныхъ идей, подъ которыми, съ обычнымъ

смѣшеніемъ понятій и опредѣленій, понимаютъ даже не сохраненіе существующаго, а реакцію въ государственномъ устройствѣ, въ отношеніи къ свободѣ и парламентаризму. Консерваторомъ Бисмаркъ, однако, не былъ ни въ чистомъ смыслѣ, ни въ искаженномъ понятіи реакціи. Можетъ ли быть рѣчь о сохраненіи существующаго у государственнаго дѣателя, такъ радикально измѣнившаго понятія о пріобрѣтенныхъ правахъ? По крайней мѣрѣ до середины 70-хъ годовъ, реформы общественнаго строя, территоріальныхъ границъ, троновъ и законовъ—происходили съ такою быстротой и рѣшительностью, что въ дѣятельности Бисмарка скорѣе находили черты революціонера, чѣмъ консерватора. Истиннымъ принципамъ консерватизма Бисмаркъ отчасти только слѣдовалъ въ послѣдніе годы своего правленія, когда и для него наступила пора безплодной старости. Былъ ли онъ реакціонеромъ? Мы сказали уже, что въ блестящую для него эпоху, когда онъ и Германія стояли на вершинѣ славы, измѣненія въ законодательствѣ почти всѣ удовлетворяли требованіямъ новыхъ, а не старыхъ элементовъ науки. Не на всѣ реформы онъ шелъ охотно; многія, даже большинство, составляли результаты компромиссовъ, но и въ законодательствѣ о печати, и въ устройствѣ школы, и во многихъ другихъ крупныхъ вопросахъ общественной жизни требованія жизни были приняты Бисмаркомъ во вниманіе. Смѣшно было бы причислять Бисмарка къ поклонникамъ свободы: властная и нетерпимая натура его не переносила оппозиціи и допускала свободу только для себя; но такія натуры встрѣчаются среди представителей всѣхъ направленій, и нельзя отождествлять этихъ личныхъ свойствъ, усиленныхъ успѣхами и неумѣреннымъ поклопеніемъ, съ принципами партіи. Презрѣніе къ глупости и слабости, составляющее одну изъ выпуклыхъ чертъ въ личности Бисмарка, одинаково распространялось на толпу и на самыхъ высокопоставленныхъ современниковъ. Возвращеніе къ старому не могло составлять его политическаго идеала, потому что это разрушало бы его собственныя заслуги, и не было его общественнымъ идеаломъ, такъ какъ его сильному уму вообще чужды были мечтанія. Никто лучше Бисмарка не понималъ, что есть границы вліянія и самой могущественной личности, лежація въ условіяхъ матеріальнаго и нравственнаго развитія народа, переступить которыя значить дать поглотить волнамъ „и лодку, и лодочника“. Донъ-вихотство старыхъ легитимистовъ вызывало у него выраженія глубочайшаго и искреннѣйшаго презрѣнія. На произволъ онъ былъ спо-

собенъ, и какъ все, что исходило отъ этой крупной личности, произволъ въ его рукахъ принималъ чрезвычайные и потому нестерпимые размѣры. Мы ниже еще воснемся этой стороны въ дѣятельности Бисмарка, характерной особенно для періода его „*décadence*“, а теперь остановимся еще на отношеніи канцлера къ парламенту, можетъ быть больше, чѣмъ что-либо другое, содѣйствовавшемъ представленію о немъ, какъ о реакціонерѣ.

Онъ всю жизнь, за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, воевалъ съ парламентомъ, и, по собственному его сознанію, не было партіи, которая его когда-либо переносила. Во время конфликта, онъ пытался интерпретировать бюджетное право палаты новыми софизмами, которыя возмущали юридическую совѣсть даже Сталя; въ борьбѣ съ католиками, онъ отрицалъ за ними право на парламентское представительство; точно такъ же впослѣдствіи онъ примѣнялъ тѣ же приемы къ депутатамъ рабочихъ. Заносчивость его иногда не знала границъ, и многіе старые члены рейхстага до сихъ поръ не могутъ забыть бурныхъ сценъ, которыя вызвала робкая попытка президента Форкенбека примѣнить къ канцлеру свое, даже не дисциплинарное, а только наблюдательное право. Въ десяткахъ вариантовъ Бисмаркъ повторяетъ, что въ Германіи господствуетъ только конституціонная монархія, но не парламентаризмъ, и что императору никакой рейхстагъ не въ правѣ навязывать министровъ. Можно привести много другихъ такихъ же признаковъ враждебности къ парламенту, и тѣмъ не менѣе врагомъ парламента въ принципѣ, т.-е. противникомъ самого учрежденія, Бисмаркъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ государственнымъ человѣкомъ. Во-первыхъ, по личнымъ побужденіямъ: онъ сначала самъ создалъ свою карьеру съ трибуны и, будучи потомъ на вершинѣ могущества, нуждался въ трибунѣ палаты и рейхстага, чтобы придать своимъ словамъ— касались ли они внѣшней политики, или внутреннихъ отношеній— ту широкую публичность, которую даетъ рѣчь предъ избранными націи; въ то же время парламентъ ему давалъ опору противъ закулисныхъ придворныхъ вліяній, съ которыми канцлеру нерѣдко приходилось сталкиваться. Во-вторыхъ, и это несомнѣнно еще болѣе сильная причина того, что онъ дорожилъ представительными учрежденіями: парламентъ въ его глазахъ создавалъ ту живую связь правительства съ народомъ, безъ которой имперія Гогенцоллерновъ не стала бы могущественной и прочной. Не каждому слову, сказанному Бисмаркомъ въ рейхстагѣ, нужно придавать буквальное значеніе, но есть рѣчи, въ которыхъ слы-

пится несомнѣнная искренность, выражается полное убѣжденіе, и къ такимъ принадлежитъ уже мимоходомъ цитированная нами рѣчь Бисмарка, 9 іюля 1879 г., въ которой онъ, сводя счеты съ національ-либералами, высказывается о своемъ отношеніи къ парламенту. „Упреками и подозрѣніями въ реакціонныхъ замыслахъ,—говорилъ онъ тогда,—меня нельзя смутить. Болѣе пугливаго министра, чѣмъ я, такими обвиненіями, если они упорно повторяются, можно побудить искать опоры тамъ, гдѣ меньше вражды, т.-е. сознательно или безсознательно броситься въ объятія реакціи, чтобы спастись отъ обвиненій, раньше не имѣвшихъ основанія. Вотъ почему я не совѣтую никогда рисовать чорта на стѣнѣ. Самъ я въ этомъ положеніи не нахожусь,—я слишкомъ близко сталъ къ концу своей дѣятельности, чтобы поколебать настоящее ради неизвѣстнаго будущаго... Съ самаго начала моей карьеры у меня была одна путеводная звѣзда: какими средствами и на какомъ пути можно привести Германію къ объединенію? Заботой моей было укрѣпить Германію настолько, чтобы она охотно могла покориться на свободной волѣ всѣхъ участниковъ. И для этого базиса нужны были династіи, но нуженъ былъ и народъ, сознательно охраняющій незыблемость государства“... Не изъ любви къ конституціонной системѣ Бисмаркъ шелъ на миръ съ палатой послѣ Кёнигсгреца, но изъ-за разумно понятыхъ интересовъ родины. „Господа, я не хочу выступать предъ вами въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ я есть: если бы я пришелъ къ убѣжденію, что для осуществленія величія Германіи абсолютизмъ полезнѣе, чѣмъ конституціонализмъ, я не колебался и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти совѣтовалъ бы обратиться къ абсолютизму. Послѣ зрѣлаго размышленія, послѣ тяжелой борьбы съ близкими мнѣ и дорогими людьми, старавшимися вліять въ этомъ направленіи, я однако пришелъ къ убѣжденію, что мы должны идти впередъ по пути правового порядка. Я не противникъ конституціонализма, онъ больше соответствуетъ моимъ внутреннимъ ощущеніямъ, моему пониманію задачъ политики, и я считаю его единственно возможной формой правленія“... Правда, въ послѣдніе годы своего канцлерства, когда столкновенія съ рейхстагомъ иногда принимали размѣры почти конфликта, Бисмаркъ разъ воскликнулъ, что напрасно многіе думаютъ, будто онъ въ политикѣ видитъ дальше другихъ: при основаніи имперіи ему представлялась опасность для нея отъ династій, и самую сильную защиту онъ видѣлъ въ широкомъ представительствѣ, тогда какъ теперь онъ долженъ согласиться, что его товарищи по союзному совѣту, высказавшіеся противъ новаго ограниченія правъ

короны, были правы. Но это говорилось въ жару полемики и для оправданія упорства правительства, отклонявшаго требованія депутатовъ. „Не относитесь слишкомъ легко къ такому фактору, какъ правительства Германіи, соединенныя въ союзномъ совѣтѣ,—говорилъ онъ въ предупрежденіе рейхстагу:—соединенныя правительства—это еще очень большая сила! Старайтесь найти способы къ соглашенію съ ними, подобно тому, какъ я всегда иду большинствомъ въ парламентъ для своихъ плановъ. Если одинъ факторъ законодательства всегда будетъ диктовать свои требованія другому, то результатомъ будетъ застой, и мы не пойдемъ впередъ“... Бисмарку дѣйствительно былъ ненавистенъ профессиональный парламентаризмъ, который, какъ онъ выражался, ведетъ къ тому же бюрократизму, если не чиновниковъ, сидящихъ за зеленымъ сукномъ, то журналистовъ и адвокатовъ, знающихъ жизнь „изъ театральной ложи и редакцій газетъ“. „Только люди, сами участвующіе во всѣхъ ея практическихъ сферахъ, а не наблюдающіе ее, какъ на сценѣ, могутъ защищать интересы страны и отдѣльныя силы народа“. Сколько тутъ дѣйствительнаго убѣжденія и сколько расчета на то, что не-профессиональные парламентаристы менѣе свѣдущи и менѣе опасны правительству,—на это трудно отвѣтить, но исповѣданіе такихъ мнѣній не было бы ересью и со стороны сторонника народнаго суверенитета.

Но мы далеко забѣжали впередъ, намъ нужно остановиться еще на крупнѣйшемъ фактѣ изъ *дипломатической* карьеры Бисмарка.

III.

Для огромнаго большинства современнаго поколѣнія имя Бисмарка тѣсно связано только съ представленіемъ объ униженіи Франціи, о неслыханныхъ, со времени Наполеона I, военныхъ успѣхахъ и о созданіи „кровью и мечомъ“ новой Германіи. Что лежить позади этихъ событій, дошло до насъ въ отрывкахъ, какъ будто теряющихъ свое значеніе послѣ явленія, которое потрясло міръ, передѣлало карту Европы и наложило на европейскій міръ бремя милитаризма. Многіе ошибочно относятъ даже слова: „Blut und Eisen“, къ эпохѣ униженія Франціи, хотя они публично произнесены были еще въ 1862 г., вызвали тогда восторгъ и, вмѣстѣ, послужили предметомъ почти всеобщихъ насмѣшекъ; еще послѣ Дюппеля нашелся нѣмецкій бардъ, настроившій свою лиру на военный мотивъ:

Blut und Eisen, Eisen und Blut,
Dich will ich preisen mit fröhlichen Muth!

Отсутствія смѣлости никогда не было у Бисмарка, однако у него оказалось больше ума, чтобы постараться перенести на Францію всю отвѣтственность за столкновение народовъ, за море пролитой крови. Не нужно было дожидаться, однако, суда потомства, чтобы придти къ полному убѣжденію, что эта война входила съ самаго начала въ расчеты германскаго „объединителя“, и что при большей прозорливости Наполеона III, или при большей его устойчивости предъ постороннимъ вліяніемъ, Бисмаркъ нашель бы поводъ къ разрыву. Бенедетти, которому незаслуженно пришлось раздѣлить обвиненія противъ всей французской дипломатіи, писалъ въ 1868 г. въ Парижъ: „объединеніе Германіи неудержимо идетъ къ своему осуществленію. Франція имѣетъ лишь выборъ между отказомъ отъ всякаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла—или страшной войной, въ которой вся Германія будетъ едина“. Именно для достиженія этого единства, для тѣснаго сплоченія юга съ сѣверомъ, Бисмарку нужно стало столкновение съ Франціей: послѣ Кениггреца не трудно было бы заставить Баварію войти въ союзъ съ Пруссіей, но въ союзѣ не было бы прочности, которую создаетъ страхъ передъ общимъ врагомъ!

Здѣсь не мѣсто разбирать сложныя причины и дипломатическія перипетіи, поведшія къ франко-прусской войнѣ. Такъ какъ для опредѣленія личности и политики Бисмарка существенное значеніе имѣетъ его образъ дѣйствій въ рѣшительную минуту разрыва сношеній съ Франціей, то мы остановимся только на исторіи знаменитой эмсской депеши. Подлинный текстъ ея былъ опубликованъ только въ 1892 г., при канцлерѣ Каприви, и этимъ лишь можно объяснить возникновеніе популярной въ Германіи легенды о томъ, какъ Вильгельмъ I повернулся спиной къ Бенедетти (предъ источникомъ „Кессельбрунненъ“ въ Эмсѣ, гдѣ это якобы историческое событіе даже отмѣчено на камнѣ), и упорное отрицаніе поклонниками канцлера всякаго участія его въ созданіи этой легенды. Въ дѣйствительности, Бисмаркъ не отрицалъ самъ справедливости замѣчанія Мольтке, сказавшаго, что Бисмаркъ сдѣлалъ изъ „шамады“, т.-е. отбоя, „фанфару“—боевой кличъ. Сущность такой метаморфозы лучше всего выясняется сопоставленіемъ подлинной телеграммы тайнаго совѣтника Абекена, посланной по порученію короля Вильгельма, съ тою редакціей, въ которой Бисмаркъ довелъ ее до свѣдѣнія Франціи и Германіи.

Король сообщаетъ: „Графъ Бенедетти захватилъ меня на прогулкѣ и потребовалъ подѣ-конецъ въ очень навязчивой формѣ,

чтобы я его уполномочилъ сейчасъ же телеграфировать, что я на всѣ времена обязываюсь никогда не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерновъ, если бы она снова когда-либо была выдвинута. Я отклонилъ это въ концѣ пѣсколько рѣзко, такъ какъ такихъ обязательствъ à tout prix никто не можетъ и не долженъ на себя брать. Разумѣется, я сказалъ ему, что не имѣю никакихъ свѣдѣній, а изъ того, что онъ изъ Парижа и Мадрида ранѣе меня освѣдомленъ (объ отказѣ Гогенцоллерна), можно убѣдиться, что мое правительство тутъ ни-при-чемъ"... Вслѣдъ затѣмъ, продолжаетъ Абекенъ, „его величество получилъ письмо отъ князя (Антонъ Гогенцоллерна), и такъ какъ е. в. сказалъ графу Бенедетти, что ожидаетъ отъ князя извѣстій, то по моему и графа Эйленбурга докладу рѣшено было, что е. в. не приметъ Бенедетти, но сообщить ему черезъ адъютанта, что получилъ отъ князя (Гогенцоллерна) подтвержденіе извѣстія, которое Бенедетти уже имѣлъ изъ Парижа, и король ничего больше не можетъ сообщить послу. Его величество предоставляетъ вашему усмотрѣнію—сообщить сейчасъ же о новомъ требованіи Бенедетти нашимъ посламъ и печати“.

Изъ этой депеши Бисмаркъ составилъ слѣдующій текстъ, сообщенный въ тотъ же вечеръ въ экстренномъ изданіи „Nord-deutsche Allgemeine“: „Послѣ того какъ испанское правительство официально увѣдомило императорское французское правительство объ отказѣ наслѣднаго принца Гогенцоллернскаго, французскій посолъ поставилъ въ Эмсѣ его величеству королю требованіе, уполномочить его телеграфировать въ Парижъ, что его величество на всѣ времена обязывается никогда не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерновъ. Его величество послѣ этого отказался еще разъ принять посла и велѣлъ передать послѣднему черезъ дежурнаго адъютанта, что его величество не имѣетъ больше ничего сообщить послу“.

Можно спорить о словахъ: называть ли такой приѣмъ фальсификаціей, какъ говорятъ одни, или рѣшительнымъ разсѣченіемъ Гордіева узла, какъ увѣряютъ другіе, но едва ли теперь могутъ быть два мнѣнія объ участіи Бисмарка въ ускореніи войны, которую онъ считалъ необходимой. Въ своихъ бесѣдахъ въ качествѣ неотвѣтственного больше государственнаго человѣка, онъ открыто заявлялъ, что не довѣряетъ стойкости своего короля: Вильгельмъ уже шелъ назадъ, и его нужно было поставить предъ fait accompli. Единственный вопросъ, который существовалъ въ то время для канцлера, былъ тотъ: убѣжденъ ли Мольтке въ превосходствѣ прусской арміи надъ французской, при которомъ по-

бѣда была бы обезпечена? И на утвердительный отвѣтъ Мольте, онъ „измѣняетъ“ депешу, рассчитывая сразу и на французскую народную гордость, и на нѣмецкое воодушевленіе всѣми предъидущими событіями. Расчетъ, какъ извѣстно, оказался удачнымъ.

Изъ дневника императора Фридриха III, обнародованнаго Геффеномъ, Германія узнала о закулисныхъ сторонахъ своего великаго времени, рисующихъ участіе Бисмарка въ созданіи имперіи нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. О томъ, что Вильгельмъ I не желалъ императорской короны, хотя она и не была такъ „обрызгана грязью улицы“, какъ та, которую франкфуртскій парламентъ подносилъ его брату,—объ этомъ многіе знали и прежде, хотя въ учебники исторіи такихъ фактовъ не включаютъ. Роль Бисмарка менѣе ясна. Судя по тѣмъ рѣзкимъ приемамъ, которые онъ употребилъ по отношенію къ Геффену, опубликованіе дневника въ его глазахъ способно было понизить его собственный престижъ. Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ, панегиристовъ Бисмарка, проф. Гейкъ, пытается объяснить противорѣчіе осторожностью великаго дипломата, въ сущности замышлявшаго то, что привлекало и кронпринца, но не желавшаго слишкомъ рано выдавать свои планы, чтобы не столкнуться съ дипломатическими интересами. Для этого вольнаго толкованія пока еще нѣтъ доказательствъ, но можно согласиться, что рѣчь идетъ не столько о сущности новаго государственнаго устройства, сколько объ его внѣшнихъ формахъ, къ которымъ Бисмаркъ относился всегда индифферентно. „Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“—была въ такихъ случаяхъ его любимая поговорка.

Но историческая справедливость требуетъ признанія, что цѣлью дипломатіи Бисмарка послѣ франко-прусской войны было сохраненіе европейскаго мира, и что въ достиженіи ея онъ проявилъ всѣ качества своего рѣдкаго ума, настойчивости и умѣнья пользоваться всѣми обстоятельствами, которыя онъ всегда обнаруживалъ въ интересахъ дѣла, которое считалъ необходимымъ для своего отечества. Уже при заключеніи мира съ Франціей Бисмаркъ доказалъ, что „видитъ дальше“ своихъ сотрудниковъ и противниковъ: противъ воли Вильгельма I, не разстававшагося съ принципомъ легитимитета, хотя его корона служила тому прямымъ опроверженіемъ, Бисмаркъ настоялъ на признаніи республики, и не измѣнялъ своего взгляда и въ первые годы новаго правленія во Франціи, когда монархисты въ Германіи, опираясь на придворныя связи, не прочь были вмѣшаться во внутреннія французскія дѣла. Изъ процесса Арнима извѣстно, что германскій посолъ считалъ „продленіе республиканскихъ учрежденій Фран-

ція", какъ онъ докладывалъ канцлеру, „прямой опасностью для монархическаго режима въ нашемъ собственномъ отечествѣ“. Бисмаркъ отвѣчаетъ на это: „Намъ нужно, чтобы Франція оставила насъ въ покоѣ, и наша забота—предупредить, чтобы она не нашла союзниковъ противъ насъ. Пока она изолирована, Франція не опасна, и пока большія монархіи Европы поддерживаютъ другъ друга, имъ нечего бояться никакихъ республикъ. Съ другой стороны, очень трудно думать, чтобы французская республика нашла монархическаго союзника противъ насъ“.

Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательный дипломатъ, какъ извѣстно, ошибся; но вѣдь прошло почти 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ему удавалось предотвратить невѣроятное для него тогда и уже въ 1875 г. показавшееся на горизонтѣ соглашеніе нашего отечества съ Франціей. Во внѣшней политикѣ, говорилъ онъ, впрочемъ, самъ задолго до объединенія Германіи, дипломатическія способности выражаются не въ умѣньѣ заглядывать въ далекое будущее, а въ пониманіи того, что будетъ въ ближайшіе 24 часа. Много позже, уже послѣ заключенія тройственнаго союза, канцлеръ въ одну изъ своихъ „откровенныхъ“ минутъ такъ опредѣлилъ предъ рейхстагомъ задачи политики: „въ политикѣ, господа, приходится вести себя такъ, какъ поступаетъ благоразумный человѣкъ въ неизвѣстной ему странѣ, или въ лѣсу, при встрѣчѣ съ неизвѣстными людьми: нужно держать револьверъ въ карманѣ, а руку на револьверѣ; когда вы видите, что неизвѣстный кладетъ руку въ карманъ, вы вынимаете свой револьверъ изъ кармана; когда же замѣчаете, что въ васъ даже цѣляютъ, то стрѣляйте и уже не задавайтесь вопросомъ, находитесь ли вы на почвѣ законной самообороны, предусмотрѣнной кодексомъ о наказаніяхъ“... Заслуги Бисмарка предъ своей страной состояли въ томъ, что онъ стоялъ на посту, зорко слѣдя за „неизвѣстными“ по всей картѣ Европы и готовый стрѣлять раньше, чѣмъ въ него успѣютъ прицѣлиться, но въ то же время употребляя всѣ усилія, чтобы этой надобности не было. И сколько искусства нужно было, чтобы предупредить столкновенія и разсѣять опасенія Европы, что въ военномъ могуществѣ Пруссіи заключаются тѣ же тенденціи къ созданію всемірнаго господства, которыми проникнута была Франція перваго Наполеона,—это, вѣроятно, въ состояніи оцѣнить только современники 1870 года, которые вспомнятъ впечатлѣніе, произведенное Седаномъ. Кому изъ цеховыхъ дипломатовъ пришло бы тогда въ голову, что возможенъ союзъ трехъ императоровъ, въ которомъ мы очутимся, правда, на очень непродолжительное время, связанными съ Австріей

и Германіей? Точно также можно быть различнаго мнѣнія о тройственномъ союзѣ Германіи съ Австріей и Италіей, но для своего времени онъ былъ „мейстеръ-штюкъ“ политическаго искусства. Вспомните, что въ Австріи еще не исчезли воспоминанія о Кёниггрецѣ, и что итальянскій народъ еще не забылъ ужасовъ австрійскаго господства въ Ломбардіи и Венеціи. Руководствовалась ли политика Бисмарка *неуклонно*, въ продолженіе всѣхъ 19 лѣтъ, отъ мира съ Франціей до его отставки, только задачей сохраненія мира; былъ ли въ 1875 г. моментъ, когда въ берлинскомъ генеральномъ штабѣ все было готово къ нападенію на Францію, или все это только, какъ Бисмаркъ увѣрялъ, продуктъ уязвленнаго честолюбія кн. Горчакова? Мстилъ ли намъ за то германскій канцлеръ на конгрессѣ въ Берлинѣ, или онъ тамъ игралъ роль „честнаго маклера“? На эти вопросы здѣсь не мѣсто давать отвѣты, да и много еще въ нихъ противорѣчиваго и темнаго. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что прошла и для нашей дипломатіи пора сентиментальныхъ жалобъ на чужую неблагодарность, за которыми укрывается непониманіе собственныхъ ошибокъ. Оглядываясь на всю эпоху Бисмарка, мы не можемъ больше отрицать, что хотя слишкомъ тяжелою цѣной непрерывнаго роста милитаризма и усиленія розни между европейскими народами,—но имъ была предупреждена по крайней мѣрѣ общеевропейская война, послѣдствія которой—и для побѣжденныхъ, и для побѣдителей—Бисмаркъ умѣлъ рисовать въ самыхъ густыхъ краскахъ. Дипломатія Бисмарка—не единственный факторъ въ сохраненіи мира, почти невѣроятно продолжительнаго для тѣхъ, которые помнятъ общее настроеніе послѣ униженія Франціи,—но она одинъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ. Можно возразить, что безъ этого политическаго виртуоза положеніе Европы не стало бы съ самаго начала грознымъ; но мы тогда становимся на точку зрѣнія, съ которой нельзя разсматривать достоинство и дѣятельность государственнаго человѣка, знающаго не интересы человѣчества, а только величіе своей родины. Однимъ изъ рѣдкихъ свойствъ этого ума было то, что онъ дѣйствительно „не совалъ пальцевъ въ чужіе горшки“ изъ платоническаго стремленія къ престижу: мишурѣ онъ не понималъ ни въ частной, ни въ общественной жизни, и если восточный вопросъ, напр., въ его глазахъ не имѣлъ прагматической цѣны для Германіи, то ему можно вѣрить, что изъ желанія играть роль онъ не пожертвовалъ бы костями хотя бы одного нѣмецкаго солдата; точно также душа его оставалась совершенно спокойной, если гдѣ-нибудь та или другая европейская страна

играла первую скрипку. Впослѣдствіи, внѣшняя политика Германіи хотя и оставалась вѣрной главнымъ чертамъ дипломатіи Бисмарка, но съ другой стороны стала измѣняться, что заставляеть даже крайнихъ противниковъ перваго канцлера требовать возвращенія къ ея традиціямъ.

Непрерывная цѣпь блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ и удачъ внутри объединенной страны прерывается на борьбѣ съ католицизмомъ, съ легкой руки Вирхова получившей извѣстность подъ именемъ „культуръ-кампфа“. Теперь всѣ почти согласны, что это была первая крупная ошибка Бисмарка, и несомнѣнно, — она особенно бросается въ глаза, когда ее дѣлаеть политикъ, вся система и вся сила котораго состоятъ въ умѣнѣй соразмѣрять свои средства съ положеніемъ противника. Въ учебникахъ новѣйшей исторіи для нѣмецкихъ гимназій юношамъ представляется возникновеніе борьбы съ католической церковью какъ необходимое послѣдствіе провозглашенія догмы папской непогрѣшимости. Въ глазахъ національ-либераловъ, главныхъ соратниковъ Бисмарка въ войнѣ съ католиками, это тоже былъ достаточный идейный мотивъ усиливавшейся старинной антипатіи протестантизма къ воинствующему католицизму и желаніе оградить развитіе народа отъ клерикальныхъ путъ для свободы мысли и совѣсти. Въ глазахъ Бисмарка всѣ эти мотивы, однако, никогда не были рѣшающими. „Я занимаюсь не догматикой, а политикой“, — говорилъ онъ уже въ первыхъ парламентскихъ схваткахъ съ партіей центра: — „вопросы вѣры какъ можно меньше слѣдуетъ вносить въ государственную жизнь. Если миллионы католиковъ признаютъ непогрѣшимость папы, то я подчиняюсь этому и требую, чтобы и всѣ другіе уважали чужую вѣру, какъ бы далеки ни были мнѣ и другимъ протестантамъ ея догматы. Но чего я не допускаю, это — *господства* церкви въ сферѣ государства“.

Какъ ни проникнута дѣятельность Бисмарка національной *государственной* идеей, но она, вѣроятно, сдумала бы воздержаться отъ столкновенія съ международнымъ католицизмомъ, еслибы къ вопросамъ о разграниченіи сферы вліянія государства и церкви не присоединились партикуляристическіе и личные мотивы. Упраздненіе особаго политическаго департамента при министерствѣ исповѣданій, одна изъ первыхъ мѣръ въ культуръ-кампфѣ, имѣло внутреннимъ, впослѣдствіи признаннымъ и со стороны Бисмарка основаніемъ — вліяніе въ этомъ вѣдомствѣ *польскаго* аристократическаго элемента. Боевой кличъ противъ центра въ рейхстагѣ съ самаго начала мотивируется соединеніемъ ка-

толическаго и вельфскаго движенія. Вернувшись изъ Франціи, Бисмаркъ засталъ сильную и хорошо дисциплинированную партію, съ которой онъ хотѣлъ бы вступить въ сношенія, чтобы привлечь ее на правительственную сторону, и онъ всю жизнь былъ убѣжденъ, что это ему удалось бы, не будь тутъ замѣшаны польскіе и другіе анти-прусскіе интересы, но въ особенности не будь во главѣ центра вождя Виндгорста. Предубѣжденіе католическаго населенія противъ него, какъ соучастника въ уничтоженіи свѣтской власти папы, Бисмаркъ считалъ возможнымъ разсѣять, но для этого онъ ставилъ условіемъ удаленіе изъ партіи центра Виндгорста, и въ свою очередь самъ былъ готовъ почти за то на матеріальныя уступки въ области церкви. Съ перваго же взгляда всесильный тогда канцлеръ понялъ, что въ маленькой „черной жемчужинѣ“ онъ найдетъ самаго опаснаго противника. Больше того: онъ въ немъ подозрѣвалъ даже соперника. Очевидцы ораторскихъ турнировъ того времени въ рейхстагѣ не понимали этого подозрѣнія и приписывали его головокружительной высотѣ, на которой стоялъ объединитель Германіи. Впослѣдствіи изъ біографіи Виндгорста многое выяснилось, что казалось тогда темнымъ или продуктомъ фантазіи. „Я не хочу утверждать,—говорилъ Бисмаркъ въ засѣданіи рейхстага 9-го февраля 1872 г.,—что депутатъ Виндгорстъ упорно стремится стать моимъ коллегой. Точно также, еслибъ я сказалъ, напри- мѣръ, что злѣйшіе враги монархіи, подъ маской симпатіи въ нашему монарху, стремятся завязать съ нимъ личныя отношенія и давать ему совѣты,—конечно, только вредныя,—то я былъ бы очень далекъ отъ мысли указать этимъ на кого-либо изъ здѣсь присутствующихъ депутатовъ: такія вещи никогда не относятся къ присутствующимъ“. Вѣроятно, только самые довѣренныя политики догадывались тогда, что Бисмаркъ намекалъ на связь, которую старалась установить между императоромъ и вождемъ центра—императрица Августъ, супруга Вильгельма I. Не даромъ изъ бюро печати покойную императрицу одно время упорно обвиняли въ переходѣ въ католицизмъ, инсинуируя противъ нея почти такъ же, какъ впослѣдствіи сподручная Бисмарку печатъ травила „англичанку“, супругу Фридриха III ¹⁾.

¹⁾ Напомнимъ также, что на пріемѣ у супруги Вильгельма I произошла тогда извѣстная, напугавшая на всю Германію выходка Бисмарка, послѣ которой онъ вообще пересталъ являться при дворѣ. Гофъ-маршалъ Перпонше, пройдя мимо канцлера, не поклонился ему, и Бисмаркъ громко на всю залу произнесъ, обращаясь къ ближайшему изъ гостей: „какъ непріятно бывать въ домахъ, въ которыхъ прислуга дурно воспитана!“

Теперь, когда ни для кого нѣтъ больше сомнѣнія, что борьба съ католицизмомъ была крупной политической ошибкой, въ общественномъ мнѣніи замѣчается обратная крайность, основывающаяся на забвеніи фактовъ: детали культуръ-кампфа исчезли изъ памяти, и потому въ отзывѣхъ объ эпохѣ Бисмарка преобладаетъ представленіе, будто всѣ предприняты въ 70-хъ годахъ церковно-политическія мѣры представляютъ сплошную цѣпь беззаконій и притѣсненій. Въ дѣйствительности, однако, надо различать между законодательствомъ, проводившимъ идеи свободы совѣсти и государственнаго авторитета, и исключительными законами, нарушавшими права католическаго населенія или открывавшими путь къ административному произволу. Иначе было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ независимые и свободные представители лучшей части нѣмецкаго образованнаго общества—мы имѣемъ въ виду не только національ-либераловъ—могли присоединиться ко многимъ мѣрамъ правительства. Къ этимъ мѣрамъ принадлежатъ прежде всего законы о свѣтской школѣ (1872 г.), гражданской регистраціи рождаемости и смертности, и о гражданскомъ бракѣ (1874—75 гг.). Точно также и въ знаменитыхъ „майскихъ“ законахъ министра Фалька далеко не все—продуктъ борьбы; въ нихъ очень много здраваго и непосредственно вытекающаго изъ культурнаго развитія Германіи, какъ, напр., постановленія о выходѣ изъ церкви и о границахъ церковной карательной власти. Другое дѣло—прямо направленные противъ церкви законы, какъ извѣстный „Kanzelrathgarh“ въ уголовномъ кодексѣ, пытающійся наложить узду на независимость проповѣдника, изгнаніе католическихъ орденовъ, предоставленіе правительству права внутренней ссылки для нѣмецкихъ гражданъ, носящихъ рясу монаха, и въ особенности рѣзкое обращеніе съ епископами Ледоховскимъ, Мельхерсомъ и другими, не подчинявшимися свѣтскому законодательству. Покушеніе Кульмана на Бисмарка даетъ представленіе о волненіи, охватившемъ католическое населеніе. На Рейнѣ и въ Баваріи тогда распространены были картинки, такъ иллюстрировавшія покушеніе католическаго ремесленника: Кульманъ направляетъ дуло пистолета въ канцлера, но въ это время самъ дьяволъ отводитъ руку покушителя, говоря: „стой, этотъ принадлежитъ мнѣ“.

Замѣчательно, что у Бисмарка никогда не было счастья съ патетическими и громкими словами: они являлись у него въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ не былъ вполне увѣренъ въ себѣ. Натурѣ его громкая фраза, пафосъ—совсѣмъ чужды. Во время

борьбы съ прусской палатой, послѣ Дюппеля и предъ Кѣниттретомъ, когда онъ былъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что идетъ по пути къ славѣ своей и Германіи, онъ заканчиваетъ одно изъ сильнѣйшихъ обращеній къ палатѣ словами: „я сказалъ бы, что потомство насъ осудитъ, еслибъ на мой вкусъ это не было чрезвычайъ патетически“. Такія слова, какъ—„мы, нѣмцы, боимся только Бога“, дѣйствуютъ на массы, и вы ихъ дѣйствительно найдете надъ милліонами изображеній желѣзнаго канцлера, красующимися на стѣнахъ или фарфоровыхъ чашеахъ бюргера, но самъ онъ произносилъ ихъ какъ будто нѣхотя, только для того, чтобы бросить толпѣ, и на слушателей въ первую минуту они даже не производили особаго впечатлѣнія. О „нѣмцахъ, боящихся только Бога“, онъ потомъ самъ отзывался, что, „кажется, немножко хватилъ далеко“. То же самое можно отнести къ знаменитой когда-то фразѣ: „мы не пойдемъ въ Каноссу“. Не въ Каноссу, а въ Римъ онъ потомъ пошелъ, и преемникъ Піа IX былъ достаточно уменъ, чтобы облегчить ему отступленіе. Мы должны, однако, замѣтить, что тѣ законы эпохи культуръ-кампфа, которые составляли требованіе свѣтскаго развитія Германіи, остались достояніемъ государства и народа и перестали вызывать противъ себя вражду католическаго населенія; отмѣна ихъ теперь—требованіе каплановъ, но не крикъ народной совѣсти.

Миръ съ Римомъ не помѣшалъ продолженію войны съ центромъ, однако въ очень многихъ случаяхъ вливали уже поддерживали канцлера, оставаясь принципиально въ оппозиціи къ его системѣ и его личности. Безъ этой поддержки Бисмаркъ не въ состояніи былъ бы осуществить переходъ къ такъ называемой „національной политикѣ“ въ народномъ хозяйствѣ, порвавшей на первыхъ порахъ его прежнюю связь съ національ-либералами и побудившей Дельбрюка, его долговременнаго адлатуса, покинуть министерство, и Беннигсена—уйти изъ рейхстага.

IV.

Къ распространенному мнѣнію о Бисмаркѣ-консерваторѣ присоединяется обыкновенно представленіе объ его протекціонизмѣ. Совершенно справедливо, что въ послѣднія 11 лѣтъ своей дѣятельности канцлеръ создаетъ аграрныя и промышленныя пошліны въ Германіи и этимъ даетъ толчокъ къ усиленію протекціонизма во всемъ остальномъ мірѣ, за исключеніемъ Англіи. Не менѣе вѣрно однако, что до 1879 года Бисмаркъ

былъ такимъ же рѣшительнымъ фритредеромъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ его дѣятельности при вступленіи въ прусское министерство было заключеніе торговаго договора съ Франціей, составлявшаго эпоху въ исторіи европейской тарифной политики. Тогдашняя тронная рѣчь Вильгельма, контрастированная министромъ Бисмаркомъ, говоритъ о взаимномъ пониженіи пошлинъ, какъ о радостномъ событіи, ведущемъ ко благу обоихъ народовъ и „устанавливающимъ новыя гарантіи общности развитія и благосостоянія“. Очищая почву сѣверо-германскаго союза и имперіи отъ всѣхъ стѣсненій внутренняго оборота, правительство Бисмарка стремится и во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ устранить преграды торговли. Въ 1873 г., Германія рѣшается отказаться отъ всѣхъ пошлинъ на желѣзо; промышленныя пошлины въ ея тарифѣ принадлежать къ самымъ низкимъ въ Европѣ, но канцлеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія, что пошлины вообще имѣютъ значеніе только въ качествѣ источника бюджета, но не покровительства собственному хозяйству. Еще въ засѣданіи рейхстага 10-го ноября 1875 г., Бисмаркъ выступаетъ съ изложеніемъ взглядовъ, своей смѣлостью пугающихъ даже иныхъ фритредеровъ. „Намъ нужно освободиться въ своей таможенной системѣ отъ этой массы подлежащихъ обложенію предметовъ (*слушайте, слушайте!* въ стенографич. протоколѣ) и ретироваться въ область простой, чисто-финансовой системы, т.-е. выбросить за бортъ всѣ статьи тарифа, которыя не даютъ достаточно доходовъ. Тѣ 10 или 15 предметовъ, которые останутся, могутъ быть обложены соотвѣтственно потребностямъ финансовъ. Такими предметами внѣшняго и внутренняго обложенія я считалъ продукты, потребление которыхъ не составляетъ крайней необходимости, или которые по крайней мѣрѣ можно безъ вреда для жизни потреблять соотвѣтственно достатку, какъ кофе, пиво, вино, табакъ и т. п.“. Когда ему впослѣдствіи цитировали его собственныя слова, Бисмаркъ отдѣлывался вопросомъ: зачѣмъ же рейхстагъ тогда такъ испугался табачной монополіи? Прежде онъ (канцлеръ) въ подобныхъ вопросахъ полагался, будто, только на авторитетъ Дельбрюка, подобно тому, какъ въ арміи онъ могъ довѣриться Мольке, а въ почтовыхъ дѣлахъ Стѣфану. Но когда Дельбрюкъ его повинулъ, и онъ принужденъ былъ положиться на собственныя силы, то у него исчезла вѣра въ старые рецепты... Мы не касаемся здѣсь вопроса, хорошъ или дуренъ протекціонизмъ, но когда протекціонисты ссылаются на авторитетъ Бисмарка, фритредеры могутъ, по извѣстной парламентской поговоркѣ, апеллировать отъ менѣ

хорошо освѣдомленнаго Бисмарка къ лучше освѣдомленному, или отъ Бисмарка 1879—90 г. къ Бисмарку 1862—78 годовъ. Послѣдній періодъ во всякомъ случаѣ болѣе продуктивный и богаче блескомъ. Если германская промышленность сдѣлала огромные успѣхи въ эти послѣднія 20 лѣтъ, то среди причинъ того протекціонизмъ не играетъ первостепенной роли, да и самъ Бисмаркъ мотивировалъ свое превращеніе на этотъ разъ изъ Савла въ Павла не столько покровительственными, сколько фискальными соображеніями. Уже послѣ перемѣны системы въ нее включена была тенденція охраны отечественной промышленности, въ связи съ еще болѣе рискованной попыткой объединить подъ общимъ флагомъ таможеннаго покровительства и податныхъ привилегій интересы „производительныхъ классовъ“, т.-е. обрабатывающей и земледѣльческой промышленности. Разрѣшеніе этой трудной, чтобы не сказать невозможной проблемы такъ и осталось благимъ намѣреніемъ, какъ показываетъ теперь борьба аграріевъ противъ торговыхъ договоровъ, защищаемыхъ подавляющимъ большинствомъ нѣмецкаго купечества и фабричной промышленности. Мотивы торговой политики Бисмарка съ конца 70-хъ годовъ этимъ, однако, не исчерпаны: его національная система стоитъ еще въ связи съ стремленіемъ обезпечить правительству поддержку зажиточнаго населенія противъ рабочаго движенія и съ желаніемъ уравнять условія конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ, насколько они, по утверженію германскихъ промышленниковъ, стали неравными для нихъ, вслѣдствіе государственнаго страхованія рабочихъ, требующаго отъ предпринимателей уплаты премій болѣе чѣмъ въ 100 милліоновъ марокъ въ годъ.

Такимъ образомъ мы касаемся другого замѣчательнаго явленія въ дѣятельности Бисмарка, можетъ быть болѣе, чѣмъ все предъидущее, стоящаго въ тѣснѣйшей связи съ настоящими и будущими судьбами Германіи: мы говоримъ объ его соціальной политикѣ. На вопросъ о соціально-политическихъ взглядахъ Бисмарка ⁹/10 образованныхъ людей отвѣтятъ: это—государственный социалистъ, и вспомнятъ при этомъ, какое впечатлѣніе производили на Европу въ 80-хъ годахъ рѣчи Бисмарка о задачахъ государства по отношенію къ рабочему классу, и его проекты принудительнаго обезпеченія рабочихъ, бывшіе въ лицо господствовавшему принципу невмѣшательства. Въ знаменитомъ посланіи Вильгельма I къ рейхстагу 1881 года канцлеръ вкладываетъ въ уста престарѣлому императору слова, что государство—не учрежденіе для имущихъ, и что общественный порядокъ тѣмъ проч-

нѣе, чѣмъ больше массы народа заинтересованы въ его сохраненіи.

Старымъ политикамъ, помнившимъ Бисмарка изъ ландтага эпохи конфликта, онъ не говорилъ ничего новаго, хотя и имъ казалось раньше, что та пора канула въ вѣчность, когда онъ пытался связать пролетаріатъ „съ феодалами“, какъ выражались въ то время, чтобы направить рабочіе баталіоны противъ строптивой буржуазіи. Вагенеръ, тогдашній его адлатус, выступалъ на собраніяхъ съ идеями союза монархіи съ четвертымъ сословіемъ, и въ ландтагѣ Бисмаркомъ повторена была знаменитая фраза Мирабо: „le roi de Prusse est le roi des gueux“. Въ прогрессистской печати говорили о связи Бисмарка съ Лассалемъ, и это казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что, по предложенію министра-президента, Вильгельмомъ I принята была депутація отъ силезскихъ ткачей, вступившихъ въ стачку противъ фабриканта, состоявшаго въ тому еще депутатомъ оппозиціи. На упреки въ „злоупотребленіи величіемъ трона“ для своихъ политическихъ цѣлей Бисмаркъ отвѣчалъ упомянутой фразой и увѣреніемъ, что кривъ нужды и года всегда находилъ вниманіе во дворцѣ Гогенцоллерновъ. Король далъ, по совѣту Бисмарка, значительную сумму стачечникамъ на устройство производительной ассоціаціи, и Бисмаркъ увѣрялъ, что никогда не раскаивался въ своемъ совѣтѣ, хотя опытъ съ ассоціаціей и оказался неудачнымъ. Еслибъ,—говорилъ онъ,—практичность осуществленія идей Лассалья ему была доказана, онъ не пожалѣлъ бы и 100 милл. талеровъ.

Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей предъ рейхстагомъ Бисмаркъ самъ разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Лассалю; и форма, и содержаніе рѣчи, такъ характеризуютъ разсказчика, что мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь *in extenso*. Это произошло при обсужденіи принятаго потомъ въ рейхстагѣ исключительнаго закона 1878 г. противъ соціаль-демократіи. Наканунѣ, въ отсутствіе канцлера, Бебель коснулся его заигрыванія съ социализмомъ и упомянулъ при этомъ объ его сношеніяхъ съ Лассалемъ, котораго Бисмаркъ завязалъ при содѣйствіи одного изъ принцевъ и графини Гатцфельдтъ: однажды баварскій посолъ явился къ Бисмарку, но его не приняли, потому что въ то время въ кабинетѣ сидѣлъ Лассаль, и министр-президентъ не считалъ нужнымъ прервать разговора съ знаменитымъ агитаторомъ, хотя бы ради посла.

„На меня производитъ комическое впечатлѣніе та декорація, безъ которой, какъ видно, и въ кругахъ соціаль-демократіи не хотѣтъ обойтись,—отвѣчаетъ Бисмаркъ:—королевскій принцъ, гра-

финя и посолъ придають особый шикъ всему разсказу и должны внушить слушателямъ, которые по степени своего образованія не въ состояніи провѣрить и отнестись критически къ повѣствуемому, представленіе о чрезвычайной его важности. *Мнѣ* не нужно было принцевъ, чтобы сойтись съ Лассалемъ; графиню же Гатцфельдтъ я въ послѣдній разъ въ своей жизни видѣлъ въ 1835 г., въ домѣ ея шурина. Исторія съ баварскимъ посломъ тоже одна изъ такихъ же прикрасъ въ историческихъ разсказахъ для недалекихъ читателей: ни одинъ посолъ не является во мнѣ, не спросивши заранѣе, когда я его могу принять... Исторія моего знакомства съ Лассалемъ гораздо проще. Если когда-нибудь у меня найдется время, чтобы порыться въ старыхъ бумагахъ, я тамъ найду, вѣроятно, письма Лассала, въ которыхъ онъ выражаетъ желаніе бесѣдовать со мною и объясняетъ, для чего онъ меня хочетъ видѣть. Я ему, впрочемъ, не затруднилъ доступа къ себѣ, и могу прибавить: послѣ перваго же часа нашей бесѣды я въ этомъ не раскаивался. Наши свиданія происходили не 3—4 раза въ недѣлю (какъ увѣрялъ Бебель), а мы всего видѣлись 3 или 4 раза. Правда, каждая бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ, но мнѣ постоянно жаль было, что она уже кончилась. О переговорахъ или условіяхъ тутъ не могло быть рѣчи: во 1-хъ, уже потому, что мнѣ рѣдко удавалось раскрывать ротъ; Лассаль больше говорилъ, а я слушалъ, и слушалъ съ истиннымъ удовольствіемъ; во 2-хъ, что мнѣ Лассаль могъ предложить? Онъ не имѣлъ за собою ничего. Во всѣхъ политическихъ переговорахъ главное, къ чему все сводится, это — *do ut des*; изъ приличія на первыхъ порахъ объ этомъ и умалчиваютъ, но онъ ничего вѣдь не имѣлъ, что могъ бы предложить мнѣ. Какъ министръ, я видѣлъ въ немъ *einem armen Teufel*, но у него было нѣчто, что меня чрезвычайно привлекало, какъ частнаго человека: Лассаль — одинъ изъ остроумнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ людей, съ какими я когда-либо встрѣчался; честолюбецъ въ крупномъ стилѣ, отнюдь не республиканецъ, наоборотъ — съ сильно выраженными монархическими и національными идеями, и въ особенности съ идеей германскаго императорства, и въ этомъ у насъ была точка соприкосновенія. Монархистъ, — повторяетъ Бисмаркъ, — онъ былъ несомнѣнный; но очень возможно, что ему одно было еще сомнительно, завершится ли осуществленіе германской имперіи династіей Гогенцоллерновъ — или династіей Лассалей (*бурный смѣхъ*, прибавляетъ стенографическій отчетъ)? Жалкимъ эпигонамъ, которые теперь его подняли на свой щитъ, онъ бы кривнулъ: *Quos ego!* — и съ презрѣніемъ отбросилъ бы ихъ въ ихъ ничтоже-

ство, чтобы они не смѣли больше злоупотреблять его именемъ. Мы и остались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ: у него было пріятное сознаніе, что я признаю въ немъ умнаго человѣка, съ которымъ пріятно встрѣчаться, и во мнѣ онъ видитъ интеллигентнаго слушателя. Я жалѣю, что различіе нашего политическаго положенія не допускало болѣе тѣснаго знакомства: такого сосѣда по имѣнію я себѣ желалъ бы имѣть“!..

И такого союзника, на нѣкоторое время, пока онъ не сталъ бы слишкомъ опаснымъ,—можемъ мы прибавить теперь. Для его реальной политики тогдашняя рабочая партія, однако, дѣйствительно еще была une *quantité négligeable*; и Бисмаркъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, поспѣшилъ заключить миръ съ либеральнымъ среднимъ сословіемъ, пути котораго, насколько они опредѣляются экономическими обсужденіями, совпадали съ его собственными политическими цѣлями. Это не помѣшало ему, впрочемъ, имѣть своей правой рукой Лотера Бухера и посылать Рудольфа Мейера на конгрессъ „катэдръ-соціалистовъ“ въ Эйзенахъ; но въ продолженіе десятилѣтія онъ не пугалъ больше манчестерцевъ еретическими выходками и социалистической окраской. Разошедшись съ либерализмомъ въ вопросахъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, табачной монополии и торговой политики, Бисмаркъ снова возвращается къ мысли, что король Пруссіи — „король бѣдняковъ“, но въ это время бѣдняки предъ нимъ возстаютъ уже въ видѣ грозной политической партіи, не столь еще многочисленной, какъ теперь, когда она обнимаетъ четверть всѣхъ германскихъ избирателей, но все же достаточно серьезной, чтобы значеніе ея не ускользнуло отъ вниманія такого сильнаго ума. Экономическіе ея идеалы его не пугаютъ: въ жареныхъ голубей, — замѣтилъ онъ однажды въ рейхстагѣ, — „влетающихъ въ ротъ безъ работы“, онъ не вѣрить, равенства не признаетъ, но относительно экономическихъ требованій, предъявляемыхъ къ государству, „можно поговорить“: для него индивидуализмъ въ народномъ хозяйствѣ — не *poli me tangere*. Но что дѣлаетъ невозможной всякую попытку къ соглашенію съ организованнымъ пролетариатомъ, это — его политическое содержаніе, его международныя и республиканскія тенденціи, и Бисмаркъ вступаетъ съ нимъ въ войну, въ которой нѣтъ пощады, и главные признаки которой состоятъ въ механическомъ подавленіи профессиональной и политической организаціи рабочихъ — съ одной стороны, и въ стремленіи, путемъ осуществленія идеи обезпеченія труда при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, подкопать почву подъ противникомъ — съ другой. Мы можемъ только назвать исключительный законъ

1878 г. и законы о страхованіи отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ и старости,—не входя въ оцѣнку ни того, ни другихъ. Положительнаго успѣха репрессивная политика, принимавшая въ рукахъ такихъ исполнителей, какъ Путтхаммеръ, размѣры Меттерниховскихъ приѣмовъ, какъ извѣстно, не имѣла, и это былъ одинъ изъ поводовъ къ разрыву съ молодымъ императоромъ, повлекшихъ за собою событіе 1890 года. Законодательство о страхованіи, наоборотъ, останется замѣчательнымъ памятникомъ государственной дѣятельности Бисмарка; безъ его энергіи и свободы отъ предразсудковъ оно вѣроятно долго оставалось бы лишь идеей; благодаря ему—оно стало фактомъ. Чего Бисмаркъ не сознавалъ и не признавалъ, это—психологической неудовлетворительности реформы, хотя бы и очень крупной, но рассчитанной на исключительныя условія или на отдаленное будущее, въ качествѣ средства къ противодѣйствію болѣе широкимъ и опаснымъ для современнаго строя стремленіямъ. Самъ онъ въ послѣдніе годы несомнѣнно сознавалъ неудовлетворительность своей реформы для осуществленія столь трудной задачи, какъ примиреніе массъ съ современнымъ государствомъ. вмѣсто возвращенія къ общему праву и усиленія реформъ, облегчающихъ трудъ и поднимающихъ заработки,—что совѣтовали многіе изъ искренно преданныхъ ему представителей науки и интеллигентнаго общества,—Бисмаркъ настаивалъ на усиленіи суровыхъ мѣръ и доходилъ до циничнаго заявленія, хотя и не открытаго, что современному государству выгоднѣе довести массы до отчаянія, вызывающаго безумныя вспышки, такъ какъ радикальное подавленіе такой вспышки отодвинетъ опасность этого движенія на полъ-столѣтія. Одинъ изъ несомнѣнныхъ поклонниковъ Бисмарка, экономистъ Шмоллеръ (нынѣшній ректоръ берлинскаго университета), вскорѣ послѣ паденія Бисмарка говорилъ на конгрессѣ социаль-политиковъ во Франкфуртѣ-на-М., что онъ и его товарищи, профессора германскихъ университетовъ, съ грустью замѣчали, какъ пути великаго государственнаго челоука все болѣе расходятся съ убѣжденіями добросовѣстнѣйшей части общества и съ желаніями мирнаго разрѣшенія внутренняго конфликта.

Князь становится старъ и нетерпимъ, говорили прежніе его преданные поклонники и по поводу его дѣятельности въ другихъ сферахъ государственной жизни. Одна изъ распространенныхъ поговорокъ въ концѣ 80-хъ годовъ была: „es gelingt nichts mehr!“—ничто больше не удастся! Героическая пора давно прошла, въ національномъ отношеніи страна была насыщена, и гнетъ канцлерской диктатуры, выразившійся не только въ

постоянномъ ростѣ милитаризма, но и въ нетерпимости, доходившей до самодурства, въ развитіи nepотизма и прислужничества,—болше и болше оскорблялъ общественное мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, при жизни стараго императора, мысль о томъ, что канцлеръ можетъ быть отставленъ, какъ всякій другой министръ, казалась невѣроятной, и надежды противниковъ его режима сосредоточивались на либеральныхъ убѣжденіяхъ кронпринца, антагонизмъ котораго къ Бисмарку относился еще къ эпохѣ, предшествовавшей объединенію Германіи. Трагическое царствованіе 90 дней разрушило эти надежды, и когда на престолъ вступилъ молодой сынъ Фридриха, представитель поколѣнія, выросшаго въ поклоненіи великому канцлеру, открыто всегда высказывавшій чувства безпредѣльнаго удивленія совѣтнику своего дѣда,—„*pie-tals*“, написанное старымъ Вильгельмомъ на прошеніи Бисмарка объ отставкѣ, казалось, останется въ силѣ до конца жизни канцлера. Преслѣдованіе Геффкена, травля „англичанки“, притѣсненія въ Эльзасѣ, столкновеніе съ Швейцаріей и цѣлый рядъ другихъ выходовъ, такъ не похожихъ на политику замѣчательнаго государственнаго человѣка,—продолжали раздражать внутри Германіи и за границей, вызывая, правда, суровую критику со стороны оппозиціи въ парламентѣ и независимой печати, но не встрѣчая отпора ни въ императорской власти, ни со стороны союзныхъ правительствъ. Возбужденіемъ національной тревоги вызывали страхъ, который, по ироническому замѣчанію Евгенія Рихтера, нашелъ откликъ въ нѣмецкихъ сердцахъ. Бисмарку удалось получить большинство въ рейхстагѣ для своихъ военныхъ проектовъ, но во всѣхъ остальныхъ вопросахъ „картель“ консервативныхъ партій съ національ-либералами велъ только къ бездѣтельности законодательства. Националь-либералы не соглашались, напр., на усиленіе репрессивныхъ мѣръ противъ социаль-демократіи, тогда какъ Бисмаркъ и консерваторы готовились изъ исключительнаго закона сдѣлать постоянный, съ еще большими полномочіями и болѣе строгими карами. Требованія промышленности расходились съ желаніями аграріевъ; въ фабричномъ законодательствѣ Бисмаркъ и союзный совѣтъ были противъ большинства рейхстага; въ колоніальной политикѣ Бисмаркъ казался своимъ ближайшимъ союзникамъ слишкомъ робкимъ, а противникамъ—слишкомъ рѣшительнымъ.

Для него самого величайшимъ вопросомъ этого періода была, однако, психологія молодого императора, которую онъ, конечно, понималъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе онъ стоялъ къ трону. Германія и Европѣ Вильгельмъ II извѣстенъ былъ только застоль-

ными рѣчами, полными національнаго энтузіазма, и нѣкоторыми связями съ піетистами, значеніе которыхъ и для того времени, вѣроятно, было преувеличено. Бисмаркъ съ первыхъ дней новаго царствованія стоялъ предъ одной изъ труднѣйшихъ задачъ своей жизни: какъ удовлетворить потребности въ активной дѣятельности у впечатлительной молодой натуры, проникнутой понятіями о своей власти и своемъ призваніи,—не выпуская направленія политики изъ собственныхъ рукъ? Неосуществимая задача!—но старый руководитель дѣла долго и упорно гонялся за ея разрѣшеніемъ, и былъ готовъ даже приносить такія жертвы личнаго самолюбія, на которыя его до тѣхъ поръ считали неспособнымъ. Всѣ усилія остались безплодными.

Мы знаемъ теперь изъ опубликованнаго Морицемъ Бушемъ прошенія, больше похожаго на обвинительный актъ, чѣмъ на просьбу объ отставкѣ „съ законнымъ пенсіономъ“, что ближайшимъ поводомъ къ разрыву было требованіе императора, чтобы министръ дѣлалъ ему доклады безъ вѣдома и одобренія канцлера. Бисмаркъ въ своемъ протестѣ ссылается на свою отвѣтственность за всю политику правительства и на условія конституціоннаго правленія, требующія подчиненія отдѣльныхъ вѣдомствъ министру-президенту. На это ему было отвѣчено предложеніемъ остаться министромъ иностранныхъ дѣлъ, сложивъ съ себя обязанности главы кабинета. Бисмаркъ возражаетъ ссылкой на факты изъ внѣшней политики, доказывающіе, что и въ этихъ предѣлахъ его авторитетъ столкнулся съ противоположными мнѣніями императора. Не задолго предъ тѣмъ опредѣлился антагонизмъ во взглядахъ императора и канцлера также и на социальный вопросъ,—антагонизмъ, который канцлеръ приписывалъ неотвѣтственнымъ „шептунамъ“, вѣроятно и Микелю. Когда появились знаменитые рескрипты Вильгельма II по рабочему законодательству, не подписанные Бисмаркомъ, въ Германіи уже понимали, что противорѣчіе существуетъ, но никому, кромѣ ближайшихъ посвященныхъ лицъ, еще не приходило въ голову, что кризисъ такъ близокъ, и что слова молодого императора на бренбургскомъ банкетѣ: „кто противится, того я уничтожу“—„den zerschmetterte ich!“—относились къ великому идеалу принца Вильгельма, совѣтнику его дѣда и творцу имперіи. Только 5-го марта Бисмаркъ поднялъ на ноги свою печать, но дѣло его было проиграно: Лузанусъ, въ обществѣ ген.-адъютанта Ганке, появился въ его домѣ и передалъ требованіе императора—уйти на покой. Весь міръ пришелъ въ волненіе, узнавъ, три дня спустя, что канцлеръ отставленъ, но въ Германіи не поднялась ни одна рука,

чтобы поддержать его. Ему только устроили „первоклассныя похороны“...

Для исторіи имѣютъ значеніе поступки Бисмарка, а не слова его, какъ бы интересны и характерны они ни были, и потому послѣдній періодъ его жизни, когда онъ стоялъ въ сторонѣ отъ правительства и въ оппозиціи къ нему, могъ бы здѣсь быть пройденъ молчаніемъ, если бы въ образѣ дѣйствій, въ разоблаченіяхъ отставленнаго и озлобленнаго государственнаго чловека не заключалось очень много цѣннаго для пониманія его предъидущей дѣятельности. Одно оглашеніе сепаратнаго договора съ Россіею, существовавшаго одновременно съ тройственнымъ союзомъ и безъ вѣдома союзниковъ, бросаетъ столько свѣта на дипломатическіе приемы Бисмарка, что можетъ быть названо вкладомъ для будущаго историка европейской дипломатіи. Въ этомъ отношеніи мемуары Бисмарка, появленія которыхъ ждутъ въ Германіи, вѣроятно, содержатъ еще очень много цѣннаго. Къ характеристикѣ взглядовъ Бисмарка на внутреннее управленіе важнымъ добавленіемъ служатъ рѣчи его къ депутатамъ, явившимся къ нему въ первые годы послѣ его отставки, и къ населенію городовъ, чествовавшихъ его во время его проѣздовъ изъ Вѣны въ Киссингенъ и на обратномъ пути оттуда въ Фридрихсруэ. Въ словахъ эссъ-канцлера много личной злобы, отчасти оправдываемой отношеніемъ къ нему молодого императора, который, въ свою очередь, можетъ найти объясненіе въ безпощадной критикѣ, которой подвергались изъ Фридрихсруэ всѣ начинанія „новаго курса“. Подчеркивая постоянно ту мысль, что преданность монархіи согласуется съ критикой дѣйствій правительства, Бисмаркъ никогда не оставлялъ, однако, у слушателей и читателей сомнѣнія, что онъ считаетъ Вильгельма II его собственнымъ канцлеромъ. Въ Вѣнѣ, послѣ того, какъ австрійскій императоръ, подъ давленіемъ изъ Берлина, отказалъ ему въ аудіенціи, Бисмаркъ открыто заявилъ, что признаетъ себя шефомъ оппозиціи, и потому только не занимаетъ своего мѣста въ рейхстагѣ (въ округѣ Гестермюнде его выбрали депутатомъ, при чемъ онъ долженъ былъ подвергнуться перебаллотировкѣ съ социаль-демократомъ), что ему, какъ бывшему главѣ правительства, неловко бороться à visière ouverte съ своими преемниками. Каприви отвѣтилъ тогда въ „Norddeutsche“, что бороться съ открытымъ забраломъ честнѣе и достойнѣе великаго государственнаго чловека, чѣмъ дискредитировать свое отечество предъ иностранцами.

Изъ всего, что Бисмаркъ въ эту пору говорилъ своимъ соотечественникамъ, самое любопытное сказано, однако, въ приѣмѣ

депутациі отъ іенскаго университета и вслѣдъ затѣмъ при народномъ чествованіи его на городской площади маленькаго университетскаго города. „Сущность конституціонной монархіи, — говорилъ Бисмаркъ, — состоитъ во взаимномъ соглашеніи обоихъ факторовъ законодательства, а не въ подавленіи одного изъ нихъ. Усиленіе политическихъ убѣжденій и умѣнье отстаивать ихъ въ общественномъ мнѣніи и парламентѣ — главная задача будущаго; иначе „наступить режимъ бюрократіи“... Сильнѣе, чѣмъ во время своего господства, подчеркивая необходимость вліянія парламента, эксъ-канцлеръ, однако, не очень, какъ всякій замѣтитъ, искажаетъ принципы — принципы, не поступки — всемогущаго канцлера. Годъ спустя, говоря предъ депутаціей изъ Дюссельдорфа, Бисмаркъ самъ отмѣчаетъ отличіе между прошлымъ и настоящимъ въ словахъ: „Честное монархическое убѣжденіе должно всегда побуждать къ выясненію отношеній между монархомъ и гражданами, и въ этомъ отношеніи критика въ парламентѣ и печати полезна“... Въ началѣ своей дѣятельности онъ засталъ перевѣсъ на сторонѣ критики, и считалъ своимъ долгомъ „возстановить равновѣсіе“. Можетъ быть онъ „въ пылу борьбы нѣсколько перусердствовалъ“ и слишемъ высоко посадилъ на сѣдло сѣдока, которому грозило упасть... Отрицать парламентъ онъ и прежде не рѣшался, но теперь больше, чѣмъ когда-либо, рейхстагъ, по его мнѣнію, долженъ быть центральнымъ мѣстомъ общественной жизни.

Это не помѣшало, однако, рейхстагу отклонить поздравленіе Бисмарка въ день его 80-лѣтія. Императоръ, внѣшнимъ образомъ примирившійся съ эксъ-канцлеромъ, посѣтившій его въ Фридрихсруэ и оказавшій ему королевскія почести при его пріѣздѣ въ Берлинъ, выразилъ въ телеграммѣ глубочайшее негодованіе по поводу постановленія рейхстага, „стоящаго въ полномъ противорѣчій съ чувствами нѣмецкихъ князей и ихъ народовъ“. „Ваше величество, — отвѣтилъ на это Бисмаркъ, — превратили неизвѣстную мнѣ еще непріятность, причиненную мнѣ моими старыми противниками, въ поводъ къ пріятному удовлетворенію“... Однако ни любезность монарха, ни болѣе существенное удовлетвореніе, которое доставило ему удаленіе Каприви и замѣна его княземъ Гогенлоэ, всегда открыто выражавшимъ глубочайшее почтеніе къ объединителю Германіи, ни даже паденіе министровъ Беттигера и Маршалла, которыхъ онъ считалъ своими личными врагами („der Kleber und der Streber“), не измѣнили ничего въ чувствахъ отставленнаго государственнаго человѣка, напоминавшихъ отношенія депоседированнаго владѣтеля къ похи-

тителямъ трона. Мягче въ выраженіяхъ, но по прежнему колько относились въ Фридрихсруэ ко всѣмъ мѣрамъ новаго курса. „Я стараюсь понять волю нашего правительства, даже тогда, когда у него нѣтъ никакой воли“, и тому подобныя любезности и нескромности продолжали раздражать „высшее мѣсто въ имперіи“. Старому критику отвѣчали оттуда рѣчами, въ которыхъ заслуги его въ созданіи Германіи низводились до степени исполнительныхъ, чуть ли не чернорабочаго на службѣ „Великому“ дѣду. Это вызывало протестъ уже и со стороны политиковъ, безспорно не отличавшихся никогда особенной нѣжностью къ бывшему канцлеру. Евгений Рихтеръ все чаще ссылаясь въ рейхстагъ на свѣтлыя стороны дипломатіи Бисмарка, и старикъ въ Саксонскомъ-Лѣсу испытывалъ наслажденіе, читая блестящія рѣчи вожди свободомыслящихъ противъ новаго курса и стремленія „совать свои пальцы во всѣ горшки“. Развѣ это не буквально то же самое, что онъ говорилъ самъ 25 и 30 лѣтъ тому назадъ? „Почти въ каждомъ дѣлѣ можно избрать тотъ или другой, а иногда и третій путь. Можно спорить, какою лучше; обыкновенно ясный отвѣтъ на это даетъ далекое будущее, когда никого изъ спорящихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Но одно безспорно: правительство идетъ ко дну, когда оно хватается то за то, то за другое, если сегодня что-нибудь обѣщаютъ, а завтра не исполняютъ. Правительство не должно колебаться: разъ оно избрало путь, для него не существуетъ ни правой, ни лѣвой стороны; иначе оно становится слабымъ, теряетъ престижъ и отъ этого страдаетъ все государственное устройство“...

Въ Германіи послѣ смерти Бисмарка задаются вопросомъ, создадутъ ли себѣ будущія поколѣнія легенду о Бисмаркѣ, подобно легендѣ Наполеона во Франціи! Эрнстъ Гекель, извѣстный натуралистъ, увѣрялъ Бисмарка въ Іенѣ, что благодарная нація уже при жизни вплетаетъ легенды въ его лавровый вѣнокъ. Если не смѣшивать характерныхъ анекдотовъ съ легендой, то едва ли этого можно опасаться: современная западная жизнь, преимущественно городская, представляетъ слишкомъ неблагоприятную среду для наивнаго творчества, а въ Германіи въ особенности Бисмаркъ много потрудился надъ тѣмъ, чтобы наложить на новыхъ нѣмцевъ печать трезвости и положительности. Въ послѣднемъ отношеніи его не безъ нѣкотораго права ставятъ рядомъ съ Лютеромъ, Фридрихомъ II и Гёте: какъ ни различны содержаніе идей и характеръ cadaго изъ этихъ замѣчательныхъ

людей, но у нихъ общее—огромное вліяніе на умы своего времени.

Входить въ оцѣнку этого вліянія значило бы произносить приговоръ, который не будетъ соответствовать историческому значенію Бисмарка, но отразить въ себѣ впечатлѣнія міра, полного еще борьбы съ его дѣятельностью. Въ чемъ друзья и враги сойдутся надъ его гробомъ—это въ признаніи, что въ нашъ небогатый крупными индивидуальностями вѣкъ онъ былъ одною изъ сильнѣйшихъ и интереснѣйшихъ фигуръ, привоывавшей къ себѣ вниманіе и содѣйствовавшей поднятію довѣрія къ способности человѣческой природы, даже вопреки извѣстному изреченію, что по арабской лошади нельзя судить о лошадиной способности вообще. Сильная, не останавливавшаяся предъ труднѣйшими задачами воли, ясность ума и умѣнье подчинять себя и другихъ намѣченной цѣли,—такія качества не часто соединяются въ одномъ лицѣ, и еще рѣже бываютъ въ исторіи эпохи, въ которыя для нихъ находится широкое примѣненіе. Въ Отто фонъ-Бисмаркѣ въ высокой степени былъ развитъ даръ, который Гёте, въ бесѣдѣ съ Эккерманномъ, восхваляетъ словами: „и что вообще въ насъ хорошаго, если не умѣнье и желаніе — подчинять всѣ средства внѣшняго міра нашимъ высшимъ задачамъ“?!

Г. Іоллосъ.

Берлинъ, 12/24 августа 1898.

ВЪ ДОРОГѢ

Ѣду прѣсѣкой лѣсною,
И въ сіяньѣ яркихъ звездъ
Ночь склонилась надо мною
И, дыша морозной мглою,
Опустилася окрѣсть.
И въ снѣгахъ, толпясь къ дорогѣ,
Сосны, первенцы лѣсовъ,
Гордо высясь, внемлютъ, строги,
Какъ ворвался въ ихъ чертоги
Перезвонъ колокольниковъ.
Слышу—разуму невнятна,
Сердцу буйному близка,
Эта пѣсня непонятна,
И какъ небо—необъятна
Въ ней щемящая тоска.
Или это я рыданья
Слышу гибнущей любви?
Иль градущихъ дней страданья,
Иль безсилія сознанье,
Бредъ безумной головы?..
Но, толпясь къ моей дорогѣ,
Сторожа покой лѣсовъ,
Сосны зрятъ, безмолвны, строги,
Какъ ворвался въ ихъ чертоги
Перезвонъ колокольниковъ.

Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое сентября 1898.

Новый недородъ хлѣбовъ и травъ.—Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1894 и 1895 гг.—Австрійское согласіе, какъ „весьма опасный и вредный“ видъ раскола.—Распространительное толкованіе понятія объ „особенно вредныхъ“ сектахъ и дѣлаемые изъ него выводы.—Фактическое ограниченіе и юридическое измѣненіе закона.—Штундизмъ и молоканство.—Бывшіе греко-уніаты и правила 2-го іюля 1898 г.—Православіе и лютеранство въ прибалтійскомъ краѣ.—Статистическія данныя о церковныхъ школахъ.—Новыя законодательныя мѣры.

Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, за первымъ неурожайнымъ годомъ слѣдуетъ второй. Пострадавшими оказываются въ нынѣшнемъ году отчасти тѣ же мѣстности (губерніи: тульская, орловская, саратовская), отчасти другія (губерніи: вятская, казанская, уфимская, самарская, симбирская); самый размѣръ недорода кое-гдѣ еще больше, чѣмъ въ прошломъ году. Велика потребность не только въ продовольственномъ хлѣбѣ, но и въ сѣменахъ, озимыхъ и яровыхъ, и въ кормахъ для скота. Къ обезпеченію населенія принимаются мѣры и администраціей, и земствомъ. Не обходится дѣло, однако, и безъ обычныхъ пререканій: для саратовской губерніи, напримѣръ, первоначальная ассигновка была сдѣлана, по представленію губернатора, безъ созыва чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, признаннаго почему-то несвоевременнымъ и неудобнымъ. Губернская земская управа отказалась, вслѣдствіе этого, принять на себя расходованіе ассигнованной суммы. Черезъ нѣсколько времени все-таки пришлось обратиться къ губернскому собранію. Въ рѣчи, произнесенной при его открытіи, губернаторъ выразилъ убѣжденіе, что „всякія ссуды въ губерніи должны быть выдаваемы по строго установленному правилу и *внѣ всякой зависимости отъ случайныхъ, быть можетъ, постановленій чрезвычайныхъ собраній*“ („Новое Время“, № 8061). Еслибы постановленія чрезвычайныхъ земскихъ собраній не могли имѣть никакого вліянія на назначеніе и распредѣленіе ссудъ, то незачѣмъ было бы, очевидно, и

созывать собранія. Слова саратовскаго губернатора, если только они вѣрно переданы газетой, указываютъ на существованіе какого-то крупнаго недоразумѣнія, не устраненнаго и прошлогоднимъ опытомъ. Мы надѣемся, однако, что помощь голодающимъ будетъ организована въ нынѣшнемъ году быстрѣе и полнѣе, чѣмъ въ минувшемъ. Въ прошломъ году существованіе обостренной нужды долго находилось подъ сомнѣніемъ: официально и окончательно оно было признано только въ концѣ марта. Это не могло не отражаться на характерѣ продовольственной помощи: она назначалась, сплошь и рядомъ, лишь послѣ повторенныхъ ходатайствъ и въ размѣрахъ значительно уменьшенныхъ. Барометръ „охранительной“ печати и осенью, и зимою держался если не высокихъ, то среднихъ линій, довольно точно, по обыкновенію, выражая собою настроеніе вліятельныхъ сферъ. Теперь онъ рѣшительно идетъ на пониженіе—и это заставляетъ думать, что вѣтеръ дуетъ не въ сторону оптимизма. Даже московская газета, еще недавно съ наибольшимъ упорствомъ игравшая роль „*médecin tant mieux*“, рѣшается говорить о возможности *голода* въ Поволжѣ. Правда, вслѣдъ за этимъ она печатаетъ статью, въ которой идетъ рѣчь о *преувеличенныхъ* опасеніяхъ—но характеристично уже и то, что на ея столбцахъ появляется слово, столь долго считавшееся запретнымъ.

Изъ числа мѣръ борьбы съ послѣдствіями неурожая всего настойчивѣе рекомендуются въ газетахъ общественныя работы. За нихъ стоятъ столь мало сходные между собою органы печати, какъ „С-Петербургскія Вѣдомости“ (№№ 168 и 169, статьи г. А. Стаховича) и „Московскія Вѣдомости“ (№ 212, статья г. Бодиско). Къ одинаковому выводу онѣ приходятъ, впрочемъ, весьма различными путями. Московская газета исходитъ изъ убѣжденія, что человѣкъ вообще, а русскій въ особенности: склоненъ къ лѣни и работать не любитъ; больше чѣмъ гдѣ-либо „лодырей“ именно въ Приволжѣ, т.-е. въ мѣстностяхъ, преимущественно пострадавшихъ отъ неурожая. Необходимо, поэтому, „при постановкѣ продовольственно-ссудно-благотворительнаго дѣла поставить его въ полную, непосредственную зависимость отъ установленной работы“; необходимо „принять самыя энергичныя мѣры къ выдѣленію нуждающагося труженика отъ не-нуждающагося и не желающаго трудиться тунеядца“. Петербургская газета, воздерживаясь отъ всякихъ огульныхъ обвиненій, видитъ въ общественныхъ работахъ просто средство поднять покупную способность населенія и допускаетъ, параллельно съ ними, выдачу ссудъ и пособій. Только при такомъ взглядѣ и возможно введеніе общественныхъ работъ въ общій планъ помощи голодающимъ. Считать устройство общественныхъ работъ *единственной* панацеей противъ нужды и приступать къ нему съ задней мыслью, что каждый отказывающійся работать—„лодырь“, котораго

нужно или оставить на произволъ судьбы, или *принудить* къ труду, значить рисковать цѣлымъ рядомъ ошибокъ, граничащихъ съ несправедливостью и даже жестокостью. Въ нынѣшнемъ году, впрочемъ, удобный моментъ для приступа къ общественнымъ работамъ уже упущенъ: въ большихъ размѣрахъ онѣ мыслимы только раннею осенью—а между тѣмъ объ организаци ихъ центральною властью до сихъ поръ ничего не слышно.

Опытъ 1891 и 1892 гг. раскрылъ съ достаточною ясностью громадное значеніе частной и общественной помощи голодающимъ, какъ ничѣмъ незамѣнимаго дополненія къ продовольственнымъ и сѣменнымъ ссудамъ. Въ прошломъ году эта помощь запоздала и именно потому не достигла широкихъ размѣровъ: слишкомъ долго оставалось нераскрытымъ настоящее положеніе дѣлъ, и даже тогда, когда его серьезность была признана официально, не было недостатка въ попыткахъ смягчить и скрасить горькую правду ¹⁾. По отношенію къ неурожаю текущаго года такихъ попытокъ, повидимому, будетъ меньше; но это еще не значить, что путь частной благотворительности окажется свободнымъ отъ препятствій и затрудненій. Противъ нея ведется систематическій походъ въ тѣхъ органахъ печати, которымъ ненавистны всѣ формы общественной самодѣятельности. Не отрицая, теперь, нужду, они стараются заподозрить помощь. Въ выборѣ средствъ господствуетъ, при этомъ, полнѣйшая неразборчивость. Государю Императору благоугодно было пожертвовать, въ началѣ лѣта, пятьсотъ тысячъ рублей въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ недорода 1897 года. Казалось бы, что чувство благодарности и нравственнаго удовлетворенія, вызываемое этою Высочайшею милостью, не оставляетъ мѣста ни для какого другого. Публицистамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ удалось, однако, совмѣстить несовмѣстимое. Какъ настоящіе преемники льстецовъ, заклеименныхъ, нѣкогда, нашимъ великимъ поэтомъ, они присоединили къ выраженіямъ восторга злобную выходку противъ „тѣхъ общественныхъ начинаній, которыя, подѣ предлогомъ помощи народной нуждѣ, умышленно раздуваемой до размѣровъ какого-то колоссальнаго бѣдствія, являются лишь средствомъ для проведенія партійныхъ интересовъ и интригъ“. Какое дѣло мнимымъ „охранителямъ“ до того, что именно „общественнымъ начинаніямъ“ принадлежитъ заслуга возбужденія тревоги, обнаружившей необходимость усиленной

¹⁾ Какъ сильно, во многихъ мѣстностяхъ, пострадало благосостояніе народа, это видно, между прочимъ, изъ того, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 52 селеніяхъ воронежской губерніи зарегистрировано 102 случая цинги; въ маѣ, въ 50 селеніяхъ—84 случая; въ іюнѣ, въ 65 селеніяхъ—99 случаевъ. Число случаевъ куриной слѣпоты въ той же губерніи: въ мартѣ—2.490, въ апрѣлѣ—3.532, въ маѣ—4.269, въ іюнѣ—3.715 („Новое Время“, № 8066).

помощи! Это начинанія *общественныя*—и, слѣдовательно, предосудительныя, неблагонамѣренныя; въ нихъ нужно найти во что бы ни стало заднюю мысль, которою оправдывались бы „мѣры предупрежденія и пресѣченія“... Нѣсколько дипломатичнѣе стремится къ той же цѣли одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“, г. Бодиско: „Возможность голода въ Поволжьѣ (№ 206) нельзя назвать голодомъ въ настоящемъ смыслѣ; была нужда кое-гдѣ довольно сильная, но *голода* все-таки не было, почему нужно думать, что часть благотворительныхъ суммъ едва-ли не была роздана не вполне производительно („довольно сильная“ нужда вовсе, значитъ, не заслуживаетъ помощи?). Кстати: вѣдь этихъ суммъ въ общемъ накопилось очень много; то, что пошло черезъ Красный Крестъ, несомнѣнно было израсходовано цѣлесообразно, такъ какъ всѣ расходы производились при посредствѣ мѣстной администраціи и общества; кромѣ того, этимъ суммамъ ведется правильная отчетность. Но интересно знать, какъ употреблены весьма значительныя суммы, поступившія, напримѣръ, чрезъ посредство редакцій газетъ и разныхъ обществъ для раздачи нуждающимся? Гдѣ, кому, когда и сколько роздано, черезъ кого и при чемъ посредствѣ? Думаю, что жертвователямъ было бы интересно получить объ этомъ свѣденія“... Умыслъ тутъ совершенно ясенъ: требуется возбудить недовѣріе къ частной благотворительности—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воскурить ейміамъ передъ такимъ официальнымъ учрежденіемъ, какъ общество Краснаго Креста. На самомъ дѣлѣ отнюдь не меньшей гарантіей, чѣмъ формальная отчетность, служить для жертвователей увѣренность въ томъ, что учрежденіе или лицо, къ которому они направляютъ свои взносы, съумѣетъ распорядиться ими разумно и цѣлесообразно. И въ 1891-93 гг., и въ прошломъ году, существовали на мѣстахъ небольшіе центры помощи, къ которымъ стекались пожертвованія, отчасти прямо, отчасти черезъ посредство газетъ или обществъ. Лицу или лицамъ, организующимъ и распределяющимъ помощь, извѣстенъ и близокъ былъ здѣсь каждый, ее получающій; между помогающими и получающими помощь образовалась связь, переживавшая иногда острый періодъ нужды; взаимное довѣріе устраняло надобность въ сложной бухгалтеріи. За всѣ неурожайныя періоды послѣдняго времени не было, сколько намъ извѣстно, ни одного случая, когда бы возникло хоть малѣйшее сомнѣніе въ добросовѣстномъ употребленіи средствъ, собранныхъ для помощи голодающимъ. Не возникаетъ такихъ сомнѣній и теперь—но реакціонной печати хотѣлось бы возбудить ихъ, чтобы подорвать въ корнѣ дальноѣйшія „общественныя начинанія“. Мы вполне убѣждены, что общества и редакціи, собиравшія пожертвованія, могутъ дать въ нихъ **самый** подробный отчетъ,—и дадутъ его, какъ только въ томъ окажется **надобность**; но отъ клеветы, хотя бы она не шла дальше намековъ,

всегда что-нибудь остается, и сѣятели подозрѣній трудятся не совсѣмъ напрасно... Въ довершеніе бѣды, имъ въ руку играютъ и такіе органы печати, которые не принадлежатъ къ числу систематическихъ противниковъ общественной инициативы. „Частныя начинанія въ столицахъ по организаціи центровъ для распредѣленія пожертвованій на мѣстахъ“—увѣряетъ „Новое Время“ (№ 8040)—„не удались, частью по недостаточной точности свѣденій для цѣлесообразной послышки помощи, частью вслѣдствіе неопытности лицъ, посланныхъ для раздачи пособій, при чемъ замѣчалось, что иногда наилучшія намѣренія благотворителей извращались при исполненіи посланными отъ нихъ. Кромѣ того, издержки на подобныя командировки могли покрываться только изъ пожертвованій же для потерпѣвшихъ отъ неурожая, что, конечно, сокращало размѣръ помощи. Эти случайныя и временныя обстоятельства были исправлены съ той поры, какъ въ дѣло вступилъ, въ качествѣ главнаго распорядителя, Красный Крестъ, съ своею превосходною, широкою и дисциплинированою мѣстною организаціею“. Мы желали бы знать, на какихъ фактахъ строятся поспѣшныя и неосторожныя обобщенія газеты? На какомъ основаніи она считаетъ себя въ правѣ утверждать, что не удались „частныя начинанія въ столицахъ по организаціи центровъ помощи“? Такихъ начинаній было немало, многія изъ нихъ вовсе не дѣлались гласными; откуда же газета освѣдомилась о ихъ результатѣ? Почему она упускаетъ изъ виду сообщенія совершенно противоположнаго свойства, проникшія въ печать—напр., извѣстія о „центрахъ помощи“, съ большимъ успѣхомъ созданныхъ, благодаря, отчасти, столичнымъ средствамъ, г. Стаховичемъ—въ елецкомъ уѣздѣ, г. Хрущовымъ—въ мценскомъ, г. Писаревымъ—въ епифанскомъ? Когда и гдѣ намѣренія благотворителей извращались ихъ посланными? Когда и гдѣ „командировки“ для раздачі пожертвованныхъ суммъ оплачивались изъ этихъ же суммъ? Возможность такихъ случаевъ мы не отрицаемъ, но это могли быть только единичныя исключенія; общимъ правиломъ, въ организаціи частной помощи голодающимъ, была всегда и вездѣ безвозмездность личнаго труда. Съ которыхъ поръ, наконецъ, въ дѣлѣ благотворительности „дисциплина“ цѣнится выше добровольнаго служенія, часто доходящаго до самопожертвованія? Мы вполне признаемъ важное значеніе Краснаго Креста, какъ учрежденія, располагающаго большими средствами, многочисленнымъ персоналомъ и—last, not least—полнѣйшимъ довѣріемъ администраціи; но мы думаемъ, что дѣятельность его органовъ, по своей жизненности, интенсивности, приспособляемости къ обстоятельствамъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ сравняться съ дѣятельностью хорошо организованныхъ частныхъ „центровъ помощи“. Это зависитъ не отъ недостатковъ его устройства, а отъ свойствъ благотворитель-

ности, въ области которой нѣтъ орудія болѣе могущественнаго, чѣмъ свобода... Какъ бы то ни было, задача всѣхъ тѣхъ, кому дорого народное благо, состоитъ въ настоящее время въ мобилизаціи и дружномъ единеніи *всѣхъ* силъ, способныхъ помочь народной бѣдѣ и народному горю. Правительство, земство, официальные и полу-официальные общества, органы печати, кружки и группы, отдѣльные лица—для всѣхъ найдется дѣло въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая. Съ глубокимъ сожалѣніемъ, поэтому, мы прочли въ газетахъ извѣстіе о томъ, что учрежденный при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая, по приглашенію г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, закрытъ, а потому пріемъ при обществѣ пожертвованій для вышеозначенной цѣли прекращенъ...

Съ обычною аккуратностью вышелъ въ свѣтъ, мѣсяца три тому назадъ, всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1894 и 1895 гг., заключающій въ себѣ, какъ и всегда, много интересныхъ данныхъ. Расколу отведено, на этотъ разъ, сравнительно мало мѣста; ничего не говорится о совокупности ограничительныхъ и принудительныхъ мѣръ, на необходимость которыхъ указывалъ, хотя и не прямо, отчетъ за 1892 и 1893 гг.¹⁾; но двѣ точки зрѣнія на расколъ, съ которыми намъ постоянно приходилось встрѣчаться въ предыдущихъ отчетахъ, остаются, по прежнему, непримиренными между собою. Упорнымъ и безусловно враждебнымъ православію расколъ, по словамъ отчета, является въ особенности тамъ, гдѣ „мѣстныя условія—громадныя малонаселенныя пространства, лѣсныя чащи и болота, горы, сибирскія тайги—даютъ ему возможность укрыться отъ проповѣдниковъ и служителей православной церкви... Пройдетъ еще не мало времени, пока эти мѣста окажутся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. въ достаточной степени заселятся, увидать православныя храмы Божіи и съ ними церковныя школы; только тогда расколъ въ этихъ мѣстахъ потеряетъ свою силу, нынѣ еще трудно одолѣимую“. Здѣсь намѣчается, такимъ образомъ, постепенная, мирная борьба съ расколомъ, не рассчитывающая на быстрый успѣхъ, направленная всецѣло къ измѣненію условій, среди которыхъ живутъ раскольники. Храмъ и школы, какъ источники духовнаго просвѣщенія—вотъ единственныя средства, отъ которыхъ ожидается успѣхъ.

¹⁾ См. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „В. Европы“ за 1896 г., а о болѣе раннихъ отчетахъ—см. № 3 за 1886 г.; № 2 за 1887 г.; № 3 за 1888 г.; № 3 за 1889 г.; № 6 за 1890 г.; № 6 за 1892 г.; № 7 за 1894 г.

Что такое ожиданіе не напрасно—это подтверждаетъ констатируемое отчетомъ ослабленіе раскола подъ вліяніемъ миссіонерскихъ бесѣдъ и церковно-приходской школы. Мы узнаемъ, что церковная школа находитъ иногда благопріятную почву даже въ деревняхъ, имѣющихъ почти сплошное раскольниковъ населеніе (напр., въ дер. Камельчикѣ, калужскаго уѣзда),—т.-е. именно тамъ, гдѣ, по словамъ отчета, расколъ отличается особымъ упорствомъ. Въ другомъ мѣстѣ (с. Агатово, пензенской епархіи) дѣти раскольниковъ продолжаютъ посѣщать церковно-приходскую школу, несмотря на угрозы вожаковъ раскола. Не менѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу податливости раскола на увѣщаніе и убѣжденіе является распространеніе единовѣрія, къ которому обратилось, напримѣръ, сразу до 2.000 раскольниковъ-бѣглопоповцевъ въ Червленной станицѣ, терской области. Со всѣми этими фактами мало гармонируетъ проводимая въ отчетѣ мысль о вредѣ и опасности льготъ, предоставленныхъ расколу—напримѣръ, наиболѣе многочисленному отдѣлу поповщины, такъ называемой австрійщинѣ или австрійской (бѣлокриницкой) сектѣ. „Поповщинская австрійская секта“—читаемъ мы въ отчетѣ—„имѣетъ, по внѣшнему виду такую же трехчинную іерархію, какъ и церковно-православная. Вслѣдствіе сего въ ней совершаются внѣшнимъ видомъ, хотя и незаконно, всѣ таинства. Во многихъ городахъ имперіи у послѣдователей этой секты существуютъ большія моленные, украшенныя съ большимъ благолѣпіемъ и даже роскошью и по внутреннему устройству близко сходныя съ православными храмами. Въ этихъ моленныхъ раскольниковскіе лжеіереи и лжеархіереи облачаются въ такія же священныя одежды, какъ и священно-служители церкви православной. Это внѣшнее сходство австрійской секты съ церковью православною дѣлаетъ ее *весьма опасною* сектою... Кромѣ того, австрійская секта является *вредною* и въ томъ отношеніи, что ея лжеіереи и лжеархіереи пользуются полною свободою не только при отправленіи службъ, но и для переѣздовъ по Россіи, предпринимаемыхъ ими для утвержденія своихъ единомышленниковъ и совращенія православныхъ“. Источникомъ вреда и опасности выступаютъ, такимъ образомъ, именно тѣ права, которыя дарованы раскольникамъ закономъ 3-го мая 1883 г. Разрѣшивъ раскольникамъ имѣть моленные, законъ не регулировалъ ни ихъ размѣры, зависящіе, очевидно, отъ числа раскольниковъ въ данной мѣстности, ни степень внутреннего ихъ благолѣпія, зависящую отъ матеріальныхъ средствъ раскольниковскаго населенія и отъ усердія его къ своей вѣрѣ. Установить, въ томъ или другомъ отношеніи, какія-либо предѣльныя нормы, значило бы извратить характеръ мѣры, необходимость которой была признана правительствомъ послѣ продолжительнаго опыта, и отнять, если можно такъ выразиться, по ча-

стать только-что данное въ цѣломъ. Изъ права на большее само собою вытекаетъ право на меньшее: изъ права на моленную вытекаетъ право на иконостасъ; изъ права на иконостасъ—право на украшеніе иконъ золотыми ризами или драгоценными камнями; изъ права на совершеніе богослуженія не вытекаетъ ли само собою право на облаченіе въ богослужебныя одежды. Недалеко еще отъ насъ то время, когда раскольниковъ моленныхъ, существуя внѣ закона, подъ ежеминутной угрозой закрытія, помѣщались чуть не въ подвалахъ, а ихъ убранство сводилось къ минимуму, вслѣдствіе постоянного риска конфискаціи — и это было временемъ наибольшей приверженности раскольниковъ къ своему ученію. Какъ бы роскошна ни была обстановка официально дозволенной моленной, чувства, ею возбуждаемыя, едва ли интенсивнѣе тѣхъ, которыя внушала когда-то страхъ за самыя скромныя принадлежности богослуженія... Если внутреннее устройство „австрійскихъ“ моленныхъ сходно съ устройствомъ православныхъ храмовъ, если іерархія „австрійщины“ трехчинна на подобіе православной, то это коренится въ исторіи раскола, въ отличительныхъ чертахъ поповщины, неустранимыхъ насильственными или принудительными мѣрами. Когда идетъ рѣчь о сектанствѣ въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. о „раціоналистическо-мистическихъ“ ученіяхъ, „отрицающихъ не только внѣшнюю форму православной церкви, но и самое существо православной вѣры, они признаются опасными именно въ виду громаднаго разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ православія; можно ли, затѣмъ, усматривать опасность и въ явленіяхъ прямо противоположнаго свойства? Вѣдь если обряды и іерархическій строй поповщины напоминаютъ собою соответствующія черты православной церкви, то именно въ этомъ лежитъ залогъ исчезновенія раскола, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Не даромъ же между расколомъ (понимаемымъ въ смыслѣ старообрядства) и церковью существуетъ посредствующая ступень (единовѣріе), немыслимая между церковью и сектантствомъ... Въ одной изъ епархій, по словамъ отчета, „не только православные изъ простого народа, но даже иные изъ православныхъ высшаго состава не отличаютъ жесвященниковъ раскольниковъ отъ священниковъ православной церкви“. Какимъ образомъ это можетъ случиться—понять довольно трудно. Ясныхъ и яркихъ отличій между церковью и расколомъ законъ 3 мая 1883 г. сохранилъ не мало. Какъ раскольниковская моленная не можетъ имѣть наружнаго вида православнаго храма, такъ и раскольниковскій попъ не можетъ—внѣ моленной, гдѣ его видятъ только одни раскольники ¹⁾—

¹⁾ Въ отчетѣ упоминается о *публичномъ* совершеніи жєархієпископомъ Савваіємъ богослуженія въ *домовой* его церкви, на огородахъ Покровскаго монастыря, а

напоминать своею внѣшностью православнаго священника. Для раскола недоступно все то, что имѣетъ характеръ *оказательства*, т.-е. открытаго заявленія особенностей¹⁾; этого одного достаточно, чтобы устранить возможность смѣшенія его съ господствующею церковью. Еще болѣе нагляднымъ напоминаніемъ объ отрицательномъ отношеніи власти къ расколу служатъ строгія наказанія, назначенныя за пропаганду. Еслибы „австрійскіе“ лжеіереи и лжеархіереи пользовались своими переѣздами по Россіи для совращенія православныхъ, то это едва ли долго могло бы оставаться тайной—а будучи раскрыто, конечно, не избѣжало бы уголовного преслѣдованія. Изъ того, что о такихъ преслѣдованіяхъ не слышно, позволительно заключить, что разъѣзды руководителей „австрійщины“ не имѣютъ другой цѣли, кромѣ „утвержденія ихъ единомышленниковъ“—а этого имъ запретить нельзя, пока не поколеблена относительная терпимость, установленная закономъ 3-го мая. Свобода передвиженія ограничена этимъ закономъ только для скопцовъ.

Чтобы понять всю серьезность указаній на *опасность* и *вредъ* „австрійщины“, необходимо обратиться къ той части отчета обер-прокурора св. синода, которая касается штундизма. Отчетъ „привѣтствуетъ съ радостью“ изданіе, въ 1894 г., „новаго закона“, признавашаго штунду сектой „наиболѣе вредной“ и воспретившаго ея послѣдователямъ общественныя молитвенныя собранія. Провозглашеніе той или другой секты особенно вредною является такимъ образомъ, какъ бы предвѣстіемъ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ уже не противъ ея распространенія, а противъ самого ея существованія. Угроза подобныхъ мѣръ виситъ, очевидно, и надъ австрійскимъ согласіемъ, разъ что ему приписывается характеръ *весьма опасный* или даже (по выраженію одного изъ преосвященныхъ, приведенному въ отчетѣ) „наиболѣе опасный и вредный для православія“²⁾. При такомъ положеніи дѣла болѣе чѣмъ когда-либо важно было бы опредѣлить настоящее значеніе закона 3 мая 1883 г. и отношеніе его къ послѣдующимъ актамъ правительственной власти. Закономъ, по основнымъ

также о *публичномъ* отправленіи раскольниковской службы въ часовняхъ Рогожскаго кладбища; но ко всему совершающемуся въ стѣнахъ раскольниковской моленной или часовни едва ли приложимъ эпитетъ *публичный*.

¹⁾ Исключеніе, какъ указано въ отчетѣ, составляетъ, въ этомъ отношеніи, часть Бессарабіи, вновь присоединенная къ Россіи въ 1878 г.; но въ исключеніемъ подтверждается правило.

²⁾ „Въ послѣднее время“—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ отчета—„австрійская секта усиленно стала стремиться объединить съ собою другія секты, что дѣлаетъ ее еще болѣе опасною и вредною для церкви и *государства*“. Понятно, что этимъ послѣднимъ словомъ значительно обостряется все сказанное раньше противъ австрійскаго согласія.

началамъ нашего права, можетъ считаться только Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта; законъ, однажды получившій силу, отмѣняется и измѣняется не иначе, какъ другимъ закономъ, въ такомъ же порядкѣ изданнымъ. Все это примѣнимо вполне къ реформѣ 1883 г., облеченной въ форму Высочайше утвержденного мнѣнія государственнаго совѣта; но запрещеніе штундистскихъ молитвенныхъ собраній воспослѣдовало, въ 1894 г., въ видѣ Высочайше утвержденного положенія комитета министровъ—и *новымъ закономъ* названо, слѣдовательно, быть не можетъ. Между тѣмъ, дѣйствіе перваго изъ этихъ постановленій значительно ограничено, т.-е. измѣнено послѣднимъ. Въ законѣ 3-го мая 1883 г., какъ это прямо признано комитетомъ министровъ, не содержится разграниченія сектъ на болѣе или менѣе вредныя, вслѣдствіе чего послѣдователи штунды могли „разсчитывать на тѣ права и льготы, которыя предоставлены обыкновеннымъ раскольникамъ“, и самое преслѣдованіе ихъ на почвѣ вышеупомянутаго закона представлялось „крайне затруднительнымъ“. Логическимъ выводомъ отсюда могъ бы быть только пересмотръ, въ законодательномъ порядкѣ, закона 3-го мая 1883 года; но на самомъ дѣлѣ былъ избранъ иной путь, и для штундистовъ было создано такое правоограниченіе, котораго не знаетъ законъ, формально остающійся въ полной силѣ¹⁾. Если такимъ же путемъ будутъ установлены такія же или аналогичныя стѣснительныя мѣры по отношенію къ раскольникамъ австрійскаго согласія, а затѣмъ и ко всѣмъ раскольникамъ вообще, то законъ 3 мая 1883 г., продолжая занимать свое прежнее мѣсто въ статьяхъ свода, утратитъ всякое значеніе въ дѣйствительной жизни; права раскольниковъ, и теперь во многомъ зависящія отъ усмотрѣнія, уцѣлѣютъ только на бумагѣ. А возможность такого результата отрицать, повидимому, нельзя. Даже тогда, когда у насъ господствовало безусловно отрицательное отношеніе къ расколу, поповщина, по официальной терминологіи, именовалась сектой „менѣе вредной“. Если главный ея отдѣлъ признается теперь „весьма опаснымъ“, „наиболѣе опаснымъ и вреднымъ“, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ ту же категорію могутъ быть подведены и всѣ остальные раскольническіе толки, и, тѣмъ болѣе, всѣ безъ исключенія раціоналистическо-мистическія секты. *Особенно вреднымъ* окажется, такимъ образомъ, расколъ и сектантство *вообще*-- а образъ дѣйствій противъ

¹⁾ Подробно разбирая въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обозрѣній (1895 г. № 1) юридическіе вопросы, вытекающіе изъ положенія комитета министровъ 4 іюля 1894 г., мы имѣли уже случай замѣтить, что въ *текстѣ закона* 1883 г. предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ опредѣлять, къ какимъ именно сектамъ онъ можетъ быть примѣняемъ, *включено не было*--а молчаніе закона не можетъ быть восполняемо соображеніями, имѣвшимися въ виду при его обсужденіи.

„особенно вредныхъ“ вѣроученій предначертанъ съ одной стороны положеніемъ комитета министровъ 4 іюля 1894 г., съ другой—многочисленными указаніями прежнихъ отчетовъ оберъ-прокурора св. синода... Намъ могутъ замѣтить, что мы придаемъ слишкомъ большую важность чисто внѣшнему различію между закономъ и другими актами власти: вѣдь не лучше же будетъ для раскольниковъ—и для всѣхъ. кому дорога вѣротерпимость,—если на будущее время, вмѣсто дальнѣйшаго административнаго ограниченія, въ ширину и въ глубину данныхъ раскольникамъ льготы, эти льготы, всѣ или отчасти, будутъ уничтожены въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. *закономъ* 3 мая 1883 г. будетъ отмѣненъ или измѣненъ новымъ *закономъ*? Конечно, фактический результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ бы одинъ и тотъ же, и ущербъ вѣротерпимости, причиненный *закономъ*, былъ бы даже, пожалуй, труднѣе вознаградимъ; но формальная отмѣна закона, хотя бы въ одной лишь его части сопряжена, обыкновенно, съ большими затрудненіями, чѣмъ ограниченію его дѣйствія путемъ чрезвычайнымъ. Въ особенности это можно сказать о законѣ 3 мая 1883 г. Онъ относится не къ эпохѣ великихъ реформъ, отъ которыхъ не осталось теперь камня на камнѣ, а къ такому періоду времени, созданія котораго пользуются до сихъ поръ непоколебимымъ авторитетомъ. Онъ изданъ не въ моментъ напряженной прогрессивной дѣятельности, а въ моментъ ярко обрисовавшейся уже реакціи. Онъ носитъ на себѣ, поэтому, не печать теоретической мысли, а печать практическаго благоразумія; онъ является результатомъ опыта, одержавшаго верхъ надъ предубѣжденіемъ. Онъ имѣлъ, наконецъ, характеръ дара, приуроченнаго къ радостному торжеству. По всѣмъ этимъ причинамъ его, очевидно, гораздо легче и удобнѣе обходить, чѣмъ сдвинуть съ мѣста. Еслибы, притомъ, по отношенію къ нему былъ прямо поставленъ вопросъ: быть или не быть, то за него громко заговорило бы простое сравненіе между вѣками преслѣдованій, скорѣе увеличившимися, чѣмъ уменьшившимися силу раскола, и послѣднимъ пятнадцатилѣтіемъ, несомнѣнно поколебавшимъ его устойчивость. Весьма характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, слѣдующій фактъ: въ нѣсколькихъ селеніяхъ одесскаго уѣзда штундисты раздѣлились на старо-штундистовъ и младо-штундистовъ. Первые „по прежнему относятся къ православной церкви съ фанатическою ненавистью; послѣдніе чужды грубыхъ штундистскихъ воззрѣній на православную церковь, іерархію и церковную обрядность, посѣщаютъ православное богослуженіе и миссіонерскія бесѣды; дѣти ихъ посѣщаютъ школы, изучаютъ молитвы и осѣняють себя крестнымъ знаменіемъ“. Не объясняется ли эта разница, между прочимъ, именно тѣмъ, что младо-штундисты не переживали времени,

предшествовавшего изданію закона 3 мая 1883 года, и остались свободными отъ его гнетущихъ впечатлѣній?

Инициатива преслѣдованія за совращеніе въ расколъ или за открытую его пропаганду принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, духовенству. Ничто не мѣшало бы, слѣдовательно, включать въ отчеты по вѣдомству православнаго исповѣданія точныя данныя о дѣлахъ этого рода, возбужденныхъ въ теченіе отчетнаго періода и получившихъ окончательное разрѣшеніе. Такія свѣденія были бы весьма важнымъ дополненіемъ къ общимъ выводамъ, на которыхъ останавливается отчетъ. Отличительная черта штундизма, по словамъ отчета—это „фанатическая ревность и безграничная настойчивость послѣдователей его въ пропагандѣ. Имѣя всегда при себѣ евангеліе, штундисты не пропускаютъ ни малѣйшаго случая для распространенія своей ереси. При всякой встрѣчѣ съ православнымъ они стараются завести разговоръ о вѣрѣ и выставляютъ на видъ мнимую правоту и преимущества своего лжеученія, поддѣрживая свои доводы чтеніемъ подходящихъ мѣстъ Св. Писанія и тенденціознымъ ихъ толкованіемъ. Они ходятъ для этого и по домамъ православныхъ, а иные прямо и открыто проповѣдуютъ свое лжеученіе на улицахъ, площадяхъ и базарахъ“. Очевидно, что при такомъ образѣ дѣйствій штундистовъ десятки, если не сотни ихъ должны быть привлекаемы ежегодно къ судебной отвѣтственности; суды, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, должны быть переполнены дѣлами о штундистахъ. Никакихъ подробныхъ указаній по этому предмету отчетъ, однако, не даетъ, ограничиваясь приведеніемъ двухъ конкретныхъ фактовъ: „въ дер. Малегоновой, тираспольскаго уѣзда (херсонской губерніи), одинъ штундистъ съ крайнимъ нахальствомъ врывается въ домъ одной бѣдной православной вдовы и совращалъ въ штунду ея четырехъ малолѣтнихъ дѣтей; въ дер. Ново-павловкѣ, херсонскаго уѣзда, среди дѣтей православныхъ пропаганду ведутъ дѣти штундистовъ“. Въ послѣднемъ случаѣ, за малолѣтствомъ виновныхъ, судебное преслѣдованіе едва ли могло состояться; но первый случай вѣроятно доходилъ до суда, рѣшеніе котораго въ отчетѣ не упомянуто.

Къ числу наиболѣе вредныхъ сектъ отчетъ относитъ и молоканство, какъ „ересь противъ-церковную, отрицающую таинства и обряды“. Противъ-церковными могутъ быть названы всѣ ереси и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, всѣ виды раскола; едва ли, поэтому, самое свойство противъ-церковности можетъ считаться доказательствомъ *особаю* вреда, приносимаго ересью. Если *наиболѣе* вредными признаются въ одно и то же время и ученія, не допускающія таинствъ и обрядовъ, и ученія, придающія имъ, наоборотъ, величайшую важность (*припомнимъ* сказанное выше объ австрійскомъ согласіи), то понятіе

о *наибольшемъ* вредѣ сливается съ понятіемъ о расколѣ или ереси вообще, т.-е. создается логическая основа для полной отмѣны льготъ, предоставленныхъ послѣдователямъ ересей и расколовъ. „Молокане“, читаемъ мы дальше, „иногда отказываются платить подати и постав-
лять рекрутовъ, и только страхъ и боязнь неизбежнаго наказанія удерживаетъ ихъ отъ открытаго противленія законамъ. Молокане учатъ, что нужно укрывать у себя всѣхъ прибѣгающихъ подъ ихъ кровъ военныхъ дезертировъ и другихъ преступниковъ“. Если молокане *иногда* отказывались отъ платежа податей и поставки рекрутъ (по-
слѣднее выраженіе заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о времени, предшествующемъ введенію всеобщей воинской повинности), то это были, очевидно, лишь частные случаи, выразившіе собою не общее вѣрованіе секты, а мнѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея членовъ. По-
чему всѣ остальные молокане подчиняются, въ отбываніи повинностей и платежѣ податей, требованіямъ власти—вслѣдствіе ли страха или подъ влияніемъ какихъ-либо иныхъ побужденій—это дѣло ихъ совѣсти, недоступной для чужого глаза. Судить о мотивахъ можно только на основаніи предположеній, а предположенія, въ государственной жизни, не должны служить исходной точкой для правоограниченій. Старин-
ный афоризмъ: *in dubio mitius*—имѣетъ силу не только въ области уголовного права; онъ охраняетъ и общественныя группы, образъ мыслей которыхъ навлекаетъ на себя подозрѣніе государственной власти. Прежде, чѣмъ сдѣлаться источникомъ мѣропріятій, подозрѣніе должно перейти въ увѣренность, а для такой увѣренности недоста-
точно догадокъ, недостаточно даже единичныхъ фактовъ: она тре-
буетъ доказаннаго соотношенія между вѣроученіемъ и нарушеніемъ государственныхъ законовъ, какъ между причиной и неизбежнымъ ре-
зультатомъ. Если между молоканами и существуетъ *мнѣніе* о правѣ бѣглыхъ и дезертировъ на убѣжище, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это мнѣніе переходило въ *дѣйствія*. Молокане живутъ оскѣдо
и открыто, на глазахъ у властей и сосѣдей, часто относящихся къ нимъ недружелюбно: трудно допустить, чтобы въ ихъ средѣ система-
тически или даже спорадически практиковалось укрывательство пре-
ступниковъ. Нѣчто подобное возможно только между странниками (бѣ-
гунами), не поддающимися, по самому характеру своего ученія, адми-
нистративному надзору; но съ молоканами у странниковъ нѣтъ ни-
чего общаго, и послѣдніе совершенно правильно упоминаются въ
отчетѣ подъ рубрикой не сектантства, а раскола.

Молоканѣ, по словамъ отчета, особенно много въ гор. Благовѣ-
щенскѣ (въ Приморской области Сибири). Въ 1894 г., сектанты вошли
въ благовѣщенскую городскую думу съ просьбою о даровой уступкѣ
участка земли, величиною въ цѣлый кварталъ, для устройства молит-

веннаго дома. „Можно было полагать,—читаемъ мы въ отчетѣ,—что православные представители постоятъ за дорогіе, жизненные для нихъ интересы, дадутъ отпоръ притязаніямъ молоканской партіи, и просьба сектантовъ будетъ оставлена безъ вниманія и всякихъ послѣдствій. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло не такъ: большинство православныхъ гласныхъ, частію чувствуя свою зависимость отъ сектантовъ при выборѣ въ гласные и на общественныя должности, частію вслѣдствіе печальнаго непониманія связанныхъ съ актомъ уступки земли вредныхъ послѣдствій для православнаго населенія города, вмѣстѣ съ городскимъ головою, всецѣло обязаннымъ своей карьерой сектантамъ и не отличающимся по своему умственному развитію отъ послѣднихъ, оказались покровителями сектантства. Безъ всякихъ разсужденій дума рѣшила отвести участокъ земли сектантамъ для устройства ими молитвеннаго дома, на томъ простомъ основаніи, что отводила землю православнымъ, католикамъ и протестантамъ для устройства храмовъ. Когда же одинъ изъ гласныхъ, возражая противъ такого рѣшенія, выяснилъ различіе между религіей и сектой и указалъ на вредныя послѣдствія и незаконность подобнаго рѣшенія, ссылаясь, между прочимъ, на то, что и коренные раскольники не имѣютъ права строить молитвенные дома безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, дума измѣнила необдуманное первоначальное рѣшеніе и окончательно формулировала свое постановленіе условно: отвести безвозмездно сектантамъ половину квартала для устройства молитвеннаго дома, если они получаютъ разрѣшеніе на подобное устройство отъ министра внутреннихъ дѣлъ“. Замѣтимъ, прежде всего, что второе постановленіе думы не можетъ быть названо, въ сущности, измѣненіемъ перваго. И въ томъ, и въ другомъ, говорится только о безвозмездномъ отводѣ участка городской земли подъ молоканскій молитвенный домъ. Дальше этого дума не могла идти, да и не шла: разрѣшить самое устройство молитвеннаго дома она была не въ правѣ, и ничего похожаго на то въ первомъ ея постановленіи, повидимому, и не заключалось. Оговорка, прибавленная ко второму постановленію, разумѣлась, собственно говоря, сама собою: безъ нея, какъ и при ея наличности, постройка молитвеннаго дома одинаково нуждалась въ предварительномъ дозволеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Точка зрѣнія думы, при подобныхъ условіяхъ, съ самаго начала не могла не быть чисто хозяйственною: соображенія политическаго и полицейскаго характера она могла оставить въ сторонѣ, какъ касающіяся другой, высшей власти. Отъ этой власти, а не отъ думы, зависѣло опредѣлить, угрожаетъ ли устройство молитвеннаго дома какими-либо вредными послѣдствіями для православнаго населенія города. Оставаясь въ предѣлахъ своей компетенціи, дума имѣла полное право рассу-

дать такъ: между жителями города много молоканъ ¹⁾; у нихъ есть потребность въ молитвенныхъ собраніяхъ, а слѣдовательно и въ помѣщеніи для такихъ собраний, болѣе или менѣе соотвѣтствующемъ ихъ численности; законъ допускаетъ существованіе расколическихъ и сектантскихъ молитвенныхъ домовъ, и изъ этого общаго правила не сдѣлано исключенія по отношенію къ молоканамъ; нѣтъ, затѣмъ, причины отказать молоканамъ въ просьбѣ объ участкѣ земли, на которомъ они могли бы построить молитвенный домъ, тѣмъ болѣе, что на пользованіе городскою землею они, платя всѣ городскіе сборы и неся всѣ городскія повинности, имѣютъ такое же право, какъ и другіе жители города. Съ этой точки зрѣнія городская дума несомнѣнно могла усмотрѣть аналогію между молоканскимъ молитвеннымъ домомъ и католическимъ или протестантскимъ храмомъ. Для православныхъ жителей города какъ тотъ, такъ и другіе одинаково чужды — но они нужны для отдѣльныхъ группъ населенія, исповѣдующихъ другія религіозныя ученія, и этого достаточно, чтобы объяснить и оправдать заботу православнаго большинства объ интересахъ иновѣрнаго меньшинства, во всѣхъ различныхъ его оттѣнкахъ. Какому изъ нихъ можетъ быть дозволено, въ каждомъ данномъ случаѣ, возведеніе молитвеннаго зданія—это вопросъ, не подлежащій вѣденію городского управленія. Едва ли, наконецъ, вина городской думы можетъ быть усмотрѣна въ *безвозмездномъ* характерѣ уступки; еслибы она рѣшила *продать* подъ молоканскій молитвенный домъ участокъ городской земли, то, вѣроятно, навлекла бы на себя еще болѣе сильныя нареканія... Быть можетъ, рѣшенію благовѣщенской городской думы способствовала, *de facto*, зависимость большинства православныхъ гласныхъ отъ молоканъ; но столь же возможно и то, что гласные руководились просто убѣжденіемъ въ справедливости просьбы, съ которою обратились къ нимъ молокане. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о благовѣщенскомъ городскомъ головѣ, вовсе, быть можетъ, не заслуживающемъ суроваго отзыва, выпавшаго на его долю въ официальномъ документѣ...

Особенный интересъ приобрѣтаетъ, въ виду недавно изданныхъ „правилъ для руководства при разсмотрѣніи и рѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ холмско-варшавской епархіи“, то мѣсто отчета оберъ-прокурора св. синода, которое касается этой группы населенія. Отчетъ констатируетъ „упорное отчужденіе отъ православной церкви значительной части бывшихъ греко-уніатовъ и стремленіе ея къ переходу въ католицизмъ. Число упорствующихъ въ 1895 г. про-

¹⁾ Гласные благовѣщенской городской думы (числомъ 34) распределяются почти поровну между православными и молоканами: первыхъ 18, послѣднихъ—16.

стиралось до 73.175 душъ.—„Вся эта масса коснѣющихъ въ униатскихъ и католическихъ заблужденіяхъ или остается внѣ всякаго попеченія церкви, не исполняя никакихъ таинствъ и духовныхъ требъ, или тайно совершаетъ таковыя въ заграничныхъ и мѣстныхъ костелахъ. Всѣ упорствующіе живутъ надеждою, что рано или поздно имъ будетъ дозволено перейти въ католицизмъ. Всякое выдающееся событіе въ краѣ, въ родѣ переменъ лицъ высшей администраціи, всякое событіе въ общегосударственной жизни Россіи, возбуждаетъ въ нихъ ожиданія послабленій и правительственныхъ уступокъ въ ихъ пользу, въ чемъ ихъ усердно убѣждаютъ разные агенты латино-полонизма. Безнаказанность упорствующихъ за ихъ дѣйствія, иногда прямо враждебныя православію (постановка, напримѣръ, католическаго креста на православномъ кладбищѣ, совершеніе крестнаго хода съ возженными свѣчами въ рукахъ, при пѣніи польскихъ гимновъ), является какъ бы подтвержденіемъ слуховъ о послабленіяхъ и переменѣхъ въ общемъ направленіи униатскаго дѣла. Способствуя усиленію фанатизма въ упорствующихъ, эта безнаказанность въ то же время крайне вредно дѣйствуетъ и на другихъ прихожанъ. Въ чаяніи переменъ, и посѣщавшіе прежде церковь перестаютъ ходить въ оную, уклоняются отъ совершенія таинствъ и требъ и переходятъ въ разрядъ упорствующихъ.“—Если принять во вниманіе, что рядомъ съ десятками тысячъ официально признаваемыхъ „упорствующими“ не мало насчитывается и православныхъ только по имени, всегда готовыхъ применить къ „упорствующимъ“, то положеніе бывшихъ греко-униатовъ холмско-варшавской епархіи не можетъ не быть признано крайне ненормальнымъ. Правила 2-го іюля 1898 г. не вносятъ въ него существенной переменъ. Они провозглашаютъ православными всѣхъ бывшихъ греко-униатовъ, въ силу акта воссоединенія ихъ съ православною церковью 1875 г., а также всѣхъ происходящихъ отъ родителей греко-униатовъ, хотя бы они и были крещены, до 1875 г., въ костелѣ. Принадлежность къ вѣроисповѣданію ставится, такимъ образомъ, въ зависимость не отъ личныхъ дѣйствій, сознательно совершенныхъ, а отъ общаго государственнаго акта, для котораго не требовалось добровольнаго участія отдѣльных лицъ. Кто былъ, въ 1875 г., греко-униатомъ или происходитъ отъ тогдашнихъ греко-униатовъ, тотъ, *eo ipso*, признается православнымъ, какъ бы онъ ни смотрѣлъ тогда и въ настоящее время на свою принадлежность къ православной церкви. Исключеній допущено только два: 1) можно не причислять къ бывшимъ греко-униатамъ (и, слѣдовательно, къ нынѣшнимъ православнымъ) происходящихъ отъ родителей римско-католическаго исповѣданія, хотя бы они и были крещены, до 1875 г., въ греко-униатскихъ церквяхъ, и 2) родившіеся до 1875 г. отъ смѣшанныхъ браковъ бывшихъ уни-

товъ съ католиками причисляются: лица мужского пола—къ вѣроисповѣданію отца, женскаго пола—къ вѣроисповѣданію матери. Случаи перваго рода, безъ сомнѣнія, крайне рѣдки; крещеніе католика въ греко-уніатской церкви могло имѣть мѣсто только при совершенно особыхъ обстоятельствахъ. Нѣсколько больше, по всей вѣроятности, будетъ число лицъ, которые подойдутъ подъ дѣйствіе правила о смѣшанныхъ бракахъ; но между дѣтьми, родившимися отъ такихъ браковъ, католиками, *de facto*, далеко не всегда окажутся тѣ, за которыми признается право быть католикомъ. Католикъ-отецъ могъ, воспитать въ своей религіи не сыновей, а дочерей, католичка-мать—не дочерей, а сыновей; между тѣмъ, въ первомъ случаѣ дочери, во второмъ—сыновья по прежнему будутъ считаться православными, хотя бы они съ самаго дѣтства не переставали быть католиками. Чѣмъ тверже,—судя по даннымъ, приводимымъ въ отчетѣ,—„упорствующіе“ держатся своихъ, католическихъ или уніатскихъ, вѣрованій, тѣмъ труднѣе рассчитывать на успѣхъ чисто-отрицательныхъ мѣръ, т.-е. преслѣдованій и понужденій. Этимъ путемъ можно достигнуть развѣ кажущихся внѣшнихъ уступокъ, но отнюдь не искренняго сближенія „упорствующихъ“ съ господствующею церковью. Между тѣмъ, послѣдняя располагаетъ могущественными духовными орудіями, дѣйствіе которыхъ хотя и медленно, но зато вѣрно и прочно. Крестные ходы, которые очень любятъ мѣстное населеніе, проповѣди, внѣ-служебныя собесѣдованія, вечернія занятія и чтенія въ школахъ, энергичная дѣятельность православныхъ братствъ и вновь основываемыхъ монастырей—все это, по удостовѣренію отчета, оказываетъ замѣтное вліяніе на бывшихъ уніатовъ и значительно увеличиваетъ число убѣжденныхъ православныхъ (въ 1895 г. обратилось изъ „упорства“ къ православію 1.026 душъ). Къ такимъ результатамъ нѣсколько лишнихъ преслѣдованій за проступокъ въ родѣ постановки латинскаго креста, или участія въ латинской процессіи едва ли прибавили бы что-либо важное и цѣнное; скорѣе можно ожидать, что они увеличили бы ожесточеніе „упорствующихъ“.

Нѣкоторую аналогію съ положеніемъ „упорствующихъ“ греко-уніатовъ представляетъ положеніе тѣхъ обращенныхъ въ православіе эстовъ и латышей, которые продолжаютъ тяготѣть къ своей прежней вѣрѣ. Мы узнаемъ изъ отчета, что въ послѣднее время изъ прибалтійскаго края поступало „очень много всеподданнѣйшихъ прошеній отъ лицъ православныхъ по рожденію, но уклонившихся въ лютеранскую вѣру, о нестѣсненіи въ исповѣданіи ея. Епархіальное начальство всегда усматривало въ фактѣ подачи этихъ прошеній вліяніе и подстрекательство лютеранскихъ пасторовъ, злонамѣренно распу-

скающихъ въ народѣ ложный слухъ о скоромъ, будто бы, дарованіи правительствомъ свободы вѣроисповѣданія“. Чтобы такой слухъ, кѣмъ бы онъ ни былъ распускаемъ, могъ подѣйствовать на умы, необходима, однако, извѣстнымъ образомъ подготовленная почва. Кто принадлежитъ къ православной церкви не вслѣдствіе одного лишь факта происхожденія отъ родителей, числившихся православными, того, безъ сомнѣнія, не смутятъ никакіе толки о предстоящей возможности перемѣнить вѣроисповѣданіе—и наоборотъ, кто жадно прислушивается къ подобнымъ толкамъ и нетерпѣливо ждетъ ихъ осуществленія, тотъ, называясь православнымъ, стоитъ, на самомъ дѣлѣ, внѣ православной церкви. Удерживать въ нѣдрахъ церкви, силою закона, мнимыхъ, номинальныхъ ея членовъ представляется, повидимому, тѣмъ менѣе необходимымъ, что движеніе отъ лютеранизма къ православію растетъ и въ ширину, и въ глубину. По свидѣтельству рижскаго архіепископа, „православіе въ прибалтійскомъ краѣ овладѣваетъ все больше и больше умами и сердцами населенія. Духовная красота православнаго богослуженія, святость и внутренняя правда православныхъ обрядовъ и обычаевъ, неотразимо вліяютъ не только на православныхъ прихожанъ, но и на лютеранъ. По отзыву многихъ благочинныхъ, лютеране охотно посѣщаютъ православное богослуженіе и церковныя торжества, почитаютъ православные праздники, отдаютъ своихъ дѣтей въ церковно-приходскія школы, и иногда даже приносятъ жертвы на сооруженіе православныхъ храмовъ. Видно, что лютеранство перестаетъ удовлетворять религіозному чувству эстовъ и латышей, у которыхъ пробудилась жажда лучшей, истинной вѣры и церкви. Въ 1894 г. присоединилось къ православію 1.087, въ 1895 г.—1.149 лютеранъ“. При такихъ успѣхахъ православія едва ли нужна искусственная его поддержка, выражающаяся въ лишеніи „упорствующихъ“ возможности удовлетворять свои религіозныя нужды согласно требованіямъ совѣсти.

Въ послѣднее время, по словамъ отчета, „нѣкоторые изъ лютеранскихъ пасторовъ стали проповѣдывать, что лютеранство и православіе въ сущности одно и то же, но что путь православія—путь весьма тернистый и трудный, по которому въ царство небесное попасть могутъ лишь люди сильной души и крѣпкой энергіи, тогда какъ путь лютеранскій—наилегчайшій для спасенія. Такой хитрый приемъ, употребляемый пасторами для доказательства того, что переходить изъ лютеранства въ православіе нѣтъ никакого основанія, къ сожалѣнію, часто достигаетъ своей цѣли“. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ отчетъ не даетъ; между тѣмъ, весьма любопытно было бы знать, въ какую форму облекается новая доктрина о взаимоотношеніи православія и лютеранства. Излагаютъ ли ее пасторы съ

каедры или въ печати? получила ли она между ними право гражданства или встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны большинства? Если она до сихъ поръ—что болѣе чѣмъ вѣроятно—нигдѣ и никѣмъ еще не была провозглашена публично, то чѣмъ удостовѣряется ея пропаганда въ частныхъ, интимныхъ разговорахъ? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что въ вышеупомянутомъ ученіи заключается, *implicite*, признаніе превосходства православія надъ лютеранствомъ—а къ подобнымъ признаніямъ менѣе всего расположено чужое духовенство, къ какому бы исповѣданію оно ни принадлежало. Быть пропо-вѣдникомъ извѣстнаго вѣроисповѣданія, значить считать его единственнымъ истиннымъ или, по меньшей мѣрѣ, наиболѣе правильнымъ. Съ такимъ взглядомъ совершенно несовмѣстимо утверждение, что другое исповѣданіе представляетъ болѣе тернистый, болѣе трудный путь ко спасенію: вѣдь чѣмъ больше трудность, тѣмъ болѣе заслуга, чѣмъ строже требованія, тѣмъ выше идеаль. Да и съ чисто практической точки зрѣнія способъ дѣйствій, приписываемый нѣкоторымъ пасторамъ, кажется намъ весьма рискованнымъ. Далеко не всякій согласится добровольно признать себя человѣкомъ менѣе сильной души, менѣе крѣпкой энергіи, далеко не всякій найдетъ въ такомъ признаніи источникъ новой привязанности къ своему исповѣданію; наоборотъ, многихъ оттолкнетъ отъ прежней вѣры именно мысль о пригодности ея только для людей слабыхъ и заурядныхъ. Облегчить путь къ спасенію старались въ свое время отцы-іезуиты—но они конечно не увѣряли свою паству, что протестантамъ *труднѣе* спастись, чѣмъ католикамъ, а старались доказать, что спасеніе безусловно немислимо для протестантовъ и доступно только для однихъ католиковъ. Лютеранству чужды, притомъ, всѣ облегченныя средства спасенія, которыми такъ ловко умѣли пользоваться іезуиты... Какъ бы то ни было, весьма интересно знать, что скажутъ въ свою защиту представители лютеранскаго духовенства въ прибалтійскомъ краѣ.

Глава отчета, посвященная церковнымъ школамъ, удостовѣряетъ быстрый ростъ обѣихъ группъ, на которыя распадаются эти школы. Число церковно-приходскихъ школъ возросло за два года съ 11.342 до 12.970, число школъ грамоты—съ 15.992 до 18.865. Цифра учащихся показана, къ сожалѣнію, не отдѣльно для каждой группы, а только общая: ихъ было 981.076 (къ концу предыдущаго отчетнаго періода—860.206). Всего больше учащихся въ церковныхъ школахъ западныхъ епархій—киевской, могилевской, подольской, литовской, волынской и минской; изъ другихъ епархій выдѣляется въ этомъ отношеніи только с.-петербургская. Законоучителей состояло въ цер-

ковно-приходскихъ школахъ сорока-четырехъ епархій 9.713, въ томъ числѣ священниковъ 8.961, діаконовъ 412, псаломщиковъ 62, свѣтскихъ лицъ 278. О составѣ учителей сообщаются свѣденія, и то весьма неполныя, относительно церковно-приходскихъ школъ—только для 28, относительно школъ грамоты—только для 33 епархій. Изъ 7.596 учителей церковно-приходскихъ школъ членовъ причта было 3.439 (43%), въ томъ числѣ священниковъ 432, діаконовъ 1.656 и псаломщиковъ 1.351, а свѣтскихъ лицъ—4.517, въ томъ числѣ 2.128 учителя и 2.389 учительницы (какого образовательнаго ценза—неизвѣстно). Изъ 10.284 учителей школъ грамоты членовъ причта было 3.691 (35,8%), свѣтскихъ лицъ 6.593; въ числѣ первыхъ было 628 священниковъ, 1.148 діаконовъ и 1.915 псаломщиковъ. Желательно было бы знать, почему учителей-священниковъ въ школахъ грамоты больше, чѣмъ въ церковно-приходскихъ школахъ? Казалось бы, что священникъ, берущій на себя учительскія обязанности, всегда могъ бы отерывать не школу грамоты, а церковно-приходскую школу. Вѣдь школа грамоты учреждается обыкновенно или за отдаленностью и глухимъ характеромъ мѣстности, или за невозможностью прінскать, на имѣющіяся средства, учителя, способнаго вести правильно организованную школу; между тѣмъ, священникъ такую способностью обладаетъ всегда, а самое учительство его въ школѣ свидѣтельствуешь о близости ея къ церкви, т.-е. къ центральному, болѣе или менѣе, пункту прихода ¹⁾. Съ другой стороны, поразительно высока цифра псаломщиковъ, являющихся учителями въ церковно-приходскихъ школахъ; ихъ тамъ, относительно, почти столько же, сколько и въ школахъ грамоты, между тѣмъ какъ умѣстными они могутъ быть признаны только въ послѣднихъ. Конечно это не относится къ псаломщикамъ, окончившимъ курсъ въ духовной семинаріи и выжидающимъ вакансіи для полученія священническаго или діаконскаго сана; но много ли *такихъ* псаломщиковъ между преподавателями церковно-приходскихъ школъ?... „Учительницы“—читаемъ мы въ отчетѣ,—„относились къ своему дѣлу съ любовью и усердіемъ. Къ сожалѣнію, крестьянскія общества не всегда довѣрчиво относятся къ школамъ, руководимымъ учительницами, особенно на первыхъ порахъ, пока учительницы не обнаружатъ успѣховъ своихъ занятій и умѣнья поддерживать школьный порядокъ. Крестьяне вообще недовѣрчиво смотрятъ на правоспособность женщины руководить школьными занятіями“. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ, какъ общимъ правиломъ, согласиться невозможно. Въ земскихъ и земско-общественныхъ школахъ учительницы давно уже получили полное право граждан-

¹⁾ Чтобы быть учителемъ, нужно бывать въ школѣ ежедневно—а это возможно только при нахожденіи школы въ томъ же селеніи, гдѣ и церковь, или въ самомъ небольшомъ отъ него разстояніи.

ства. Во многихъ уѣздахъ ихъ значительно больше, чѣмъ учителей, и противъ назначенія ихъ не слышится со стороны крестьянъ никакихъ возраженій. Объяснить себѣ вышеприведенныя слова отчета мы можемъ только тѣмъ, что церковно-приходскія школы, въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ особенно много, переживаютъ еще періодъ, давно закончившійся для земскихъ школъ—періодъ приспособленія школъ къ населенію и населенія къ школамъ. Такому періоду неизбѣжно свойственны недоразумѣнія, къ числу которыхъ и принадлежитъ, между прочимъ, недовѣріе къ учительницамъ. Небольшое, сравнительно, число учительницъ въ школахъ грамоты зависитъ, сверхъ того, отъ привычки крестьянъ приглашать въ такія школы отставныхъ солдатъ, запятанныхъ пономарей, неспособныхъ къ другой работѣ стариковъ-грамотѣевъ (или, лучше сказать, полу-грамотѣевъ), и разсчитывать не столько на знанія и опытность учителя, сколько на способность его муштровать учениковъ. Подъ эти условія учительницы подходятъ рѣдко—и вотъ почему онѣ проникаютъ въ школу грамоты лишь тогда, когда измѣняется отношеніе къ ней крестьянъ. Такая переимѣна совершалась до сихъ поръ весьма медленно; школа грамоты долго была предоставлена, *de facto*, самой себѣ, и только въ послѣднее время давно созрѣвшая въ земскихъ сферахъ мысль о болѣе тѣсной связи между нормально-организованной школой, какъ школой-матерью, и элементарными школами, какъ школами-дочерьми, начинаетъ проникать въ духовное вѣдомство. Особенно успѣшно она развивается тамъ, гдѣ находитъ поддержку въ средѣ земства: въ богородицкомъ уѣздѣ (тульской губерніи), напримѣръ, съ поразительною быстротою растетъ число учительницъ изъ числа крестьянскихъ дѣвушекъ, благодаря участію, которое принялъ въ этомъ дѣлѣ предсѣдатель мѣстной уѣздной земской управы, гр. В. А. Бобринскій... Нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ отчетахъ дако было мѣсто подробной статистики учащаго и учащагося персонала церковныхъ школъ, для всѣхъ епархій и по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ значеніе въ школьномъ дѣлѣ. Весьма важно было бы знать, напримѣръ, сколько имѣется на лицо двуклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и какъ онѣ распределены между епархіями, какъ продолжителенъ, въ среднемъ, курсъ ученія (фактический) въ одноклассной церковно-приходской школѣ, сколько въ ней обыкновенно числится отдѣлений, какой процентъ учениковъ оканчиваетъ курсъ и какой оставляетъ школу послѣ одного года или двухъ лѣтъ ученія, какъ долго, въ среднемъ, остаются на своихъ мѣстахъ преподаватели церковно-приходскихъ школъ, въ какой степени измѣнивъ составъ учащихся въ школахъ грамоты и т. п. Чрезвычайно скудны свѣденія о воскресныхъ школахъ, открытіе которыхъ разрѣшено въ настоящее время исключительно духовному вѣдомству. Вовсе не затрогивается отчетами одна сторона жизни ду-

ховенства, имѣющая, однако, значительную важность—законоучительство его въ женскихъ и другихъ свѣтскихъ начальныхъ школахъ. По своему характеру оно совершенно аналогично съ дѣятельностью духовенства въ церковно-приходскихъ школахъ и заслуживало бы, повидимому, не меньшаго вниманія. Намъ припоминаются, по этому поводу, знаменательныя слова преосвященнаго тамбовскаго Іеронима, приведенныя недавно въ „Запискахъ земскаго начальника“ (г. А. Новикова, въ № 218 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“). При объѣздѣ архіерея по епархіи одинъ изъ священниковъ поставилъ учениковъ церковно-приходской школы отдѣльно отъ учениковъ земскаго училища и обратился къ преосвященному со словами: „это—наши, а вотъ это—земскіе“. Преосвященный Іеронимъ подозвалъ ихъ всѣхъ и сказалъ: „*всѣ наши, подходите всѣ*“...

Пока еще не вездѣ и не всѣми усвоена мысль о равноправности и равномъ—при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ—достоинствѣ церковныхъ и свѣтскихъ начальныхъ школъ, чрезвычайно желательно, по меньшей мѣрѣ, устраненіе искусственныхъ препятствій, задерживающихъ, въ интересахъ вѣдомства, развитіе народнаго образованія. Одно изъ такихъ препятствій, о которомъ намъ не разъ приходилось упоминать въ нашихъ обзорѣніяхъ и хроникахъ, перестало, наконецъ, существовать, благодаря разъясненію прав. сената. Открытіе новой земской школы часто встрѣчало неодолимыя затрудненія въ фактѣ существованія, въ той самой мѣстности, школы церковно-приходской (а иногда—и школы грамоты). Извѣстное распоряженіе 1884 г., требовавшее, въ подобныхъ случаяхъ, предварительнаго сношенія между вѣдомствами духовнымъ и учебнымъ, толковалось, иногда, въ томъ смыслѣ, что духовному вѣдомству принадлежитъ право абсолютнаго вето на устройство свѣтской школы рядомъ съ существующею уже церковно-приходскою (аналогичнаго права за учебнымъ вѣдомствомъ никогда, сколько намъ извѣстно, признаваемо не было). Сенатъ разъяснилъ, что сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ имѣетъ цѣлью только приведеніе въ извѣстность, нѣтъ ли какихъ-либо серьезныхъ и дѣйствительно заслуживающихъ вниманія препятствій къ открытію новыхъ свѣтскихъ школъ, *нисколько не обязывая учебное вѣдомство принимать отзывъ епархіальнаго начальства къ непремѣнному исполненію и ставить открытіе школъ въ зависимость отъ согласія духовнаго вѣдомства*. До крайности странно, что столь ясный и простой вопросъ пришлось довести до высшаго въ имперіи административнаго суда; не менѣе удивительно и то, что на долю учебнаго вѣдомства выпало, въ данномъ случаѣ, не охраненіе, а отрицаніе принадлежащаго ему права...

Законъ 18 мая 1898 г., освободившій города имперіи, съ 1 января 1900 г., отъ расходовъ по отопленію и освѣщенію тюремъ, составляетъ дальнѣйшій шагъ въ томъ направленіи, которое указано закономъ 1 іюня 1895 г.: съ городовъ и земствъ снимаются, постепенно, обязательные расходы, имѣющіе общегосударственное значеніе, въ видахъ увеличенія средствъ на удовлетвореніе мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей. Сумма, сложенная съ городовъ, не особенно велика (около 650 тыс. руб.), почти вдесятеро уступаая суммѣ, сложенной съ земствъ закономъ 1-го іюня 1895 г. (около 6 милл. руб.); зато города ничѣмъ не стѣснены въ употребленіи предоставленной имъ суммы, между тѣмъ какъ земскія средства, прежде шедшія на содержаніе мѣстныхъ судебно-административныхъ учреждений, обязательно идутъ въ такъ называемый дорожный капиталъ. Закономъ 2-го іюня 1898 г. на земство возложена, въ этомъ отношеніи, новая обязанность, далеко не легкая: на составленіе дорожного капитала постановлено производить изъ доходовъ земства обязательное отчисленіе, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ процентному отношенію суммы ежегоднаго взноса въ дорожный капиталъ ¹⁾ къ общему итогу доходовъ по земской смѣтѣ. Положимъ, на примѣръ, что взносъ въ дорожный капиталъ составляетъ для даннаго уѣзда 20 тыс. руб., а доходъ уѣзднаго земства, по смѣтѣ на данный годъ, простирается до 120 тыс. руб.; изъ каждаго рубля, поступающаго въ доходъ земства, обязательно будетъ отчисляться въ дорожный капиталъ $16\frac{2}{3}$ коп. Противъ этого нельзя было бы сказать ни слова, еслибы всѣ земскіе доходы поступали исправно и безнедоимочно — или еслибы всѣ земскіе расходы имѣли одинаковый характеръ, т.-е. одинаково легко допускали бы отсрочку и разсрочку. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то. Земскіе сборы почти вездѣ поступаютъ неаккуратно и не сполна, почти вездѣ накаплиются болѣе или менѣе значительныя недоимки; между тѣмъ, есть цѣлыя категоріи расходовъ, которые, подъ опасеніемъ крайне тяжелыхъ послѣдствій, должны быть производимы безостановочно и непрерывно. Сюда относится, на примѣръ, жалованье учащимъ въ земскихъ начальныхъ школахъ, земскимъ врачамъ, фельдшерамъ, фельдшерицамъ, акушеркамъ, больничной прислугѣ, смотрителю и прислугѣ арестныхъ домовъ, служащимъ въ канцеляріи управы, а также расходы на покупку лекарствъ, на содержаніе коечныхъ больныхъ, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій; не всегда возможно, наконецъ, оставлять безъ выслуженнаго жалованья и самихъ членовъ земской управы. Гораздо меньше неудобствъ и затрудненій представляетъ, на-

¹⁾ Взносъ въ дорожный капиталъ имѣетъ постоянную величину, равная той суммѣ, которую данное земство, по смѣтѣ на 1895 г., должно было внести на содержаніе мѣстныхъ судебно-административныхъ учреждений.

оборотъ, нѣкоторое замедленіе въ расходахъ на устройство и ремонтъ дорогъ, за исключеніемъ, конечно, случаевъ, нетерпящихъ отлагательства (напр., починки моста, безъ которой невозможенъ проѣздъ по бойкому тракту). Въ земской практикѣ и существовалъ до сихъ поръ вызванный необходимостью обычай обращать наличныя суммы, при слабыхъ поступленіи земскихъ доходовъ, на самыя неотложныя надобности, откладывая до болѣе благопріятнаго времени текущіе расходы по другимъ статьямъ земской смѣты, въ томъ числѣ и расходы на образованіе дорожнаго капитала. Теперь этотъ ресурсъ подвергается значительному сокращенію; отчисленія въ дорожный капиталъ придется дѣлать, сплошь и рядомъ, въ ущербъ расходамъ, перечисленнымъ нами выше. Въ прошломъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ была сдѣлана попытка установить, собственною властью, обязательное отчисленіе въ дорожный капиталъ. Это вызвало неудовольствіе многихъ земствъ, ярко выставившихъ на видъ всѣ неудобства подобной мѣры; губернскія земскія собранія, курское и с.-петербургское (а можетъ быть и другія), обжаловали распоряженіе министерства въ прав. сенатъ. Законъ 2-го іюня полагаетъ конецъ возраженіямъ земства, но не даетъ никакого выхода изъ затрудненій, съ которыми оно должно бороться. Такимъ выходомъ могло бы быть только установленіе новаго порядка взиманія земскихъ сборовъ, которымъ обезпечивалась бы, въ каждую данную минуту, состоятельность земской кассы.

2-го іюня Высочайше утверждено временное положеніе о крестьянскихъ начальникахъ въ четырехъ губерніяхъ Сибири (тобольской, томской, енисейской и иркутской). Рядомъ съ крестьянскими начальниками остаются мировые судьи, созданные для Сибири въ 1896 г.; тѣмъ не менѣе крестьянскіе начальники и ихъ сѣзды не только становятся высшей инстанціей для дѣлъ, подсудныхъ волостнымъ судамъ ¹⁾, но облакаются судебною властью по нѣсколькимъ категоріямъ гражданскихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣденія волостного суда. Они разбираютъ, по правиламъ такъ называемаго судебно-полицейскаго разбирательства (установленнымъ для мировыхъ посредниковъ) дѣла, на сумму не свыше 2.000 руб.: 1) по найму на сельско-хозяйственныя работы и должности, 2) по отдачѣ въ наемъ земель и оброчныхъ при нихъ статей (при отсутствіи крѣпостного или нотаріальнаго договора), 3) по пользованію земельными и иными угодьями, отведенными въ надѣлъ сельскимъ обывателямъ, и 4) по потравамъ полей, луговъ и другихъ угодій,—когда обѣ спорящія стороны или отвѣтчики по всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ подвѣдомственны крестьян-

¹⁾ Подсудность волостныхъ судовъ въ Сибири остается прежняя, а не расширяется согласно временнымъ правиламъ 1889 года.

скому или инородческому управленію. По отношенію къ этой категоріи лицъ, въ случаѣ неисполненія ими законныхъ требованій или распоряженій крестьянскаго начальника, послѣдній облеченъ административно-карательною властью въ размѣрахъ еще большихъ, чѣмъ земскій начальникъ (максимумъ денежнаго штрафа—15 руб., вмѣсто 6); сверхъ того, крестьянскому начальнику предоставлено подвергать ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за усмотрѣнныя непосредственно имъ самимъ неисполненіе законныхъ требованій и постановленій другихъ правительственныхъ властей, нарушеніе общественной тишины посредствомъ ссоры, драки и буйства и грубость противъ власти ¹⁾. Характеристичныя черты положенія о земскихъ начальникахъ сохранены, такимъ образомъ, и въ новомъ законѣ, хотя имъ и не упраздненъ мировой судъ. Онъ проводитъ рѣзкую черту между такъ называемыми низшими и высшими сословіями, создавая для первыхъ положеніе сравнительно зависимое, неполноправное, подчиняя ихъ дискреціонной власти начальства, рассматривая ихъ, однимъ словомъ, какъ несовершеннолѣтнюю часть гражданскаго общества, нуждающуюся въ обузданіи и опежѣ. Сохраненіе мирового суда скорѣе обостряетъ, чѣмъ смягчаетъ всѣ эти особенности. Гдѣ судебная власть, по дѣламъ средней важности (въ противоположность маловажнымъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, и болѣе важнымъ, остающимся въ вѣденіи общихъ судебныхъ установленій), сосредоточена въ рукахъ администратора-судьи, тамъ она примѣняется одинаково ко всѣмъ сословіямъ: земскому начальнику подсудны не только крестьяне и мѣщане, но и лица привилегированныхъ классовъ. Аргументомъ въ пользу соединенія въ одномъ лицѣ судебной и административной власти является здѣсь невозможность имѣть на мѣстахъ два различныхъ персонала, административный и судебный; указывается и на то, что, будучи столько же судьей, сколько и администраторомъ, земскій начальникъ пріучается сообразовать свои приемы съ родомъ дѣла, т.-е. вносить въ отправленіе судебныхъ функций безпристрастіе, свойственное суду ²⁾. Все это непримѣнимо къ положенію вещей, при которомъ рядомъ съ администраторомъ стоитъ судья, но тѣмъ не менѣе изъ сферы дѣйствій послѣдняго изъяты и переданы въ вѣдомство перваго извѣстныя группы судебныхъ дѣлъ. Здѣсь нельзя уже говорить ни объ экономіи средствъ и силъ, ни о выработкѣ въ администраторѣ судейскихъ способностей и привычекъ: вѣдь число мировыхъ судей не уменьшится

¹⁾ На распоряженіе крестьянскаго начальника допускается, въ случаяхъ этого рода, жалоба, но ея не останавливается исполненіе постановленія объ арестѣ.

²⁾ Само собою разумѣется, что всѣхъ этихъ доводовъ въ пользу соединенія властей мы совершенно не раздѣляемъ; мы приводимъ ихъ только потому, что ими обыкновенно мотивируется или оправдывается учрежденіе земскихъ начальниковъ.

отъ того, что нѣкоторыя ихъ функціи переданы крестьянскимъ начальникамъ, а крестьянскіе начальники не приобретутъ судейскихъ навыковъ и взглядовъ отъ рѣшенія—да еще, къ тому же, не въ обычномъ судебномъ порядкѣ,—немногихъ гражданскихъ процессовъ. Самый характеръ дѣлъ, изъятыхъ, въ Сибири, изъ вѣденія мировыхъ судей, свидѣлствуетъ о томъ, что на крестьянскихъ начальниковъ, какъ на представителей „судебно-полицейской“ власти, возлагается не столько охрана *правъ*, сколько охрана *интересовъ*. Это—дѣла аграрныя, по которымъ, съ половины восьмидесятыхъ годовъ, признается необходимымъ особо строгое отношеніе къ крестьянскому сословію. Выдѣленіе ихъ изъ числа судебныхъ дѣлъ намѣчалось уже въ одной изъ редакцій проекта положенія о земскихъ начальникахъ, и мы тогда же имѣли случай указать существенно-важныя его неудобства ¹⁾. Изъ той же редакціи заимствованы, повидимому, еще двѣ черты положенія о крестьянскихъ начальникахъ: возвышеніе максимальной нормы штрафа, налагаемаго въ дисциплинарномъ порядкѣ, до 15 рублей, и распространеніе дискреціонной карательной власти, кромѣ неисполненія требованій и распоряженій самого начальника, на цѣлый рядъ другихъ проступковъ.

„Московскія Вѣдомости“ выражаютъ надежду, что *временное* положеніе о крестьянскихъ начальникахъ уступитъ мѣсто постоянному, въ которомъ явятся уже настоящіе *земскіе* начальники, со всѣми судебными и административными правами. Намъ кажется, что въ основаніи этой надежды лежитъ либо недостаточно внимательное изученіе положенія о крестьянскихъ начальникахъ, либо идолопоклонство передъ каждой буквой излюбленнаго законодательнаго акта. Съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ единомышленниковъ законъ 2-го іюня 1898 г. долженъ быть поставленъ на одинъ уровень съ закономъ 12-го іюля 1889 г.; крестьянскіе начальники—это, въ сущности, тѣ же земскіе начальники, только слегка приспособленные къ особымъ условіямъ сибирской жизни. Какъ земскіе, такъ и крестьянскіе начальники одинаково входятъ въ составъ судебно-административнаго строя, изолирующаго и принижающаго крестьянство (и другія, приуроченныя къ нему группы сельскаго населенія). Противопологать эти два учрежденія одно другому нельзя: можно только противополгать имъ обоимъ администрацію, свободную отъ судейскихъ функцій, и судъ, независимый отъ администраціи.

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 5 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г., стр. 350—355.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1898.

Дипломатическая нота 12-го августа.—Вопросъ о тягостяхъ вооруженнаго мира и проектъ международной конференціи.—Кончина „железнаго канцлера“.—Князь Бисмаркъ, какъ государственный дѣятель и германскій патріотъ.—Испанія и Соединенные Штаты.—Новое возраженіе П. А. Тверского.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 16-го августа, напечатано нижеслѣдующее „сообщеніе“, официально предлагающее на обсужденіе международной дипломатіи вопросъ о сокращеніи дальнѣйшихъ вооруженій, какъ разорительныхъ для народовъ и опасныхъ для общаго мира. Приводимъ текстъ этого документа цѣликомъ:

„По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ 12-го августа всѣмъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представителямъ нижеслѣдующее сообщеніе:

„Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготящихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлю, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.

„Взглядъ этотъ вполне отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго моего Государя.

„Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вождѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благоприятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

„Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира поставлено было цѣлюю международной политики. Во имя мира великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами.

„Однако, усилія эти не могли пока привести къ благотѣльнымъ послѣдствіямъ желаемого умиротворенія,

„Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ распа- тываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на приобрѣтеніе страшныхъ средствъ истреб- ленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пре- сѣкаются или направляются на ложные пути.

„Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ растутъ вооруженія каж- даго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляю- щее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

„Очевиднымъ поэтому представляется, что еслибы такое положе- ніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.

„Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать сред- ства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

„Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ пове- лѣтъ мнѣ соизволилъ обратиться къ привѣтелямъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

„Съ Божьей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ со- гласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ“.

Въ этомъ документѣ главнѣйше указывается практическая не- состоятельность системы вооруженнаго мира. Во-первыхъ, духовныя и физическія силы народовъ отвлекаются въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и „расточаются непроизводительно“, при-

чемъ самыя жертвы и усилія отчасти пропадаютъ напрасно, благодаря непрерывной смѣнѣ военныхъ усовершенствованій и улучшеній. Во-вторыхъ, постоянныя военныя мѣры для обезпеченія внѣшняго мира создаютъ ту самую опасность, отъ которой онѣ должны ограждать народы; онѣ облегчаютъ возможность взрыва, „предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка“, и „обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ“. Такимъ образомъ, „огромное накопленіе боевыхъ средствъ“ не только расшатываетъ въ корнѣ общественное благосостояніе, но и противодѣйствуетъ предположенной цѣли. Культурнымъ державамъ міра предстоитъ задача—„положить предѣлы непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія“.

Инициатива Россіи въ данномъ случаѣ наиболѣе соотвѣтствуетъ ея международному положенію и политикѣ; можно даже сказать, что никакая другая держава не могла бы въ настоящее время сдѣлать подобное предложеніе безъ серьезныхъ для себя неудобствъ. Еслибы выступила съ такимъ проектомъ Германія, то ее обвинили бы въ желаніи закрѣпить выгодныя для нея послѣдствія прежнихъ удачныхъ войнъ и добиться отъ Франціи косвеннаго отреченія отъ всякихъ мечтаній объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Еслибы починъ принадлежалъ, наоборотъ, французамъ, то ихъ неизбѣжно заподозрили бы въ стремленіи ограничить военное могущество германской имперіи и сдѣлать эльзасскій вопросъ предметомъ общаго европейскаго обсужденія; нѣмцы и англичане отнеслись бы къ проекту враждебно, и все дѣло ограничилось бы непріятною газетною полемикою. Точно такъ же Англія возбудила бы противъ себя подозрѣнія и насмѣшки, еслибы ея правительство вздумало предложить континентальной Европѣ сократить сухопутныя и морскія военныя силы, мѣшающія владычеству англичанъ на моряхъ и океанахъ. Россія, по разнымъ причинамъ, находится въ исключительныхъ условіяхъ по части внѣшнихъ отношеній; она занимаетъ какъ бы нейтральное мѣсто среди великихъ державъ материка и поддерживаетъ между ними равновѣсіе своимъ стихійнымъ могуществомъ, зависящимъ отъ пространства ея территоріи и численности ея населенія. Россія всего менѣе нуждается въ земельныхъ и политическихъ приобрѣтеніяхъ; она обезпечена на сотни лѣтъ сложными внутренними задачами, избавляющими ее отъ соблазновъ международной предпримчивости и честолюбія. У насъ нѣтъ непріязненныхъ счетовъ съ Германіею; напротивъ, мы сохраняемъ съ нею традиціонную дружбу, и въ то же время мы находимся въ союзѣ съ Франціею. Двѣ главныя военныя державы въ Европѣ заинтересованы въ поддержаніи дружескаго согласія съ Россіею.

Проекты общаго разоруженія, съ которыми когда-то носился Наполеонъ III, вызывали недоувѣріе потому, что они предлагались правителемъ, обязаннымъ по своему положенію стремиться къ территориальному расширенію Франціи; притомъ они связывались съ мыслью о созданіи новыхъ „естественныхъ границъ“ между государствами, т.-е. прежде всего объ отнятіи у нѣмцевъ лѣваго берега Рейна, что должно было будто бы устроиться при помощи европейскаго конгресса. Любимая идея Наполеона III—идея конгресса для разрѣшенія стоявшихъ на очереди національно-международныхъ вопросовъ—была одною мечтою; самое поднятіе этихъ вопросовъ, раздѣлявшихъ государства и народы, предвѣщало рядъ войнъ и никакъ не могло вести къ разоруженію. Теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; сокращеніе безконечныхъ военныхъ усилій и затратъ является насущною потребностью всѣхъ культурныхъ націй и не соединяется ни съ мечтательными проектами установленія вѣчнаго мира, ни съ политическими проблемами, способными породить опасные споры и конфликты. Недавній примѣръ Соединенныхъ Штатовъ показалъ, что при современныхъ условіяхъ можно легко поставить на ноги значительныя вооруженныя силы, имѣя лишь небольшіе постоянные кадры, а такъ какъ нынѣшнія европейскія арміи, по составу и по краткости служебнаго срока, приближаются къ типу хорошо обученныхъ военному дѣлу милицій, то чрезмѣрная численность войскъ въ мирное время и разорительная погоня за техническими усовершенствованіями и улучшеніями оказываются въ сущности излишними и могутъ быть избытны безъ ущерба для свободы дѣйствій и боевой готовности государствъ.

Особый интересъ придаетъ дипломатической нотѣ 12-го августа то обстоятельство, что она исходитъ отъ державы, находящейся въ союзѣ съ Франціею; можно думать, правительство французской республики отрекается отъ надежды достигнуть обратнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи при помощи усиленныхъ вооруженій. Ненормальныя условія нынѣшняго вооруженнаго мира составляютъ всецѣло продуктъ франко-германской войны 1870—71 годовъ, съ результатами которой не могли и не могутъ окончательно примириться французы. Измѣнились ли въ самомъ дѣлѣ взгляды и стремленія Франціи настолько, что она станетъ за-одно съ Германіею спокойно обсуждать мѣры къ ограниченію безысходныхъ военныхъ приготовленій? Каковъ будетъ вообще образъ дѣйствій французской дипломатіи въ возбужденномъ нынѣ щекотливомъ вопросѣ, затрагивающемъ завѣтныя чувства и мечтанія французскихъ патріотовъ? Если нельзя отрицать, что источникъ хроническихъ опасеній и тревогъ въ международной политикѣ современной Европы заключается въ незаконченномъ спорѣ объ

Эльзасъ и Лотарингіи, то, очевидно, трудно рассчитывать на успѣхъ предложенной конференціи, при отсутствіи признаковъ поворота въ политическомъ настроеніи Франціи относительно завоеванныхъ нѣмцами провинцій. Пока эльзасско-лотарингскій вопросъ не исчезъ съ горизонта и не признанъ разрѣшеннымъ разъ навсегда въ пользу Германіи, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о прочномъ и дѣйствительномъ облегченіи непосильныхъ тягостей вооруженнаго мира. Инициатива Россіи свидѣтельствуетъ какъ будто о новыхъ вѣяніяхъ среди представителей французской дипломатіи и въ этомъ смыслѣ могла бы быть принята за исходный пунктъ новой политической эпохи; но до сихъ поръ Франція не обнаруживала рѣшимости отречься отъ ожиданій, касающихся Эльзаса и Лотарингіи, и она впервые получить теперь возможность сдѣлать необходимый шагъ къ мирному обще-европейскому соглашенію на почвѣ совершившихся фактовъ. Русскій союзъ, ограждающій Францію отъ внѣшнихъ угрозъ и посягательствъ, открываетъ ей доступъ къ новой политической роли, предписываемой здравымъ смысломъ и правильно понимаемыми жизненными интересами народовъ. Съ этой точки зрѣнія, вниманіе всего культурнаго міра будетъ обращено на Францію и Германію, при первомъ приступѣ къ совѣщаніямъ предполагаемой международной конференціи.

Кончина князя Бисмарка возбудила въ значительной части нѣмецкаго народа вполне понятныя чувства національной скорби: въ его лицѣ окончательно отошла въ область исторіи цѣлая эпоха, связанная съ созданіемъ единства и могущества современной Германіи, — эпоха, отмѣченная славой и блескомъ многочисленныхъ военно-политическихъ побѣдъ. „Желѣзный канцлеръ“ еще при жизни сдѣлался героемъ легенды; лишенный власти, вдали отъ политической арены, доживая свой вѣкъ въ лѣсной глуши Фридрихсруэ, онъ пересталъ быть грозой для противниковъ, не вызывалъ противъ себя прежняго раздраженія и превратился какъ бы въ миѣтическую личность.

Въ послѣдніе годы князь Бисмаркъ только изрѣдка напоминалъ о себѣ, давая пищу газетамъ своими бесѣдами съ журналистами и своими ѣдкими замѣчаніями о „новомъ курсѣ“ Вильгельма II. До конца дней своихъ онъ хранилъ въ душѣ горечь обиды, причиненной ему согласіемъ императора на его отставку, въ мартѣ 1890 года; мстительный по натурѣ, онъ позаботился о томъ, чтобы даже за гробомъ устроить непріятность виновнику своего удаленія. Онъ заранѣе устранилъ всякое участіе официальныхъ лицъ и властей въ устройствѣ своихъ похоронъ, назначилъ мѣсто погребенія въ скромномъ уголкѣ своего парка и этимъ отнялъ у Вильгельма II возможность органи-

зовать пышныя церемоніи по случаю кончины перваго канцлера имперіи. Онъ сочинилъ для себя даже эпитафію, въ которой назвалъ себя кратко „вѣрнымъ слугою императора Вильгельма I“, намѣренно умолчавъ о службѣ его внуку, нынѣшнему императору, при которомъ состоялъ канцлеромъ въ теченіе полутора года. Тотчасъ послѣ смерти Бисмарка былъ обнародованъ однимъ изъ его довѣренныхъ лицъ, Морицемъ Бушемъ, текстъ посланія, адресованнаго покойнымъ къ Вильгельму II при выходѣ въ отставку. Появленіе этого секретнаго политическаго документа въ берлинскомъ „Localanzeiger“ было чувствительнымъ ударомъ для правительства и для императора лично; оно едва ли также могло быть желательно и семьѣ Бисмарка. Мотивы, побудившіе его просить объ увольненіи отъ должности, касались между прочимъ дружескихъ отношеній съ Россією, которыя онъ будто бы охранялъ отъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ поступковъ молодого императора. Оказывается, что Бисмаркъ опасался нарушенія традиціонныхъ русско-германскихъ связей и отстаивалъ необходимость ихъ для Германіи передъ Вильгельмомъ II, черезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ берлинскаго конгресса и заключенія анти-русскаго союза съ Австро-Венгрією. Онъ разошелся съ императоромъ отчасти изъ-за своей вѣрности русской дружбѣ; но эта дружба была крайне своеобразна, и мы не имѣли повода жаловаться на то, что она перестала вдохновлять Германію послѣ отставки князя Бисмарка. Разоблаченіе причинъ разлада между Вильгельмомъ II и старымъ канцлеромъ не могло имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій въ настоящее время; факты сами по себѣ слишкомъ извѣстны и краснорѣчивы, и конечно никто въ Россіи не промѣнялъ бы мнимой непріязни нынѣшняго германскаго императора на ирреловутую дружбу Бисмарка, сопровождавшуюся скрытыми и явными угрозами. Но неувѣренность первыхъ шаговъ Вильгельма II во внѣшней политикѣ указана въ этомъ документѣ съ достаточною убѣдительною, а больше ничего не требовалось для предположенной цѣли. Вильгельмъ II терпѣливо перенесъ всѣ эти мелкіе и крупныя уколы, чтобы съ подобающимъ достоинствомъ чествовать память скончавшагося государственнаго дѣятеля. Въ рескриптѣ къ князю Гогенлоэ изъ Фридрихсруэ, отъ 2-го августа (нов. ст.), онъ представилъ самую восторженную оцѣнку историческихъ заслугъ покойнаго и въ заключеніе далъ „обѣтъ, отъ имени націи, сохранить и развитіе созданное великимъ канцлеромъ при Вильгельмѣ I и въ случаѣ надобности защищать своею кровью“.

Когда князь Бисмаркъ вышелъ въ отставку, повсюду въ Европѣ и въ самой Германіи проявилось чувство облегченія. Его тяжелая личность дѣйствовала угнетающимъ образомъ на политическую жизнь другихъ на-

родовъ, создавала атмосферу постояннаго нервнаго безпокойства и поддерживала опасное настроеніе, доходившее часто до какого-то кошмара. Онъ воплощалъ въ себѣ идеи и традиціи прусскихъ „собрателей земли“ и въ то же время имѣлъ въ себѣ много такого, что напоминало Бонапартовъ; можно сказать, что онъ вышелъ изъ школы Наполеона I и примѣнилъ его принципы въ переработанномъ видѣ для пользы и славы Германіи. Культъ вѣдшей силы, твердая вѣра въ систему „железа и крови“, убѣжденіе въ первенствѣ силы передъ правомъ, неразборчивость въ средствахъ и способахъ дѣйствія, полное откровенное отрицаніе нравственныхъ началъ въ политикѣ,—все это какъ бы унаслѣдовано имъ отъ французскаго бонапартизма. Современные французы, впрочемъ, упорно не замѣчаютъ близкаго родства политической практики Бисмарка съ принципами наполеоновской Франціи; они настойчиво обвиняютъ желѣзнаго канцлера въ изобрѣтеніи и примѣненіи тѣхъ формъ насилія и завоеванія, которыя въ наиболѣе грандіозныхъ размѣрахъ практиковались Наполеономъ I, и которыя признавались вполнѣ законными и при второй имперіи. Но Бисмаркъ во всякомъ случаѣ не былъ ни авантюристомъ, ни вульгарнымъ честолюбцемъ, а въ нравственномъ отношеніи онъ безконечно выше нѣкоторыхъ популярныхъ героевъ Франціи, начиная съ перваго Бонапарта и кончая генераломъ Буланже.

Въ политической дѣятельности князя Бисмарка есть и такія стороны, которыхъ не слѣдуетъ упускать изъ виду; за нимъ числятся заслуги, обеспечивающія ему прочное и почетное мѣсто въ исторіи. Бисмаркъ началъ свою карьеру въ качествѣ завзятаго прусскаго „юнкера“, непреклоннаго представителя консервативныхъ идей и традицій; но, достигнувъ апогея своей славы и могущества при помощи войны, среди постоянной борьбы съ либеральными партіями въ Германіи, онъ ввелъ имперскую конституцію на широкой основѣ всеобщаго народнаго голосованія и положилъ прочное начало системѣ государственной охраны интересовъ рабочаго класса. Онъ не только не былъ консерваторомъ и реакціонеромъ обыкновеннаго пошлаго типа, но во многихъ отношеніяхъ стоялъ далеко впереди нѣмецкихъ либераловъ и прогрессистовъ. Имѣя за собою крѣпкую королевскую власть и миллионную армію и располагая образцово устроеннымъ правительственнымъ механизмомъ, онъ никогда не соблазнялся мыслью объ устраненіи публичной критики и контроля въ государственныхъ дѣлахъ, не пытался уничтожить народное представительство, свободу слова и печати, а напротивъ, посвящать значительную долю своихъ силъ парламентской дѣятельности, дѣлился съ обществомъ своими взглядами и намѣреніями, выслушивалъ доводы и нападки оппозиціи, выступалъ какъ ораторъ и парламентскій боецъ, пользовался услугами журналистики и создавалъ въ

ней свои собственные органы, дѣйствовалъ вообще какъ конституціонный министръ, готовый защищать всю полноту правъ короны безъ ущерба для законныхъ полномочій парламента ¹⁾).

Что побуждало всемогущаго канцлера Германіи поддерживать принципъ всеобщей подачи голосовъ и возиться съ парламентскими учреждениями и партіями? Дѣло въ томъ, что онъ былъ патріотомъ-націоналистомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова; онъ не отдѣлялъ государства отъ націи, не представлялъ себѣ правительства внѣ народа и общества, не понималъ государственной политики иначе какъ на національной основѣ. Государство воплощало для него націю, но не заслоняло и не упраздняло ее; нація была для него не пустымъ звукомъ, не декораціею, не пассивнымъ орудіемъ внѣшнихъ политическихъ цѣлей, а живымъ организмомъ, польза котораго есть высшій законъ для правителей. Напоминая Бонапартовъ во внѣшней политикѣ, онъ и въ международныхъ дѣлахъ, какъ и во внутреннихъ, оставался въ сущности тѣмъ же „слугою своего отечества“, и даже злѣйшіе враги не приписывали ему побужденій или плановъ личнаго честолюбія, независимаго отъ интересовъ Германіи. Онъ никогда не унижался до интригъ для упроченія своего вліянія при дворѣ, хотя часто долженъ былъ бороться съ интригами и противодействовать имъ; онъ не былъ льстивымъ царедворцемъ и очень дорожилъ независимостью своихъ мнѣній и дѣйствій, какъ это ясно видно изъ упомянутаго выше посланія его къ Вильгельму II. Онъ строго отличалъ государственныя дѣла отъ личныхъ и фамиліино-династическихъ, не допускалъ закулисныхъ вліяній въ политикѣ, рѣшительно устранялъ всякое постороннее вмѣшательство въ ходъ правительственной машины и пользовался за это искреннею непріязнью императрицъ и высшихъ придворно-аристократическихъ сферъ. Онъ, правда, всегда находилъ опору въ твердомъ чувствѣ долга, которымъ по традиціи проникнуты всѣ Гогенцоллерны и котораго живымъ воплощеніемъ былъ престарѣлый Вильгельмъ I; только при такихъ условіяхъ, при неизмѣнномъ господствѣ законности и порядка, могъ держаться во главѣ правительства человекъ съ такимъ характеромъ, какъ Бисмаркъ. Было бы несправедливо объяснять властолюбіемъ стремленіе его къ сосредоточенію власти въ своихъ рукахъ; онъ не разъ заявлялъ и доказывалъ, что, какъ прусскій министръ-президентъ и имперскій канцлеръ, онъ отвѣчаетъ за общій ходъ политическихъ и государственныхъ дѣлъ, и что единство руководящей воли обязательно для успѣшнаго выполненія правительственныхъ задачъ;—этотъ доводъ не имѣлъ въ себѣ ничего

¹⁾ См. подробнѣе въ біографическомъ очеркѣ: „Бисмаркъ“, помѣщенномъ выше, на стр. 304—352.

произвольнаго или случайнаго, такъ какъ онъ вытекалъ изъ долговременнаго практическаго опыта и убѣжденія. Онъ рѣшился разстаться съ властью, когда Вильгельмъ II пожелалъ установить непосредственные доклады министровъ помимо канцлера и сталъ контролировать личныя сношенія послѣдняго съ парламентскими дѣятелями (по поводу свиданія его съ Виндгорстомъ); онъ ограждалъ въ этомъ случаѣ не личные свои интересы, а общественные и политическіе, въ силу которыхъ и существовала съ 1852 года система, показавшаяся неудобною и стѣснительною для молодого императора.

Князю Бисмарку ставятъ въ упрекъ обычныя качества дипломатовъ—недостатокъ правдивости, откровенный цинизмъ лжи и обмана въ политикѣ. Любопытнѣе всего, что объ этомъ говорятъ съ наибольшею настойчивостью соотечественники Талейрана, французы; они же съ негодованіемъ обвиняютъ Бисмарка въ систематическомъ вовлеченіи Наполеона III въ завоевательные планы (напр., относительно Бельгіи) и въ умышенномъ возбужденіи войны 1870 года путемъ поддѣлки знаменитой депеши изъ Эмса. Императоръ французовъ, жившій однимъ честолюбіемъ, весь состоявшій изъ лицемерія и фальши, выставляется какимъ-то добродушнымъ и довѣрчивымъ правителемъ, которому враждебный Мефистофель прививалъ дурные замыслы съ цѣлью компрометировать его въ глазахъ просвѣщеннаго міра; неизвѣстно только, почему этотъ бѣдный Наполеонъ III совершилъ столько дурныхъ дѣлъ до знакомства съ прусскимъ дипломатомъ. Надо, напротивъ, считать историческою заслугою Бисмарка торжество его надъ жалкимъ византійцемъ и послѣдовавшее затѣмъ паденіе бонапартизма, этого источника нравственной заразы для государствъ Европы. Что касается эмсской депеши, то измѣненіе или, вѣрнѣе, сокращеніе ея текста, сдѣланное Бисмаркомъ при ея обнародованіи, могло только усилить эффектъ, но никакъ не повліять на характеръ инцидента, вызваннаго французскимъ правительствомъ и непосредственно приведшаго къ разрыву; всякій понимаетъ, что назойливое требованіе отъ прусскаго короля формальнаго обязательства насчетъ будущаго, послѣ отказа принца Леопольда отъ испанской кандидатуры, было уже безповоротнымъ шагомъ къ войнѣ, и какъ бы мягко ни было отредактировано сообщеніе объ этомъ изъ Эмса, полученное канцлеромъ въ Берлинѣ, событія уже не могли измѣниться. Сохраненіе мира стало немыслимымъ съ той минуты, какъ предъявлены были графомъ Бенедетти новыя требованія, которыхъ не въ состояніи было бы исполнить ни одно независимое государство, и возлагать по этому поводу отвѣтственность на Бисмарка—значить слишкомъ явно сваливать съ больной головы на здоровую.

Подобно французскимъ патріотамъ, многіе русскіе публицисты жестоко нападали на Бисмарка за ошибки и неудачи отечественной ди-

пломатіи. Если мы начали турецкую войну безъ опредѣленнаго плана и заранѣе предоставили Австро-Венгріи и Англіи распоряжаться плодами нашихъ побѣдъ, то въ этомъ былъ виноватъ будто бы германскій канцлеръ; онъ же является будто бы виновникомъ того, что для переговоровъ и соглашеній съ лучшими политическими дѣятелями Европы мы выставили такихъ людей, какъ графъ Шуваловъ, мало компетентный въ крупныхъ международныхъ вопросахъ и завѣдомо равнодушный къ дѣламъ Балканскаго полуострова, судьба котораго рѣшалась на берлинскомъ конгрессѣ. Мы не сумѣли отстоять существенные результаты нашихъ тяжелыхъ жертвъ; русскіе представители на конгрессѣ были какъ будто посторонними зрителями чуждаго имъ дипломатическаго турнира, и за это отвѣчаетъ будто бы князь Бисмаркъ. Были моменты, когда германскій канцлеръ дѣйствительно игралъ роль четвертаго уполномоченнаго Россіи, въ виду странной пассивности и молчанія официальныхъ русскихъ дипломатовъ; самъ Бисмаркъ въ послѣдствіи напоминалъ объ этомъ, съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ ироніи. Что же удивительнаго въ томъ, что онъ не всегда обнаруживалъ готовность защищать наши интересы съ большею энергіею, чѣмъ мы сами, и часто воздерживался отъ прямого противодѣйствія требованіямъ Австріи и Англіи, по примѣру русскихъ делегатовъ? Въ концѣ концовъ, онъ не скрывалъ своего пренебреженія къ тогдашней нашей дипломатіи; онъ видимо склонялся на сторону графа Андраши и лорда Биконсфильда только потому, что они хорошо знали, что имъ нужно, тогда какъ противники ихъ поражали неясностью и нерѣшительностью своихъ взглядовъ. Быть можетъ, онъ поступалъ бы иначе, еслибы предвидѣлъ разстройство отношеній съ Россіею; но трудно винить его за то, что онъ не былъ тогда *plus royaliste que le roi*. Съ русской точки зрѣнія, не слѣдовало бы вовсе поднимать вопроса объ отвѣтственности князя Бисмарка за наше положеніе на берлинскомъ конгрессѣ.

Война между Соединенными Штатами и Испаніею прекратилась; Куба фактически освобождена отъ угнетавшаго ее режима, а вопросъ о Филиппинскихъ островахъ будетъ еще предметомъ совѣщаній особой международной комиссіи, составленной изъ делегатовъ обѣихъ державъ. Въ скоромъ времени состоится, вѣроятно, окончательное заключеніе мира.

Благополучный исходъ войны не измѣняетъ, конечно, сущности теоретическаго спора о новой внѣшней политикѣ, усвоенной президентомъ Макъ-Кинлэемъ и находящей все болѣе приверженцевъ между американцами. Мы указывали въ свое время на то, что Соединенные Штаты не дѣлали попытки придать вопросу о Кубѣ общій международный

характеръ и даже въ принципѣ устранили участіе другихъ державъ въ его обсужденіи. Но взаимное соперничество европейскихъ націй, мѣшавшее мирному устройству дѣла на востокѣ, не существуетъ или не имѣетъ значенія относительно Кубы; поэтому неудача общихъ дипломатическихъ усилій въ армянскомъ или критскомъ вопросѣ не могла бы служить аргументомъ противъ широкой международной постановки кубанскаго дѣла. П. А. Тверской не соглашается съ нашимъ взглядомъ; онъ прислалъ намъ новое возраженіе, въ которомъ доказываетъ, что Соединенные Штаты вели долгую дипломатическую кампанію прежде, чѣмъ рѣшиться на войну,—хотя эта кампанія имѣла, такъ сказать, домашній характеръ, и слѣдовательно ссылка на нее не опровергаетъ нашихъ словъ. По желанію нашего почтеннаго корреспондента, мы даемъ здѣсь мѣсто его письму, въ интересахъ безпристрастія, послѣ чего нашъ теоретическій — теперь уже отчасти запоздалый — споръ можетъ считаться законченнымъ:

„Настоящее кубанское возстаніе,—пишетъ онъ.—началось еще въ февралѣ 1895 года, т.-е. слишкомъ за три года до объявленія войны—20 апрѣля 1898 г. Уже осенью въ первый же годъ возстанія вліяніе царившей на островѣ безурядицы на земледѣльческіе и коммерческіе интересы американскихъ гражданъ было такъ сильно, что Испаніи были сдѣланы серьезныя дипломатическія представленія со стороны вашингтонскаго правительства. Кановасъ обѣщалъ, что возстаніе будетъ немедленно подавлено,—былъ присланъ Вейлеръ и слишкомъ сто тысячъ регулярнаго войска. Въ теченіе всего 1896 года положеніе дѣла замѣтно ухудшалось съ каждымъ мѣсяцемъ, и усиливались вышеупомянутыя представленія¹⁾. Тогдашній посолъ Союза въ Мадридѣ, Тэйлоръ, статьи котораго по поводу этого долгаго и тяжелаго дипломатическаго конфликта, появившіяся осенью прошлаго года въ „North American Review“, произвели такую сенсацію, нѣсколько разъ доходилъ почти до формальнаго перерыва дипломатическихъ сношеній, особенно послѣ многократныхъ оскорбленій, нанесенныхъ—и въ Мадридѣ, и во многихъ провинціальныхъ городахъ—и звѣздному знамени, и американскимъ консульствамъ. Хотя президентъ Кливлэндъ и былъ безусловнымъ противникомъ вмѣшательства,—что было хорошо извѣстно мадридскому правительству и чѣмъ оно пользовалось самымъ жестокимъ образомъ,—тѣмъ не менѣе дипломатическій конфликтъ шелъ своимъ чередомъ, и отъ покойнаго Кановаса нѣсколько разъ требовали установленія срока, въ который порядокъ будетъ восстановленъ—не трехдневнаго или трехмѣсячнаго, а даже годового—и никакъ не могли добиться никакого опредѣленнаго отвѣта. То же самое, съ раз-

¹⁾ См. статью „Президентская кампанія 1896 г. „Вѣсти Европы“, январь, 1897 г.

ными варіаціями, происходило и въ теченіе всего 1897 года, только съ гораздо большей энергіей со стороны новой администраціи Макъ-Кинлэя, — такъ что то мирное давленіе, которое вы сами находите достаточнымъ въ русско-турецкой войнѣ и продолжавшееся тогда около двухъ лѣтъ, въ данномъ случаѣ продолжалось около трехъ лѣтъ, и конечно испытало вполне долготерпѣніе американскаго народа. Говорить же о „привлеченіи мирныхъ и всеобщихъ усилій всѣхъ великихъ державъ Европы въ пользу кубанцевъ“ совершенно невозможно. Во-первыхъ, эти-то именно усилія и принесли собою берлинскій конгрессъ; Америка не могла не понимать, что допущеніе ею малѣйшаго вмѣшательства со стороны какой-либо европейской державы не преминуло бы принести за собою обще-европейскую кутерьму и въ концѣ концовъ нѣчто подобное этому конклаву, а ея общественное мнѣніе не допустило бы ничего подобнаго въ какой бы то ни было формѣ. Во-вторыхъ, какъ разъ въ то же самое время у Европы были на рукахъ и критское возстаніе, и армянская рѣзня — два международныхъ эпизода, совершенно идентичныхъ съ кубанскимъ, если не по формѣ, то по существу, — а какъ отнеслась къ нимъ Европа? Разрѣшены ли они хоть какъ-нибудь и въ настоящій моментъ, послѣ многихъ лѣтъ тѣхъ именно усилій, о которыхъ вы говорите? Не составляютъ ли они одной изъ наименѣ лестныхъ страницъ всей всемірной исторіи? Ядовитыя послѣдствія такихъ политическихъ преступленій, какимъ теперь почти единогласно и повсемѣстно признанъ берлинскій конгрессъ, не сглаживаются такъ скоро, и „удрученное состояніе русскихъ уполномоченныхъ“, какъ выражались телеграммы того времени, и „безпримѣрныя оваціи лорду Биконсфилду при его возвращеніи съ конгресса въ Лондонъ“ отзываются на европейской исторіи и до сихъ поръ. Вспомните, что сказалъ по поводу дѣйствій современнаго „европейскаго концерта“ умирающій Гладстонъ, единственный европейскій политическій дѣятель послѣдняго времени, который былъ прежде всего человѣкъ, а потомъ ужъ политикъ. Нѣтъ, дипломатическій конфликтъ и мирное давленіе, предшествовавшіе войнѣ Америки съ Испаніей, были и долги, и интенсивны, хотя, можетъ быть, и односторонни, съ европейской точки зрѣнія, въ томъ смыслѣ, что ея державамъ не пришлось прилѣпиться къ нимъ такъ или иначе и урвать по куску пирога, что удалось всѣмъ имъ благодаря берлинскому конгрессу, тогда какъ куски эти вытащила для нихъ изъ огня одна Россія. Упрекать Америку, что она стремилась избѣжать ошибокъ того времени, ошибокъ всѣми теперь признанныхъ, по меньшей мѣрѣ странно, если даже и совсѣмъ оставить въ сторонѣ доктрину Монро, такъ ненавистную Европѣ вообще. Затѣмъ, вы очевидно совсѣмъ не знаете того факта, что еще лѣтомъ 1897 года было

предложено правительству Кановаса, а затѣмъ осенью того же года правительству Сагасты признаніе независимости Кубы съ принятіемъ ею на себя двухъ сотъ милліоновъ долларовъ испанскаго государственнаго долга, каковую сумму Союзъ готовъ былъ гарантировать. Цѣлые полгода правительство Макъ-Кинлэя старалось убѣдить Испанію принять такое рѣшеніе, удовлетворявшее и кубанскихъ инсургентовъ, и Америку,—но оно обратилось къ каменной стѣнѣ, немѣнно отвѣчавшей, что Испанія не можетъ отказаться отъ своихъ сюзеренныхъ правъ на островъ ни на какихъ условіяхъ,—инсургенты же, опасаясь совершенно основательно вѣроломства въ будущемъ, не соглашались сложить оружіе безъ признанія ею этого условія, и сдѣлали его *sine qua non*.

„И русская печать вообще, и въ данномъ случаѣ, „Вѣстникъ Европы“ въ особенности, очевидно упускаютъ изъ виду существенныя особенности Испаніи, какъ современнаго государства. Да, со всякимъ „культурнымъ“ европейскимъ государствомъ Америка, конечно, сдѣлала бы такъ или иначе придти къ соглашенію и безъ войны, такъ несомнѣнно противной ей во всѣхъ отношеніяхъ, и результаты которой не могли не быть заранѣе очевидными для всякаго зрячаго человѣка. Она это сдѣлала съ Англіей и по поводу алабамскаго конфликта, и по поводу болѣе современнаго и также остраго венецуэльскаго столкновенія. Америку, конечно, нельзя походя упрекать въ воинственности,—сравните ея сто-двадцатилѣтнюю исторію съ исторіей любого европейскаго государства за тотъ же періодъ, примите въ соображеніе ея несомнѣнную мощь,—и разница въ этомъ отношеніи, конечно, получится поразительная. Но та логика, которую можно приложить въ случаѣ столкновенія съ Англіей, отнюдь не приложима въ Испаніи. Во всѣхъ своихъ основахъ, во всей своей государственной, общественной и народной жизни она конечно осталась въ сущности почти тѣмъ же средневѣковымъ государствомъ, какимъ она была пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Ея прошлое величіе не позволяетъ ей здраво смотрѣть на вещи. Сознаніе того, что ея предки когда-то „Римъ спасли“, не даетъ ей покоя, и современная логика ей все еще не по плечу. „Испанская гордость“ давно вошла въ пословицу. Военный агентъ ея посольства, покидая Вашингтонъ, послалъ вызовы на дуэль чуть ли не всему составу офицеровъ американской арміи. Къ этимъ существеннымъ историческимъ и національнымъ особенностямъ, дававшимъ себя неизмѣнно знать и европейскимъ государствамъ во всѣхъ ихъ столкновеніяхъ новѣйшаго времени съ Испаніей, въ данномъ случаѣ присоединилось еще и то, что внутреннее ея состояніе было все время таковымъ, что никакое ея правительство не могло бы устоять и сутокъ, еслибы оно согласилось на очищеніе Кубы безъ войны. Ника-

кая дипломатія, никакое мирное давленіе не могло бы достигъ этого. Въ Испаніи, кромѣ обычныхъ консервативной и либеральной политическихъ партій, давно окончательно выродившихся въ принципиальномъ смыслѣ, есть еще и республиканцы, и карлисты; согласіе на очищеніе Кубы безъ войны ниспровергло бы и правительство, и династію, и все-таки въ результатъ получилась бы война. Почти 70% испанскаго народа абсолютно безграмотны—а для ея правящихъ классовъ ея колоніи вообще, а Куба въ особенности, были именно тѣмъ „Ташкентомъ“, который обезсмертилъ еще незабвенный Щедринъ. Слишкомъ сто тысячъ испанскихъ чиновниковъ всякаго рода, сорта и наименованія наживались въ колоніяхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе,— для этихъ „ташкентцевъ“ Куба была всегда и матушкой-казной, и дворянскимъ банкомъ, и „безценными краснофуражечными должностями“. „Національная гордость“ не вѣрила, чтобы „американскія свиньи“ безъ всякихъ родословныхъ могли ихъ побить,—и отдать безъ войны то, чѣмъ по традиціи „кормились“ оголѣвшіе, неспособные къ дѣйствительному труду гранды и доны, было бы совершенно немисланнымъ. Чтобы уничтожить второе, необходимо было на дѣлѣ доказать первое. Америкѣ оставалось или умыть руки, и безучастно продолжать смотрѣть, какъ на самомъ ея порогѣ кровожадный коршунъ терзалъ женщинъ и дѣтей, или—воевать. Наше общественное мнѣніе выбрало послѣднее, когда оно, наконецъ, убѣдилось, что сколько бы мы ни теоретизировали, Васька бы слушалъ насъ—и ѣлъ. Мы предпочли остановить его насильно и вырвать то, что еще оставалось отъ его четырехсотлѣтней трапезы. Не Америка вызвала войну, а совершенная невозможность достигъ этого какимъ бы то ни было другимъ образомъ. За послѣдній годъ напряженіе дошло до maximum'a, а рѣшеніе было такъ же далеко, въ сущности такъ же невозможно, какъ и три года тому назадъ. Наблюденіе за кубанскими флибустьерами обходилось Америкѣ въ послѣднее время по два милліона долларовъ въ мѣсяцъ—кубанцы вымирали десятками и сотнями тысячъ, возстаніе разорило не только Кубу, но и тысячи американскихъ гражданъ все больше и безнадежнѣе,—а выхода не было.

„Война, повидимому, пришла уже къ концу, достигнувъ всего, чего добивалась Америка, и стоитъ ей меньше двухъ тысячъ человѣкъ убитыми, умершими и ранеными,—за тѣ же три мѣсяца, конечно, и Куба, и Филиппины заплатились бы сотней тысячъ человѣческихъ жизней.

„Резюмируя все вышеизложенное, оказывается, что въ международныхъ сношеніяхъ между государствами, стоящими на широко различной степени культуры, къ сожалѣнію, все еще возможны такіа столкновенія, которыхъ никакъ нельзя разрѣшить мирными методами.

По моему крайнему разумѣнію, настоящая испано-американская война была именно такимъ столкновеніемъ, и я сердечно радуюсь тому, что она кончилась такимъ быстрымъ триумфомъ правой стороны и съ такими, сравнительно, небывало-незначительными потерями въ смыслѣ человѣческихъ жертвъ. Что же касается денегъ — онѣ, во-первыхъ, дѣло наживное, а, во-вторыхъ, Америкѣ нисколько не жаль тѣхъ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ долларовъ, которые были издержаны на эту войну, но зато освободили больше десяти милліоновъ душъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ нашихъ братьевъ и въ Вестъ-Индіи, и на Филиппинахъ“...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Томъ первый. Спб. 1898.

Сочиненія Загоскина давно заслуживали полного изданія. Знаменитый нѣкогда писатель, которымъ восхищались Пушкинъ и Жуковский, сохранилъ и донынѣ свою славу—въ юношескомъ и популярномъ чтеніи; но прежняя слава даетъ ему мѣсто въ исторіи литературы. Чтеніе его сочиненій имѣетъ интересъ и въ настоящее время съ исторической точки зрѣнія: онѣ характерно отражаютъ давно пережитый литературный періодъ и любопытны чертами нравовъ и самой личностью писателя.

Въ сущности это было не такъ давно,—Загоскинъ умеръ въ 1852 г.,—но многое въ его сочиненіяхъ и въ самой біографіи представляется уже далекою стариной. Онъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода (родился въ 1789) и принадлежалъ къ помѣщичьей семьѣ средняго достатка. Ученіе его было домашнее. Какъ рассказываетъ Вигель, который приходился ему родней и видѣлъ его дѣтство, когда Загоскину было четырнадцать лѣтъ и его уже готовили на службу, то ученіе его не только не было кончено, а, какъ кажется, даже не было начато. Образование ограничивалось чтеніемъ: мальчикъ со страстью любилъ чтеніе и читалъ безъ разбора все, что находилъ въ отцовской библіотекѣ; не все давали ему читать, но онъ ухитрялся тайкомъ добывать книги. До четырнадцати лѣтъ онъ жилъ въ деревнѣ, отцовскомъ помѣстьѣ, и хотя по нынѣшнему онъ былъ бы еще только въ четвертомъ или пятомъ классѣ гимназіи и до нынѣшней „зрѣлости“ ему оставалось еще восемь или десять лѣтъ, родители уже отправляли его въ Петербургъ *на службу*. „Тогда былъ такой обычай,—говоритъ Вигель,—въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ; полагали, что они уже всему выучены, и спѣшили ихъ отдавать на службу, чтобы они ранѣе могли выйти въ

чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствуютъ счастію и возвышенію своихъ дѣтей". Самъ Загоскинъ мечталъ о военной службѣ, но отецъ предпочелъ направить его въ гражданскую. Въ Петербургѣ нашлась протекція изъ отцовскаго знакомства, и Загоскинъ на пятнадцатомъ году возраста поступилъ на службу въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, откуда перешелъ потомъ въ горный департаментъ и затѣмъ въ государственный заемный банкъ. Онъ долженъ былъ существовать на жалованье въ 100 рублей въ годъ, потому что отецъ его не высылалъ ему пособій. Въ 1811 онъ опять перешелъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и былъ помощникомъ столоначальника въ чинѣ губернскаго секретаря. Такъ рано начиналась тогда самостоятельность юноши.

Объ этой порѣ его жизни ничего не извѣстно. По всей вѣроятности въ немъ бродили уже и теперь литературные интересы. У него съ дѣтства была живая фантазія; еще мальчикомъ онъ написалъ повѣсть и даже драму въ стихахъ; повидимому, за время своей службы онъ старался пополнить свое образованіе. Къ 1812 году онъ зналъ уже по-французски и немного по-нѣмецки.

Въ двѣнадцатомъ году онъ увлекся патріотическимъ одушевленіемъ, которое овладѣвало тогда молодежью въ ожиданіи грандіозной борьбы, и поступилъ въ петербургское ополченіе, которое назначено было въ подкрѣпленіе корпуса Витгенштейна, прикрывавшаго Петербургъ. Загоскину пришлось принять участіе въ военныхъ событіяхъ; онъ отличился въ сраженіи при Полоцкѣ, былъ раненъ, получилъ орденъ. По излеченіи раны онъ снова отправился къ полку и оставался въ немъ до сдачи Данцига, т.-е. до окончанія войны. Послѣ этого онъ отправился домой въ деревню и затѣмъ вернулся въ Петербургъ на прежнюю службу, такъ какъ за чиновниками, поступившими въ ополченіе, были оставлены ихъ мѣста до возвращенія ихъ изъ похода. Въ деревнѣ онъ написалъ свою первую комедію, которая послужила началомъ его литературнаго поприща и доставила ему знакомство съ вліятельнымъ драматургомъ того времени, кн. А. А. Шаховскимъ.

Современники изображаютъ его очень живымъ и веселымъ юношей. „Имя Миши,—говоритъ Вигель,—коимъ звали его, было ему весьма прилично: дюжій и неуклюжій, какъ медвѣжонокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не зналъ онъ суще-

ствованія приличій свѣта, а послѣ мало о нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамиллярнымъ его обхожденіемъ“. По словамъ С. Т. Аксакова,—съ которымъ Загоскинъ на первый разъ встрѣтился очень враждебно (они считали себя въ противоположныхъ литературныхъ лагеряхъ), а потомъ очень сдружился, потому что, въ сущности, оказались въ одномъ и томъ же лагерѣ,—„Загоскинъ, съ прекрасною наружностью, внушавшею расположеніе и довѣренность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый, былъ любимъ товарищами и всѣми его окружавшими. Истинный русакъ, исполненный добродушной шутливости, онъ имѣлъ во время долгой осады Данцига множество смѣшныхъ столкновеній съ нѣмцами. Онъ любилъ объ этомъ рассказывать даже въ немолодыхъ годахъ“. Нѣкоторыя происшествія, описанныя имъ въ „Рославлевѣ“, взяты изъ его личныхъ воспоминаній объ этомъ военномъ времени.

Знакомство съ княземъ Шаховскимъ перешло въ очень дружескія отношенія, когда Загоскинъ выступилъ съ пьесой „Комедія противъ комедіи“, написанной въ защиту князя Шаховского. Дѣло въ томъ, что передъ тѣмъ поставлена была извѣстная пьеса Шаховского „Липецкія воды“, гдѣ авторъ, человѣкъ старой школы, выбранный передъ тѣмъ въ Россійскую Академію, осмѣялъ новое литературное направленіе и даже вывелъ на сцену Жуковского подъ именемъ поэта Фіалкина. Само собою разумѣется, что нападеніе встрѣтило сильный отпоръ со стороны друзей Жуковского, членовъ „Арзамаса“. Въ это время Загоскинъ явился партизаномъ Шаховского. Вражда противъ послѣдняго направилась и на защитника: на Загоскина также посылались сатиры и эпиграммы.

„Надо перенестись въ то время,—говоритъ биографъ Загоскина,—чтобы понять, какъ могли люди, даже серьезные, лучшіе по уму, талантамъ и образованію, волноваться изъ-за подобныхъ пустяковъ. Но въ ту пору всякое ничтожное стихотвореніе, повѣсть, статейка въ журналѣ давали право на литературную извѣстность; появленіе хорошаго актера на сценѣ, новая пьеса были событіемъ не только для присяжныхъ литераторовъ и театраловъ, но и для любителей, для тѣхъ, которыхъ Загоскинъ называлъ полу-литераторами. Стоитъ только вспомнить рассказы С. Т. Аксакова, чтобы понять то увлеченіе, съ какимъ тогдашнее общество отдавалось самымъ мелкимъ литературнымъ и театральнымъ интересамъ, какіе горячіе споры и ссоры возникали по поводу той или другой пьесы, или игры актера. При такихъ только условіяхъ и возможенъ былъ знаменитый „Арзамасъ“, который можетъ считаться лучшимъ знаменіемъ своего времени. Лишь на склонѣ дней своихъ современники той поры оказывались въ состояніи измѣнить свой взглядъ на нее: сколько дѣтскаго,—говоритъ

потомъ С. Т. Аксаковъ,—и, пожалуй, смѣшного было въ этомъ увлеченіи! Какъ оно живо выражаетъ отсутствіе серьезныхъ интересовъ или, пожалуй, серьезность интереса и взгляда на искусство, можетъ быть у многихъ безсознательнаго“.

Біографъ замѣчаетъ, что вступленіе на литературное поприще было, пожалуй, неблагоприятное. Загоскинъ „сталъ на сторону партіи литературныхъ старовѣровъ, не имѣвшей для себя будущности, бѣдной талантами, которые группировались въ противной ей, молодой прогрессивной партіи... Едва-ли, впрочемъ, это было для Загоскина дѣломъ вполне сознательнаго выбора. Скорѣе, это было дѣломъ случая: молодой, почти безъ всякаго образованія, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, почти безъ литературныхъ знакомствъ, Загоскинъ случайно знакомится съ Шаховскимъ и, не успѣвши еще хорошо ознакомиться въ новой для него сферѣ, беретъ на себя защиту этого писателя“.

Съ этихъ поръ Загоскинъ дѣятельно вступилъ въ литературу, а именно, много писалъ для театра, принималъ участіе въ журналистикѣ, какъ описатель нравовъ и моралистъ, вступалъ въ мелкую полемику съ литературными противниками. Наконецъ, онъ перемѣнилъ службу, и именно, служилъ одно время при театрѣ, а потомъ перешелъ въ Публичную бібліотеку. Въ 1820 году онъ переселился въ Москву и здѣсь опять продолжалъ писать пьесы для театра и хотя въ первое время скучалъ въ Москвѣ и стремился въ Петербургъ, но въ концѣ концовъ такъ обжился въ Москвѣ и нашелъ тамъ столько друзей, что сдѣлался горячимъ, специально московскимъ патріотомъ. Онъ имѣлъ здѣсь большіе театральные успѣхи, но уже вскорѣ ожидала Загоскина его настоящая слава. Въ 1829, вышелъ „Юрій Милославскій“. С. Т. Аксаковъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Загоскинъ сталъ наконецъ тяготиться условной формой комедіи, и „отертымъ полемъ, гдѣ могло свободно разгуляться воображеніе писателя,“ ему представлялся теперь романъ, именно романъ историческій во вкусѣ Вальтеръ-Скотта. Когда онъ задумалъ свое новое произведеніе, новый трудъ, гдѣ дѣйствительно открывалась полная свобода его фантазій, повидимому поглотилъ его совершенно. Аксаковъ рассказываетъ: „онъ былъ весь погруженъ въ эту мысль, охваченъ ею совершенно; его всегдашняя разсѣянность, къ которой давно привыкли и которую уже не замѣчали, до того, усилилась, что всѣ ее замѣтили и всѣ спрашивали другъ друга, что сдѣлалось съ Загоскинымъ. Онъ не видитъ, съ кѣмъ говорить, и не знаетъ, что говорить. Встрѣчаясь на улицахъ съ короткими пріятелями, онъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклонны и не слышалъ привѣтствій“.

Извѣстно, что романъ имѣлъ успѣхъ необычайный—въ этой обла-

сти небывалый въ русской литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ и успѣхъ совсѣмъ неожиданный: никто не думалъ, чтобы Загоскинъ могъ написать такую вещь. Рассказываютъ анекдотъ, что, прочитавши въ одномъ домѣ отрывокъ изъ своего, еще неоконченнаго романа, Загоскинъ привелъ слушателей въ полный восторгъ, и хозяйка дома, не помня себя отъ волненія, сказала ему наивно: „Признаюсь, Михаилъ Николаевичъ, я никакъ не ожидала отъ васъ такой прелести!“ — „И я тоже, сударыня“, отвѣчалъ Загоскинъ. Но когда романъ былъ законченъ и вышелъ въ свѣтъ, съ такимъ же восторгомъ принялъ его весь тогдашній литературный міръ, Пушкинъ и Жуковский, Дмитріевъ, князь Шаховской, Гнѣдичъ, Крыловъ и т. д. Аксаковъ рассказываетъ, что Загоскинъ „сдѣлался знаменитостью, моднымъ человекомъ, необходимою обѣдовъ, баловъ, раутовъ и бесѣдъ съ литературнымъ направленіемъ, львомъ тогдашняго времени; вниманіе и одобреніе государя довершили торжество Загоскина“. Въ общемъ хорѣ не участвовали только Гречъ и его другъ Булгаринъ, который въ это самое время готовилъ къ выходу своего „Димитрія Самозванца“ и не могъ вынести появленія такого соперника. Самъ Загоскинъ былъ такъ простодушенъ, что адресовалъ именно къ Гречу экземпляры книги для раздачи нѣкоторымъ друзьямъ въ Петербургѣ; только послѣ онъ узналъ, что Гречъ вовсе не торопился исполненіемъ его порученія, а кромѣ того Загоскинъ прочелъ и язвительные отзывы „Сѣверной Пчелы“.

Если принять въ соображеніе, что „Юрій Милославскій“ появлялся въ такое время, когда историческій романъ былъ въ нашей литературѣ совершенною новостью, успѣхъ его становится понятенъ. Даже требовательный Бѣлинскій признавалъ въ немъ немалыя достоинства. Онъ надолго остался популярнымъ чтеніемъ, можетъ имъ быть и до сихъ поръ, но въ литературномъ развитіи его значеніе кончилось довольно скоро.

Неизвѣстный авторъ жизнеописанія, при первомъ томѣ настоящаго „Полнаго собранія сочиненій“, составилъ это жизнеописаніе очень обстоятельно и вообще вѣрно опредѣляетъ достоинства и слабые стороны Загоскина. Отъ него не ускользнули причины слабаго успѣха дальнѣйшихъ произведеній Загоскина и характеръ его цѣлаго міровоззрѣнія. Онъ справедливо замѣчаетъ, напримѣръ, что міровоззрѣніе Загоскина, его взглядъ на нравственное развитіе народа, на просвѣщеніе не идутъ дальше давнишнихъ разсужденій Фонъ-Визинскаго Стародума. Къ наукамъ онъ недовѣрчивъ, потому что онъ все равно никогда не дойдутъ до объясненія всѣхъ тайнъ жизни и природы; вмѣсто наукъ надо стремиться къ добродѣтели; и въ особенности просвѣщеніе не нужно для крестьянина (въ этомъ послѣднемъ

случаѣ была одна печальная правда въ замѣчаніяхъ Загоскина: „бегмотный мужикъ не бѣда, а вотъ худо то, когда самъ помѣщикъ читаетъ по складамъ“). Изложеніе своихъ идей Загоскинъ помѣстилъ въ своемъ романѣ „Искуситель“. Даже другъ его С. Т. Аксаковъ признавалъ „Искусителя“ самымъ слабымъ произведеніемъ Загоскина. Вскорѣ затѣмъ Загоскинъ еще болѣе опредѣленно изложилъ свои взгляды въ извѣстномъ „Маякѣ“: они становились настоящимъ обскурантизмомъ, который не производитъ особенно отталкивающаго впечатлѣнія только потому, что въ немъ все-таки сквозитъ нѣкое добродушіе; но эти призывы къ добродѣтели вмѣсто наукъ все-таки доставляютъ нѣкоторое оружіе настоящимъ злостнымъ обскурантамъ.

Въ концѣ концовъ, въ литературныхъ кругахъ на Загоскина не смотрѣли серьезно. Біографъ рассказываетъ, что къ сороковымъ годамъ „убѣжденія Загоскина окончательно установились. Изъ двухъ направлений, которыя ясно опредѣлились въ это время въ нашемъ обществѣ: западничества и славянофильства, онъ, конечно, избралъ послѣднее, хотя философская основа этого ученія была для него, какъ всякая философія, вообще чужда“. И біографъ приводитъ отрывокъ изъ письма Хомякова къ Самарину: „Досадно, когда видишь, что Загоскинъ (хоть онъ и славный человѣкъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ; чувствуешь, что съ нами инстинктъ, ибо Загоскинъ—выраженіе инстинкта, а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ“. Можно было бы прибавить неупомянутый біографомъ рассказъ С. Т. Аксакова о томъ, какъ онъ знакомилъ съ Загоскинымъ Гоголя. Это было еще въ тридцатыхъ годахъ. Загоскинъ былъ тогда нуженъ Гоголю, какъ человѣкъ, имѣвшій значеніе въ московскихъ театральныхъ дѣлахъ; Гоголь достигъ чего ему было нужно, но Аксаковъ замѣтилъ, что въ сущности Гоголь относился къ Загоскину крайне пренебрежительно. Сцена была довольно отталкивающая, но исторически характерная.

— Иванъ Щегловъ. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Спб. 1898.

Книжка г. Щеглова говоритъ о слѣдующихъ предметахъ: Жанъ-Жакъ Руссо о театральныхъ зрѣлищахъ; На Варгуниномъ народномъ гуляньѣ; Письмо гр. Льва Толстого о народномъ театрѣ; Васильеостровскій театръ для рабочихъ; Какія пьесы нравятся народу; Въ защиту мелодрамы; Пьесы „мизурныя“ и классическія; О простотѣ обстановки; Народный театръ въ Москвѣ и записка А. Н. Островскаго; Простонародные фарсы и слово Достоевскаго; Театры солдатскіе и дѣтскіе; Картинка солдатскаго спектакля; Ярмарочныя увесе-

ленія и Петрушка Уксусовъ; Самый удобный и самый дешевый народный театръ. Кромѣ того въ приложеніяхъ помѣщены списокъ книгъ и статей по народному театру и четыре пьески для народной сцены.

Мы говорили о книжкѣ г. Щеглова при первомъ ея изданіи; послѣ нынѣшняго второго изданія авторъ еще нѣсколько разъ обращался къ этому предмету въ газетныхъ статьяхъ, гдѣ высказывалъ свои новыя наблюденія и пожеланія для народнаго театра. Эта преданность г. Щеглова интересу народной сцены заслуживаетъ, конечно, всякаго сочувствія, хотя бы иногда мы и не согласились съ его взглядами: его замѣчанія во всякомъ случаѣ могутъ быть полезны для тѣхъ, кто занятъ народнымъ театромъ, какъ любитель и наблюдатель или какъ предприниматель. Въ предисловіи ко второму изданію авторъ имѣлъ удовольствіе отмѣтить новыя успѣхи народно-театрального дѣла.

„Прошло около трехъ лѣтъ,—говоритъ онъ,—со времени появленія моей книги „О народномъ театрѣ“, и—надо отмѣтить—дѣло народнаго театра, за этотъ трехлѣтній промежутокъ, значительно продвинулось впередъ. Теперь извѣстія объ устройствѣ народныхъ спектаклей и увеселеній идутъ не только изъ столицъ съ ихъ пригородами, но уже все чаще и чаще начинаютъ слышаться отклики изъ разныхъ концовъ провинціи. Сегодня вы читаете въ „Театральной хроникѣ“: „Намъ пишутъ изъ г. Кинешмы: Дума и земство рѣшили устроить въ Кинешмѣ народный театръ имени А. Н. Островскаго. Театръ уже строится“... Завтра читаете: „Намъ пишутъ изъ Севастополя: постройка народнаго театра окончена. Организуются двѣ труппы любителей—интеллигентная и народная“. Или: „Намъ пишутъ изъ Черми: Попечительство трезвости при мѣстномъ казенномъ заводѣ приступаетъ къ сооруженію каменнаго зданія для помѣщенія народнаго театра и читальни съ библіотекой и чайной“. Послѣ завтра опять, все въ той же „Театральной хроникѣ“: „Намъ пишутъ изъ Екате́ринбурга, намъ пишутъ изъ Архангельска, намъ пишутъ изъ Шуи, Смоленска, Пензы, Чернигова“—и т. д., и т. д.

„Сравнительно меньше всего „пишутъ“ изъ Москвы, ибо Москва, по прежнему, въ дѣлѣ народнаго театра остается позади всѣхъ (см. главу VII), ширенно предоставляя инициативу по этой части С.-Петербургу.

„И С.-Петербургъ — надо отдать ему справедливость — не заставляетъ себя долго ждать и, во главѣ со своими градоначальниками, проявляетъ похвальную энергію. Покойный П. А. Грессеръ, какъ извѣстно, былъ главнымъ инициаторомъ и покровителемъ Васильево-Островскаго театра; при его преемникѣ, г. В. В. фонъ-Валѣ, разрос-

лись на окраинахъ лѣтніе народные театры; а нынѣшнимъ градоначальникомъ Н. В. Клейгельсомъ возбужденъ вопросъ объ урегулированіи „балаганныхъ увеселеній“ и увеличеніи народныхъ театровъ въ столицѣ, для каковой благой цѣли и образована особая, т.-е. „народническая коммиссія“... Въ свою очередь, „Невское общество устройства народныхъ развлеченій“ также расширяетъ свою дѣятельность—и 8-го сентября, за Невской заставой, совершилось торжество закладки большого каменнаго театра и при немъ читальнаго зала и чайной,—торжество, къ прискорбію омрачившееся извѣстіемъ о смерти главнаго инициатора этой постройки, казначея общества, Николая Александровича Варгунина, много потрудившагося на пользу народнаго просвѣщенія и развлеченія.

„Кромѣ того, усердно поработало въ означенномъ направленіи, въ лицѣ Е. П. Карпова и А. Е. Молчанова, Спб. Театральное общество и на „Первомъ Всероссийскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей“, въ Москвѣ, дѣлу народнаго театра данъ былъ новый, весьма внушительный толчокъ“.

Второе изданіе своей книги авторъ очень расширилъ и въ концѣ предисловія говоритъ о врагахъ народнаго театра: „Конечно, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и въ дѣлѣ народнаго театра въ особенности—всегда найдутся книжники и фарисеи, готовые обрушиться съ высокомѣрнымъ осужденіемъ и прописной моралью на безобидный смѣхъ и веселую шутку... Но такимъ господамъ остается лишь отвѣтить еще болѣе сильнымъ словомъ... хотя бы, напримѣръ, классическимъ изреченіемъ Жоржъ-Зандъ: ремесло забавлять людей—первѣйшее изъ всѣхъ!“

Какъ мы сказали, въ книгѣ г. Щеглова собрано много любопытныхъ наблюденій именно надъ фактами народнаго театра, но въ общихъ выводахъ о томъ, какой долженъ быть народный театръ, „какія пьесы нравятся народу“ и т. п., все еще остается что-то неясное. Послѣ своей книги авторъ долженъ былъ еще нѣсколько разъ возвращаться къ тѣмъ же вопросамъ, и между любителями продолжался споръ о томъ, что такое театръ „народный“ или „общедоступный“. Оба понятія чрезвычайно неопредѣленны. „Народъ“ заключаетъ въ себѣ вовсе не что-либо однородное; совсѣмъ напротивъ, въ „народѣ“ такъ же много различныхъ степеней пониманія, какъ и въ такъ называемомъ „обществѣ“. Что можетъ быть понятно „народу“ (т.-е. извѣстному его слою) въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ мѣстѣ можетъ оказаться непонятнымъ тому же „народу“ (т.-е. другому его слою). Есть, напримѣръ, большая разница между народомъ или рабочимъ сословіемъ большихъ городовъ, гдѣ можетъ встрѣтиться не мало людей грамотныхъ, кое-что читавшихъ, многое видѣвшихъ, словомъ, приняв-

шихъ извѣстную культуру, и народомъ настоящаго деревенскаго захолустья, безъ всякой грамотности, т.-е. безъ всякаго чтенія и безъ матѣйшаго знанія жизни внѣ своего ближайшаго околоса. Понятно, что въ томъ и другомъ случаѣ степень пониманія будетъ совершенно различная, и дѣлать общій выводъ о „народномъ“ театрѣ по наблюденіямъ въ той или другой средѣ изъ этихъ двухъ, будетъ ни къ чему не ведущимъ произволомъ. Если для воспріянія высокихъ произведеній искусства въ средѣ самого, такъ называемаго, образованнаго общества требуется воспитаніе эстетическаго чувства, иногда даже очень серьезное, то, хотя въ другой степени, такое же воспитаніе потребовалось бы и для пониманія театра, предлагаемаго „народу“. Довольно странно, въ обычныхъ разсужденіяхъ о народномъ театрѣ, встрѣчать рядомъ балаганъ и „Петрушку“, и комедіи Гоголя или Островскаго, — очевидно дѣло идетъ именно о различныхъ слояхъ народной публики, и очевидно, что вопросъ о томъ или другомъ репертуарѣ сводится къ тому, насколько эта публика развита школой, чтеніемъ и жизненнымъ опытомъ.

Есть другая сторона предмета. Нашъ „народный театр“ есть вещь не столько дѣйствительная, сколько желаемая и ожидаемая. Этотъ театръ не создавался народомъ; это—явленіе чисто прививное, какъ оно было прививнымъ и для самаго образованнаго общества лѣтъ полтораста тому назадъ. Въ другихъ странахъ, начиная съ античной древности, театръ бывалъ созданіемъ самого народа, имѣлъ свѣжіе источники развитія въ самой народной жизни, и въ этихъ условіяхъ не было ни вопроса о степени его „доступности“, ни вопроса о выборѣ „сюжетовъ“: театръ бывалъ доступенъ, потому что создавался прямо въ народной средѣ, изъ которой (кромя темъ религіозныхъ и героическихъ) являлись и самые сюжеты. Для того, чтобы возникъ истинно народный театръ, требовалось бы и теперь, чтобы была возможна извѣстная народная самостоятельность: тогда явились бы и настоящіе сюжеты и не было бы вопроса о доступности. Въ настоящемъ положеніи вещей люди, заботящіеся о народномъ театрѣ, собственно говоря, усиливаются только выкраивать его репертуаръ изъ драматической литературы, писанной первоначально вовсе не для народа, — и отсюда происходитъ столько споровъ о пригодности или непригодности для народной сцены тѣхъ или другихъ пьесъ. Весьма естественно, что въ какой-либо пьесѣ (писанной не для народа) могутъ встрѣчаться извѣстныя черты характеровъ, извѣстныя положенія, драматическія, трагическія, комическія, которыя могутъ быть понятны по своему общему тону и характеру, — но было бы поспѣшно заключать, что эти пьесы именно пригодны для народной сцены; потому что, во-первыхъ, въ такой пьесѣ для народнаго зрителя, кромѣ этого общаго

тона, все-таки пропадетъ множество другихъ подробностей, весьма существенныхъ для цѣльнаго пониманія, а во-вторыхъ, пьеса, доступная для болѣе высокаго уровня народной публики, можетъ остаться недоступной для уровня менѣе высокаго.

Однимъ словомъ, вопросъ о народномъ театрѣ неизбежно связывается съ основными вопросами народной жизни, съ вопросомъ школы и извѣстной степени народной самостоятельности. Безъ того и другого невозможенъ настоящій народный театръ, правильно носящій это названіе; возможно только подобіе, въ ряду другихъ „увеселеній для народа“ (въ качествѣ противодѣйствій пьянству). Но при крайней скудости умственныхъ и нравственныхъ интересовъ въ обычномъ народномъ быту (гдѣ, напримѣръ, даже невинное чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ по особо изданнымъ патентованнымъ книжкамъ обставлено чрезвычайно сложными условіями,—въ газетахъ рассказывался случай, что разрѣшеніе подобнаго вопроса во Владивостокѣ потребовало шестилѣтней переписки различныхъ вѣдомствъ и инстанцій и получилось уже тогда, когда въ городѣ давно не было самого лица, предпринявшаго ходатайство), при этой скудости является, конечно, благодѣяніемъ и тотъ скромный, отрывочный, случайный театръ, заботу о которомъ берутъ на себя усердные любители этого дѣла. Это все-таки —помощь голодающимъ.

— Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. И. А. Шляпкина. Спб. 1898.

Авторъ этой книжки, изданной Обществомъ любителей древней письменности, не мало поработалъ надъ изученіемъ того историко-литературнаго матеріала, который до сихъ поръ не извлеченъ еще изъ старыхъ рукописей и доставляетъ нерѣдко и до сихъ поръ весьма любопытныя находки. Одинъ изъ темныхъ вопросовъ литературной старины представляло между прочимъ первое начало русскаго театра. Новѣйшія изслѣдованія до значительной степени разъяснили эту темную область, но самые документы этой исторіи извѣстны далеко не сполна. Г. Шляпкинъ уже дѣлалъ поиски въ этомъ направленіи, и теперь ему опять удалось сдѣлать интересную находку. Она касается театра царевны Натальи Алексѣевны, младшей сестры Петра Великаго.

Прежнія неясныя преданія, которыя принималъ между прочимъ Карамзинъ, говорили, что большой любительницей театра была царевна Софья, которая будто бы даже сама писала драматическія пьесы. Новыя изслѣдованія не подтвердили этого преданія и указывали, что въ этомъ преданіи вмѣсто Софьи надо подразумѣвать именно царевну Наталью, которая дѣйствительно была любительницей театра, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ положительные рассказы современ-

никовъ. Рукопись, изъ которой г. Шляпкинъ извлекъ новыя свѣдѣнія о театрѣ конца XVII и начала XVIII вѣка, находится въ библіотекѣ Успенскаго собора въ Великомъ Устюгѣ. Существованіе рукописи отмѣчено было въ описаніи этого собора (Вологда, 1862), но ускользнуло отъ вниманія историковъ театра, которымъ не пришло въ голову искать матеріаловъ въ описаніи церкви далекаго провинціального города. Въ своемъ путешествіи по сѣверу Россіи въ 1892, г. Шляпкинъ былъ въ Великомъ Устюгѣ и внимательно изучилъ эту рукопись. По старому описанію 1862 года рукопись представляетъ собою Номоканонъ, гдѣ „между заглавнымъ листомъ и правилами написано восемь священныхъ комедій муч. Екатерины, Хрисанфа и Даріи, Евдокии, Олоферна, пророка Даниїла со старцами іудейскими и другія“. Въ дѣйствительности это оказались не самыя комедіи, а только отдѣльныя роли изъ комедій, выписанныя для одного актера и самимъ этимъ актеромъ; наконецъ, пьесъ не восемь, а больше. На рукописи сохранилось и имя этого актера. Это былъ, какъ онъ самъ пишетъ, „карликъ Юрасъ“ или „Юрка маленкій“. Въ одномъ мѣстѣ прибавлены ноты къ пѣснѣ Амареала въ комедіи „Юдиѣ“ (г. Шляпкинъ помѣстилъ эти ноты въ новѣйшей транскрипціи). Изъ сопоставленія сохранившихся данныхъ о пьесахъ того времени г. Шляпкинъ пришелъ къ заключенію, что отысканные имъ отрывки относятся именно къ репертуару театра царевны Натальи.

„Царевна Наталья Алексѣевна, — говоритъ г. Шляпкинъ, — дочь царя Алексѣя Михайловича и царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, родилась 22 августа 1673 года, скончалась 18 іюня 1716 года, была моложе царя Петра на годъ съ небольшимъ. Она была любимой сестрой царя, и не даромъ. Это едва-ли не первая царевна, побывавшая въ московской Нѣмецкой слободѣ съ царемъ въ его молодые годы. Съ участіемъ слѣдить она за его военными успѣхами, безпокоится о его здоровьѣ, переписывается съ нимъ и лично и черезъ Льва Нарышкина и Меншикова, исполняетъ его мелкія порученія и т. д. Въ 1700 г. царевна нарочно ѣдетъ изъ Москвы въ Воронежъ, чтобы присутствовать при спускѣ корабля „Предестинація“. Въ 1702 г. любитъ изъ оконъ московскаго дворца на аллегорическія процессіи въ честь побѣдъ Б. П. Шереметева надъ шведами. Въ 1708 г. пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ царицей Прасковьей на житье въ Петербургъ и поселяется на Крестовскомъ, гдѣ ее часто посѣщаетъ царь. Съ нимъ она присутствуетъ при вскрытіи труповъ кронпринцессы Шарлотты и своей карлицы. Съ нею царь креститъ своего надежду-внука въ 1715 г. и пускаетъ аллегорическій фейерверкъ: „Упованіе съ терпѣніемъ“. Особенно часты свиданія царя съ царевной въ 1714 (21 разъ) и въ 1715 (9 разъ) годахъ, когда Наталья Алексѣевна уго-

щаетъ царя комедіей: впоследствии въ 1716 г. Петръ какъ будто вошелъ во вкусъ и въ Гамбургъ и Пирмонтъ семь разъ былъ въ театрѣ. И послѣ смерти царевны Петръ любилъ память о сестрѣ: въ 1722 г. (28 апрѣля) онъ съ женою поселился въ домѣ царевны, а въ 1723 г. перенесъ ея бранныя останки изъ Лазаревской въ Благовѣщенскую церковь Александро-Невской лавры“...

Веберъ, авторъ извѣстной книги о „преобразованной Россіи“, рассказываетъ о театральнхъ вѣскахъ царевны. „Царевна Наталья еще до отъѣзда царя устроила представленіе одной трагедіи, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цѣли она приказала приготовить большой пустой домъ и раздѣлить его на ложи и партеръ. Десять актеровъ и актрисъ были всѣ природные русскіе, никогда не бывавшіе за границей, и потому легко себѣ представить, каково было ихъ искусство. Сама царевна сочиняла трагедіи и комедіи на русскомъ языкѣ и брала содержаніе ихъ частію изъ Библии, частію изъ свѣтскихъ происшествій. Арлекинъ, изъ оберъ-офицеровъ, вмѣшивался туда и сюда со своими шутками, и, наконецъ, вышелъ ораторъ, объяснившій исторію представленнаго дѣйствія и обрисовавшій въ заключеніе гнусность возмущеній и ихъ всегда бѣдственный исходъ. Какъ увѣряли меня, во всемъ этомъ драматическомъ представленіи, подъ скрытыми именами, представлялось одно изъ послѣднихъ возмущеній въ Россіи. Шестнадцать музыкантовъ при этомъ зрѣлищѣ, всѣ чисто русскіе, играли, какъ и всѣ другіе артисты, безъ всякаго искусства“.

Въ запискахъ Бассевица рассказывается о театрѣ временъ Петра: „Въ то время въ Москвѣ былъ театръ, но варварскій, какой только можно себѣ вообразить, и посѣщаемый поэтому только простымъ народомъ и, вообще, людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на двѣнадцать дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на столько же явленій, а въ антрактахъ представляли шутковскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіе цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разыгрывали не болѣе третьей или четвертой ея части. Принцесса Наталья, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни двѣ-три пьесы, довольно хорошо обдуманнныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену. Царь находилъ, что въ большомъ городѣ зрѣлища полезны, и потому старался пріохотить къ нимъ свой дворъ. Когда пріѣхала труппа нѣмецкихъ комедіантовъ, онъ велѣлъ выстроить для нея прекрасный и просторный театръ со всѣми удобствами для зрителей. Но она не стояла этихъ хлопотъ... (Германскій театръ) въ то время

быть не болѣе, какъ сборъ плоскихъ фарсовъ, такъ что кое-какія наивныя черты и острые сатирическіе намеки совершенно исчезали въ безднѣ грубыхъ выходокъ, чудовищныхъ трагедій... Императоръ, вкусъ котораго во всѣхъ искусствахъ, даже въ тѣхъ, къ которымъ у него не было расположенія, отличался вѣрностью и точностью, пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ пьесу трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему надѣла, и веселый фарсъ безъ шутовства. Разумѣется, они плохо выполнили эту задачу, но чтобы ихъ поощрить, государь велѣлъ выдать имъ обѣщанную сумму“.

Пьесы, которымъ принадлежатъ отдѣльныя роли, находящіяся въ велико-устюжской рукописи, были слѣдующія: комедія о святой Екатерины; комедія Хрисанѣа и Даріи; Евдокіи мученицы; Петра Златыхъ Ключей; комедія Олофернова; комедія пророка Даниила; комедія объ итальянскомъ маркграфѣ (Гризельда); „комедія Олунина“ (о цезарѣ Оттонѣ и Олуни); Андрея Первозваннаго; о прекрасной Мелюзинѣ; о Богородицѣ; комедія Варлаама и Іосафа. Какъ видно изъ заглавій, сюжеты взяты частію изъ священной исторіи и легенды, частію изъ переводныхъ повѣстей семнадцатаго вѣка. Издатель подробно разобралъ эти отрывки, указывая ближайшіе источники пьесъ, и приходилъ къ заключенію, что нѣкоторыя изъ нихъ могли быть именно трудомъ царевны. „Мы можемъ почти безошибочно заключить, что рукопись карлика Юрася, написанная до 1721 г., представляетъ изъ себя ролевые отрывки изъ извѣстныхъ доселѣ лишь по названіямъ пьесъ репертуара царевны Натальи Алексѣевны († 1716), а три (св. Екатерина, Хрисанѣа и Дарія, цезарь Оттонъ), а можетъ быть и четыре (св. Евдокія), представляютъ вѣроятно оригинальныя произведенія первой русской царевны-писательницы“ (стр. XIV).

Историческое значеніе этихъ пьесъ авторъ указываетъ въ томъ, что онѣ представляютъ „попытки самостоятельной разработки духовныхъ и романическихъ темъ въ первой четверти XVIII вѣка и служатъ органическимъ звеномъ между русской переводной литературой XVII вѣка и русскимъ переводнымъ репертуаромъ Грегори, Кунста и Фирста съ одной стороны и новымъ русскимъ театромъ—пьесами Сумарокова, Ломоносова, Третьяковского съ другой, заполняя вмѣстѣ съ нѣсколькими другими пьесами, ихъ потомствомъ, промежутокъ въ исторіи русскаго театра съ 1713 по 1749 годъ“ (стр. LVI).

Но должно прибавить, что хотя хронологически онѣ и были такимъ звеномъ, но по своему складу все-таки ближе къ концу XVII вѣка, чѣмъ къ 1749 году; къ половинѣ XVIII столѣтія образовались новыя сильныя вліянія, которыя и опредѣлили дальнѣйшую русскую драму, — именно французскій псевдоклассицизмъ.

— Б. Глинскій. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованія его памяти. Съ пятью иллюстраціями и приложеніемъ его юношескаго „Журнала поѣздки въ Москву и пребыванія въ оной“. Спб. 1898.

Авторъ возымѣлъ благую мысль собрать подробно свѣдѣнія о томъ, какъ совершилось въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ чествованіе памяти Бѣлинскаго, происходившее въ Петербургѣ, Москвѣ, на родинѣ Бѣлинскаго, въ Пензѣ, и другихъ провинціальныхъ городахъ. Свою точку зрѣнія онъ высказываетъ слѣдующими словами:

„Въ маѣ (26-го) текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со смерти величайшаго нашего критика и истиннаго основателя русской журнальной публицистики — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Это событіе, само по себѣ не представляющее ничего особенно радостнаго, веселаго и утѣшительнаго, вызвало, однако, въ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ нашего отечества рядъ торжествъ, приравненныхъ общественнымъ мнѣніемъ къ разряду самыхъ свѣтлыхъ праздниковъ русскаго слова, русской мысли. И дѣйствительно, что, казалось бы, можетъ быть утѣшительнаго и отраднаго въ томъ, что полвѣка тому назадъ преждевременно скончался, сложенный жизнью и невзгодами, непосильными трудами и борьбою за народное и общественное благо, писатель, котораго при жизни даже друзья и близкіе люди мало понимали, котораго враги травили, преслѣдовали, и который всю жизнь былъ обреченъ на жестокую борьбу за существованіе? Казалось бы, тутъ нечему радоваться, нечему рукоплескать и, однако, что же мы видимъ? рядъ торжествъ смѣняется одно другимъ...

„Такое явное противорѣчіе изъ двухъ положеній, двухъ моментовъ исторической жизни, раздѣленныхъ между собою 50-лѣтнимъ промежуткомъ времени,—противорѣчіе только наружное, внѣшнее, служащее наглядной иллюстраціей тому, какъ жестокъ, труденъ и безпопаденъ процессъ достиженія человѣчествомъ счастья на землѣ, и какъ высоко, неизмѣримо высоко, должны мы ставить и чтить память тѣхъ, на чьихъ слезахъ, костяхъ и крови создается наше скудное духовное благополучіе. И вотъ, когда мы сравниваемъ и сопоставляемъ начало борьбы за это благополучіе съ тѣмъ, что стало въ настоящее время неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ, какъ бы ничтожно оно ни было, когда мы вспоминаемъ имена героев-борцовъ, мы отмечаемъ прочь все мрачное и печальное изъ нашей памяти, останавливаемся лишь на благихъ результатахъ и духовныхъ побѣдахъ, на нихъ, какъ таковыхъ, сосредоточиваемъ вниманіе современниковъ и ихъ-то приравниваемъ къ торжествамъ, достойнымъ радости и ликованія“.

Въ началѣ своей книжки авторъ далъ очеркъ біографіи Бѣлинскаго и указалъ его значеніе въ нашей литературной и общественной исторіи; затѣмъ онъ обстоятельно изложилъ всѣ скромныя празднества и литературныя собранія, посвященныя памяти Бѣлинскаго; перечислилъ новыя изданія его сочиненій, біографическія и критическія книги и брошюры, передалъ рѣчи и адреса, однимъ словомъ, повидимому исчерпалъ все, что сдѣлано было теперь въ воспоминаніе Бѣлинскаго. Въ заключеніе онъ говорить:

„Я полагаю, что изъ всѣхъ приведенныхъ описаній того, какъ русское общество отнеслось къ памяти своего выдающагося вождя и учителя, можно смѣло заключить, что это общество сумѣло въ предѣлахъ современной возможности обратить день 26-го мая въ настоящій праздникъ мысли, который несомнѣнно благодарнымъ потомствомъ будетъ занесенъ на скрижали исторіи наравнѣ съ страницей извѣстныхъ поминокъ Пушкина въ Москвѣ. Торжественныя поминки этихъ двухъ писателей, изъ коихъ одинъ явился въ нашей исторіи основателемъ новой русской литературы, а другой—ея блестящимъ истолкователемъ и пророкомъ ея грядущихъ судебъ на долгія времена, служатъ лучшими указателями, что русское общество достойно своихъ великихъ учителей, и что работа ихъ не оставалась безплодною. Они расширили и укрѣпили наше самосознаніе, нашу гражданственность и права на свободу, создали и воспитали русскую интеллигенцію, въ благодарность за каковыя великія услуги потомство и увѣнчало ихъ изваяніи лаврами и воздвигло ихъ именамъ памятники, громко свидѣтельствующіе, что торжество солнца и просвѣщенія вѣчно, и что правда жизни, рано или поздно, но всегда должна восторжествовать“.

Въ концѣ книжки авторъ помѣстилъ „журналъ поѣздки Бѣлинскаго въ Москву и пребыванія въ оной“, напечатанный первоначально г. Шугаевымъ въ „Живописномъ Обозрѣніи“. Это было именно первое путешествіе Бѣлинскаго съ своей родины въ Москву, въ университетъ.—Д.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александровскій, П. Я., Штейнбергъ, Д. С. и Будаевскій, К. Н.—Способы удешевленія картинъ для волшебнаго фонаря. М. 98. Стр. 39 и 17. Ц. 20 к.

Алексѣевъ, П. С.—Алкоголизмъ. Рига, 1898. 256 стр.

Бертло, М.—Наука и нравственность. М. 98. Стр. 212. Ц. 60 к.

Бонюкъ, А., и Френкель, М.—Евреи и сionизмъ. Культурно-экономическій очеркъ. Кіевъ, 1898. Стр. 43. Ц. 40 коп.

Бѣлинскій, В. Г.—Сочиненія, въ 4-хъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Т. I: 1834-1840 гг. Т. II: 1840-1842 гг. М. 98. Стр. 940 и 1148. Ц. каждаго тома 65 к.—4 т. 2 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXV и XXVI: Бринкъ — Бунаковъ. Спб. 98. Стр. 193—288. Ц. по 40 к. вып.

Вересаевъ, В.—Очерки и рассказы. Спб. 98. Стр. 285. Ц. 1 р. 25 к.

Галле, А.—Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. М. 98. Стр. 141. Ц. 40 к.

Герцль, Т.—Новое Гетто. Пьеса въ 4 д. Посвящена Максу Нордау. Пер. Е. М. Бобецкаго. Харьк. 98. Стр. 80. Ц. 75 к.

Глинскій, В.—Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованія его памяти. Съ пятью иллюстраціями и приложеніемъ его юношескаго „журнала поѣздки въ Москву и пребыванія въ оной“. Спб. 1898. Стр. 115. Ц. 75 к.

Дюденъ, Эд.—Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и творчества. Перев. Л. Д. Черновой. 2-е изд. Съ портретомъ Шекспира и біографическими свѣдѣніями. Од. 98. Стр. 405. Ц. 2 р.

Зыковъ, А.—Какъ и чѣмъ управляютъ люди. Опытъ военной психологіи. Спб. 98. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановичъ.—Собраніе сочиненій. Въ 3-хъ томахъ. Томъ II. Изданіе книжнаго магазина В. И. Самойлова. М. 1898. Стр. 512. Цѣна за II томъ 2 р.; цѣна за I и II томъ 3 р. 50 к.

Иванцовъ-Платоновъ, А. М., протоіерей.—О русскомъ церковномъ управленіи. (Изъ газеты „Русь“ 1882). Съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Спб. 98. I, Стр. 86. Ц. 40 коп.

Ильинскій, А. И.—Три яда: Табакъ, Алкоголь, Сифилисъ. 2-е изд. М. 98. Стр. 173. Ц. 1 р.

Ковалевскій Максимъ.—Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I. Москва. 1898. Стр. 712. Ц. 2 р. 50 к.

Козловъ, А. А., проф.—„Свое слово“. Философско-литературный сборникъ. Спб. 98. № 5. Стр. 165. Ц. 1 р. 50 к.

Кочетова, О.—Краткая эластическая анатомія для начинающихъ. Съ 20-ю рис. 2-е изд. Спб. 98. Стр. 55. Ц. 75 к.

Кривежко, В. С.—Юнкерскіе годы. Спб. 98. Стр. 81. Ц. 40 к.

Крицынъ, А.—Краткій курсъ церковнаго пѣнія. Спб. 98. Стр. 49. Ц. 20 к.

Лапшаревъ, А. Ю.—Иллюстрированная классификація главнѣйшихъ сортовъ луговыхъ травъ, съ краткимъ описаніемъ каждой травы въ отдѣльности. Спб. 98.

Ленивничъ, Ал.—Стихотворенія. Вятка, 1898. (Въ пользу общественной бібліотеки имени покойнаго предсѣдателя Вятской губернской земской управы, А. П. Ватуева въ г. Вяткѣ). Стр. 100. Ц. 1 руб.

Мехелинъ, Л.—Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи. (Переводъ). Гельсингфорсъ, 1898. IV и 96 стр. Ц. 60 коп. (1 м. 60 ц.).

Молочковъ, П.—Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. М. 98. Стр. 396. Ц. 1 р. 50 к.

Овсяннѣ, Н.—Сербія и Сербы. Съ картою Сербіи. Спб. 98. Стр. 391. Ц. 2 р.

Павловъ, А. П., проф.—Морское дно. Съ 43 рис. и 2 картины. Спб. 98. Стр. 70. Ц. 60 к.

Парусъ.—Мировой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Экономическіе очерки. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Я. Спб. 1898. Стр. 142. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 40 коп.

Педашенко, А. Д.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1894 годъ. Спб. 1895 (М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики). Стр. 170.

— За 1895 годъ. Спб. 1898. Стр. 191.

Рейтеръ, В. Е. — Сборникъ узаконеній о крестьянахъ Прибалтійскихъ губерній. Т. I: ч. 1 и 2. Т. II: ч. 3. Т. III: ч. 4 и 5. Спб. 98. Стр. 243, 432 и 218. Ц. за 3 тома — 7 руб.

Р-съ, Л., д-ръ. — Талмудъ и его критикъ. Астрахань, 1898. Стр. 138. Ц. 1 р.

Рудинъ, Е. К., О. И. Буслаевъ. — Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ, 1890. Стр. 39.

Сабининъ, Л. Х. — Преступныя дѣти и исправительныя заведенія. Ровно, 98. Стр. 43. Ц. 15 к.

Святловскій, В. В. — Кавкаскія минеральныя воды. Екатериносл. 98. Стр. 341. Ц. 2 р. 50 к.

Сенкевича, Г. — Везъ догмата. Ром. Перев. М. Лаврова. М. 98. Стр. 362. Ц. 1 р.

Темниковскій, Ев. — Государственное положеніе религій во Франціи съ конца прошлаго столѣтія, въ связи съ общимъ ученіемъ объ отношеніи новаго государства къ религій. Опытъ изъ области церковнаго права. Казань, 1898. XII и 363 стр.

Шилдеръ, Н. К. — Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Т. IV. Спб. 98. Стр. 651.

Эристовъ, А. М., князь. — Къ вопросу о пересмотрѣ сельскаго положенія. Кутаисъ, 1898. Стр. 59.

Эрксманъ-Шатрианъ. — Домъ лѣсного сторожа. Переводъ съ фр. Е. А. Никольской. Съ 14 иллюстраціями Т. Шюлера. Спб. 98. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Стр. 190. Ц. 30 к.

Фирсовъ, Н. — Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. Каз. 98. Стр. 22.

— Библиотека нашихъ дней. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1898. 1) Разказы старой бабушки, Е. В. Балобановой. Стр. 79. Ц. 60 к. 2) Каллифъ-анстъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, по сказкѣ Гауфа, перев. Н. Гандуриной. Стр. 31. Ц. 15 к. 3) Иवानушка и журавль, сказка въ 3-хъ картинахъ, Е. Гославскаго. Стр. 24. Ц. 15 к. 4) Царевичъ лягушка, въ 2-хъ дѣйствіяхъ, передѣлка съ нѣм. Н. Гандуриной. Стр. 16. Ц. 10 к. 5) Дѣду—время, потѣхъ—часъ. Шуточныя исторіи съ картинками и картинки безъ словъ. Стр. 39. Ц. 25 к. 6) Приключенія Ренара-Лиса и его кума волка Изегрима. Въ пересказѣ О. Петерсонъ. Стр. 60. Ц. 15 к. — Съ иллюстраціями.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896-1897 гг. (Седьмой годъ изданія). Приложенія. Книга 3-я. Редакторъ А. Е. Молчановъ. Изданіе Дирекціи Импер. театровъ. Спб. 1898. Стр. 144.

— Народный Театръ. Чертежи лѣтнихъ театровъ Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій. Спб. 98. Ц. 1 р.

— Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи, за 1897 г. Бердянскъ. 98. Стр. 213.

— Сибирь и ея до-реформенные суды. Администрація по дѣламъ братьевъ Бутинныхъ. Спб. 98. Стр. 473.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. 1897. Вып. II: Сельско-хозяйственный обзоръ губерніи за 1897 г. Съ 6 картограмъ. Годъ первый. Яросл. 98. Стр. 136, съ прилож.

— Столѣтіе учрежденія Лѣснаго Департамента. 1798-1898. Спб. 1893. Стр. 251.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Léon A. Daudet. Alphonse Daudet. Paris 1898. Стр. 302.

Книга сына о недавно умершемъ отцѣ — отецъ обще-признанный большой писатель, а сынъ въ свою очередь успѣлъ заявить себя талантливымъ беллетристомъ и критикомъ — представляетъ во всякомъ случаѣ интересную литературную попытку. Самый замыселъ книги очень оригиналенъ — еще никогда не было въ литературѣ столь живого памятника, воздвигнутаго писателю вскорѣ послѣ его смерти. Нужно было необычайно рѣдкое стеченіе обстоятельствъ, чтобы явилась книга, подобная той, которую написалъ Додэ-сынъ. Для этого нужно было, чтобы умершій писатель окруженъ былъ при жизни семьей — женой и сыномъ, жившими единой съ нимъ духовной жизнью, чуткими къ каждому его слову, дѣлившими съ нимъ всѣ его мысли и сомнѣнія. Нужно было кромѣ того, чтобы самъ писатель пользовался окружавшей его любовью не какъ эгоистъ, не какъ властелинъ, принимающій должное ему поклоненіе, а какъ человѣкъ съ богатой душой, дающій своимъ близкимъ гораздо больше, чѣмъ они въ состояніи ему дать, покоряющій сердца своей неистощимой способностью любить другихъ и надѣлять ихъ счастьемъ. Нужно было, наконецъ, чтобы любовь исключительнаго во всѣхъ отношеніяхъ отца покорила съ дѣтства столь же исключительнаго сына, и чтобы между ними образовалась и крѣпла съ годами тѣсная дружба. Со смертью отца для молодого писателя исчезъ старшій его годами и опытомъ товарищъ, у котораго онъ всегда находилъ нравственную поддержку, и, главное, исчезъ учитель жизни, въ котораго онъ вѣрилъ и съ которымъ онъ могъ быть искреннимъ и откровеннымъ во всѣхъ обстоятельствахъ и буряхъ жизни. Съ нимъ же онъ могъ обсуждать свои отвлеченныя теоріи и дѣлиться измѣнчивыми философскими воззрѣніями — онъ зналъ, что встрѣтитъ и полное пониманіе, и безстрастный судъ.

Такое исключительное общеніе и взаимное пониманіе создало атмосферу привязанности и поклоненія. Искренность и глубина этого чувства спасаютъ Леона Додэ отъ того, чтобы книга его превратилась въ торжественный панегирикъ „знаменитому отцу“, гордости семьи. Онъ не ставитъ себѣ задачей прославленіе отца — и болѣе всего осте-

регаются критики произведений Альфонса Додэ. Онъ какъ-то даже мало интересуется сужденіями о своемъ отцѣ и не старается ни защитить его отъ нападокъ литературныхъ противниковъ, ни установить какой-нибудь опредѣленный взглядъ на его творчество. Онъ ясно понимаетъ, что „писателя“ Додэ, насколько онъ отразился въ своихъ произведеніяхъ, другіе поймутъ и растолкуютъ лучше и безпристрастнѣе, чѣмъ это сдѣлаетъ онъ, свидѣтель того, какъ зарождались и созрѣвали отдѣльныя произведенія отца. Но зато ему открытъ былъ цѣлый міръ, невѣдомый для читателей романовъ Додэ: внутренняя жизнь писателя, который, по словамъ сына, никогда не отдѣлялъ *жизни отъ литературы*. Все, что получало въ книгахъ Додэ окончательное выраженіе,—складывалось въ интимныхъ бесѣдахъ съ товарищемъ-сыномъ и съ женой, его „неутомимой сотрудницей“, которая, по словамъ Додэ, участвовала въ окончательной отдѣлкѣ каждой страницы. Личная жизнь писателя, его отношенія къ людямъ, такъ же какъ работа мысли и чувства, отразившаяся въ его наброскахъ, предшествовавшихъ писанію *каждаго романа*, все это представляетъ важный психологическій матеріалъ, пригодный не только для оцѣнки Альфонса Додэ, но и для общихъ выводовъ о бессознательныхъ элементахъ творчества, о томъ, что переживаетъ художникъ сердцемъ и умомъ до выраженія своей интимной личности въ своихъ произведеніяхъ. Собравъ всѣ данныя этой скрытой жизни у писателя съ исключительно чуткимъ, отзывчивымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеннымъ темпераментомъ, и освѣтивъ свой очеркъ подкупающею полнотою чувства, Леонъ Додэ совершилъ „дѣло любви“, имѣющее большое литературное значеніе. Психологическій очеркъ объ отцѣ вышелъ у Додэ-сына необычайно яркимъ и привлекательнымъ именно потому, что въ немъ отсутствуетъ элементъ литературной критики, и освѣщается природа писателя, источникъ его вдохновеній.

Своеобразная попытка сына начертать вѣрный образъ отца увѣчалась успѣхомъ. Альфонсъ Додэ воскресаетъ передъ читателемъ со всей тревогой и широтой своего южнаго темперамента. Съ каждой страницей воспоминаній сына, съ передачей каждой отдѣльной бесѣды, образъ писателя становится болѣе близкимъ и удивительно привлекательнымъ. Додэ-сынъ сумѣлъ передать обаятельность отца въ жизни, и читатель невольно заражается любовью сына къ жившему столь разносторонними интересами и такъ горячо и просто любившему людей отцу. Читая книгу Леона Додэ, мы какъ будто знакомимся съ человѣкомъ, сразу завоевывающимъ наши симпатіи,—и въ концѣ книги расстаемся почти съ сожалѣніемъ, какъ съ новымъ другомъ. Леонъ Додэ часто говоритъ въ своей книгѣ о томъ довѣріи, которое возбуждалъ отецъ его у всѣхъ даже случайныхъ знакомыхъ.

Онъ всегда былъ хранителемъ чужихъ тайнъ, къ нему всегда приходили друзья и чужіе „открываться“ въ своихъ интимныхъ помыслахъ. На разныхъ водахъ, куда онъ ѣздилъ лечиться, страдая тяжелой болѣзнью, онъ былъ всегда окруженъ товарищами по недугамъ, и въ его записныхъ книжкахъ сохранились любопытные факты о людяхъ, ввѣрившихъ ему мучившія ихъ мысли и чувства; такъ, напримѣръ, какая-то чопорная англійская аристократка, пившая за табль-д'отомъ только воду и державшая себя очень сухо, въ первый же вечеръ знакомства созналась Додэ въ своемъ тайномъ пороѣ—склонности къ вину—и въ переживаемыхъ ею мукахъ. Эти и подобные факты обаянія Додэ среди лечившихся вмѣстѣ съ нимъ больныхъ, которыхъ онъ собиралъ вокругъ себя и ободрялъ примѣромъ своихъ собственныхъ, мужественно выносимыхъ страданій, а также тѣмъ, что вызывалъ ихъ на философское обсужденіе страданій,—все это не только не можетъ казаться вымысломъ любящаго сына, а напротивъ того, является естественнымъ слѣдствіемъ природнаго любвеобилія Додэ, открывавшаго ему доступъ къ сердцамъ людей.

Вдумываясь въ нравственный обликъ своего отца, Леонъ Додэ приходитъ къ заключенію, что основа его натуры—чуткость, воспримчивость чувства, *le frisson de la sensibilité*. Она была основой его философскаго міросозерцанія. Во многихъ некрологахъ и статьяхъ, посвященныхъ памяти Додэ, сыну его приходилось читать повторяющуюся фразу: „Альфонсъ Додэ не былъ мыслителемъ“.—„Да,—говорить сынъ,—мыслителемъ, педантомъ, жонглеромъ отвлеченныхъ формъ онъ не былъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченная работа мысли была очень сильна у этого непосредственнаго, всегда увлекаемаго инстинктомъ художника. Леонъ Додэ говоритъ о множествѣ сохранившихся записныхъ книжекъ, въ которыхъ видно, какъ, исходя изъ непосредственнаго ощущенія, дѣйствующаго на его душу, онъ подвергалъ его строжайшей провѣркѣ разума, уравнивавшей стихійность перваго порыва мѣрной гармоніей мысли, и только это пережитое въ умѣ ощущеніе становилось основой художественной работы. Въ этихъ тетрадкахъ наглядно виденъ постепенный переходъ отъ природнаго идеализма къ выработанному упорной привычкой мысли реализму, и путь этотъ совершается у Додэ при помощи обобщеній и углубленія въ собственные темные инстинкты. Нельзя, поэтому, ознакомясь съ закулисной стороной его творчества, отказать ему въ способности и склонности къ отвлеченному мышленію. Еще однимъ свидѣтельствомъ его неустаннаго влеченія къ строгой работѣ разума является его любовь къ нѣсколькимъ французскимъ мыслителямъ, Монтеню, Паскалю и Руссо, которыхъ онъ постоянно читалъ и ком-

ментировалъ. Додэ принадлежалъ къ людямъ, „которые предпочитаютъ углубленіе въ одного, близкаго по духу автора — чтенію многихъ книгъ, оставляющихъ въ памяти и въ душѣ лишь бѣглое впечатлѣніе“.

Додэ болѣе всего дорожилъ ощущеніями жизни и отличался необычайной чуткостью и восприимчивостью, преобладавшей у него надъ аналитической способностью. Онъ старался сохранить свою отзывчивость и тогда, когда болѣзнь и тяжкія страданія обособляли его отъ внѣшняго міра. Когда онъ могъ свободно двигаться, онъ былъ въ общеніи со всѣми кругами общества и, благодаря своему неподдѣльному сочувствію къ людямъ, умѣлъ находить доступъ въ самые разнообразные и скрытые для равнодушнаго наблюдателя уголки жизни. Ощущенія, открывающія двери въ жизнь, казались ему самыми важными. Онъ боялся отвлеченныхъ формулъ, какъ бы онѣ ни были несомнѣнны и точны: безъ примѣненія къ живой дѣйствительности онѣ казались ему символомъ смерти. Онъ старался вдохнуть въ себя жизнь какъ можно шире, и пользовался для этого своей наблюдательностью и памятью, о которыхъ сынъ его рассказываетъ чудеса. Прогулки по городу, жизнь, полная впечатлѣній въ деревенскомъ домикѣ въ Шанроэ, частыя посѣщенія друзей, общеніе съ самыми выдающимися писателями современной Франціи, съ Флоберомъ, Гонкуромъ, поѣздки къ провансальскому поэту Мистралю, въ Англію, гдѣ отецъ и сынъ болѣе всего сошлись съ Джоржемъ Мередитомъ, мѣсяцы одиночества въ деревнѣ, излюбленное чтеніе Шекспира и Бальзака,—упорный литературный трудъ, стремленіе выковать стиль, писать, когда романъ или повѣсть уже созрѣли въ умѣ, когда авторъ настолько сжился съ своими героями, что они кажутся ему близкими, живыми существами, и на ряду съ этимъ жизнь въ другихъ, интересъ ко всѣмъ людямъ, стремленіе помочь имъ совѣтомъ или примирить съ неминуемымъ зломъ и страданіемъ—вотъ общія черты жизни, озаренной для тѣхъ, кто жилъ въ непосредственной близости къ Додэ, очарованіемъ его личности. Сынъ его много разъ говоритъ объ особенной прелести голоса отца, о его подкупающей наружности, о заразительной веселости, не оставлявшей Додэ даже среди тяжкихъ страданій, объ умѣнѣй рассказывать, импровизировать, увлекать взрослыхъ и дѣтей неистощимостью вымысла. Эти внѣшнія качества, въ связи съ серьезнымъ отношеніемъ Додэ къ жизни, его обсужденія всѣхъ коренныхъ вопросовъ совѣсти и нравственности, постояннымъ стремленіемъ углублять внѣшнее теченіе жизни мыслью о томъ, какъ нужно жить—даютъ очень яркій и привлекательный образъ писателя.

Въ главѣ: „Le Marchand de bonheur“, Леонъ Додэ рассказываетъ, какъ отецъ его лелѣялъ мечту о томъ, чтобы научить людей быть счастливыми: „Я хотѣлъ бы,—говорилъ онъ,—закончивъ свое писатель-

ское дѣло, стать *продавцомъ счастья*. Мой выигрышъ заключался въ успѣхъ моего предпріятія". По странной ироніи судьбы, этотъ жизнерадостный учитель жизни долженъ былъ испытать на себѣ величайшее проклятіе жизни—безысходное тѣлесное страданіе. Но именно борьба съ болѣзью, стремленіе побѣдить разумомъ случайную немощъ тѣла, и укрѣпили въ немъ вѣру въ счастье, которое человекъ только самъ можетъ создать для себя. Источникомъ его сужденій на эту тему были отчасти его собственныя наблюденія надъ собой, отчасти признанія, исповѣди и простыя бесѣды встрѣченныхъ имъ на разныхъ водахъ больныхъ. Всѣхъ этихъ страждущихъ людей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ профессіямъ и классамъ общества, Додэ находилъ облагороженными страданіемъ, поднявшимися выше своего обычнаго уровня, освѣщенными какимъ-то неожиданнымъ свѣтомъ. „Между многими исповѣдями, которыя мнѣ приходилось выслушать на своемъ вѣку,—говорить Додэ,—признанія мучениковъ, встрѣченныхъ тамъ, выдѣлялись особенной глубиной, искренностью и силой. Даже слова, которыми они говорили о себѣ, были болѣе мощныя и выразительныя". Изъ множества наблюденій, собранныхъ Додэ во время пребыванія среди различныхъ больныхъ, онъ вывелъ широкую теорію о вліяніи страданія на людей. У него намѣченъ былъ цѣлый рядъ главъ: „о метаморфозахъ, совершенныхъ страданіемъ", „о скупцахъ, ставшихъ расточительными", „о разбитыхъ жизняхъ", „о чистыхъ натурахъ, мучимыхъ скрытыми страстями", и т. д. Онъ записалъ цѣлый рядъ разговоровъ, гдѣ подъ вліяніемъ тѣлесной боли обнажается душа. Одинъ тяжело больной говорилъ ему, что больше всего боится *минуть, когда боль прекращается*, потому что тогда проясненное сознаніе понимаетъ всю глубину отчаянія.

Страданіе казалось Додэ единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ проникновенію въ самую сущность человѣческой души. Самый послѣдовательный реализмъ не можетъ достигнуть дна человѣческой правды. „Есть глубина,—говорилъ онъ,—въ которую никто не рѣшается заглянуть, тѣма, которой нѣтъ названія, иль, гдѣ прятутся зародыши всѣхъ пороковъ, всѣхъ преступленій, не открываемыхъ даже священнику на исповѣди. Есть ли возможность проникнуть и туда? Я часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Для этого нужно какое-нибудь далекое убѣжище, окутанное мракомъ, напр. клиника для глазныхъ болѣзней, гдѣ лежали бы разные люди другъ подлѣ друга въ полной темнотѣ, не зная ни имени одного другого, ни возраста, ни даже пола, увѣренные въ томъ, что они больше не свидятся. Они бы могли свободно говорить о себѣ, сознаваться въ томъ, что ихъ мучитъ, переговариваясь изъ своихъ кожекъ и какъ бы ошущью".

Додэ задумывал книгу об очистительной и возвышающей власти страдания, и подготовил всё материалы для сочинения под заглавием: „La Douleur“. Сынъ говорить, что только по просьбѣ своей семьи Додэ не издалъ эту мучительную, искреннюю книгу, въ которой авторъ „облегчилъ“ себя искренней исповѣдью своихъ страданій. То, что Леонъ Додэ сообщаетъ о содержаніи книги, заставляетъ очень жалѣть о томъ, что личныя соображенія семьи не уступили чисто-литературному отношенію къ произведенію, очевидно замѣчательному уже по своей искренности и психологической правдѣ. Додэ чуждъ, конечно, научнаго отношенія къ страданіямъ. Онъ мало вѣрилъ въ фیزیологическія и патологическія этикетки, мѣняющіяся сообразно съ надобностями специалистовъ; онъ много бесѣдовалъ съ разными учеными на эту тему—Шарко и Броунъ-Секаръ были его долготѣнными друзьями и частыми собесѣдниками, и онъ былъ знакомъ съ разными научными теоріями, но самъ онъ философствовалъ о страданіи совершенно съ иными намѣреніями и мыслями, и въ этомъ долженъ состоять интересъ его къ сожалѣнію неизданной книги. То, что наука знаетъ о страданіи, можетъ быть изложено на нѣсколькихъ страницахъ. Заключение, къ которымъ приходитъ метафизика относительно страданій, исчерпываются нѣсколькими строками. Но то, къ чему пришелъ наблюдательный поэтъ, изучая страданіе, безконечно. Изъ этой сокровищницы могутъ черпать и метафизикъ, и ученый, и даже мистикъ. У Додэ было, кромѣ собственныхъ долготѣнныхъ страданій, широкое поле наблюденія, и онъ могъ затронуть множество вопросовъ, касающихся этой основной темы. Леонъ Додэ указываетъ отчасти на вопросы, занимавшіе его отца въ изученіи человѣческихъ страданій: „Во что обращается гордость у того, кто страдаетъ; что становится съ нѣжностью, съ милосердіемъ, съ болѣе сильными страстями, ненавистью и любовью? Какъ мѣняется семейная жизнь; отношенія между супругами, отцомъ и дѣтьми, между друзьями? Какъ привыкаютъ люди къ страданіямъ, мирятся ли съ ними, или какъ выражаютъ свое возмущеніе? На всѣ эти вопросы онъ отвѣчаетъ съ полной откровенностью, или ссылаясь на свой собственный тяжкій опытъ, или говоря о себѣ только смутными намеками, если таково его настроеніе. Измѣненія и оттѣнки своихъ настроеній онъ разсматриваетъ съ философскимъ спокойствіемъ, противопоставляя приступамъ страданій твердую нравственную выдержку“.

Изученіе страданій, какъ источника духовнаго совершенствованія, приводило Додэ къ проповѣди жалости; Леонъ Додэ приводитъ слова, въ которыхъ отецъ его, ненавидѣвшій свѣтскую филантропію, говорилъ о настоящей жалости: „Тотъ, кто не испытывалъ голода и холода, кто не страдалъ, не можетъ говорить ни о голодѣ, ни о хо-

лодѣ, ни о страданіяхъ. Онъ даже не знаетъ хорошенько, что такое хлѣбъ, тепло—и что значить покорность судьбѣ. Въ молодости я зналъ нищету, во второй половинѣ жизни узнать страданія. Это обострило мои чувства болѣе, чѣмъ я могу то сказать“.

Говоря, по поводу „La Douleur“, о другихъ незаконченныхъ трудахъ своего отца, Леонъ Додэ упоминаетъ о романѣ „La Sagavane“, гдѣ психологическая драма разыгрывается на фонѣ путешествія въ автомобилѣ, совершаемаго двумя дружественными семьями. Эта обстановка романа даетъ случай Додэ проводить свою излюбленную идею о вліяніи мѣстности и обычаевъ на психологію. Онъ даетъ интересныя опредѣленія различныхъ французскихъ провинцій, обнаруживаетъ очень полное и подробное знаніе своей родины, и въ особенности, конечно, родного Прованса. Съ этимъ романомъ, показывающимъ, какое значеніе Додэ приписывалъ самостоятельности отдѣльныхъ французскихъ провинцій, связано одно его литературное предпріятіе. Такъ какъ оно осталось въ проектѣ, то слухи о немъ не проникли въ печать, и Леонъ Додэ впервые сообщаетъ о немъ въ своей книгѣ. По словамъ сына, Альфонсъ Додэ интересовался въ области внутренней политики вопросомъ объ отношеніяхъ между Парижемъ и провинціей и проектировалъ изданіе газеты „Revue de Champgosaу“—для пропаганды децентрализаціи. Такъ какъ ему самому болѣзнь и работа мѣшали осуществить эту практическую мысль, то онъ старался по крайней мѣрѣ вліять въ этомъ духѣ на свою давнишнюю пріятельницу, м-мъ Аданъ, совѣтуя ей сдѣлать „Nouvelle Revue“ органомъ провинціальныхъ силъ, обратиться къ сотрудничеству провинціальныхъ профессоровъ и журналистовъ и съ ихъ помощью установить живую связь между Парижемъ и Франціей, что неминуемо должно поднять умственный уровень всей страны и послужить къ пользѣ какъ Парижа, такъ и остальной Франціи. Совѣты Додэ привели къ преобразованію „Nouvelle Revue“, къ разсылкѣ запросовъ провинціальнымъ дѣятелямъ и къ открытію журнала м-мъ Аданъ для голосовъ изъ провинціи. По этому случаю въ „Nouvelle Revue“ помѣщена была статья „Paris et la Province“ Леона Додэ, написанная имъ почти подъ диктовку отца.

Дополняя духовный портретъ своего отца, Леонъ Додэ говоритъ о его чувствѣ справедливости, которое сказывалось въ немъ такъ ярко, что всѣ члены семьи и всѣ друзья обращались къ нему въ спорныхъ случаяхъ. Онъ умѣлъ входить въ положеніе всякаго и проникаться психологіей другого человѣка, даже очень далекаго ему по духу. Онъ былъ очень проникателенъ, любилъ подмѣчать слабости и давалъ имъ случай и возможность проявляться наиболѣе полно. Леонъ Додэ рассказываетъ о такихъ экспериментахъ надъ хвастунами и лже-

цами. Отецъ его обнаруживалъ въ бесѣдахъ съ ничего не подозревавшими жертвами своей наблюдательности много добродушнаго юмора, не исключавшаго благодушной терпимости къ человѣческимъ слабостямъ. Онъ умѣлъ многое понимать и прощать и былъ искреннимъ проповѣдникомъ жалости, распространяя ее не только на униженныхъ и оскорбленныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и на всѣхъ людей, испытывающихъ страданія, хотя бы эти люди были богаты и пользовались всѣми благами жизни. Онъ возставалъ противъ того, что называлъ „обратной несправедливостью“, обращенной на богатыхъ и счастливыхъ, а также „русской жалостью“, распространяющейся только на преступниковъ и падшихъ женщинъ. Это опредѣленіе „русской жалости“ показываетъ, между прочимъ, до чего русскій романъ, изъ котораго французы черпаютъ свое знаніе „русскихъ идей“, мало понимается тѣми же писателями, которые заимствуютъ изъ него внѣшнія черты.

Указавъ на отдѣльныя черты характера своего отца и на его возрѣнія относительно жизни и литературы, Леонъ Додэ даетъ просторъ своему личному чувству къ отцу, въ которомъ онъ потерялъ друга. И это лирическое заключеніе одной изъ главъ книги вноситъ нѣчто живое и тѣмъ самымъ художественное въ психологическій очеркъ; онъ становится живымъ портретомъ человѣка и писателя, не утратившаго и послѣ смерти близкой и нѣжной связи съ жизнью. „Чѣмъ болѣе я углубляюсь въ свои воспоминанія, — говоритъ Леонъ Додэ, — тѣмъ труднѣе становится для меня передать читателямъ то впечатлѣніе искренности и душевной свѣтлости, которое я выносилъ каждый разъ изъ нашихъ бесѣдъ. Отецъ всегда выбиралъ для бесѣдъ наиболѣе прекрасныя мѣста и наиболѣе подходящее время. Благодаря ему, въ моемъ умѣ слѣды воспоминаній о красивыхъ пейзажахъ связаны съ возвышенными мыслями о нравственности; отецъ справедливо утверждалъ, что эта гармонія внѣшнихъ ощущеній и внутреннихъ переживаній наиболѣе способствуетъ развитію воспріимчивости духа и развитію поэтическаго творчества“.

Конечно, въ книгѣ объ Альфонсѣ Додэ сыну его приходится говорить о томъ, что отецъ отразилъ и возсоздалъ въ литературѣ югъ Франціи. По словамъ сына, отецъ придавалъ большое значеніе контрастамъ сѣвера и юга, и говорилъ, что вопросъ этотъ интересуется не одну Францію, что во всякой странѣ эти контрасты южныхъ и сѣверныхъ темпераментовъ образуютъ, сочетаясь, національную жизнь. Факты, сообщаемые Леономъ Додэ, показываютъ, съ какой любовью онъ относился къ родному югу, какъ зналъ тончайшія различія между отдѣльными уголками Прованса.

Книга Леона Додэ заканчивается изложеніемъ теоретическихъ

взглядовъ Додэ на поэзію въ видѣ бесѣды отца и сына о поэтическомъ воображеніи.

II.

Gedichte von Alexander Puschkin. Im Versmass der Urschrift, von Friedrich Fiedler. Leipzig.

Серія переводовъ, предпринятыхъ Ф. Фидлеромъ для ознакомленія нѣмецкой читающей публики съ русской поэзіей, обогатилась въ настоящее время еще однимъ чрезвычайно интереснымъ томикомъ компактнаго изданія. Послѣ Лермонтова, Кольцова, Никитина, г. Фидлеръ перевелъ теперь лирическія стихотворенія Пушкина. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить добросовѣстное отношеніе переводчика къ своему дѣлу. Видна истинная любовь къ поэзіи въ тщательномъ выборѣ стихотвореній, въ стремленіи передать какъ можно полнѣе творчество великаго поэта, познакомить со всѣми лучшими произведениями его и держаться въ переводахъ какъ можно ближе оригинала.

Переводный сборникъ г. Фидлера заключаетъ въ себѣ 139 стихотвореній, изъ которыхъ около половины переведены впервые на нѣмецкій языкъ. Переводчикъ распредѣлилъ стихотворенія по годамъ, подобно тому какъ они распредѣляются въ русскихъ изданіяхъ, такъ что иностранному читателю легко будетъ отличить юношескіе стихи Пушкина отъ зрѣлыхъ произведеній его музы. Всѣ наиболѣе извѣстныя и въ самомъ дѣлѣ лучшія, длинныя и небольшія стихотворенія включены въ сборникъ, а также многое изъ юношескихъ произведеній Пушкина. Переводчика можно упрекнуть въ пропускѣ лишь немногихъ стихотвореній, которыми, быть можетъ, слѣдовало бы заняться предпочтительно передъ другими. Такъ, напр., пропущено „Гдѣ наша роза, — Друзья мои“, хотя звучность короткаго стиха и изящество эпикурейскаго настроенія ставятъ его выше многихъ другихъ раннихъ вещей, переведенныхъ въ сборникѣ г. Фидлера. Пропущено также „Пробужденіе“ (Мечты, мечты!—Гдѣ ваша сладость?) и „Пѣвецъ“ (Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной), между тѣмъ какъ они именно выделяются и тонкостью чувства, и пѣвучестью замедленнаго ритма. Еще болѣе жаль, что въ сборникъ не вошло изъ позднѣйшихъ стихотвореній (1823 г.): „Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла“, и т. д. Это одно изъ самыхъ прекрасныхъ списательныхъ стихотвореній, и рѣдко встрѣчается въ поэзіи болѣе полное, картинное и сжатое изображеніе моря, чѣмъ въ удивительныхъ двухъ строкахъ: „Тамъ море движется роскошной пеленой—Подъ голубыми небесами“... Но,

может быть, передъ этой гениальной простотой безсильно было бы утънне и самаго искуснаго переводчика.

Г. Фидлеръ чувствуетъ трудность и отвѣтственность взятой имъ на себя задачи. Это видно по его стремленію передавать какъ можно точнѣе буквальный текстъ стихотвореній, чтобы читатель могъ во всякомъ случаѣ проникнуть въ точное содержаніе мыслей и настроеніе поэта. Этими лишь путемъ и можно ознакомить съ нашимъ великимъ поэтомъ иностранныхъ читателей. Поэзія Пушкина имѣетъ много элементовъ, роднящихъ ее съ обще-европейскимъ искусствомъ. Классическія переживанія въ его юношескихъ стихотвореніяхъ и эпикурейскія наклонности молодого поэта, а затѣмъ, въ полномъ развитіи творческихъ силъ, успокоенная философія жизни, любовь къ формамъ, гордость въ разладѣ съ толпой, а также обще-человѣческіе мотивы свободолюбія, печальныхъ и радостныхъ чувствъ любви, не нарушающихъ строгой гармоніи души,—все это составляетъ доступную сторону Пушкина, и степень совершенства въ передачѣ ея зависитъ отъ искусства переводчика. Г. Фидлеръ прекрасно справился съ этой болѣе торжественной и открытой стороной поэзіи Пушкина. Отмѣтимъ выдержанный переводъ „Пророка“, передающій движеніе и вѣщательный тонъ оригинала; то же можно сказать о стихотвореніи „Чернь“; переводъ очень точенъ, передаетъ всѣ оттѣнки мысли поэта и сохраняетъ—что наиболѣе важно—тонъ оригинала, гдѣ сливается вызывающая надменность съ болью отъ зрѣлища толпы. „Поэтъ“, „Памятникъ“—тоже относятся къ хорошо переведеннымъ стихотвореніямъ въ этомъ родѣ. Г. Фидлеръ обнаруживаетъ, кромѣ того, большое умѣнье переводить стихотворенія, окрашенные національнымъ колоритомъ: „Утопленникъ“ сохранилъ въ переводѣ наивность крестьянскаго практическаго смысла и его противовѣсъ суевѣрію. Многіе другіе переводы, какъ, напр., „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Въ деревнѣ“, „Кавказъ“ и т. д., представляютъ всѣ достоинства хорошо продуманной и твердо выполненной передачи оригинала.

Но иностранцы, которые вздумали бы знакомиться съ лирикой Пушкина по образцамъ, собраннымъ въ сборникѣ г. Фидлера, не могутъ составить себѣ понятія о величайшемъ обаяніи Пушкина—о его стихѣ и о его языкѣ. Каждый великій поэтъ и художникъ сказывается съ особой силой въ одной какой-нибудь особенности таланта. Если эта особенность заключается въ идейномъ содержаніи или даже въ оригинальныхъ настроеніяхъ, отмѣчающихъ все творчество однимъ всепроникающимъ тономъ, то и въ переводѣ на другой языкъ сохраняется духъ оригинала. Но сила Пушкина въ томъ, что роковымъ образомъ не поддается передачѣ—въ его языкѣ. Нельзя передать тайну словъ, простыхъ, ясныхъ, но всегда свѣжихъ, неожиданныхъ и единственно

нужныхъ, дающихъ волшебную формулу чувствъ, настроеній, мыслей, связанныхъ съ преходящими картинами явленій. Стихъ Пушкина даетъ его мыслямъ и поэтическимъ замысламъ вѣчную жизнь и силой слова проникаетъ въ скрытую стихійную жизнь души. Извлекая же эти мысли и чувства изъ ихъ волшебной оболочки, переводчикъ не можетъ возстановить очарованія на другомъ языкѣ, не столь точномъ, не имѣющемъ столь рѣзкихъ очертаній и вмѣстѣ съ тѣмъ не столь богатомъ неожиданными образными оттѣнками, какъ мощная и полная внутренней музыки и ритма русская рѣчь Пушкина. Какъ передать, напр., молитвенный покой и полноту восьми строкъ „Отрывка“ (На холмахъ Грузин лежитъ ночная мгла)? Переводчику приходится довольствоваться приблизительной передачей выкованныхъ стиховъ оригинала. Вмѣсто: „Унынья моего—Ничто не мучитъ, не тревожитъ“,—мы читаемъ въ нѣмецкомъ переводѣ: „Der Wehmut Trost ergiebt—Mein Herz sich, nun ihm nichts geblieben“,—и въ этой фразѣ, которая не остановитъ на себѣ вниманія непредупрежденнаго нѣмецкаго читателя, ничего не осталось отъ Пушкинскаго настроенія. Какъ передать рѣзкость рисунка, строгость холодныхъ и безпощадныхъ словъ въ „Анчарѣ“. Недаромъ Меримѣ говорилъ, что только сжатость латинской рѣчи можетъ воспроизвести слогъ Пушкина въ этой поэмѣ. Переводъ „Анчара“ г. Фидлеромъ несомнѣнно хорошій, не скрадывающий—какъ это слишкомъ часто дѣлается и русскими, и иностранными переводчиками—ни одного оттѣнка, ни одного образа; но въ то время, какъ въ Пушкинской поэмѣ каждое слово—откровеніе, каждое прилагательное возсоздаетъ картину, нѣмецкій переводъ неминуемо становится лишь блѣднымъ отраженіемъ картины: „Въ пустынѣ чахлой и скупой“... этими двумя словами пустыня рисуется тѣми чертами, которыя составляютъ всю ея безнадежность и мрачность; нѣмецкій же стихъ: „In sonnenglühem Wüstensand“ составляетъ лишь перифразу слова пустыня и не открываетъ воображенію никакой новой картины. То же происходитъ во всемъ стихотвореніи при замѣнѣ русскаго стиха соответствующими нѣмецкими словами, болѣе расплывчатыми и общими. Еще болѣе это несоотвѣтствіе двухъ языковъ сказывается въ такихъ поэмахъ, какъ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, съ ея обаятельно глѣбучими полу-старинными стихами. При всемъ своемъ пониманіи Пушкинскаго стиха, г. Фидлеръ, пользуясь даже эпическимъ слогомъ нѣмецкой старины, не можетъ воспроизвести поэтической унылости русской поэмы, вся тайна которой въ глубинѣ народной русской рѣчи, въ красотѣ и величавости коренныхъ старинныхъ словъ.

Общее впечатлѣніе переводнаго сборника г. Фидлера остается хорошимъ. Можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать очень умѣющій и, главное, понимающій духъ оригинала переводчикъ.

Если же многие, чисто лирические, интимно поэтические стихи Пушкина потеряли свое обаяние въ переводѣ, если духъ Пушкина и особенности его генія не перешли неизмѣнно въ переводъ, то въ этомъ виноваты не переводчики. Поэзія не поддается переводу; не можетъ повториться въ умѣ переводчика та гармонія духа и формы, которая создала поэтическое произведение; искусственное воспроизведение внѣшней оболочки не можетъ возсоздать жизнь оригинала. Значеніе перевода остается тѣмъ не менѣе большимъ—онъ не замѣняетъ оригинала, но знакомить съ содержаніемъ поэзіи Пушкина иностранныхъ писателей. Этимъ путемъ создается интересъ къ русской литературѣ. Знаніе же и пониманіе ея наступитъ только тогда, когда на западѣ Европы будутъ такъ же изучать русскій языкъ, какъ у насъ изучаютъ иностранные.

III.

Arthur Schnitzler. Die Frau des Weisen. Novellen. Berlin, 1898. Стр. 170.

Молодая нѣмецкая литература распадается на чисто германскую, главнымъ центромъ которой является Берлинъ, и австрійскую, сосредоточенную около нѣсколькихъ литературныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Вѣнѣ. Въ послѣдніе годы происходитъ нѣкоторое сліяніе этихъ двухъ группъ; заключается оно, впрочемъ, главнымъ образомъ въ томъ, что вѣнскіе писатели издають свои книги въ Берлинѣ, который сталъ средоточіемъ нѣмецкой интеллектуальной жизни и притягиваетъ къ себѣ всѣхъ пишущихъ по-нѣмецки писателей, къ какимъ бы государствамъ они ни принадлежали по рожденію. Австрійскіе же писатели тѣмъ охотнѣе примыкають къ берлинскимъ литературнымъ центрамъ, что Вѣна—городъ болѣе чуждый интеллектуальныхъ интересовъ.

Но, несмотря на внѣшнее объединеніе австрійской литературы съ германской, есть между ними существенное различіе. На нихъ сказывается роковой законъ контрастовъ сѣвера и юга. Германская литература обладаетъ качествами сѣвера—твердостью, серьезностью намысленій и воли, умѣньемъ осуществлять, дѣйствовать и проявлять свой внутренній міръ. Въ Германіи за послѣдніа десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ началось то, что тамъ называется „der neue Kurs“, выступили и составили себѣ обще-европейскую извѣстность и даже славу нѣсколько писателей, какъ, напр., Гауптманъ, Зудерманъ и много другихъ, менѣе яркихъ по таланту, но весьма продуктивныхъ и серьезно относящихся къ своей задачѣ. Совсѣмъ иное зрѣлище представляетъ австрійская литература. Она, какъ созданіе болѣе пылкихъ южныхъ

умовъ, полна общаній; въ разныхъ прогрессивныхъ литературныхъ органахъ прославляются молодые гении, издающіе тоненькія книжечки своихъ начинаній и затѣмъ довольствующіеся своей извѣстностью въ литературныхъ клубахъ и кофейняхъ. Глава молодой австрійской литературы—Германъ Баръ, талантливый критикъ, но очень посредственный беллетристъ. Позже его выступилъ „многообщающій“ молодой поэтъ Лоррисъ, такъ и оставшійся авторомъ будущихъ книгъ и лишь очень немногихъ разбросанныхъ по малоизвѣстнымъ журналамъ набросковъ и стиховъ. Такой же извѣстностью пользуется въ литературныхъ кружкахъ Петръ Альтенбергъ, авторъ „Wie ich es sehe“ и „Ashanty“, двухъ сборниковъ манерныхъ стилистическихъ упражненій; извѣстность Альтенберга основана также на его эксцентрическомъ образѣ жизни, дѣлающемъ его какъ бы вѣнскимъ Верленомъ. Много другихъ поэтовъ и прозаиковъ южнаго типа съ широкими общаніями, любовью къ преніямъ и литературнымъ проповѣдямъ въ собраніяхъ, и главное, съ всепожыдающей лѣнью, дополняютъ плеяду австрійскихъ молодыхъ писателей, которые грозятъ уничтожить всѣ устарѣлыя традиции въ литературѣ и замѣнить ихъ „новыми словами“ въ своихъ будущихъ твореніяхъ.

Однимъ изъ болѣе серьезныхъ явленій въ текущей австрійской беллетристикѣ являются повѣсти Артура Шницлера. Этотъ молодой писатель, во-первыхъ, обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ, во-вторыхъ—умѣетъ пользоваться имъ для художественно отдѣланныхъ, цѣльныхъ и вполне понятныхъ произведеній. Онъ умѣетъ подмѣчать въ явленіяхъ жизни и въ чувствахъ, вызываемыхъ этими явленіями, ихъ своеобразную сторону, то, что ихъ выдѣляетъ изъ пошлости непродуманнаго, инертнаго существованія. Шницлеръ несомнѣнно испыталъ на себѣ вліяніе современной Франціи, но вынесъ изъ общенія съ французской жизнью и съ французской литературой странную смѣсь легкомысленнаго благѣрства, жажды внѣшнихъ шумныхъ утѣхъ жизни, съ полу-мистическимъ тяготѣніемъ къ мысли о смерти и о томъ, какъ смерть отражается на живыхъ людяхъ. Парижскіе бульвары и нравы общественныхъ баловъ, веселящіеся парижане съ опустошенными душами, всеобщая погоня за минутнымъ наслажденіемъ, такъ же отразились на произведеніяхъ Шницлера, какъ и поэзія Бодлера, обострившая его жажду „рѣдкихъ и высокихъ“ ощущеній.

Однимъ изъ первыхъ произведеній Шницлера была его книга въ драматической формѣ—„Анатоль“, состоящая изъ ряда отдѣльных эпизодовъ; они связаны между собой появленіемъ во всѣхъ ихъ одного и того же героя, героиня же въ каждой сценѣ—другая. Анатоль—своего рода Донъ-Жуанъ новаго, скажемъ, вѣнскаго типа, лишеннаго величія и паэоса своего прототипа и надѣленнаго замѣнъ того не-

побѣдимымъ скептицизмомъ, ведущимъ его не въ адъ, какъ классическаго Донъ-Жуана, а къ комично-буржуазной развязкѣ. Донъ-Жуанъ горѣлъ вѣрой въ неосуществимый идеалъ, и въ каждой новой любви находилъ источникъ новой, хотя бы минутной надежды на осуществленіе своего идеала, на то, что красота и совершенство воплотились въ женщинѣ, воспламенившей его воображеніе. Анатолю—Донъ-Жуанъ Шницлера—не воодушевленъ вѣрой; у него почти такая же пустая душа, какъ у его вѣроломныхъ подругъ. Онъ хочетъ наслажденій, свободы—и если онъ требуетъ вѣрности отъ женщинъ, любящихъ его, то къ этому побуждаетъ его не бессознательное тяготѣніе къ идеалу, а привычка смотрѣть на женщину какъ на вещь, становящуюся собственностью своего обладателя. Впрочемъ, въ началѣ пьесы Анатолю стоитъ еще на сравнительно высокой степени духовности: не имѣя въ душѣ вѣры, онъ все-таки страстно желаетъ имѣть ее и старается удержать въ душѣ хотя бы ея иллюзію. Онъ имѣетъ возможность узнать, вѣрна ли ему женщина, которая увѣряетъ его въ своей любви: онъ обладаетъ способностью гипнотизировать и усыплять свою возлюбленную. Его другъ совѣтуетъ ему воспользоваться этимъ и узнать отъ усыпленной женщины правду ея жизни. Но Анатолю боится за свою иллюзію—онъ не хочетъ правды, отдѣлывается отъ насмѣшекъ друга разными софизмами, и, выпроводивъ его, будитъ свою возлюбленную вмѣсто того, чтобы выпрашивать ее. Эта жажда иллюзіи—самый высокій подъемъ духа вѣнскаго Донъ-Жуана, и Шницлеръ показываетъ, какъ онъ постепенно падаетъ съ высоты, какъ съ каждымъ новымъ увлеченіемъ онъ утрачиваетъ всякое стремленіе къ идеализаціи, какъ онъ мельчаетъ и мельчаютъ женщины, которыхъ онъ любить и бросаетъ, и какъ его засасываетъ плоскость и комизмъ жизни. Въ одномъ изъ послѣднихъ эпизодовъ Анатолю приглашаетъ къ ужину надѣвшаую возлюбленную, чтобы объявить ей о разрывѣ, и когда замѣтъ этого—она ему даетъ отставку, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ. Наконецъ, послѣдняя сцена изображаетъ день свадьбы Анатоля; сѣдѣша къ вѣнцу изъ своей холостой квартиры, онъ не знаетъ, какъ отвязаться отъ женщины, которую онъ наканунѣ завезъ къ себѣ изъ маскарада. Этимъ жалкимъ концомъ Шницлеръ развѣнчиваетъ своего вѣнскаго Донъ-Жуана, не способнаго питать никакихъ иллюзій и желаній.

Послѣ „Анатolia“ нѣсколькихъ пьесъ для театра, между прочимъ „Liebele“, гдѣ рѣчь идетъ о трагическомъ элементѣ легкомысленной игры въ любовь, Шницлеръ сталъ писать повѣсти и мелкіе рассказы. Первая повѣсть: „Sterben“, и второй сборникъ, вышедшій теперь подъ заглавіемъ: „Die Frau des Weisen“ (заглавіе перваго рассказа), проникнуты всѣ однимъ Leitmotiv'омъ: Шницлеръ занятъ

мыслью о смерти. Но его интересуетъ не самая загадка исчезновенія челоѣка, не самъ умирающій и его переживанія при разставаніи съ жизнью, а вліяніе смерти на живыхъ, психологія переживающихъ потерю близкихъ людей. Этимъ путемъ Шницлеръ какъ бы объединяетъ смерть и жизнь. Смерть становится элементомъ жизни, опредѣляетъ собой дальнѣйшіе поступки живыхъ, даетъ содержаніе ихъ душѣ. Въ этой основной темѣ лучшихъ разсказовъ Шницлера есть много оригинальности, и хорошо то, что въ этихъ повѣстяхъ о смерти дѣйствуютъ живые, и смерть является только фономъ жизни, трагическимъ началомъ, углубляющимъ смыслъ жизни. Развязка разсказовъ о смерти—примиреніе съ жизнью; съ большой простотой и естественностью герои Шницлера, испытавъ близость смерти, возвращаются къ полнотѣ жизни. Отсутствіе пессимизма, сопровождающаго обыкновенно изображеніе смерти, тоже оригинальная черта Шницлера.

Въ сборникѣ: „Die Frau des Weisen“, три разсказа посвящены смерти. Самый поэтичный, художественно выдержанный разсказъ—„Nun-ten“; онъ ведется отъ имени героя, который разсказываетъ, что его возлюбленная для него уже долгое время „болѣе чѣмъ умерла“. Онъ убѣдился въ ея измѣнѣ, разстался съ ней, не подавъ ей руки,—до того онъ презиралъ ее, несмотря на ея мольбы, утѣренія и т. д. Ничто больше о ней не напоминало ему, кромѣ цвѣтовъ, которые она, вѣрная старой привычкѣ, продолжала посылать ему каждый мѣсяць. Потомъ онъ вдругъ встрѣчаетъ ея родственника и узнаетъ, что она умерла за недѣлю до того. Тогда онъ понимаетъ, до чего сознаніе истинной смерти различно отъ придумываемой людьми смерти въ разлукѣ. Любимая женщина умерла для него только теперь, когда она умерла и для другихъ. Его мучить эта смерть, но онъ успокоивается въ единеніи съ грустной зимней природой. Тогда случается нѣчто странное. Въ обычный день присылки цвѣтовъ съ утренней почтой, цвѣты являются... какъ будто ничего не случилось: „Въ длинномъ, узкомъ, картонномъ ящичкѣ они лежали, изящно перевитые золотымъ шнурочкомъ, гвоздики и фіалки, какъ всегда... Они лежали какъ въ гробу. Когда я взялъ цвѣты въ руки, у меня застыло сердце. Я понимаю, какимъ образомъ я получилъ ихъ сегодня. Когда она почувствовала приближеніе болѣзни и, быть можетъ, близость смерти, она сдѣлала заранѣе заказъ въ цвѣточномъ магазинѣ. Она не хотѣла лишить меня обычной дани любви. Конечно, только такъ и объясняется присылка цвѣтовъ; она вполне естественна и трогательна... И все-таки, когда я взялъ въ руки эти цвѣты, и они стали дрожать и наклонили головки, я не могъ невольно не почувствовать въ нихъ чего-то таинственнаго, какъ будто бы они пришли отъ нея и принесли поклонъ, какъ будто она хотѣла теперь черезъ нихъ раз-

сказать о своей любви—и слишком поздней вѣрности. Да, мы не понимаемъ смерть, никогда не можемъ понять ее, и всякое существо умираетъ на самомъ дѣлѣ лишь тогда, когда умерли всѣ знавшіе его люди... Я сегодня держалъ цвѣты въ рукахъ иначе, нѣжнѣе, какъ будто имъ было бы больно отъ жесткаго прикосновенія... какъ будто ихъ тихія души застонали бы отъ боли. И теперь, когда цвѣты стоятъ предомной въ узкомъ, высокомъ темно-зеленомъ бокалѣ, мнѣ кажется, что они грустно и съ благодарностью киваютъ мнѣ. Вся скорбь безысходнаго и бесплоднаго томленія слышится мнѣ въ ихъ запахахъ, и мнѣ кажется, что они могли бы рассказать многое, если бы мы понимали языкъ живыхъ существъ, а не только говорящихъ“.

Это описаніе настроеній, вызванныхъ живымъ знакомъ недавней смерти, характерны для Шницлера; онъ умѣетъ передать сжатымъ и нервнымъ слогомъ не острия, а скорѣе нѣжныя, отраженныя ощущенія. Цвѣты—привѣтъ умершей—продолжаютъ жить въ зеленомъ высокомъ бокалѣ, поддерживая мысль о смерти, мучая своей увядающей красотой, потому своимъ засохшимъ видомъ, говорящимъ о тлѣніи, и болѣе властнымъ надъ душой, чѣмъ врывающійся въ окна запахъ весны. Наконецъ, молодая, веселая подруга рассказчика замѣнитъ засохшіе цвѣты свѣжимъ букетомъ и разрушаетъ мрачныя чары смерти. Жизнь вступаетъ въ свои права.

Другой рассказъ: „Прощаніе“—чисто психологическій. Въ немъ авторъ рисуетъ сначала съ рельефностью, доводящей до кошмара, муки напраснаго ожиданія. Герой рассказа можетъ видѣть свою возлюбленную лишь въ глубокой тайнѣ. Никто не подозреваетъ не только объ ихъ любви, но даже о томъ, что они знакомы. Когда ей удастся освободиться, она заходитъ къ нему, и ежедневно, до извѣстнаго часа, онъ не выходитъ изъ дома, поджидая ее. Часы ожиданій мучительны, но еще страшнѣе, когда она вдругъ не приходитъ нѣсколько дней,—извѣстій о ней онъ имѣть не можетъ. Онъ идетъ къ ея дому и разными хитростями узнаетъ, что она больна, что ей хуже и, наконецъ, что она умерла. Тогда, когда домъ открытъ для всѣхъ, онъ входитъ туда, какъ чужой,—ему машинально родныежимаютъ руку, онъ входитъ въ комнату, гдѣ лежитъ умершая—и долженъ глядѣть на нее, какъ на чужую. У гроба стоитъ мужъ умершей, и, принимая вошедшаго за кого-нибудь изъ знакомыхъ, благодаритъ его за участіе и начинаетъ рыдать. Окаменѣвшій отъ скрытыхъ страданій, другъ умершей чувствуетъ, что рыдать надъ гробомъ возлюбленной вмѣстѣ съ ея мужемъ—какое-то страшное оскорбленіе невѣдомой святыни, и онъ бѣжитъ изъ дому, какъ будто выгнанный своей подругой, отъ которой онъ отрекся и послѣ смерти. Ничего, кромѣ скрываемыхъ отъ всѣхъ страданій человѣка, насильно разлученнаго съ любимой женщиной,

нѣтъ въ очеркѣ Шницлера, но есть глубокій драматизмъ въ надвигающемся призракѣ смерти и въ безсиліи обреченной на молчаніе души.

Молчаніе смерти составляетъ содержаніе третьяго очерка: „Мертвые молчатъ“. Молодая женщина, болѣе озабоченная тѣмъ, чтобы сохранить тайну своей любви, чѣмъ самой любовью, отправляется на тайное свиданіе и виѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ ѣдетъ въ далекое вѣнское предмѣстье, туда, гдѣ никто ихъ не увидитъ гуляющими вдвоемъ. Ихъ застигаетъ буря, кучеръ пьянъ и карета опрокидывается въ оврагъ. Молодой человекъ убитъ на мѣстѣ, его спутница и кучеръ невредимы. Обезумѣвшая молодая женщина отсылаетъ кучера за помощью въ ближайшую деревушку, а сама остается ждать въ темнотѣ около убитаго. Потомъ она начинаетъ соображать, какой позоръ ее ждетъ, когда раскроется тайна ея отношеній къ умершему. Она видитъ въ перспективѣ свою испорченную жизнь, и вдругъ рѣшаетъ, что, не будучи въ состояніи воскресить умершаго, она не должна приносить ненужныя жертвы. Она оставляетъ трупъ, бѣжитъ въ темнотѣ въ городъ, озабоченная лишь мыслью о томъ, чтобы вернуться домой до прихода мужа. Ей удается скрыть всѣ слѣды своей трагической прогулки, и, возвратившись изъ засѣданія, мужъ застаётъ жену, мирно выходящую ему на встрѣчу въ домашнемъ платьѣ. Но за ужиномъ молодая женщина переживаетъ заново въ душѣ все случившееся, лицо ея помертвѣло, и она механически произноситъ слова: „мертвецы молчатъ“. Взглянувъ въ зеркало, она сама не узнаетъ своего искаженного лица, и надъ нимъ она видитъ отраженіе страннаго вопрошающаго взгляда мужа, положившаго ей на плечи руки и вглядывающагося въ отраженіе чертъ ея въ зеркалѣ. Ребенка отсылаютъ спать, потому что молодая женщина желаетъ о чемъ-то переговорить съ мужемъ. На этотъ разъ вліяніе смерти на жизнь благотельно: лгавшая всю жизнь женщина готова очистить душу покаяніемъ въ то время, когда она ничѣмъ не вынуждена къ признанію. Молчаніе мертвыхъ — только кажущееся. Они громко говорятъ въ душахъ живыхъ людей.

Таковы оригинальныя повѣсти Шницлера, болѣе глубокая, чѣмъ кажется по первому впечатлѣнію. Онъ любитъ рисовать средѣ легкомысленныхъ свѣтскихъ повѣсѣ и ихъ банальныя интриги, но за этими мелочами жизни онъ видитъ скрытый смыслъ всѣхъ явленій и, чтобы освѣтить его, доводитъ чувства до высшаго напряженія. Художественность формы отвѣчаетъ серьезности и глубинѣ замысла.—З. В.

IV.

— Fables choisies de Kryloff, adaptées et mises en vers par J. Schnitzler, professeur honoraire du collège Rollin avec une préface de M. le vicomte E. M. de Vogué, de l'Académie Française. Paris, 1898.

Въ предисловіи виконтъ де-Вогюэ желаетъ успѣха книжкѣ, гдѣ французскіе читатели могутъ открыть нѣкоторыя характеристическія черты, которыми „русскій гений“ отличается отъ французскаго. Крыловъ писалъ въ такую эпоху, когда въ русской литературѣ господствовали французскіе образцы: онъ началъ переводить Лафонтена, но вскорѣ на его басняхъ сказался русскій національный оттѣнокъ; тонкое, иногда чувствительное изображеніе природы у Лафонтена становится у Крылова прямымъ и искреннимъ реализмомъ, который составляетъ силу русскаго ума. Животныя Лафонтена дышали воздухомъ Версаля; у Крылова онѣ не выходили изъ своего лѣса и своей деревни; русскій мужикъ далеко не похожъ на французскаго крестьянина.

Переводчикъ, по словамъ предисловія, какъ будто не считалъ возможнымъ уловить оттѣнки подлинника и назвалъ свой трудъ не переводомъ, а только переложеніемъ (adaptation); но предисловіе тѣмъ не менѣе воздастъ большую похвалу переводчику: каждый поэтъ — не переводимъ на другой языкъ, но здѣсь переводчикъ сумѣлъ схватить особенности русскаго баснописца и не отступилъ передъ трудностью передать иностранный текстъ однороднымъ метромъ, который въ баснѣ такъ быстръ и измѣнчивъ...

Самъ переводчикъ далъ біографическую замѣтку о Крыловѣ, которой де-Вогюэ вѣроятно раньше не видѣлъ, потому что иначе онъ, безъ сомнѣнія, указалъ бы г. Шницлеру на невозможность такихъ свѣдѣній: „Крыловъ умеръ въ 1844 году, сдѣлавшись еще при жизни предметомъ восторженныхъ сочувствій со стороны своихъ соотечественниковъ. Императоръ Александръ I осыпалъ его почестями, назначилъ ему, въ 1841, пенсію въ 11.000 рублей и далъ большую сумму для прекраснаго памятника, воздвигнутаго по подпискѣ въ его память въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ“. Императоръ Александръ I игралъ нѣкоторую роль и въ исторіи Франціи, такъ что, кажется, можно было бы запомнить его хронологію.

Что касается самаго перевода, онъ свидѣтельствуетъ о стараніи переводчика сохранить „національный колоритъ“ и манеру Крылова; но это не всегда ему удается. Трудность дѣйствительно не малая; для передачи колорита потребовались бы постоянные, или по крайней мѣрѣ нерѣдкіе комментаріи, а безъ этого приходилось ограничиваться

только приблизительными выраженіями. Но кромѣ этого, есть другой недостатокъ: не только въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ переводчикъ имѣлъ дѣло съ національно-бытовыми особенностями, но и въ обыкновенномъ изложеніи онъ нередко дѣлалъ ту ошибку, что простыя реальныя выраженія замѣнялъ отвлеченными. Напримѣръ, известное: „полають да отстанутъ“ — *tranquille poursuis ton chemin, leur clameur bientôt prendra fin*, и т. п. Очевидно, что отвлеченные и описательные обороты существенно вредятъ простотѣ и образности выраженія.—Т.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1898.

Открытие памятника императору Александру II-му въ Москвѣ и отголоски этого событія въ печати. — Лицевая и оборотная сторона суждений о великихъ реформахъ. — Сотрудники императора; „подготовители“ и „исполнители“ реформъ. — Записки бывшаго земскаго начальника. — Нѣчто о глѣности крестьянъ. — Письмо старообрядца. — Катковъ по отзывамъ его знатоковъ и — Б. Н. Чичерина. — М. Г. Черняевъ †.

День открытія въ Москвѣ памятника императору Александру II-му ознаменованъ, кромѣ обнародованія сообщенія министра иностранныхъ дѣлъ ¹⁾, Именнымъ Высочайшимъ указомъ Прав. Сенату, которымъ сдѣлано наслѣдственнымъ ношеніе и храненіе медалей, пожалованныхъ въ Божѣ почившимъ Государемъ сподвижникамъ его трудовъ по освобожденію крестьянъ и устройству крестьянскаго быта. „Радостный день открытія памятника Незабвенному Дѣду Нашему Императору Александру Николаевичу“ — таковы подлинныя выраженія этого указа — „всецѣло посвящая свѣтлой памяти Великаго Государя, Мы, по сердечному Нашему влеченію, особенно останавливаемся на знаменательномъ благодѣяніи Его народу: на освобожденіи Имъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, надѣленіи ихъ землею и прочномъ устройствѣ разнаго наименованія лицъ сельскаго состоянія на обширномъ пространствѣ Россійскаго государства. Всевышній благословилъ полнымъ успѣхомъ этотъ Царственный подвигъ Императора Александра Втораго, учиненный Имъ безтрепетною рукою, въ твердомъ сознаніи необходимости его для блага любимой Родины, при самоотверженномъ, истинно благородномъ содѣйствіи російскаго дворянства, и въ устахъ благодарнаго народа за почившимъ Монархомъ увѣковѣчено славное именованіе Царя-Освободителя“. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ тотъ же день на имя К. П. Побѣдоносцева — единственнаго изъ числа высшихъ государственныхъ сановниковъ, занимающаго до сихъ поръ постъ, ввѣренный ему императоромъ Александромъ II-мъ, — мы читаемъ слѣдующія знаменательныя слова: „Россія помнить, какъ велика и насущна была потребность въ водвореніи, взамѣнъ прежняго нестроенія, праваго, для всѣхъ равнаго, скорого и милостиваго суда, именемъ Верховной Власти гласно творимаго подготовленными къ сему законовѣдами, при содѣйствіи пред-

¹⁾ См. выше: Иностранное Обзорѣніе.

ставителей общества“. Другому, „неизмѣнному, преданному и вѣрному сотруднику почивающаго Монарха“, гр. Д. А. Милютину, который исполнялъ, въ день открытія памятника, обязанности дежурнаго генералъ-адъютанта, былъ данъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Графъ Дмитрій Алексѣевичъ. Произволеніемъ Божиимъ, исполняя волю и завѣтъ Моего Незабвеннаго Родителя и торжественно открывая сегодня памятникъ въ Божѣ почивающему Дѣду Моему Императору Александру II, воздвигнутый народною любовью и благоговѣнною благодарностью къ Царю-Освободителю, Я съ особымъ удовольствіемъ вижу и привѣтствую васъ въ числѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ, Меня окружающихъ. Я знаю и помню, какимъ неизмѣннымъ, преданнымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ почивающаго Монарха вы были въ теченіе 20 лѣтъ, исполняя обязанности военнаго министра. Въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народномъ и государственномъ преуспѣяніи Россіи, Императоръ Александръ II, по мысли и волѣ котораго были совершены громадныя преобразованія рѣшительно по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, обратилъ также особое вниманіе на необходимость новаго устройства и усовершенствованія вооруженныхъ силъ, соотвѣтственнаго быстрому развитію общаго строя государственной жизни Россіи и современнымъ успѣхамъ военнаго дѣла. По предшествующимъ заслугамъ вашимъ на поприщѣ военно-ученомъ, въ должности профессора Военной Академіи и въ дѣятельности практической въ должности начальника штаба кавказской арміи, покойный Государь избралъ васъ своимъ ближайшимъ сотрудникомъ для осуществленія необходимыхъ преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ, и въ 1861 году вы были назначены военнымъ министромъ. Многотрудныя и сложныя обязанности, сопряженныя съ этою должностію, вы, до самой кончины Дѣда Моего, исполняли съ неустойчивымъ рвеніемъ, горячею патріотическою преданностію и высокимъ пониманіемъ государственныхъ и военныхъ интересовъ дорогого отечества. Многочисленныя и коренныя преобразованія, совершенныя по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія въ теченіе вашего 20-лѣтняго управленія военнымъ министерствомъ, поставили вооруженныя силы Россіи на надлежащую высоту, обновили ихъ составъ введеніемъ всеобщей воинской повинности, усовершенствовали ихъ управленіе учрежденіемъ военно-окружной системы, установили правильныя основанія для всѣхъ отраслей матеріальнаго ихъ довольствія, улучшили условія внутренняго быта и военнаго обученія офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сохранивъ неизмѣнными тотъ боевой духъ, готовность къ самоотверженію и воинскую доблесть, кои искони были присущи русскому воинству. Обновленная и преобразованная армія испытала боевое крещеніе въ минувшую турецкую войну 1877—1878 годовъ, и на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій—въ Европѣ и въ Азіи—одинаково явила многочисленныя подвиги мужества, терпѣнія и самоотверженной преданности Государю и родинѣ, стяжавшіе ей неувядаемую славу. Въ теченіе семи мѣсяцевъ Государь былъ личнымъ свидѣтелемъ и цѣнителемъ этихъ подвиговъ. Онъ раздѣлялъ со Своею арміею труды и лишения походной жизни и вмѣстѣ

съ нею переживаль на поляхъ Болгаріи тяжелые дни испытаній и счастливые дни военныхъ успѣховъ, неизмѣнно всѣхъ ободряя и утѣшая Своимъ присутствіемъ. Передъ лицомъ Россіи и исторіи Императоръ Александръ II засвидѣтельствовалъ въ рескриптѣ, данномъ на ваше имя въ знаменательный день овладѣнія Плевной, о патріотическихъ заслугахъ вашихъ, какъ по благоустройству боевыхъ силъ Имперіи, послужившему залогомъ приобретенныхъ успѣховъ, такъ и по участию вашему въ бывшихъ въ теченіе кампаніи военныхъ совѣщаніяхъ, при чемъ, принятіемъ вашихъ благоразумныхъ и полезныхъ совѣтовъ были достигнуты блистательные результаты.

„Въ сегодняшний день всенародныхъ воспоминаній о Великомъ Императорѣ, Моемъ Дѣдѣ, Я призналъ за благо почтить память о Немъ и совершенномъ Имъ подвигѣ войны за освобожденіе балканскихъ христіанскихъ народовъ въ лицѣ Его ближайшаго и неизмѣннаго сотрудника въ дѣлѣ устройства арміи и въ самомъ веденіи и завершеніи войны. Высочайшимъ приказомъ отъ сего числа Я пожаловалъ вамъ чинъ генераль-фельдмаршала. Да будетъ сей высшій чинъ для васъ отраднымъ напоминаніемъ времени вашей службы и дѣятельности въ знаменитую эпоху, пережитую Россіей, а для русской арміи пусть эта награда, нынѣ вамъ жалуемая, послужитъ свидѣтельствомъ вашихъ трудовъ и заслугъ въ дѣлѣ ея созиданія и приобритенія ея новыхъ боевыхъ лавровъ.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Глубоко уважающій васъ и искренно благодарный

„НИКОЛАЙ“.

Въ Москвѣ, 16-го августа
1898 года.

Торжество 16-го августа воскресило въ народной памяти лучшую эпоху русской государственной и общественной жизни—тѣ „годы мира на землѣ и межъ людей благоволенья“, которые, по выраженію поэта, свято хранящаго вѣрность ихъ традиціямъ, представляются намъ теперь „какъ звѣзды въ мутной мглѣ иль будто въ сумракѣ видѣнья“... На нѣсколько минутъ разступилась эта мгла, разсѣялся этотъ сумракъ, и памятникъ императору Александру II-му предсталъ передъ Россіей какъ яркій завѣтъ короткихъ дней вѣры и надежды, забытыхъ одними, оклеветанныхъ другими,—напрасно ждущихъ продолженія. Немного осталось уже живыхъ свидѣтелей славнаго времени; немногіе могутъ сказать, вмѣстѣ съ А. М. Жемчужниковымъ: „Меня сподобила судьба—тогда узрѣть въ моей отчизнѣ—съ освобожденіемъ раба—преображеніе всей жизни“. Еще меньше число тѣхъ, которые не отвернулись отъ своихъ тогдашнихъ идеаловъ, не измѣнили своимъ тогдашнимъ стремленіямъ. Съ каждымъ годомъ, зато, распространяется въ ширь и глубь сознаніе того, чѣмъ была и остается для Россіи „эпоха вели-

кихъ реформъ". Какъ бы медленно ни шло впередъ развитіе народа, ему способствуетъ каждая вновь основываемая школа, каждая вновь открываемая читальня—и малѣйшій лучъ свѣта, проникающій въ „темное царство“, освѣщаетъ, прежде всего, значеніе и цѣнность свободы: свободы отъ крѣпостного права, отъ негласнаго суда, отъ полицейской расправы, отъ торговой казни, отъ рекрутчины, отъ непрогляднаго невѣжества... Конечно, „подъ соломенной крышей“ никогда не умолкала благодарная молва о томъ, кто имѣетъ на нее гораздо большее право, чѣмъ любой завоеватель ¹⁾; но теперь она мало-по-малу уступаетъ мѣсто знанію и пониманію историческихъ фактовъ, еще болѣе краснорѣчивыхъ, чѣмъ легенда. Эту работу народнаго ума ускорить и закрѣпить грандіозный памятникъ, воздвигнутый въ центрѣ Россіи.

Безъ фальшивыхъ нотъ не обходится, къ несчастью, ни одна хорошая минута. Такими нотами, во время московскихъ празднествъ, были газетныя похвалы Царю-Освободителю и Преобразователю, шедшія отъ враговъ всякой свободы и преобразованій. Вполнѣ выдержать роль они, впрочемъ, не сумѣли; между строками виднѣется, иногда, ихъ настоящая мысль. Вотъ, напримѣръ, въ какую форму вылился, у одного изъ нихъ, отзывъ объ уничтоженіи крѣпостного права: „неограниченная подчиненность помѣщичьихъ крестьянъ налагала на сельское населеніе подневольный трудъ и создавала для него положеніе фактическаго полнаго безправія... Интересы государства требовали широкаго развитія сельской жизни въ области экономической на почвѣ свободнаго труда крестьянъ, *подъ ближайшимъ, доброжелательнымъ руководствомъ* мѣстнаго дворянства“. Итакъ, нужно было не отмѣнить, а только *ограничить* подчиненность крестьянъ, нужно было заключить преобразованіе въ *экономическую* область, т.-е. не распространять его на управленіе и судъ—да и въ области экономической надлежало поставить свободный, номинально, крестьянскій трудъ *подъ руководство* бывшихъ помѣщиковъ, съ *доброжелательностью* которыхъ крестьяне достаточно ознакомились въ крѣпостную эпоху. Сквозь личину сочувствія и одобренія проглядываютъ, такимъ образомъ, знакомыя черты современныхъ крѣпостниковъ, оплакивающихъ паденіе крѣпостной помѣщичьей власти и придумывающихъ болѣе или менѣе замаскированныя ея суррогаты. Другой писатель того же направленія (кн. Цертелевъ), по какому-то недоразумѣнію пишущій теперь не въ „Московскихъ“, а въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, влетаетъ въ панегирикъ „девятнадцатому февралю“ сожалѣніе о томъ, что оно не

¹⁾ Припомнимъ „Souvenirs du peuple“, въ которыхъ Беранже воспѣваетъ Наполеона: „on parlera de sa gloire sous le chaume bien longtemps“.

осталось единственной реформой императора Александра II-го ¹⁾. Онъ утверждаетъ, что отъ положенія о крестьянахъ, нуждавшагося въ дальнѣйшей разработкѣ, вниманіе законодателя было отвлечено новыми преобразованіями, быстро слѣдовавшими одно за другимъ, вслѣдствіе чего явилась даже возможность прямыхъ ухудшеній порядка вещей, установившагося непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. На самомъ дѣлѣ, реформы, послѣдовавшія за освобожденіемъ крестьянъ, были именно „дальнѣйшей разработкой“ той же основной мысли, хотя внѣшнимъ образомъ онѣ и не были связаны съ положеніями 19-го февраля. Если крестьянскій вопросъ быть отодвинутъ въ сторону и признанъ болѣе несуществующимъ, если не удалась передѣлка крестьянскихъ учреждений, предпринятая въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, то причину этому слѣдуетъ искать не въ продолженіи реформъ, кругъ которыхъ очень скоро былъ завершёнъ, а въ обстоятельствахъ совсѣмъ иного свойства, обуславливающихъ глубокую разницу между началомъ и концомъ царствованія Александра II... Настоящая мысль кн. Цертелева обнаруживается, впрочемъ, въ той оцѣнкѣ, которую онъ даетъ „послѣдующимъ реформамъ“—т.-е. университетской, судебной, земской, городской. Онъ усматриваетъ въ нихъ „духъ времени“, духъ „той поры, когда люди, даже искренно преданные правительству, перестали видѣть связь между революціонною практикою и революціонными принципами, а дѣйствительность не успѣла еще напомнить объ этой связи“. Дальше идетъ рѣчь о „лихорадочной ломкѣ всего существующаго строя“, объ обращеніи „вчерашнихъ крѣпостныхъ въ выразителей народной совѣсти“, о стремленіи не только общества, но и „большинства сотрудниковъ“ императора къ „увѣнчанію зданія“. Императоръ—продолжаетъ кн. Цертелевъ—„сознавалъ, что между освобожденіемъ крестьянъ и тѣмъ вѣнцомъ зданія, который ему хотѣли навязать, не было ничего общаго—но не принудилъ своихъ сотрудниковъ быть только исполнителями царскихъ предначертаній... и вотъ, во второй половинѣ его царствованія начинается борьба противоположныхъ направленій“. Если бы вмѣсто: „во второй половинѣ царствованія“, стояли слова: „въ послѣдній годъ царствованія“, мы могли бы понять мысль автора, хотя, конечно, не могли бы съ нею согласиться; но въ томъ видѣ, въ какомъ она высказана, она является прямою и безусловною противоположностью истинѣ. Вторая половина царствованія императора Александра II-го начинается если не хронологически, то фактически съ 1866 года. Кто же представлялъ собою въ это время, до самой „диктатуры сердца“, направленіе

¹⁾ Слѣвшимъ замѣтить, что статья кн. Цертелева, на другой же день послѣ ея появленія, вызвала возраженіе въ самихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

„лихорадочной ломки“ или „увѣнчанія зданія“, кто образовалъ „большинство сотрудников“, не хотѣвшихъ быть только „исполнителями царскихъ предначертаній“? Шефы жандармовъ—гр. Шуваловъ и Потановъ? Министры внутреннихъ дѣлъ—Валуевъ, Тимашевъ и Маковъ? Министръ юстиціи—гр. Паленъ? Министръ народнаго просвѣщенія—гр. Толстой? Достаточно назвать эти имена, чтобы опровергнуть весь воздушный замокъ кн. Цертелева. Вся преобразовательная дѣятельность „второй половины царствованія“ (опять-таки за исключеніемъ послѣдняго ея года) сводится къ изданію Городового Положенія (1870) и положенія о всеобщей воинской повинности (1874)—актовъ, безъ сомнѣнія, не маловажныхъ, но не заключающихъ въ себѣ ничего похожаго на „ломку“ государственнаго или общественнаго строя ¹⁾. Или, быть можетъ, подъ именемъ „лихорадочной ломки“ надо разумѣть реформы первой половины шестидесятыхъ годовъ, послѣдовавшія непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ? Едва ли это рѣшится утверждать даже новѣйшій противникъ „рановременныхъ“ преобразованій. Немного найдется, не только у насъ въ Россіи, но и въ западной Европѣ, законодательныхъ актовъ столь всесторонне обдуманныхъ, столь тщательно отдѣланныхъ, какъ университетскій уставъ 1863 г. и, въ особенности, судебные уставы 1864 г. Къ исторіи ихъ составленія вполне примѣнима формула: *ohne Hast, ohne Rast!* Одинаково далекое отъ медленности и поспѣшности, оно соединяло въ себѣ всѣ условія правильной законодательной работы. Правда, составители судебныхъ уставовъ не побоялись сдѣлать „вчерашнихъ крѣпостныхъ“ „выразителями народной совѣсти“—но это была гениальная смѣлость, по которой узнается истинно государственный умъ, и ее оправдала вся послѣдующая исторія учрежденія, уцѣлѣвшаго, въ главныхъ чертахъ, несмотря на непрерывный рядъ ожесточенныхъ нападеній.

Не рѣшаясь провозгласить „преждевременность“ земства и новыхъ судебныхъ порядковъ, московскіе единомышленники кн. Цертелева пытаются, по его примѣру, провести демаркаціонную черту между императоромъ и его сотрудниками. „Новый судъ“—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“—„не могъ осуществиться во всей чистотѣ, соотвѣтствовавшей высокому идеалу Государя, тѣмъ болѣе, что вершители его воли допустили въ наши новые суды нѣкоторыя неосторожныя и недостаточно продуманныя заимствованія изъ иноземныхъ законодательствъ и порядковъ, вызвавшія много ненормальныхъ явленій, съ которыми и доселѣ намъ приходится бороться для осуществленія

¹⁾ О гимназической реформѣ 1871 г. мы не говоримъ, потому что не противъ нея, конечно, мечутъ громы писатели въ родѣ кн. Цертелева.

чистыхъ, идеальныхъ намѣреній Царя-Освободителя“. Что тѣ мы, отъ имени которыхъ говорятъ „Московскія Вѣдомости“, до сихъ поръ не перестаютъ бороться съ нѣкоторыми, и притомъ существенно-важными, чертами судебныхъ уставовъ—это безспорно; но нужна очень большая смѣлость, чтобы отождествлять мотивы, изъ-за которыхъ ведется эта борьба, съ намѣреніями императора Александра II-го. Намѣренія эти выразились не въ чемъ другомъ, какъ въ самой судебной реформѣ—выразились тѣмъ яснѣе, что все, чѣмъ новые судебные порядки особенно ярко отличаются отъ старыхъ, было разсмотрѣно и утверждено Государемъ два раза: сначала—въ видѣ основныхъ положеній 1862 г., потомъ—въ видѣ окончательнаго текста судебныхъ уставовъ. Гласность, устность, судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей, неприкосновенность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, свобода защиты и равноправность ея съ обвиненіемъ—все это не было запрятано въ закоулки, ускользающіе отъ вниманія, или въ формы, понятныя только для записного юриста: все это было выдвинуто впередъ, поставлено во главу угла, высказано опредѣленно и прямо. Напрасны, поэтому, всѣ попытки доказать, что та или другая сторона судебной реформы была продуктомъ недоразумѣнія; напрасны и аналогичныя усилія по отношенію къ земской реформѣ—напрасны тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ преобразованій императора Александра II-го меньше всего подверглось измѣненію, въ его царствованіе, именно положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.

Продолжая до сихъ поръ „jugare in verba magistri“ и питаться крохами, упавшими со стола Каткова, „Московскія Вѣдомости“ перепечатываютъ, отъ времени до времени, наиболѣе выдающіяся, съ ихъ точки зрѣнія, статьи умершаго ихъ учителя. Въ одномъ изъ такихъ букетовъ, поднесенныхъ читателямъ по поводу одиннадцатой годовщины смерти Каткова (въ приложеніи къ № 197 „Московскихъ Вѣдомостей“), мы находимъ небольшой отрывокъ („Реформы Александра II и современность“), гораздо лучше вымученныхъ панегириковъ выражающій собою настоящее мнѣніе нашихъ „охранителей“ объ „эпохѣ великихъ реформъ“. На вопросъ, что должно уцѣлѣть изъ реформъ Александра II-го, Катковъ, въ 1886 г., отвѣчалъ такъ: гимназическій уставъ, гражданская свобода народныхъ массъ и судъ правый, скорый и милостивый ¹⁾. Къ двумъ послѣднимъ пунктамъ сдѣланы, при-

¹⁾ Въ концѣ статьи Катковъ допускаетъ „сохраненіе и во всѣхъ другихъ вопросахъ всего истинно полезнаго и способнаго къ жизни, при соображеніи съ дѣйствительными потребностями страны“—но вѣдь удержать изъ земской и другихъ реформъ только „полезнае“ и „жизнеспособное“ въ смыслѣ Каткова, значило бы не удержать изъ нихъ, въ сущности, ровно ничего.

томъ, оговорки, существенно измѣняющія ихъ значеніе. Коррективомъ гражданской свободы выставлена „живая и твердая, правильно поставленная власть“, подъ именемъ которой въ 1886 г. разумѣлась уже опека надъ крестьянами, осуществившаяся, нѣсколько позже, въ учрежденіи земскихъ начальниковъ. Что касается до суда, то судебная организація признана „требующею сверху до низу очищенія отъ посторонней примѣси, внесенной въ нее слѣпымъ подражаніемъ“; поправки ея должны быть не „поверхностныя“, а „доходящія до основаній“. Какой остатокъ получился бы послѣ подобныхъ операций—это не нуждается въ поясненіи. Сохраненіе реформъ Александра II-го по программѣ Каткова — равносильно полнѣйшему ихъ искаженію, и этой программы до сихъ поръ держатся его послѣдователи.

Совершенно соглашаясь съ тѣми органами печати, которые приписываютъ императору Александру II-му активное, энергичное участіе въ реформахъ, прославившихъ его имя, мы находимъ, однако, что они не цѣнятъ по заслугамъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ помощниковъ императора. Александръ II-ой—говорить „Новое Время“ (№ 8070) — „былъ обѣденъ истинно даровитыми сотрудниками, людьми съ убѣжденіями искренними и непреклонными“... „Въ дѣлѣ великой (крестьянской) реформы“—читаемъ мы въ другой статьѣ той же газеты—„императоръ былъ одиночекъ; ближайшіе сотрудники его тормазили ему шествіе къ освободительной цѣли“. Безспорно, „тормазящихъ сотрудниковъ“ вокругъ Александра II-го было много, слишкомъ много, но вліяніе ихъ *въ періодъ подготовки реформъ* никогда не осиливало прогрессивныхъ теченій; побѣдоноснымъ оно становилось лишь *въ періодъ осуществленія преобразованій*. Рядомъ съ своекорыстными или близорукими охранителями отжившихъ порядковъ всегда стояли, въ лучшія минуты царствованія, высоко одаренные, сильные волей, честностью и знаніемъ защитники нововведеній. Въ крестьянскомъ дѣлѣ они группировались вокругъ Николая Милютина, составляя такую плеяду талантовъ, какой напрасно было бы искать въ другой моментъ нашей административной исторіи (Ю. Самаринъ, Я. Соловьевъ, кн. Черкасскій, В. Арцимовичъ, А. Заблоцкій, Н. Бунге); въ судебной реформѣ такую же центральную роль играли С. Зарудный, Н. Буцковскій, Д. Ровинскій. И тамъ, и тутъ, къ главнымъ двигателямъ преобразованій присоединились люди менѣе выдающіеся, но сильные своимъ официальнымъ положеніемъ и служившіе убѣжденными, преданными проводниками чужихъ мыслей; таковы были Ланской и отчасти Ростовцевъ въ крестьянскомъ дѣлѣ; таковъ былъ Замятинъ въ дѣлѣ созданія новаго судоустройства и судопроизводства. Могушимъ посредникомъ между этими людьми и императоромъ являлся великій князь Копстантинъ Николаевичъ, всегда стоявшій на сторонѣ движенія. По-

нимали необходимость движенія и поддерживали его своими голосами и пѣкотные изъ министровъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ высшей политики, напр. Чевкинъ, А. В. Головинъ, истинное значеніе котораго измѣряется глубиной ненависти, преслѣдовавшей его до самой его смерти. Развѣ послѣдній мало сдѣлалъ для русскаго просвѣщенія, какъ авторъ университетскаго устава и положеній о среднихъ и начальныхъ школахъ? А графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, руками котораго уничтожена старая рекрутчина, радикально измѣнено отношеніе къ нижнимъ чинамъ, поднято военное образованіе, преобразованъ военный судъ, введена всеобщая воинская повинность?.. Всѣ эти имена не будутъ забыты, пока сохраняется память объ „эпохѣ великихъ реформъ“. Съ такими сотрудниками императоръ Александръ II-ой не былъ одинокъ; одиночество наступило для него только тогда, когда—вслѣдствіе причинъ, раскрытіе которыхъ принадлежитъ исторіи—проведеніе въ жизнь новыхъ порядковъ ускользнуло изъ рукъ, способствовавшихъ ихъ созданію, и переходило въ руки имъ несочувствующія или къ нимъ равнодушныя. Такъ было въ 1861 г., когда Ланской и Н. Милютинъ уступили мѣсто гр. Валуеву; въ 1866 г., когда Головина замѣнилъ гр. Д. Толстой; въ 1867 г., когда Замятину наслѣдовалъ гр. Паленъ. Исключеніемъ изъ общаго правила служило только одно военное министерство, во главѣ котораго двадцать лѣтъ сряду стоялъ гр. Д. А. Милютинъ. Только онъ одинъ донесъ до конца царствованія стремленія, знаменовавшаго его начало. Въ лицѣ гр. Лорисъ-Меликова воскресли давно забытыя стремленія—но его управленіе было очень непродолжительно и ознаменовалось не столько дѣйствіями, сколько намереніями, о содержаніи которыхъ до сихъ поръ, отчасти, возможны только догадки.

Что успѣху преобразованій Александра II-го значительно повредила перемѣна лицъ, окружавшихъ императора—это чувствуютъ смутно сами враги преобразованій; но объясненіе, которое они даютъ безспорному факту, до крайности курьезно. Съ ихъ точки зрѣнія „всѣ нежелательныя Государю послѣдствія реформъ произошли, въ сущности, отъ того, что эти реформы были *подготовлены* людьми *сороковыхъ годовъ*, вышедшими изъ идеально-гуманитарныхъ школъ (т.-е. изъ классическихъ гимназій временъ гр. Уварова), а *исполнены*—людьми *шестидесятыхъ годовъ* (мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника), получившими совершенно иное, утилитарно-матеріалистическое образованіе“ (здѣсь имѣются въ виду гимназій позднѣйшія, вплоть до реформы гр. Толстого). Что реформы были *подготовлены* преимущественно людьми сороковыхъ годовъ—это совершенно справедливо; но столь же несомнѣнно и то, что свои идеально-гуманитарныя идеи люди сороковыхъ годовъ почерпнули не изъ гимназій, и при гр. Уваровѣ оставившихъ

желать весьма многого, а изъ источниковъ, не заключавшихъ въ себѣ ровно ничего officialнаго. Что касается до *исполнителей*, то кого слѣдуетъ понимать подъ этимъ именемъ—тѣхъ ли, отъ которыхъ зависѣло общее направленіе дѣла, или тѣхъ, которые вели его непосредственно, на мѣстахъ? Если—первыхъ, то они были большею частью сверстниками подготовителей реформъ; не будучи „людьми сороковыхъ годовъ“ въ особомъ, специальномъ смыслѣ этого слова, они принадлежали хронологически къ той же эпохѣ. Валуевъ былъ ровесникомъ Н. Милютина, гр. Д. Толстой—ровесникомъ Головнина. Различіе между тѣми и другими коренилось, очевидно, не въ воспитаніи или образованіи, а въ чемъ-то совершенно иномъ. То же самое, до известной степени, можно сказать и о второй категоріи исполнителей. Изъ числа мировыхъ посредниковъ перваго призыва пройти черезъ гимназію пятидесятихъ годовъ могли только весьма немногіе, самые молодые; громадное большинство принадлежало къ „людямъ сороковыхъ годовъ“, и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи слова. Сюда же слѣдуетъ отнести и первыхъ дѣателей новыхъ судовъ, и первыхъ дѣателей земскихъ учреждений. Если многіе изъ нихъ сошли со сцены, или утомились, или измѣнили своимъ традиціямъ, то это слѣдуетъ приписать не напору и наплыву „людей шестидесятихъ годовъ“, между которыми, говоря вообще, преобладала глубокая преданность реформамъ, а измѣнившимся вѣяніямъ сверху, куда, однако, не успѣли еще проникнуть поколѣнія, воспитавшіяся въ средней школѣ переходнаго времени... Нѣтъ, не на „людей шестидесятихъ годовъ“ упадетъ отвѣтственность за то, что было неудачнаго въ исполненіи великихъ реформъ... Не говоримъ уже о вопіющей несправедливости смѣшенія въ одну кучу искалѣченныхъ гимназій кн. Ширинскаго-Шихматова и реформированныхъ гимназій Головнина. Разница между ними такъ же велика, какъ между эпохой наиболѣе обостренной реакціи и эпохой наибольшаго развитія прогрессивныхъ идей.

Намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе по адресу печати. Не только кн. Цертелевъ, но и г. Гольмстремъ проводятъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, мысль о тѣсной, неразрывной связи между эпохою Александра II-го и послѣдующею за ней. Безспорно, между ними есть точки соприкосновенія: въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ было завершено нѣсколько реформъ, задуманныхъ или начатыхъ еще Александромъ II-мъ (назовемъ, для примѣра, перемѣну къ лучшему въ положеніи раскольниковъ, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣну подушной подати)—и наоборотъ, еще въ концѣ семидесятихъ годовъ стала грозить опасность нѣкоторымъ пріобрѣтеніямъ предыдущаго десятилѣтія (напр. университетскому уставу 1863 г.). Едва ли, однако, можно говорить, не грѣша противъ истины, объ органической связи

эпохъ, крупнѣйшіе государственные акты которыхъ иногда прямо противоположны между собою. Нельзя же утверждать, въ самомъ дѣлѣ, что университетскій уставъ 1884 года, земское положеніе 1890 г., городское положеніе 1892 г.—были дальнѣйшимъ развитіемъ университетскаго устава 1863 г., земскаго положенія 1864 г., городского положенія 1870 г. Съ судебными уставами 1864 г. трудно согласить законъ 1885 г., ограничившій несмѣняемость судей; законъ 1887 г., ограничившій судебную гласность; законъ 1889 г., ограничившій сферу дѣйствій суда присяжныхъ, и въ особенности положеніе о земскихъ начальникахъ, положившее конецъ выборному мировому суду и отдѣленію судебной власти отъ административной. Никакимъ усиліямъ не удастся затемнить ту простую истину, что „эпоха великихъ реформъ“, связанная съ именемъ императора Александра II-го, есть эпоха единственная въ своемъ родѣ, столь же рѣзко отличающаяся отъ предыдущей, какъ и отъ послѣдующей. Можно еще судить такъ или иначе о ея внутренней цѣнности, о ея значеніи для Россіи—но нельзя отрицать ея глубокую и исключительную своеобразность.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ начать печатаніемъ рядъ статей бывшаго земскаго начальника орловскаго уѣзда (тамбовской губерніи), г. А. Новикова, подъ общимъ заглавіемъ: „Записки земскаго начальника“. Это—показанія свидѣтеля, тѣмъ болѣе достовѣрнаго, что его никакъ нельзя заподозрить въ тенденціозной враждѣ къ учрежденію, которому онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни. „Поселился я въ деревнѣ и поступилъ на службу“—говоритъ г. Новиковъ,—„чтобы *сколотить* въ крестьянъ недостающую практическую мудрость и *выбить* ненавистныя пьянство и лѣнь; оставляю службу съ глубокимъ убѣжденіемъ, что влоачиваніемъ и выбиваніемъ не добьешься ничего; понять мужика не такъ легко; надо пожить его жизнью или, по крайней мѣрѣ, глубоко вникнуть въ нее, чтобы объяснить себѣ его пьянство, его лѣнь, его грубость и безсердечіе“. Нигдѣ нѣтъ „такого царства насилія, какъ въ крестьянской семьѣ—и это нѣкоторыми называется патриархальнымъ бытомъ... Какъ крестьянамъ не быть грубыми, когда другого обращенія съ людьми они не видали *ни отъ высшихъ, ни отъ равныхъ*?“ „Осуждать ли мужика за пьянство?“—продолжаетъ г. Новиковъ. „А вы, читатель, если не будете имѣть въ жизни *никакихъ удовольствій, никакого отдыха отъ будничныхъ трудовъ, кромѣ лежанія на печкѣ, никакой пищи для ума*—увѣрены ли вы, что вы въ праздникъ не выпьете?“ По поводу обвиненія крестьянъ въ лѣности автору вспоминается одна семья, члены которой, на видъ *сильные, отродясь* побираются; „никто ихъ въ работники не беретъ, какъ

лѣнтыевъ. Лодырями они слывуть и будутъ слыть. Чтò же оказалось? Это семья сифилитиковъ, съ періоститами, съ ломотою въ костяхъ, въ работники не годные. Сколько я ни старался убѣдить мужиковъ пожалѣть ихъ, а не осуждать, мнѣ это не удалось: мужикъ вѣрить только въ видимую болѣзнь, главный признакъ болѣзни для него—когда больной не ѣстъ. Сумасшедшій—блажить, истерику—выбиваютъ кнутомъ, сифилитикъ—лодырь. Всѣхъ ли послѣ этого лѣнтыевъ осуждать? Понятно, что заключительный выводъ г. Новикова—необходимость народнаго образованія: „проповѣдь о школѣ, проповѣдь ежечасная, въ церкви, въ домѣ, въ кабакѣ, быть можетъ,—вотъ наша всѣхъ живущихъ въ деревнѣ обязанность“. А между тѣмъ, многіе ли чувствуютъ и исполняютъ эту обязанность? Многіе ли изъ раздѣлявшихъ заблужденіе г. Новикова, т.-е. вѣрившихъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ дѣйствительность „веолачиванія“ и „выбиванія“ (а имя такимъ заблуждавшимся въ извѣстной сферѣ—легіонъ), поняли свою ошибку и имѣли храбрость сознаться въ ней передъ самими собою и передъ другими? Пускай же хоть теперь не останется безъ вліянія добрый примѣръ чловѣка, не побоявшагося публично сжечь свой прежній идолъ.

Читая статью г. Новикова, мы вспомнили жалобы г. Бодиско на крестьянскую лѣнь, на „лодырей“, отлынивающихъ отъ работы ¹⁾. Между этими „лодырями“ навѣрное не мало такихъ, о какихъ говоритъ г. Новиковъ—т.-е. людей, *неспособность* которыхъ къ работѣ принимается за *нежеланіе* работать. Не одинъ только сифилисъ подкашиваетъ рабочую силу крестьянъ—и не одни только ихъ односельцы не хотятъ или не умѣютъ найти настоящую причину мнимой лѣноты. Гораздо легче поспѣшить суровымъ приговоромъ, чѣмъ войти въ положеніе каждой отдѣльной семьи и опредѣлить степень нужды не по однимъ только вѣшнымъ признакамъ, сплосъ и рядомъ обманчивымъ и ненадежнымъ... По мнѣнію г. Бодиско, особенно много „лодырей“, въ нынѣшній голодный годъ, объявляется въ Приволжѣ. А вотъ чтò пишетъ „Новому Времени“ (№ 8069) г. Молчановъ, изъ самарской губерніи: „Ни разу нигдѣ не обращались ко мнѣ (крестьяне) съ разспросами о пособіяхъ, ссудахъ и т. п., хотя я говорилъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга нарочно, чтобы поглядѣть на размѣры наступающаго горя. Графъ Татищевъ (чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, сопровождавшій директора хозяйственнаго департамента въ поѣздѣ, имѣвшей цѣлю ознакомленіе съ положеніемъ продовольственнаго дѣла въ приволжскихъ губерніяхъ) рассказывалъ, что нѣкоторые крестьяне, ровно ничего не имѣющіе для борьбы съ надвигающейся грозой, категорически отказывались отъ всякихъ ссудъ;

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

одинъ изъ предводителей дворянства мнѣ рассказывалъ, что въ прошлую голодовку приходилось отрывать столовую въ деревнѣ, гдѣ люди пухли, но помощи не просили“. Приведа еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ, корреспондентъ заключаетъ такъ: „Вѣрите, я не сказки рассказываю! Отказы ссудъ были столь нерѣдки при наличности всѣхъ ужасовъ недостаточнаго питанія, что земства уже давно практикуютъ рядомъ съ выдачей продовольственной помощи крестьянскимъ обществамъ выдачу таковыхъ же ссудъ и добровольнымъ, составленнымъ специально для полученія продовольствія товариществамъ крестьянъ“. Этого достаточно, чтобы показать, какую цѣну имѣютъ вопли „охранительныхъ“ газетъ о „лѣности грубаго простонародья“, о падкости его на даровую помощь. Имена отдѣльныхъ вопителей завтра же будутъ забыты, но не изгладится память о „доброжелательномъ“ отношеніи многихъ другихъ къ народной бѣдѣ и народному горю...

Неожиданно яркую иллюстрацію нѣкоторыхъ изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами во Внутреннемъ Обзорѣнн по поводу отчета оберъ-прокурора св. синода, нашли мы въ письмѣ старообрядца (г. Петра Созонова), напечатанномъ въ № 222 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Выразивъ убѣжденіе, что дѣйствительное количество раскольниковъ-старообрядцевъ превышаетъ почти вчетверо цифру, приведенную въ отчетѣ (6.000.000 и 1.293.385), авторъ письма сѣтуетъ о томъ, что „отчетъ смѣшиваетъ почти во-едино сущность духовной жизни старообрядцевъ съ жизнью духовной и общественной штундистовъ, духоборовъ, молоканъ и иныхъ сектантовъ“ (припомнимъ, что „особенно вредными и опасными“ отчетъ признаетъ одинаково и молоканство, и австрійское согласіе). „За что же,—воскликаетъ г. Созоновъ,—насъ, русскихъ людей, преданныхъ Россіи, ея Царямъ и исторіи, смѣшивать и причислять къ сектамъ, намъ самимъ не симпатичнымъ и одинаково намъ враждебнымъ, какъ и православію? Едва ли это правильно и возможно. Заподозривать въ насъ, старообрядцахъ, нашъ исконный русскій патріотизмъ, тысячекратно доказанный, значить не признавать насъ русскими“. И дѣйствительно, все прошедшее раскола (понимаемаго въ смыслѣ старообрядства) доказываетъ съ полною ясностью, что понятіе: *русскій* не совпадаетъ съ понятіемъ: *православный*. Что касается до давно извѣстной, громадной разницы между официальной и не-официальной цифрой раскольниковъ, то она объясняется тѣмъ, что православными *значатся* милліоны лицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ расколѣ, но происходящихъ, хотя бы не въ первомъ колѣнѣ, отъ родителей, *числившихся* православными. Здѣсь существуетъ такое же противорѣчіе между названіемъ и фактомъ,

каѣ и въ средѣ „упорствующихъ“ греко-уніатовъ или „новообращенныхъ“ эстовъ и латышей остзейскаго края, тяготящихся къ своей прежней, лютеранской вѣрѣ.

Каждая годовщина смерти М. Н. Каткова (20-го іюля) становится для его эпигоновъ поводомъ къ цѣлому дождю похвалъ, отличительная черта которыхъ—забвеніе всякаго чувства мѣры. „По истинѣ изумительно“—читаемъ мы въ послѣднемъ изъ этихъ панегириковъ,—„съ какою неизмѣнною правильною онъ (Катковъ) приступалъ къ обсужденію самыхъ разнообразныхъ вопросовъ; онъ это могъ дѣлать лишь потому, что его государственное міросозерцаніе отличалось необыкновенною обширностью и глубиной... Онъ училъ русское общество сознательно относиться къ окружающимъ его явленіямъ и извлекать изъ нихъ назидательное поученіе. *Россия никогда не забудетъ этихъ заслугъ своего національнаго трибуна* (1),... *Геніальнымъ проницаніемъ мысли онъ обнаруживалъ и формулировалъ глубочайшіе принципы политики...* Въ области политической русской мысли онъ явился истиннымъ геніемъ, открывшимъ и освѣтившимъ передъ Россіей ея собственное содержаніе съ такою же властною силой, какъ А. С. Пушкинъ сдѣлалъ это въ отношеніи художественномъ. Русское самосознаніе въ политическомъ отношеніи нашло въ М. Н. Катковѣ одного изъ тѣхъ выразителей, появленіе которыхъ составляетъ эпоху въ жизни народовъ“. Такія преувеличенія, чудовищныя до смѣшнаго, носятъ въ самихъ себѣ свое собственное осужденіе. Нельзя отрицать, однако, что, повторяясь настойчиво, изъ года въ годъ, они могутъ сбить съ толку часть общества, мало знакомую съ прежними „Московскими Вѣдомостями“; можетъ возникнуть смутное предположеніе, что должна же быть хоть какая-нибудь доля величія въ томъ, кого такъ усердно выставляютъ великимъ человѣкомъ. Чрезвычайно цѣннымъ представляется, поэтому, отзывъ о Катковѣ, принадлежащій не публицисту, а ученому, и притомъ ученому скорѣе консервативнаго оттѣнка. Этотъ ученый — Б. Н. Чичеринъ, строго умѣренный въ своихъ взглядахъ, сдержанный въ своихъ сужденіяхъ, никогда не искавшій популярности, лично знавшій Каткова, писавшій нѣкогда въ его журналѣ и находившій тогдашній его образъ мыслей „чрезмѣрно либеральнымъ“.

Вотъ что мы читаемъ въ новѣйшемъ сочиненіи г. Чичерина („Политика“, стр. 513—514, Москва, 1898), составляющемъ третій и послѣдній томъ его „Курса государственной науки“¹⁾:

¹⁾ Книга г. Чичерина представляетъ вообще много замѣчательнаго; это—выдающееся явленіе, къ которому мы непремѣнно возвратимся.

„Во главѣ реакціонной партіи сталъ журналистъ съ выдающимся умомъ и талантомъ, но, къ сожалѣнію, лишенный нравственнаго смысла и трезваго пониманія политическаго положенія. Онъ безпощадно преслѣдовалъ то, чему прежде поклонялся, заподозривая всякое явленіе свободы, кидая грязью во всѣ вызванныя преобразованіями новыя силы. Онъ понималъ, однако, что съ одною проповѣдью реакціи далеко не уйдешь; для успѣшнаго дѣйствія на общество надобно было поддержать ее патріотическою агитаціей. Но патріотизмъ въ благородномъ смыслѣ не только мирится съ либерализмомъ, но и естественно къ нему примыкаетъ. Бороться съ послѣднимъ можно было только взывая къ самымъ пошлымъ инстинктамъ толпы, къ самымъ низменнымъ ея чувствамъ. Началась травля всѣхъ подвластныхъ Россіи народностей, которыя обвинялись въ сепаратизмѣ и въ измѣнѣ. Польское возстаніе подало къ тому удобный поводъ, а когда оно было подавлено, посыпались доносы и на остальныхъ. Русское національное знамя связано было съ обскурантизмомъ, притѣсненіемъ и произволомъ. И толпа съ закрытыми глазами послѣдовала за вождемъ... Этотъ реакціонный походъ возымѣлъ свое дѣйствіе и на правительство; онъ привелъ къ нѣкоторымъ прискорбнымъ мѣрамъ. Но въ образованныхъ слояхъ общества онъ скоро потерялъ всякій вѣсъ, а со смертію его руководителя онъ палъ ниже самаго посредственнаго уровня. Въ литературѣ это направленіе представляетъ только печальную смѣсь раболѣпства, пошлости и бездарности, а въ обществѣ оно поддерживается лишь стремленіями разоряющагося дворянства получить отъ правительства разнаго рода денежныя пособія“.

Не думаемъ, чтобы реакціонной печати удалось снять съ себя клеймо, наложенное на нее спокойною, но твердою рукою Б. Н. Черина...

Впечатлѣніе, произведенное смертію М. Г. Черняева, напоминаетъ до извѣстной степени впечатлѣніе, произведенное смертію М. Д. Скобелева. Правда, Скобелевъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, только-что совершивъ самый блестящій свой подвигъ, между тѣмъ какъ Черняевъ умеръ старикомъ, безповоротно закончившимъ свою карьеру; отъ Скобелева ожидали многого въ будущемъ—для Черняева существовало только прошедшее. И тѣмъ не менѣе есть одна общая черта, сближающая ихъ въ памяти русскаго общества. Они оба не сдѣлали всего того, что, по теоріи вѣроятностей, могли сдѣлать: одинъ—вслѣдствіе преждевременной кончины, другой—вслѣдствіе постоянныхъ перерывовъ служебнаго поприща. Во всякой силѣ, угасшей не свершивъ своего призванія, есть что-то трагическое, и вотъ этотъ трагизмъ одинаково чувствуется въ судьбѣ Скобелева и Черняева.

Завоеватель Ташкента, внезапно остающийся не у дѣлъ и колеблющийся между редакціей газеты и нотаріальной конторой, главнокомандующій сербской арміей, не находящій себѣ мѣста въ вызванной имъ, отчасти, турецкой кампаніи, генераль-губернаторъ туркестанскаго края, отзываемый оттуда прежде, нежели ему удалось чѣмъ-нибудь ознаменовать свое управленіе—это какой-то мученикъ рока, тѣмъ болѣе интересный, что до сихъ поръ мало извѣстны причины постигавшихъ его ударовъ. Нельзя быть увѣреннымъ, конечно, что при другихъ, болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, Черняеву удалось бы многое прибавить къ его немногимъ успѣхамъ—но ему слишкомъ рѣдко удавалось развернуть свои силы, и онъ сошелъ въ могилу, какъ загадка для другихъ и, быть можетъ, для самого себя. Несомнѣнно только одно: въ его печальной судьбѣ не отвѣтственно русское общество. При первомъ удаленіи его со сцены имъ еще очень мало занимались въ не-военныхъ кружкахъ, а пока онъ дѣйствовалъ въ Сербіи, его до конца поддерживала волна народнаго сочувствія. Титулъ „странствующаго полководца“ былъ данъ ему гораздо позже, когда раскрылись разныя непривлекательныя черты добровольческаго движенія и вызвали, вмѣстѣ съ неудачей сербскаго похода, реакцію въ настроеніи общественнаго мнѣнія. Не этотъ титулъ, во всякомъ случаѣ, помѣшалъ Черняеву получить назначеніе въ кавказской арміи, дѣйствовавшей въ 1877 г. противъ турокъ—назначеніе, въ ожиданіи котораго онъ провелъ нѣсколько времени въ главной квартирѣ ¹⁾... Въ одномъ нельзя отказать М. Г. Черняеву: въ смѣлой инициативѣ, не только военной, но и политической. Его появленіе въ Сербіи—фактъ, не имѣющій ничего аналогическаго въ нашей военной исторіи.

¹⁾ См. въ № 8069 „Новаго Времени“ статью: „Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ“, написанную, очевидно, лицомъ близко его знавшимъ. •

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Правленія Спб. Общества вспомоцествованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета: объ увѣковѣченіи памяти Н. Х. Бунге.

Лѣтомъ 1895 года скончался *Николай Христіановичъ Бунге*, Предсѣдатель Комитета Министровъ, незабвенный Профессоръ и Ректоръ Кіевскаго Университета. Николай Христіановичъ въ Кіевѣ родился, въ Кіевѣ воспитался, въ стѣнахъ Кіевскаго Университета получилъ высшее образованіе и на каедрѣ Кіевскаго Университета создалъ себѣ имя, почетное въ наукѣ, уважаемое всѣми просвѣщенными людьми Россіи.

Немного осталось теперь въ живыхъ его товарищей по Университету, помнящихъ его студенческіе годы; но еще много насъ, Кіевскихъ студентовъ, помнящихъ и неспособныхъ забыть нашего дорогого Профессора, нашего достойнѣйшаго Ректора. Сколько самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній соединяется съ этимъ именемъ: онъ воплощалъ въ себѣ наши лучшія представленія о Профессорѣ и руководителѣ студенческой молодежи.

Не станемъ перечислять всѣхъ заслугъ покойнаго: онѣ достаточно запечатлѣны въ сердцахъ его учениковъ. Скажемъ только, что его нравственный авторитетъ былъ такъ же великъ, какъ и авторитетъ ученаго, а можетъ быть и болѣе того. Вотъ почему во время его продолжительнаго ректорства Кіевскіе студенты не помнятъ серьезныхъ столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, не помнятъ студенческихъ злоключеній и въ то же время прекрасно помнятъ, какое серьезное уваженіе къ Университету, этому храму науки, умѣлъ вселить въ насъ Ректоръ нашего университета Н. Х. Бунге.

Его высокія личныя достоинства и только они одни создали ему почетное положеніе въ Университетѣ, въ наукѣ, въ обществѣ и государствѣ. Призванный на высокій постъ Министра Финансовъ, Николай Христіановичъ и въ столицѣ всегда участливо и сердечно относился къ интересамъ родного Кіева, родного ему Кіевскаго Университета, къ бывшимъ Кіевскимъ студентамъ. Онъ былъ старѣйшимъ и щедрѣйшимъ членомъ существующаго издавна въ Петербургѣ Общества вспомоцествованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета и, умирая, завѣщалъ значительную сумму на нужды этого Общества.

Признательные и всегда глубоко уважавшіе своего Профессора члены Общества порѣшили почтить память достойнѣйшаго и дорогого ихъ сердцу человѣка основаніемъ въ Кіевѣ городской школы его имени, и для этого въ Общемъ Собраніи своемъ 9-го Ноября 1895 г. постановили исходатайствовать чрезъ г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій среди бывшихъ Кіевскихъ студентовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ докладу, въ 16 день января 1897 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе Правленію С.-Петербургскаго Общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Университета Св. Владиміра открыть повсемѣстно между бывшими воспитанниками названнаго Университета подписку на образованіе капитала для устройства школы въ Кіевѣ имени покойнаго Предсѣдателя Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге.

На основаніи такого Высочайшаго разрѣшенія, Правленіе Общества приглашаетъ всѣхъ бывшихъ Кіевскихъ студентовъ къ пожертвованіямъ на устройство городской школы имени Н. Х. Бунге въ г. Кіевѣ. Правленіе питаетъ твердую увѣренность, что этотъ призывъ найдетъ радушный откликъ въ сердцахъ товарищей по Кіевскому Университету, съ воспоминаніями о которомъ такъ ярко выступаетъ имя Николая Христіановича, которое съ любовью и гордостью произносить каждый Кіевскій студентъ предъ лицомъ всей Россіи. Намъ нравственный долгъ, какъ людей, обязанныхъ своимъ высшимъ образованіемъ Кіевскому Университету, создать этому имени достойный его памятникъ въ родномъ ему Кіевѣ. Такимъ памятникомъ можетъ быть вполнѣ благоустроенная городская школа.

Устройство такой школы потребуетъ, конечно, значительнаго капитала, но Правленіе вѣритъ, что усиліями бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго Университета намѣченная задача успѣшно будетъ выполнена, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано будетъ, насколько образованные русскіе люди умѣютъ цѣнить высокія гражданскія доблести лучшаго изъ своихъ согражданъ.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ С.-Петербургъ въ Правленіе Общества вспомошествованія бывшимъ Кіевскимъ студентамъ или передаваемы довѣреннымъ Правленіемъ лицамъ по особымъ сборнымъ листамъ за печатью Правленія и подписями Членовъ онаго.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Источ. русской литературы, А. Н. Пыпина.
Т. III. Сб. 39. Стр. 335. Ц. 3 р. Всѣ че-
тыре тома—10 руб.

Въ предисловіи къ новому тому авторъ объясняетъ, почему, переходя къ новому періоду русской литературы, онъ долженъ былъ изменить свой прежній приёмъ и ввести въ изложенье хронологическую последовательность, такъ какъ она въ этомъ періодѣ составляетъ существенную черту и весь интересъ исторіи. Съ любовью и подробностью онъ останавливается на реформѣ Петра В., опровергаетъ существующее мнѣніе объ этой эпохѣ, какъ о разрывѣ съ старымъ, требующемъ возврата къ этой старинѣ и великаго отрицанія европейской цивилизаціи; между тѣмъ, оказывается, что реформа Петра В. явилась не разрывомъ, а вынужденнымъ потребностями какъ государства, такъ и народа—въ новую, болѣе просторную почву для развитія своихъ умственныхъ силъ, и въ этомъ смыслѣ реформа Петра В. была болѣе народна, нежели старинныя, отжившія формы, изъ которыхъ былъ въ то время выработанъ народный гений. Въ составъ третьяго тома вошло изслѣдованіе судьбы народной поэзіи; исторія эпохи преобразованія Петра В.; установленіе новой литературы и изъ заключеніе помѣщеніи двѣ главы: «о Тредьяковскомъ и Сумароковѣ, и другіе—о Ломоносовѣ. Дальнѣйшій процессъ развитія русской литературы, отъ времени Петра В. до Ломоносова до Пушкина и Гоголя, составитъ содержание послѣдняго тома.

Сочиненія К. К. Слѣтвскаго, въ 6 томахъ. Сб. 99. Изданіе А. Маркса. Стр. 368, 359, 316, 448, 454 и 395. Цѣна за 6 том.—8 руб.

Настоящее изданіе представляетъ соборъ полное собраніе всѣхъ произведеній автора, какъ прозы, такъ и поэзіи, которая занимаетъ первые три тома—до самаго послѣдняго времени, включая сюда и только-что появившееся въ печати, въ текущемъ году, стихотвореніе: «Пісія въ уполѣ», посвященное Влад. С. Солоньву, А. Корняковому и др. Изданіе выполнено весьма изящно, во всѣхъ отношеніяхъ, и при первомъ взглядѣ производитъ впечатлѣніе. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени дать болѣе подробный отчетъ о самомъ содержаніи полного собранія, и при этомъ не можемъ не высказать сожалѣнія, что авторъ не помѣстилъ указаній на источники, къ которымъ относится то или другое изъ его стихотвореній, новѣстей и рассказовъ; эта исторія его литературной дѣятельности такое указаніе представляетъ значительный интересъ.

Безцѣная вѣнчикъ пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изд., обработанное и дополненное. М. 98. Стр. 624 и 174.

Мы уже говорили объ этомъ сборникѣ, обрабатывавшемъ на себя вниманіе по богатству, разнообразію содержанія, а еще болѣе по той изъ высшей степени симпатичной дѣлѣ, которой мы могли служить доходъ съ изданія. Изъ отчета издателей видно, что первое изданіе въ 3.600 экземпляровъ разошлось въ 4 мѣсяца, и давало чистый доходъ болѣе 20 тысячъ рублей. Новое изданіе обработано и дополнено въ томъ смыслѣ, что въ прежнихъ статьяхъ нѣкоторыя сокращены

и даже вовсе опущены, а мѣсто ихъ заняли новыя статьи: В. А. Гольцштрема, д-ра Лепсуса, проф. Камаровскаго, Влад. Солоньву, Д. П. Анучина, В. И. Герье и др. Кромѣ того, присоединены новыя рисунки и въ томъ числѣ двѣ большія группы армянъ-переселенцевъ—болѣе 100 человекъ. Въ настоящее новое и притомъ удешевленное изданіе вошло болѣе 140 статей въ прозѣ и стихахъ—и изъ нихъ около 40 новыхъ—и до полутора ста рисунковъ.

Сочиненія Петра В. съ армянскимъ народомъ. Т. А. Эзовъ. Сб. 98. Стр. 512.

Большую часть настоящаго изданія составляютъ документы, въ числѣ болѣе 300 (1698-1736 г.), извлеченные изъ Московскаго Главнаго и С.-Петербургскаго Архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго Архива, Палатскаго тайнаго государственнаго Архива и многихъ другихъ учреждений. Всѣ эти документы относятся ко времени Петра В., съ котораго и армянскій вопросъ ставится у насъ впервые на очередь: «На что въ Россіи въ изгнани, все его началомъ имѣть, и что бы вредъ имъ дѣлалось, отъ его источника черпать будетъ?»,—замѣтилъ справедливо, особенно въ отношеніи первой половины изреченія, одинъ изъ сподвижниковъ Петра В., его послѣдникъ въ Константинополѣ, Нейзверъ. Изданію документовъ предпослалъ обширный и весьма интересный историческій обзоръ отношеній нашего правительства къ армянскому народу, начиная съ Петра В. и до тяжкихъ событій, недавно пережитыхъ армянскимъ народомъ въ самые послѣдніе годы. Сочиненія Петра В. съ армянами находятся въ тѣсной связи съ его переписками, походомъ, а потому настоящее собраніе имѣетъ значеніе и вообще для русской исторіи той эпохи.

Опытъ упрощенія русскаго правописанія. Л. Ф. Воеводскаго, орд. проф. Имп. Новорос-
(с)ивскаго университета. Одес(с)а. 98.
Стр. 22.

Гораздо справедливѣе было бы назвать этотъ «опытъ упрощенія»—опытомъ упрощенія безграмотности въ русскомъ правописаніи. Авторъ, конечно, въ удовольствіи школьника, освобождаетъ ихъ совсѣмъ отъ буквы и, самъ первый пользуется имъ же установленною свободой. Но его мнѣнію, «для начертанія русскихъ словъ, какова бы они ни были происхожденія, требованіе знанія говоренъ церковно-славянскаго и иностранныхъ языковъ не соответствуетъ основному характеру русскаго правописанія»; но такое мнѣніе можетъ послужить только оправданіемъ безграмотности мелочныхъ лавочниковъ, а только изъ писанія придется признавать съотвѣтствующимъ основному характеру русскаго правописанія, какъ его понимаетъ авторъ. И вотъ, онъ «счелъ нужнымъ формулировать все (всѣ) правила такъ, чтобы для ихъ примененія требовалось только знаніе русскаго языка съ его литературнымъ (?) произношеніемъ»... Кромѣ того, авторъ вводитъ экономію въ правописаніе, и начинается ее съ самаго главнаго книжки: *Одеса*;—даже касается названія своего университета, изъ чего видно, что намъ придется измѣнить и названіе нашей страны: *Росія* и не *Россія*.

въ 1899 г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почт. соизв.	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Мѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по выбору дѣлается въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣльных Конторахъ: при книжныхъ магазинахъ К. Рикера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглобина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; П. П. Карбасникова, на Моховой, дома Боха, и въ Конторѣ Н. Печнишкова, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕСѢ:

- въ книжн. магаз. Е. П. Распорина, Дерибасовская улица.

ВЪ НАРШАНѢ:

- въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Сіятъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если жить такого учрежденія въ какомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ переписка производится переходомъ въ иногородіе, доплачивая 1 руб., и иногородіе, переходомъ въ провинцію—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправильность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно обязанности по Почтоваго Департамента, не позже чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Доклады* на полученіе журнала высылаются Конторѣ только гдѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.****РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:**

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ЖУРНАЛЪ
1898

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРА.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-Я.

ОКТАВРЬ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1898.

47.

- I.—МОЛОДО-ЗЕЛЕНО.—Поэзия.—Окончание.—XX-XXXVIII.—В. Г. Аветянце . . . 48
- II.—ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ КИТАЕ.—Н. С. Попова . . . 58
- III.—ЧЕСТОВАНИЕ ПАМЯТИ ПАЛАЦКАГО, въ Чешской Прагѣ, въ 1898 году.—
Открытие письма А. Н. Пилипу.—В. Д. Спасомица . . . 102
- IV.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Изъ лѣтнихъ картинокъ.—I-IV.—П. Н. Гайдебур-
рова . . . 121
- V.—ФАБРИЧНЫЯ ПРАВИЛА ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.—Н. Сяперова . . . 157
- VI.—СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА.—Очерки путешествія по Далмаци и Черногоріи.—
XII-XV.—Окончание.—Евг. Маркова . . . 161
- VII.—ГОРСТЬ ИЗБРАННИКОВЪ.—Эскизы изъ романа „Le Soleil des Morts“, par
Camille Maclair.—VI-X.—Окончание.—Ю. З.-овъ . . . 165
- VIII.—ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Ф. Н. ВУСЛАЕВѢ.—А. Андреевой . . . 169
- IX.—„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“.—Романъ.—The lesser World, by George Gissing.—
XXVI-XXXIV.—Окончание.—Съ англ. А. В.-г. . . 173
- X.—ВООРУЖЕННЫЙ МИРЪ И ПРОЕКТЫ РАЗОРУЖЕНІЯ.—Н. С. Бзіека. Ву-
дущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отноше-
ніяхъ. Т. I-VI.—А. З. Славянского . . . 175
- XI.—ИЗЪ ГАУПТМАНА.—Стих. И. Гриневской . . . 199
- XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бывшій конецъ работы ком-
миссія для пересмотра законоположеній по судебной части.—Выборный миро-
вой судъ въ столицахъ и большихъ городахъ.—Почетные мировые судьи.—
Отношеніе мѣстной вѣстии къ судебной-административнымъ учрежденіямъ.—
Мечты объ упраздненіи земства и реформа общественного призрѣнія.—Зем-
ство на окраинахъ.—„Высшее крестьянское управление“ . . . 201
- XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя издѣнія на Критѣ.—Европейская
дипломатія въ турецкихъ дѣлахъ.—Разногласіе вѣдѣхъ патриотовъ къ судьбѣ
Бандія и крайнее удаленіе дѣломъ Дрейфуса.—Политическій кризисъ во
Франціи.—Пересмотръ дѣла Дрейфуса.—Убийство австрійской императрицы и
дѣла противъ анархистовъ.—Дворцовый переворотъ въ Китаѣ и его значеніе . . . 211
- XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Императоръ Александръ Первій, его жизнь
и царствованіе, Н. К. Шиллера, Т. IV.—Статистическія свѣдѣнія о со-
хранившихся древнерусскихъ книгахъ XI-XIV вв. Сообщеніе Н. В. Во-
кова.—Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, Н. Га-
лена.—Главлія теченія русской исторической мысли, Н. Милкова.—Собра-
ніе сочиненій С. Шавкова.—Уроженцы и дѣтели Владимирской губерніи,
А. В. Смирнова.—Очерки изъ исторіи населенія въ московскомъ государ-
ствѣ, М. Дьяконова.—Т.—Новыя книги и брошюры . . . 229
- XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Catulle Mendès, Le che-
rcheur des tarès.—II. L. Bazalguette, L'Esprit Nouveau.—III. Remy de Gour-
mont, Le II Livre des Masques.—З. В. . . 239
- XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Продовольственный вопросъ.—Рѣшѣ-
н. А. сибирскаго губернатора.—Общественныя запятки и работы, какъ
удаленіе выдачи ссудъ.—Страдаютъ ли продовольственные дѣла отъ обилия
„яныскъ“ или отъ чего-нибудь другого?—Новый финляндскій генералъ-губер-
наторъ.—Продолженіе „Зинисовъ земскаго начальника“.—Скѣлъ герол-
скихъ головъ.—М. А. Кавосъ † . . . 249
- XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Правленія Сиб. Общества вспоможенія б. воен-
нослужащ. Киевскаго Университета: объ увѣковѣченіи памяти Н. Х. Булга.—II.
Отъ Комитета Общества для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ . . . 259
- XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Исторія русской литературы, А. Н. Пи-
липа. Т. III.—Сочиненія К. К. Слутскаго, въ 6 томахъ.—Братская
помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изданіе.—Сочиненія Петра В.
съ армянскимъ народомъ. Г. А. Завъ.—Опытъ упрощенія русскаго правоу-
савья, Л. Ф. Воеводскаго, орд. проф. Имп. Новорос(сійскаго) университета . . . 269
- XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

ОСТ 31 1898

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XX *).

Ипполитъ Михайловичъ Лаховъ впервые ощущалъ опьяняющую, торжествующую и рабствующую радость страсти. На сердцѣ было легко и немножко больно—вѣдь не было бы такого счастья, еслибъ не было этой боли... А Еленѣ Дмитріевнѣ Глыбовой было страшно и физически жутко, и въ этомъ ощущеніи тоже заключалась своя сладкая отравка.

Она осторожно отстранила его и взглянула ему прямо въ глаза.

— Видите, само благоразуміе заставляло меня избѣгать васъ,—сказала она:—мы сейчасъ начинаемъ съ ума сходить. Съ чего вы взяли, что вы меня любите? когда вы могли успѣть полюбить?

Ея тонъ, въ которомъ сквозила рутина свѣтской женщины, подѣйствовалъ на Лахова расхолаживающимъ образомъ. Глаза и брови его невольно нахмурились.

Елена Дмитріевна, не говорите со мной такъ, — сказала.

Взглядъ выразилъ удивленіе.

Я смотрю на то, что случилось, совершенно серьезно,—

продолжалъ онъ.—Какъ это именно случилось, я не знаю. Я никогда ни за еѣмъ не ухаживалъ, у меня не было ни одного романа. Но, должно быть, одно изъ двухъ: или у всякаго человѣка есть свой часъ для любви, или вы такая женщина, которая должна была сразу подѣйствовать на меня иначе, чѣмъ всѣ другія женщины. Для меня все ново,—страшно ново въ томъ, что произошло. Только одно совершенно ясно для меня: это не игра въ любовь, не кокетство, не ухаживанье, даже не—увлеченіе,—это сама любовь.

Елена Дмитріевна слушала, продолжая глядѣть на него неподвижнымъ, но полнымъ внутренней дрожи взглядомъ, а на рѣсницахъ ея между тѣмъ медленно собирались и округлялись двѣ крупныя слезинки.

— И знаете, почему я безъ всякихъ сомнѣній и колебаній говорю о моей любви?—продолжалъ Лаховъ.—Потому что вмѣстѣ съ ней во мнѣ вспыхнула жажда безусловной искренности, безусловной правды отношеній. Только дѣйствительное, глубокое чувство требуетъ этого. Всякое фальшиво прозвучавшее слово причиняетъ мнѣ боль. Развѣ это не любовь? Скажите, вы не ощущаете въ себѣ этой потребности? Вы не хотѣли бы стать въ такую душевную близость отношеній, когда женщина можетъ сказать, не жертвуя своимъ самолюбіемъ:—люби меня!

— Что мнѣ сказать—вы видите!—проговорила Елена Дмитріевна, и смахнула рукой обѣ слезинки.

Лаховъ схватилъ эту руку и покрылъ поцѣлуями то мѣсто, гдѣ чувствовался влажный слѣдъ слезъ. Волна безумнаго счастья снова нахлынула на него. А у нея на лицѣ медленно оживали краски, зрачки наливались глубокимъ, лучистымъ блескомъ... Ей вдругъ стало весело, какъ-то довѣрчиво весело; ядовитое ощущеніе страха исчезло. „Онъ милый, хорошій, честный... у него сердце ребенка“...—думала она, взглядывая на него бокомъ успокоенными, почти смѣющимися глазами. И въ то же время въ ней пробуждалось сознаніе своей зрѣлости, своего душевнаго старшинства надъ нимъ. „И физическаго также“,—мелькнуло у нея въ умѣ, но она не остановилась на этой мысли.

Она обвела вокругъ глазами. Пустынный пейзажъ, напоминающій окрестности Рима, и эти развалины древняго провинціального волизея—глядѣли сурово, тогда какъ дальше, на горахъ, пробившіеся сквозь туманъ солнечные лучи придавали воздушную прелесть скаламъ, тонувшимъ въ прозрачныхъ облакахъ.

— Какъ мы странно встрѣтились! въ какой обстановкѣ!—сказала она.—Но посмотрите же, какъ хорошо!

Она положила руку на его руку, и глубоко вдыхая воздухъ, точно хотѣла упиться имъ, всматривалась въ чудную декорацію.

— Какъ вы пришли сюда? почему? задолго до меня?—спрашивалъ Лаховъ.

— Я съ утра ушла. Мнѣ такъ было тяжело, тоскливо... видите, я сознаюсь, — она разсмѣялась короткимъ, довѣрчивымъ смѣхомъ:—мнѣ хотѣлось уйти подальше, чтобъ никого не видѣть... Противный!—она взглянула на него, выпрямившись, и усмѣхнулась.—И вотъ, я шла, шла, и вижу—какой-то маленький уголокъ пустыни, какія-то странныя развалины... Кстати, что это такое? вы знаете?

— Тутъ въ древности былъ римскій циркъ, — объяснилъ Лаховъ.

— А-а! И бои гладиаторовъ? Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ, гладиаторы убивали другъ друга? Или выводили христіанъ на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ? Какъ странно! Нѣтъ, арена была вонъ тамъ, а гдѣ мы сидимъ — тутъ были ложи, и прекрасныя патриціанки, въ вѣнкахъ изъ розъ, полулежали на подушкахъ и тигровыхъ шкурахъ, и обмѣнивались влюбленными взглядами съ юношами, прекрасными какъ Эндиміонъ... Жаль, что я ничего этого не подозрѣвала, когда сидѣла здѣсь одна. Я думала бы совсѣмъ о другомъ, и мнѣ не было бы такъ грустно...

Она опять бокомъ взглянула на Лахова, усмѣхаясь. Его лицо было совсѣмъ близко отъ нея, въ глазахъ бѣгали искры, губы вздрагивали... Она вдругъ покраснѣла, отвернулась, потомъ быстро потянулась къ нему, и только пугливо сжала плечи, когда его поцѣлуи обожгли ей щеку и губы... Потомъ медленно отстранилась отъ него и встала. Онъ тоже всталъ.

— Знаете, я ѣсть хочу: я ничего не ѣла сегодня,—вдругъ вспомнила она.—Надо домой. Когда придемъ, какъ разъ будетъ время обѣдать.

Лаховъ подаль ей руку.

XXI.

Они пошли тихо, немножко прижимаясь другъ къ другу, мѣняясь быстрыми, ненасытными взглядами. Еленѣ Дмитріевнѣ хотѣлось дурачиться, сдѣлать какую-нибудь шалость, сказать ему: „ты“. А онъ молчалъ, словно благоговѣйно прислушиваясь къ своему внезапно нахлынувшему счастью.

— Сегодня вѣдь начинается карнавалъ,—напомнила Елена Дмитриевна.—Я хотѣла бы видѣть процессію. Вечеромъ придите за мной, мы вмѣстѣ пойдемъ.

— Чудесно,—отвѣтилъ Лаховъ.

— Мы будемъ въ толпѣ вдвоемъ, и никому до насъ не будетъ дѣла, и намъ ни до кого. Вы рады?

Она хотѣла сказать: „ты радъ?“, но это „ты“ не сорвалось съ губъ, и она только шаловливо прижалась къ нему плечомъ.

— Я и такъ съ ума схожу отъ счастья,—отвѣтилъ онъ.— А вѣдь нѣсколько часовъ назадъ я и думать не смѣлъ объ этомъ.

— Правда? Но что же именно вы думали?

— Разумѣется, мнѣ лѣзли въ голову самыя мучительныя мысли. Я думалъ, что вы съ первой же минуты ужъ стали раскаиваться, анализировать себя и меня, нашли меня совсѣмъ неподходящимъ для своего романа, и рѣшились прекратить со мной всякое знакомство.

— Ну, и что же дальше?

— А дальше—я думалъ, что мнѣ надо уѣхать отсюда, изъ Ниццы, чтобы не стѣснять васъ своимъ присутствіемъ.

— И вы уѣхали бы?

— Что же мнѣ оставалось дѣлать!

Елена Дмитриевна посмотрѣла на него и усмѣхнулась.

— Но вы не уѣхали бы,—возразила она съ увѣренностью.— Ни за что! Вы откладывали бы со дня на день, ждали бы, надѣялись, и наконецъ... наконецъ мы встрѣтились бы.

Лаховъ покачалъ головой.

— Не думаю; мнѣ было очень тяжело и обидно,—сказалъ онъ.—А главное, я ничего не понималъ...

Они шли съ горы, задерживая шаги, прижимаясь другъ къ другу. Платье Елены Дмитриевны, покрытое густымъ налетомъ бѣлой пыли, цѣплялось за колючіе шипы придорожныхъ кактусовъ.

— А куда бы вы уѣхали?—вдругъ спросила она послѣ короткаго молчанія.

— Я хотѣлъ поѣхать въ Парижъ...

— Чтобы веселиться, кутить!—воскликнула она, и даже покраснѣла, до того ей досадно было представить себѣ Лахова одного, среди соблазновъ парижской жизни.

— Но я не уѣхалъ, и это лучше всего,—возразилъ Лаховъ.

Елена Дмитриевна на ходу крѣпко пожала ему руку.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ чаще попадались имъ на встрѣчу экипажи и пѣшеходы. Нѣкоторые подозрительно улыбались, глядя на нихъ, и провожали ихъ глазами. Проѣхало какое-то русское

семейство въ извозничьемъ ландо, оглядѣло ихъ съ ногъ до головы съ изумленнымъ, страстнымъ любопытствомъ, и слышно было, какъ произнесли разными голосами фамилію Елены Дмитриевны. Та, наконецъ, замѣтила, что они обращаютъ на себя вниманіе.

— Недостаетъ только, чтобъ мы повстрѣчали знакомыхъ, — проговорила она, смущаясь.

И какъ нарочно, въ эту самую минуту ихъ обогнала коляска, изъ которой высунулись длинный носъ и крашенные усы генерала Усопова, и пронзительно блеснули его желтые глаза. Генералъ высоко и нѣсколько игриво поднялъ шляпу и помахалъ ею въ воздухъ.

— Ъзидилъ смотрѣть гориллу! — крикнулъ онъ изъ коляски. — Непремѣнно поѣзжайте посмотреть. Сходство съ человѣкомъ поразительное. Содержится въ постоянной температурѣ 22 градусовъ Цельсія.

— Ужъ не сдѣлается ли онъ дарвинистомъ? — засмѣялся Лаховъ.

Черезъ нѣсколько минутъ попались на встрѣчу опять знакомые — Спѣсивцевъ съ Толченовымъ. Они тоже раскланились съ какою-то подозрительною игривостью, а Спѣсивцевъ даже потупился.

Наконецъ, уже въ городѣ, женскій голосъ окликнулъ Елену Дмитриевну, и изъ дверей магазина появились Варваровскіе. Съ ними пришлось остановиться. Катерина Павловна, пожимая имъ руки, поглядывала на обоихъ очень плутовато, а замѣтивъ сильно запыленное платьѣ Елены Дмитриевны, воскликнула съ неприятнымъ ужасомъ:

— Боже мой, откуда вы въ такомъ видѣ?

Эти встрѣчи, эти подозрительные взгляды, самымъ неприятнымъ образомъ подѣйствовали на Елену Дмитриевну. Въ ея воображеніи выросла мрачная химера сплетни. Она пошла скорѣе, держась немножко дальше отъ Лахова, и встрѣтивъ свободный фіакръ, остановила его.

— До свиданья, Ипполитъ Михайловичъ, я доѣду, — сказала она, и взглянула на него уже не съ тѣмъ выраженіемъ, которое, еще нѣсколько минутъ назадъ, озаряло ея счастливо-взволнованное лицо.

— Вечеромъ вы разрѣшаете зайти за вами? — спросилъ онъ, невольно переходя на другой тонъ подъ вліяніемъ ея безразличнаго взгляда.

— Хорошо... впрочемъ, знаете что: благоразуміе будетъ

не показываться намъ вдвоемъ въ такой толпѣ, какая будетъ вечеромъ на улицахъ,—отвѣтила Елена Дмитріевна.—Навѣрн встрѣтятся знакомые, начнутся разговоры...

— Уже!—уныло произнесъ Лаховъ.

Елена Дмитріевна отвѣтила ему милой улыбкой, которая должна была его утѣшить.

— Завтра я буду на набережной,—добавила она, и торжественно вскочила въ каретку.

XXII.

Погода оказалась какъ нельзя болѣе благопріятной для торжественнаго вступленія „его величества Карнавала XXII“ въ веселый городъ Ниццу. Бродившія весь день облака перетянулись куда-то за горы, вѣтеръ съ моря стихъ, темно-синее небо дышало спокойной, свѣжей, весенней теплотой. Искры отъ ракетъ и факеловъ красиво гасли въ неподвижномъ воздухѣ, иногда казалось, будто онѣ взлетали до далекихъ, слабо мигающихъ звѣздъ. Плавнo покачиваясь на носилкахъ и кивая своею громадною головою, Карнавалъ XXII медленно и торжественно совершалъ свое шествіе по залитой народомъ „Avenue de Gage“, пока не успокоился подъ балдахиномъ, сооруженнымъ для него на площади Массена, среди поющей, танцующей, хохочущей и совершенно трезвой толпы.

Лаховъ съ любопытствомъ толкался уже цѣлый часъ среди веселящихся по-дѣтски ниццаровъ, послѣ римлянъ въ наиболѣе цѣлости сохранившихъ старинный культъ карнавала. Для него было новостью это безпритязательное народное веселье, вызванное и не подкрѣпляемое никакими винными возліаніями это отсутствіе всякаго даже предположенія о какихъ-нибудь бычачинствахъ масляничнаго разгула. Вошедшая въ кровь культурность толпы сказывалась во всемъ.

Изъ знакомыхъ встрѣтились только Варваровскіе. Эспер Петровичъ имѣлъ болѣе чѣмъ всегда недовольный видъ. Зрѣлище этой свободно веселящейся толпы оскорбляло его. Ему казалось притомъ, что на жену его нагло засматриваются, толкаются.

— Ничего я не вижу интереснаго въ этомъ карнавалѣ, пожаловался онъ Лахову.—Высыпала на улицу вся городская сволочь, а полиціи и признаковъ нѣтъ.

— Полиціи тутъ нечего дѣлать; вы видите, среди толпы одинъ пьянаго,—замѣтилъ Лаховъ.

— На какія деньги имъ пить-то?—возразилъ съ презритель-

ной миной Варваровскій.—Вѣдь это нищета, пролетаріатъ. Они и питаются-то только парой оливокъ въ день, да еще развѣ ракушку какую-нибудь поймаютъ въ лужѣ.

— А Елена Дмитріевна развѣ дома осталась?—спросила Катерина Павловна.

— Я не вижу ея здѣсь,—отвѣтилъ не совсѣмъ на вопросъ Лаховъ.

Понемногу, тоскливое чувство закралось къ нему. Ему казалось, что его счастье какъ-то глупо и безпричинно закончилось, и онъ снова одинокъ въ толпѣ, и не можетъ раздѣлять ея веселья. „Но вѣдь она замужемъ, и мнѣ всегда будутъ принадлежать только украденныя мгновенья, и мы всегда будемъ чужими другъ другу, какъ бы ни соединяла насъ любовь“,—тутъ же пришло ему на умъ.—„Въ Петербургѣ все будетъ еще больше насъ раздѣлять“... Но черезъ минуту онъ говорилъ себѣ: „Да, но что будетъ потомъ, объ этомъ мы еще подумаемъ. А теперь она одна, и почти свободна. Теперь мы оба еще полны первой жажды, первыхъ иллюзій; что будетъ потеряно теперь, то никогда не вернется“.

И ему страстно захотѣлось видѣть ее, или только пройти мимо ея виллы, взглянуть издали на ту дорожку въ саду, гдѣ она стояла съ нимъ въ темнотѣ, испуганная и уже поработенная, замѣтить свѣтъ въ ея окнѣ...

Лаховъ выбрался изъ толпы и пошелъ все скорѣе и скорѣе. Тайная надежда увидѣть Елену Дмитріевну на террасѣ почти жгла его.

И онъ не обманулся. Еще издали онъ увидѣлъ ея стройную фигуру, наклонившуюся надъ рѣшеткой. И она тоже увидала и узнала его издали, и слѣдила молча за его приближавшимися шагами. Она точно знала, что онъ долженъ придти...

Калитка не была заперта. Лаховъ вошелъ прямо на террасу и жадно глянулъ ей въ лицо. Она показалась ему блѣдною, утомленною.

— Я такъ много ходила сегодня!—объяснила она на его замѣчаніе.—Что вамъ вздумалось придти?

— Но это такъ ясно!—отвѣтилъ онъ.

Она посмотрѣла на него съ нѣжнымъ укоромъ, потомъ оглянулась на окна дома, гдѣ слабый свѣтъ пробивался откуда-то издали, изъ заднихъ комнатъ, сдѣлала Лахову знакъ глазами и, сойдя по ступенькамъ, прошла въ садъ. вмѣсто черной кружевной шали, у нея на плечахъ былъ русскій пуховый платокъ, и

она зябло куталась въ него, хотя сегодня вечеръ былъ еще теплѣе, чѣмъ въ послѣдній разъ.

— Видѣли карнавальное шествіе?—спросила она.

— Да. И мнѣ скучно стало. Зачѣмъ вы не пошли со мною? Такъ весело было бы чувствовать себя вдвоемъ въ незнакомой толпѣ...

— То-то и есть, что здѣсь нѣтъ незнакомой толпы. Вездѣ русскіе, и всѣ они знаютъ меня.

— Какъ вы пугливы! Въ васъ свѣтская женщина беретъ верхъ надъ... просто женщиной.

Елена Дмитріевна посмотрѣла на него нѣсколько удивленно.

— Отучитесь говорить такимъ образомъ, Ипполитъ Михайловичъ,—сказала она.—Свѣтскія женщины бываютъ разныя, но все-таки обязательно быть свѣтской женщиной. Не будьте... студентомъ!

— Выговоръ?—нѣсколько напряженно улынулся Лаховъ.

Елена Дмитріевна ласково взяла его за руку.

— Не обижайтесь, вѣдь я хочу, чтобы вы были лучше всѣхъ, даже въ самыхъ маленькихъ мелочахъ,—сказала она.

Лаховъ сѣлъ подлѣ нея, не выпуская ея руки изъ своей и продолжая все тѣмъ же ненасыщеннымъ взглядомъ любоваться ею. Съ этимъ выраженіемъ физической или нервной усталости на блѣдномъ лицѣ она еще больше говорила его чувству.

— Я подчинюсь всему, чего вы захотите, чего потребуете...—заговорилъ онъ, прижимаясь губами къ ея рукѣ.—Мы будемъ видѣться со всѣми предосторожностями, я буду оберегать ваше спокойствіе. Но я хочу знать, чувствовать, видѣть, что вы довольны мною, что вы... больше чѣмъ довольны...

Елена Дмитріевна улыбнулась ему, но тотчасъ отвернулась, встрѣтившись съ его загорѣвшимися взглядомъ, и отняла свою вздрогнувшую, горячую руку.

XXIII.

Лаховъ нетерпѣливо встряхнулъ головой. Онъ весь волновался, онъ не понималъ ея, онъ понималъ только себя.

— Вы меня не любите!—проговорилъ онъ неожиданно, голосомъ, въ которомъ звенѣло отчаяніе.—Вы испугались чего-то чуть-чуть похожаго на чувство, и тотчасъ принялись подавлять его, замораживать. Вы уже всего боитесь; вы боитесь встрѣчи съ петербургскими знакомыми, боитесь каковой-нибудь глупой сплетни...

Въ глазахъ Елены Дмитриевны опять выразился ласковый упрекъ.

— Вотъ, вы уже не вѣрите; вамъ уже мало тѣхъ доказательствъ, которыя вы имѣете,—сказала она.—Что же будетъ дальше?

— Да, что же будетъ дальше? Я уже думаю объ этомъ, думаю съ ужасомъ,—повторилъ Лаховъ.—Въ Петербургъ вы будете совсѣмъ недоступны для меня.

— А кто сейчасъ обѣщалъ не упускать предосторожностей, заботиться о моемъ спокойствіи?—напомнила она съ серьезной улыбкой.—Развѣ вы хотѣли бы, чтобъ я сдѣлалась предметомъ сплетенъ, испытала бы униженія, оскорбленія?

Лаховъ притихъ, и только смотрѣлъ на нее съ тоскливой мольбой. Потомъ вдругъ опустилъ лицо ей на колѣни и проговорилъ глухо:

— Но какъ это тяжело, какъ тяжело! Еслибъ вы знали, какъ мнѣ мучительно надо быть съ вами... каждый день, каждый часъ! И ни о комъ не думать, какъ только о насъ...

— Развѣ вы не со мной? и развѣ мы не одни?—проговорила она тихо.

Лаховъ вздрогнулъ, поднялъ голову и обхватилъ обѣими руками ея талию. Она пробовала отстраниться—онъ не пускалъ ее.

— Я съ вами... и мы одни...—повторилъ онъ съ усиленіемъ, вживаясь губами въ узкую полоску ея шеи, бѣлѣвшую изъ-подъ кружевного ворота.—Хоть въ тѣ минуты, когда мы одни, дайте мнѣ повѣрить своему счастью...

Елена Дмитриевна стремительно вырвалась и встала. На рукавъ у него остался ея пуховый платокъ.

Ея лицо не выражало ни испуга, ни негодованія. Напротивъ, что-то милое, нѣжное и сердечное свѣтилось въ ея утомленныхъ глазахъ... Ей было немножко жаль Лахова, и она не обвиняла его...

— Вотъ теперь я не буду имѣть къ вамъ довѣрія,—сказала она болѣе печально, чѣмъ укоризненно.

Лаховъ, смущенный и растерянный, помогалъ ей накинуть на плечи платокъ. Ей было холодно, и она слегка вздрагивала.

— Походите, — предложила она.

Они пошли по узенькой дорожкѣ, усыпанной крупнымъ морскимъ пескомъ, бѣлѣвшимъ въ темнотѣ.

— Ахъ, какъ трудно любить! — сказалъ Лаховъ.—По крайней мѣрѣ въ первый разъ, и такъ, какъ я.

— Потому что вы неблагодарны, или еще слишкомъ мо-

лоды,—возразила Елена Дмитріевна.—Слишкомъ молодые всегда немножко глупы въ любви, потому что они по-дѣ матеріальны, и рѣдко понимаютъ женщину, которую любятъ.

— Можетъ быть я васъ не понимаю, но я васъ люблю страстнымъ шопотомъ вывалось у Лахова.

— Знаю, вѣрю... Но и вы должны мнѣ вѣрить, и не вѣряться... какихъ-то доказательствъ,—отвѣтила Елена Дмитріевна.

Она повернула, посмотрѣла на него успокоеннымъ, ласковымъ взглядомъ, улыбнулась и протянула руку.

— А теперь идите, мнѣ холодно,—добавила она.

— Отсылаете меня! Уже!—жалобно протестовалъ Лаховъ.

— Мнѣ холодно, вы слышите?—повторила Елена Дмитріевна.—Не могу же я рисковать простудой... чтобъ дать вамъ доказательство!

И продолжая улыбаться, она еще разъ крѣпко, дружелюбно пожала ему руку. Лаховъ поцѣловалъ эту руку, бросилъ за плечо ливое-печальный взглядъ на окна дома и повернулъ къ калиткѣ.

Съ городской площади еще доносился шумъ карнавала.

XXIV.

Лаховъ и не подозрѣвалъ, что этотъ карнавалъ готовилъ массу разочарованій и лишеній. Ежегодно въ это время общественная жизнь въ Ниццѣ рѣзко измѣняется: праздники слѣдуютъ за праздниками; театры, казино, рестораны, улицы—все полняется, принимаетъ особенно нарядный видъ, обуреваемая какою-то бѣшеною жаждою развлеченій и веселья. Въ томъ же время слѣзаетъ иностранцевъ, и преимущественно русскихъ и англичанъ, былъ громадный. Елена Дмитріевна на каждомъ шагу встрѣчала петербургскихъ знакомыхъ. Двѣ ея родственницы пріѣзжали сколько разъ на два, на три дня, одна изъ Канна, другая изъ Ментоны, и останавливались у нея, на ея виллѣ.

Все это отнимало ее у Лахова, почти лишало его возможности видѣться съ нею наединѣ. Онъ встрѣчалъ ее урывками при постороннихъ, подъ подозрительными взглядами ничѣмъ занятыхъ наблюдателей. А ему такъ хотѣлось видѣть ее такъ страстно тянуло къ ней. Эти препятствія, которымъ онъ не предвидѣлось, приводили его въ состояніе возростававшей раздраженія. У него такъ много оставалось невыясненнаго, неразрешеннаго, и такъ часто являлось что-нибудь новое, требующее объясненій. Жажда близости, раздѣленнаго и выраже-

астія, жажда доказанной любви, все мучительнѣе томила его... между тѣмъ ему минутами казалось, что эта женщина, такъ стро имъ овладѣвшая, какъ будто уходила отъ него. Онъ былъ ень, очень молодъ и неопытенъ въ этой новой области, въ которую ввела его внезапно налетѣвшая страсть, и многое представлялось ему непонятной загадкой. Чувствуя, что эта первая любовь захватываетъ его все сильнѣе, онъ ожидалъ отъ Елены Дмитріевны тѣхъ же порывовъ, разгорающейся страсти, тѣхъ же мленій влюбленной тоски; ему казалось, что она должна люгь совершенно такъ же, какъ онъ, должна подняться надъ теми условностями своего положенія, дойти до той же мучительной, сжигающей потребности совершенной и безусловной крепности, которая пронизывала его самого. А вмѣсто того онъ замѣчалъ въ ней возроставшую сдержанность, какую-то неспламеняющуюся благосклонность, не чуждую оттънека превосходства и старшинства. Въ немъ страсть какъ будто будила жаря, — „студента“, какъ она выразилась, — а въ ней мягко, но истно торжествовали инстинкты свѣтской женщины...

Разъ, встрѣтивъ Елену Дмитріевну на набережной, съ дорою и гостившею у нея родственницей, Лаховъ сунулъ ей въ руку заготовленную раньше записку, въ которой умолялъ ее жертвовать сегодняшнимъ вечеромъ, остаться дома и позволить ему зайти къ ней. Онъ вторично увидѣлъ ее въ тотъ день въ время „bataille des fleurs“, и она успѣла сказать ему, что вечеромъ у нея будутъ гости, но завтра она не выйдетъ на набережную и съ утра уйдетъ въ садъ при виллѣ Цесаревича, онъ можетъ найти ее.

Дѣйствительно, на другой день Лаховъ нашелъ ее въ саду, той самой скамейкѣ, гдѣ они встрѣтились въ первый разъ. — Какъ я благодаренъ вамъ! — вырвалось у него, и онъ не сдержавъ, а сдавилъ ей руку, такъ что она даже поморщилась. Но ея глаза смотрѣли ласково, даже нѣжно, и вся она была такая нѣжная въ своемъ свѣжемъ бѣломъ туалетѣ англійскаго роая...

— Мнѣ самой было очень, очень скучно оттого, что такъ долго вижу васъ, — сказала она. — И тѣмъ болѣе, что скоро и навалъ кончится, и придется намъ всѣмъ уѣзжать изъ Ниццы... Лаховъ вздрогнулъ. Онъ постоянно отгонялъ мысль объ этомъ, и она и представлялась ему.

— Вы думаете скоро уѣхать отсюда? — переспросилъ онъ. — Я еще не знаю, когда именно; но сезонъ кончается, а уѣзжать только до конца сезона, — объяснила Глыбова.

У Лахова вертѣлся на языкѣ вопросъ, который ему трудно было сдѣлать. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Вы получили письмо отъ мужа?

— Да, вчера вечеромъ.

— Онъ пріѣзжаетъ за вами?

— Изъ Петербурга онъ долженъ былъ выѣхать черезъ сколько дней, — отвѣтила Елена Дмитріевна, ни разу во время этого разговора не взглянувъ на него.

Лаховъ сидѣлъ блѣдный и тяжело дышалъ. Глаза его тоже опущены внизъ. Мысли, какъ осенніе листья, поднялись и закружились вихремъ въ его головѣ.

— Ну, что такое? вы уже унывать начинаете? — съ притворной веселостью обратилась къ нему Елена Дмитріевна, и жила руку на его руку. Но и сама она чуть-чуть поблѣднѣла.

Лаховъ поднялъ на нее горѣвшіе глаза.

— Какъ же будетъ? — спросилъ онъ глухо.

— Но все такъ же... Вѣдь вы можете въ одно время нами уѣхать въ Парижъ; мы пробудемъ тамъ съ недѣлю, — сказала Елена Дмитріевна. — А потомъ мы встрѣтимся въ Петербургѣ. Это уже отъ васъ будетъ зависѣть поскорѣ вернуться въ Петербургъ.

Она видимо дѣлала надъ собой усиліе, чтобъ говорить спокойно; но въ голосѣ прорывалась тоскливо-встревоженная и губы немножко дрожали.

Лаховъ все болѣе блѣднѣлъ.

— Да, разумѣется... — проговорилъ онъ съ разсѣяннымъ видомъ, какъ человѣка, котораго только-что оглушили ударомъ по головѣ. Но я, собственно, не о томъ... Я хотѣлъ спросить... Но я говорю вздоръ. Понятно, вы замужемъ, мужъ пріѣзжаетъ, все это въ порядкѣ вещей.

Онъ машинально взялъ, вмѣсто своей тросточки, зонтикъ Елены Дмитріевны, и нѣсколько разъ ударилъ кончикомъ его по песку.

— Все это какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей, — повторилъ онъ съ той же тоскливой разсѣянностью.

Это чувство тоски передалось Еленѣ Дмитріевнѣ. Она на минуту улыбнулась, но улыбка вышла горькая, вымученная.

— Что же мнѣ дѣлать, Ипполитъ Михайловичъ! — вырвалось у нея сквозь накипавшія слезы.

Лаховъ медленно поднялъ голову.

— Скажите мнѣ откровенно, — вдругъ обратился онъ къ ней, — въ какихъ вы отношеніяхъ къ мужу? Любите ли вы его,

понимаю, потому что иначе вы не удостоили бы меня ни малѣйшаго вниманія. Но существуетъ, быть можетъ, извѣстная привязанность, привычка?

Елена Дмитриевна сжала вытянутыя на колѣняхъ руки.

— Боже мой, какъ я объясню это?—проговорила она.—Я десять лѣтъ замужемъ, у насъ есть общіе интересы, есть дочь... Но вы можете понять, что мнѣ тяжело...

На рѣсницахъ ея повисли слезы. Лаховъ быстро подвинулся къ ней, обнявъ рукой ея талию. Глаза его горѣли.

— Послушайте,—заговорилъ онъ страстно:—я когда-то сказалъ вамъ, что если въ моей жизни явится женщина, то она сама впишетъ въ мою программу, что суждено намъ обоимъ. Я не зналъ, что это такъ близко. Мнѣ это представлялось потому, что овладѣть мною можетъ только женщина, стоящая жизни. И вы овладѣли мною. Поэтому рѣшайте сами, а я съ наслажденіемъ подчинюсь вашей волѣ. Если вы можете вернуть свою свободу, то моя свобода принадлежитъ вамъ.

XXV.

Елена Дмитриевна слушала его съ опущенной головой, блѣдная, и каждое слово его точно вбивалось въ нее, вызывая на ея лицѣ странную игру какихъ-то лучезарныхъ молній и мрачной тоски. Слезы упали съ рѣсницъ, она не обратила на нихъ вниманія.

— Какой вы хорошій, Ипполитъ Михайловичъ; какъ у васъ много сердца...—проговорила она почти съ сожалѣніемъ, и губы ея покрывила печальная улыбка. — Но то, что вы говорите... вѣдь это дѣтская мечта. И все-таки я счастлива этой мечтой, потому что она показываетъ, что вы въ самомъ дѣлѣ любите меня...

— Почему вы называете это дѣтской мечтой? — возразилъ Лаховъ все тѣмъ же страстнымъ тономъ.—Потому что вы замужемъ? потому что у васъ дочь? Но развѣ вы не можете вернуть себѣ свободу? Развѣ вашъ мужъ будетъ такъ безжалостно-истребителенъ, что не отдастъ вамъ дочери?

Елена Дмитриевна закрыла лицо руками.

— Не говорите объ этомъ! не будемъ объ этомъ говорить!—почти вскричала она.—Если я стану объ этомъ думать, я могу надѣлать глупостей.

Они оба замолчали. У обоихъ на сердцѣ лежала и давила несдвинутая тяжесть.

— Но какъ же будетъ? что дѣлать?—повторилъ свой прось Лаховъ.

— Ахъ, вѣдь вы такъ говорите потому, что для насъ это очень ново, мы еще не умѣемъ любить...—отвѣтила Дмитріевна. — Развѣ можно теперь объ этомъ разсуждать оба слишкомъ неспокойны. Мой мужъ не сейчасъ вѣдь ѣзжаетъ. Пройдетъ нѣсколько дней, мы до тѣхъ поръ разъ увидимся. Вы вѣдь не ребенокъ, не фантазеръ, вы считаете себя человѣкомъ съ практическимъ, дѣловымъ умомъ. Вы поймете, что нельзя, въ пароксизмъ страсти, ломать нѣскѣлькихъ жизней. Въ страсти есть безуміе, противъ котораго мы должны быть предупреждены.

Ея голосъ звучалъ все мягче, все вкрадчивѣе. Пока Лаховъ слушалъ ее, ему какъ будто становилось легче. Но когда она замолчала, и онъ взглянулъ въ ея блестящія отъ невысохшихъ слезъ глаза, увидѣлъ такъ близко передъ собой ея взволнованное съ выступившими тоже отъ слезъ розовыми пятнами лицо, ослѣпленннмъ взглядомъ всю ея изящную, полную какимъ-то магнетизмомъ для него, острымъ соблазномъ фигуру—страстная опять сдавила ему душу.

— Елена, но развѣ вы не понимаете меня? Вѣдь я безумно ревную васъ!—почти простоналъ онъ.

Она поняла его. Краска слегка ударила ей въ лицо и отвернулась.

„Какой онъ неопытный, и какъ въ немъ еще сидитъ студентскій эгоизмъ!—подумала она съ неудовольствіемъ:—, раньше, пока онъ еще не влюбился, онъ казался мнѣ болѣе выработаннымъ характеромъ.“

— Вы ребячитесь,—проговорила она вслухъ.

Лаховъ схватилъ ее за обѣ руки и повернулъ къ себѣ горѣвшіеся глаза его впились въ нее.

— Вы называете это ребячествомъ? что вы хотите сказать?—произнесъ онъ такимъ тономъ, что ей даже невольно стало страшно сдѣлалось. — Вамъ кажется, что я могу допустить примириться...

— Пустите, мнѣ больно!—вскричала она, съ усиленнымъ усилиемъ сжимая свои стиснутыя руки. — Вы начинаете сходить съ ума, я не люблю васъ такимъ. И совсѣмъ вы меня не такъ понимаете. Какъ вы могли думать, чтобы я... Какою пошлою женщиной вы меня считаете! Я назвала вашу ревность ребячествомъ, потому что вы должны безусловно мнѣ вѣрить...

Она проговорила это слегка отвернувшись отъ него. Лицу ея скользило не то недовольное, не то насмѣшливое...

женіе.— „Сколько въ немъ до сихъ поръ наивности и... не-
тлостности!—думала она.—Онъ любить какъ дикарь, добивается
е разъяснить, хочетъ какой-то невозможной откровенности. Развѣ
женщины бываютъ откровенны? Въ любви надо понимать, а не
запрашивать“...

Лаховъ смотрѣлъ на нее возбужденными, жадными и недо-
рчивыми глазами.

— Но какъ сдѣлать, чтобы вѣрить?—проговорилъ онъ глухо.
Вы замужемъ; вашъ мужъ придетъ, вступить полнымъ хо-
иномъ въ домъ съ правами, къ которымъ онъ уже привыкъ,
которыхъ вы не можете отвергнуть, не отвергая его самого...

Елена Дмитриевна зажала ему ротъ рукою.

— Замолчите, не говорите глупостей,—сказала она, и полу-
крытая улыбка пробѣжала по всему ея лицу.—Вы ребенокъ,
опытный, ничего не понимающій. Предоставьте все это мнѣ.
разъ навсегда запрещаю вамъ заводить этотъ разговоръ.

Въ ея голосѣ Лаховъ опять почувствовалъ ту вкрадчивую и
астную ласку, которая такъ завораживала его влюбленную
ску.

— Какъ я люблю васъ! — глухо вырвалось у него вмѣсто
вѣта.

Елена Дмитриевна посмотрѣла на него благодарнымъ, свѣтя-
мся взглядомъ.

— Но если вы меня любите, вы не должны дѣлать мое
положеніе еще болѣе труднымъ,—сказала она.—Вы были нестер-
мы сегодня, и вотъ видите, я старалась васъ успокоить, при-
скачать. Но этого не будетъ въ другой разъ.

Она говорила тономъ старшей, и Лаховъ уже привыкъ къ
му тону. Онъ сознавалъ, что есть такія области чувствъ и
пошеній, въ которыхъ она гораздо зрѣлѣе его.

XXVI.

Лаховъ расстался съ Еленой Дмитриевной нѣсколько успо-
иный: какой-то туманъ еще лежалъ между нимъ и тѣмъ на-
гающимся, неизбѣжнымъ будущимъ, которое такъ мучительно
ало его. Но это спокойствіе—жалкое спокойствіе отсрочки—
должалось не долго. Рѣдкія встрѣчи съ Еленой Дмитриевной,
неизмѣнная сдержанность, ея скупая, какъ бы сострадающія
ки, раздражали его.— „Съ вами иначе нельзя, вы дѣлаетесь
сѣмъ не похожи на разсудительнаго человѣка“,—сказала она

ему однажды. Эти слова заставляли его очень много думать. Развѣ онъ былъ не разсудителенъ? И что значило поступить разсудительно въ той роковой путаницѣ, въ какую сложены ихъ отношенія?

Разумѣется, все зависѣло отъ того, какъ понимать связанный ихъ чувство. Если это—случайная прихоть, блажь воображенія и чувственности, то было бы очень глупо искать развязки катастрофѣ. Но онъ зналъ, что его любовь сдѣлалась главнымъ интересомъ его жизни, и что это не случайно сдѣлалось, а потому, что онъ встрѣтился именно съ такой женщиной, которая могла и должна была овладѣть имъ. Онъ не подозрѣвалъ, всѣ женщины представляются именно такими въ первомъ порывѣ страсти...

Но если это была страсть, любовь, внезапно и глубоко захватившая его душу, то развѣ не разсудительна, не неизбѣжна была цѣль, которую онъ ставилъ имъ обоимъ? Ни онъ, ни она не примирились бы съ раздѣломъ, не затоптали бы своего достоинства. И вотъ, онъ безвозвратно предлагаетъ ей себя, свою жизнь, свою душу. Что онъ могъ сдѣлать кромѣ этого и больше?

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней онъ вечеромъ пошелъ въ виллѣ Елены Дмитріевны. У нея гостила родственница, приехавшая изъ Канна. Ему не хотѣлось видѣться съ ней при постороннемъ лицѣ, и онъ сталъ ходить взадъ и впередъ въ виллу, въ надеждѣ, что его замѣтятъ съ террасы.

Въ этотъ день утромъ Елена Дмитріевна вскользь сообщила ему, что получила отъ мужа телеграмму изъ Парижа и что онъ придетъ завтра. Лаховъ тогда только поблѣднѣлъ, и съ какимъ-то новымъ, почти ненавистническимъ чувствомъ взглянулъ на нее. Но потомъ онъ весь день не находилъ себѣ мѣста, ѣздилъ въ Монте-Карло, гдѣ съ непонятнымъ наслажденіемъ проигралъ тысячу франковъ, и вернулся еще болѣе тоскующимъ, несчастнымъ и, кажется, еще болѣе влюбленнымъ.

Теперь онъ уже съ полчаса ходилъ взадъ и впередъ по рѣшеткой виллы, и рѣшилъ ходить такъ до тѣхъ поръ, пока погаснетъ свѣтъ въ двухъ крайнихъ окнахъ, гдѣ онъ предположилъ галлѣ комнату Глыбовой.

Но свѣтъ еще не погасъ, когда дверь на террасу открылась, и появилась Елена Дмитріевна. Она наклонилась къ периламъ, вглядываясь въ темноту, потомъ тихо спустилась по ступенькамъ, подошла къ калиткѣ и впустила Лахова.

— Вамъ нужно меня видѣть? Что такое?—спросила она въ несколько встревоженнымъ тономъ.

Лаховъ схватилъ ея руки.

— Да, мнѣ нужно,—произнесъ онъ, осторожно увлекая ее въ глубину сада. — Я не могу больше, мнѣ слишкомъ тяжело. Вы должны рѣшить.

Въ ея глазахъ мелькнуло неудовольствіе.

— Какой вы странный,—сказала она:—вы точно въ горячѣѣ; вамъ вѣжется, что можно очертя голову поставить все на карту—и вы хотите, чтобы я дѣйствовала такъ же, какъ вы. Но это счастье, что я благоразумнѣе васъ и еще не потеряла голову.

— Я не ищу ничего безразсуднаго,—возразилъ онъ;—я ищу правды. Да, мнѣ надо знать правду. Если вы дѣйствительно меня любите, то вы точно также понимаете, что мы не можемъ остаться... втроемъ.

— Ахъ, вамъ опять нужны доказательства?—сказала она тономъ горечи.—Но видите ли что: если вы скажете, что для доказательства моей любви я должна броситься съ крыши этой виллы, я не брошусь. А между тѣмъ я люблю васъ.

— Но если это правда, то вы не можете колебаться между нашимъ мужемъ и мною, — возразилъ Лаховъ.—Послушайте: я ѣду не ребячусь, какъ вы однажды выразились. Я весь измучился, мнѣ невыносимо это положеніе. Завтра пріѣзжаетъ вашъ мужъ; что-нибудь должны же вы ему сказать, объяснить. Или вы хотите, чтобы я самъ это сдѣлалъ?

Елена Дмитріевна быстро отшатнулась отъ него.

— Вы съ ума сошли!—воскликнула она.

— А, вотъ видите, какъ вы испугались! А для меня гораздо страшнѣе оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ мы теперь. Лучше предпочту уѣхать завтра съ первымъ поѣздомъ въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Америку, работать тамъ нѣсколько лѣтъ на заводахъ, какъ князь Керенскій, о которомъ вы говорили, и понемногу забыть васъ, вырвать эту несчастную страсть...

— Это въ васъ не страсть говорить, а эгоизмъ, малодушный страхъ за свое спокойствіе. Чтожъ, уѣзжайте, если вамъ такъ лучше...—промолвила Елена Дмитріевна, и рѣсницы ея чуть-чуть дрогнули.

Но Лаховъ какъ будто самъ испугался сказаннаго имъ. Онъ сразу притихъ и робко удержалъ Елену Дмитріевну за талию.

— И вы позволили бы мнѣ уѣхать?—вымолвилъ онъ, усиливаясь въ темнотѣ заглянуть ей въ глаза.

— Что жъ я могу сдѣлать. Насильно удерживать не стану,—говорила она.

Лаховъ сильнѣе сжалъ ея талию.

— Но какъ же вы хотите, чтобъ я былъ спокоенъ: вы, какъ только узнали, что мужъ ѣдетъ, уже перемѣнились ко мнѣ. Вы держите себя такъ холодно, такъ неласково, — заговорила онъ. — Вамъ нѣтъ никакого дѣла до моихъ мученій.

Она медленно повернула къ нему лицо, такъ что ея волосы коснулись его щеки.

— А развѣ я не мучаюсь? И развѣ вы не заставляете меня мучиться еще больше? Скажите: вамъ мало того, что я люблю васъ? — проговорила она голосомъ, въ которомъ влюбленный слухъ Лахова уловилъ скрытую дрожь.

Она положила руку ему на плечо. Въ темнотѣ онъ видѣлъ въ упоръ ея словно озарившееся лицо и бѣлки ея глазъ. Онъ отыскалъ ея губы и принялъ къ нимъ губами. Она жмурилась, ея рѣсницы щекотали его, ея пальцы впивались въ его шею. Потомъ она быстро оттолкнула его, блѣдная, улыбаясь улыбкой, сохранившей растерянное выраженіе.

— А теперь уходите, мнѣ пора въ комнаты, — сказала она, и не простившись, почти бѣгомъ взбѣжала на террасу.

XXVII.

Парижскій *train de luxe*, во второмъ часу дня, медленно подошелъ къ дебаркадеру. Въ одномъ изъ маленькихъ купѣ пассажиръ, нагнувшись надъ диваномъ, увязывалъ ремнями полинятый, но аккуратно сложенный пладъ. Въ окно видна была только его спина, широкая и короткая, облаченная въ мѣшко-ватый пиджакъ, да затылокъ съ косицами жидкихъ желтоватыхъ волосъ, прикрытый какою-то странною, плоскою и круглою шапочкою, съ оттопыривающимися разрѣзами околыша.

Елена Дмитріевна узнала мужа и вошла въ купѣ.

— Ah, vous voilà! — произнесъ Николай Антоновичъ, выпрямляясь и быстро пробѣжавъ по ея лицу и всей фигурѣ зоркимъ, какъ бы дѣловымъ взглядомъ. — Здорова? все благополучно?

Затѣмъ своими большими, выпяченными губами онъ поцѣловалъ жену въ лобъ, который она склонила къ нему, такъ какъ была немного выше его, потомъ въ руку, сквозь перчатку. Маленькая Лили просунулась впередъ и вцѣпилась руками въ его плечи. Николай Антоновичъ и ее тоже поцѣловалъ въ лобъ и въ рученку.

— Вотъ и я, вотъ и я, — повторялъ онъ, снимая съ сѣтки котѣлокъ, чтобъ замѣнить имъ шапочку, которую носилъ только

въ дорогѣ, и только потому, что видѣлъ такую точно на одномъ амстердамскомъ банкирѣ. — Вы всѣ тутъ поправились, я вижу. Отлично, отлично. А какъ была погода, а?..

Это „а?“ онъ произносилъ совсѣмъ особенно, въ родѣ французскаго „hein?“, придавая ему въ высшей степени пренебрежительное выраженіе. Когда онъ заканчивалъ этимъ звукомъ вопросъ, это значило, что онъ не ожидаетъ отвѣта. И дѣйствительно, онъ тотчасъ же обратился къ подошедшему къ окну носильщику и подаль ему маленькій чемоданъ изъ мягкой кожи, пледъ, какія-то коробки, а самъ принялся напяливать на себя петербургское пальто стараго широкаго фасона, достаточно помятое и съ отвисшими уже карманами.

— Ну, можно ѣхать. Здѣсь экипажъ, конечно? Я пойду выгружать багажъ,—объявилъ онъ, и, нагнувъ голову, точно пробиравъ ею дорогу, пошелъ по корридорчику вагона, мимо жены и дочери, которыхъ даже толкнулъ немного.

Елена Дмитриевна направилась за нимъ, ведя за руку Лили. Ея глаза были опущены, и она взглядывала ими вдоль платформы осторожно, исподтишка: она боялась встрѣтить Лахова. Но она не увидѣла его, хотя онъ былъ тутъ. Онъ стоялъ за дверьми маленькой пассажирской залы, и его закрывала плечистая фигура какого-то американца, ждавшего поѣзда въ Монте-Карло.

Глыбовъ нашелъ, наконецъ, свой багажъ, распорядился отвести его на виллу и, взявъ жену подъ руку, а Лили за руку, направился мелкими и скорыми шагами къ выходу. Лицо его, сохраняя обычное выраженіе торопливости, вмѣстѣ съ тѣмъ сіяло удовольствіемъ; глаза весело бѣгали по сторонамъ; губы прищипывали.

— Въ Петербургѣ всѣ поручили кланяться, тебя ждутъ,—говорилъ онъ женѣ, по привычкѣ поминутно облизываясь кончикомъ языка.—Тамъ вырабатывается новая филантропическая забота — „Общество для снабженія бѣдныхъ женщинъ носильнымъ платьемъ“. Княгиня Троевѣрова вызывала меня къ себѣ, и сказала, что пріѣхала бы сама своей особой, еслибъ ты не была границей. Я подписался отъ твоего имени на пятьсотъ рублей. Ты знаешь, я не скуплюсь въ этихъ случаяхъ. Филантропія распространяется, а?.. Вообще, нашъ весенній сезонъ обѣщаетъ быть очень оживленнымъ. Баронъ Куквистъ выстроилъ дачу на Канарскомъ, въ маѣ дастъ тамъ праздникъ, о которомъ уже теперь говорятъ. Ты знаешь, онъ продалъ свою цинковую руду за полтора милліона, а?.. Я все это и устроилъ, и на мою долю при-

шло съ полтораста тысячъ. Наличными, впрочемъ, только пять тысячъ, а остальное—акціями, а?..

— Такъ что дѣла идутъ не дурно?—отозвалась Елена Дмитриевна какимъ-то страннымъ, болѣе завистливымъ, чѣмъ радостнымъ тономъ.

— А? — еще разъ протянулъ Николай Антоновичъ, торжественно вскинувъ головою.—Въ дѣла я совсѣмъ по уши ввязанъ, какъ видишь, пожаловаться не могу, а?..

Онъ вдругъ такъ крѣпко сжалъ ручонку Лили, что та вскрикнула...

— Что такое? больно сдѣлалъ? Нечаянно, ангелочекъ, нечаянно. Твой папа о тебѣ заботится, вотъ что, а?..

Они были уже у выхода изъ вокзала. Имъ подали коляску и маленькія полукровныя лошади помчали ихъ аккуратной рысью по безконечной „Avenue de la Gare“.

— Главныя-то новости я еще не сообщилъ: узнаешь дома, продолжалъ Глыбовъ.—Кстати: надѣюсь, ты не ждала меня завтракомъ? Насъ кормили въ поѣздѣ. Но ты угостишь насъ чаемъ, русскимъ чаемъ. У тебя вѣдь это устроено, конечно. Самоваръ цѣль?

— Цѣль, — улыбнулась Елена Дмитриевна.

XXVIII.

На виллѣ Николай Антоновичъ быстро обошелъ весь дворъ, обозрѣлъ садъ, сообщилъ, что и въ Парижѣ уже показались холода, потомъ стремительно удалился въ собственные двѣ комнаты, и даже приперъ дверь, которою онъ сообщался съ остальнымъ домомъ. Тамъ онъ сначала долго умывался, плеская въ лицо холодной водой, а потомъ, вытираясь махровымъ полотенцемъ, надувъ щеки и лысину, потомъ облекся въ свѣжую лѣтнюю пару, потомъ отперъ одинъ изъ чемодановъ, и доставъ оттуда матерчатый футляръ отъ Кулона, въ rue de la Paix, вернулся на полотно жены.

Въ футлярѣ были два громадные солитера чистѣйшей воды. Елена Дмитриевна невольно вздрогнула, когда онъ поднесъ ихъ къ губамъ.

— Зачѣмъ, къ чему это? — проговорила она сдавленнымъ голосомъ, и сначала поблѣднѣла вся, затѣмъ густо покраснѣла. Ей было почти досадно и почему-то стыдно, мучительно стыдно. Именно такъ точно она украла этотъ роскошный подарокъ.

— Какъ находишь камни? — съ торжествующимъ видомъ

спрашивалъ Глыбовъ.—Кулонъ увѣряетъ, что лучшей пары нѣтъ по всей rue de la Paix. Угадай, что стоитъ?

— Не знаю... все равно! Камни великолѣпны, но я не хочу знать цѣну... — поспѣшно отвѣтила Елена Дмитриевна, и даже прижала локти, какъ дѣлаютъ инстинктивно женщины, охваченныя испугомъ.

Но Глыбовъ, ничего не замѣчая, приподнялся на носкахъ, вытянуть шею и выпалилъ съ разстановкою:

— Шестнадцать тысячъ франковъ, а?..

Тутъ онъ немножко повачнулся на носкахъ, и чтобъ поддѣржаться, схватился обѣими руками за талію жены. Огромныя, желтыя, какъ и все лицо, губы его потянулись и съ громкимъ чмоканьемъ присосались къ ея губамъ.

Елена Дмитриевна пошатнулась, и схватившись за его плечо, отпихнула его.

— Ты чуть не уронилъ меня...—засмѣялась она дѣланнымъ, фальшиво прозвучавшимъ смѣхомъ, снова вся блѣднѣя. И безсознательно, повинувшись только нестерпимому физическому ощущенію, пробѣжавшему, точно гусеница, по всему ея тѣлу, вынула изъ кармана батистовый носовой платокъ и крѣпко протерла имъ по губамъ.

Николай Антоновичъ бросилъ на нее подозрительный боковой взглядъ. Но у него уже вошло въ привычку не останавливаться на подобныхъ мелочахъ. Поэтому онъ только спросилъ:

— А что же чай? Ты вели подать въ твою комнату, чтобъ можно было поговорить безъ Лили и m-lle Бульянъ.

Елена Дмитриевна поспѣшно ушла распорядиться.

За чаемъ Николай Антоновичъ, сидя немножко бокомъ и отставивъ ноги съ видѣвшимися изъ-подъ короткихъ брюкъ голенищами, принялся сообщать свои новости. Передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Петербурга состоялось годовое собраніе общества эксплуатаціи нефтяныхъ отбросовъ, въ которомъ онъ былъ членомъ правленія и директоромъ. Отчетъ вышелъ великолѣпный, акціонеры рукоплескали. Дивидендъ назначенъ двадцатью рублями выше прошлагодняго. Тутъ опять рукоплескали. Независимо отъ того, триста тысячъ списано въ запасный капиталъ. И это встрѣчено рукоплесканіями. Тогда онъ передалъ брошюрку отчета въ руки предсѣдателя собранія, который растроганнымъ голосомъ прочелъ заключительныя строки. Въ нихъ правленіе, отдавая дань справедливости неутомимой и блестящей дѣятельности директора Глыбова, опытному руководству котораго дѣло обязано такими изумительными успѣхами, предлагало господамъ

акціонерамъ вознаградить заслуги Глыбова, отчисливъ въ пользу его шестьдесятъ тысячъ изъ прибылей отчетнаго года. Едва председатель успѣлъ окончить чтеніе, какъ раздались громкіе крики: „согласны, согласны! по заслугамъ!“. Какой-то неизвѣстный голосъ изъ заднихъ рядовъ крикнулъ-было:—„а не жирно ли детямъ?“—но эта дерзкая выходка тотчасъ была заглушена рукоплесканіями.

— Такъ что ты доволенъ?—опять какимъ-то дѣланымъ тономъ отозвалась Елена Дмитріевна.

Николай Антоновичъ медлил отвѣтомъ, собиралъ и раскрывалъ свои оттопыренные губы и поводилъ свѣтлыми глазами безъ рѣсницъ. Наконецъ онъ произнесъ:

— Ты понимаешь, что теперь это ужъ такъ и пойдетъ году въ годъ, а?..

XXIX.

Елена Дмитріевна налила мужу вторую чашку. Онъ наклонился надъ душистымъ паромъ, потянулъ въ себя глотокъ снизу, исподлобья, вскинулъ на жену играющій взглядъ.

— А самой главной новости ты все-таки еще не знаешь, сказалъ онъ значительно.

— Чтò же это такое? — безучастно спросила Елена Дмитріевна.

Глыбовъ всталъ, поднялъ свои квадратныя плечи, вобралъ въ себя воздуха и взмахнулъ длинными руками.

— А вотъ чтò. Ты знаешь домъ графини Фирбрюкенъ Англійской набережной? Особнякъ съ зеркальными окнами? его купилъ,—объяснилъ онъ наконецъ.

Елена Дмитріевна опять внутренне вздрогнула, какъ въ минуту, когда онъ поднималъ крышку футляра съ солитерами. Она знала этотъ домъ графини Фирбрюкенъ. Онъ ей всегда обыкновенно нравился, когда она проѣзжала мимо. Разъ она указала на него изъ кареты Николаю Антоновичу, прибавивъ, что мечтаетъ имѣть въ Петербургѣ такой особнякъ. Но это было давно, и владѣвшее ею тогда настроеніе совсѣмъ не было похоже на теперешнее.

Глыбовъ стоялъ прямо передъ ней, уткнувшись кончикъ бороды въ грудь, и выжидающее выраженіе придавало его глазамъ сухой, пронизывающій блескъ. Онъ, очевидно, требовалъ ея достнаго отклика. Надо было отозваться.

— Неужели? Но какъ тебѣ удалось?—сказала Елена Дмитриевна, поднявъ голову и улыбаясь.

— По пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ, — засмѣялся Глыбовъ. — Графиня-то, на старости лѣтъ, вздумала въ аферы пуститься, да и запуталась. Деньги понадобились до зарѣзу, а гдѣ же въ двадцать-четыре часа найти покупателя на такую игрушку. Ну, я и явился засвидѣтельствовать свое почтеніе. Такъ и такъ, говорю, мнѣ подобная покупка ненужна, но если отдадите за безцѣнокъ, то почему же не подобрать. Она и то и сѣ, а кончилось, конечно, тѣмъ, что отдала чуть не задаромъ. За то я ей вмѣсто задатка сейчасъ же почти всю сумму на чекъ выписалъ, а?.. Да чтѣ же ты не спрашиваешь, за сколько именно купилъ?

— Ты вѣдь сказалъ: за безцѣнокъ.

— Сто-сорокъ тысячъ!—объяснилъ Глыбовъ. — Одна земля почти то же стоитъ. А вѣдь домъ наполовину изъ гранита выведенъ, мраморная лѣстница, двери и окна красного дерева съ бронзой, парадныя комнаты штофомъ затянуты, потолки лѣпные, каминны полторы сажени вышины, изъ Италіи выписывались. Въ залѣ паркетъ мозаичный изъ двѣнадцати деревъ.

Его голосъ становился все торжественнѣе, переходилъ въ какое-то радостное захлебываніе. Онъ даже не глядѣлъ на жену, такъ какъ ея впечатлѣніе и безъ того представлялось ему совершенно яснымъ.

— Баронъ Куквистъ, какъ узналъ, триста тысячъ предлагалъ мнѣ изъ рукъ въ руки,—закончилъ Глыбовъ.—Собственно говоря, слѣдовало бы, конечно, перепродать, но я помнилъ, что тебѣ хотѣлось имѣть такой особнячокъ, и даже именно этотъ самый.

Теперь онъ взглянулъ на жену нѣжно и вопросительно.

— Но если ты находишь выгоднымъ перепродать...—начала было она.

— Теперь объ этомъ ужъ и рѣчи нѣтъ, — перебилъ Глыбовъ. — По пріѣздѣ въ Петербургъ сейчасъ же приступимъ къ дѣлу. Ты понимаешь, омеблировать такой домикъ — не шутка. Кое-что надо будетъ теперь же въ Парижѣ выбрать. Вообще, необходимо всѣмъ этимъ заняться безотлагательно. У меня съ тобой планъ, я объясню тебѣ расположеніе комнатъ и вообще все.

Елена Дмитриевна подняла блѣдное лицо и отодвинулась отъ стола.

— Да, да, я непременно разсмотрю съ тобой планъ,—проговорила она. — Но только не теперь; я сегодня какая-то глу-

пая. Я навѣрное простудилась вчера, оставаясь поздно въ саду, и почти не спала ночь.

Глыбовъ остановилъ на женѣ внимательный взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была блѣдна и имѣла утомленный видъ.

— Простудилась, ты говоришь?—повторилъ онъ.—Этимъ не слѣдуетъ пренебрегать. Но почему ты поздно сидѣла въ саду? кто-нибудь былъ у тебя?

— У меня гостила тетка, Анна Матвѣевна, — отвѣтила Елена Дмитріевна. — Она пріѣзжала изъ Ментоны, и сегодня утромъ уѣхала, чтобъ не стѣснять тебя.

Глыбовъ моргнулъ лишенными рѣсницъ вѣками, и перешелъ къ другимъ петербургскимъ новостямъ. Потомъ сталъ разспрашивать, какъ они тутъ жили, кто изъ знакомыхъ теперь въ Ниццѣ. Елена Дмитріевна отвѣчала спокойнымъ и немного усталымъ тономъ.

— А помнишь, я тебѣ писалъ про одного молодого инженера, Лахова? встрѣчала ты его здѣсь?—вдругъ спросилъ Глыбовъ.

— Какъ же, встрѣчала; онъ тутъ уже недѣли три живетъ, — отвѣтила тѣмъ же тономъ Елена Дмитріевна, устанавливая чашки на подносъ.

— Ну, какъ онъ тебѣ показался? Дѣльная голова, а?..

— Кажется.

— На рулетку не ловится?

— Нѣтъ, онъ имѣетъ видъ очень серьезнаго молодого человѣка.

— Онъ пойдетъ, быстро пойдетъ, — заключилъ Глыбовъ. — Но если тебѣ нездоровится, значить, ты не поѣдешь со мной поколесить по городу?

— Я думаю, что лучше будетъ мнѣ посидѣть дома, — отвѣтила Елена Дмитріевна.

— Ну, какъ знаешь. А я поѣду. Ты держишь постоянную коляску, а? Прикажи подавать.

XXX.

Елена Дмитріевна машинально отдала приказаніе, машинально проводила мужа. На нее точно столбнякъ нашелъ, какое-то томительное отсутствіе воли...

Она вышла на террасу. Яркіе солнечные лучи такъ и брызнули на нее, заставивъ невольно зажмуриться. Было самое теплое время дня: послѣ четырехъ часовъ тамъ уже холодѣетъ. Накопившійся въ безвѣтренномъ воздухѣ весенній жаръ съ раз-

ожающей лаской вѣялъ изъ-подъ полога широколистныхъ пальмовыхъ верхушекъ. Елена Дмитріевна не чувствовала этой ласки. Ей начинало казаться, что она въ самомъ дѣлѣ больна. Но она не боялась расхвораться; напротивъ, въ этой опасности было для нея что-то успокоительное. Она облокотилась на парапетъ террасы и опустила голову на горячія ладони. По нервамъ ея еще прокатывалось иногда ощущеніе ползущей по тѣлу гусеницы...

Прошло больше получаса. Вдругъ голосъ Лахова окликнулъ ее. Лаховъ, послѣ приѣзда Глыбова, остался въ вокзалѣ, спротовавъ себѣ кофе, и сидѣлъ, бессмысленно глядя на непрерывную череду поѣздовъ и пестрой толпы. Онъ ни о чемъ, собственно, не думалъ. Въ ту минуту, когда онъ увидѣлъ Глыбова, выходящаго по платформѣ подъ руку съ женой, онъ какъ-то разомъ все обдумалъ. И даже не обдумалъ, а вдругъ понялъ въ нѣсколько мгновеній, что онъ былъ правъ, что никакого другого исхода нѣтъ, что есть только одинъ способъ развязать затянувшій ихъ узелъ.

Теперь въ головѣ его не было никакихъ мыслей; онъ только мучился развѣдающей неизвѣстностью—когда и гдѣ объясниться Еленой Дмитріевной.

Просидѣвъ больше часу въ этомъ состояніи бессмысленнаго ожиданія, онъ всталъ и пошелъ безцѣльно бродить по городу. Было жарко, онъ усталъ, но зайти куда-нибудь ему не хотѣлось. Вдругъ онъ увидѣлъ Глыбова одного, въ коляскѣ. Эта встрѣча навела его на мысль, что Елена Дмитріевна, быть можетъ, теперь дома. Онъ бросился быстрыми шагами къ ея виллѣ.

Заслышавъ его окликъ, Елена Дмитріевна вздрогнула, выскочила, и словно вся застыла въ нерѣшительности. Лаховъ бѣжалъ на террасу и схватилъ ее за руки.

— Мнѣ необходимо съ вами говорить; дайте мнѣ полчаса, четверть часа—это совершенно необходимо...—проговорилъ онъ торопливой дрожью въ голосѣ, глядя на нее возбужденными, какъ будто даже помутившимися глазами.

Въ ея лицѣ, во всей ея нерѣшительно остановившейся фигурѣ выразилось мучительное колебаніе. Она хотѣла вырвать у себя свои руки, бѣжать... Потомъ она распахнула дверь въ гостиную и приказала ему взглядомъ слѣдовать за собой. Онъ повиновался. Она провела его въ слѣдующую комнату и указала на кресло.

XXXI.

— Я былъ въ вокзалѣ, я видѣлъ васъ съ мужемъ, — началъ Лаховъ. Елена Дмитриевна только молча смотрѣла на него.

— Неужели вы не видите, что такъ нельзя, что мы не можемъ оставаться въ этихъ отношеніяхъ? — продолжалъ Лаховъ. — Вы себя переламяваете, вы призываете на помощь житейское благоразуміе, свѣтскій опытъ, но я увѣренъ, я знаю, что точно также чувствуете невозможность этого положенія. Нельзя же, нельзя!

Елена Дмитриевна сжала на колѣняхъ руки и свела губы.

— Но что же дѣлать, Ипполитъ Михайловичъ! — произнесла она тономъ отчаянія.

— Что дѣлать? — повторилъ Лаховъ, схватывая опять руки и близко заглядывая ей въ глаза. — Мы оба знаемъ, каковъ этотъ единственный разумный и честный выходъ.

— Разрывъ съ мужемъ? — произнесла сквозь сжатые губы Елена Дмитриевна.

— Нѣтъ, больше: бракъ со мною, — отвѣтилъ Лаховъ. — Вашъ мужъ порядочный человѣкъ, онъ вернетъ вамъ свое уваженіе, когда узнаетъ, что вы любите другого.

Неопредѣленная, печальная усмѣшка пробѣжала по губамъ Елены Дмитриевны. Лаховъ продолжалъ:

— Что пугаетъ васъ? Недовѣріе ко мнѣ, къ моему чувству? Но если вы меня мало знаете, то я знаю себя хорошо. Я не растратывался сердцемъ, и оно не обмануло бы меня минутнымъ капризомъ, фальшивымъ увлеченіемъ. Я знаю, что я дѣлаю, предлагаю вамъ всего себя, свою судьбу, свою жизнь. Я молча жду.

— Очень молоды! — съ ласковой печалью перебилъ Елена Дмитриевна.

— Да, я молодъ, и вся моя жизнь еще впереди, и вы еще молоды, — продолжалъ Лаховъ. — Всю, со всѣмъ, я отдаю вамъ, — продолжалъ Лаховъ. — Всю, со всѣмъ, честностью, съ надеждами, съ трудомъ и съ наслажденіемъ. Я достигъ еще не очень многого, но твердая, вѣрная дорога передо мной открыта. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ я буду свободенъ, займу такое же положеніе, какъ вашъ мужъ...

— Черезъ десять лѣтъ я буду старуха, Ипполитъ Михайловичъ, — опять тѣмъ же печальнымъ тономъ перебилъ Глыбова.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ, какъ будто эта раньше не приходила ему въ голову.

— Если даже такъ, то и съ этой стороны мой планъ жизни представляется вполне благоразумнымъ,—продолжалъ онъ.—Въ зрѣломъ возрастѣ все это нужнѣе, чѣмъ въ молодости. Наполнить десять лѣтъ жизнью сердца, счастьемъ и роскошью раздѣленного чувства — развѣ это ничего не стоитъ? или неосуществимо? Вѣдь я не фантазирую, не предлагаю вамъ „рай въ шалашѣ“. Конечно, я не могу обставить васъ такимъ великолѣпиемъ, какимъ вы обставлены теперь...

— Милый Ипполитъ Михайловичъ,—поспѣшно перебила его Елена Дмитриевна,—все это мечты, молодые мечты, которыя такъ же далеки отъ дѣйствительности, какъ эта пальма—отъ солнца, бросившаго на нее нѣсколько своихъ лучей. Видите, я начинаю поэтизировать, или — иронизировать... — печально усмѣхнулась она.

— Но почему?—почти вскричалъ Лаховъ.—Объясните мнѣ мое безразсудство, уничтожьте меня, но не отпихивайте меня фразой.

Елена Дмитриевна повторила свое движеніе плечами.

— Вы спрашиваете: почему? Да потому, наприимѣръ, что мой мужъ не дастъ мнѣ развода,—отвѣтила она.

— Вы увѣрены?

— Увѣрена.

На лбу Лахова образовалась рѣзкая складка. Онъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Я считалъ вашего мужа болѣе порядочнымъ человекомъ,—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Вы судите съ своей точки зрѣнія, — возразила Елена Дмитриевна,—а мой мужъ принадлежитъ къ тѣмъ порядочнымъ людямъ, которые считаютъ непорядочнымъ всякій семейный скандалъ. У нихъ одна мораль, у васъ можетъ быть другая — съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Но, мнѣ кажется... (Лаховъ пріостановился, не находя выраженія)—мнѣ кажется, онъ не до такой степени всесиленъ въ нашей судьбѣ. Развѣ... (онъ опять пріостановился и повелъ глазами въ сторону) — развѣ всегда покидаютъ мужей съ ихъ согласія?

Елена Дмитриевна не отвѣчала, только рѣсницы и губы ея начали немного дрожать. Потомъ она низко уронила голову на руки, вздрагивая плечами. Когда она выпрямилась, слезы текли по ея щекамъ и снова заливали глаза. Она обмахнула ихъ носовымъ платкомъ. И можно было подумать, что слезы успокоили ее, потому что ея голосъ зазвучалъ тверже, когда она отвѣтила:

— Я не гоюсь для этого, Ипполитъ Михайловичъ. Я не могла бы переломить себя.

Складка на лбу Лахова проступила еще рѣзче, глаза смотрѣли сосредоточенно, почти строго. Онъ какъ будто думалъ не о томъ, что она сейчасъ сказала, а скорѣе прислушивался къ слагавшемуся въ немъ самомъ рѣшенію.

Въ эту минуту послышался стукъ приближавшагося экипажа. Они оба вздрогнули.

— Это мужъ,—сказала Елена Дмитріевна.—Останьтесь, вѣдь вы знакомы.

Но Лаховъ быстро всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, въ другой разъ, — проговорилъ онъ, и вѣрно стиснувъ ей руки, выбѣжалъ боковымъ ходомъ во дворикъ, а оттуда въ проулокъ между двумя виллами.

Старый Джузеппе съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сомнительно покачалъ головой.

XXXII.

На другой день, часовъ въ десять утра, когда Глыбовъ, только-что окончивъ свой туалетъ и выпивъ свой утренній кофе, собирался отправиться на „Promenade des Anglais“, ему доложили, что господинъ Лаховъ желаетъ его видѣть. Николай Антоновичъ удивился, но приказалъ просить.

По принужденной походѣ Лахова и искусственному спокойствію, которое онъ старался придать себѣ, можно было догадаться, что его привела не совсѣмъ обыкновенная причина. У Глыбова мелькнула мысль, что молодой человѣкъ проигрался и ищетъ денежной помощи. „Это его плохо зарекомендуетъ, хотя дать ему денегъ можно“, — подумалъ онъ, и попросилъ его садиться.

— Меня привело къ вамъ очень важное дѣло, касающееся также васъ и еще третьяго лица,—заговорилъ Лаховъ, садясь и стаскивая немножко дрожавшими пальцами перчатку съ руки.— Можете вы удѣлить мнѣ полчаса для разговора?

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Глыбовъ, все болѣе недоумѣвая. — Дѣло касается и меня, вы говорите? Но прежде всего позвольте вамъ напомнить, что мы съ вами — знакомые люди, и мнѣ доставило бы удовольствіе видѣть васъ и безъ всякаго дѣла,—добавилъ онъ, изобразивъ своими крупными губами любезную улыбку.

Лаховъ поблагодарилъ.

— Дѣло, о которомъ я говорю, такъ важно и такъ, можетъ быть, необыкновенно, что я не могъ бы избѣжать этого объясненія, хотя бы мы и не были знакомы,—продолжалъ Лаховъ. —Предупреждаю васъ, что намъ не легко будетъ говорить. Но какъ бы то ни было, я предпочитаю объясниться прямо и коротко.

Глыбову показалось, что онъ начинаетъ догадываться. И въ то же время онъ почувствовалъ, какъ будто ему передается частица нервнаго возбужденія, звучавшаго въ голосъ Лахова.

— Я также предпочелъ бы краткость, если... если намъ необходимо о чемъ-то объясниться,—отвѣтилъ нѣсколько иронически Глыбовъ.

Онъ какъ-то разомъ понялъ, что этотъ молодой человѣкъ, о которомъ онъ слышалъ столько хорошаго — его врагъ, и самъ почувствовалъ враждебность къ нему.

Лаховъ поправился въ креслѣ и сунулъ въ карманъ перчатки. На бѣломъ безъ загара лбу его выступила слабая краска.

— Я буду кратокъ, сколько возможно кратокъ, — продолжалъ онъ. — Но я опять предупреждаю васъ: я рѣшился объясниться съ вами только потому, что составилъ себѣ представление о васъ, какъ о человѣкѣ очень умномъ, очень дѣловомъ, слѣдовательно, способномъ взглянуть на всякую вещь по существу, помимо всего того, что житейская ложь приплетаетъ ко всякому дѣлу...

— Очень благодаренъ за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, но знаю, удастся ли мнѣ оправдать его именно въ данномъ случаѣ, — перебилъ его Глыбовъ съ тою же скрытою и враждебною ироніей.

— У меня не было намѣренія льстить вамъ, я хотѣлъ только объяснить, почему я рѣшился на этотъ разговоръ, очень трудный для насъ обоихъ,—заговорилъ снова Лаховъ. —Я скажу, что дѣло касается, кромѣ насъ, еще третьяго лица. Это третье лицо—ваша жена.

Глыбовъ кивнулъ головой, давая знакъ, что онъ слушаетъ.

— Приѣхавъ три недѣли назадъ въ Ниццу, — продолжалъ Лаховъ, — я встрѣтился съ Еленой Дмитріевной, и наше петербургское знакомство здѣсь возобновилось...

У Глыбова одна бровь чуть-чуть дрогнула и глаза стали казаться напряженнѣе.

— Встрѣчаясь съ Еленой Дмитріевной довольно часто, я не могу не оцѣнить ея достоинствъ, — продолжалъ Лаховъ. — Мо-

жетъ быть, на моемъ мѣстѣ благоразуміе было бы бѣжать отъ опасности, которую не трудно было предвидѣть, но я не прибѣгнулъ къ этому средству. Я не могъ бѣжать. Я видѣлъ ясно и неотразимо, что это не увлеченіе, а роковое чувство, какое бываетъ только разъ въ жизни, и только къ одной женщинѣ. Я зналъ, что она несвободна, но... я позволилъ самому себя увѣрить, что ея сердце осталось свободнымъ. Конечно, это можетъ показаться очень недостаточнымъ основаніемъ для тѣхъ смѣлыхъ плановъ, въ которыхъ я искалъ выхода изъ нашего положенія; но другого выхода нѣтъ. И я явился къ вамъ, чтобы сказать: если вы честный человѣкъ, то вы предпочтете честную развязку, вы дадите свободу Еленѣ Дмитриевнѣ.

Голосъ Лахова дрожалъ и весь онъ былъ словно въ лихорадочномъ ознобѣ. Но, договоривъ послѣднія слова, онъ быстро и смѣло поднялъ глаза.

Глыбовъ смотрѣлъ прямо на него, напряженнымъ и, какъ показалось Лахову, насмѣхающимся взглядомъ. Потомъ онъ опрокинулся на высокую спинку кресла, закинулъ голову, ударилъ плашмя обѣими руками по подлокотникамъ и захохоталъ.

XXXIII.

Лаховъ быстро поднялся съ мѣста. Всѣ краски разомъ сбѣжали съ его лица.

— Вы смѣтаетесь!—вскричалъ онъ, чувствуя, какъ горячая гнѣвная волна прилила ему къ сердцу.

Глыбовъ, продолжая хохотать, сдѣлалъ плавный жестъ рукою, какъ бы приглашая его снова сѣсть.

— Еще бы мнѣ не смѣяться!—проговорилъ онъ съ злобой веселостью.—Вы влюбились въ мою жену—что, впрочемъ, дѣлаетъ честь вашему вкусу, потому что она прелестная женщина,—и являетесь просить у меня ея руки, точно у папаша. Да этого нарочно выдумать нельзя.

— Но я не шутить съ вами пришелъ, а объясниться серьезно,—проговорилъ Лаховъ.—И прошу васъ отвѣтить мнѣ точно также серьезно.

— Да о чемъ намъ объясняться, скажите на милость?—возразилъ Глыбовъ.—Вы уже объяснились мнѣ въ любви къ моей женѣ. Я не просилъ васъ объ этомъ, но разъ что вы пожелали высказаться, мнѣ остается васъ поздравить... или, если вамъ это

лучше нравится, пожа́льте васъ. А жены своей я ни за кого заму́жъ не выдаю.

— Это вашъ рѣшительный отвѣтъ?—вскричалъ Лаховъ.

— Самый рѣшительный. Но сядьте, сдѣлайте одолженіе, и успокойтесь немножко. Вы должны отдать мнѣ справедливость, что я поступаю очень любезно, разговаривая такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы проводить васъ на улицу. Но я знаю, что влюбленные всегда немножко сходятъ съ ума, а къ тому же я имѣлъ о васъ до сихъ поръ хорошее мнѣніе, какъ о способномъ молодомъ человѣкѣ.

— Я заставляю васъ имѣть обо мнѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, который готовъ цѣною жизни защищать счастье свое и любимой женщины,—прокричалъ Лаховъ, все болѣе блѣднѣя.

Николай Антоновичъ нетерпѣливо пошевелился въ креслѣ.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ онъ:—вы съ этимъ дикимъ предложеніемъ пришли также и отъ имени Елены Дмитриевны?

Лаховъ не смутился. Онъ предвидѣлъ этотъ вопросъ, и былъ приготовленъ къ нему.

— Нѣтъ, я пришелъ отъ своего имени, — отвѣтилъ онъ.— Елена Дмитриевна можетъ сама съ вами объясниться, если найдеть нужнымъ. Но я полагаю, что въ подобныхъ случаяхъ мужчина долженъ взять на себя рѣшеніе вопроса, за себя и за женщину.

Глыбовъ насмѣшливо прищурился на него.

— Который мужчина?—переспросилъ онъ.—Я полагаю, что женщина, выходя заму́жъ, отдаетъ свою судьбу въ руки мужа. А вѣдь мужчинъ, которые будутъ въ нее влюбляться, можетъ оказаться очень много. Сегодня одинъ, завтра другой, послѣ-завтра третій; и всѣ они захотятъ рѣшать за нее—что же это будетъ!

И онъ опять захохоталъ, запрокинувъ голову и вздрагивая всѣмъ своимъ короткимъ туловищемъ. Лаховъ стоялъ передъ нимъ, опутивъ руку въ карманъ и стискивая лежавшія тамъ перчатки. Мускулы лица его дрожали, въ глазахъ бѣгалъ какой-то мутный блескъ.

— Повторяю вамъ, что я пришелъ сюда не для шутокъ,—проговорилъ онъ хрипло и глухо.—Вы не отдаете себѣ отчета въ нашемъ взаимномъ положеніи, и тѣмъ хуже для васъ. Правъ я или неправъ, но одинъ изъ насъ долженъ уступить дорогу другому. Поняли вы меня?

— Я понялъ, что мнѣ наконецъ надоѣла эта глупая исто-

рія. Потрудитесь оставить меня въ покоѣ, и избавьте на будущее время меня и мою жену отъ вашихъ посѣщеній!—отвѣтилъ Глыбовъ, махнувъ рукою по направленію къ дверямъ.

— А! вы полагаете что этого достаточно!—вскричалъ Лаховъ.—Вы думаете, что вы такъ хорошо ограждены своими законными правами, что вамъ и дѣла нѣтъ, если они потребуютъ жертвоприношенія двухъ жизней? Я не считалъ васъ честнымъ, но думалъ, что вы умны, и поймете разумность выхода, который для насъ всѣхъ представляется, и который я предложилъ вамъ. Но вы дрянной эгоистъ, вы свое дѣловое бездушіе вносите во всѣ человѣческія отношенія. Вы заслуживаете презрѣнія, и я презираю васъ. Но не настолько, чтобъ отказать себѣ въ удовольствіи драться съ вами...

Лаховъ судорожно поднялъ руку и съ силою швырнулъ скомканныя перчатки прямо въ лицо Глыбову.

Тотъ вскочилъ съ кресла, багровый, съ перекошенными губами.

— Васъ надо въ сумасшедшій домъ запереть!—прокричалъ онъ.—Вы мнѣ отвѣтите у барьера!

Лаховъ взялъ шляпу и, не подобравъ валявшихся на полу перчатокъ, повернулся къ выходу.

— Тамъ самое настоящее мѣсто, чтобы намъ свести наши счета,—сказалъ онъ въ полъ-оборота, и вышелъ скорыми шагами.

XXXIV.

Разыгравшаяся сцена смутно доносилась до слуха Елены Дмитриевны. Она изъ своей уборной слышала все возвышавшіеся голоса, какъ будто голосъ мужа, и другой, тоже какъ будто знакомый голосъ. Но возбужденный тонъ такъ измѣнилъ ихъ, что она не могла ихъ узнать. Потомъ ей послышался гнѣвный крикъ, на который отвѣтилъ другой, еще болѣе громкій и злобный крикъ. Удивленная, отчасти испуганная, она хотѣла броситься къ мужу, но ея туалетъ еще не былъ оконченъ. Она нѣсколькими шпильками косу, набросила на плечи широкую блузу и торопливыми шагами пошла по направленію, откуда сейчасъ слышались раздраженные голоса. Проходя черезъ гостиную, она съ изумленіемъ увидѣла въ окно быстро удалявшася Лахова. Неприятный испугъ сжалъ ей сердце. Она поблѣднѣла, пошла тише и еще тише отворила дверь въ кабинетъ мужа.

Николай Антоновичъ стоялъ посреди комнаты, прислонясь къ письменному столу. Голова его была опущена, большіе пальцы рукъ заложены въ жилетные карманы. При входѣ жены, онъ поднялъ глаза и остановилъ на ней сосредоточенный, пронизывающій взглядъ.

— Кто у тебя былъ? Я слышала какой-то шумъ...—проговорила съ выдававшимъ ее смущеніемъ Елена Дмитриевна.

— У меня былъ господинъ Лаховъ, — отвѣтилъ Глыбовъ, продолжая глядѣть на нее въ упоръ тѣмъ же тревожившимъ ее взглядомъ. — И вамъ, вѣроятно, извѣстна причина его посѣщенія?

Смущеніе еще больше овладѣло Еленой Дмитриевной. Ее почти качало на ногахъ, и она поспѣшно опустилась въ кресло.

— Даю вамъ слово, что мнѣ ничего неизвѣстно, — проговорила она твердо. — Но почему приходилъ къ вамъ Лаховъ? О чемъ у васъ былъ такой горячій разговоръ?

Глыбовъ опять взглянулъ на нее своимъ пронизывающимъ взглядомъ, и прошелъ раза два изъ угла въ уголъ. Онъ замѣтилъ валявшіяся на коврѣ перчатки, поднялъ ихъ и положилъ на столъ.

— Вамъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, что господинъ Лаховъ сдѣлалъ вамъ честь влюбиться въ васъ, и льститъ себя надеждою на взаимность? — бросилъ онъ вопросъ.

„Ипполитъ сказалъ ему!“ — мысленно воскликнула Елена Дмитриевна, болѣе изумленная, чѣмъ испуганная.

— До такой степени, что даже не сомнѣвается въ вашемъ желаніи развестись со мной, — добавилъ Глыбовъ.

Елена Дмитриевна не отвѣчала; лицо ея приняло какое-то аменное выраженіе. Глыбовъ постоялъ, бросилъ на нее боковой взглядъ и опять сталъ ходить, мелко ступая своими нежно косыми ногами.

— Мы соединены съ вами уже десять лѣтъ, и могли хорошо изучить другъ друга за это время, — заговорилъ онъ снова. — Вы отдадите мнѣ справедливость, что я былъ заботливымъ мужемъ. Я понимаю, однакожь, что не гожусь въ герои романа. Ваше сердце оставалось незанятымъ, я это отлично чувствовалъ. Но я довѣрялъ вамъ, зная, что вы не способны поступить легкомысленно...

— И вы были правы, — тихо сказала Елена Дмитриевна.

— Я былъ готовъ къ тому, что въ вашей жизни наступитъ моментъ, когда вы, какъ всякая женщина, испытаете потребность раздѣлить симпатію, сочувствіе, — продолжалъ Глыбовъ. — Зная васъ, я былъ спокоенъ, потому что вы не позволите

себѣ увлечься до того, чтобъ преступить... чтобъ нарушить однимъ словомъ, вы понимаете меня.

— Вы не ошибались,—отозвалась также тихо Елена Дмитриевна.

— Но господинъ Лаховъ, вѣроятно, ошибался? — съ казномъ проговорилъ Глыбовъ.—Это ставить меня въ необходимость сказать вамъ, что вы сдѣлали дурной выборъ.

Онъ вдругъ круто повернулся на каблукахъ и, остановившись близко передъ женой, разомъ потерялъ всю свою сдержанность и заговорилъ запальчиво, крикливо, поминутно мѣняясь въ лицевыхъ вымахиивая руками, и то отступая, то подбѣгая такъ близко, что его ноги касались ея коленъ.

— Вы знаете, зачѣмъ приходилъ Лаховъ, какъ онъ жалъ себя? Онъ пришелъ требовать развода, заставить меня возвратить вамъ свободу, и когда я отвѣчалъ такъ, какъ дѣлать женѣ былъ отвѣчать, онъ оскорбилъ меня, сказалъ, что презираетъ меня, и швырнулъ мнѣ въ лицо вотъ этими перчатками.

И Глыбовъ, схвативъ со стола перчатки Лахова, съ бѣшенствомъ сжалъ ихъ въ комокъ и пустилъ ими въ стѣну.

— Да, онъ здѣсь кричалъ на меня, какъ человѣкъ, который приходитъ съ законнымъ требованіемъ, а ему указывали на дверь,—продолжалъ Николай Антоновичъ.—Онъ, видите, рѣшилъ, что вы ему больше годитесь, чѣмъ мнѣ, что такъ презрѣла его роковая страсть. А когда я не выразилъ согласія уступить ему дорогу, онъ далъ мнѣ что-то въ родѣ пощечины, чтобъ заставить меня драться съ нимъ. Онъ рассчитываетъ пострѣлить меня у барьера и такимъ способомъ овладѣть вами.

Блѣдная до прозрачности, Елена Дмитриевна встала, шатаясь съ своего кресла.

— Вы могли это сказать? Или онъ это сказалъ?—проговорила она глухо.—Это безуміе, этого никогда не будетъ. Вы не будете драться...

— Послѣ того, что произошло, ни онъ, ни я не можемъ отказаться отъ дуэли,—возразилъ Глыбовъ.—Теперь это рѣшено между нами двумя, и я запрещаю вамъ вмѣшиваться.

— Вы не будете драться,—повторила Елена Дмитриевна поспѣшными, невѣрными шагами вышла изъ кабинета.

Дойдя до своей комнаты, она присѣла къ письменному столу и, облокотившись, сжала обѣими руками лицо. Потомъ подняла голову, раскрыла бюваръ и написала на листкѣ бумаги нѣсколько строчекъ.

XXXV.

Лаховъ вернулся домой утомленный, съ разбитыми нервами, съ смутнымъ сознаниемъ какой-то сдѣланной глупости. Онъ еще не осуждалъ себя прямо, даже старался оправдаться въ собственныхъ глазахъ, но удручающее чувство недовольства самимъ собою подавляло эти усилія.

Раньше, когда объясненіе съ Глыбовымъ рисовалось ему впереди, оно совершенно иначе складывалось въ его воображеніи. Ему казалось, что онъ беретъ на себя единственно честную и достойную роль, что другого выхода нѣтъ, и что онъ стоитъ на такой твердой почвѣ, на которой нельзя проиграть игру. Но теперь непонятная самоувѣренность Глыбова сбивала его съ толку, и вся разыгравшаяся сцена, съ предстоявшей развязкой барьера, отзывалась дикостью.

Онъ легъ на диванъ, закрылъ глаза и старался все снова обсудить, спокойно и хладнокровно. Но нервное возбужденіе было еще слишкомъ сильно, и мысли его путались. Ощущался сажокъ непоправимой, нелѣпой выходки, вмѣстѣ съ сознаниемъ своей неопытности въ тѣхъ жизненныхъ столкновеніяхъ, къ которымъ не можетъ приготовить ни наука, ни обыкновенная трудовая дѣловитость.

„А-а, все это глупости. Я во всякомъ случаѣ теперь ближе къ развязкѣ, чѣмъ былъ вчера, а это главное“, — пробовалъ онъ бодрить себя.

Въ головѣ и во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ несносную тяжесть. Онъ вспомнилъ, что почти не спалъ ночью, и рѣшилъ заснуть. Но если придутъ отъ Глыбова, кого онъ выберетъ своимъ секундантомъ? Между всѣми его ниццскими знакомыми не было ни одного подходящаго для этой роли. Но, къ его собственному удивленію, онъ никакъ не могъ заставить себя серьезно думать о предстоявшей дуэли; онъ относился къ ней такъ, какъ будто она никогда не могла состояться. И о Еленѣ Дмитріевнѣ онъ тоже какъ-то не могъ думать. Напрасно онъ усиливался изъяснить ея образъ: этотъ образъ уходилъ отъ него, отдѣлялся отъ его мечтаній.

Тягостная дремота начала понемногу овладѣвать имъ, когда вдругъ стукъ въ дверь заставилъ его вскочить. Ему подали записку. Не зная почерка Елены Дмитріевны, онъ однакожь тотчасъ же догадался, что этотъ серебристо-сѣрый листокъ былъ

отъ нея. Онъ быстро оторвалъ клапанъ и прочелъ слѣдующіе строки:

„Приходите сейчасъ въ городской скверъ. Буду ждать на верандѣ надъ прудомъ, гдѣ лебеди.—Елена“.

Лаховъ схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ на улицу.

Елена Дмитріевна сидѣла на скамьѣ, на узенькой площадке искусственной скалы, поставленной надъ крошечнымъ прудикомъ противъ только-что воздвигнутаго памятника въ годовщину слѣтія перваго занятія Ниццы французами, во время директорства Ея встревоженное лицо было обращено въ ту сторону, откуда она ждала Лахова.

— Благодарю васъ, что пришли, мнѣ необходимо встать,—сказала она, протягивая ему руку. Онъ почувствовалъ сквозь перчатку холодъ этой руки.

— Могъ ли я не придти?!—отозвался онъ почти съ упрекомъ.

— Сядьте, я здѣсь только на нѣсколько минутъ, а надо очень серьезно переговорить съ вами,—сказала она, зывая ему мѣсто подлѣ себя.—Переговорить по поводу вашего сегодняшняго поступка. Мнѣ все извѣстно.

Сердце Лахова забилося сильно, и потомъ все тише, точно вся кровь понемногу уходила изъ него. Ему сдѣлалось нестерпимо не по себѣ отъ холоднаго, почти зловѣщаго тона слышавшагося въ словахъ Елены Дмитріевны.

— Вашъ мужъ рассказалъ вамъ? все?—чуть не вскрикнула Елена Дмитріевна.

— Какъ же онъ могъ не рассказать мнѣ?—возразила Елена Дмитріевна.—Ужъ не воображаете ли, что честь дуэлянта состояла охранить тайну вызова, для того, чтобы постороннее любопытство не помѣшало поединку? Вы знаете все это изъ плохихъ романовъ, Ипполитъ Михайловичъ. Никакой дуэли у васъ не будетъ. Вы сдѣлали безумную нелѣпость, и должны часть же загладить ее.

Лаховъ поблѣднѣлъ.

— Какъ же это загладить? Надѣюсь, вы не хотите сказать, что я долженъ извиниться передъ вашимъ мужемъ?—спросилъ онъ.

— Но развѣ вы не сознаете, что поступили нелѣпо, мой мужъ не виноватъ въ томъ, что случилось между нами, онъ не обязанъ рисковать своимъ положеніемъ, можетъ даже жизнью, и въ лучшемъ случаѣ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ пересудовъ?—возразила Елена Дмитріевна.

— Какъ вы заботитесь объ его интересахъ, даже объ его самолюбіи!—произнесъ Лаховъ съ накипавшею горечью.

— И о своихъ также, Ипполитъ Михайловичъ.—Какъ вы думаете: еслибъ эта нелѣпая дуэль состоялась, меня пощадили бы? Я сдѣлалась бы достояніемъ самой бѣшеной сплетни, и всѣ, понимаете ли—всѣ, отъ репортеровъ „Petit Niçois“ до петербургскихъ кумушекъ, рвали бы въ клочки мое имя, мою честь, мой стыдъ. Вы не подумали объ этомъ?

— Можетъ быть, вы правы; я недостаточно объ этомъ думалъ,—отвѣтилъ съ тѣмъ же чувствомъ горечи Лаховъ.—Я думалъ только о вашемъ освобожденіи, и все другое казалось мнѣ до такой степени ничтожнымъ передъ цѣлью, къ которой я шелъ...

— Вы искали моей свободы, купленной убійствомъ моего мужа?—воскликнула Елена Дмитріевна съ блеснувшими тайнымъ ужасомъ глазами.

— Дуэль не убійство,—возразилъ Лаховъ:—я и вашъ мужъ одинаково рисковали бы жизнью.

— И вы могли допустить хоть на минуту, что послѣ... той развязки, о которой вы безумно мечтали, я досталась бы вамъ, какъ военная добыча, какъ призъ побѣдителю?—продолжала, не слушая его, Елена Дмитріевна:—но вѣдь это чудовищно! Нѣтъ, хуже: это дѣтски невмѣняемо! Ахъ, Ипполитъ Михайловичъ: есть вещи, въ которыхъ вы... моложе своихъ лѣтъ.

XXXVI.

Краска бросилась въ лицо Лахову и сейчасъ же сбѣжала. Въ его сердцѣ въ эту минуту не было мѣста ни гнѣву, ни чувству обиды: онъ весь былъ подавленъ инстинктивнымъ сознаніемъ, что обрывалось что-то главное, что эта женщина, которою онъ такъ внезапно и такъ страстно увлекся, куда-то уходила отъ него...

Онъ поднялъ на Елену Дмитріевну смущенные, печальные глаза.

— Я не умѣю спорить съ вами,—сказалъ онъ.—Я охотно допускаю все превосходство вашей опытности, вашей женской зрѣлости. Но скажите же: что другое я могъ сдѣлать? что мы оба могли сдѣлать?

Елена Дмитріевна пожала плечами и не тотчасъ отвѣтила. Ея взглядъ задумчиво ушелъ въ блиставшую въ легкомъ туманѣ морскую даль, и когда потомъ остановился на Лаховѣ, въ ея зрачкахъ какъ будто тоже отражалась морская гладь, спокойная и холодная...

— Когда случается то, что съ нами случилось, и въ убіяхъ, въ какихъ мы находимся, тогда... надо пережить это, сказала она.

Лаховъ всплеснулъ руками и тотчасъ опустилъ ихъ, въ человѣкъ, у котораго вышибли оружіе.

— Вы никогда не любили меня!—произнесъ онъ глухо.

Елена Дмитріевна усмѣхнулась однимъ уголкомъ губъ, чально и укоризненно.

— Мнѣ не было цѣли притворяться,—возразила она.

— Вы и не притворялись, вы просто рѣшили: „это опасштука, надо держаться подальше отъ нея“. А любовь тогда и начинается тамъ, гдѣ исчезаетъ страхъ опасности, — сказалъ Лаховъ.

— Вы думаете?—протяжно спросила Елена Дмитріевна, ея глаза слабо и загадочно блеснули.

— Развѣ любовь не дѣлаетъ изъ женщины героиню, не жигаетъ душу, не заставляетъ жертвовать собою? — отвѣтилъ другимъ вопросомъ Лаховъ.

Елена Дмитріевна опять повела мимо него своимъ загадочнымъ взглядомъ.

— Да, все это бываетъ, я знаю, вѣрю...—промолвила вскользь, какъ бы не желая высказать всю свою мысль.

— Отчего же этого не случилось?—въ волненіи продолжалъ Лаховъ.—Почему ваше чувство ко мнѣ оставило васъ неподвижною, нерѣшительною, недоступною?

Глаза Елены Дмитріевны медленно обратились къ нему, обили его ласковымъ, но какимъ-то далекимъ взглядомъ.

— Не знаю; какъ я могу о себѣ судить!—отвѣтила она. Можетъ быть, я не такая, какъ всѣ; а можетъ быть... то, чемъ вы говорите, бываетъ тогда, когда мужчина, котораго бить женщина..., сильнѣе этой женщины.

Эти слова, сказанныя такъ ласково, почти нѣжно, слобили Лахова. Онъ весь похолодѣлъ, сжался...

— А-а, вотъ когда вы, наконецъ, высказались!—произнесъ онъ тономъ мучительной тоски.—Конечно, до того ли мнѣ, чтобъ щадить чужое самолюбіе.

Елена Дмитріевна, какъ будто сама почувствовавшая чиненную ему боль, подвинулась къ нему и ласково взяла руку.

— Не придавайте излишняго значенія моимъ словамъ, Илья Михайловичъ,—заговорила она.—Вѣдь въ этихъ случаяхъ бесполезно анализировать, доискиваться. Все случается

какъ должно случиться. Почти съ первой нашей встрѣчи, я почувствовала большую симпатію къ вамъ. Потомъ, когда эта симпатія развилась въ нѣчто большее, я стала беречь себя, убѣгать отъ опасности... всякая женщина сначала старается убѣжать отъ опасности. А дальше—я, какъ болѣе опытная изъ насъ, первая дала себѣ отчетъ въ нашемъ взаимномъ положеніи. Васъ ваше увлеченіе заставило фантазировать, вы создали себѣ планъ, совершенно безумный планъ, захотѣли привести его въ исполненіе, самовольно распоряжаясь мною, позволили себѣ нелѣпую выходку... Но я именно затѣмъ и пришла сюда, Ипполитъ Михайловичъ, чтобъ убѣдить васъ въ необходимости загладить вашу вину. Я васъ прошу, я требую этого. Вы должны сейчасъ же, немедленно уладить все. Мужъ дома, вы прямо отсюда пойдете къ нему, извинитесь въ своей взбалмошной выходкѣ...

Лаховъ молчалъ, глядя на нее въ упоръ раскрытыми съ выраженіемъ безконечной тоски глазами. Онъ въ эту безконечно длившуюся минуту переживалъ всю первую весеннюю грозу жизни.

— Значить, все кончено?—произнесъ онъ едва слышно.

Елена Дмитриевна вздрогнула и отвернулась. На рѣсницахъ ея быстро отяжелѣли двѣ крупныя слезы. Она вынула изъ кармана платокъ и прижала его къ глазамъ.

— Я вызвала васъ сюда, Ипполитъ Михайловичъ, потому что необходимо уладить ваше столкновеніе съ мужемъ,—проговорила она, поднявъ голову.—Я отчасти виновата во всей этой исторіи, весь этотъ скандалъ изъ-за меня разыгрался, и я обязана все это устроить. Я не имѣю права допустить, чтобы мой мужъ расплачивался за мои... увлеченія. Если мои просьбы что-нибудь значать для васъ, вы должны сейчасъ же объясниться съ мужемъ. Ну, если вамъ очень трудно сдѣлать это лично, вы можете прислать ему свои извиненія письменно. Вѣдь вы кругомъ неправы передъ нимъ. Вы не можете отказать мнѣ въ этой единственной моей просьбѣ.

XXXVII.

Лаховъ все больше блѣднѣлъ, какъ бываетъ иногда съ людьми, которыхъ заставляютъ очень много пить. И то, что онъ чувствовалъ, въ самомъ дѣлѣ походило на тяжелое, мрачное опьяненіе. Ядовитая горечь все накупала и накупала у него въ сердцѣ, и подступала злоба.

— Я сейчасъ отвѣчу на вашу просьбу, Елена Дмитриевна, заговорилъ онъ съ маленькой судорогой въ уголкахъ рта. — мнѣ хотѣлось бы раньше объясниться съ вами... о болѣе важномъ... или, по крайней мѣрѣ, болѣе интересующемъ меня. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы все это осталось какою-то загадкой. Вѣдь согласитесь, что я не былъ приготовленъ всѣмъ предъидущимъ къ этой развязкѣ. Я смотрѣлъ на наши отношенія совершенно серьезно, для меня не было вопросомъ отдавать вамъ свою жизнь, свое будущее, всего себя. И мнѣ не приходило въ голову, чтобы можно было играть такимъ чувствомъ. Что же такое случилось—непонятное, непостижимое,—отбросившее насъ другъ отъ друга? Вѣдь вы отдаете же себѣ отчетъ въ своемъ собственномъ чувствѣ. Скажите, объясните?..

— Какъ вы любите все объяснять, разъяснять!—сказала она съ печальной усмѣшкой.—А въ любви серьезно только то, что понимается само собою.

— А, вы хотите, чтобы я самъ понималъ. Но знаете, что мне остается только одинъ способъ понять васъ? — воскликнулъ Ляховъ съ прихлынувшимъ чувствомъ злобы.

Елена Дмитриевна взглянула на него спокойно, почти холодно.

— Не знаю. И не спрашиваю,—отвѣтила она, и въ голосѣ ея прозвучала надменность свѣтской женщины.

— Вы не спрашиваете, но тѣмъ не менѣе я объясню вамъ, продолжалъ Ляховъ.—У меня, я говорю, остается единственный способъ понять васъ. Вы испорчены вашимъ свѣтомъ, вашей роскошью, вашимъ великолѣпнымъ положеніемъ. Вы дорожите своимъ бракомъ, своимъ мужемъ, потому что только въ этихъ условіяхъ можете блистать, вести вашъ grand train, играть роль королевы передъ толпою, наполняющей ваши рауты, въ завистливомъ блескѣ гоговѣній тѣснящеюся у вашихъ ногъ. О, я отлично понимаю, какъ соблазнительна эта роль, я самъ на себѣ испыталъ дѣйствіе гипноза, производимаго вашими восемьюдесятью тысячами годового дохода.

Елена Дмитриевна слушала его съ спокойнымъ вниманіемъ, немножко хмури свои красивыя брови. При послѣднихъ словахъ она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Вы хотите наговорить мнѣ колкостей?—произнесла она тѣмъ же тономъ свѣтской женщины.—Но въ вашей загадкѣ я не вижу ничего обиднаго, я готова даже подтвердить ваши слова. Да, вы совершенно правы, я очень дорожу и своимъ положеніемъ, и восемьюдесятью тысячами дохода моего мужа. И од...
коже...

Она взглянула на него и повела плечами, какъ бы спрашивая себя: договаривать ли?

— Говорите, говорите! — нетерпѣливо отозвался Лаховъ.

— Однакоже въ этихъ условіяхъ роскоши и блистанія можно сохранить душу... и можно умѣть любить, — досказала Елена Дмитріевна.

— Не выходя изъ этихъ условій? Оставаясь подъ одной кровлей съ мужемъ, котораго вы не любите и которому обязаны принадлежать? — возразилъ Лаховъ.

Брови Елены Дмитріевны опять нахмурились, она даже приоткрыла губу ровными, бѣлыми зубками.

— Послѣ десяти лѣтъ брака, со стороны бываетъ трудно идти, къ чему обязана жена, — произнесла она прежнимъ холоднымъ, даже отыгравшимся надменностью тономъ.

Лицо Лахова сохраняло выраженіе напряженной растерянности. Онъ молчалъ. Ему казалось, что онъ или совсѣмъ ее не понимаетъ, или боится понять.

— Я не могъ бы принять отъ васъ такой любви, — проговорилъ онъ наконецъ. — Я истерзался бы ревностью, ненасыщенностью чувства, сознаниемъ совершенной непрочности такихъ отношеній.

Бѣлые зубки Елены Дмитріевны еще крѣпче нажали нижнюю губу.

— Развѣ я что-нибудь предлагаю вамъ, Ипполитъ Михайловичъ? — произнесла она уже съ явно зазвучавшею въ голосѣ надменностью. — Мы, кажется, путаемся въ какомъ-то совершенно лишнемъ разговорѣ. Къ чему рыться въ этомъ маленькомъ шлохмѣ? Если были съ чьей-нибудь стороны ошибки, неумѣть — все равно, эти вещи нельзя начинать съ начала. Возвращаясь къ тому, что привело меня сюда. Я должна уладить вашу жизнь съ мужемъ. Вы кругомъ, кругомъ неправы передъ нимъ, обязаны съ нимъ объясниться.

Лаховъ помолчалъ. Въ немъ накатывалъ новый порывъ злобы. Онъ переломилъ себя.

— Я не могу явиться къ вашему мужу, мнѣ это было бы очень тяжело, — сказалъ онъ наконецъ, — да это и ненужно мнѣ. Вы можете быть спокойны, мы не будемъ драться. Во мнѣ больше ни малѣйшаго желанія пристрѣлить его. Я знаю сейчасъ же, съ первымъ поѣздомъ.

Елена Дмитріевна слегка вздрогнула.

— Уѣзжаете? — повторила она, какъ бы удивленная.

— Да, и немедленно, — подтвердилъ Лаховъ. — Ничто не угро-

жасть вашему мужу, если онъ самъ не пожелаетъ разыскивать меня. Но онъ не пожелаетъ. А теперь, кажется, намъ остается проститься другъ съ другомъ,—добавилъ онъ, чувствуя, что нижняя губа его трясется.

Елена Дмитриевна отвернулась. Плечи ея продолжали вздрагивать, голова низко опустилась. Лаховъ всталъ. Тогда она тоже встала, порывисто, точно спасаясь отъ самой себя.

— Прощайте, Ипполитъ Михайловичъ,—проговорила она.

Они молча, рядомъ, стали спускаться съ верхней площадки сквера.

— Мы прощаемся—не какъ враги, не правда ли? — обратилась къ нему на ходу Елена Дмитриевна.— Мы должны разстаться—конечно, вы правы. Но вы не сохраните очень дурного воспоминанія объ этомъ мѣсяцѣ въ Ниццѣ?

— Я полагаю, что для васъ это рѣшительно безразлично,—отозвался Лаховъ, ускоряя шаги. — Вамъ удобнѣе будетъ доѣхать,—добавилъ онъ, увидавъ свободный фіакръ. — Позвольте искренно пожелать вамъ всего хорошаго.

Онъ остановился, подсадилъ ее въ коляску и снялъ шляпу. Елена Дмитриевна словно машинально сжала ему руку.

— До Петербурга? Вы прямо туда? — крикнула она, когда коляска тронулась съ мѣста.

— Нѣтъ, не прямо туда. И во всякомъ случаѣ не думаю, чтобы мы скоро увидѣлись,—крикнулъ и Лаховъ.

Онъ опять снялъ шляпу и нѣсколько разъ махнулъ ею. Ему отвѣтили изъ коляски взмахомъ батистоваго платка.

XXXVIII.

Лаховъ пѣшкомъ вернулся въ свой отель, спросилъ счетъ, и тотчасъ же принялся укладываться. До парижскаго побѣда оставалось всего полтора часа. Возня съ чемоданами взяла не много времени. Лаховъ вспомнилъ, что еще ничего не ѣлъ сегодня, и приказалъ подать себѣ завтракать. Ему притащили пять блюдъ. Онъ выбралъ только ломтикъ холоднаго ростбифа, разрѣзалъ его, взялъ на вилку кусочекъ, но не положилъ его въ ротъ, и отодвинулъ тарелку. — „Глупо храбриться передъ самимъ собою,—подумалъ онъ.—Аппетиту у меня не можетъ быть. Престоить, какъ выразилась Елена Дмитриевна, пережить. Отъ этого не уйдешь“.

„А вѣдь господинъ Глыбовъ можетъ подумать, что я бѣгу изъ трусости, — пришло ему въ голову. — Что за глупая комедія“!

Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ взялъ листокъ бумаги, написалъ, что сожалѣетъ о случившемся, и что если господинъ Глыбовъ находитъ этого сожалѣнія недостаточнымъ, то можетъ телеграфировать въ Брюссель, по такому-то адресу, и тогда онъ, Лаховъ, не замедлитъ явиться въ условленное мѣсто и время. Заклеивъ конвертикъ, онъ отослалъ его къ Николаю Антоновичу съ посыльнымъ.

Въ вагонъ Лаховъ забрался рано, расположился очень удобно, но только-что порадовался отсутствію соотечественниковъ, какъ вдругъ ворвался Варваровскій, наступилъ ему на ногу, не извинился и, повернувшись, втащилъ за руки жену. За ними посыпались картонки, саки, пледы, корзинки. Катерина Павловна расположилась прямо противъ Лахова, и сейчасъ же начала выражать свое удивленіе по поводу его отъѣзда изъ Ниццы, хотя никакъ не могла объяснить, почему собственно она удивляется.

— Вы, разумѣется, въ Парижъ? — полюбопытствовать съ своей кривой улыбкой Варваровскій.

— Нѣтъ, не въ Парижъ, — отвѣтилъ Лаховъ.

— Какъ?! Но куда же? — спросили въ одинъ голосъ мужъ и жена.

— Я ѣду въ Бельгію.

— Въ Бельгію? но что же тамъ дѣлать? — удивился Эсперъ Петровичъ.

— Учиться, работать на заводѣ, — неохотно объяснилъ Лаховъ.

Варваровскій пожалъ плечами.

— Не понимаю; это имѣло смыслъ развѣ въ прошломъ вѣкѣ, когда мы еще не перегнали иностранцевъ, — сказалъ онъ.

Лаховъ не отвѣчалъ и, развернувъ газету, сдѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе. Но глаза его только бѣгали по строкамъ, а думалъ онъ совсѣмъ о другомъ...

Въ Парижѣ онъ прямо переѣхалъ съ ліонскаго вокзала на сѣверный, и къ утру былъ въ Брюсселѣ. У него были съ собой рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ лицамъ изъ міра желѣзнодорожной промышленности. Въ ихъ средѣ онъ встрѣтилъ самый любезный пріемъ и даже заинтересовалъ собою кое-кого въ этомъ обществѣ. Недѣли двѣ онъ прожилъ въ Брюсселѣ, а затѣмъ уѣхалъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ заводовъ, простымъ рабочимъ. Въ чемоданѣ его была уложена блуза, купленная на

рынкѣ. Укладывая ее, онъ говорилъ самъ себѣ, усмѣхался: „Ты пролагать пути изъ прошлаго вѣка прямо въ XX-ый“.

На заводѣ Лаховъ провелъ полтора года, изучилъ до вѣсти всю технику дѣла, познакомился съ рабочимъ бытомъ цѣлымъ складомъ этого твердаго устоя современной культуры жизни. Тяжелый трудовой искусь во многомъ измѣнилъ его физически, и нравственно; но провѣряя самого себя, онъ в невольнo обращался къ разыгравшемуся въ Ниццѣ эпизоду, ему казалось, что первый толчокъ онъ получилъ тамъ, что стало ему ясно сложное и тонкое содержаніе жизни...

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ тотчасъ замѣтилъ цѣна ему въ дѣловыхъ сферахъ какъ будто еще больше нялась...

Въ первую же зиму ему привелось встрѣтиться съ Г. выми. Это произошло на музыкальномъ вечерѣ въ домѣ о. капиталиста. Лаховъ зналъ, что Елена Дмитріевна должна быть, и хотя заранѣе смущался, но рѣшилъ поѣхать: вѣдь не же, живя въ Петербургѣ, постоянно избѣгать ея.

Онъ увидѣлъ ее издали, въ первомъ ряду кресель, и и поклонился; она кивнула ему головой и отвернулася, слегка щенная. Но, по окончаніи концертнаго отдѣленія, она протянула ему руку, улыбаясь спокойно и привѣтливо.

— Пройдемте въ гостиную, мнѣ хочется говорить съ — сказала она. — Почти два года я васъ не видѣла!

Они усѣлись въ уголку, подъ абажуромъ лампы, велич похожимъ на цѣлый павильонъ. Разговоръ сначала не клеил, они больше осматривали другъ друга. Лаховъ находилъ, Елена Дмитріевна какъ будто еще похорошѣла. Чуть зам шаяся наклонность къ полнотѣ не вредила ей, особенн этомъ дорогомъ бальномъ туалетѣ съ высокимъ и глубоко рѣзаннымъ напередѣ воротомъ, такъ нѣжно полу-охватывавш полу-обнажавшимъ ея круглую, бѣлую, удивительно сливавш съ плечами шею. Въ ея большихъ свѣтлыхъ глазахъ, въ сн дительной улыбкѣ красивыхъ губъ выражалось еще больше л женственности, влекущей прелести; весь ея богатый орган какъ будто еще продолжалъ развиваться.

Впечатлѣніе этой красоты и очаровывало, и раздражал хова, и его глаза любовались ею завистливо, а на сердцѣ ствовался осадокъ еще не выдохшейся, ядовитой горечи.

— Разскажите про себя все, что вы дѣлали, какъ вы все это время, — потребовала Елена Дмитріевна, поправляя ную по-локоть перчатку.

Лаховъ постарался передать все какъ можно короче. А она слушала внимательно, съ ласковымъ блескомъ въ глазахъ, съ живымъ желаніемъ ободрить его.

— И никакого новаго увлеченія во всѣ эти два года?— спросила она полу-шутливо, съ отгѣнкомъ маленькаго, безразличнаго кокетства свѣтской женщины.

— Мнѣ совсѣмъ не до того было,—отвѣтилъ коротко Лаховъ.

— Но когда-нибудь вспоминали обо мнѣ?—продолжала спрашивать Елена Дмитріевна тѣмъ же тономъ безразличной благомысленности.

— Мнѣ не удавалось забыть васъ,—сказалъ Лаховъ.

— А вы старались?—протянула она, и немножко сощурила свои свѣтлые глаза.

— Не все ли вамъ равно?—отозвался Лаховъ, невольно давая тономъ голоса свою завистливую досаду.

— Не совсѣмъ все равно, Ипполитъ Михайловичъ,—отвѣтила Елена Дмитріевна.—Во-первыхъ, еслибы вы старались вынуть меня изъ своей памяти, это значило бы, что, разставаясь со мной въ Ниццѣ, вы уносили враждебное чувство ко мнѣ. А ни въ чемъ не считаю себя виноватой передъ вами, и мнѣ было бы пріятно думать, что вы вынесли изъ встрѣчи со мной хорошее воспоминаніе.

— Не знаю, надо ли намъ говорить объ этомъ?—возразилъ Лаховъ.—Я не дѣлалъ себя судьей между нами. Но вы начали со мной: во-первыхъ, стало быть, есть еще второй пунктъ?

— А во-вторыхъ,—продолжала Елена Дмитріевна,—я вообще о мнѣніи, что забывать ничего не слѣдуетъ. Все это замѣтки, наброски, оставляемые жизнью. Отъ нихъ человѣкъ зрѣетъ. Иногда дѣлается хуже, иногда лучше, но всегда опытнѣе и сильнѣе. Это имѣетъ права на признательность.

Лаховъ помолчалъ, потомъ взглянулъ на нее.

— Вы правы, и я дѣйствительно признателенъ вамъ,—сказалъ онъ болѣе искреннимъ тономъ.—Я сознаю, что теперь не могъ бы вести себя такъ глупо, какъ тогда.

— Зачѣмъ же излишняя строгость къ себѣ?—возразила Елена Дмитріевна.—Вы, просто, были очень неопытны въ этой области, хотя уже были большимъ умникомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и на васъ уже какъ на дѣловаго человѣка смотрѣли. Но это именно такая область, гдѣ самый умный человѣкъ иногда бываетъ очень... не силенъ. Здѣсь всего справедливѣе поговорка: молодозелено...

Лаховъ улыбнулся.

— Вы расположены прочесть мнѣ второй урокъ, на разѣ теоретическій,—сказалъ онъ.

Елена Дмитріевна разсмѣялась, и въ ея смѣхѣ немаленько какъ будто прозвучало что-то лукавое.

XXXIX.

— А вы еще не встрѣчались съ моимъ мужемъ?—спросила она разговоръ.—Онъ здѣсь, и мнѣ приходится выступить въ роли примирительницы между вами. Вы тогда хотѣли передъ нимъ извиниться, но теперь непременно до этого вамъ не будетъ уже такъ трудно.

Лаховъ внутренно поморщился: его эта неизбежность извиненія съ Глыбовымъ очень тяготила.

— Вы думаете, что вашъ мужъ будетъ расположенъ принять мои извиненія?—сказалъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣтила Елена Дмитріевна.— Какъ иначе? Вамъ, по вашей дѣятельности, непременно придется сталкиваться съ нимъ; нельзя же вамъ сохранять роли комцевъ.

— Но наше столкновеніе въ Ниццѣ навѣрное оставитъ у васъ очень дурное впечатлѣніе,—возразилъ Лаховъ.

Елена Дмитріевна повела плечами.

— Хорошаго, конечно, не оставило; но Николай Александровичъ очень разсудительный человѣкъ, и съ нимъ легко говорить,—отвѣтила она.—Въ сущности, какія могутъ быть извиненія? Вы чуть не вовлекли его въ катастрофу, но за то заплатили ему услугу, уѣхавъ тотчасъ же изъ Ниццы. (По поводу Елены Дмитріевны опять скользнула лукавая усмѣшка.) В концецъ, будемъ говорить откровенно: вѣдь самое главное для него было—избѣжать дуэли. Вы понимаете, что онъ—въ этой роли... А дуэли онъ избѣжалъ, благодаря вашему разумію. Скандала никакого не произошло, никто во всей Ниццѣ не подозрѣвалъ случившагося. Но вотъ онъ самъ сюда явился, и я сейчасъ же сведу васъ вмѣстѣ.

Между тяжелыми складками портьеры, дѣйствительно, совалась въ эту минуту коротенькая фигура Николая Александровича. Во фракѣ, въ сорочкѣ самой послѣдней моды, стриженомъ изъ тонкаго пикѣ, онъ имѣлъ еще менѣе предвѣстительный видъ, чѣмъ въ дорожномъ костюмѣ. Въ одной руке у него была тарелочка съ грушей, которую онъ съ наслажденіемъ

добдѣть, чавкая, причмокивая толстыми губами и выплевывая сѣмечки на коверъ.

Елена Дмитріевна поспѣшно пошла ему на встрѣчу. Лаховъ направился за ней, слѣдя все тѣмъ же завистливо любующимся взглядомъ за ея красивой походкой, чуть колебавшей стройный станъ.

— Я дала слово м-г Лахову, что вы примете его извиненія по поводу маленькаго столкновенія въ Ниццѣ,—сказала Елена Дмитріевна, становясь сбоку между ними.—Я нахожу, что двухлѣтній срокъ совершенно достаточенъ для умныхъ людей, чтобы забыть какую-то глупую исторію.

Она улыбалась имъ обоимъ, словно ободряя ихъ. Это было третье лицо, чувствовавшее себя сильнѣе ихъ обоихъ. И у Лахова, сквозь смущеніе, которое онъ еще не успѣлъ сбросить съ себя, свернула мысль, что никогда еще она не была такъ понятна ему, какъ въ эту минуту...

Николай Антоновичъ поднималъ на него снизу глаза, упиравшіеся въ крутой лобъ, и прожевалъ послѣдній кусокъ груши.

— Миленькая была исторія, нечего сказать! — произнесъ онъ.—Мы съ женой потомъ много смѣялись надъ вашей необузданностью, но тогда, сознаюсь откровенно, я очень не прочь былъ бы всадить вамъ пулю въ лобъ.

И онъ, осклабясь толстыми губами, взглянулъ на жену.

Лаховъ тоже посмотрѣлъ на нее. Ея глаза отвѣтили ему ласково-настоятельнымъ взглядомъ. Онъ повиновался и проговорилъ нѣсколько извинительныхъ фразъ.

— Ну, конечно, лучше всего то, что хорошо кончается,—поспѣшно сказала Елена Дмитріевна.—Могла быть дуэль—какой ужасъ! а дуэли не было, и это самое главное.

— Признаюсь, хорошенькая была бы картинка,—отозвался Глыбовъ, протягивая Лахову свободную руку и разрѣшаясь короткимъ смѣхомъ.—Мнѣ, въ моемъ положеніи, стрѣляться и съ кѣмъ же? Вѣдь мы съ вами, собственно, свои люди, а?.. Завтра вы будете тѣмъ, что я сегодня, а?..

— И этимъ все сказано! — заключила съ своей безразлично-благодарной улыбкой Елена Дмитріевна, и напомнила обоимъ, что въ залѣ началось второе концертное отдѣленіе.

В. Авсѣнко.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ

К И Т А Ъ

Въ то время, какъ Китай, подобно огромному, одряхлѣвшему отъ тяжести вѣковъ, дереву, повидимому готовъ склониться подъ ударами неумолимой судьбы, созданной его многовѣковою высокоумѣнною отчужденностью и узкимъ самодовольствомъ,—его молодые побѣги, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства жалости къ дороговому старику и естественнаго чувства боязни и за свое собственное существованіе, начинаютъ, мало-по-малу, приходитъ къ сознанію необходимости объединенія своихъ силъ для защиты его, а слѣдовательно и своей жизни.

Первые проблески такого пробужденія національнаго сознанія въ молодомъ Китаѣ, подъ вліяніемъ всевозможныхъ неудачъ съ иностранцами, начали обнаруживаться еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ стремленіи къ приобрѣтенію иностранныхъ знаній. Это стремленіе стало главнымъ образомъ проявляться въ открытияхъ для иностранной торговли приморскихъ и при-Янь-цзы-цзянскихъ портахъ, въ которыхъ китайцы находились въ болѣе близкихъ и свободныхъ сношеніяхъ съ иностранцами разныхъ категорій и въ особенности съ миссіонерами всевозможныхъ наименованій, которые, кромѣ христіанской пропаганды, старались въ своихъ школахъ знакомить китайцевъ и съ основами различныхъ полезныхъ знаній. Стремленіе это выразилось въ учрежденіи разныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью усиленіе и возрожденіе Китая. Особенно богатъ такими обществами главный торговый и промышленный центръ Китая—Шанхай, въ которомъ мы имѣемъ слѣ-

дующія общества: политическихъ наукъ, математики, элементарнаго образованія, перевода научныхъ и учебныхъ книгъ, книгопечатанія, искорененія куренія опиума и небинтованія ногъ китайцами. Въ Су-чжоу также есть мѣстное ученое общество; такія же общества возникли теперь и въ другихъ главныхъ административныхъ и торговыхъ центрахъ Китая.

Каждый новый ударъ, наносимый Китаю извнѣ, вызывалъ въ немъ новый спазмодическій порывъ къ самовозрожденію. Такимъ ударомъ явилась въ 1894 г. неудачная война съ Японіею, покрывшая его чувствомъ глубокаго стыда, подъ впечатлѣніемъ котораго былъ изданъ рядъ указовъ объ искорененіи злоупотребленій въ войскахъ, значительномъ сокращеніи ихъ, въ виду совершеннаго опустѣнія государственной казны, о повсемѣстной разработкѣ минеральныхъ богатствъ, открытіи университетовъ въ Пекинѣ и Шанхаѣ, гимназій и школъ въ провинціальныхъ и окружныхъ городахъ и т. п. Къ сожалѣнію, положительное отсутствіе всякой системы въ осуществленіи этихъ благихъ предначертаній, а также необходимыхъ для этого компетентныхъ и честныхъ дѣятелей, пока еще не дало никакихъ особенно ощутительныхъ результатовъ. Возникшее-было въ Пекинѣ, подъ влияніемъ глубоко уязвленнаго постыднымъ исходомъ той же войны съ презираемою дотолѣ Японіею національнаго чувства, общество патріотовъ, извѣстное также подъ именемъ клуба реформаторовъ, просуществовало весьма недолго. Оно было закрыто по приказанію богдохана вслѣдствіе доноса одного цензора, обвинившаго членовъ этого клуба въ политической неблагонадежности и проповѣдываніи анти-династическихъ началъ.

Новый ударъ—никѣмъ не предвидѣнный и вмѣстѣ внезапный захватъ Германіею у Китая бухты Цзяо-чжоу и послѣдовавшее за нимъ взятіе въ арендное пользованіе порта Артуръ и бухты Да-лянъ-вань Россіею, бухты Гуанъ-чжоу Франціей и Вэй-хай-вэй'я Англіей,—наполнивъ сердца молодыхъ китайскихъ патріотовъ чувствомъ глубокаго негодованія и невыразимой скорби предъ полнѣйшимъ безсиліемъ правительства возстать на защиту поправнаго права и чести своего отечества, вызвалъ къ жизни въ Пекинѣ, не болѣе мѣсяца тому назадъ, новое патріотическое общество, принявшее названіе: „общество охраны государства“. Но задачи этого общества далеко выходятъ за предѣлы принятаго имъ для себя названія. Оно имѣетъ цѣлью не только охрану государства съ присущею ему властью, народа, религіи, или, точнѣе говоря, этико-политическаго ученія Конфуція,—но и желтаго племени, существованію котораго на азіатскомъ

материкѣ, составляющемъ его исконное достояніе, угрожаетъ серьезная опасность со стороны пришлої бѣлой расы. Кромѣ того, оно включаетъ въ свою программу обсужденіе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ реформъ во внутреннемъ управленіи и разъясненіе вопросовъ внѣшней политики. Желанными членами этого общества будутъ тѣ, которые, проникшись чувствомъ благороднаго негодованія, постоянно будутъ памятовать позоръ своего отечества.

Главные отдѣлы этого общества учреждаются въ Пекинѣ и Шанхаѣ съ отдѣленіями во всѣхъ провинціальныхъ, областныхъ и уѣздныхъ городахъ. Совѣтъ общества состоитъ изъ предсѣдателя, его помощника, постоянныхъ и запасныхъ членовъ и распорядителя. Всѣ вопросы рѣшаются совѣтомъ по большинству голосовъ. Отчетъ о членскихъ взносахъ и пожертвованіяхъ ежемѣсячно публикуется въ газетахъ. Для поступленія въ члены общества требуется рекомендація членовъ его; при чемъ члены, оказавшіеся, впослѣдствіи, по своему поведенію и убѣжденіямъ, недостойными принадлежать къ обществу, исключаются изъ него. Для покрытия расходовъ общества каждое лицо, поступающее въ число его членовъ, вноситъ два лана (около 2 р. 50 к.). Доступъ въ засѣданія общества открытъ всѣмъ лицамъ безъ различія общественнаго положенія и степени учености, лишь бы только они были проникнуты желаніемъ учиться и идеями взаимообученія и взаимопомощи. Предсѣдателю, вице-предсѣдателю и члену-распорядителю не полагается никакого содержанія, но редактору газеты, бібліотекарю, хранителю кабинета и бухгалтеру опредѣляется извѣстное содержаніе.

Дѣятельность общества выражается въ засѣданіяхъ, въ которыхъ лица, извѣстныя своею ученостью, какъ въ области китайскаго вѣдѣнія, такъ и иностранныхъ знаній, по общему выбору членовъ его, производимому открытымъ голосованіемъ или тайною баллотировкою, читаютъ лекціи на избранныя ими самими темы, которыя, однако, должны исключительно касаться вопросовъ о мѣрахъ къ охраненію государства, ученія, народа и племени, и не должны выходить изъ этихъ рамокъ. Каждая лекція не должна продолжаться болѣе двухъ часовъ, начинаясь отъ часу и продолжаясь до трехъ часовъ. По окончаніи лекціи присутствующіе могутъ обращаться къ лектору съ возраженіями и вопросами, но только серьезнаго характера и притомъ касающимися основныхъ положеній темы; въ противномъ случаѣ лекторъ можетъ и не отвѣчать на нихъ. Порядокъ чтеній опредѣляется количествомъ полученныхъ лекторомъ голосовъ. Своевременно записываемыя

лекціи, вмѣстѣ съ возраженіями и вопросами, послѣдовавшими на нихъ, будутъ печататься въ „Современникѣ“ (Ши-у-бао).

Главный пекинскій отдѣлъ общества, открытіе котораго состоялось 5 апрѣля, въ самый день нашей Пасхи, спустя мѣсяцъ уже насчитывало въ своихъ спискахъ около 550 членовъ.

Широкія политическія, національныя и расовыя задачи общества не могли ускользнуть отъ зоркаго и ревниваго въ этихъ случаяхъ ока цензората, одинъ изъ членовъ котораго представилъ богдохану доносъ о крайне вредномъ направленіи этого общества и о необходимости немедленнаго закрытія его. Къ счастью для общества, богдоханъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ послѣднихъ несчастныхъ для его имперіи политическихъ событій, повергшихъ его въ крайнее смятеніе, взглянулъ на общество совершенно иначе, чѣмъ на злополучнаго его предшественника, „Клубъ реформаторовъ“, и вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту цензора, объявилъ съ высоты трона: „времена совершенно измѣнились; множество подобныхъ обществъ существуетъ въ западныхъ государствахъ. И потому, въ виду того, что настоящее общество можетъ содѣйствовать охраненію государства, оставить доносъ цензора безъ послѣдствій“.

Получивъ, въ силу вышеприведеннаго богдоханскаго указа, законное право на существованіе, общество охраненія государства съ энтузіазмомъ выступило на защиту политическихъ, національных и расовыхъ интересовъ своей родины. Первое засѣданіе его, какъ мы уже сказали, состоялось 5 апрѣля въ присутствіи многочисленной публики. Въ немъ выступилъ въ качествѣ перваго оратора одинъ изъ выдающихся вожаковъ его, Канъ Ю-вэй, съ слѣдующею громоуносною патриотическою рѣчью:

„Въ настоящее время нашъ китайскій 400-милліонный народъ переживаетъ великій, никогда небывалый въ его болѣе чѣмъ четырехъ-тысячелѣтней исторіи кризисъ. Онъ стоитъ какъ бы подъ готовымъ разрушеніемъ зданіемъ, плыветъ какъ бы въ суднѣ, въ которомъ показалась течь, заключенъ, какъ птица въ клѣткѣ, какъ узникъ въ темницѣ и какъ рыба въ котлѣ. Его сини обратились въ безсловесныхъ животныхъ, въ рабовъ, послушныхъ чужой волѣ и позволяющихъ людямъ рѣзать себя по частямъ и убивать. Прибавьте къ этому, что его святое ученіе гибнетъ и племя гаснетъ. Я рѣшительно отказываюсь выразить словами ту удивительную жалость и ту великую скорбь, которыя вызываютъ въ насъ эти явленія!“

„Издrevле нашъ Китай представлялъ собою великое, міровое государство, окруженное такими ничтожными варварскими вла-

дѣніями, какъ Бирма, Корея, Аннамъ и Люцю (Ликейскіе острова), которыми онъ распоряжался по своему произволу. Такимъ образомъ, его гордость воспиталась вѣками. Благодаря этому, въ началѣ настоящей династіи онъ смотрѣлъ на Англію, Францію и другія западныя государства, какъ на ничтожныхъ дикарей Южнаго океана. Свѣдѣнія, сообщавшіяся о западныхъ государствахъ въ сочиненіяхъ католическихъ миссіонеровъ, признавались у нашихъ тогдашнихъ знаменитыхъ ученыхъ недостовѣрными, а между тѣмъ сами они распространяли разные нелѣпые рассказы въ родѣ того, что на с. отъ Россіи лежитъ великое государство съ мѣднымъ городомъ въ сто ли въ окружности; нѣкоторые изъ нихъ не вѣрили въ антиподовъ, тогда какъ въ настоящее время въ числѣ присутствующихъ здѣсь найдутся лица, совершившія кругосвѣтное путешествіе, которое между нашими кантонскими торговыми людьми считается дѣломъ обыкновеннымъ. Когда въ 1832 г. англичане съ двумя судами впервые произвели нападеніе на Кантонъ и разбили высланную противъ нихъ китайскую армаду, состоявшую изъ 3.000 лодокъ, то императоръ Дао-гуанъ, въ манифестѣ, обращенномъ къ тогдашнему кантонскому генераль-губернатору, сказалъ, что, зная его прежнюю храбрость, онъ никакъ не думалъ, что въ этотъ разъ онъ окажется до такой степени негоднымъ. Ссылка генераль-губернатора на громадность англійскихъ судовъ была неубѣдительна для Дао-гуана, такъ какъ онъ самъ не видалъ ихъ и потому не могъ уяснить себѣ пораженія армады двумя судами. Въ 1840 году китайцамъ было нанесено новое пораженіе англичанами, сопровождавшееся открытіемъ пяти портовъ. Тогда императоръ Дао-гуанъ, понявъ, что сила англичанъ заключается въ ихъ флотѣ и вооруженіи, приказалъ построить суда и вооружить ихъ по иностранному образцу. Пораженія въ 1849, 1856, 1858 и 1860 гг. стоили Китаю десятковъ милліоновъ контрибуцій, открытія 11 ¹⁾ новыхъ портовъ и окончились бѣгствомъ богдохана Сянь-фына въ Жѣ-хэ и вступленіемъ союзниковъ въ Пекинъ. Это уже можно было назвать необыкновеннымъ переворотомъ въ исторіи Китая. Несмотря на это, китайскіе правительственные классы продолжали смотрѣть на иностранцевъ съ прежнимъ презрѣніемъ, совершенно замкнулись отъ нихъ и упорно сопротивлялись имъ. Путешествіе Бинъ-чуня въ 1864 г. по чужимъ краямъ, въ качествѣ китайскаго посланника, не принесло рѣшительно никакихъ ре-

¹⁾ По договору съ Англіей 1859 открыто было для иностранной торговли пять новыхъ портовъ.

зультатовъ и не дало никакихъ объясненій касательно причинъ послѣдовательныхъ поражений Китая иностранцами. Первый изъ китайскихъ государственныхъ людей настоящаго столѣтія, уразумѣвшій, благодаря своимъ сношеніямъ съ иностранцами, до нѣкоторой степени причины этого явленія, былъ знаменитый генералъ-губернаторъ Цзэнъ Го-фанъ (1807—1872 г.), по инициативѣ котораго были открыты механическія мастерскія въ Нанкинѣ, основаны школа переводчиковъ, школа иностранныхъ языковъ и наукъ въ Пекинѣ, школа иностранныхъ языковъ въ Кантонѣ и китайское пароходное общество. Другой государственный дѣятель и одинъ изъ первыхъ членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Вэнь-сянъ, настоялъ на отправленіи къ иностраннымъ дворамъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ чрезвычайнаго посольства съ американцемъ Борлингемомъ во главѣ. Въ то же время онъ хотѣлъ, чтобы молодые столичные чиновники и ученые были посылаемы въ школу иностранныхъ языковъ и наукъ, только-что открытую въ Пекинѣ, для полученія тамъ иностраннаго образованія; но это желаніе встрѣтило противодѣйствіе со стороны министра Во-жэня (извѣстный китайскій ретроградъ того времени). Съ этого времени, хотя китайскія посольства и отправлялись ежегодно въ иностранныя государства, но ученый и правящій классъ продолжалъ питать глубокую ненависть къ иностранцамъ и избѣгать ихъ. Нѣкоторый успѣхъ въ францужско-китайской войнѣ въ Тонкинѣ вскружилъ голову Китаю, и онъ все болѣе и болѣе сталъ зазнаваться. Занимаясь изученіемъ современной политики, я еще тогда обращалъ вниманіе правящихъ классовъ на замыселъ Россіи на Манчжурію и на то, что, необыкновенно усилившаяся, благодаря нововведеніямъ, Японія непремѣнно овладѣетъ Кореей, и просилъ ихъ приступить къ своевременнымъ реформамъ, съ цѣлью самоусиленія. Но въ то время всѣ признали меня сумасбродомъ. Какъ мало еще въ 1892 году Китай интересовался иностранными науками и знаніями, можно заключить изъ того, что изъ переведенныхъ въ Шанхаѣ разныхъ иностранныхъ книгъ продано было всего только 13.000 слишкомъ экземпляровъ. И это на четырехсотъ-милліонное населеніе Китая! До 1894 г., когда Китай, вслѣдствіе отнятія Формозы и громадной контрибуціи, получивъ глубокую рану, почувствовалъ невыразимую боль, никто не хотѣлъ отрѣшиться отъ рутины и пойти по пути реформъ. Съ этого времени болѣе рѣшительные люди стали мало-по-малу обращать вниманіе на необходимость самоусиленія: появился „Патріотическій клубъ“ и связанная съ нимъ газета „Современникъ“. По всему Китаю заговорили о новыхъ наукахъ. Но,

несмотря на это, даже послѣ войны 1894 г., все-таки не приступали къ серьезнымъ реформамъ. Правда, было сдѣлано нѣсколько измѣненій, но только для формы. Допустимъ даже, что нѣкоторыя изъ нихъ, касающіяся телеграфа, желѣзныхъ дорогъ, пароходства и кораблестроенія, и дали кое-какіе результаты, но дѣло въ томъ, что для полнаго успѣха реформъ необходимо, чтобы онѣ не были одиночными явленіями, а проводились бы въ строгой системѣ и связи. Не будемъ говорить о томъ, что, послѣ тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ намъ Японіей, мы даже не усилили обученія войскъ, не прикупили ни одного военного корабля; болѣе 600.000 нашихъ войскъ зеленого знамени (китайскихъ) и 300.000 знаменныхъ (манчжурскихъ) войскъ состоитъ изъ людей старыхъ, слабыхъ, только по имени числящихся въ войсковыхъ спискахъ, а на самомъ дѣлѣ имѣющихъ другія занятія. Въ западныхъ государствахъ изъ народа дѣлаютъ солдатъ, а у насъ солдатъ обращаютъ въ народъ. Чтѣ же мы можемъ противопоставить имъ? На Западѣ для поддержанія существованія государствъ имѣются устои. Тамъ цѣнятъ школы, пекутся о защитѣ, пропитаніи и воспитаніи народа; существуютъ парламенты для того, чтобы доводить до свѣдѣнія правительства о нуждахъ народа; государи не слишкомъ возвышены, народъ не особенно приниженъ, и съ нимъ обращаются согласно со смысломъ нашихъ классиковъ. Вотъ тѣ причины, которыя создали могущество и силу западныхъ государствъ. У насъ же объ арміи, земледѣліи и просвѣщеніи никто не заботится; по отношенію къ народу не принимается никакихъ мѣръ къ обезпеченію его жизни и имущества, къ пропитанію и образованію его; между нимъ и правящимъ классомъ, вслѣдствіе приниженного положенія перваго и высокаго положенія послѣдняго, существуетъ непроходимая пропасть. Все это идетъ въ разрѣзъ со смысломъ нашихъ классиковъ и создаетъ нашу слабость. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого была Цзяо-чжоу'ская исторія. Въ теченіе 40 дней было 20 случаевъ принудительныхъ требованій, а именно: 1) всѣмъ извѣстное, насильственное взятіе въ аренду нѣмцами Цзяо-чжоу'ской бухты; 2) протестъ Россіи противъ заключенія нами англійскаго 3% займа; 3) протестъ Россіи противъ открытія Да-лянь-вани для всеобщей иностранной торговли; 4) протестъ ея же противъ открытія для иностранной торговли Нань-нина; 5) открытіе внутреннихъ водъ Китая для иностранныхъ пароходовъ; 6) требованіе Франціей 100.000 ланъ за сожженіе католическаго храма въ Сайгонѣ; 7) удаленіе отъ должности, по требованію Германіи, въ теченіи 24-хъ часовъ, шань-дунскаго Даотая (инспекторъ

округа); 8) недозволеніе германскимъ правительствомъ на проведеніе Тяньцзиньской желѣзной дороги чрезъ Шань-дунъ, несмотря на троекратное обращеніе къ нему по телеграфу нашего правительства; 9) протестъ германскаго правительства противъ проведенія вышеупомянутой дороги также и чрезъ провинцію Хэ-нань, взятый имъ обратно, благодаря посредничеству англійскаго и американскаго посланниковъ; 10) приглашеніе генераломъ Нэ русскаго инструктора съ точнымъ условіемъ неподчиненія его генералу; 11) удаленіе или оставленіе инструктора поставлено въ зависимость отъ воли русскаго императора; 12) изгнаніе, по настоянію русскихъ, четырехъ нѣмецкихъ инструкторовъ; 13) приглашеніе для войскъ сѣвернаго Китая и Манчжуріи исключительно русскихъ инструкторовъ; 14) предоставленіе морскому таможенному вѣдомству взиманія ликиннаго сбора по Янь-цзы-цзяну; 15) требованіе Германіи объ увеличеніи уступленной ей территоріи; 16) добившись увеличенія территоріи, она потребовала права на постройку желѣзной дороги; 17) добившись этого, она потребовала права на постройку желѣзныхъ дорогъ по всей Шань-дунской провинціи; 18) заручившись этимъ правомъ, Германія потребовала предоставленія ей торговли по Шань-дунской провинціи; 19) русскіе хотѣли включить городъ Цзинь-чжоу въ предѣлы арендованной территоріи, и 20) французы потребовали уступки бухты Гуань-чжоу, а также выговорили, что провинціи Гуань-дунъ, Гуань-си, Юнь-нань и Гуй-чжоу не будутъ уступлены никакой другой державѣ. Всѣ эти событія происходили до марта настоящаго года. Послѣ этого Англія потребовала Вэй-хай-вэй, а Японія выговорила, что Фу-цзянская провинція не будетъ уступлена никакой другой державѣ.

„При такой быстрой уtratѣ нашимъ государемъ верховныхъ правъ и территоріи, не можетъ ли Китай съ теченіемъ времени послѣдовать за Бирмою, Аннамомъ, Индіею и другими? Индія, поглощенная Англіею, въ теченіе столѣтняго своего рабства, только въ 1872 впервые имѣла въ англійскомъ парламентѣ двухъ своихъ представителей. Въ Гонконгѣ, со времени подчиненія его Англіи и до сего времени, еще не было ни одного ученаго изъ китайцевъ; закупщикъ, или компрадоръ, есть самое почетное званіе, доступное тамъ для китайца. Всякій нищій англичанинъ можетъ сдѣлаться тамъ главнымъ директоромъ какого-нибудь общества, тогда какъ миллионеръ китаецъ, имѣющій почетный рангъ окружного инспектора, или областного начальника, украшенный краснымъ и синимъ шарикомъ, по большей части занимаетъ мѣсто компрадора въ какой-нибудь иностранной фирмѣ,

стоитъ на вытяжку передъ хозяиномъ и слѣдить за выраженіемъ лица его. Какъ это прискорбно! Если мы въ настоящее время не позаботимся о собственномъ усиленіи, то, я опасаясь, такой же почетъ ожидаетъ въ будущемъ все четырехсотмилліонное населеніе Китая. Мы знаемъ, что монголы въ началѣ вступленія своего въ Китай уничтожили экзамены на ученые степени и обращались съ аннамскими магистрами не лучше, чѣмъ съ уличными торговцами. Поэтому, дѣйствительно, трудно себя представить, что можетъ ожидать нашихъ ученыхъ въ будущемъ. Даже безстыдные измѣнники между ними, пользовавшіеся презрѣніемъ прежней династіи, и тѣ не могутъ рассчитывать на полученіе какого-нибудь мѣста при иностранномъ владычествѣ, потому что иностранцамъ нужны люди, обладающіе спеціальными знаніями. Что же сказать о честныхъ ученыхъ труженикахъ? Имъ не дадутъ должности простого учителя, а не только профессора. Пожелалъ бы кто-нибудь изъ нихъ сдѣлаться буддѣйскимъ монахомъ, да негдѣ будетъ пріютиться, потому что кумиры и кумирни, какъ противныя западнымъ вѣроученіямъ, всѣ будутъ разрушены. Даже, если бы кто-нибудь пожелалъ утопиться въ морѣ, и это было бы невозможно, такъ какъ у Китая не будетъ морского побережья. Такимъ образомъ, при невозможности сдѣлаться измѣнникомъ, стать монахомъ или утопиться въ волнахъ океана, куда же тогда дѣться и гдѣ пріютиться ученому и служилому сословію многомилліоннаго и необъятнаго Китая? Поэтому, мы, представляя въ настоящее время какъ бы остатки людей послѣ великаго пораженія, должны сами выступить на борьбу, и намъ, внѣ собственной энергіи, нѣтъ другого средства и другого пути къ спасенію отъ гибели. Быть можетъ, только въ полнѣйшемъ единодушіи и мужествѣ, въ виду угрожающей опасности, мы еще найдемъ средства къ спасенію. Но какъ скоро мы будемъ скрывать факты урѣзанія нашей территоріи и утраты власти, не имѣя при этомъ, подобно французамъ національной галереи, въ которой, для возбужденія народнаго духа, выставлена картина пораженія ихъ нѣмцами, то большая часть китайскихъ чиновниковъ и народа, оставаясь въ неизвѣстности о фактахъ, будетъ продолжать, какъ въ мирное цвѣтущее время, стремиться къ богатству, почестямъ и повышеніямъ, а другіе, находя, что уже поздно, а путь дальній, возвратятся вспять и пойдутъ путемъ регресса. Мэнъ-цзы сказалъ: „государство, безъ сомнѣнія, само поражаетъ себя, а потомъ уже и другіе поражаютъ его“. Поэтому въ урѣзаніи земли и утратѣ власти виноваты не иностранцы.

Не смѣю я обвинять въ этомъ и правительство; а это мы сами добровольно продали имъ свою территорію и сами добровольно вручили имъ власть. Если бы все четырехсотмилліонное население Китая проявило энергію, то какъ бы иностранцы осмѣлились тронуть насъ? А вмѣсто этого мы спокойно предавались удовольствіямъ, приятной бесѣдѣ и смѣху. Такъ кто же, какъ не мы, продалъ территорію? Вотъ почему я не обвиняю въ этомъ правительство, а обвиняю народъ, обвиняю насъ, ученыхъ, нашу интеллигенцію, въ отсутствіи у нихъ духа патриотизма. Поэтому каждый изъ насъ, неся отвѣтственность въ гибели отечества, имѣетъ силу и спасти его.

„Обращаясь къ Японіи, мы видимъ, что въ прежнее время, подвергаясь притѣсненіямъ со стороны Англіи и Соединенныхъ Штатовъ С. Америки, она была такъ же слаба, какъ и мы; а теперь какимъ же образомъ она смогла взять у насъ Формозу, уничтожить Ливейское владѣніе и, стремясь къ управленію Кореей, получить съ насъ 200 милліоновъ военной контрибуціи? Было ли это сдѣлано ея сильною арміею? Нѣтъ. Ея первымъ министромъ Ито и главнокомандующимъ Ямагатою? Тоже нѣтъ. Такой великій подвигъ сдѣланъ былъ однимъ простолюдиномъ, который, скорбя объ упадкѣ государства, невозможности реформъ и негодуя на самовластіе Сіогуповъ, горько плакалъ на улицахъ Токио при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ и наконецъ умеръ отъ слезъ. Но его смерть вызвала движеніе въ пользу реформъ, благодаря которымъ она достигла процвѣтанія и силы. Кто бы могъ подумать, что процвѣтаніе и могущество Японіи было создано простымъ смертнымъ, не имѣвшимъ ни власти, ни храбрости, ни ума и ни искусства!

„Извѣстно, что вся природа произошла отъ теплоты. Вслѣдствіе присутствія теплыхъ частицъ образовалось небо и солнце, обладающее наивысшею теплотою, такъ что, несмотря на необъятное разстояніе, отдѣляющее его отъ насъ, на поверхности въ одинъ квадратный футъ развивается теплота въ 90 лошадиныхъ силъ;—благодаря этому могла образоваться земля и появиться вся природа. Все, что согрѣвается его лучами, проявляетъ жизнь. Нѣдра земли наполнены горячею влагою и раскаленною жидкостью, вслѣдствіе чего земля получаетъ непрестанное вращательное движеніе. Врачи, при опредѣленіи продолжительности человѣческой жизни, руководствуются упадкомъ или полнотою теплоты въ крови; при упадкѣ теплоты наступаетъ смерть. Какъ это справедливо! Всякій предметъ, при существованіи въ немъ теплоты, живетъ, цвѣтетъ, расширяется и дви-

жется; при отсутствіи же ея, онъ холодѣетъ, сжимается, увядаетъ, сохнетъ и умираетъ: это—естественный законъ. Въ настоящее время нашъ Китай великъ своею неподвижностью; ни въ чемъ онъ не проявляетъ своей дѣятельности: народъ обдѣнѣлъ, средства истощены, армія слаба, высшее сословіе глупо, оно любитъ покой и питаетъ отвращеніе къ дѣятельности; случаи урѣзанія земли Китая и умаленія его власти постоянно повторяются; его жизненная теплота гаснетъ, онъ холодѣетъ, увядаетъ, сжимается, сохнетъ и готовъ погибнуть. Средство спасенія для него заключается только въ увеличеніи его сердечной теплоты. Всѣ тѣ, которые могутъ приготовить великое дѣло, отмстить великому врагу и совершить великій подвигъ, дѣлаютъ это въ силу присутствія въ нихъ жизненной теплоты. У людей съ слабыми душевными силами мало и теплоты. Поэтому извѣстный патріотъ, Ху-бэй'скій губернаторъ Ху-линь-чу (1812—1861 г.), сказалъ, что „въ настоящее время труднѣе всего отыскать пылаго патріота“. Всѣ, такъ называемые въ древности, доблестные мужи, поборники правды, пылкіе ученые и человѣколюбцы были люди съ горячею кровью, и величина ихъ подвиговъ находилась въ зависимости отъ количества ихъ внутренней теплоты, ихъ внутреннего жара.

„Поэтому настоящее наше общество, желая спасти Китай отъ грозящей ему гибели, не видитъ къ этому другого средства, кромѣ возбужденія душевныхъ силъ и возростанія ихъ. Если каждый изъ четырехсотъ милліоновъ китайцевъ проникнется духомъ энтузіазма, то для нихъ не будетъ ничего невозможнаго, и имъ нечего будетъ безпокоиться, что они не будутъ въ состояніи спасти свою родину“...

Принадлежа по своему образованію къ ученой корпораціи, авторъ только-что приведенной рѣчи, занимающій и до сихъ поръ скромное мѣсто дѣлопроизводителя въ министерствѣ публичныхъ работъ, своимъ сотрудничествомъ въ разныхъ газетахъ въ качествѣ рьянаго и повидимому разумнаго проповѣдника необходимости для Китая систематическаго введенія реформъ, обратилъ на себя вниманіе не только правящихъ классовъ, но и самого богдохана, который приказалъ министерству иностранныхъ дѣлъ навести о немъ справки и съ своимъ заключеніемъ представить докладъ. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что отзывъ министерства будетъ для Канъ-ю-вэй'я вполне благоприятнымъ, такъ какъ канцлеръ Ли-Хунъ-Чжанъ въ разговорѣ съ нами выразился о немъ какъ о человѣкѣ, понимающемъ современную политику. Другой изъ современныхъ выдаю-

щихся молодыхъ дѣятелей, также сотрудничать разныхъ газетъ, кандидатъ Лянъ-Ци-Чао, своими статьями также успѣлъ обратить на себя вниманіе богдохана, которому въ недавнее время и былъ представленъ.

Дальнѣйшими проблесками дѣйствительнаго пробужденія Китая могутъ служить изданные на дняхъ богдоханомъ указы объ основаніи горныхъ институтовъ въ Пекинѣ и Шанхаѣ и о рекомендаціи богдохану изъ дальнихъ его родственниковъ лицъ, интересующихся современными дѣлами и имѣющихъ стремленіе къ лучшему, для отправленія ихъ поучиться въ чужіе края. На то же указываетъ и недавній указъ государственному совѣту и министерству иностранныхъ дѣлъ поторопиться обсужденіемъ вопроса объ открытіи университета. Затрудненія, встрѣчаемыя этими двумя высшими учрежденіями къ немедленному открытію университета, заключаются не только въ изысканіи для этого необходимыхъ средствъ, но въ особенности въ приглашеніи для него изъ Европы и Америки достойнаго учебнаго персонала.

Подъ заглавіемъ: „Письмо, предназначенное его величеству Богдохану“, въ нѣсколькихъ нумерахъ Тянь-цзиньской газеты „Го-вэнь-бао“ появилась обширная и замѣчательная статья одного китайца, въ которой самыми яркими и правдивыми красками рисуется современное, безпомощное и плачевное положеніе Китая, указываются причины, доведшія его до этого состоянія, и мѣры къ выходу изъ него. Главнѣйшею изъ этихъ мѣръ является введеніе въ Китаѣ коренныхъ реформъ, но съ единственнымъ необходимымъ условіемъ, чтобы онѣ проводились въ строго обдуманной системѣ и послѣдовательности.

Полагая, что извлеченіе не въ состояніи передать всѣхъ отѣнковъ оригинала, ни выразительности его аргументаціи, мы не видимъ другого способа къ ознакомленію читателей съ содержаніемъ этого письма, кромѣ возможно точнаго перевода, съ нѣкоторыми только пропусками.

„Я слышалъ,—такъ авторъ начинаетъ свое письмо,—что хромой не забываетъ о ходьбѣ, а слѣпой о зрѣніи. Если это такъ по отношенію къ единичной личности, то тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ государству. Мы видимъ, что какъ въ древности, такъ и въ настоящее время, китайскіе и иностранные государи, прославившіеся у современниковъ своими подвигами по усмиренію смутъ и волненій и утвержденію спокойствія, и доставившіе счастье потомству, по большей части жили

во времена ослабленія государствъ и, дѣйствуя въ эпохи крайней опасности, когда владѣнія ихъ находились на краю гибели, они достигали широкаго осуществленія своихъ цѣлей, не требуя непременно для своей дѣятельности ни покровительства высшихъ силъ, ни наслѣдованія мудрымъ государямъ, ни пользованія годовою силою и богатствомъ.

„Китай—сокровищница даровъ природы, съ его громаднымъ пространствомъ, обширнымъ населеніемъ и многовѣковою цивилизаціею—является предметомъ презрѣнія всѣхъ народовъ! При взглядѣ на настоящее опасное положеніе его и нестроеніе, угрожающее ему гибелью, люди понимающіе проницаны единодушною скорбью; а между тѣмъ, онъ продолжаетъ влечить свое существованіе, беззаботно предаваясь удовольствіямъ. Но при тревогѣ въ одномъ какомъ-нибудь уголѣ его, государь и министры растерянно смотрятъ другъ на друга. Мало того, по окончаніи засѣданій государственнаго совѣта, заливаются горькими слезами, не зная, что предпринять. Во всемъ совѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы подать какой-либо совѣтъ вашему величеству, или составить планъ для отраженія враждебныхъ нападеній. Они только допускаютъ терпѣть позоръ и повинуются требованіямъ враговъ, выражая на нихъ безпрекословное согласіе. Когда же требованіе удовлетворено и отвѣтственность сложена, они съ удовольствіемъ рассказываютъ объ этомъ другъ другу, какъ о великой побѣдѣ, и нисколько не заботятся о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предотвращенію подобныхъ несчастій. Съ душевнымъ прискорбіемъ я смотрю на такую дѣятельность правительства.

„Извѣстно, что какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена были государства, о благоустроеніи которыхъ не радѣли; но благоустройствомъ Китая можно заняться во всякое время. Если ваше величество дѣйствительно желаете быть дѣятельнымъ, то настоящія мои разсужденія, вѣроятно, окажутся небезполезными, если только вамъ благоугодно будетъ удостоить ихъ своимъ вниманіемъ.

„Въ настоящее время слабость Китая достигла крайнихъ предѣловъ. Причины этой слабости въ семи случаяхъ изъ десяти происходятъ отъ недостатковъ внутренняго управленія и только въ самой незначительной степени зависятъ отъ внѣшнихъ напастей. А между тѣмъ, весь Китай кричитъ, что исключительную опасность для него представляютъ, будто бы, внѣшнія напасти. Это—поверхностное сужденіе.

„Внѣшнія напасти, достигшія до настоящаго положенія, на-

лись не нынѣ. Первый толчокъ онѣ получили при миньской и стоящей династіяхъ, но съ особенною силою проявились въ роковыхъ и пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія. Если бы то время наши государи и чины рѣшительно и усердно занялись тщательнымъ и глубокимъ изслѣдованіемъ ихъ причинъ и благовременно приняли противъ нихъ необходимыя мѣры, то и такъ-называемыя внѣшнія напасти болѣе уже не повторились бы. Къ несчастію, по своему высокомѣрію и беззаботности, они допустили до неоднократнаго повторенія внѣшнихъ напастей и все-таки ничего не предпринимали. Результатомъ этой бездѣятельности явилась японо-китайская война 1894 г., которая была позорна не по одному только поражению, испытанному Китаемъ; въ ней было нѣчто болѣе, чѣмъ позоръ пораженія; она открыла всему міру наше безсиліе, такъ что, несмотря на желаніе по прежнему влечить наши дни, мы уже не можемъ сдѣлать этого. При всемъ томъ, иностранныя государа все еще не смѣли легко относиться къ Китаю, полагая, что онъ не пробуждается только вслѣдствіе незнакомства съ положеніемъ иностранцевъ и отсутствія стремленія къ самовоспитанію; но лишь только онъ узнаетъ иностранцевъ и воодушевится, то при его обширности, обилии естественныхъ произведеній, многолюдствѣ и сильной власти его владыкъ, кто можетъ преградить ему путь къ богатству и силѣ? Послѣ позора пораженія, понесеннаго отъ Японіи такимъ обширнымъ ударствомъ, какъ Китай, люди мыслящіе полагали, что вотъ теперь-то онъ примется за ознакомленіе съ иностранцами и, хотя скорбя о своей бездѣятельности, постарается воодушевиться и съ жаромъ приняться за дѣло. Вслѣдствіе этого, послѣ оконченной войны, вниманіе иностранцевъ по отношенію къ Китаю возросло; ни одно изъ нашихъ намѣреній и движеній не ускользало отъ ихъ глубокой наблюдательности и всесторонняго изслѣдованія. Само собою разумѣется, что такое напряженное и сосредоточенное вниманіе иностранцевъ по отношенію къ Китаю исходитъ не отъ любви ихъ къ нему; а если они не любятъ то что же значитъ ихъ глубокое ожиданіе, съ которымъ они смотрятъ на него? Они опасаются, что окончательное неустройство Китая породитъ въ средѣ ихъ воинственные замыслы, которые, нарушивъ политическое равновѣсіе, поведутъ къ большому, кровопролитному войнѣ. Надобно замѣтить, что современное положеніе иностранныхъ державъ отличается отъ положенія древнихъ воюющихъ царствъ въ Китаѣ (въ V ст. до Р. Хр.), преслѣдовавшихъ завоевательныя цѣли,

тогда какъ нынѣ иностранныя державы стараются поддержать политическое равновѣсіе, благодаря которому такія государства, какъ Голландія, Данія и Швейцарія, остаются неприкосновенными среди Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. Кромѣ того, иностранныя государства относятся къ войнѣ съ такою осторожностью еще и потому, что, при постоянномъ усовершенствованіи вооруженія и кораблестроенія за послѣднее столѣтіе, расходы на военныя потребности, благодаря соревнованію, постоянно возрастаютъ, каждое изъ государствъ болѣе и болѣе изощряется въ искусствѣ обороны и наступленія, такъ что въ случаѣ столкновенія и самое сильное изъ нихъ не можетъ разсчитывать выйти изъ него совершенно невредимымъ; обѣ стороны, независимо отъ побѣды или пораженія, безъ сомнѣнія, понесутъ чувствительныя потери, не говоря уже о томъ, что война повлечетъ за собою вѣковую вражду. Если Китай когда-нибудь усилится и будетъ въ состояніи мѣряться своими силами съ иностранными державами, то послѣднія откажутся отъ своихъ замысловъ на территоріальныя въ немъ захваты и ограничатся стремленіемъ къ однимъ торговымъ выгодамъ. Если же, вслѣдствіе окончательнаго отсутствія энергіи, онъ и будетъ въ состояніи вести самостоятельное существованіе, то кому достанется эта богатѣйшая страна въ мірѣ, тотъ и будетъ пользоваться мировымъ владычествомъ, и система политическаго равновѣсія должна будетъ рухнуть. Подъ влияніемъ этихъ опасеній дѣло не можетъ обойтись безъ борьбы и при томъ борьбы безпощадной; но эта міровая война можетъ возгорѣться только послѣ утраты самостоятельности Китая. И иностранныя государства ринутся въ нее не съ удовольствіемъ, а потому что въ этому они будутъ вынуждены въ силу закона самозащиты и борьбы за существованіе. Вотъ почему я и сказалъ, что всѣ иностранныя державы съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ самоусиленія Китая, а вслѣдствіе этого и слѣдятъ за нимъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ.

„Что же касается нападеній извнѣ, то имъ Китай подвергался и въ древнія времена; но эти нападенія тогда только имѣли успѣхъ, когда производились въ эпохи его слабости или же внутреннихъ смутъ. Между тѣмъ, современныя иностранныя государства, говоря вообще, въ началѣ своихъ сношеній съ Китаемъ, преслѣдовали не эту цѣль. Поэтому, если мы будемъ разсуждать только о внѣшнихъ опасностяхъ, то въ настоящее время съ ними легче справиться, чѣмъ въ древности, во времена окончательнаго паденія династій. Если же съ этими опасностями

легко справиться, а между тѣмъ съ ними не могутъ справиться, то, слѣдовательно, причина этого заключается въ застарѣломъ и потому трудно поправимомъ нестроеніи во внутреннемъ управленіи Китая. Такимъ образомъ, хотя внѣшнія напасти и достигли крайнихъ предѣловъ, но не въ нихъ корень болѣзни нашего отечества. Поэтому-то я и сказалъ, что настоящее безсиліе Китая въ гораздо большей степени происходитъ отъ внутренняго управленія, чѣмъ отъ опасностей, угрожающихъ ему извнѣ. Какъ такъ отъ внутренняго управленія? А такъ, что когда какой-либо законъ или мѣра приходили въ ветхость, — его не умѣли измѣнить. А между тѣмъ извѣстно, что только принципы вѣковѣчны и неизмѣнны; но нѣтъ законовъ и мѣръ, которыя бы сотни лѣтъ оставались неизмѣнными. Принципъ есть то, безъ чего ни государство, ни народъ не могутъ обойтись.

„Съ глубокой древности и до настоящаго времени, начиная отъ Китая и оканчивая остальнымъ міромъ, лишь только образовывались общества, какъ у нихъ возникала забота о пропитаніи и взаимозащитѣ, а съ этимъ вмѣстѣ въ ихъ средѣ непременно распространялись гуманность, сознаніе долга, преданность, довѣріе, справедливость и совѣстливость; безъ этихъ началъ общество немедленно распадалось, и родъ постепенно прекращалъ свое существованіе. Совсѣмъ иное дѣло — законы или мѣры. Древніе мудрецы, сообразуясь съ потребностями извѣстной эпохи и основываясь на неизмѣнныхъ принципахъ, устанавливали измѣняемые законы и способы, дабы содѣйствовать росту и защитѣ своихъ общинъ. Вотъ и все. Поэтому формы мѣнялись постоянно. Такъ было начиная со временъ трехъ древнихъ династій (Ся, Шанъ и Чжоу, 2205—209 г.г. до Р. Хр.). Даже мудрые предки, оставляя ясныя наставленія и точные наказы, для соблюденія ихъ потомками изъ рода въ родъ, безъ сомнѣнія разсуждали такъ: если китайскій народъ и иностранныя государства всегда будутъ оставаться такими же, какъ теперь, то наши узаконенія, конечно, могутъ привести Китай къ полнѣйшему спокойствію и благоустройству и будутъ дѣйствовать долго и безупречно. Ясное дѣло, что они не имѣли въ виду вмѣнять своимъ потомкамъ въ непремѣнную обязанность исполнять установленные ими законы, несмотря на крайнее измѣненіе обстоятельствъ, положенія дѣлъ и условій времени, исключаящихъ разумность дальнѣйшаго ихъ существованія, и оставаться имъ послушными даже въ томъ случаѣ, если бы это угрожало опасностями и гибелью государству. Читая исторіи иностранныхъ государствъ, я усматриваю изъ нихъ, что у нихъ въ каждомъ государствѣ, съ учрежденіемъ

верховой власти, она, въ теченіе пѣлыхъ тысячелѣтій, передается, по преемству, неизмѣнно въ одной фамиліи. Даже если и случалось иногда, что, съ учрежденіемъ республики, народъ низвергалъ своего прежняго государя, то при возстановленіи монархіи народъ непременно приглашалъ его на престолъ предковъ. Такъ было во Франціи. Что же касается Англіи, Германіи, Австріи, Испаніи, Италіи и Бельгіи, то въ нихъ, при нерушимости прежняго режима, государи постоянно были изъ одной фамиліи. Только въ одномъ Китаѣ говорятъ, что „одна фамилія не царствуетъ дважды“. Съ глубокой древности и до настоящаго времени неизвѣстно, сколько смѣнилось государей, владѣвшихъ этою страной. Спокойствіе и смуты, возвышеніе одной династіи и паденіе другой смѣнялись въ ней, какъ въ калейдоскопѣ. Какая же тому причина? Сы-Ма-цзянь ¹⁾ говоритъ: „когда что-либо достигнетъ кризиса, то за нимъ слѣдуетъ перемѣна, за перемѣною—благоденствіе, а за благоденствіемъ—продолжительность“. Въ случаѣ кризиса иностранныя государства прибѣгали къ перемѣнамъ, и благодаря этому могли двигаться съ вѣкомъ и долго сохранять свое существованіе, тогда какъ Китай, въ случаѣ ослабленія, не помышляетъ объ отысканіи выхода; вслѣдствіе этого необходима была смѣна династій, которыя и производили извѣстныя измѣненія. Но если бы Китай, въ случаѣ ослабленія, умѣлъ отыскивать противъ него лекарства въ заблаговременно принимаемыхъ мѣрахъ, умѣлъ производить реформы, требующія времени, и обновляться вмѣстѣ съ нимъ, тогда отъ императора Юй'я до сего времени надъ нимъ преемственно царствовали бы потомки его династіи.

„Конечно, главнѣйшая обязанность государя заключается въ подражаніи предкамъ и въ почитаніи Неба. Почитая Небо, слѣдуетъ наблюдать за направленіемъ его намѣреній. Подражая предкамъ, слѣдуетъ уяснять себѣ всю важность завѣщанныхъ ими плановъ. Гдѣ же надобно наблюдать намѣренія Неба? Наблюдайте въ народѣ, и вы узнаете ихъ. Ихъ можно уяснить и уразумѣть единственно въ себѣ самомъ. Въ послѣдніе годы, когда китайскій народъ стонетъ и горюетъ подъ ударами физическихъ бѣдствій, отовсюду раздаются голоса о необходимости реформъ. Мало того, нѣкоторые прямо говорятъ, что если мы будемъ продолжать держаться стародавней теоріи о неизмѣненіи

¹⁾ Отецъ китайской исторіи, знаменитый составитель „Историческихъ Записокъ“, обнимающихъ исторію Китая съ древнѣйшихъ временъ до 104 г. до Р. Хр., жившій отъ 163 по 85 г. до Р. Хр. Переводъ этого труда сдѣланъ недавно молодымъ французскимъ синологомъ Шаваномъ.

политики, то это повлечетъ за собою распаденіе Китая и обращеніе сыновъ его въ рабство. Таково мнѣніе народа, слѣд. и намѣренія Неба извѣстны. Я знаю, что ваше величество, смиренно предаваясь размышленію, не хотите высказаться за реформы изъ того убѣжденія, что потомки не должны легкомысленно мѣнять завѣтовъ, оставленныхъ предками. Такая высота сыновней почтительности вашего величества, въ приложеніи къ управленію вселенной, является, по истинѣ, великолѣпною и недостижима по достоинству. Однако я осмѣливаюсь полагать, что она переходитъ должные предѣлы. Прошу позволенія вашего величества уяснить вамъ вашу же собственную мысль. Предположимъ, что въ настоящее время ваше величество, въ порывѣ благороднаго негодованія на застой, доведшій государство до слабости, вынуждены бы были для спасенія его принять всѣ мѣры, требуемыя обстоятельствами и сообразныя съ условіями времени. Все это были бы временныя мѣропріятія вашего величества. Между тѣмъ, по кончинѣ вашего величества, ваши дѣти и внуки, несмотря на то, что въ ихъ время уже не оставалось того, противъ чего были направлены эти мѣропріятія, не только благоговѣйно хранили бы ихъ до тѣхъ поръ, пока они оказались бы совершенно негодными, но даже слѣпо подражали бы имъ до того, что въ государствѣ истощился бы запасъ способныхъ людей, изсякли бы его богатства, бѣдствія внутреннія и напасти внѣшнія со всѣхъ сторонъ окружили бы его, и оно не могло бы болѣе держаться, и, при всемъ томъ, они скорѣе рѣшились бы допустить династію до гибели и свой народъ до обращенія въ рабовъ, чѣмъ приступить къ реформамъ,—неужели ваше величество сочли бы это за сыновнюю почтительность съ ихъ стороны и, вдобавокъ, стали бы роптать на переменѣ политики съ цѣлью обновленія государства? При всей моей ограниченности, я убѣжденъ, что ваше величество, безъ сомнѣнія, не одобрили бы подобнаго образа дѣйствій вашихъ потомковъ.

„Такимъ образомъ, изъ намѣреній Неба нѣтъ ничего настоящаго, какъ содѣйствовать успокоенію народа, и изъ завѣтовъ предковъ нѣтъ ничего важнѣе сохраненія изъ рода въ родъ верховной власти; а обѣщавшіе законы и установленія, по своей ничтожности, не заслуживаютъ вниманія. То, что денно и ночью внушаютъ вамъ предки и чего они ожидаютъ отъ васъ—это то, чтобы ваше величество поторопились приняться за переменѣ. Это понятно для всякаго обыкновеннаго ума. Какъ же это можетъ быть непонятно для вашей премудрости и высочайшаго ума? Ваше величество! Вы царите надъ государствомъ, раски-

нувшимися на необъятномъ пространствѣ, правите четырехсотмилліоннымъ народомъ. Такое славное наслѣдіе дѣйствительно можно назвать великимъ! Но, если строго говорить, и бремя, унаслѣдованное вами, неизмѣримо тяжелѣ бремени древнихъ государей; не было въ древности и такихъ крайнихъ опасностей, какія мы видимъ въ ваше царствованіе. Между тѣмъ, относительно богатства и силы Китая, ума и мужества его населенія, я, какъ человѣкъ, не умѣющій скрывать, не смѣю попусту обманывать ваше величество пріятными для слуха словами. Осмѣливаюсь думать, что мы во всемъ уступаемъ иностранцамъ, и если Китай до сихъ поръ остался цѣлымъ, то этимъ онъ обязанъ тому, что въ прежнее время иностранцы не знали его настоящаго положенія. Японо-китайская война 1894 г. показала уже истощеніе Китая, и если онъ не подвергся немедленному нападенію, то только благодаря тому, что иностранныя державы сдерживаютъ другъ друга. Главная бѣда Китая въ настоящее время заключается въ томъ, чтобы иностранцы, окончательно убѣдившись въ нашей неспособности, не вошли между собою во взаимное соглашеніе относительно раздѣла Китая безъ войны. Если такое соглашеніе между ними состоится, то тогда никакой мудрецъ не можетъ ничего присовѣтовать вашему величеству. Поэтому вамъ необходимо принять мѣры до заключенія этого соглашенія. Положеніе Китая достигло теперь крайнихъ предѣловъ опасности. Вдобавокъ, захватъ въ прошломъ году бухты Цзяо-чжоу нѣмцами еще яснѣе показалъ стремленія иностранцевъ; шумные толки указываютъ на неизбежность войны на крайнемъ востокѣ между Россіей и Японіей. Кто бы ни остался въ ней побѣдителемъ, Китай во всякомъ случаѣ пострадаетъ. Между тѣмъ, великое Небо и славные предки вручили вашему величеству престолъ и поставили на стражѣ его украшенную добродѣтелями особу ея величества въ надеждѣ, что царство будетъ наслаждаться спокойствіемъ безконечные вѣка. Если Китай когда-нибудь подвергнется раздѣленію, то его четырехсотмилліонное желтое населеніе, состоящее изъ китайцевъ, манчжуръ и монголовъ, навѣки обратится въ низкихъ паріевъ и будетъ презираемо и попираемо европейцами. Возсѣдая на подгнившемъ тронѣ, ваше величество, если вы не хотите не заботиться о своихъ интересахъ, то вы должны подумать о томъ, что станетъ съ душами вашихъ предковъ, витающими въ небесахъ, съ ея величествомъ, императрицею-матерью, и съ любовью къ вамъ всѣхъ вашихъ подданныхъ? Вотъ почему я и сказалъ, что унаслѣдованное вами бремя во сто разъ тяжелѣ бремени древнихъ царей.

„Таково бремя, унаслѣдованное вашимъ величествомъ, и такъ грозны опасности вашего времени. Но если бы, несмотря на все это, вашему величеству и угодно было кое-какъ пережить настоящее время, то терпѣть до конца дней вашихъ,—это невозможно. Съ другой стороны, я, при крайней моей ограниченности, вполне сознаю, какъ трудно вашему величеству приступить въ настоящее время къ реформамъ и принимать мѣры къ обогащенію и усиленію Китая, если бы вы этого пожелали.

„Извѣстно, что для упорядоченія государства и спасенія его отъ угрожающихъ ему опасностей, во всѣ времена, существовало только два способа: палліативный („верхушечный“, какъ выражается авторъ) и радикальный. Первый заключается въ устройствѣ финансовъ, организаціи военнаго дѣла и въ выборѣ добрыхъ сосѣдей и поддержаніи съ ними дружественныхъ отношеній; второй—въ устройствѣ государственнаго управленія, въ воспитаніи людей, способныхъ ко всякаго рода дѣятельности, въ смягченіи нравовъ и образованіи сердца. Когда государство находится въ критическомъ положеніи, то нельзя не прибѣгнуть предварительно къ мѣрамъ палліативнымъ; когда же время терпитъ, тогда можно вполне заняться укрѣпленіемъ устоевъ, то-есть, всецѣло обратить вниманіе на радикальный способъ. Въ самомъ дѣлѣ, если во время кризиса мы предварительно не займемся верхушками, то это поведетъ къ гибели корня, и тогда уже не къ чему будетъ заботиться о нихъ, такъ какъ безъ корня онѣ не могутъ стоять. Съ другой стороны, если корень слишкомъ испортится, то и верхушкѣ не на чемъ будетъ держаться, а тогда, какъ бы вы ни любили ее, не будетъ никакого толку. Безъ полного уразумѣнія этихъ двухъ способовъ, безъ самаго тщательнаго взвѣшиванія ихъ относительныхъ достоинствъ и, затѣмъ, систематическаго приложенія ихъ къ дѣлу нельзя никоимъ образомъ обойтись. Для тщательной же оцѣнки ихъ необходимо глубокое знакомство съ современнымъ положеніемъ и ясное пониманіе внутренней и внѣшней политики, такъ чтобы относительно мѣстонахожденія болѣзни не оставалось и тѣни сомнѣнія. Безъ сомнѣнія это весьма трудное дѣло.

„Утверждая, что современный Китай, ни по богатству и силѣ, ни по уму и мужеству своего населенія, не можетъ равняться съ иностранцами, я не осмѣлился бы бездоказательными рѣчами обманывать ваше величество, унижая себя и восхваляя другихъ. Дѣйствительныя причины этого явленія идутъ издалека... Къ несчастію, въ государственномъ управленіи злоупотребленія постоянно таятся въ продолжительномъ спокойствіи, и политическія

бѣдствія и затрудненія возникаютъ внѣ предѣловъ нашего предвидѣнія. Такое явленіе замѣчалось во всѣ времена. Между тѣмъ, въ настоящее время появились иностранныя государства, которыя, пользуясь быстротою своихъ пароходовъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, устремились въ Китай и разрушили его многовѣковую систему единовластія; кромѣ того, они вступаютъ съ нами въ состязаніе, запасшись умомъ и мужествомъ, богатствомъ и силою, добытыми ими путемъ тысячелѣтней борьбы и соревнованія. Благодаря этому, наше такъ-называемое продолжительное благоденствіе и спокойствіе принимаетъ видъ разстройства и недолговѣчности. Такихъ перемѣнъ, какія мы видимъ въ настоящее время, не могли знать не только ваши царственные предки, но ихъ не могли предвидѣть такіе мудрецы, какъ Чжаугунъ ¹⁾, Конфуцій, Чэнъ-хао ²⁾ и Чжу-си ³⁾, обстоятельно и подробно толковавшіе о принципахъ государственнаго благоустройства и заботившіеся о будущихъ поколѣніяхъ.

„Въ настоящее время ваше величество въ управленіи государствомъ, съ лицами, помогающими вамъ въ немъ, руководствуетесь только готовыми узаконеніями вашихъ царственныхъ предковъ, или же завѣтами древнихъ мудрецовъ, дѣлая изъ тѣхъ и другихъ выборки и приспособляя ихъ къ потребностямъ правленія; а такъ какъ современная иностранная политика не могла быть извѣстна древнимъ мудрецамъ и не была ими предусматрѣна, то, при отсутствіи образцовъ, которые могли бы служить опорой въ принятіи соответствующихъ мѣръ по тѣмъ или другимъ вопросамъ международной политики, мы въ прежнее время хотѣли игнорировать все иностранное и слѣдовать исключительно своей системѣ; но увидавъ, что иностранцы не только не идутъ по нашимъ стопамъ, но часто доводятъ дѣло до разрыва съ нами, отчего наше государство еще болѣе страдаетъ, мы бросились въ другую крайность — стали держаться съ ними мягкой политикой. Но кто бы могъ подумать, что когда мы усвоили эту политику, съ цѣлью достигнуть мимолетнаго спокойствія,—требованіямъ и

¹⁾ Младшій братъ, сподвижникъ и совѣтникъ основателя чжау'ской династіи У-вана, извѣстный своею необыкновенною мудростью и доблестями, направившій государственную политику и заботившійся объ исправленіи нравовъ. Умеръ въ 1105 г. до Р. Хр.

²⁾ Знаменитый ученый и моралистъ XI вѣка (1032—1085).

³⁾ Одинъ изъ знаменитѣйшихъ китайскихъ философовъ и ученыхъ, жившій отъ 1130 по 1200 г. по Р. Хр. Онъ извѣстенъ какъ составитель исторіи Китая и толкователь классическихъ книгъ, комментаріи котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ признавались непогрѣшимыми.

желаніямъ иностранцевъ не будетъ конца, и что настанетъ время, когда мы будемъ не въ состояніи болѣе терпѣть!.. Такъ какъ современное положеніе Китая далеко не то, что было въ древности, то и современные дѣятели его, хотя не могутъ быть неодинаковы по своимъ качествамъ преданности, почтительности, честности и правдивости съ дѣятелями прошедшихъ временъ, должны, однако, для спасенія государства отъ современныхъ затрудненій, для веденія его иностранной политики и содѣйствія ему во внутреннемъ управленіи, тщательно вникнуть въ разницу, существующую между древностью и современностью, и всесторонне ознакомиться съ иностранными государствами. Вслѣдствіе этого ихъ политическое ученіе и представленія вашему величеству также будутъ отличаться отъ ученія и представленій глубокой древности; а такъ какъ все отличное отъ старины не было предметомъ изученія и основательнаго знакомства ни для вашего величества, ни для вашихъ ближайшихъ совѣтниковъ, то у васъ нѣтъ средствъ ни узнать этого рода таланты, ни оцѣнить ихъ относительныя достоинства, и такимъ образомъ требуемые таланты остаются сокрытыми, а извращающія истину бредни неприванныхъ политиковъ съ каждымъ днемъ усиливаются. Правда, ваше величество неоднократно издаваемыми манифестами предлагали чинамъ имперіи обратить вниманіе на рекомендацію достойныхъ лицъ, но въ этихъ случаяхъ высшія провинціальныя власти въ своемъ выборѣ не могли не руководствоваться пустою репутаціей рекомендуемыхъ ими лицъ, а центральныя власти—своими личными соображеніями; при всемъ томъ ваше величество употребляли ихъ на службу. Къ сожалѣнію, на практикѣ, не допускающей обмана, эти люди часто портили дѣла. Испортать они дѣло, а ваше величество, все еще не понимая, что это не настоящіе таланты, говорите: „Я призвалъ къ дѣятельности такъ-называемыхъ нынѣ способныхъ людей, а они оказались вотъ какими на моей службѣ. Значитъ, въ Китаѣ положительно нѣтъ способныхъ людей, а если и есть, то они бесполезны для моихъ дѣлъ“. Такимъ образомъ, у вашего величества слабѣетъ стремленіе къ отысканію способныхъ людей, и вмѣстѣ съ этимъ и появленіе такихъ людей становится болѣе затруднительнымъ. А между тѣмъ, способные люди составляютъ устои государства, безъ нихъ невозможны ни поверхностныя, ни коренныя преобразованія. Если бы въ настоящее время вашему величеству угодно было лично приняться за коренныя преобразованія, то отъ этого нельзя ожидать немедленныхъ результатовъ, и я опасаюсь, что, при самой настойчивой и упорной работѣ, вамъ не удастся спасти государство

отъ гибели. Для спасенія его настоятельно необходимо прибѣгнуть къ палліативнымъ мѣрамъ,—а для этого у вашего величества всюду недостаетъ способныхъ помощниковъ. Вотъ почему я и сказалъ, что, при всемъ моемъ невѣжествѣ, я глубоко понимаю, какъ трудно вашему величеству въ настоящее время заняться преобразованіями и озаботиться обогащеніемъ и усиленіемъ государства. Если бы китайскій народъ походилъ на иностранцевъ, то, при видѣ такого опаснаго положенія государства, онъ самъ принялся бы за дѣло и, не теряя головы, постепенно устроилъ бы все, а съ избавленіемъ отъ опасности и съ восстановленіемъ порядка вашему величеству оставалось бы только пользоваться почетомъ и сообразоваться съ желаніями народа. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наше государство положительно достигло бы богатства и силы. Англійская королева Викторія—не болѣе какъ добрая и счастливая государыня, не отличающаяся ни особенною мудростью, ни воинственнымъ духомъ; а король Георгъ просто-таки былъ человѣкъ глупый и неспособный; и если богатство и сила Англіи за послѣднія сто лѣтъ распространились по всему свѣту, затмивъ богатство и силу древняго міра, то этимъ она обязана самостоятельности своего народа. Но китайскій народъ, несмотря на свою многовѣковую цивилизацію, не могъ сдѣлать этого по той причинѣ, что онъ жилъ въ совершенно другихъ условіяхъ и пользовался совершенно другими способами, чѣмъ западные народы. Если же народъ не въ состояніи самъ сдѣлать этого, то это дѣло никакъ не можетъ быть осуществимо помимо инициативы вашего величества.

„Хотя современный строй Китая находится въ большомъ упадкѣ, но онъ былъ доведенъ до этого состоянія, благодаря многовѣковымъ естественнымъ вліяніямъ, породившимъ непоправимую систему взаимнаго выжиданія (т.-е. рутину).

„Теперь, если бы мы, вникая въ положеніе дѣлъ и соображаясь съ условіями времени, вздумали произвести какія-нибудь измѣненія, то стоитъ только приступить къ измѣненію одного, какъ потребуется измѣнить другое; а измѣнивъ другое, окажется нужнымъ измѣнить третье. Отсюда породилась бы путаница. Если же мы ограничились бы преобразованіями только по второстепеннымъ вопросамъ, то это не только было бы бесполезный трудъ, но и самыя преобразованія не могли бы быть долговѣчны...

„За послѣдніе годы по всему Китаю не мало раздается голосовъ о необходимости реформъ съ цѣлью самоусиленія. Одни,

признавая оборону границъ дѣломъ настоящей необходимости, ходатайствуютъ объ организаціи и обученіи арміи и возстановленіи флота. Другіе, находя упорядоченіе финансовъ дѣломъ чрезвычайной важности, рекомендуютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, разработку минеральныхъ богатствъ и основаніе правительственныхъ банковъ; при этомъ, находя неудобнымъ пользоваться во всемъ услугами иностранцевъ, они проектируютъ открытіе разныхъ школъ, для образованія людей съ специальными познаніями. Всѣ эти господа по большей части просятъ о нововведеніяхъ, но никто изъ нихъ не заикается ни однимъ словомъ объ измѣненіи старыхъ порядковъ. Между тѣмъ, при ограниченности государственнаго бюджета, постоянное и безконечное увеличеніе нововведеній и оставленіе на ряду съ ними старыхъ порядковъ, несомнѣнно, приведутъ къ истощенію казны. Я слышалъ, что въ государственномъ управленіи отмѣна старыхъ порядковъ и введеніе новыхъ должны идти въ послѣдовательномъ порядкѣ. Возьмемъ для примѣра слабого человѣка, который желалъ бы укрѣпить свои силы. Хорошій докторъ, приступая къ леченію его, безъ сомнѣнія, будетъ употреблять какъ укрѣпляющія, такъ и очистительныя лекарства; послѣ чего застарѣлое болѣзнетворное начало исчезаетъ, силы больного возстановляются, и мало-по-малу получается результатъ этой системы леченія. Но если врачъ, изъ опасенія повредить больному, будетъ упорно отказываться отъ употребленія очистительныхъ и отвлекающихъ средствъ и исключительно будетъ давать больному сильныя, укрѣпляющія лекарства, то хотя бы на пріобрѣтеніе хорошихъ лекарствъ были затрачены большія деньги, я опасаюсь, что болѣзнь не будетъ излечена, болѣзнетворное начало будетъ съ каждымъ днемъ усиливаться, и смерть послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени. Если вы, ваше величество, благоволите обратить ваши взоры на современную дѣятельность вашихъ совѣтниковъ, то увидите, что она ничѣмъ не отличается отъ дѣйствій врача, старающагося укрѣпить силы больного только при помощи укрѣпляющихъ средствъ. Поэтому я позволяю себѣ думать, что если мы приступимъ къ палліативному леченію нашихъ государственныхъ недуговъ, то, въ виду крайне критическаго положенія, едва-ли спасемъ государство отъ гибели; если же мы займемся радикальнымъ леченіемъ, то оно, безъ искорененія застарѣлыхъ язвъ, также не принесетъ пользы бѣдному и слабому организму. Правда, все это послужило орудіемъ къ созданію силы и богатства иностранныхъ государствъ, и въ настоящее время безъ этого невозможно обойтись. Но только если

это дѣло будетъ вестись безъ надлежащей системы, то существуетъ опасеніе, что въ далекомъ будущемъ оно послужитъ на пользу враговъ, а въ настоящемъ будетъ требовать большихъ затратъ, при чемъ отъ самоусиленія мы, однако, будемъ еще далеко. Какимъ образомъ? А такимъ образомъ, что, при употребленіи палліативнаго метода, есть еще вещи болѣе настоятельныя, чѣмъ спасеніе отъ гибели и стремленіе къ сохраненію существованія, а при употребленіи радикальнаго метода есть еще вещи, которыя должны предшествовать изслѣдованію причинъ и достиженію результатовъ. Забывая свое невѣжество и ничтожество, вѣрнопопдаанный вашего величества, послѣ широкихъ наблюденій надъ современными измѣненіями въ Китаѣ и неотступныхъ думъ о нихъ, хотя вполне убѣдился въ крайней трудности исправленія всего строя Китая, при всемъ томъ осмѣливается обратить вниманіе вашего величества на три пункта, которые необходимо должны предшествовать реформамъ, и на четыре пункта, которые, во время введенія реформъ, прежде всего должны быть приведены въ исполненіе. Пусть голубое Небо накажетъ меня, если я говорю не по чувству патріотизма!

„Первый изъ трехъ пунктовъ, долженствующихъ предшествовать реформамъ, это—снисканіе расположенія иностранныхъ державъ. Несмотря на крайнюю сложность отношеній европейскихъ государствъ, говоря вообще, между ними самыми вліятельными являются Англія и Россія; первая изъ нихъ крайне изолирована, а вторая находится съ Франціей и Германіей въ союзѣ, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы погубить Англію... Англія проникаетъ въ Китай съ моря, а Россія—съ суши. Съ окончаніемъ постройки сибирской желѣзной дороги, она подорветъ торговлю Англіи и такимъ образомъ достигнетъ широкаго осуществленія своихъ замысловъ. Къ несчастію, до окончанія желѣзной дороги, возникла война 1894 года, благодаря которой Корея потеряла опору, мы лишились арміи, а Японія, подточивъ свое сюзеренное государство, въ то же время поставила Россіи преграду въ великомъ предпріятіи, надъ осуществленіемъ котораго она такъ упорно трудилась въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ...

„Иностранная политика подобна морскимъ волнамъ; только что онѣ улягутся, какъ по нимъ начинаютъ носиться и кружиться разныя морскія чудовища; играя на широкомъ просторѣ моря, они никому не причиняютъ бѣдъ. Когда же море забушуетъ и зареветъ, тогда въ хаотическихъ и клокочущихъ водахъ его необузданно песутся во всѣ стороны разныя чудовища,

стремясь къ неудержимому разгулу, уничтожая на своемъ пути поля и жилища. Въ виду этого, если только въ настоящее время есть еще средство къ устраненію бѣдствій, угрожающихъ Востоку, то къ нему крайне необходимо прибѣгнуть возможно ранѣе. Обозрѣвъ положеніе Европы и Азіи, я нахожу, что устранить это бѣдствіе можетъ только одинъ Китай, и въ Китаѣ только одинъ человекъ—это ваше величество. Допустимъ, что ваше величество, вооружившись энергіей, издадите указъ, которымъ министру финансовъ вѣнено будетъ въ обязанность изыскать нѣсколько десятковъ милліоновъ ланъ, для снаряженія эскадры судовъ изъ десяти для сопровожденія вашего величества. Когда все будетъ готово, вы передадите временно бразды правленія ея величеству, вдовствующей императрицѣ, а сами, въ сопровожденіи громадной свиты изъ вашихъ родственниковъ и другихъ знатныхъ и близкихъ людей, отправитесь съ визитомъ ко всѣмъ иностраннымъ государямъ, имѣющимъ договоры съ Китаемъ и объясните имъ, что: „китайскій государь (Сынъ Неба) имѣетъ въ виду устроить миръ, что цѣль его настоящаго посѣщенія заключается въ снисканіи расположенія иностранныхъ государей, для поддержанія всеобщаго мира на Востокѣ, въ интересахъ китайцевъ и иностранцевъ. Отнынѣ всѣ обоюдныя и справедливыя выгоды въ области торговли и международного права будутъ нами допущены въ Китаѣ. Кромѣ того, для достиженія благоденствія, я намѣреваюсь произвести реформы, такъ, чтобы между Китаемъ и иностранными державами, при ихъ содѣйствіи, царили вѣчное согласіе и гармонія. Но тотъ, кто будетъ питать тайные умыслы, незаконно посягать на нашу территорію и разорять нашъ народъ, встрѣтитъ съ нашей стороны, въ союзѣ съ справедливыми государствами, рѣшительный отпоръ“. При такомъ образѣ дѣйствій, не успѣете вы окончить вашу рѣчь, какъ весь міръ станетъ прославлять мудрость и мужество вашего величества, и зло распрей и споровъ на Востокѣ исчезнетъ. Такъ какъ ваше величество переживаете такое время, какого никогда не приходилось переживать ни одному изъ древнихъ государей Китая, то и дѣятельность вашего величества, подъ вліяніемъ требованій времени, должна носить исключительный, небывалый характеръ. Если вашему величеству угодно будетъ внять моему совѣту, то это, съ одной стороны, послужитъ къ увѣковѣченію вашей династіи и прославленію вашихъ предковъ, а съ другой—къ спасенію многомилліоннаго народа и поднятію его энергіи; не говоря уже о томъ, что это поведетъ къ прекращенію нескончаемыхъ всемірныхъ войнъ и соединенныхъ съ ними бѣдствій. Одинъ

этотъ подвигъ поставить васъ выше всѣхъ мудрецовъ древности. Свиданіе между собою государей западной Европы составляетъ явленіе обычное; между тѣмъ какъ путешествіе вашего величества, могущее сопровождаться такими благодѣтельными результатами, будетъ необычайнымъ явленіемъ въ Китаѣ. Что же касается личнаго посѣщенія вами иностранныхъ земель, то оно послужитъ къ ознакомленію вашего величества съ сходными и несходными сторонами въ образѣ правленія и въ нравахъ китайцевъ, и западныхъ народовъ, каковое знакомство принесетъ намъ столько пользы, при исправленіи и измѣненіи нашего строя сообразно требованіямъ времени, что я не въ состояніи подробно перечислить ее.

„Второй изъ пунктовъ, долженствующихъ предшествовать реформамъ — привлеченіе къ себѣ любви народной. „И вооруженіе у васъ отличное, и хлѣба много,—говоритъ Мэнъ-цзы,—но народъ оставляетъ все это и бѣжитъ“. Другой ученый сказалъ: „Мудрый государь имѣетъ крѣпкій городъ, и кромѣ того народъ готовъ умереть за него; тогда онъ съ своимъ народомъ остается въ живыхъ. Когда народъ готовъ раздѣлять опасности своего государя, тогда тотъ и другой наслаждаются миромъ“. Знаменитый поэтъ сунской династіи, Су Дунъ-по (1036—1101 г. до Р. Хр.) неоднократно совѣтовалъ своему государю обращать главное вниманіе на то, чтобы привязать къ себѣ сердца народа. Поэтому мы не видимъ въ исторіи ни одного примѣра, чтобы, при существованіи любви народной къ своему государю колебались основы государства. Это чувство, безспорно, имѣетъ громадное значеніе въ эпоху единовластія, но въ періоды равномѣрнаго распредѣленія власти и равносилія значеніе его усугубляется. Вотъ почему вашему величеству слѣдуетъ со страхомъ и трепетомъ обращать постоянное вниманіе на привлеченіе къ себѣ сердецъ народа.

„Со вступленіемъ вашей высокой династіи, по изволенію Неба, на китайскій престолъ, первую ея заботою было уничтоженіе дурного правленія предшествовавшей династіи, изданіе законовъ и особенное вниманіе къ народу. Уголовные законы, повинности и служба особенно обратили на себя самое тщательное вниманіе. При одиннадцати царственныхъ отрасляхъ настоящей династіи, въ теченіе 250 слишкомъ лѣтъ, не было ни одного случая безчеловѣчной казни (?!), несправедливыхъ налоговъ и жестокой службы. Счастливо и мирно жили китайцы; нѣкоторые изъ нихъ всю жизнь не знали ни налоговъ, ни службы. Такимъ образомъ, любовью къ народу манчжурская ди-

настія не только далеко оставила за собою прежнія династіи, но даже всѣ современныя ей большія и малыя государства всего свѣта. И однако, несмотря на такія милости къ народу вашего дома и такую заботливость его о немъ, я еще позволяю себѣ совѣтовать вашему величеству привязать къ себѣ крѣпкими узами сердца народа. Это я дѣлаю не почему-либо другому, какъ потому, что къ доброму правленію, когда оно долго продолжается, привыкають какъ къ чему-то естественному, и народъ не сознаетъ благодѣяній его; а когда въ широкихъ размѣрахъ развивается взяточничество и чиновничій классъ выжимаетъ народные соки, тогда въ народѣ начинается недовольство. Но что особенно печально, это—когда между правительствомъ и народомъ образуется широкая пропасть и между ними прекращается всякая связь, такъ что хотя бы армія и народъ и желали проявить свою любовь къ вашему величеству, но имъ не откуда проникнуть къ вамъ.

„Въ западныхъ государствахъ, съ которыми я знакомился, замѣчается, что въ большинствѣ случаевъ республиканскія арміи дерутся чрезвычайно упорно и не легко побѣждаются; при способномъ главнокомандующемъ противники ихъ разсѣиваются. Такъ было при Вашингтонѣ и Наполеонѣ I въ началѣ его дѣятельности. Затѣмъ, когда правители и управляемые съ каждымъ днемъ становились ближе другъ къ другу и рѣшительно образовывали какъ бы одну семью, съ ласковымъ обращеніемъ и словомъ наставленія однихъ, покорностью и послушаніемъ другихъ, то такое состояніе уже уступало первому. Но хуже всего, когда, вслѣдствіе разницы въ положеніи, обусловливаемой знатностью главнокомандующаго и величіемъ государя, между ними и народомъ и войскомъ образуется разрывъ, и приходится привлекать людей на службу при помощи выгодъ и удерживать ихъ мѣрами строгости. Хотя люди, по природѣ своей, не всѣ въ одинаковой степени отличаются храбростью или трусостью, но жажда жизни у всѣхъ одинакова. Несмотря на это, въ бою они сражаются на смерть, не отступая, безъ сомнѣнія, потому, что къ этому они побуждаются неудержимымъ чувствомъ благодарности, долга, пользы и вреда. Въ самомъ дѣлѣ, въ республиканскихъ государствахъ арміи потому и отличаются особою силою, что хотя война и признается дѣломъ общимъ, но въ сущности она тождественна съ личною борьбою; защищается общее достояніе—государственная территорія, и поражается общій врагъ. Побѣда всѣмъ приноситъ и радость, и славу; поражение всѣхъ повергаетъ въ скорбь и покрываетъ позоромъ; поэтому каждый изъ

участвующихъ въ сраженіи рвется впередъ и, будучи отбитъ, не обращается въ бѣгство. Во второмъ случаѣ, человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувства благодарности и по сознанию долга; вдобавокъ къ этому, вслѣдствіе взаимной близости между государемъ и управляемымъ имъ народомъ, въ наградахъ и наказаніяхъ непремѣнно соблюдается справедливость, а потому каждый увѣренъ, что о немъ позаботятся: раненъ онъ или искалченъ—ему дадутъ пенсію на пропитаніе и леченіе; умеръ онъ или погибъ—жена и дѣти не будутъ терпѣть голода и холода. При такихъ условіяхъ, каждый также повліяется умереть и не оставить поля сраженія. Совсѣмъ другое дѣло, когда, благодаря величію государя и знатности главнокомандующаго, между ними и народомъ открывается глубокая пропасть. Тогда народъ привлекается въ военную службу выгодною и удерживается въ ней строгостью.

„Многое въ современномъ Китаѣ заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія и горькихъ слезъ; но ничто такъ не больно и не прискорбно, какъ отчужденіе народныхъ сердецъ; каждый заботится о своихъ личныхъ интересахъ, никто не думаетъ о своихъ соплеменникахъ, о преданности къ государю и о любви къ отечеству. Взгляните на дѣятельность нашихъ гражданскихъ, военныхъ властей и арміи и настроеніе народа во время занятія Ляо-дуна японцами въ 1895 г. и захвата Цзяо-чжоу нѣмцами въ прошломъ году! Какъ человѣкъ, у котораго еще есть чувство стыда, я долженъ скрывать язвы моего отечества и не могу всего высказать вашему величеству.

„Ваше величество, вы, вѣроятно, слышали о естественныхъ наукахъ? Объясняя законы природы, естествоиспытатели говорятъ, что цѣлость всякаго предмета и крѣпость сопротивленія его разрушенію обусловливаются непремѣнно присутствіемъ громаднаго количества притягательной силы между вещественными частицами, его составляющими. Только при существованіи взаимнаго притяженія и поддержки, предметъ пріобрѣтаетъ силу сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ и сохраняетъ свое существованіе. Когда же предметъ разрушается, то притягательная сила между частицами, его составляющими, совершенно исчезаетъ, и онъ разлагается. Между частицами, составляющими современный Китай, можно сказать, также уже не существуетъ притягательной силы, и потому онъ можетъ оказать такое же сопротивленіе иностранной силѣ, какое гнилое мясо—острому ножу. Какъ бы то ни было, но не негодуйте, ваше величество, на отсутствіе совѣсти въ народѣ, а обратитесь также къ самому

себѣ за средствами привлечь его къ себѣ. Въ дѣлѣ привлеченія народа главная задача заключается въ томъ, чтобы овладѣть его сердцемъ, а сердце есть такая таинственная и тонкая машина, которую нельзя приобрести ласковыми словами и пустыми фразами. Въ настоящее время подданные вашего величества находятся на попеченіи не болѣе нѣсколькихъ тысячъ окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, а ваша армія состоитъ подъ командою только нѣсколькихъ сотъ офицеровъ. Изъ 10 такихъ начальниковъ и командировъ, 8—9 обкрадываютъ своихъ подчиненныхъ, которые давно уже не видятъ свѣтлаго дня. Ваше величество по своему величію уподобляетесь Небу, а начальники и командиры страшны, какъ злые духи: они не заботятся о пропитаніи народа и войска, и послѣднимъ не къ кому обратиться съ жалобами на обиды и притѣсненія; денно и нощно начальники изощряются въ поборахъ и побояхъ. Народъ, родившійся въ извѣстной общинѣ, не знаетъ, куда обратиться ему свою привязанность; а солдатъ, принадлежащій къ извѣстному отряду, не знаетъ, за кого ему сражаться. Такимъ образомъ, народъ совершенно забылъ царскую силу вашего величества. Но не долженъ ли онъ былъ сдѣлать это?.. А коль скоро народъ не умѣетъ любить свое отечество, то хотя бы ваше величество ежегодно затрачивали неограниченныя суммы на приобретение новаго оружія и на обученіе арміи по самоновѣйшимъ иностраннымъ системамъ,—это не послужило бы ни къ чему. Въ обычное время, на смотрѣ такая армія представила бы великолѣпное зрѣлище по совершенству обученія и искусству, а въ минуту опасности, на полѣ ратномъ, она послѣдовала бы по прежнему пути. Съ утратою образа самодержавной власти, какая польза выставить противъ врага эту армію? Кромѣ того, она едва ли и достигнетъ такого совершенства. Мнѣ могутъ возразить, что въ древнія времена китайская армія была также сильна и, безъ практики, усвоенной западными народами, оказывалась пригодною. Съ этимъ я позволю себѣ не согласиться. Извѣстно, что качество предметовъ опредѣляется изъ сравненія, и въ особенности это справедливо по отношенію къ войску. Война—это есть соперничество, и о ней можно говорить съ надеждою на побѣду только тогда, когда мы ни въ чемъ, что касается военнаго дѣла, понимаемаго въ широкомъ значеніи этого слова, не уступаемъ врагу; въ противномъ случаѣ, пораженіе обнаружится и безъ сраженія. Въ настоящее время врагъ Китая—не западный чело-вѣкъ. Что же касается внутреннихъ смутъ, то онѣ производятся грубыми разбойничьими шайками; а потому въ сраженіи съ ними

можно имѣть успѣхъ и при употребленіи грубыхъ средствъ. Вотъ почему Синскій и Хуайскій отряды ¹⁾, считавшіеся въ прежнее время образцовыми, въ настоящее время даже не заслуживаютъ упоминанія, и если войска будутъ организованы по ихъ образцу, то пораженіе ихъ несомнѣнно. Почему? Потому что имъ придется мѣряться силами съ другими людьми. Въ настоящее время, Китай по своей организаціи совершенно отличается отъ заморскихъ странъ, и въ немъ невозможна та простота отношеній между государемъ и народомъ, какая существуетъ въ нихъ. Однако, въ виду того, что съ военнымъ дѣломъ связано самое существованіе государства, крайне необходимо до известной степени подражать въ немъ иностранцамъ. Поэтому я просилъ бы ваше величество на обратномъ пути изъ путешествія по чужимъ краямъ, о которомъ я имѣлъ уже честь докладывать вамъ, лично посѣтить приморскія провинціи, дозволить народу собираться посмотрѣть на васъ, привѣтствовать васъ и познакомиться съ своимъ государемъ, а также лично произвести смотръ расположеннымъ тамъ войскамъ, заклиная ихъ быть мужественными и энергичными. Въ недавнее время, когда русскій государь во время коронованія и англійская королева по поводу 60-лѣтняго юбилея своего царствованія гуляли и пировали между своими подданными, дозволяя имъ смотрѣть на себя и удостоивая ихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ, всеобщій восторгъ и благодарность были такъ велики, что каждый былъ готовъ пожертвовать за нихъ жизнью. Всѣ понимающіе люди говорили тогда, что это народъ годный. Подобнымъ же образомъ и китайскій народъ любитъ своего государя. Но только ваше величество удалились отъ него, и потому онъ таятъ эту любовь въ своемъ сердцѣ; но стоитъ только вызвать ее, какъ она скажется съ неимоверною силою, и при видѣ ея враждебныя государства сдѣлаются осторожны. Если вы заставите любить себя все четырехсотмилліонное населеніе Китая, то для вашего величества не будетъ тогда ничего невозможнаго и недостижимаго. Это крайне важное условіе, которымъ нельзя пренебрегать.

„Третій пунктъ, долженствующій предшествовать введенію реформъ, это—искорененіе захвата власти. Я слышалъ, что, при введеніи реформъ въ государствѣ, встрѣчаются два затрудненія: подавленіе авантюризма (искательства счастья) и уничтоженіе захвата власти. Авантюристы—это люди новые, а властолюбцы—люди старые. Конечно, подавленіе авантюризма—дѣло затрудни-

¹⁾ Два отряда милиціонеровъ, составленныхъ въ пятидесятыхъ годахъ для борьбы съ грознымъ возстаніемъ тайпинговъ, подавленіе котораго приписывается имъ.

тельное, но уничтоженіе властолюбія еще труднѣе. Откуда же это извѣстно? Въ эпоху подъема дѣятельности въ государствѣ, невозможно не открыть доступа къ почестямъ и, въ ожиданіи выдающихся дѣятелей, вельзя не установить исключительныхъ наградъ. При этомъ случаѣ, авантюристы, не имѣющіе никакого внутренняго содержанія, объятые духомъ наживы и почестей, заводятъ связи, обращаются въ ходячихъ политиковъ, мало того, втираются въ дома вліятельныхъ лицъ и подносятъ имъ подарки, съ цѣлю добиться мѣста. Хотя такому искателю счастья и удастся получить мѣсто, но ему трудно удержаться на немъ, если онъ окажется человѣкомъ совершенно негоднымъ: или его недостатки будутъ разоблачены цензоромъ, или же онъ потерпитъ неудачу вслѣдствіе своей неспособности, и тогда, безъ сомнѣнія, его постигнетъ несчастіе. Поэтому, подавленіе авантюризма въ сущности легко. Что же касается властолюбія, то съ нимъ испоконъ вѣковъ трудно было справиться. Дѣло въ томъ, что всѣ авантюристы—люди ничтожные, тогда какъ между властолюбцами, или людьми, забирающими власть въ свои руки, встрѣчаются и почтенные люди. Но только такой почтенный человѣкъ, если онъ не знакомъ съ современными дѣлами и не вникаетъ въ истинный смыслъ условій и законовъ, съ жаромъ будетъ держаться своего односторонняго взгляда и горячо отстаивать его, не обращая вниманія на наказаніе и исключеніе изъ службы. То, на что онъ постоянно ссылается, это—уставы предковъ или изреченія древнихъ мудрецовъ, которые должны имѣть обязательную силу для владыки народа. Къ тому же человѣкъ по своей природѣ болѣе любить рутину и боится переменъ, а потому людей, раздѣляющихъ мнѣніе такого человѣка, всегда бываетъ много, а когда ихъ много, то даже самъ государь не въ состояніи одержать надъ ними верхъ, какъ это доказывается множествомъ историческихъ примѣровъ, между которыми мы можемъ указать на Ванъ-Анъ-ши ¹⁾. Предложенныя имъ новыя

¹⁾ Знаменитый поэтъ, ученый и государственный человѣкъ (1021—1086 г. по Р. Хр.) ближайшій довѣренный совѣтникъ сунскаго императора Шэнь-цзуна, благодаря неограниченному довѣрію котораго ему удалось провести свою теорію государственнаго управленія, состоявшую повидимому въ расширеніи обязанностей администраціи до степени небывалой въ Китаѣ. Наиболѣе извѣстныя изъ реформъ его—система краткосрочнаго кредита земледѣльцамъ подъ посѣвы и всеобщей милиціонной повинности подъ круговою порукою. На практикѣ эти благодѣтельныя мѣры, благодаря злоупотребленіямъ низшихъ чиновъ, приводившихъ ихъ въ исполненіе, не принесли тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нихъ можно было ожидать. Вся система пала еще при жизни автора ея со смертію его покровителя Шэнь-цзуна, благодаря вліянію новаго министра Сы-Ма-гуана.

мѣры, хотя и не всѣ согласовались съ принципами, тѣмъ не менѣе являлись невольнымъ средствомъ для выхода изъ тогдашнихъ затрудненій. Къ сожалѣнію, эти мѣры имѣли мало сторонниковъ и поборниковъ, и много противниковъ. Поднялись партійные споры, результатомъ которыхъ былъ окончательный упадокъ сунскаго государственнаго управленія. Вотъ какой вредъ наносить государству захватъ власти даже людьми достойными. Что же касается захвата власти людьми недостойными, дѣйствующими съ большимъ искусствомъ, то трудно исчислить вредъ, причиняемый ими государству. Захватъ власти людьми достойными въ большинствѣ случаевъ происходитъ отъ неполноты знанія и односторонности взгляда, тогда какъ захватъ власти людьми недостойными исходитъ изъ личной корысти. Когда государство наслаждается продолжительнымъ миромъ, тогда являются люди, которые, ссылаясь на законъ, пользуются выгодами во всеомъ вѣдомствѣ центральнаго и провинціального управленія, и отъ всякаго распоряженія, изъ того и другого исходящаго. Кромѣ того, при продолжительномъ дѣйствіи закона, порождается масса злоупотребленій, и потому количество лицъ, получающихъ отъ этого личную выгоду, еще болѣе увеличивается. Если въ одно прекрасное утро правительство объявитъ, что оно желаетъ измѣнить такой-то законъ, то противъ этого всѣми мѣрами и всѣми силами возстанутъ тѣ лица, которыя имѣли личныя выгоды отъ этого закона и съ уничтоженіемъ котораго они лишались ихъ. Поэтому, чѣмъ болѣе извѣстный законъ вреденъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ немедленнаго измѣненія; но чѣмъ безотлагательнѣе измѣненіе его, тѣмъ оно труднѣе; потому что степень поврежденности извѣстнаго закона прямо соотвѣтствуетъ количеству личныхъ выгодъ, отъ нея получаемыхъ, а размѣръ получаемыхъ личныхъ выгодъ находится въ прямой пропорціи со степенью трудности измѣненія его. Людямъ недостойнымъ, конечно, безъизвѣстно, что измѣненіе закона принесетъ пользу государству; но дѣло въ томъ, что отъ неизмѣненія закона страдаютъ общіе интересы всего государства, а отъ измѣненія его—ближайшее бѣдствіе постигнетъ однѣ ихъ личныя выгоды; а такъ какъ общественная польза—дѣло далекое и трудно уловимое, а ближайшее бѣдствіе непосредственно касается ихъ самихъ, то въ концѣ концовъ недостойные люди не промѣняютъ ихъ на интересы общественные. Вотъ почему западные социалисты и утверждаютъ, что общество станетъ сильнымъ и прогрессивнымъ только тогда, когда частныя лица будутъ жертвовать собою для общества. Къ тому же, трудность введенія реформъ въ современномъ

КитаѢ находится внѣ зависимости отъ усвоенія западныхъ методовъ. Стоитъ только, чтобы количество людей, интересы которыхъ должны пострадать отъ реформъ, было велико, и тогда, — хотя бы эти реформы были основаны на классикахъ и наставленіяхъ предковъ, — было бы невозможно, даже съ такимъ авторитетомъ въ рукахъ, бороться съ людьми, захватившими власть въ свои руки. Въ настоящее время, объединеніе мѣръ, вѣсовъ и монетной системы является однимъ изъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, предусмотрѣнныхъ обрядниками и уложеніемъ. Кромѣ того, тѣ государства, въ которыхъ нѣтъ единства мѣръ, вѣсовъ и денежной системы, по общему математическому закону, непремѣнно бѣднѣютъ; а въ КитаѢ въ этомъ отношеніи существуетъ такая путаница, которой нѣтъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Несмотря на все это, когда явилось одно лицо, желавшее организовать для вашего величества систему денежнаго обращенія, и предложило ввести по всему Китаю монету одного вѣса и пробы, — что повело бы къ искорененію лжи и обмана и, благодаря свободному обращенію, доставило бы государству неисчислимыя выгоды, — предложеніе это, подвергнувшись обсужденію министерства финансовъ, было найдено имъ совершенно неосуществимымъ. Почему?..

„Ликийный сборъ¹⁾ является одною изъ вредныхъ мѣръ въ финансовомъ управленіи Китая. Когда я заговаривалъ съ иностранцами объ увеличеніи пошлинъ, то англичане постоянно отвѣчали мнѣ на это: — отъ взиманія Китаемъ ликийнаго сбора мы не страдаемъ; точно также и размѣръ его является дѣломъ второстепеннымъ. Но для купца, затрачивающаго капиталъ на производство торговли, требуется, чтобы существовалъ опредѣленный тарифъ, и тогда только онъ можетъ высчитать прибыль и не потерпѣть убытка. Между тѣмъ, въ КитаѢ станціи для взиманія ликийнаго сбора разбросаны безъ всякой опредѣленной системы: то на разстояніи 10 ли (5 верстъ) вы встрѣчаете таможенный постъ, то на разстояніи 100 ли — заставу!

„Взиманіе установленныхъ налоговъ съ народа составляетъ общее право всѣхъ государей. Но незаконные налоги, доставляя казнѣ ограниченную пользу, причиняли большой вредъ народу. Если подвести общій счетъ, то мы увидимъ, что не мало государственныхъ богатствъ расходуется незамѣтнымъ образомъ. Но попробуйте, ваше величество, произвести реорганизацію, и вы

¹⁾ Сборъ, установленный съ провозныхъ товаровъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, для покрытія расходовъ на военныя нужды.

увидите, какъ отнесутся къ этому генераль-губернаторы, губернаторы и другія власти. Судя по этому, если бы вашему величеству угодно было произвести реформу въ системѣ нашихъ экзаменовъ, то, безъ сомнѣнія нашлись бы люди, получающіе выгоду отъ существующей системы, которые признали бы реформу неудобною. Ваше величество захотѣли бы замѣнить луки и стрѣлы ружьями и пушками, шаланды—пароходами, перемѣнить натуральную хлѣбную повинность—въ денежную, приложить иностранныя методы при укрѣпленіи береговъ Желтой-рѣки,—но есть люди, получающіе отъ всего этого выгоду, которые найдутъ реформы по всѣмъ этимъ вопросамъ весьма неудобными. Однимъ словомъ, какъ я сказалъ выше, чѣмъ болѣе вредоносенъ извѣстный законъ, тѣмъ большее число людей будетъ отстаивать его, и, слѣдовательно, тѣмъ труднѣе будетъ измѣнить его. безъ всякаго отношенія къ тому, будетъ ли онъ измѣненъ въ иностранномъ, или въ китайскомъ смыслѣ. Конфуцій сказалъ: „Можно ли съ низкимъ человѣкомъ служить государю? Нѣтъ, нельзя; потому что, подъ вліяніемъ опасенія потерять свои личныя выгоды, онъ готовъ на все“. Низкій человѣкъ предпочтетъ равнодушно смотрѣть на гибель отечества, чѣмъ пожертвовать для него хоть однимъ днемъ своего личнаго благоденствія. Впрочемъ, люди, захватившіе власть въ свои руки и пользующіеся ею исключительно для своихъ выгодъ, по моему мнѣнію, сами не разсчитливы. Ихъ можно уподобить вреднымъ насѣкомымъ на деревѣ, или паразитамъ на тѣлѣ человѣка, которые самодовольно высасываютъ изъ нихъ соки, не думая о томъ, что, когда они высосутъ изъ нихъ всѣ соки, дерево засохнетъ, человѣкъ умретъ, а съ ними вмѣстѣ погибнутъ и они сами. Между тѣмъ, если бы эти недостойные люди измѣнили свою систему, поставивъ на первомъ планѣ интересы государства и общества, а свои личные отодвинувъ на второй планъ, то хотя бы они лично и не получили выгодъ, но эти выгоды могли бы выпасть на долю ихъ потомства, не говоря уже о выгодѣ жить въ богатомъ и могущественномъ государствѣ. Поэтому, я позволю себѣ замѣтить, что если ваше величество будете управлять современнымъ Китаемъ, не прибѣгая къ реформамъ, то пусть и будетъ такъ; но если вы будете настаивать на реформахъ, остерегайтесь, чтобы не попасть въ руки людей, преслѣдующихъ исключительно свои личные интересы. Реформы всегда сопровождались распрями; потому что если бы этого не было и онѣ совершались бы безъ затрудненій, то никогда не было бы случаевъ гибели династій. Извѣстно, что цѣли государей отличны отъ цѣлей людей обыкновенно.

новенныхъ; послѣдніе заботятся только о себѣ и о своемъ семействѣ, хотя и между ними встрѣчаются челоѣколюбивыя и добродѣтельныя натуры, которыя забываютъ себя, чтобы спасти другихъ. Что же касается вашего величества, то ваша цѣль заключается въ доставленіи пользы государству и спокойствія управляемому вами народу. Одинъ древній философъ сказалъ: „Хотя при чесаніи гребнемъ и падаютъ волосы, тѣмъ не менѣе люди не перестаютъ чесаться, потому что вреда мало, а пользы много“. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно изъ-за личнаго огорченія нѣсколькихъ лицъ жертвовать общимъ, государственнымъ благосостояніемъ? Поэтому, если не покончить съ дѣломъ захвата власти, реформы окажутся пустымъ звукомъ. Если вы, ваше величество, дѣйствительно имѣете намѣреніе приступить къ реформамъ и стремиться къ обогащенію государства и созданію его могущества, то вамъ стоитъ только рѣшиться на это.

„Три вышеизложенные пункта крайне необходимо привести въ исполненіе до введенія реформъ, потому что, безъ снисканія расположенія иностранныхъ государствъ, случаи посягательствъ на территорію будутъ повторяться массами, и у васъ не будетъ даже времени заняться реформами. Далѣе, если вы не привлечете къ себѣ сердца народа, то чувства его отшатнутся отъ васъ, патриотизмъ войска ослабѣетъ, и у васъ не будетъ средствъ сопротивляться чужеземнымъ захватамъ, такъ что расположеніе державъ, хотя бы вы имъ и заручились, также не послужило бы ни къ чему. Наконецъ, безъ прекращенія захвата власти нельзя будетъ шевельнуться, и потому реформы, хотя бы вы ихъ пожелали, не могутъ быть безъ этого осуществлены. Если вашему величеству дѣйствительно угодно будетъ внять моимъ совѣтамъ и послѣдовательно осуществить ихъ, то это послужитъ стимуломъ къ возвращенію стараго счастливаго времени“.

П. Поповъ.

Пекинъ.
Май—іюнь, 1898 г.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ПАЛАЦКАГО ВЪ ЧЕШСКОЙ ПРАГѢ, ВЪ 1898 ГОДУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ А. Н. ПИПИНУ.

I.

Вы взяли съ меня слово, дорогой Александръ Николаевичъ, когда я отправлялся въ Прагу на съѣздъ,—куда вы хотя были приглашены, но не могли поѣхать,—чтобы я передалъ вамъ мои впечатлѣнія по поводу этого событія, которое не могло не интересовъ васъ, какъ знатока и любителя славянскаго міра, вступающаго нынѣ въ новый фазисъ бытія, причемъ, конечно, славянскій вопросъ получаетъ новую постановку.

Мы оба, какъ мнѣ помнится, наблюдали—я въ первый разъ, а вы, вѣроятно, не въ первый—чешскаго историка и политика въ 1867 году, въ С.-Петербургѣ, когда онъ отправлялся въ Москву на этнографическую выставку. Онъ былъ уже пожилой человѣкъ лѣтъ 69, сѣдой, задумчивый, малоподвижный и молчаливый. Настоящимъ ораторомъ пріѣзжей западно- и южно-славянской дружины являлся зять Палацкаго, Владиславъ Ригеръ, но руководителемъ группы былъ несомнѣнно самъ Палацкій, народный чешскій вождь и патріархъ. По обстоятельствамъ тогдашняго времени московскій съѣздъ не могъ быть общеславянскимъ, никто изъ моихъ земляковъ-поляковъ не могъ въ немъ участвовать, не навлекая на себя подозрѣнія либо въ неискренности и при-

творствѣ, либо въ измѣнѣ своему народному чувству и достоинству. Я полагаю, что еслибы и вы рѣшились поѣхать на выставку въ Москву въ 1867 г., то вы бы почувствовали, что обрѣтаетесь въ неподходящей вамъ средѣ. У насъ въ Россіи какъ будто бы заведено относиться къ славянскому вопросу только сентиментально, а никакъ не рационально. Откликаются громче другихъ, когда зайдетъ рѣчь объ этомъ вопросѣ, только такія лица, которыя питаютъ въ себѣ несбыточные и противныя чешскимъ народнымъ чувствамъ мечтанія о возможности, если не теперь, то въ будущемъ, общенія съ братьями-славянами на основаніяхъ единовѣрія, единоначалія и даже единойзычія. Съ тѣхъ поръ какъ пріѣзжали къ намъ славяне на выставку 1867 г., прошло слишкомъ 30 лѣтъ, все придунайское славянство преобразилось, въ Австро-Венгріи произошло нѣсколько самыхъ крупныхъ и коренныхъ перемѣнъ, но утопіи остались у большинства тѣ же, какія были въ то минувшее время, безъ малѣйшихъ уступокъ, безъ всякаго приближенія къ дѣйствительности. Пражскій съѣздъ 1898 г. памятенъ будетъ тѣмъ, что не могъ не повліять прямо или косвенно на ихъ разсѣяніе и не содѣйствовать ихъ опроверженію. Судить о значеніи этого съѣзда слѣдуетъ не только по заранѣе заготовленнымъ торжественнымъ рѣчамъ въ засѣданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и при закладкѣ памятника Палацкому, но въ особенности при болѣе свободныхъ застольныхъ рѣчахъ и бесѣдахъ членовъ съѣзда за обѣдами, при угощеніяхъ. Необходимо принять въ соображеніе и письменные документы, заготовленные для съѣзда, напримѣръ изданія учрежденной въ началѣ 1897 г. девятичленной комиссіи для чествованія имени Палацкаго по случаю приближавшагося дня 14-го іюня 1898 г., когда истекало сто лѣтъ со времени его рожденія. Изъ этого рода изданій, которыя были розданы въ Прагѣ всѣмъ членамъ съѣзда, обращаю ваше вниманіе особенно на книгу въ 726 страницъ in 8° убористой печати подъ заглавіемъ: *Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého*. Книга издана иждивеніемъ чешской матицы; редактировали 1-ое и 3-е отдѣленія Императорской Чешской Академіи Франца-Іосифа и представители чешскаго научнаго общества. 42 писателя приняли участіе въ этомъ сборномъ трудѣ (39 мужчинъ и 3 женщины), въ томъ числѣ Ригеръ, дочь Ригера Червинкова и сынъ Палацкаго, Янъ Палацкій, профессоръ университета, два француза (Louis Léger и E. Denis), два англичанина (Maurice и Morfill), одинъ профессоръ варшавскаго университета (Зигель) и три нѣмца (Helfert, Zimmermann и Köpl). Сочиненія

ненія трехъ послѣднихъ сотрудниковъ помѣщены на нѣмецкомъ языкѣ, а всѣхъ остальныхъ иностранцевъ—въ переводахъ на чешскій языкъ. Знаменитѣйшій современный чешскій поэтъ Ярославъ Врхлицкій почтилъ память чествуемаго великаго чеха стихотвореніемъ; другіе сотрудники либо сообщали личные воспоминанія объ умершемъ, какъ о близкомъ своемъ знакомомъ (напримѣръ, чешскій историкъ Томекъ), либо предлагали критическія оцѣнки дѣятельности его—научной, художественной, общественной и политической. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ работъ особенно выдѣляются по своей содержательности двѣ статьи: одна—Іосифа Калоуска (о руководящихъ идеяхъ въ историческомъ трудѣ Палацкаго) и другая—Адольфа Срба (о политической дѣятельности Палацкаго). Никто, конечно, изъ пріѣзжихъ гостей не могъ ознакомиться съ содержаніемъ этого увѣсистой сборника до и во время празднествъ, но теперь, когда я перечитываю эту книгу на досугъ, пользуясь эмскими водами, предомно воскресаетъ мощный образъ этого весьма крупнаго чешскаго дѣятеля и патріота. Я теперь въ состояніи дать по этой книжкѣ обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: какъ великъ былъ этотъ человекъ и что онъ представлялъ собою по сравненію, на примѣръ, съ другими его сверстниками и однолѣтками, съ славянами Мицкевичемъ (родившимся въ 1798) и Пушкинымъ (въ 1799 г.), съ французомъ Огюстомъ Контомъ (род. 1798) и, наконецъ, съ не стоявшимъ съ названными мною лицами на одной высотѣ, но тоже незабвеннымъ и имѣющимъ восторженныхъ почитателей—нѣмцемъ, Генрихомъ Гейне (род. 1799 г.). Все, что скажу о Палацкомъ, будетъ взято изъ указаннаго мною чешскаго сборника, особенно въ моихъ глазахъ авторитетнаго потому, что онъ сочиненъ почти сплошь чехами и прошелъ сквозь самую строгую чешскую національную критику,—слѣдовательно, Палацкій изображенъ въ немъ, какъ понимали его соотечественники его и какъ они желаютъ, чтобы понимали его и иностранцы. Затѣмъ, я займусь изложеніемъ того, какія имѣли цѣли и задачи устроители съѣзда, созывая его. Наконецъ, я коснусь того, какъ осуществились въ дѣйствительности эти цѣли и задачи, въ чемъ заключаются осязательные результаты съѣзда, то-есть, собственно, въ какомъ настроеніи разстались съ чехами пріѣзжіе гости, направляясь къ своимъ роднымъ мѣстамъ.

II.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія у всѣхъ народностей западно- и южно-славянскихъ произошло ихъ національное возрожденіе въ смыслѣ культурномъ, начавшееся съ поэзіи и вообще съ литературы и имѣвшее ближайшую связь съ умственнымъ движеніемъ западно-европейскимъ, извѣстнымъ подъ кличкою *романтизма*. Это возрожденіе проявилось даже въ племенахъ, утратившихъ свою политическую самобытность, переработавшихъ свою исторію и разучившихся употреблять свой языкъ въ смыслѣ литературнаго органа. Для подобнаго возрожденія необходимы были два условія: живое, прочувствованное сознаніе своего племенного своеобразія и пламенная любовь и привязанность къ родному. Обоиими этими чувствами былъ въ высокой степени одушевленъ моравецъ Франтишекъ Палацкій, родившійся 14 іюня 1798 г. въ Годславицахъ, на южномъ склонѣ гряды Бескидовъ, отдѣляющей отъ Карпатскаго хребта. Онъ былъ сынъ народнаго учителя и по вѣроисповѣданію—протестанта-лютеранина. Учился онъ въ нѣмецкихъ заведеніяхъ въ Венгріи въ Тренчинѣ, а потомъ въ Пресбургѣ, готовился къ духовному званію, но покинулъ эту мысль, когда познакомился съ философіею Канта и когда въ немъ очнулось свободомысліе, которое было у него, можно сказать, въ крови и по наслѣдству. И въ Богеміи, и въ Моравіи протестантство имѣло корень гуситскій. Послѣ паденія гуситства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, оно было преслѣдуемо, но продолжало существовать подъ именемъ „чешскихъ братьевъ“. Въ 1787 г., изданъ былъ при Іосифѣ II патентъ о свободѣ вѣроисповѣданія для протестантовъ, какъ лютеранъ, такъ и кальвинистовъ. Чешскіе и моравскіе протестанты поспѣшили тогда приписаться къ лютеранамъ, а венгерскіе—къ кальвинистамъ. Гуситскій элементъ въ Палацкомъ опредѣлилъ и дальнѣйшее направленіе его дѣятельности. Въ глазахъ Палацкаго надъ исторіею его родины носится и теперь ореолъ той вѣковѣчной славы, что она опередила всѣ европейскіе народы по части свободы вѣроисповѣданія; что, начиная съ 1419 г., Богемія сдѣлалась первымъ въ христіанствѣ свѣтскимъ, такъ-называемымъ „нововѣковымъ“, государствомъ; что она поставила впервые, хотя и преждевременно, задачу, которую не удалось ей какъ слѣдуетъ разрѣшить, объ освобожденіи человѣческаго духа отъ гнета средневѣковаго авторитета. Такъ какъ Палацкій имѣлъ умъ широкій, способный къ историческому пониманію со-

бытій, донскивающійся во всѣхъ великихъ борьбахъ челоѣчества картины состязанія двухъ противоположныхъ силъ, одинаково узаконенныхъ въ томъ смыслѣ, что въ каждой изъ нихъ есть частица истины (Калоусекъ называлъ это свойство его ума „полярностью“ его міросозерцанія), то онъ понималъ, что въ концѣ концовъ побѣждаетъ изъ этихъ двухъ противоположныхъ началъ лучшее, но что всякая побѣда обходится не безъ, сожалѣнія достойныхъ и невознаградимыхъ, потерь. Палацкій былъ до того безпристрастенъ, какъ историкъ, что его жизнеописатели въ сборникѣ не рѣшаются сказать, былъ ли онъ лично въ душѣ своей протестантъ, или католикъ (Kalousek, стр. 202). По словамъ сына Палацкаго (Jan Palasky, стр. 129), отецъ его сдѣлалъ въ завѣщаніи два отказа на двѣ католическія церкви и выразился однажды такимъ образомъ: „католицизмъ имѣетъ основаніе быть признательнымъ протестантству: оно его охранило отъ византизма, въ которое бы католицизмъ неминуемо погрузился“.

Историкъ Гельфертъ называетъ Палацкаго *veliký muž, veliký vlastenec* (т.-е. великій патріотъ, стр. 106). Вникая въ сущность этого патріотизма, Калоусекъ находитъ, что у Палацкаго онъ—особаго рода, потому что Палацкій считалъ его посредствующею ступенью между животнымъ себялюбіемъ и всеобъемлющимъ челоѣколюбіемъ или гуманностью, которая ставитъ завѣтъ: не дѣлай другому, чего для себя не хочешь (слова Палацкаго на славянскомъ съѣздѣ 1848 года). Патріотизмъ Палацкаго совмѣщался въ немъ съ необычайною умѣlostью приискивать наиболѣе прямые и подходящіе къ практическому осуществленію его средства. Въ первой половинѣ XIX вѣка (до 1848 г.) средства эти заключались для Богеміи въ созданіи живого народнаго литературнаго языка и въ возстановленіи для народа его исторіи, которую онъ забылъ и такимъ образомъ потерялъ. Какъ трудна была эта задача, повидимому далеко превосходящая силы отдѣльныхъ лицъ, о томъ можно судить по нижеслѣдующимъ характернымъ даннымъ.

Въ 1813 году, 15-лѣтній юноша Палацкій учился въ Пресбургѣ въ лицѣ, гдѣ преподаваніе производилось на латинскомъ языкѣ. Другъ его отца, чехъ Бакошъ, спросилъ его о значеніи нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ чешской книгѣ. Оказалось, что Палацкій зналъ меньше, нежели вопрошавшіе его; устыдившись своего незнанія, онъ сталъ изучать сочиненія Амоса Коменскаго. Въ своихъ запискахъ Палацкій подъ 1819 годомъ отмѣтилъ, какъ весьма непріятное для него событіе, свой споръ съ товарищемъ по лицу, Бенедикти, въ присутствіи другого то-

варища обонхъ, Шафарика, уже поступившаго въ іенскій университетъ. Бенедикти серьезно утверждали, что чехи не могутъ имѣть великаго историка, потому что не совершили никакихъ великихъ историческихъ дѣяній. „Развѣ мы господствовали?— говорилъ онъ.—Гдѣ наше государство? безъ государства не можетъ быть историческаго духа“. Колебавшійся между беллетристическимъ творчествомъ, къ которому онъ чувствовалъ расположеніе, и исторіею, Палацкій рѣшилъ посвятить себя исторіи. Въ 1823 году, онъ прибылъ въ Прагу, гдѣ и остался на всю свою жизнь, до своей кончины, въ 1876 году. Здѣсь сразу приняли въ немъ участіе ученые Юнгманъ и Добровскій. Последний познакомилъ его съ графами Штернберками, нуждавшимися въ труженникѣ, который, разобравши ихъ фамиліные архивы и заглянувъ въ историческіе источники, составилъ бы ихъ родословную и исторію ихъ рода. Эта работа исполнена была Палацкимъ столь блистательно, что и другіе чешскіе вельможи, Чернины, Кинскіе, Кламъ-Мартиницъ, обратились къ нему съ такими же порученіями. Въ 1827 г., королевское ученое общество чешское возложило на Палацкаго трудъ изданія народныхъ лѣтописцевъ. По выходѣ въ свѣтъ въ 1836 г. перваго тома „Чешской исторіи“, Палацкій, по представленію земскаго выбора Богеміи, то-есть выборной управы отъ засѣдающихъ въ богемскомъ сеймѣ сословій, назначенъ исторіографомъ Богеміи. Еще раньше того, подъ числомъ 20 декабря 1825 г., у Палацкаго въ его запискахъ имѣется интересная замѣтка объ одной послѣ-обѣденной бесѣдѣ его съ Добровскимъ и съ графами Каспаромъ и Францемъ Штернберками, продолжавшейся до поздней ночи. Чтобы опѣнить всю жизненность происходившаго въ этой бесѣдѣ спора, необходимо имѣть въ виду, между какими людьми онъ происходилъ. Всю жизнь свою посвятившій изученію древняго чешскаго языка, Добровскій относился къ нему какъ къ языку мертвому, совсѣмъ отжившему; самъ онъ писалъ только по-нѣмцки. Аристократы Штернберки были весьма образованные люди и на свой манеръ чешскіе патріоты, но мыслили и разговаривали въ обществѣ только на нѣмецкомъ языкѣ, подобно русскимъ людямъ временъ Екатерины II и Александра I, привыкшимъ объясняться только по-французски. Предсѣдатель чешскаго музея, Каспаръ Штернберкъ, жаловался на то, что чешскій народъ относится вполнѣ безучастно къ хорошему и дорого стоявшему музею. Палацкій, не разъ уже упрекавшій Добровскаго за не-писаніе на чешскомъ языкѣ, сталъ доказывать, что въ равнодушіи народа виновато само музейное начальство, что

оно должно содѣйствовать національному пробужденію и заговорить къ народу на родномъ его языкѣ. Его собесѣдники слушали его съ недовѣріемъ. Когда много лѣтъ спустя, въ 1850 г., одинъ высокій сановникъ богемскій, Фалькъ, мать коего была кровная чешка, высказался однажды такимъ образомъ: „Boehmen kann nie slavisiert werden, wozu also für einen Boehmen das Traum eines Slavenreiches“,—то это выраженіе всѣмъ показалось уже анахронизмомъ и отмѣчено было какъ нѣчто возмутительное; но въ 1825 г. убѣжденія, подобныя Фальковымъ, были въ ходу между самими чехами и принимаемы были ими какъ неопровержимая истина. „Я сказалъ моимъ собесѣдникамъ,—записалъ Палацкій,—что если всѣ мы будемъ скрываться, то весь нашъ народъ погибнетъ отъ недостатка духовной пищи. Будь я цыганъ, будь я послѣдній потомокъ этого племени, я все-таки считалъ бы долгомъ всячески содѣйствовать тому, чтобы честная память о моемъ народѣ осталась по крайней мѣрѣ въ исторіи человѣчества“. Къ словамъ этимъ Добровскій и Каспаръ Штернберкъ отнеслись какъ къ увлеченію молодого энтузіаста, но Францъ Штернберкъ потакалъ Палацкому. Бесѣда имѣла тотъ результатъ, что органъ чешскаго музея сталъ издаваться на двухъ языкахъ, на чешскомъ и на нѣмецкомъ.

III.

Громадный успѣхъ Палацкаго, какъ историка, объясняется совпадениемъ въ его лицѣ рѣдко совмѣщающихся качествъ: онъ умѣлъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ рыться въ архивахъ, онъ былъ острый критикъ, а сверхъ того художникъ-живописецъ, какъ повѣствователь. Этими дарованіями располагалъ притомъ человѣкъ цѣльный, послѣдовательный, идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, одушевленный пламенною любовью къ родинѣ и ко всему человѣчеству. Силы его росли по мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ его колоссальная работа. Онъ раскапывалъ прошлое, до того забытое, что современники имѣли впечатлѣніе, будто извлекаются изъ земли какіе-то новые Помпеи. Откапываемое прошлое было красивое, живое и столь близко связанное съ настоящимъ, что оно ставило передъ современниками вполне готовые практическіе идеалы, къ которымъ по примѣру предковъ и имъ бы слѣдовало стремиться. Палацкій бралъ исторію съ ея практической стороны, и былъ глубоко убѣжденъ въ истинности Тацитоваго изреченія, что исто-

рія должна быть наставницею людей: vitae magistra. Его исторія Богеміи есть произведеніе далеко не безупречное, многіе его взгляды не могут не считаться уже превзойденными и отжившими. Идя слѣдами Мацѣвскаго и Лелевеля, Палацкій слишкомъ идеализировалъ славянъ. Онъ дѣлилъ племена и народы на тихіе, вольные, мирные, къ которымъ относилъ древнихъ грековъ и славянъ, и на воинственные, властные, хищническіе, къ которымъ причислялъ римлянъ и германцевъ. Жизнь человѣчества Палацкій понималъ какъ борьбу противоположныхъ началъ, кончающуюся тѣмъ, что эти начала проникаются взаимно и приходятъ къ устойчивому равновѣсію. Двѣ были міровыя духовныя силы, которыя взаимно прониклись и объединились: христіанство и древне-классическая образованность; и двѣ великія матеріальныя силы: Римъ и германцы, изъ которыхъ послѣдніе завладѣли Римомъ и усвоили себѣ все, что было здороваго и крѣпкаго въ римскомъ мірѣ. Примиреніе и уравниженіе двухъ господствъ: духовнаго и матеріальнаго, выразилось въ средніе вѣка въ двоевластіи папы и императора, двухъ всемірныхъ по коренной идеѣ и безусловныхъ авторитетовъ. Когда къ концу XIV вѣка оба авторитета пошатнулись и обнаружили явные признаки своего разложенія и упадка, когда завелись и спорили другъ съ другомъ три папы и три императора, тогда въ сердцевинѣ Европы, въ небольшой странѣ, составляющей западную окраину славянства, омываемую, какъ полуостровъ, съ трехъ сторонъ волнами Нѣмецкаго моря, среди борьбы между славянствомъ и нѣмецествомъ, черезъ которое просачивалось и римское начало, произошло со стороны славянства освободительное движеніе, клонящееся къ ниспроверженію обоихъ авторитетовъ—и папы, и императора, въ пользу свободы совѣсти, руководимой однимъ лишь священнымъ писаніемъ (Гусъ), и въ пользу совершенно свѣтскаго государства въ нововременномъ духѣ (богемскій король Юрій Подѣбрадъ). Это новшество въ концѣ концовъ восторжествовало въ западной Европѣ, мы имъ теперь пронижены, мы имъ дышемъ, но оно взяло верхъ лишь послѣ многихъ жертвъ и неудавшихся попытокъ. Первою жертвою своего почина сдѣлалась сама Богемія, которая пала не столько вслѣдствіе того, что нѣмецкій элементъ физически одолѣлъ элементъ славянскій, но больше еще потому, что задача была крайне трудна и не по силамъ образованному классу, отступившему отъ родныхъ началъ, усвоившему себѣ нѣмецкій феодализмъ и неравенство состояній и приложившему руку къ закрѣпощенію свободнаго до того времени сельскаго простонародья. Намъ, восточнымъ по отношенію

къ Чехіи славянамъ, вполне понятно ретроспективное историческое направленіе, которое мы сами въ свое время переживали; оно—превзойденная точка зрѣнія; ему мы обязаны польскимъ месіаниззмомъ, русскимъ славянофильствомъ. На только-что вспыхнувшей наполеоновскими войнами почвѣ, послѣ бродившихъ космополитическихъ идей французской философіи, имѣвшей дѣло только съ отвлеченнымъ, не дифференцирующимъ человѣкомъ, съ его столь же отвлеченными и практически неосуществимыми прирожденными правами, начинали всходить растенія новаго посѣва—націонализмы, сдѣлавшіеся главнымъ явленіемъ XIX вѣка. Всякій націонализмъ, опредѣляя свои неясныя еще для него самого требованія, прибѣгалъ къ ретроспективнымъ идеаламъ, то-есть, воображалъ себѣ, что они были поставлены уже въ прошедшемъ, и въ этомъ самообольщеніи находилъ громадную силу, точно міеологическій гигантъ Антей въ прикосновеніи къ матери своей, землѣ. Хотя идеи Палацкаго излагаемы имъ были въ строго-научной формѣ и по научному методу, но онѣ не могли не казаться революціонными близорукому косному правительственному режиму эпохи Меттерниха, основанному на бюрократической централизаціи въ нѣмецкомъ духѣ въ пестрой, изъ разныхъ лоскутковъ спитой, монархіи. Возможность распространенія этихъ идей, несмотря на суровую предварительную цензуру и духовную, и свѣтскую, объясняется только поддержкою, оказываемою Палацкому со стороны высокородныхъ чеховъ патріотовъ, засѣдавшихъ въ земскомъ выборѣ или управѣ, а также тѣмъ, что въ 1848 году, когда послѣ февральской революціи цензура была отмѣнена, Палацкій дошелъ въ своемъ трудѣ только до появленія Гуса на историческомъ поприщѣ. Исторію послѣдующихъ временъ онъ доканчивалъ въ полной уже свободѣ печати и въ часы досуга, остававшіеся свободными отъ политической, дѣятельности, въ которую онъ былъ вовлеченъ въ 1848 г. Его историческій трудъ въ пяти томахъ не доведенъ до роковой для чеховъ битвы у Бѣлой-Горы 1620 г., которая имѣла для Богеміи то самое значеніе, какое имѣли для Польши ея три раздѣла въ концѣ XVIII вѣка. Исторія Палацкаго обрывается на 1529 году. Какъ ни велики были заслуги Палацкаго, какъ чешскаго историка, онъ, можетъ быть, не сдѣлался бы извѣстнымъ внѣ предѣловъ своей родины и не послужилъ бы поводомъ къ международному съѣзду, не всемірному, правда, но все-таки всеславянскому, если бы его не выдвинула впередъ западно-европейская революція 1848 г., среди которой Палацкій сдѣлался политикомъ, вѣское и убѣжденное слово котораго имѣло рѣшаю-

щее значеніе въ критическіе моменты и повліяло не только на его родную Богемію, не только на Австрію, но и на совокупность международных отношеній въ цѣломъ объемѣ славянской группы европейскихъ народовъ. Политической суматохи, ознаменовавшей 1848 годъ, избѣгла одна только Россія подъ властною рукою Николая I. Австрія была ею поколеблена, можно сказать, до самого дна. Поставленъ былъ даже ребромъ вопросъ о возможности существованія этой кучи національностей, ненавидящихъ себя взаимно и держащихся подъ однимъ началомъ только потому, что онѣ были нанизаны на одну династическую нитку подъ самодержавною властью одного государя-вотчинника, пріобрѣтшаго ихъ не завоеваніями, а либо по наслѣдству, либо по фамилінымъ и инымъ трактатамъ (*Tu, felix Austria, pube*). Съ точки зрѣнія націоналистической теоріи, предполагающей, что сколько есть національностей, столько должно быть и отдѣльныхъ государствъ,—само существованіе Австріи представлялось нелѣпостью; она должна была повидимому распасться на свои составныя части, когда не станетъ центрального правительства. Правительство въ 1848 г. на нѣкоторое время какъ будто бы исчезло; возникло нѣчто подобное вавилонскому столпотворенію и смѣшенію языковъ. Два фактора произвели этотъ переворотъ: съ одной стороны, свободолюбивый конституціонализмъ, какъ дальнѣйшій фазисъ французской революціи конца XVIII вѣка, а съ другой стороны—пробуждающіеся націонализмы. Понятно, что при подобномъ политическомъ движеніи не могъ не быть призванъ въ работѣ лучшій знатокъ и толкователь народной исторіи, значить—естественный наставникъ и руководитель. Государственные люди бываютъ двухъ родовъ: одни, годящіеся особенно въ правители—они обыкновенно оппортунисты, люди гибкіе, мастера сочинять всякіе компромиссы, не стѣсняющіеся послѣдовательностью, лишь бы главныя намѣченныя ими цѣли были тѣмъ или другимъ способомъ сполна или отчасти осуществлены; и другіе—вожаки партій, люди строго послѣдовательные, воплощающіе въ себѣ совѣсть народа, его понятія о добрѣ и злѣ, его честность. Палацкій былъ вполне государственный человѣкъ второго рода; сынъ его, Янъ, выражается о немъ слѣдующимъ образомъ: „*muž skalo-pevnýsch zasad, a to jednotných a ne kolikeyých, jak to ted' moda*“ (мужъ твердыхъ, какъ скала, убѣжденій, и то однихъ, а не многихъ, какъ то теперь бываетъ въ модѣ). Какъ каждый хорватъ или сербъ назоветъ Штросмайра: „*prvi syn Srbije*“, такъ каждый чехъ назоветъ Палацкаго: отецъ народа или отецъ отечества (*otec vlasti*). По словамъ его жизнеописателя Жилки (*Žilka*, „*F. Palacky*“).

1898), Палацкій оставилъ для чешскаго народа первую политическую программу и указалъ соответствующую этой программѣ тактику. Его авторитетъ былъ безусловно непререкаемъ до 1863 г. Въ 1863 году обозначился расколъ въ чешскомъ лагерѣ, обособились Грегръ и Сладковскій, получившіе названіе младочеховъ; ихъ органомъ стали „*Narodní Listy*“, вслѣдствіе чего главное ядро старочешское, съ Палацкимъ, Ригеромъ и Браунеромъ во главѣ, должно было основать новыи органъ— „*Narod*“. Уже по смерти Палацкаго младочехи одолѣли старочеховъ, но на дѣлѣ оказалось, что эти младочехи идутъ по стопамъ старочеховъ, дѣйствуютъ по той же программѣ, что вся разница между обоими отгѣнками незначительна, что она главнымъ образомъ состоитъ въ большей горячности пріемовъ, а можетъ быть и въ соперничествѣ личныхъ честолюбій. Роли между обоими отгѣнками раздѣлены; на каждой должности чередуются нынѣ представители обоихъ; если какую-нибудь должность занимаетъ младочехъ, то его двойникъ замѣститель, или товарищъ, бываетъ старочехъ, и наоборотъ. Оба направленія принимали равно горячее участіе въ сѣздѣ въ честь Палацкаго. Насъ принимали въ Прагѣ и чествовали городской голова (*starosta města Prahy*), младочехъ Янъ Подлиппный, и товарищъ его (*naměstník*), старочехъ Владиміръ Србъ. Мнѣ остается указать на главные моменты, въ которыхъ Палацкій проявилъ рѣшительнымъ образомъ свой политическій умъ; тогда станетъ ясно, что и донинѣ чешское дѣло продолжаетъ двигаться взмахомъ весель этого могучаго гребца.

IV.

Палацкій въ теченіе всей своей жизни былъ проникнутъ прогрессивными идеями XIX вѣка, былъ либералъ, конституціоналистъ, безусловный сторонникъ равноправности людей, не допускающій никакихъ сословныхъ перегородокъ, но онъ не выводилъ своихъ убѣжденій изъ раціонализма, изъ какихъ-то прирожденныхъ челоуѣку правъ. Онъ ихъ строилъ на воображаемой чисто исторической подкладкѣ, съ отнесеніемъ ихъ корней къ исчезнувшему національному славянскому прошлому. Его поддерживало высшее чешское общество, въ особенности чешское дворянство, никогда не утрачивавшее представленія объ особенномъ положеніи чеховъ въ габсбургской державѣ и о правахъ свято-вацлавской короны. Богемія имѣла нѣкоторый малый остатокъ прошлаго въ такъ-называемыхъ ландштэндахъ, то-есть, въ разносословномъ

земствъ, съ преобладающимъ дворянскимъ оттѣнкомъ и съ борною во главѣ этого земства управою. По желанію земскихъ чиновъ, Палацкій излагалъ въ своихъ чтеніяхъ и запискахъ свои идеи о необходимости отмены феодальной раздѣльности состояній и о желательной децентрализаци. Когда въ 1848 г., вслѣдствіе переворота въ Вѣнѣ, всѣмъ австрійскимъ народамъ пожалована была конституція, а въ Прагѣ съ разрѣшенія императорскаго намѣстника образовано нѣчто въ родѣ временнаго правительства, участвовать въ которомъ приглашенъ былъ Палацкій, то при сильномъ его участіи оно установило полную равноправность въ Богеміи всѣхъ національностей и вѣрь—чеховъ, нѣмцевъ и даже евреевъ, и тотчасъ же натолкнулось на весьма трудный и сложный вопросъ, какъ ему отнестись къ преобразовательному движенію въ объединяющейся Германіи, пытающейся и Богемію втянуть въ свою среду. Королевство Богемія составляло часть священной римской имперіи; по упраздненіи этой имперіи въ 1806 г., она включена, по вѣнскимъ трактатамъ 1815 г., въ составъ германскаго союза, имѣвшаго свое постоянное международное представительство во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Въ этомъ-то Франкфуртѣ съѣхались нѣмецкіе патріоты въ числѣ 50 человѣкъ, образовавшіе по своему почину общегерманскій парламентъ. Они пригласили въ свой составъ выдающихся политическихъ дѣятелей германскаго международного союза, а въ томъ числѣ и Палацкаго. Вѣнскій кабинетъ сочувствовалъ этому предложенію въ виду господствовавшего между вѣнскими нѣмцами лозунга: *inniges Anschluss an Deutschland*. Рѣзкій отрицательный отвѣтъ Палацкаго подѣйствовалъ такимъ образомъ, что 24 апрѣля 1848 г. вѣнскій кабинетъ высказался противъ принятія постановленій франкфуртскаго парламента, а слѣдовательно и противъ всякаго въ немъ участія. Отъ мотивовъ этого отвѣта чехи не отступили и донинѣ, какъ отъ основныхъ положеній своей политической программы. Вся суть ея въ томъ, что австрійскій государь можетъ быть въ какихъ угодно отношеніяхъ къ нѣмецкимъ государямъ и державамъ, но никогда народъ чешскій не сочтетъ себя нѣмецкимъ и не сольется съ Германіею. По взгляду Палацкаго, намѣренія нѣмецкихъ патріотовъ вели къ тому, чтобы умалить Австрію и сдѣлать ее несамостоятельною. „Еслибы совсѣмъ не было существующаго искони австрійскаго государства,—писалъ Палацкій,—то въ интересахъ и Европы, и человѣчества, мы должны были бы всячески стараться, чтобы Австрія была создана“—въ смыслѣ организованной совокупности автономныхъ частей, имѣющихъ общую кровеносную артерію, Дунай, и

далеко отъ Дуная не отступающей. Палацкій объяснялъ необходимость существованія Австріи для Европы и человѣчества, посредствомъ соображеній, неоспоримыхъ въ то время со стороны нѣмецкихъ реформаторовъ: „только союзъ придунайскихъ національностей можетъ предохранить Европу отъ российской монархіи“, которой хотѣлъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противодействовать и Палацкій, не потому, что она русская, но потому, что она была бы *универсальная*. Палацкій сопротивлялся объединяющимся нѣмцамъ не только какъ австріецъ, но и какъ убѣжденный по своему національному чувству вѣрноподанный своего монарха. „Я некомпетентенъ судить,—писалъ онъ,—будетъ ли объединенная Германія республика или не-республика, но мы въ Австріи должны отвергнуть и отогнать всякую мысль о республикѣ. Представимъ себѣ, что она раздѣлится на множество большихъ и малыхъ республикъ—вѣдь это будетъ начало универсальной русской монархіи“. Съ момента обнародованія этого письма Палацкій прослылъ между австрійскими нѣмцами фанатикомъ, ярымъ германофобомъ; въ Вѣнѣ произошло волненіе, когда первый министр Пиллерсдорфъ предложилъ ему портфель австрійскаго министра просвѣщенія. 2 іюня того же 1848 года, въ Прагѣ собирався, затѣянный не Палацкимъ, а другими лицами, общеславянскій племенной съѣздъ съ весьма широкими, но неопредѣленными задачами, кончившійся кровавымъ столеновеніемъ съ войсками на улицахъ Праги въ день Святого Духа и осаднымъ положеніемъ по распоряженію князя Виндишгреца. Палацкій избранъ былъ председателемъ этого эфемернаго собранія. Затѣмъ, въ обще-австрійскихъ учредительныхъ сеймахъ 1848 и 1849 годовъ въ Вѣнѣ и Кромержѣ (Kremsier) онъ развивалъ послѣдовательно и успѣшно свою любимую тему федеративнаго устройства австрійской державы, какъ неизбежное послѣдствіе полной раздѣльности и своеобразности народовъ этой группы при условіи совершенной ихъ равноправности. Послѣ распушенія кромержскаго сейма, австрійская октроированная конституція 4 марта 1849 г. (Стадіоновская) осталась только на бумагѣ, въ дѣйствительности же наступилъ, при Феликсѣ Шварценбергѣ, возвратъ къ полнѣйшему абсолютизму. Когда 21 декабря 1849 г. Палацкій напечаталъ въ газетѣ „Narodní Noviny“ свои идеи о федерализаціи Австріи, то газета была прекращена изданіемъ, а самъ Палацкій едва не былъ преданъ военному суду. Съ 1849 по 1860 г. поприще политической дѣятельности было для него закрыто, и онъ возвратился цѣликомъ къ своей научной дѣятельности.

Въ теченіе десятилѣтняго управленія Австріею Шварцен-

берга и Баха, чистый абсолютизмъ обнаружилъ вполне свою несостоятельность и привелъ къ крупнѣйшимъ пораженіямъ во внѣшней политикѣ. Каждое изъ этихъ пораженій (въ войнѣ 1859 г. съ Франціею изъ-за Италіи; въ войнѣ 1866 г. съ Пруссіею, въ погромѣ подъ Садовой) толкало Австрію на путь внутреннихъ реформъ, децентрализаціи и парламентаризма. Во всѣхъ частяхъ Австріи земскіе сеймы были либо восстановлены, либо вновь заведены. Требовалось вѣнчать государственное зданіе однимъ общегосударственнымъ сеймомъ. Для достиженія этой цѣли пришлось, по почину тогда молодого императора, и самимъ нѣмцамъ федерализовать объединенную бюрократически громаду, что производилось съ величайшимъ трудомъ и при постоянныхъ колебаніяхъ между отжившимъ прежнимъ и проектируемымъ новымъ (дипломъ 20-го октября 1860 Голуховскаго и патентъ 26-го февраля 1861 Шмерлинга). Потуги родовъ были необычайно трудны, во-первыхъ, потому, что австрійскіе народы извѣрились въ октроированныя конституціи, такъ что привлекать ихъ приходилось только посредствомъ особыхъ соглашеній, причемъ народъ венгерскій, имѣвшій, начиная со среднихъ вѣковъ, свою испытанную старинную конституцію, а потомъ всего сильнѣе пострадавшій и расчлененный, относился ко всѣмъ дѣлаемымъ ему предложеніямъ отрицательно; а во-вторыхъ, потому, что федераціонная идея на видъ только проста, въ сущности же она есть величайшее въ европейскомъ быту новшество и находится въ рѣзкомъ противорѣчій, какъ съ историческимъ правомъ, изъ котораго чехи, съ Палацкимъ во главѣ, пытались ее выводить, такъ и съ племенной подкладкою отдѣльныхъ областей. Конечно, федерація возможна, но только при условіи, чтобы федерирующіеся сбратались, иными словами, чтобы они нравственно переродились, а они всегда склоннѣе бывали поѣдать себя взаимно, памятуя—одни, что они были подначальными людьми и терпѣли притѣсненія и обиды, а другіе—что они властвовали и что, слѣдовательно, признаніе равноправности было бы для нѣкогда владычествовавшихъ равносильно отказу отъ преданій ихъ національной исторіи.

На первыхъ порахъ, въ промежуткѣ времени отъ вилафранкескаго мира до погрома подъ Садовою, мадьяры отличались своимъ полнѣйшимъ отказомъ на всѣ дѣлаемыя имъ предложенія и блистали, такъ сказать, своимъ отсутствіемъ. Изъ всѣхъ другихъ земель вѣскія историческія права имѣла одна только Богемія, въ которой хотя меньшинство населенія составляли нѣмцы, расположенные къ централизаціи, но значительнымъ большинствомъ,

то-есть чехами, ставились не получившія еще и донинѣ отказа ходатайства о томъ, чтобы австрійскій императоръ, по примѣру своихъ предковъ, короновался въ Прагѣ короною св. Вацлава. Вслѣдствіе новаго поворота къ централизаціи, совпадающаго съ возложеніемъ должности перваго министра на Шмерлинга, возникъ между чехами вопросъ, не послѣдовать ли примѣру Венгріи и не отказаться ли совсѣмъ отъ посылки богемскихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ. Потерявшій всякую вѣру въ возможность соглашенія съ нѣмцами, Палацкій совѣтовалъ, начиная съ 1861 г., не посылать депутатовъ, но уступилъ, чтобы не дѣлать раскола въ партіи, тѣмъ болѣе, что зять его, Ригеръ, былъ противнаго мнѣнія. Затѣмъ во все продолженіе сеймованія Палацкій настаивалъ, чтобы чехи покинули рейхсратъ, выражая тѣмъ свой протестъ, что они и сдѣлали, переставъ являться въ рейхсратъ съ лѣта 1863 года.

Второе сильное пораженіе извнѣ испытала Австрія въ 1866 г. въ сраженіи подъ Садовою, послѣ котораго она должна была выйти изъ Германскаго Союза, причемъ, конечно, значеніе нѣмецкаго элемента въ ней было ослаблено. Ей предстоялъ одинъ только выходъ: пойти за какою угодно цѣну на сдѣлку съ мадьярами, возстановить Венгрію въ полномъ территоріальномъ ея составѣ, съ ея конституціею, съ ея державнымъ сеймомъ, и устроить ту систему австро-венгерскаго дуализма съ собирающимися періодически делегаціями обѣихъ частей имперіи, которая и теперь дѣйствуетъ и въ которой рѣшающія силы—нѣмцы и мадьяры, а всѣ остальные племена и элементы образуютъ только второстепенные привѣски либо къ Транслейтаніи, либо къ Цислейтаніи. Осуществилось именно то, чего больше всего опасался Палацкій. Вотъ его подлинныя слова (Srb, стр. 577): „Дуализмъ въ какой бы то ни было формѣ гибеленъ для Австріи, онъ даже гибельнѣе, чѣмъ полная централизація; онъ есть двойная централизація. Обѣ противны и природѣ вещей, и праву, а двойное его всегда хуже, чѣмъ единичное“.

Въ то самое время, когда въ Вѣнѣ, въ рейхсратѣ, безъ всякаго участія въ томъ чеховъ, рѣшаемы были указанныя выше перемѣны и дѣлались приготовленія къ коронованію Франца-Иосифа въ Буда-Пештѣ короною св. Стефана, которое и состоялось 7-го іюня 1867 года, Палацкій рѣшился на поѣздку въ Петербургъ и въ Москву, въ маѣ и іюнѣ того же года, на выставку, что съ тѣхъ поръ ставилось ему врагами его постоянно въ вину, какъ родъ протеста противъ своего правительства, съ отгѣнкомъ если не измѣны, то такъ-называетъ

мой нелюбимости по отношенію къ своему государству. Съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни, несмотря на сильно измѣнявшіяся обстоятельства, Палацкій отстаивалъ наложенный имъ на Богемію зарокъ—не посылать въ рейхсратъ чешскихъ депутатовъ. Въ 1870 г., положеніе дѣла было совсѣмъ новое. „Мѣщанскій“ кабинетъ Ауэршперга, нѣмецкій и централистическій, уступилъ мѣсто кабинету графа Альфреда Потоцкаго и Таафе. Такъ какъ послѣ рокового 1863 года въ сознаніи галицко-польскаго общества произошла та перемѣна, что поляки въ Галиціи отказались отъ мечтаній о восстановленіи прежняго польскаго государства и связали свою судьбу съ судьбами Габсбургской династіи и монархіи, то ничто уже не мѣшало сближенію чеховъ съ польскою партіею въ рейхсратѣ, которая ни въ чемъ не могла мѣшать чехамъ въ ихъ національныхъ стремленіяхъ. Еслибы чехи соединились тогда съ поляками, вслѣдствіе чего вокругъ этого ядра могли бы сгруппироваться второстепенныя славянскія и не-славянскія племена, то чехи могли бы уже тогда занять то вліятельное положеніе въ рейхсратѣ, которое они заняли при кабинетѣ Бадени и затѣмъ при кабинетѣ Туна, когда борьба дошла до кризиса и когда ребромъ былъ поставленъ вопросъ, быть ли Австріи двуглавымъ государствомъ, или федераціею равноправныхъ народностей, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни господствующихъ, ни подчиненныхъ. Графъ Таафе поручилъ, въ 1870 г. въ сентябрѣ, Гельферту войти въ переговоры съ чехами. Гельфертъ передаетъ намъ (стр. 101), какъ заупрямился при этомъ случаѣ старикъ Палацкій: „Такъ мы должны пойти въ рейхсратъ, и только тогда намъ дадутъ то, чего мы требуемъ? Да это то же, что сказать намъ: сначала мы вамъ головы отрубимъ, а потомъ вы получите то, чего желаете“. Объ это упрямое—*нѣтъ!* разбились усилія посредниковъ. Пока жилъ Палацкій, чешскіе депутаты не ѣздили въ рейхсратъ. Какъ только они затѣмъ вступили въ рейхсратъ, то дѣла получили иное, но небезнадежное для чеховъ направленіе. Несмотря на острый кризисъ, наступившій въ послѣднее время вслѣдствіе обструкціонизма со стороны нѣмцевъ, можно предвидѣть, что изъ кризиса найдется какой-нибудь благоприятный для чеховъ выходъ. Этой перемѣны отношеній не предвидѣлъ Палацкій; онъ умеръ, однако, спокойный и увѣренный, что его народъ не погибнетъ. Вотъ что писалъ онъ въ концѣ своихъ дней: „Byli sme před Rakousnem, budeme i po něm“ (мы были раньше Австріи, мы и послѣ нея останемся).

V.

Для дополненія характеристики Палацкаго я долженъ еще посвятить нѣсколько словъ его поѣздѣ въ Москву на этнографическую выставку; о цѣляхъ этой поѣздки существуютъ въ Россіи самыя сбивчивыя и превратныя представленія. Драгоцѣнныя данныя по этому предмету имѣются въ Памятномъ Сборникѣ Палацкаго, въ статьѣ парижскаго профессора Лэжэ (Louis Leger, стр. 153).

Собиравшіеся на выставку южные славяне условились съ чехами, Юліемъ Грегромъ, Браунеромъ и другими, съѣхаться въ Прерау. Къ нимъ только въ Вильнѣ применили ѣхавшіе изъ Эйдкунена Палацкій и Ригеръ; они заѣхали предварительно въ самомъ началѣ мая 1867 г. въ Парижъ, чтобы повидаться съ сотрудникомъ „Revue des deux Mondes“, слѣдившимъ за славянскими дѣлами, St. René Taillandier, и съ польскими выходцами—князьями Чарторыскими, генераломъ Замоискимъ и другими, дабы предупредить ихъ, что поѣздка предпринимается не въ непріязненныхъ для поляковъ видахъ, иными словами, чтобы убѣдить поляковъ, что въ намѣреніяхъ ѣхавшихъ нѣтъ ни тѣни такъ-называемаго „панславизма“. Нельзя сказать, чтобы польскіе выходцы отнеслись къ затѣваемой поѣздѣ благосклонно; они скорѣе осуждали этотъ шагъ, не какъ противный польскимъ интересамъ, но какъ составляющій нѣчто въ родѣ измѣны Европѣ и ея цивилизаціи. Даровитый Юліанъ Клячко написалъ противъ Палацкаго статью въ „Revue des deux Mondes“, но въ Парижѣ встрѣтились Палацкій и Ригеръ съ Штросмайромъ и съ горячимъ польскимъ патріотомъ, познакомившимся съ ними на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ 1848, княземъ Юріемъ Любомирскимъ. Оба эти лица поощряли ихъ къ поѣздѣ. Палацкій и Ригеръ обѣщали, что замолвятъ слово за поляковъ въ духѣ примиренія, для успокоенія возбужденныхъ мятежемъ 1863 года страстей. Они тѣмъ охотнѣе дали это обѣщаніе, что передъ тѣмъ они относились устно и печатно самымъ отрицательнымъ образомъ къ польскому мятежу, признавая его несчастнѣйшимъ для славянскаго дѣла событіемъ. По этому своему отношенію къ польскимъ событіямъ они главнымъ образомъ и разошлись съ младочехами. Славянскаго съѣзда собственно и не было въ Москвѣ въ смыслѣ созваннаго кѣмъ-либо по извѣстной программѣ конгресса. Въ Россіи пріѣзжіе славяне приняты были радушно. Янъ Палацкій описываетъ впечатлѣніе, которое произвели на отца и его товарищей

слова, раздавшіяся съ высоты престола, когда они были приняты императоромъ Александромъ II: „Здравствуйте, какъ родные братья въ родной землѣ“. Въ качествѣ австрійскихъ подданныхъ они побывали съ визитомъ у австрійскаго посланника въ С.-Петербургѣ. Ихъ намѣреніе сказать нѣчто въ пользу поляковъ не удалось. Слова ихъ приняты были холодно и не удостоились никакого сочувственнаго отвѣта на пиршествѣ московскомъ 21-го мая 1867 г. Прежніе взгляды Палацкаго на Россію значительно измѣнились во время его поѣздки. То былъ моментъ, когда приводились въ исполненіе и были въ полномъ цвѣтѣ и сіяніи великія реформы Александра II, возбуждая надежды, которыя далеко не всѣ сбылись. Прогрессъ Россіи показался Палацкому гигантскимъ, неимовернымъ. По словамъ Калоуска (стр. 224), Палацкій никогда въ жизни не былъ, однако, панславистомъ, или, какъ выражается Калоусекъ, *панруссистомъ*, ни въ культурномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Въ 1873, за три года до смерти, полемизируя съ профессоромъ Макушевымъ, онъ писалъ (Srb, стр. 594): „еслибы намъ пришлось перестать быть чехами, то намъ было бы все равно—станемъ ли мы нѣмцами, итальянцами, мадьярами или русскими. Чехи сохраняютъ свою народность такъ долго, какъ сами захотятъ. Г. Макушевъ можетъ успокоиться, онъ не найдетъ въ насъ будущихъ русскихъ, а только благорасположенныхъ къ русскимъ ихъ пріятелей, да и то подъ условіемъ взаимной же пріязни“.

VI.

Пражская городская дума (gada) не поскупилась на средства какъ празднованія, такъ и пріема гостей. Намъ передавали, что устроивавшему съѣздъ комитету (výbor) открытъ былъ кредитъ въ 300.000 гульденовъ. Зазванныхъ гостей было болѣе сотни. Приглашенія разсылались по національностямъ на всѣхъ славянскихъ языкахъ. Гости просили объ отвѣтахъ—пріѣдутъ ли они. Для давшихъ утвердительные отвѣты приготовлены были помѣщенія въ первоклассныхъ гостинницахъ, при чемъ наблюдаемо было, чтобы гости группировались по національностямъ въ однѣхъ и тѣхъ же гостинницахъ: такъ, на примѣръ, русскіе были размѣщены въ гостинницѣ „Чернаго-Коня“, а поляки—въ смежномъ съ нимъ „Hôtel de Saxe“. Предупредительность доходила до мелочей, до пріемовъ, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не практикуемыхъ на конгрессахъ. Такъ, на примѣръ, при отъѣздѣ послѣ почти не-

дѣльнаго пребыванія въ гостинницѣ, съ насъ ничего не взяли. Экипажи, въ которыхъ мы ѣхали на закладку памятника, были тоже на счетъ комитета.

Текстъ пригласительныхъ писемъ, обращенныхъ къ „братьямъ-славянамъ“, можетъ объяснить отчасти, въ какомъ духѣ и съ какими предвзятыми цѣлями предполагалось отпраздновать столѣтнюю годовщину рожденія Палацкаго, открытіе ему одного памятника въ музеѣ и закладку другого на площади. Главнымъ мотивомъ празднованія комитетъ ставилъ значеніе Палацкаго культурное, родъ его, какъ дѣписателя чешскаго народа, который изъ нѣдръ забвенія извлекъ дивный кладъ славныхъ дѣяній народа и государства, помѣщающихся въ самой сердцевиנѣ Европы, и доказалъ право этого народа на независимость и на особое мѣсто въ средѣ просвѣщенныхъ народовъ, за чтò онъ и былъ названъ чехами „отцомъ народа“. Его дѣятельности въ продолженіе полу-вѣка родина обязана въ значительной степени своимъ пробужденіемъ и освобожденіемъ отъ несказаннаго угнетенія и душевнаго, и физическаго, въ которое она была повергнута погромами ея въ двухъ предъидущихъ столѣтіяхъ. Такая постановка вопроса несомнѣнно цѣлесообразна и устраняетъ подозрѣніе въ томъ, что подъ именемъ Палацкаго затѣвается какой-то политическій съѣздъ, а вовсе не празднество научное и культурное.

Но комитетъ, не стѣсняясь, рѣшилъ указать на ряду съ великими дѣписательскими заслугами Палацкаго и на меньшія его заслуги по части австрійской политики. Палацкій своею политическою мудростью, отвагою и дальновидностью проложилъ дальнѣйшій путь чешскому народу, составлялъ ему его теперешнюю политическую программу, основавъ ее на стремленіи къ свободѣ и къ тому, чтобы разрозненные члены великаго славянскаго племени, сознавъ себя братьями и спокойно обсудивъ свою взаимную другъ отъ друга зависимость, пріобрѣли для народностей своихъ въ Австріи всѣми доступными имъ способами тѣ же права въ государствѣ, которыми уже пользуются народы нѣмецкій и мадьярскій. Программа эта формулирована Палацкимъ еще въ 1848 г. на славянскомъ съѣздѣ; она не измѣнилась и остается та же и среди остраго кризиса, причинившаго паденіе кабинета Бадени. Она—животрепещущій вопросъ настоящей минуты, но она такого рода, что не выходитъ за предѣлы державы Габсбурговъ и есть внутреннее дѣло австрійской политики, совершенно однородное съ затѣянными одновременно со съѣздомъ Палацкаго другимъ дѣломъ, долженствующимъ разбираться въ пражской ратушѣ, а именно со съѣздомъ австрійскихъ

журналистовъ. На этомъ послѣднемъ сѣздѣ могли присутствовать изъ любопытства и польскіе журналисты изъ Варшавы, и русскіе со всѣхъ концовъ Россіи, но не участвуя въ преніяхъ.

Если главная задача сѣзда Палацкаго касается преимущественно только австрійцевъ, то какимъ образомъ можетъ быть объяснено присутствіе на немъ чужихъ внѣ-австрійскихъ, закордонныхъ гостей съ сѣвера, востока и съ задунайскаго юга? Для оправданія нашего присутствія на сѣздѣ необходимо было комитету прибѣгнуть еще къ третьему положенію, которое бы изъ этого собранія, отчасти національно-чешскаго, отчасти чисто австрійскаго, сдѣлало нѣчто гораздо болѣе общее, а именно всеславянское. Это третье положеніе выражено въ слѣдующихъ словахъ комитетскаго пригласительнаго письма: „Палацкій свою научную и политическую дѣятельность закрѣпилъ точно яко-ремъ (zakotvil) на широкой почвѣ славянской, чѣмъ далъ толчокъ ко взаимному сближенію, каковое сближеніе уже краснорѣчиво и великолѣпно сказалось въ памятномъ сѣздѣ австрійскихъ славянъ, собиравшемся въ Прагѣ въ 1848 г.“ (замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ сѣздѣ участвовали и не-австрійскіе славяне). Такимъ образомъ, выходитъ, что Палацкій былъ и великій чехъ, и великій славянинъ, а потому и въ память пробужденія чешскаго народа, и въ память новаго возбужденія славянской идеи, комитетъ звалъ гостей, простирая къ нимъ руки и объятія: „пріѣзжайте погостить у вашего же очага (krb), въ королевской, златой, славянской Прагѣ; зовемъ васъ отъ всего сердца, pazdar!“ (на здоровье).

Изъ содержанія зазывныхъ писемъ ясно было какъ день, что о Палацкомъ, какъ историкѣ, будетъ говорено только между прочимъ и вскользь, тѣмъ болѣе, что оцѣнка историческаго труда, предпринятаго за семьдесятъ лѣтъ тому назадъ—дѣло научной критики и специалистовъ, а не сѣзда; что Палацкаго будутъ славить преимущественно какъ политика, а такъ какъ въ политикѣ онъ былъ федералистъ, то будутъ превозносить федерализмъ, тѣмъ болѣе, а можетъ быть именно потому, что эта идея уже по смерти Палацкаго сдѣлала необычайно большой шагъ впередъ, вслѣдствіе происшествія небывалаго, необычайно счастливаго для чеховъ, увеличивающаго ихъ силы и обезпечивающаго ихъ на будущее время. Это происшествіе—тѣснѣйшій союзъ чеховъ на конституціонной почвѣ въ средѣ вѣнскаго рейхсрата съ галицкими поляками, образовавшійся при существованіи кабинета Бадени и еще болѣе укрѣпившійся послѣ

паденія этого кабинета. Есть основаніе думать, что этотъ союзъ будетъ проченъ, крѣпокъ, а можетъ быть и нерасторжимъ.

Въ одной изъ статей газеты „Свѣтъ“ г. Комарова (№ 159 сего года) несомнѣнное, необычайно большое теперешнее расположеніе чеховъ къ полякамъ на сѣздѣ Палацкаго объяснено было тѣмъ, что поляки имѣли давнишнія связи съ чехами. Въ сущности дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ, а иначе. Въ теченіе всего XIX столѣтія поляки отличались полнѣйшею невосприимчивостью къ славянской идеѣ, доходившею до враждебности, и подобнымъ же отрицательнымъ отношеніемъ къ австрійской государственной идеѣ, какъ понималъ ее Палацкій, то-есть къ придунайской федерализаціи. Полякамъ долго мещалась ихъ историческая Польша въ границахъ до 1772 г., внутри же австрійской имперіи послѣ 1848 г. они претендовали на такое же привилегированное положеніе, въ какомъ обрѣтались только нѣмцы и мадьяры. Съ чехами поляки дѣйствовали постоянно врознь; ихъ депутаты ѣздили въ рейхсратъ, когда чехи отказывались его посѣщать. Былъ одинъ моментъ, когда послѣ отказа австрійскаго правительства въ принятіи резолюцій или ходатайствъ львовскаго сейма, отъ 24-го сентября 1868 г., относительно извѣстныхъ льготъ для Галиціи, поляки рѣшили въ началѣ 1870 г. послѣдовать примѣру чеховъ и совсѣмъ уйти изъ рейхсрата, послѣ чего дальнѣйшее функціонированіе этого центрального сейма оказалось бы невозможнымъ. Но послѣ неудачи польскаго мятежа въ Россіи 1863 г. и въ особенности послѣ седанскаго погрома Франціи и паденія Наполеонидовъ, въ обществѣ польскомъ въ Галиціи произошелъ полный переворотъ. Возникла партія такъ-называемыхъ *станчиковъ*, отказавшихся отъ ретроспективныхъ мечтаній и связавшихъ польскій элементъ накрѣпо въ предѣлахъ Австріи съ судьбами габсбургской державы. Эта партія вышколилась въ вѣнскомъ сеймѣ, приобрѣла выправку, приучилась дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и не только доставила Австріи нѣсколькихъ государственныхъ людей (Голуховскіе, Альфредъ Потоцкій, Дунаевскій, Бадени); но и оказала чехамъ, вступившимъ наконецъ въ парламентъ уже по смерти Палацкаго, нѣсколько существенныхъ услугъ въ борьбѣ ихъ съ нѣмцами. Въ послѣднее время поляки, дѣйствуя въ интересъ австрійскаго государства, какъ цѣлаго, стали на сторонѣ чеховъ по поднятому младочехами и обострившемуся вопросу о языкахъ въ Богеміи. Чувствуя, что они проигрываютъ, нѣмцы въ парламентѣ прибѣгли къ обструкціонизму, то-есть къ безчинствамъ, къ грубымъ площаднымъ приемамъ въ законода-

тельномъ собраніи. Имъ удалось заставить кабинетъ Бадени подать въ отставку, но нравственное превосходство остается въ парламентской борьбѣ за тою стороною, которая спокойнѣе и сдержаннѣе, такъ что будущая побѣда будетъ, вѣроятно, не на сторонѣ нѣмцевъ. Въ ходу этой борьбы поляки должны были стать на федеративной почвѣ, то-есть усвоить себѣ идеи чеховъ въ томъ видѣ, какъ ихъ проповѣдовалъ Палацкій, и проникнуться тѣми же чувствами. Это небывалое сближеніе съ чехами въ обще-славянскомъ духѣ выразилось во внезапной поѣздкѣ въ Краковъ въ началѣ 1898 г. чешскихъ и другихъ видныхъ парламентскихъ дѣятелей изъ славянъ и въ обратныхъ проводкахъ этихъ почетныхъ гостей до границы единоплеменной съ чехами Моравіи, Прерау,—крупнѣйшими представителями мѣстнаго польскаго общества, которымъ сдѣланы были большія оваціи мѣстнымъ моравскимъ и чешскимъ населеніемъ и властями. Отвѣчая на сердечность сердечностью, галицкіе поляки откликнулись на приглашеніе ихъ въ Прагу чествовать память Палацкаго, какъ не откликнулась ни одна изъ австрійскихъ земель и столицъ. Городскія думы львовская и краковская рѣшили ѣхать въ Прагу не только съ серебрянымъ вѣнкомъ (отъ Львова), но и самолично въ составѣ своихъ городскихъ головъ и четырехъ членовъ своихъ городскихъ управъ. По всему пути отъ Прерау вплоть до Праги ихъ встрѣчали сельскія и городскія населенія почти официально съ развернутыми знаменами и музыкою. Такимъ образомъ, чествованіе Палацкаго осложнилось съ самаго его начала однимъ чисто мѣстнымъ и свойственнымъ только послѣднему времени обстоятельствомъ. Оно должно было выразить и удовольствіе отъ тѣснаго сближенія двухъ подружившихся въ цислейтанской части Австріи національностей, о чемъ, конечно, не знали пріѣзжіе изъ дальнихъ концовъ Россіи, не посвященные въ тайны австрійской политики. Не всѣ русскіе, но нѣкоторые изъ нихъ не могли не оказаться нѣсколько отсталыми въ томъ смыслѣ, что они теперь представляли себѣ западное славянство въ томъ видѣ, въ какомъ они его знавали еще въ 1867 году. Они непрестанно ссылались на московскій славянскій съѣздъ, то-есть собственно не на съѣздъ, а на этнографическую выставку 1867 г. Изъ этого смѣшенія понятій и воспоминаній выходили иногда забавныя недоразумѣнія, на которыя я потомъ укажу. Теперь замѣчу лишь, насколько память мнѣ не измѣняетъ, что ни одинъ чехъ, ни западно- или южно-славянинъ не обмолвился на пражскихъ празднествахъ ни однимъ словомъ про поѣздку славянъ въ Москву въ 1867 г.,

между тѣмъ какъ русскіе пріѣзжіе упоминали о ней почти всѣ въ своихъ рѣчахъ.

VII.

Мнѣ предстоитъ теперь изобразить сѣздъ съ его внѣшней стороны. Задача эта весьма не легка, вслѣдствіе совпаденія нижеслѣдующихъ обстоятельствъ. На празднества предназначены были три дня: суббота 6-го (18-го), воскресенье 7-го (19-го) и понедѣльникъ 8-го (20-го) іюня. Къ этимъ тремъ днямъ прибавился еще въ видѣ пролога пятничный вечеръ 5-го (17-го) іюня на Софійскомъ острову среди рѣки Волтавы, посвященный предварительному ознакомленію другъ съ другомъ сѣзжавшихся гостей, и дополнительный пятый день 9-го (21-го) іюня, посвященный поѣздкѣ въ Кутну-гору и балу на Софійскомъ острову, данному въ честь гостей дамами—пражскими чешками. Въ каждый изъ трехъ главныхъ дней предполагалось совершить какой-нибудь торжественный актъ или обрядъ съ музыкою и пѣніемъ, при чемъ мы должны были насладиться мастерскими хоровыми напѣвами пѣвческаго общества „Глаголь“ и другихъ. Въ первый день, назначено было открытіе бронзовой статуи Палацкаго въ стѣнахъ чешскаго народнаго музея или пантеона. На второй день, на площади у набережной Палацкаго предположено пройти народнымъ шествіемъ всему чешскому народу въ миниатюрѣ, со всѣми его сочлененіями, состояніями, товариществами, школами, съ развернутыми знаменами и при звукахъ безчисленныхъ оркестровъ. Третій день долженъ былъ быть заключительный и прощальный. Важныя засѣданія и серьезные обряды перемежались съ угощеніями и развлеченіями. По вечерамъ мы были приглашаемы въ чешское „дивadlo“, или театръ, выстроенный недавно по народной подпискѣ. Каждый день мы были угощаемы по крайней мѣрѣ два раза обѣдомъ и завтракомъ либо ужиномъ, при чемъ *inter rosula*, но весьма чинно и серьезно, провозглашались тосты и произносились рѣчи въ честь Палацкаго или по поводу Палацкаго. Рѣчей произнесено значительно болѣе сотни—значить, ораторство доходило до истощенія силъ, до переутомленія, до дурноты. Немногіе изъ пріѣзжихъ гостей (десятка полтора) могли объясняться по-чешски,—значить, мы были поставлены въ необходимость говорить каждый на своемъ родномъ языкѣ, при чемъ, къ величайшему нашему удивленію, мы удостовѣрились, что мы отлично другъ друга понимаемъ, или

по крайней мѣрѣ, что хотя попадались въ рѣчахъ незнакомыя намъ слова, но общій смыслъ рѣчей былъ намъ вполне доступенъ и ясенъ. Конечно, не могли попасть въ печать въ полномъ ихъ текстѣ рѣчи не-чешскія, которыя не были потому сообщены на письмѣ ораторами для помѣщенія ихъ въ газетахъ. Особого стола или бюро для стенографовъ не было ни въ одномъ собраніи; притомъ стенографъ, хотя бы и владѣющій нѣсколькими языками, не въ состояніи мысленно и, такъ сказать, на лету переводить слышанное и этотъ переводъ записывать. Еслибы даже мы имѣли подъ руками полный стенографическій отчетъ о происходившемъ, то этотъ сырой матеріалъ едва ли бы годился для непосредственнаго пользованія имъ, потому что въ морѣ словъ, по большей части повторяющихся и банальныхъ, утопали бы, ложась на дно, самыя цѣнныя, характерныя мысли, которыя бы приходилось на досугъ вспоминать, извлекать и сортировать для составленія себѣ самому возможно вѣрнаго и правдиваго представленія о происходившемъ, какъ о чемъ-то цѣльномъ. Я полагаю, что всего лучше справлюсь съ моею задачею, если для распредѣленія матеріала по категориямъ сопоставлю сначала адреса и телеграммы, какъ заранее и на досугъ обдуманые письменные отвѣты на пригласительныя письма, потомъ рѣчи главныхъ ораторовъ чеховъ, какъ устройствъ съѣзда; наконецъ, распредѣленные по національностямъ голоса пріѣзжихъ гостей двойкаго рода, то-есть, либо принадлежащихъ къ тѣснѣйшему австро-венгерскому союзу, либо принадлежащихъ къ болѣе далекимъ странамъ. Послѣдніе изъ нихъ могли интересоваться австрійскими дѣлами и событіями непосредственно, а издали, и любовное ихъ отношеніе къ происходившему могло быть конечно только, такъ сказать, платоническое.

VIII.

Что касается до *адресовъ и телеграммъ*, то чтенію ихъ главнымъ образомъ было посвящено торжественное засѣданіе 18 іюня трехъ ученыхъ чешскихъ обществъ (музея, академіи и научнаго общества) подъ предсѣдательствомъ начальника музея, графа Гарраха. Имъ предшествовала рѣчь ученика Палацкаго, его помощника и продолжателя его работъ по исторіи, профессора Томека, у котораго я позаимствую слѣдующую характеристику великаго покойнаго. „Чешское дворянство противодѣйствовало абсолютизму, но не достигло цѣли потому, что для успѣха дѣла ему надле-

жало бы еще объединиться съ остальными слоями народа. Палацкій оказалъ помощь чехамъ, познакомивъ ихъ съ ихъ историческими правами, чѣмъ подготовилъ народъ къ тому, что народъ сталъ самостоятельно дѣйствовать, когда настала тому пора, въ 1848 г., но Палацкій не дожидъ до надлежащаго осуществленія своихъ надеждъ, какъ не доживемъ и мы по всей вѣроятности“.

Чтеніе писанныхъ, значить мертвыхъ, словъ производить охлаждающее впечатлѣніе. Мнѣ оно всегда напоминало угощеніе сладкимъ мороженымъ, которымъ должны не начинаться, а оканчиваться — вкусные обѣды. Сидѣли приглашенные довольно тѣсно, весьма чинно и безмолвно. Присутствовали и великолѣпно разряженные дамы и мужчины, въ значительной части съ орденами и въ мундирахъ. Польскіе муниципалитеты, львовскій и краковскій, красовались въ своихъ обычныхъ пышныхъ древне-польскихъ костюмахъ. За кресломъ предсѣдателя передъ темною занавѣсью стояли четыре педеля въ тогахъ съ громаднѣйшими булавами въ рукахъ. Послѣ рѣчи Томека опустилась занавѣсь, и мы увидѣли бронзовый лизъ стоящаго великаго человѣка, изображеніе, какъ мнѣ показалось, не особенно важное, хотя въ защиту художника надобно сказать, что фигура Палацкаго была непригодна для скульптуры, мало поэтична, — я ее наблюдалъ вблизи и хорошо въ 1867 г., и могу сказать, что Палацкій былъ больше всего похожъ на зауряднаго учителя или книжника. Пришлось почти пожалѣть, что въ этомъ темномъ залѣ поставленъ не кусокъ мрамора, а бронзовая масса. По условіямъ сѣвернаго климата, мы поставлены въ необходимость сооружать бронзовые изображенія на площадяхъ, но въ закрытыхъ помѣщеніяхъ нѣтъ вещества, которое могло бы сравниться съ мраморомъ.

О телеграммахъ мы узнали изъ газетъ. Были телеграммы отъ отдѣльныхъ лицъ, единичныхъ и собирательныхъ, отъ высшихъ сановниковъ имперіи, напримѣръ отъ Туна, отъ министра финансовъ Кайцля, отъ Штросмайра — вплоть до студентовъ въ различныхъ заграничныхъ столицахъ или городкахъ. Особенное всеобщее вниманіе привлекла одна телеграмма изъ Петербурга за подписью: „В. К. Константинъ“; она вызвала исполненныя раздраженія нападки со стороны нѣмецкой вѣнской прессы, хотя и была послана Августѣйшимъ Предсѣтелемъ с.-петербургской академіи наукъ не отъ своего имени, а отъ имени академіи, — а письменныхъ привѣтовъ отъ иностранныхъ академій было нѣсколько: отъ императорской вѣнской академіи наукъ, поднесенный нашимъ общимъ знакомымъ профес-

соромъ И. В. Ягичемъ, отъ краковской, отъ юго-славянской загребской, отъ королевской бѣлградской. Петербургская телеграмма была лаконична и исполнена достоинства: „Палацкій содѣйствовалъ своими трудами возрожденію и укрѣпленію самостоятельности (само собою разумѣется, культурной) чешскаго народа. Да не оскудѣваютъ чешская земля и славянство такими доблестными мужами!“. Трудно бы и перечестъ всѣ телеграммы и адреса отъ университетовъ, ученыхъ обществъ, всякихъ товариществъ и городовъ. Неизбѣжное свойство поздравительныхъ адресовъ—то, что чѣмъ болѣе они приличны, тѣмъ скорѣе могутъ показаться ординарными и шаблонными. Своею оригинальностью выдѣлялись до извѣстной степени адресъ краковской академіи наукъ и затѣмъ московскіе и петербургскій—отъ славянскаго благотворительнаго общества (такъ-называемаго Кирилло-Мефодіевскаго). Въ краковскомъ адресѣ, прочитанномъ проф. Смолькоу, проводилась та мысль, что послѣ погрома чеховъ въ XVII в. пропалъ самъ народъ чешскій, а отъ государства остались только простонародье и ученые. Простонародье не имѣло литературы, доступа въ школы и на государственныя должности, а чешскіе ученые уже не говорили по-чешски, занимались, правда, стариною, но увлекались какими-то туманными идеалами. Къ идеаламъ относились они съ пѣтетомъ, сознавали себя славянами, но не вѣрили, чтобы они, какъ чехи, могли имѣть право на существованіе. Эту вѣру внушилъ имъ только Палацкій... Два московскіе адреса поднесены были профессоромъ Р. Θ. Брандтомъ, съ которымъ я впервые на пражскомъ съѣздѣ познакомился. Одинъ адресъ, отъ Румянцовскаго Музея, славилъ Палацкаго, какъ высоко поднявшаго смѣлою рукою въ Богеміи знамя всеславянства, а другой—отъ московскаго Общества исторіи и древностей—сопоставлялъ Палацкаго съ Гусомъ и Коменскимъ. Что касается адреса с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, за подписью графа Н. П. Игнатьева, то онъ такого рода, что можно бы было сильно съ нимъ поспорить. Въ немъ сказано, что Палацкій „воскресилъ святой образъ Гуса и эпоху гуситскую, и объяснилъ историческое значеніе этого движенія, которое обезпечило за чехами славное имя въ исторіи взаимнаго отношенія *славянскаго востока и латино-нѣмецкаго запада*“... Затѣмъ адресъ ставитъ въ заслугу Палацкому, что онъ „освѣтилъ опасность, которою грозитъ чешско-моравскому племени нѣмецкій западъ съ своимъ германскимъ высокомѣріемъ (*pychem*) и австрійско-жидовскимъ лже-либерализмомъ“ (*rakousko-židovskim lže-liberalismem*). Подлинный текстъ адреса русскій и былъ прочи-

танъ на русскомъ языкѣ, но онъ, насколько мнѣ извѣстно, не былъ опубликованъ въ русскихъ газетахъ. Онъ появился въ чешскомъ переводѣ и въ этомъ видѣ напечатанъ двукратно въ газетѣ „Narodní Listy“, №№ 166 и 167, отъ 18 и 19 іюня, такъ что отрывки изъ него я предлагаю въ обратномъ переводѣ на русскій языкъ. Адресъ озадачилъ меня немало. Какъ можетъ чешское гуситство быть названо славянскимъ востокомъ, когда оно еще западъ, а не востокъ, и когда оно начало свое ведетъ отъ Вилефа, то-есть, отъ еще болѣе западнаго человѣка и его страны. Сочинять для гуситства невѣрную родословную, выводя его якобы отъ православія, никакъ невозможно, такъ какъ гуситство было прямымъ предтечею протестантства. Оно само по себѣ являлось расколомъ, а православіе зиждется на авторитетѣ. Происхождение гуситства съ востока есть просто мечта воображенія, будемъ ли мы отождествлять его съ православіемъ или съ русскимъ расколомъ, — да у Палацкаго ничего подобнаго никогда въ мысляхъ не было. Крѣпкія выраженія въ концѣ адреса заключаютъ въ себѣ извѣстную дозу если не соли, то по крайней мѣрѣ перца („австрійско-жидовскій лже-либерализмъ“). Въ Австріи имѣютъ вліятельное положеніе евреи на биржѣ и въ прессѣ, но весьма сильны также и антисемиты, напр. Лүгеръ. Палацкій никогда не былъ антисемитомъ. Я отношусь совершенно спокойно къ тому, что эти выраженія могли бы поставить въ неловкое положеніе присутствовавшія въ засѣданіи предержащія власти, императорскаго намѣстника въ Богеміи Куденгова, земскаго маршала князя Юрія Ловковица. Они не знаютъ русскаго языка и вѣроятно не уразумѣли содержанія адреса, такъ какъ онъ читался на русскомъ языкѣ. Но я думаю, что еслибы Палацкій былъ живъ и находился въ числѣ слушателей, то его бы сильно покорило отъ этихъ выраженій. Вѣдь онъ во всю свою жизнь, и по крайней мѣрѣ съ 1848 г. до кончины въ 1876 г., даже и тогда, когда ѣздилъ въ Москву, былъ до мозга костей австріецъ. О немъ не разъ говорили, что онъ по убѣжденіямъ болѣе австріецъ, нежели самъ императоръ. Я остановился на этой мелкой въ сущности подробности, и привожу ее какъ подтвержденіе уже прежде высказаннаго, что въ русской средѣ обращаются самыя сбивчивыя представленія, какъ о Палацкомъ, такъ и вообще о чешскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ.

IX.

По закрытіи торжественнаго засѣданія трехъ ученыхъ корпорацій въ музеѣ, хозяиномъ по дальнѣйшему чествованію памяти Палацкаго всецѣло сдѣлался пражскій староста, или, по нашему, городской голова, Янъ Подлиппный, не старый еще человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, тонкій, живой, рѣчистый, съ огненными глазами и съ откинутыми назадъ длинными черными волосами, съ выразительными чертами лица, которыя, такъ сказать, просятся въ какую-нибудь историческую картину кисти Матейки или Брожика. Не носилъ онъ на себѣ никакого мундира, ни отличительнаго знака, а одѣтъ былъ весь въ черномъ, въ такъ-называемую чечварку—черный однобортный сюртукъ, съ шолковыми на груди черными же шнурами и нашивками.

Еще раньше того, въ пятницу 17 іюня, въ своемъ манифестѣ къ обывателямъ пражскимъ, Подлиппный просилъ ихъ оказать пріѣзжающимъ гостямъ гостепріимство по обще-славянской поговоркѣ: „гость въ домъ—Богъ въ домъ“. Вечеромъ того же дня въ великолѣпномъ въ два свѣта залѣ на Софійскомъ острову онъ открылъ бесѣду между стѣзжающимися гостями и чехами сердечнымъ обращеніемъ къ гостямъ, въ которомъ, однако, явственно сквозили большія или меньшія симпатіи его и чеховъ къ той или другой славянской группѣ по обстоятельствамъ настоящаго момента.

„Привѣтствую васъ,—сказалъ онъ,—дорогіе друзья, и прежде всего—васъ, наиблизайшіе къ намъ нынѣ братья-поляки! затѣмъ и васъ, сердечные братья отъ Криваня (словаки въ Австріи по ту сторону Татровъ), и васъ съ юга отъ Любляны и Савы, братья словинцы, хорваты и сербы,—всѣхъ васъ сердечнѣйшимъ образомъ принимаю. Напослѣдокъ, но никакъ не послѣдними въ любви нашей, привѣтствую васъ, дорогіе друзья изъ святой Руси, а вмѣстѣ съ вами и пріятелей, и братьевъ (галицкихъ) русиновъ. Не могу кончить, не поздравивъ и нашихъ кровныхъ родныхъ, пріѣхавшихъ изъ Моравіи. Всѣмъ вамъ посылаю наше чешское, совольское: па zdar!“

Отвѣчать на это привѣтствіе взялся одинъ изъ русскихъ, профессоръ Брандтъ, который тотчасъ же повернулъ свою рѣчь на этнографическую выставку въ Москвѣ 1867 г. Поляки не могли, конечно, остаться въ долгу отвѣтомъ. Ораторомъ съ ихъ стороны явился молодой еще и бойкій членъ вѣнскаго сейма, Августъ Соколовскій, котораго рѣчь послужила естественнымъ

противовѣсомъ къ рѣчи проф. Брандта. Ссылаясь на федеративныя начала бывшаго польскаго государства, слагавшагося изъ частей, которыя соединялись добровольно по трактатамъ или уніямъ, какъ равныя съ равными, Соколовскій указывалъ на совпаденіе этихъ федеративныхъ данныхъ въ минувшемъ прошломъ Польши—съ современными федеративными стремленіями чешскаго народа, при чемъ упомянулъ, что и чехи принимали участіе въ грюнвальдскомъ бою (15 іюля 1410 г.), при погромѣ тевтонскаго ордена—ссылка не совсѣмъ точная, не совсѣмъ удачная, которою въ слѣдующій же день воспользовался въ своей рѣчи В. В. Комаровъ. Я считаю эту ссылку неудачною потому, что хотя въ грюнвальдскомъ бою принимала участіе на сторонѣ поляковъ наемная чешская рать, подъ командою знаменитаго Яна Жижки изъ Троцнова, но чехи въ бою не участвовали какъ народъ. Табъ какъ у короля Ягеллы были подъ Грюнвальдомъ также и нѣмецкіе наемники, а у Витольда состояли на службѣ и дѣйствовали смоленскій полкъ и татарская орда, то на этомъ основаніи можно бы утверждать, что подъ Грюнвальдомъ одержали побѣду и нѣмцы, и татары. Рѣчь Соколовскаго была безупречна въ томъ отношеніи, что она не содержала ни слова о Руси, о русскомъ, о современной Россіи. Всѣ пріѣзжіе, и русскіе и поляки, безъ всякаго сговора, по внутреннему чутью—*tacito consensu*—поняли, что съ ихъ стороны было бы въ высшей степени неприлично по отношенію къ гостепріимнымъ чехамъ, еслибы они на чужбинѣ въ гостяхъ стали разбираться въ своихъ междоусобіяхъ. По окончаніи рѣчи Соколовскаго, присутствовавшіе изъ русской группы, въ томъ числѣ гг. Комаровъ, Вацликъ и другіе, подходили къ нему и знакомились съ нимъ, чѣмъ, конечно, выражали не усвоеніе ими себѣ основной идеи его рѣчи, но только то, что онъ говорилъ съ тактомъ и велъ свою линію, никого не задѣвая. Я утверждаю, что установившееся на съѣздѣ этого рода перемиріе было строго соблюдено до конца, безъ нарушенія его съ чьей бы то ни было стороны.

19-го іюня, въ воскресенье, при закладкѣ камня подѣ памятникъ Палацкаго, Подлинный дѣйствовалъ уже какъ власть, распоряжался какъ настоящій командиръ. Съ 8 часовъ утра, по всѣмъ частямъ города, устраивались группы, которыя потомъ отъ музея и Свято-вацлавской площади прошли стройнымъ маршемъ по Фердинандовой улицѣ на площадь Палацкаго. Площадь эта доходитъ одною своею стороною до высокой набережной надъ Молдавою (Волтавою) съ видомъ на Любушинъ Вышеградъ, а съ противоположной стороны имѣетъ рядъ пятиэтажныхъ домовъ; до

высоты ихъ третьяго этажа доходили устроенныя для гостей и публики трибуны. Насупротивъ трибунъ, между ними и набережною, стоялъ навѣсъ на четырехъ столбахъ, а подъ нимъ камень, предназначенный въ подножье статуи; тутъ же устроена была площадка въ родѣ каеэды для ораторовъ. Съ 10 часовъ, когда показался первый отрядъ шествія, направлявшагося по площади между трибунами и навѣсомъ, шествіе это продолжалось непрерывно за полдень. Отряды текли одинъ за другимъ, точно рѣка, правильными колоннами, почти ритмически. То были по праздничному принаряженные общественныя группы, конныя и пѣшія, изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, подъ знаменами, сопровождаемыя своими оркестрами. По разсчету газеты „Narodní Listy“, однихъ участниковъ процессіи, не считая смотрѣвшей на нихъ публики, прошло болѣе 30.000 головъ. Въ каждомъ ряду было человѣкъ отъ 6 до 8. Можетъ быть, тому обстоятельству, что въ Богеміи сильна донинѣ гуситская закуска, слѣдуетъ приписать, что въ ней, какъ будто въ протестантской странѣ, духовенство не участвуетъ въ народныхъ празднествахъ. Оно не освящало камня подъ памятникъ Палацкаго. Замѣтно было также отсутствіе другого элемента, а именно—военной силы. Вдоль набережной выстроились немногочисленными шеренгами такъ-называемые народные гвардейцы—почетные воины, добровольцы, единственные привилегированные охранители австрійскаго императора во время рѣдкихъ посѣщеній имъ богемской столицы. Они были въ красивыхъ мундирахъ, но не имѣли при себѣ ружей; у каждаго рядового—офицерскіе позументы и погоны. Полиція была крайне немногочисленна и едва замѣтна. Нѣкоторое подобіе войска представляли собою „соколы“, подражаніе нѣмцамъ „турниферейнамъ“, добровольцы-гимнасты, упражняющіеся въ развитіи физическихъ силъ. Ихъ считаютъ въ Богеміи до 50.000. На празднествѣ они присутствовали въ числѣ 5.000, распределенныхъ по своимъ мѣстнымъ округамъ или жупамъ, въ своихъ красивыхъ, легкихъ гороховаго цвѣта костюмахъ, похожихъ на мундиры, и съ соколиными перьями на шапкахъ. Затѣмъ, двигались всевозможныя дружины стрѣлцѣй, всѣ мастерства, промыслы, руководѣія со своими рабочими, орудіями и фабрикатами, увеселительныя товарищества и клубы, труппы пѣвческія и актерскія, общества учительскія, дамскія, даже úradníctvo, то-есть чиновники, громадный отрядъ мужчинъ и женщинъ, циклистовъ на велосипедахъ, а вслѣдъ за всѣми этими товариществами и дружествами, три колоссальныя аллегорическія колесницы. Главная изъ нихъ представляла чету крестьянъ изъ Годславицъ, держащихъ въ рукахъ

изображеніе домика, въ которомъ родился Палацкій, и помѣщенныхъ передъ его бюстомъ, обставленнымъ символическими изображениями исторіи и славы. Колесницу сопровождали три отряда, изображающіе три великія эпохи въ историческомъ трудѣ Палацкаго и облеченные въ костюмы этихъ эпохъ: до-историческое время династіи Пржемысловцевъ, люксембургскій вѣкъ времени Карла IV и, наконецъ, вѣкъ гуситовъ и таборитовъ. При проходѣ каждаго отряда, отъ него отдѣлялись одинъ или два человѣка и становились на площади возлѣ навѣса, такъ что кругомъ навѣса сгруппировался лѣсъ знаменъ и волнующаяся гора человѣческихъ головъ и живыхъ цвѣтовъ. Наконецъ, на площади появились и наполнили ее цѣликомъ самыя „сливки“, такъ сказать, чешскаго общества, его интеллигенція: Карлово-Фердинандовскій чешскій университетъ съ ректоромъ Кадержабкомъ и профессорами (въ Прагѣ два отдѣльные университета: чешскій и нѣмецкій, но послѣдній не показывался; вообще все нѣмецкое въ эти дни такъ скрылось, что его въ Прагѣ какъ бы вовсе и не бывало). Затѣмъ, всевозможныя академіи, члены чешскаго сейма, представители всѣхъ чешскихъ и моравскихъ городовъ. Арріергардъ похода образовали таборы пожарныхъ добровольческихъ командъ со всѣхъ концовъ Богеміи. Не сумѣю передать вамъ, Александръ Николаевичъ, то удовольствіе, которое я ощущалъ при соприкосновеніи съ этою подавляющею массою людей, о которой никакъ уже нельзя сказать: *profatum vulgus*— „толпа не просвѣщенная“, какъ писали еще не такъ давно русскіе пѣнты,—до того эта масса была проникнута сверху и до низу нововременными чувствами непринужденности, неторопливости, свободы, полного равенства и единодушія. Нынѣшняя Богемія, можетъ быть, одна изъ самыхъ демократическихъ странъ въ Европѣ и притомъ въ совершенно новомъ стилѣ. Она не ксерикальна; есть въ ней малая толика остатковъ вельможества, но просвѣщеннаго и стоящаго за чешскую національность; нѣтъ почти совсѣмъ средняго и мелкаго дворянства, а есть только весьма многочисленное и богатое мѣщанство и крестьянство, въ которыхъ, конечно, замѣтны оттѣнки, представляемые большею или меньшею зажиточностью, но для посторонняго человѣка эти оттѣнки незамѣтны. Соціализмъ имѣетъ, конечно, своихъ сторонниковъ, онъ организованъ; онъ принималъ также участіе въ празднествахъ. Мнѣ указывали на группы въ походныхъ отрядахъ, въ которыхъ примѣтами, отличающими соціалистовъ, служили извѣстнаго рода живые цвѣты, напримѣръ фіалки, носимыя на груди или на шапкахъ.

Зрѣлище народнаго шествія черезъ площадь, которой присвоено теперь имя площади Палацкаго, было настолько поразительное, что затѣмъ самъ обрядъ такъ-называемой закладки камня показался тѣмъ-то второстепеннымъ и придаточнымъ. Произнесены были двѣ рѣчи — старостою Подлипнымъ, который говорилъ по обыкновенію тепло и граціозно, и сеймовымъ дѣятелемъ и журналистомъ Герольдомъ, младочехомъ, считающимся у чеховъ талантливейшимъ ораторомъ, одареннымъ превосходными внѣшними средствами и темпераментомъ мощнаго народнаго трибуна. Рѣчь эта на меня не особенно сильно подействовала, можетъ быть, потому, что была длинна, а можетъ быть и потому, что будь у оратора громовой голосъ, все-таки онъ былъ бы несоразмѣренъ задачѣ бесѣдовать съ сотнею тысячъ людей на открытомъ воздухѣ; можетъ быть, также и потому, что рѣчь произнесена была въ воскресенье 19 іюня, а наканунѣ предъ тѣмъ, 18 іюня, въ большомъ софійскомъ залѣ на острову сервированъ былъ большой обѣдъ для съѣзда, который и сдѣлался самымъ интереснымъ и, такъ сказать, кульминаціоннымъ моментомъ, опредѣлившимъ съ возможною точностью, для чего мы собрались и что мы, пріѣзжіе изъ разныхъ странъ, вынесемъ изъ Праги въ смыслѣ душевнаго дара. Къ этому обѣду, которымъ я займусь, я и приурочу, разбирая всѣ рѣчи, и рѣчь Герольда при закладкѣ камня подъ памятникъ. Теперь же, кончая повѣствованіе о закладкѣ, скажу, что обрядъ совершался такимъ образомъ, что участвующіе въ немъ поочередно, начиная съ чеховъ и переходя затѣмъ къ другимъ славянскимъ націямъ, изъ которыхъ отъ каждой являлся одинъ представитель, ударяли молоткомъ по камню, произнося какое-нибудь краткое, соответствующее минутѣ изреченіе. Починъ принадлежалъ богемскому маршалу князю Лобковицу; затѣмъ, Подлипный повторилъ девизъ Палацкаго: „svuj k světu a vždy dla pravdy“ (свой къ своему и всегда для правды). Ригеръ пожелалъ, чтобы этотъ камень сдѣлался межою, за которою кончается вѣкъ тяготы и начинается вѣкъ свободы, равенства и братства. Томекъ произнесъ: „да здравствуетъ знаніе и родина, которая представлялъ собою Палацкій“. Нѣсколько продолжительнѣе было слово, сказанное львовскимъ городскимъ головою Малаховскимъ, указавшимъ на совпаденіе и годовъ рожденія, и годовъ сооруженія памятниковъ Палацкому и Мицкевичу. Однимъ изъ послѣднихъ исполнителей обряда съ молоткомъ былъ болгаринъ, профессоръ Георговъ, который выразилъ раздѣляемое, конечно, всѣми присутствовавшими пожеланіе:

„дай Богъ, чтобы мы поставили скорѣе въ Солуни (Фессалоникахъ) памятникъ святымъ Кириллу и Меѳодію“.

Х.

Перехожу къ *рѣчамъ чеховъ*. Но я долженъ прежде возвратиться отъ закладки памятника къ состоявшемуся наканунѣ, въ субботу 18 іюня, банкету или пиру, предложенному комитетомъ съѣзда всѣмъ его гостямъ пріѣзжимъ. Обѣдъ былъ сервированъ на 500 слишкомъ человекъ и продолжался съ двухъ часовъ до семи. Подлинный уступилъ предсѣдательство вице-предсѣдателю комитета Войтлю, который провозгласилъ первый тостъ, принятый съ большимъ одушевленіемъ и громкими ура—за императора Франца-Іосифа. По предложенію Подлиннаго, условлено, чтобы отъ каждой народности говорилъ только одинъ ораторъ, но отъ этого правила сдѣланы были потомъ нѣкоторыя, хотя и немногочисленные, отступленія. По принятому порядку, пришлось говорить первому за себя и за другихъ земляковъ чеховъ доктору Крамаржу. По своему политическому отъѣнку, онъ не младочехъ, а такъ-называемый *реалистъ*, то-есть, нѣчто среднее между старо- и младочехами. Онъ былъ въ послѣднее время вице-предсѣдателемъ рейхсрата и боролся уже при кабинетѣ Туна съ нѣмецкими обструкціонистами. Онъ извѣстенъ и въ Петербургѣ, гдѣ бывалъ, знаетъ Россію и превосходно владѣетъ русскимъ языкомъ. У младочешскаго поколѣнія онъ и Герольдъ считаются лучшими ораторами. Герольда я слышалъ впервые только на слѣдующій день, при обрядѣ съ молоткомъ. Онъ страстиѣ Крамаржа. Для образчика приведу самый конецъ его рѣчи 19 іюня: „Мы знаемъ, за что мы боремся; эта борьба за правду противъ лжи обязательно должна быть довершена. Мы должны, если желаемъ побѣдить, исполнить завѣтъ Палацкаго: *svuj k světu a vždy dla pravdy*. Неминуемо побѣда склонится къ нашимъ краснобѣлымъ знаменамъ, возглаголютъ колокола сто-башенной златой Праги, они загудятъ торжествующимъ хораломъ; просвѣтятся королевскіе Градчаны (дворецъ Hradschin, по-нѣмецки) и блеснетъ свято-вацлавская корона новымъ блескомъ, миллионы же чешскихъ душъ провозгласятъ передъ всѣмъ свѣтомъ: бой, который велъ Палацкій, былъ нами побѣдоносно доведенъ до конца! Взирая на насъ съ небесныхъ высотъ, духъ отца отечества будетъ благословлять свой народъ и утѣшится, что его желанія осуществились. Итакъ, возстаньте, всѣ чехи, дадимъ себѣ взаимно

славный обѣтъ, что въ духѣ Палацкаго мы будемъ продолжать его подвижничество, будемъ сражаться за идеи, за правду, пока не побѣдимъ. Дадимъ себѣ обѣтъ, что только такимъ образомъ можно почтить великую память Палацкаго, которому да будетъ нескончаемая слава“!

Въ каждомъ словѣ Крамаржа въ его застольной рѣчи 18-го іюля сказывалось не только прочувствованное убѣжденіе, но и то, что эти слова произносилъ трезвый политикъ, дѣйствующій на умъ слушателей и притомъ знающій, къ чему онъ рѣчь ведетъ, и какія границы имѣютъ его желанія, примѣнительно къ условіямъ даннаго момента, а наконецъ, и то, что недостаточно желать, чтобы побѣдить; что побѣда возможна, но не безъ труда и вдалекѣ, такъ что нельзя еще опредѣлить, когда можно будетъ огласить ее трубнымъ звукомъ. Главнымъ предметомъ рѣчи становился уже не Палацкій, а тотъ исполинскій бой двухъ міровъ, который закипаетъ вездѣ, гдѣ только нѣмецкое сталкивается со славянскимъ, въ Познани ли, Силезіи, Штиріи или въ Хорутанин (Kärnthen),—всемірно-историческій бой, отъ котораго зависитъ самое существованіе Австріи. „Мы этого боя не вызывали,—говорилъ Крамаржъ,—мы никого не желали угнетать, мы защищаемся отъ натиска тѣхъ, для которыхъ ихъ границы всегда недостаточно велики“. Ораторъ въ особенности жаловался на то, что этотъ натискъ производить не какіе-нибудь политическіе юнкера-рыцари изъ средневѣковья, но отборные вожди нѣмецкой образованности и культуры; что прокламаціи о нѣмецкихъ притязаніяхъ на Богемію подписали 800 нѣмецкихъ профессоровъ, претендующихъ на удержаніе гегемоніи нѣмецкой.

Въ этотъ моментъ ораторъ обратился къ пріѣзжимъ представителямъ славянства, просилъ ихъ о нравственной поддержкѣ противъ такого нравственнаго давленія со стороны нѣмецкой интеллигенціи по вопросу въ сущности только внутреннему, австрійскому, въ которомъ, дѣйствуя въ духѣ Палацкаго, „мы,—говорилъ ораторъ,—осуществляемъ лишь программу равноправности всѣхъ народовъ, какъ славянскихъ, такъ точно и нѣмецкаго, потому что, никого мы не намѣрены притѣснять. Съ нашей стороны была бы въ эту минуту черная неблагодарность, еслибы я не упомянулъ о горячей поддержкѣ со стороны подружившихся съ нами и побратавшихся славянскихъ клубовъ въ рейхсратѣ. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что тотъ государственный членъ (Казимиръ Бадени) былъ полякъ, который пострадалъ за то, что хотѣлъ, чтобы намъ даны были наши права по предмету языковъ. То былъ, господа, польскій клубъ, которому больше

другихъ пришлось терпѣть за наше дѣло. Въ тѣ тяжкія минуты, въ тѣ жаркіе дни, выковано было первое кольцо, которымъ обняты всѣ славянскіе народы Австріи, и я глубоко убѣжденъ, что это кольцо продержится и на будущее время и что никакая сила его не разорветъ“...

„Но, господа,—продолжалъ Крамаржъ,—я вовсе не намѣренъ пѣть гимнъ о томъ, будто бы въ нашемъ славянскомъ мірѣ все обстоитъ благополучно, что въ немъ все такъ просто, какъ бы и слѣдовало ему быть. Настоящее празднество не должно закрывать намъ правду. Хотя мы вовсе не желаемъ какого бы то ни было политическаго объединенія славянъ, —а не желаемъ этого просто потому, что мы—самостоятельные дѣятели,—но у насъ далеко еще и до того внутренняго душевнаго единенія, о которомъ мечталъ Палацкій и которое выразилъ въ кипучихъ словахъ безсмертный Достоевскій. До того единенія придется намъ идти по долгимъ и труднымъ путямъ; но не забывайте, господа, что первое начало хорошаго заключается въ томъ, чтобы имѣть самопознаніе и познаніе своихъ братьевъ. До такого познанія еще намъ очень, очень далеко. Тѣмъ не менѣе, наше собраніе все-таки фактъ нешуточный! Мы не сошлись чествовать какого-нибудь великаго вождя, который на горахъ мертвыхъ тѣлъ водрузилъ свой побѣдный стягъ. Мы не сошлись славить государственнаго человѣка, который разнесъ державы и вмѣсто нихъ соорудилъ новыя. Мы сошлись славить простаго славянскаго ученаго и политика, котораго единственными цѣлями было право и справедливость, который ничего не разрушалъ, чтобы потомъ на развалинахъ строить, но старался только о томъ, чтобы Габсбургскій домъ привлекалъ къ себѣ славянъ только тѣмъ, что его держава всегда по отношенію къ нимъ справедлива“. Ораторъ просилъ затѣмъ присутствующихъ славянъ записать себѣ въ душѣ и сердцѣ, что настоящий моментъ обозначаетъ сдѣланный ими шагъ впередъ къ великому будущему, къ душевному и нравственному подъему всего славянства.

Рѣчь Крамаржа сопровождалась послѣ каждой почти фразы криками: „уѣбогнѣ!“ (отлично), и покрыта была громкими единодушными рукоплесканіями. Послѣ этой рѣчи заслуживаютъ особеннаго вниманія только слова профессора Голля (Goll) и Ригера. Рѣчь Голля была специальная. Онъ благодарилъ откленившіеся на приглашеніе изъ Праги всѣ славянскіе университеты, въ числѣ шести. Одинъ изъ нихъ, не славянскій, а именно вѣнскій, отрядилъ отъ себя славянина, весьма ученаго слависта (Ягича). Съ ягеллоновскимъ краковскимъ университетомъ пражскій состоитъ въ

общеніи уже 500 лѣтъ. Пока не было загребскаго, южные славяне ѣздили учиться въ Прагу. По основаніи загребскаго университета, большинство кафедр заняли сначала чехи. Изъ русскихъ университетовъ всего больше сближены съ пражскимъ кievскій, московскій и петербургскій; во всѣхъ трехъ процвѣтаетъ славяновѣдѣніе, начало которому положилъ чехъ Добровскій. Въ заключеніе, Голль провозгласилъ тостъ за живыхъ ближайшихъ сподвижниковъ Палацкаго, которые тутъ же на обѣдѣ присутствовали, за Ригера—по политикѣ, и Томека—по исторіи. Тогда поднялся этотъ, какъ по неволѣ вызванный, еще крѣпкій, не сѣдѣющій и на видъ совсѣмъ бодрый человѣкъ, вполне можно сказать, историческій, не сходявшій цѣлые полвѣка (съ 1848 г.) съ политической арены и дѣйствовавшій порою въ первыхъ роляхъ. Въ назиданіе молодому окружающему его поколѣнію, Ригеръ очертилъ, подобно Крамаржу, такимъ же правильнымъ кругомъ настоящую задачу своего народа, и въ центрѣ этого круга, объемлющаго одну только внутреннюю австрійскую политику, онъ поставилъ извѣстную фразу Палацкаго, дословно имъ воспроизведенную: „еслибы Австрія не существовала, то мы бы были принуждены ее создать“. Мотивировка этого вывода, за которымъ послѣдовалъ тостъ за гармонию между династією и чехами, а также и со всѣми славянскими народами, была слѣдующая: „народъ чешскій сдѣлался основателемъ австрійскаго государства, когда призвалъ Габсбурговъ на свой престолъ, каковому примѣру послѣдовали и венгерцы. Къ тому вела неотложная политическая необходимость: спасеніе отъ порабожденія турками. Въ теченіе двухъ столѣтій чешскій народъ безъ счету жертвовалъ свою кровь и деньги на борьбу съ Турцією. Но Австрія необходима еще и въ настоящее время. Она—общій оплотъ и охрана для всѣхъ заключающихся въ ней и взаимно уважающихъ себя народовъ. Въ настоящее время замыслы германскіе направлены къ тому, чтобы разбить австрійскую державу и сдѣлать насъ частями объединенной Германіи. Опасность велика и требуетъ дружнаго дѣйствія всѣхъ австрійскихъ славянъ, чтобы противостоять этому германскому напору. Итакъ, мы всѣ стоимъ за австрійскую монархію, ея интересы суть наши интересы, ея непріатели—наши непріатели. Австрійская держава немыслима безъ королевства чешскаго, а мы не можемъ почти представить себѣ наше существованіе безъ этой династіи, связующей накрѣпно всѣ эти народы“.

Я передалъ выдающіяся рѣчи, произнесенныя устроителями съѣзда—чехами. Онѣ всѣ, такъ сказать, были на одинъ голосъ, и оче-

видно рассчитаны на то, что ихъ напѣвъ поддержать хоромъ всѣ славянскіе голоса. Въ этомъ предпріятіи былъ рискъ, вмѣсто хора могла, при извѣстныхъ условіяхъ, выйти кошачья музыка, нестерпимая совокупность рѣжущихъ и противныхъ диссонансовъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, достигнуто ли будетъ, чтобы въ славянской семьѣ, состоящей изъ множества членовъ, имѣющихъ другъ съ другомъ свои особые счеты, могло хотя бы условно и на одинъ моментъ установиться общее перемиріе?— можетъ ли, хотя не реально (что еще нынѣ невозможно), а только идейно осуществиться то, о чемъ мечталъ Пушкинъ въ своемъ отрывкѣ, посвященномъ Мицкевичу: „Когда народы, распри позабывъ—въ великую семью соединятся?“. Можетъ ли гимнъ, исполненный лиризма, кончиться благопристойно, не разрѣшившись либо драмою, либо какимъ-нибудь судьбищемъ, то-есть, если не побоищемъ, то, по крайней мѣрѣ, рѣзкимъ и скандальнымъ препирательствомъ? На дѣлѣ, въ удивленію, все сошло мирно, хотя и не безъ нѣкоторыхъ шероховатостей. Чтобы объяснить, какимъ образомъ соблюдено было до конца миролюбивое настроеніе, я долженъ соединить, при обзорѣ *ответныхъ* на чешскіе *дружескіе славянскихъ голосовъ*, то, что произнесено было и на пиру 18-го іюня, и на сходкѣ австрійскихъ журналистовъ въ ратушѣ 19-го іюня, послѣ закладки памятника, и на ужинѣ въ честь журналистовъ того же дня въ пражской „Мѣщанской Бесѣдѣ“, и, наконецъ, 20-го іюня при прощальномъ завтракѣ передъ разъѣздомъ, послѣ котораго съѣздъ уже считался закрытымъ. Начну съ объясненія значенія и дѣятельности съѣзда журналистовъ, функционировавшаго одновременно со съѣздомъ въ честь Палацеаго.

XI.

Задумано было нѣчто весьма хорошее и практически полезное. Такъ какъ большинство народныхъ дѣятелей у западныхъ и южныхъ славянъ—литераторы, ученые или журналисты, то и порѣшили, чтобы ѣдущіе на съѣздъ австрійскіе журналисты работали по всѣмъ славянскимъ литературамъ историческія и статистическія записки, каждый о своей печати, и предложили совместно общія заключенія о томъ, въ какомъ бы смыслѣ должна была дѣйствовать въ государствѣ славянская журналистика, чтобы содѣйствовать успѣхамъ обще-славянскаго дѣла. Такимъ образомъ составлено было семь записокъ: о прессахъ чешской, галицко-польской, галицко-русинской, хорватской (Загребъ), сербской въ При-

морѣ, или Далмаціи, словинской (Любляна) и словацкой (св. Мартинъ-Турчанскій). Редакторы записокъ посовѣщались сообща и условились предложить пять положеній, которыя и были внесены въ единственное засѣданіе общей сходы 10 іюня послѣ закладки памятника. Засѣданіе состоялось въ большомъ залѣ ратуши, гдѣ красуются на стѣнахъ двѣ громадныя картины Брожина: съ одной стороны—Гусъ, объясняющійся передъ констанцкимъ соборомъ, и съ другой — избраніе въ короли Юрія Подѣбрада. Предсѣдательствовалъ съ большимъ тактомъ и распорядительностью Иванъ Грибаръ изъ Любляны; вице-предсѣдателями были М. Хилинскій, редакторъ краковской газеты „Czas“, и Маззура изъ Загреба. Собравшіеся рѣшили, во-первыхъ, помогать себѣ взаимно въ достиженіи славянскими журналистками въ Австріи совершенной и одинаковой равноправности, и старательно избѣгать всего, что можетъ порождать споры и распри между народами и племенами въ Габсбургской монархіи (значить, не въ одной Цислейтаніи, но и въ совокупной Австро-Венгріи). Во-вторыхъ, они постановили хлопотать о возможно большей свободѣ печати. Въ-третьихъ, журналисты затѣяли дѣло новое и на нашъ взглядъ совсѣмъ неподходящее, которое потребовало бы, чтобы его подвергли обсужденію со стороны экономистовъ, и могло вызвать противъ себя множество крупныхъ возраженій. Журналисты рѣшили проповѣдовать образованіе славянскаго экономическаго союза, завести систему торговаго и промышленнаго славянскаго протекціонизма, противоѣдствовать иностранному производству, не потреблять иностранныхъ товаровъ, препятствовать промышленной эксплуатаціи въ Австріи посредствомъ иностранныхъ капиталовъ. Въ-четвертыхъ, постановлено создать въ Австріи справочный органъ для печати, посредничающій между славянскими литературами. Наконецъ, постановлено, въ-пятыхъ, содѣйствовать ослабленію въ общественномъ обиходѣ и въ печати именъ собственныхъ славянскихъ, какъ личныхъ, такъ въ особенности топографическихъ, которыя поминутно искажаются до неузнаваемости, переходя чрезъ нѣмецкія официальные канцеляріи.

При обсужденіи предложеній, производимомъ, конечно, съ необычайною быстротою, но не безъ преній, обнаружилось, какого труда стоитъ достиженіе славянскаго единенія, хотя бы въ тѣсныхъ австрійскихъ границахъ. За Австрію стоитъ и Венгрія, а двѣ централизаціи, по выраженію Палацкаго, хуже одной. Ради послѣдовательности, чехи должны бы были позвать на съѣздъ однихъ цислейтанскихъ славянъ, что оказалось невозможнымъ, потому что нѣкоторыя славянскія народности разсѣчены, и одною

половиною сидятъ въ Цислейтаніи, а другою—въ Транслейтаніи. Притомъ есть и такія, которыя обрѣтаются цѣликомъ подъ мадьярскою пятою, напримѣръ тѣ словаки и угорскіе русины у Кривана, которыхъ Подлипный поименовалъ въ своемъ первомъ привѣтствіи тотчасъ послѣ поляковъ. Они, очевидно, въ гораздо худшемъ положеніи, нежели аннектированные къ коронѣ св. Стефана загребскіе хорваты или сербы-далматинцы. Есть, наконецъ, племена, которыя сами у себя еще не разобрались порядкомъ и хотя говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, но имѣютъ разныя азбуки, напримѣръ хорваты и сербы. Политика внушаетъ чехамъ не трогать пока мадьяръ, не вести двойной борьбы за-разъ. И въ Венгріи чередуются настроенія болѣе или менѣе примирительныя. Когда въ іюлѣ нынѣшняго года Штросмайръ, никогда не бывавшій у хорватскаго бана Гедервари, сдѣлалъ ему визитъ, то тотчасъ явились предположенія, что идутъ у хорватосербовъ какіе-то переговоры съ мадьярами. На сѣздѣ Палацкаго случалось поминутно, что кто-нибудь изъ приглашенныхъ не выдержать и проговорится. Такъ, напримѣръ, на банкетѣ 18 іюня, редакторъ одной газеты въ св. Мартинѣ-Турчанскомъ, Матвій Дуля, провозгласилъ тостъ за воссоединеніе всѣхъ разрозненныхъ частей свято-вацлавской короны, а въ томъ числѣ Силезіи (австрійской), на которую претендуютъ и поляки, также Моравіи и Словачины съ угорскою Русью, что отняло бы у Венгріи кусокъ ея владѣній. На сходѣ журналистовъ, члены ея изъ венгерскаго состава поминутно требовали поправокъ въ выраженіяхъ относительно правительства, потому что они, считаясь съ своимъ правительствомъ въ Буда-Пештѣ, не могли такъ относиться къ нему, какъ другіе ихъ собратья къ вѣнскому. Со стороны нѣкоторыхъ сербовъ грозилъ по этому поводу расколъ, который, однако, кое-какъ уладился. Во время преній на сходѣ хорошую примиряющую рѣчь сказалъ полякъ Хилинскій. Обо всѣхъ польскихъ рѣчахъ на сѣздѣ (а ихъ было много; очень толково, между прочимъ, говорили городскіе головы—краковскій Фридлейнъ и львовскій Малаховскій), можно сказать, что именно по своему спокойствію онѣ не выдвигались впередъ и не врѣзывались въ память, но дѣйствовали какъ тормазы на живой, увлекающійся темпераментъ чеховъ. Съ другой стороны, сближенію поляковъ съ чехами и вліянію чешскихъ федералистическихъ идей приписываю я, что старая нескончаемая тяжба галицкихъ русиновъ съ галицкими поляками если не прекратилась (такія глубокія розни не прекращаются вдругъ и безпричинно), но снята была съ очереди и на сѣздѣ Палацкаго безусловно отсутствовала. Мнѣ лично го-

ворили вліятельные чехи, что они всячески располагають поляковъ къ всевозможной уступчивости. Русины никогда не держатся вкупѣ и часто переходять изъ одного изъ своихъ лагерей въ другой. Есть между ними небольшіе остатки преобладавшей нѣкогда святоюрской, или руссофильской, партіи. Одна небольшая часть русиновъ—съ весьма способнымъ, перешедшимъ совсѣмъ въ партію социалистовъ, Иваномъ Франкомъ — протестовала противъ поѣздки въ Прагу, но рѣшительное большинство стояло за поѣздку, и представители такъ-называемой малороссійской, или украинофильской, партіи, Барвинскій и Вахнянинъ, присутствовали на съѣздѣ въ самомъ миролюбивомъ настроеніи. Одного только слышалъ я, на сходѣ журналистовъ, старорусина Щавинскаго, редактора „Галичанина“, который выражался на книжномъ великорусскомъ, то-есть, по нашему, на русскомъ языкѣ. По успѣшномъ и скоромъ принятіи сходкою журналистовъ пяти сдѣланныхъ имъ предложеній, всѣ мы, пріѣзжіе, были приглашены на вечеръ и ужинъ въ такъ-называемую „Мѣщанскую Бесѣду“ — большой клубъ съ громаднымъ помѣщеніемъ. Палацкій былъ постояннымъ посѣтителемъ этого клуба. Здѣсь поздно вечеромъ, около полуночи, произнесъ г. Комаровъ ту рѣчь, которая по вызванному ею негодованію въ германской печати и по ожесточенію, съ которымъ на нее накнулись нѣмцы, сдѣлалась на одну минуту болѣе извѣстною, нежели все остальное, въ Прагѣ происходившее. Она представляется еще и теперь лицамъ, мало знакомымъ съ дѣломъ, въ невѣрномъ и обманчивомъ освѣщеніи. Постараюсь, какъ очевидецъ, возстановить истину во всей ея простотѣ и по возможности спокойно и безпристрастно.

XII.

Рѣчь г. Комарова была очень длинна; исподоволь обдуманная, она—изъ числа тѣхъ, которые называются программными. Она показалась мнѣ еще длиннѣе, когда я ее прочелъ въ № 164 „Свѣта“, нежели тогда, когда я ее слушалъ. Пропускаю въ ней части ея описательныя, напримѣръ изображеніе нѣмца, какъ онъ „подкрадывается волчьимъ шагомъ“, ищущій, кого пожрать, чтобы, проглотивъ чеха, „разорвать всю славянскую позицію“, въ чемъ ораторъ якобы убѣдился во-очію въ тѣ два-три дня, когда пріѣхалъ въ Чехію, но гдѣ, вѣроятно, онъ, какъ и всѣ мы, пріѣзжіе, ни одного нѣмца въ натурѣ не созерцалъ,—до такой степени нѣмцы въ Прагѣ укрылись, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы до-

ставить намъ удовольствіе окунуться въ одну только чисто-славянскую среду.

Я оставляю также въ сторонѣ всю историческую часть рѣчи г. Комарова, но не совѣтую никому учиться исторіи по этой рѣчи. На основаніи ея онъ бы себѣ представилъ, что Карлъ Великій „далъ преобладаніе германской монархіи“, между тѣмъ какъ онъ не былъ ни германецъ, ни французъ, а жилъ въ эпоху, когда еще не дифференцировалось племенное вещество, изъ котораго вышли позже и итальянцы, и французы, и испанцы, и нѣмцы. Изъ рѣчи г. Комарова читатель бы заключилъ, что напрасно трудятся историки надъ разысканіемъ путей, по которымъ ходили святые Кириллъ и Меѳодій, и нарѣчія, на которомъ они переводили священное писаніе. По словамъ г. Комарова, оказывается, что эти святые (дѣйствовавшіе во второй половинѣ IX вѣка, начиная съ 865 года, полвѣка послѣ кончины Карла В., въ 814 г., и бывшіе современниками Рюрика) пошли сначала къ „русскимъ въ Россію“ (которыхъ еще не было), потомъ къ полякамъ (которыхъ тоже не было), наконецъ—къ моравамъ и чехамъ. Они даже „стояли съ чехами грудь съ грудью противъ нѣмцевъ и помогли имъ одолѣть первую нѣмецкую волну“ (Карла Великаго). Самый неразборчивый, однако, читатель придетъ, вѣроятно, въ недоумѣніе:—какъ могли эти святые „отдѣлать точно огневою гранью міръ славянскій отъ міра нѣмецкаго“, когда еще не существовало ни Польши, ни Руси, и когда христіанская церковь была еще единая, не расколовшаяся на два католицизма—восточный и западный ¹⁾. Притомъ чехи пріобщились несомнѣнно къ латинскому западу, а главнымъ просвѣтителемъ поляковъ явился кровный чехъ и латынинъ по богослужебному обряду, святой Войтъхъ.

Чтобы найти оправданіе своей ненависти къ нѣмцамъ, г. Комаровъ примазывается, такъ сказать, къ грюнвальдскому сраженію 1410 г., и утверждаетъ, что если не онъ самолично, то его если не предки, то родственники-ведикоруссы смолянне дрались въ этомъ боѣ подъ знаменами Польши и Литвы. Затѣмъ искать столь далеко, въ XV столѣтіи, примѣровъ, подобныхъ указываемому? Въ половинѣ прошлаго вѣка русскіе дрались съ нѣмцами и прижали, такъ сказать, Пруссію къ стѣнѣ въ Семилѣтнюю войну, такъ что Пруссія вѣроятно погибла бы, не наступивъ перемѣны въ русской внѣшней политикѣ. То же послабленіе ока-

¹⁾ Новѣйшій историкъ Богеміи, Липпертъ (Julius Lippert, Social Geschichte Boehmens. Wien. 1896. I, стр. 158), установилъ, что св. Кириллъ и Меѳодій никогда не бывали въ Богеміи. Онъ доказываетъ, что въ Моравію христіанская вѣра занесена была франками при преемникахъ Карла Вел. еще въ началѣ IX столѣтія.

зала нѣмцамъ и Польша послѣ грюнвальдскаго сраженія, когда, по упраздненіи тевтонскаго ордена, Сигизмундъ I допустилъ ему превратиться въ ленное, зависимое отъ Польши, свѣтское владѣніе. Я полагаю, что можно бы представить себѣ, съ нѣкоторою, конечно, натяжкою, въ родѣ той, какую дѣлаетъ и г. Комаровъ, что теперешняя непріязнь русскаго къ нѣмцамъ есть не что иное, какъ расплата русскихъ за то, что и пруссаки и австрійцы участвовали въ походѣ на Россію въ 1812 г. дванадцати лѣтъ подъ Наполеономъ. Итакъ, въ исторической части рѣчи г. Комарова много фантазій, но мало дѣла. Обратимся теперь къ единственно существенной заключительной части этой рѣчи, т.-е. къ ея политикѣ.

Г-нъ Комаровъ беретъ за отправную точку въ своей программѣ одно крайне спорное и даже, прямѣе говоря, совсѣмъ невѣрное положеніе, что у всего славянства, а въ томъ числѣ и у русскихъ, и у чеховъ, „есть только *одинъ* врагъ, а не *два*“, а именно *нѣмцы*, и что ихъ надобно немедленно побороть, вслѣдствіе чего онъ и проповѣдуетъ общій, соединенными силами, крестовый походъ на нѣмцевъ. Это положеніе невѣрно потому, что въ настоящее время у Россіи во всѣхъ частяхъ свѣта нѣтъ явныхъ враговъ, а есть только разные недоброжелатели, противники и, можетъ быть, соперники, съ которыми она справляется теперь, а вѣроятно и въ будущемъ справится, не прибѣгая къ войнѣ. Съ другой стороны, у другихъ славянскихъ народовъ и у чеховъ, у которыхъ мы гостили въ Прагѣ, есть несомнѣнно не одинъ врагъ или противникъ, а большее ихъ число, по крайней мѣрѣ двое: нѣмцы и *мадьяры*. Г. Комаровъ, какъ стратегъ, долженъ знать, что на войнѣ есть правило разъединять противниковъ, а не сплачивать ихъ. Чехи на съѣздѣ тщательнѣйшимъ образомъ обходили мадьярскій вопросъ. По тому же разсчету чехи нападали только на своихъ австрійскихъ нѣмцевъ, да на одушевляющихъ сихъ послѣднихъ германскихъ профессоровъ. Чехи отлично понимаютъ, что въ ходу нынѣ только внутренній австрійскій вопросъ между нѣмцами и славянами, рѣшаемый на конституціонной почвѣ парламентскими мѣрами. Надъ нѣмецкимъ насильственнымъ обструкціонизмомъ возьметъ въ концѣ верхъ единеніе славянъ, а самъ же г. Комаровъ выразился, что „единеніе рождаетъ силу“. Ни разу чехи на съѣздѣ не коснулись германскаго императора, между тѣмъ г. Комаровъ, вспомнивъ вѣроятно классическое изреченіе: *Napibal ante portas*,—рисуетъ намъ слѣдующую картину: „Готовится третій напоръ (германизма), можетъ быть болѣе опасный, чѣмъ первые два (при Карлѣ Великомъ и подъ Грюнвальдомъ). Франко-

прусская война, кончившаяся столь неудачно (замѣтимъ, что она такъ кончилась только по благопріятному для Пруссіи нейтралитету Россіи) для нашего друга, народа французскаго (замѣтимъ, для друга сегодняшняго, а не вчерашняго), подняла престижъ Германіи до небывалой высоты... подъ ея выдающимся вождемъ, который знаетъ, куда идти, и знаетъ, чего хочетъ. Нѣмецъ ищетъ теперь всемірнаго владычества, чтобы раздавить западное славянство и раскинуть свои сѣти по всей Россіи“. По этимъ соображеніямъ г. Комаровъ предлагаетъ нынѣ же помочь чехамъ отбросить нѣмецкую волну, настигающую ихъ, между тѣмъ какъ чехи пока ни о чемъ подобномъ Россію не просили и не просятъ, такъ какъ они знаютъ, что имъ достаточно сгруппироваться поплотнѣе вокругъ Габсбургской династіи. Опасность для Россіи отъ германцевъ есть столь колоссальное преувеличеніе, что я не могу не признать, — эти выраженія г. Комарова употреблены имъ только какъ реторическая фигура. Державѣ, ничѣмъ внутри не волнуемой, изъ 120 милліоновъ человѣкъ, не можетъ грозить серьезная опасность отъ Германіи, имѣющей всего на все 55 милліоновъ. Притомъ Россія заручилась дружбою и вѣрнымъ союзомъ съ Франціею, такъ что ей не страшнѣе и тройной союзъ, который притомъ только оборонительный, и который вѣроятно будетъ въ будущемъ распатанъ, такъ какъ всякій новый шагъ Австріи по части федерализаціи славянъ долженъ сближать ее съ славянскою же Россіею.

Слушая послѣдовательно рѣчь г. Комарова, я невольно задавался вопросомъ: какаѣя ея настоящая цѣль, какія скрыты за нею заднія мысли оратора? Я не могъ себѣ представить, чтобы г. Комаровъ, какъ русскій человѣкъ, серьезно опасался чего-нибудь для Россіи отъ нѣмцевъ. Я не могъ допустить, чтобы онъ хотѣлъ представить изъ себя выразителя народнаго чувства или общественнаго мнѣнія въ Россіи по отношенію къ нѣмцамъ. Мы недолюбливаемъ нѣмцевъ, хотя многому отъ нихъ научились и многое отъ нихъ заимствовали. Повода къ ненависти русскіе не имѣютъ никакого. Память о нѣмецкомъ господствѣ не сохранилась даже и въ преданіяхъ. Въ сто разъ больше оснований имѣли бы относиться такимъ образомъ къ нѣмцамъ поляки, въ виду того, что въ настоящее время въ бывшемъ великомъ княжествѣ познанскомъ и въ прусскихъ земляхъ открыто преслѣдуется польскій элементъ, потому что верхъ взяло товарищество такъ-называемыхъ гакатистовъ, поддерживаемое прусскою администраціею и кабинетомъ, но у вѣнгерманскихъ поляковъ этой стихійной ненависти къ нѣмцамъ вовсе нѣтъ. Поляки знаютъ, что кромѣ

юнкерской партіи въ сеймахъ есть еще центръ, есть усиливающийся и равнодушный къ національностямъ социализмъ, есть нѣкоторыя гарантіи въ конституціонномъ правленіи, такъ что можно сосредоточиться, сжаться и переждать ненастное время, не опасаясь за дальнѣйшее, хотя и не безбѣдное существованіе. Я не рѣшаюсь объяснить также рѣчь г. Комарова его желаніемъ снискать себѣ дешевую популярность у чеховъ, нападая на нѣмцевъ, съ которыми чехи состоятъ во враждѣ. Онъ вовсе не нуждался въ этомъ приѣмѣ для своей популярности. Пріѣхавъ въ Прагу съ вѣнкомъ отъ города С.-Петербурга, съ адресомъ отъ петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества и съ письмомъ отъ генерала Черняева, у котораго онъ былъ въ Сербіи начальникомъ главнаго штаба, г. Комаровъ сталъ какъ будто бы во главѣ пріѣзжихъ русскихъ. Его одного называли пражскія газеты „zastupce Rusi“, то-есть, представитель Россіи. Изъ его товарищей русскихъ никто ему не возражалъ, хотя я знаю, что нѣкоторые совсѣмъ не раздѣляли его образа мыслей; однако, никто изъ нихъ содержательной програмной рѣчи не произнесъ. Г. Комаровъ утверждаетъ въ „Свѣтѣ“, что ему сильно рукоплескали, что ему рукоплескали болѣе, нежели польскимъ ораторамъ. Рѣшать этотъ вопросъ не берусь и оставляю его открытымъ; но допустимъ, что ему сильно рукоплескали; это въ данномъ случаѣ доказывало бы только, что на каждомъ славянскомъ съѣздѣ и вообще въ средѣ славянства Россія пользуется такимъ значеніемъ и авторитетомъ, что рукоплескать будутъ неизбѣжно всякому, кто отъ ея имени говорить, не за его краснорѣчіе и даже не входя обстоятельно въ то, что онъ говоритъ. Россія—наиболѣе могучая славянская держава; она можетъ и не принимать прямого участія въ извѣстномъ славянскомъ предпріятіи, напримѣръ въ съѣздѣ, но всякому извѣстно, что порою она дѣйствовала въ славянскихъ вопросахъ и въ славянскомъ духѣ, что она многимъ на эти предпріятія жертвовала, и что порою она новыя славянскія государства созидала, дѣйствуя какъ освободительница (напримѣръ, въ войнѣ 1877—1878 года). Даже и тогда, когда она не дѣйствуетъ, она представляетъ собою такую могучую силу въ запасъ, которой нельзя не уважать уже потому, что она можетъ въ будущемъ пригодиться. Я пришелъ къ убѣжденію—не сразу, то-есть не тотчасъ послѣ выслушанія рѣчи г. Комарова, на заключительныя слова которой мало кто обращалъ вниманія, а впоследствии, когда я эту рѣчь прочелъ въ „Свѣтѣ“,—что настоящій смыслъ ея заключается весь въ слѣдующихъ двухъ ея отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ въ срединѣ ея: „еслибы даже

и было за что упрекнуть теперь то и другое славянское племя въ его отношеніяхъ къ другимъ славянамъ, то не время теперь считаться между нами, когда *общій врагъ у порога* и насильственно *ломится* въ нашу дверь“. Другой отрывокъ помѣщенъ въ самомъ концѣ рѣчи: „когда мы будемъ знать, что нѣмецкая волна отброшена и пошла назадъ, *только тогда мы можемъ*, если у насъ будетъ къ тому охота, заниматься нашими семейными дразгами, и тогда мы выработаемъ для человѣчества ту правду и тотъ распорядокъ, ту гуманность, сродную всѣмъ славянскимъ племенамъ изъ родъ въ рода и изъ вѣка въ вѣкъ“.

Предложеніе г. Комарова какъ будто бы и хорошее: забудемъ и отложимъ междоусобія, не мирясь,—но оно вѣрно, только если предпосылка его истинна, то-есть, если врагъ ломится дѣйствительно въ нашу дверь. Но если предпосылка—ложна, если врагъ не ломится въ дверь, и можетъ быть не станетъ въ нее ломиться, то само предложеніе получаетъ видъ маневра, рассчитаннаго на то, чтобъ отложить на неопредѣленное время осуществленіе той правды, того распорядка и той гуманности, которые самъ ораторъ признаетъ свойственными славянамъ и обязательными, хотя онъ допускаетъ, что они не соблюдены. Ораторъ не сообразилъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Онъ проповѣдовалъ, что нѣмца можно одолѣть только единеніемъ, и что „единеніе рождаетъ силу“, значить, что съ него надобно и начинать. Но онъ внезапно забилъ фальшивую тревогу, и отложилъ гуманность до побѣды, послѣ которой она будетъ уже совсѣмъ ненужная и лишняя; однимъ словомъ, онъ поступилъ совсѣмъ противно словамъ Палацкаго, приведеннымъ мною выше въ моемъ письмѣ и обращеннымъ къ управлявшимъ цислейтанскою Австріею нѣмцамъ: „вы хотите сначала снять съ насъ головы, а потомъ уже намѣрены намъ благодѣтельствовать“.

XIII.

Рѣчь г-на Комарова весьма интересна, какъ образчикъ того, какъ трудно бываетъ русскому человѣку, оставшемуся неизмѣнно при взглядахъ временъ этнографической выставки въ Москвѣ 1867 г. на славянскій вопросъ, рассматриваемый сквозь призму тогдашнихъ, до полной враждебности обострившихся, отношеній Россіи къ польской національности,—ориентироваться въ славянскомъ вопросѣ въ настоящее время, когда все кругомъ перемѣнилось, и послѣ того какъ въ прошломъ году лѣтомъ молодой

нашъ Государь былъ съ неимовернымъ восторгомъ принять польскимъ населеніемъ въ Варшавѣ, и милостиво произнесъ великодушныя слова о возвращеніи своего Высочайшаго довѣрія бунтовавшей тридцать лѣтъ тому назадъ подвластной ему націи. Такъ какъ почти все то, что говорилъ г. Комаровъ, было или совсѣмъ *несвоевременное* (призывъ на бой русскихъ съ нѣмцами), или *неотносящееся къ дѣлу*, для котораго славяне собрались въ Прагѣ не для предстоящей войны съ Германіею, а для установленія между собою болѣе справедливыхъ и гуманныхъ отношений, и, наконецъ, весьма *невеликодушное* по отношенію къ полякамъ, — то никто изъ присутствовавшихъ въ „Мѣщанской Бесѣдѣ“ не пожелалъ вдаваться съ г. Комаровымъ въ продолжительный принципиальный споръ, который не могъ бы притомъ обойтись безъ причиненія крайняго огорченія чехамъ: онъ привелъ бы неминуемо, такъ или иначе, къ размолвкѣ, къ судьбину надъ спорящими, и далъ бы поводъ недоброжелателямъ славянъ утверждать, что славяне не могутъ сойтись, не наговоривъ себѣ грубостей и капитально не перессорившись между собою. У предсѣдательствовавшего на бесѣдѣ журналиста Голечека записано было послѣ г. Комарова нѣсколько лицъ, но они дѣлали только отрывочныя заявленія, въ томъ числѣ польскій журналистъ въ Вѣнѣ, Альфредъ Щепанскій. Не могу теперь точно вспомнить, какъ онъ выражался, но положительно утверждаю, что онъ не высказывалъ того одобренія рѣчи г. Комарова, которое ему приписали чешскія газеты. Я не былъ расположенъ возражать г. Комарову, но просилъ, чтобы мнѣ дали голосъ въ очереди, что и было исполнено. Я рѣшилъ, не входя ни въ какое препирательство съ г. Комаровымъ, дать совсѣмъ другую постановку славянскому вопросу, и высказать то, что у меня было давно на душѣ по дѣлающемуся съ каждымъ днемъ болѣе успѣшнымъ нынѣшнему общенію между славянами, иными словами, то, о чемъ мы съ вами, Александръ Николаевичъ, не разъ пространно другъ съ другомъ толковали. Я позволю себѣ привести дословно мою рѣчь, что необходимо для возстановленія истины, такъ какъ она была переиначиваема и превратно толкуема въ неблагопріятномъ для меня смыслѣ. Она напечатана въ краковскомъ „Czas“ѣ, № 143, и въ петербургскомъ еженедѣльномъ „Кгај“ѣ, № 25.

„Позвольте мнѣ, господа, послѣдовать примѣру моихъ земляковъ, и объясниться съ вами на моемъ родномъ языкѣ. Съѣздъ нашъ, хотя продолжается всего три дня, но уже имѣетъ свою исторію. Ссылаюсь на одно изъ его событій, на прекрасную рѣчь

въ залѣ Софійскаго острова сеймоваго депутата Августа Соколовскаго, которую я считаю образцовою въ томъ отношеніи, что по произнесеніи ея тѣ члены съѣзда, которые бы одни могли возражать оратору, а именно пріѣзжіе русскіе, подходили къ нему одинъ за другимъ, хотя онъ говорилъ только о Польшѣ, и восхваляли его приблизительно такими словами:—никого не задѣлъ, никого не оскорбилъ, а говорилъ не банально, но объективно и содержательно, и такъ, что подъ тѣмъ, что онъ говорилъ, могъ бы всякій славянинъ подписаться. Коснусь еще одного обстоятельства, которое тогда же случилось. Московскій профессоръ Брандтъ и другіе русскіе ораторы постоянно ссылались на славянской съѣздъ въ Москвѣ въ маѣ 1867 г., состоявшійся будто бы по почину великаго человѣка, котораго мы чувствуемъ теперь, и еще другого историческаго человѣка, который бодро несетъ на своихъ плечахъ свои восемьдесятъ лѣтъ, на доктора Франтишка-Владислава Ригера. Именно за этотъ съѣздъ, состоявшійся 31 годъ тому назадъ, обвиняемы были въ одно время обѣ названныя мною личности въ томъ, что они совершали тогда нѣчто противоправительственное, что они дѣйствовали во вредъ австрійской державѣ. Обвиненія были напрасныя, и сами собою упали. Въ числѣ главныхъ цѣлей, которыя преслѣдовали оба пріѣзжавшія изъ Богеміи въ Москву лица, была одна, по истинѣ христіанская: вступить за отсутствовавшихъ и никакого участія въ съѣздѣ не могущихъ принимать поляковъ; простереть къ бесѣдующимъ масличную вѣтвь примиренія и согласія, и пролить нѣсколько капель цѣлительнаго бальзама на воспаленную и кровь сочащую рану въ междуславянскихъ отношеніяхъ, на роковыя послѣдствія польскаго мятежа 1863 года. Говорить за поляковъ взялся главный ораторъ съѣзда, докторъ Ригеръ, который сдѣлалъ свое предложеніе въ формѣ удивительно искусной, красивой и поэтической. „Есть въ Москвѣ, — сказалъ Ригеръ, — 300 слишкомъ церквей; каждая имѣетъ нѣсколько, а можетъ быть и нѣсколько десятковъ колоколовъ. Когда загудятъ эти колокола въ какой-нибудь праздникъ, напримѣръ въ свѣтлое Христово воскресенье, то выходитъ дивная гармонія, великолѣпнѣйшая музыка. Предположимъ, что люди захотѣли бы и поставили сплавить эти колокола, и сдѣлать изъ нихъ одинъ единственный, но колоссальный. Въ результатъ вышло бы, что и звука меньше, и гармоніи нѣтъ никакой, и все дѣло рѣшительно испорчено“... Извѣстно, что успѣхъ всякаго обращенія къ публикѣ зависитъ отъ случайностей. Не каждое слово своевременно, не каждое попадаетъ въ подготовленную для него почву. Такъ и

случилось: рѣчь Ригера была дурно принята, не дождалась подходящаго отвѣта, и въ полномъ смыслѣ слова провалилась, не потому, чтобы всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ были по отношенію къ полякамъ одинаково враждебно расположены, но на съѣздахъ, подобныхъ настоящему, всѣ постановленія, какъ то бывало въ прежнихъ польскихъ сеймахъ, проходятъ только когда есть единогласіе: значить, достаточно двухъ, трехъ оппонентовъ, чтобы провалить какое бы то ни было, хотя бы самое серьезное предложеніе. Ригеровское предложеніе не было принято, потому что страсти бесѣдующихъ были еще слишкомъ сильно возбуждены. Съ тѣхъ поръ протекло много времени, нѣсколько поколѣній прошло, чередуясь, по общественной аренѣ; не въ Австріи, а въ другихъ государствахъ, послѣдовало одно за другимъ нѣсколько новыхъ царствованій, господствуетъ иное настроеніе, иныя потребности проявляются въ обществахъ. При такихъ измѣненіяхъ порядка вещей, предложеніе доктора Ригера, нынѣ не разрѣшенное, получаетъ значеніе живой дѣйствительности и является передъ нами какъ первоклассный принципиальный вопросъ, какъ будто бы онъ только сегодня зародился въ человѣческомъ мозгу, и сегодня же поставленъ на очередь.

„Я убѣжденъ, что цѣль нашего съѣзда не будетъ достигнута, если всѣ мы, сколько насъ ни есть, разнородные члены великаго славянскаго племени, не сойдемся на той идеѣ, по истинѣ чешской, формулированной Ригеромъ въ 1867 году, что лучше имѣть — не скажу нѣсколько сотъ или тысячъ, но полтора десятка меньшихъ коленоловъ, нежели только одинъ; что слѣдуетъ имѣть ихъ столько, сколько ихъ создали естественный ходъ событій и историческое развитіе славянскихъ особей, что государство—одно дѣло, а національности—другое: что мы не можемъ терпѣть равнодушно, чтобы насъ переливали въ нѣчто непохожее на то, чѣмъ насъ создала исторія, чтобы съ насъ стирали клеймо отдѣльной національности, которое мы обязаны сохранять, приумножать и передавать другимъ поколѣніямъ.

„И вотъ во мнѣ рождается нѣкоторая надежда, что предложеніе Ригера, которое не имѣло успѣха въ 1867 г., такъ какъ оно вызвало тогда протесты, пройдетъ теперь и будетъ принято нами единогласно, что оно насъ всѣхъ укрѣпитъ; а такъ какъ источникъ его—истинно чешскій, и такъ какъ у чеховъ, раньше чѣмъ у другихъ народовъ, возникъ культъ славянскаго единенія, котораго жрецами и рыцарями стали чешскій народъ и его интеллигенція, то я провозглашаю тостъ за чешскій народъ и за развивающееся изъ малой почвы всеславянское братство, тихое,

мирное, не ищущее завоеваній. Въ этомъ братствѣ, которое осуществится не сегодня, не завтра, а вѣроятно во времени далекомъ послѣ насъ,—вся наша будущность. Вѣра эта почти такая, какъ и христіанская: не дѣлай другому, что тебѣ самому не любо; желай для другихъ того, чего для себя желаешь, и начинай любить людей и группы людей—съ тѣхъ, которые къ тебѣ поближе, переходя затѣмъ отъ ближайшихъ къ болѣе отдаленнымъ “...

XIV.

Рѣчь г. Комарова дала обильную пищу нѣмецкимъ газетамъ. Особенно много столбцовъ посвятила ей вѣнская „Neue Freie Presse“. Рѣчь эта оказала славянскому дѣлу ту вполне медвѣжью услугу, что совсѣмъ разстроила назначенный на 8-е августа въ Познани съѣздъ польскихъ врачей и естественниковъ. Познанская полиція распорядилась, а 19-го іюля 1898 г. министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-деръ-Реве утвердилъ, что на этотъ съѣздъ не допускаются члены-иностранцы, не состоящіе въ подданствѣ германской имперіи, подъ страхомъ высылки прибывшихъ за границу. Распоряженіе мотивировано тѣмъ, что оно сдѣлано въ виду допущенныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ новѣйшее время анти-нѣмецкихъ манифестацій (значить, по поводу пражскаго съѣзда). Другимъ результатомъ рѣчи г. Комарова былъ пронесшійся слухъ о какомъ-то будто бы состоявшемся примиреніи, сближеніи или соглашеніи поляковъ съ русскими, осуществившемся невѣдомо на какихъ основаніяхъ, которыхъ никто не могъ опредѣлить, ни даже указать, въ чемъ бы они могли состоять. Повѣрили этому невѣрному слуху прежде другихъ чехи, которымъ пришлось, конечно, по сердцу нападки г. Комарова на нѣмцевъ, и которые всегда желали русско-польскаго сближенія. Былъ на лицо одинъ несомнѣнный, но отрицательный фактъ, что сошлись вмѣстѣ русскіе и поляки, и при этомъ не наговорили другъ другу непріятностей. Изъ этого факта, посредствомъ логическаго скачка, чехи додумались, что вѣроятно мировая заключена. Изъ обоюднаго воздержанія отъ взаимныхъ пререканій они заключили, что завсегдашніе спорщики подружились. Въ это заблужденіе впалъ и пражскій староста Подлинный, нашъ любезный хозяинъ, который на прощальномъ завтракѣ въ ратушѣ, 20-го іюня, произнесъ слѣдующія слова, къ сожалѣнію не точныя и не сходныя съ дѣйствительностью: „Мы вчера, къ великому утѣшенію нашему, видѣли, какъ нѣкоторые

славянскіе народы, которые еще недавно были не совсѣмъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, нынѣ другъ съ другомъ обнялись“ (puni v přátelskom objeti se našli). Чтобы возстановить все такъ, какъ оно было, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Послѣ рѣчи г. Комарова, ни я, ни мои земляки, не подходили къ г. Комарову чокаться съ нимъ и выражать ему свое сочувствіе. Даже и Щепанскій передавалъ мнѣ, что, подошедши къ Комарову, онъ выразилъ ему только сожалѣніе, что нынѣ русское общество въ своемъ большинствѣ относится къ полякамъ менѣе дружелюбно, нежели само русское правительство. Моя рѣчь ни въ чемъ не сходилась съ рѣчью г. Комарова, и опровергала ее пунктъ за пунктомъ. Между тѣмъ, присутствующіе русскіе и въ ихъ главѣ самъ г. Комаровъ подходили ко мнѣ чокаться бокалами, что по внѣшнему виду заставляло предполагать, что они если не во всемъ, то во многомъ со мною согласны и раздѣляютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя мои мнѣнія. Я долженъ отдать всѣмъ русскимъ на съѣздѣ полную справедливость, что по отношенію къ полякамъ они были безукоризненно приличны, привѣтливы и даже уступчивы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда ихъ чувства могли бы быть немного задѣты. Я не имѣлъ никакого повода, ни резона, не чокаться съ подходившими ко мнѣ, хотя бы и зная, что оказательство ими своего доброжелательства только наружное, не соответствующее ихъ внутреннему настроенію. Зная всегдашній образъ дѣйствія г. Комарова и его прошлую дѣятельность, я не могъ питать никакой надежды на то, чтобы онъ измѣнился и чтобы мы могли съ нимъ стать за одно по славянскому вопросу, а тѣмъ болѣе, чтобы мы столковались съ нимъ по польско-русскому вопросу, который конечно для каждаго изъ насъ не могъ не служить преддверіемъ къ славянскому. Для полнаго утвержденія, что эта невозможность дѣйствительно существуетъ и теперь, я долженъ привести нижеслѣдующія данныя. Въ то самое время, когда мы чокались въ Прагѣ бокалами (7—19 іюня), въ органѣ Комарова „Свѣтъ“ печатались и помѣщены въ № 150 отъ 10 (22) іюня, во-первыхъ, перепечатка изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1867 г. отрывка изъ рѣчи Ригера въ пользу поляковъ на обѣдѣ 21 мая 1867 г., и отвѣта на эту рѣчь редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, смыслъ котораго тотъ, что русскіе не ненавидятъ поляковъ, но обязаны относиться съ „непримиримою враждою“ къ польской идеѣ. Отрывокъ сопровождается замѣткою „Свѣта“:

„какъ-то даже не вѣрится, чтобы это было писано тридцать лѣтъ

тому назадъ—*такъ дышетъ оно современностью*“. Во-вторыхъ, въ томъ же номерѣ „Свѣта“ помѣщена телеграмма изъ Вильно, отъ 8 іюня: „идетъ оживленная работа по постановкѣ памятника графу Муравьеву. Къ осени памятникъ будетъ готовъ“,—а въ слѣдующемъ номерѣ, 151, этому памятнику посвящена обширная корреспонденція. Нужнымъ считаю объяснить насчетъ памятника графу М. Н. Муравьеву. Не стану оспаривать, что Муравьевъ оказалъ русскому государству большую услугу безпощаднымъ подавленіемъ вспыхнувшего мятежа. Свобода признавать кого бы то ни было полезнымъ человѣкомъ или даже и великимъ человѣкомъ принадлежитъ всякому. Почитатели Муравьева вправѣ были отпраздновать закладку ему памятника. Празднованіе не имѣло національнаго или даже общегосударственнаго характера, но для него выбрана была какъ разъ та минута, когда молодой Государь осчастливилъ Варшаву своимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ газета г. Комарова избрала какъ разъ моментъ закладки памятника Палацкому, чтобы напомнить двукратно о виленскомъ памятникѣ Муравьеву. Сопоставленіе этихъ двухъ во всякомъ случаѣ разнородныхъ величинъ сдѣлано, конечно, не для чеховъ, у которыхъ „Свѣтъ“ не распространенъ. Оно получаетъ свой смыслъ, если его сопоставить съ замѣткою редакціи о современности непримиримой ненависти и теперь къ польской національной идѣ. Какъ членъ пражскаго съѣзда, могу увѣрить моего бывшего сочлена, что именно онъ—несовременный и отстающий человѣкъ по отношенію къ славянскому вопросу. Весь съѣздъ ставилъ на первомъ планѣ уваженіе ко всѣмъ національнымъ идеямъ. Въ извѣстіяхъ „Свѣта“ о виленскомъ памятникѣ я не могу не усмотрѣть еще нѣкотораго забвенія или нарушенія г. Комаровымъ, ѣхавшимъ на съѣздъ, гдѣ онъ зналъ, что будутъ и поляки—правила приличія, которое французы мѣтко выразили въ слѣдующей поговоркѣ: *on ne parle pas de la corde dans la maison d'un pendu*. Съ извѣстіями о памятникѣ безъ всякаго вреда или потери можно было повременить до іюля или августа мѣсяца...

Послѣ прощальнаго завтрака въ ратушѣ съѣздъ сталъ быстро разъѣзжаться. Многіе изъ сочленовъ поляковъ и чеховъ собирались на 4 (16) іюня въ Краковъ, на торжество открытія памятника Мицкевичу. Я былъ въ томъ числѣ. Собрался также ѣхать въ Краковъ и профессоръ О. Р. Брандтъ, который, какъ знатокъ всѣхъ славянскихъ языковъ, приготовилъ на этотъ случай рѣчь на польскомъ языкѣ. По поводу этой рѣчи и сопровождавшихъ ее, но не прервавшихъ ея шиканій, ходятъ самыя невѣрные слухи. Я въ другой разъ напишу объ этомъ

инцидентъ. Могу теперь же удостовѣрить, что рѣчь г. Брандта была весьма теплая по отношенію къ полякамъ и весьма приличная; что она была принята сочувственно лучшими краковскими и львовскими газетами; что г. Брандтъ проявилъ несомнѣнно признаки извѣстной гражданской храбрости въ этомъ случаѣ, и что онъ былъ и принятъ и провожаемъ съ подобающимъ ему почетомъ...

Я кончилъ, дорогой Александръ Николаевичъ, мое слишкомъ, можетъ быть, растянувшееся повѣствованіе. По прочтеніи его, вамъ вспомнится, можетъ быть, извѣстное изреченіе, приписываемое Галлею: *e pug si tuove!* Въ славинствѣ западномъ и южномъ войто движется, происходитъ нѣчто новое, и есть прогрессъ къ лучшему. Въ области русской государственной политики славянскій вопросъ есть одинъ изъ весьма многихъ, но онъ далеко не первая скрипка въ оркестрѣ. По временамъ, но не часто, прибѣгаютъ къ этому инструменту и на немъ заигрываютъ. Въ промежуткахъ его разработка могла бы быть производима съ пользою усилиями частныхъ лицъ, единичныхъ и собирательныхъ, литераторовъ, ученыхъ обществъ и вообще русской интеллигенціи. Надлежало бы знакомиться съ родственными племенами, съ ихъ литературою, нравами и учрежденіями. Знакомство это должно бы быть не столько книжное, сколько бытовое. Вы знаете, Александръ Николаевичъ, что по этой части наше русское общество, къ которому и я принадлежу, какъ умственный работникъ, трудящійся многіе десяти лѣтъ, весьма еще слабо; въ немъ нѣтъ настоящей заинтересованности къ этому предмету, нѣтъ охоты идти по этому пути. Оно отличается косностью; средній уровень знаній о братьяхъ славянахъ, начиная съ ближайшихъ, а именно съ поляковъ и чеховъ, весьма невысокъ. Будемъ надѣяться, что наступитъ въ будущемъ перемѣна. Будемъ полагаться на дѣятельность подрастающихъ молодыхъ поколѣній.

В. Спасовичъ.

Эмсъ.—15-го іюля 1898 г.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ КАРТИНОКЪ

I.—ВЕЧЕРЪ.

Тѣнь угасающаго дня
Легла прозрачнымъ полумракомъ,
И пахнетъ воздухъ свѣжимъ злагомъ,
Толпой кузнечиковъ звеня.
Небесъ глубокихъ берега
Алѣютъ гаснущей зарею...
Надъ затихающей землею
Блеснули мѣсяца рога...
Порою чью-то пѣснь несетъ,
Проснувшись, вѣтеръ изъ-за поля...
Поетъ ли то дѣвичья воля,
Иль горе чье-нибудь поетъ?
Иль это пѣсня косаря,
Домой идущаго съ работы,
Чтобъ завтра новыя заботы
Родила новая заря?..
А ночь уже въ объятяхъ сна,
Роняя звѣзды, пролетаетъ,
И землю въ тишинѣ лобзаетъ,
Тайнъ неразгаданныхъ полна.

II.—НОЧКА.

Ночка бархатной одѣлась синевою,
 Зажигая Божіи огни;
 Тихо... Только мы не спимъ съ тобою
 Одни.

Я созвучья ночи благодатной
 Жаднымъ слухомъ трепетно ловлю,
 И я слышу милый попотъ внятный:
 —Люблю!...

Дышетъ нѣгой воздухъ молчаливый,
 Полонъ влажныхъ, ароматныхъ струй,
 И растаятъ въ немъ нашъ долгій и счастливый
 Поцѣлуй.

III.—ВЪ ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ.

Обрывки тучъ узоромъ прихотливымъ
 По небу блѣдному раскинулись, застыли...
 Деревья замерли въ безмолвіи лѣнивомъ,
 Цвѣты поникли къ придорожной пыли...
 Примолвенулъ птицъ ликующій задоръ,
 Темнѣетъ воздухъ, влагой напоенный,
 И чудится въ немъ сердцу затаенный,
 Безмолвный и мучительный укоръ...
 То въ памяти съ улыбкой грусти встали
 Безпечныхъ дѣтскихъ лѣтъ промчавшіеся дни,
 То въ прошломъ вспыхнули, какъ поздніе огни,
 И первая любовь, и первая печали.
 Гдѣ жъ вы, завѣтныя, безумныя мечты?
 Гдѣ жъ подвиги, гдѣ силы молодая?
 И слезы свѣтлыя, и радости былия,
 И милыхъ лицъ любимыя черты?..
 Все позади! Грядущее жъ темно,
 И пасмурно глядитъ, безмолвіемъ повито...
 Не будетъ въ немъ того, что пережито;
 Что сердцу дорого,—не возвратитъ оно!

IV.—ВЪ ТРАВѢ.

Жарко... Колышятся травы высокія,
Шепчутся словно о чемъ-то лѣниво;
Вижу сквозъ зелень я желтыя нивы,
Вижу ихъ волны широкія.

Травы меня обступили душистыя,
Тихо киваютъ съ улыбкою ласки;
И васильки, и анютины глазки

Кочки усыяли мшистыя.
Съ вѣтромъ играя, головкою острою
Стебель лицо мнѣ щекочетъ...
Близко кузнечики гдѣ-то стрекочать,

Кружатся бабочки пестрыя...
А наверху—безграничная, чистая,
Блещетъ лазурь надо мною;
Выше, все выше она надъ землею,
Глубже все небо лучистое.

Слышна въ васъ русская пѣсня привольная,
Дышетъ въ васъ свѣтлая воля,—
Русское поле, широкое поле,
Русское небо раздольное!

П. П. ГАЙДЕВУРОВЪ.

ФАБРИЧНЫЯ ПРАВИЛА

ВЪ

ШВЕЙЦАРИИ

I.

Законъ, послужившій основаніемъ для дѣйствующихъ фабричныхъ правилъ въ Швейцаріи, есть законъ государственный. Параграфъ 34-й I отд. конституціи 29 мая 1874 г. говоритъ: „Федерация имѣетъ право устанавливать однообразныя правила относительно фабричнаго труда дѣтей, продолжительности рабочего дня для взрослыхъ, а также охраненія рабочихъ отъ вліянія на ихъ здоровье производствъ вредныхъ и опасныхъ“.

Этимъ впервые появившимся въ пересмотрѣнной конституціи фабричнымъ закономъ обще-федеральнаго характера устранялись дѣйствовавшіе до того времени крайне несовершенные и взаимно противорѣчивые фабричныя обычаи и правила 22-хъ швейцарскихъ кантоновъ, и 23 марта 1877 г. вышли первыя „федеральныя“ постановленія, какъ фабричный законъ, одобренный народомъ и регламентирующий отношенія рабочихъ и хозяевъ на соотвѣствующихъ юридическихъ основаніяхъ.

Образовавшійся затѣмъ весьма обширный сводъ фабричныхъ правилъ составили: собственно законы—вотируемые народомъ; постановленія федеральнаго собранія, какъ власти законодательной, въ предѣлахъ возлагаемаго на нее конституціей; распоряженія федеральнаго совѣта, какъ власти исполнительной; и всякаго рода циркуляры, измѣненія и дополненія—вызванные практикой. Отвлеченно въ немъ можно обособить, какъ отдѣлы:

часть общую, касающуюся устройства фабрикъ и заводовъ, порядка и основаній отправления работъ, правъ и обязанностей хозяевъ и рабочихъ; правила относительно женщинъ и малолѣтнихъ; законъ о гражданской отвѣтственности фабрикантовъ за несчастные случаи (подъ словомъ „фабрикантъ“ разумѣется закономъ собственникъ всякаго заведенія, а равно предприниматель или самостоятельный исполнитель работъ); правила о контролѣ.

Вѣдѣніе фабрично-рабочаго дѣла въ его совокупности, какъ государственнаго дѣла всего швейцарскаго союза, принадлежитъ федеральному совѣту и относится къ специальности департамента промышленности и земледѣлія. Приложение же правилъ на мѣстахъ, а также мѣръ и распоряженій совѣта, входитъ въ кругъ дѣйствій кантональных властей, при чемъ, по § 20 закона 23 марта 1877 г., всѣ могущіе оказаться въ противорѣчій съ такимъ приложеніемъ кантональные и общинные законы и правила считаются отмѣняемыми.

Во всемъ, что касается фабрично-рабочаго дѣла, кантональныя власти подчиняются федеральному совѣту и являются, по § 17 закона, обязанными доставлять совѣту надлежащія свѣдѣнія о существующихъ на ихъ территорияхъ заведеніяхъ и всякаго рода, по программамъ совѣта, статистическія данныя, а въ концѣ каждаго года—подробные отчеты о ходѣ примѣненія правилъ, съ замѣчаніями о всемъ томъ, что было бы желательно въ дальнѣйшихъ интересахъ дѣла.

Съ другой стороны, федеральный совѣтъ, регулируя ходъ фабрично-рабочаго дѣла и представляя собою относительно толкованія правилъ и разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія кантональных властей единственную и безапелляціонную инстанцію, обязывается § 18 закона къ контролю надъ правильнымъ измѣненіемъ всего предписываемаго. Органами для этого онъ имѣетъ: временныя экспертныя коммиссіи, составляемыя имъ въ потребныхъ случаяхъ изъ специалистовъ; постоянныхъ фабричныхъ инспекторовъ; спеціальныя инспекціи для тѣхъ фабрикъ или отраслей промышленности, къ которымъ считаетъ надобнымъ примѣнять ихъ.

II.

По § 1 закона 23 марта 1877 г., подъ дѣйствіе фабричныхъ правилъ должно было подходить „всякое промышленное заведеніе, гдѣ болѣе или менѣе *значительное* число *подходящихъ*

рабочихъ имѣютъ одновременно и регулярно занятія въ *закрытомъ* помѣщеніи“. Практически же опредѣлять это и разрѣшать всякія сомнѣнія предоставлялось федеральному совѣту, по сношенію съ властями подлежащихъ кантоновъ.

Примѣненіе этого параграфа доставило на первыхъ порахъ не мало хлопотъ федеральному совѣту, вызвавъ съ его стороны рядъ специальныхъ изслѣдованій, а затѣмъ—разъяснительныхъ циркуляровъ, обращенныхъ къ кантональнымъ правительствамъ и имѣвшихъ исходною точкою положеніе, что, исполняя всякій законъ, необходимо имѣть въ виду *„духъ и цѣль его, а не букву и выраженія“*. Циркуляры эти легли въ основу дѣйствій кантональных правительствъ и значительно расширили предполагавшійся кругъ примѣненія закона.

Исходя изъ того, что § 34 конституціи, служащій базисомъ фабричнымъ правиламъ, имѣетъ прямою цѣлью охраненіе правъ, здоровья и жизни рабочихъ, особенно малолѣтнихъ, федеральный совѣтъ установилъ, какъ главные критеріи для сужденій въ отдѣльных случаяхъ, слѣдующее: 1) „фабрикою“ должно считаться всякое заведеніе, производство въ которомъ не имѣетъ характера домашняго ручного труда или вустарнаго промысла; 2) къ работамъ въ „закрытыхъ помѣщеніяхъ“ слѣдуетъ относить все, противоположное работамъ на открытомъ воздухѣ, хотя бы помѣщеніе и представляло собою не зданіе, въ общепринятомъ смыслѣ, а лишь защиту отъ атмосферныхъ вліяній; 3) подъ „приходящими“ рабочими должно разумѣть и тѣхъ, которые хотя и находятся въ постоянныхъ для нихъ помѣщеніяхъ при заведеніи, но не раздѣляютъ крова и стола хозяина; 4) для отнесенія заведенія къ числу подлежащихъ фабричному надзору нѣтъ надобности въ совокупной наличности указанныхъ признаковъ, а достаточно котораго либо изъ нихъ, и 5) заведеніе, пользующееся, по характеру своему, трудомъ преимущественно малолѣтнихъ, уже однимъ этимъ, безъ всякихъ другихъ признаковъ, подводится подъ дѣйствіе надзора.

Что касается числа рабочихъ, придающаго заведенію значеніе фабрики, то относительно этого было признано, что всякое заведеніе, имѣющее больше 5 рабочихъ, считается фабрикой и подходит подъ дѣйствіе правилъ. Впослѣдствіи исключеніе изъ этого составили мельницы: онѣ были признаны подлежащими надзору при наличности 2 рабочихъ, а не 5,—такъ какъ изслѣдованія обнаружили, что на мельницахъ болѣе или менѣе крупныхъ предпринимателей рабочіе содержатся лучше и работаютъ, сравнительно, меньшее время, чѣмъ на мельницахъ

предпринимателей мелкихъ, доводящихъ, при недостаточно хорошемъ содержаніи людей, рабочій день ихъ до 14 часовъ.

Такимъ образомъ, всѣ существовавшія въ Швейцаріи фабричныя и промышленныя заведенія образовали собою двѣ группы: первую изъ нихъ составили „фабрики“, подпадающія по своимъ признакамъ подъ юрисдикцію федеральныхъ фабричныхъ правилъ; вторую—всякія мелкія заведенія, остающіяся подъ дѣйствіемъ общинныхъ и кантональных постановленій.

Но неподвижныхъ нормъ не создалось этимъ. Швейцарское законодательство вообще—врагъ мертвой буквы. Тенденція его—отвѣчать требованіямъ времени, отбрасывать все, опережаемое жизнью, идущее въ разрѣзъ съ практикой. Тѣмъ меньше могли впасть въ неподвижность правила фабричныя,—по самому характеру своему вступающія въ близкую и непосредственную связь съ дѣйствительностью, со всѣмъ живымъ, растущимъ и совершенствующимся. Не останавливаясь на постепенномъ, естественномъ развитіи этой части законодательства, продолжающемся и теперь, укажемъ здѣсь лишь на болѣе близкое къ предмету.

Сообразно съ выяснившимся, при дѣятельности временныхъ экспертныхъ комиссій и постоянного инспекторскаго надзора, порядкомъ вещей, изъ второй группы заведеній выдѣлены были и подведены подъ дѣйствіе федеральныхъ фабричныхъ правилъ многія специальности, въ виду ихъ особенностей, вызывавшихъ необходимость постоянного и правильнаго контроля, какъ на-примѣръ:

Плетеніе соломѣ—ремесло хотя ручное и мелкое, при томъ возникающее лишь временно, въ пору жатвы, и на непродолжительный срокъ, но составляющее обыкновенно трудъ малолѣтнихъ и дѣтей, а по своей сезонной спѣшности требующее нерѣдко ночныхъ занятій.

Выдѣлка ситарѣ—вредно влияющая на здоровье и составляющая занятіе исключительно женщинъ и малолѣтнихъ.

Ручное производство эластичныхъ лентѣ—трудъ чрезвычайно утомительный и легко приводящій, особенно у малолѣтнихъ и слабыхъ, къ искривленію корпуса.

Отбѣлка тканей—какъ производящаяся при помощи машинъ и химическихъ веществъ.

Кромѣ того, мастерства: горшечное, черепичное, посудное, столярное (выдѣлка паркета и прочихъ принадлежностей построекъ), прядильное, крупно-кузнечное,—на томъ общемъ основаніи, что характеръ ихъ требуетъ относительно малолѣтнихъ

подмастерьевъ особеннаго соблюденія правилъ гигиены и предупрежденія возможности переутомленія.

Признаны были подлежащими надзору типографіи и литографіи, отнесенныя первоначально, въ уваженіе петиціи хозяевъ, къ разряду заведеній артистическаго характера,—такъ какъ ближайшее ознакомленіе съ ними указало—помимо констатирования несчастныхъ случаевъ, связанныхъ съ употребленіемъ машинъ и двигателей,—на существованіе ночного труда, а въ числѣ рабочихъ—на значительный процентъ женщинъ и малолѣтнихъ.

III.

Обособляемыя и подводимыя такими путями подъ дѣйствіе фабричныхъ правилъ, промышленныя заведенія должны были принимать и опредѣленный для нихъ закономъ видъ устройства.

Этому способствовалъ § 3, подчинивъ возникновеніе новыхъ заведеній контролю кантональныхъ властей, а относительно уже существовавшихъ постановивъ, что если властями усмотрѣно будетъ въ дѣлѣ устройства что-либо, несогласное съ фабричными правилами, то онѣ могутъ, смотря по характеру несовершенствъ, предписать это согласованіе—или закрыть совсѣмъ фабрику.

При устройствѣ заведенія вновь или переустройствѣ требуется представленіе плана и подробнаго описанія самаго производства. Открытіе заведеній для выработки или обработки веществъ вредныхъ разрѣшается на особыхъ, смотря по характеру вещества, основаніяхъ, и федеральному совѣту предоставлено относить къ разряду подобныхъ веществъ все то, „что опытъ и наука будутъ указывать“. Въ настоящее время такими веществами считаются: свинецъ, ртуть, мышьякъ, фосфоръ, различныя кислоты, синеродъ, бензинъ, анилинъ, нитроглицеринъ, ацетиленъ. (Разграниченіе это имѣетъ особенное значеніе въ дѣлѣ ответственности фабрикантовъ за несчастные случаи, какъ видно будетъ дальшѣ.) Порядокъ работъ въ этихъ заведеніяхъ—особый, устанавливаемый федеральнымъ совѣтомъ. Такъ, въ однѣхъ рабочихъ день сокращается до 8 часовъ, а работа, для одного и того же лица, не можетъ длиться дольше 3 часовъ подрядъ; въ другихъ—изъ 3 недѣль работъ одна должна быть свободною для работника; рабочіе же вообще должны приниматься лишь свѣжие (frais).

Что касается внутренняго устройства и распорядка заведений, то здѣсь, по требованію правилъ, должны: рабочія залы,

мастерскія, машины и всякаго рода снаряды приспособляться, устанавливаться и содержаться въ расчетѣ на достиженіе возможно болѣе безопасности для здоровья и жизни рабочихъ; помѣщенія во время работъ хорошо освѣщаться, атмосфера въ нихъ очищаться, какъ можно лучше, отъ пыли и другихъ, связанныхъ съ характеромъ производства постороннихъ примѣсей, воздухъ возобновляться непрерывно и въ мѣрѣ, требующейся числомъ рабочихъ, силой освѣтительныхъ аппаратовъ и могущимъ быть количествомъ вредныхъ испареній; части машинъ и передаточные ремни, въ мѣстахъ, представляющихъ опасность для работающихъ, тщательно прикрываться; вообще же, все, могущее способствовать охраненію здоровья рабочихъ и предотвращенію несчастныхъ случаевъ, „приниматься неуклонно и своевременно, отвѣчая указаніямъ опыта, новѣйшимъ требованіямъ науки и условіямъ окружающаго“, а хозяинъ, по § 7 закона, — заботиться, чтобы въ помѣщеніяхъ, гдѣ находятся работники и работницы, не происходило ничего противнаго добрымъ нравамъ и соблюдались бы правила приличія.

Практическое осуществленіе всего этого отличается стройною, всестороннею дѣятельностью, направленною къ возможно широкому развитію предначертаній и доходящую до того, что фабричные инспектора, напримѣръ, выработали специальную коллекцію предохранительныхъ аппаратовъ и приспособленій, получившихъ во многихъ случаяхъ обязательное примѣненіе. Коллекція эта, подробно и съ рисунками описанная въ изданной, какъ руководство для фабрикантовъ, брошюрѣ: „Apparate und Einrichtungen zum Schutze von Fabrikarbeitern gegen Gefahren für Leben und Gesundheit“, рекомендована федеральнымъ совѣтомъ вниманію кантональных правительствъ, а модели аппаратовъ хранятся въ городскомъ музеѣ въ Винтертурѣ. Насколько же подобная дѣятельность можетъ быть плодотворна и необходима среди даже самой упорядоченной дѣйствительности, лучше всего свидѣтельствуется такой случай. Въ кантонѣ Сентъ-Галленъ, занимающемся преимущественно выдѣлкою тканей, очень распространенъ ткацкій станокъ Жакара (tissage Jacquard), принятый почти всѣми фабриками и мастерскими. Несмотря на характеръ производства, само по себѣ далекаго отъ какихъ-либо острыхъ, вредныхъ для здоровья, вліяній и чуть не на идеальное соблюденіе порядка и чистоты, инспекторскій надзоръ констатировалъ со всѣмъ невѣроятнымъ фактъ, что въ ткацкихъ заведеніяхъ существуютъ смертные случаи *отравленія свинцомъ*. Приглашенные федеральнымъ совѣтомъ изслѣдовать это обстоятельство, канто-

нальныя власти, при всей внимательности, требовавшейся важностью дѣла, только подтвердили обнаруженное инспекторами, но причины доискаться не могли. Тогда, согласно § 18 закона, совѣтъ примѣнилъ къ ткацкимъ заведеніямъ спеціальнй надзоръ, составленный изъ инспекторовъ, медиковъ и депутатовъ отъ кантона. Послѣ немалыхъ тщательныхъ разслѣдованій и наблюденій, надзоръ нашелъ причину въ слѣдующемъ: станокъ Жакара имѣетъ противовѣсами весьма большое количество свинцовыхъ гирекъ; опускаясь и поднимаясь вслѣдъ за каждымъ движеніемъ челнока, гирьки эти трутся одна о другую и производятъ *свинцовую пыль*; незамѣтная и, благодаря своей относительной тяжести, не удаляющаяся даже при самой сильной вентиляции, пыль эта дѣйствуетъ на здоровье работающихъ вредно, а при значительномъ числѣ станковъ—смертельно. Выводъ оказался совершенно правильнымъ: съ замѣною, по распоряженію федеральнаго совѣта, свинцовыхъ гирекъ въ станкахъ Жакара чужинными, отравленіе свинцомъ прекратилось.

IV.

Главное мѣсто въ общей части правилъ, какъ и требуется это значеніемъ и сложностью предмета, отводится установленію порядка отправленія работъ и урегулированію отношеній между хозяевами и рабочими (словомъ „рабочій“ законъ обозначаетъ равно какъ мужчинъ, такъ и женщинъ).

Разсмотрѣніе всего значительнаго количества относящихся сюда законовъ, распоряженій и циркуляровъ, руководительныхъ судебныхъ рѣшеній, инструкцій, формъ и образцовъ отчетности, статистики, увлекло бы далеко за предѣлы статьи. Ограничимся краткою сущностью.

Вмѣсто прежняго рабочаго дня, доходившаго обыкновенно до 14 часовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и больше, установленъ нормальный,—не *свыше 11 часовъ въ сутки*, а наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней—не свыше 10 часовъ. Онъ долженъ занимать собою, въ видахъ болѣе удобной приложимости контроля, одно, общее для всѣхъ мѣстностей и производствъ, время—лѣтомъ между 5 утра и 8 часами вечера, а зимою—между 6 утра и 8 ч. вечера. Время же должно рассчитываться по публичнымъ часамъ, указаннымъ мѣстными властями. Въ производствахъ, которыя, по характеру своему или особенностямъ исполненія работъ, могутъ вредить здоровью рабочихъ, феде-

ральному совѣту предоставляется уменьшать продолжительность нормальнаго дня до размѣровъ, требуемыхъ обстоятельствами. Но если, по условіямъ какаго-либо производства, является неизбежность продолжительности работъ, превышающей нормальный день, то на періодъ не больше двухъ недѣль это можетъ быть разрѣшено общинными властями, а на время свыше такого періода требуется разрѣшеніе властей кантональных. Въ ту же нормальную длительность дня входитъ отдыхъ, не меньше одного часа въ обѣденное время, при чемъ, по буквальному выраженію закона (§ 11), „помѣщенія приличныя, отдѣльныя отъ залъ для работъ и отопляемые въ холодное время, предоставляются безвозмездно въ распоряженіе тѣхъ рабочихъ, которые получаютъ обѣдъ свой на фабрикѣ“.

По существовавшему повсемѣстному обычаю, служившему, между прочимъ, нѣкоторымъ ховяевамъ предлогомъ къ разнымъ съ ихъ стороны несправедливостямъ, на рабочихъ, бесплатно и сверхъ времени рабочаго дня, лежалъ побочный трудъ уборки помѣщеній, чистки, смазки и даже разборки и исправленія машинъ или снарядовъ и инструментовъ. Обычай этотъ, какъ неискоренимый и, въ существѣ, дѣйствительно вызываемый необходимостью, признанъ закономъ, но связывавшаяся съ нимъ вредность отнята отъ него. Обязательными для рабочихъ оставлены только уборка, чистка и смазка, время опредѣлено отъ 20 до 30 минутъ, а исполненіе возложено исключительно на холостыхъ и незамужнихъ, не старше 18 лѣтъ.

Что касается ночныхъ работъ—между 8 вечера и 5—6 ч. утра,—то къ нимъ законъ относится крайне строго. Онѣ допускаются только какъ исключеніе, по спеціальному въ каждомъ случаѣ разрѣшенію, и зависятъ отъ доброй воли рабочихъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ночная работа вызывается крайнею неотложностью, но требуетъ больше одной ночи, необходимо разрѣшеніе общинныхъ властей, а на болѣе долгій срокъ—властей кантональных. При производствахъ, по самымъ свойствамъ своимъ требующихъ ночной работы, фабрикантъ долженъ обратиться за разрѣшеніемъ въ федеральный совѣтъ и доказать необходимость такой работы, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ подробное росписаніе работъ, съ точнымъ обозначеніемъ числа ночныхъ часовъ, падающихъ на каждаго рабочаго и въ общемъ, само собою, не превышающихъ продолжительности рабочаго дня. Но и при этомъ разрѣшеніе дается не вообще, а лишь на то время, пока существуютъ вызвавшія его обстоятельства, а въ самый распорядокъ работъ вносятся разныя льготы. Законъ этотъ, вы-

текающій изъ условій самаго быта и склада понятій швейцарцевъ, считающихъ вообще долгомъ быть не позднѣе 10 ч. вечера въ постели, и во всякомъ случаѣ запереть двери дома, примѣняется широко, такъ что вслѣдъ за спустившимися сумерками прекращается не только всякая работа, но и движеніе пароходовъ и внутреннихъ поѣздовъ,—перестаютъ дѣйствовать телеграфъ, телефонъ.

Въ силу тѣхъ же жизненныхъ условій запрещаетъ законъ работу и въ воскресные дни, весьма справедливо чтимые швейцарцами, какъ отдыхъ. Поводы къ исключеніямъ и порядокъ допущенія ихъ аналогичны со всѣмъ этимъ для работъ ночныхъ, при чемъ, во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ воскресеній должно быть свободно для рабочаго. Помимо воскресныхъ дней, кантоны, сообразно съ мѣстными условіями каждаго, могутъ запрещать работу на фабрикахъ и въ другіе дни, обращаемые въ праздничные, но въ сложности не болѣе 8 дней въ году.

Каждый владѣлецъ фабрики, подходящій подъ дѣйствіе правилъ, обязывается имѣть и выставлять внутри помѣщенія, на видномъ мѣстѣ, отпечатанныя крупнымъ шрифтомъ, свои фабричныя правила. Они должны заключать въ себѣ: объясненіе организаціи работъ; фабричныя порядки; условія найма и увольненія рабочихъ; сроки платежа заработка, когда существуетъ соглашеніе объ этомъ. Если при томъ назначается за что-либо штрафъ, то онъ не можетъ превышать половины дневной платы, а всѣ поступленія отъ него должны обращаться въ общую пользу рабочихъ¹⁾. Правила эти подлежатъ предварительному разсмотрѣнію кантональных властей и утверждаются ими не иначе, какъ по выслушаніи мнѣнія рабочихъ. При этомъ особенно строго прилагается требованіе § 10 закона, чтобы изъ жалованья рабочихъ не было вычетовъ для какой-либо „спеціальной цѣли“, такъ какъ запрещеніе это возникло съ прямымъ назначеніемъ искоренить существовавшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вредный обычай, по которому кредиторы пользовались правомъ арестовывать впередъ значительную часть заработка, что лишало рабочаго возможности доставлять необходимое своей семьѣ. При отсутствіи въ правилахъ хозяина соглашенія о срокѣ уплаты заработка, эта часть отношеній подходитъ подъ дѣйствіе закона, который говоритъ: „Фабриканты обязываются расчитывать рабочихъ по меньшей мѣрѣ каждыя 15 дней, въ помѣщеніи фабрики, наличными деньгами и при томъ монетой, имѣющей законный курсъ“.

¹⁾ Обыкновенно въ вспомогательную рабочую кассу, существующую при каждой мало-мальски значительной фабрикѣ.

Утвержденные и вывѣшенные правила считаются контрактомъ между хозяиномъ и каждымъ изъ рабочихъ, расторгнуть который одна сторона можетъ не иначе, какъ предупредивъ о томъ другую по крайней мѣрѣ за 14 дней, считая отъ дня послѣдней уплаты заработка или первой затѣмъ субботы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся частью самого закона, и нарушение ихъ подводится подъ дѣйствіе тѣхъ же статей, которыми карается нарушение его.

V.

Постановленія о женщинахъ и малолѣтнихъ составляютъ дополнение къ тому, что предусматривается правилами о рабочихъ вообще, и, какъ со стороны теоріи, такъ и въ дѣлѣ практическаго ихъ примѣненія, имѣютъ характеръ покровительственный.

Женщины ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы къ работамъ ночью и въ воскресные дни, а также къ чисткѣ двигателей, приводовъ и сложныхъ машинъ во время ихъ дѣйствія. Тѣ изъ женщинъ, которыя имѣютъ свое хозяйство, могутъ покидать работу за полчаса раньше времени, назначеннаго для объединнаго отдыха. Беременные не допускаются къ работамъ тяжелымъ или въ заведеніяхъ, обрабатывающихъ вещества вредныя, а за двѣ недѣли до родовъ увольняются совсѣмъ отъ фабричныхъ работъ и не могутъ быть допускаемы къ нимъ потому раньше истеченія шести недѣль.

Дѣти моложе 14 лѣтъ совершенно не допускаются къ фабричнымъ работамъ. Отъ 15 до 16 года они допускаются лишь въ часы, свободные отъ занятій въ школѣ, и съ тѣмъ, чтобы въ сложности время труда, какъ на фабрикѣ, такъ и въ школѣ, не превышало нормы рабочаго дня — 11 часовъ. До 18 лѣтъ имъ запрещаются работы ночныя и воскресныя. Кромѣ этого федеральный совѣтъ указываетъ тѣ отрасли промышленности, — какъ, напримѣръ, обработка свинца, ртути, производство фосфорныхъ спичекъ, — въ которыхъ совсѣмъ не дозволяются работы несовершеннолѣтнимъ, а тѣмъ, которые моложе 16 лѣтъ, запрещается даже пребываніе въ помѣщеніяхъ, гдѣ происходятъ работы. Ему же, въ видахъ чисто-воспитательныхъ, предоставляется разрѣшать допущеніе малолѣтнихъ, отъ 14 до 16 лѣтъ, къ работамъ, запрещеннымъ для нихъ, если это требуется съ цѣлью полученія знаній или практической коммерческой подготовки. Но даже и такой несомнѣнно компетентной власти, какъ федеральный совѣтъ, законъ (§ 16) даетъ при этомъ слѣдующее наставленіе:

„Въ каждомъ подобномъ случаѣ совѣтъ не преминетъ разсмотрѣть внимательно всѣ обстоятельства и согласовать свое разрѣшеніе со всѣмъ тѣмъ, что требуется въ видахъ охраненія интересовъ и здоровья малолѣтнихъ“.

Фабрикантъ не можетъ отзывать незнаніемъ возраста рабочихъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Тѣхъ же изъ нихъ, которые еще учатся,—что также считается извѣстнымъ ему,—онъ обязывается отсылать въ должные часы съ фабрики въ школу.

VI.

Законъ о гражданской отвѣтственности фабрикантовъ за несчастные случаи, одобренный 25 іюня 1881 г., назрѣвалъ долго и тревожно. Появленіе его, хотя и далеко не въ совершенномъ видѣ, было слѣдствіемъ начавшагося преобладанія,—также назрѣвшихъ и укрѣпившихся—либеральныхъ партій, и федеральный совѣтъ, оповѣщая кантональныя правительства объ обращеніи закона въ исполненію, имѣлъ полное право выразиться: „Если вспомнить, сколько протекло годовъ, прежде чѣмъ приблизились къ осуществленію надежды заинтересованныхъ, и представить себѣ, какъ много совершилось за это время несправедливаго, нельзя не пожелать, чтобы законъ возможно скорѣе и повсемѣстно получилъ самую широкую гласность (*publicité*). Но годовъ протекло достаточно и потомъ. Болѣе или менѣе исчерпать вопросъ, придать закону требуемую полноту, сдѣлалось возможнымъ только спустя шесть лѣтъ. 26 апрѣля 1887 г. было принято дополненіе закона—собственно же говоря, суть его,—что вмѣстѣ съ нимъ и составляетъ теперь одно стройное цѣлое.

Подъ дѣйствіе его подходятъ:

а) всѣ заведенія, состоящія подъ фабричнымъ надзоромъ; б) промышленность, предпріятія и работы временныя, при которыхъ находится больше 5 рабочихъ, какъ-то: постройки и всѣ связанныя съ ними работы въ мастерскихъ, лѣсныхъ и другихъ складахъ, на зданіяхъ и вокругъ нихъ, а также подвозка предметовъ и веществъ; в) перевозка сухимъ путемъ и водою ¹⁾; г) устройство или исправленіе телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, сборка и разборка машинъ, исполненіе всего, касающагося техники; д) постройка желѣзныхъ дорогъ, тунелей, мостовъ, проведеніе и содержаніе путей, работы гидравлическія и землекопныя, устройство колодцевъ и разработка нѣдръ земли.

¹⁾ Объ отвѣтственности собственно желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ существуетъ особый законъ 1 іюля 1875 г.

Отвѣтственности подлежатъ: всякій „фабрикантъ“ (этимъ словомъ законъ означаетъ вообще противоположную рабочему „сторону“, не исключая и лицъ юридическихъ), а тамъ, гдѣ главою является управленіе (régie),—администрація государства, округа, общины или корпорации, если при исполненіи чего-либо относящагося къ ходу дѣла будутъ причинены служащему или рабочему смерть, раны или увѣчые и привлеченный не докажетъ, что причиною несчастія были непреодолимая случайность (force majeure), чьи-либо преступныя дѣйствія или собственная вина потерпѣвшаго.

Отвѣтственность падаетъ на фабриканта и въ томъ случаѣ, когда виновникомъ несчастія является не онъ лично, а его представитель, повѣренный, управитель или надзиратель, которымъ ввѣрены ходъ дѣла или часть его.

Сумму вознагражденія за вредъ составляютъ:

а) въ случаѣ смерти немедленной или послѣдовавшей потомъ: уплата издержекъ по попыткѣ къ излеченію (tentative de guérison) и по похоронамъ; возмѣщеніе потерь, понесенныхъ покойнымъ отъ полной или частной невозможности во время болѣзни имѣть заработокъ; обезпеченіе членамъ его семьи—женѣ или мужу, дѣтямъ, родителямъ и ближайшимъ родственникамъ—тѣхъ средствъ къ существованію, которыя онъ доставлялъ имъ при жизни;

б) при ранахъ или увѣчьяхъ: уплата издержекъ за леченіе и уходъ, вплоть до выздоровленія, и понесенныхъ за это время потерь отъ невозможности работать; обезпеченіе увѣчному получавшагося имъ заработка,—вполнѣ или частію, сообразно съ характеромъ увѣчья.

Хозяева заведеній, имѣющихъ предметомъ промысла перечисленные выше вещества вредныя, подлежатъ точно такой же отвѣтственности еще и въ томъ случаѣ, если смерть, нездоровье или увѣчые служащаго или рабочаго будутъ имѣть причиною не несчастіе, а лишь неизбежное разрушительное вліяніе близости этихъ веществъ, или техническія условія производства.

Что же касается характера примѣненія приведенныхъ постановленій, то относительно этого достаточно обратиться къ подлиннымъ словамъ федеральнаго совѣта, сказавшаго въ своемъ циркулярѣ къ кантональнымъ властямъ, при опубликованіи закона: „По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, мы рекомендуемъ вамъ принять всѣ мѣры къ исполненію закона самымъ строгимъ образомъ („sévèrement“, и слово подчеркнуто совѣтомъ), такъ

какъ цѣль его—уменьшить число несчастныхъ случаевъ, а съ ними и возможность денежнаго ущерба фабрикантовъ“.

VII.

Одна изъ отличительныхъ особенностей швейцарцевъ—скупость. Въ экономической жизни она составляетъ основу ихъ благосостоянія, а въ сферѣ государственной проявляется особенно замѣтно въ вознагражденіи чиновниковъ, опредѣляя самому главѣ, президенту федеральнаго совѣта, лишь 10.000 фр. въ годъ. Исходя изъ этого, легко представить, какимъ значеніемъ пользуется и чтѣ несетъ на себѣ *фабричный инспекторъ*, если ему (законъ 22 марта 1879 г.) полагается 6.000 фр. въ годъ жалованья, кромѣ разъѣздныхъ и суточныхъ.

Фабричные инспектора назначаются федеральнымъ совѣтомъ и зависятъ непосредственно отъ него. Дѣятельность ихъ, какъ опредѣляетъ ее статья закона, должна состоять въ наблюденіи за точнымъ приложеніемъ фабричныхъ правилъ въ заведеніяхъ, подлежащихъ надзору, и въ періодическомъ посѣщеніи прочихъ заведеній, на предметъ удостовѣренія, которыя изъ нихъ могутъ подлежать ему. На практикѣ же, сливаясь съ дѣйствительностью, осложняясь многимъ, вновь нарождающимся или непредвидѣннымъ, дѣятельность эта является крайне обширною и разнообразною, какъ со стороны обязанностей, такъ и правъ. Это можно видѣть и изъ инструкціи, данной совѣтомъ инспекторамъ и говорящей, между прочимъ, что если инспекторъ не найдетъ возможнымъ обсудить лично какой-либо спеціальный вопросъ, то можетъ составить комиссію изъ своихъ сотоварищей, а при недостаточности и этого—просить федеральный совѣтъ о командированіи экспертовъ.

Слѣдя за примѣненіемъ правилъ на фабрикахъ, инспекторъ въ то же время является косвенно цѣнителемъ дѣятельности кантональных властей, обязанныхъ прилагать законы. Въ своихъ сообщеніяхъ федеральному совѣту онъ не только даетъ отчетъ объ усмотрѣнномъ на фабрикахъ, но дѣлаетъ еще всякія мотивированныя предложенія и *проектируетъ административныя и законодательныя мѣры*, могущія быть полезными. Получая немедленное извѣщеніе о каждомъ несчастіи на фабрикѣ, онъ представляетъ собою правительственнаго депутата при слѣдствіяхъ. Во всемъ, что касается интересовъ рабочаго, онъ есть естественный фактотумъ его, совѣтникъ, руководитель и вмѣстѣ

съ тѣмъ членъ-наблюдатель рабочей кассы. § 9-мъ инструкціи онъ обязывается стараться (*s'efforcer*), при контролѣ дѣятельномъ и доброхотномъ (*actif et bienveillant*), „не только обеспечивать рабочимъ благотворное дѣйствіе закона, но и тактично помогать хозяевамъ въ исполненіи того, что возлагаетъ на нихъ законъ, и достигать, всѣми своими знаніями и опытностью, справедливаго согласованія интересовъ обѣихъ сторонъ и упрочивать себѣ довѣріе какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ“.

Сообразныя съ такими обязанностями предоставляются ему и права. Отъ него не можетъ быть никакихъ коммерческихъ или техническихъ секретовъ, и онъ только обязывается не разглашать ихъ. Онъ можетъ допрашивать (*interroger*) всѣхъ служащихъ и работающихъ на фабрикѣ, а также хозяина и представителей его,—вмѣстѣ или отдѣльно, открыто или наединѣ. Замѣтивъ нарушеніе законовъ, онъ приглашаетъ хозяина немедленно прекратить ихъ; при неисполненіи этого, онъ относитъ къ кантональнымъ властямъ; а если должно не достигается и этимъ,—обращается въ федеральный совѣтъ.

Какою подвижностью отличается дѣятельность инспектора, можно судить по тому, что онъ не обязывается имѣть опредѣленнаго пункта пребыванія и лишь сообщаетъ федеральному совѣту, гдѣ его могутъ находить письма и телеграммы.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что высказанное въ инструкціи федеральнаго совѣта правило „справедливаго согласованія интересовъ обѣихъ сторонъ“ легло, въ дѣлѣ фабрично-рабочей организаціи, въ основу всей правительственной дѣятельности и—при отсутствіи неподвижной формальной разъединенности между закономъ и жизнью, при гармоничномъ сліяніи официальнаго съ научнымъ и житейскимъ—послужило къ преобразованію самыхъ правовъ. Именно этому, въ связи съ непосредственнымъ вліяніемъ инспекторовъ, слѣдуетъ приписать то, что Швейцарія, несмотря даже на сравнительно низкій и мало-достаточный уровень заработной фабричной платы, не знаетъ у себя до сего времени ни обострившихся отношеній рабочаго къ хозяину, ни вообще того нежелательнаго въ рабочемъ вопросѣ, что является въ наше время какъ бы удѣломъ другихъ странъ.

Н. Сѣверовъ.

СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА

ОЧЕРКИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ДАЛМАЦІИ И ЧЕРНОГОРИИ *).

Окончаніе.

ХІІ.—Нившичъ и Дужское ущелье.

Отъ Богетича дорога круто поднимается въ гору и вьется безконечною улиткою, чтобы обмануть трудно одолимую крутизну. Горы кругомъ надвигаются тѣсно и грозно, сухія, голыя, одна громада на другой; рѣдкая поросль колючихъ деревьевъ мало смягчаетъ суровое впечатлѣніе. Изъ пропастей, гуще заросшихъ зеленью, торчатъ угловатые сѣрые утесы, словно окаменѣвшіе сказочные великаны; надъ головой поднимаются, уходя подъ облака, отвѣсныя стѣны. Мы лѣземъ на какой-то могучій черный хребетъ, отрогъ того славнаго Дурмитора, которымъ полны древнія быліны Черногоріи, и который тотчасъ же вправо отъ насъ. Дурмиторъ—старѣйшій и высочайшій изъ горныхъ великановъ Черногоріи—соперничаетъ только съ Комомъ, такою же прославленною въ народныхъ пѣсняхъ историческою горою, охраняющею теперь восточные рубежи Васоевичей отъ турецкой Албаніи, а когда-то стоявшей въ срединѣ сербскаго царства.

Слѣва отъ дороги, высоко надъ нами, рисуется на самомъ гребнѣ перевала грубо сложенный изъ камней обелискъ. Этотъ циклопическій памятникъ, издалека видный и при подъемѣ изъ

*) См. выше: сент., 48 стр.

Зетской долины; и при вѣздѣ отъ Никшича, — недавно еще краснорѣчиво говорилъ всякому прохожему и проѣзжему, что тутъ рубежъ вольной Черногоріи, за который врагу можно переступить только по собственнымъ трупамъ своимъ. Напрягаютъ свои утомленные силы бѣдные наши лошади и, тяжело дыша, всѣ въ поту, дрожа ногами, останавливаются на вершинѣ перевала. Зеты уже болѣе не видно, ущелье кончилось, — подъ ногами нашими широко и глубоко внизу распахнулась круглая, какъ блюдо, просторная равнина Никшича, обставленная кольцомъ высокихъ горъ. Это уже Герцеговина, а не Черногорія, но Герцеговина, присоединенная къ Черногоріи нашими настояніями по берлинскому трактату, вмѣстѣ съ равниной Подгорицы и Спужа, вмѣстѣ съ Антивари и Ульциномъ.

Это тоже одна изъ житницъ Черной-Горы, вся полная теперь жизни, кипищающая полями кукурузы, картофеля, ржи, табачными плантаціями, стадами скота, работающимъ народомъ; подножія ея горъ усѣяны многочисленными хуторками и деревнями.

Нельзя не порадоваться за Черногорію, что ей удалось прирѣзать къ грозному величію своихъ бесплодныхъ горъ хотя эти небольшія доходныя низины, сдѣлавшіяся теперь самыми драгоценными жемчужинами ея.

Бѣлая лента шоссе, только-что обсаженная молодою акаціею, прямо какъ стрѣла прорѣзаетъ эту зеленую равнину, убѣгая въ Никшичъ. Зета, пропавшая на нѣсколько часовъ подъ массивами горнаго хребта, опять здѣсь появляется, наливая цѣлыя озера по впадинамъ низины. Тутъ собственно и есть ея „поноры“, въ которыя она таинственно проваливается, или, вѣрнѣе, ныряетъ, чтобы вынырнуть потомъ, послѣ нѣсколькихъ верстъ подземнаго теченія, въ долины Бѣлопавличей и Пинеровъ.

Мы переѣзжаемъ Зету по прекрасному длинному каменному мосту, построенному и названному въ честь имп. Александра III его „единственнымъ вѣрнымъ другомъ“, по выраженію самого покойнаго императора. Князь Николай пріѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ освящать этотъ мостъ и устроилъ по этому поводу большое празднество для народа и гостей своихъ. Но въ самый разгаръ торжества было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра III, и празднество было прекращено.

Луговая низина по берегамъ Зеты — большая рѣдкость въ Черногоріи — вся покрыта стадами овецъ и коровъ. Подъ самымъ Никшичемъ опять деревенскій домъ князя Николая, съ длинными

конюшными, съ павильономъ на скалѣ, окруженный жиденъкой группой деревьевъ. При отсутствіи въ Черногоріи хорошихъ гостинницъ, да и частныхъ большихъ домовъ, князю рѣшительно было бы невозможно обходиться безъ собственнаго помѣщенія во время его поѣздокъ по странѣ; оттого-то во всякомъ мало-мальски значительномъ городѣ Черногоріи непременно вы увидите хотя небольшой княжескій дворецъ.

Крѣпость Никшичъ, совсѣмъ средневѣковая, смотритъ скорѣе венеціанскою, чѣмъ турецкою. На невысокой продолговатой и узкой скалѣ цѣтятся своими каменными зубцами крѣпостныя стѣны, тѣсно обступившія, какъ вѣрная дружина своего вождя, мрачный замокъ съ башнями и бойницами; массивная четырехъ-угольная воротная башня охраняетъ наружный входъ въ крѣпость. Внизу, за крѣпостью, огромное зданіе арсенала или какого-нибудь складочнаго военного магазина. Одна турецкая мечеть еще уцѣлѣла въ Никшичѣ вмѣстѣ съ старыми обитателями его — мусульманскими босняками, но тутъ нѣтъ въблизи такого сплошнаго магометанскаго населенія, какъ въ Подгорицѣ, оттого и городокъ, несмотря на долгое турецкое владычество, не успѣлъ принять фیزیономію турецкаго города. Впрочемъ нужно полагать, что отъ стараго города уцѣлѣло мало слѣдовъ послѣ тѣхъ разрушеній и разореній, которыя такъ часто постигали этотъ пограничный постъ турецкаго наслія въ дни непрерывной войны черногорцевъ съ турками. Оттого тутъ и православныхъ церквей всего одна, если не считать только еще задуманнаго новаго собора, который долженъ былъ закладывать здѣсь князь Николай съ митрополитомъ и всѣмъ своимъ дворомъ. Улицы городка тоже смотрятъ новенькими, — широкія, правильныя, всѣ обсаженныя деревьями, обстроенныя такими же простенькими одноэтажными и двухъ-этажными каменными домиками, какъ и новая Подгорица, и Даниловъ-градъ, и всѣ поновленные черногорцами старыя городки. Экипажа нигдѣ ни одного, тишина полная, торговли почти никакой: одни только кафаны, кабачки да маленькія лавочки, какъ и вездѣ здѣсь. Весь народъ — у порога своихъ домовъ или на скамеечкахъ кафанъ; никто ничего не дѣлаетъ, ничѣмъ не занятъ, — потому что дѣлать нечего. Ремесла плохо прививаются къ вольнолюбивымъ и войнолюбивымъ веусамъ черногорскихъ юнаковъ, и когда нѣтъ войны, нѣтъ праздника, — они, по истинѣ, не знаютъ, въ чемъ проводить свое время. Можно сказать, на дняхъ еще всякая мирная работа, всякое полезное ремесло считалось исключительно „бабыимъ дѣломъ“, и юнакъ, который взялъ бы въ руки шило сапожника или иглу портного,

былъ бы жестоко осмѣянъ земляками и навсегда посрамилъ бы свою военную честь. До сихъ поръ еще по селамъ только однѣ женщины шьютъ своимъ отцамъ и мужьямъ опанки изъ буйволо- вой кожи, гуни и джемаданы, ткнуть для нихъ сукно и холстъ...

Когда князь Николай пригласилъ нѣсколькихъ австрійскихъ мастеровъ для обученія черногорской молодежи разнымъ необходи- мымъ ремесламъ, рѣшительно никто не соглашался пойти къ нимъ въ обученіе.

— Господарь! наши предки рѣзали турокъ, а не сапоги шили! Мы убѣжимъ въ Турцію, если насъ заставить работать,— обиженно отвѣчали они на увѣщанія князя. Только хитростью удалось, наконецъ, князю засадить за работу одного хромого юношу изъ племени бѣлопавличей, по имени Чокету, самою судьбою лишеннаго возможности воевать и „четовать“.

Князь, окруженный свитою, подозвалъ его къ себѣ и говорить:

— Ну, Чокета, знай, что я тебя повѣшу, если ты не на- чнешь работать!

Чокета спокойно отвѣчалъ:

— Вѣшай, господарь, смерть лучше' такого постыднаго ремесла!

Тогда князь повелъ его къ австрійскому сапожнику, взялъ въ руки шило и сталъ самъ работать.

— Видишь,—ремесло это не постыдное, если за него бе- рется самъ князь твой,—сказалъ онъ изумленному Чокетѣ.— Теперь, если надъ тобою будутъ смѣяться товарищи, ты скажи только, что работалъ вмѣстѣ съ господаремъ!

Чокета убѣдился такимъ очевиднымъ доводомъ, и въ Цетинѣ явился послѣ этого первый сапожникъ изъ черногорцевъ... Это было всего 26 лѣтъ тому назадъ!

Заѣзжій домъ, въ которомъ мы остановились, не отличался ни чистотою, ни удобствами, ни особеннымъ покоемъ, хотя для меня, хорошо помнящаго заѣзжіе дома нашихъ маленькихъ уѣздныхъ городковъ, въ до-реформенное время,—не было ничего новаго ни въ ползающихъ по стѣнамъ насѣкомыхъ, ни въ скрипящей и шатающейся мебели, ни въ отсутствіи всего необходимаго для потребностей цивилизованнаго человѣка.

Подкрѣпившись чѣмъ было можно и немного отдохнувъ, мы рѣшили воспользоваться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ, чтобы по- сѣтить жену Божидача Пѣтровича—Дьюшу Пѣтровичъ, къ кото- рой у насъ было письмо отъ г-жи Мертваго. Имѣніе Божидача

Петровича Брезовицъ, какъ увѣряли насъ, всего въ полчаса ѣзды отъ Никшича и притомъ по хорошему шоссе. Но такъ какъ лошади Бѣжо страшно устали, и запрягать ихъ теперь нельзя было и думать, то мы поручили Бѣжо нанять для этой поѣздки другихъ лошадей. Лошади нашлись у хозяина двора, а экипажъ пришлось взять опять-таки намъ. Мы залюбовались, выѣзжая изъ города, на характерный романтический видъ крѣпости, освѣщенной въ эту минуту боковыми лучами солнца и ярко выдѣлявшейся своими зубцами и башнями на темномъ фонѣ далекихъ лѣсныхъ горъ. Но и передъ нами стался кругомъ красивый и оригинальный ландшафтъ, тоже замыкавшійся вдаль синими хребтами горъ. Гладкое, какъ стрѣла прямое шоссе прорѣзаетъ зеленую, полную обилія равнину, перенося насъ по прочнымъ каменнымъ мостамъ черезъ изгибы Зеты и впадающихъ въ нее ручьевъ. Къ сожалѣнiю, нѣкоторые изъ этихъ мостовъ такъ узки, что нужно особенное умѣнье кучера и особенное смиренiе лошадей, чтобы не задѣть концами осей или за правую, или за лѣвую ограду моста. Наши лошади заартачились на самой серединѣ одного изъ такихъ мостовъ; Бѣжо, не привыкшiй къ ихъ нраву, сталъ дергать возжами туда и сюда, и въ результатъ мы очутились съ переломленнымъ пополамъ дышломъ. Кое-какъ увязали его и осторожно, шагомъ, не рискуя поворотить ни вправо, ни влѣво, добрались до послѣдняго моста, гдѣ приходилось оставить шоссе и своротить по узенькой полевой дорожкѣ, извивавшейся между нивъ и болотъ, съ холма на холмъ, къ усадьбѣ Божицара Петровича. Ясно было, что по такой неровной и ломанной дорогѣ коляска наша будетъ не въ силахъ сдѣлать одного шага, не разладивъ окончательно чуть связаннаго дышла. Въ виду такой рискованной перспективы, мы оставили Бѣжо и его экипажъ дожидаться насъ на шоссе, а сами отправились къ цѣли нашего путешествiя апостольскимъ пѣшехожденiемъ, что въ сущности и приличествовало гораздо болѣе для странниковъ по Черногорiи. Однако угадать, какой изъ многихъ хуторковъ, привѣтливо глядѣвшихъ на насъ съ вершинъ зеленыхъ холмовъ, разсѣянныхъ по равнинѣ, принадлежитъ именно Божицару Петровичу, рѣшить намъ самимъ было не легко, — а времени для напрасныхъ розысковъ у насъ оставалось не много, въ виду приближавшагося солнечнаго заката. Къ нашему благополучiю, нагналъ насъ какой-то деревенскiй всадникъ, съ перваго же слова согласившiйся проводить насъ „до Божицаровой кучи“. Это было встати и въ другомъ отношенiи, потому что изъ сосѣднихъ хуторковъ сбѣгали къ намъ на встрѣчу съ весьма недруже-

любнымъ лаемъ многочисленные псы самого злобѣщаго вида, а у насъ не было въ рукахъ даже тонкой тросточки.

Туземный всадникъ ведетъ насъ къ самому красивому изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, весело сверкающему на лучахъ заходящаго солнца двумя этажами своихъ свѣтло-розовыхъ штукатуренныхъ стѣнъ, среди зелени окружающаго его сада, на вершинѣ довольно большого холма.

У подножія этого холма черногорцы въ бѣлыхъ рубашкахъ убираютъ сѣнокосъ.

Около нихъ кучка хорошенкиихъ, ярео одѣтыхъ дѣтишекъ съ нянькою,—несомнѣнно, семья Божидача Пѣтровича. Они съ изумленіемъ и нѣкоторою тревогою оглядываются на незнакомыя имъ фигуры, въ чужихъ одеждахъ, такъ увѣренно направляющіяся прямо къ нимъ. Старшая дѣвочка, съ прелестными черными глазами, оказалась ученицею приготовительнаго класса въ цетинскомъ институтѣ и маракуетъ уже немножко по-русски и по-французски. Мы воспользовались ею какъ толмачомъ и вручили ей письмо отъ г-жи Мертваго и наши визитныя карточки, попросивъ ее сбѣгать въ домъ и предупредить свою маму, пока мы будемъ взбираться на холмъ. Остальныя дѣтки гурьбою осыпали насъ и повели насъ къ дому, успокоенныя свѣдѣніемъ, что мы русскіе гости и пріѣхали отъ Софіи Петровны, которую они всѣ отлично знаютъ и любятъ.

Мы еще были на полугорѣ, когда изъ дома вышла намъ на встрѣчу очень просто одѣтая, еще довольно молодая женщина не въ черногорскомъ, а въ обыкновенномъ нарядѣ русской деревенской хозяйки, въ фартукъ, въ ситцевой кофтѣ. Это была Дюша Пѣтровичъ, жена Божидача, въ свое время, вѣроятно, замѣчательная красавица. Она очень тепло привѣтствовала насъ и сейчасъ же повела въ свой чистенькій и уютный домикъ. Тамъ познакомила она насъ съ прелестною юною черногоркою, восемнадцатилѣтнею женою Божидарова брата, кроткою и нѣжною на видъ, какъ молодая горленка. Она только мѣсяць какъ вышла замужъ и, подобно бутончику розы, вся еще сіяла свѣжимъ блескомъ и счастьемъ распускающейся жизни. Съ дѣтскою искренностью и дѣтскимъ увлеченіемъ она уже черезъ нѣсколько минутъ знакомства стала показывать моей женѣ накупленные къ свадьбѣ щегольскіе наряды, расшитые золотомъ бархатные „кореты“, „якеты“ изъ тонкаго бѣлаго сукна и весь живописный костюмъ богатой черногорской молодой. Молодая эта гово-

рила свободно по-русски, только-что окончивъ курсъ въ цетинскомъ институтѣ подъ руководствомъ С. П. Мертваго. Дьюша Пётровичъ также совсѣмъ свободно объясняется по-русски, знаетъ русскихъ авторовъ и очень любитъ все русское и все культурное. Ее не даромъ считаютъ передовою женщиною Черногоріи. Бесѣда наша шла непринужденно и весело, словно мы давнымъ-давно знали другъ друга, и минутами я совсѣмъ забывалъ, что сижу не у жены славнаго черногорскаго сердаря подъ турецкою крѣпостію Никшичемъ, а у милой и интересной сосѣдки своей гдѣ-нибудь въ деревнѣ шигровскаго уѣзда.

Обстановка домашней жизни даже такого сравнительно богатаго и знатнаго черногорца, какъ Божидаръ Пётровичъ—предсѣдатель совѣта министровъ и двоюродный братъ князя Николая,—удивительно проста и скромна, и пристыдила бы этимъ почтеннымъ качествомъ своимъ многихъ изъ нашихъ черезчуръ тщеславныхъ и роскошныхъ для своихъ средствъ помѣщиковъ средней руки, по горло задолженныхъ, но все-таки тратящихъ непосильныя имъ суммы на внѣшнюю обстановку всякаго рода.

По южному обычаю, угостили насъ, конечно, холодною водою съ вареньемъ, турецкимъ кофе и родною черногорцу сливковою, рядомъ съ которою уже стояла, впрочемъ, бутылка съ мараскиномъ изъ Зары,—котораго еще недавно, какъ всего вообще иноземнаго и привознаго, не вѣдало безхитростное черногорское хозяйство. Гостепріимной хозяйкѣ очень хотѣлось угостить насъ по-русски чаемъ изъ самовара, но было и поздно, и жарко послѣ нашего пѣшехожденія, такъ что мы на-отрѣзъ отказались отъ чаю. Мужъ юной черногорки былъ гдѣ-то далеко въ горахъ на сѣнокосѣ, и мы такъ и не видали его, а Божидара Пётровича жена его ждала съ часу на часъ, такъ какъ онъ долженъ былъ пріѣхать въ Никшичъ на торжество освященія новаго собора ранѣе князя, чтобы встрѣтить его здѣсь вмѣстѣ съ другими министрами и главарями. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ почти при самомъ отъѣздѣ нашемъ и встрѣтился со мною какъ уже съ старымъ знакомымъ. На груди этого популярнѣйшаго героя Черногоріи, ни разу не побѣжденнаго турками и разбившаго ихъ въ цѣломъ десятѣ крупныхъ битвъ, — виситъ и русскій Георгій, и много другихъ орденовъ. Его очень цѣнятъ и ласкаютъ и у насъ въ Россіи, гдѣ онъ бывалъ съ княземъ, но по-русски онъ, однако, не говоритъ и съ нами долженъ былъ бесѣдовать по-французски.

Мы покинули радушный кровъ нашихъ новыхъ знакомыхъ уже по закатѣ солнца. Милые хозяева проводили насъ до под-

ножія холма и послали одного изъ своихъ рабочихъ провести насъ до шоссе, гдѣ ждала насъ коляска, укученная и увязанная на свободѣ изобрѣтательнымъ Бѣжо настолько прочно, что мы могли даже рысью доѣхать въ ней до Никшича, до славной „гостионицы Іована Злотара“, гдѣ насъ ждалъ обильный ужинъ изъ зетской форели, чорбы съ паприкой, душистой горной баранины и курицы съ салатомъ, которую даже явилась возможность полить бутылкою краснаго црницкаго вина.

Когда мы стояли, выйдя изъ дома Божидача, на вершинѣ его холма и съ любопытствомъ оглядывали живописныя окрестности, на которыя уже спускались прозрачныя тѣни сумерокъ, Дьюша Пѣтровичъ обратила наше вниманіе на бѣленькій домикъ за рѣчкою, у подножія горы.

— Знаете ли вы, кто живетъ въ этомъ домикѣ? — сказала она. — Это домъ извѣстнаго героя Пеко Павловича, о котором вы, конечно, слыхали... Онъ тутъ нашъ ближайшій сосѣдъ. Я бы непремѣнно провела васъ къ нему и познакомила бы его съ вами; это во всякомъ случаѣ очень замѣчательная личность, для путешественниковъ особенно интересная. Но, къ сожалѣнію, его уже почти невозможно теперь видѣть; всякій чужой человекъ стѣсняетъ его. Онъ постоянно боленъ; то встанетъ на минуту, то опять сляжетъ, очень страдаетъ и почти совершенно ослѣпъ, не различаетъ уже лица человека. Какой онъ ни былъ богатырь, а старыя раны таки-отозвались; безчисленныя битвы, четованія и гайдучество, ночлеги прямо на снѣгу, — сказались теперь, въ 70 лѣтъ... Да и средства у него плохія, недостатокъ во всемъ...

Мнѣ было очень досадно, что мы слишкомъ поздно пріѣхали въ Брезовицъ и уже не могли посѣтить больного черногорскаго льва, о подвигахъ котораго я сохранилъ благоговѣйное представленіе еще отъ временъ герцеговинскаго возстанія.

— Вѣдъ Пеко Павловичъ, кажется, и воевалъ больше всего съ турками въ этихъ же мѣстахъ, въ окрестностяхъ Никшича? — спросилъ я.

— А какъ же! Вѣдъ вонъ тѣ горы, чтѣ синѣютъ правѣе, куда уходитъ дорога, — вѣдъ это та самая знаменитая Дуга, или Дужское ущелье, о которомъ когда-то столько писали во всѣхъ газетахъ, и въ которомъ лилось столько турецкой и черногорской крови... — отвѣчала Дьюша Пѣтровичъ. — Нашъ Брезовицъ, можно сказать, у самаго устья Дужскаго прохода. А Пеко Павловичъ его-то и защищалъ съ своими четами отъ турокъ... Пеко

самъ родомъ черногорецъ, хотя и воевалъ больше за Герцеговину и въ Герцеговинѣ; наши мѣста тоже прежде къ Герцеговинѣ принадлежали. Вотъ онъ и не хочетъ никуда уходить изъ того уголка земли, который онъ помогъ отнять у турокъ своею кровью... Хочетъ умереть здѣсь...

Мы долго по пути оглядывались на скромный хуторокъ этого самоотверженнаго борца за свободу своихъ братьевъ и на живописную тѣснину Дужскаго прохода, хорошо знакомую мнѣ по описаніямъ и давнихъ, и недавнихъ подвиговъ черногорскихъ богатырей.

Герцеговинское возстаніе 1875 и 1876 года было первымъ дѣйствіемъ, или, вѣрнѣе, прологомъ къ цѣлому ряду войнъ за освобожденіе балканскаго славянства, сначала черногорско-турецкой и сербско-турецкой, потомъ русской турецкой войны, вырвавшей изъ-подъ ига турокъ порабощенную въ теченіе 4¹/₂ вѣковъ Болгарію.

Герцеговинскіе „усташи“, сосѣди черногорцевъ и родные братья ихъ по крови и доблести духа, рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ оставаться въ мусульманскомъ рабствѣ. Напрасно Австрія, впослѣдствіи овладѣвшая ихъ страной, не проливъ, по обыкновенію, ни одной капли крови, не истративъ ни одного гульдена,—закрyla свою границу, чтобы лишить повстанцевъ оружія, хлѣба и пороха.

— Мы запремъ границу и оставимъ васъ безъ всего; чѣмъ же вы будете тогда драться съ турками?—грозилъ архимандриту Мелентію, одному изъ самыхъ смѣлыхъ вождей герцеговинцевъ, австрійскій намѣстникъ Далмаціи, баронъ Родичъ.

— Зубами!—отвѣчалъ ему, не задумываясь, рѣшительный архимандритъ.

Пеко Павловичъ и попъ Лазарь Сѣчица были самыми популярными главарами тогдашнихъ герцеговинскихъ „усташей“. Пеко уже 17 лѣтъ гайдучилъ въ горахъ Герцеговины, неутомимо защищая христіанъ отъ насилія турецкихъ нашей и беговъ, наводя ужасъ на грабителей мусульманъ, обожаемый герцеговинцами, какъ идеаль великодушнаго витязя и непобѣдимаго бойца. Пеко былъ знатнаго черногорскаго рода и отлично изучилъ боевую исторію своей геройской родины, хотя не могъ подписать даже имени своего и прочесть одной строки. Богатырской силы, богатырской выносливости, спокойный, какъ у себя дома, въ развалъ самой жестокой сѣчи, невозмутимо хладнокровный въ опас-

ностяхъ и беззапятной храбрости, онъ вселялъ въ себя непоколебимую вѣру среди юнаковъ Черногоріи и Герцеговины, радостно примыкавшихъ къ его побѣдоносной дружинѣ, перелетавшей съ быстротою, неутомимостью и смѣлостью орла отъ одного угрожаемаго мѣста къ другому...

Пеко, по истинѣ, былъ живымъ воплощеніемъ богатырей древности, однимъ изъ героевъ первобытныхъ временъ, воспѣтыхъ Гомеромъ, такой же величественно-простой, такой же безкорыстно-великодушный, такой же сказочно-могучій и яростно-храбрый, какъ и какой-нибудь Ахиллъ, Аяксъ или Діомедъ.

Когда Мухтаръ-паша съ 13-ю батальонами низама двинулся къ осажденному „устапами“ Никшичу, Пеко Павловичъ и Сѣчица прикрывали отъ него своими летучими отрядами герцеговинскія селенія, торопливо очищаемыя жителями, и оставляли туркамъ, вмѣсто домовъ и запасовъ, однѣ тлѣющія головни. Мусульманскія селенія Герцеговины, можно сказать, всѣ сплошь были выжжены. Православные жители бѣжали въ недоступныя лѣса и ущелья верхней Герцеговины, въ сосѣднія нашія Черногоріи. Цѣлыхъ 65.000 душъ своихъ разоренныхъ братьевъ маленькая бѣдная Черногорія по-братски кормила во все время войны своими скудными запасами. Князь Николай посылалъ герцеговинцамъ ружья и порохъ, сколько хватало у него самого, и не запрещалъ своимъ молодцамъ присоединяться къ четами герцеговинскихъ усташей.

Сквозь Дужское ущелье, защищаемое четами Пеко и Сѣчицы, Мухтаровы регулярные батальоны, поддерживаемые огнемъ артиллеріи, едва могли пробиться до половины пути, къ селенію Пресѣкѣ, гдѣ встрѣтилъ ихъ сдѣлавшій отчаянную вылазку, оголодавшій гарнизонъ Никшича; онъ расхваталъ по рукамъ привезенные мѣшки съ сухарями и рисомъ. Но самъ Мухтаръ долженъ былъ уходить назадъ въ Гацко, потерпѣвъ страшный уронъ убитыми и ранеными.

Когда 2½ мѣсяца спустя князь Николай рѣшилъ, наконецъ, объявить войну Турціи и послѣ всенароднаго торжественнаго молебна выѣхалъ 3 іюля 1876 года, провожаемый восторгомъ народа, изъ Цетинья въ Грахово, у Мухтара въ Герцеговинѣ и Босніи собралось подъ ружьемъ уже 32.000 войска, кромѣ 20.000, разсѣянныхъ по разнымъ гарнизонамъ, и 12.000 чловѣкъ въ арміи Верхней Албаніи, дѣйствовавшей противъ Черногоріи съ юга, отъ Спужа и Подгорицы. Сверхъ того, ожидалось скорое прибытіе сюда 30 или 40 тысячъ египетскаго войска и могло быть каждый день выслано изъ Константинополя и Ма-

лой Азии еще тысячъ сто. Крошечная Черногорія, считавшая тогда у себя всего 100.000 человекъ мужского населенія, могла выставить на оба фронта войны противъ всѣхъ этихъ армій только 20.000 воиновъ,—но эти воины были за то черногорцы, ихъ вождями были такіе герои, какъ князь Николай, Божидаръ Пётровичъ, Илья Пламенацъ, женатый на родной сестрѣ князя, Петръ Вукотичъ, отецъ княгини Милены, Станко Радоничъ и другіе, не говоря уже о знаменитыхъ главаряхъ герцеговинскихъ четъ, Пеко Павловичъ, Лазаръ Сочичъ, Богданъ Симоничъ, попъ Мелентіи и другихъ.

Князь Николай двинулся сначала къ Мостару; этимъ онъ вызвалъ наступленіе на себя всей арміи Мухтара, ловкимъ отступленіемъ заманилъ его въ хорошо знакомую черногорцамъ мѣстность около Билеча и, занявъ заблаговременно своими отрядами пути отступленія Мухтару къ Гацко, смѣло встрѣтилъ его при Вучьемъ-Долѣ. У Мухтара подъ знаменами былъ 21 батальонъ хорошо обученнаго и хорошо вооруженнаго войска. Но отчаянная атака черногорскихъ орловъ князя Николая сломила эту грозную силу, какъ буря тростникъ; двѣ передовыя турецкія бригады Селима-паши и Османа-паши были вырѣзаны въ теченіе одного получаса страшными ханджарами черногорцевъ. Османъ-паша съ цѣлымъ батальономъ взятъ живымъ въ плѣнъ; Селимъ-паша ятаганъ юнака снесъ голову съ плечъ; подоспѣвшая на помощь остальная армія Мухтара скоро тоже была смята, разсѣяна и въ ужасѣ бѣжала, куда кому пришлось. Въ своемъ официальном донесеніи сераскиру Мухтаръ-паша писалъ, что послѣ битвы при Вучьемъ-Долѣ бригады Селима и Османа „буквально исчезли“. Однихъ убитыхъ насчитывалось до 2.500 человекъ, а съ ранеными и пропавшими безъ вѣсти—свыше 5.000; въ числѣ убитыхъ былъ 1 паша, 2 полковника, 3 подполковника, 6 маіоровъ и 60 офицеровъ; 5 пушекъ со всѣми снарядами, множество ружей, весь обозъ, 400 лошадей—достались въ добычу черногорцамъ. Изъ 21 батальона только 9-ть успѣли кое-какъ добраться до Билеча и Требинья; офицеровъ же почти вовсе не осталось.

Теперь вся мѣстность этой славной битвы, сосѣдняя съ Никшичемъ и Дужскимъ проходомъ, и Вучій-Долъ, и крѣпость Билечъ, принадлежатъ Черногоріи, по законному праву побѣды.

Дужскій проходъ и раньше былъ ознаменованъ не одною побѣдою черногорцевъ и политъ кровью ихъ храбрецовъ. Каж-

дое дѣло въ Дугѣ было невольно связано съ возстаніемъ герцеговинцевъ, на помощь которымъ не могли не идти ихъ братья-черногорцы. Положеніе герцеговинской „райи“, т.-е. христіанскихъ жителей ея, было еще на нашей памяти совершенно невыносимо. Турецкіе паши, подобные, напр., пресловутому визиру Герцеговины, Али-агѣ-Ризванбеговичу, безъ суда и расправы сажали христіанъ на колъ, рубили имъ головы, разстрѣливали ихъ, не дозволяли подолгу хоронить мертвыхъ, отбирали себѣ любыя земли, гоняли къ себѣ на барщину.

Вотъ въ какихъ словахъ одинъ мостарскій архимандритъ передаетъ взгляды герцеговинскаго визира на способы обращенія съ райею:

„Пусть влахъ (т.-е. христіанинъ) вѣрно служить турку 99 лѣтъ, да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не умеръ своею смертію. Влахамъ нужно только, чтобъ не голодали. Они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ турокъ и повиноваться имъ“.

Немудрено, что при такомъ управленіи герцеговинскіе округа, сосѣдніе съ Черною-Горою, постоянно поднимали возстанія и стремились соединиться съ вольною Черногоріей. Между прочимъ, одно изъ такихъ возстаній началось и продолжалось уже при князѣ Николаѣ съ конца 50-хъ годовъ до половины 60-хъ, подъ главнымъ предводительствомъ извѣстнаго Луки-Вукаловича. Князь Николай вынужденъ былъ, наконецъ, вступить за несчастныхъ земляковъ своихъ, и его тестъ Петръ Вукотичъ въ двухдневномъ кровопролитномъ боѣ разбилъ на голову турокъ Дервиша-паши. Но эта побѣда послужила, впрочемъ, къ большому несчастію Черногоріи, потому что вслѣдъ за этимъ Омеръ-паша съ огромною арміею вторгся разомъ съ сѣвера черезъ Никшичъ и съ юга черезъ Спужъ въ долину Средней-Зеты, прошелъ ее насквозь огнемъ и мечомъ, такъ что князь Николай, тогда еще молодой и малоопытный, долженъ былъ бѣжать изъ Цетинья въ Нѣгушскія катуні и подписать унижительный для Черногоріи ультиматумъ 31-го августа 1862 г., по которому турки получали право провести свою военную дорогу и построить для того блокгаузы по всей Зетской долинѣ, отъ Спужа до Никшича, иначе сказать, овладѣть сердцемъ Черногоріи и разорвать ее на-двое цѣпью своихъ крѣпостей. Только вмѣшательство императора Александра II и нѣкоторыхъ европейскихъ державъ отстранило эту смертельную опасность отъ Черной-Горы, и гибельная статья договора была уничтожена, точно также какъ и другая, еще болѣе позорная *статья*, по которой отецъ князя,

Мирко Петровичъ,—побѣдоносный воевода Черногоріи, потерпѣвшій неудачу только въ эту злополучную войну, но и въ этой войнѣ десятки разъ поражавшій съ маленькими силами огромныя силы Омера-паши,—изгонялся на всю жизнь изъ своего отечества!

ХІІІ.—„Горній Острогъ“.

Хотя мы встали ни свѣтъ, ни заря, чтобы пораньше поспѣть въ Острогъ, но судьба повернула по-своему. Во всемъ Нившичѣ не оказалось ни готоваго дышла, ни кузнеца и плотника, которые бы согласились немедленно сдѣлать новое. Продавъ напрасно метавшагося по городу Бѣжо, мы рѣшились, наконецъ, нанять до Богетича другую коляску, привезшую кого-то въ Нившичъ и возвращавшуюся въ Цетинье, съ тѣмъ, чтобы Бѣжо, не спѣша, поправилъ здѣсь свой экипажъ и пріѣхалъ за нами въ Богетичъ, пока мы успѣемъ съѣздить верхами въ острожскій монастырь, осмотрѣть его и вернуться назадъ. Выѣхать поэтому пришлось только въ 8 часовъ утра. Лошаденки попались намъ злыя, чубастыя и, что сквернѣе всего, норовистыя: поминутно, ни съ того, ни съ сего, бросались какъ съумасшедшія въ сторону, и такъ какъ дорога шла все время высокими карнизомъ горы, то ихъ выходы могли легко кончиться очень печально для насъ. По счастью, они обошлись верстъ черезъ пять, и послѣ того отлично рысили не только подъ горку, но и въ гору. Тѣмъ не менѣе, при совершенномъ отсутствіи оградъ съ краю дороги, намъ было порядочно жутко, когда коляска разогналась опрометью внизъ, кружась надъ пропастью, на этихъ взбалмошныхъ лошадяхъ.

Насъ очень заняли „поноры“, въ которыхъ неожиданно пропадаетъ съ этой стороны и изъ которыхъ такъ же неожиданно появляется по той сторонѣ горъ—рѣка Зета. Въ Черногоріи не одна рѣка имѣетъ такое подземное теченіе. Рѣка Черноевича тоже имѣетъ въ одномъ мѣстѣ своего рода „поноръ“. Строеніе черногорскихъ горъ вообще очень богато „падами“ разнаго рода, глубочайшими круглыми пропастями, напоминающими кратеры потухшихъ вулкановъ, пещерами и провалами. Нѣкоторыя изъ нихъ просто бездонныя. Такова, напр., одна падь въ Лѣшанской нахіи, глубины которой никому не удалось измѣрить. Оттого, вѣроятно, такъ глубоки и нѣкоторыя озера Черногоріи, между прочимъ, и само Скадрско-Блато, которое сравниваютъ въ этомъ отношеніи съ Байкальскимъ озеромъ.

Воды, наполняющія русло Средней-Зеты, кромѣ ея верхняго теченія, собираются еще въ Никшичской равнинѣ, въ видѣ озера или впадины, называемой Сливле, и изъ него, тоже понорами, протекаютъ подъ землю, подъ громадою хребта Планиницы, въ долину Бѣлопавличей.

Не доѣзжая Богетича, тамъ, гдѣ шоссе круто поворачивается направо къ селенью, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отдѣляется влѣво каменистая дорожка въ Острогъ, мы увидѣли три типичныя фигуры, сидѣвшія около стоявшей тутъ же на солнечномъ припекѣ пары северныхъ лошаденоекъ. Оказалось, что это поджидали насъ двѣ черногорки и одинъ черногорецъ, которымъ Джуре заказалъ для насъ верховыхъ лошадей. Они остановили насъ на дорогѣ и стали настоятельно просить, чтобы мы, не заѣзжая въ Богетичъ,—до котораго еще было въ одинъ конецъ версты двѣ, стало быть, 4 версты въ два конца,—сидѣлись прямо на коней и ѣхали въ монастырь, что сократило бы намъ и время, и дорогу.

— Да видите ли,—отвѣчалъ имъ я, — это можно было бы сдѣлать, еслибы мы ѣхали въ своемъ экипажѣ, съ своимъ чело-вѣкомъ: мы бы отправили его съ вещами въ Богетичъ, чтобы онъ насъ тамъ ждалъ; а съ нами теперь чужой извозчикъ, котораго мы случайно встрѣтили на площади въ Никшичѣ и наняли только довести насъ сюда...

— Все равно!—съ самою искреннею убѣдительною настаивалъ черногорецъ. — Скажите ему, куда сдать ваши вещи, онъ и сдастъ...

Молодой малый, сидѣвшій на возлахъ, ѣхавшій невѣдомо куда и неизвѣстный намъ даже по имени,—съ важностью кивнулъ головою и подтвердилъ, что сдастъ вещи, куда будетъ нужно...

Общая, не допускающая сомнѣній, увѣренность этихъ простыхъ людей въ своей собственной честности подѣйствовала на меня, и мнѣ не хотѣлось показать вида, что я не довѣряю незнакомому возницѣ, который, судя по обычной логикѣ цивилизованныхъ народовъ, могъ бы спокойно продолжать свой путь, куда хотѣлъ, вмѣстѣ съ нашими чемоданами и сакъ-вояжами, заключавшими въ себѣ весь нашъ гардеробъ,—не рискуя даже тѣмъ, чтобы мы могли подать на него жалобу.

— Ну, хорошо, сдай же наши вещи въ Богетичъ въ крайній домъ у кафаны, Джурѣ... — сказалъ ему я, а вотъ твои деньги за провозъ...

— Джурѣ? хорошо!.. — просто и спокойно отвѣтилъ извозчикъ...

Я вручилъ ему условленную плату за коляску и отпустилъ его съ миромъ; ясно было, что ни ему самому, ни черногорцу, ни черногорцамъ, державшимъ верховыхъ лошадей, никому въ голову не приходило, что мы рисковали чѣмъ-нибудь, оставляя все свое дорожное имущество на произволъ неизвѣстнаго проѣзжаго... До того крѣпко укоренены въ этой мужественной странѣ обычай чести.

Я невольно вспомнилъ по этому поводу памятное здѣсь всѣмъ преданіе, какъ самозванецъ Степанъ Малый, княжившій въ Черногоріи во времена Екатерины II, приучалъ черногорцевъ къ честности.

Степанъ положилъ, проѣзжая изъ Цетинья въ Нѣгуши, на дорогѣ, по которой ежедневно ѣхало множество народа, нѣсколько золотыхъ червонцевъ, и когда черезъ годъ Степанъ приѣхалъ посмотреть, цѣлы ли деньги, то червонцы оказались на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ ихъ положилъ.

Сѣдель не оказалось, не только дамскихъ, но и мужскихъ. Въмѣсто сѣделя на нашихъ клячъ втащили громоздкіе деревянные остовы изъ-подъ ослиныхъ вьюковъ, безъ всякихъ подушекъ, ковриковъ и попонокъ; вмѣсто стремянъ, которыхъ, конечно, тоже не было, подвязали мнѣ какія-то петли изъ тонкой, плохой веревки; поводовъ тоже не оказалось ни на дамской, ни на моей лошади.

Какъ я ни бранилъ и ни стыдилъ хозяина-черногорца, дѣла поправить было нельзя; по его словамъ, во всей ихъ деревнѣ нѣтъ ни одного сѣдла и ни одного повода, да они, по его мнѣнію, и не нужны вовсе, такъ какъ лошади послушныя, дорога имъ привычная. Взмостились, наконецъ, кое-какъ на своихъ жалкихъ россинантовъ и двинулись въ путь, сопровождаемые всѣми тремя хозяевами лошадей. Дорожка сразу пошла круто въ гору. Это собственно не дорожка, а скорѣе русло горнаго ручья, до краевъ засыпанное круглыми и угловатыми камнями, въ которыхъ проваливается, ломается, рѣжется до крови нога лошади. Какъ нарочно, моя лошадь вдобавокъ ко всему тотчасъ же захромала напередъ.

— Что же ты хромую лошадь мнѣ привелъ? — въ негодованіи крикнуть я черногорцу.

— Она, бѣдная, шесть дней уже больна, какъ ей не хромать? — съ сострадательнымъ видомъ отвѣтилъ мнѣ наивный проводникъ. А между тѣмъ камни и кручи на каждомъ шагѣ такіе,

что въ пору хоть бы и здоровому коню! По счастью, только-что продѣланное нами путешествіе по дебрямъ Пелопоннеса и Парнасса закалило насъ во всякихъ бѣдствіяхъ горной дороги; глазъ уже споейно смотритъ на разверзающіяся у ногъ пропасти, ребра терпѣливо выносятъ неожиданныя спотыканія, соскальзыванія и прыжки лошади.

Часа черезъ два мы докарабкались-таки до громадной отвѣсной стѣны сваль, укрывающихъ монастырь, и подъ грозною тѣнью ихъ вѣхали, черезъ деревню Повню, въ такъ называемый „Доній“, т.-е. дольний, нижній, монастырь св. Троицы. Мы слѣзли съ лошадей у двухъ широковерхихъ, маститыхъ дубовъ сѣдой древности, обнесенныхъ круглыми сидѣньями, какъ и тѣ историческіе дубы у дворца князя въ Цетинѣ, подъ которыми владыки Черногоріи думали думу съ своими главарями и творили народу судъ и правду. Пѣшкомъ прошли мы черезъ новыя тесовыя ворота во дворъ монастыря. Тамъ направо большая каменная галерея, примыкающая къ училищу, налево—домъ братьевъ и новая церковь. Не доходя до дома, устроена походная кафана, гдѣ можно выпить стаканъ вина или пива и чашку турецкаго кофе. Въ глубинѣ—полу-разрушенная, чуть не пополамъ растреснувшая небольшая церковь. Громадный утесъ оборвался какъ-то сверху, съ карниза отвѣсной горной стѣны и едва совсѣмъ не сокрушилъ этотъ маленькій храмъ. Несмотря на іюль мѣсяцъ, ученіе продолжаетъ идти въ школахъ Черногоріи; галерея полна школяровъ, на перебой другъ передъ другомъ безъ всякаго смысла выкрикивающихъ по-сербски урокъ изъ священной исторіи.

Въ Дольномъ нѣтъ ничего особенно интереснаго, и вся религіозная и историческая святыня Острога сосредоточена въ „Горнемъ“, куда мы направляемся сейчасъ же, слегка только отдохнувъ подъ старымъ дубомъ.

Тропа въ „Горній“ лѣзится по очень крутому скату, нерѣдко по осыпямъ мелкаго камня, сбивающаго даже привычную ногу. Хорошо еще, что она почти все время вьется въ тѣни дубоваго и ясеневаго лѣса, заполонившаго здѣсь всѣ склоны горъ, такъ что полдневный зной не такъ донимаетъ насъ. Черногорцы увѣряютъ, что отъ Доньяго до Горняго всего полчаса ходьбы, но мы употребили на это цѣлый часъ, такъ какъ женѣ пришлось не разъ отдыхать на этомъ тяжкомъ подъемѣ, дѣлавшемся все круче по мѣрѣ приближенія къ Горнему. По дорогѣ насъ догнали молодой черногорецъ съ красивою черногоркою и маленькимъ глазастымъ мальчуганомъ. Имъ хотѣлось воспользоваться чужеземными путешественниками, чтобы подѣлать

прикрытіемъ осмотрѣть безъ особенныхъ расходовъ святыни монастыря. Когда они узнали, что мы русскіе, удивленію и интересу ихъ не было конца. Они подробнѣйшимъ образомъ спрашивали насъ о Россіи,—онъ меня, жена его—мою жену,—какіе въ Россіи города, хлѣба, деревья, звѣри, какъ тамъ живутъ и далеко ли Россія отъ Черногоріи.

Они не хотѣли вѣрить, когда я имъ сказалъ, сколько пути сдѣлали мы съ женою, чтобы доѣхать до ихъ Цетинья и Острога. Но всего больше поразило ихъ изумленіемъ, когда нашъ проводникъ сообщилъ имъ, тоже не безъ самаго искренняго удивленія, что онъ могъ все время разговаривать съ нами по-черногорски, и мы его понимали, а онъ понималъ насъ... Для вѣщаго ихъ утѣшенія я нарочно сталъ называть по-русски разные обычные предметы, имѣющіе почти одно и то же названіе и въ сербскомъ языкѣ, примѣняясь только къ сербскимъ удареніямъ и выговору. Восторгъ простодушныхъ черногорцевъ былъ полный. Спутникъ нашъ вошелъ въ такой экстазъ, что закричалъ рѣшительно:

— Нѣтъ, во чтѣ бы то ни стало, а выучусь по-русски! Вѣдь это одинъ и тотъ же языкъ. Поѣду къ вамъ въ Россію и буду тамъ зарабатывать деньги. Тутъ у насъ въ Черногоріи дѣлать нечего. У меня уже есть въ Россіи одинъ братъ докторомъ военнымъ на нѣмецкой границѣ,—тотъ совсѣмъ какъ русскій сталъ. Маленькій мой братъ тоже хорошо по-русски знаетъ, въ гимназіи учится, въ Цетиньѣ... Нужно и мнѣ!.. Я самъ тоже учился три года въ основной школѣ и шесть лѣтъ въ гимназіи, но тогда еще русскій языкъ у насъ не преподавался; зато сербскія газеты и книги свободно читаю; только по книгамъ, да по картамъ и могъ узнать что-нибудь о Россіи, а все-таки слишкомъ мало...

Проводникъ нашъ, несмотря на свое затрапезное платье, оказался байрактаромъ, т.-е. знаменосцемъ, чтѣ подтверждалъ и металлическій значокъ на его капѣ.

Отецъ его тоже былъ байрактаръ, и дядя („стриць“ по-черногорски) былъ байрактаръ. Они оба бились подъ Острогомъ вмѣстѣ съ княземъ Николаемъ и Бѣжо Петровичемъ, а самъ онъ, рассказчикъ, хотя былъ тогда мальчишкою, тоже былъ при войскахъ.

— Турки забрались на самый верхъ, на „Строжскую капицу“, (т.-е. „шапу Острога“), выше Горняго, хотѣли оттуда сжечь монастырь и разбить его ядрами, а Бѣжо стоялъ съ княземъ на противоположной горѣ, за Зетою; Бѣжо не далъ имъ спалить

храмовъ Божьихъ, сбилъ турокъ съ высотъ въ страшной сѣтѣ и погналъ внизъ...

— Памятенъ юнакъ Бѣжо, мудръ!—закончилъ рассказчикъ.— Отца моего убили въ этомъ бою, стрыць взялъ у него байракъ; стрыца тоже убили, но байракъ все-таки не отдали туркамъ.

Онъ говорилъ о смерти отца и дяди такъ же спокойно и просто какъ о самомъ обычномъ дѣлѣ.

„Горній“ монастырь виденъ очень эффектно снизу, со двора „Дольняго“; виденъ онъ, конечно, и изъ большого далека, почти отъ самаго Спужа, потому что поднять на своемъ нерукотворномъ гигантскомъ пьедесталѣ подъ самыя выси небесныя, и дѣйствительно кажется издали парящимъ въ облакахъ. Но онъ особенно поражаетъ своимъ оригинальнымъ видомъ, когда очутишься совсѣмъ на верху, подъ тяжкою пятою его сѣрой, какъ стѣна отвѣсной скалы. Надъ головою вапекю въ мрачной и характерной живописности зѣлетъ широкая пасть черной пещеры, по здѣшнему „печеницы“,—выбитой гигантскимъ альковомъ въ каменныхъ толщахъ скалы. Пещера черна не отъ однихъ мховъ и лишавей, осѣвшихъ на ней въ этой всегда влажной, густой атмосферѣ осеннихъ тумановъ и зимнихъ облаковъ, окутывающихъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду суровыя вершины черногорскихъ планинъ. Ея своды закопчены еще и дымомъ пожаровъ, не разъ уничтожавшихъ строенія историческаго монастыря, который въ лѣтописяхъ Черной-Горы играетъ роль нашей Сергіево-Троицеой Лавры своего рода и служить духовнымъ стягомъ, собирающимъ вокругъ себя всѣ племена Черногоріи и Берды. Внизу этой громадной природной ниши—бѣлое каменное зданіе съ высоко приподнятыми, узкими и рѣдкими крѣпостными окопечками; вверху, подъ сводомъ—галерейка съ древнею башнею.

Монастырекъ виситъ, прилѣпленный какъ ласточкино гнѣздо къ груди скалы, надъ страшными безднами, полными утесовъ, лѣсовъ, обрывовъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается плодородная долина Средней-Зеты и гдѣ горы поднимаются вдругъ съ трехъ сторонъ во всемъ своемъ колоссальномъ величій, приосѣняя собою „главицу“, т.-е.ловище Зеты, шумно выбивающееся изъ подземныхъ поноръ Планиницы. Этотъ воздушный видъ Горняго нѣсколько напоминаетъ Успенскій скитъ около Бахчисарая въ Крыму, а еще больше, пожалуй, грозную дикость Гозувиты, спрятанной въ одномъ изъ самыхъ недоступныхъ щелей Палестинскихъ горъ.

Мы поднялись въ нишу по грубымъ каменнымъ ступенямъ и остановились въ недоумѣннѣ, не зная, куда войти. Проводникъ-байрактаръ посовѣтовалъ намъ забраться на верхнюю галерею и полюбоваться оттуда чуднымъ видомъ на долину, пока онъ разыщетъ единственнаго калучера, охраняющаго эту народную святыню.

— Коли онъ не въ Донѣмъ теперь у архимандрита Симона, то отопретъ церковь и покажетъ все, — утѣшалъ насъ байрактаръ;—а коли въ Донѣмъ, то ничего не увидите, нужно будетъ за нимъ бѣжать... У него всѣ ключи...

— Тамъ и вода есть отличная наверху, воды святой можете напиться! — послалъ онъ намъ въ догонку, когда уже мы лѣзли наверхъ, словно на колокольню, по узенькой и темной каменной лѣсенкѣ подъ опаленными сводами пещеры. Каменная, довольно глубокая галерейка, укрытая отъ дождя и солнца тяжкимъ навѣсомъ скалы, можетъ отлично служить для обстрѣливанія непріятеля, поднимающагося къ монастырю. Изъ нея ведетъ узенькая желѣзная дверочка въ круглую башню, гдѣ помѣщается крошечная старинная церковка. Тутъ же, въ задней стѣнѣ галереи, образованной сырцомъ скалы, маленькое оконце, черезъ которое можно зачерпнуть кружку холодной и какъ слеза чистой воды изъ источника, скрытаго въ каменныхъ нѣдрахъ горы, чѣмъ мы, конечно, не замедлили воспользоваться прежде всего, до крайности разгоряченные и труднымъ подъемомъ, и зноемъ лѣтняго полудня.

Съ галереи дѣйствительно открывается удивительный видъ. Всѣ пропасти, все дно цвѣтущей долины, громады горъ, толпящіяся вдали со всѣхъ сторонъ, Доній монастырь, лѣса, торчащія изъ нихъ утесы,—все это теперь на огромномъ пространствѣ, куда только глазъ хватаетъ, у вашихъ ногъ. Гора Горачъ поднимаетъ какъ разъ напротивъ свои тяжкіе горбы, и бѣлая полоска шоссе бороздитъ ея каменную грудь, впиваясь своими рѣзко-угловатыми, острыми зигзагами то въ одинъ, то въ другой ея выступъ. Церковь Богетичей кажется отсюда Богъ знаетъ какъ глубоко внизу, а „главица“ Зеты и окружающія ея поля прямо-таки на днѣ преисподней.

Калучера нашъ байрактаръ разыскалъ не особенно скоро; мы вдоволь успѣли насмотрѣться на окрестности и наговориться съ провожавшею насъ черногорскою парочкою, когда на галерейкѣ появился наконецъ старикъ-монахъ суроваго вида, сѣдой и кудлатый, одѣтый въ какую-то странную мѣховую кацавейку; хотя со мною онъ расцѣловался по-братски и привѣтствовалъ

насъ радушными словами, но по глазамъ его и по рѣчамъ, обращеннымъ въ землякамъ, сразу былъ виденъ самовластный и взыскательный хозяинъ этой суровой пустыньки, недовѣрчивый и ворчливый сторожъ ея святынь. Онъ повелъ насъ сквозь своды „печеницы“ тѣснымъ корридорчикомъ въ крошечную древнюю церковь, вырубленную въ скалѣ. Стѣны ея и маленькій иконостасикъ расписаны совсѣмъ почернѣвшею отъ сырости и копоти безхитростною иконописью; тѣсно, темно и бѣдно все въ ней. Десять человѣкъ съ трудомъ установятся подъ ея низенькими сводами. Справа у стѣны—небольшая гробница изъ полированного дуба, съ мощами св. Василия Острожскаго. Мощи эти—величайшая народная святыня черногорцевъ. Они готовы оставить на сожженіе врагу всѣ свои дома, бросить женъ и дѣтей на произволъ судьбы, но до послѣдней капли крови будутъ защищать мощи своего святителя. Когда у нихъ не остается никакой надежды силою отстоять Горній, — мѣсто успокоенія ихъ любимаго святого,—они уносятъ его гробницу на своихъ плечахъ, какъ драгоцѣннѣйшее народное знамя, окруживъ его плотною стѣною своихъ богатырскихъ грудей, перенося его за собою по пропастямъ и кручамъ въ своихъ быстролетныхъ походахъ, одушевляясь имъ въ минуты боя...

Св. Василій, когда-то могущественный епископъ галумскій и скадрскій, жилъ лѣтъ 250 тому назадъ и былъ въ свое время неутомимымъ борцомъ за поработненное православіе; много страдая и отъ турокъ, противъ которыхъ онъ неустрашимо защищалъ свою паству, и отъ другихъ враговъ своихъ,—Василій въ концѣ своихъ дней утомился вѣчною борьбою и опасностями, и скрылся въ неприступныхъ горахъ Берды; здѣсь отыскалъ онъ дикую пещеру Острога и, работая какъ послѣдній поденщикъ, собственными руками основалъ въ ней теперешній „Горній“ монастырь во имя св. Троицы, гдѣ и покончилъ свои многотрудные дни, въ смиреніи и подвигахъ простого инока.

Калучеръ Христофоръ, монахъ и священникъ въ одно и то же время, отомянулъ ключомъ дубовый гробъ и даже открылъ намъ ноги, ликъ и руки святого, что онъ дѣлаетъ далеко не для всякаго, и за что, конечно, мы поспѣшили положить по здѣшнему обычаю въ раку святителя нѣсколько серебряныхъ гульденовъ.

Почтенный калучеръ, быть можетъ, и грамотный человѣкъ, ибо, вѣроятно, читаетъ во время службъ волею-неволей требники и Евангеліе, но на душеспасительную бесѣду съ его стороны или на какія-нибудь интересныя сообщенія объ исторіи обители, очевидно, рассчитывать было бы бесполезно; по всѣмъ признакамъ

онъ гораздо болѣе пригоденъ къ защитѣ своего монастыря добрымъ ханджаромъ, снимающимъ съ одного взмаха турецкую голову, чѣмъ къ какимъ бы то ни было религіознымъ воздѣйствіямъ на посѣтителей святой обители; въ этомъ отношеніи это типическій черногорскій попъ, черногорскій калучеръ, изъ которыхъ чаще всего вырабатывались лихіе главари четь въ родѣ Лазаря Сочицы, Богдана Симонича, архимандрита Мелентія и пр.

Покончивъ съ святынями, отецъ Христофоръ свелъ насъ внизъ, къ крылечку нижней башни, и съ таинственнымъ видомъ, бормоча что-то намъ непонятное, пригласилъ насъ войти въ башню, гнѣвно отстранивъ отъ ея дверей и нашего байракта, и нашихъ молодыхъ спутниковъ, которые съ простодушіемъ истинныхъ сыновъ Черной-Горы хотѣли войти отдохнуть вмѣстѣ съ нами въ келью суроваго калучера. Онъ даже съ озабоченнымъ видомъ замкнулъ за собою дверь и не безъ торжественности ввелъ насъ въ свѣтлую комнату, всю установленную по полкамъ иконами русскаго письма и портретами русской царской семьи и черногорскихъ князей. По срединѣ комнаты на кругломъ столѣ разложенъ былъ цѣлый восточный „дастарханъ“, — лимоны, пряники мѣстнаго печенья, свѣжія фиги, орѣхи, и на первомъ планѣ, конечно, ракія, которую почтенный калучеръ, очевидно, считалъ „гвоздемъ“ своего угощенія. На другомъ столѣ была разставлена разная посуда. Пока мы должны были услаждать свой вкусъ черногорскими лакомствами, заботливый хозяинъ монастыря хлопоталъ приготовить намъ турецкаго кофе, и съ этою цѣлью усадить какого-то наивнаго черногорца, отправлявшаго при немъ, повидимому, обязанности служки, не то молоть, не то толочь кофейныя зерна, къ чему храбрый юнакъ оказался рѣшительно неспособнымъ и неподготовленнымъ; ворчунъ-старикъ выходилъ изъ себя и ругался какъ капризный ребенокъ, поминутно выбѣгая на крылечко, гдѣ усѣлся громоздкій и неуклюжій слуга его, и я все время боялся, чтобы своими озлобленными тычками онъ не спихнулъ его съ лѣстницы. Но терпѣливый юнакъ только краснѣлъ и пыхтѣлъ, не возражая ни слова своему сердитому патрону и не двигаясь ни однимъ мускуломъ.

Насилу мы съ женою ублажили расходившагося старичка, увѣривъ его, что въ такой жаръ намъ не до кофею, и что мы съ гораздо большимъ удовольствіемъ напьемся лимонаду, которымъ онъ насъ обильно угощалъ. Впрочемъ самъ отецъ Христофоръ, какъ онъ объявилъ намъ, „испосникъ“, не пьетъ ракіи, не ѣстъ ни мяса, ни яицъ, ни молока, а только хлѣбъ, фасоль и другую овощь.

Байрактаръ потомъ рассказывалъ намъ дорогою, что отецъ Христофоръ считается большимъ подвижникомъ, ведетъ строгую жизнь и очень уважается всѣми; онъ уже сильно старъ, и если умреть, владыка не будетъ знать, кого послать въ Горній. Черногорцы не охотники до иноческой жизни, а въ такой пустынь, какъ Горній, даже рѣдкій монахъ согласится жить. Оригинальные черногорскіе нравы, очевидно, безъ труда совмѣщаютъ благочестивую жизнь и монашескіе подвиги съ бранчивостью и раздражительностью, доходящею до кулачной расправы съ своею меньшею братьею. На высказанное мною удивленіе по этому поводу и байрактаръ, и молодой черногорецъ, горой стали за Христофора и весьма разсудительно увѣряли меня, что всякій старый человѣкъ обязанъ учить и наказывать молодого человѣка, отданнаго ему для наставленія и послушничества, а ужъ тѣмъ паче монахъ такой благочестивой жизни, какъ отецъ Христофоръ.

Мы искренно поблагодарили его за гостепріимство и любезность, и когда я вручилъ ему на прощанье золотой двадцатифранковикъ на его обитель, обрадованный старикъ чуть не расцѣловалъ моихъ руки. Должно быть, не часто балуютъ его своимъ посѣщеніемъ иноземные путешественники, и не много перепадаетъ изъ скудныхъ кармановъ черногорца на его бѣдный монастырекъ.

Острогъ, какъ я уже говорилъ, былъ не разъ мѣстомъ кровопролитныхъ битвъ. Но въ монастырѣ больше всего помнятъ почему-то и охотнѣе всего рассказываютъ о славныхъ бояхъ временъ князя Даниіла почти совпавшихъ съ началомъ нашей севастопольской войны. Знаменитый сераскиръ турецкаго воинства, Омеръ-паша, по-просту, австрійскій сербъ Михаилъ Латосъ, унтеръ-офицеръ австрійской службы, бѣжавшій изъ своего отечества послѣ растраты казенныхъ денегъ и обратившійся въ Турцію въ мусульманина и побѣдоноснаго пашу, далъ слово султану, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль покоритъ Черногорію владычеству Турціи. Онъ собралъ огромныя силы, 15.000 человѣкъ регулярной пѣхоты, три эскадрона конницы, 18.000 албанцевъ, 28 орудій, приспособленныхъ къ горной войнѣ, и въ 1853 г. вторгнулся въ Черногорію разомъ съ четырехъ сторонъ. Сподручникъ его Измаиль-паша ворвался съ 6.000 войска въ долину Зеты отъ Никшича и бросился прямо на Острогъ, въ то время, какъ самъ Омеръ-паша, услѣдшій своими ловкими интригами возмутить противъ князя Даниіла храброе племя пиперовъ, недовольное обложеніемъ ихъ податью, шелъ вмѣстѣ съ

Османъ-пашою и 17.400 человекъ войска съ юга отъ Подгорицы, чтобы, съ помощью измѣнившихъ пиперовъ, внезапно овладѣть Мартыничами и соединиться затѣмъ съ Измаиломъ-пашою.

Нападеніе турокъ застало совсѣмъ врасплохъ черногорцевъ. Мирко Петровичъ, братъ князя Данила и отецъ князя Николая, недаромъ прозванный „мечомъ Черногоріи“, успѣлъ съ сотнею храбрецовъ пробиться въ Острогъ, и засѣвъ за стѣнами его, два раза опрокидывалъ отчаянныя нападенія Измаила-паши. Турки не разъ врывались во дворъ монастыря и рѣзались въ-рукопашную; даже помосты церкви были залиты кровью. Въ острожскомъ монастырѣ кончались въ это время свои геройскіе дни восьмидесятилѣтній старикъ, славный во всей странѣ сенаторъ Черногоріи и воевода Мартыничей, этихъ храбрѣйшихъ изъ черногорцевъ—попъ Иванъ Княжевичъ, еще сподвижникъ свято-почившаго Петра I-го, глубоко почитаемый и княземъ и всѣмъ народомъ; онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, когда начался первый приступъ Измаила.

„За Бога! бейте турокъ!“—кричали онъ въ предсмертномъ бреду, и усиливаясь снять со стѣны холодѣвшею рукою ружье, котораго тамъ не было, въ волненіи метался по постели.

Онъ не хотѣлъ умереть, пока не услышитъ радостной вѣсти о побѣдѣ своихъ юнаковъ. Приступъ былъ отбитъ, турки были прогнаны, и трупы ихъ устлали всѣ скаты Острожской горы... Старикъ объявили желанную вѣсть. Тогда онъ произнесъ утѣшительнымъ голосомъ: „Хвала Богу!“, повернулся на другой бокъ и спокойно испустилъ духъ.

Черногорцы похоронили его въ монастырѣ, но, отбивъ послѣдними отчаянными усиліями второй приступъ и узнавъ, что на помощь Измаилу двигается цѣлая армія Омера-паши, увидѣли, что держаться больше нельзя; взявъ съ собою мощи св. Василія и наиболѣе цѣнныя церковныя вещи, они ночью покинули окровавленный монастырь и прошли, незамѣченные, мимо турецкихъ отрядовъ, съ трехъ сторонъ обложившихъ Острогъ.

На другой день турки, овладѣвшіе монастыремъ, откопали только-что похороненное тѣло геройскаго старца, оставившаго по себѣ среди нихъ такую грозную память, и, отрубивъ его мертвую голову, послали ее, какъ трофей побѣды, въ Подгорицу. Впрочемъ черногорцы отбили-таки потомъ голову своего славнаго воеводы и съ честью погребли ее въ родной землѣ.

Мартыничи, родина попа Ивана, не посрамили его старой славой и подъ предводительствомъ его молодого племянника,

имѣя во всей дружинѣ своей только 500 воиновъ, покинутые измѣнившими сосѣдями своими пиперами, нѣсколько разъ отбивали атаки Омера-паши и обратили въ полное бѣгство восьмитысячный отрядъ албанцевъ Османа-паши. Только послѣ трехъ отчаянныхъ приступовъ 12.000 отборнаго регулярнаго войска Омера, поддержанныхъ 18 орудіями, и послѣ рѣзни не на животь, а на смерть, въ каждомъ переулкѣ, въ каждомъ домѣ своего родного селенія, храбрая горсть юнаковъ вынуждена была покинуть Мартыничу, спаливъ на прощанье свой хлѣбъ и жилища, даже не преслѣдуемая ошеломленными и напуганными турками.

Геройская защита Острога и Мартыничей рѣшила судьбу войны и вынудила впослѣдствіи Омера-пашу очистить Черногорію.

Возвращаться изъ Острога пришлось все-таки въ жарѣ, потому что мы не хотѣли долго задерживаться въ монастырѣ. Лошадь моя, сейчасъ же по выѣздѣ изъ Доньяго, стала хромать такъ сильно, что сидѣть на ней сдѣлалось пыткой; да и не трудно было слетѣть съ нею вмѣстѣ въ пропасть, спускаясь съ кручъ по каменнымъ осыпямъ. Поэтому я спѣшилъ чуть не отъ самаго монастыря и, отдавъ свою лошадь байрактару, не мало этимъ обиженному, пошелъ внизъ пѣшкомъ гораздо быстрее лошадей, которыя постоянно отставали отъ меня. Жара была невыносимая, потъ лилъ съ меня градомъ; цикады надоедливо пилили свои цыркающіи жестяныя ноты, изъ подъ каждого камня, съ каждой вѣтки кустовъ. Колючіе кустарники цѣплялись на каждомъ шагу за платье, за руки, за ноги. Ежевика, по здѣшнему „купина“ и „держи-дерево“, мѣтко прозванное черногорцами „драча“, — названіе, которое не мѣшало бы усвоить для этого растенія и намъ, русскимъ, — составляютъ главную придорожную растительность, покрывающую всѣ скаты горы, между рѣдко разбросанными деревьями. Гранатникъ, или шипакъ, какъ зовутъ его здѣсь, до сихъ поръ весь осыпанъ цвѣтомъ; ему гораздо болѣе подходило бы названіе не „шипакъ“, а „купинъ“, да еще „купины-неопалимой“, потому что его цвѣты горятъ чисто какъ огонь среди темной зелени куста. „Драча“ оправдала и надо мною свое названіе. Желая подражать черногорцамъ, которые въ своихъ пѣшихъ походахъ сокращаютъ путь, пересѣкая напрямикъ изгибы вьющейся улиткою горной дороги, я тоже вездѣ, гдѣ мнѣ казалось можно, спускался прямо по обрывамъ горы до ближайшаго поворота дороги, нерѣдко про-

дираясь, конечно, через кусты и камни. И вотъ въ одномъ злополучномъ мѣстѣ проклятая „драча“ такъ основательно запустила въ нижнія части моей одежды свои желѣзные когти, что разодрала ихъ на-двое сверху до низу и поставила меня въ самое плачевное положеніе, такъ какъ весь багажъ нашъ былъ въ Богетичахъ и на дорогѣ перемѣнить уничтоженный костюмъ было рѣшительно нечѣмъ. Я вспомнилъ, однако, къ своему утѣшенію, что и старый нашъ путешественникъ по Черногоріи, Ег. П. Ковалевскій, тоже жаловался на драчу и также страдалъ отъ нея, какъ и я.

„Наши сапоги были изорваны торчащими камнями, а платье повсюду вьющимся драчемъ“, — сообщалъ онъ, описывая именно свой переходъ изъ Цетинья въ Острогъ, который онъ считалъ „невыразимо тягостнымъ“, находя, что даже и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, „гдѣ можно сѣсть на коня“, грозитъ опасность слетѣть вмѣстѣ съ нимъ въ стремнину или грянуться о камень“...

Слава Богу, наконецъ мы добрались до Богетича, и къ небольшому удовольствію своему, смѣшанному съ нѣкоторымъ удивленіемъ, обрѣли у Джурѣ въ полной сохранности всѣ свои чемоданы, узлы и сакъ-вояжи, честно переданные ему невѣдомымъ намъ извозчикомъ. Бѣжо съ починенною коляскою и отдохнувшими лошадеами своими тоже ждалъ насъ въ Богетичахъ, такъ что, немного переодѣвшись, напившись съ наслажденіемъ свѣжаго молока и кофе, мы могли сейчасъ же двинуться въ обратный путь, провожаемые радушными напутствіями добряка Джурѣ, хорошо заработавшаго въ этотъ день.

До Даниловъ-града докатили всего въ полтора часа. Тамъ застали народную ярмарку. Всѣ улицы залиты толпами черногорцевъ и черногорокъ, но не въ праздничныхъ, а напротивъ, въ самыхъ безцеремонныхъ одеждахъ; иные чуть не безъ рубахъ, у другихъ широкая, могучая грудь распахнута настежъ, третьи въ однихъ рубахахъ. Невольно вспомнилось мнѣ Гоголевское описаніе въ „Тарасѣ Бульбѣ“ казаковъ въ Запорожской Сѣчи... Стоять, сидятъ, ходятъ, толкаются, и видно, что всѣмъ весело, всѣ довольны, — а чѣмъ? понять нельзя. Ничего ровно нѣтъ, кромѣ этой толкотни и празднаго говора. Торговли, можно сказать, тоже нѣтъ. Кто таскаетъ на плечѣ одинъ мѣшокъ продажнаго овса, кто пустой бурдюкъ, торговка держитъ какую-нибудь маленькую чашечку сливъ или овощей, всего гроша на три, а толкотни, ротожѣйства, болтовни изъ-за этого грошоваго товара — на сотни рублей!

Какъ только коляска наша остановилась противъ кафаны,

дать маленькій роздыхъ лошадямъ, какъ насъ кругомъ обсыпала толпа мальчугановъ. Черногорская дѣтвора—это совсѣмъ не то, что какіе-нибудь злорадные и зловерные парижскіе *gamins de la rue* въ типѣ Гавроша, или голосащіе надоедливые попрошайки восточныхъ мусульманскихъ городовъ съ ихъ несмолкающимъ: „бакшишъ, бакшишъ!“ Черногорскія дѣтишки не обступаютъ съ дерзкимъ хохотомъ и улюлюканьемъ одѣтаго не по ихнему иностранца, не надоедаютъ ему никакими просьбами, не мѣшаютъ ему ни въ чемъ. Они только съ искреннею, прямодушною пытливостью смотрятъ ему въ глаза, стараясь угадать или услышать, что ему нужно. Они удивительно услужливы и дѣльны. Въ одну минуту побѣгутъ, куда надо, найдутъ, позовутъ, приведутъ, кого требуется, принесутъ, что приказано. Чуть не въ каждомъ селеніи и городѣ намъ приходилось прибѣгать къ ихъ милымъ услугамъ, за полнымъ отсутствіемъ у черногорцевъ всякихъ надписей, вывѣсокъ, объявленій и официальныхъ блюстителей порядка. Мы убѣдились поэтому собственнымъ опытомъ въ практической полезности черногорской дѣтвора и отсутствіи въ ней всякихъ корыстныхъ инстинктовъ. Сейчасъ сказываются добрыя семейныя начала, серьезная школа жизни. Дай только Богъ, чтобы эта дорогая черта народнаго характера подольше сохранилась въ простодушной черногорской молодежи, не поддаваясь растлѣвающимъ вѣяніямъ нашей трактирной цивилизаціи. Дѣтишки черногорскія вмѣстѣ съ тѣмъ красавецъ на красавцѣ, а ужъ особенно самыя крошки,—тѣ просто одинъ восторгъ!..

Отъ Даниловъ-града, или, вѣрнѣе, отъ княжескаго имѣнья Крушевца, шоссе идетъ уже низомъ долины, прямо какъ стрѣла, до самаго Спужа, густо обсаженное по обѣимъ сторонамъ бѣлою акаціею. За Спужемъ, въ мѣстахъ, гдѣ недавно еще хозяйничали турки, вся мѣстность кажется какъ-то бесплоднѣе и безхозяйственнѣе, зато на каждомъ холмѣ, на каждой вершинкѣ горы непремѣнно торчатъ фортъ, башня или блокгаузъ.

Развалины Дукли промелькнули мимо насъ на своемъ остромъ полуостровѣ, между руслами Зеты и Морачи, прислоненныя къ горамъ. Глядя на прямое и тихое теченіе Зеты и на бѣшенныя волны Морачи, выбѣгающей сбоку изъ горъ, не понимаешь, почему соединенное теченіе этихъ рѣкъ послѣ впаденія Морачи носить имя ея, а не Зеты, между тѣмъ какъ теченіе это продолжаетъ почти безъ всякаго уклона направленіе Зеты, а вовсе не Морачи, и такъ же тихо, какъ Зета, до самаго Скутарійскаго озера, куда она впадаетъ. Отъ Даниловъ-града до Подгорицы мы

тоже доѣхали въ полтора часа, сильно торопясь попасть туда до ночи. Вслѣдъ за нами помчалась въ Подгорицу огромная длинная телѣга тройкою, въ которую набилось больше двадцати человѣкъ въ бѣлыхъ фескахъ и черногорскихъ капахъ, возвращавшихся съ какихъ-то работъ. Несмотря на наступавшую темноту, по улицамъ и на площади Подгорицы гуляли толпы празднаго народа. Оказалось, что на завтра ждутъ въ Подгорицу князя и митрополита, отправляющихся въ Никшичъ на закладку новаго собора.

XIV.—Встрѣча съ владыками Черногоріи.

Христо и въ этотъ разъ угостилъ насъ на славу. Ужинъ ждалъ насъ обильный: жареная кусками форель, баранина, еще какое-то печеное мясо, огурцы съ салатомъ и очень хорошее крымское вино.

Постели были тоже свѣжія и чистыя, и мы выспались отлично, несмотря на неожиданно набѣжавшую страшную грозу съ громомъ и молніей. Выѣхали мы изъ Подгорицы яснымъ веселымъ утромъ мимо княжескаго загороднаго двора. Домъ розоваго цвѣта, съ красивымъ фасадомъ, высится на холмѣ, недалеко отъ него церковь, а у ногъ его—зеленая ливада, густо обсаженная акаціями, молодой фруктовый садъ, молодая роща дубковъ. Равнина Подгорицы широкая, ровная, съ тучною и плодоносною почвою. Виноградники, плантаціи табаку и кукурузы покрываютъ ее, куда ни взглянешь. Вся она еще недавно была въ рукахъ турокъ. Рѣка Ситница, которую мы переѣзжаемъ, отдѣляла ее тогда отъ черногорскихъ предгорій. За Ситницей сейчасъ же начинается подъемъ. Налѣво отъ насъ, на очень высокой пирамидальной горѣ живописно вырѣзается церковь села Кокети. На встрѣчу намъ спускается длинная маджара съ княжескою кухнею, поваромъ и камердинеромъ. Немного спустя, провели мимо насъ и верховыхъ коней князя. Лошади очень красивыя, сѣрыя, арабской крови, подъ богато расшитыми попонами, съ серебряными налобниками, украшенными гербомъ князя. Проскакали потомъ отчаяннымъ галопомъ внизъ подъ гору два княжескихъ перьянника въ красныхъ гуняхъ съ мѣдными значками на груди и на шапкахъ.

— Теперь сейчасъ и князь будетъ!—съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ сказалъ Божо, сдѣлавшись вдругъ необычно серьезнымъ и взволнованно оправляя свой костюмъ. Князь дѣйстви-

тельно не заставилъ себя ждать. Скоро показалась на крутомъ спускѣ горы, не доѣзжая села Кокети, красивая вѣнская коляска, запряженная парюю сѣрыхъ рысаковъ. Три пѣшихъ перьянника въ красныхъ гуняхъ, съ ружьями въ рукахъ, шли впереди, три—позади коляски.

Еще одинъ красный воинъ возсѣдалъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Князь Николай сидѣлъ одинъ на заднемъ сидѣннѣ коляски, разодѣтый въ свой яркій многоцвѣтный нарядъ, весь въ золотѣ, въ звѣздахъ, въ крестахъ, широкоплечій, могучій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сіяющій своею привѣтливою доброю улыбкою. На шеѣ у него былъ русскій бѣлый георгиевскій крестъ, не знаю, второй или третьей степени. Мнѣ кажется, что и Георгій первой степени былъ бы вполне умѣстенъ на груди этого вождя племени-героевъ, чтобы въ его лицѣ былъ увѣнчанъ высшимъ знакомъ военной доблести весь этотъ идеально-храбрый и идеально-доблестный народъ...

Противъ князя, на передней лавочкѣ, сидѣлъ сѣдоусый суровый воевода, сухой и высокій,—тестъ его Петаръ Вукотичъ,—знаменитый побѣдитель Дервиша-паши, теперь уже не у дѣлъ по старости своей.

По принятому здѣсь обычаю, нѣсколько напомнившему намъ знакомые обычаи каирскихъ жителей при встрѣчахъ ихъ съ хедивомъ Египта,—экипажи проѣзжающихъ, верховые, пѣшеходы—все останавливаются при проѣздѣ князя, отодвигаются въ сторону и почтительно привѣтствуютъ владыку Черногоріи.

Божо нашъ продѣлалъ, конечно, то же самое, остановилъ лошадей въ сторонѣ и, снявъ шапку, проворно соскочилъ съ козелъ. То же сдѣлала и ѣхавшая за нами коляска тройкою съ какимъ-то туркомъ изъ Подгорицы. Когда экипажъ князя поровнялся съ нашимъ и я поклонился ему, приподнявъ шляпу, князь сейчасъ же узналъ меня и, къ моему немалому удивленію, крикнувъ кучеру остановиться, вдругъ выскочилъ изъ коляски. Я поторопился предупредить его и пошелъ ему на встрѣчу.

— Вы уже изъ Никшича возвращаетесь такъ скоро?—спросилъ меня князь по-французски.—Представьте же меня вашей супругѣ.

Онъ подошелъ со мною къ коляскѣ и сталъ бесѣдовать съ моею женою, стоя у дверцы, какъ самый любезный свѣтскій человѣкъ, съ тою простотою и естественностью, которая такъ обаятельно дѣйствуютъ на всѣхъ, кто имѣлъ счастливый случай, хотя мимолетно, познакомиться съ этимъ княземъ-поэтомъ и княземъ-рыцаремъ.

Князь выразилъ сожалѣнiе, что мы не дождались его въ Никшичѣ, не увидимъ интереснаго торжества закладки новаго собора и не услышимъ приготовленной имъ къ этому случаю политической рѣчи...

— Рѣчь эта не особенно будетъ прiятна нашей сосѣдкѣ Австрiи, потому что придется коснуться Герцеговины и герцеговинцевъ, указать на то, что историческiя цѣли Черногорiи не были достигнуты на берлинскомъ конгрессѣ и что нужно уповать на будущее...—съ насмѣшливою улыбкою прибавилъ князь.

Онъ спросилъ также мою жену, были ли мы въ его дворцѣ около Подгорицы. Жена отвѣчала, что мы упустили попросить разрѣшенiя на осмотръ дворца, когда были въ Цетиньѣ, а не имѣя разрѣшенiя, думали, что насъ не пропустятъ во дворецъ.

— Напрасно; васъ бы пропустили безъ всякаго препятствiя,—сказалъ князь;—а между тѣмъ вы увидѣли бы тамъ кое-что интересное по части дiоцлейскихъ древностей... Вы вѣрно замѣтили колонны, которыя тамъ стоятъ,—онѣ тоже найдены въ развалинахъ.

Князь разспрашивалъ насъ про наши впечатлѣнiя по Черногорiи, хотѣлъ знать, гдѣ мы были, что именно видѣли и сильно ли устали. Онъ очень удивлялся, что моя жена рѣшилась пѣшкомъ подняться въ Горнiй, чего непривычныя къ горахъ европейскiя дамы обыкновенно избѣгаютъ.

Когда я спросилъ князя, правду ли пишутъ про него, будто въ молодости онъ пѣшкомъ обошелъ всю Черногорiю, князь отвѣчалъ, улыбувшись:

— О, нѣтъ, далеко не всю. Какъ ни часто и ни много ѣздилъ я по Черногорiи, но и до сихъ поръ есть еще мѣста, которыхъ я никогда не видѣлъ.

Въ это время княжескую коляску нагналъ шарабанъ въ одну лошадь, въ которомъ сидѣлъ молодой княжичъ Мирко съ кѣмъ-то изъ приближенныхъ князя.

Удалой красавецъ Мирко, весело улыбаясь, проворно выпрыгнулъ изъ шарабана и тоже направился къ нашей коляскѣ, прося меня представить его моей женѣ.

Они съ княземъ еще нѣсколько минутъ любезно бесѣдовали съ нами, выражая сожалѣнiе, что мы такъ недолго пробыли въ Черногорiи.

— Прiѣзжайте къ намъ еще разъ, если Черногорiя вамъ понравилась; тутъ еще многое интересно было бы вамъ посмотреть...—заклучилъ князь на прощанье.—Bon voyage!..

Мы изъ вѣжливости подождали, пока тронулся княжескiй

поѣздъ, и тогда только двинулись дальше, искренно тронутые и не мало удивленные такою выходящею изъ ряду привѣтливостію черногорскаго владыки.

Мы съ женою невольно сопоставляли съ этою истинною благовоспитанностію и истинною просвѣщенностію человѣка, стоящаго все-таки въ ряду царственныхъ особъ, — съ обычнымъ у насъ чванствомъ и надменностію какого-нибудь мало-мальски крупнаго чиновника, едва доступнаго въ своемъ воображаемомъ бюрократическомъ величіи простому смертному...

За княземъ слѣдовать цѣлый длинный цугъ его приближенныхъ. Проѣхали какіе-то черногорскіе сановники въ нѣсколькихъ колыскахъ; проѣхали подводы отставшихъ перьянниковъ, которыхъ мы захватили въ селѣ Кокети у кафаны, гдѣ они по пути прохлаждались стаканчиками ракии. Они вели съ собою коней, осѣдланыхъ кавалерійскими сѣдлами, и, вѣроятно, должны были ѣхать прямо въ Никшичъ, пока князь пробудеть у себя въ Крушевцѣ.

Въ селеніѣ Дражевниѣ, — если я вѣрно запомнилъ это названіе, — у корчмы опять княжескій обозъ, колыска и арба, полная вещей, и опять веселые ребята черногорцы безпечно засѣдаютъ въ кафанѣ со стаканчиками въ рукахъ. Старый черногорецъ сидитъ по срединѣ ихъ и поетъ полу-разбитымъ голосомъ какія-то заунывные народныя рапсодіи, перебирая своими изсохшими пальцами самодѣльные гусли. На дворѣ, подъ окнами, собралась небольшая толпа и тоже внимательно слушаетъ...

Закукала црна куковице
На средѣ тверда Скадра на Бояну...

— доносятся до насъ отрывочные звуки. Одинъ изъ слушателей долго всматривается въ насъ, пока наши лошади отдыхали передъ дверью кафаны, и словно порѣшивъ самъ съ собою, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ понять православной сербской рѣчи, неожиданно спрашиваетъ насъ по-нѣмцки:

— Ist es schwer in Черногорія zu reisen?..

Мы ему отвѣчаемъ, къ его очевидному удовольствію, что нисколько не schwer, что въ Черногоріи у нихъ теперь стали такія хорошія дороги, такъ все удобно и интересно, какъ и въ любомъ европейскомъ государствѣ. Объясняется вскорѣ, что мы русскіе, а не нѣмцы, и къ намъ уже обращаются наперерывъ любопытные вопросы и сочувственныя восклицанія не на нена-

вистномъ черногорцу швабскомъ, а на родномъ и сердцу любезномъ сербскомъ языкѣ.

Далеко проѣхавъ Дражевнину, опять видимъ спускающіяся съ горы двѣ коляски. На козлахъ каждой по два черногорца; въ передней коляскѣ митрополитъ Митрофанъ съ какимъ-то монахомъ; тоже, очевидно, ѣдутъ въ Никшичъ на закладку собора.

Мы оба съ женою раскланились съ знакомымъ уже намъ митрополитомъ и продолжали-было спокойно свой путь, какъ вдругъ Божо остановилъ лошадей и шепнулъ намъ встревоженно:

— Владыко остановился, къ вамъ идетъ!

Дѣйствительно, проѣхавъ нѣсколько сажень подъ гору, митрополитъ приказалъ вдругъ остановить лошадей и вышелъ изъ коляски.

Мы съ женою тотчасъ же поспѣшили къ нему на встрѣчу, озадаченные такою неожиданною любезностью.

Преосвященный извинился, что встрѣчаетъ насъ въ дорожной одеждѣ, хотя, по правдѣ сказать, нарядъ его не требовалъ никакихъ оправданій; на немъ была короткая черная душегрѣйка поверхъ чернаго подрясника и панагія, украшенная изумрудами. Онъ сообщилъ намъ, что ѣдетъ въ Никшичъ класть первый камень новаго православнаго собора; поспѣловалъ на насъ, что мы такъ не во-время уѣхали изъ Никшича, не дождавшись торжества; очень былъ доволенъ, узнавъ что мы посѣтили не только Доній, но и Горній-Острогъ, и распросивъ, какъ понравилась намъ Черногорія, долго ли мы еще пробудемъ здѣсь, пожелалъ намъ счастливаго возвращенія и поручилъ передать его поклонъ знакомымъ ему русскимъ дѣятелямъ изъ числа главныхъ руководителей славянскаго общества.

Такое деликатное вниманіе духовнаго главы Черногоріи къ простымъ русскимъ путешественникамъ тоже пріятно поразило насъ, не привыкшихъ въ своемъ отечествѣ ни къ чему подобному. Можетъ быть, въ этомъ глубоко-человѣчномъ свойствѣ передовыхъ людей Черногоріи сказывается издревле вкоренившееся въ черногорскомъ народѣ священное чувство гостепріимства, выражающееся теперь въ другихъ, болѣе культурныхъ формахъ, чѣмъ въ былыя времена.

Мы лѣземъ все по сѣрымъ известнякамъ, взбуравленнымъ тяжкими слоями, такъ правильно и глубоко растреснувшимъ, что они кажутся гигантскою кладкою какихъ-нибудь циклоповъ. Сѣрые утесы башнями и замками выглядываютъ изъ зелени лѣсковъ;

котловины долинокъ окружены настоящими амфитеатрами съ рядами нерукотворныхъ ступеней своего рода. Несомнѣнно, что первобытный человѣкъ всѣ формы своихъ построекъ, всѣ стили своей архитектуры заимствовалъ съ готовыхъ уже природныхъ моделей горъ и лѣсовъ, гдѣ онъ нашелъ и своды, и столбы, и галереи, пирамиды, амфитеатры, башни, зубчатые стѣны...

Когда коляска наша взлѣзла наконецъ на самую высоту, — слѣва у насъ разстилось „Горнее Блато“, а за нимъ, черезъ лѣсистый перешеекъ, громадная чапа „Скадрскаго Блата“, терявшаяся въ туманахъ горизонта. Историческая „Велья-Гора“ съ своею заоблачною бѣлой часовенкой провожала насъ справа... Эти мѣста мы проѣхали въ темноту, когда ѣхали въ Никшичъ, и ничего поэтому не рассмотрѣли тогда. Когда же мы спустились съ перевала и проѣхали тѣнистую прохладу настоящаго рослаго и густаго дубоваго лѣса, какихъ почти не встрѣчаешь въ Черногоріи, мимо насъ потянулись до самой Рѣки Черноевича уже знакомыя мѣста.

Въ Рѣкѣ насъ уже многіе признали, такъ какъ мы въ короткое время останавливаемся здѣсь въ четвертый разъ. Хозяинъ кафаны, разумеется, самый главный пріятель нашъ. Онъ не только выворачиваетъ для насъ всѣ свои скудные запасы, чтобы собрать намъ сколько-нибудь сытный завтракъ, но еще ведетъ мою жену по искуснѣйшимъ мѣстнымъ мастерамъ и мастерицамъ, помогая ей покупать разныя статьи національнаго костюма для подарковъ въ Россіи.

Пока жена странствовала по подгорицкимъ кустарямъ, а я отдыхалъ подъ деревомъ за книгою и записною тетрадью своею, много экипажей подѣзжало къ кафанѣ; они останавливались не надолго и опять отправлялись въ путь по знакомой намъ теперь дорогѣ на Подгорицу. Это все цетинская знать двигалась на торжество въ Никшичъ.

На Коштелѣ мы опять застаемъ подъ деревомъ у края дороги походную лавочку деревенской юницы съ крашеными яйцами, водою, виномъ и лимонадомъ. Нынче опять большой проѣздъ, и добычливая дѣвочка не хочетъ упустить своего скуднаго барыша. Хорошенькій глазастый мальчуганъ съ всклокоченною черноволосою головою усѣлся на корточкахъ, какъ обезьяна, на гребнѣ каменной ограды, совсѣмъ не думая, что онъ сидитъ надъ пропастью, и съ самою умильною миною облизывается на разложенныя у ногъ его прелести, очевидно, не постигая, какимъ это образомъ мы, обладатели коляски и пары лошадей, можемъ проѣхать мимо всѣхъ этихъ соблазнительныхъ вещей, не

остановившись попробовать и красныхъ яицъ, и сладкаго лимонаду...

Когда мы проѣхали „Бельведеръ“, — бесѣдку на перевалѣ, куда жители Цетинья ходятъ любоваться на далекіе виды Рѣки, Скутарійскаго озера и Албанскихъ горъ, — и стали спускаться къ городу, — пейзажъ опять сдѣлался сурово-дикимъ. Цѣлый хаосъ ошестинившихся черно-сѣрыхъ камней выпираетъ беспорядочными громадами другъ изъ-за друга и другъ на друга по обрывамъ глубокихъ круглыхъ проваловъ, — такъ что вся страна кажется только-что разрушенною колоссальнымъ землетрясеніемъ или какимъ-нибудь страшнымъ геологическимъ переворотомъ.

Дорога, изворачивающаяся змѣею между массивныхъ толщъ, точно сбѣгаетъ въ одну изъ этихъ гигантскихъ воронокъ, на дно этой чертовской каменоломни... И дѣлается такъ странно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ весело на душѣ, когда вмѣсто ожидаемаго ада кромѣшнаго, вмѣсто озера, дымящагося жупеломъ, передъ вами вдругъ распаивается внизу мирная зеленая долинка Цетинья, ровная какъ ладонь, и среди нея весело вырисовывается, ярко освѣщенный боковыми лучами солнца, краснокрышій милый и скромный городокъ, весь тутъ въ одной горсточкѣ, безъ всякихъ прелюдій, безъ предмѣстьевъ и дачъ, прямо какъ помѣщичья усадьба на деревенскомъ выгонѣ, — сразу дворецъ наследника, сразу театръ съ публичной библіотекой и музеемъ, сразу институтъ для дѣвицъ и единственная гостинница, — желанный пріютъ нашъ, — все тутъ же вмѣстѣ, на краю поля и вмѣстѣ въ центрѣ города, ибо весь-то городокъ — два шага.

Отъ Бельведера до города мы встрѣчали много гуляющей публики, дѣтей, дамъ. Европейскія штатскія платья уже темнѣютъ кое-гдѣ среди разноцвѣтныхъ черногорскихъ гуней, да ламъ, джамадановъ, элековъ... Но прозаическій видъ ихъ какъ-то рѣжетъ еще глазъ въ характерной и живописной обстановкѣ черногорской толпы.

Въ городѣ тоже масса гуляющихъ. Вымывшись и переодѣвшись, мы съ наслажденіемъ напились чаю подъ дубомъ гостиницы въ обществѣ любезнаго и образованнаго хозяина нашего, городского головы Цетинья. Онъ — большой другъ всякихъ мирныхъ усовершенствованій жизни, торговли, промышленности, школъ, литературы. Познакомилъ онъ насъ съ своимъ пріятелемъ редакторомъ „Гласа Црингорца“ — единственной газеты княжества. Редакторъ хотя и не говоритъ по-русски, но мы съ нимъ объяс-

нялись безъ особеннаго затрудненія. Онъ — почитатель газеты „Новое Время“ и считаетъ себя, какъ онъ увѣрялъ насъ, только „одѣвкомъ“ (эхо) его во всѣхъ своихъ политическихъ взглядахъ. Почтенный черногорскій журналистъ искренно огорчается, что русскія газеты сплошь да рядомъ черпаютъ свои взгляды и извѣстія о славянскихъ земляхъ не изъ „Гласа Черногорца“ или какихъ-нибудь сербскихъ газетъ, а изъ враждебныхъ славянству нѣмецкихъ и венгерскихъ журналовъ. Русскія книги редакторъ „Гласа“ читаетъ свободно; онъ знаетъ Пушкина, Лермонтова и другихъ нашихъ классиковъ, хотя читать научныя книги и политическія газеты ему гораздо легче. Желаніе его вполне овладѣть русскимъ языкомъ самое сильное, и онъ твердо рѣшился достигнуть этого будущею зимою.

— Жаль только, что въ Цетинѣ нѣтъ никого, кто бы могъ давать уроки русскаго языка, а то бы многіе черногорцы стали учиться! — добавилъ онъ въ заключеніе.

Послѣ чаю я отправился отыскивать д-ра Миляннича, къ которому у меня было дѣло; мы встрѣтили его на дорогѣ, ѣхавши въ Цетинѣ, и Бѣжо указалъ мнѣ его, прибавивъ съ благоговѣніемъ, что это „генераль-докторъ“, и что у него на капѣ двуглавый орелъ, потому что онъ сенаторъ. Но дома я его въ этотъ день не засталъ и оставилъ только свою карточку. Милянничъ самъ отыскалъ насъ, когда мы съ городскимъ головою и редакторомъ „Гласа“ занимались осмотромъ интересныхъ древнихъ остатковъ цетинскаго монастыря, построеннаго Иваномъ Бегомъ Черноевичемъ. Часть этихъ историческихъ обломковъ, украшенныхъ искусною скульптурою старинной черногорской работы, капителей мѣстнаго камня и разныхъ другихъ архитектурныхъ частей, сложены около новой княжеской церкви; на нѣкоторыхъ камняхъ видно изображеніе двуглаваго орла; много такихъ же древнихъ камней съ орлами и орнаментами вставлены въ стѣны теперешняго монастыря, между прочимъ, всѣ капители въ аркахъ галереи, гдѣ живутъ монахи, а надъ входною дверью монастырской церкви вложенъ самый интересный остатокъ древности — камень, на которомъ вырѣзана надпись о построеніи стараго монастыря Иваномъ Черноевичемъ. Въ тѣсномъ проходномъ дворикѣ за церковью мнѣ показали красивую гробницу одного изъ Карагеоргіевичей — изъ чернаго гранита, съ бѣломраморнымъ гербомъ Карагеоргіевичей. Кругомъ монастыря заботливо разбиваются молодые сады и парки, за новымъ паркомъ и монастыремъ — тотчасъ же и выѣздъ изъ города, и на выѣздѣ большое зданіе тюрьмы. Городской голова сообщилъ намъ, что

все Цетинье построено на монастырской землѣ, даже дворецъ князя; поэтому недавнимъ указомъ князя приказано платить за мѣста для построекъ не князю и не городу, а монастырю.

Д-ръ Миляничъ окончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, и хотя потомъ учился въ Германіи, но все-таки свободно говорить по-русски. Онъ пригласилъ насъ зайти въ его небольшую, но уютную квартиру и познакомилъ съ своею молоденькою, красивою женою; хорошенькій мальчуганъ, сынишка ихъ, разглядывалъ насъ съ любопытствомъ дикой птички. Жена Милянича хотя и понимаетъ немного по-русски, но говорить не можетъ, и объяснялась съ нами по-нѣмецки. Радужный хозяинъ угощалъ насъ коньякомъ и съ любопытствомъ спрашивалъ о нашихъ послѣднихъ путешествіяхъ. У него много книгъ русскихъ и нѣмецкихъ, между прочимъ I томъ классическаго труда Павла Аполлоновича Ровинскаго по топографіи и исторіи Черногоріи, подобнаго которому нѣтъ ни на одномъ языкѣ. Исторія Черногоріи Миляковича, болѣе другихъ распространенная въ Цетиньѣ, значительно короче и въ научномъ отношеніи не можетъ быть сравниваема съ обширнымъ и серьезнымъ трудомъ Ровинскаго, по достоинству увѣнчаннымъ премією нашей Академіи наукъ.

Вечеръ я провелъ у нашего посланника, гдѣ, кромѣ секретаря посольства г. Вурцеля, уже знакомаго намъ, я познакомился съ воспитателемъ княжескихъ дѣтей, швейцарцемъ Пиге, красивымъ мужчиною огромнаго роста, совсѣмъ подѣ съ черноросцами; мы много говорили объ историческихъ задачахъ Черногоріи, о положеніи Македоніи, Греціи, Сербіи. Любезный посланникъ нашъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ препятствій, устроилъ-таки намъ возможность ѣхать домой черезъ Боснію, куда австрійцы неохотно пускаютъ русскихъ; паспортъ нашъ былъ визированъ въ этомъ смыслѣ австрійскимъ резидентомъ.

Спать пришлось лечь только въ 12 часовъ ночи, что здѣсь не въ обычаѣ. Ночь была удивительно тихая и ясная, такъ что мы долго молча стояли подѣ раскрытымъ окномъ, наслаждаясь картиною заснувшаго города. Луна поднималась изъ-за горъ; звѣзды, не успѣвшія еще поблѣднѣть, ярко искрились на темно-синей глубинѣ неба; мирная долина дышала бодрящею свѣжестью; безполезные фонари продолжали горѣть вдоль пустыхъ и безмолвныхъ улицъ своими тусклыми красноватыми огоньками, и ни одинъ звукъ шаговъ не нарушалъ мертвой тишины полуночнаго часа, какъ будто мы были теперь среди какого-нибудь глухого степного хутора...

Отрадное чувство безопасности и спокойствія охватываетъ васъ здѣсь, среди этого простого, честнаго и смѣлаго народа, довѣрчиво спящаго въ своихъ незапертыхъ домахъ безъ всякихъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ обходовъ.

Утромъ я отправилъ на родину телеграмму о нашемъ выѣздѣ домой, заплативъ изъ Цетинья въ Воронежъ всего одинъ австрійскій гульденъ 65 крейцеровъ.

Одинъ изъ новыхъ знакомцевъ нашихъ, единственный цетинскій содержатель аптеки Дрейчъ герцеговинецъ изъ Мостара, учившійся въ Петербургѣ въ 3-й гимназiи, и хорошо говорящiй по-русски, настоятельно просилъ насъ навѣстить его и затащилъ насъ къ себѣ. Дрейчъ объяснилъ, что это совсѣмъ не славянская фамилiя—только личное прозвище его, а что онъ изъ рода Миличевичей; онъ былъ во время послѣдней войны завѣдующимъ „Краснымъ Крестомъ“ въ отрядѣ князя Николая, вмѣстѣ съ русскимъ докторомъ Щербакомъ и другими, и рассказывалъ поэтому, какъ очевидецъ, много интереснаго о битвахъ въ Дужскомъ ущельѣ, подъ Острогомъ и въ долинѣ Зеты.

Въ Доньемъ-Острогѣ стоялъ ихъ госпиталь съ ранеными, но князь прислалъ сказать, что удержать Острогъ не могутъ, и чтобы скорѣе очищали его. Старикъ Христофоръ поднималъ тогда мощи св. Василия и вынесъ ихъ на плечахъ народа; раненыхъ тоже повели, повезли верхами, понесли на рукахъ. Черногорцы шли горами Горача, защищая правый берегъ Зеты, прикрывая Катунскую и Лѣшанскую нахiи, а турки шли вершинами Острога. Всякій шагъ они должны были брать съ бою, и поэтому отъ Нившича до Спужа двигались цѣлыхъ девять дней; въ Рѣку ихъ не пропустилъ князь Николай, а въ Пиперы и въ Кучи задвинулъ имъ дорогу ни разу ими не побѣжденный, энергичный и дѣятельный Бѣжо Петровичъ, укрѣпившiйся у Дуклеи. У Сулейман-паши было тогда 40.000 регулярнаго войска, у князя Николая всего 6—7.000. Сулейманъ, какъ только соединился въ Спужѣ съ Дервишемъ-пашою, сейчасъ же отправился съ своимъ войскомъ черезъ Антивари на Шипку. Нашъ посланникъ Юнинъ былъ тогда все время при князѣ и сообщалъ ему ежедневно извѣстiя изъ Болгарiи. Русскiй главнокомандующiй требовалъ, чтобы черногорцы какъ можно долѣе удерживали у себя турецкiя войска, и князь Николай вполне исполнилъ это порученiе.

Дрейчъ предложилъ моей женѣ помочь ей въ покупкахъ мѣстныхъ издѣлiй, а я, пока они странствовали изъ лавки въ

лавку, отправился проститься къ П. Д. Вурцелю и побесѣдовалъ съ нимъ за русскимъ чаемъ около тульскаго самовара. У Вурцеля довольно большая и хорошо выбранная библіотека русскихъ авторовъ, много французскихъ книгъ по исторіи и этнографіи. По словамъ его, Черногорія получаетъ изъ Россіи не мало помощи. Въ голодные годы прислано было сюда русскими не меньше полумилліона франковъ. Составленъ былъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, и Вурцель, въ качествѣ его помощника, долженъ былъ взять на себя главный трудъ по составленію списка пострадавшихъ округовъ и распредѣленію пособій. Раздача поручалась мѣстному попу, школьному учителю, капитану, представителямъ народа. Дѣло велось у нихъ вполне честно. Три года сряду пришлось кормить пострадавшихъ. Особенно трудно было устроить неудавшихся переселенцевъ, которые двинулись въ Сербію, по приглашенію тамошняго правительства; въ числѣ 14.000 семействъ, а принято было ихъ только 6.000; 8.000 семействъ должны были вернуться, окончательно разоренныя, продавъ еще раньше свои дома, поля, скотъ, орудія, оставшись безъ крова, безъ хлѣба, безъ заработка. Кое-какъ размѣстили эти семьи по различнымъ селамъ и кормили на счетъ благотворительныхъ средствъ, а земли и имущество ихъ выкупили обратно. У Вурцеля я встрѣтился съ французскимъ министромъ-резидентомъ при черногорскомъ дворѣ г. Депре, женатымъ на красивой американкѣ, дочери Макъ-Клелана, съ которыми мы уже раньше видѣлись за табльдотомъ нашей гостиницы. Этотъ любезный дипломатъ самымъ дружелюбнымъ образомъ относится къ русскимъ, и взялъ съ меня слово, что мы съ женою заѣдемъ къ нему въ Рагузу на нашемъ обратномъ пути.

Съ послѣднимъ зашли мы проститься съ Кимономъ Эммануиловичемъ Аргиропуло, —этимъ въ высшей степени симпатичнымъ представителемъ здѣсь русской политики, сердечно привязаннымъ къ Черногоріи и вѣрующимъ въ ея счастливую будущность. К. Э. Аргиропуло, проживъ много лѣтъ въ Черногоріи, изучилъ до мельчайшихъ подробностей ея народъ и страну; онъ объѣхалъ верхомъ всѣ границы Черногоріи и присоединенныхъ къ ней земель, побывалъ у всѣхъ черногорскихъ племенъ и даже у окрестныхъ албанцевъ, отлично постигъ духъ и характеръ народа, основательно познакомившись съ его исторіей, и пользуется во всемъ княжествѣ огромнымъ авторитетомъ.

Такіе подготовленные, правильно смотрящіе дипломатическіе дѣатели только и могутъ быть полезны истиннымъ интересамъ Россіи. Раньше Черногоріи, Аргиропуло служилъ въ Персіи и въ

Константинополѣ, такъ что имѣлъ случай со всѣхъ сторонъ изучить нашу восточную политику.

К. Э. Аргиропуло проводить нѣсколько лѣтнихъ недѣль на „Катунахъ“ (альпійскихъ пастбищахъ) Ловчена; по его словамъ, гостепріимство простодушныхъ черногорскихъ пастуховъ доходитъ до трогательности. Они ему рѣжутъ барановъ, готовятъ молоко и сыръ, считая это за великую честь для себя, и ни одинъ изъ нихъ ни за что не согласится взять за это хотя бы одну копейку съ посланника русскаго царя. Въ Катунѣхъ живетъ лѣтомъ и князь, и многіе другіе черногорцы. К. Э. беретъ обыкновенно съ собою своихъ кавасовъ и повара, свою походную кровать и устраиваетъ себѣ гдѣ-нибудь въ уютномъ уголѣ горнаго пастбища деревянный баракъ. По словамъ его, нѣтъ ничего здоровѣе и пріятнѣе этой жизни на заоблачныхъ пастбищахъ. Съ княземъ Николаемъ посланникъ нашъ въ самыхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ и почти каждый вечеръ проводить у него, составляя ему партію въ русскій проферансъ.

Судя по тому, что я слышалъ здѣсь, вопросъ македонскій считается самымъ труднымъ, почти неразрѣшимымъ. Взаимная вражда сербовъ, болгаръ, грековъ и румынъ въ Македоніи дѣлаетъ положеніе тамъ Турціи несокрушимымъ, и каждый изъ соперничающихъ народовъ охотнѣе мирится съ властью Турціи надъ спорными странами, чѣмъ съ господствомъ въ нихъ кого бы то ни было изъ своихъ соперниковъ, тѣмъ болѣе, что турки гораздо снисходительнѣе къ различіямъ племеннымъ и религіознымъ, а прежняго своеволія и тиранніи пашей не допускаетъ постоянное вмѣшательство консуловъ и европейскихъ державъ. Если же правительство Оттоманской Порты по обыкновенію своему ложится мертвою рукою на всѣ отрасли государственнаго управленія, то зато оно не мѣшаетъ частной инициативѣ, промышленной и торговой, какъ показываетъ, напр., примѣръ Салоникъ, гдѣ такъ называемые спаньолы, — предприимчивые испанскіе евреи, — расприжаются въ сущности всѣмъ. Сами македонцы отлично понимаютъ это преимущество турецкаго владычества и мечтаютъ только о самостоятельномъ устройствѣ Македоніи, вовсе не соблазняясь перспективою промѣнять султана на Милана или Фердинанда. Конечно, самостоятельная Македонія была бы лучшею развязкою этого сложнаго вопроса, постоянно волнующаго балканскіе народы, а черезъ нихъ и Европу; дальнѣйшій ходъ исторіи показалъ бы, куда стала бы добровольно тяготѣть эта новая свободная страна. Рознь, взаимная зависть, недовѣріе и междоусобные споры до сихъ поръ губятъ славянство, какъ гу-

били они его въ его старой исторіи; судьба Россіи при татарскомъ нашествіи, судьба Сербіи на Коссовомъ полѣ—не научили славянъ политическому благоразумію. Даже совсѣмъ одноплеменные сербы считаютъ, напримѣръ, черногорцевъ дикарями, а черногорцы, въ свою очередь, свысока смотрятъ на сербовъ королевства, презрительно называя ихъ „шумадійцами“, т.-е. пастухами, а себя почитая вольнымъ благороднымъ рыцарствомъ. Хотя же и существуетъ тайное соглашеніе между Сербіей и Черногоріей, устроенное еще Пирочанцемъ, о взаимномъ наслѣдствѣ въ случаѣ прекращенія рода сербской династіи Обреновичей и Черногорскихъ Нѣгушей, но аеть этотъ, какъ не представленный на утвержденіе сербской скупщины, не вступилъ въ законную силу. Связь же черногорскаго княжескаго дома съ Сербіей черезъ зятя князя Николая, Петра Карагеоргиевича, не имѣетъ большого практическаго значенія, потому что сторонниковъ Карагеоргиевичей въ Сербіи чрезвычайно мало.

Турки и австрійцы отлично умѣютъ разыгрывать свои партитуры на этомъ славянскомъ инструментѣ взаимной розни и создаютъ свою силу исключительно обезсиленіемъ славянъ самими же славянами. Географическое разъединеніе Черногоріи отъ Сербіи коварно оставленнымъ въ турецкомъ владычествѣ Новобазарскимъ санджакомъ такъ же не мало способствуетъ политическому разъединенію этихъ братскихъ народовъ. Безъ политическаго благоразумія и воздержности, безъ чувства исторической справедливости, народамъ невозможно разрѣшать серьезныхъ политическихъ и историческихъ задачъ. Въ Македоніи, напримѣръ, исторія каждаго балканскаго народа по очереди ложилась на исторію каждаго предшествовавшаго народа и закрывалась въ свою очередь исторіею послѣдующаго, оставляя временамъ грядущимъ свой отдѣльный отъ другихъ характерный слой, и крайне трудно рѣшить, за какими именно вѣками македонской исторіи, за какою стадіею ея политической жизни должны быть признаны исключительныя права наслѣдства. Съ этой точки зрѣнія сама Турція, владѣющая Македоніей въ силу завоеванія въ теченіе чуть не 500 лѣтъ, тоже не можетъ быть лишена нѣкоторыхъ законныхъ правъ на долю свою въ этомъ сложномъ общемъ наслѣдствѣ балканскихъ народовъ.

Нужно также прибавить, что неблагоприятныя выходки нѣкоторыхъ нашихъ близорукихъ газетъ, совершенно незаслуженно называющихъ себя политическими,—нерѣдко много помогаютъ враждебнымъ намъ органамъ печати, австрійскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, возбуждать подозрѣніе балканскихъ славянъ про-

тивъ мнимыхъ замысловъ Россіи на ихъ самостоятельность и невольно заставляютъ болѣе интеллигентную часть здѣшнихъ славянскихъ народовъ—относиться съ затаеннымъ недовѣріемъ къ дѣйствіямъ Россіи.

Такъ, въ бытность нашу въ Цетинѣ, вѣнская „Neue Freie Presse“ съ особеннымъ злорадствомъ подчеркивала ребяческую статью „Гражданина“ по поводу прибывшей въ Петербургъ болгарской депутаціи митрополита Климента и др., гдѣ политиканъ „Гражданина“ торжественно объявлялъ, что Болгарія, Сербія, Румынія, должна стать русскими областями, слиться съ Россіей, какъ Баварія, Вюртембергъ и пр. слились съ германской имперіей, ибо самостоятельное существованіе ихъ будто бы немислимо...

„Видите, какую судьбу готовитъ вамъ Петербургъ“,—предупреждаетъ славянъ австрійская газета.

Правду говоритъ пословица, что такой услужливый другъ—опаснѣе врага.

За табльдотомъ гостинницы мы опять встрѣтились съ французскимъ посланникомъ Депрѣ и его женою; они уѣзжали изъ Цетинѣ въ одно время съ нами и взяли съ насъ слово, что, будучи въ Рагузѣ по пути въ Боснію, мы заѣдемъ къ нимъ пообѣдать въ ихъ загородную виллу, такъ какъ пароходъ изъ Рагузы въ Метковичъ отходитъ только утромъ, и вечеръ у насъ будетъ свободенъ. Тутъ же обѣдалъ и пріятель ихъ Пиге, воспитатель княжича Миредъ, какой-то всендзъ-энтомологъ и два туриста-англичанина, изъ которыхъ одинъ пошелъ пѣшкомъ въ Никшичъ, чтобы оттуда пройти черезъ Герцеговину и Боснію въ Рагузу.

Чемоданы наши были готовы, лошади тоже; добрѣйшіе наши земляки, г.г. Аргиропуло, Вурцель и нѣкоторые изъ черногорскихъ знакомцевъ нашихъ собрались проводить насъ, и мы, сердечно простившись съ ними, отъ души поблагодаривъ ихъ за радушное гостепріимство на чужбинѣ, сейчасъ же послѣ обѣда отправились въ путь.

XV.—Возвращеніе на родину.

Было три часа дня, и жара стояла еще большая; дорога была знакомая и уже не интересовала насъ такъ сильно, какъ въ первый проѣздъ. При спускѣ отъ Буковицы къ Нѣгушамъ, Божо показалъ намъ вправо отъ дороги горы родного ему племени цекличей, откуда онъ переселился въ Каттаро. Молодыхъ лѣсовъ бука и граба по окрестнымъ горамъ видно было теперь

довольно много. Въ Крстацѣ у знакомой кафаны мы нагнали Дебре, которые выѣхали изъ Цетинья нѣсколько раньше насъ. Они ѣхали съ камердинеромъ, горничной, кавасомъ, съ цѣлою коляскою сундуковъ позади нихъ. Хотя французскій посланникъ считается живущимъ при дворѣ князя, но Дебре, какъ и другимъ иностраннымъ дипломатамъ, разрѣшено, въ виду отсутствія въ Цетиньѣ подходящихъ условій жизни, жить въ Рагузѣ, прѣзжая въ Цетинье одинъ разъ въ мѣсяцъ. Въ Рагузѣ Дебре нанимаетъ прекрасную дачу въ Пельши, на берегу моря, среди роскошнаго сада пальмъ и магнолій.

Отъ Крстаца мы спустились къ Каттаро всего въ полтора часа. Мы катились внизъ въ этой удалой безостановочной скачкѣ, словно въ лихо пущенныхъ салазкахъ съ англійской горки, съ головокружительною быстротою крутятся съ одной петли дороги на другую, проносясь надъ ничѣмъ не огороженными обрывами охватывающей насъ кругомъ пропасти въ нѣсколько сотъ сажень глубины. У самаго спокойнаго нервами человѣка невольно замираетъ сердце, когда не особенно хорошо выѣзженные лошади несутся стремглавъ съ длинною и тяжелою коляскою, прямо, кажется, въ зіяющую у ногъ бездну, и вдругъ уже надъ послѣднимъ закрайкомъ ея круто поворачиваютъ на всемъ бѣгу въ слѣдующее колѣно дороги, которая неожиданно переламывается здѣсь подъ острымъ угломъ. Будь на дворѣ немного темнѣе, будь лошади не такъ поворотливы и кучеръ менѣе опытный, и вы бы черезъ полъ-секунды загремѣли внизъ съ коляскою и лошадьми. Эти ежеминутные переломы дороги, рѣзкіе какъ зигзаги молніи, разлинеиваютъ будто царапинами циркуля всю открывающуюся нашимъ глазамъ широкую грудь горы, съ которой мы слетаемъ внизъ, — и не хочется вѣрить, чтобы мы должны были пронестись съ своею коляскою черезъ всѣ эти безчисленныя ступени гигантской дьявольской лѣстницы своего рода. Гора, да и другія крѣпостцы, увѣнчивающія собою вершины горъ вдоль австрійской границы, кажутся намъ отсюда на днѣ пропасти, и всѣ хорошенькіе заливчики, мыски и островки живописной Боки Которской, а за ними безбрежная гладь Адриатическаго моря вырисовываются теперь намъ какъ на прелестной акварельной картинѣ... Озеро-заливъ гладко какъ зеркало, и на этомъ голубомъ зеркалѣ десятки плывущихъ по немъ лодокъ кажутся усѣянными его мухами; пароходъ, на всѣхъ парахъ бѣгущій среди нихъ, бороздя это прозрачное, гибкое стекло, кажется проворнымъ паукомъ, пустившимся за ними въ охоту...

Нашъ Божо, очевидно, угостившій себя и въ Цетиньѣ, и

въ Крстацѣ, легкомысленный, веселый, безпечный, съ безцеремонностью итальянскаго ладзароне, разулся до боса и въ одной рубашкѣ, безъ шапки, спасаясь этимъ отъ солнечнаго жара, въ приливѣ радостныхъ чувствъ отъ возвращенія домой, отъ хорошаго заработка, а можетъ быть и отъ созерцанія родныхъ горъ, все время разливается въ разудалыхъ пѣсняхъ, которыя, вѣроятно, кажутся ему очень мелодическими, но которыя дѣйствуютъ на мое ухо какъ скрипъ немазанной арбы. Онъ отчаянно машетъ кнутомъ, подгоняя безъ того во всю прыть несущихся лошадей, весело перекликается со всякимъ проѣзжимъ кучеромъ, возникомъ, прохожимъ, зная здѣсь всякаго по имени, подробно объясняя намъ, безъ всякихъ вопросовъ нашихъ, кто, куда, откуда и за чѣмъ ѣдетъ и идетъ намъ на встрѣчу, останавливаясь у каждаго кабачка, чтобы опрокинуть мимоходомъ маленькій стаканчикъ ракіи и поболтать съ хозяиномъ. Даже завидя гдѣ-нибудь глубоко внизу, на одной изъ параллельныхъ петель дороги, экипажъ или повозку съ товарами, онъ не преминетъ перекликнуться и послать привѣтственный сигналъ за цѣлую версту знакомому земляку. Эти частыя петли дороги Бѣжо весьма образно называютъ по здѣшнему „серпентинами“, т.-е. „змѣиными кольцами“, въ переводѣ на русскій.

Вообще Бѣжо нашъ—неузнаваемъ и ведетъ себя какимъ-то усаатымъ мальчишкою; хвастаетъ безбожно, рассказывая намъ съ необыкновеннымъ пафосомъ любимыя имъ легенды о посѣщеніяхъ Бѣжки императоромъ Францемъ-Іосифомъ, принцемъ Рудольфомъ и разными другими высокопоставленными особами, воспѣвая мудрость, справедливость и могущество славнаго швабскаго императора... О Россіи и русскомъ царѣ этотъ православный черногорецъ, кажется, ничего не слыхалъ, и не упоминаетъ о нихъ ни слова. До того основательно успѣли австрійцы перевоспитать своихъ адриатическихъ славянъ, по крайней мѣрѣ въ прибрежныхъ городахъ, если не въ селахъ.

— Скоро ли, однако, пріѣдемъ, Бѣжо? уже сумерки наступаютъ,—въ нетерпѣніи спрашиваю я, немного встревоженный перспективою продолжать это скатываніе съ горъ въ салазкахъ въ ночной темнотѣ.

— Еще только двѣ серпентины, и мы внизу! — съ торжествомъ возвѣщаетъ Бѣжо.

Дѣйствительно, только-что начали зажигать огни въ Катаро, какъ наша коляска съ громомъ подкатила къ дверямъ гостиницы.

Мы, можно сказать, не съѣхали, а упали съ высотъ Чер-

ной-Горы въ австрійское побережье. Мѣстные люди, впрочемъ, нисколько не стѣсняются здѣсь ночнымъ путешествіемъ на Ловчентъ; мы встрѣтили неподалеку отъ Каттаро коляску австрійскаго посланника, отправлявшагося къ князю въ Цетинье, а немного ниже—цѣлый обозъ троекъ съ громоздкими товарами, каравкавшійся на гору. Ночь здѣсь даже предпочитаютъ дню для путешествія въ Цетинье, такъ какъ въ ночной прохладѣ и лошадамъ, и людямъ легче подниматься по кручамъ.

Мы покинули прелестную Бокку Которскую рано утромъ на очень плохонькомъ венгерскомъ пароходикѣ „Hungaria“, который держитъ береговой рейсъ по всѣмъ далматскимъ портамъ. На пароходѣ рассказали намъ всякихъ скверныхъ вещей про путешествіе черезъ Боснію. Русскому, не смотря ни на какіе паспорта и виды, тамъ просто ступить не даютъ безъ обиднаго и стѣснительнаго соглядатайства; васъ окружаютъ тайными агентами, на васъ заранѣе смотрятъ какъ на опаснаго человѣка, политическаго шпіона или подстрекателя къ возстанію. Дѣлаютъ все возможное, чтобы пребываніе въ Босніи вамъ показалось совсѣмъ не сладкимъ, и чтобы вы по добру, по здорovu скорѣе бы убирались, откуда пришли. Увѣряли насъ даже, будто ни въ одномъ городѣ Босніи русскому не позволяютъ оставаться болѣе сутокъ, если онъ не имѣетъ тамъ торговыхъ или другихъ опредѣленныхъ дѣлъ. А если узнаютъ, что вы писатель, найдутъ у васъ разныя сербскія и русскія книги, то вы, будто бы, прямо можете попасть въ очень неприятную исторію, пока ее распутаютъ сношеніями съ кѣмъ слѣдуетъ, а вы, чего добраго, насидитесь гдѣ-нибудь въ совсѣмъ неудобномъ для васъ мѣстѣ, и, во всякомъ случаѣ, не можете поручиться, чтобы путешествіе ваше не затянулось противъ вашей воли гораздо дольше, чѣмъ вы предполагали. Къ этому прибавляли, въ видѣ утѣшенія, что и самыя желѣзнодорожныя сообщенія въ Босніи устроены собственно для административныхъ и стратегическихъ цѣлей и нисколько не приспособлены для дальнихъ сообщений: поѣзда идутъ тамъ крайне медленно и не дожидаются одинъ другого, такъ что на пути приходится нерѣдко ждать поѣзда по цѣлымъ днямъ. Вообще тому, у кого время строго рассчитано, было бы рискованно направлять свой путь на Боснію,—увѣряли меня. А у меня время именно было рассчитано по часамъ, и всякое неожиданное запозданіе спутало бы всѣ мои расчеты. Ознакомиться съ положеніемъ страны и настроеніемъ народа

при той перспективѣ, какую намъ рисовали, разумѣется, было бы невозможно, и всякое удовольствіе и интересъ видѣть новыя мѣста обратились бы невольно въ досадное расположеніе духа отъ ничѣмъ не вызванныхъ придиорокъ и подозрѣній австрійскихъ властей, трепещущихъ за свое владычество надъ этой славянскою страной, никогда ими не завоеванной и никогда не выражавшей желанія отдаться подъ ихъ покровительство.

А такъ какъ со мною была еще и жена, то подвергаться риску австрійскихъ порядковъ, хорошо мнѣ памятныхъ по исторіи съ профессоромъ Иловайскимъ и нѣкоторыми другими русскими путешественниками, я счелъ совсѣмъ неумѣстнымъ, и мы рѣшились прослѣдовать, не высаживаясь въ Рагузу, прямо въ Фіуме, чтобы оттуда черезъ Буда-Пештъ и Галицію возвратиться во-свои.

Въ Гравозѣ на пристани г. Денпре и жена его опять радушно уговаривали насъ отправиться съ ними въ ихъ виллу, въ ожиданіи отъѣзда другого парохода, заворачивающаго въ Нарентскій заливъ и идущаго въ Метковичъ, въ Боснію. Но мы извинились передъ ними, объяснивъ имъ причину внезапной перемѣны нашего маршрута, и такъ какъ „Hungaria“ стоялъ въ Гравозѣ всего одинъ только часъ, то намъ не представлялось возможности сдѣлать даже короткій визитъ любезнымъ представителямъ Франціи и полюбоваться ихъ живописною приморскою дачею.

Къ тому же оказалось, что срочный пароходъ въ Метковичъ отошелъ сегодня, во вторникъ, въ 8 ч. утра, за полтора часа до нашего прибытія, а слѣдующаго парохода нужно было ждать до четверга, т.-е. ровно двое сутокъ.

Бравый капитанъ венгерской „Hungaria“ оказался, разумѣется, какъ и всѣ вообще австрійскіе моряки, не венгерецъ, а хорватъ, или кроатъ, какъ называютъ ихъ нѣмцы. Онъ сохранилъ всѣ славянскія симпатіи и съ охотой бесѣдовалъ съ нами о Россіи и о своихъ братьяхъ адриатическихъ славянахъ. Ъхалъ съ нами и католическій епископъ Албаніи, итальянецъ родомъ, какъ всѣ вообще католическіе епископы Албаніи; епископъ принадлежитъ къ монахамъ францисканскаго ордена, одѣтъ въ коричневую монашескую расу съ пелериной, въ широкополую черную шляпу съ зеленымъ снуркомъ; на шеѣ у него крестъ на золотой цѣпи. Но въ этотъ офиціальныи нарядъ онъ облекся только ради публики, уже въ каютъ-компаніи 1-го класса. Приѣхалъ онъ на пароходъ, какъ я видѣлъ, въ фуражкѣ съ золотой тесьмою и въ короткомъ подрясникѣ, въ томъ самомъ видѣ,

въ какомъ онъ ѣздитъ обыкновенно верхомъ по горамъ своей полудикой паствы. Капитанъ передавалъ мнѣ, что вдоль всего морского берега Албаніи живутъ албанцы православные, католики же занимаютъ внутреннія неприступныя горы, а ближе къ Турціи и турецкой Сербіи—сплошные магометане. Католическое духовенство Албаніи, въ томъ числѣ и епископъ, ѣхавшій съ нами, содержится на счетъ громаднхъ средствъ общества *Propagandae fidei* въ Римѣ, въ которое стекаются обильныя пожертвованія изъ Австріи, Франціи, Италіи. Австрійскій генералъ съ цѣлымъ штабомъ военныхъ чиновъ—тоже въ числѣ нашихъ спутниковъ. Но насъ больше заинтересовала ѣхавшая въ Венецію черногорка А. П. Вучитевичъ, родная сестра которой замужемъ за нашимъ прежнимъ посланникомъ въ Америкѣ, извѣстнымъ писателемъ-путешественникомъ Іонинымъ, бывшимъ во время послѣдней болгарской войны русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Черногоріи и сопровождавшимъ князя Николая во всѣхъ его походахъ. Отецъ Вучитевичей эмигрировалъ изъ Черногоріи еще при князѣ Даниилѣ, потому что былъ сторонникъ соперника его Джеорджія Петровича Нѣгоша. Теперь онъ помирился съ княземъ Николаемъ и бываетъ у него въ Цетиньѣ, но живетъ все-таки въ австрійской Будвѣ, гдѣ у него свой домъ. Тамъ море, живописная мѣстность, но жить очень скучно, безъ общества, безъ дѣла. Анастасія Вучитевичъ говоритъ сносно по-русски и передавала намъ много неутѣшительнаго о современной черногорской молодежи. Черногорцы, получившіе образованіе во Франціи или въ Россіи, доктора, инженеры, тяготеютъ жизнью въ Черногоріи и не скрываютъ своего презрѣнія къ ея патриархальному быту. Ихъ смущаетъ грубый сельскій трудъ ихъ родителей, они черезчуръ барятся, отказываются служить на своей родинѣ и тянутъ въ Россію, въ Европу, а если и рѣшаются остаться въ Черногоріи, то требуютъ для себя большихъ и выгодныхъ должностей, къ которымъ они даже и не подготовлялись. Одинъ старый черногорскій попъ со слезами жаловался нашей спутницѣ на своего единственнаго сына, возвратившагося изъ Парижа образованнымъ красавцемъ-инженеромъ. Онъ составлялъ всю надежду старика, ничего не жалѣваго, чтобы поставить его на ноги. А пріѣхалъ, сталъ попрекать отца и мать ихъ грубыми обычаями, не можетъ ѣсть того, что они ѣдятъ, страшно скучаетъ дома, отъ своихъ землячекъ, черногорскихъ дѣвушекъ, отворачивается и даже не говоритъ съ ними, называетъ ихъ кухарками, не хочетъ служить въ Черногоріи, увѣряя, что здѣсь съ тоски пропадешь... Старикъ-отецъ

посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на его выходки, погоревалъ съ своею старухой, призвалъ сына и сказалъ ему:—Вотъ тебѣ деньги! ступай и не возвращайся больше никогда! Я думалъ, что у меня есть сынъ-черногорецъ, какъ я, а ты сдѣлался бариномъ; мнѣ баръ не нужно. Прощай!..

Молодой инженеръ заплатилъ тогда князю цѣну своего воспитанія и вмѣсто инженерства въ Черногоріи выпросилъ себѣ мѣсто консула въ Скутари. Другой, докторъ, учившійся въ Россіи, о Черногоріи, о нравахъ народа отзывается не иначе, какъ съ презрѣніемъ, отказывается наотрѣзъ жениться на черногоркѣ и даже по телеграммѣ князя не побѣхалъ сразу изъ Будвы лечить его дѣтей, и напрямикъ объявляетъ, что ни за что не станетъ служить въ Черногоріи. Въ Петербургѣ онъ былъ ассистентомъ у профессора Раухфуса въ институтѣ экспериментальной медицины принца Ольденбургскаго.

— Черногорцы стараго закала, безъ образованія, чудо что за люди!—заклчила наша собесѣдница,—а образованные—*нехорошій народъ*: никакого патріотизма, никакихъ нравственныхъ идеаловъ... Поссорятся или уѣдутъ въ чужія земли, сейчасъ начинаютъ писать брошюры, памфлеты противъ князя, противъ Черногоріи.

Конечно, все это факты сами по себѣ грустные. Они не новы намъ, русскимъ, хорошо знакомымъ съ тѣмъ же печальнымъ явленіемъ въ лицѣ многихъ нашихъ образованныхъ юношей, выходящихъ изъ крестьянскаго и духовнаго сословія. Очень можетъ быть, что при рѣзкомъ переломѣ исторіи, при переходѣ отъ патріархальнаго сельскаго быта къ городской цивилизаціи со всѣми ея утонченными соблазнами, явленіе это дѣлается своего рода роковою необходимостью, которой нельзя миновать ни одному народу. Но во всякомъ случаѣ подобныя явленія не слѣдуетъ приписывать внутреннему свойству научнаго образованія или цивилизаціи вообще; это только обычныя язвы, ее сопровождающія; истинную цивилизацію, въ ея основныхъ плодотворныхъ элементахъ, несомнѣнно можно осуществить безъ всякой примѣси роскошныхъ и себялюбивыхъ вкусовъ, безъ всякаго потрясенія ею тѣхъ глубоко-нравственныхъ началъ, которыя вызываютъ въ людяхъ непобѣдимую любовь къ родинѣ, непоколебимое чувство долга, уваженіе къ самому простому труду и добродушное довольство хотя бы слишкомъ скромными житейскими условіями.

Было бы большою ошибкою и большою несправедливостью приписывать образованію или цивилизаціи то, что должно быть

объясняемо именно недостаточностью истиннаго образованія, искаженіемъ и нарушеніемъ самыхъ основъ цивилизаціи. А у насъ, къ сожалѣнію, это случается сплошь да рядомъ.

Не нужно также забывать, что если образованный черногорецъ часто усваиваетъ себѣ нежелательные вкусы и даже пороки цивилизованнаго общества, то и въ старомъ, глубоко мнѣ симпатичномъ типѣ черногорца, какъ и во всякомъ представителѣ патриархальной простоты, патриархальной доблести и патриархальной грубости, были тоже свои коренные недостатки, были черты характера и быта, возмущающіе наше нравственное чувство. Достаточно напомнить, наприимѣръ, о страсти черногорца къ четованію и гайдучеству, о варварскихъ обычаяхъ его украшать свои храмы головами убитыхъ враговъ или „каменовать“ женщину, провинившуюся противъ супружеской вѣрности... Смягченіе нравовъ и понятій, необходимое въ ходѣ исторіи народа, развивающагося на началахъ христіанства, только измѣняетъ характеръ людскихъ пороковъ, но далеко еще не освобождаетъ отъ нихъ цивилизующійся народъ, особенно въ первыя стадіи его начинающейся гражданственности.

Берега, которые мы проѣзжали, были уже намъ достаточно знакомы, и только въ Сполатто мы вышли на берегъ вмѣстѣ съ м-ле Вучитевичъ, чтобыкупить славящихся во всемъ прибрежьи „сплетскихъ калачей“ у извѣстнаго здѣсь пекаря Петара Петци. Калачи эти—въ формѣ круглыхъ вѣнковъ и тѣстомъ своимъ напоминаютъ наши выборгскіе крендели; продаютъ ихъ по 5-ти крейцеровъ штуку. Сполатто—самый большой городъ на далматскомъ побережьи, больше Зары и Рагузы, и ожидаютъ, что онъ скоро будетъ сдѣланъ, вмѣсто Зары, столицею Далмаціи. Городъ съ моря имѣетъ очень внушительный видъ, охватывая длиннымъ полукружіемъ своихъ большихъ, тѣсно построенныхъ домовъ довольно обширную бухту. Но когда мы очутились на берегу этой прекрасной пристани, среди широкаго элегантнаго гулянья, нужно было зажать носъ и спастись, куда глаза глядятъ. Невыносимый запахъ сѣрнистаго водорода, словно изъ сейчасъ только разбитой гигантской реторты химика, несеть со стороны моря, вѣроятно, вслѣдствіе прибываемыхъ волною къ берегу гніющихъ водорослей и разныхъ другихъ органическихъ остатковъ.

Сполатская публика каждый вечеръ осуждена гулять въ такой отвратительной вони, если вѣтеръ тянетъ съ моря.

Зару мы оставили въ покоѣ, не желая покидать ради нея своихъ постелей въ ранній утренній часъ, и вышли на палубу, уже войдя въ самую глубину Фіумскаго залива. Берегъ впереди весь казался зеленымъ отъ лѣсковъ и луговъ, покрывающихъ горы. Направо отъ насъ выглядываютъ другъ изъ-за друга громадные хребты Динарскихъ Альпъ.

Фіуме смотритъ большимъ, серьезнымъ городомъ, хотя не сравняется ни съ Триестомъ, ни съ Одессою. Онъ привлекателенъ тѣмъ, что не сбитъ, какъ Триестъ, въ тѣсную кучу высокихъ бѣлыхъ каменныхъ ящиковъ, а привольно разбросанъ по зеленомъ скатамъ берега, среди садовъ и деревьевъ. Въ обѣ стороны отъ него, а особенно къ западу, цѣлая страна хорошихъ деревенекъ, дачъ, фермъ, фабрикъ, тоже разбросанныхъ среди садовъ по зеленымъ холмамъ и горнымъ склонамъ, живописно прильнувшимъ къ самому берегу моря.

Сдавъ багажъ на вокзалъ желѣзной дороги, мы хотѣли воспользоваться свободнымъ вечеромъ, чтобы посѣтить столь хваленую Аббацію, одно изъ самыхъ модныхъ мѣстъ для морского купанья, сдѣлавшееся еще болѣе популярнымъ послѣ лѣтняго пребыванія здѣсь императора и императрицы германскихъ.

Мы доѣхали по коней отъ вокзала до Корсо и, отдохнувъ немного за столикомъ Café Central, взяли билеты aller et retour на пароходъ въ Аббацію. Пароходы эти ежечасно отправляются изъ Фіуме въ Аббацію и изъ Аббаціи въ Фіуме, и, къ удивленію нашему, всѣ полны публики.

Западный берегъ залива заворачиваетъ рогомъ одинъ изъ гористыхъ мысовъ своихъ и въ пазухѣ этой бухточки расположена Аббація. Аббація, какъ и наша Ялта въ Крыму, только центръ многочисленныхъ дачъ, осыпающихъ всю эту часть берега, гораздо болѣе гористую и лѣсистую, чѣмъ остальная окрестность. Густые, высокоствольные лѣса, крайне рѣдкіе въ адриатическомъ побережьи, даютъ жителямъ дачъ безконечное разнообразіе горныхъ прогулокъ въ прохладной тѣни деревьевъ. Шуба лѣсовъ, одѣвающая горы, и положеніе Аббаціи въ пазухѣ горы, заслоняющей ее отъ слишкомъ жгучихъ лучей южнаго полудня, дѣлаютъ лѣтнее пребываніе въ Аббаціи особенно удобнымъ и привлекательнымъ, между тѣмъ какъ Фіуме, расположенный какъ разъ на югъ, беззащитно принимаетъ на себя всѣ удары полуденнаго солнца. Вездѣ, до самыхъ вершинъ пирамидальныхъ горъ и холмовъ, бѣлѣютъ, желтѣютъ, краснѣютъ среди темнаго фона лѣсовъ виллы, пансіоны, замки окрестныхъ владѣльцевъ.

Аббація—это одинъ сплошной паркъ пальмъ, латаній, юккъ, кипарисовъ, роскошный уголокъ тропиковъ, брошенный на живописные камни морского берега по крутымъ скатамъ лѣсистой горы; среди букетовъ пальмъ, въ цвѣтущихъ и благоухающихъ корзинкахъ цвѣтниковъ спрятаны, будто какія-нибудь драгоценныя бездѣлушки, дворцы и виллы, полныя художественнаго вкуса, одни изящнѣе другихъ, одни богаче другихъ, всѣ въ мраморахъ, въ статуяхъ, въ балюстрадахъ, балкончикахъ, фонтанахъ... Этотъ паркъ, эти виллы придвинулись прямо къ морю и какъ гигантскою ширмою загородились зеленою курчавою горою отъ вѣтровъ и зноя... Проводять тутъ лѣто только очень богатые люди, и стоитъ только окинуть глазомъ этотъ волшебный садъ, населенный мраморными дворцами, чтобы сразу понять, до какой степени было бы здѣсь неумѣстно и невозможно все скромное и бѣдное. Эрцгерцогиня Стефанія, вдова загадочно погибшаго наслѣднаго принца Рудольфа, особенно полюбила Аббацію и избрала ее своимъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія, не мало обогащая этимъ счастливый приморскій уголокъ.

Мы обошли пѣшкомъ паркъ, объѣздили въ щегольской коляскѣ, которыхъ тутъ множество толпится у гостинницъ для услугъ туристовъ, немногочисленные улицы, аллеи и набережныя мѣстечка, и, наморившись, усѣлись на центральной эспланадѣ передъ главнымъ рестораномъ, гдѣ играетъ музыка, какъ разъ надъ обрывами моря, освѣжая себя мороженымъ, слушая стройные звуки оркестра и вмѣстѣ съ тѣмъ любуясь чудною картиною вечерняго моря.

У самыхъ ногъ нашихъ оказалась пристань для купанья, и обтанные въ полосатое трико любители водяного спорта продавливали передъ нами невообразимые сальтомортале, прыгая головою внизъ съ высокихъ подмостковъ въ волны моря, ловко перекувыркиваясь въ воздухѣ и всячески утѣшая зѣвавшую на нихъ публику своими гимнастическими затѣями.

Съ послѣднимъ вечернимъ пароходомъ мы перебѣжали назадъ въ Фиуме, успѣли еще не спѣша выпить чаю и закусить въ Café Central, погуляли по ярко освѣщенному, какъ паркетъ гладкому Корсо, полному празднаго народа, и только въ 10 часовъ вечера, занявъ мѣста въ отлично устроенномъ спальномъ вагонѣ, съ умывальными, буфетомъ, просторною столовою и всякими вообще комфортабельными приспособленіями, двинулись по дорогѣ въ Буда-Пештъ. Прибавки за спальный вагонъ съ насъ взяли полъ-цѣны нашихъ желѣзнодорожныхъ билетовъ.

Въ Венгріи мы уже не хотѣли нигдѣ останавливаться, а нетерпѣливо неслись курьерскимъ поѣздомъ назадъ въ далекую родину. У насъ не хватало больше ни времени, ни терпѣнія такъ долго быть на чужбинѣ. Венгрія только мелькала мимо насъ въ окна вагона, какъ бесконечно развертывающійся свитокъ, оставляя во мнѣ впечатлѣніе сплошной плодородной равнины, покрытой тучными нивами кукурузы, стадами быковъ съ аршинными рогами, богатыми фермами, опрятно выстроенными деревнями, прорѣзанной во всѣхъ направленіяхъ шоссированными и густо обсаженными дорогами...

Самъ Буда-Пештъ промелькнулъ почти незамѣтно, потому что мы прорѣзали его къ сторонѣ предмѣстій и только издали могли любоваться на цѣлый лѣсъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ, окружающихъ его волнистыми хвостами своихъ безчисленныхъ дымовъ, на старинную крѣпость Буда, вѣнчающую собою крутой холмъ надъ волнами Дуная, да на самъ широкій Дунай, черезъ который мы пронеслись по прекрасному желѣзному мосту немного ниже города. Вокзалъ Буда-Пешта—громадный и великолѣпный, но здѣсь все только Венгрія и ничего кромѣ Венгріи. Ни одной нѣмецкой надписи нигдѣ, ни одного нѣмецкаго слова ни отъ кого.

Отъ Буда-Пешта—курьерскій поѣздъ въ Галицію уже безъ спальныхъ вагоновъ; а очень скоро изъ курьерскаго онъ обратился въ самый возмутительный поѣздъ „на долгихъ“. Насъ неожиданно остановили глубокою ночью на серединѣ дороги, и совсѣмъ сонныхъ стали выгонять изъ вагоновъ, объявляя, что дорогу размыло сильными горными дождями и что нужно пройти около полуверсты пѣшкомъ черезъ ложбину до другого поѣзда, который высланъ намъ на встрѣчу. Ночь была хоть глазъ выколи; дождь лилъ какъ изъ ведра, и глинистая почва размякла, какъ тѣсто, такъ что нога уходила по щиколку въ грязь. Поѣздъ стоялъ въ какомъ-то лѣсномъ ущельѣ Карпатскихъ горъ, въ которомъ ночной вѣтеръ вылъ пронзительно, какъ въ трубѣ, барабана безъ милосердія намъ въ лицо косыми струями дождя. Не видно было, куда идти, и на каждомъ шагѣ можно было полетѣть въ темнотѣ куда-нибудь въ обрывъ; а тутъ еще извольташить съ собою чемоданы, сакъ-вояжи и всю наскоро захваченную изъ вагона дорожную рухлядь. По счастью, нашлись какіе-то услужливые люди, которые согласились нагрузиться нашими багажомъ, и хотя исчезли сейчасъ же въ темнотѣ, оставляя меня раздумывать объ ихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ и о будущей судьбѣ нашихъ чемодановъ, но тѣмъ не менѣе дали мнѣ возможность провести жену до освѣщеннаго мѣста, гдѣ

стояли длинными рядами, съ пылающими смоляными факелами въ рукахъ, совсѣмъ какъ въ какой-нибудь сценѣ романтической оперы, закутанные въ вывороченныя мѣхомъ бараньи шкуры, въ нахлобученныхъ широкополыхъ шляпахъ, черныя, усатыя фигуры, которыя казались еще мрачнѣе и таинственнѣе отъ странно освѣщавшаго ихъ, перебѣгавшаго по ихъ суровымъ лицамъ красного отблеска факеловъ. Это администрація желѣзной дороги очень встати догадалась выслать человѣкъ пятьдесятъ словачевъ, туземцевъ этихъ горъ, чтобы помочь публикѣ перебраться по проложеннымъ доскамъ черезъ размывы дороги.

Только въ 5 ч. утра мы добрались до Лавоча. Къ нашему горю, утренній поѣздъ не дождался насъ и ушелъ. Слѣдующаго поѣзда приходилось ждать до 7 часовъ вечера и въ свою очередь упустить необходимый дальнѣйшій поѣздъ. Когда мы всѣ, продрогнѣе, не выспавшіеся, обезкураженные рядомъ неудачъ, высыпали изъ вагоновъ и безпомощно толкались на открытой галереѣ вокзала, запертаго потому, что въ этотъ часъ не полагалось никакого поѣзда, мы были похожи на обмершихъ осеннихъ мухъ... Но съ нами было нѣсколько галиційскихъ евреевъ, спѣшившихъ по дѣламъ въ Львовъ, и они-то первые стали раскидывать своимъ изобрѣтательнымъ умомъ, какъ бы намъ обратиться изъ нашего горестнаго положенія. Послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ атакъ на начальника станціи, чтобы онъ приказалъ насъ везти дальше до Сколы въ томъ же поѣздѣ, у находчивыхъ израильтянъ сейчасъ же составилъ другой планъ. Они стали сновать по публикѣ съ подписнымъ листомъ, — кто желаетъ участвовать въ заказѣ для насъ экстреннаго поѣзда до Сколы, гдѣ почему-то являлась возможность сѣсть въ какой-то проходящій поѣздъ, и сколько кто можетъ заплатить за это удовольствіе. Публика была небогатая и нетароватая, и огромное большинство — III-го класса: кто записывалъ гульденъ, кто два, такъ что никакъ не набиралось требуемыхъ 68 гульденовъ. Чтобы ускорить дѣло, я вынужденъ было великодушничать и дать за себя 12 гульденовъ, но очень скоро узналъ изъ секретнаго доклада одного изъ израильтянъ, что оба иниціатора подписки обдѣляли дѣло такъ, что имъ не только не пришлось ничего заплатить за себя, но еще и осталась малая толика за хлопоты...

Чтожъ! всякая изобрѣтательность должна быть оплачена. Экстренный поѣздъ кое-какъ собрали и отправили насъ, наконецъ, дальше. Кругомъ насъ — дивная живописность лѣсныхъ горъ, еловые и сосновые лѣса, густою гривою покрывающіе хребты и пики, шумящія горные ручьи, пильни, доски, бревна, обозы съ лѣсомъ...

Мы перерѣзаемъ Карпаты и вѣзжаемъ въ Галицію. Здѣсь никакой другой промышленности, кромѣ истребленія лѣсовъ. Австрія дѣлаетъ все возможное, чтобы не дать развиваться здѣсь мѣстнымъ фабрикамъ и заводамъ въ подрывъ нѣмецкимъ и венгерскимъ. Забитые, апатичные словаки, въ своихъ круглыхъ войлочныхъ шляпахъ, въ плащахъ изъ грубаго сукна, въ замашныхъ портахъ и рубахахъ, обутые въ первобытныя сандалии изъ сыромятной кожи, уныло бредутъ по дорогамъ, уныло толпятся у вокзаловъ, съ холщевыми мѣшками на плечахъ. Это краснокожіе индѣйцы своего рода, обреченные на прогрессивное вымирание подъ напоромъ враждебной имъ нѣмецко-венгерской культуры, вынужденные всякимъ насиліемъ, политическимъ и религіознымъ, очистить поскорѣе мѣсто въ родной землѣ своей болѣе, чѣмъ они, достойному, горделивому и тиранническому племени...

Съ нами въ вагонѣ оказался молодой польскій монахъ-миссіонеръ, родомъ изъ Варшавы, но окончившій курсъ на богословскомъ факультетѣ римскаго университета; онъ теперь занимаетъ во Львовѣ должность вице-ректора какого-то духовнаго училища, а раньше былъ въ болгарской миссіи и свободно говоритъ по-болгарски и итальянски.

Польскій богословъ все время передавалъ намъ свои скорбныя взгляды на усиленіе еврейскаго господства въ Австро-Венгріи.

— Вся Венгрія въ рукахъ евреевъ и франмасоновъ,—горячо увѣрялъ онъ насъ:—всѣ лучшіе дворцы въ Пештѣ на улицѣ Андраши—еврейскіе; всѣ капиталы, вся торговля, вся журналистика—еврейскіе! То же и въ Вѣнѣ. Но въ Пештѣ тѣмъ опаснѣе, что евреи слились подъ видомъ франмасоновъ съ христіанами,—въ Вѣнѣ они пока держатся отдѣльно. Бургомистръ Пешта—еврей; евреи проводятъ законы о разводѣ, о гражданскомъ бракѣ, чтобы разрушить христіанское общество, чтобы все потопить въ невѣріи и космополитизмѣ... Въ Италіи, въ Римѣ евреи тоже приобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ громадное значеніе. Сонино—министръ финансовъ, напримѣръ,—еврей. Если итальянское королевство скоро не уничтожится, и папа не утратить свою власть надъ всею Италіею, то и ей грозитъ судьба Австро-Венгріи, и она обратится въ еврейское царство!—закончилъ пророческимъ голосомъ молодой есендзь.

Но въ это время поѣздъ нашъ уже останавливался подъ навѣсомъ львовскаго вокзала, и мы торопливо бросились брать билетъ на ожидавшій насъ поѣздъ на родину...

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

„ГОРСТЬ ИЗБРАННИКОВЪ“

Эскизъ изъ романа: „Le Soleil des Morts“, par Camille Maclair.

Окончаніе.

VI *).

Вскорѣ послѣ разговора съ Люсьенной Лестранжъ о необходимости заставить публику признать себя и царить надъ нею, Андре де-Нёзъ, зайдя какъ-то къ своему пріятелю Эрикуру, засталъ у него незнакомаго господина съ выразительными чертами и необыкновенно холодными глазами. Худощавое лицо съ желтизной, выдающіяся челюсти, неровный лобъ, двѣ глубокія складки около подвижныхъ ноздрей, низко спускающіеся, длинные усы, могучее сложеніе и крупныя, но замѣчательно бѣлыя руки довершали его наружность. Одѣтъ онъ былъ просто, почти какъ рабочій, говорилъ рѣзко. Входя, Андре разслышалъ, повидимому, заключительныя слова Эрикура:

— Ну, хорошо, я попробую. Въ сущности, всѣ мы умираемъ отъ скуки. Многіе пристанутъ къ вамъ именно по этой причинѣ.

— Да... Но, видите ли, нынѣшніе литераторы,—грубо возразилъ незнакомецъ,—бессильные болтуны, вотъ мы ихъ и опасаемся... Намъ требуются люди, способные резюмировать наши дѣйствія кратко и ясно. Умѣй мы писать сами, мы обошлись бы безъ литераторовъ. До свиданія...

Оставшись вдвоемъ съ Андре, Эрикуръ разсмѣялся при видѣ

*) См. выше: сентябрь, 178 стр.

его удивленнаго лица, и пояснилъ, что этотъ нелюбезный къ писателямъ господинъ—личность выдающаяся, а именно—самъ знаменитый Клодъ Палла, анархистъ, прошумѣвшій на всю Европу рядомъ смѣлѣйшихъ продѣловъ, но безъ малѣйшаго кровопролитія. Онъ обладаетъ небольшимъ состояніемъ, исколесилъ чуть ли не весь земной шаръ, работаетъ безъ усталы, помогаетъ своимъ единомышленникамъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, устраиваетъ конференціи, печатаетъ обличительныя прокламаціи, ведетъ переписку со всѣмъ міромъ, и за нимъ слѣдятъ всѣ европейскія полиціи. Но что онъ дѣлаетъ у него, у Эрикура? Не собирается ли Эрикуръ вывести его въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ романовъ?—О, нѣтъ, онъ собирается ввести его въ свою собственную жизнь...

Ему надобно писать романы, ему хочется жить. Всѣ эти рукописи, что заваливаютъ его письменный столъ, не соприкасаются съ жизнью, все это одни призраки. Издаешь одну желтую книжку за другою, а проку никакого, силы расходуются, а читатели васъ или вовсе не понимаютъ, или понимаютъ черезчуръ медленно. Ему хочется попробовать другого. Пока онъ не умѣлъ писать хорошенъко, онъ трудился съ упорствомъ; а вотъ теперь, когда онъ набилъ себѣ руку, онъ находитъ, что жизнь его проходить даромъ. Напрасно стремятся они проводить новыя идеи съ помощью литературы: публика слушаетъ только официальныхъ профессоровъ, а они, писатели, играютъ роль какихъ-то бездипломныхъ учителей, добивающихся университетской каѳедры. Сцена имъ тоже недоступна. Въ театръ ѣздятъ для пищеваренія, везутъ съ собою жену и лорнируютъ въ залъ женъ своихъ друзей, а идущіе на сценѣ водевилъ или мелодрама служатъ пепсиномъ для желудка. И совершенно неумѣстно предлагать зрителямъ что-либо кромѣ парадоксовъ или домашнихъ передрагъ. О конференціяхъ же и говорить не стоитъ,—на нихъ не ходитъ никто. Въ газетахъ—своя заведенная машина! Онъ, Эрикуръ, поставляетъ туда сладострастные романы, Ромесъ—психологическіе, и т. д.; а когда одинъ изъ нихъ рискнетъ написать идейную статейку,—за нее хорошо заплатятъ, но ея не напечатаютъ. Искусство для искусства практикуется только тайкомъ, и вотъ они старѣются, а дѣло не подвигается. Напримѣръ, ему уже 35 лѣтъ, набилъ онъ себѣ болѣзнь сердца, написалъ одиннадцать романовъ,—вотъ и все. Ясно, что люди чего-то ждутъ,—но чего? Полнаго разложенія латинскихъ расъ или возрожденія? Пожалуй, и того, и другого, сначала генеральной расчистки, а потомъ постройки новаго зданія. Ну, вотъ ему не

хочется исчезнуть, не увидавши ничего этого; ему хочется вмѣшаться и самому въ общую свалку. Но пора бы ей начинаться. Для перемены, онъ охотно принялся бы за постройку новаго зданія. Почему бы имъ и не выйти изъ своей спячки и не поискать дѣятельныхъ людей, которые показали бы имъ, какъ взяться за дѣло! Сами-то они ничего не сдумаютъ начать: они, вотъ, заперлись, вмѣсто того, чтобы поднять своими писаніями толпу и вести ее за собою. Ихъ поведеніе прямо противоположно настоящей жизни. И пусть Андрѣ не удивляется, что онъ говоритъ теперь совсѣмъ не то, что говорилъ ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. У него нѣтъ терпѣнія Армеля. Да, въ сущности, Армель не терпѣливъ, а просто ничего не ждетъ,—значить, и торопится ему не къ чему. А они топчутся на мѣстѣ, когда надо прямо вступать въ рукопашную. Армель—геній, живущій посреди своего собственнаго міра, имъ самимъ созданнаго; а онъ—онъ только не лишенъ таланта, а потому настроеніе его измѣнчиво, и ждать онъ не въ состояніи. Его заѣла литературная формула и метафизика, онъ утомленъ и не видалъ молодости; а между тѣмъ, такъ хотѣлось бы пожить просто, свободно, безъ того чудовищнаго раздвоенія, что толкаетъ писателя на общій анализъ и на самоанализъ.

Но при чемъ же тутъ Палла? Онъ—лекарство, толчокъ для нихъ. Напрасно сидятъ они сиднемъ, это не приведетъ ни къ чему. Конечно, для перемены можно и растянуться на спинѣ, но это придетъ въ свое время, и тогда уже ляжешь навсѣгда, а прежде не мѣшаетъ потормозиться. Разумѣется, они не примутся фабриковать бомбы, а вотъ интересно взглянуть на это просто съ житейской точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія романиста. А Максимы Эрбѣ для описанія этого всегда найдутся, если только послѣ всеобщей катавасіи они вздумаютъ еще писать романы. А вѣдь изо дня въ день какъ проходитъ жизнь? Завтракаешь, пишешь, спишь, и опять то же самое и то же самое. А Палла готовитъ новыя зрѣлища. Палла предлагаетъ ему, Ромесу и всѣмъ, кто захочетъ проводить въ газетахъ новыя идеи, стать его помощниками. Благодаря своимъ социологическимъ романамъ, Ромесъ сошелся со многими интересными агитаторами, но самъ Ромесъ вовсе не социалистъ. Въ одной изъ своихъ книгъ онъ выставилъ какое-то идеальное коллективистское общество, оказавшееся хуже нынѣшней демократіи,—до того въ немъ царили принципиальныя стѣсненія. И Ромесъ сошелся съ тѣми, кто собирается не замазывать старыя стѣны, а перестраивать все заново. Встрѣча съ Палла обратила его въ анархиста, потому что анархическая

доктрина—единственная изъ доктринъ, допускающая чувство; безъ чувства же они обойтись не могутъ. Тутъ можетъ выдѣлиться отдѣльная личность, тогда какъ въ социализмъ это не допускается. Современный социализмъ — школа разсудка; анархія — школа энергіи. А энергіи-то имъ и не хватаетъ, они всё черзчуръ разсудочные люди. И пора имъ вострепнуться, пора заставить признавать себя, и если ихъ отталкиваютъ, они должны взять свое силою...

Андрэ вздрогнулъ. Манюэль Эрикуръ повторялъ слово, уже сказанное Люсьенною Лестранжъ.

Но чѣмъ же будутъ они, избранники, среди этого движенія? Пока—простыми рецензентами, а тамъ и они получаютъ небольшую роль. Конечно, занятіе не очень изящное; но они до того привыкли ко всякимъ утонченностямъ, что всякая мелочь въ простой, дѣятельной жизни покажется имъ грубой.

— Но это конецъ искусству. Мы сами упразднимъ себя...

И что за бѣда, если они бросятъ на время литературу! Пора имъ выбраться изъ самоанализа, самообожанія и всѣхъ умственныхъ ухищреній.

Они не созданы для дѣйствія?—Это не возраженіе. Они скоро не станутъ годиться и для слова, и очутятся между двухъ огней. Довольно отворачиваться отъ жизни. Ихъ замкнутая литература отзывается энигіамомъ... Демократизмъ загадилъ все: теперь не пишутъ книги, а занимаются бумагомараніемъ. За исключеніемъ Армея, конечно. Но то — Армель. Его свойство — стоять особнякомъ, и, быть можетъ, послѣднее слово будетъ сказано именно имъ. Онъ одинъ настолько великъ, чтобы высказываться письменно, имъ же не мѣшаетъ пережить кое-что. Онъ, Эрикуръ, бросается въ свалку, чтобы дать отдыхъ нервамъ. Колѣбаніе Андрэ ему понятно,—Андрэ легче, потому что имъ владѣетъ пожирающая страсть; но кончится тѣмъ, что они оба встрѣтятся,—хотя пути ихъ параллельны.

Изъ этого разговора Андрэ де-Незъ вынесъ печальное убѣжденіе, что Манюэль Эрикуръ отсталъ отъ Армея и всѣхъ его послѣдователей. А между тѣмъ Манюэль Эрикуръ былъ правъ: въ интеллектуальной средѣ чувствовались смутныя новыя теченія. Избранные таланты перестали вести за собою толпу, и все увеличивавшееся одиночество ихъ могло привести только къ смерти. Подобно пролетаріату, они встрѣчали отрицаніе и обманъ со стороны неумолимой буржуазіи, и въ нихъ невольно загорались та же ненависть и то же желаніе мести, какъ у пролетаріевъ. Бѣднымъ художникамъ были понятны паріи; неудачники примы-

кали къ бунтовщикамъ. Неудовлетворенныя, утонченныя натуры готовы были сами упиваться неясными надеждами. Поэтическое раздумье превратилось въ хроническую болѣзнь; спасти ихъ могла лишь дѣятельность. Палла понялъ, что теперь изъ нихъ можно извлечь пользу, и обратился къ нимъ за литературнымъ содѣйствіемъ.

Но по какой-то странной насмѣшкѣ судьбы мятежныя побужденія избранныхъ натуръ оказывались такъ же несостоятельны, какъ побужденія некультурной массы,—ихъ толкали инстинктъ, мелкая досада, озлобленіе. Стоило имъ обратиться къ дѣятельной жизни, какъ они лишались своей утонченности, возвышеннаго образа мысли, и чувства самаго изысканнаго художника мало разнились отъ чувствъ разсчитаннаго рабочаго. Только немногіе, какъ Эрикуръ и Ромесь, продолжали мечтать о будущемъ верховенствѣ художниковъ, надѣяться на возрожденіе, на олигархію талантовъ. Большинство же изъ нихъ оказывались совершенно неспособными къ дѣятельности,—пробужденіе запоздало.

Въ ихъ обособленной средѣ замѣчалось въ уменьшенномъ видѣ то же явленіе, какъ и въ некультурной массѣ. У нея былъ свой финансовый кризисъ, захватъ художественнаго рынка прославленными романистами, плохими, но официально признанными живописцами и драматургами. Къ этому бѣдствію присоединялись нравственное безсиліе, неумѣнье противооѣдствовать подобному захвату. Они терпѣли отъ безработицы не хуже простыхъ рабочихъ, а также и отъ сознанія, что искусство ихъ захватываетъ недостаточно обширную область и не волнуетъ публику, чуждую ихъ идеѣ. Да, они хотѣли отвернуться отъ жизни, но жестокая жизнь не выпускала ихъ изъ своихъ когтей и душила съ тылу. Современное общество не допускало отчужденія отъ себя, а потому отказывало въ хлѣбѣ и предлагало изгнаніе. Только низведеніемъ искусства на уровень банальности могли они спасти себя, иначе оставался только бунтъ. И проницательный, наблюдательный Манкюэль Эрикуръ понялъ, что только въ анархіи найдутъ они подходящую форму для своего возстанія.

Они неминуемо должны были придти къ этому, эти безсильные мечтатели, и Палла терпѣливо поджидаль паденія этихъ деликатныхъ, перерзѣлыхъ плодовъ дерева роскоши и литературной утонченности. Пресытивши классъ имущихъ рѣдкими ощущеніями и дорого стоящими художествами, сыны этого самаго класса, переставшіе нравиться ему, возстанутъ противъ него же и приложатъ къ разрушенію силу своего генія, теперь отрицаемаго, но прежде созидаващаго.

Каливсть Армель готовилъ на своемъ концѣ общественной лѣстницы то, чѣмъ съ противоположнаго конца воспользуется Клодь Палла. То были два пророка, два отщепенца, воплощавшіе въ себѣ все разногласіе разлагающагося вѣка. Оба обладали одинаковымъ таинственнымъ вліяніемъ, одинаковымъ личнымъ магнетизмомъ, но противоположными тенденціями, ведущими по волѣ судьбы къ торжественному результату. Умственное одиночество, проповѣдуемое поэтомъ, порождало неизбѣжно крайнюю индивидуальность анархиста.

Замнутая среда избранниковъ распадалась, готовилась смѣшаться съ широкимъ потокомъ внѣшней жизни и внести въ него свое озлобленіе, чувствительность и вѣчныя надежды. Въ нѣкоторыхъ членахъ ея уже ощущалась нѣкоторая перемѣна, такъ что превращеніе было уже подготовлено, а обычные сателлиты избранныхъ натуръ, всѣ эти Лейманы, Нефлизы, Дефрэнны и Марэнсы, охотно привѣтствуютъ анархію, потому что душонкамъ ихъ это на руку. Эриккуръ освѣжить свой утомленный умъ, Ромесь найдетъ подтвержденіе своимъ мечтамъ о динамическомъ обществѣ. Мелькали знаменательные симптомы. Литературные журналы печатали политическія и социалистическія замѣтки очень крайняго направленія; на представленіяхъ Ибсеновскихъ пьесъ происходили демонстраціи; живописцы Монмартрскаго квартала предлагали свои мастерскія бездомнымъ сотоварищамъ; молодые декаденты примѣшивались къ уличнымъ манифестаціямъ. Лихорадка толпы заражала малокровную среду избранниковъ.

Всѣ эти мысли смущали робкую душу Андрэ де-Неза, пока онъ возвращался отъ Эриккура, посреди обычной сутолоки и гама парижскихъ улицъ. Чтò за лихорадочная жизнь, вѣчно спѣшащая, стремящаяся къ дѣятельности, а между тѣмъ безцѣльная, вѣчно торопящаяся, но достигающая лишь невыносимой скуки! И какъ въ этой смѣшной и печальной суетнѣ затирается искусство... а надо всѣмъ, медленно, величественно, неизмѣнно чередуются времена года...

И вдругъ предстала предъ нимъ Сильвена Армель со своими ясными глазами, вся въ черномъ, стройная... Неясный стыдъ и сожалѣніе заговорили въ немъ. Зачѣмъ оттолкнула она его тогда, въ тотъ лѣтній вечеръ, когда онъ ждалъ одного знааа, чтобы забыться въ блаженствѣ подлѣ нея?.. Такъ же внезапно предстала передъ нимъ властная, златокудрая головка Люсенны Лестранжъ. Эта женщина вся, съ головы до ногъ, представляла собою свѣтъ будущаго, тогда какъ Сильвена представляла тѣнь. Лицомъ къ лицу съ дѣвственно-грустной красотой отреченія и

молчанія стояла властно-сладострастная красота, жаждущая удивленія и привѣтственныхъ кликовъ. Эта плѣнительная чародѣйка, однимъ жестомъ увлекшая за собою вѣчно колеблющагося Андрэ, почти страшна своей неумолимой логикой и жестокимъ умомъ. Уже не мерцаетъ ли слабый, блѣдный свѣтъ Сильвэны Армелъ надъ упадкомъ истощенныхъ умовъ, переносящихъ одинъ полумракъ, а золотыя кудри Люсьенны Лестранжъ не призваны ли засверкать надъ развалинами и разсыпаться по плечамъ осилившихъ побѣдителей? Которая изъ нихъ воплотить собою „Солнце Мертвыхъ“?

Входя въ комнату, гдѣ ждала его Люсьенна Лестранжъ, Андрэ засталъ ее полуодѣтою передъ зеркаломъ. Завернувшись надъ головою голыя руки, пѣвица болхала вокругъ себя прозрачныя волны индѣйской кисеи и, слегка танцуя, окутывала себя ею точно облакомъ. Она походила то на большой цвѣтокъ, то на столбъ паровъ, то на кружащійся цвѣтной миражъ. Андрэ поразили красотою этихъ очертаній и спросилъ, что это значить?

— Я искала образнаго танца. Я только-что получила эти ткани, и мнѣ пришло въ голову, нельзя ли создать вокругъ танцовщицы различныя фигуры... вернуться въ преданіямъ баядерокъ... Представляешь ли ты себѣ, какой можно получить эффектъ, если на танцовщицу, окруженную этими прозрачными волнами, навести разноцвѣтные электрическіе лучи?

— Да, прекрасная идея. Ты хочешь примѣнить ее на сценѣ?

Нѣтъ, публика театра этого не пойметъ. Да и на какой сценѣ? Репертуарныхъ оперъ она пѣть не желаетъ, а потому и не принимаетъ предлагаемыхъ ангажементовъ. Можетъ онъ вообразить ее себѣ въ *Миньонн* или въ *Африканку*? Конечно, нѣтъ... А стоитъ одному изъ молодыхъ композиторовъ написать что-нибудь оригинальное,—его не хотятъ играть, какъ Армора... Она хочетъ попытаться произвести на толпу впечатлѣніе одними танцами.—Какъ? Не пѣть, не играть, а только мимировать?—Почему же нѣтъ? Но вѣдь тогда ей придется выступать на подмосткахъ пошлыхъ кафе-шантановъ...

— Не все ли равно?—отчеканила Люсьенна Лестранжъ.—Я хочу поражать... Я не хочу замыкаться въ непонятномъ, заброшенномъ искусствѣ. Красота очертаній доступна первому встрѣчному,—почему же мнѣ не доставить всякому возможность любоваться такимъ зрѣлищемъ?

И онъ почувствовалъ, глядя на жесткое выраженіе ея лица, что и тутъ, подъ напоромъ жизни, что-то отпадаетъ отъ тѣснаго кружка избранниковъ.

VII.

Весна проходила, а раздробленіе кружка шло своимъ чередомъ. Бывая у Армея, Андрэ де-Нёзъ встрѣчалъ все менѣе и менѣе друзей, а незнакомыя лица попадались все чаще. Сильвэна вовсе не выходила къ гостямъ. Съ Бюссеромъ Андрэ видѣлся рѣже; тотъ принялся выдѣлывать глиняные горшечки, кружки, разные художественныя бездѣлушки, что ему замѣчательно удавалось, и успѣхъ былъ такъ великъ, онъ былъ до того заваленъ заказами, что почти пересталъ писать картины. Эриккуръ превратился внезапно въ политическаго полемиста и оратора. Клодъ-Эрикъ де-Арморъ женился на богатой еврейкѣ, сочинялъ утонченныя фантастическія баллады, которыя роскошно издавалъ и которыя раскупались на-расхватъ въ свѣтѣ, а о лирическихъ драмахъ болѣе не заикался. Лейманъ разразился какъ-то громовой и неловкой статьёй, вызвавшей расколъ среди избранныхъ художниковъ, а вновь нарождавшіеся таланты объявляли себя противниками Армея и его друзей. Дерэнъ написалъ романъ изъ ново-греческой жизни, который произвелъ фуроръ, а самъ авторъ сдѣлалъ, подобно Армору, выгодную партію, чтобы удовлетворить своему пристрастію къ роскоши. Очевидно, онъ мѣтилъ въ академію. Теофиль де-Брузейль скоропостижно скончался. Словомъ, кружокъ распался.

Часто видѣлся Андрэ только съ однимъ „старинной“ Десизомъ. Тотъ продолжалъ упорно работать, почти не выходя изъ мастерской, лѣпилъ одну за другой сладострастныя или грубыя группы и статуи, никого не принимая, отказываясь продавать свои произведения и громоздя ихъ вокругъ себя съ какимъ-то нѣмымъ бѣшенствомъ. Его считали сумасшедшимъ, и дошло до того, что отъ него отказались принять давно уже заказанный ему правительствомъ памятникъ. То была скорѣе скала, нежели человѣческая фигура, какая-то груда формъ прекрасныхъ, какъ морскіе валуны, нѣчто въ родѣ друидическаго жертвенника, нѣчто хаотическое, а не скульптура. Однажды Андрэ засталъ Десиза за лѣпкой огромной нагой женщины, ненормальныхъ размѣровъ, распростертой въ безумномъ любовномъ экстазѣ. Старый скульпторъ вылѣплялъ ее прямо изъ массы сѣрой глины, безъ натурщицы, потому что давно уже не находилъ подходящихъ для его замысловъ моделей.

— Вотъ, — сказалъ ему Десизъ съ блуждающимъ взоромъ, пока Андрэ съ удивленіемъ смотрѣлъ на окружавшую его кол-

лекцію неоконченныхъ фигуръ:—это все сотворено мною... Человѣчество выродилось,—я и создаю собственныхъ людей. И никому я ихъ не продаю, не отпускаю отъ себя своихъ дѣтей. И творю я ихъ сверхъестественными, такъ что когда я умру, и посторонніе войдутъ въ эту мастерскую, то ни одинъ академикъ, ни одинъ снобъ, ни одинъ буржуа не будутъ знать, что съ ними дѣлать, и ихъ не осмѣлятся поставить ни въ одной частной квартирѣ, ни въ одномъ музеѣ рядомъ съ тѣми статуями изъ мыла. Дѣти мои такъ и останутся тутъ, какъ простые камни, и вывѣтрятся понемногу подъ открытымъ небомъ. Я и имени своего на нихъ не вырѣжу, а плохимъ скульпторамъ будетъ совѣстно смотрѣть на нихъ. Я—простой крестьянинъ, мнѣ не нужны ни деньги, ни слава; я лѣплю и творю, потому что люблю это... вотъ и все...

Несмотря на свою геніальность, и Десизъ шель въ упадку, въ извращенностямъ. Плохіе художники опошляли формы, но Десизъ ихъ насилывалъ. Быть можетъ, одинъ лишь Армелъ глубоко вникалъ въ духъ французскаго стиля, не извращая его, да и то онъ черпалъ въ немъ такіа невѣдомыя вещи, что никто не хотѣлъ признавать ихъ, и этого аристократа мысли считали просто строптивцемъ.. Посреди своихъ банальныхъ собратій Десизъ казался какимъ-то чудовищемъ, а Армелъ—безумцемъ среди толпы удачниковъ-литераторовъ. Оба тщетно доискивались сути вещей, обоихъ одинаково порицали.

Все это такъ подавляло Андрэ де-Нёза, что работа у него не клеилась, и зачастую ему претило сегодня то, что онъ написалъ лишь вчера. Смущало его и поведение Люсьенны Лестранжъ. Раздраженная неудачей своихъ идей, встревоженная постепеннымъ разложеніемъ тѣхъ художественныхъ силъ, для которыхъ она поставила на карту свою артистическую будущность, свой умъ и красоту, она презрительно замыкалась въ себя, обдумывая новые планы. И Андрэ угадывалъ, что она, какъ сильная женщина, презираетъ его слабость. Глухое разногласіе росло между ними, и въ минуты страстныхъ вспышекъ они чувствовали, что любовь можетъ быть соткана изъ ненависти. Объ искусствѣ между ними не было болѣе и рѣчи, и она останавливала его при первой его попыткѣ заговорить о немъ. Связь ихъ была чисто головная, не сердечная, и конецъ ея былъ, очевидно, близокъ. Нерѣшительный, неспособный ни къ дѣятельности, ни къ одиночеству, Андрэ не зналъ, что ему предпринять, когда онъ очутится одинъ.

Въ маѣ онъ получилъ записку отъ Каликста Армеля, при-

глашавшаго его погостить у него на дачѣ. Андрѣ припомнилъ свою поѣздку туда годъ тому назадъ. Какъ измѣнился онъ за этотъ годъ!.. Сколько пережито душевныхъ бурь! И внезапно ему захотѣлось туда, въ этотъ укромный уголокъ, гдѣ живетъ невозмутимо спокойная, блѣдная, таинственно и грустно прекрасная Сильвена... И Андрѣ отвѣтилъ Армелю согласіемъ.

Узнавъ, что Андрѣ собирается провести у Армеля нѣсколько дней, Люсьенна Лестранжъ его не удерживала, но замѣтила, что при его теперешней душевной неустойчивости едва ли своевременно набираться идей отшельничества и мизантропіи подлѣ Армеля. Онъ утомленъ и хочетъ отдохнуть? Но отдыхать въ обществѣ челоуѣка, отказавшагося отъ всего, мечтающаго лишь объ отшельничествѣ и равнодушнаго къ распространенію своихъ собственныхъ произведеній,—просто нездорово.

Никогда еще Люсьенна не говорила такъ объ Армелѣ, и Андрѣ встревожился,—но чего онъ волнуется? Она не нападаетъ на Армеля, Армелъ—совершенство самъ по себѣ, но для другихъ онъ—разлагающее начало. И безъ того уже Андрѣ не дѣйствуетъ, не борется, а вѣчно мечтаетъ и предается чувствительности.—Вотъ это ново... почему же она не упрекаетъ его прямо за его любовь къ ней?..

— Я любила бы тебя больше, если бы ты былъ сильнѣе. Вотъ чего недостаетъ всѣмъ вамъ, которымъ я повѣрила... Вѣчно вы преслѣдуете утонченность во всемъ, боитесь банальнаго, обиденной фразы, грубаго, но опредѣленнаго дѣла, и становитесь мало-по-малу малокровными и безсильными. Вы не противодѣйствуете, а хоронитесь, и каждый разъ какъ толпа бросаетъ вамъ новое оскорбленіе, мнѣ кажется, что на васъ насыпали новую лопату земли! Вы даже не вѣрите въ свое призваніе: Арморъ бросаетъ все, женится и сочиняетъ салонныя пьески; Деренъ продѣлываетъ то же; Эриккуръ бросается въ политику, а ты сидишь сложа руки, не рѣшаясь ни за что приняться... Развѣ въ твои годы отрываются отъ всего, какъ въ годы Армеля? Куда вы идете, отступаясь отъ жизни? Къ разложенію! Глядя, какъ вы топчетесь на мѣстѣ и уклоняетесь, я прихожу къ тому убѣжденію, что вы не правы и просто глупы, хотя и не лишены какого-то неяснаго разума. Сколько можно совершить на свѣтѣ новаго, неслыханнаго, а вы, умные, молодые, знающіе, ничего не совершаете. И меня беретъ за васъ и зло, и стыдъ! Да развѣ дѣло въ чувствительности? Она васъ заѣдаетъ, эта чувствительность! Я предпочла бы уравновѣшенный умъ и опредѣленную волю; я хотѣла бы встрѣтить муж-

чинъ съ яснымъ взоромъ, мужественныхъ, сильныхъ и смѣлыхъ мужчинъ, способныхъ подчинить такую женщину, какъ я, подчинившая всѣхъ васъ! И я жду ихъ, а они все не являются, и, значитъ, я потратила даромъ десять лучшихъ лѣтъ среди васъ, отдавая вамъ свою красоту для того лишь, чтобы вы засѣли на одномъ мѣстѣ. Все, чего вы добиваетесь, это—совѣтовъ Армея, человѣка геніальнаго, положимъ, но отшельника, отказавшагося отъ всего, уединившагося со своей блѣдной и грустной дочерью, таинственно задумывающагося надъ вещами, о которыхъ нашъ вѣкъ болѣе не думаетъ... И ты полагаешь, что мнѣ не тяжело смотрѣть, какъ изо дня въ день все у васъ распадается подъ напоромъ толпы, и что широкіе потоки силы, лишь обрызгавъ снаружи стѣны вашей тюрьмы, текутъ дальше, не проникая къ вамъ? Да, все мое существо, жаждущее жизни, возмущается противъ этого эстетическаго самоубійства, требуетъ шума, захвата, чего-то сильнаго, могучаго, бурнаго увлеченія, грубой, первобытной красоты, незнакомой вашей утонченности, но таящей въ себѣ, я увѣрена, настоящую жизнь, жизнь кипучую, разнообразную, трагическую, залитую яркимъ солнцемъ, именно такую, какая нужна существамъ, подобнымъ мнѣ! Я задыхаюсь среди васъ! Скажи, да скажи же, наконецъ, ты, мой любовникъ, котораго мнѣ хотѣлось бы видѣть мужественнымъ, великимъ,—допустимо ли, чтобы моя близость съ вами лишила меня возможности выступать на сценѣ, чтобы отдавалось предпочтеніе никому негоднымъ каботинкамъ, тогда какъ въ моей душѣ, въ моихъ нервахъ кипитъ лирическій даръ, отъ котораго запылали бы полъ и лица, сжалось бы горло, брызнули бы слезы изъ глазъ тысячи людей, если бы я могла появиться передъ ними? Какъ надоѣли мнѣ всѣ ваши робкія грѣзы и ухищренія, какъ отъ всего этого вѣетъ болѣзнь, медленной чахоткой! Я искала среди васъ могучихъ мужей, а нашла только любовниковъ, и ни одинъ не далъ мнѣ пищи, необходимой для моей энергіи! Мнѣ хотѣлось идти съ ними гордо подъ руку, и чтобы толпа разступалась, пораженная ихъ шедеврами! А нашла я одно трусливое выжиданіе, какой-то подземный идеалъ, безплодные ухищренія въ области искусства, молодыхъ отшельниковъ! Все ваше презрѣніе къ обыденной жизни—лишь страхъ передъ дѣйствительностью... Нѣтъ, все лучше этого; во всякомъ случаѣ, я не хочу этого самоубійства, и разъ передо мною закрылись тѣ поприща, гдѣ я пыталась достигнуть успѣха, я попробую другое, пойду прямо на встрѣчу толпѣ, совершу то, чего не совершаете вы,—не умру, не испытавши всего и не дерзнувши на все! И среди всеобщаго разложе-

нія я счѣмъ столько сдѣлать, увидеть и пережить, сколько требуетъ всепожирающая душа Люсьенны Лестранжъ! И если ваша разслабляющая среда еще не черезчуръ истощила и обезоружила меня, то скоро всѣ увидать, умѣю ли я вырваться на просторъ изъ этой отвратительной тюрьмы!

Сраженный, уничтоженный Андрэ слѣдилъ, какъ разбивается ихъ любовь и рвется ихъ умственная связь. Онъ чувствовалъ, что между ними все безповоротно кончено. Люсьенна Лестранжъ говорила рѣзко и твердо; ни разу не дрогнувъ ея голосъ, ни разу ни вырвалось у нея сердечное слово. Хотя рѣчь ея лилась бѣшеннымъ потокомъ,—подъ нею чувствовалось грозная логика златокудрой мыслительницы. Дѣлать было нечего, спорить съ нею было бесполезно: очевидно, все это было ею заранѣе обдуманно. Впрочемъ, то не были слова одной женщины: сама жизнь, казалось, отталкивала отъ себя его бесполезную, неспособную къ дѣятельности душу. Сказывалось вѣчное разногласіе между дѣйствіемъ и мышленіемъ для мышленія. Ничто не могло примирить двухъ людей, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ жизни, а другой сторонился ея. Не только слова, а самая красота Люсьенны Лестранжъ, созданная для блеска триумфовъ и всеобщаго восхищенія, прощались съ нимъ. Всепокоряющая энергія и мужественность разставались съ нѣжной слабостью. Въ Люсьеннѣ Лестранжъ говорила женщина, какъ неизмѣнно говоритъ она изъ вѣка въ вѣкъ, побуждаемая своей потребностью принадлежать сильнѣйшему, ненавистью къ уединеннымъ грѣзамъ высокихъ умовъ. И, отдаваясь побѣдителю, она хочетъ, чтобы всѣ поклонялись ея возлюбленному, хотя бы это поклоненіе проявлялось въ формѣ восторга даже безсмысленной толпы.

— Впрочемъ,—произнесла Люсьенна съ неожиданной кротостью,—я заговорила... Иди къ Армелю; быть можетъ, это потребность твоей натуры. Мнѣ тебя не передѣлать, да я и не имѣю на это права. Всякій ищетъ счастья по-своему. Поступай какъ знаешь, мы оба полноправны и свободны.

Ни одного ласковаго слова. Непроницаемая женщина ушла вновь въ одинъ сухой разумъ. То былъ разрывъ окончательный и безповоротный... И внезапно припомнилась Андрэ гвѣнца Юдиѣ Вольманъ: пятнадцать лѣтъ тому назадъ, она объявила Каликсту Армелю такую же беспощадную отставку, какую сейчасъ объявила ему Люсьенна; физическое сходство обѣихъ артистокъ еще подчеркивало совпаденіе. Двѣ златокудрые головки одинаково отказывались вѣрить учителю и ученику. Лучезарныя какъ солнце, кипящія молодостью, онѣ удалялись,—не желая расточать своихъ

жаркихъ лучей изящной тоскѣ упадка. То самое, что инстинктивно почувала нѣкогда Юдиѣ Вольманъ,—такъ же инстинктивно почувала теперь Люсьенна Лестранжъ; обѣ эти женщины сливались въ одну. И, безъ сомнѣнія, уже многочисленныя женщины поступали или поступать еще такъ же, потому что женщина изъ вѣка въ вѣкъ перевоплощается, не мѣняя ни побужденій, ни поступковъ. Юдиѣ Вольманъ и Люсьенна Лестранжъ—одно и то же живое солнышко, не дающееся тѣмъ, кто любить тѣнь. Для тѣхъ доступно одно свѣтило—рабочая лампа. Да, этотъ блѣдный свѣтильникъ, освѣщающій бѣлые, четырехугольныя, какъ могильныя плиты, листы бумаги, да ряды книгъ, заключающихъ мысли умершихъ людей,—это-то и есть „Солнце Мертвыхъ“.

И, погрузившись въ эти думы, онъ не замѣтилъ, что Люсьенна давно уже нѣтъ въ комнатѣ. Не зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ, онъ вышелъ на улицу, залитую луннымъ свѣтомъ. Этотъ мягкій свѣтъ, прохладный воздухъ, тишина кругомъ—вдругъ напомнили ему, какъ полтора года тому назадъ, въ зимнюю лунную ночь, онъ вышелъ впервые отъ Армеля съ бьющимся сердцемъ, экзальтированной душой и думой о Сильвэнѣ... Сколько съ тѣхъ поръ развалилъ и сомнѣній! Одинъ лишь взоръ Сильвэны, несмотря ни на что, сохранялъ навѣрное свою спокойную, гордую ясность!..

Онъ быстро пошелъ прямо передъ собою, и ему предстали внезапно рядомъ образы Сильвэны Армель и Люсьенны Лестранжъ. То были даже не двѣ женщины, а живой призракъ его сомнѣній. Безумство или покой, Люсьенна или Сильвэна, факты или грёзы? Которая изъ нихъ зовется счастьемъ? Сначала онъ думалъ, что одна, а теперь ему кажется, что другая. И какъ это узнать? Чтобы разобраться,—необходимъ порядокъ! А вѣдь, вотъ, тѣ сильныя люди, что сразу умѣютъ найти себѣ подходящее мѣсто и дѣло и творять крупныя, вѣчныя дѣла,—они умѣютъ вносить во все и порядокъ. Возможно ли, чтобы эти сила и умѣнье доступны были людямъ въ инныя эпохи и недоступны въ другія? Виноватъ ли человекъ самъ, когда не умѣетъ примѣниться къ эпохѣ,—или судьба? Тяжело изнывать въ бесплодныхъ усиліяхъ, не зная, какой выбрать путь. Люсьенна говоритъ, что сдѣлаетъ все нужное и пойдетъ туда, куда слѣдуетъ. Куда она пойдетъ, и что сдѣлаетъ? развѣ она думаетъ, что она также не окружена роковымъ вольцомъ современнаго безсилія? Или ее спасетъ ея женская натура, и она надѣнетъ на себя соблазнительное ярмо рабства для владычества надъ толпою... Чтобы царить надъ нею, надо отдаваться ей... И чѣмъ это рабство лучше отреченія? Но она, очевидно, не задумывается надъ этимъ, а просто идетъ впередъ, тогда

какъ онъ, чѣмъ болѣе разсуждаетъ, тѣмъ болѣе страшится жизни и дѣла. Люсьенна была права, порвавъ съ нимъ; но была ли права Сильвена, молчаливо отпустившая его съ Люсьенной?.. Она отпустила его въ толпѣ, точно зная заранѣе, что онъ вернется обратно, подобно тому, какъ сестра милосердія отпускаетъ изъ больницы выпиравшагося неизлечимаго больного, зная, что онъ вернется.

Андрэ забирался все дальше и дальше на монмартрскія высоты, одиноко блуждая въ этомъ пустынномъ кварталѣ. За чертой многочисленныхъ модныхъ монмартрскихъ кабачковъ и эксцентричныхъ театриковъ начинаются крайне живописныя улицы, куда никто не ходитъ и которыхъ не подозреваютъ даже художники. Теперь, пустынные и залитыя луннымъ свѣтомъ, онѣ были особенно прекрасны. Отдаленный гулъ экипажей понемногу затихалъ, и умиралъ парижскій обычный шумъ. Наконецъ, погасли огни, и внизу воцарилась темнота.

Шумъ шаговъ вывелъ Андрэ изъ глубокаго раздумья, и онъ увидалъ двѣ приближавшіяся фигуры. Къ своему удивленію, въ одной изъ нихъ онъ узналъ Ромеса. Тотъ удивился не менѣе его. Чтò можетъ дѣлать ночью Андрэ въ этомъ захолустѣ? Чтò за разстроенное лицо! Дѣло не ладно, а?—Да, на душѣ скверно... Вотъ оно чтò! Ну, Ромесъ самъ это знаетъ. Бываютъ такія минуты,—не знаешь, куда приткнуться, все кажется игрой воображенія, даже искусство, и хочется перемены неудержимо.

— Ну, да, вамъ все надоѣло,—заговорила вторая фигура, въ которой Андрэ узналъ Клода Палла.—Ступайте за нами, и тоска ваша пройдетъ. Взгляните внизъ,—вы думаете, тамъ нечего дѣлать? Вы думаете, имъ не надоѣло? А вотъ когда всѣмъ станетъ такъ же тоскливо, какъ вамъ, то они придумаютъ себѣ развлеченіе, и всѣ, кто сидитъ теперь сиднемъ, воспрянутъ мгновенно. А пока чтò, подстрекайте-ка ихъ письменно,—вотъ вамъ и смыслъ для работы. Это единственный исходъ для васъ, иначе вы задохнетесь. Литераторская болѣзнь, отлично знакомая мнѣ; бросайте-ка вы свои книги и окунитесь прямо въ жизнь...

Но Андрэ чувствовалъ, что и на это у него никогда не хватитъ ни силы, ни умѣнья.

VIII.

Андрэ де-Нёзъ уѣхалъ на дачу къ Армелямъ.

Послѣ своей болѣзни и поѣздки на югъ, Сильвена какъ-то развилась, стала болѣе женщиной. Она была блѣдна, но весела,

и встрѣтила Андрэ очень спокойно. Самому Армелю какъ-то нездоровилось, и онъ все искалъ одиночества, а такъ какъ и Андрэ чувствовалъ себя утомленнымъ, то они и вели всѣ трое мирную, однообразную жизнь. Зачастую Андрэ сидѣлъ молча подлѣ вышивавшей Сильвэны, да и вообще говорили они немного, всего больше о природѣ и о мѣстныхъ событіяхъ. О своихъ работахъ Армель на дачѣ и не заикался. Въ сумерки они ходили гулять въ лѣсъ, а потомъ мирно обѣдали при слабомъ свѣтѣ лампы. А послѣ обѣда, покуривая свою вѣчную красную глиняную трубочку, Армель принимался грѣзить вслухъ своимъ пѣвучимъ голосомъ. Говорилъ онъ скорѣе для самого себя, нежели для другихъ, точно исповѣдовалъ вслухъ свою вѣру.

До чего далека отъ жизни былъ этотъ человѣкъ! И до чего мысли его разнились отъ мыслей остальныхъ людей! Исходной точкой его одинокихъ грѣзъ было всегда нѣчто такое, о чемъ никто и не подумалъ бы, а силою своего своеобразнаго мышленія онъ находилъ тайныя соотношенія между самыми разногласными фактами, извлекалъ изъ этого необычайно обширные выводы, обнимавшіе всю вселенную, и, несмотря на свое отдаленіе отъ жизни, онъ какъ бы впитывалъ ее всю въ себя, претворялъ въ душѣ. То былъ въ одно и то же время нѣмой мечтатель и поразительно совершенный человѣкъ. Андрэ особенно хорошо понималъ это теперь. Чѣмъ общительнѣе и оживленнѣе казался Армель, тѣмъ онъ становился неуловимѣе; когда онъ развивалъ свои мысли въ лучезарно-прозрачныхъ выраженіяхъ, тѣмъ болѣе чувствовалось, что говорить онъ о тѣхъ невидимыхъ для другихъ образахъ, которые онъ одинъ прозрѣваетъ и будетъ вѣчно прозрѣвать гдѣ-то тамъ, въ пространствѣ. Такъ въ толпѣ вдохновенные мистики взываютъ къ невидимому для этой толпы Богу; души людскія отливаются на ихъ рѣчи, но разсудокъ ихъ не понимаетъ. Такъ дѣйствовалъ на людей самъ Армель, его поэмы, всѣ его писанія, его личность; онъ не убѣждалъ, а покорялъ силою своего обаянія. Подобно женщинѣ, онъ держалъ людей во власти своихъ чаръ, и даже къ дружбѣ, внушаемой имъ, примѣшивалась смутная влюбленность.

Прелесть весенняго возрожденія природы умиротворяла душу Андрэ, и, глядя на молчаливо слѣдившую за его выздоровленіемъ Сильвэну, ему казалось, что она никогда его не покидала, и что ничего новаго за истекшій годъ не произошло. Но стоило ему оглянуться на калитку, какъ ему представлялось, что въ садъ входитъ Люсьенна Лестранжъ, а съ нею и весь тяжелый, только-

что пережитый кризисъ. И вся душа его молила тогда о помилованіи, и все существо какъ-то болѣзненно стѣживалось. Что толку въ томъ, что онъ возмужалъ? Только выучился глубже и дольше мучиться...

На девятый день получилось письмо отъ Люсьенны Лестранжъ. Одинъ видъ ея почерка вызвалъ въ немъ дрожь, и онъ понялъ, что начинается ее ненавидѣть. Почтальонъ передалъ ему записку Люсьенны въ саду при Сильвэнѣ. Онъ покрасѣлъ и захотѣлъ было скрыть отъ ея взора почеркъ конверта, но было поздно: сжавши губы, Сильвена серьезно смотрѣла на этотъ конвертъ. И онъ вскрылъ его, блѣднѣя. Записка заключала въ себѣ лишь нѣсколько спокойныхъ, дружескихъ строкъ.

Глубоко задумался Андрэ надъ своимъ смущеніемъ и молчаніемъ Сильвэнны. Онъ понялъ, что она ненавидитъ Люсьенну Лестранжъ за вредъ, причиненный ему, а что самъ онъ все еще любитъ Сильвену. Отнынѣ между молодыми людьми была тайна.

Въ то же время онъ замѣчалъ, что отношенія дочери къ отцу измѣнились. Андрэ спрашивалъ себя, почему Армель вызвалъ его сюда въ этотъ послѣдній періодъ его страсти къ Люсьеннѣ Лестранжъ? Армель зналъ все, и безпричинно никогда не поступалъ. А самъ онъ зачѣмъ покрасѣлъ и чуть-было не скрылъ письма? Что за ложный стыдъ! Вѣдь Люсьенна—приятельница Армеля, товарищъ всего кружка, и не разъ переписывалась со всѣми ими. Красѣть за эту женщину передъ молодой дѣвушкой,—какое признаніе въ своей душевной перемѣнѣ! Эта серьезная Сильвена—точно воплощеніе вѣчнаго ожиданія, упорнаго, но не лихорадочнаго, и въ любовь къ ней никогда не замѣшается ненависть!

И вспомнилось ему, какъ въ тотъ вечеръ, когда на дорогѣ раздавался въ темнотѣ громкій смѣхъ Люсьенны Лестранжъ, Сильвена стояла невозмутимо на порогѣ дома, и какъ стоило ей произнести лишь одно слово, чтобы прошлаго года не было вовсе. Но онъ не нашелъ ее тогда ни опечаленной, ни оскорбленной; можетъ быть, она понимала, что ему слѣдуетъ пойти за златокудрой красавицей, и она отпустила его, а сама осталась сторожить домъ, зная, что онъ вернется... Она вновь занялась книгами и отцомъ, прошла чрезъ болѣзнь и только еще созрѣла сама, чтобы служить потомъ вѣрнѣйшей опорой тому, кто вернется къ ней съ наболѣвшей душой. При этой мысли, въ глазахъ его блеснули слезы,—онъ совсѣмъ забылъ о присутствіи Сильвэнны въ своемъ глубокомъ раздумьѣ. Быстро и неслышно Сильвена скрылась. Она, конечно, знаетъ все, и, пожалуй, при-

писала его слезы сожалѣнiю о разрывѣ съ Люсьенной. Какое жестокое недоразумѣнiе,—если это такъ. Онъ чуть не бросился за нею, чтобы сказать, что любить только одну ее и нимало не жальтъ о Люсьениѣ. Онъ ясно понималъ теперь, что не только разлюбилъ эту послѣднюю совсѣмъ, но что она мѣшаетъ ему, и ему хотѣлось бы, чтобы она исчезла изъ его жизни навсегда...

И онъ понималъ, что молчанiе Сильвэны нимало не уступаетъ гордости Люсьенны, и жизнь подлѣ нея будетъ тихимъ блаженствомъ. Свѣтъ и тѣнь! Онъ побѣжденъ, но не все ли это равно, разъ милосердая судьба сама противопоставляетъ женщинѣ, требующей властнаго побѣдителя, кроткую дѣвственницу, врачующую наболѣвшiя души?

Медленно и безсознательно Андрэ подошелъ къ водѣ и бросилъ въ озеро изорванное въ клочки письмо Люсьенны. Въ сердцѣ его что-то порвалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ его наполняла неясная, тихая радость. Онъ покончилъ съ однимъ видомъ счастья, ничуть не увѣренный, что достигнетъ другого, но ему казалось, что вмѣстѣ съ письмомъ онъ разорвалъ и завѣсу сомнѣнiя. А затѣмъ, послѣ долгихъ колебанiй, рѣшивъ, что въ сущности ничего, кромѣ самаго существеннаго, не было рѣшительно порвано между нимъ и Люсьенной Лестранжъ, онъ отвѣтилъ ей дружеской запиской.

Катаясь на слѣдующее утро въ лодкѣ съ Андрэ, Армелъ сообщилъ ему, что получилъ письмо отъ Эрикура. Ему надобно быть писателемъ, ему хочется дѣйствовать, и онъ собирается выступить кандидатомъ на политическихъ выборахъ. Это не единственный случай,—многие изъ нихъ мечтаютъ дѣйствовать. Хотя бы вотъ Ромесь... Дѣйствовать... что-жъ, вещь прекрасная, только не легкая... Впрочемъ, всѣ они только подчиняются судьбѣ, которая увлекаетъ ихъ въ другую сторону... Андрэ замѣтилъ, что они не отрекаются отъ литературы, а пытаются совмѣстить ее съ дѣломъ... Армелъ возразилъ, что это вещи не совмѣстимыя, это никому не дано, а особенно такимъ слабовольнымъ людямъ... И Эрикуръ, и Ромесь, роковымъ образомъ перестанутъ писать. Лишь бы только они нашли себѣ въ самомъ дѣлѣ дѣятельность,—но какъ бы имъ не обмануться! Вотъ уже два года, какъ онъ слѣдитъ за новой эволюцiей группы избранныхъ; жизнь увлекаетъ ихъ за собою по одиночкѣ, и хотя причины различныя, но основанiе все одно и то же: безвѣрiе и желанiе обрѣсти вѣру во что бы то ни стало. И всѣ отпадутъ, потому что настало время...

— Искусство стало лишнимъ! — заключилъ онъ внезапно.

Андрэ протестовалъ. Нѣтъ, они вернутся къ искусству... Вернутся и къ нему—ихъ наставнику... Къ нему? О, нѣтъ. Искусство стало лишнимъ.

Армель думалъ всегда, что чудное творческое безуміе, эта возвышенная болѣзнь, побуждающая человѣка къ воспроизведенію жизни,—не что иное, какъ первый привалъ человѣческой души, самообразовательное средство; но наступитъ такой день, когда человѣкъ будетъ настолько совершененъ, что не станетъ нуждаться въ этомъ воспитательномъ упражненіи. Наступитъ минута, когда всякій будетъ заключать весь міръ въ своей душѣ, когда не къ чему будетъ что-либо перевоплощать, когда человѣкъ станетъ молчаливымъ созерцателемъ, котораго будутъ удовлетворять вполне блѣдныя горизонты музыки и молчанія... Но наступила ли эта минута? Не поторопились ли люди? Какъ великъ будетъ тотъ, кто захочетъ еще молиться или писать тогда, когда всѣ навсегда уже отъ этого отрекутся; кто будетъ упорствовать изъ уваженія къ искусству, восхищавшему предковъ; кто будетъ воздавать дань искусству тогда, когда отъ культа этого отвернутся всѣ! Что будетъ, когда закроютъ всѣ музеи, закроютъ всѣ книги, когда даже дѣти скажутъ, улыбаясь, что для пониманія красоты жизни все это имъ отнынѣ не нужно. То будетъ заря ужасающая, и, повидимому, наша эпоха стремится опередить ее. Все пріѣлось людямъ. Но если они отбиваются, если они лишаютъ себя искусства, вѣры, не убѣдившись въ томъ, могутъ ли они обходиться безъ нихъ? Какой ужасъ охватитъ человѣческое сознаніе, когда оно слишкомъ рано останется безъ этой опоры!.. Впрочемъ, тамъ будетъ видно... Все идетъ своимъ чередомъ... Но приходится сознаться, что народный духъ заговорилъ тревожнымъ голосомъ...

Армель задумался и не высказался опредѣленно. А между тѣмъ Андрэ неудержимо хотѣлъ знать, какъ онъ относится къ отпаденію отъ него молодыхъ силъ, и зачѣмъ вызвалъ онъ его къ себѣ? За тѣмъ ли, чтобы помѣшать ему слѣдовать примѣру другихъ, или за тѣмъ, чтобы презрительно предоставить ему свободный выборъ?

Но весь день прошелъ, не принеся Андрэ рѣшенія задачи. А какъ хотѣлось ему воскликнуть: „Оставьте меня съ самимъ собою! Счастье именно здѣсь, подлѣ васъ обоихъ“. Но онъ не посмѣлъ упоминать о своей вѣрной преданности имъ,—это значило бы допустить, что въ ней могутъ сомнѣваться. Сильвена не приходила ему на помощь. У нея былъ озабоченно-равнодушный видъ. Онъ чувствовалъ, что высказаться необходимо, и не смѣлъ. Вѣдь

если окажется, что онъ заблуждается, то ему нельзя будетъ оставаться тутъ... И онъ колебался весь день, не замѣчая, что сегодня, какъ и всегда, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, онъ предается колебаніямъ и празднымъ размышленіямъ, поддаваясь болѣзни современныхъ высшихъ натуръ—нравственной щевотливости. И хотя онъ смутно догадывался, что его старый наставникъ молчитъ тоже изъ скромности, чтобы не оказывать на него давленія, онъ все-же ни на что не рѣшился, и провель потомъ тревожную ночь...

И такой внутренній разладъ продолжался нѣсколько дней. Ни разу не подалъ повода Армелъ заговорить о его послѣдователяхъ. Онъ обладалъ удивительной способностью уединяться нравственно, обособляться, точно окутываться облакомъ, не подпуская къ нему. Стоило ему, казалось, захотѣть, и онъ окружалъ себя такой атмосферой, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него другіе не могли дышать свободно, и это придавало особую величественность каждому его движенію. То былъ какой-то гордый царь. И въ его присутствіи каждый, повинувшись магнетизму Армеля, инстинктивно дѣлалъ и говорилъ только то, что могло нравиться ему. А потому, уходя отъ него и считая, что они превзошли себя, эти люди наивно приписывали всю заслугу себѣ и оставались въ восхищеніи и отъ Армеля, и отъ самихъ себя. Глупости говорить въ его присутствіи было немислимо. И Андрэ особенно сознавалъ этотъ магнетизмъ Армеля теперь, когда онъ все пытался и никакъ не могъ произнести той фразы, которой тотъ не хотѣлъ слышать. Даже предаваясь самымъ обычнымъ житейскимъ занятіямъ, Армелъ оставался непроницаемымъ, недостижимымъ мечтателемъ. Смутить его было прямо немислимо. Но цѣною какихъ мученій пріобрѣлъ онъ эту какъ бы бессознательную ясность духа?

И отъ Сильвэны ничего не удалось добиться Андрэ. Она видѣла его смущеніе въ день полученія письма отъ той... Она могла не понять его, а между тѣмъ деликатность не позволяла имъ обоимъ высказаться по этому поводу. Будь они простыми дикарями, все недоразумѣніе могло бы разрѣшиться однимъ лишь жестомъ. Даже если она его не любитъ,—и тогда ее можетъ мучить оскорбленная гордость. Пожалуй, она воображаетъ, что онъ не уѣзжаетъ отсюда изъ одной вѣжливости, а въ сущности онъ собирается бросить ея отца, подобно другимъ, и только не рѣшается признаться въ томъ. Наконецъ, она можетъ предполагать, что онъ помышляетъ о Люсьеннѣ Лестранжъ и о дѣятельной жизни, а сюда пріѣхалъ только отдыхать.

Тѣмъ временемъ Сильвэна, блѣдная и серьезная, ждала его признанія, не прикасаясь къ книгамъ отца, но ничѣмъ не выдавая себя; такая же стойкая по природѣ, какъ ее отецъ, она мучилась молча, и только стѣны ея дѣвственной комнаты знали, что происходитъ у нея на душѣ. Армель присматривался; онъ думалъ, что кипучая натура Люсьенны Лестранжъ сдѣлала свое дѣло; что эта женщина, жаждущая немедленныхъ радостей, убила въ Андрѣ исключительное благоговѣніе передъ уединеннымъ, священнымъ искусствомъ; что сѣмя брошено, и на разстроенномъ лицѣ его послѣдняго вѣрнаго послѣдователя отражается затаенная душевная борьба. Онъ не дерзалъ признаться и уйти за другими, а Армель не хотѣлъ оказывать на него ни малѣйшаго давленія: слишкомъ велико было въ немъ уваженіе къ чужой личности. Наблюдалъ онъ и за Сильвэной. Просиживая ночи напролетъ у своей лампы, онъ улавливалъ какой-то смутный шорохъ въ домѣ, и понималъ, что дочь его тоскуетъ. Онъ не просилъ болѣе ея помощи; всѣ эти книги и листки бумаги заключали въ себѣ мертвыя мысли, а въ душѣ Сильвэны происходила живая драма, и ни геній, ни искусство, не могли тутъ ничего сдѣлать.

И такъ жили они всѣ трое, не противодѣйствуя року, и каждый изъ нихъ понималъ, что въ сущности счастье тутъ, — стоитъ его только схватить. И всѣ они желали этого счастья, и всѣхъ ихъ сковывала душевная щекотливость.

На двѣнадцатый день Андрѣ получилъ краткое извѣщеніе отъ Люсьенны Лестранжъ о томъ, что она окончательно избрѣла свѣтящіеся танцы, вошла въ соглашеніе съ однимъ парижскимъ увеселительнымъ заведеніемъ и дебютируетъ въ ближайшемъ будущемъ.

Глубокое отвращеніе заговорило въ немъ. Какъ могла Люсьенна такъ скоро отречься отъ своего искусства и снизойти до подобной выставки? Это недостойно ея. До сихъ поръ онъ не относился серьезно къ этой выдумкѣ, но теперь ему ясно представилось, что Люсьенна Лестранжъ, эта истолковательница поэтовъ, эта сильная трагическая артистка, призванная волновать сердца людей, никогда не снисходившая до банальнаго репертуара, не могла сразу отречься отъ высшаго искусства и явиться передъ кафе-шантанной толпой, хотя бы даже въ исключительной роли. И онъ немедленно написалъ ей, чтобы она прежде увидалась съ нимъ, что онъ будетъ завтра въ Парижѣ и ждетъ ее къ обѣду.

Въ немъ говорила не любовь, а оскорбленное художествен-

ное чувство. Наконецъ; самъ-то онъ какую роль играетъ во всемъ этомъ? Настоящаго разрыва между ними не произошло, и все это необходимо рѣшить разъ навсегда.

Андрѣ предупредилъ Армеля, что отлучается на одинъ день, и, конечно, съ радостью вернется, если наставникъ позволитъ ему то. Ему внутренно хотѣлось положить конецъ существовавшему между ними недоразумѣнію. Армель не обратилъ вниманія на его горячность и отвѣчалъ очень просто, что они ждутъ его обратно черезъ день.

Въ вагонѣ Андрѣ пожалѣлъ, что уѣхалъ. Онъ боялся свиданія съ Люсьенной; онъ боялся не ея чаръ, а заразительности исходящей отъ нея жизненной силы. Но, пріѣхавъ къ себѣ, онъ узналъ, что Люсьенна заходила часъ тому назадъ и оставила ему письмо:

„Не жди меня сегодня, Андрѣ де-Нёзъ. Не жди меня больше никогда. Зачѣмъ намъ видѣться? Я все обдумала. Пути наши расходятся. И намъ обоимъ всего лучше болѣе не встрѣчаться. Ни твои друзья, ни ты, не можете быть моими помощниками на моемъ новомъ жизненномъ пути; я не отрекаюсь отъ васъ, но не отрекаюсь и отъ себя самой. Пора, пора мнѣ оторваться отъ васъ. Прощай. Ты знаешь, что я никогда не оборачиваюсь назадъ.“

„Я думаю, что ты меня разлюбилъ. У такихъ людей, какъ мы, умственное разъединеніе влечетъ за собою и разъединеніе сердечное. Я предпочитаю бросить тебя, чѣмъ лгать. Любить я тебя перестала; я слишкомъ хорошаго мнѣнія о тебѣ, чтобы предполагать, что это тебя смутитъ и разстроитъ, и искренно желаю, чтобы ты надъ этимъ совсѣмъ не задумывался. Если же, все-таки, я причиняю тебѣ то, что называется любовнымъ огорченіемъ, бѣда не велика! такой тонкій художникъ, какъ ты, сумѣетъ извлечь изъ этого литературную пользу“.

Андрѣ весь заледенѣлъ отъ ужасающей ироніи послѣдней фразы. Въ ней сказывалась вся холодная разсудочность Люсьенны Лестранжъ, замѣнявшая ей сердце. И та не замѣтила даже ея грандіозной чудовищности. Такъ нѣкогда простилась съ Армелемъ Юдиѣ Вольманъ, это—прости на вѣки женщины любовнику, предающемуся грѣзамъ. Ни малѣйшаго намека на ихъ прошлую любовь. Андрѣ вышелъ изъ дому, понимая, что ему теперь ровно нечего дѣлать. Этотъ клочокъ бумаги былъ могильной плитой надъ цѣлымъ годомъ трагическаго безумія... И въ глубинѣ души его поднималось смутное сознаніе, что *теперь*

необходимо высказаться Сильвэнъ и вновь начать карабкаться на жизненную скалу.

IX.

Вернувшись на другой день изъ Парижа, Андрэ де-Нёзъ засталъ Армеля одного. Сильвэна завтракала случайно въ гостяхъ, и мужчины позавтракали вдвоемъ. Когда они спокойно усѣлись въ соломенные кресла передъ чашкой кофе, Армель завелъ рѣчь о бомбѣ, брошенной наканунѣ въ Парижъ и унесшей пять человѣческихъ жертвъ. Вотъ оно—начало дѣйствій. Стремленіе къ жизни принимаетъ форму смерти. Причастны ли къ этому дѣлу Эрикюръ и Ромесь?—Вполнѣ возможно: разъ они выбрали извѣстную дорогу, они должны допустить и это, потому что оно неминуемо встрѣтится имъ по пути. На литературу тутъ ссылаться не къ чему; потому что разъ писатель отрекся отъ самого себя, онъ долженъ выбрать дѣйствіе со всѣми его послѣдствіями, такъ какъ въ водоворотѣ жизни нельзя продолжать служеніе литературѣ. Надо приставать къ тому или другому берегу, а по срединѣ—омуть, въ которомъ неминуемо утонешь. Ихъ друзья переправились теперь на тотъ берегъ, гдѣ идетъ свалка, и должны принять въ ней участіе, а то ихъ просто сочтутъ краснобаями, которымъ слѣдовало оставаться на своемъ берегу и оттуда наблюдать и описывать борьбу другихъ. Разъ интеллигентамъ опостылѣло мышленіе, имъ остается лишь упражнять свои мускулы, подобно грубымъ скотамъ, и даже съ большимъ ожесточеніемъ, потому что они превращаются въ скотовъ, ища забвенія. Скука или кровавая свалка,—такова дилемма эпохи.

— Ахъ! вѣдь грезы отнимаютъ всякое мужество у человѣка!—вырвалось у Андрэ.—И все это потому,—сказалъ Армель,—что люди не смѣютъ вѣрить въ красоту мечтаній. А между тѣмъ, эта вѣковѣчная сокровищница открыта для всѣхъ, стоитъ людямъ молчаливо созерцать и не жаловаться. Пока существуетъ высшая тайна,—будетъ на свѣтѣ и радость для человѣческой души. Но люди не дерзаютъ черпать изъ этой сокровищницы... Они утомлены. Они предпочитаютъ упиваться поддѣльнымъ виномъ суетливой дѣятельности. Что жъ, и это своего рода мнѣніе. Я же слишкомъ люблю все долговѣчное, чтобы останавливаться на скоропреходящемъ. Когда-то и я прошелъ черезъ тотъ же самый соблазнъ, но образумился, какъ образумятся впослѣдствіи и наши друзья. Они думаютъ, что счастье—на улицѣ; но они увидятъ,

что счастья нѣтъ вовсе. Счастье есть состояніе неясное, безсознательное, временное оцѣпенѣніе, въ продолженіе котораго душа не замѣчаетъ, что время уходитъ. Ничто не зарождается отъ счастья, оно пассивно. Высшая дѣятельность человѣка—это мышленіе, и когда человѣкъ перестаетъ мыслить, онъ ничто, ибо перейти отъ мышленія къ дѣятельности не значитъ усовершенствоваться. И, применивши къ рядамъ дѣятелей, друзья наши только подчеркиваютъ упадокъ нашей эпохи. Искусство падаетъ, избранные представители его уходятъ, примѣшиваются къ безыменной толпѣ. Они немногочисленны, и эта немногочисленность утомила ихъ. Они устали держать голову выше житейской волны, и вотъ, подобно потерпѣвшимъ крушеніе, они прячутся въ трюмъ погибающаго судна. Жизненные законы исходятъ свыше, и ихъ нельзя искать внизу. Современный человѣкъ позабылъ это, погрязъ въ анализѣ и изощреніяхъ, и погибъ, какъ погибнуть ихъ друзья. А вы сами развѣ думаете иначе?—добавилъ Армель напрямую.

Одного слова Андрэ было бы довольно, чтобы рѣшить все, но Андрэ не произносилъ его. Наступило продолжительное молчаніе.

— Но если кто думаетъ иначе, пусть выскажется откровенно,—кратко замѣтилъ Армель, къ ужасу и удивленію Андрэ.

Точно злой духъ внезапно подтолкнулъ молодого человѣка, и онъ сказалъ беззвучнымъ голосомъ, не глядя на Армеля:

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія.

— То-есть, вы перестали раздѣлять его... Я это предчувствовалъ.

Они ощутили облегченіе. Слово было сказано. Съ усиліемъ взглянулъ Андрэ на своего наставника, но прочелъ на его лицѣ такую искреннюю доброту, что слезы выступили у него на глазахъ.

— Но замѣнили ли вы прежнюю вѣру другою?—спросилъ Армель.—Нѣтъ?.. Бѣдное дитя!..

И вдругъ, видя доброту и грустную жалость во взорѣ Армеля, молодой человѣкъ не устоялъ и вылилъ ему всю свою наболѣвшую душу:

— Я не могу больше, не могу, я извѣрился... Вы добры и понимаете все; вы, кажется, сами не сознаете всей своей доброты... Видите, я не знаю, куда мнѣ идти... Я не прощаюсь съ вами, какъ другіе... имъ кажется, что они нашли настоящую дорогу, вотъ они и пробуютъ... Но я ничего передъ собою не вижу, я только мучусь и охотно остался бы съ вами... А между

тѣмъ мнѣ кажется, что этого не слѣдуетъ дѣлать... Простите меня, не осуждайте! Я такъ много боролся и думалъ! Я такъ молодъ въ сравненіи съ вами, но я уже страдалъ, а страданія многое объясняютъ. Сколько вы должны были перестрадать, чтобы научиться такъ проникать въ человѣческую душу! Во мнѣ шевелится неясная тревога, но самъ я безсиленъ. Видя васъ такимъ спокойнымъ, я думаю иногда, что все счастье—въ мышленіи. А въ другія минуты жизнь зоветъ къ себѣ такъ властно, что вся кровь возстаетъ во мнѣ противъ несбыточныхъ грѣзъ, и мнѣ хочется заглянуть въ манящую къ себѣ жизнь... Мои душа и тѣло въ разладѣ другъ съ другомъ. Я боюсь толпы, а между тѣмъ изнываю въ замкнутой средѣ избранниковъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что сами по себѣ они и не существуютъ, что они не болѣе какъ отраженіе вашего генія. Никто не въ силахъ слѣдовать за вами; не въ силахъ и я; мы всѣ—только блѣдные отблески вашихъ высокихъ грѣзъ. И я дошелъ до того убѣжденія, что вамъ слѣдуетъ пребывать наединѣ съ самимъ собою и взирать на насъ со своей духовной высоты, съ состраданіемъ и кроткимъ пренебреженіемъ къ намъ, блѣднымъ молодымъ тѣнямъ, заключеннымъ въ дряблыя тѣла... Вы—сами по себѣ, вы—самодовлѣющая сила; подлѣ васъ намъ дѣлать нечего, развѣ только бесплодно мечтать! Съ неистощимой снисходительностью и добротой читали вы наши писанія! Но исполнивъ этотъ свой человѣческій долгъ, вы должны были находить наше присутствіе излишнимъ, а слова наши—безполезнымъ шумомъ! Вы безусловно высшее существо; непонятное, загадочное превосходство ваше терзало насъ, и мы все добивались понять, чѣмъ вы достигаете его, какія высшія тайны постигли вы и носите въ себѣ? Ваша личность создала цѣлую вѣру, а я не обрѣталъ этой вѣры въ общеніи съ ея апостолами! И вотъ они уходятъ, потому что задыхались въ этомъ замкнутомъ святилищѣ искусства; задыхаются и я... я измучился, извѣрился. Я вѣрю въ васъ отвлеченно, но ваша вѣра—не моя. И кажется мнѣ, что слѣдуетъ уйти и мнѣ, окунуться въ обыденную, банальную жизнь со всѣми ея пошлостями и гадостями, бѣжать отъ совершенства, отъ творчества, стать обыкновеннымъ смертнымъ, смиреннымъ рабомъ случайности... Быть можетъ, вдоволь намучившись въ жизни, я съумѣю что-либо извлечь изъ этого и излить въ вопль отчаянія, излить такими искренними словами, что другіе несчастные станутъ потомъ повторять эти слова. Но самодовлѣющее искусство душиять меня, и хотя я боюсь уйти изъ этого монастыря, я долженъ уйти изъ него. Возможно ли, чтобы вы пребывали въ такомъ

душевномъ и сердечномъ спокойствіи, когда мы всё такъ изстрадались? Что говорить въ васъ,—страданіе ли, прошедшее черезъ горнило стоицизма, или безчувственность? Нѣтъ, въ васъ говорить цѣлый міръ страданій, вы извѣдали все до конца! И кажется мнѣ, что и я долженъ идти на встрѣчу всёмъ страданіямъ, убить въ себѣ тщеславіе, жажду наслажденій, изнурительную утонченность мысли, очистить свою душу. А пока я не имѣю еще права на счастье, на созерцаніе міровой души. Нельзя сдѣлаться обособленной личностью, сторонясь отъ внѣшней жизни; это дается только тогда, когда извѣдаешь ее всю и пресытишься ею до отвращенія. И вотъ почему я чувствую и думаю, что слѣдуетъ отказаться отъ чудной мечты о молчаливой, созерцательной жизни, подобной *вашей жизни*!! А между тѣмъ мнѣ страшно!

— Страшиться не слѣдуетъ, Андрэ де-Нёзъ. Идите туда, куда зоветъ васъ инстинктъ, и оставьте меня! — твердо сказалъ Армелъ.

— Да развѣ вы не понимаете, что если я извѣрился въ мечту, то не вѣрю и въ факты!—отчаянно вскричалъ Андрэ.

Ну, да... онъ понимаетъ. Всё они такъ, такова и вся эпоха... Это—болѣзнь латинскихъ расъ. Онѣ слишкомъ скоро ниспровергли все. Пусть Андрэ гнушается призыва жизни,—жизнь говоритъ авторитетнѣе его, Армеля. Онъ не обвиняетъ Андрэ въ желаніи оставить его; этого хочетъ сама жизнь. Она мститъ Армелю, не желавшему знать ея вовсе, жившему въ одномъ мірѣ грѣзъ и всячески старавшемуся завладѣть тайной міровой жизни. И, по мѣрѣ того, какъ онъ глубже проникалъ въ эту тайну, кровь текла медленнѣе въ его жилахъ, волосы его сѣдѣли, онъ отнималъ у самого себя открываемыя имъ силы; а когда онъ познаетъ жизнь вполнѣ, то она отвернется отъ него, и онъ умретъ. Какая иронія! Да, лучше Андрэ уйти, а то онъ можетъ повредить ему, онъ уже давно чувствуетъ, что вліяніе его пагубно для нихъ, что имъ душно въ излюбленной имъ атмосферѣ тайны. Жизнь отомстила и тутъ. Она не только покинула его самого, но и отогнала отъ него всю молодежь. Они находились подъ властью его чаръ, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ господина ихъ жизни, но судьба оторвала ихъ отъ него, и онъ остается одинъ, и слово его бесполезно. Можетъ быть, ему не слѣдовало пытаться овладѣть ихъ умами; быть можетъ, онъ не имѣетъ права пользоваться своимъ природнымъ магнетизмомъ, пріобщать ихъ молодость къ своему одиночеству, создавать какую-то артистическую пустынь. И при каждомъ новомъ поклонникѣ, приносящемъ ему

данъ почтительнаго восхищенія, онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти, и, пожалуй, бросилъ бы ихъ всѣхъ, еслибы ему не мѣшало бессознательное тщеславіе. Кромѣ того, протестуя противъ общаго умственнаго упадка, онъ считалъ себя правымъ. Наконецъ, свойственно ли человѣку, еще полному силъ, добровольно отталкивать отъ себя тѣхъ, кто его любить и съ чьей помощью онъ думаетъ чего-то достигнуть. Да, жизнь сильнѣе всего и законы ея прекрасны. Теперь судьба привела къ учителю его послѣдняго, любящаго ученика, но привела для того, чтобы учитель узналъ, что имъ пора разстаться. Сердиться на Андрѣ онъ не можетъ. Да, ему слѣдуетъ пребывать въ одиночествѣ и слѣдовало всегда. Всякій человѣкъ—господинъ своей воли, и покушаться на нее другому запрещено. Пусть же Андрѣ живетъ, пусть извѣдаетъ и провѣритъ все самъ, увидитъ тщету дѣятельности, пусть самъ пересоздастъ весь міръ и пусть не слушается ни совѣтовъ живыхъ людей, ни поученій, заключающихся въ книгахъ мертвецовъ. Онъ незаконно удерживаетъ его при себѣ!..

И еще,—пусть онъ не жалѣетъ о вырвавшемся у него признаніи,—таняться не хорошо. Къ тому же передъ смертью слѣдуетъ говорить другъ другу правду. Передъ смертью, именно. Его пѣсенка спѣта; его произведеній и грѣзъ нѣтъ болѣе не понимаетъ, а Андрѣ присоединяется къ своей эпохѣ какъ разъ тогда, когда она готова броситься въ бездну небытія. Ничто не удастся ему, потому что онъ отмѣченъ печатью латинскихъ расъ. Лишь мелькнетъ передъ нимъ заря новыхъ дней, и онъ падетъ; не войти его расѣ въ обѣтованную землю, по волѣ злого рока. Всему современному пришелъ конецъ. Вотъ Андрѣ признался, что у него нѣтъ другой вѣры на смѣну старой... Да вѣдь если говорить откровенно, то и онъ самъ, Армель...

Нѣтъ, нѣтъ, этому Андрѣ не вѣрить; учитель говоритъ такъ изъ жалости къ нему, по своей необычайной добротѣ! Но онъ знаетъ, что Армель носитъ въ себѣ твердую увѣренность, иначе ничѣмъ не объяснить полнаго его отреченія отъ всего... Андрѣ предпочитаетъ знать, что ему этой увѣренности не достигнуть, но что она существуетъ; онъ не хочетъ думать, что даже цѣною такой жизни, какъ жизнь Армеля, ея не достигъ. Вѣдь немыслимо, чтобы онъ перенесъ безплодно все перенесенное имъ. Онъ просто хочетъ утѣшить Андрѣ, а потому намекаетъ, что идеала нѣтъ вовсе. Но въ душѣ его самого, ихъ наставника, живетъ же какая-нибудь вѣра!

— Не знаю,—холодно произнесъ Армель.—Мнѣ хотѣлось бы оправдаться и въ вашихъ, и въ моихъ собственныхъ глазахъ,

въ томъ давленіи, которое я столько лѣтъ производилъ на ваши умы, но я не стану искуать себѣ извиненія въ завѣдомой лжи. Я не знаю, ничего не знаю... Злоупотребилъ ли я жизнью? Разъ все мною сдѣланное рушится, значитъ—я тоже невѣрно понималъ жизнь,—какъ и всѣ, кто стоитъ выше животнаго наслажденія и дерзаетъ предъявлять *запросы*. Но вѣдь была же во мнѣ инстинктивная сила, этотъ магнетизмъ, что привлекалъ васъ, молодежь, ко мнѣ, проповѣдовавшему безусловное отреченіе отъ жизни... И я наслаждался этимъ обаяніемъ... Когда-нибудь узнаете и вы, какъ ужасно чувствовать, что твои силы слабѣютъ. Подумайте, какъ мучительно чародѣю душъ сознать, что души отъ него отворачиваются! Вотъ почему я больше не знаю, есть у меня вѣра или нѣтъ. И мнѣ несомнѣнно слѣдовало жить наединѣ съ самимъ собою... Нѣкогда одно существо, полное *жизни*, сказало мнѣ, что для меня это—самое лучшее...

— Мнѣ тоже это было сказано, — прошепталъ Андрэ де-Нёзъ.

Армель вздрогнулъ, пылливо взглянулъ на него, но ничего не сказалъ, а погрузился въ продолжительное нѣмое раздумье. Наконецъ, печально улыбаясь, онъ произнесъ:

— Подобно Орфею, обернувшись на Эвридику, человѣкъ, оглядывающійся на любимое прошлое, видитъ только, какъ обожаемый призракъ спускается навсегда туда, гдѣ слабо мерцаетъ Солнце Мертвыхъ. Не слѣдуетъ оборачиваться, пока въ просвѣтленной душѣ не засіяетъ истинное солнце. Надо ждать терпѣливо этой минуты совершенства.

— Но вѣдь Солнце Мертвыхъ—это слава?—съ горечью сказалъ Андрэ.

— Да. Слава и счастье выпадаютъ на долю лишь нашимъ тѣнямъ.

И замѣтивъ въ окно возвращавшуюся домой Сильвэну, Армель быстро добавилъ:

— Ни слова ей! Вы свободны; выбирайте *теперь*—оставаться вамъ или уѣхать.

„Что я сдѣлалъ? Я все убилъ!“—молніей пронеслось въ головѣ Андрэ, какъ только онъ увидалъ Сильвэну. Сразу представился ему непоправимый ужасъ только-что сказаннаго имъ. Еще разъ нравственная щепотливость и эстетическія соображенія убивали истинное счастье. Теперь онъ долженъ высказаться во что бы то ни стало.

Молодые люди были одни, потому что Армель незамѣтно вышелъ; взгляды ихъ встрѣтились, Сильвэна поблѣднѣла и вы-

прямилась. Андре не пытался скрыть своего волненія. И задыхаясь, беззвучно, но съ холодной рѣшимостью онъ сказалъ:

— Сильвэна, я васъ люблю...

Послѣ небольшого молчанія, показавшагося ему безконечнымъ, она спросила медленнымъ, какъ бы надтреснутымъ голосомъ:

— Что вы говорили отцу?

— Объ этомъ?

— Нѣтъ, о томъ... Я видѣла ваши лица въ окно... и поняла...

У него вырвалось глухое восклицаніе, а она продолжала:

— Я дочь Каликста Армеля, единственного, вполне совершеннаго человѣка нашего времени, и никто, кромѣ него, не можетъ такъ безусловно поглощать весь мой умъ. Если вы покинете моего отца, какъ покинули его всѣ другіе, я останусь при немъ.

— Я чту вашего отца, Сильвэна... но я люблю васъ... Согласны ли вы принять мою любовь? Мы оба останемся съ нимъ.

— Вы извѣрились, а потому оставаться тутъ вамъ нельзя. Я все прочла на вашемъ лицѣ; возвращаться назадъ теперь поздно. И одобрить васъ я не могла бы.

— Сильвэна... Я люблю васъ... Выслушайте меня...

— Да поймите же, что я не Сильвэна, а Сильвэна Армель. Вы говорите не съ молодой дѣвушкой, почему я и слушаю васъ, а съ самой тѣнью Каликста Армеля, съ его сознаніемъ, съ его двойникомъ. Я *только* двойникъ его. Развѣ вы не чувствовали этого давно?.. Разъ вы извѣрились въ отца, вы не можете жить подлѣ меня; я должна оставаться одна при одинокомъ. А между тѣмъ онъ все-таки останется одинокимъ, потому что я не иду въ счетъ. Онъ создалъ меня по своему подобію; моя родина—его душа; я не признаю ничего, кромѣ него, его писаній, его генія, и я знаю, что онъ правъ... Кто изъ васъ можетъ пересоздать меня?

— Да нѣтъ же, Сильвэна, вы вовсе не тѣнь, вы—отдѣльное существо... Развѣ вамъ не хочется жить?

— Но не иначе, какъ теперь: иначе я не могу.

— Развѣ вы узница?

— Нѣтъ, я живу въ свободно избранной мною душѣ, потому что она—самая прекрасная изъ всѣхъ, и никогда не покину я ее,—во всякомъ другомъ мѣстѣ мнѣ будетъ холодно.

— Вы безнадежно ровный свѣтъ.

— Да, я дочь одинокой лампы; я блѣдна, потому что выросла подъ этимъ искусственнымъ солнцемъ отца. Солнцемъ Мерт-

выхъ,—не такъ ли? И это было сказано про меня; пусть тѣ, кто предпочитаетъ иной свѣтъ, отвертываются отъ меня. А такъ какъ отпаденіе его духовныхъ дѣтей можетъ заставить считать моего отца побѣжденнымъ,—если только его можно побѣдить,—то я навѣки останусь охранять его порогъ. Это—мое единственное желаніе.

— Я видѣлъ уже васъ охранительницею его порога, въ тотъ вечеръ... Зачѣмъ отпустили вы меня тогда?

— Потому что вамъ надо было идти *туда*.

— Но вѣдь иногда и сама охранительница ждетъ; скажите, вы ждали?.. Вы молчите? Развѣ я васъ оскорбилъ?.. Сильвѣна, слушайте, теперь темнѣетъ, и мнѣ не видно больше вашихъ глазъ... Я чувствую, что все потеряно... Завтра я уйду... но прежде мнѣ хотѣлось бы знать, прошелъ ли я мимо счастья... Мнѣ казалось, что вы ждали... и что между нами все испортило молчаніе, душевная сдержанность... Не оскорбляйтесь, только скажите, виновать ли я въ вашемъ непрестанномъ молчаніи, какъ то было въ тотъ вечеръ, когда я ушелъ въ ихъ жестокую жизнь, а вы остались на порогѣ?

— Въ тотъ вечеръ было такъ темно, что вы ничего не могли прочесть на моемъ лицѣ; а немного раньше могли бы прочесть кое-что. Вотъ все, что я могу сказать вамъ.

— А когда я смутился тогда, получивъ то письмо,—что вы подумали, Сильвѣна?

— Я поняла, что вы смутились изъ-за меня, за самого себя и за меня.

— Но если вы такъ давно поняли все... къ чему же это вѣчное молчаніе?

— Вы сами не захотѣли, не посмѣли меня понять. Я знала, что принесла вамъ новая жизнь. Я ждала, чтобы все это умерло для васъ и позабылось бы мною, чтобы вы слышали лишь голосъ моего отца и вернулись бы къ нему, то-есть, ко мнѣ. Я хотѣла, чтобы во мнѣ самой говорилъ лишь *голосъ души*, тотъ чистый, ровный свѣтъ, который невѣдомъ нашему времени и безъ котораго оно гибнетъ. Но я упустила изъ вида жизнь и судьбу. Вы—тоже. Хранительница не измѣнилась; путникъ вернулся съ измѣнившейся душой. Но довольно, пора возвратиться къ молчанію; вдобавокъ, совсѣмъ стемнѣло, и я могу сказать лишнее, потому что мракъ не всегда добрый совѣтчикъ.

— Да, во мракѣ не видишь выраженія лица...

— Лампа лучше, хотя она только блѣдное подобіе солнца, Солнца Мертвыхъ... Прощайте, monsieur де-Нѣзъ.

Куда идти ему теперь? Отнынѣ рухнуло все, и даже нечего тревожиться о томъ, какую форму приметъ завтра жизнь. Слѣпой случай додѣлаетъ свое дѣло.

X.

Оставшись одни, отецъ и дочь нѣсколько дней избѣгали другъ друга какъ бы по нѣмому уговору. Они молча слѣдили одинъ за другимъ, сходясь только за столомъ. Стоя разъ передъ окномъ своей комнаты, Армель увидалъ Сильвэну въ саду; крѣпко держась руками за калитку, она устремила взоръ въ пространство. Вдругъ она обернулась и взглянула на окно Армеля; тотъ опустилъ занавѣску, но взгляды ихъ уже встрѣтились.

Въ другой разъ Каликстъ Армель засталъ дочь съ открытымъ конвертомъ въ рукахъ; конвертъ заключалъ въ себѣ пригласительные билеты на дебютъ г-жи Лестранжъ, „создательницы свѣтающихся танцевъ“. Сильвэна всматривалась въ крупный почеркъ подписи актрисы. Она спокойно передала отцу билеты, и они не обмѣнялись ни словомъ; всякій душевный кризисъ разрѣшался обыкновенно между ними молчаніемъ, но на этотъ разъ они чувствовали, что молчаніе ненормально, и что между ними возникла неловкость.

Вечеромъ Сильвэна спустилась къ отцу, погруженному въ глубокое раздумье подлѣ своихъ рукописей. Она спокойно присѣла подлѣ него. Онъ удивился,—онъ думалъ, что она спитъ!

— О, нѣтъ!—сказала она съ улыбкой.

Звукъ ея голоса, беззвучнаго и какого-то отдаленнаго, испугалъ его. То былъ чисто грудной голосъ, голосъ лунатика. Напрасно она не въ постели,—замѣтилъ отецъ,—ей слѣдуетъ лечь: съ нѣкоторыхъ поръ она видимо утомлена.—Нисколько, она пришла помогать ему, давно уже они не работали вмѣстѣ. Нехорошо, что онъ такъ отстраняетъ ее; она непременно хочетъ быть по прежнему его сотрудницей.

Она шутила и смѣялась, но ея глухой, надтреснутый голосъ былъ страшенъ. Напрасно отецъ упрямится,—вѣдь онъ отлично знаетъ, что она создана для труда; она утомлена, потому что слишкомъ много была все это время на солнцѣ. А ея настоящее солнце—это его рабочая лампа; ничто другое ее не интересуетъ, и она будетъ снова его секретаремъ и чтицей. Что ему нужно,—справку, цитату?.. Или что-нибудь переписать?

Нѣтъ, пусть она идетъ къ себѣ и не улыбается такъ. Ему

больно отъ этой улыбки, вѣдь онъ знаетъ...—Онъ знаетъ? Но что же именно?

Заменутое выраженіе ея лица, говорившее о холодной волѣ, вселило внезапный ужасъ въ душу Армеля.

Да, онъ знаетъ... Они оба слишкомъ тонкія, проницательныя натуры. Но имъ лучше не затѣвать этого жестокаго поединка, они черезчуръ хорошо понимаютъ другъ друга,—самое лучшее промолчать. Напрасно она отпѣкивается: онъ знаетъ, почему она пришла къ нему сегодня, и почему тайлась и замыкалась до сегодня, особенно за эти послѣдніе пять дней. Нѣтъ, пусть она не лжетъ ему; ложь бываетъ иногда прекрасна, но это—жестокая красота, и лгать не надо. Имъ не зачѣмъ хитрить другъ съ другомъ. Пусть она не принуждаетъ его высказывать то, что извѣстно имъ обоимъ. Слова причиняютъ боль. Ея поведеніе возвышенно, но оно его огорчаетъ; онъ знаетъ, почему голосъ ея такъ измѣнился, хотя лицо ея спокойно. Зачѣмъ хочетъ она скрыть отъ него свои страданія, она, его дитя!

— Я не страдаю, отецъ.

— Ты любила его... И ты позволила ему уѣхать.. Слово сказано, Сильвѣна, но теперь я хочу знать одну вещь, мысль о которой повергаетъ меня въ ужасъ... Отказалась ли ты отъ него изъ-за той женщины, или изъ-за меня? О! теперь ты должна признаться...

— Я не люблю никого, кромѣ тебя.

— Скажи... изъ-за меня, да?

— Разумѣется, изъ-за тебя, разъ я люблю только тебя.

— Но вѣдь это не одно и то же... ты это знаешь, Сильвѣна...

Не пытайся обмануть меня.

— Для меня это одно и то же. Вотъ и все.

— Но вѣдь ты сдѣлала выборъ?

— Да, сдѣлала.

— Но я не хочу, чтобы ты плакала тайкомъ, это мое право—я не хочу видѣть тѣ слезы, что льются изъ-за меня.

— Ты превышаешь свое право, отецъ; дочь принадлежитъ тебѣ, но женщина,—разъ ты самъ упомянулъ о ней—остается свободной.

Въ нихъ сказывалась природная гордость Армелей; ни тотъ, ни другой не хотѣлъ уступить. Значить, онъ правъ: это изъ-за него?.. И та женщина тутъ ни при чемъ?.. И она любила Андрэ... И не будь ея отца... Но она блѣднѣетъ... Онъ опять ее мучить... О, пусть прижметъ она къ отцовской груди, какъ въ дѣтствѣ, и они забудутъ все на свѣтѣ...

— Оставь меня, отецъ... Ну, да, я любила его, несмотря на ту женщину... Я знала, что онъ ее разлюбилъ и вернется ко мнѣ,—и я ждала... И отказала я ему только потому, что онъ извѣрился въ тебя... И я страдаю, да, безумно страдаю... Но ты не понимаешь, не хочешь понять... Я одержима тобою, отецъ, я—твой двойникъ! И если я полюбила его, то потому, что хотѣла обрѣсти тебя и въ немъ. Еслибы онъ остался твоимъ ученикомъ, обновленнымъ перевоплощеніемъ тебя, я жила бы женщиной, какъ жила дѣвушкой,—опять-таки съ тобою, потому что онъ былъ бы *ты* въ образѣ мужа. Вѣтъ жизнь безъ тебя для меня хуже смерти, и только преемникъ твоихъ помысловъ могъ завладѣть моими помыслами! Я люблю тебя и поклоняюсь твоему гению съ дѣтства. Я надѣялась, что твой послѣдній ученикъ станетъ продолжать тебя, единственного совершеннаго человѣка на свѣтѣ, и что, будучи его женой, я не перестану быть твоей духовной дочерью. Совмѣстить мою дочернюю любовь съ моей страстью женщины,—только этого добивалась я! Желала я только одного: быть счастливой, не разобщаясь съ тобою, потому что я создана изъ тебя, и я умерла бы въ разлукѣ съ тобою. О той женщинѣ я даже не думала! Я знала, что это призракъ, и что любимый мною, извѣдавъ жизнь съ нею, вернется ко мнѣ закаленнымъ и умиротвореннымъ. Въ этомъ же самомъ домѣ умерло однажды подобное же воспоминаніе, вытѣсненное моею настойчивою любовью...

— Сильвэна, замолчи!

— Ты самъ требовалъ, чтобы я высказалась! Какъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, своей дочерней нѣжностью и ласкою оторвала я тебя отъ воспоминанія о Юдион Вольманъ...

-- Замолчи!

— Нѣтъ, отецъ!.. О, какъ ревновала я тебя къ ней за прошлое... Какъ ненавидѣла я ее за причиненное тебѣ зло! Оторвала бы я и любимаго человѣка отъ помысловъ о Люсьеннѣ Лестранжъ. Обѣ эти женщины одинаковы, обѣ воплощаютъ въ себѣ трагичную, жестокую жизнь; одна увлекла учителя, другая—ученика. Но ты забылъ первую, и я знала, что онъ забудетъ вторую, и вернется ко мнѣ навсегда, испивъ чашу искуса до отвращенія. И онъ вернулся, съ любовью ко мнѣ; но злое дѣло было сдѣлано: онъ не вѣрилъ болѣе въ тебя. Онъ принесъ мнѣ только полъ-счастья... Онъ извѣрился въ твои идеи, жизнь оставила на немъ свой отпечатокъ, и я отпустила его; онъ для меня только трупъ того, кого я любила. Ушелъ не онъ, и я его жалѣть не стану... Во всякомъ случаѣ, недолго...

Но она не выдержала и зарыдала.

— Ты видишь, что въ тебѣ терзается женщина...

— Вотъ почему мнѣ надо снова работать... Не знаю, какъ именно я люблю тебя, но иначе, чѣмъ его, болѣе прочною любовью... Ты владѣешь всецѣло моимъ умомъ... И не все ли мнѣ равно, что всѣ отрекаются отъ тебя? Они простые смертные, а ты — Каликстъ Армелъ. И я хочу оставаться и работать съ тобою, потому что я во власти твоихъ чаръ... Мало-по-малу страданія мои утихнутъ... Къ тому же это — чисто женское страданіе, оно не важно... Просто причуды нервовъ... Мы будемъ жить, опираясь на твою вѣру, вопреки всей эпохѣ... И понемногу мы вмѣстѣ состаримся, и женщина въ концѣ концовъ умоленетъ...

— Каждое твое слово убиваетъ меня, Сильвѣна... Отнынѣ я не хочу, чтобы ты привасалась къ моимъ книгамъ... Я ненавижу ихъ...

— Замолчи!

— Онѣ убійцы твоего счастья. Отъ этихъ бумагъ исходитъ зловредный магнетизмъ, отравившій твое дѣтство... Онѣ исходятъ и отъ меня самого; это — роковой даръ, въ которомъ я не воленъ, и который привлекъ ко мнѣ всѣхъ васъ, эту молодежь и тебя, васъ — созданныхъ для молодой жизни, а не для изнурительныхъ грѣзъ. Ты не прикоснешься болѣе къ этимъ писаніямъ, они ядъ для тебя... *Теперь* нельзя... Я не могу дать тебѣ въ руки тотъ самый ножъ, который тебя чуть не зарѣзалъ...

— Развѣ ты не чувствуешь, что это мое послѣднее убѣжище?

— Ты исцѣлился... придетъ день, когда ты полюбишь простого человѣка, стремящагося къ достижимому, простому счастью, и будешь счастлива съ нимъ. А если я позволю тебѣ продолжать вдыхать этотъ ядъ, — ты погибнешь! Довольно мнѣ оказывать давленіе на тебя! Постарайся обходиться безъ меня, забыть меня, жить безъ меня!..

— Чтѣ ты говоришь!..

— Я начинаю понимать, что избранная мною жизнь не есть истинная жизнь...

— Ты колеблешься въ своей вѣрѣ? Отвѣчай!..

— Вѣра моя пошатнулась, да. Она причиняетъ зло, а законы природы признаютъ ложнымъ все то, чтѣ причиняетъ зло, хотя бы даже невольное! Должно быть, вѣра моя ложна!

— Ахъ, отецъ, чѣмъ заслужили мы такіа муки?!

— Я превратно понялъ жизнь, а ты платишься за мою ошибку.

— Какіе мы, въ сущности, жалкіе люди, — ты, такой недося-

гаемый и непроницаемый, и я, такая заменутая! Если бы насъ видѣли тѣ, кто считаютъ насъ таими! Мы современные души, носящіяся по волѣ вѣтра!.. Выскажемся до конца... чтобы потомъ объ этомъ не вспоминать... Я уже чувствовала, что ты колеблешься... Не оставила ли тогда въ тебѣ дурная женщина зародышъ сомнѣнія, какъ другая дурная женщина—въ любимомъ мною человѣкѣ? Зачѣмъ ты обострилъ съ дѣтства мою чувствительность, отецъ? Зачѣмъ пріотворилъ передо мною двери въ мировую тайну? Я могла бы прожить подобно другимъ, достигнуть обыкновеннаго, скромнаго счастья, быть покорной женой того мужа, котораго послала бы мнѣ судьба... Но ты внушилъ мнѣ отвращеніе къ обыкновенной жизни, ты увлекъ меня за собою на недостижимую вершину... И мнѣ было страшно... Ты ввелъ меня въ сокровищницу своей души, она меня околдовала, и я закрыла за собою дверь... То было исключительное, могильное одиночество, и наша эпоха смѣялась надъ нимъ! Но я вѣрила въ тебя, голова моя сладко кружилась на этой вершинѣ, я была въ чудномъ упоеніи! На желанія души моей, до того различныхъ отъ желаній толпы, могъ откликнуться только одинъ человѣкъ, а между тѣмъ онъ зналъ, что не можетъ быть для меня всѣмъ тогда,—когда я стану женщиной и потребую всего! Онъ зналъ, что настанетъ часъ, когда придется уступить меня другому, а между тѣмъ онъ создавалъ меня по своему подобію, поглощалъ меня всю,—для того, чтобы въ концѣ концовъ придти къ сегодняшнему отреченію! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, зачѣмъ ты не оставилъ во мнѣ ничего посредственнаго, чтобы я могла снова привязаться къ жизни! Чтѣ дѣлать мнѣ теперь? Чѣмъ провинилась передъ тобою твоя дѣвочка, отецъ? Да, вѣра твоя неправильная, и я отказываюсь отъ нея... Эти бѣлыя страницы—могильныя плиты, которыхъ мнѣ не поднять, а лампа эта освѣщаетъ мой гробъ, это—Солнце Мертвыхъ; лампа лишила меня истиннаго солнца, и мнѣ остается только оплакивать свое потерянное счастье. Развѣ я Сильвэна? Нѣтъ, нѣтъ, я Сильвэна Армель, раба своего имени... Твоя страшная, непонятная чары держатъ меня въ плѣну и не даютъ подойти къ обыкновенной жизни. И я не могу вырвать ни изъ сердца, ни изъ мозга частички твоего сердца, твоего собственного мозга,—я одержима твоимъ гениемъ. И не потому ли, что ты хотѣлъ достичь слишкомъ многого, а я слишкомъ поклонялась твоему отреченію отъ жизни, не потому ли, что мы оба исключительные, больные умы—и постигла насъ невѣдомая кара? Не потому ли всѣ молодые ушли отъ насъ, что они почуяли здѣсь запахъ тлѣнія?

— Да, мнѣ слѣдовало жить одинокимъ, какъ это было мнѣ сказано. Я создалъ изъ тебя свое собственное подобіе, чтобы удержатъ при себѣ свое дѣтище, чтобы судьба не отняла его отъ меня. Я поступилъ эгоистично, и судьба отомстила мнѣ. Я такъ боялся лишиться тебя, когда ты вырастешь, и не подумалъ, что ты можешь страдать, не хотѣлъ даже знать объ этомъ. И совѣсть проснулась во мнѣ только тогда, когда это случилось... Прости, Сильвэна, что я заключилъ тебя съ собою въ темницу, и сдѣлать изъ твоей души слѣпокъ моей!.. Я несу мою кару, дитя мое, я открылъ, что моя вѣра не существуетъ, ибо она идетъ въ разрѣзъ съ жизнью... Отнынѣ я умоляю навсегда... Наша эпоха идетъ къ паденію и увлекаетъ за собою насъ, а потому я буду готовиться къ смерти... Прости меня, дитя мое,—ты видишь, чары мои изсякли, я не увлеку болѣе за собою новыхъ жертвъ; ты—послѣдняя, остальные спаслись бѣгствомъ, и я обезоруженъ... Мы остались вдвоемъ, мы оба несчастны, сердиться намъ другъ на друга нельзя... Замокъ послѣдній протестующій голосъ... Быть можетъ, тѣ, молодые, сужаютъ найти нужное, будутъ проникательнѣе и ничто не рухнетъ, все воспрянетъ вновь... Я былъ поэтомъ канувшихъ въ вѣчность временъ, я прислушивался къ таинственнымъ, сверхъестественнымъ звукамъ. Я умоляю. Избранниковъ болѣе не существуетъ.

И Армелъ, сраженный, непризнанный геній, и Сильвэна, потерявшая свое „я“,—оба превратились теперь просто въ старика и ребенка. Грустно переглянувшись, они поняли другъ друга. И медленно, не оборачиваясь, вышли они изъ комнаты, представляя одинокой лампѣ освѣщать своимъ слабымъ печальнымъ свѣтомъ могильные бѣлые листы, къ которымъ они болѣе не прикоснутся.

Въ этотъ самый часъ, въ Парижѣ, Андре де-Нёзъ, уныло бродившій по улицамъ, машинально зашелъ въ какое-то увеселительное заведеніе.

Разсѣянно смотрѣлъ онъ на клоуновъ и акробатовъ, какъ вдругъ въ оркестръ раздалась медленная фраза, сцена погрузилась во мракъ, а въ этомъ мракѣ внезапно вспыхнулъ разноцвѣтный вѣеръ ярко освѣщенныхъ волнъ газа, посреди которыхъ блестяла фантастичная, златокудрая головка.

Это танцовала Люсьенна Лестранжъ.

То трепетной спиралью поднимались къверху газовыя волны, то онѣ падали, точно гигантскія пылающія крылья, на плечи

танцовщицы, колыхаясь подъ ритмъ скрипокъ. Чудный призракъ принималъ форму бабочки, или цвѣтка, или блѣдной фигуры, выходящей изъ могилы, или кружащейся радуги, или какихъ-то причудливыхъ морскихъ чудовищъ. Вдругъ танцовщица закружилась и бросилась бѣжать, точно спасаясь отъ пожирающаго ее пламени, и упала на полъ, плача какъ ребенокъ подъ яркими потоками огня; потомъ она внезапно вскочила и бросилась снова къ рампѣ, распростерши руки подъ потоками разноцвѣтныхъ лучей, подобно стремительной, застывшей кометѣ, съ дыбомъ стоящими волосами, охваченная священнымъ ужасомъ танца.

Толпа, не понимая воззванія этой заклинательницы огня, пораженная лишь чуднымъ фокусомъ ослѣпительнаго, разноцвѣтнаго освѣщенія, разразилась кликами и вскочила на ноги. То была обычная бульварно-пестрая толпа подобныхъ заведеній.

И пока вокругъ Андрэ кричали, хлопали руками и стучали палками, онъ, по обыкновенію, погрузился въ раздумье. Солнце Мертвыхъ! Оно—эта прекрасная златокудрая головка, нѣкогда священный свѣтильникъ молчаливаго искусства—опустилось, надъ этой выродившейся, нравственно разложившейся толпой. Вотъ гдѣ закатывалось оно, Солнце Мертвыхъ, на берегу этого человѣческаго моря, усѣяннаго обломками. Она пришла сюда, эта падшая интеллигентная женщина, облеченная въ саванъ, этотъ трупъ, брошенный для потѣхи безыменной толпы, трупъ, тайну котораго насиловали яркіе свѣтовые лучи, насмѣшливо придававшіе ему блескъ зари!..

Но вотъ, округливъ надъ головою руки, Люсьенна Лестранжъ превратилась въ высокій вертикальный столбъ и стала грустно бродить передъ рампой, точно блуждающій огонекъ на кладбищѣ, точно разложившееся человѣчество, вспыхнувшее минутнымъ ядовитымъ свѣтомъ; затѣмъ она поблѣднѣла, заколебалась и сразу потухла...

Небольшая кучка пепла сѣрѣла во мракѣ...

Солнце Мертвыхъ закатилось.

Но когда, при грубомъ оркестровомъ трескѣ, при громѣ апплодисментовъ, посреди вновь освѣщенной сцены, Люсьенна Лестранжъ поднялась, окутанная своими бѣлыми покрывалами, и послала публикѣ прощальный воздушный поцѣлуй,—Андрэ де-Нёзу представилось, что это—мертвая возсталъ изъ пепла, чтобы прикоснуться своими мертвыми устами къ обезпамятѣвшей и также безжизненной толпѣ!

Ю. З—а.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О. И. БУСЛАЕВЪ

Наши воспоминанія о О. И. Буслаевѣ относятся только къ его послѣднимъ годамъ, начиная съ 1880-го. Тогда для него начиналась новая пора—время отдыха отъ научной и профессорской работы. Въ 1881 году онъ вышелъ въ отставку; въ университетѣ больше не читалъ лекцій, и заканчивалъ свой ученый подвигъ—книгу о „Лицевомъ Апокалипсисѣ“. Позади него оставалось поприще, пройденное имъ съ великимъ успѣхомъ. Передъ нимъ открывалась старость, и для него,—какъ для человека здороваго и бодрого, много работавшаго и сберегшаго силы для духовныхъ радостей жизни,—старость ясная, счастливая. Назначеніе его было выполнено, но и затѣмъ обаяніе его имени не уменьшалось, а только видоизмѣнилось съ теченіемъ времени, и совсѣмъ прекратиться не могло никогда. На первыхъ порахъ, оно поддерживалось даже всею внѣшнею обстановкою жизни Буслаева.

Ододръ Ивановичъ жилъ тогда у Спаса-на-Пескахъ, въ Каретномъ-ряду, и занималъ квартиру на самомъ верху какого-то высокаго дома очень старинной постройки. Уже самый входъ къ нему, черезъ обширныя сѣни, по широкой деревянной лѣстницѣ съ поворотами, затѣмъ видъ изъ оконъ вдаль надъ большимъ садомъ и, наконецъ, размѣры комнатъ, небольшихъ и невысокихъ, но просторныхъ и свѣтлыхъ,—всѣ эти случайныя внѣшнія условія вызывали представленіе чего-то мирнаго, цѣльнаго, закончен-

наго. Кабинетъ Оед. Ив. производилъ такое же впечатлѣніе. Простой шкафъ со стеклами, гдѣ хранились рѣдкіе экземпляры, рукописные и старопечатные; столъ изъ свѣтлаго дерева на рѣзныхъ ножкахъ во вкусѣ Возрожденія; старомодное покойное кресло; конторка; обыкновенный письменный, небольшой очень столъ съ немногими, необходимыми на немъ предметами; а по стѣнамъ—гравированные портреты и „сувениры“ итальянскихъ путешествій—ярко-голубые виды Неаполя,—все носило печать уюта, порядка и вкуса, все говорило о внутренней гармоніи и тишинѣ, о томъ душевномъ равновѣсіи, которое при изяществѣ натуры достигается долготѣннимъ и систематическимъ трудомъ въ области мысли. Эта внутренняя гармонія отражалась на самыхъ простыхъ, обыденныхъ вещахъ. Все обыкновенное и скромное казалось красиво и у мѣста, потому что все въ этой жизни, казалось, уже выяснилось и установилось. Притомъ все такъ непохоже было на новое, модное, что мысль невольно уносилась далеко отъ настоящей минуты. Даже веселыя, яркія аэварели Неаполя такъ же мало походили на нынѣшнюю дѣйствительность, какъ мало похожи потемнѣлые кожаные переплеты старинныхъ изданій на яркія обложки новыхъ книгъ и журналовъ. А если вы припоминали, что дѣятельность въ этихъ комнатахъ направлена была на старину, на народный эпосъ, углублялась въ символику нашей древней иконописи или западнаго средневѣкового искусства, то вамъ еще больше казалось, что жизнь, здѣсь протекающая, далека отъ всего того, что волнуетъ болѣе молодые умы: казалось, здѣсь все мирно и ясно оттого, что мысль вся только въ отвлеченномъ, только въ прошломъ... Но это казалось только; казалось, и недолго, людямъ предубѣжденнымъ. Здѣсь была жизнь спокойная, достойная, но жизнь, т.-е. движеніе впередъ, а не застой. Не было суеты, но и скуки не было. Въ этомъ вы убѣждались послѣ даже поверхностнаго знакомства съ хозяиномъ.

Вы напрасно стали бы ожидать отъ первой встрѣчи съ Буслевымъ того впечатлѣнія, которое невольно возникаетъ при мысли о глубокой учености человѣка съ громкимъ именемъ. Педагогъ, создавшій новые методы преподаванія и извѣстный своими учебниками всякому гимназисту, профессоръ, установившій нашу грамматику и исторію нашего языка и поэзіи на твердыхъ началахъ науки, перейдя за 60-лѣтній возрастъ, при тѣхъ познаніяхъ, которыя позволяли ему занимать не одну кафедру на филологическомъ факультетѣ,—Буславъ соответственно этому долженъ былъ имѣть видъ мудреца, который неоспоримо авторитетно вразум-

лаетъ, снисходить, поощрять и, съ высоты своихъ познаній, какъ будто даже слегка запугиваетъ профана, являющагося къ нему на поклонъ. Такое понятіе объ ученомъ быстро опровергалось не только разговоромъ, но даже самою наружностью Буслаева.

Моложавый, даже франтоватый, все еще красивый, Буслаевъ носилъ тогда сѣдую бородку, бритую по французской модѣ 60-хъ годовъ, какъ то было у Наполеона III-го. При этомъ онъ поражалъ живостью и нѣкоторою даже суетливостью движеній. Воспріимчивость, подвижность природы, сказывались и въ торопливости его рѣчей, и въ веселой его привѣтливости, съ легкимъ оттѣнкомъ юмора и ироніи, той „плутинки“, которая такъ характерна для нашего великорусскаго племени. А въ разговорѣ съ ученически-робѣвшими гостями и тѣни не было авторитетности. Онъ доверчиво и просто интересовался вашими занятіями и знакомилъ съ своею библіотекою, указывая на тѣ полки, которыя по своей спеціальности могли быть близки вашему предмету. Въ его любезности чувствовалась галантность кавалера не нашего поколѣнія, и тѣмъ не менѣе все звучало искренно и естественно, а главное, лишено было всякаго высокомѣрія или учительскаго покровительства. Предвзятая иллюзія ученаго, торжественно священнодѣйствующаго въ храмѣ науки, разрушалась очень быстро. А вѣдь вы знали, что эта небольшая комната, гдѣ всѣ стѣны сплошь уставлены книгами и папками гравюръ,—это дѣйствительно вѣдь храмъ человѣческой мысли. Разнообразіе культовъ въ этомъ храмѣ отражалось на разнообразіи форматовъ, переплетовъ, заглавій, годовъ изданія. Многаго здѣсь уже нѣтъ изъ той энциклопедіи филологическихъ наукъ, обширность которой вмѣстилась въ головѣ нашего радушнаго хозяина. Нѣтъ книгъ по языковеднѣ, по сравнительной грамматикѣ, по славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ. Все то, что прежде служило Буслаеву для работъ по исторической грамматикѣ, то, что онъ считалъ не томами, а десятками пудовъ,—того здѣсь уже нѣтъ. Остались—иконографія, археологія, западное и русское искусство, итальянская литература и множество любопытныхъ книгъ смѣшаннаго содержанія,—*curiosa*,—начиная съ эпохи Возрожденія.

Разнообразіе этой библіотеки не утомляетъ васъ своею пестротой, потому что вызываетъ одно общее впечатлѣніе личности хозяина, которому служить. Какую бы книгу наугадъ вы ни брали съ полки, всякая носитъ на себѣ слѣды его работы. Очевидно, что извлекаетъ онъ изъ своихъ книгъ многое и много, но распоряжается всѣмъ легко и независимо. Количество специальныхъ знаній, которое такъ давно уже почерпается изъ этихъ от-

мѣтокъ на поляхъ текста, нисколько не подавляетъ живости его мысли. Онъ такъ просто и весело относится къ своему знанію, къ своему труду, что видимо они составляютъ одно цѣлое съ его личностью. Онъ самъ не замѣчаетъ ихъ и не даетъ ихъ чувствовать своему собесѣднику. Какимъ бы невѣжественнымъ себя этотъ собесѣдникъ ни чувствовалъ, ученость Буслаева не угнетаетъ его такъ, какъ самый ничтожный запасъ мысли у иного жреца науки.

Помню, какъ Ѳ. И. показывалъ намъ свой экземпляръ „Лицевого Апокалипсиса“—это было вечеромъ въ его пріемный день. Ѳ. И. смѣется надъ этою непомерно-толстою книгою. Съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотришь въ текстъ ея и видишь—чего и малоопытному глазу нельзя не видѣть—громадную работу этого изслѣдованія. Лицевой значитъ иллюстрированный; Апокалипсисъ—пророческая книга Новаго Завѣта, чтеніе которой православною церковью не рекомендуется, въ виду необъяснимости содержащихся въ ней пророчествъ. Припоминается Наполеонъ—Антихристъ, 12-й годъ, война и миръ, мистическія ученія начала вѣка... Видѣнія евангелиста должны были, думается, смущать непонятными аллегоріями умы нашихъ предковъ, и конечно наиболѣе любознательные и образованные умы, разъ эта книга не была обязательнымъ церковнымъ чтеніемъ. А историкъ, изслѣдуя эти иллюстраціи-миніатюры, задается, вѣрно, цѣлью показать, какъ эти видѣнія отражаются въ фантази старинныхъ рисовальщиковъ-живописцевъ, и какимъ они подвергаются толкованіямъ, переходя изъ слова въ рисунокъ, изъ литературы—въ живопись. Если такъ, то въ этой специальной книгѣ долженъ быть общій интересъ, слѣдуетъ прочесть ее! Но 900 страницъ! И въ мельчайшихъ подробностяхъ изслѣдуется рукописный матеріалъ. Черезъ этотъ лѣсъ детального анализа, наблюдений и сличеній текстовъ, черезъ эту кропотливую работу мысли, не доберешься, пожалуй, до общихъ положеній. Разработка первоисточниковъ дастъ ли готовый выводъ? отвѣтитъ ли опредѣленно на вопросъ объ искусствѣ набожной старины?.. А Ѳ. И. смѣется надъ тѣмъ, что книга такъ тяжеловѣсна въ буквальномъ смыслѣ слова.—Вѣдь 10 ф. вѣсить! А! Какую книгу написалъ—10 фунтовъ! Тяжесть-то какая!—Вѣроятно, онъ видитъ наше недоумѣніе и уваженіе, похожее на страхъ, передъ силою затраченнаго на эту тяжесть труда.—Хотите, возьмите ее—только всей вамъ читать незачѣмъ! Вотъ тутъ вамъ можетъ быть интересно: это глава, гдѣ сравниваются западное и русское искусство. Это вамъ можетъ пригодиться!—Ну, а кто отважится прочесть всю книгу сполна,—шутя, замѣ-

часть одинъ изъ близкихъ друзей Буслаева,—единственный, быть можетъ, изъ присутствующихъ, кто понималъ всю цѣну этого труда ¹⁾,—тотъ пусть распишется на послѣднемъ бѣломъ листѣ книги!—Оед. Ив. смѣется, находя, что такими подписями листъ не скоро заполнится. А сколько силы ушло у него на эту работу! Сколько часовъ просиживалъ онъ за границею въ Бамбергѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ, разсматривая и описывая миниатюры Апокалипсисовъ! Сколько дома изучилъ онъ рукописей, которыя заслуженному профессору доставлялись отовсюду: изъ монастырскихъ коллекцій (Соловецкаго, Кирило-Бѣлозерскаго, Троицкой Лавры), отъ раскольниковъ-начетчиковъ, изъ разныхъ библіотекъ. Сколько напряженія и заботы тратилось на эти мелкіе рисунки, когда они воспроизводились подъ руководствомъ самого автора, и онъ самъ свѣрялъ всѣ кальки и наблюдалъ за точностью снимковъ! Не даромъ на этой работѣ потерялъ онъ глаза!

Работая съ тою добросовѣстностью и кропотливостью, которая чуть не граничитъ съ педантизмомъ, не допуская въ своемъ текстѣ ни одного самаго мелкаго факта непровѣреннаго, не позволяя себѣ ни одного пустого слова, ни одной праздной фразы „для красоты слога“, Буслаевъ такой работѣ не придавалъ особой цѣны: очевидно, она для него не отдѣлялась отъ научнаго и литературнаго труда, какъ необходимое его условіе. Необходимое, но не единственное. Не менѣе важною въ работѣ была мысль его—живая, самостоятельная. При педантизмѣ исполненія, Буслаевъ не былъ педантомъ по своимъ задачамъ и взглядамъ. Отъ него мы нерѣдко слыхали тѣ презрительныя выраженія: „буквоедство, ученое крохоборство“ и т. п., которыми обозначается преобладаніе эрудиціи, когда за частностями и мелочами не видно цѣлаго, или существеннаго. Потому онъ и дорожилъ всегда общемою мыслью, и цѣнилъ ее вездѣ, какая бы слабая и шаткая она ни была, если только она возникала изъ знакомства съ самимъ предметомъ, а не съ чужими мнѣніями о предметѣ. Особенно это поучительно было въ его разговорѣ. Его мысль всегда будила мысль и въ собесѣдникѣ. Профессоръ не поучалъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, т.-е. не внушалъ готовыхъ знаній и понятій, а только спрашивалъ, выслушивалъ и оспаривалъ, и тѣмъ заставлялъ васъ обнаруживать источники вашихъ свѣдѣній. Эти приемы вытекали у него не изъ одной только педагогической экзаменаціонной практики, а изъ его отношенія и къ знанію, и къ людямъ; они зависѣли прежде всего отъ его уваженія къ лично-

¹⁾ А. Е. Викторовъ.

сти человѣка, отъ доброты его. Одинъ изъ лучшихъ учениковъ Буслаева, академикъ Александръ Николаевичъ Веселовскій, предлагая на юбилейномъ его обѣдѣ тостъ за представителя широкихъ симпатій въ области гуманистическихъ знаній, выразился такъ: „Знаніе бываетъ разное: одно—эгоистическое знаніе, книга, дѣйствующее вѣрно, но на разстояніи поколѣній, какъ дальнестрѣльное орудіе, безучастно бьющее въ цѣль, не заботясь о томъ, куда попадетъ ядро. Другое знаніе—встрѣчное, радушное, привѣтливо идущее на встрѣчу людямъ, ищущее слушателей и учениковъ, будящее въ нихъ разнообразныя интересы“. Если „радушіемъ знанія“ отличалась дѣятельность профессора, то и устная бесѣда литератора носила тотъ же характеръ. Мысль его шла привѣтливо на встрѣчу вашей мысли, возбуждая ее и поднимая до себя, а не подавляя ее и не покоряя себѣ. Въ этой мысли не было того властолюбія, которое насилуетъ и подчиняетъ чужіе вкусы и взгляды, чтобы первенствовать надъ ними и вести ихъ за собою. Это было нравственное свойство натуры, и оно отражалось въ разговорѣ Буслаева точно такъ же, какъ во всей его умственной и общественной дѣятельности.

Итакъ, ума властнаго и деспотическаго, насилующаго и порабащующаго, въ Буслаевѣ не было, и это особенно цѣнили ученики его, и видѣли въ этомъ его силу. Но на лицѣ постороннихъ, не понявшихъ еще обаянія этого альтруистическаго знанія, Ѳ. И. не производилъ впечатлѣнія силы. Его торопливая, съ запинками, манера говорить не имѣла той вѣскости и увѣренности, которыя для профановъ не отдѣляются отъ ума и знанія; у него не было и того краснорѣчія, которое такъ гладко и пріятно вливается въ ухо слушателя, скользитъ по головѣ и теряется чаще всего въ пространствѣ. Слово его, бывало, не заслушаешься, надъ ними задумаешься: въ нихъ все своеобразно, потому что все свое, все искренно и все живо прочувствовано. И это живое, искреннее слово сочувственно отзывалось и въ вашей душѣ. Споря съ учителемъ, отстаивая свою мысль, вы не замѣчаете, что эта ваша мысль зажглась отъ его искры, и вы не видите, что учитесь у него, потому что онъ дѣйствуетъ на васъ особою силою, живою и благотворною, а не властью только ума и логики.

Эта-то живая сила,—любовь къ истинѣ и любовь къ человѣку,—не давала его мысли уходить отъ „злобы дня“ въ прошлое, отвлеченное, или въ мелочи эрудиціи. Онъ горячо относился къ вопросамъ текущей, живой жизни; правда, онъ рѣдко соглашался съ тѣми отвѣтами, которые на нихъ давала судьба. Онъ свое-

образенъ былъ во взглядахъ на современность, но живость и отзывчивость его природы не позволяли ему отъ нея отрѣшиться. Въ мысли его не было застоя, и оттого въ его обществѣ не могло быть скучно. Разговоръ велся обыкновенно на темы литературныя, иногда обсуждались общественныя событія, и никогда—личныя, частныя дѣла или слухи. Мнѣнія хозяина потому были особенно интересны, что вы не знали за нимъ той общей мѣрки, подъ которую онъ подводилъ бы всѣ обсуждаемыя явленія. Партийности опредѣленной окраски, или готового шаблона, разъ навсегда установленнаго—здѣсь не было. Когда радикаль, когда консерваторъ, когда идеалистъ, когда поборникъ правды въ искусствѣ, Ѳ. И. не боялся противорѣчій съ самимъ собою, не боялся даже сознаваться въ неправильности своихъ взглядовъ и исправлять ихъ.

Въ 80-хъ годахъ часто говорили у него о Достоевскомъ. Буслаевъ его не любилъ, отрицательно относился къ тѣмъ симпатіямъ, которыя въ обществѣ были вызваны его смертію, не пересчитывалъ его—и остался при своемъ о немъ мнѣніи. Иное дѣло—съ Тургеневымъ. Появленіе послѣднихъ его произведеній вызывало большіе споры: Ѳ. И. также не одобрялъ ихъ, приписывалъ ихъ пессимизмъ вліянію Франціи и пребыванію вообще Тургенева за границую. Изъ „Стихотвореній въ прозѣ“ ему нравились очень немногія; онъ насчитывалъ ихъ семь или восемь, которыя считалъ образцовыми. Позже, когда Тургеневъ умеръ, отношеніе къ нему Буслаева измѣнилось. Онъ сталъ интересоваться всѣмъ, что о Тургеневѣ писалось въ Россіи и за границую; собиралъ о немъ критическіе и біографическіе очерки, воспоминанія; прочитывалъ, дѣлалъ выписки и сталъ самъ изучать его произведенія. Потомъ, вчитываясь и вслушиваясь въ текстъ, онъ что думалъ, то записывалъ сперва самъ, а потомъ чужою рукою, и дѣлалъ множество отмѣтокъ и записей на поляхъ своего экземпляра. Всѣ эти замѣчанія и наблюденія остались, за слабостью здоровья, въ необработанномъ видѣ. Но хотя они и не приведены въ систему, они составляютъ цѣнный матеріалъ какъ для критическаго изслѣдованія о Тургеневѣ, особенно со стороны художественной формы, такъ и для характеристики самого Буслаева. Для Буслаева Тургеневъ сталъ въ послѣдніе годы тѣмъ образцовымъ художникомъ русскаго слова, преемникомъ Пушкина, по имени котораго долженъ называться цѣлый періодъ нашей литературы. Къ этому выводу Буслаева привела самостоятельная работа надъ Тургеневымъ. А до нея, вскорѣ послѣ смерти писателя, у него была на него совершенно иная точка зрѣнія.

Помню, какъ не разъ онъ негодовалъ на избитое общее мѣсто о женскихъ типахъ Тургенева.—Да какіе же у него женскіе идеалы?—говорилъ Ѳ. И.—У него изображаются или любовныя волненія дѣвицы, или хищничество замужней женщины! У него нѣтъ нигдѣ материнскихъ чувствъ! Онъ не зналъ женщины какъ жены и матери, онъ не показалъ лучшихъ, высшихъ свойствъ женскаго сердца!—Эта точка зрѣнія совершенно измѣнилась у Буслаева и дополнилась иными взглядами при новомъ и самостоятельномъ изученіи Тургенева.

Вообще смѣна взглядовъ и разнообразіе точекъ зрѣнія были наиболѣе характерными чертами Буслаева. Они указывали и на не прекращавшуюся никогда работу мысли, и на подвижность, гибкость и даже нѣкоторую изворотливость этой мысли. Мнѣніямъ и сужденіямъ Ѳ. И. это всегда придавало живость, свѣжесть, интересъ новизны. Но въ спорахъ оно крайне озадачивало: вы никогда не знали, съ какой стороны онъ подойдетъ къ спорному пункту и откуда почерпнетъ свои аргументы. А спорилъ онъ очень охотно, и это бывало у него зачастую педагогическимъ приемомъ: возражая ученику, вызывая его на преніе, профессоръ очень скоро раскрывалъ собесѣднику его незнаніе, т.-е. неточность, неполноту знанія, или знаніе изъ вторыхъ, третьихъ рукъ, по наслышкѣ. И тогда споръ падалъ, оставляя собесѣдника или торжествующимъ съ своими полу-знаніями,—когда онъ не понималъ умственнаго превосходства профессора,—или пристыженнымъ разоблаченіемъ невѣжества. Даже и въ эти споры—съ людьми очень юными—Ѳ. И. вносилъ столько серьезности, живости и иногда горячности, что возвышалъ этимъ собесѣдника въ собственныхъ его глазахъ, а не унижалъ его превосходствомъ своихъ знаній. И такіе споры заканчивались быстро къ обоюдному удовольствію. Труднѣе было, когда разногласіе коренилось не въ познаніяхъ, а въ той разницѣ понятій и вкусовъ, которая зависѣла отъ самого возраста собесѣдниковъ. Мнѣ особенно часто приходилось возражать Ѳ. И. Онъ любилъ разспрашивать меня о новыхъ явленіяхъ беллетристики—особенно иностранной; часто и самъ и черезъ другихъ провѣрялъ мои мнѣнія, и никогда почти не одобрялъ моихъ вкусовъ. Интересъ къ новымъ, особенно французскимъ писателямъ вмѣнялъ онъ въ грѣхъ, почти въ преступленіе: все то новое, свѣжее, что ему указывалось въ современной литературѣ, онъ всегда старался приравнять къ прошлому, давно бывалому и уже пережитому человѣчествомъ. При громадной эрудиціи въ области всеобщей литературы ему, конечно, легко было находить аналогіи и па-

параллели; но это не всегда вразумительно для профана: въ глазахъ профана и знакомство съ прошлымъ, и историческія параллели, не мѣняютъ интереса къ новымъ явленіямъ; напротивъ, чѣмъ рѣзче это наше новое расходится съ прошлымъ, тѣмъ сильнѣе наше желаніе въ немъ разобраться, и тѣмъ, слѣдовательно, упорнѣе нашъ интересъ къ нему. Но въ глазахъ Ѳ. И. этотъ интересъ былъ второстепеннымъ. Это-то часто и служило предметомъ нашихъ споровъ. Ѳ. И. очень принималъ въ сердцу всякое противорѣчіе, и такая горячность, живость и нетерпѣливость его были тѣмъ трогательны, что происходили не отъ самолюбія, а отъ любви къ предмету. Потому и столковаться съ нимъ бывало мудро. Такъ, напр., новыхъ французовъ онъ всегда упрекалъ; несмотря на мягкость и деликатность, онъ любилъ при этомъ сильныя выраженія какъ восторга, такъ и негодованія. Французамъ за натурализмъ въ романѣ доставалось одно негодованіе.—Французы такъ изогались и развратились, — говорилъ онъ, — что и литературу обратили въ кабакъ.—Утвердившись на этомъ положеніи, Ѳ. И. схватывалъ на лету ваши возраженія и твердилъ свое:—Грязно, гадко, грубо!—а вслушавшись въ ваше мнѣніе, повторялъ скороговоркою:—Ахъ, какъ глупо! глупо, глупо, очень глупо!—Иногда споръ на этомъ и прерывался. Ѳ. И. при слѣдующемъ свиданіи извинялся за рѣзкость, спрашивалъ—не обидѣлъ ли онъ кого. Обижаться на него, конечно, нельзя было. Разставшись съ нимъ, мы объясняли себѣ наше взаимное непониманіе разницею нашихъ возрастовъ. Трудно, думалось намъ, даже невозможно человѣку, выросшему въ эпоху романтики 30-хъ годовъ, на сантиментальности и условности, если не Карамзина, то русскихъ подражателей Вальтеръ-Скотта,—невозможно отдѣлаться отъ тѣхъ вкусовъ, которые привиты ему въ юности. Какъ бы они ни были у него усовершенствованы въ послѣдствіи широкимъ изученіемъ литературы и знакомствомъ съ ея міровыми произведеніями—эти юношескіе вкусы для новыхъ поколѣній представляются уже достояніемъ исторіи. А въ свою очередь понятно, что вкусы и нашего поколѣнія, воспитаннаго съ дѣтства въ реализмъ и правдивости родной литературы, а затѣмъ на протоколизмъ и пессимизмъ французскаго романа, должны были старику казаться неизящными и грубыми.—Я вѣдь современникъ Гёте, — шутилъ иногда Буслаевъ:—у меня всему мѣрка иная, чѣмъ у васъ.—Иная, но при томъ широкая. Потому часто и случалось, что тамъ, гдѣ, повидимому, не было намъ никакой возможности понять другъ друга и придти къ одному какому-нибудь выводу, Ѳ. И. поражалъ неожиданно эластичностью своего ума и широтою взглядовъ. Часто

случалось, что, вернувшись къ прежнему предмету спора, онъ или дѣлалъ нѣкоторыя уступки новымъ вѣяніямъ, или устанавливалъ на нихъ „историческій“ взглядъ, т.-е. если не раздѣлялъ нашихъ вкусовъ, то вдумывался, понималъ ихъ и объяснялъ ихъ происхождение. Разстояніе между поколѣніями и противорѣчіе ихъ вкусовъ сглаживалось тогда воспримчивостью Буслаева къ поэзіи; въ немъ говорило тогда уже не отжившее прошлое, не идеализмъ съ налетомъ сентиментальности, а чуткость историка, вмѣстѣ съ наблюдательностью и любознательностью старика, сохранившаго свѣжесть и молодость чувства; въ Буслаевѣ никогда не проявлялось старческой зачерствѣлости и притупленности. Но естественно, что и сразу признать новый вкусъ, поступиться прежними взглядами—ему бывало иногда не легко. За то и упорства изъ-за самолюбія онъ не зналъ; горячится, бывало, бранится, возмущается какимъ-нибудь писателемъ; но покажите ему истинно-талантливую вещь того же автора—и негодованія не останется и слѣда.—Я его бранилъ,—скажетъ онъ добродушно,—я вѣдь не зналъ въ немъ вотъ того, этого, но что это за прелесть!—Такъ было съ разсказами Чехова.—Что за гадость, смотрѣть на любимую женщину съ „голоднымъ выраженіемъ“ лица,—цитировалъ онъ фразу изъ одного разсказа:—да вѣдь это мерзость! какія пакости они нынче пишутъ!—Ему указали въ томъ же сборникѣ нѣсколько другихъ разсказовъ, и Чеховъ сталъ однимъ изъ его любимцевъ.

Труднѣе всего спорить съ Ѳ. И. было изъ-за принципиальнаго какого-нибудь положенія, напр. литературной теоріи или критики. Къ отвлеченности вообще онъ не былъ склоненъ: онъ самъ признавался въ „Воспоминаніяхъ“, что въ 40-хъ гг., въ самый разгаръ увлеченія философіею, онъ не любилъ и не понималъ ея. Литературное явленіе интересовало его, какъ конкретный историческій фактъ; потому открытіе новаго факта, изученіе и описаніе памятника, изслѣдованіе его происхожденія, связи и аналогіи съ другими, привлекали его болѣе, чѣмъ систематизація добытыхъ фактовъ, чѣмъ, напр., построеніе литературной исторіи или установленіе принципа эстетики. А между тѣмъ этими теоретическими вопросами онъ не могъ не заниматься, и имъ у него посвящены двѣ большія статьи, которыя онъ не разъ тщательно обрабатывалъ. Въ разговорахъ и спорахъ на такія темы собесѣднику Ѳ. И. очень нелегко было слѣдить за послѣдовательностью его мысли и за ходомъ его аргументаціи... Помнимъ, какъ мы долго спорили по поводу его статьи: „Значеніе романа“, когда она, въ новомъ, дополненномъ изданіи, появилась въ

„Монѣхъ досугахъ“. Ея положенія авторъ иллюстрируетъ многочисленными данными изъ исторіи, а вкратцѣ они таковы. Буслаевъ находилъ, что теоретическія основанія, выработанныя по классическимъ образцамъ старинною эстетикою, въ наше время устарѣли, а новыя еще не выяснены; устарѣло и самое дѣленіе художественныхъ произведеній на роды и виды; изъ всѣхъ видовъ эпоса остался и господствуетъ *романъ*. На его значеніи, а также и на его происхожденіи, авторъ пытается выяснитъ тѣ основанія, на которыхъ должна быть построена новая литературная теорія. Авторъ отводитъ роману такое широкое мѣсто, какъ будто внѣ этой эластической формы не существуетъ никакой иной въ повѣствовательной беллетристическѣ. И значеніе такое же широкое придаетъ онъ роману: „назначеніе современнаго романа—служить наиболѣе полнымъ и точнымъ выраженіемъ духа времени и общественной совѣсти“ („Мои досуги“, т. II, 418 стр.). Романистъ призванъ вести далѣе просвѣтительное дѣло, завѣщанное ему великими литературными умами прошлаго. Только тогда обезпечиваетъ онъ себѣ прочный успѣхъ, когда стремится къ выполненію этого завѣщанія. Здѣсь основной пунктъ, изъ котораго извлекаются главныя положенія, теоріи и критики романа (464 стр.). Что такова должна быть задача современнаго романа, авторъ доказываетъ примѣрами изъ исторіи его происхожденія,—изъ генезиса этого рода повѣствованія, народившагося въ смутную эпоху броженія мысли въ средніе вѣка отъ смѣшенія разнородныхъ элементовъ поученія и забавы. Въ теоріи и критикѣ романа авторъ такимъ образомъ опирается на исторію. За исходную точку принципіальнаго построенія теоріи онъ принимаетъ „историческое развитіе его элементовъ“ и предъявляетъ требованіе, чтобы онъ былъ „не поучительнымъ трактатомъ, а поэтическимъ воспроизведеніемъ жизни“ (465 стр.). Романъ долженъ въ силу этого рѣшить сложную задачу „нераздѣльнаго сліянія художественныхъ интересовъ съ назидательными“, т.-е. совмѣщать въ равной долѣ элементы красоты и элементы морали. Только исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ думаетъ ближе и вѣрнѣе подойти къ той теоріи, которая должна найти и указать мѣрило для оцѣнки этого рода произведеній.

Эти общія положенія и послужили предметомъ нашего спора. Конечно, намъ не удалось сбить Ѳ. И. съ позиціи, хотя слабость ея онъ чувствовалъ самъ, судя по тому, какъ часто онъ уклонялся въ сторону отъ возраженій по существу предмета. А намъ хотѣлось доказать ему, что онъ роману, какъ художественной формѣ, придаетъ слишкомъ исключительное распространеніе;

вѣдь поучается и наслаждается публика чтеніемъ не одного романа.—И Эразмъ, и Петрарка, въ наши дни писали бы романы,—утверждаетъ Буслаевъ. Почему же не газетныя, не журнальныя статьи, хроники или „Благонамѣренныя рѣчи“, „Дневникъ Писателя“ и т. п. произведенія—литературныя несомнѣнно, но всѣ они не имѣютъ формы романа?—А затѣмъ, исторія происхожденія романа наврядъ ли имѣетъ то значеніе для теоріи и критики его, какое видитъ Буслаевъ. Генезисъ формы не можетъ быть мѣриломъ для оцѣнки формы: если исторія насъ и учитъ, что романъ явился продуктомъ проповѣднической назидательности, съ одной стороны, и смѣхотворнаго балагурства—съ другой, то этотъ фактъ нисколько не мѣняетъ нашихъ требованій къ роману. А въ чемъ эти требованія состоятъ, и чтѣ должно быть положено въ основу критики или теоріи романа?—это историческими данными ничуть не поясняется. Романъ, какъ опредѣленный родъ повѣствованія, представляетъ собою нѣкоторый художественный организмъ, а условія роста и возникновенія организма не даютъ еще законовъ его построенія. Исторія не есть теорія,—и наоборотъ. Наконецъ, тотъ основной пунктъ, къ которому хочетъ свести литературную теорію Буслаевъ, а именно, что романъ долженъ нераздѣльно слить въ себѣ художественный интересъ съ назидательнымъ, иначе говоря, воплотить нравственную идею въ поэтическомъ образѣ,—это положеніе представляетъ собою принципъ обще-эстетическій; это мѣрило для всякаго художественнаго произведенія; а для отдѣльнаго вида повѣствованія, называемаго романомъ, этотъ принципъ слишкомъ широкъ. Имъ опредѣляется только мѣра тенденціозности въ произведеніи, т.-е. насколько романъ желаетъ *поучать*. Наши возраженія Ѳ. И. выслушивалъ очень внимательно. Но мы не умѣли ихъ настолько ясно формулировать, чтобы свести спорный вопросъ на общую принципиальную почву, а Буслаевъ, конечно, сталъ на историческую точку зрѣнія, въ силу которой критикѣ отводилось только изученіе самихъ произведеній, ихъ исторіи и генезиса ихъ составныхъ частей. Систематизаціи этого изученія, опредѣленія законовъ, установленія теоріи онъ не хотѣлъ признавать. А между тѣмъ, въ этомъ-то и заключалась настоящая задача статьи, а она, благодаря историческому методу автора, вовсе не достигалась. Мы спорили долго и бесплодно, какъ спорять люди, повторяя на всѣ лады одну и ту же мысль, а не желая вникнуть въ мысль собесѣдника или понять его точку зрѣнія. Позже намъ стало ясно, почему Ѳ. И. былъ такой врагъ систематизаціи. Установленіе всякихъ системъ, доктринъ и теорій связано всегда съ

нѣкоторою узкостью и сухостью въ отношеніи къ предмету изученія. А для Буслаева литература, поэзія, были до послѣдняго времени нѣчто до того близкое, любимое, живое, что оно не укладывалось въ разсудочныя рамки. Кромѣ того, въ эпоху его молодости литературною теоріею была риторика; тогда жива была еще классическая поэтика Буало; и противъ нея-то ему и пришлось бороться, защищая произведенія народной фантазіи. Любовь къ непосредственности стихійнаго творчества, внесенная имъ въ нашу литературу,—историческій методъ, обновившій нашу науку,—были основами всей его ученой дѣятельности. А дѣятельность эта потому и была плодотворна, что соотвѣтствовала его природнымъ наклонностямъ: силѣ поэтическаго чувства и антипатіи къ отвлеченности. Для Буслаева установить теорію, значило бы сѣздить, ограничить свой вкусъ, а отказаться отъ „исторической“ точки зрѣнія—значило бы не имѣть никакого метода въ изученіи литературы.

Врагъ всякой разсудочности, онъ такъ же горячо отстаивалъ свободу и народнаго, и личнаго творчества отъ стѣсненія рамками классической теоріи, какъ въ послѣдствіи защищалъ художественное произведеніе отъ тенденціи, извнѣ вносимой въ него. Враждою къ тенденціозности пронизана и статья его о романѣ, особенно въ тѣхъ дополненіяхъ, которыя въ ней были сдѣланы для „Досуговъ“. Больше всѣхъ порицалъ онъ гр. Толстого за „назидательность“ его послѣднихъ произведеній. И ни въ чемъ не высказывался Ѳ. И. такъ откровенно, какъ въ своихъ сужденіяхъ объ „Исповѣди“, „Крейцеровой Сонатѣ“ и др. Отталкивало его прежде всего то, что онъ называлъ цинизмомъ и въ чемъ онъ не хотѣлъ видѣть ни искренности, ни правдивости. О „Крейцеровой Сонатѣ“ онъ не могъ спокойно упоминать, не прибавляя какого-нибудь грубо-выразительнаго эпитета. Когда однажды онъ узналъ, что молодая дѣвушка изъ знакомыхъ его не въ первый уже разъ переписываетъ эту „Сонату“ и восторгается ею, онъ пришелъ въ ужасъ и не находилъ словъ для выраженія своего изумленія и отвращенія.—Несчастливая, несчастная!—только и повторялъ онъ. Такъ глубоко онъ могъ возмущаться этими произведеніями, что казалось, будто онъ и не видитъ въ нихъ ни художественнаго дарованія, ни ихъ общественнаго значенія. А между тѣмъ, обаяніе таланта онъ чувствовалъ очень сильно. Такъ „Власть Тьмы“, когда онъ прочелъ ее въ первый разъ, произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ находилъ ее гениальною трагедіею, ставилъ на ряду съ античною. Это, по его словамъ, дивная статуя, вылѣпленная, правда, изъ

отвратительной грязи, но высокое произведение искусства. Онъ не искалъ въ ней недостатковъ, не разбирался въ деталяхъ—грубость сюжета его оскорбляла, но онъ не вдумывался въ него. Прошло нѣкоторое время, и взглядъ его на драму измѣнился. Непосредственность перваго впечатлѣнія уступила мѣсто критикѣ довольно придирчивой; очевидно было, что антипатія къ сюжету взяла верхъ надъ силою эстетическаго впечатлѣнія. И онъ сталъ бранить „Власть Тьмы“. Разбираясь въ подробностяхъ, онъ отыскалъ въ нихъ нѣкоторое искаженіе дѣйствительности, внесенное будто бы авторомъ преднамѣренно, и ради морализаціи, и ради цинизма.—Авторъ передергиваетъ карты,—говорилъ Ѳ. И. про сцену убійства ребенка:—вѣдь задушить новорожденного можно гораздо проще, и бабы знаютъ это; нѣтъ надобности давить доскою, чтобы восточки хрустѣли... Это грубо... это для эффекта выдуманно... Никитѣ навязывается ненужное преступленіе...—Что бы ни возражали Буслаеву въ защиту автора и указанныхъ имъ мотивовъ преступленія, онъ уже не слушалъ. Онъ видѣлъ только произволъ писателя, желаніе подтасовать факты подъ извѣстную тенденцію. А этой подтасовки онъ никому не прощалъ и тѣмъ менѣе крупному таланту, какое бы обаяніе онъ на него ни производилъ.

Такая непосредственность чувства у Буслаева и отзывчивость его къ поэзіи вызывали то разнообразіе и ту измѣчивость его взглядовъ, которыя часто озадачивали его собесѣдниковъ. Какимъ образомъ эта подвижность мысли могла уживаться съ выдержкою научнаго труда и съ эрудиціею по специальнымъ отдѣламъ науки—казалось непонятнымъ. Повидимому, славянскіе языки и историческая грамматика, или древняя письменность и иконографія миниатюръ, воспитываютъ совершенно инныя свойства ума, а не его живость и гибкость. Это кажущееся противорѣчіе въ своей натурѣ Ѳ. И. однажды объяснилъ самъ очень наглядно по поводу одной характеристики Ренана, которая его сильно взволновала.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ это произошло. Въ 1890 г. Буслаевъ жилъ на Молчановѣхъ. Квартира его была уже не въ старомъ домѣ; расположеніе и размѣръ комнатъ были иные; но ихъ фізіономія и умственная атмосфера остались тѣ же. Только хозяинъ не былъ ужъ такъ молоджавъ и подвиженъ, какъ прежде. Быстро слабѣвшее зрѣніе дѣлало и походу его неувѣренною, и жестикуляцію какъ будто замедленною: все это старило его; онъ быстро сталъ утомляться, дряхлѣть... За научныя работы онъ уже не могъ браться. Онъ много читалъ, т.-е. слушалъ чтеніе,

и жилъ мыслью въ прошломъ. Уже въ 1886 г. онъ собралъ и издалъ свои прежнія мелкія статьи подъ заглавіемъ: „Мои досуги“. А затѣмъ наступилъ его юбилейный 1888 годъ, когда исполнилось полвѣка его дѣятельности, и на него налетѣлъ, по его собственному выраженію, „цѣлый ураганъ“ привѣтствій, поздравленій, выраженій признательности и сочувствія; это еще болѣе направило его мысль назадъ, на пережитое. Напоминаніе со стороны многочисленныхъ учениковъ и почитателей объ его заслугахъ передъ русскою наукою, искусствомъ и словесностью заставило его вдумчивѣе отнестись къ самому себѣ, къ своему прошлому и приняться за составленіе своихъ мемуаровъ. Онъ началъ ихъ тогда диктовать, а затѣмъ, съ 1890 г., печатать въ „Вѣстникѣ Европы“. Эти „Воспоминанія“ уносили его мысль къ годамъ дѣтства, юности и молодости; они очень бодрили его. Онъ молодѣлъ душою и съ увлеченіемъ перечитывалъ свои старинные дневники и письма; но на себя онъ не могъ уже смотрѣть иначе, какъ со стороны: въ восторженномъ юношѣ—романтикѣ 40-хъ годовъ полвѣка спустя—онъ долженъ былъ видѣть совершенно чужого себѣ человѣка. Вглядываясь въ него и вдумываясь въ себя, онъ группировалъ событія своей жизни по очень обдуманному плану. Во время этой литературной работы надъ собою онъ много и охотно говорилъ о себѣ, высказывался съ большою откровенностью и по поводу своего прошлаго, и по поводу новыхъ явленій литературы. Свой досугъ онъ наполнялъ чтеніемъ. Особенно любилъ онъ Гёте. Не даромъ онъ считалъ себя его современникомъ. Онъ познакомился съ нимъ, будучи гимназистомъ (Воспомин., стр. 63), въ тѣ времена, когда „Страданія молодого Вертера“ (въ русскомъ переводѣ начала нашего столѣтія) улаждали еще душу его старшихъ современниковъ. Теперь онъ очень умилялся, вспоминая старческій романъ Гёте или Briefwechsel mit einem Kinde—переписку съ Беттиною. Но главнымъ образомъ „Разговоры съ Эккерманомъ“ давали обильную пищу его размышленіямъ и восторгамъ. Широта взгляда, отсутствіе доктринерства, обиліе историческихъ примѣровъ и параллелей были ему по душѣ и заставляли смотрѣть на Гёте какъ на авторитетъ бесспорный и образецъ для подражанія: на немъ онъ провѣрялъ свои жизненные взгляды и свои художественные вкусы. Гёте для него былъ умомъ всеобъемлющимъ, цѣнителемъ художественныхъ образовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ какимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ заставлялъ насъ однажды Ѳ. И. перечитать ему страницу, гдѣ Гёте рѣшалъ какой-то міровой вопросъ, и гдѣ фраза его: „Ich sehe die Zeit kommen“—приводила его въ восхище-

ніе. Не помнимъ, что именно *провидѣлъ* поэтъ; а Ѳ. И., повторяя эту фразу, видѣлъ величавость пророка, передъ которымъ раскрываются будущія времена... Такое чтеніе не было для Буслаева пассивнымъ восприниманіемъ чужой мысли. Онъ вносилъ въ него много личнаго, своего; потому онъ любилъ, чтобы ему читали медленно, повторяя нѣкоторые мѣста по нѣсколько разъ и записывая его замѣчанія, возраженія и т. п. Къ Тургеневу онъ приступалъ тогда съ тою кропотливостью и мелочностью анализа, съ какою изучаются классическіе тексты; но и сюда онъ вносилъ личные воспоминанія: въ образы, созданные Тургеневымъ, онъ вкладывалъ черты тѣхъ, кого они ему напоминали. Такъ Инсаровъ напоминалъ ему чахоточнаго болгарина Буслина, котораго онъ знавалъ раньше, чѣмъ было написано „Наканунъ“. Павелъ Петровичъ Кирсановъ („Отцы и Дѣти“) напомнилъ гр. С. С. Уварова внѣшностью; также и старая тетка Одинцовой (тамъ же)—писательницу, княжну Шаликову; Губаревъ („Дымъ“) — Каткова и т. п. Кромѣ Гёте, онъ читалъ еще „Диалоги“ Леопарди—очень вдумчиво; а изъ новыхъ иностранныхъ писателей—Нордау „Парадоксы“ и Брандеса—„Новыя Вѣянія“. Несмотря на стариковски-отрицательное отношеніе къ современности, онъ все-таки интересовался новыми теченіями въ европейской литературѣ; часто возмущался, спорилъ, горячился, но съ любопытствомъ и участіемъ вслушивалъ.

Тутъ и довелось намъ читать ему о взглядахъ французской критики на Ренана. Взгляды эти были новы для Буслаева и видимо задѣвали его за живое. Критикъ (Бурже въ „Этюдахъ психологіи“) говоритъ сперва про Бретань, родину Ренана; описавъ ея ландшафтъ, онъ прибавляетъ: „Фантазія дала тутъ цвѣтъ, таинственный, какъ этотъ океанъ, грустный, какъ эта равнина, и одинокій, какъ эти утесы. Просматривая сочиненія Ренана, вы часто встрѣчаете лепестки этого цвѣта, попавшіе будто между страницъ и наполняющіе своимъ тонкимъ благоуханіемъ и разсужденія экзегета, и аргументацію метафизика“. Это сравненіе поразило Ѳед. Ив. и заставило его вслушиваться и въ послѣдующее очень сочувственно. Критикъ объясняетъ, какое громадное вліяніе на складъ Ренановскаго ума оказала нѣмецкая наука и выработанный ею методъ исторической критики для сравнительнаго изученія разныхъ явленій народной жизни. Историческая критика широко развила область умственныхъ интересовъ Ренана и дала ему тонкое пониманіе чувствъ и ихъ оттѣнковъ. Вникая мыслью въ различныя міровоззрѣнія и сравнивая чувствованія и вѣрованія различныхъ народностей, Ренанъ

умѣлъ понимать далекіе отъ насъ вкусы и чувства. Для этого пониманія одной пытливости ума недостаточно. Чтобы понять чужую жизнь и войти въ чужое настроеніе, мало только критики, т.-е. ума,—необходимо отрѣшиться на время отъ личныхъ чувствъ и внести въ изученіе участіе сердца. Ренанъ, благодаря природному влеченію своего сердца, могъ въ воображеніи „преклонять колѣни передо всѣми алтарями, обонять благоуханіе всѣхъ оніміамовъ, вторить молитвамъ всѣхъ богослуженій и дѣлать набожное усердіе всѣхъ культовъ“... Нравственное чутье дало ему возможность подъ буквою догматовъ и формулъ отыскать духъ всякаго вѣроученія, и прочувствовать долю утѣшительной истины, которая въ немъ заключается. „Откуда онъ вынесъ то убѣжденіе, что настоящая истина скрывается подъ всѣми символами, и что провозглашать преимущество одного изъ этихъ символовъ, значитъ неправильно относиться къ другимъ, значитъ—проявлять узкость и нетерпимость“... Такая широта пониманія является не оттого, что умъ не находитъ одного абсолютно-вѣрнаго рѣшенія вопроса, а оттого, что умъ тонкій и гибкій допускаетъ столько же одинаково вѣрныхъ рѣшеній, сколько существуетъ точекъ зрѣнія. Для такого ума ни одна формула, ни одна доктрина не вмѣщаетъ всего многообразія явленій, и потому ни одна изъ доктринъ имъ всецѣло не принимается и ни одна вполнѣ не отвергается. Зависитъ это и отъ широкаго образованія: Ренанъ изучилъ 5—6 литературъ, столько же теологій и философій, слѣдовательно—столько же и народностей. Умѣнье проникать мыслью въ существованіе несхожее съ нашимъ и отдаваться настроеніямъ отдаленныхъ вѣковъ и народовъ, французскій критикъ называетъ *дилеттантизмомъ*. Для этого умѣнья необходимо обладать и наклонностью ума къ сравненію и изслѣдованію, и чуткостью, отзывчивостью сердца, а больше всего силою фантазіи. Если у писателя фантазія не создаетъ живыхъ образовъ, а только способствуетъ пониманію и оцѣнкѣ чужихъ созданій, она зовется критическимъ чутьемъ и проницательностью. У историка она оживляетъ мертвую букву лѣтописи, а Ренану позволила угадывать духъ народа подъ буквою его литературъ и вѣроученій. Вкусъ къ мифологіи Ренану дала Бретань съ ея легендами и повѣрьями. Мать его очень умно и тонко рассказывала эти старинныя исторіи, говорилъ Ренанъ, искусно лавируя между вымысломъ и дѣйствительностью, какъ будто намекая, что все это было правдою только по мысли, en idée. Она любила эти басни, какъ бретонка по матери, и смѣялась надъ ними, какъ гасконка по отцу, и въ этомъ заклю-

чается секретъ ея бодрости и веселости въ теченіе всей ея жизни. Сынъ будто наслѣдовалъ эти способности: и у него любовь, влеченіе сердца къ набожнымъ преданіямъ уживается съ скептически-ироническимъ къ нимъ отношеніемъ, результатомъ научной, критической работы надъ ними. Искусное лавированіе между вымысломъ и дѣйствительностью у матери сказалось въ сынѣ совмѣстною дѣятельностью фантазіи и сердца съ одной стороны и научнаго анализа—съ другой; это и обусловило разносторонность и гибкость мысли у знаменитаго историка...

Характеристика Ренана, очень сложная и подробная, которую мы теперь сводимъ къ этимъ главнымъ ея мыслямъ, приводила Оед. Ив. въ волненіе. Онъ живо воспринималъ читаемое, представлялъ перечитывать отдѣльныя мѣста, возвращался къ прежде сказанному, забѣгалъ мыслью впередъ, и нельзя было не понять, что именно его волнуетъ:—Да, да, это всегда такъ, вотъ и я тоже... я тоже такъ думаю,—говорилъ онъ и постоянно прерывалъ чтеніе, дополнялъ, поправлялъ мысль автора и проверялъ ее личнымъ опытомъ. Это было уже не чтеніе, а живой разговоръ съ читаемой статьей. Французскій критикъ отошелъ на задній планъ: Оед. Ив. увлекся Ренаномъ. Въ своемъ сверстникѣ (Ренанъ на 5 лѣтъ былъ моложе Буслаева), въ профессорѣ семитическихъ нарѣчій, въ историкѣ, поэтическій талантъ котораго популяризировалъ выводы нѣмецкой науки, Буслаевъ узнавалъ натуру родственную, узнавалъ себя, воспитаннаго тою же нѣмецкою наукою, тоже любителя народной старины, изслѣдователя, умѣвшаго и оживлять мертвую букву древнихъ текстовъ, и угадывать духъ народа въ его устномъ творествѣ. Объ аристократическихъ тенденціяхъ Ренана мы не говорили; но Буслаевъ отлично понималъ ихъ и могъ развить ихъ изъ собственныхъ наблюденій. Французскій критикъ, вскрывшій внутреннюю мысль Ренана, расшевелилъ Оед. Ив.; онъ сталъ откровенно высказывать свои симпатіи и антипатіи по разнымъ вопросамъ. Онъ признавался, между прочимъ, что боится, не любить толпы, какъ всего грубаго, невѣжественнаго; что ему противно все необразованное, дикое, чего такъ много въ русской жизни, прикрытой лоскомъ культурности; онъ такъ живо и наглядно выражался, что было ясно, какъ онъ всегда брезгливо сторонился жизни въ ея грубыхъ и жесткихъ проявленіяхъ. Изыщество и тонкость его умственной организаціи, глубина его внутренней жизни, а также критическое отношеніе къ себѣ и пониманіе своихъ силъ и способностей обнаружили тутъ во всей ясности. Мы не помнимъ и не записывали этого разговора до-

словно, но дѣло тутъ не въ отдѣльныхъ мысляхъ и признаніяхъ; ими Ѳ. И. дѣлился со многими; и они будутъ, конечно, помѣщены въ его біографіи; тутъ важно то, что свое сходство съ природою французскаго писателя нашъ ученый прочувствовалъ очень живо, и тѣмъ далъ ключъ къ объясненію противорѣчій и въ своей собственной природѣ.

Напримѣръ, тщательность, кропотливость и добросовѣстность его специальныхъ изслѣдованій казались въ противорѣчій съ тѣмъ отсутствіемъ систематизаціи и съ тою склонностью къ разнообразнымъ точкамъ зрѣнія, которыя Ѳ. И. проявлялъ въ своихъ мнѣніяхъ о жизни и литературѣ. А между тѣмъ, оно объясняется дилеттантизмомъ его натуры. Слово *дилеттантъ* въ дѣлѣ научнаго труда звучитъ для насъ непривычно, а въ данномъ случаѣ и нѣсколько обидно для русскаго ученаго. Дилеттантъ—часто значить: любитель, т.-е. человѣкъ, который смотритъ на науку или на искусство какъ на забаву, на прихоть, и въ противоположность специалисту занимается предметомъ поверхностно, не придавая ему настоящаго серьезнаго значенія. Но подъ дилеттантизмомъ понимается и нѣчто иное, болѣе широкое. Можно быть и при глубокой эрудиціи любителемъ науки, если наука даетъ пищу не только пытливости ума, но и живой фантазіи, если она удовлетворяетъ притомъ и нравственнымъ потребностямъ ученаго, отзывчивости и чуткости его сердца. Любителемъ можетъ называться тотъ, кто дѣйствительно любитъ науку, т.-е. всецѣло отдается ей и находитъ въ ней примѣненіе всѣмъ силамъ души. Такимъ „любителемъ“ былъ Ренанъ, специалистъ по финикійскимъ, сирійскимъ и инымъ древностямъ; такимъ дилеттантомъ призналъ себя и Буслаевъ. И такому любительскому отношенію къ наукѣ слова, къ филологіи, ученики Буслаева обязаны его разнообразнымъ на нихъ воздѣйствіемъ.

У Ренана въ его дилеттантизмѣ заключается для учениковъ и послѣдователей опасность, какой у Буслаева не существовало: умѣнье становиться на всякую точку зрѣнія, умѣнье лавировать между вымысломъ и дѣйствительностью, т.-е. правдою и неправдою, способность преклонять колѣни передъ всѣми алтарями и сочувствовать всѣмъ убѣжденіямъ, находя въ нихъ долю истины, — все это часто влечетъ за собою отсутствіе всякихъ убѣжденій. Скептицизмъ, примѣняясь къ области вѣрованій или нравственныхъ убѣжденій, уничтожаетъ самое понятіе добра и зла.

У Буслаева сила фантазіи таѣ же, какъ и разносторонность вкусовъ и взглядовъ, привитая научною критикою, примѣнялась къ другой области мысли: онъ имѣлъ дѣло не съ чувствами и

вѣрованіями народа, а съ ихъ выраженіемъ въ его творчествѣ, — въ языкѣ и словесности. Проникая фантазією въ міръ народныхъ преданій, Буслаевъ не переносилъ отрицательныхъ выводовъ науки на ихъ нравственное содержаніе. Наоборотъ, онъ это нравственное содержаніе всегда выдвигалъ на первый планъ, и ставилъ его потому такъ высоко, что у него самого въ душѣ чувство и критика не приходили въ тѣ противорѣчія, которыя разрѣшаются или искуснымъ лавированіемъ, или отрицаніемъ. У Буслаева было разнообразіе точекъ зрѣнія въ дѣлѣ литературныхъ мнѣній; но въ нравственныхъ вопросахъ не было ни измѣнчивости, ни колебанія; тутъ онъ не зналъ лавированія между правдою и неправдою, между тѣмъ, что хорошо и что дурно. Эту нравственную силу, богатство чувства и мысли онъ вносилъ и въ литературныя изслѣдованія. И въ народной поэзіи онъ указывалъ ея основы въ нравственныхъ идеяхъ: вспомнимъ статью о Горѣ-Злочастіи; эти идеи цѣнилъ онъ въ личномъ творчествѣ (онъ ясно выразилъ это въ статьѣ о задачахъ эстетической критики).

Такая цѣльность убѣжденій давала устойчивость литературной мысли Буслаева. Подвижность ея происходила не отъ недостатка убѣжденій, а отъ впечатлительности и восприимчивости фантазіи. Оттого Ѳ. И. нерѣдко увлекался; но онъ сознавался въ своихъ увлеченіяхъ и не стѣснялся до тѣхъ поръ мѣнять свое мнѣніе объ авторѣ или произведеніи, пока пристальное изученіе и собственный художественный вкусъ не устанавливали его взгляда. Такъ это было съ Тургеневымъ. Знаніе — изъ первыхъ рукъ — и эстетическое чутье, воспитанное обширнымъ литературнымъ образованіемъ, были основами его сужденій. Конечно, по живости своей природы, Ѳ. И. вносилъ иногда въ свою оцѣнку симпатіи и антипатіи не исключительно эстетическія. Но это случалось невольно и непреднамеренно: *тенденціозность* онъ ненавидѣлъ всей душой. Оно и не могло быть иначе, потому что всякая тенденція ведетъ къ извращенію истины, т.-е. къ извращенію или непосредственнаго поэтическаго чувства, или фактовъ дѣйствительности. А Буслаева ничто такъ глубоко не возмущало, какъ извращеніе истины, чѣмъ бы оно ни объяснялось и ни оправдывалось. Для него доказать, что авторъ подтасовалъ факты, значило произнести приговоръ, послѣ котораго и спорить было нечего.

Такая твердость нравственнаго закала придавала цѣльность и всей его жизни. Все существованіе его проникнуто было однимъ стремленіемъ къ истинѣ, и направлено было къ одной цѣли —

къ знанію,—къ знанію для себя и преподаванію—знанію для другихъ. При этомъ знаніе его не оставалось въ предѣлахъ книжной науки: онъ зналъ жизнь, зналъ и самого себя,—свои силы и дарованія. И оттого онъ никогда не брался за дѣло, къ которому не чувствовалъ призванія. Такъ, онъ не чувствовалъ себя администраторомъ, еще менѣе общественнымъ дѣятелемъ, и никогда не выступалъ въ роли ни начальствующаго лица, ни руководителя общественнаго мнѣнія. Человѣкъ мысли не былъ рожденъ ни чиновникомъ, ни публицистомъ; потому онъ хотя и принималъ къ сердцу общественныя событія и движенія, но оставался въ сторонѣ отъ нихъ и имѣлъ свои независимыя на нихъ взгляды. Жилъ онъ только для науки и любилъ ее тою любовью, въ какую не входитъ никакихъ видовъ на пользу, власть, почести или популярность.

Оттого, быть можетъ, жизнь его, и особенно послѣдняя ея половина, лишена была того блеска, которымъ окружены иногда научныя дѣятели ниже его и по таланту, и по знанію, и по заслугамъ. Волна общественныхъ симпатій отхлынула въ сторону, противоположную той сферѣ, гдѣ вращалась мысль Буслаева, и онъ казался одинокъ. Въ Москвѣ его знали мало; а университетской молодежи о немъ совсѣмъ не напоминали ея руководители: Буслаева, говорятъ, забыли. Но если и не широка была его область воздѣйствія на общество, то тѣмъ глубже и интенсивнѣе было самое воздѣйствіе. Юбилей Буслаева показалъ ему, сколько онъ создалъ учениковъ, и сколько умѣлъ вызывать въ нихъ добрыхъ чувствъ. Цѣнили и любили его не за одну науку, не за одно мастерство преподаванія. Всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, кто пользовался или совѣтами его, или просто довѣріемъ и расположеніемъ, привлекало къ нему обаяніе нравственной личности. А это обаяніе распространяется хотя не громко и не гласно, но на очень большой кругъ людей. Буслаева любили его ученики какъ человѣка, и эту любовь внушали новому поколѣнію. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ: Буслаевъ на женскихъ курсахъ, существовавшихъ въ Москвѣ въ завѣдываніи профессора В. И. Герье, читалъ христіанское и средневѣковое искусство—предметъ не особенно способный плѣнять и привлекать горячія головы. Тамъ у него было нѣсколько ученицъ, которыя и впослѣдствіи продолжали заниматься у Ѳ. И. по его коллекціямъ гравюръ, фотографій и т. п. Одна изъ нихъ, въ послѣдніе годы часто бывавшая у Ѳ. И., рассказывала, что, будучи еще въ одной изъ отдаленныхъ провинціальныхъ гимназій, она прониклась до благоговѣнія уваженіемъ къ имени и авторитету Бу-

слава. Какимъ образомъ? Со словъ своего учителя словесности. А тотъ даже не былъ самъ ученикомъ Буслаева! Своимъ ученицамъ въ женской гимназiи онъ рассказывалъ, что для него и его товарищей по Филологическому Институту въ Петербургѣ личность Буслаева была окружена такимъ ореоломъ, что когда они узнавали о прїѣздѣ Ѳ. И. въ Петербургъ, они искали случая взглянуть на него хотя бы мимоходомъ. Однѣми заслугами по филологiи или археологiи такой ореолъ наврядъ ли создается.

А созданъ онъ въ ту эпоху, когда, будучи въ расцвѣтѣ силъ, Буслаевъ много занимался преподаванiемъ и непосредственно воздѣйствовалъ на молодежь. Съ той эпохи многіе на всю жизнь сохранили о немъ такое воспоминаніе, какое впоследствии ободряло ихъ въ самыя трудныя, тяжелыя минуты. Такъ одна учительница пишетъ намъ, что въ 1866—67 году Буслаевъ давалъ уроки русскаго языка и словесности въ частномъ пансіонѣ, гдѣ она училась. „У насъ было такъ заведено, что успѣвающія по одному или нѣсколькимъ предметамъ могли въ теченіе года переходить въ старшій классъ по этимъ предметамъ, а по другимъ оставаться въ младшемъ. Къ урокамъ Буслаева замѣчалось такое тяготѣніе, что классъ его постоянно пополнялся новыми ученицами, спѣшившими справиться съ своимъ курсомъ, чтобы догнать старшій и пользоваться преподаванiемъ Буслаева, вызывавшимъ у всѣхъ громаднй интересъ. Его пріемы были такъ новы, своеобразны и оживленны! И самая личность учителя производила въ учащихся необходимый подъемъ духа и стремленіе къ научному знанію. Трудно передать то уваженіе къ себѣ, чуть не поклоненіе, какое вызываетъ Ѳ. И. у всѣхъ въ пансіонѣ, и у начальницы, и у преподавателей, и у учительницъ, не говоря уже про воспитанницъ. Ради такого учителя, намъ не возбранялось готовиться къ его урокамъ, когда намъ вздумается, и мы выбирали ночное время. За работами по русскому и церковно-славянскому языку, по исторiи литературы, за чтенiемъ образцовъ и ихъ разборомъ, мы просиживали цѣлыя ночи. Предметъ могъ бы казаться очень сухимъ, еслибы учитель въ классѣ не давалъ намъ научныхъ, глубокихъ, а въ то же время простыхъ и понятныхъ объясненiй. Серьезное, вдумчивое и мягкое слово было его особеннымъ талантомъ! Мы съ увлеченiемъ готовились къ его урокамъ. И эти внѣ-классныя работы нельзя не помянуть добрымъ словомъ: трудъ сообщая, всѣмъ классомъ былъ и очень прiятенъ, и производительнъ; мы съ большою легкостью усваивали грамматическія формы, русскія и церковно-славянскія, и всѣ тѣ механическія знанія, которыя поддаются

только усиленіемъ памяти; мы учили даже то, что не было обязательно. Такъ, помню, какъ одна пансіонерка, дѣлая разборъ, поразила Ѳ. И. тѣмъ, что безъ запинки перечислила ему безконечное количество суффиксовъ, съ точнѣйшими обозначеніями отгѣнковъ и смысла каждаго въ словопроизводствѣ и именахъ. Послѣ исторической грамматики многіе даже тяжеловѣсные детальные разборы памятниковъ казались интересными и увлекали всѣхъ наравнѣ съ изученіемъ и болѣе близкихъ намъ произведеній народнаго творчества. И какъ же мы были счастливы, если получали отъ Ѳ. И. лестный отзывъ о нашихъ работахъ! Въ нихъ онъ цѣнилъ отчетливость и точность, вытекавшую, какъ онъ говорилъ, изъ внутренне-развивающихся побужденій и стремленій къ знанію. Вообще, дѣвушки, по его мнѣнію, чище умѣютъ говорить, красивѣе ставить слова и естественнѣе выбираютъ ихъ. По мѣрѣ приобрѣтенія знанія, онѣ совершенствуются духовно, и это отражается на ихъ рѣчи. Ученицы, избравшія педагогическое поприще, имѣли возможность болѣе другихъ опѣнить вліяніе на нихъ такого гуманнаго педагога и идеальнаго представителя истинной науки, какимъ былъ Ѳ. И. Примѣръ и значеніе личности перваго наставника рѣдко принимается во вниманіе, когда разбирается наша учительская дѣятельность. А между тѣмъ этотъ личный примѣръ всегда отражается—хорошо ли, дурно ли—на характерѣ отношеній учащихся съ учащимися. У Ѳ. И. можно было заимствовать только хорошее: его обширное образованіе, всегдашнее поощрительное спокойствіе и ровность духа, оживленіе и любовь къ дѣлу въ общей работѣ съ классомъ не могли не отразиться благотворно на будущихъ учительницахъ и воспитательницахъ. Про одну изъ нихъ извѣстный московскій педагогъ, П. Е. Басистовъ, выразился однажды: „она ведетъ классъ *неподражаемо*—какъ артистъ, мастерски владѣющій инструментомъ“. Намъ, ея товаркамъ по занятіямъ у Ѳ. И., намъ-то было ясно, что она именно *подражаетъ*, быть можетъ и безсознательно, своему любимому учителю. Не только знанія, данныя намъ профессоромъ, и не только личный примѣръ его сослужили въ нашей жизни добрую службу, но и малѣйшія замѣчанія его, отзывы о лицахъ и событіяхъ, общія мысли его схватывались нами на лету и запоминались на всю жизнь. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и личной судьбы, и общественныхъ событій, припоминались всегда его слова; и не привелось никогда усомниться въ томъ, что его устами говорила только истинная наука, правда и добро“...

„Всѣ нравственныя идеи,—пишетъ самъ Ѳ. И. на первой стра-

ницѣ своихъ Историческихъ Очерковъ,—для народа эпохи первобытной составляютъ его священное преданіе, великую народную старину, святой завѣтъ предковъ потомкамъ. Слово есть главное и самое естественное орудіе преданія. Къ нему, какъ средоточію, сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа“...

И для Буслаева *слово*, т.-е. наука о словѣ и искусство слова, было тѣмъ средоточіемъ, куда сводилось все великое и святое, все, что даетъ и отдѣльному человѣку, и обществу устойчивость и силу. Въ „словѣ“ онъ чтилъ проявленіе того Духа Истины, вѣрою въ котораго проникнуто все міровоззрѣніе его—гуманное, идеалистическое. Человѣкъ сороковыхъ годовъ по основамъ этого міровоззрѣнія—Буслаевъ широтою словеснаго образованія своего сослужилъ великую службу русскому обществу. Его поэтическое чувство, въ пору расцвѣта его дѣятельности, открыло для науки область *народнаго* творчества. А литературное дарованіе сдѣлало эту область доступною и большой публикѣ. Для читателей 60-хъ годовъ Историческіе Очерки Буслаева были открытіемъ; тутъ и народъ, и литература предстали въ небываломъ освѣщеніи,—лингвистъ-филологъ училъ любить *поэзію* и въ первобытномъ вѣрованіи, и въ первобытномъ безыскусственномъ вымыслѣ. Любовь же къ родной словесности Буслаевъ внушалъ самой личностью своею всѣмъ своимъ ученикамъ. Всѣ одинаково подпадали обаянію личности этого учителя. Обаянія не могли не чувствовать и тѣ, кто зналъ его только въ послѣдніе годы его жизни, такъ какъ онъ и въ старости проявлялъ всюду ту широту симпатій и то радушіе знанія, которыя такъ плодотворны были для русской литературы.

А. Андреева.

„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“

РОМАНЪ

„The nether World“, by George Gissing.

Окончаніе.

XXVI.—Разоблаченія.

Дженни не захотѣла возражать дѣду, и пошла прогуляться. Ей давно уже хотѣлось повидать Пеннилофъ, которой все нездоровилось; вдобавокъ, и время ея разрѣшенія уже приближалось.

Тревожно спѣшила молодая дѣвушка къ знакомому врыльцу, и удивилась, что на порогѣ стоитъ не кто иной, какъ Бобъ; на видъ онъ показался ей еще угрюмѣе, еще противнѣе и еще грязнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— А что жена? Дома?—спросила его Дженни.

— Да!.. а съ нею и еще кое-кто другой, кто могъ бы (и съ большимъ успѣхомъ!) избавить насъ отъ своего присутствія!.. Еще явился одинъ—и притомъ совершенно лишній ротъ!

— Вотъ и ошиблись: его ужъ нѣтъ!—горячо воскликнулъ женскій голосъ, и бравая сосѣдка, нѣвая м-съ Гриффинъ, опалила Боба своимъ гнѣвнымъ взглядомъ.

— Да кого это нѣтъ? Говорите толкомъ! — нахмурившись, сомандовалъ Бобъ.

— Ну, да его, ребенка! Кого же больше?

— Прекрасно! Хоть и то спасеніе... — заключилъ нѣжный отецъ.

М-съ Гриффинъ объяснила Дженни, что Пеннилофъ разрѣшилась отъ бремени десять часовъ тому назадъ, ребенокъ умеръ, а мать „плоха! охъ, какъ плохо“!

— Она, бѣдняжка моя, не говоритъ, какъ онъ: „прекрасно!“ — но чтобы сказать, что она въ большомъ огорченіи,—этого тоже нѣтъ! И винить ее тоже не могу: вѣдь не заботится же о своемъ ребенкѣ тотъ, кому бы это больше всего подобало!

Помимо неряшливой вѣшности, у Боба былъ теперь еще на придачу такой хмурый и непріязненный взглядъ, что Дженни стало жутко на него смотрѣть,—она сама не знала почему.

— Вотъ кто на ея мѣстѣ, навѣрное, ужъ не сталъ бы гонимъ, такъ это я!—горячилась добрая женщина.—Съ такимъ мужемъ, котораго нигдѣ не держать, далеко не уѣдешь. Позавчера его прогнали съ мѣста, и, право, подѣломъ; да она-то, бѣдная, чѣмъ виновата? А онъ самъ плохо кончитъ, помяните мое слово! И даже скорѣе, чѣмъ вы можете себя представить... Да! Вся ужъ семья у него такая. Вы съ ними не знакомы, миссъ?

— Прежде была знакома...

— Вамъ, значить, неизвѣстно, что вернулась та, его сестра, актриса? Мнѣ вчера говорила м-съ Баннистеръ; а она слышала отъ миссъ Горроксъ; такъ у этой миссъ Горроксъ есть подруга, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ живетъ старикъ Юэттъ. Такъ она говоритъ, что это все такъ подробно и описано въ воскресномъ номерѣ, въ газетѣ. Какая-то тамъ женщина облила ей лицо сильной кислотой, и теперь она ходитъ подъ густымъ вуалемъ, и никому не кажется на глаза; а *тогда* она вѣдь убѣжала изъ родительскаго дома со стыдомъ и позоромъ.

Дженни глядѣла на нее, не совсѣмъ понимая, что та хочетъ сказать.

— Кто это? Миссъ Юэттъ?—переспросила она.

— Да; сколько я понимаю...

— Такъ *она* вернулась домой? И давно?

— Не знаю хорошенько; кажется, недѣли три тому назадъ. Говорятъ, въ газетахъ вотъ ужъ два мѣсяца, какъ въ первый разъ писали про ея бѣду.

— А м-съ Юэттъ знаетъ объ этомъ?

— Право, не знаю; никогда она со мной не говоритъ объ этомъ, да я и сама-то только вчера услышала отъ м-съ Баннистеръ... Вѣдь я эту самую миссъ Юэттъ и въ глаза не знаю,—какъ бы извиняясь, прибавила она, замѣтивъ смущеніе Дженни,

которая больше не стала спрашивать ее и, по ее совету, отложила свое свиданіе съ больною Пенни до утра.

Однако, на утро, въ ту самую минуту, когда она собралась туда идти, Бесси, многозначительно улыбаясь, прибѣжала сообщить ей, что ее хочетъ видѣть „одну“—и не кто иной, какъ м-ръ Кервудъ.

„Что-то случилось“,—подумала Дженни, и сердце у нея замерло.

Отъ Бесси не укрылось ея волненіе, и улыбка ея пропала.

— Просить его въ гостиную?—спросила она, и пошла за гостемъ. Старикъ Снаудонъ былъ у себя въ комнатѣ и еще не выходилъ изъ спальни, несмотря на поздній часъ.

Одного взгляда на Сидней было достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ заговорить о Кларѣ,—такъ подсказалъ Дженни ея чуткій взглядъ. И она не ошиблась.

— Я нарочно не пошелъ сегодня на работу,—началъ онъ:—мнѣ надо съ вами переговорить наединѣ...

— Пожалуйста, садитесь!

Сидней видѣлъ по лицу Дженни, что она интересуется чѣмъ-то и даже не старается скрыть свое любопытство.

— Вы видите, конечно, съ м-съ Юэттъ, и слышали, что Клара вернулась и опять живетъ у отца?

— Слышала, но не отъ нея. Мнѣ только вчера сказали посторонніе.

— То-есть, вамъ это сообщили въ видѣ сплетни?

— Да.

— А вы знаете, что съ нею именно случилось?

— Да; если то, что мнѣ сказали, правда.

— Миссъ Снаудонъ...

— О, пожалуйста, не называйте меня такъ! Вы меня съ дѣтства называли „Дженни“, и эта переимѣна... она такъ звучитъ, какъ будто что-то между нами измѣнилось. А вы вѣдь всегда были моимъ другомъ; и развѣ можетъ что-либо помѣшать намъ быть и впередъ друзьями?

Съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее Сидней, удрученный предстоящимъ объясненіемъ. Теперь, казалось, она сама шла на встрѣчу его желанію. Онъ не могъ ожидать отъ слабенькой, нервной Дженни такого самообладанія въ дѣлѣ, касавшемся ея сердечнаго счастья. Онъ не могъ угадать того малодушія, той душевной пытки, которую она пережила наканунѣ. Передъ нимъ была молодая дѣвушка—блѣдная, худенькая, но сильная своимъ женскимъ достоинствомъ, своей благородной рѣшимостью.

Сидней видѣлъ, что она какъ бы указываетъ ему на исходъ изъ ихъ обоюднотяжелаго положенія; ему оставалось только скорѣе приступить къ неизбѣжному признанію.

— Дженни! Дорогая, милая... добрая моя Дженни! Вы помните, что я тамъ, въ Данбери, вамъ говорилъ, будто забылъ ее? Я ошибался... Но сами знаете, какое бѣдствіе ее, несчастную, теперь постигло, и я не могъ бы назваться человѣкомъ, если бы она была для меня какъ чужая...

— Вы уже говорили съ нею?

— Дженни! Я просилъ ее... быть моей женой!.. Скажите: если бы я передъ тѣмъ зашелъ и рассказалъ вамъ откровенно, какъ старое чувство во мнѣ ожило опять и какъ я думаю при этомъ поступить, неужели вы отказались бы пожать мнѣ руку, какъ это водится между друзьями?

— Я одинаково готова пожать ее сейчасъ! Или вы думаете, что я позабыла, какъ она въ ту ночь меня, забитаго ребенка, спасала отъ побоевъ, какъ она меня приласкала и пригрѣла, какъ ходила за мной, за больною?

Ни тотъ, ни другой, не были многорѣчивы и почти безъ словъ понимали другъ друга; во всякомъ случаѣ, понимали настолько, чтобы чувствовать прочнѣе прежняго узы своей долготѣйшей и горячѣй дружбы. Дженни—положимъ—немного ошибалась, предполагая, что только въ этомъ и лежитъ причина отказа Сиднея отъ узъ, которыя еще болѣе приблизили бы къ нему ее, Дженни, но въ томъ, что бѣдствіе, постигшее несчастную Клару, сильно повліяло на его рѣшеніе, она не ошиблась.

Онъ взялъ и удержалъ ее руку въ своей, пока она не отняла ее потихоньку.

— Вы ужъ сами пойдите и скажите дѣдушѣ, только...—перебила она его даже прежде, чѣмъ онъ успѣлъ заговорить,—только я сначала загляну къ нему на минутку. Подождите, пожалуйста; я сейчасъ!

Разстроенный, печальный, Сидней остался одинъ, а Дженни поднялась навверхъ, къ дѣду, который не сразу замѣтилъ ея появленіе. Онъ сидѣлъ не то въ задумчивости, не то въ полудремотѣ; рядомъ съ нимъ, на столѣ, стоялъ почти нетронутый завтракъ.

— Дѣдушка!—окликнула она его.—Дѣдушка, тамъ пришелъ м-ръ Керквудъ: ему хотѣлось бы съ тобой поговорить.

— Со мной поговорить? Это еще о чемъ?—задумчиво и пылливо глядя на внучку, произнесъ старикъ, вида, что Дженни чрезвычайно взволнована и не особенно радуется этому свиданію:

— Онъ, вѣроятно, не спроста захотѣлъ раньше *тебя* видѣть?

— Да! — подтвердила Дженни. — Именно для того, чтобы мнѣ сообщить, что онъ рѣшилъ жениться.

Морщинистое лицо старика выразило удивленіе.

— Онъ самъ вамъ скажетъ... и на комъ... и какъ все это вышло... Дѣдушка, милый! Не сердись на него, забудь все старое... Пусть онъ поговорить съ тобой, и ты увидишь, почему именно я даже довольна, что все такъ сложилось... Ты вѣдь не говорилъ съ нимъ... обо мнѣ?

Старикъ отрицательно качнулъ головою.

— Ну, и прекрасно! Значить, ты примешь его, какъ будто ни въ чемъ не бывало?—Дженни нагнулась и ласково взяла дѣда за руку.

— Скажи же ему, пусть войдетъ,—тихо проговорилъ старикъ, и въ глазахъ у него засвѣтился тотъ огонекъ привѣта, котораго давно не было видно.—А когда онъ уйдетъ, мы съ тобой можемъ опять поговорить.

Свиданіе его съ Керквудомъ было коротко, и тотъ ушелъ, не повидавшись больше съ Дженни.

Она твердо рѣшила не дать никому заподозрить, какъ глубока была ея сердечная мечта, казавшаяся ей теперь несбыточнымъ, прекраснымъ сномъ. Ну, что жъ такое? Вотъ она проснулась; сонъ конченъ, началась дѣйствительность, будничная, сухая. Вѣдь и тогда, ребенкомъ, она видѣла чудные сны, а просыпаясь, подчинялась грубости и терзаніямъ м-съ Пекверъ.

Насколько же отраднѣе и лучше ея положеніе *теперь*? Нѣтъ, просто преступленіемъ было бы роптать на свою долю только потому, что ей не суждено извѣдать одной изъ радостей житейскихихъ! Теперь уже ничто ее смущать не будетъ и не отвратить отъ долга, который на нее налагаетъ желаніе дѣда... Да, да: все къ лучшему!

— Ахъ, про Пеннилофъ я и забыла! Надо мнѣ первымъ дѣломъ навѣстить ее, какъ можно раньше утромъ!

XXVII.—Кому слезы,—кому смѣхъ.

Рѣдкій гость лондонскаго неба, ясное солнышко, сіяетъ совершенно по праздничному: не даромъ сегодня воскресенье! Изъ оконъ того дома, гдѣ живетъ отецъ Дженни, на улицу несется запахъ жареной курицы и селедки: подъ одной общей кровлей

туются нѣсколько семействъ, и всѣ заняты уничтоженіемъ этихъ чудныхъ праздничныхъ яствъ.

Супруги Снаудонъ, полу-одѣтые, также сидятъ за завтракомъ. Какъ и всегда, имъ не о чемъ говорить между собою, и Клемъ, которая любитъ покушать, съ особымъ удовольствіемъ подбираетъ ножомъ и слизываетъ губами вкусную подливку.

— Дорого бы я дала, чтобы узнать, чего ради онъ женится на Кларѣ Юэттъ?—проговорила она въ промежуткѣ между этимъ интереснымъ и пріятнымъ занятіемъ.

— Ты ужъ не первый разъ дѣлаешь это замѣчаніе,—промолвилъ Джозефъ.

— Что жъ, развѣ мнѣ и говорить не полагается?

— Нѣтъ, отчего же. Только я бы на твоемъ мѣстѣ старался держать себя приличнѣе.

Ужъ не впервые мужъ обращалъ ея вниманіе на недостатки благовоспитанности, который сказывался у жены въ разговорѣ и въ манерахъ. Клемъ посмотрѣла на него взглядомъ, полнымъ злобы и ненависти; ей было невыносимо слушать укоры Джозефа, какъ доказательство его умственного превосходства надъ нею. Минуты двѣ спустя, она опять сказала:

— Тутъ что-нибудь да кроется; я навѣрное знаю! Да и ты самъ прекрасно знаешь, только боишься мнѣ проговориться!

Джозефъ Снаудонъ откинулся на спинку кресла и отвѣчалъ съ улыбкой, исполненной глубочайшаго презрѣнія:

— Понятно, тебѣ и въ голову не приходитъ объяснить что-либо по-просту, безъ затѣй. А ужъ какъ дѣло коснется брачныхъ узъ,—и тому подавно! Ты сейчасъ задаешь себѣ вопросъ:— „какой ему расчетъ?“ Или: „что ей отъ него нужно?“ Что жъ, вопросъ довольно естественный... съ твоей стороны. Но неужели ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что всѣ браки устриваются такъ же, какъ твой..., т.-е., какъ ты того хотѣла?

Клемъ была слишкомъ неповоротлива для того, чтобы найтись и бойко отвѣтить; она стужѣла только проговорить:

— Не понимаю, про что ты тамъ толкуешь?

— Ну, конечно, не понимаешь! Только позволь тебѣ замѣтить, что есть на свѣтѣ и такіе люди, которые женятся не изъ-за одной только выгоды. Очень жаль, что ты всегда высказываешь такіа грубыя воззрѣнія.

Джозефъ чистосердечно вѣрилъ въ свое нравственное превосходство, и потому считалъ себя въ правѣ дѣлать женѣ замѣчанія.

— А ты-то самъ?—горячилась та:—ну, чего ты на мнѣ женился, желала бы я знать?

— Какъ это такъ—„чего“? Ты что-то стала больно ужъ скромна. Да могъ ли я, живя подъ одною кровлей съ такою прекрасной, добросердечной и благовоспитанной особой...

— Затѣни плотку!—крикнула она въ себя, и такъ громко, что за угломъ улицы было навѣрное слышно. — Ты престо думалъ, что способенъ одурачить насъ, обѣихъ и заставить насъ кормить и поить тебя, лѣнтяя, дармоѣда!.. Но еще вопросъ: кто кого одурачилъ?

Джозефъ только улыбнулся и углубился въ свою газету. Довольная тѣмъ, что заставила его замолчать, Клемъ громко разсѣялась и постукала ножомъ по тарелкѣ.

— Какой-то господинъ спрашиваетъ дома ли вы, сэръ?— послышался чей-то хриплый голосъ, и домовый сторожъ появился на порогѣ:—его зовутъ м-ръ Біасъ!

На лицѣ Клемъ отразилась подозрительность. Несмотря на свой небрежный нарядъ, она побѣжала за мужемъ и перехватила его на дорогѣ внизъ.

— Какъ? Ты идешь, и безъ воротника?—воскликнула она; и, какъ это ни было неприятно для Джозефа, онъ понялъ ее намекомъ и остался.

— Попросите м-ра Біаса сюда!—проговорилъ онъ.

И м-ръ Біасъ появился—съ вытянутымъ лицомъ, очевидно, предвѣщавшимъ бѣду.

— Вы, кажется, еще не знакомы съ моею женой? М-ръ Біасъ,—Клемъ.

Отвѣсивъ свой самый лучший столичный поклонъ, Самюэль качнулся разъ, другой съ носковъ на каблуки и постоялъ немного, заглядывая на дно своей шляпы.

— Къ сожалѣнію, я вынужденъ сообщить вамъ,—съ чрезвычайной важностью началъ онъ,—что м-ръ Снаудонъ захворалъ, да, да, и даже очень серьезно захворалъ. Миссъ Дженни просила меня сбѣгать за вами, какъ можно скорѣе!

— Захворалъ? А что же съ нимъ такое приключилось?

— Къ сожалѣнію, кажется, ударъ... или что-то въ этомъ родѣ. Онъ упалъ вдругъ, не говоря ни слова; теперь онъ лежитъ безъ движенія и совсѣмъ безъ чувствъ.

— Доктора догадались позвать?

— Позвали въ ту же минуту.

— Я ѣду съ вами,—объявила Клемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Къ чему же? Ты только помѣшаешь.

— Нѣтъ, не помѣшаю. Если ему дѣйствительно такъ плохо, я ѣду непременно!

Оба супруга пошли переодѣться, а м-ръ Біасъ тѣмъ временемъ совершенно безучастно принялся ходить вокругъ стола.

— Теперь бы поскорѣй извозчика! — воскликнулъ Джозефъ, возвратившись уже совсѣмъ одѣтый. — А что бѣдная Джени? То-то, я думаю, горюетъ?

Черезъ нѣсколько минутъ они были уже на мѣстѣ и отъ Бесси узнали, что старика уложили въ постель, а докторъ уѣхалъ и скоро опять пріѣдетъ. Все время Клемъ не сводила глазъ съ лица Джозефа, но тотъ упорно молчалъ и сосредоточенно мурлыкалъ брови.

— Будьте добры, скажите Джени, что я пришелъ.

— Потрудитесь подняться въ пріемную; сейчасъ скажу, — отвѣтила Бесси, и Джозефъ послѣдовалъ за нею.

Сердце у него усиленно билось; слухъ напрягался до крайности въ томительной тишинѣ, которая водворяется въ воскресный день по окончаніи церковной службы. Колокола, наполнявшіе своимъ гудѣніемъ тихій воздухъ, тоже смолкли. Джозефъ прислушивался. Ни откуда ни звука, ни шороха! И еще тревожныѣ забилось его сердце.

Наконецъ дверь отворилась, и вошла Джени, молча, вся еще блѣдная отъ неожиданнаго мучительнаго волненія.

— Ну, что? Есть признаки, что онъ очнется? — спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, никакихъ! Даже ни разу онъ не шевельнулся, — отвѣтила она шопотомъ.

— Скажи мнѣ, Джени, какъ это случилось?

— Онъ только успѣлъ встать съ постели. Я ему принесла позавтракать, а онъ какъ-то вдругъ — страшно такъ! — задвигался кругомъ и... и упалъ прежде, чѣмъ я успѣла его поддержать.

— Что же, мнѣ пойти къ нему? — спросилъ отецъ, и Джени, дрожа отъ волненія и страха, пропустила его впередъ.

Жуткое чувство охватывало ее каждый разъ, какъ въ душѣ поднималось предчувствіе смерти, которая, казалось, здѣсь уже незримо водворилась. Блѣдный солнечный лучъ только напрасно, какъ послѣдняя насмѣшка надъ житейскими надеждами, свѣтилъ въ окно мертвенно-притихшей комнаты.

— Отецъ! Ты не уйдешь? — шепнула Джени; и Джозефъ утвердительно кивнулъ ей головой.

Между тѣмъ, внизу Бесси и Клемъ пытливо разглядывали одна другую. Первая, въ полномъ молчаніи, держалась осторожно; вторая болѣе, чѣмъ когда-либо, думала про себя, что надо, во что бы то ни стало, заставить ее проговориться о тѣхъ тайнахъ, которыя ей, навѣрное, хорошо извѣстны.

— А что, онъ оправится? — съ обычной своей грубостью начала Клемъ.

— Право, не знаю; я надѣюсь...

Докторъ явился, и провожать его пошелъ Джозефъ.

Видя, что ничего опредѣленнаго она не узнаетъ, Клемъ вспомнила, что ей необходимо побывать у матери, и Джозефъ тихонько шепнулъ ей, что она прекрасно сдѣлаетъ, если тамъ и пообѣдаетъ.

— Нельзя же намъ обоимъ обременить Біасовъ?.. — пояснилъ онъ.

Клемъ кивнула головой, соглашаясь, но на прощанье подарила мужа все-таки враждебнымъ взглядомъ.

Очутившись въ родномъ ей кварталѣ, Клемъ высоко подняла голову, сознавая здѣсь свое превосходство надъ толпою и желая отъ души, чтобъ было здѣсь кому полюбоваться ея изысканнымъ нарядомъ и важною осанкой.

Но народу на улицѣ что-то не было замѣтно. Лавки и питейные дома еще не открывались, а мальчишки-подростки, стоявшіе кучками вдоль стѣнъ, въ ожиданіи этой благословенной минуты, обивали пятками фундаментъ и лѣнливо провожали глазами нарядную „даму“.

Взойдя на крыльцо, Клемъ различила сердитые голоса и тотчасъ же сообразила, въ чемъ дѣло. Это м-съ Пекковеръ бранилась со своей жиличкой, и ссора достигла высшей степени горячности: обѣ, не стѣсняясь, величали одна другую самыми безцеремонными именами, до „лгуны“ и „мошенницы“ включительно. Еще бы! Дѣло касалось значительной суммы въ цѣлыхъ три съ половиною пенса!

Не будучи знакома съ жилищей, Клемъ равнодушно затворила за собой входную дверь и усѣлась въ кухнѣ, поджидать конца ссоры. Наконецъ, накричавшись дѣла, жиличка ушла, и м-съ Пекковеръ обратилась къ дочери.

— Ну, а тебѣ-то что понадобилось? — спросила она.

— Мнѣ кажется, я имѣю право зайти васъ провѣдать? Или нѣтъ?

— „Меня провѣдать“?! Похоже на правду, нечего сказать! Да когда ты у меня была? Ну, скажи, скажи! Неблагодарное животное ты, вотъ ты что!

— Хорошо, продолжайте! Не стѣсняйтесь; вы, можетъ быть, хотѣли еще какъ-нибудь иначе меня обозвать?

Надо отдать старухѣ справедливость, что, помогая дочери въ ея затѣѣ выйти замужъ за Джозефа Снаудона, она вовсе не

имѣла въ виду лично для себя какія-либо выгоды: ей весьма естественно хотѣлось какъ можно приличнѣе „пристроить“ свою Клемъ, и единственное, чего она никакъ не могла простить молодой м-съ Снаудонъ, это — ея полной независимости въ веденіи не только хозяйства, но и ея замысловъ противъ супруга; этимъ „сотрудничествомъ“ съ дочерью м-съ Пекковеръ особенно дорожила — и вдругъ... Клемъ все что-то скрываетъ отъ нея!.. Тѣ замыслы были ея единственной отрадой; и, сверхъ того, она прекрасно знала, что у дочери не хватаетъ отъ природы выдержки и тонкаго лукавства; а это вѣдь ей можетъ стоить не малыхъ потерь! По счастью, ея столкновение съ должницей довело ее до той степени возбужденія, когда ей уже не страшно было говорить съ дочерью откровенно. Немножко поругавшись, обѣ женщины заговорили въ болѣе спокойномъ, миролюбивомъ тонѣ; а Клемъ не терпѣлось поскорѣе сообщить матери свою новость.

— У старика Снаудона былъ ударъ, и мое мнѣніе таково, что онъ не выживетъ.

— Твое мнѣніе! Твое мнѣніе! — восклицала м-съ Пекковеръ. — Выѣденнаго яйца не стоить оно, твоё мнѣніе, вотъ что! Ударъ? А кто это сказалъ?

— Я прямо оттуда. Джо тамъ засѣлъ, да такъ и сидитъ.

И обѣ принялись разносторонне и во всѣхъ подробностяхъ обсуждать обстоятельства дѣла. По мнѣнію старухи, оно „совсѣмъ проиграно“!

— Пока вы жили у меня, я еще могла хоть сколько-нибудь направлять ваши отношенія, а теперь — если что и не такъ случится, пеняй на себя. Нынче ты вѣдь все „сама“ да „сама“!

— Надѣюсь! Все сообразить съумѣю.

— Ну и соображай себѣ, соображай! Очень пріятно слышать!

Эта милая парочка, фыркая одна на другую, продолжала грызться и за обѣдомъ, съ удовольствіемъ заливая свою горячую бесѣду двумя большими бутылками „хмельного“, т.-е. по-просту пива.

Вернувшись къ мужу, Клемъ удивилась, что, несмотря на всѣ ея усилія, она не могла узнать отъ него ничего положительнаго.

— Нечего тебѣ здѣсь торчать, все равно ничего не поможешь! — объявилъ тотъ женѣ, которая, однако, рассудила иначе.

— Вотъ потому-то я тутъ и останусь, что ты хочешь отдѣлаться отъ меня! — и дѣйствительно осталась сидѣть въ гостиной, а онъ пошелъ къ дочери, наверхъ, отчасти движимый (на этотъ разъ искреннимъ) человѣческимъ чувствомъ состраданія.

Въ матеріальномъ отношеніи онъ такъ же не могъ быть спокоенъ; дней десять тому назадъ, онъ узналъ черезъ Скауторна, что Майкель Снаудонъ взялъ отъ нихъ обратно свое завѣщаніе; вѣсть о предстоящей женитьбѣ Сиднея тоже смущала его, разбивая въ прахъ его мнѣніе объ этомъ послѣднемъ.

Про то, что воспослѣдовало дальше съ завѣщаніемъ отца, Джозефъ ни отъ кого и ничего не могъ узнать; м-ръ Персиваль, повидимому, самъ не подозрѣвалъ, съ какою цѣлью взялъ его обратно его довѣритель. По всей вѣроятности, оно лежитъ теперь вотъ здѣсь,—въ этой самой комнатѣ; гдѣ же ему больше быть? Можетъ быть, Дженни все извѣстно?.. Но, несмотря на весь свой цинизмъ, онъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что въ такую минуту мысли Дженни заняты этимъ вопросомъ.

Время шло. Тоскливо и мучительно-тихо было по прежнему въ комнатѣ больного. Докторъ пришелъ въ шесть часовъ и шепнулъ Джозефу, что конецъ наступитъ скорѣе, нежели онъ могъ предполагать...

Десять минутъ спустя, Майкель Снаудонъ вздохнулъ въ послѣдній разъ...

Дженни стояла на колѣняхъ у его постели и точно окаменѣла отъ ужаса, ничего не видя и не слыша.

— Дженни! Пойдешь со мною, или хочешь остаться здѣсь, у м-съ Біасъ?

— Лучше останусь, если можно,—былъ тихій отвѣтъ.

— Какъ хочешь, милая. Конечно, ты сама понимаешь, что сюда не долженъ входить никто, кромѣ м-съ Біасъ?

— Да, отецъ!

На этомъ они и разстались. Если бы Дженни не поддерживали мягкія руки м-съ Біасъ, она навѣрное бы упала.

XXVIII.—СЫНЪ И НАСЛѢДНИКЪ.

— И неужели ты рѣшился ихъ оставить тамъ, однихъ?—воскликнула Клемъ, какъ только очутилась въ экипажѣ, рядомъ со своимъ благовѣрнымъ.

— Надѣюсь, я самъ знаю, что дѣлаю!—возразилъ тотъ такимъ тономъ, который долженъ былъ дать ей мысль о томъ, что завѣщаніе у него въ карманѣ.

Вернувшись домой, онъ поспѣшилъ въ короткой и официальной запискѣ сообщить нотаріусу о кончинѣ его довѣрителя, а затѣмъ объявилъ женѣ:

— Я ухожу.

— И я съ тобой!

— Ну, ужъ это извините!..—вспылилъ Джозефъ:—да знаешь ли ты, дура набитая, что еслибы я захотѣлъ, я, все равно, могъ бы сбѣжать хоть сію минуту,—да такъ, что ты бы меня не поймала? Что же ты, намѣрена ходить за мною по пятамъ всѣ девять дней подъ-рядъ?.. Нѣтъ, ты останешься сидѣть дома, пока я не вернусь; а вернусь я въ десяти часамъ. Ну, поняла?

Клемъ разъяренно посмотрѣла на него, но промолчала. Съ его рѣшимостью бороться она не могла, и потому осталась дома. Четверть часа спустя, она настрочила цѣлое посланіе и сама пошла опустить его въ почтовый ящикъ...

Оно гласило нижеслѣдующее:

„Милая мама!

„Старикъ убрался во-свояси; это случилось въ шесть часовъ. Если хочешь знать подробности приду къ тебѣ завтра утромъ; завѣщаніе у него; онъ совсѣмъ скотина и что-то затѣваетъ. Итакъ остаюсь извѣстная вамъ—К. С.“.

Тѣмъ временемъ Джозефъ уже входилъ въ убогую каморку Скауторна, который по неволѣ сидѣлъ дома: у него наступилъ періодъ безденежья. Понурия голову, взглянулъ онъ на неожиданнаго посѣтителя и даже не всталъ къ нему на встрѣчу. Джозефъ, напротивъ, въ эту минуту позабылъ свои волненія и имѣлъ видъ веселый.

— Ну, какъ вамъ кажется: что меня привело сюда?—воскликнулъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ, судя по вамъ, что-нибудь не особенно дурное,—возразилъ тотъ.

— Если позволите, голубчикъ Скау!—проговорилъ Джозефъ, указывая на бутылку дешеваго хереса, которая стояла на столѣ уже на половину пустая.—Нѣтъ ли у васъ еще стакана? Выпить для храбрости мнѣ не мѣшаетъ: я что-то немножечко разстроень.

Скауторнъ всталъ и подаль ему чистый стаканъ, стоявшій въ шкафу на полкѣ. Джозефъ пилъ не спѣша, и лицо его выражало полное удовольствіе.

— Фу, какъ пріятно! Сегодня у меня выдался-таки тревожный денекъ. Не часто приходится мнѣ выстрадать такъ много!

— Ну, говорите же скорѣе: что случилось?

— Всѣ мы, братецъ ты мой, подъ Богомъ ходимъ... Вамъ уже, конечно, не разъ приходилось слышать это замѣчаніе? Такъ постарайтесь найти ему должное примѣненіе.

Скауторнъ вострепенулся.

— Ужъ не...

— Да, да: именно такъ! Бѣдняга протянулъ ноги часа два тому назадъ. Я только-что написалъ вашимъ патронамъ форменное извѣщеніе... Съ вашего позволенія, еще глотокъ? — и онъ выпилъ полъ-стакана.

— А завѣщаніе-то?—продолжалъ Джозефъ.

— Вы его и не искали?—спросилъ пріятель.

— Даже счелъ это неприличнымъ!.. Наконецъ, тутъ же вертѣлись и дочка моя, и главное—жена. Не слышно ли вамъ было что-нибудь съ тѣхъ поръ?

— Слышалъ... да такъ себѣ, пустяки.

— Говорите же скорѣе! Ну васъ! Чего вы зубы-то скалите? Я горю какъ на огнѣ.

— Это даже забавно!.. Еще стаканчикъ: вамъ надо подкрѣпиться,

— О, все равно! Я готовъ ко всему самому худшему. Онъ совсѣмъ обошелъ меня въ завѣщаніи? А? Что? Самъ виноватъ! Ну, чего я совался въ дѣвчонкины дѣла? Чортъ меня побери! Очень мнѣ было нужно!

— Да, дѣло неважное! Видите ли, онъ написалъ Персивалю еще третьяго дня, что онъ уничтожилъ старое завѣщаніе, и зайдетъ въ *понедѣльникъ*, т.-е. *завтра*, чтобы составить новое.

Джозефъ сталъ передъ нимъ, какъ вкопанный:

— *Завтра?*! Такъ, значитъ, никакого завѣщанія нѣтъ и не будетъ?

— Поздравляю васъ! Выводъ превосходный и дѣлаетъ честь вашему логическому мышленію.

Джозефъ дико всплеснулъ руками и принялся прыгать по комнатѣ.

— Ну-ка, еще стаканчикъ! Не бойтесь: въ шкафу у меня стоитъ другая бутылка.

— Вы хотите сказать, что, значитъ, все мое?

— Вино-то? Да, конечно.

— Къ чорту ваше вино! Деньги, братецъ мой, деньги!.. Скауторнъ! Я не какой-нибудь прощальга! Я помню ваше доброе участіе, и я... провалился я на этомъ самомъ мѣстѣ, если я вамъ не дамъ добрыхъ... гм! гм!.. добрую сотню фунтовъ! Право! Честное слово! Мало того: я еще не кончаю съ вами счеты... смекаете, дружище?

— Вамъ нужно будетъ имѣть въ Англіи довѣренное лицо, на которое не могло бы пасть никакое подозрѣніе...

— Весьма возможно!

— Только эта цѣна совсѣмъ неподходящая; вдвое—еще пожалуй!—совершенно серьезно торговался „помощникъ“ нотариуса. — Это все-таки чего-нибудь да стоитъ; увѣряю васъ! Подумайте-ка хорошенько.

— Послушайте, мнѣ вѣдь еще придется выдавать на содержание *моей-то* Дженни...

— Полноте! А филътры-то на что? Не сваредничайте!

— Ну, хорошо! Пусть будетъ вдвое; берите свои двѣсти фунтовъ. Только вотъ что вы мнѣ скажите: что могло бы заключаться въ новомъ завѣщаніи?

— А это мы узнали бы, конечно, въ понедѣльникъ, т.-е. завтра... Но „завтра“ не для всѣхъ и не всегда приходитъ.

— Нѣтъ, вы себя представьте!—ликовалъ Джозефъ:—какъ все устроила сама судьба! Знать бы заранѣе, такъ и не нужно бы мнѣ было такъ трудиться—устраивать одно, разстраивать—другое! Сидѣлъ бы я себя смирененько, да поджидалъ, пока ко мнѣ само богатство привалитъ. И чего, спрашивается, мы съ вами столько времени ломали голову, чтобы только помѣшать Сиднею? А онъ самъ... Вотъ ужъ въ чемъ дѣйствительно судьба, такъ судьба! Провидѣніе все устроить къ лучшему...

— Именно такъ! И честный человѣкъ въ концѣ концовъ всегда получить достойную награду, — съ улыбкою замѣтилъ Скауторнъ.—Кстати: вѣдь и меня посѣтила удача! И тоже—неожиданно!

Онъ разсказалъ другу про успѣхъ, который готовила ему служебная карьера, и прибавилъ:

— Только одно меня печалитъ: я вѣдь мечталъ, что, сдѣлавшись компаньономъ, я могу жениться на Дженни, если у нея будутъ деньги...

— За чѣмъ дѣло стало?

Джозефъ вытаращилъ на него глаза и расхохотался.

— Да кто же вамъ мѣшаетъ? Она—добрая дѣвушка; красивѣе ея найдется дѣвушекъ не мало; но лучше и добрѣе — наврядъ! Познакомьтесь вы съ нею, и увидите сами, обманываю ли я васъ. Черезъ три года—вы уже компаньонъ; прекрасно! Женитесь тогда на Дженни, и вы получите тысячу фунтовъ, въ приданое, да вдобавокъ въ день свадьбы я дѣлаю завѣщаніе, въ которомъ все, что имѣю, оставляю вамъ обоимъ. Право, вы не раскаетесь: она у меня хорошая, и, клянусь Богомъ, во мнѣ тоже есть родительски-нѣжныя чувства.

— А чего ради вы ко мнѣ такъ благоволите? Или вы думаете, что изъ меня выйдетъ образцовый супругъ?

— А почему же бы и нѣтъ? Тогда вы будете человѣкъ обеспеченный, а только бѣднякамъ вѣдь невозможно дѣйствовать всегда такъ, какъ имъ бы хотѣлось, — т.-е. честно и правдиво, — чтобы жить прилично.

— На этотъ разъ довольно вѣрно сказано, — безъ всякой насмѣшки сказалъ Скауторнъ.

— Помните же, смотрите, уговоръ: когда дѣло будетъ налажено, вы получите свои деньги, а какъ только до дѣла дойдетъ — я сдержу свое слово, вотъ вамъ моя рука! Скажите только, что согласны, и я васъ познакомлю прежде... прежде чѣмъ отправлюсь, знаете, прокатиться для поправленія здоровья.

— Хорошо. Мы объ этомъ еще потолкуемъ, — рѣшилъ Скауторнъ, и на томъ покончили они свою бесѣду.

На слѣдующій день Джозефъ получилъ отъ нотариуса официальное подтвержденіе словъ Скауторна, и теперь единственной его заботой сталъ вопросъ, говорить ли правду женѣ, или нѣтъ? Онъ рѣшилъ, что — да: тѣмъ забавнѣе будетъ маленькій сюрпризъ, который онъ ей приготовилъ.

За завтракомъ онъ сообщилъ ей, что является единственнымъ наслѣдникомъ отца; но Клемъ отказывалась вѣрить.

— Тебѣ, я думаю, не терпится скорѣе сообщить это матери; такъ иди, да только возвращайся домой къ пяти часамъ: тогда поговоримъ! А теперь мнѣ некогда; надо еще повидаться съ нотариусомъ.

Вернувшись домой, Клемъ по лицу и по настроенію духа мужа убѣдилась, что онъ дѣйствительно говорилъ правду. Привѣтливо подсѣлъ онъ къ ней и началъ такъ:

— Ну, что? Наши дѣла могли бы быть, пожалуй, и похуже?

— Я тоже думаю! — согласилась она также съ отѣнкомъ добродушной шутки.

— Съ Джени я еще не говорилъ объ этомъ; успѣется и послѣ похоронъ. А что мы можемъ сдѣлать для нея, бѣдняжки?

— Почему я знаю?

— Но ты вѣдь не будешь на нее сердиться, если она отъ меня будетъ получать два-три фунта въ недѣлю, чтобы только дать ей возможность жить у Біасовъ?

— Деньги твои, и ты, конечно, можешь дѣлать съ ними все, что тебѣ угодно,

— Весьма любезно съ твоей стороны, голубушка. Но теперь мы вѣдь люди обеспеченные и должны соблюдать правила вѣж-

ливости даже между собою. Гдѣ бы намъ нанять домъ, а? Какъ ты думаешь, Клемъ? Есть такіе хорошенькіе уголки по близости „King's Cross“ а или еще на Большой-Сѣверной-дорогѣ. Одинъ знакомый живетъ на Понтеръ-Барѣ, и говорить—тамъ прекрасный воздухъ. Но мнѣ, понятно, надо все-таки искать мѣста поближе къ моему заводу...

Клемъ молчала, только разглаживала ногтями складку у себя на платьѣ, какъ бы царапая его.

— И знаешь, это все какъ разъ въ-время подоспѣло!— продолжалъ онъ. — Моему дѣлу не хватало только нѣкоторой суммы для усовершенствованія. Говорю тебѣ, Клемъ, черезъ годъ, черезъ два—мы будемъ сами ковать золото, вотъ оно что!

— Такъ ли?

— Весьма возможно. Только вотъ что меня беспокоитъ: не будетъ ли мать твоя требовать, чтобы мы ей тоже что-нибудь удѣлили изъ наслѣдства?

Клемъ съ любопытствомъ и тонкой проницательностью посмотрѣла на него. Онъ такъ искусно игралъ свою роль, что сомнѣнія ея почти пропали.

— Ну, вотъ еще! Чего ей ожидать? Если она и думаетъ получить что-нибудь, такъ только ошибется, вотъ и все!

— Я не хотѣлъ бы показаться скрягой; но, кажется, у нея есть довольно и своихъ доходовъ?

— Право, не знаю; лучше самъ спроси, — ослабившись, предложила жена, и еще съ полчаса, бесѣдуя съ мужемъ, не могла надивиться, что онъ такъ милъ, такъ веселъ и любезенъ, какъ никогда. Впрочемъ, оно было понятно: только теперь почувствовалъ Джозефъ, что онъ можетъ быть совершенно за себя спокоенъ. Будетъ у нихъ свой домъ, свои знакомства; они будутъ ходить въ гости и принимать у себя; такимъ образомъ, и у Клемъ будетъ общество, а это не мѣшаетъ...

— Вотъ что!—спохватился онъ:—не поучиться ли тебѣ на фортепiano? Это было бы даже весьма недурно. Кстати! Надѣюсь, ты позаботишься заказать себѣ приличный траурный нарядъ: придется ужъ тебѣ поискать для этого портниху въ Вестъ-Эндъ...

Клемъ слушала его молча, но порой на губахъ у нея мелькала двусмысленная улыбка.

На другой день, послѣ полудня, Клемъ ходила взадъ и впередъ по берегу Темзы между мостомъ Ватерлоо и набережной Тэмпли, какъ будто кого-то поджидая. Это былъ не кто иной,

какъ Бобъ Юэттъ, съ которымъ на этотъ разъ разговоръ у нея не клеился. Оба почему-то надулись другъ на друга и ходили себѣ поодаль, искоса поглядывая изъ-подъ насупленныхъ бровей. Наконецъ Клемъ подошла къ рѣшетѣ и остановилась, облокотившись на перила. Бобъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Ну, чего же тебѣ отъ меня надо? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Если ты самъ не понимаешь, *не хочешь* понять, тогда и говорить не стоитъ.

— Однако ты вѣдь сама, помнится, говорила, что тебѣ наплевать на его деньги? Если ты думаешь, что онъ намѣревается наострить лыжи, такъ что же такое? Тебѣ же лучше!

— Такъ разсуждаютъ только дураки! А я не потеряю ни гроша, только бы мнѣ все удалось!.. Есть средство и удержать его, и забрать его деньги...

Оба умоляли и устремили свой пытливый взглядъ на грязную воду Темзы.

— Все равно, тебѣ достанется не все, а только одна треть, — тихо возразилъ Бобъ. — Я навелъ справки: по закону, женѣ приходится лишь одна треть, а дочери — все остальное.

— А что это такое: одна треть?

Невѣжество Клемъ было до того глубоко, что Бобу понадобилось приложить довольно много и времени, и труда, пока онъ втолковалъ ей это простѣйшее арифметическое выраженіе.

— А, ну ихъ! Все равно, съ меня и того довольно!

— Клемъ, лучше брось эту затѣю!

— Ни за что на свѣтѣ! Сказано: нѣтъ, и нѣтъ!

• Опять молчаніе.

Мимо промчался пароходъ, и вслѣдъ за нимъ на мутныхъ водахъ Темзы обозначилась широкая полоса, которую унылый лучъ солнца окрасилъ въ грязно-желтоватый сѣрый цвѣтъ. Такого же цвѣта было и мертвенно-блѣдное лицо Боба.

— Что тебѣ надо, чтобъ я сдѣлалъ? — началъ онъ снова. — И какъ?..

Ихъ глаза встрѣтились, и дьявольски-властный взглядъ женщины поборолъ послѣднія колебанія трусливаго мужчины. Она понизила голосъ:

— О, есть столько способовъ!.. Наконецъ, легко устроить такъ, какъ будто его ограбили... Онъ по ночамъ шатается, когда угодно...

— О, Клемъ! Боюсь я, откровенно говорю: боюсь! — и губы его задрожали.

— Трусъ!.. Презрѣнный трусъ! Хорошо, такъ и знайте, м-ръ Бобъ: вы пойдете своей дорогою, а я—своей!

— Послушай, Клемъ!—залепеталъ онъ, задыхаясь.—Я не отъказываюсь, я... я только подумаю... дня два... Ну, одинъ день... только одинъ, единственный денекъ!..

— Знаемъ мы, знаемъ, что означаютъ ваши думы!—негодовала Клемъ.

А полчаса спустя, Бобъ разстался съ нею, пообѣщая исполнить все, что ей угодно...

XXIX.—„Всякое дыханіе да хвалить Господа!..“

По обыкновенію, Бобъ пришелъ домой хмурый, возбужденный, и накинулся (также по обыкновенію) на свою ни въ чемъ повинную Пеннилофъ.

Помимо того, что нервы его до крайности возбуждало каждое свиданіе съ его злымъ духомъ, Клемъ,—въ немъ съ каждымъ разомъ горячѣе вспыхивало негодованіе на свое малодушіе, съ которымъ онъ не могъ справиться; съ каждымъ разомъ онъ чувствовалъ себя все дальше и дальше отъ пути къ прежней трудовой, честной жизни; и каждый разъ, самъ сознавая, что безвинно терзаетъ жену и ребенка, онъ еще яростнѣе, еще безпощаднѣе накидывался на нихъ. Изъ дѣтей у него уцѣлѣла только одна двухлѣтняя дѣвочка, да и ту онъ ненавидѣлъ.—Пенни уже теперь не могла этого не чувствовать. Бывало, она все сносила съ неизмѣнной незлобивою и смиреніемъ передъ своимъ кумиромъ, но за послѣднее время онъ становился страшнѣе, и она начинала его бояться, какъ необузданнаго звѣря. Бобъ ненавидѣлъ жену, потому что таково было повелѣніе красавицы Клементины Снаудонъ; ему было противно видѣть, что она изо дня въ день ноетъ, чахнетъ и незаслуженно несетъ кару за его проступки. Онъ морилъ ее голодомъ, ее и ребенка, и, конечно, давно бы уморилъ, еслибъ ихъ не кормила сострадательная Джени. Онъ бросилъ ходить на работу и продолжалъ въ глубинѣ души дрожать за послѣдствія своихъ противозаконныхъ дѣлъ съ подозрительными людьми.

— Ну! Чего заняла? Давай мужу чаю!—крикнулъ онъ грубо на какой-то вопросъ жены, которая, вся дрожа отъ страха, вышла его встрѣтить.

Бѣдная женщина взялась за чайную посуду, но руки не слушались ея; блюдечко выскользнуло и разбилось. Какъ ошѣрѣвшій,

швырнулъ ее объ стѣну Бобъ, не помня себя отъ бѣшенства, и принялся бить ее чѣмъ и куда ни попало, издавая нечеловѣческіе звуки ярости и озлобленія.

На крикъ и стоны его жертвы, распростертой на полу у стѣны, прибѣжала сосѣдка, м-съ Гриффинъ, и накинулась на него, освободивъ Пеннилофъ.

— Ну, виданое ли дѣло?! Прочь! Не смѣть ее трогать, звѣрты лютый! Такъ я и знала, такъ и знала... Вижу, идетъ въ нашу сторону!..

— Ну, полно, полно, голубка моя, бѣдная!—обратилась она къ Пенни, рыдавшей неудержимо.—Не посмѣть онъ тебя обидѣть: я ему покажу!..

Но „показывать“ уже было некому: Бобъ проскользнулъ на улицу и машинально пошелъ по направленію къ „квартирѣ“ Бартлея. Онъ шелъ задумавшись, и только кучка звѣакъ, собравшаяся у крыльца, остановила на себѣ его вниманіе; а центромъ этой кучки оказался какой-то человѣкъ, котораго крѣпко держали два жандарма, не выпуская изъ своихъ цѣпкихъ объятій. Пойманный (не кто иной, какъ Джэкъ) кричалъ во всю глотку:

— Да не я же виноватъ! Я ихъ не умѣю дѣлать, а дѣлалъ... Пустите же, пустите! Я вамъ скажу, кто во всемъ виноватъ... Я во всемъ признаюсь! Я ничего, клянусь вамъ, ничего не дѣлалъ, и... вы ошибаетесь, это не я... Это—Бобъ Юэттъ; его и хватайте! Я вамъ даже скажу, гдѣ онъ живетъ. Пустите же, говорятъ вамъ! Провались я на этомъ мѣстѣ, если я солгу! Онъ живетъ въ Кларкенуэлъ... Я вамъ...

Жандармы понукали его, угощая пинками, и перекидывались насмѣшливыми взглядами и улыбочками. Звѣаки тоже кивали на пойманнаго головой и громко ругали его, какъ труса, который спѣшитъ выдать товарища изъ боязни за свою собственную шкуру.

Бобъ, первое движеніе котораго было бѣжать, не могъ двинуться съ мѣста; но, разсудивъ, что не слѣдуетъ обращать на себя вниманіе толпы, двинулся впередъ вмѣстѣ съ нею. Свернуть въ сторону было некуда, и онъ по неволѣ шелъ минутъ пять словно во снѣ. Наконецъ, толпа зашла за уголъ,—и тутъ только ужасъ окончательно овладѣлъ имъ: какъ звѣрь, вдругъ лишенный зрѣнія, онъ ринулся впередъ, и не помнить, какъ это случилось, что его сшибла съ ногъ телѣга, о которую онъ ударился грудью, со всего разбѣга. По счастью, она ѣхала шагомъ, но едва не заѣхала его колесомъ.

Какой-то прохожій участливо подошелъ и поднялъ несчастнаго.

— Ничего, обойдется! — проговорилъ онъ, и, къ величайшему удивленію всѣхъ присутствующихъ, пострадавшій дѣйствительно бодро и скоро зашагалъ прочь, повидимому не чувствуя никакой боли. Но минуты двѣ-три спустя, онъ вдругъ почувствовалъ приступъ тошноты, и принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ; кровь хлынула у него изъ горла, и тотчасъ же опять вокругъ него собралась кучка ахающихъ и собогѣзнующихъ людей. Онъ приободрился, но бѣжать не могъ: боль въ груди и клокотанье въ горлѣ... полный ротъ крови...

Куда дѣваться? Гдѣ искать защиты? Къ отцу? Но тамъ скорѣе всего настигнетъ полиція... Вотъ развѣ пойти въ Шутерсъ-Гарденсъ? Тамъ живутъ мать и братъ Пенни: они защитятъ, они не выдадутъ своего! Выбора нѣтъ... Скорѣй, скорѣй туда!

Чего ни передумалъ Бобъ за ту четверть часа, которую онъ провелъ въ дорогѣ, стремясь къ своей единственной надежной цѣли. Ясно, какъ на ладони, вдругъ встало передъ нимъ все происшедшее за послѣднее время, и онъ самъ удивился, какъ ему раньше не пришелъ въ голову вопросъ: можно ли довѣряться такому человѣку, какимъ былъ съ юности его пріятель Джэкъ? Гдѣ были у него глаза съ самаго начала?..

Въ глухомъ кварталѣ было мрачно и безлюдно, какъ всегда въ этотъ часъ. Въ узкомъ проулкѣ, который велъ въ глубину этого квартала, Бобъ встрѣтилъ двѣ таинственные личности, которыя поспѣшили ступешаваться въ темнотѣ и, конечно, въ случаѣ чего, не стали бы помогать полицейскимъ ловить его, Боба. Внизу, подъ лѣстницей, Бобъ поскользнулся и упалъ съ громкимъ стономъ.

— Блюди убо, да не преткнешься о камень ногою твоею! — совсѣмъ близко провѣщаль надъ нимъ чей-то высокій голосъ.

Бобъ зналъ, что это — доморощенный пророкъ, котораго обитатели Шутерсъ-Гарденса прозвали „Шалый Джэкъ“ за то, что онъ денно и нощно вѣщаль евангельскія или вообще другія премудрыя истины.

— Чтò есть главное потребное въ жизни? — продолжалъ онъ и теперъ, самъ себѣ отвѣчая:

— Главное есть премудрость.

Бобъ шелъ себѣ дальше и, удаляясь, слышалъ, что ему во слѣдъ неслась горячая рѣчь проповѣдника на довольно приличномъ французскомъ языкѣ. „Шалый“ особенно любилъ этотъ языкъ, хотя никому и никогда еще не случалось слышать отъ него, почему и какъ именно онъ ему обучился.

Добравшись до площадки, на которую выходила дверь м-съ Кэнди, Бобъ попробовалъ осторожно потянуть за ручку, но она не подавалась: очевидно, никого не было дома. Однако Стефенъ долженъ былъ скоро придти домой;—лучше посидѣть немножко, подождать... Такъ рѣшилъ Бобъ и, спустившись во дворъ, присѣлъ на корточки у стѣны. Нужды нѣтъ, что камни мостовой пропитаны сыростью; нужды нѣтъ, что дождь мочитъ больную грудь и усталыя плечи! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ въ безопасности отъ погони.

Но вотъ въ потемкахъ раздались шаги и голоса, и цѣлая гурьба молодыхъ мужчинъ и подростковъ высыпала на крыльцо съ крикомъ и руганью. Бобъ прислушался — и узналъ голосъ. Нэда Гиггса, съ которымъ жила жена Джэка. На поимку виновнаго не было ни намека въ ихъ шумѣ и брани. Нѣсколько голосовъ за-разъ кричали, стараясь перекричать одинъ другого:

— Окуроеъ!.. Окуроеъ!..

Бобъ зналъ, что это восклицаніе было рельефнымъ выразителемъ одного обычая въ средѣ „меньшой брати“,—обычая забавнаго и весьма типичнаго.

Если кому изъ компаніи друзей и сосѣдей посчастливится найти гдѣ-нибудь окуроеъ сигары, тотъ долженъ былъ уступить ее временно (такъ сказать, на подержаніе) тому изъ присутствующихъ, который первый крикнетъ:—Окуроеъ, окуроеъ!—и, такимъ образомъ, это чудное лакомство переходитъ изъ устъ въ уста, пока не выкурится до тла.

Нэдъ кричалъ громче всѣхъ:

— Я первый! Я крикнулъ первый послѣ Билля!

— Врешь! Я раньше подоспѣлъ!

— Чортъ!.. Ты... мерзавецъ! Я тебѣ рожу раск...ррою! Берегись,—я вѣдь живо! Нѣжничать не намѣренъ!

Послышалась возня, шарканье ногъ, и крики, и удары... Дикій звѣрь, многоголовый, сильный, расходился, что называется, „во всю“. Съ четверть часа еще продолжалась свалка, и въ каменныхъ стѣнахъ отдавались пьяная ругань и воинственные возгласы сражавшихся. Когда же вдругъ наступила тишина,—Бобъ зналъ, что это явилась полиція и прекратила схватку; но тѣмъ болѣе было причины прятаться отъ нея подальше... Только бы дожидаться поскорѣе Стефена!..

На этотъ разъ, какъ только онъ дотронулся до ручки звонка, ему отвѣтилъ сильный голосъ совсѣмъ спившейся старухи. Онъ вошелъ и на мгновеніе остановился при видѣ почти пустой и

неопытной комнаты, посреди которой лежала какая-то безформенная куча; въ ней Бобъ не замедлилъ признать м-съ Кэнди.

— Я бы хотѣлъ, если это можно, переночевать у васъ,— проговорилъ онъ. — Мнѣ надо спрятаться, и ни одна душа не должна подозрѣвать, что я у васъ!

— Пожалуйста,—проговорила м-съ Кэнди такимъ голосомъ, который было страшно слышать, и перестала обращать вниманіе на своего гостя, раскачиваясь и охая протяжно, какъ человѣкъ, переживающій ужаснѣйшія муки. Разъ или два Бобъ ее спросилъ, скоро ли вернется Стефенъ? Но она сначала не разслышала его вопроса, а разслушавъ, сама спросила:—А? Стефенъ? Да, кажется, скоро.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи тотъ наконецъ пришелъ, доработавшись, по обыкновенію, до безчувственного состоянія, и только видъ нежданнаго посѣтителя могъ сколько-нибудь оживить его:

— Бобъ Юэттъ! Это вы?

— Мнѣ хотѣлось бы тутъ у васъ побыть... Мнѣ надо полиціи не попадаться на глаза... Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь хлебнуть,—ну, просто горло промочить... для храбрости!

— Нѣтъ; ровно ничего! Черезъ дорогу у насъ есть лавчонка: тамъ можно все достать.

— Да мнѣ туда не дотащиться ни за что...

— Такъ я вамъ принесу воды!—предложилъ добродушный, но недалекій малый. У него и въ самомъ дѣлѣ было доброе сердце, но по уму бѣдняга былъ почти идиотъ.

Бобъ съ жадностью выпилъ большую чайную чашку воды и проговорилъ:

— Мнѣ будетъ, можетъ быть, полегче, когда я отдохну немножко... У васъ нѣтъ больше мебели?

— Нѣтъ, въ субботу пошла вторая недѣля. Я давалъ матери деньги за квартиру, а она ихъ не платила, пропивала въ кабакахъ и говорила мнѣ, что все уплачено. Я было-спросилъ пристава: развѣ подлежатъ продажѣ за долги кровати и бѣлье? И получилъ въ отвѣтъ, что—да. Именно за квартирный-то долгъ все до послѣдней нитки „подлежитъ“! И кровать, и подушки, и бѣлье,—все, все отдать имъ надо за квартиру.

Какъ, право, глупо сдѣлалъ Стефенъ и всѣ ему подобные, что они сами не родились домохозяевами: тогда они тѣснили бы своихъ жильцовъ. Невыгода не имѣть своего угла, кажется, ужъ довольно очевидна!

— Что жъ бы я могъ сказать? Она, все равно, ничего не поняла бы; она потомъ жалѣла, что такъ поступила; ничего

больше съ нея и требовать нельзя!—и онъ кивнулъ на неподвижно-распростертую старуху.—Самъ виновать, что не сообразилъ и далъ ей въ руки деньги... Вамъ холодно? Не протопить ли? Вы не стѣсняйтесь; скажите откровенно. Мать ходитъ слѣдомъ за возами каменнаго угля и подбираетъ себѣ по дорогѣ то, что они оброняютъ. И вы не можете себѣ представить, какъ много она достаетъ такимъ путемъ! Мы оба почти не бываемъ дома, расходъ на топку у насъ небольшой...

Стефенъ затопилъ каминъ, и Бобъ началъ понемногу согрѣваться, съ трудомъ добравшись до теплаго мѣстечка у огонька. Тишину вдругъ нарушилъ грозный голосъ м-ра Гопа, который вернулся домой и, по обыкновенію, усердно сулилъ своимъ домохозяевамъ самые звѣрски-невѣроятные ужасы и несчастія. Посторонній наблюдатель могъ бы легко подумать, что здѣсь и въ самомъ дѣлѣ готовится убійство. За стѣной, съ другой стороны, раздался голосъ Нэда, который самъ весьма безцеремонно ругался и кричалъ, что никто не смѣетъ нарушать его покой.

— Того и гляди, они и ее разбудятъ,—замѣтилъ Стефенъ.— Ну, что же я вамъ говорилъ?

М-съ Кэнди проснулась и, тщетно стараясь приподняться, вдругъ дѣйствительно привстала и уставилась глазами на разгоравшееся пламя въ каминѣ. Безумный крикъ вырвался у нея изъ груди, потомъ еще, еще, постепенно слабѣя,—и несчастная, совсѣмъ обезсилѣвъ, повалилась на свою жалкую постель.

— Только бы не на всю ночь!—проговорилъ Стефенъ.— Это съ нею бываетъ.

Но на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно... съ ея стороны, по крайней мѣрѣ. Зато Боба всю ночь душилъ кошмаръ: онъ плакалъ и вздыхалъ, и кричалъ, когда во снѣ его снова забирали жандармы. Нѣсколько разъ онъ просыпался, весь въ холодномъ поту, и засыпалъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ.

Съ самаго вечера Пеннилофъ была разстроена и до крайности перепугана появленіемъ жандармовъ. Они ворвались къ ней и все перерыли, не оставивъ въ покоѣ ни щелочки, ни ящичка. Для нея обыскъ былъ своего рода откровеніемъ: никогда и ничего подобнаго ей въ умъ не приходило. Она даже разсердилась на м-съ Гриффинъ, когда та, не обвиняясь, объявила, что она этого давно ужъ ожидала, и даже знаетъ, какое наказаніе понесетъ Бобъ за свое преступленіе:

— Каторжные работы! Да, каторжные работы! И хорошо

еще, если только на пять лѣтъ; а то такъ и на десять закатаютъ голубчика! Бывало,—такіе господа и въ безсрочные попадали...

Пеннилофъ не вѣрилось, чтобы такіе ужасы могли постигнуть ея мужа. Узнавъ объ угрожающей ему бѣдѣ, она забыла всѣ свои обиды, и помнила только одно—свою любовь и жалость.

— Онъ былъ мнѣ всегда добрымъ мужемъ,—всхлипывая, говорила она.—Тотъ самъ совреть, который скажетъ, что это неправда!

Всю ночь она не могла сомкнуть глазъ, а въ восьмомъ часу утра уже была въ полицейскомъ управленіи. Но Боба тамъ не было, и ничего про него не было извѣстно. Она пришла домой ни съ чѣмъ, и рассказала м-съ Гриффинъ, что ее разспрашивали очень много, а сами говорили очень мало; однако, посовѣтовали еще навѣдаться хоть завтра утромъ.

— По-моему, такъ они еще не нашли его,—заключила та.—Видно, пріятели его предупредили.

— Куда бѣжать? Гдѣ его искать, чтобы спасти или хотя бытъ подлѣ него?

Пенни бросилась прямо въ своему другу—Дженни, но только даромъ простояла у порога, не рѣшаясь войти и стыдась признаться, какая причина привела ее сюда.—Вотъ гдѣ можно душу отвести, гдѣ не такъ стыдно!—догадалась она, и бѣгомъ направилась къ глухому кварталу.

Тамъ, въ узенькомъ проулкѣ, который былъ какъ бы однимъ изъ развѣтвленій Шутерсъ-Гарденса, больше чѣмъ когда-либо въ этотъ часъ дымили жаровни. Владѣлецъ права жарить и варить картофель перепродавалъ его за деньги другимъ, которые разставили тутъ же до десяти котелковъ, снабжающихъ бѣдныхъ людъ горячимъ завтракомъ. Обыкновенно, всѣ эти жаровни дымили немилосердно, и люди метались въ жаркомъ дыму, какъ тѣни грѣшниковъ въ адскомъ пеклѣ. Въ одномъ мѣстѣ эти тѣни сбились въ кучку, и высоко надъ ними махала въ воздухѣ руками чья-то высокая, долговязая тѣнь, кричавшая что-то такое, что видимо привлекало всеобщее вниманіе. Пенни инстинктивно потянуло туда; въ усердномъ ораторѣ она тотчасъ же узнала Шалаго Джэка. Онъ повѣствовалъ о своемъ видѣніи:

— Не смѣйтесь! Грѣхъ смѣяться надъ святыней! — восклицалъ онъ своимъ пророческимъ тономъ.—Вѣрно вамъ говорю, ангелъ Господень явился предо мной и провѣщалъ:—Вонми, о, смертный, гласу моему, и я повѣдаю тебѣ всю истину: кто ты, и гдѣ, и что тебя ожидаетъ впереди!—Я палъ ницъ передъ нимъ, но слова не шли мнѣ на уста. И ангелъ продолжалъ:—Жизнь

ваша здѣсь—возмездіе за содѣянные вами прегрѣшенія! Вы здѣсь въ аду... Въ аду! Вы не цѣнили даровъ Божіихъ; вы пренебрегали ими; вы заглушали въ себѣ все доброе, что Онъ вложилъ вамъ въ душу; вы дали надъ собою власть темнымъ силамъ, и вотъ онѣ навсегда завладѣли вами... навсегда!.. Вы были нѣкогда богаты, но впали въ бѣдность по своей винѣ; и будете все бѣднѣе и бѣднѣе! Жизнь, которую вы, несчастные, влечете—адская жизнь, а мѣсто, гдѣ вы родились и состарились—адъ кромѣшный! И впереди васъ ожидаетъ горе, непроглядное горе и нужда... Нужда! И смерть придетъ; и вы умрете въ одиночествѣ, въ отчаяніи и душевной тоскѣ! Вокругъ васъ, позади и впереди,—куда ни оглянитесь,—повсюду васъ ожидаетъ адъ, кромѣшный адъ!

Пеннилофъ стало жутко, и она, вся дрожа, проскользнула впередъ, оставляя въ дыму и толпу, и проповѣдника. Дойдя до дверей м-съ Кэнди, она постучалась; долго никто не отделился; наконецъ чей-то странный и совершенно незнакомый голосъ спросилъ ее негромко:

— Кто тамъ?

— Это я; м-съ Юэттъ,—Пеннилофъ!

— Одна?

Пенни нагнулась къ дверной скважинѣ и прислушалась:

— Кто это говоритъ со мной?—спросила она.

— Одна?—повторилъ голосъ уже совсѣмъ глухо и тихо:—

А! Ну, войдите! — и Пенни вошла, шаря впотѣмахъ съ перепугу:

— Кто тутъ? Ты, мать? Ты, Стефенъ?

Ее схватили за рукавъ, и быстро, но безъ шума, захлопнули дверь, а близко-близко надъ нею послышался шопотъ:

— Пенни! Это я, Бобъ...

Пенни тихо, радостно вскрикнула и протянула впередъ руки.

Голова Боба прильнула къ ея груди; она склонилась къ нему и, обнимая, прижалась щекой къ его лицу:

— О, Бобъ!.. Что это значить? Отчего ты впотѣмахъ?.. Бобъ, что съ тобой случилось?

— Я упалъ на улицѣ, расшибся,—задыхаясь, пролепеталъ онъ.—Все равно, бѣдѣ не поможешь... Меня заберутъ непременно... Я чувствую, что мнѣ все хуже... Пойди за докторомъ...

— Не бойся, милый!—уговаривала Пенни, цѣлуя и лаская мужа.—Нѣтъ нужды говорить доктору, кто ты таковой: никто и не узнаетъ! Только зачѣмъ ты не прислалъ за мною мать?

Явилась м-съ Кэнди—легка на поминѣ. Она захлопнула дверь и испуганно прошептала:

— Полиція пришла! Одинъ съ черной лѣстницы, а другой—съ парадной... Сейчасъ будутъ здѣсь!

— Они выслѣдили Пенни! Пенни, они шли за тобою по пятамъ!..—въ отчаяніи шепталъ Бобъ; для него это было ясно.

М-съ Кэнди чиркнула спичкой, и на мгновеніе, пока не загасъ ея слабый свѣтъ, она освѣтила блѣдныя, искаженныя лица мужа и жены.

— Зажечь вамъ свѣчку?—спросила мать.

Никто ей не отвѣтилъ, и въ тотъ же мигъ на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги. Въ дверь постучали.

— М-съ Кэнди!—крикнулъ чужой голосъ.

Всѣ трое, молча, прижались въ темнотѣ другъ въ другу.

— М-съ Кэнди, отворите! Не то мы сами выломаемъ дверь!

— Нѣтъ! Не пускайте ихъ! Не шевелитесь! — шопотомъ умоляла Пенни.

Еще минута—и еще овлиетъ, но уже другой: враткій и суровый:

— Чтò жъ, отопрете?..

Еще секунды три, четыре... И стѣны дрогнули, дверь затрещала и повисла на петляхъ. На порогѣ появился полицейскій съ фонаремъ въ рукѣ.

Все напрасно, Пеннилофъ, напрасно! Это не люди ворвались сюда,—это самъ законъ! Бороться съ нимъ вѣдь такъ же безуспѣшно, какъ бороться съ неизбѣжной смертью, когда часъ насталъ!

— Вотъ онъ!—указалъ на Боба одинъ изъ полицейскихъ.—Взять его!

— Да нѣтъ же! Я не пушу его! Онъ совсѣмъ боленъ: ему доктора надо!

— Боленъ? Вотъ оно чтò!—насмѣшливо подхватилъ слова Пенни одинъ изъ полицейскихъ.—Несите скорѣ носилки: нашъ докторъ живо тамъ его подправитъ!..

Пеннилофъ молча сидѣла на полу, поддерживая на когѣняхъ голову Боба. Но полицейскіе вернулись проворно и взяли на носилки безчувственное тѣло Боба; рядомъ съ ними у самыхъ носилокъ шла, не отставая, Пенни. На лѣстницѣ трудно было протискаться сквозь толпу любопытныхъ, которые перешептывались, толкались и шумѣли. Но громче всѣхъ кричалъ нараспѣвъ Шалый Джэкъ съ горячностью настоящаго пророка:

— Всякое дыханіе да хвалить Господа... да хвалить Господа! Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ!..

XXX.—Отецъ и мужъ.

Среди неожиданно постигшаго ее горя, Дженни хоть въ томъ находила утѣшеніе, что вспоминала привѣтливость и ласку въ обращеніи дѣда передъ смертью. Слава Богу, что онъ сошелъ въ могилу не прежде, чѣмъ она утѣшила его своимъ обѣщаніемъ исполнить его завѣтную мечту. Слава Богу, что не тогда случился съ нимъ ударъ, когда она, поддавшись своимъ малодушнымъ, обманчивымъ мечтамъ, глубоко опечалила его и даже прогнѣвила!.. Тогда она, конечно, не могла бы смотрѣть спокойно въ его мертвое, но, казалось, мирно-улыбавшееся лицо безъ укоровъ совѣсти. Пусть онъ себѣ спокойно почиваетъ: его завѣты не умрутъ въ душѣ любящей, благодарной и раскаявшейся Дженни: она будетъ стремиться соблюдать ихъ весь свой вѣкъ!..

Исполняя желаніе дочери, Джозефъ далъ знать Керквуду о смерти его друга; но другъ отозвался на это только письменно. Долго читала и перечитывала его длинное посланіе бѣдная Дженни, и спрятала, чтобы впредь прибѣгать къ нему, когда ей будетъ очень тяжело. М-ръ Персиваль зашелъ къ ней утромъ въ понедѣльникъ вмѣстѣ съ ея отцомъ; пока они толковали о дѣлахъ, Дженни сидѣла съ м-съ Біасъ. Уходя, нотариусъ спросилъ, знаетъ ли о ея горѣ ихъ общій другъ—миссъ Лантъ? Но Дженни еще не успѣла ей дать знать.

— Такъ не трудитесь: я ей напишу,—проговорилъ онъ, уходя и сочувственно заглядывая въ ея блѣдное личико.—О будущемъ—никто ни слова; а самой Дженни не до того, чтобы думать о чемъ бы то ни было, кромѣ постигшей ее утраты.

Въ пятницу, еще не успѣла она прикоснуться къ своему завтраку, по обыкновенію, только дѣлая видъ, что ѣла, какъ Бесси побѣжала кому-то отворять.

— Она говоритъ, что ее зовутъ м-съ Гриффинъ; ей надо передать вамъ что-то очень важное.

— Слышали вы, что творится у Юэттовъ?—спросила по-сѣтительница, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Нѣтъ. Я давно ужъ не была у нихъ; у меня дома...

— Вижу, вижу. Бѣдненькая, вы въ траурѣ... Жаль мнѣ васъ... охъ, какъ жаль! Ужъ и не знаю, хорошо ли въ такомъ

время приставать къ вамъ съ чужими горестями, а только... Я такъ и м-съ Пеннилофъ сказала: — сбѣгаю, говорю, къ ней, скажу... — Такъ думается мнѣ, что кромѣ васъ нѣтъ у нея больше никого... Я давно знала, что это должно случиться...

— Да чтò случилось-то? Въ чемъ дѣло? — перебила ее дѣвушка.

Силы Дженни какъ бы вдругъ къ ней возвратились: ей помощь нужна для другихъ — унывать не время!

— Ея мужъ умеръ, — приказалъ долго жить. Такъ-то, миссъ! Но не въ этомъ бѣда, а въ его безобразной жизни! — и м-съ Гриффинъ рассказала подробно все, чтò знала о продолжкахъ Боба.

Для Дженни все это было такъ неожиданно, такъ ново, такъ ужасно, что она слушала, не перебивая, пока не пришла Бесси. Тогда, специально для нея, м-съ Гриффинъ начала снова весь рассказъ, смакуя его подробности, и Дженни снова пришлось прослушать все съ самаго начала.

— Право, я не совѣтовала бы туда ходить сегодня: будетъ съ васъ и вашихъ собственныхъ тревогъ! — заявила Бесси.

— Вотъ и я то же говорю! — подхватила сердобольная рассказчица.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я непременно должна ее провѣдать, — настаивала Дженни, и дѣйствительно настояла на своемъ, попросивъ только Бесси, чтобъ она извинилась за нее передъ отцомъ, который долженъ былъ придти въ половинѣ десятаго.

— У меня больше часа впереди, — прибавила она. — Я надѣюсь во-время поспѣть: мнѣ только на минутку къ Пенни заглянуть!

Аккуратнѣйшимъ образомъ, минута въ минуту, явился м-ръ Снаудонъ, какъ сказалъ, въ 9 ч. 30 мин. утра; но Дженни еще не было.

— Ну, какъ она спала, бѣдная моя дѣвочка? — понижая голосъ до нотки участія, спросилъ нѣжный отецъ.

Бесси пригласила его въ гостиную и объяснила причину отсутствия Дженни.

— Доброе дитя, чтò и говорить! Доброе дитя! — замѣтилъ онъ, и для вящаго впечатлѣнія приподнял брови. — Но ей надо бы подумать о своемъ здоровьѣ! Сегодня мнѣ придется съ нею говорить о дѣлѣ, и, конечно, она вамъ сообщитъ все самое существенное. Вы были ей искреннимъ другомъ, м-съ Біасъ... д-да, искреннимъ и преданнымъ, какъ никто!

— Ее нельзя не любить, — подхватила Бесси. — Всякій ее полюбитъ.

— Да!... искреннимъ другомъ!—повторилъ Джозефъ.—Дѣло въ томъ,—и онъ понизилъ голосъ, выражая этимъ интимность своего сообщенія,—дѣло въ томъ, что мнѣ кажется—врядъ ли онѣ поладятъ съ м-съ Снаудонъ. Положимъ, вообще какъ-то такъ само собой выходитъ, что дѣти почему-то съ мачихой не ладятъ. Но Дженни еще такъ молода, что жить у чужихъ ей тоже не годится. У меня возникла одно время, довольно смутная, но все-таки надежда, что одинъ молодой человѣкъ... Вы знаете Керевуда?

— О, еще бы! Я, знаете, даже удивилась... Все это какъ-то таинственно и странно...—лепетала Бесси, краснѣя отъ удовольствія, что съ нею ведутъ такой интимный разговоръ.

— Совершенно вѣрно! Именно—таинственно, какъ вы изволили сказать. Я высокаго... и даже очень высокаго мнѣнія о м-рѣ Керевудѣ; но въ этомъ дѣлѣ!.. Мнѣ даже неловко съ *вами* объ этомъ говорить...—Бесси сдѣлала видъ, что она дѣйствительно такая скромница, не понимающая *неприличий*, за какую м-ру Снаудону угодно ее считать.—Да, да! Онъ женится и на такой особѣ, съ которой я, конечно, не пожелалъ бы, чтобы дочь моя вела знакомство. Кстати: вы не были знакомы съ миссъ Юэттъ?

— Нн... да... была; только давнымъ-давно.

— Ну да, ну да! Всѣ мы должны быть великодушны. Вы знаете, что она обезображена? Нѣтъ? Вамъ Дженни ничего не говорила?

И онъ ей разсказалъ исторію несчастной Клары, прибавивъ въ заключеніе:

— Конечно, Керевудъ такъ дѣйствуетъ въ силу самыхъ благородныхъ побужденій... Д-да! Такъ я началъ съ вами говорить о Дженни. Не знаю, будетъ ли это возможно, чтобы она осталась жить у васъ?

— О, я была бы такъ рада, м-ръ Снаудонъ!

— Какъ вы добры!.. Ей одной, конечно, будетъ довольно и двухъ комнатъ...

— Конечно, м-ръ Снаудонъ, конечно!

Джозефъ уже намѣревался перейти къ подробностямъ, какъ дверь отворилась—и вошла Дженни, разгорѣвшаяся отъ усиленной ходьбы и отъ волненія. Глубокій трауръ еще больше отгнѣнялъ ея нѣжныя черты и дѣтски-хрупкую фигурку. Нетвердымъ голосомъ она принялась извиняться передъ отцомъ, что запоздала.

— Не стоитъ извиняться, дорогая! Ты, какъ всегда, была

занята добрымъ дѣломъ. Прежде всего, садись и отдохни; переутомляться тоже не годится.

Бесси ласково суежилась около Дженни, снимала съ нея шляпу и кофточку, и наконецъ ушла, оставивъ отца съ дочерью наединѣ.

Джозефъ пристально смотрѣлъ на дочь, думая, что дѣйствительно искренно хвалилъ ее тогда Скауторну, и самъ былъ не прочь бы жить съ нею подъ одной кровлей... если бы не Клемъ! Онъ зналъ, что дочь его не любитъ, и, не скрываясь передъ самимъ собою, понималъ, что это вполнѣ естественно. Еслибъ только обстоятельства сложились иначе, онъ бы попробовалъ приобрести ея расположеніе... Но какъ-то она отнесется къ его словамъ?

Ему было досадно на Керквуда; и не потому, чтобы Дженни придавала цѣну деньгамъ, а потому, что поведение Сиднея сбивало съ толку его самого, Джозефа.

Конечно, съ его стороны жестоко готовить ей новый ударъ, но... Но онъ чистосердечно намѣревался ее такъ обезпечить, чтобы Дженни вѣкъ не была знакома съ нуждой... Въ душѣ Джозефъ благодарилъ судьбу, давшую ему возможность испытывать и проявлять такія благородныя чувства. Но какъ начать? Какъ приступить къ объясненію?

А, блестящая мысль!..

Онъ вынулъ изъ кармана полкроны и подалъ дочери:

— Твоей пріятельницѣ, можетъ быть, пригодится?.. Знаешь, душечка, по мѣрѣ силъ и возможности...

Дженни удивленно взглянула на него.

— Ты удивляешься? Впрочемъ, дѣдушка, можетъ быть, далъ тебѣ понять, что все его наслѣдство перейдетъ къ тебѣ... а, душечка моя?

Дженни пылливо, но продолжая молчать, смотрѣла прямо ему въ лицо.

— Конечно, я прекрасно знаю, что ты дѣвочка не изъ жадныхъ, — продолжалъ онъ. — Но все-таки, что бы ты сказала, если бы дѣдъ вдругъ передѣлалъ завѣщаніе или... или вовсе его не оставилъ? — и въ тотъ же мигъ онъ про себя подумалъ:

„Боже мой, что же это значить? На лицѣ грусть и разочарованіе. Или даже... да, положительно — глубокое огорченіе!“

— Да, да, дитя! Къ сожалѣнію, оно такъ и есть. Отецъ не оставилъ намъ своей письменной воли, и всѣ его средства перешли ко мнѣ..., т.-е., такъ оно выходитъ по закону. Ты это,

надѣюсь, понимаешь? Къ сожалѣнію, нельзя даже предположить, какое именно было его *послѣднее* желаніе...

Дженни страшно поблѣднѣла; во взглядѣ отразилось полное отчаяніе.

— Прости меня, милая!—съ искреннимъ сожалѣніемъ проговорилъ онъ. — Я и не подозревалъ, что ты такъ дорожишь деньгами...

— Отецъ, отецъ! Ну, какъ ты могъ подумать? Вѣдь эти деньги были бы не для меня...

— Но это тебѣ, очевидно, очень больно...

— О, да! Мнѣ это больно... Боже мой! какъ больно! А когда онъ разорвалъ свое первое завѣщаніе?—спохватилась она.—Говори скорѣе, когда?

— Дней за десять до смерти.

— Да, такъ и есть! Боже мой, какъ это ужасно, какъ... жестоко! А я-то думала, что онъ опять спокоенъ, опять мнѣ вѣрить, какъ бывало! Ужасно думать, что въ послѣднія минуты жизни я была для него разочарованіемъ! О, дѣдушка! О, милый!..

Джозефъ былъ пораженъ такимъ разъясненіемъ факта, сдѣлавшаго его наслѣдникомъ отцовскаго богатства; но еще больше его поразила такая горячность всегда сдержанной и молчаливой Дженни, и ему стало жаль ее.

— Послушай, милая! Ты не дала мнѣ кончить...

— Онъ что-нибудь вамъ говорилъ?—вдругъ встрепенулась Дженни.

— Нѣтъ... не то! Я только хочу сказать, что если бы онъ пересталъ вѣрить тебѣ, онъ непремѣнно высказалъ бы это. Наконецъ, наканунѣ своей смерти онъ написалъ м-ру Персивалю, что въ понедѣльникъ зайдетъ писать новое завѣщаніе. Ну, вотъ тебѣ! Довольна? Поняла, наконецъ, что это была чистая случайность? Онъ просто не успѣлъ исполнить своего желанія, вотъ и все!

Положимъ, это съ его стороны была уступка, но нельзя сказать, чтобы она ему досталась тяжело: съ каждой минутой передъ нимъ раскрывались нравственные совершенства Дженни, и, добавокъ, она сама какъ бы сглаживала дорогу для его дальнѣйшихъ замысловъ...

— Мало того! Я твердо помню, что въ тотъ день, какъ мы съ нимъ видѣлись въ послѣдній разъ... Постой, постой: да, именно въ пятницу... или нѣтъ, въ четвергъ... Ну, впрочемъ, все равно!—онъ говорилъ мнѣ, что цѣнить тебя больше, чѣмъ когда-либо...

Грустное личико дѣвушки просіяло; глаза заблестѣли слезою слезы.

— Теперь ты поняла, какъ было дѣло? Ну, а затѣмъ, покончивъ съ прошлымъ, приступимъ къ настоящему. Я почти увѣренъ, что ты и сама до совершеннѣйшаго не пожелаешь бы управлять своими денежными дѣлами? Да, совершенно вѣрно: вѣдь и твой дѣдушка этого не желалъ. Какъ бы тебѣ хотѣлось: жить съ моею женой или лучше остаться съ нашимъ добрымъ другомъ, м-съ Біасъ? Вижу, по лицу вижу твой отвѣтъ. Прекрасно; я и самъ такъ думалъ! Теперь, положимъ, что ты будешь получать два фунта въ недѣлю; будетъ ли тебѣ хватать? Въ этомъ весь вопросъ.

Дженни молча соображала, много ли она будетъ въ состояніи удѣлять изъ этой суммы для другихъ?..

— Что? Маловато? Но подумай...

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Вполнѣ довольно.

— Ну, хорошо!.. Понятно—это только на время. Мнѣ надобно еще обдумать желанія твоего дѣда... И, можетъ быть, мнѣ временно придется по дѣламъ уѣхать, такъ вотъ я и хотѣлъ съ тобою переговорить.—Совсѣмъ не подѣ стать его траурному костюму былъ его довольный видъ и оживленный голосъ. Онъ видимо заспѣшилъ прощаться.

— Ну, смотри же, будь умница... Видишь, я говорю какъ съ маленькой?.. Да ты вѣдь и есть маленькая моя, совсѣмъ еще дитя! Утѣшься: не сердился на тебя, умирая, твой старый дѣдъ. А чтобы ты пока не знала ни о чемъ заботы, это ужъ мое дѣло подумать... до поры до времени. А пока будь здорова, дорогая! До свиданія!

Онъ чмокнулъ ее въ щеку, торопливо оглянувшись вокругъ и съ какой-то странной, излишней поспѣшностью вышелъ вонъ.

Послѣ его ухода, долго и задушевно лилась бесѣда Дженни и Бесся: поминали онѣ и о прошломъ, но больше строили планы на будущее. Въ тотъ же день, осиротѣвшаго своего друга навѣстила добрая миссъ Лантъ, и Дженни, средства которой стали такъ неожиданно-ограниченны, тѣмъ болѣе рада была тому участию, которое та приняла въ бѣдной Пенни.

Ей помогли устроиться вмѣстѣ съ одной вдовой, такой же бѣдной, какъ и она сама; у той было четверо маленькихъ дѣтей, и она только тѣмъ кормилась, что продавала на ларькѣ готовое простенькое платьице для дѣтей. Между тѣмъ, дома некому было присмотрѣть за ея мелюзгой. Теперь, когда съ нею въ компанію вошла Пеннилофъ, работавшая дома, на ихъ общей квартирѣ,

за четверыми дѣтьми м-съ Тодъ и за ея собственнымъ были все-таки „глаза“. Мебель и кушанье, и помѣщеніе, все у нихъ было сообща, и бѣдныхъ вдовъ замѣтно ободряла въ будущемъ надежда кое-какъ перебиться.

Между тѣмъ, и въ обстоятельствахъ самой Дженни тоже произошла нѣкоторая пережѣна. Недѣли двѣ спустя послѣ памятнаго объясненія Джозефа съ дочерью, Дженни получила отъ него письмо изъ Ливерпуля, но безъ указанія адреса. Онъ писалъ, что дѣла, на которыя онъ тогда ей намекалъ, отозвали его изъ Лондона и, въ величайшему его огорченію, даже не дали ему проститься съ дочерью.

„Надѣюсь, что и ты со временемъ напишешь мнѣ о себѣ; а теперь я собираюсь, пока не вернусь, все-таки давать тебѣ вѣсточки. Мой агентъ будетъ препровождать тебѣ обычные два фунта по субботамъ, а по полученіи ихъ, я прошу тебя каждый разъ давать знать объ этомъ по нижеслѣдующему адресу: М-ру Г. Джонсу. А пока—будь умница, живи себѣ у твоего добраго друга, м-съ Біасъ, и положиись во всемъ на любящаго тебя твоего отца—Дж. Снаудона.

Въ то же утро и съ тою же почтой пришло изъ Ливерпуля письмо къ м-съ Клементинѣ Снаудонъ. Начиналось оно такъ:

„Клемъ, дружище! Я очень сожалѣю, что дѣла оторвали меня отъ гостепріимнаго домашняго очага. Тѣмъ болѣе это досадно, что случилось какъ разъ въ то время, когда обстоятельства могли помочь намъ обратить нашу жизнь въ непрерывное блаженство. Увы! ему не суждено осуществиться! Не огорчайся, пожалуйста, не огорчайся и, главное, не ломай мебели въ-сердцахъ, потому что, къ сожалѣнію, твои доходы впредь будутъ крайне ограниченны. Ты, конечно, не забыла, что я у тебя въ долгу за одну исторію, случившуюся въ Кларкенуэлѣ не особенно давно; такъ прими же, пожалуйста, это предупрежденіе въ качествѣ уплаты за долгъ. Какъ только мнѣ удастся устроиться здѣсь основательно,—я, конечно, тотчасъ же пришлою за тобою; но весьма возможно, что до этой блаженной минуты пройдетъ еще не мало времени. А до тѣхъ поръ попроси мать свою снабдить тебя деньгами: я даю ей на это полное право. Призывая на тебя всяческія благословенія, желаю тебѣ быть здоровой и счастливой, и со слезами остаюсь твой, разбитый душою, благовѣрный“.

XXXI.—Разоблаченія.

Отсутствіе Джозефа изъ дому цѣлую ночь наканунѣ, казалось, могло бы подготовить Клемъ къ чему-то необычному. Но онъ до того ловко велъ свою игру, что ничего подозрительнаго ей не бросилось въ глаза, если не считать усиленной и какой-то особенно радостной привѣтливости въ его обращеніи съ нею.

Кромѣ этого сюрприза, ей много пришлось пережить или даже перечувствовать за послѣднее время. Изъ газетъ она узнала объ арестѣ Боба, и гдѣ только не побывала, разыскивая его! Ее столько же волновала его судьба, сколько и результатъ ихъ общаго смѣлаго замысла убить Джозефа. Всѣ подробности у нихъ были условлены; дѣло стало только за выполненіемъ. Только бы скорѣй, скорѣй избавиться отъ ненавистнаго Джозефа,—избавиться во что бы то ни стало! Пеннилофъ съ рукъ не трудно сбить, а тамъ и свадьба... свадьба съ Бобомъ!..

Такъ необузданно мечтала Клемъ, и не задумывалась, уничтожая всѣ преграды, которыя мѣшали тому, что ей казалось высшимъ счастьемъ. Давно ей не случалось плакать, но она горячо рыдала, когда ей пришлось убѣдиться, что ея Боба нѣтъ въ живыхъ. Она заперлась въ своей комнатѣ и плакала, и стонала, визжа, какъ раненный звѣрь. Отъ Джозефа не укрылось ея странное состояніе, и онъ позволялъ себѣ подшучивать надъ нею, не подозрѣвая, какія страсти разжигаетъ въ ея грубой, озлобленной душѣ. Ему и въ голову не приходило, что Клемъ въ разговорѣ и въ газетахъ жадно накидывается на каждый намекъ объ отравленіяхъ и о дѣйствіи ядовъ, который ей удавалось разыскать въ газетахъ. И, конечно, Джозефъ прекрасно сдѣлалъ, что поторопился уѣхать: слишкомъ у нея много накопилось противъ него желчи и ненависти.

Клемъ пошла присутствовать на дѣлѣ Джэка, и все время мысленно давала себѣ клятву непременно ему отомстить за Боба, хотя бы ей пришлось прожить для этого сто лѣтъ! Письмо мужа переполнило чашу ея горечи и разочарованій. Вѣдь таки-успѣлъ удрать, мошенникъ, но съ туго набитою мошною на придачу! Свѣтъ еще не производилъ такихъ ругательствъ, какія она изрыгала на своего невѣрнаго супруга и повелителя.

Не теряя больше ни минуты, она помчалась прямо къ м-съ Пеквоверъ. Въ карманѣ у нея, по счастью, еще оставалось нѣсколько шиллинговъ, и она взяла извозчика. Его тощая лоша-денка съ трудомъ поднималась вверхъ по пентовильской дорогѣ,

но Клемъ, не унывая, усаждала спину злополучнаго возницы здоровѣйшими пинками, приговаривая въ тактъ:

— Да бей же ее, бей!..

Когда экипажъ наконецъ остановился передъ крыльцомъ ея маменьки, Клемъ такъ же обильно обливалась потомъ, какъ и ея злополучная кляча.

М-съ Пекковеръ сидѣла за завтракомъ—одна-одинешенька.

— На-те, читайте! Да читайте же, когда вамъ говорятъ!—крикнула на нее дочь, и сунула ей прямо подъ-носъ зловѣщее посланіе.

— Ну, ты, собака бѣшеная! Точно съ цѣпи сорвалась!—осадила ее мать.—Что тебѣ попритчилось?

— Нѣтъ, вы прочтите-ка, прочтите!—неистово вопила красавица.—Можете, кажется, полюбоваться:—вашихъ рукъ дѣло! Д-да!

Почти испуганная, м-съ Пекковеръ вышла изъ-за стола и принялась разбирать письмо зятя.

— А, такъ вотъ онъ какъ? Дать, значитъ, тягу; а? Ну, что я тебѣ говорила?.. Не смѣть ругаться! А не то я тебя сама ругну, да такъ, что своихъ не узнаешь! Ха-ха-ха! Молодецъ, право молодецъ! А что я тебѣ говорила, что? А, ты не хотѣла обработать *по-моему*? Такъ, вотъ, попробуй-ка укусить локоты! Что? Небось не укусишь? Ха-ха-ха! Такъ тебѣ и надо: подѣломъ тебѣ! Умирать буду, все равно скажу, что подѣломъ! Жалости отъ меня не дождешься; и не рассчитывай, голубушка!

— Мать! Заткни глотку, а не то я тебѣ сверну на сторону твою безобразную старую морду! А что онъ пишетъ-то, что пишетъ? Чтобы ты мнѣ выдавала на содержаніе; ну, поняла? И я тебя заставлю, вотъ увидишь! Ты меня хочешь поднадуть,—но берегись: это вѣдь письменное доказательство, и я его предъявлю на судъ!

Несмотря на свое возбужденіе, она была еще настолько хладнокровна, что могла кое-что сообразить, и потому остановилась на этой уловкѣ, какъ на самой дѣйствительной и самой подходящей.

— Дура набитая!—крикнула на дочь м-съ Пекковеръ.—Да знаешь ли ты, что значитъ со мной тягаться? Я вѣдь тебѣ въ руки не дамся: ни полущки съ меня ты не стянешь,—вотъ что! А сама—поди-ка, сунься, заработай! Теперь на моей улицѣ праздники, а ты поди-ка, отвѣдай счастья, повози на себѣ воды, какъ лоховая лошадь!

— Вотъ еще! Я напущу на него полицію!

— Полицію? Это не законъ, чтобы ей впутываться въ семейныя дѣла.

— А это законъ, чтобы мужъ бросалъ и морилъ съ голоду свою жену? Онъ обязанъ меня содержать.

— Конечно, обязанъ... если ты не попадешь въ исправительный домъ или не сядешь на шею обществу. Да, да! Ты такъ и сдѣлай. То-то сердце мое возрадуется, что тебя туда спровадятъ, какъ воровку-жену нашего тряпичника...

— Врешь! Врешь!—кричала Клемъ.—Пока дойдетъ до этого, я еще съумѣю заставить тебя содержать меня!

Кричали онѣ обѣ, и еще, еще кричали, пока Клемъ не спохватилась, что есть мѣсто, гдѣ она могла бы излить остатки уже вылившейся желчи. Чуть не бѣгомъ бросилась она на улицу и сломя голову понеслась впередъ, никого и ничего не видя.

Со всего размаха дернула она за ручку звонка и спросила перепуганную Бесси:

— Мнѣ надо видѣть Дженни Снаудонъ!

— Вотъ какъ?—не безъ ироніи возразила та.—Мнѣ кажется, вы все-таки могли бы быть немножко повѣжливѣе?..

— А! васъ-то мнѣ и надо! Пожалуйте сюда! Да шевелитесь поживѣе!—крикнула Клемъ, завидя Дженни наверху лѣстницы.

Тотъ же страхъ, который она, еще ребенкомъ, испытывала передъ красавицей Клементиной, охватилъ душу молодой дѣвушки; но Бесси уже вступилась за нее и за честь „своего дома“.

— М-съ Снаудонъ!—рѣшительно объявила она.—Не знаю, какое у васъ дѣло до нея, но если вы не умѣете вести себя иначе, прошу васъ не нарушать покой моего дома! Потрудитесь выйти вонъ!.. Пожалуйте!

— Вотъ еще! Конечно, не пожалую! Сначала выскажу вамъ все, что нужно. Давно ты видѣла отца?—сурово обратилась она къ Дженни.

— Отца?—въ смущеніи запнулась дѣвушка.—Я ужъ его недѣли двѣ не вижу...

— Не видишь, да? Ахъ ты лгунья! Была ты и осталась лгуньей, какъ въ то время, когда еще мыла и отпирала у насъ кухонныя двери. Помнишь, какъ ты, бывало, засыпала въ той же кухнѣ подъ столомъ? Хорошій, тоже, человекъ твой батюшка, нечего сказать! Тогда онъ бѣжалъ и бросилъ на произволъ судьбы твою родную мать; на этотъ разъ—сорвался! Я ему отомщу; я напущу на него полицейскихъ. Такъ и тебя онъ бросилъ на произволъ судьбы? А, что? Да говори же!

М-съ Біасъ и Дженни поглядывали одна на другую, догады-

ваясь о причинѣ ея негодованія; но Клемъ поняла такъ, что и Дженни была жертвою его обмана.

— Ага!—подхватила она.—Какъ тебѣ это нравится? скажи-ка, врунья! Небось, ты ужъ воображала, что вотъ-то разбогатишь, а сама... Ну, съ чѣмъ ты теперь осталась? Можешь опять работать,—невелика бѣда! А какъ тебѣ понравится, что онъ продѣлывалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда распозналъ про богатство дѣда? Какъ тебѣ понравится, что онъ все придумалъ и подстроилъ, чтобы только разлучить тебя съ этимъ,—какъ его?—Кервудомъ? Хочешь, я расскажу тебѣ, что онъ стаивался съ моею прелестной маменькой, придумывая средство оттягать отъ тебя деньги? Ты думала, что онъ такъ ужъ непременно и полился къ тебѣ, какъ вода, прямо въ руки? Хочешь, вмѣстѣ пойдемъ въ полицію подать явку? Да хорошенько, смотри, описать наружность своего нѣжнаго папаша! Погоди, голубушка: я тебѣ еще отомщу! А впрочемъ,—совѣтую быть на сторожѣ: я непременно ужъ проникую, не получаешь ли ты отъ него какихъ подачекъ. Смотри же, берегись!

— Нѣтъ, вы-то сами берегитесь! — крикнула на нее, расхрабрившись, Бесси.—Да убирайтесь вонъ!.. Вонъ изъ моего дома! Сара, позови полицейскихъ!.. Слышишь: сію же минуту!

Но Клемъ главное уже успѣла совершить: она только ругнулась непечатными словами, на прощанье и съ шумомъ захлопнула за собою дверь.

— А жалъ, и какъ жалъ, что Самъ не дома! Онъ бы ее пробралъ!.. Жалъ, что его нѣтъ!—не унимаясь, горячилась Бесси.

Дженни, тѣмъ временемъ, сидѣла на лѣстницѣ на ступенькахъ и въ ужасѣ затыкала себѣ уши, чтобы не слышать ненавистнаго голоса, который переносилъ ее въ мучительные, безотрадныя годы дѣтства. О, Боже, неужели никогда и никуда она отъ нихъ не убѣжитъ?

— Дженни! голубушка! Куда вы дѣвались?—окликаетъ ее радужный голосъ Бесси, и Дженни становится какъ будто бы бодрѣе.

— О, м-съ Біасъ! Никогда я не возьму отъ него ни пенни!—горячо начинаетъ она.—Я буду опять, по прежнему, ходить на работу. И слава Богу, что еще могу работать...

— Полноте! Ну, охота вамъ слушать дуру-бабу? Мало чѣмъ она вздумаетъ грозить... да ничего не сдѣлаетъ, повѣрьте!

— О, нѣтъ, я не боюсь, я только... Понимаете, м-съ Біасъ: правду ли, нѣтъ ли, она говорила, все равно,—я больше не пе-

ремѣнью своего рѣшенія; а жить на *это*, на *ею* деньги, я ни за что не буду! Не просите!

Какъ ни любила Бесси свою Дженъ, но при ея матеріальныхъ обстоятельствахъ большимъ подспорьемъ были опредѣленные получки молодой дѣвушки, и прекращеніе ихъ отозвалось бы тяжело на ея бюджетъ. Но Дженни и сама уже почувала необходимость „денежныхъ“ объясненій.

— М-съ Біасъ, нельзя ли мнѣ занять вмѣсто двухъ только одну комнату? Знаете, ту, которую я прежде занимала наверху? Мнѣ такъ чудесно, такъ счастливо у васъ жилось, что я бы не хотѣла съ вами разставаться; но вотъ вопросъ: я вѣдь не могу рассчитывать на большіе доходы; такъ, можетъ быть, я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезна? Если вамъ трудно платить Сарѣ, я могу все равно быть для васъ какъ слуга... вмѣсто нея.

— Нѣтъ, вы попробуйте мнѣ только зайкнуться, что хотите отъ меня уѣхать!—вспылила искренно добродушная Бесси.—Постойте-ка, вотъ объ этомъ я ужъ скажу Саму!

Дженни ушла къ себѣ, и во всемъ домѣ водворилась тишина. Да! Еще большое счастье, что можно имѣть работу, и не приходится придумывать, что дѣлать съ избыткомъ средствъ! Одѣвается Дженни просто; лѣниться она не привыкла; трудъ ей не страшенъ, а руки ловки и проворны...

Вернувшись домой, въ свою каморку, въ первый же день своей новой жизни, она присѣла отдохнуть и собраться съ мыслями, пока Бесси не позвала ее ужинать. И первой ея мыслью было:

„Вотъ и онъ въ эту минуту возвращается съ работы!.. Почему же мнѣ жизнь должна даваться легче, чѣмъ ему?“

XXXII.—Два поколѣнія.

Если взглянуть на карту Лондона,—на ней вамъ бросится въ глаза большое пятно въ видѣ размазанной кляксы: это кварталъ такъ называемаго Краучъ-Энда. Пройдетъ еще десятокъ лѣтъ—и это пятно замѣтно расплывется; но пока оно сохраняетъ отпечатокъ пригорода, какимъ было еще такъ недавно. Улицы и дома поражаютъ своей новизной; кирпичныя постройки еще не потеряли своего яркаго цвѣта; штукатурка еще не успѣла потемнѣть и отвалиться; голъ и нищета людскія прячутся за новенькія нарядныя рамы полукруглыхъ оконъ, пока тлетворное дыханіе времени не разрушитъ ихъ настолько, чтобы ихъ убогія лохмотья не могла больше скрасить внѣшняя привлекательность

новенькихъ жилищъ. Эти послѣднія подводятся здѣсь подъ одинъ общій типъ, который въ объявленіяхъ пользуется цвѣтистымъ наименованіемъ „виллы“; а по-просту—это одноэтажные домишки, сложенные довольно незатѣйливо изъ бѣлаго кирпича, который имѣлъ претензію казаться гранитомъ. Передъ каждымъ домикомъ былъ разбитъ палисадникъ съ желѣзною калиткой, которая никогда не запиралась на свою задвижку и немилосердно скрипѣла, когда ее отворяли. Дверь входная также скрипѣла и визжала, когда ее отпирали, но и это доставалось не легко; а когда удавалось рвануть ее изъ всей мочи, то и она, и стѣны такъ дрожали, что ясно было, до чего непрочны онѣ сложены. Стѣны, полы и потолки не могли защитить ни отъ дождя, ни отъ сырости. Къ чему бы вы ни прикоснулись,—все оказывается жалкой поддѣлкой, рассчитанною на обманъ зрѣнія.

Въ кухнѣ одного изъ такихъ домовъ, въ одну прекрасную субботу за обѣденнымъ столомъ сидѣли двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Одной изъ нихъ было уже четырнадцать лѣтъ, другой—дѣвнадцать; мальчикъ былъ на годъ моложе. Одѣты они были всѣ прилично, но чрезвычайно бѣдно; одного взгляда на нихъ было довольно, чтобы убѣдиться, до чего въ этомъ домѣ сильна необходимость считать каждый грошъ. Вокругъ все имѣло неприбранный, небрежный видъ; столъ былъ накрытъ нехорошо, а на столѣ—и того хуже. Все кушанье состояло изъ послѣдняго сорта мяса, хлѣба и отварного картофеля „въ мундирѣ“.

— Нѣтъ! Не могу ѣсть эту тухлятину!—воскликнулъ мальчикъ, и съ отвращеніемъ отпихнулъ отъ себя тарелку, въ послѣдній разъ тщетно царапнувъ ножомъ по кости.—Я хочу хлѣба съ сыромъ. Анни, выволакивай свой сыръ на свѣтъ Божій!

— Ни за что!—возразила за нее старшая сестра скрипучимъ и непріятно-надломленнымъ голосомъ.—Или ѣшь то, что тебѣ подаютъ, или оставайся безъ обѣда!

И вся наружность Эми была такъ же непривлекательна, какъ ея голосъ. Лицо у нея было исхудалое, движенія нетерпѣливыя, порывистыя и неровныя; губы какъ-то враждебно поджаты, а глаза исподлобья бѣгали, не то озлобленно, не то трусливо.

— Я *хочу* и *буду* ѣсть сыръ!—кричалъ мальчишка, и еще задорнѣе, еще непріятнѣе казалась его подбитая рожица, которой подстать была запыленная, засаленная куртка и косматые волосы, торчащіе какъ неровная щетка.

— Заткни глотку, Томъ! И вѣчно ты первый зачинщикъ!—остановила его младшая изъ сестеръ. Она сама никогда не шумѣла и вообще была похожа на больную или выздоравливаю-

щую.—И наконецъ, тебѣ, все равно, сыру не дадутъ: не полагается! Его остался маленькій кусочекъ, и Сидней сказалъ, что съѣсть его сегодня за обѣдомъ.

— Еще бы! Вотъ эгоистъ!.. Скотина!

— Эгоистъ?! Эми, послушай-ка, что онъ говорить! Вѣдь Сидней такъ сказалъ нарочно для того, чтобы намъ же оставить побольше остального.

Эми промолчала и усердно соскабливала мясо съ голой кости.

— Сперва надо отложить отцу,—начала снова Анни, подставляя тарелку.

— Къ чорту отца! Подай мнѣ сейчасъ первый кусокъ! Подай, говорятъ тебѣ, а не то... я голову тебѣ размозжу! — кричалъ онъ, вырывая у Анни тарелку; но Эми подоспѣла къ сестрѣ на выручку и ударила его рукояткой ножа по рукѣ.

Это было сигналомъ къ настоящей рукопашной, во время которой ужъ, конечно, никто не стѣснялся. Дрались чѣмъ ни попало, руками, вилками; даже швабра, въ порывѣ гнѣва, полетѣла прямо въ голову Эми; но ударъ пришелся мимо, и пострадала только оконная рама: стекло разлетѣлось въ дребезги.

— Этого только не хватало!—воскликнула Анни, заливаясь слезами.—Что-то скажетъ отецъ,—посмотримъ!

— На его мѣстѣ, я бы къ чему-нибудь тебя покрѣпче привязала, да и драла бы, и драла бы,—до того, что ты бы потерялъ сознание... Гадина ты этакая! — вырвалось у Эми тихимъ голосомъ, полнымъ страстнаго гнѣва. И, конечно, за этимъ дѣломъ бы не стало, еслибы на порогъ не появился самъ отецъ.

За послѣдніе два съ половиной года отъ Джона осталась только тѣнь, да и въ той никто бы не призналъ прежняго проповѣдника равенства и свободы. Онъ постарѣлъ, осунулся и оплѣшивѣлъ; кожа на его изсохшей шеѣ висѣла складками; борода порѣдѣла и вылѣзла; онъ горбился, какъ старикъ, но работалъ черную, не-стариковскую работу: это было замѣтно по его грязнымъ, огрубѣлымъ рукамъ. Платье на немъ было сильно поношенное и въ заплаткахъ. Онъ вошелъ неровной, усталой походкой; въ глаза ему бросились боровшіяся дѣти, и на лицѣ его отразился гнѣвъ. Напрягая послѣднія силы, онъ прикрикнулъ на нихъ, приказывая перестать.

— Это все Томъ зачинщикъ!—пропищала Анни:—отъ него житья нѣтъ!

Но Джонъ уже замѣтилъ разбитую раму, и еще больше нахмурился.

— А это кто сдѣлалъ? — спросилъ онъ, но отвѣта не послѣдовало.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, кто за стекло заплатитъ? — продолжалъ отецъ. — Мало съ васъ, что васъ кормятъ! Вамъ еще надо тянуть съ человѣка на разные „непредвидѣнные“ расходы! А откуда прикажете достать на это денегъ, позвольте васъ спросить?

— Да, мнѣ надо еще кое о чемъ поговорить вотъ съ вами, сударыня моя! — спохватился онъ, обращаясь къ Эми: — почему вы не были сегодня на работѣ?

Эми не смѣла глазъ поднять на отца; на ея блѣдномъ лицѣ дрогнуло выраженіе испуга, но лишь на мигъ. Она мгновенно подтянулась и дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ отвѣтила на взглядъ отца.

— Почему не пошла ты на работу? Гдѣ деньги за прошлую недѣлю?

— У меня ихъ нѣтъ.

— Какъ такъ нѣтъ? Это еще почему?

Эми упорно молчала; но Юэттъ продолжалъ ее донимать, и донялъ до того, что она, наконецъ, во всемъ созналась.

Какъ ему сообщилъ знакомый, по дорогѣ домой, Эми дѣйствительно бродила по городу въ такое время дня, когда должна бы еще быть на работѣ. И это повторялось вотъ ужъ четвертый день. Видя, что вывернуться невозможно, Эми призналась, что ей отказали за дурное поведеніе, но что деньги она всѣ истратила за это время.

Отецъ, ничего не возражая на это признаніе, обратился къ младшей дочери съ вопросомъ: — гдѣ Клара?

— У нея опять разболѣлась голова, — дрожа, отвѣчала дѣвочка, и Джонъ вышелъ изъ комнаты.

Бѣдняга ужъ давно лишился своего мѣста въ „фильтровой“ мастерской.

Уѣзжая изъ Англіи, Джозефъ взялъ свою долю въ товариществѣ Лэкъ, Снаудонъ и К^о, а Юэтту далъ знать, что за смертью его отца, выдача пяти шиллинговъ въ недѣлю, которые помогали ему существовать, будетъ прекращена. Это была значительная потеря; положимъ, Сидней взялъ на себя поддержку всей семьи, но у него могли быть и свои дѣти, которые въ свою очередь потребуютъ его заботъ; и вообще, какъ-то стыдно было сѣсть ему на шею, благодаря его безграничной добротѣ.

Однако, этотъ стыдъ пришлось откинуть въ сторону, когда приступъ ревматизма на два мѣсяца приковалъ Джона къ по-

стели, и онъ только на третій сталъ понемногу оживать. Какъ только стало очевидно, что Джонъ не въ состояніи самъ своимъ трудомъ содержать свою семью, Сидней прислалъ себѣ квартиру подешевле и всѣхъ вмѣстѣ перевезъ туда. Здоровье Клары было вообще непрочное, но все-таки она сначала еще поговаривала о своемъ желаніи брать работу на домъ; однако, рожденіе ребенка положило конецъ и этимъ разговорамъ. Эми тогда кончала ученье и вскорѣ пошла на работу; для начала, ей платили по три шиллинга въ недѣлю.

Но Джонъ Юэттъ, все-таки, не хотѣлъ быть въ тягость своему семейству; и вынужденное бездѣйствіе, вдобавокъ, его тяготило. Съ отчаянія онъ хватался за всякую работишку, казая ему ни попадалась; сердце болѣло, глядя на него, съ какою озлобленной радостью относился онъ къ своей „удачѣ“, когда ему случалось заработать одинъ или два шиллинга. Въ настоящее время онъ былъ занятъ малярной работой: онъ бѣлилъ погреба въ Ньюингтонѣ.

Минуть черезъ пять Джонъ вернулся къ дѣтямъ.

— Почему ты намъ давно объ этомъ не сказала?—обратился онъ опять къ Эми дрожащимъ голосомъ, глядя ей въ глаза своимъ взглядомъ, полнымъ горя и страданія.

— Не знаю!—угрюмо отвѣчала та.

— Ты гадкая дѣвчонка! Эгоистка!—снова вспыхнулъ онъ:—неужели нѣтъ въ тебѣ ни разума, ни жалости, ни чувства порядочности? Чтò ты затѣяла и въ какое время? Нѣтъ, ты мнѣ скажи: понимаешь ли, въ какое время? Какъ разъ, когда ты начинаешь зарабатывать чуть-чуть побольше и могла бы доказать, что чувствуешь признательность къ тѣмъ, кто помогъ тебѣ хоть чему-нибудь научиться! Кто на тебя работалъ, когда ты ходила въ школу? Кто заботился, чтобы вы были всегда сыты и одѣты? Кому ты всѣмъ обязана? Ну-ка, скажи, скажи!

Эми притворялась, что не слушаетъ его, и некрасиво шевелила челюстью и губами, дѣлая видъ, что усердно жуетъ и больше ни на что не обращаетъ вниманія.

— Тысячу разъ вамъ надо повторять, что Сидней — нашъ благодѣтель! Что каждый грошъ, который онъ на васъ истратитъ—несказанная милость и великодушіе съ его стороны? Тысячу разъ я долженъ вамъ напоминать, что еслибы не онъ—вамъ бы пришлось по міру идти, или жить въ домѣ общественнаго призрѣнія! А вы живете такъ, какъ будто васъ это не касается и вамъ ни до чего дѣла нѣтъ! Ну, еще Анни или Томъ,—я понимаю, имъ меньше можно было бы поставить въ строку такое

поведеніе: они моложе и глупѣе! Но ты!.. Ты—большая дѣвчонка! Мнѣ стыдно, что я—твой отецъ! Мало того, ты даже не умѣешь сдерживать себя и обходиться вѣжливо съ твоей сестрою Кларой... Съ той самой Кларой, у которой ты недостойна быть на побѣгушкахъ!

— Клара—змѣя! это она все наговариваетъ вамъ на насъ, — съ полнымъ самообладаніемъ возразилъ Томъ.

— А вотъ, возьму-ка я да раскрою тебѣ черепъ, мозгляку! — не помня себя отъ бѣшенства, крикнулъ на него отецъ. — Всѣ-то вы, щенята, не стоите чести жить съ ней подъ одной кровлей!

— Отецъ! Да чѣмъ же я-то виновата? — взвизгнула Анни, обиженная, что и ей досталось за-одно съ другими.

— На этотъ разъ, ничѣмъ, конечно! Но вообще и ты могла бы меньше огорчать сестру. Эми! Я, кажется, съ тобою говорю? Ты понимаешь ли, что тебѣ должно быть стыдно прямо въ глаза смотрѣть Сиднею? Еслибы у васъ не было, волею судьбы, такого брата, куда бы вы дѣвались? Кто бы васъ обулъ, одѣлъ?!

Между дѣтми обезпеченныхъ людей и бѣдняковъ въ этомъ и состоитъ, конечно, главное различіе: первымъ нѣтъ никакой заботы о томъ, откуда все берется, и они не задумываются надъ вопросомъ о хлѣбѣ насущномъ; тогда какъ ребенокъ бѣдняка знаетъ и цѣну, и употребленіе каждаго гроша; знаетъ также, что его ожидаетъ и чего онъ лишится, не имѣя этой самой презрѣнной монеты.

Со стороны Джона Юэтта было бы даже преступленіемъ скрывать отъ дѣтей горькія стороны житейскихъ невзгодъ, и онъ былъ правъ, напрягая всѣ свои слабыя силы къ тому, чтобы заставить ихъ проникнуться его словами.

Усиленное возбужденіе тотчасъ же тяжело отозвалось на немъ; онъ вынужденъ былъ сѣсть на первый попавшійся стулъ: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, его лицо вдругъ еще больше осунулось. Но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ силъ физическихъ падали силы и умственные; суживался кругъ интересовъ, мельчали заветныя мечты. Джонъ Юэттъ былъ теперь даже не тотъ, что въ зрѣлыя годы, когда горячо лилась его обличительная рѣчь передъ многочисленнымъ собраніемъ Кларкенуэль-Грина. Тогда онъ еще былъ способенъ возмущаться; у него еще хватало силъ на горячія филиппики, которыми онъ громилъ существующіе порядки и увлекалъ за собою слушателей. Тогда для нихъ былъ настоящій праздникъ, если они узнавали, что Джонъ Юэттъ намѣренъ говорить. Теперь, если ему когда и случалось тряхнуть стариной и заговорить о благѣ народа, его горячность была какая-то болѣзненная,

какъ бы искусственно-подогрѣтая случайнымъ одушевленіемъ; бѣдняга заикался, путался, говорилъ сбивчиво всякія нелѣпости. Изъ житейской борьбы онъ вышелъ побѣжденнымъ, что впрочемъ и является удѣломъ всѣхъ, ему подобныхъ; теперь его хватало только на то, чтобы принимать къ сердцу будничные интересы своего жалкаго, безрадостнаго домашняго очага. Чего-либо большаго не могъ осилить его умъ, утомленный нуждою и заботами.

— Садись-ка, отецъ, да пообѣдай!—предложила Анни послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не нуждаюсь въ обѣдѣ, который украденъ!.. А что будетъ за обѣдомъ для Сиднея?

— Онъ сказалъ, что съ него довольно хлѣба съ сыромъ. Смотри, вотъ для тебя кусочекъ мяса...

— Отложи его Сиднею, а мнѣ дай ломоть хлѣба. И чтобъ ему ни словомъ не намекать объ этомъ!

Анни послушалась; и, стоя у камина, Джонъ не спѣша сѣлъ свой ломоть, запивая его водою. Минутами онъ какъ бы начиналъ дремать и утомленно опускалъ голову на грудь, закрывая глаза; но тотчасъ же приходилъ въ себя. Его умственное утомленіе было такъ велико, что физическаго онъ почти не чувствовалъ. Вниманіе Джона вдругъ привлекъ скрипъ калитки, которую отворялъ Сидней. Онъ подождалъ, пока калитка вторично заскрипѣла, а задвижка стукнула, и крикнулъ ему:

— Сидней!.. Подите-ка сюда на пару словъ!

Лицо Керквуда, озаренное привѣтливой улыбкой, было однако безмолвнымъ доказательствомъ того, какія тревоги ему пришлось и все еще непрерывно приходится переживать. Онъ могъ скрывать свое душевное состояніе, могъ заставить себя улыбаться; но не могъ скрыть сѣрвовой блѣдности въ лицѣ, втянутыхъ щекъ и множества морщинъ и морщинокъ, оставленныхъ бессонными ночами и будничной, гнетущею тревогой. Обычное выраженіе его лица было сосредоточенное, угрюмое; видно было, что этотъ человѣкъ много молчитъ и много думаетъ. Зато, когда это молчаливое лицо озарялось свѣтлою улыбкой, оно было тѣмъ привлекательнѣе, что Сидней, казалось, въ эту краткую минуту вполне отдыхалъ душою и отдавался отраднымъ мыслямъ или мимолетному веселью. Въ одеждѣ онъ сдѣлался довольно неряшливъ и его поношенное платье сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ.

— Клара наверху?—спросилъ онъ тестя.

— Да, она лежитъ. Мэй все утро не давала ей покою; но

я не объ этомъ хотѣлъ съ вами говорить...—и онъ разсказаль ему про исторію съ Эми.

Говоря про своихъ, онъ всегда какъ бы стыдился Сиднея; сегодня же онъ просто не рѣшался глазъ на него поднять. Сидней тоже призадумался. Какъ ни старался онъ убѣждать старика, что не стоитъ такъ серьезно смотрѣть на проступки дѣтей, но на этотъ разъ онъ не могъ не согласиться, что это дѣло не шуточное. Въ глубинѣ души онъ и самъ ожидалъ отъ Эми всего самаго дурного; онъ предугадывалъ, что эта дѣвочка, чѣмъ старше будетъ становиться, тѣмъ больше будетъ съ нею горя и хлопотъ.

Онъ сѣлъ молча и наклонился впередъ.

— Чтѣ я ни говорю,—ничто не помогаетъ! И чѣмъ я заслужилъ, что у меня такіа дѣти? Я ли не лѣзъ изъ кожи, чтобы только сдѣлать все къ лучшему? Я ли не обращалъ вниманіе на ихъ малѣйшій шагъ. Я ихъ училъ быть честными, трудолюбивыми людьми; я всю жизнь горячо стоялъ за правду; я жалѣлъ несчастныхъ, и своихъ дѣтей училъ состраданію; а какія они вышли? Если бъ я былъ самымъ негоднымъ въ мірѣ человѣкомъ, и то они были бы лучше, чѣмъ теперь. Все, все, чтѣ только могъ, я дѣлалъ, чтобы исполнить долгъ совѣсти, а между тѣмъ, старость пришла, и я только обуза для другихъ, а дѣти, которыя должны бы слѣдовать моему примѣру,—мучать и меня, и всѣхъ, кто только имѣетъ съ ними дѣло. Еслибъ не Клара, я чувствую, что меня давно бы не было на свѣтѣ! Она—единственная изъ моихъ дѣтей, которая меня утѣшаетъ; всѣ остальные... Я даже не чувствую, что они—мои дѣти!

И странно, и трогательно. было слышать въ устахъ этого старика, что онъ совершенно позабылъ про оскорбленія и горести, которыя еще такъ недавно приносило ему его любимое дѣтище. О сынѣ онъ никогда не поминалъ, зато о Кларѣ могъ говорить и долго, и охотно.

— Не знаю, право, чтѣ и придумать, —разсуждалъ Сидней.— Если я заговорю съ Эми, чтобы убѣдить ее въ ея винѣ, она меня еще сильнѣе возненавидитъ,—вѣдь она чувствуетъ, что не мое дѣло вмѣшиваться въ ея дѣла...

— Ну, вотъ еще! Вы и безъ того чересчуръ мягко съ ними обращаетесь,—замѣтилъ Юэттъ:—а они и пользуются этимъ. Они знаютъ, что вы совершенно спокойно ко всему отнесетесь... какъ всегда и во всемъ. Вотъ и сегодня они отличились: разбили вамъ окно!

Сидней нахмурился; какъ ни былъ ничтоженъ этотъ расхѣдъ, но и онъ тяжело отзывался на его скудномъ бюджетѣ, какъ

всякая сверхсмытная трата. Чувствуя, что чѣмъ больше онъ будетъ думать, тѣмъ ему будетъ хуже, Сидней всталъ и проговорилъ:

— Я попробую подѣйствовать на нее лаской; не говорите при ней больше ничего! Что, дѣвочки, готово мнѣ обѣдать?

Голосъ Анни отвѣтилъ утвердительно.

— Хорошо. Я сейчасъ!—отеликнулся опять Кервудъ и, осторожно ступая, пошелъ наверхъ, къ себѣ въ спальню.

XXXIII.—Сидней.

Тамъ была тишина. Сквозь опущенную занавѣску солнечный лучъ, все-таки, пробивался въ комнату и освѣщалъ колыбельку, въ которой малютка Мэй забавлялась игрушками. Мать лежала на постели, около колыбели; лица ея не было видно Сиднею. Онъ заговорилъ съ нею; она только шевельнула рукой, но ничего не сказала въ отвѣтъ.

— Тебѣ пріятнѣе побыть одной?

— Да.

— Взять мнѣ Мэй съ собою?

— Какъ хочешь. Оставь меня! Не говори...

Сидней постоялъ у ея кровати, но не нашелъ въ себѣ мужества улыбнуться въ отвѣтъ на безпечную улыбку своей крошкы-дочери. Тихо спустился онъ внизъ и сѣлъ за обѣдъ, не обращая никакого вниманія на ѣду.

— Да. Ей опять не по себѣ. Бѣдная!—какъ бы извиняясь, замѣтилъ Джонъ.—Это не отъ нея зависитъ!

— Да, да! Конечно, нѣтъ,—согласился ея мужъ и, докончивъ свой обѣдъ, обратился привѣтливо къ Эми.

— Отецъ сказалъ мнѣ, что тебѣ не повезло? Ну, не бѣда! Поищемъ работы въ другомъ мѣстѣ. Э! Да никакъ у насъ окно разбито? Вѣрно, Томъ поигралъ въ крокетъ, позабывши, что здѣсь не лужайка, а комната?

Дѣвочки—ни слова.

— Нечего дѣлать, придется только въ чемъ-нибудь себя урѣзывать,—продолжалъ онъ все такъ же ласково.—Чѣмъ-нибудь да надо пополнить эту починку: дѣвочки, какъ вамъ кажется?

— Мы можемъ завтра обойтись безъ пудинга, Сидней!—предложила Анни.

— Вотъ еще вздоръ какой! Я такъ люблю пудингъ...

И всегда такъ: когда ему не удавалось подчинить себѣ дѣтей

лаской, онъ, все равно, не прибѣгалъ за помощью къ грубому и повелительному обращенію.

Шесть лѣтъ тому назадъ, ему не такъ-то легко было сдерживаться, когда его раздражали, и тогда онъ, конечно, обошелся бы гораздо строже,—что было бы даже несравненно лучше, въ смыслѣ дисциплины, для такого именно семейства. Его замѣчательная доброта и ласка не имѣли на Эми и Тома никакого вліянія. Не бѣда! Неужели же необходимо становиться на сторону зла потому только, что люди добра не понимаютъ, или потому только, что человѣкъ отчаялся въ побѣдѣ надъ нимъ?

Да, бюджетъ, бюджетъ!.. Вотъ теперь весь главный интересъ, вся главная забота!

То-и-дѣло приходилось урѣзывать себя въ самомъ необходимомъ. Это пришло не сразу, но все-таки пришло довольно скоро. Въ первые годы послѣ своей женитьбы Сидней разрѣшалъ себѣ сравнительную роскошь въ бюджетѣ и наслаждался возможностью дѣлать добро семьѣ своей жены. Радуюсь, что этотъ перерасходъ не ощутителенъ, благодаря небольшому капиталу, который ему удалось скопить за многіе годы непрерывнаго труда и холостой жизни, Сидней тратилъ деньги, не соблюдая строгой экономіи,—лишь бы всѣмъ было хорошо. Но пришелъ день, когда и объ экономіи ему пришлось подумать по неволѣ. Съ ужасомъ убѣдился онъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ золотыхъ, которые необходимо сохранить про черный день, у него ничего не остается.

Какъ сердце у него болѣло, если ему приходилось въ чемъ-нибудь отказывать женѣ или дѣвочкамъ! Его великодушію это было тяжелымъ испытаніемъ, которому суждено было теперь все чаще и чаще повторяться.

Вотъ, напримѣръ, сегодня: приходится изыскивать способы для уплаты за новое стекло въ оконную раму и, въ то же время, выслушивать повѣствованіе Тома, какъ онъ поутру потерялъ фуражку: ее унесло вѣтромъ...

Этого еще только не хватало!.. Еще одинъ непредвидѣнный расходъ... Однако, въ глубинѣ души Сидней невольно ругнулъ себя (и даже неоднократно!) за порывъ разсердиться на дрянного мальчишку.

Клара никогда не ходила сама за провизіей и вообще рѣдко выходила изъ дому, да и то подъ густымъ вуалемъ; на Анни и Эми нельзя было положиться,—и Сиднею волею-неволей выпадало на долю ходить съ дѣтьми за покупками и всячески изощряться надъ необходимостью отъ самого себя урывать гроши.

На этотъ разъ онъ хотѣлъ взять съ собою Эми въ надеждѣ, что наединѣ скорѣе можетъ пристыдить ее, а пока она одѣвалась, онъ отозвалъ Джона въ сторону и сообщилъ ему наскоро, что Клементина Снаудонъ арестована по подозрѣнію въ отравленіи матери своей,—м-съ Пекковеръ.

— Да, м-съ Пекковеръ пожалуй бы не одобровать,—продолжалъ онъ.—Одна изъ ея жилищъ случайно увидала, что она лежитъ безъ движенія и едва дышетъ; а вчера вечеромъ дочь ея арестовали по обвиненію въ покушеніи на убійство матери.

— М-съ Снаудонъ? Арестована?

— Ну, да! И мать сама выступаетъ въ качествѣ обвинительницы. Одинъ знакомый показалъ мнѣ все это въ газетахъ... да, да: такъ все и стоитъ. Похвальное дѣло, нечего сказать!

— И вѣрно изъ-за денегъ,—подхватилъ Юэттъ:—у старухи вѣдь онѣ водились! Клемъ, вѣрно, съ нею и жила.

— Нѣтъ, она жила отдѣльно; но, конечно, польстилась на деньги... если только подозрѣніе вѣрно. Не будемъ говорить объ этомъ при дѣтяхъ.

— Нѣтъ, каково?!—не унимался Юэттъ.—Недаромъ я, бывало, какъ ни взгляну на Клемъ, все думаю: ну, ужъ, голубушка, не бывать изъ тебя проку!

Сидней кивнулъ молча головой и ушелъ съ Эми за покупками.

Держать помѣщеніе въ опрятности и чистотѣ было довольно трудно, и Сидней нерѣдко самъ принимался мыть полы и приводить все въ порядокъ; это отвлекало его отъ горькихъ, безотрадныхъ думъ. Нѣкоторая строгость въ дисциплинѣ помогала ему управлять домашними порядками, благодаря которымъ онъ избѣжалъ главнаго неудобства въ каждомъ семействѣ рабочихъ, а именно—субботнаго разгула; у него въ домѣ въ десять часовъ всѣмъ полагалось быть уже въ постели. Онъ и самъ былъ бы не прочь полежать и отдохнуть; но онъ не рѣшался вернуться наверхъ, зная, что застанетъ Клару въ тревожномъ состояніи и разстроенную бессонными ночами.

Вокругъ, по стѣнамъ „чистой комнаты“ висѣли картины и когда-то имъ самимъ сдѣланные рисунки; теперь они служили для того, чтобы прикрыть безобразіе унылыхъ стѣнъ, а къ карандашамъ онъ не притрогивался уже давнымъ-давно. Послѣдній разъ ему случилось рисовать три года тому назадъ, въ тѣ счастливыя минуты, которыя онъ переживалъ во время отпуска вмѣстѣ съ Дженни и ея дѣдомъ. Тогда его любимое занятіе

было для него связано съ возрожденіемъ его счастья, его надеждъ... Гдѣ ихъ теперь искать? Онѣ прошли и прошли безвозвратно! Смотрѣть на эти стѣны, на эти рисунки—свидѣтели его бывшей мечты, тягостно до боли въ сердцѣ, до боли въ мозгу... Прочь, прочь скорѣй! Не то и въ самомъ дѣлѣ можно съ ума сойти: просвѣта нѣтъ, и никогда не будетъ...

Съ утра и до ночи всѣ интересы жизни сводятся къ шиллингамъ и пенсамъ, которыхъ, все равно, не хватаетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хватать все меньше и меньше... Немудрено, что нужда и необходимость зубами натагивать каждый пенсъ, чтобъ только не умереть съ голоду, можетъ хоть кого съ ума свести.

Прочь, прочь мечты! Счастливъ онъ, нѣтъ ли, все равно!—думаетъ Сидней:—онъ никогда не будетъ трусомъ, пока отъ него самого будетъ зависѣть стремиться къ своему идеалу. Пусть онъ не достигимъ, но развѣ это—оправданіе малодушію и духовной лѣни?..

Къ сожалѣнію, книгамъ,—своему главному наслажденію,—Сидней не могъ удѣлять столько же времени, какъ прежде; у него не было ни минуты, чтобы вздохнуть свободно, и кругозоръ его, подобно Джону, постепенно суживаясь, измельчалъ, опошлится и свелся къ предметамъ обыденной жизни. Порою, угнетенный ужасами мелочной борьбы съ нуждою, онъ даже понималъ, что человѣкъ можетъ поддаться искушенію и сбиться съ пути истиннаго долга.

Сидней потушилъ лампу и вздрогнулъ. Дверь отворилась, и передъ нимъ безъ шума появилась Клара. Какъ ни старался онъ привыкнуть къ обезображенному лицу жены, онъ въ первую минуту не могъ совладать съ собой и, какъ и теперь, опускалъ глаза.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Отчего не идешь навверхъ?—спросила она.—Его рука потянулась къ лампѣ, но Клара ее остановила и тихимъ, жалобнымъ голосомъ, ломая руки, горячо воскликнула:

— О, Боже! Я съ ума сойду? Нѣтъ больше силъ терпѣть!—Она умолкла, молчалъ и Сидней; но затѣмъ спокойно произнесъ:

— Сядемъ лучше, посидимъ немножко... Немудрено, что ты падаешь духомъ: шутка ли, день и ночь безвыходно лежать въ одной и той же комнатѣ, не видѣть, не слышать ни души! Я съ удовольствіемъ пришелъ бы посидѣть съ тобой, но мое присутствіе, кажется, только тебя раздражаетъ.

— Какую пользу можешь ты мнѣ принести? Ты думаешь, что я попусту горюю; но это неправда! Говорю тебѣ: неправда!

Но ты вѣдь, все равно, по-своему думаешь, я это знаю, и не могу, не могу тебя видѣть! Умереть бы, умереть, и тогда всему конецъ! Ты не можешь... да и никто не можетъ себѣ представить, до чего я страдаю! Ты говоришь спокойно; а развѣ это не все равно, что прямо мнѣ въ лицо сказать, что ты не вѣришь мнѣ, считаешь меня безразсудной за то, что я такъ томлюсь? Я ненавижу звукъ твоего голоса! Лучше бы ты злился и билъ меня: *мнѣ* было бы легче!

Красота ея изящныхъ формъ и гибкость движеній ничуть не утратили своей прелести за минувшіе годы; напротивъ, ея худенькій станъ сталъ еще стройнѣе; она вся казалась еще выше ростомъ, а ея движенія еще пластичнѣе. Только бы лицо... лицо!

— Ты несправедлива ко мнѣ,—волнуясь, но безъ малѣйшаго упрека заговорилъ Сидней.—Я вполне вхожу въ твое положеніе, и если говорю спокойно, такъ единственно потому, что *должна* такъ говорить: вѣдь надо же, чтобы хоть одинъ изъ насъ старался быть бодрѣе, чтобы поддерживать другого; а не то!..—онъ не договорилъ и отвернулся.

— Послушай! Бросимъ этотъ домъ!—начала она, ничего не замѣчая и почти не слыша.—Ужасно не имѣть впереди ничего новаго, никогда никакой перемѣны! И день, и ночь—все тѣ же стѣны, та же обстановка!

— Клара, мы двинуться не можемъ! Я не имѣю права столько тратить на квартиру; насъ такъ много...

— Ахъ, неужели тебѣ вѣки-вѣчные придется содержать семью отца? У тебя, кажется, есть и жена, и дочь: о нихъ ты и заботься, а тѣ... пусть какъ хотятъ! Тебѣ все равно, какъ бы я ни страдала, лишь бы имъ жилось хорошо и удобно!

Сидней придвинулся къ ней совсѣмъ близко.

— Ты говоришь, конечно, не подумавъ?.. Клара! Не можешь ты желать, чтобы старика-отца и всю твою семью я выгналъ вонъ, на произволъ судьбы? Куда они пойдутъ? Чтѣ съ ними будетъ? Ты говоришь, что имъ „живется хорошо, удобно“? Но позволь: какими-такими удобствами пользуется, напримѣръ, твой отецъ? И что жъ, я долженъ выгнать его на улицу?.. Ты сама знаешь, что это невозможно! Такъ чего же ты хочешь? Ты хочешь довести меня до отчаянія жалобами на то, что неизбежно. Ты сама ничего другого не могла отъ меня ожидать. Ты знала, что я только ремесленникъ; положимъ, я человѣкъ трудолюбивый, но и только! Я могу зарабатывать лишь определенную сумму, но не больше; а ты вѣрно понадѣялась на нѣчто большее и теперь—разочаровалась?

— Развѣ легче жить, не имѣя надеждъ на лучшее? — воскликнула она.

— Для меня, да! Еслибы я могъ еще надѣяться, мнѣ бы чувствительны были и пужда, и горе!

— О, вѣдь и я надѣялась когда-то; и жизнь моя могла сложиться совершенно иначе. Мысль объ этомъ жжетъ меня, и сущить, и терзаетъ; а ты и не помогаешь мнѣ нести ея ужасный гнетъ! Ты меня оставляешь одну, совсѣмъ одну, бороться съ нимъ! Это вѣдь не великодушно... Ты говоришь, что я должна быть благодарна, что нашелся хоть кто-нибудь, кто меня пожалѣлъ, меня, несчастную, всѣми забытую?.. Но было бы добрѣе съ твоей стороны—совсѣмъ во мнѣ не приближаться: я бы давнымъ-давно покончила съ собой, а слѣдовательно и со своимъ горемъ! Ты вообразилъ себѣ, что дѣлаешь огромное благодѣяніе, а между тѣмъ ты могъ бы имѣть жену, которая...

— Клара! Клара! Когда ты такъ говоришь, я готовъ думать, что ты помѣшалась. Ради Бога, подумай: что ты говоришь? Ну, допусти, что я бы началъ укорять тебя въ томъ, что ты вышла за меня замужъ? Можешь ли ты это себѣ представить?

Клара глубоко, тяжело вздохнула; руки ея упали какъ плети.

— Это самая тяжелая сторона всей моей жизни,—продолжалъ онъ уже совсѣмъ инымъ тономъ:—сознаніе, что я не могу ничего сдѣлать, чтобы жизнь твоя была для тебя пріятнѣе и легче. Понятно и тебѣ, и мнѣ, не мѣшало бы, какъ всякому другому, отдохнуть немного, особенно въ это время года. Но у насъ нѣтъ на это средствъ, и какъ бы мы этимъ ни терзались, ничто не поможетъ! Какъ часто жизнь человѣческая идетъ прахомъ,—нѣтъ, хуже чѣмъ прахомъ—оттого, что человѣку не хватаетъ средствъ? Да что! Въ эту самую минуту цѣлый міръ бѣдненьковъ страдаетъ только потому, что у нихъ денегъ нѣтъ. Какъ часто мы съ тобой объ этомъ говорили! Такъ уже споконъ вѣку ведется на землѣ: все можно здѣсь купить за деньги!

— Но тебѣ дается легче все это переносить, нежели, напримѣръ, мнѣ.

— Ну, да: конечно, легче! Но и тебѣ стало бы тоже легче, еслибы ты раздѣляла мои взгляды; это внесло бы въ твою жизнь нѣкоторое разнообразіе, которое безспорно есть въ моей. Еслибы я могъ взять на себя хоть часть твоихъ страданій, я съ удовольствіемъ бы это сдѣлалъ! Но къ сожалѣнію, это вещь совершенно невозможная. Счастливые міра сего могутъ изо дня въ день задавать себѣ вопросъ:—что бы я могъ еще сдѣлать? а несчастные:—чего я не могу?

— Тебѣ особенно пріятно это повторять... — замѣтила съ горечью жена.

— Это доказываетъ только, что я проникся истиннымъ духомъ, истиннымъ значеніемъ этихъ словъ и принялъ ихъ къ сердцу.

Клара нетерпѣливо махнула рукой, еще разъ глубоко вздохнула и пошла къ дверямъ.

— Постой, не уходи! — остановилъ ее мужъ. — Намъ надо еще кое-что сказать другъ другу.

— Вотъ еще, очень нужно! Я чувствую себя несчастной, и ты не можешь мнѣ помочь...

— Нѣтъ, могу!

Она вскинула на него глазами въ удивленіи.

— Какъ это такъ? Чѣмъ же ты можешь мнѣ помочь?

— Словами! У меня нѣтъ больше ничего, кромѣ словъ, но они...

Она двинулась-было уходить; мужъ опять остановилъ ее.

— Нѣтъ, ты *должна* выслушать меня до конца! Положимъ, мои слова такъ и останутся словами; но если *они* не въ силахъ убѣдить или хотя бы тронуть тебя, значитъ, вся наша жизнь разсыпалась въ прахъ, и Богъ вѣсть, какіе еще ужасы должны намъ предстоять.

— Вотъ и я то же говорю!—въ отчаяніи подхватила Клара.

— Но ни одинъ изъ насъ вѣдь не рѣшится о нихъ поминать: пока я живъ, я думать о томъ не хочу, да и тебѣ не совѣтую, не позволяю! У насъ есть Мэй, которая должна быть нашей главною заботой, нашимъ счастьемъ, и даже уже теперь...

— По моему, лучше бы ее и вовсе не было на свѣтѣ!

— А вспомни: ты была счастлива, какъ только она родилась!.. Ты горю поддалась теперь, всего какихъ-нибудь полгода. Ты съ нимъ не борешься; оно все разрастается, а тебѣ самой становится все хуже и больнѣе. Ты скажешь: жизнь и безъ того для насъ уже стала хуже?.. Все такъ, и даже скудный заработокъ Эми, котораго теперь не будетъ, тяжело отзовется на нашемъ домашнемъ бюджетѣ; но тѣмъ больше причинъ, чтобы мы подтянулись; тѣмъ больше мы съ тобой должны держаться другъ за друга, чтобы сообща помочь твоему отцу хоть немного спокойнѣе прожить послѣднее время его безотрадной жизни, помочь дѣтямъ стать на ноги и самимъ зарабатывать себѣ на хлѣбъ. И если намъ это удастся, развѣ мы не будемъ сами рады, когда оглянемся назадъ, на это время? Развѣ для этого—хотя бы одного—не стоитъ жить на свѣтѣ?..

Клара молчала, но Сидней, не смущаясь, продолжалъ:

— Намъ, бѣднякамъ, весь вѣкъ приходится тягаться съ богачами, которые зачастую, сами того не подозревая, угнетаютъ насъ. Для нихъ жизнь—наслажденіе. Ну, что же, и для меня пусть будетъ наслажденіемъ заставить ихъ отчаяться въ томъ, что имъ удастся меня „повалить“. Но безъ твоей поддержки я не могу ничего сдѣлать. Мнѣ тоже было тяжело сидѣть здѣсь одному въ полу-темной комнатѣ; но наверхъ идти я не рѣшался, чтобы окончательно не лишиться мужества, глядя на то, какъ ты страшно страдаешь... Что же, неужели мнѣ придется обратиться къ тебѣ съ просьбою и встрѣтить отъ тебя... отказъ?

Ужъ не впервые испытывала Клара на себѣ всю силу его мягкой твердости, когда въ немъ говорило горячее чувство. Онъ удержалъ ее за руку, она вырывалась:

— Оставь меня! Пусти! Мнѣ слишкомъ нездоровится, чтобы говорить еще.

— Постой, еще словечко!.. Слушай: ты должна дать мнѣ обѣщаніе сейчасъ же, пока, кромѣ насъ, всѣ въ домѣ спятъ, и мы съ тобой одни. Мы вѣдь съ тобой—мужъ и жена, и, дѣйствуя единодушно, мы никогда не спустимся до разряда тѣхъ несчастныхъ, которыхъ принижаютъ горе и нужда. Для этого мы слишкомъ горды отъ природы,—такъ вѣдь, дорогая? Мы можемъ смѣло повѣрять другъ другу всѣ наши думы и мечты. Такъ не дадимъ же сломить нашу волю!

— Какой смыслъ обѣщать, когда прекрасно знаешь, что не въ состояніи исполнить? Слишкомъ мое здоровье ослабѣло...

— Все-таки обѣщай, и попробуй исполнять свое обѣщаніе, ну, хоть нѣсколько недѣль; тогда и у меня найдется больше силъ, чтобы поддержать тебя. А пока пора бы и тебѣ быть для меня поддержкой. Вотъ завтра, напримѣръ, богатый людъ даруетъ намъ свободу, и дѣти, какъ обыкновенно въ воскресенье, разбѣгутся *погулять*. Отецъ и я мы рады посидѣть съ тобой... Такъ ты не считаешь ли намъ хоть немножко, чтобы сдѣлать ему настоящій праздникъ,—какъ ты одна умѣешь,—гораздо лучше и живѣе моего. Что? Что? Никакъ, улыбка промелькнула?..

— Пусти, Сидней! Право же, я устала! Боже мой, какъ устала!

— А обѣщанье?

— Не обѣщаю, но... все-таки постараюсь. Я выдержу недолго, но... попробую немножко постараться.

— Благодарю тебя, голубушка моя!

— Нѣтъ, это я должна тебя благодарить, хоть, кажется, ты

никогда этого не дождешься! Я только изрѣдка какъ будто начинаю тебя понимать... и это длится всего-на-все часокъ-другой; а тамъ и моя старая эгоистичность всплываетъ... Нѣтъ, я не измѣнюсь до самой смерти!

Сидней съ трудомъ пошелъ по лѣстницѣ за нею, вверхъ. Ноги едва ему повиновались, все тѣло, всѣ суставы ломило немилосердно... Не бѣда! Все-таки и на этотъ разъ на его сторону побѣда!

XXXIV.

„Эта исторія съ отравленіемъ поразила меня. Я, право, бы не удивился, еслибы мнѣ сказали, что я самъ едва-едва успѣлъ улепетнуть отъ подобнаго же удовольствія; впрочемъ, и безъ того меня гонить на чужбину отчасти какой-то суевѣрный страхъ передъ этимъ необузданнымъ звѣремъ! Дайте мнѣ знать о результатѣ этого дѣла; интересно бы знать, будетъ ли на судѣ упоминаться объ одномъ вашемъ знакомомъ, котораго дѣла все еще задерживаютъ за границу? Или лучше прямо перешлите мнѣ газеты по тому же адресу, какъ и всегда. Но теперь меня какъ разъ всецѣло поглотили болѣе крупные интересы, да такіе крупные, что мнѣ даже и выговорить страшно! Я могу... я могу на свою долю заработать 2.000.000 долларовъ! Ни одна живая душа на свѣтѣ не подозрѣваетъ объ этомъ фортелѣ. Если я вамъ скажу, что въ этомъ дѣлѣ принимаетъ участіе К. Ф., вы тотчасъ же поймете, что я все равно что вытянулъ счастливый билетъ въ лотерею. Извѣстите меня, какъ поживаетъ Дженни? Если все идетъ хорошо и вы съумѣете устроить это дѣльце, вы, пожалуй, получите 100.000 долл., — знаете, на устройство новой обстановки... Я думаю, вы черезъ два или три мѣсяца будете уже *товарищемъ* своей фирмы?..“

Таковы выдержки изъ письма съ американской маркой, которое Скауторнъ читалъ въ ожиданіи завтрака. Призадумавшись надъ его содержаніемъ, онъ машинально взялъ газету въ руки и совершенно въ нее углубился. Былъ октябрь мѣсяць, и въ каминѣ особенно привѣтливо и тепло пылали уголья. Ихъ отблескъ упалъ на молодую женщину съ аппетитнымъ подносомъ въ рукахъ; Скауторнъ оторвался отъ газеты и проговорилъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ:

— Съ добрымъ утромъ, м-съ Біасъ! — и тотчасъ же понизилъ голосъ. — Въ утреннемъ изданіи полнѣе, чѣмъ въ вечернемъ. Или вы, можетъ быть, уже успѣли пробѣжать?

— Да, да: я думала, вы ничего противъ этого не будете имѣть,—говорила та, прибирая вещи на столѣхъ у своего любезнаго жильца.

— Во всякомъ случаѣ, ужъ за три года она можетъ быть спокойна: казна ее пригрѣветъ, напоитъ и накормитъ.

— Если бы вы видѣли ее въ тотъ день, когда она къ намъ явилась, разыскивая миссъ Джени, вы поняли бы, почему это я такъ радуюсь, что ее засадили! Я съ той поры все еще сама не своя: чуть шорохъ или вдругъ звонокъ,—меня такъ всю и передернетъ!

— Я думаю, и у миссъ Снаудонъ тоже станетъ полегче на душѣ?

— Чтò же мудренаго! Только она вѣдь, все-таки, объ этомъ промолчить, не скажетъ; очень ужъ конфузлива, и гдѣ много народу, туда положительно идти боится: непріятны ей праздные разспросы, и вдобавокъ ей все кажется, что люди шепчутся между собою про нее, ни про кого другого!

— Ну, это скоро пройдетъ! Новости дня и загораются, и потухаютъ быстро одна за другою; скоро и это забудется, какъ только ей на смѣну явится другая.

Бесси удалилась, а ея жилецъ весь отдался наслажденію вкусно покушать.

Уже полтора года минуло съ тѣхъ поръ, какъ онъ заинтересовался молодой дѣвушкой, которая предпочитала свои собственные трудовые гроши отцовской *пенсии*. Мало того, она не побоялась сама откровенно разъяснить отцу причину своего отказа отъ его денегъ. Сдѣлавшій объ этомъ вопросъ, нѣжный отецъ не преминулъ сообщить обо всемъ Скауторну, а тотъ тѣмъ временемъ, чрезъ своего патрона Персиваля, успѣлъ свести знакомство и съ миссъ Лантъ, которая перевозносила Джени до небесъ. Живя подъ одной кровлей съ Джени, онъ старался всѣми силами остановить на себѣ ея вниманіе и помышлялъ только о возможно скорѣйшемъ и рѣшительномъ объясненіи съ нею.

Джени была далеко не красавица, но и не уродъ; ея блѣдное, задумчивое личико отличалось природнымъ изяществомъ, а глаза были прелестны своей выразительностью. Признаться, Скауторнъ рѣшилъ посвататься во всякомъ случаѣ, будетъ ли она богатая невѣста, или безприданница, безразлично!

Бѣдная Джени! Она считала тяжкимъ стыдомъ быть падчерицей матереубійцы, и долго не могла къ ней вернуться ея прежняя бодрость; но только-что стала нѣсколько забываться

эта неприятная тревога, какъ явилась другая—со стороны супруговъ Біасовъ.

Дженни не могла не принимать къ сердцу вспышекъ, которыя теперь все чаще и чаще разгорались между мужемъ и женой, по мѣрѣ того, какъ улучшались матеріальныя условія легкомысленнаго Сама. Несмотря на то, что число его дѣтей возросло до четырехъ, ихъ содержаніе его не тяготило; къ празднику онъ свободно могъ купить женѣ на платье, а себѣ—блестящій цилиндръ. Но Самъ никогда не отличался особеннымъ умомъ, а потому и поступалъ не особенно благоразумно, по-просту говоря—повадился забѣгать въ портерныя каждый разъ, какъ чувствовалъ въ карманѣ звонъ двухъ-трехъ свободныхъ шиллинговъ. Бесси онъ увѣрялъ, что иначе, какъ за кружкой пива, никто и не захочетъ говорить о дѣлѣ.

— Дѣло, дѣло!—передразнивала его жена.—Не дѣло, а бездѣлье, никуда ты негодный человѣкъ! Вы сами не знаете, чѣмъ бы только оправдать свое возмутительное поведеніе, ну, вотъ, и мелете, что ни попало! Не смѣть у меня домой являться въ такомъ свинскомъ состояніи, слышишь ты, слышишь? Неуженъ мнѣ пьяница въ мужа! Смотри, ты на ногахъ вѣдь не стоишь?

— А ввв... вотъ, ссс... стой-йю!—съ презрѣніемъ къ „бабѣ“ хвастался тотъ.—На, вотъ, тебѣ, смотри!—и онъ отдалъ честь кочергой вмѣсто ружья. Результатъ получился блестящій: въ дребезги разлетѣлся стеклянный шаръ на свѣчкѣ.

Бесси выходила изъ себя, но впереди ее ожидало еще худшее: Самъ сталъ все позже и позже приходитъ домой по ночамъ, и въ извиненіе по прежнему говорилъ, что его „дѣла задержали“. Это, конечно, злило Бесси еще больше, и она, потерявъ терпѣніе, объявила, что все это ложь, въ которую она не вѣритъ и не будетъ вѣрить разъ и навсегда!

— Говорятъ тебѣ, отстань!—кричалъ разъяренный глава дома.—Не приставай, говорятъ тебѣ! А не то я уйду, куда глаза глядятъ, и не вернусь домой.

— Да ты не мужъ, а по-просту негодная скотина!—возражала Бесси, не вѣря въ его рѣшимость. Но, увы! вскорѣ до нея дошли слухи, что Самъ безобразничаетъ вмѣстѣ съ цѣлой шайкою какихъ-то забуддыгъ, не стѣсняясь тѣмъ, что на улицѣ ходитъ народъ и его, Сама, могутъ легко узнать. Когда онъ однажды вернулся къ женѣ, его до наглости беззаботный видъ и развязныя манеры не вызвали, какъ онъ рассчитывалъ, сочувственной улыбки на лицѣ у Бесси: она поджала губы и

встрѣтила такое заигрываніе зловѣщимъ молчаніемъ. И день, и два, и еще день прошелъ, а въ ея обращеніи не воспослѣдовало никакой перемѣны, и вотъ Самъ въ свою очередь сталъ дѣйствовать тоже молча: онъ ушелъ изъ дому, да такъ и не вернулся!

Дженни сонла зачѣмъ-то въ кухню ночью и застала свою Бесси въ слезахъ.

— Оставьте меня! Не беспокойтесь: у васъ и своихъ тревогъ довольно!—отпѣкивалась добросердечная м-съ Біасъ. Однако, въ концѣ концовъ поддалась увѣщаніямъ своего юнаго друга и все ей рассказала.

— Скотина, а не мужъ, вотъ онъ что!—запальчиво объявила она въ заключеніе.

Тѣмъ не менѣе, когда „скотина“ не вернулся домой ночевать, та же Бесси ужъ больше не скрывала своей тревоги и совершенно откровенно разрыдалась, когда отъ невѣрнаго мужа пришла записка съ извѣщеніемъ, что онъ пробудетъ въ отъѣздѣ еще мѣсяцъ, и только тогда (*можетъ быть!*) заглянетъ домой...

Дженни не могла въ тотъ день уйти на работу: надо было успокоить Бесси, усмирить дѣтей, приготовить завтракъ жильцу. Какъ на грѣхъ, въ это самое время не было прислуги, но Дженни смѣло увѣряла хозяйку дома, что она можетъ на нее, Дженни, положиться, только бы она оправилась немного. Главное—полежать спокойно, принять капель, а тамъ все ужъ само придетъ въ порядокъ.

И въ самомъ дѣлѣ: и дѣти, и комнаты, были прибраны, завтракъ приготовленъ, и Дженни своей мягкой, ровной походкой входитъ къ Счауторну,—въ ту самую комнату, въ которой нѣкогда жила она сама. Счастливое, далекое время! Оно прошло... Не надо о немъ думать!..

Дженни входитъ.

— Я... мнѣ... Мнѣ надо бы повидать м-съ Біасъ,—говоритъ Счауторнъ, который почему-то смущенъ появленіемъ молодой дѣвушки.

— М-съ Біасъ больна, но если вы позволите, я ей скажу...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни въ какомъ случаѣ.

— Такъ не могу ли я вамъ чѣмъ служить?..

— Миссъ Счаудонъ!.. Можете вы мнѣ удѣлить минутку?

— Отчего же нѣтъ!

Дженни предчувствовала, что онъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, и была рада, что Счауторнъ изъ предосторожности пошелъ и приперъ дверь.

Не больше, какъ минутъ черезъ десять, Дженни легкими, проворными шагами взбѣжала вверхъ по лѣстницѣ, остановилась, прислушалась въ потемкахъ у какой-то двери и такъ же быстро сбѣжала внизъ.

Цѣлый день потомъ она была какая-то странная, и это не ускользнуло бы отъ вниманія Бесси, еслибъ она не была такъ поглощена своимъ горемъ.

Прошелъ еще день—и Дженни пошла въ тотъ домъ, гдѣ служилъ Самъ, чтобы узнать, если возможно, его новый адресъ. По счастью, это оказалось недалеко, и Дженни вышла на улицу, чтобы разспросить полицейскаго, какъ туда добраться.

— Отъ станціи Мургэтъ-Сентъ-Албанъ совсѣмъ близко, — былъ отвѣтъ.

Дженни добралась до Мургэта и взяла обратный билетъ: слава Богу, онъ стоитъ недорого.

Поездъ тронулся... Поездъ летитъ, летитъ и наконецъ останавливается, пыхтя... Дженни спѣшитъ впередъ, и своимъ появленіемъ смущаетъ Сама. Но она спокойна, какъ всегда, и своимъ тихимъ голосомъ объясняетъ ему, въ чемъ дѣло.

— Пойдите-ка! Сейчасъ ей напишу!—воскликаетъ тотъ.— Да погодите! Вы ей вотъ что передайте; не могу же я сразу прекратить свой „фокусъ“. Да гдѣ перо? Гдѣ эти распрямляющія чернила?

Но, вотъ, письмо готово, и Дженни собирается уходить.

— Ахъ, Боже мой! Вы прогуляли цѣлый рабочий день! Ну, хоть на дорогу-то она вамъ дала? Скажите!

— Да, да. Конечно.

— Скажите ей, чтобы она больше не дурила!

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Лучше я скажу не ей, а кое-кому другому!—шутитъ Дженни, и ея худенькое личико все озаряется привѣтливой, счастливою улыбкой прежнихъ дней.

Дорога домой показалась ей весела и коротка. Положимъ, она знала, что супруги помирятся и понемногу все опять пойдетъ по-старому; но что же дѣлать? Вся жизнь—борьба, болѣе или менѣе значительная борьба съ мелочами или невзгодами жизни; но все-таки—это борьба и переходъ отъ одной уступки къ другой! Всю зиму Дженни прожила съ одной мечтою неразлучно; никому повѣрять ее, никому дать о ней хотя бы заподозрить она не хотѣла. И жутко, и сладко было ей лелѣять въ себѣ новое для нея убѣжденіе; но подавить его въ себѣ, не чувствовать этой новой для нея отрады было выше ея силъ. А между

тѣмъ, это убѣжденіе въ ней крѣпло и тѣсно сливалось съ каждою минутой ея жизни.

Въ сущности, у Дженни было всегда столько хлопотъ, столько неотложнаго труда, что даже на такія мечты ей оставалось немного времени. Однако, она всѣми силами старалась достойнымъ образомъ выполнить свою житейскую задачу, какъ ни трудно это ей давалось. Непрерывно приходилось соображать и натягивать гроши, чтобъ только не утратить своей независимости и свободы.

— Не мѣшайте мнѣ, м-съ Біасъ; дайте мнѣ полную волю поступать, какъ я хочу!—говорила она зачастую.—Поймите, что я ни за что не хочу съ вами разставаться!

И, волей-неволей, Бесси приходилось оставить ее въ покоѣ. Если же ей случалось чувствовать себя особенно безотраднo и уныло, Дженни прекрасно знала, куда ей бѣжать спасаться,—она прямо бѣжала къ своей Пенни.

На бѣдной улицѣ—бѣдненькая лавчонка дешевыхъ нарядовъ; позади лавчонки — каморка; подъ каморкой—погребъ. Вывѣски нѣтъ и не бывало; но всѣ здѣсь знаютъ, что эту лавочку содержать нѣкая м-съ Тоддъ, еще молодая вдова съ многочисленными дѣтьми, и что съ нею за-одно работаетъ ея пріятельница, м-съ Юэттъ. Еще недавно м-съ Тоддъ держала простой „ларекъ“, а теперь, съ помощью нѣкой благотворительницы, по имени миссъ Лантъ, ей удалось устроить даже цѣлую лавочку.

Туда-то вотъ и бѣжала Дженни спасаться отъ сомнѣній и мрачныхъ думъ. Въ самой лавочкѣ было темно отъ вывѣшаннаго на выставѣ платя; Дженни не сразу могла различить въ потемкахъ, гдѣ и кто сидитъ?

На этотъ разъ сидѣла въ каморкѣ одна только м-съ Тоддъ.

— А чтѣ, Пеннилофъ, дома?—спросила гостя.

— Да, да. Пожалуйста, войдите.

Комната позади магазина вся завалена самыми разнообразными предметами одежды. Стоятъ тамъ еще и двѣ кровати, висятъ полки съ посудой; столъ, нѣсколько стульевъ; но посѣтителю, который зашелъ бы сюда впервые, пришлось бы очень долго присматриваться къ хаосу, который царилъ въ комнатѣ, прежде чѣмъ различить отдѣльные предметы,—до того все это было сбито въ кучу. Часть этой кучи составляли, между прочимъ, и пятеро дѣтей, вертѣвшихся тутъ же, между платьемъ; тутъ же сидѣла и сама Пеннилофъ, усердно углубившаяся въ свое шитье.

— Ну, все у васъ благополучно? — былъ первый вопросъ Дженни.

— Да, миссъ; благодарю!

— Ну, такъ, значить, не совсѣмъ благополучно, — возразила Дженни. — Ужъ если вы мнѣ говорите „миссъ“, я такъ и знаю, что дѣло совсѣмъ дрянъ!

Пеннилофъ улыбнулась своей обычной, грустною улыбкой, но въ глазахъ у нея засвѣтилась ласка въ говорившей:

— Ну, да! Мнѣ что-то взгрустнулось, вотъ и весь секретъ! Я дала себѣ волю задуматься, а задумываться я не имѣю права.

— Вотъ и я также, Пеннилофъ! Но мы не можемъ вѣдь не думать, правда, Пенни? Вотъ было бы чудесно, если бъ намъ больше не о чемъ было думать, какъ только о нашихъ дѣтяхъ! А гдѣ маленькій Бобъ? Ну, Бобикъ, я вѣдь, было, глядя на тебя, подумала, что ты тряпичникъ! Право же, вѣрно тебѣ говорю! Смѣйся, смѣйся, сколько твоей душѣ угодно! — И Дженни сама смѣется вмѣстѣ съ развеселившеюся дѣтворой, сама придумываетъ забавы и причины посмѣяться.

— Пеннилофъ! Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы меня пригласили въ чаю! — говорить она.

— А что-жъ, миссъ Дженни, почему знать? Можетъ быть, я васъ и въ самомъ дѣлѣ приглашу? Какъ вамъ хотѣлось бы: пораньше?

— Нѣтъ, можно и черезъ часъ, — а? Какъ вамъ кажется? Дайте-ка мнѣ пока хоть что-нибудь подѣлать. Нѣтъ ли чего пошить... да потруднѣе!.. Вотъ и прекрасно. А гдѣ у васъ наперстокъ, м-съ Тоддъ? Ну, вотъ мы и устроились; и можемъ поболтать немножко!

Пеннилофъ чувствовала, какъ мало-по-малу исчезали ея черныя мысли; она говорила, говорила безъ конца. Теперь у нея рѣчь лилась неудержимо и она могла говорить, не стѣсняясь... не то что, бывало, робкая, забитая Пенни... Да, такой говоруньи поискать, такъ не найдешь!

Отсутствіе м-ра Біаса изъ-подъ супружескаго крова не было преднамѣренно; оно просто совпало съ его семейной передрагой, и теперь, возвратившись на лоно семьи, онъ предупредилъ жену, что ему придется по временамъ отлучаться въ командировку, которая, помимо служебныхъ выгодъ, доставляла ему еще и развлеченіе: ему казалось даже иногда полезнымъ „пробѣтриться“.

— Довольно насидѣлся дома! Пора и людей посмотреть! — говорилъ онъ.

Вся улица была полна разговоровъ по этому поводу между

Самомъ и Бесси, Бесси и Дженни, Дженни и Самомъ и, наконецъ, между всѣми троемъ сообща.

Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Самъ все-таки восторжествовалъ. Бесси дала свое согласіе нѣхотя; но—странное дѣло!—никогда въ жизни она не была такъ оживлена и весела, какъ въ этотъ день.

Но въ тотъ же день случилось и другое многозначительное обстоятельство, которое подѣйствовало на всѣхъ не особенно пріятно.

М-ръ Скауторнъ, который никогда не обѣдалъ дома и возвращался домой поздно вечеромъ, вернулся раньше обыкновеннаго и позвонилъ къ своей квартирной хозяйкѣ. М-съ Біасъ немедленно явилась на зовъ и съ удивленіемъ узнала, что ея жилецъ уѣзжаетъ отъ нея черезъ двѣ недѣли. Бесси искренно пожалѣла, что лишается такого хорошаго, почтеннаго жильца. Но м-ръ Скауторнъ, не теряя своей важности, возразилъ, что онъ еще за три мѣсяца передъ тѣмъ предупреждалъ ее; а что неизбѣжно, тому по неволѣ приходится покоряться.

— Миссъ Снаудонъ дома?—продолжалъ онъ.

— Миссъ Снаудонъ? Да, сэръ.

— Вернувшись домой, я нашелъ вотъ это письмо изъ Америки, и не смѣю скрывать, что оно принесло непріятныя для нея вѣсти...

— О ея отцѣ?

Скауторнъ наклонилъ голову съ важнымъ и таинственнымъ видомъ; въ его намѣренія не входило, чтобы въ домѣ знали про его отношенія къ Джозефу Снаудону, и до сихъ поръ никто даже не подозрѣвалъ, что они знакомы.

— Эти извѣстія я получилъ случайно, и думаю, что моя обязанность сообщить о нихъ миссъ Снаудонъ,—сначала частнымъ образомъ, конечно. Не будетъ съ моей стороны невѣжливо просить у васъ разрѣшенія воспользоваться съ этой цѣлью вашей гостиной?

— Сію минуту побѣгу зажечь газъ и предупредить миссъ Снаудонъ,—предложила услужливая Бесси.

— Благодарю васъ, м-съ Біасъ!

Оставшись одинъ, Скауторнъ велъ себя совершенно страннымъ и непривычнымъ образомъ. Шагая изъ угла въ уголъ тревожною, неровною походкой, онъ нервно жевалъ кончики своихъ выхоленныхъ усовъ. Въ волненіи, сжимая въ рукахъ полученное письмо, спустился онъ внизъ и въ гостиной увидалъ Дженни, которая также была замѣтно встревожена.

— Пожалуйста, миссъ Снаудонъ, садитесь! Видите ли, я переписываюсь съ однимъ знакомымъ, который живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и который имѣлъ... гм! да... имѣлъ дѣла съ вашимъ отцомъ; такъ вотъ сегодня... сегодня, по возвращеніи домой, я нашелъ у себя письмо отъ моего друга, который сообщаетъ мнѣ, къ сожалѣнію, прискорбныя вѣсти...

На этотъ разъ онъ собирался говорить только правду... одну только правду, но въ его словахъ была одна маленькая неточность: это письмо онъ получилъ не отъ своего друга, а отъ совершенно незнакомаго ему человѣка, нотариуса изъ Чикаго.

— Сколько я понимаю, м-ръ Снаудонъ велъ крупныя денежные предпріятія; они лопнули и—его совершенно разорили одинъ изъ тѣхъ грандіозныхъ краховъ, которые въ Америкѣ составляютъ совершенно заурядное явленіе.

Дженни глубоко вздохнула.

— Къ сожалѣнію, это еще не все,—продолжалъ Скауторнъ сочувственнымъ тономъ.—Возбужденіе, которое вашъ отецъ испытывалъ за это время, вредно повліяло на его здоровье и повлекло за собою, сначала тяжкую болѣзнь, а за нею и... смерть. Онъ скончался 6-го февраля.

Опустивъ глаза, Дженни не шелохнулась, продолжая сидѣть, какъ вкопанная. Помолчавъ немного, Скауторнъ продолжалъ:

— Я поговорю объ этомъ съ м-ромъ Персивалемъ, и будьте увѣрены, всѣ необходимыя мѣры въ вашу пользу будутъ приняты непремѣнно.

— Благодарю васъ, сэръ! — и Дженни встала, но въ ея осанкѣ было теперь больше самообладанія, нежели когда она впервые переступила за порогъ гостиной. Казалось, послѣднее извѣстіе даже успокоительно подѣйствовало на нее.

— Миссъ Снаудонъ! Я бы просилъ у васъ позволенія сказать вамъ еще пару словъ. Вы, можетъ быть, припомните, что я вамъ говорилъ насчетъ своего служебнаго положенія? Тогда мнѣ еще только предстояло держать экзаменъ на нотариуса и получить мѣсто помощника. Теперь это дѣло сдѣлано, и мое положеніе, какъ члена фирмы Персиваль и Пилъ—упрочено!

Дженни слушала, не прерывая его и не поднимая глазъ.

— Я чувствую прекрасно, что вамъ можетъ показаться неумѣстной моя назойливость въ такую минуту, когда я самъ явился для васъ вѣстникомъ такого прискорбнаго событія... Но я не могу сдержать своего обѣщанія никогда больше не возобновлять мое предложеніе. Подумайте прежде, чѣмъ огорчить меня рѣшительнымъ отказомъ. Простите меня, но вѣдь я опять вы-

нужденъ васъ безпокоить вопросомъ: неужели вы и теперь не можете обо мнѣ думать иначе, то-есть такъ именно, какъ мнѣ бы отъ души хотѣлось? Миссъ Снаудонъ, прошу васъ, дайте мнѣ право заботиться о васъ; дайте мнѣ возможность употребить всѣ мои силы на то, чтобы окружить васъ такимъ полнымъ счастьемъ, какого вы заслуживаете. Я вступилъ въ жизнь совершеннымъ бѣднякомъ и трудно мнѣ досталось пробивать себѣ дорогу. Вотъ потому-то мнѣ бы не хотѣлось удалиться изъ вашего дома, а васъ здѣсь оставить на заботы, на тяжелый, непрерывный трудъ. Знать, что вы здѣсь такъ неустанно трудитесь въ то время, какъ и наконецъ добились полного обезпеченія и успѣха, — отравить мнѣ и самый успѣхъ. Прошу васъ! Дайте мнѣ это утѣшеніе — заботиться о васъ! Скажите, что вы можете думать обо мнѣ...

— М-ръ Скауторнъ! — начала Дженни: — я довольна тѣми условіями жизни, въ какихъ я нахожусь теперь. У меня есть друзья, которыхъ я горячо люблю. За ваше доброе отношеніе ко мнѣ я вамъ глубоко благодарна; но свои думы, какъ вы говорите, я никогда не измѣню!

Безъ всякаго намѣренія она остановилась на такомъ словѣ, которое для ея собесѣдника имѣло глубокой и двойной смыслъ. Онъ понялъ, что никакія блага, которыя онъ могъ ей предложить, не заставятъ ее позабыть ту любовь, съ которой была связана лучшая пора ея жизни. Она была и останется вѣрна своему прошлому; она ему во-вѣки не измѣнитъ!

Такъ кончилась романтическая часть жизни Дженни.

Богатства Майкеля Снаудона куда-то ушли и пропали безслѣдно, а съ ними вмѣстѣ и его великіе замыслы; пропала и послѣдняя надежда ихъ осуществить. Все связанное съ ними отошло въ міръ воспоминаній; все — за исключеніемъ благородныхъ стремленій, которыя старикъ завѣщалъ людямъ, любившимъ его болѣе всего на свѣтѣ.

Его памяти былъ у нихъ посвященъ каждый день и часъ; но одинъ день — его похоронъ — ознаменовался событіемъ, сдѣлавшимся для Дженни путеводной цѣлью, къ которой она въ умѣ и въ глубинѣ души стремилась цѣлый годъ. Въ этой цѣли и заключалась ея тайная отрада и тайная причина неизсякаемаго запаса бодрости духа, которая помогала ей нести бремя сѣрой, одинокой и однообразной жизни.

Былъ облачный, холодный день, хотя ранняя весна и наступила. Дженни пошла обѣдать и въ тотъ день уже не вернулась

на работу; но, вмѣсто того, чтобы пойти домой, она свернула въ сторону, мимо Ислингтонъ-Грина, вдоль по эссекской дорогѣ, затѣмъ съвернѣе, къ Ньюингтону, и наконецъ дошла до кладбища Эбней-Парка. Знакомыми дорожками шла она все впередъ, пока не увидала предъ собою простую надгробную плиту, на которой стояло только имя покойнаго, годъ его рожденія и смерти. (Передъ отъѣздомъ въ Америку Джозефъ исполнилъ этотъ сыновній долгъ.)

Въ то время, какъ Джени стояла задумавшись надъ дорогою ей могилою, она слышала еще чьи-то шаги. Джени оглянулась, но не удивилась, увидавъ Сиднея, и на минуту дала ему задержать ее руку въ своей.

Въ первую годовщину смерти существа, одинаково дорогого имъ обоимъ, они встрѣтились здѣсь случайно; но вотъ уже третій годъ, какъ ихъ обоихъ, въ одинъ и тотъ же часъ, приводить сюда одна и та же дума, одно и то же горячее чувство...

Постоявъ молча нѣсколько минутъ, Джени сообщила Сиднею о смерти отца и объ обстоятельствахъ, при которыхъ она случилась; рассказала кстати и о томъ, какъ сравнительно хорошо устроилась Пеннилофъ и обезпечила себя отъ вопіющей нищеты...

— А вы-то сами все-таки довольно хорошо провели весь годъ?—спросилъ Сидней.

— Благодарю васъ! Надѣюсь, и вы также?

На этомъ они разошлись; и каждый вновь, на цѣлый годъ, вернулся къ своей повседневной жизни.

Ни одинъ изъ нихъ не могъ сказать, чтобы она была блестяща.

Мечты, тщеславныя надежды его юности, все рухнуло навѣки, безвозвратно. Изъ него не вышелъ ни художникъ, ни вождя отряда борцовъ за справедливость.

Ея высокий, доблестный примѣръ не помогъ ей пересоздать весь міръ, сдѣлаться великодушной и самоотверженной спасительницей рода человѣческаго, или хотя бы богатой, но истинной дочерью того простого люда, изъ среды котораго она сама вышла, какъ хранительница большого капитала на пользу своей меньшей братіи...

Но за то на каждого,—какъ на Сиднея, такъ и на Джени,—была возложена своя нелегкая, но всепоглощающая задача. Незамѣтно ни для кого, безъ какой бы то ни было поддержки, за исключеніемъ своей собственной любви къ справедливости и милосердію, оба смѣло проходили свой жизненный путь, служа поддержкой и утѣшеніемъ тѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, которые

были бѣднѣе и несчастнѣе ихъ. Тамъ, гдѣ жили они, былъ, конечно, мракъ; но... не безъ просвѣта; конечно, въ жизни ихъ ожидали еще горести, еще тревоги и лишенія; быть можетъ, неудача даже въ тѣхъ стремленіяхъ, которыя и безъ того ужъ были не честолюбивы, не тщеславны, а наоборотъ: скромны и непримѣтны...

Пусть такъ! По крайней мѣрѣ, ихъ самоотверженный примѣръ останется протестомъ противъ звѣрски-грубыхъ силъ, которыя безжалостно ломаютъ и калѣчатъ жизнь себѣ подобныхъ, наполняя этими живыми обломками мрачныя трущобы, въ которыхъ ютится многочисленное племя меньшей братіи.

А. Б—г—

ВООРУЖЕННЫЙ МИРЪ

и

ПРОЕКТЫ РАЗОРУЖЕНІЯ

И. С. Блюхъ, Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I—VI. Спб., 1898.

I.

Въ настоящее время, дипломаты и государственные люди въ Европѣ привлекаются къ официальному обсужденію одного изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ современной эпохи,—вопроса, который еще весьма недавно считался удѣломъ однихъ лишь кабинетныхъ теоретиковъ и мечтателей-филантроповъ. Многолѣтнія, непрерывныя усилія правительствъ въ погонѣ за обезпеченіемъ боевой готовности колоссальныхъ армій и флотовъ и за всевозможными техническими усовершенствованіями военного дѣла создали положеніе, опасное не только для общаго внѣшняго мира, но и для внутренняго развитія и благосостоянія народовъ. Какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга повсемѣстныхъ разорительныхъ вооруженій, внушаемыхъ всеобщимъ страхомъ войны, при безусловномъ миролюбіи великихъ культурныхъ націй и ихъ правительствъ?

Русская дипломатическая нота 12 августа ясно поставила вопросъ, но не предлагала способовъ къ его разрѣшенію. Для того, чтобы ограничить вооруженія, нужно, прежде всего, уничтожить духъ вражды и недовѣрія между государствами, а чтобы устранить

вражду и недовѣріе въ международныхъ отношеніяхъ, необходимо уничтожить враждебныя чувства между народностями и вѣроисповѣданіями внутри самихъ государствъ. Но можетъ ли, напримѣръ, извѣстная часть нашей печати, проповѣдуя миролюбіе, въ то же время, у себя дома, не быть въ состояніи отречься отъ непріязненныхъ чувствъ, напр., по отношенію къ финляндцамъ или къ нашимъ чисто-русскимъ раскольникамъ? Напротивъ, она систематически сѣетъ смуту и раздоръ между различными элементами населенія ¹⁾, и это занятіе признаетъ еще

¹⁾ Какъ образчикъ того, подтверждающій мысль автора, укажемъ на появившуюся на дняхъ передовую статью, конечно, „Московскихъ Вѣдомостей“ (13 сент., № 52), подъ заглавіемъ: „Шведскія претензіи“. Дѣло идетъ о статьѣ газеты „Nija Dagligt Allahanda“, которую „Москов. Вѣд.“ называютъ офиціознымъ (но не офиціальнымъ) органомъ шведскаго правительства. По словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, „газета доказываетъ въ своей статьѣ, что мирное заявленіе русскаго правительства (о всеобщемъ разоруженіи) совсѣмъ не согласуется съ новымъ военнымъ закономъ, внесеннымъ на разсмотрѣніе финляндскаго сената. Какъ проектъ этого закона, такъ и назначеніе новаго генераль-губернатора показываютъ де, что Россія готова сдѣлать покушеніе на „самостоятельность“ Финляндіи. Тяжкія испытанія Финляндіи будутъ де встрѣчены въ Швеціи съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Въ теченіе долгаго времени отношенія Швеціи къ Россіи были превосходны, но для всякаго очевидно, что цѣль новаго военнаго закона заключается де въ концентраціи русской арміи на шведской границѣ, и потому Швеція должна смотрѣть на него какъ на опасность для Скандинавскаго полуострова.

„Излишне указывать на совершенную неосновательность выводовъ шведскаго офиціоза, который не можетъ не знать, что новый законъ, вводящій только болѣе справедливое распредѣленіе тягостей воинской повинности, нисколько не угрожаетъ Швеціи или кому-нибудь другому. Еще менѣе имѣютъ право финляндцы жаловаться на покушеніе противъ ихъ несуществующей самостоятельности, когда русское правительство желаетъ уравнять ихъ въ отношеніи воинской повинности съ другими своими подданными. Такое уравниненіе финляндцы могутъ считать для себя только за честь.

„Но не эти замѣчанія, подобныя которымъ мы встрѣтили, также, въ видѣ корреспонденцій изъ Гельсингфорса, въ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ, придаютъ значеніе статьѣ шведскаго офиціоза, а то, что онъ говоритъ о предстоящей конференціи. „Съ искреннимъ и открытымъ одобреніемъ и безграничнымъ довѣріемъ шведское правительство приняло приглашеніе русскаго правительства на конференцію и согласилось участвовать въ ней, и нужно думать, что посланникъ, котораго король назначитъ делегатомъ Швеціи на конференцію, постарается выставить и защитить всѣ тѣ пункты, которые должны быть для насъ и вообще для маленькихъ государствъ самыми важными и рѣшающими. Что касается Швеціи, то на *первомъ планѣ должны стоять финляндскія дѣла* (курсивъ газеты), и никто не скажетъ, что мы желаемъ слишкомъ многого или представляемъ чрезвычайныя притязанія, если потребуемъ, чтобы Россія, въ видѣ залога своихъ стремленій, направленныхъ къ ограниченію вооруженія, отказалась отъ своихъ плановъ увеличенія своей арміи у нашей границы, чтобы, въ знакъ искренности своихъ намѣреній уважать безопасность и права различныхъ народовъ, Россія распространила этотъ принципъ и на свой вѣрный финляндскій народъ“.

дѣломъ патриотизма; духъ злобы и вражды торжествуетъ и въ практикѣ жизни, оставляя слишкомъ мало мѣста началамъ права и справедливости. Откуда же, спросятъ насъ, возьмется подходящая почва для водворенія началъ права и справедливости въ международныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ? Однѣми внѣшними мѣрами не достигается цѣль, предполагающая внутреннее нравственное преобразованіе, перемѣну чувствъ, традицій и стремленій, противорѣчащихъ христіанской морали.

Идея войны составляетъ наслѣдіе тѣхъ временъ, когда она вытекала изъ условій быта и соотвѣтствовала общественнымъ правамъ; военная слава и военное могущество, подвиги кроваваго насилія и истребленія до сихъ поръ превозносятся во всѣхъ учебникахъ исторіи, но самая война все болѣе удаляется отъ нашихъ современныхъ понятій и интересовъ, становится для насъ чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ. Сложныя экономическія и культурныя связи между націями, дѣятельная общественная и политическая жизнь, великія и трудныя задачи мирнаго развитія народовъ, привычки къ неустанной работѣ на различныхъ поприщахъ промышленности, наукъ и искусствъ, — все это дѣлаетъ мысль о войнѣ несомвѣстимою съ общимъ характеромъ

„Еслибы Швеція была державой болѣе сильною, претензіи ея офиціоза могли бы вызывать негодованіе. Теперь онѣ, конечно, скорѣе комичны. Кажется, Швеція могла бы понять, что если она будетъ ставить на мирной конференціи на первый планъ финляндскія дѣла, Германія балтійскія, Румынія бессарабскія, и такъ ad infinitum, то не обратится ли конференція, назначенная къ ограниченію вооруженій, въ конференцію уничтоженія самостоятельности Россіи? Какіхъ результатовъ можно ожидать отъ конференціи, если державы будутъ позволять себѣ, вмѣсто поставленнаго на очередь вопроса, заниматься внутренними дѣлами сосѣдей? И если сдѣлать исключеніе для одного государства, то почему не обсудить на конференціи жалобы норвежцевъ противъ шведскаго правительства, давно замышляющаго лишить ихъ всѣхъ привилегій, жалобы ирландцевъ на Англію, алызасъ-лотарингцевъ на Германію и т. д.? Не приведетъ ли тогда конференція къ результатамъ какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, какіе ею преслѣдовались? Это такъ ясно, что, не взирая на офиціозный характеръ „Nija Dagligt Allehanda“, мы скорѣе склонны видѣть въ приведенной статьѣ выраженіе взглядовъ не шведскаго правительства, а кого-либо изъ партій г. Мехелина. Но это не мѣшаетъ пожелать, чтобы офиціозная газета не давала простора интригамъ финляндскихъ сепаратистовъ, которые могутъ повредить Швеціи, какъ вредили и вредятъ Россіи“.

Итакъ, „Москов. Вѣдомости“, выступившія со статьею по адресу шведскаго правительства, какъ то видно изъ ея заглавія: „Шведскія претензіи“, заключили неожиданно обвиненіемъ „финляндскихъ сепаратистовъ“, оказавшихся повинными въ статьѣ, помѣщенной въ шведскомъ офиціозномъ органѣ. Единственнымъ основаніемъ къ такому обвиненію служитъ извѣстное всѣмъ челоукоенавистничество „Московскихъ Вѣдомостей“, которое онѣ, уже безъ всякаго основанія, считаютъ консерватизмомъ. — *Ред.*

текущей реальной дѣйствительности. Война между великими государствами Европы кажется уже немислимою, но средства къ войнѣ накаплиются непрерывно, заставивъ какъ будто забыть самую цѣль, для которой они предназначены. Вооруженія превратились въ самостоятельное специальное дѣло, разрастаясь и усиливаясь съ ужасающею послѣдовательностью, независимо отъ какихъ-либо военныхъ плановъ и предпріятій; средство само стало цѣлью, какъ это часто бываетъ въ человѣческой исторіи. Богатые считаютъ задачею своей жизни увеличеніе богатствъ, не останавливаясь предъ мыслью о конечной цѣли своихъ усилій; такъ же точно государства занялись вооруженіями, не имѣя въ виду пользоваться ими для войны и не стараясь вовсе достигнуть при ихъ помощи какого-либо опредѣленнаго результата.

Положить предѣлъ безплодному соперничеству въ дѣлѣ вооруженій было бы вполне возможно, еслибы трезвая оцѣнка обстоятельствъ, потребностей и интересовъ имѣла повсюду одинаковый доступъ въ сферу политики. Къ несчастью, политическое настроеніе рѣдко поддается доводамъ разсудка, и чѣмъ болѣе оно уклоняется отъ указаній здраваго смысла, тѣмъ патріотичѣе и возвышеннѣе кажется оно большинству. Во Франціи легко приобретаетъ популярность всякій, кто громко говорить о превосходствѣ французской арміи и о будущихъ ея побѣдахъ надъ нѣмцами; фантазеръ Деруледъ и легкомысленный Милльвуа пользуются репутаціею истинныхъ патріотовъ, тогда какъ люди свѣдущіе и разумные, предостерегающіе публику отъ увлеченія пустыми фразами, влеймятся названіемъ измѣнниковъ или—по новѣйшей психопатической терминологіи — „дрейфуссаровъ“. Въ Германіи ни одна рѣчь Вильгельма II не обходится безъ упоминанія объ остромъ германскомъ мечѣ, всегда готовомъ къ бою, и ни одно изреченіе не получило такой широкой извѣстности и славы, какъ мало понятная фраза Бисмарка, что „нѣмцы никого не боятся, кромѣ Бога“,—хотя боязнь враждебной коалиціи лежала въ основѣ всѣхъ германскихъ вооруженій и союзовъ. Въ Италіи правительство короля Гумберта готово мириться съ общимъ разореніемъ страны и съ періодическими возстаніями голодныхъ массъ, лишь бы не отставать отъ другихъ державъ въ военныхъ затратахъ и усиліяхъ. Въ Англіи морской министръ Гошенъ откровенно мотивируетъ требованіе новыхъ кредитовъ на сооруженіе броненосцевъ тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскій флотъ долженъ быть непремѣнно сильнѣе соединенныхъ флотовъ Франціи и Россіи, а послѣдняя нарушила этотъ принципъ ассигнованіемъ добавочныхъ 90 милліоновъ на усиленіе

ніе флота. Между тѣмъ, въ сущности, ни французы, ни нѣмцы, ни англичане, не думаютъ о войнѣ, а напротивъ, прилагаютъ всѣ заботы къ предупрежденію малѣйшихъ конфликтовъ, опасныхъ для общаго мира. Французскіе патріоты не знаютъ болѣе страшнаго пугала, чѣмъ угроза войны со стороны Германіи, и они пускаютъ въ ходъ это оружіе, между прочимъ, противъ сторонниковъ пересмотра дѣла Дрейфуса. Каждая держава въ отдѣльности проникнута полнымъ миролюбіемъ, и всѣ онѣ вмѣстѣ стоятъ за сохраненіе мира; но сложный аппаратъ войны развивается и держится своею собственною силою, опираясь на неискоренимыя чувства, понятія и традиціи. Милитаризмъ есть національное учрежденіе въ Германіи и во Франціи; это одинъ изъ старыхъ и крѣпкихъ элементовъ западно-европейской государственной жизни, тѣсно связанный съ историческимъ прошлымъ, выросшій на почвѣ феодализма и рыцарства, безсознательно проявляемый въ сохранившихся общественныхъ обычаяхъ, какъ, напр., въ дуэляхъ.

II.

Огромный трудъ г. Блюха появился какъ разъ кстати, — незадолго предъ тѣмъ, какъ принципиальный вопросъ о войнѣ впервые можетъ сдѣлаться предметомъ дипломатическихъ обсужденій. Въ массѣ матеріала, собраннаго авторомъ, заключаются всевозможныя свѣдѣнія, касающіяся войны и ея орудій, спеціально техническія данныя, политическія, общественныя, финансовыя и народно-хозяйственныя соображенія, равно какъ и выводы о способахъ предупрежденія войнъ на будущее время. Авторъ держится того взгляда, — высказаннаго и проф. Менделѣевымъ, — что самыя усовершенствованія военнаго дѣла дѣлаютъ войну практически невозможною или мало вѣроятною.

Новыя ружья дѣйствуютъ несравненно ужаснѣе прежнихъ; каждая пуля проходитъ черезъ нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, не теряя своей убійственной силы. „Кости раздробляются на мелкіе осколки, разбросанные внутри всего организма какъ бы дѣйствіемъ динамитнаго заряда... Печень, сердце, почка обращаются пулей въ порошокъ; другія внутренности раздираются на куски; мускулы разрываются. Надо прибавить, что пуля со стальной оболочкой, проникнувъ въ тѣло, измѣняетъ свою форму и часто даетъ самыя мелкіе, острые осколки, которые разрываютъ ткани. Вообще же произведенные опыты удостовѣряютъ, что прежняя круглая пуля и даже удлинненный снарядъ 1870 года

были, можно сказать, добродушны въ сравненіи съ безчеловѣчностью нынѣшней тонкой и изящной пули съ никелевой оболочкой“ (т. I, стр. 52 и сл.). Сила ружейнаго огня представляетъ теперь возможность полнаго взаимнаго истребленія армій, находящихся на довольно далекомъ между собою разстояніи; между воюющими образуется при стрѣльбѣ полоса, абсолютно недоступная для живыхъ существъ, и оказаніе помощи раненымъ на полѣ битвы окажется немислимымъ. „На близкихъ разстояніяхъ до 600 шаговъ, при стрѣльбѣ изъ новаго ружья, поражаемое пространство вчетверо больше, чѣмъ при стрѣльбѣ изъ бердановъ; на разстояніи до тысячи шаговъ—на половину больше, на 1.500—2.000 шаговъ—вдвое больше, а начиная съ 2.500—уже сравненіе невозможно, такъ какъ бердановскія ружья, при употребленіи прежняго ружья, на такое разстояніе не бьютъ“. Притомъ, одна и та же пуля выводитъ изъ строя до 5 челоуѣкъ на близкомъ разстояніи, и отъ 2 до 3 челоуѣкъ съ разстояніи 800 до тысячи метровъ. Число и сила орудіи во всѣхъ арміяхъ увеличились также въ нѣсколько разъ. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1870 году, дѣйствіе французской артиллеріи должно быть теперь сильнѣе въ 116 разъ, а германской—въ 42 раза. Цифры возможныхъ потерь получились бы вообще баснословныя, такъ какъ и численность нынѣшнихъ армій граничить съ чѣмъ-то фантастическимъ. По даннымъ 1896 года, державы тройственнаго союза, Германія, Австро-Венгрія и Италія, могли бы выставить до 5.135.000 челоуѣкъ войска, а Франція и Россія—до 5.354.000; всего имѣется подъ ружьемъ болѣе десяти миллионѣвъ челоуѣкъ,—не считая второстепенныхъ государствъ, тоже имѣющихъ свои арміи. Управлять движеніями такихъ массъ и снабжать ихъ продовольствіемъ въ военное время—задача почти непосильная для обыкновенной челоуѣческой предусмотрительности. Расходы на войну составляли бы для пяти главныхъ державъ Европы до 105 миллионѣвъ франковъ ежедневно, а вмѣстѣ съ пособіями семьямъ солдатъ—свыше 110 миллионѣвъ въ день; въ годъ пришлось бы затратить—Германіи болѣе 10¹/₂ миллиардовъ, Франціи—10³/₄ миллиарда, Россіи—11³/₄ миллиарда, Австріи—5.327 миллионѣвъ, Италіи—5.187 милл., а всего около 42 миллиардовъ франковъ, при общей остановкѣ мирной экономической дѣятельности, среди тяжелыхъ кризисовъ, неурядицъ и, быть можетъ, общаго голода. Война превратилась бы въ катастрофу, какой еще не видалъ міръ; это было бы грандіозное самоуубійство культурнаго челоуѣчества, немислимое даже въ порывѣ безумія.

При такихъ условіяхъ, не трудно представить самыя убѣдительныя доводы въ пользу сохраненія мира. Государство и народы, по мнѣнію г. Бліюха, должны отречься отъ воинственныхъ мечтаній и предоставить разрѣшеніе своихъ внѣшнихъ политическихъ споровъ особому международному суду. Если бы Франція, — говоритъ авторъ, — согласилась вступить въ нормальныя отношенія къ Германіи, то „передъ французскимъ народомъ открылась бы будущность спокойная, которая дала бы ему возможность развить всю его творческую силу, его изобрѣтательность, его даръ нахожденія гениальныхъ идей, и онъ снова сталъ бы шествовать впереди другихъ со свѣточемъ общаго развитія и блага“. Когда ему болѣе „не нужно будетъ обращать свое остроуміе на изобрѣтеніе новыхъ средствъ истребленія, а главныя свои денежныя силы расходовать на приготовленія къ войнѣ, гений его расцвѣтетъ съ новымъ блескомъ, и народное самолюбіе французовъ получить удовлетвореніе въ большей, чѣмъ когда-либо, степени, а Парижъ обратится тогда дѣйствительно въ столицу міра. Французамъ хорошо живется и безъ Эльзаса. Возстановить же то преобладаніе въ Европѣ, какимъ она пользовалась при Людовикѣ XIV и Наполеонахъ, Франція уже не можетъ въ настоящее время, по объединеніи Германіи и Италіи и въ виду происшедшаго огромнаго прироста въ могущество Россіи. Франціи принадлежит болѣе возвышенная задача — обратить свои средства и энергію своей дѣятельности на пріобрѣтенныя ею колоніи, уменьшить огромное бремя налоговъ и приступить, хотя и постепенно, но рѣшительно, къ трудному дѣлу такихъ преобразованій, которыя въ самомъ дѣлѣ составили бы величіе настоящей республики. При этомъ, работая для себя, она, въ согласіи съ славнымъ своимъ культурнымъ преданіемъ, трудилась бы для пользы всего человѣчества“. Г-нъ Бліюхъ настоятельно совѣтуетъ Франціи применить къ предлагаемой имъ международно-судебной организаціи. „Соглашеніе когда-нибудь должно состояться по силѣ обстоятельствъ, и лучше всего, если оно состоялось бы безотлагательно. Правда, французы все еще вспоминаютъ съ горечью о той первенствующей роли, какую игралъ нѣкогда Бисмаркъ, благодаря поблажкѣ (?) со стороны Россіи, и имъ колетъ глаза то большое значеніе, какое Германія имѣетъ нынѣ. Но вѣдь послѣ того какъ всѣ государства Европы условились бы подчинять свои споры мирному рѣшенію международного суда, самая гегемонія, т.-е. преобладаніе, основанное на военной силѣ, уже въ значительной мѣрѣ утратила бы свой блескъ, льстившій національному тщеславію, такъ что и зависти въ этомъ отноше-

ніи уже не должно бы быть“. Съ приступленіемъ всѣхъ другихъ державъ къ трактату объ учрежденіи посредническаго суда, „остаться въ сторонѣ было бы для Франціи невозможно. Главная трудность представлялась бы въ самой формѣ обращенія другихъ державъ къ Франціи по этому поводу, въ присканіи такой формы, которая бы ее не шокировала и не повліяла бы на ея дружественныя отношенія къ Россіи. Но это именно и есть дѣло дипломатіи; она справлялась иногда и съ еще болѣе трудными задачами“.

Г-нъ Бліохъ излагаетъ свои аргументы въ видѣ преній на предполагаемомъ будущемъ съѣздѣ высокопоставленныхъ лицъ разныхъ странъ въ Лондонѣ, при чемъ въ пользу идеи этого съѣзда высказался бы въ парламентѣ Гладстонъ, а вступительную рѣчь произнесъ бы престарѣлый императоръ Францъ-Іосифъ; въ коммисіи же для предварительнаго разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ, мѣшающихъ устройству правильного международного суда, предсѣдательствовалъ бы почему-то Гошенъ, нынѣшній англійскій морской министръ, бывшій глава банкирскаго дома, тотъ самый, который находитъ вполне необходимымъ и естественнымъ, чтобы флотъ Англіи былъ всегда сильнѣе соединенныхъ флотовъ двухъ первоклассныхъ державъ европейскаго материка. Пространный отчетъ объ этихъ воображаемыхъ преніяхъ (т. VI, стр. 281—374) имѣетъ, конечно, въ себѣ очень мало правдоподобія; представитель Франціи, ссылающійся на невозможность санкціонировать насильственное отнятіе у нея Эльзаса и Лотарингіи, побѣждается доказательствами и разсужденіями, въ которыхъ даже сущность спора передана невѣрно. Указаніе на то, что эти провинціи были ранѣе отняты у нѣмцевъ французами, и что, слѣдовательно, Германія только возстановила свои прежнія права, не сообщило бы противникамъ ничего новаго; все дѣло именно въ томъ, что современныя политическія понятія уже не допускаютъ системы захватовъ, практиковавшихся въ XVIII вѣкѣ, и что кромѣ права побѣды и завоеванія признается теперь и право населенія на участіе въ устройствѣ своей судьбы, на примѣръ, путемъ плебисцита, какъ это примѣнялось Франціею и Италіею въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху итальянскаго объединенія. Германія не должна была поступить съ населеніемъ занятыхъ ею областей какъ съ безправною добычею; на этомъ твердо стоятъ французы всѣхъ партій, и формально они правы, хотя сами французы, вѣроятно, не затруднились бы, въ случаѣ побѣды, присоединить лѣвый берегъ Рейна, вопреки желанію туземнаго населенія. Авторъ предоставляетъ выдающуюся роль въ обсуж-

деніи французскихъ притязаній делегатамъ второстепенныхъ державъ, Швеціи, Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, какъ болѣе безпристрастнымъ судьямъ; но въ дѣйствительности эти нейтральныя государства и ихъ представители никогда не стали бы вмѣшиваться въ столь щекотливыя и вовсе не касающіеся ихъ споры между двумя великими націями. Никто, конечно, не рѣшился бы доказывать французскимъ дипломатамъ, что мысль объ обратномъ завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи есть только „тема для декламаций“; что она доставляетъ только „дешевый успѣхъ, всегда добываемый громкими фразами“; что парижскіе крикуны могутъ вовлечь Францію въ войну; что надо ограничить чрезмѣрное преобладаніе Парижа надъ страной, и что этому способствовало бы (неизвѣстно, какимъ способомъ) учрежденіе обще-европейскаго международнаго суда. Всего менѣе могъ бы говорить что-нибудь подобное делегатъ Бельгіи; столь же мало вѣроятно, чтобы представитель Нидерландовъ или какой-либо другой „безпристрастной“ державы напоминалъ Франціи объ упадкѣ ея престижа вслѣдствіе безплодныхъ и одностороннихъ стремленій къ возмездію. Послѣ того, какъ делегатъ Даніи опровергъ бы еще одно возраженіе французскаго представителя, предсѣдательствующій резюмировалъ бы пренія и пришелъ бы къ выводу неблагоприятному для Франціи. Покончивъ съ франко-германскимъ вопросомъ, совѣщаніе приступило бы къ разбору запутанныхъ восточныхъ дѣлъ и признало бы—вѣроятно, къ своему собственному удивленію,—полную возможность разрѣшить всѣ относящіяся къ нимъ вопросы при помощи общаго международнаго соглашенія и суда. Турція должна быть отдана „подъ союзную опеку Европы“, и хотя авторъ не поясняетъ, чѣмъ эта новая опека будетъ отличаться отъ нынѣшней, доказавшей свое жалкое безсиліе въ армянскихъ и критскихъ избіеніяхъ, но онъ вѣритъ въ спасительность будущихъ опекунскихъ мѣръ и въ благотворность переименованія пресловутаго „европейскаго концерта“ въ посредническое международное судилище. Съ такою же обстоятельностью были бы разобраны отношенія между Германією и Австро-Венгрією, съ одной стороны, и Россією—съ другой; оказалось бы, что никто не имѣетъ расчета стремиться къ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ въ ущербъ сосѣдямъ, и что соперничество изъ-за колоній также не можетъ привести къ опаснымъ столкновеніямъ. Въ результатъ, подѣ влияніемъ представленныхъ и подробно разсмотрѣнныхъ доводовъ, мысль о международномъ судѣ была бы всѣмъ принята.

Еслибы такого рода конференція была вообще возможна, и

еслибы международные вопросы могли обсуждаться такъ, какъ предполагаетъ г. Блюхъ, то не было бы уже надобности созывать делегатовъ для совѣщаній: всеобщій миръ уже существовалъ бы въ умахъ и чувствахъ людей; увлеченія и страсти потеряли бы свою силу, и формальное международное соглашеніе ничего не прибавило бы къ установившемуся общему благополучію. Авторъ нарисовалъ идиллію, въ которой дѣйствующія лица свободны отъ національных особенностей, традицій, интересовъ и предубѣжденій; и въ то же время онъ въ другихъ случаяхъ и по другимъ поводамъ отмѣчаетъ факты вражды и злобы даже во внутренней жизни народовъ, въ отношеніяхъ между различными общественными элементами и классами. Соціалистическое движеніе въ западной Европѣ кажется г. Блюху чѣмъ-то случайнымъ и произвольнымъ, созданнымъ отдѣльными фанатиками и агитаторами, тогда какъ оно есть только симптомъ глубокаго народно-хозяйственнаго недуга, продуктъ ненормальныхъ условий экономическаго и политико-юридическаго быта. Почва для соціалистическихъ идей, по мнѣнію автора, подготавливается милитаризмомъ, истощающимъ народныя средства и вызывающимъ неудовольствіе въ рабочихъ массахъ; опасность социализма должна поэтому побудить правительства сократить вооруженія и военные бюджеты, чтобы оставить больше простора для удовлетворенія болѣе настоятельныхъ общественныхъ и государственныхъ потребностей. Можно сказать и наоборотъ, что современные миллионныя арміи служатъ могучимъ оплотомъ правительствъ противъ революціонно-соціалистической агитаціи, какъ это не разъ открыто заявлялось въ Германіи, въ рѣчахъ Вильгельма II; поэтому консервативные государственные дѣятели едва ли заинтересованы въ уменьшеніи военныхъ силъ, находящихся въ ихъ распоряженіи.

Г-нъ Блюхъ предвидитъ возможность проявленія дурныхъ инстинктовъ и порывовъ въ сферѣ международныхъ отношеній, но только послѣ того какъ международный судъ уже учрежденъ. Отдѣльныя государства могутъ отказаться отъ подчиненія приговорамъ этого трибунала; тогда коллективная нравственная сила состоявшаяся рѣшенія заставитъ непокорныхъ смириться, или въ противномъ случаѣ придется прибѣгнуть къ только-что упраздненному праву войны. При существованіи международнаго судилища „нельзя не допустить, — разсуждаетъ авторъ, — что совокупность или хотя бы большинство ихъ (европейскихъ государствъ) счумѣли бы воспользоваться такъ или иначе *огромнымъ перевѣсомъ своихъ силъ* надъ однимъ ослушникомъ, чтобы *понудить* его къ исполненію

трактата, въ которомъ онъ самъ являлся участникомъ“ (т. VI, стр. 384). Хорошъ былъ бы этотъ всеобщій миръ на такой основѣ! Представимъ себѣ только на минуту, что „совокупность, или хотя бы большинство“ державъ принуждаютъ Англію очистить неправильно занятый ею Египетъ, или идутъ войною на Пруссію за нарушеніе нѣкоторыхъ условій пражскаго трактата. Мыслимо ли что-нибудь въ этомъ родѣ? То, что не удастся теперь осуществить Европѣ относительно злосчастнаго Крита, дѣлается вдругъ весьма обыкновеннымъ и цѣлесообразнымъ въ удивительномъ проектѣ г. Блюха. Совмѣстныя дѣйствія, безсильныя противъ Турціи, будутъ примѣняться съ успѣхомъ противъ какой-нибудь Англіи, Франціи или Россіи, и миръ будетъ процвѣтать при помощи небывалыхъ военныхъ экзекуцій; быть можетъ, и умиротвореніе Кандіи достигнется тогда само собою. Но какъ поступить съ общественнымъ мнѣніемъ данной страны, если оно недовольно приговоромъ международнаго трибунала? На этотъ случай предлагается нѣчто совершенно неожиданное, хотя и чрезвычайно простое. „Правда,—говоритъ г. Блюхъ,—могутъ быть пускаемы въ ходъ искусственныя средства раздраженія, выдумки, заподозриванія, оскорбленія. Къ сожалѣнію, бываетъ, что даже приговоръ по частному дѣлу подвергается заподозриванію и вызываетъ агитацію. Но это показываетъ только, что принципъ уваженія къ судебному рѣшенію, хотя и повторяется печатью постоянно, однако еще недостаточно ею усвоенъ. Нынѣ дѣйствовать на настроеніе массъ невозможно иначе какъ посредствомъ печати. И вотъ должно быть окончательно признано, что печать не имѣетъ права пересуждать состоявшихся приговоровъ, какъ по дѣламъ единичныхъ лицъ, такъ и по спорамъ международнымъ“. Въ трактатъ объ учрежденіи международнаго суда „могло бы быть включено постановленіе, воспрещающее печати обсуждать дѣло съ момента представленія его суду, сообщать какіе-либо слухи объ его производствѣ въ судѣ, примѣнительно къ тому, какъ печать не имѣетъ права сообщать свѣдѣній о судопроизводствѣ при закрытыхъ дверяхъ, и наконецъ критиковать состоявшійся приговоръ. При постоянномъ международномъ судѣ могло бы даже быть особое отдѣленіе для разсмотрѣнія случаевъ нарушенія печатью этого международного закона, еслибы трактатъ облекъ это отдѣленіе правомъ налагать за подобныя нарушенія денежные штрафы, или же соотвѣтственныя постановленія могли бы быть включены въ уголовныя кодексы европейскихъ государствъ, съ предоставленіемъ третейскому суду права возбуждать въ мѣстныхъ судахъ каждаго го-

сударства преслѣдованіе за случаи нарушенія закона“ (тамъ же, стр. 382—3). Другими словами, надо установить принципъ, столь настойчиво проповѣдуемый французскими патріотами въ дѣлѣ Дрейфуса. Запрещать неудовольствіе и раздраженіе—это обычная иллюзія бонапартистовъ всѣхъ національностей; но какъ можетъ сторонникъ всеобщаго мира включать въ свою программу обузданіе „несогласно мыслящихъ“ посредствомъ шаблонныхъ мѣръ судебно-полицейской войны? Еслибы критика могла быть въ самомъ дѣлѣ устранена запрещеніями и преслѣдованіями, то вся исторія культурнаго человѣчества была бы другая, и г. Блюху не пришлось бы теперь критиковать военно-политическую систему, установленную могущественными правителями. Приравнивать публичные международные споры, интересующіе всѣхъ и каждого, къ частнымъ секретнымъ дѣламъ, разбираемымъ при закрытыхъ дверяхъ,—болѣе чѣмъ странно. Нельзя даже вообразить себѣ, что, напр., англійской печати будетъ „запрещено“ обсуждать какія-либо рѣшенія или дѣйствія Европы по египетскому вопросу, или что какая-либо человѣческая сила заставитъ французовъ молчать и не волноваться по поводу дѣла Дрейфуса. Авторъ неправильно понимаетъ принципъ уваженія къ состоявшимся судебнымъ приговорамъ: авторитетъ рѣшеннаго дѣла выражается лишь въ признаніи практической непоколебимости и всеобщей обязательной силы приговора, а вовсе не въ стѣсненіи права теоретической оцѣнки его по существу. Никакая власть не можетъ принимать къ своему разсмотрѣнію дѣло, рѣшенное судомъ, но это нисколько не мѣшаетъ частнымъ лицамъ и печати признавать рѣшеніе ошибочнымъ и высказываться въ пользу законнаго пересмотра процесса. Законы также святы и неприкосновенны, однако всѣмъ дозволяется критиковать ихъ содержаніе и доказывать пользу ихъ измѣненія и исправленія. Принудительное, навязанное извнѣ молчаніе есть вѣрнѣйшій способъ усилить недовольство, создать почву для самыхъ фантастическихъ слуховъ и толковъ, возбудить глухое броженіе въ обществѣ и подорвать нравственную силу тѣхъ началъ, во имя которыхъ принимаются подобныя мѣры. Неужели нужно еще доказывать эту азбучную истину, подтверждаемую историческимъ опытомъ всѣхъ современныхъ государствъ? Наши газеты можно было заставить въ свое время ничего не говорить о берлинскомъ конгрессѣ; но дипломатическія неудачи того времени все-таки остались бы неудачами, и впечатлѣніе ихъ на русскую публику не было бы слабѣе отъ того, что мы узнавали бы о нихъ только какъ о совершившихся фактахъ. Международный судъ никогда не могъ

бы устроиться на почвѣ борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ или съ человѣческой природою. Проектъ г. Блюха вполне утопиченъ именно потому, что онъ предполагаетъ коренное измѣненіе обычной человѣческой психологіи, приведеніе различныхъ національныхъ характеровъ къ одному общему типу и сохраненіе устарѣлыхъ полицейскихъ взглядовъ и приѣмовъ—при будущемъ торжествѣ права и справедливости!

Въ принципѣ, конечно, трудно сказать что-либо противъ общихъ разсужденій и выводовъ г. Блюха. Въ дѣйствительности,—говоритъ онъ, въ концѣ своего обширнаго труда,—„ничто не составляетъ неустранимаго препятствія къ осуществленію великой потребности человѣчества въ упроченіи мира созданіемъ мирнаго и правильнаго исхода для международныхъ споровъ. Напрасно было бы признавать это неисполнимымъ лишь потому, что доселѣ это исполнено не было. Пусть только найдутся благородные инициаторы этого великаго дѣла, и пусть они бодро и спокойно поставятъ его предъ глазами народовъ. Можно утверждать навѣрное, что не найдется ни народа, ни правительства, которые имѣли бы смѣлость отъ него отказаться. Если и допустить, что кто-либо, хранищій въ душѣ злобное воспоминаніе о потеряхъ или завоевательные помыслы, остался бы сперва въ сторонѣ отъ этого мірового, благотѣльнаго для человѣчества дѣла, то нельзя сомнѣваться, что требуется недолгое время на то, чтобы и тотъ былъ вынужденъ самою силою обстоятельствъ присоединиться къ общему подвигу, предпринятому для обезпеченія общаго блага“ (т. VI, стр. 394).

Въ частности, разоруженіе великихъ державъ было бы въ высшей степени желательно и благотворно для Россіи. При настоящемъ состояніи Россіи, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, „уменьшеніе расходовъ на приготовленія къ войнѣ представляется для нея не менѣе, а быть можетъ, даже еще болѣе необходимымъ, чѣмъ для другихъ европейскихъ государствъ. Сокращеніе части расходовъ,—нынѣ употребляемыхъ на вооруженныя силы безплодно, такъ какъ не имѣется даже вѣроятія близкой войны,—представляетъ первостепенный интересъ для блага народа и развитія жизненныхъ силъ государства. Силы эти необходимы Россіи для веденія иной борьбы: не на полѣ брани, но съ экономическою отсталостію, бѣдностію и невѣжествомъ народа. Успѣхи внутренней жизни и развитіе производительныхъ силъ представляются болѣе настоятельными для Россіи (которая, еслибы и случилась война, должна была бы въ началѣ дѣйствій держаться, по всей вѣроятности, оборонительно), чѣмъ увели-

ченіе вооруженныхъ полчищъ и числа броненосцевъ, миноносцевъ и вообще морскихъ силъ“ (тамъ же, стр. 176—7).

Характеристика современнаго положенія, дѣлаемая г. Блюхомъ, должна быть признана также вполне основательною и вѣрною. Система вооруженнаго мира подкапывается подъ свои собственныя основы. „Народы стонутъ подъ бременемъ милитаризма. Европа стоитъ предъ необходимостью извлекать изъ производительной силы народовъ все новыя и новыя милліарды для военныхъ цѣлей. Едва успѣли ввести малокалиберное ружье, какъ техника сдѣлала новый шагъ впередъ, и не подлежитъ уже сомнѣнію, что вскорѣ великія державы будутъ вынуждены перейти къ ружьямъ еще мѣньшаго калибра, бьющимъ почти съ двойною силою противъ нынѣшнихъ и позволяющимъ снабдить солдата большимъ количествомъ патроновъ. Одновременно во Франціи и Германіи приступлено уже къ изготовленію новыхъ пушекъ и мортиръ, позволяющихъ пользоваться всею силою новаго, бездымнаго пороха. Израсходованы милліарды на постройку броненосцевъ и крейсеровъ. Но каждый годъ приноситъ столь радикальныя усовершенствованія въ дѣйствіи орудій, увеличеніи скорости хода, способности проходить большія пространства безъ возобновленія запасовъ угля, что только-что спущенныя суда оказываются уже непригодными, и приходится строить взамѣнъ ихъ новыя. Въ виду того, что совершается на нашихъ глазахъ въ Германіи, Италиі и Австріи, приходится поставить вопросъ: возможно ли будетъ продолженіе постоянныхъ требованій у парламентовъ новыхъ средствъ на вооруженія, безъ серьезныхъ внутреннихъ потрясеній? И другой вопросъ: не смѣнить ли, наконецъ, настоящую крайнюю затруднительность веденія войны полная невозможность рѣшиться на нее, по крайней мѣрѣ въ странахъ, гдѣ высокая культура увеличила значительно цѣнность жизни каждаго гражданина?“

Европейскимъ государствамъ—продолжаетъ авторъ—„не слѣдуетъ мириться съ безотчетнымъ стремленіемъ впередъ по разорительному и опасному для всѣхъ пути вооруженій, но осмотрѣться наконецъ, задать себѣ вопросъ: куда ведутъ эти вооруженія и это истощеніе; какова была бы въ будущемъ война; возможно ли даже нынѣ прибѣгать къ ней для рѣшенія споровъ, и мыслимо ли разрѣшеніе международныхъ вопросовъ посредствомъ настоящаго катаклизма, какимъ представилась бы, при современныхъ средствахъ истребленія, война между пятью великими державами съ десяткомъ милліоновъ солдатъ?“ Авторъ выражаетъ пожеланіе, „чтобы одно изъ европейскихъ правительствъ взяло на себя починъ въ постановкѣ вопроса: до какого же предѣла будетъ идти сопер-

ничество въ вооруженіяхъ, какова окажется въ дѣйствительности великая война, если она, къ несчастью, все-таки начнется, возможно ли рѣшиться на нее, мыслимо ли довести ее до разрѣшенія хоть одного изъ вопросовъ, которыми доселѣ оправдываютъ вооруженія?“ (т. I, стр. 7—27). Такое пожеланіе автора, какъ извѣстно, осуществилось; вопросъ официально поставленъ, но результаты предпринятаго шага пока еще обрисовываются передъ нами лишь въ весьма неясныхъ очертаніяхъ. Почтенный и обширный трудъ автора съ своей стороны не вноситъ въ пониманіе великой проблемы того элемента разумной цѣлесообразности, безъ котораго широка реформаторскія попытки остаются только безплодными утопіями.

Сочиненіе г. Блюха не свободно и отъ существенныхъ литературныхъ недостатковъ и погрѣшностей ¹⁾; но по богатству фактическихъ данныхъ и по важности затронутыхъ предметовъ и вопросовъ оно заслуживаетъ полнаго вниманія читателя.

Л. Слонимскій.

¹⁾ Къ числу этихъ недостатковъ слѣдуетъ прежде всего отнести нѣкоторую небрежность въ пользованіи иностранною литературою: имена авторовъ приводятся часто въ искаженномъ видѣ; цитаты выбраны какъ бы случайно, наугадъ, безъ системы и взаимной связи. Такъ, въ списокъ авторовъ значится *Егусъ Макс* (т. V, стр. III), и его мнѣніе излагается на стр. 55 того же тома, причемъ въ выноскѣ онъ названъ „*Maks Jähns*“; однако, такого писателя не существуетъ, а цитируемая книга принадлежитъ *Генсу* (*Jähns, Ueber Krieg, Frieden und Kultur, Berl. 1893*). Французскій социалистъ Малонъ переименованъ въ Малу (тамъ же, стр. 110); нѣмецкій писатель Каутскій—въ Кацки (стр. 131 и 132), англичанинъ Чарльсъ Бустъ—въ Карла Бута (стр. 68), Бэдждотъ—въ Багегота (т. I, стр. 13) и др.

ИЗЪ ГАУПТМАНА

Кто безмятежно наслаждение
Изъ чаши жизни жадно пьетъ,
Кто мысли всякое движеніе
Мишурной красотѣ несетъ,
Чей взоръ не орошенъ слезою
При видѣ горести чужой,
Чья грудь подъ страшною грозою
Людской бѣды хранить покой,
Кому жестокиа страданья
Далекихъ, близкихъ и родныхъ
Не омрачаютъ часъ свиданья,
Не нарушаютъ грѣзъ ночныхъ—
Тому созвѣздій мириады
Должны укорами сіять,
И небеса сквозь тучъ громады
Зловѣщій отблескъ посылать.
И долженъ тотъ во взглядѣ друга—
Какъ въ чашѣ сладкой—ядъ испить,
И въ ласкѣ милой—какъ средъ луга
Змѣю—измѣну вдругъ открыть.

И. ГРИНЕВСКАЯ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое октября 1898.

Близкій конецъ работъ комиссій для пересмотра законоположеній по судебной части.—Выборный мировой судъ въ столицахъ и большихъ городахъ.—Почетные мировые судьи.—Отношеніе мѣстной юстиціи къ судебно-административнымъ учрежденіямъ.—Мечты объ упраздненіи земства и реформа общественнаго призрѣнія.—Земство на окраинахъ.—„Высшее крестьянское управленіе“.

Въ будущемъ 1899 г. можно ожидать окончанія работъ комиссій для пересмотра законоположеній по судебной части и внесенія ихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Предполагалось, первоначально, что комиссія, учрежденная въ 1894 г., справится съ своей задачей въ теченіе трехъ лѣтъ — и это было вполне возможно, какъ видно изъ исторіи судебныхъ уставовъ императора Александра II. Основные положенія судебной реформы были утверждены 29-го сентября 1862 года, судебные уставы—20-го ноября 1864 года: въ два года, такимъ образомъ, уставы были не только составлены, но и рассмотрѣны въ законодательномъ порядкѣ. А между тѣмъ, возвести обширную постройку, не имѣя для того никакихъ точекъ опоры въ прошломъ, создать новую систему судоустройства и судопроизводства, прочно соединить ея различныя части, согласовать между собою ея безчисленныя детали, выработать соотвѣтствующую ей терминологию — было, конечно, дѣломъ несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ пересмотръ дѣйствующаго законодательства, въ видахъ устраненія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его недостатковъ или пробѣловъ ¹⁾. Въ объясненіе или въ оправданіе медленности, съ которою подвигается впередъ этотъ пересмотръ, можно указать на то, что члены комиссій, учрежденной въ 1894 г., всѣ или почти всѣ продол-

¹⁾ Необходимо припомнить, что одновременно съ учрежденіемъ судебныхъ уставовъ и уставами гражданского и уголовного судопроизводства былъ составленъ и утвержденъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—одинъ изъ лучшихъ законодательныхъ актовъ того времени.

жали и продолжаютъ исполнять свои обычныя служебныя обязанности, тогда какъ члены комиссій 1862 г. имѣли, болѣею частью, возможность посвятить себя всецѣло своему главному труду. Едва ли, однако, мы ошибемся, если скажемъ, что на разницу въ ходѣ работы повліяло еще болѣе различіе между обѣими эпохами. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ общественный пульсъ бился сильно и часто, отражаясь и на государственной дѣятельности; цѣли преобразований были намѣчены рѣшительно и ясно, пути къ нимъ не были загромождены разнообразными препятствіями; энергія работниковъ поддерживалась сознаніемъ важности порученнаго имъ дѣла и глубокой вѣрой въ его необходимость. Ничего подобнаго уже не было въ 1894 г., когда рѣшено было приступить къ пересмотру судебныхъ уставовъ; ничего подобнаго нѣтъ и теперь, когда онъ приходитъ къ концу. Скажемъ болѣе: условія работы пережѣнились не къ лучшему. Въ первомъ ея фазисѣ признавалось возможнымъ распространить ее, согласно съ даннымъ ей наименованіемъ, на всѣ вообще „законоположенія по судебной части“; проектировалось „согласованіе и объединеніе *всѣхъ* многообразныхъ институтовъ *мѣстной* юстиціи“, не исключая „судебной части судебно-административныхъ учреждений, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г.“; ставился вопросъ объ отношеніи мѣстной юстиціи какъ къ этимъ учреждениямъ, такъ и къ волостному суду; въ составѣ комиссіи былъ образованъ, рядомъ съ отдѣломъ судоустройства, особый отдѣлъ для разсмотрѣнія *мѣстныхъ* судебныхъ установленій. Вслѣдствіе обстоятельствъ, остающихся, пока, невыясненными, этотъ планъ подвергся значительному сокращенію: отдѣлъ мѣстныхъ судебныхъ установленій былъ закрытъ; мысль о согласованіи и объединеніи двухъ мѣстныхъ юстицій—чисто судебной и судебно-административной,—была оставлена. По окончаніи реформы, сферы дѣйствій обѣихъ юстицій окажутся, по всей вѣроятности, еще болѣе далекими другъ отъ друга, чѣмъ въ настоящее время ¹⁾. Последнимъ сомнѣніемъ на этотъ счетъ положило конецъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, официальное сообщеніе предсѣдателя комиссіи. Одна изъ газетъ, основываясь на ошибочно понятыхъ словахъ предсѣдателя, выразила предположеніе, что вновь проектируемыми участковыми судьями и отдѣленіями окружныхъ судовъ будутъ замѣнены земскіе начальники и уѣздные сѣзды, поскольку они исполняютъ судебныя функціи. Опровергая это предположеніе, предсѣдатель комиссіи объяснилъ, что участковыхъ судей и отдѣленія окружного суда имѣется въ виду поставить рядомъ съ судебно-администра-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ „Вѣстн. Европы“ 1894 г., № 7; 1896 г. № 4 и 1897 г. № 1.

тивными учрежденіями, сохранивъ за послѣдними судебную власть въ томъ объемѣ, въ какомъ она предоставлена имъ закономъ 12-го іюля 1889 г.; все отличіе новой судебной организаціи въ этихъ губерніяхъ и въ тѣхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ сѣздовъ, можетъ касаться „лишь числа и круга вѣдомства мѣстныхъ судебныхъ органовъ“. Итакъ, приближеніе суда къ населенію не устранить раздвоенія судебной власти между двумя категориями учреждений, рѣзко противоположными одна другой; пересмотръ судебныхъ уставовъ не возстановитъ отдѣленія суда отъ администраціи; большинство судебныхъ дѣлъ по прежнему останется чуждымъ судебному вѣдомству; отрѣзаннымъ отъ него будетъ, по прежнему, и волостной судъ, играющій столь важную роль въ народной жизни. Внѣшнее единообразіе судебного устройства или не будетъ достигнуто, или будетъ куплено цѣною порчи существующаго строя. Въ Сибири, какъ мы видѣли въ предъидущемъ обзорѣ, уже сужена, въ пользу крестьянскихъ начальниковъ, компетенція мировыхъ судей. Весьма вѣроятно, что не учтѣются ни гминные суды въ губерніяхъ царства польскаго, ни верхніе крестьянскіе суды въ остзейскомъ краѣ, и что весь западъ имперіи, сохраняющій до сихъ поръ раздѣленіе властей судебной и административной ¹⁾, будетъ поставленъ, въ этомъ отношеніи, на одинъ уровень съ центральными губерніями. Если таковъ будетъ результатъ пересмотра судебныхъ уставовъ, то придется, можетъ быть, пожалѣть, что онъ былъ предпринятъ. Частныя улучшенія не создадутъ противовѣса той потерѣ, которую понесетъ правосудіе вслѣдствіе новаго ограниченія его области и новаго закрѣпленія порядковъ, прямо идущихъ въ разрѣзъ съ основною мыслью судебныхъ уставовъ. Допустимъ—чего на самомъ дѣлѣ ожидать нельзя,—что въ обновленномъ своемъ видѣ процессуальныя правила, регулирующія дѣятельность *судебныхъ* учреждений, будутъ близки къ совершенству; невелика, сравнительно, будетъ отъ того выгода для государства, разъ что громадное большинство судебныхъ дѣлъ останется внѣ дѣйствія этихъ правилъ, оставаясь внѣ вѣденія суда. Глубокую истину выразилъ великій французскій поэтъ, воскликнувъ: „Ainsi que deux soleils, il n'y a pas deux justices“¹⁾ Для рѣшенія такъ-называемыхъ маловажныхъ дѣлъ необходимы тѣ же условія, тѣ же приемы, какъ и для рѣшенія важнѣйшихъ процессовъ; для крестьянъ судъ, вполне соответствующій этому имени, драгоцѣненъ не меньше, чѣмъ для другихъ сословій. Только въ связи съ общими судами могъ бы получить настоящее свое значеніе и волостной судъ, теперь непосильно обременен-

¹⁾ Въ привислянскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ рядомъ съ мировыми судьями существуютъ комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, въ западныхъ губерніяхъ—мировые посредники.

ненный дѣлами и лишенный компетентнаго руководства; только съ расширеніемъ чисто-судебныхъ функций участковаго судьи сдѣлалось бы возможнымъ правильное устройство слѣдственной части. Судебный организмъ—живое цѣлое; онъ не можетъ считаться здоровымъ, когда ампутированы нѣкоторые его члены.

Въ той части судебного строя, которая измѣнена почти до неузнаваемости закономъ 12-го іюля 1889 г., сохранились двѣ черты, напоминающія о лучшемъ прошломъ: выборный мировой судъ—въ столицахъ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ; выборные почетные мировые судьи—во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. И тому, и другому пересмотръ судебныхъ уставовъ долженъ, повидимому, положить конецъ. Проектъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установлений—читаемъ мы въ рѣчи предсѣдателя комиссіи, произнесенной въ засѣданіи 20-го февраля (см. „Журналъ Министерства Юстиціи“ 1898 г., № 4),—„сохраняетъ должности почетныхъ судей, но лишь для участія въ судебныхъ засѣданіяхъ и пополненія присутствія окружного суда и его отдѣленій. Согласно принятому комиссіею коренному началу правительственнаго назначенія на всѣ судебныя должности, и почетные судьи не избираются, а назначаются, при условіи извѣстнаго образовательнаго или служебнаго ценза, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстнымъ земскимъ собраніемъ и городскимъ думами предоставляется рекомендовать кандидатовъ въ почетные судьи“. Изъ подчеркнутыхъ нами словъ слѣдуетъ заключить, что *выборные* участковые мировые судьи, пережившіе переворотъ 1889 года, должны уступить мѣсто участковымъ судьямъ, *назначеннымъ* на общемъ основаніи. Позволительно усомниться въ томъ, чтобы достаточнымъ оправданіемъ такой мѣры могло служить послѣдовательное проведеніе принципа правительственнаго назначенія судей. Когда учрежденіе существуетъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ нельзя лучше осуществляя свою задачу, пользуясь общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, едва ли цѣлесообразно приносить его въ жертву отвлеченному началу. Чтобы быть логичнымъ до конца, слѣдовало бы вообще устранить участіе общества въ отправленіи правосудія, т.-е. отмѣнить судъ присяжныхъ, упразднить даже сословныхъ представителей. Такъ далеко пересмотръ судебныхъ уставовъ, къ счастью, не заходитъ—а если остаются присяжные, то нѣтъ причины уничтожать, во имя принципа, выборныхъ мировыхъ судей. Нѣсколькимъ лицамъ, оставшимся вѣрными традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, весьма кстати пришла мысль выпустить въ свѣтъ сборникъ статей, посвященныхъ выборному мировому суду ¹⁾. Въ пользу назначенія

¹⁾ Въ составъ этого сборника, озаглавленнаго: „Выборный мировой судъ“ (Спб.,

единоличныхъ судей“—сказано въ введеніи къ этому сборнику—, приводились и приводятся обыкновенно три главныхъ довода: неудовлетворительный составъ избирательныхъ собраній, отражающійся и на результатѣ выборовъ,—срочность полномочій выборныхъ судей и обусловливаемая ею зависимость ихъ отъ избирателей,—слабая юридическая подготовка большинства выборныхъ судей. Безспорно, составъ земскихъ собраній, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ опредѣленъ новымъ земскимъ положеніемъ (1890 г.), оставляетъ желать весьма многого; еще въ болѣе мѣрѣ это можно сказать о составѣ городскихъ думъ, образованныхъ на основаніи городского положенія 1892 г. Никакихъ серьезныхъ нареканій, однако, дѣятельность мировыхъ судей, гдѣ они до сихъ поръ избираются городскими думами, не вызываетъ; города, обладающіе выборнымъ мировымъ судомъ, видятъ въ немъ драгоценное преимущество, подлежащее тщательной охранѣ. Хорошія стороны учрежденія переѣшиваютъ, очевидно, неблагоприятную обстановку, въ которую оно поставлено... Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ: или недостатки избирательныхъ системъ, земской и городской, такъ велики, что исключаютъ возможность успѣшной дѣятельности земскихъ и городскихъ учреждений—въ такомъ случаѣ необходима коренная ихъ перестройка, совершенно независимо отъ объема принадлежащихъ имъ полномочій; или успѣшная, до извѣстной степени, дѣятельность земскихъ собраній и городскихъ думъ возможна, *несмотря* на вышеупомянутые недостатки—а въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія утверждать, что имъ не должно быть предоставляемо, въ настоящее время, право избранія мировыхъ судей... *Срочность* полномочій выборнаго мирового судьи не должна быть смѣшиваема съ ихъ *краткосрочностью*. По справедливому замѣчанію с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, срокъ, на который избираются мировые судьи, могъ бы быть увеличенъ, съ пользою для дѣла, съ трехъ до пяти лѣтъ; даже нѣсколько болѣе продолжительный періодъ времени (напр., шести- или семилѣтній) не представлялъ бы ничего несовмѣстнаго съ хорошими сторонами выборнаго начала. Практика показываетъ, впрочемъ, что даже краткосрочность избранія не влечетъ за собою особой неустойчивости въ положеніи мировыхъ судей. Переизбраніе на новые сроки составляетъ теперь и составляло прежде скорѣе общее правило, чѣмъ исключеніе. Избиратели понимаютъ, что частая смѣна судей не соотвѣтствовала бы назначенію мирового суда, и умѣютъ дорожить судьями, добросовѣстно относящимися къ своимъ обязанностямъ. Весьма возможно, что въ среднемъ выводѣ выборные мировые судьи оставались

(1898), вошли, кромѣ введенія, статьи М. И. Бруна, Г. А. Джаншіева, П. Н. Обинскаго и Н. А. Окунева, а также замѣчанія с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда по вопросу объ избираемости мировыхъ судей.

и остаются на своихъ мѣстахъ дольше, чѣмъ назначенные. Назначенный единоличный судья смотритъ на свою должность, въ большинствѣ случаевъ, какъ на переходную ступень къ болѣе высокому служебному положенію. Ничто не связываетъ его съ данною мѣстностью; онъ всегда готовъ промѣнять ее на другую, болѣе удобную. Выборный судья, наоборотъ, принадлежитъ обыкновенно къ числу мѣстныхъ жителей и не стремится ни въ даль, ни въ высь, удовлетворяясь возможностью соединить общественную службу съ занятіями собственнымъ хозяйствомъ. Зависимымъ отъ избирателей онъ чувствуетъ себя рѣдко, какъ потому, что ему извѣстно нерасположеніе ихъ къ безпричиннымъ перемѣнамъ, такъ и потому, что ихъ группировка не представляетъ ничего прочнаго, постояннаго; трудно предвидѣть завтра, кому будетъ принадлежать въ минуту выборовъ рѣшающій голосъ. Согласно извѣстной англійской поговоркѣ (*honesty is the best policy*), прямотушный образъ дѣйствій, не взирая на лицо, оказывается для выборнаго судьи, сплошь и рядомъ, не только самымъ достойнымъ, но и самымъ цѣлесообразнымъ "... Что касается, наконецъ, до *юридическаго образованія*, то число лицъ, имъ обладающихъ, въ настоящее время настолько велико, что „во многихъ мѣстахъ не встрѣтилось бы затрудненій въ пополненіи изъ ихъ среды личнаго состава выборной мировой юстиціи. Большимъ препятствіемъ къ избранію юристовъ въ мировые судьи служило и служить требованіе довольно высокаго имущественнаго ценза, отъ котораго освобождаетъ лишь *единогласный* выборъ, осуществимый только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Существенную перемѣну въ этомъ отношеніи могло бы произвести какъ пониженіе имущественнаго ценза, такъ и признаніе его ненужнымъ при выборѣ значительнымъ большинствомъ (напр. $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ голосовъ). Для единоличнаго судьи важно, притомъ, не столько юридическое, сколько *общее* (высшее) образованіе, объявить которое *непремѣннымъ* условіемъ выбора въ мировые судьи было бы вполне возможно и въ настоящее время. Служа гарантіей общаго развитія, университетское образованіе облегчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобрѣтеніе специальныхъ, техническихъ свѣдѣній; образованному человѣку не трудно стать юристомъ настолько, насколько это нужно для мирового судьи". Намъ кажется, что этими соображеніями вполне доказывается возможность *расширенія* сферы дѣйствій выборнаго мирового суда, т.-е. восстановленія его въ прежнихъ или еще болѣе широкихъ размѣрахъ,—но въ особенности они примѣнимы къ его *сохраненію*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ теперь существуетъ. Въ большихъ городахъ доступъ въ мировые судьи безъ всякихъ затрудненій могъ бы быть оставленъ открытымъ *только* для лицъ, получившихъ высшее образованіе (общее или даже специально-юридическое);

недостатка въ кандидатахъ, удовлетворяющихъ этому условію, здѣсь никогда бы не оказалось. Въ большихъ городахъ, далѣе, всего меньше можно опасаться вліянія избирателей на мировыхъ судей; мелкія котеріи, связанныя исключительно личными интересами, образуются здѣсь гораздо рѣже и разрушаются гораздо скорѣе; менѣе чѣмъ гдѣ-либо мировой судья можетъ здѣсь рассчитывать на то, что люди или группы, наиболѣе вліятельныя въ данную минуту, сохранить свое вліяніе до самаго момента выборовъ ¹⁾. Всего чаще, наконецъ, встрѣчаются здѣсь случаи продолжительной, непрерывной службы мировыхъ судей. Мы узнаемъ, напримѣръ, изъ замѣчаній с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, что къ 1-му января 1897 г. изъ числа столичныхъ мировыхъ судей одинъ состоялъ въ должности болѣе 27^{1/2} лѣтъ, одинъ—болѣе 23^{1/2} лѣтъ, четверо—почти 21 годъ, двенадцать—отъ 10 до 20 лѣтъ, девять—отъ 5 до 10 лѣтъ, трое служили второе трехлѣтіе, и только пятеро добавочныхъ судей—менѣе трехъ лѣтъ. Едва ли можно найти нѣчто подобное между назначенными единоличными судьями—а въ средѣ выборныхъ участковыхъ мировыхъ судей такая устойчивость не была исключеніемъ даже въ уѣздной глуши. Въ уѣздѣ, намъ особенно близкомъ, мировые судьи, *de facto*, почти безсмѣнны—и аналогичные примѣры можетъ указать всякій, знакомый съ провинціальною жизнью.

Судя по вышеприведеннымъ словамъ председателя комиссіи, выборное начало предполагается устранить не только въ средѣ участковыхъ, но и въ средѣ почетныхъ судей; исчезнуть должно при этомъ и самое названіе: *мировой* судья, возбуждающее длинный рядъ свѣтлыхъ, дорогихъ воспоминаній. Однимъ отвлеченнымъ принципомъ „правительственнаго назначенія“ на всѣ судебныя должности эта перемѣна можетъ быть оправдана еще меньше, чѣмъ упраздненіе уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ выборныхъ участковыхъ судей. Званіе почетнаго судьи нельзя считать *судебною должностію*, въ обычномъ смыслѣ этого слова. У него нѣтъ опредѣленныхъ, *обязательныхъ* занятій; при существованіи, рядомъ съ нимъ, *назначенныхъ* участковыхъ судей (или земскихъ

¹⁾ Въ петербургскихъ газетахъ встрѣчаются иногда указанія на то, что нѣкоторые изъ столичныхъ мировыхъ судей, въ спорахъ между домовладѣльцами и квартиронанимателями, расположены къ пристрастію въ пользу первыхъ. Если и допустить, что этотъ упрекъ не лишенъ основанія, то логическимъ выводомъ изъ него является, во всякомъ случаѣ, не уничтоженіе избираемости мировыхъ судей, а измѣненіе избирательной системы, дающей домовладѣльцамъ ничѣмъ не оправданное преобладаніе въ городской думѣ. Много значитъ и то, что формальныя доказательства, играющія слишкомъ большую роль въ нашемъ гражданскомъ процессѣ, склоняютъ вѣсы, въ большинствѣ случаевъ, на сторону домовладѣльцевъ.

начальниковъ и городскихъ судей), онъ никогда и ни въ чемъ не дѣйствуетъ единолично, ограничиваясь *участіемъ* въ общей работѣ, главная тяжесть которой падаетъ на судей-специалистовъ. Цѣнность такого участія прямо пропорціональна его самостоятельности. По степени судейской опытности, по обширности и основательности юридическихъ знаній почетный судья почти всегда уступаетъ своимъ товарищамъ—профессиональнымъ юристамъ. Назначаемый подобно имъ, онъ будетъ, въ большинствѣ случаевъ, сознавать себя какъ бы неполноправнымъ членомъ судебной коллегіи; источникъ его правъ будетъ тотъ же, какъ и для остальныхъ членовъ, а основанія пользованія ими—значительно меньшія. Отсюда почти неизбежно будетъ вытекать охлажденіе къ своему званію, недостатокъ усердія въ исполненіи обязанностей, съ нимъ соединенныхъ. Другое дѣло—избранный почетный судья; какъ довѣренный мѣстнаго населенія, онъ можетъ чувствовать себя не менѣе авторитетнымъ, чѣмъ его коллеги—именно потому, что существенно различны основы ихъ полномочій. Предоставленіе земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ права намѣчать кандидатовъ въ почетные судьи не можетъ замѣнить собою, съ этой точки зрѣнія, избраніе ими почетныхъ судей: разъ что рѣшительное слово будетъ принадлежать судебной администраціи, почетный судья будетъ считать себя ея ставленникомъ, а не избранникомъ населенія. Намѣченные кандидаты могутъ, притомъ, быть отвергнуты администраціей; въ почетные судьи могутъ попасть лица, вовсе не указанные земскимъ собраніемъ или городской думой (или даже забаллотированныя при составленіи списка кандидатовъ). Не можетъ служить аргументомъ въ пользу назначенія почетныхъ судей и аналогичный порядокъ, существующій теперь въ не-земскихъ губерніяхъ—не можетъ какъ потому, что онъ объясняется тамъ отсутствіемъ (въ уѣздахъ) всесловныхъ общественныхъ учреждений, такъ и потому, что никто еще не слыхалъ о пользѣ, приносимой тамошними почетными судьями. Безспорно, институтъ почетныхъ мировыхъ судей и въ земскихъ губерніяхъ не вполне оправдалъ надежды, возлагавшіяся на него въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ; но явный его упадокъ начался только со времени введенія въ дѣйствіе судебно-административныхъ учреждений, да и въ ихъ средѣ почетные судьи весьма часто составляютъ элементъ далеко не безполезный. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что назначеніе въ почетные судьи будетъ выпадать, болѣею частью, на долю лицъ, владѣющихъ крупными имѣніями, или занимающихъ, на мѣстахъ, видныя административныя должности, или извѣстныхъ въ вліятельныхъ столичныхъ или провинціальныхъ сферахъ. Для мѣстныхъ жителей, не принадлежащихъ ни къ одной изъ этихъ категорій, доступъ въ почетные судьи будетъ до крайности затрудненъ, какъ бы они ни

были, въ глазахъ населенія, достойны судейскаго званія. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ свѣдѣнія о нихъ могутъ дойти до центральной судебной администраціи? Черезъ мѣстныхъ участковыхъ судей или уѣздныхъ членовъ окружного суда? Но они недостаточно авторитетны, чтобы ихъ отзывъ могъ имѣть рѣшающее значеніе. Черезъ председателей и прокуроровъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ? Но они стоятъ слишкомъ далеко отъ мѣстной жизни и слишкомъ мало знаютъ людей, ею выдвигаемыхъ. Придется, въ большинствѣ случаевъ, полагаться на мнѣніе губернаторовъ и предводителей дворянства, гораздо болѣе одностороннее, чѣмъ мнѣніе цѣлаго собранія. Намъ скажутъ, можетъ быть, что къ рекомендаціи кандидатовъ земскимъ собраніемъ или городскою думой министерство юстиціи можетъ относиться съ большимъ вниманіемъ, отвергая ее только по особенно уважительнымъ причинамъ. Мы этого не думаемъ, основываясь на практикѣ назначенія членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ: извѣстно, что оно далеко не всегда достается кандидатамъ, представляемымъ самими судами и палатами—а между тѣмъ судебныя мѣста пользуются довѣріемъ министерства, безъ сомнѣнія, въ большей степени, чѣмъ совершенно неизвѣстныя ему земскія собранія и городскія думы. Допустимъ, однако, что назначеніе кандидатовъ, намѣченныхъ земскимъ собраніемъ или городскою думой, будетъ общимъ правиломъ, неназначеніе ихъ—рѣдкимъ исключеніемъ; зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, отмѣнять избраніе мировыхъ судей? Вѣдь неутвержденіе избранныхъ судей возможно и теперь; лицу, признаваемому неблагонадежнымъ, и теперь можетъ быть прегражденъ доступъ въ мировые суды. Вся разница въ томъ, что не назначить—гораздо легче, чѣмъ не утвердить: но это едва ли достаточный мотивъ для ломки порядка, не представляющаго никакихъ серьезныхъ неудобствъ и затрудненій.

Обращая почетныхъ судей въ ставленниковъ администраціи, проектъ новаго устройства судебныхъ установленій ограничиваетъ ихъ функціи „участіемъ въ судебныхъ засѣданіяхъ и пополненіемъ присутствія окружного суда и его отдѣленій“. Это значитъ, что они не будутъ болѣе принимать участія въ засѣданіяхъ уѣздныхъ сѣздовъ. Если изъ состава этихъ сѣздовъ будутъ удалены, въ то же самое время, и уѣздные члены окружного суда, то въ апелляціонной инстанціи по судебнымъ дѣламъ, подсуднымъ земскому начальнику и волостному суду, не останется представителей ни чисто-судебнаго, ни общественнаго элемента ¹⁾. Другими словами, рѣшеніе массы судебныхъ дѣлъ, затрогивающихъ самые жизненные интересы населенія, будутъ предоставлены

¹⁾ Городскихъ судей, теперь засѣдающихъ въ уѣздномъ сѣздѣ, предполагается упразднить, а участковые судьи едва ли будутъ введены въ составъ сѣздовъ.

всѣмъ чиновникамъ административнаго вѣдомства, изъ которыхъ весьма многіе не имѣютъ даже элементарнаго юридическаго образованія, и которые всѣ, въ силу лежащей на нихъ задачи, представляютъ собою прямую противоположность судьямъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Логика потребуетъ, затѣмъ, удаленія юристовъ и изъ состава губернскихъ присутствій, гдѣ ихъ и безъ того такъ мало, а также изъятія присутствій изъ-подъ контроля прав. сената, и теперь уже заключеннаго въ весьма тѣсныя рамки. Аномалія, созданная законами 1889 г., достигнетъ, такимъ образомъ, своего апогея; ничего судебного не будетъ не только на низшей ступени судебно-административныхъ учреждений, но и въ инстанціяхъ апелляціонной и кассационной. Судебное вѣдомство, теперь все-таки имѣющее нѣкоторую возможность вліять на отправленіе правосудія уѣздными сѣздами и губернскими присутствіями—а слѣдовательно, косвенно, и на отправленіе его земскими начальниками и волостными судами,—потеряетъ всѣ точки соприкосновенія съ громадною областю, чисто-судебною по своему характеру; развитіе права будетъ идти по двумъ совершенно различнымъ путямъ, неизбѣжно приводя къ безчисленнымъ противорѣчіямъ, несообразностямъ и недоразумѣніямъ... Почетные судьи—конечно, не всегда, но весьма часто—поддерживали въ уѣздныхъ сѣздахъ лучшія традиціи мирового суда; вмѣстѣ съ уѣздными членами окружного суда и городскими судьями они составляли живой противовѣсъ тенденціямъ, направленнымъ въ печати къ вознесенію произвола надъ закономъ и къ огражденію интересовъ одного общественнаго класса въ ущербъ другимъ. Все это исчезнетъ безслѣдно, какъ только будетъ проведено полнѣйшее отчужденіе судебныхъ учреждений отъ судебно-административныхъ. Вступленіе въ силу новой редакціи судебныхъ уставовъ, сколько бы она ни внесла улучшеній въ чисто-судебную область, сдѣлается сигналомъ упадка въ другой сферѣ, отнюдь не менѣе важной... Большой потерей было бы упраздненіе выборныхъ почетныхъ судей въ средѣ судебного вѣдомства—но съ нею еще можно было бы примириться, еслибы выборные почетные судьи сохранили свое мѣсто въ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь къ нимъ на смѣну явятся, по всей вѣроятности, почетные земскіе начальники, не даромъ составляющіе предметъ пламенныхъ реакціонныхъ пожеланій извѣстной части печати.

Что значитъ упраздненіе выборныхъ почетныхъ мировыхъ судей—объ этомъ даетъ понятіе радость, съ которою его привѣтствуетъ „охранительная“ печать, здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, гораздо болѣе склонная къ разрушенію, чѣмъ къ охраненію. Избраніе судей „хозяйственными органами“ она провозглашаетъ „однимъ изъ самыхъ легкомысленныхъ новшествъ, введенныхъ нашими судебными уставами“—

и въ то же время становится на сторону до-реформеннаго порядка, при которомъ уѣздные судьи (а также, прибавимъ отъ себя, председатели и засѣдатели гражданскихъ и уголовныхъ палатъ) замѣщались по выбору дворянскихъ обществъ. „Составъ дворянскихъ обществъ“ — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 208) — „не можетъ быть и сравниваемъ съ составомъ земскихъ собраний, въ которыхъ почти половину членовъ составляютъ лишенные всякаго образованія и гражданского развитія крестьяне и торговцы небольшихъ уѣздныхъ городовъ. Къ тому же на дворянскія собранія возлагались и другія многочисленныя функции по областному управленію, и въ этомъ смыслѣ ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ уполномоченныхъ правительственной власти на мѣстахъ“. Въ немногихъ словахъ здѣсь допущенъ цѣлый рядъ отступленій отъ дѣйствительности. Неправда, что въ настоящее время земскія собранія состоятъ почти на половину изъ крестьянъ и торговцевъ: однихъ дворянъ въ нихъ больше половины, а между гласными отъ второго избирательнаго собранія, состоящаго, какъ извѣстно, не изъ торговцевъ, а изъ не-дворянъ, владѣющихъ землею или другимъ недвижимымъ имуществомъ, — почти вездѣ не мало людей болѣе или менѣе образованныхъ. Неправда, что крестьяне, участвующіе въ земскихъ собраніяхъ, лишены „гражданскаго развитія“: многіе изъ нихъ обладаютъ имъ въ гораздо большей степени, чѣмъ мниморазвитые сторонники всего отжившаго и отсталаго. Неправда, что на до-реформенныя дворянскія собранія возлагались „многочисленныя функции по областному управленію“, и что они могли быть разсматриваемы какъ „уполномоченные правительственной власти на мѣстахъ“: никакою властью они облечены не были, участіе ихъ въ мѣстномъ управленіи было до крайности ограничено закономъ и еще болѣе — практикою (припомнимъ чисто-номинальную роль дворянскихъ собраний и предводителей въ завѣдываніи земскими повинностями), а избираемые ими полицейскіе и судебные чины были простыми орудіями въ рукахъ бюрократіи. Неправда, наконецъ, что земскія собранія — чисто хозяйственные органы: вмѣстѣ съ выбираемыми ими управами они завѣдуютъ такими важными отраслями *управленія*, какъ дорожное дѣло, санитарная часть, общественное призрѣніе, и облечены такими важными правами, какъ установленіе мѣстныхъ сборовъ и изданіе обязательныхъ постановленій. Никакой аномаліи въ предоставленіи имъ выбора мировыхъ судей, почетныхъ и участковыхъ, не было уже потому, что единственнымъ представительствомъ всего мѣстнаго населенія являлось именно земство; никому другому нельзя было ввѣрить осуществленіе выборнаго начала, разъ что было признано полезнымъ сохранить его въ новой судебной организаціи. Мы понимаемъ, что можно возражать въ принципѣ противъ *выбора* единоличныхъ судей, хотя и

думаемъ, что менѣе чѣмъ гдѣ-либо эти возраженія имѣютъ силу именно у насъ въ Россіи; но мы отказываемся понять, какимъ образомъ дворянство, да еще, вдобавокъ, въ до-реформенную эпоху, можетъ быть признаваемо избирателемъ болѣе компетентнымъ, чѣмъ земство. Между ними давно разсудила исторія, и ея приговоръ не удастся поколебать никакимъ софизмамъ. Въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія дворянство наполняло своими избранниками уѣздные суды, уголовныя и гражданскія палаты—и не водворило въ нихъ ничего, кромѣ невѣжества, безправія и неправосудія; въ продолженіе четверти вѣка земство выставило рядъ мировыхъ судей, возстановившихъ въ народѣ давно забытое довѣріе и уваженіе къ суду. Даже въ эпоху реакціи мировой судъ былъ осужденъ на смерть не потому, чтобы онъ былъ найденъ неисполнившимъ своего призванія, а потому, что подлѣ него не оказывалось мѣста для института, представлявшагося, съ извѣстной точки зрѣнія, болѣе полезнымъ и болѣе необходимымъ... Сгнѣшимъ прибавить, что громадная разниа въ результатахъ, достигнутыхъ до-реформеннымъ дворянскимъ и послѣ-реформеннымъ земскимъ судомъ, не можетъ быть приписана одному только превосходству земства надъ дворянствомъ; многое, очень многое зависѣло, въ обоихъ случаяхъ, отъ времени, обстановки, законодательства, политики правительства, развитія и настроенія общества. Несомнѣнно, съ нашей точки зрѣнія, лишь одно: дворянство, несмотря на неблагопріятныя условія, могло воспользоваться своими правами гораздо полнѣе и гораздо лучше—а земство сдѣлало почти все, что было въ его власти и въ его силахъ.

Право избранія почетныхъ мировыхъ судей—далеко не единственное, которое наши „охранители“ желали бы отнять у земства. Противъ земскихъ учрежденій ведется съ нѣкоторыхъ поръ систематическій походъ, конечная цѣль котораго—полное ихъ упраздненіе. Когда обстоятельства требуютъ преклоненія передъ преобразованіями императора Александра II, ¹⁾ писатели извѣстнаго направленія не задумываются воскурить нѣкоторое количество оиміама и на алтарѣ земской реформы, признавая ее хорошо задуманною и испорченною только при исполненіи (см. № 221 „Московскихъ Вѣдомостей“); но вслѣдъ за тѣмъ, предоставленные самимъ себѣ, они перестаютъ, мало-по-малу, скрывать свои настоящія чувства и мысли. Мѣсяца два тому назадъ земство, вмѣстѣ съ выборнымъ мировымъ судомъ, судомъ присяжныхъ и университетскимъ самоуправленіемъ, причислялось всецѣло къ категоріи преобразованій „совершенно чуждыхъ русской жизни,

¹⁾ См. Общественную Хронику въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы“.

измышленныхъ доктринерами-реформаторами петербургскихъ канцелярій или даже цѣликомъ списанныхъ съ иностраннаго“; великимъ благомъ для нашихъ окраинъ провозглашадось отсутствіе у нихъ земскихъ учреждений, этой „неудачной затѣи шестидесятыхъ годовъ“, все бремя которой падаетъ на центральную, коренную Россію; выражалось желаніе, чтобы нашъ центръ былъ „по возможности уравненъ съ окраинными мѣстностями въ отношеніи условій мѣстнаго и областного управленія“—т.-е. избавленъ отъ тяготы земскихъ учреждений; „полнымъ удовлетвореніемъ потребностей мѣстнаго управленія“ признавалось (для окраинъ)... введеніе земскихъ начальниковъ ¹⁾! До повторенія такихъ откровенныхъ заявленій дѣло еще не дошло: отъ восхваленія принципа слишкомъ неловко было бы перейти прямо къ его отрицанію. Отсюда попытки обойти позицію, которую неудобно, до поры до времени, опять штурмовать съ фронта. Нѣкоторые изъ этихъ попытокъ производить по истинѣ комическое впечатлѣніе. Появляется, напримѣръ („Моск. Вѣд.“, № 232), діатриба противъ епифанскаго земства (тульской губерніи), виноватаго въ томъ, что земскій сборъ съ десятины увеличился въ епифанскомъ уѣздѣ, за десять лѣтъ (1888—98 гг.), почти вдвое—съ 17 до 35 коп., „несмотря на изыятіе отъ обложенія на содержаніе мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, отнесенныхъ на счетъ казны“ (авторъ, очевидно, не знаетъ, что никакого „изыятія отъ обложенія“ законъ 1-го іюня 1895 г. не произвелъ, обративъ только деньги, прежде шедшія на содержаніе судебна-административныхъ учреждений, на обязательное образованіе дорожнаго капитала). Тридцать-пять копѣекъ съ десятины въ черноземной мѣстности—это совсѣмъ немного; о „денномъ грабежѣ“ (такъ называется „охранительная“ печать высокіе земскіе сборы) здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Это чувствуетъ самъ авторъ, и потому прибѣгаетъ къ слѣдующему приему: онъ высчитываетъ, что черезъ двадцать лѣтъ сборъ, возвышаясь въ той же прогрессіи, достигнетъ 1 р. 50 к. съ десятины—и повлечетъ за собою такую „легальную экспроприацію“ всего дворянскаго сословія, какой „не могли бы придумать и сами социалисты“. Проникая, такимъ манеромъ, въ даль будущаго, признавая несомнѣннымъ нѣчто въ сущности очень мало вѣроятное (исторія земскаго обложенія удостовѣряетъ, что оно никогда не повышается безостановочно и очень часто стоитъ подолгу на одной точкѣ), игнорируя все, чѣмъ уравнивается повышение сборовъ (напр., повышение цѣнности и доходности имѣній), можно придти къ какимъ угодно выводамъ, — но они всѣ одинаково будутъ нигде негодны. Еще лучше—заключеніе статьи. Авторъ увѣряетъ, что онъ „вовсе не про-

¹⁾ См. №№ 176 и 186 „Московскихъ Вѣдомостей“.

тивникъ закона о земскомъ самоуправленіи¹⁾: онъ желаетъ „строгаго разграниченія предѣловъ вѣденія земства отъ вѣденія государства“, т.-е. „совершеннаго изъятія изъ вѣдомства земства предметовъ расхода, по закону для земства необязательныхъ и несоразмѣрныхъ съ возможностью удовлетворенія мѣстными средствами населенія“. Такъ какъ всѣ расходы, производимые земствомъ, удовлетворяются изъ „мѣстныхъ средствъ населенія“ (т.-е. изъ средствъ мѣстнаго населенія), то предложеніе автора клонится не къ чему другому, какъ къ лишенію земства права производить какіе бы то ни было необязательные расходы. Школы, больницы, пріемные покои, борьба съ эпидеміями, оздоровленіе мѣстности, мѣры къ поднятію экономическаго благосостоянія народа — все это должно быть изъято изъ вѣденія земства, за которымъ останется содержаніе дорогъ и арестныхъ домовъ, выдача квартирныхъ денегъ разнымъ должностнымъ лицамъ и снабженіе ихъ подводами для разъѣздовъ по дѣламъ службы. Во что обратятся тогда земскія учрежденія — это не требуетъ поясненій.

Къ одной и той же цѣли, — т.-е. къ обезсиленію и униженію земскихъ учрежденій, отъ котораго оставался бы только одинъ шагъ до ихъ отмѣны, — можно придти различными путями. Самый удобный изъ нихъ, это — постепенное ограниченіе земскихъ функций и земской самостоятельности. Возьмемъ, на примѣръ, попеченіе о народномъ здоровьѣ: стоитъ только низвести земство, въ этой области, на степень простого исполнителя чужихъ приказаній — и земское положеніе потеряетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ своихъ устоевъ. Это именно и рекомендуютъ враги общественной самодѣятельности, указывая на вредную „раздвоенность“ врачебнаго управленія. Усердіе ихъ доходитъ до восхваленія до-реформенной организаціи медицинской помощи — организаціи „хотя и несовершенной, но представлявшей вполне стройную систему, легко поддающуюся улучшеніямъ и исправленіямъ“¹⁾ „У врачебнаго дѣла“ — говорятъ намъ — „былъ тогда одинъ хозяинъ — правительство, и такая постановка дѣла заключала уже въ себѣ большую гарантію успѣха. Планъ организаціи медицинской помощи населенію былъ вѣрный, хотя выполненіе его, за недостаткомъ средствъ, и было неполное“. То, что здѣсь именуется „гарантіей успѣха“, не переставало существовать въ неземскихъ губерніяхъ: и что же? Прошло болѣе двадцати лѣтъ, прежде чѣмъ здѣсь былъ сдѣланъ первый шагъ къ лучшему устройству сельской врачебной части — устройству, представляющему собою блѣдную копію съ земской медицины. Едва ли можно называть *вѣрнымъ* такой планъ организа-

¹⁾ См. № 215 „Московскихъ Вѣдомостей“.

ции, при которомъ въ продолженіе цѣлыхъ десятиковъ лѣтъ не предпринимается рѣшительно ничего, а *нестычнымъ*—такой, при которомъ создается громадная постройка, несвободная, конечно, отъ частныхъ недостатковъ, но дающая пріютъ и помощь милліонамъ людей. „Улучшеніямъ и исправленіямъ“ здѣсь открыть самый широкій просторъ, именно потому, что строители не были стѣснены избыткомъ регламентаціи и были связаны между собою только единствомъ цѣли. Нашлись для нея, благодаря этому, и средства—какъ нашлись бы они и въ неземскихъ губерніяхъ, еслибы централизація была синонимомъ энергіи и предприимчивости. Нужно быть слѣпымъ или не хотѣть пользоваться зрѣніемъ, чтобы не видѣть, что именно въ области народной медицины обнаружилось всего яснѣе преимущества самоуправленія передъ бюрократіей. Не будь у насъ земства, медицинская часть въ уѣздахъ и до сихъ поръ, по всей вѣроятности, ограничивалась бы, въ большинствѣ случаевъ, однимъ уѣзднымъ врачомъ и одной уѣздной больницей, и единообразіе плана, не мѣшало бы населенію болѣть и умирать безъ всякой врачебной помощи.

Весьма любопытно наблюдать отношеніе реакціонной прессы къ реформѣ общественнаго призрѣнія. Законопроектъ, внесенный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ, возлагаетъ главную роль въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія на органы земскаго и городского самоуправления. Само собою разумѣется, что это не можетъ нравиться тѣмъ органамъ печати, которые мечтаютъ о замѣнѣ самоуправления—управленіемъ; всякое расширеніе сферы дѣйствій, выпадающее на долю перваго, является новымъ препятствіемъ къ его упраздненію, новымъ свидѣтельствомъ его жизнеспособности. Прямо высказаться противъ законопроекта, значило бы, однако, стать какъ бы въ оппозицію администраціи, что не входитъ въ кругъ привычекъ и вкусовъ „охранительной“ печати. И вотъ, она ищетъ косвенныхъ путей, менѣе замѣтно, но не менѣе вѣрно ведущихъ къ желанной цѣли ¹⁾. Совершенно некстати, но не безъ намѣренія припугавъ къ чисто практическому вопросу „борьбу социалистической идеи съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ“, она старается подмѣнить принципъ, положенный въ основаніе законопроекта, другимъ, существенно различнымъ. Выводится на справку, что „издревле дѣла благотворительности всегда сосредоточивались около церкви, около прихода“; признается желательнымъ, чтобы и „при новой организаціи общественнаго призрѣнія этотъ древній и укоренившійся на Руси обычай не

¹⁾ См. №№ 216 и 234 „Московскихъ Вѣдомостей“.

былъ забыть. Участокъ легко можетъ быть ограниченъ приходомъ, а попечительство можетъ существовать при церкви, при ближайшемъ участіи представителя церкви—священника, которому наиболѣе извѣстны индивидуальныя нужды и потребности каждаго изъ прихожанъ. Въ концѣ статьи основная ея мысль выступаетъ еще яснѣе. „Въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія“—читаемъ мы здѣсь—„передъ нами вовсе не стоитъ легкая и простая задача перенести къ себѣ чужія учрежденія, а болѣе трудная и болѣе благодарная—создать свой русскій православный типъ помощи дѣйствительно нуждающимся“. Собственно о думахъ и земствахъ въ статьѣ сказано лишь нѣсколько словъ, настаивающихъ на точномъ опредѣленіи ихъ правъ и обязанностей. И тѣмъ не менѣе, усвоить себѣ точку зрѣнія статьи, значило бы, *de facto*, вытѣснить думы и земства изъ области, отводимой для нихъ законопроектомъ. Какъ только задуманный проектомъ участокъ совпалъ бы съ приходомъ, участковое попечительство—съ приходскимъ, вся организація должна была бы уступить мѣсто другой, и вмѣсто новой сѣти органовъ призрѣнія получилась бы нѣсколько лишь распространенная и усиленная сѣть церковно-приходскихъ учреждений, по давно извѣстному типу. Обязательное главенство священника повлекло бы за собою подчиненіе попечительствъ епархіальному начальству (которому подчинены, какъ извѣстно, церковно-приходскія попечительства)—и за земствами и городами осталась бы роль *кассировъ*, *baillieurs de fonds*, обязанныхъ платить деньги, но не уполномоченныхъ распоряжаться ими. Нужно надѣяться, однако, что „превращенію“, не безъ ловкости произведенному въ газетной статьѣ, не суждено совершиться въ дѣйствительности. Въ основаніи его лежатъ, прежде всего, явное смѣшеніе понятій. Общественное призрѣніе—не то же самое, что благотворительность. Отличительная черта послѣдней—полнѣйшая свобода въ выборѣ лица, которому оказывается помощь въ опредѣленіи размѣровъ и вида помощи. Черезъ посредство прихода и его органовъ подается теперь именно такая *свободная* помощь, идущая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и многими другими путями, не имѣющими ничего общаго съ приходомъ. Ничего не измѣнится въ этомъ положеніи дѣлъ и при новой организаціи общественнаго призрѣнія: она коснется только помощи, регулируемой закономъ, помощи, обусловливаемой *правомъ на призрѣніе*. Само собою разумѣется, что попечительства, открываемыя земствомъ или городомъ, могутъ, при достаточности средствъ, расширять рамки своей дѣятельности—но *обязательна* она лишь въ предѣлахъ, указанныхъ выше. Другими словами, задача общественнаго призрѣнія—задача чисто свѣтская, государственная или, лучше сказать, государственно-общественная, подлежащая исполненію соединенными силами государства и общества.

Это подтверждается исторіей нашего общественнаго призрѣнія. Болѣе или менѣе правильное его устройство сдѣлалось возможнымъ только со времени учрежденія о губерніяхъ, включившаго его въ число предметовъ вѣдомства губернской администраціи, — а новая жизнь началась для него лишь благодаря земскому и городскому самоуправленію. Увеличенію числа больницъ, пріемныхъ покоевъ, родильныхъ пріютовъ, домовъ умалишенныхъ—соотвѣтствовало, въ послѣднія 30—35 лѣтъ, улучшеніе ихъ качества. Если для такъ-называемаго призрѣнія на дому земства и города сдѣлали сравнительно мало, то это объясняется недостаткомъ средствъ, пробѣлами законодательства и множествомъ другихъ задачъ, болѣе неотложныхъ; но что они могутъ сдѣлать—это показало московское городское управленіе, въ короткое время осуществившее у себя единственно-правильную систему общественнаго призрѣнія и несомнѣнно повліявшее, этимъ самымъ, на содержаніе правительственнаго законопроекта. Когда въ московской городской думѣ въ первый разъ былъ поставленъ вопросъ объ организаціи общественнаго призрѣнія, раздавались голоса, что это—дѣло духовенства, а не города. Къ счастью, они не были услышаны—и успѣхъ оправдалъ вполнѣ рѣшеніе думы. Тѣ же самыя возраженія слышатся и теперь—и нужно надѣяться, что они и теперь будутъ оставлены безъ вниманія. Прошедшее церковно-приходскихъ попечительствъ, существующихъ уже болѣе тридцати лѣтъ, доказываетъ съ полною ясностью, что этимъ путемъ нельзя создать *систему* общественнаго призрѣнія: далеко не во всѣхъ приходяхъ даже открыты попечительства, а гдѣ они и открыты, тамъ усилія ихъ обращены, главнымъ образомъ, на одно украшеніе храма и улучшеніе быта причта, но не на дѣло призрѣнія. И этого нельзя ставить въ вину духовенству: обремененное другими обязанностями, оно не въ силахъ взять на себя веденіе такого труднаго и сложнаго дѣла, какъ общественное призрѣніе. Единственная роль, которую можетъ, если захочетъ, съ пользою исполнить священникъ—это роль *сотрудника* попечительства, основаннаго городомъ или земствомъ.

Пока земство не только сохраняетъ свое мѣсто въ ряду государственныхъ учреждений, но и призывается къ новымъ родамъ дѣятельности, до тѣхъ поръ введеніе его на окраинахъ имперіи, по крайней мѣрѣ западныхъ, можетъ считаться только вопросомъ времени. Невозможно допустить, чтобы столь важная составная часть государственнаго организма навсегда или хотя бы надолго оставалась принадлежностью однѣхъ центральныхъ губерній, для которыхъ она нужна не меньше, но и не больше, чѣмъ для другихъ. Вотъ почему мы не вѣримъ „отрадной вѣсти“, возвѣщенной недавно „Московскими Вѣдомостями“ со словъ „Вилenskaго Вѣстника“,—вѣсти о томъ, что въ за-

падныхъ губерніяхъ „земская реформа предполагается не въ полномъ объемѣ, т.-е. безъ мѣстнаго представительства, а ограничивается лишь учрежденіемъ новыхъ должностей земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружного суда“. Доказательство ея недостоверности мы видимъ, прежде всего, въ самомъ ея содержаніи. Что это за *земская реформа*, ограничивающаяся введеніемъ судебно-административныхъ учреждений? *Земскимъ*, у земскихъ начальниковъ, является только ихъ наименованіе; они нигдѣ не несутъ обязанностей, возложенныхъ на земскія учреждения. Если институтъ земскихъ начальниковъ будетъ распространенъ на западный край, то это будетъ означать только одно: признаніе нецѣлесообразности существующихъ тамъ судебныхъ и административныхъ органовъ (мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ) и стремленіе къ вѣдшему объединенію судебно-административнаго строя. Недостатки, свойственные хозяйственному управленію въ неземскихъ губерніяхъ,—недостатки, побудившіе государственный совѣтъ поставить на очередь вопросъ о преобразованіи этого управленія,—не уменьшатся ни на волосъ отъ сліянія въ однихъ рукахъ судебныхъ и административныхъ функций, до сихъ поръ раздѣленныхъ. Все это заставляетъ насъ думать, что „Виленскій Вѣстникъ“ просто смѣшалъ земскихъ начальниковъ съ земскими учрежденіями, а „Московскія Вѣдомости“ поспѣшили повторить эту ошибку, при чемъ впали въ другую, еще менѣе извинительную: онѣ заявили (въ № 186), что „въ теченіе уже долгаго времени и западный край, и привислинскія губерніи, пользуются благами устнаго, гласнаго и состязательнаго процесса, *не деморализируя въ то же время населеніе судомъ присяжныхъ*, составляющимъ, къ тому же, столь отяготительную повинность для населенія“. Извѣстно, что во всемъ западномъ краѣ (т.-е. въ шести сѣверо-западныхъ и трехъ юго-западныхъ губерніяхъ) судъ присяжныхъ дѣйствуетъ въ полной силѣ съ самаго введенія здѣсь общихъ судебныхъ мѣстъ на основаніи судебныхъ уставовъ императора Александра II-го. Свое желаніе не видѣть суда присяжныхъ московская газета приняла за дѣйствительное его отсутствіе; будемъ надѣяться, что столь же невѣрными окажутся ея предсказанія относительно земской реформы въ западныхъ губерніяхъ. Подтвержденіемъ этой надежды служить недавнее сообщеніе „Торгово-Промышленной газеты“, по словамъ котораго, проектъ введенія земскихъ учреждений въ девяти западныхъ губерніяхъ окончательно разработанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и разосланъ на заключеніе другихъ вѣдомствъ. Сообщаются даже цифры ценза, дающаго право на участіе въ земскихъ выборахъ, цифры гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній, цифры содержанія предсѣдателей и членовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Въ западныхъ

губерніяхъ земское положеніе будетъ, повидимому, осуществлено не вполне, а съ весьма серьезными измѣненіями, но все-таки *будетъ осуществлено*, къ великому разочарованію газетныхъ обскурантовъ.

Значительная часть нашей печати и нашего общества расположена, по временамъ, впадать въ ошибку Крыловскаго квартета—т.е. приписывать большую важность переменамъ чисто внѣшняго свойства. Припомнимъ, наприимѣръ, постоянно возобновляющіеся толки о великой пользѣ, которую могло бы принести министерство народнаго здравія; припомнимъ предложеніе учредить особое министерство или по меньшей мѣрѣ особый департаментъ дворянскихъ дѣлъ. Изъ той же манеры ожидать успѣха не столько отъ сущности принимаемыхъ мѣръ, сколько отъ имени учрежденія, которое ихъ принимаетъ, отъ приуроченія каждой отдѣльной отрасли управленія къ отдѣльному „вѣдомству“—исходитъ и заявленная недавно въ печати ¹⁾ мысль о необходимости образовать „высшее крестьянское управленіе“. Эта мысль основана, прежде всего, на фактической ошибкѣ. „Среди центральныхъ учреждений министерства внутреннихъ дѣлъ“—говорятъ гг. проектировщики—„нѣтъ ни одного, на которомъ лежало бы такое же попечительство о крестьянскомъ населеніи имперіи, какое нѣкогда лежало на министерствѣ государственныхъ имуществъ въ отношеніи къ крестьянамъ государственнымъ“; нѣтъ лица или учрежденія, „отвѣтственнаго за положеніе крестьянскаго населенія, а потому и заботящагося и пекущагося о немъ въ той мѣрѣ, въ какой это дѣлало когда-то министерство графа Киселева“. Это совершенно невѣрно: лицомъ „отвѣтственнымъ за положеніе крестьянскаго населенія“ (конечно, въ той мѣрѣ, въ какой вообще мыслима подобная отвѣтственность) является министръ внутреннихъ дѣлъ, а учрежденіемъ, черезъ посредство котораго онъ дѣйствуетъ—земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій дѣлами „по общественному управленію и хозяйственному устройству сельскихъ обывателей“. Правда, нѣкоторыя дѣла, касающіяся преимущественно или исключительно крестьянства, находятся въ вѣденіи другихъ учреждений министерства внутреннихъ дѣлъ—хозяйственнаго департамента (народное продовольствіе), съ страховымъ отдѣломъ, и переселенческаго отдѣла; но неужели крестьянское дѣло много выиграло бы отъ присоединенія къ земскому отдѣлу, безъ того уже очень обширному (десять дѣлопроизводствъ), еще нѣсколькихъ отдѣловъ или отдѣленій, съ переименованіемъ его въ *высшее* или *главное* крестьянское управленіе?

¹⁾ См. № 217 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Не слѣдуетъ ли ожидать, наоборотъ, что нѣкоторыя спеціальныя функціи управленія, требующія особаго вниманія и особыхъ заботъ (напр., переселенческая или страховая), пострадали бы отъ искусственного соединенія ихъ съ другими?.. Сама по себѣ мысль московской газеты до такой степени лишена всякаго основанія, что невольно начинаешь искать для нея какихъ-нибудь побочныхъ, не высказанныхъ прямо мотивовъ. Весьма можетъ быть, что созданіе „высшаго крестьянскаго управленія“ кажется ей средствомъ упрочить и закрѣпить ту обособленность, ту замкнутость крестьянства, которую она такъ бережно охраняетъ. Еще вѣроятнѣе, что она видитъ въ немъ возможность усилить „попечительство“ надъ крестьянами и возвести его на степень всесторонняго вмѣшательства въ крестьянскую жизнь, какимъ оно было по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ въ столь усердно восхваляемую эпоху гр. Киселева. При этомъ упускается изъ виду, что гр. Киселевъ имѣлъ дѣло съ крѣпостной Россіей, въ которой чиновничья опека, даже придирчивая и тяжелая, все же была, въ среднемъ выводѣ, чѣмъ-то лучшимъ, нежели помѣщичье самовластіе. Сравнительно сносное тогда легко могло бы теперь оказаться невыносимымъ, бесполезное—вреднымъ и опаснымъ. Сколько бы ни старались „хвалители прошлаго“ идеализировать канувшихъ въ вѣчность окружныхъ начальниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, ни для кого не тайна, что они стояли развѣ немногимъ выше зауряднаго до-реформеннаго чиновничества. Если тогдашнее вѣдомство государственныхъ имуществъ сдѣлало, тѣмъ не менѣе, кое-что хорошее, то это должно быть вмѣнено въ заслугу исключительно гр. Киселеву и нѣкоторымъ изъ его ближайшихъ помощниковъ (напр., А. П. Заблоцкому-Десятовскому), рѣзко выдѣлявшимся изъ среды до-реформенной бюрократіи, и многое изъ этого хорошаго было сломано или испорчено М. Н. Муравьевымъ... Въ качествѣ поворота назадъ учрежденіе „высшаго крестьянскаго управленія“ столь же мало, слѣдовательно, выдерживаетъ критику, какъ и въ качествѣ чисто формальнаго объединенія крестьянскихъ дѣлъ...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1898.

Новыя избіенія на Критѣ.—Европейская дипломатія въ турецкихъ дѣлахъ.—Разводшіе нашихъ патріотовъ къ судьбѣ Кандіи и крайнее увлеченіе дѣломъ Дрейфуса.—Политическій кризисъ во Франціи.—Пересмотръ дѣла Дрейфуса.—Убійство австрійской императрицы и мѣры противъ анархистовъ.—Дворцовый переворотъ въ Китаѣ и его значеніе.

Нерѣшительныя, половинчатыя мѣры великихъ державъ относительно Крита привели къ обычнымъ послѣдствіямъ, много разъ уже повторявшимся въ турецкихъ земляхъ. Мусульманскіе башибузуки, поощряемые скрытымъ сочувствіемъ, а можетъ быть и содѣйствіемъ турецкихъ военныхъ властей, устроили новое избіеніе христіанъ—такъ сказать, на глазахъ Европы, взявшей Критъ подъ свою опеку. Въ городѣ Кандіи разыгрались кровавыя сцены, не поддающіяся описанію. Внезапно, 6-го сентября (нов. ст.), появились вооруженные отряды башибузуковъ, напали на британскіе сторожевые посты и фактически завладѣли городомъ; они стали рѣзать всѣхъ попадавшихся христіанъ, врывались въ жилища, истребляли женщинъ и дѣтей, поджигали дома и свирѣпствовали вполнѣ безпрепятственно, пока наконецъ англійскому адмиралу Нозлю не удалось кое-какъ возстановить порядокъ при помощи своихъ броненосцевъ. Лаконическія телеграммы сообщали, что „около 800 христіанъ умерщвлено, городъ разграбленъ башибузуками и турецкими войсками“. Всѣ извѣстія указываютъ на прямое или косвенное участіе послѣднихъ въ рѣзнѣ 6-го сентября. Турецкій генералъ, Эдхемъ-паша, не вмѣшивался въ дѣло, ссылаясь на невозможность справиться съ возбужденіемъ толпы. Башибузуки были снабжены ружьями, розданными по приказанію султана для защиты мѣстныхъ мусульманъ отъ инсургентовъ. Событія осложнялись—или, вѣрнѣе наоборотъ, упрощались—на этотъ разъ тѣмъ обстоятельствомъ, что первое нападеніе произведено было на англичанъ; британскіе командиры почувствовали себя обязанными дѣйствовать круто и энергично, независимо отъ другихъ европейскихъ эскадръ. Адмиралъ Нозль обратился къ Эдхему-пашѣ съ категорическимъ требованіемъ обезоруженія мусульманъ и арестованія участниковъ совершившихся избіеній, для выдачи англійскимъ властямъ: это требованіе было предъявлено въ формѣ ультиматума, подъ угрозою военной экзекуціи, и туркамъ пришлось по неволѣ подчиниться. Съ одною Англіею, оказывается, труднѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ „европейскимъ

концертомъ“, и если бы не были затронуты англичане, то новѣйшія критскія звѣрства, вѣроятно, дали бы только лишній матеріалъ для дипломатическихъ пререканій, которыми отлично умѣть пользоваться Порта.

Почему же до сихъ поръ всѣ заботы европейской дипломатіи о злополучной Кандіи оказываются столь поразительно безплодными? Уже нѣсколько лѣтъ продолжаютъ толки объ умиротвореніи острова подъ контролемъ великихъ державъ; вырабатывались и обсуждались различныя подробности будущаго устройства мѣстной автономіи, съ устраненіемъ турецкихъ властей, и во имя предстоящаго благополучія критянъ были рѣшительно отвергнуты притязанія Греціи, впутавшія ее затѣмъ въ непосильную войну съ Турціею. Европейскія эскадры дежурятъ около Крита; отряды европейскихъ войскъ занимаютъ главнѣйшіе прибрежные пункты острова, и однако положеніе туземныхъ жителей остается тѣмъ же самымъ, какимъ оно было раньше, до вмѣшательства Европы. Что же дѣлаютъ иностранные броненосцы въ критскихъ водахъ, если они не въ состояніи оградить критянъ отъ внезапныхъ избіеній? Въ чемъ выражается наконецъ европейская опека надъ христіанами Кандіи, если тамъ по прежнему распоряжаются турецкіе паши и буйствуютъ хорошо вооруженные башибузуки? Теперь, по настоянію Англіи, приступлено къ разоруженію мусульманъ; но неужели для принятія такой мѣры нужна была гибель 800 человѣческихъ жизней? Дипломатическая рутина наглядно обнаружила въ критскомъ вопросѣ всѣ свои отрицательныя черты; уваженіе къ старымъ условнымъ формуламъ побуждало державы постоянно продѣлывать одни и тѣ же опыты, подчинять дѣйствительность фикціямъ и упускать изъ виду реальную обстановку задачи, которая требовала практическаго, а не отвлеченнаго рѣшенія. Европейская дипломатія не могла отрѣшиться отъ привычки искать соглашеній, добровольныхъ уступокъ и компромиссовъ, для которыхъ въ сущности не было никакой почвы; бесполезно было придумывать границы и условія для турецкаго владычества путемъ переговоровъ съ Турціею, когда органами и охранителями этого владычества являются башибузуки и солидарные съ ними мусульманскіе патріоты. Дѣло ставилось такимъ образомъ, какъ будто надо ограничить избіенія извѣстными нормами, чтобы непокорные или неудобные подданные султана истреблялись по частямъ, напр. десятками, а не сразу сотнями и тысячами, какъ это дѣлалось относительно армянъ. Съ турецкой точки зрѣнія, возмущающіе насъ башибузуки суть горячіе, вѣрующіе патріоты, самоотверженные защитники султанской власти, мстители за поруганную честь Турціи и мусульманства, всегда готовые расправиться съ христіанскими врагъ-мольниками, взывающими къ иноземному вмѣшательству; а дипломаты

упорно не желаютъ понять эти скрытыя пружины турецкаго патріотизма и турецкой благонамѣренности, поддерживая въ себѣ утопическую надежду на то, что сами турки обуздають своихъ башибузуковъ и позаботятся объ охранѣ своихъ бунтующихъ иновѣрныхъ подданныхъ отъ жестокихъ насилій. Устраивая судьбу Кандіи, державы оставили на островѣ турецкія войска и ихъ начальниковъ, чтобы не нарушить принципа неприкосновенности верховныхъ правъ султана; а между тѣмъ этотъ принципъ нарушался самымъ фактомъ прямого вмѣшательства Европы въ критскія дѣла и присутствіемъ европейскихъ военныхъ силъ на островѣ. Сохранить турецкое господство въ принципѣ и въ то же время упразднить его на практикѣ было возможно единственно лишь подъ условіемъ удаленія турецкихъ войскъ и властей и разоруженія мѣстныхъ мусульманъ, какъ и христіанъ; а пока державы не добились этого результата, до тѣхъ поръ всѣ ихъ усилія въ пользу Кандіи должны были неизбѣжно оказаться тщетными. Противъ рѣшительнаго требованія соединенныхъ пяти великихъ державъ Турція ничего не могла бы сдѣлать; она подчинилась бы такъ же безусловно, какъ подчинилась теперь требованіямъ одной Англіи. Быть можетъ, послѣдній критскій „инцидентъ“ побудитъ европейскую дипломатію отнестись болѣе прямо къ событіямъ, напоминающимъ отъ времени до времени о полной живучести башибузуцкаго элемента въ современномъ турецкомъ режимѣ. Но трудно рассчитывать на серьезную перемѣну въ отношеніяхъ Европы къ турецкимъ дѣламъ при наступившемъ нынѣ общемъ равнодушіи къ бѣдствіямъ кандіотовъ, армянъ и вообще христіанскихъ народностей Турціи.

Наши патріотическія газеты, громче всѣхъ заступавшіяся когда-то за турецкихъ христіанъ, едва обратили вниманіе на недавнюю рѣзню въ городѣ Кандіи. „Московскія Вѣдомости“ заняты, по обыкновенію, борьбою съ различными элементами христіанскаго населенія самой Россіи; а „Новое Время“ почему-то всецѣло поглощено интереснымъ, но вовсе насъ не касающимся дѣломъ Дрейфуса, которому оно чуть ли не ежедневно посвящаетъ пространныя передовыя статьи, объясняющія французамъ и ихъ министрамъ, какъ они должны поступить въ данномъ случаѣ. Обстоятельныя поученія, обращаемыя къ Франціи, приносятъ вѣроятно нѣкоторую пользу нашимъ французскимъ друзьямъ, особенно депутатамъ Деруледу и Милльвуа; но намъ казалось бы, что у насъ есть гораздо болѣе близкія задачи, чѣмъ непрошенное содѣйствіе французамъ въ ихъ специальныхъ внутреннихъ дѣлахъ. Критскія звѣрства, какъ и армянскія, заслуживали бы по крайней мѣрѣ того, чтобы о нихъ говорили, ибо они несомнѣнно важнѣе дѣла Дрейфуса, о которомъ съ такимъ непонятнымъ азартомъ спорятъ наши патріоты. Наконецъ, можно заниматься дѣломъ Дрей-

фуса и давать совѣты и наставленія французамъ, если они имъ желательны; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что истребленіе 800 критянъ на глазахъ европейскихъ и въ томъ числѣ также русскихъ покровителей Кандіи должно быть низведено на степень простого инцидента, на которомъ не стоитъ останавливаться серьезно. Извѣстія о критскихъ событіяхъ доходили до насъ большею частью изъ Лондона, и наши газеты довольствовались чужими телеграфными сообщеніями, не придавая имъ, очевидно, особенной важности. Можно бы подумать, что турецкія и въ частности критскія дѣла нисколько не затрогиваютъ нашей иностранной политики и не входятъ въ кругъ международныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ, которымъ наша печать такъ или иначе удѣляетъ извѣстное мѣсто. Настроеніе газетной журналистики нигдѣ не мѣняется такъ быстро и радикально, какъ у насъ; то, что недавно еще волновало печать, встрѣчается теперь съ холоднымъ индифферентизмомъ, и мнимые патріоты съ оттѣннымъ скуки проходятъ мимо убійственныхъ фактовъ, горячо обсуждаемыхъ въ западной Европѣ. У насъ нѣтъ послѣдовательности въ политическихъ идеяхъ и настроеніяхъ, быть можетъ, потому, что самыя эти идеи и настроенія лишены серьезной основы и не имѣютъ въ себѣ ничего прочнаго и положительнаго.

Франція все еще не можетъ избавиться отъ дѣла Дрейфуса: оно преслѣдуетъ ее, какъ кошмаръ, усложняется и запутывается все новыми обстоятельствами, захватываетъ все большее число лицъ и поражаетъ неожиданными эпизодами и разоблаченіями, напоминающими какой-нибудь эффектный бульварный романъ. Интересъ къ дѣлу не ослабѣваетъ, хотя оно тянется уже два года; публика всего свѣта съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдитъ за ходомъ этой сложной и оригинальной исторіи, сочиненной не авторомъ „Трехъ мушкетеровъ“ и не Понсонъ дю-Террайлемъ или Ксавье де-Монтенемъ, а самою французскою жизнью.

Осужденный за измѣну офицеръ, содержащийся въ строгомъ заключеніи вдали отъ родины, сдѣлался причиною общаго политическаго кризиса, перемѣны военнаго министра и начальника главнаго штаба, двухъ самоубійствъ—Лемерсье-Пикара и полковника Анри, увольненія и преслѣдованія нѣсколькихъ видныхъ офицеровъ, двухъ громкихъ судебныхъ процессовъ и жестокой партійной борьбы, не дающей упрочиться ни одному министерству. Невольный виновникъ всѣхъ этихъ волненій и событій, лишенный свободы и гражданскихъ правъ, превратился какимъ-то чудомъ въ центральную фигуру, около которой вертится вся политическая жизнь Франціи. Нѣкоторые популяр-

ные публицисты, не только французскіе, но и русскіе (напр., въ „Новомъ Времени“), утверждаютъ даже, что образовалась особая порода людей, получившая отъ этой легендарной личности свое имя и достигшая огромнаго распространенія въ разныхъ частяхъ свѣта, подъ общезвѣстнымъ нынѣ названіемъ „дрейфусаровъ“. Эти небывалыя еще чудеса успѣли даже вызвать замѣтное помѣшательство въ умахъ многихъ хорошихъ французскихъ патріотовъ; въ дѣйствительности, конечно, дѣло Дрейфуса не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго, и возбужденныя имъ страсти объясняются лишь особенностями французскаго національнаго темперамента, находящими себѣ свободный выходъ при республикѣ. Съ одной стороны, у французовъ сильно развито чувство, которое можно назвать жаждою правды и справедливости; въ то же время у нихъ крѣпко держится духъ преклоненія передъ военнымъ мундиромъ, болѣзненный страхъ за армію, оскорбляемую будто бы предположеніемъ ошибки со стороны военныхъ судей и начальниковъ. Одни стремились и стремятся во что бы то ни стало разъяснить сомнѣнія, возникшія относительно виновности осужденнаго, и добиться всесторонняго разслѣдованія дѣла, въ интересахъ истины; другіе усматриваютъ въ требованіи пересмотра процесса прямое посягательство на честь всего военнаго класса, отъ имени котораго Дрейфусъ былъ торжественно признанъ измѣнникомъ, и съ этой точки зрѣнія предпочитаютъ сохранить въ силѣ даже за вѣдомо неправильный приговоръ, лишь бы избѣгнуть скандала для арміи. Многие, безсознательно проникнутые традиціями бонапартизма, какъ, напр., бывшіе буланжисты и члены „лиги патріотовъ“, надѣялись потушить дѣло внѣшнимъ принужденіемъ, запугиваніями и насиліями; нашелся полковникъ генеральнаго штаба, готовый на подлогъ для устраненія всякихъ споровъ о винѣ или невинности осужденнаго, и этотъ подлогъ, неожиданно обнаруженный военнымъ министромъ Кавеньякомъ, представлялся извѣстной части печати только патріотическимъ подвигомъ, который надо было держать въ безусловной тайнѣ. Поддѣлка относилась къ единственному рѣшительному документу, свидѣтельствовавшему прямо противъ Дрейфуса; на этотъ документъ опирался Кавеньякъ въ своей парламентской рѣчи, обнародованной во всѣхъ общинахъ Франціи съ цѣлью окончательно убѣдить страну въ отсутствіи поводовъ къ пересмотру процесса. Казалось, что послѣ категорическихъ увѣреній Кавеньяка нѣтъ больше вопроса о Дрейфусѣ; патріоты новаго типа торжествовали, а указаніе Пикара на поддѣлку привело къ судебному преслѣдованію его за проступки, уже наказанные отставкою. Сознаніе Анри въ подлогѣ и его самоубійство нанесли внезапный оглушительный ударъ всѣмъ убѣжденнымъ противникамъ пересмотра и въ томъ числѣ Кавеньяку.

Полковникъ Анри былъ однимъ изъ главныхъ обвинителей Дрейфуса; онъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ начальника генеральнаго штаба Буадефра, защищалъ будто бы честь и достоинство арміи противъ Пикара, котораго называлъ лжецомъ въ публичномъ засѣданіи суда по дѣлу Золя, и имѣлъ изъ-за этого дуэль, доставившую ему популярность и сочувствіе,—и этотъ охранитель добраго имени французской военной администраціи уличается вдругъ въ подлогъ документа, создавашаго среди правительственныхъ и военныхъ лицъ неизблемое убѣжденіе въ виновности осужденнаго. Легковѣрнымъ дѣятелямъ, официально ссылавшимся на его грубую поддѣлку, какъ на неопровержимое доказательство, оставалось только выйти въ отставку. Кавеньякъ и Буадефръ удалились; военнымъ министромъ назначенъ генералъ Цурлинденъ, а начальникомъ штаба—Жамонъ. Дѣло Дрейфуса получило новое освѣщеніе, поколебавшее увѣренность въ его виновности даже среди единомышленниковъ Деруледа; но пересмотръ по прежнему вызывалъ рѣзкія возраженія, подъ предлогомъ грозившихъ будто бы внѣшнихъ опасностей. Министерство Бриссона не находило уже болѣе возможнымъ отстаивать правильность судебного приговора, построеннаго отчасти на свидѣтельскихъ показаніяхъ Анри, тѣмъ болѣе, что и другой обвинитель Дрейфуса, полковникъ Пати дю-Кламъ, оказался недостойнымъ довѣрія и долженъ былъ подвергнуться удаленію отъ службы за незаконныя дѣйствія въ пользу Эстергази. Генералъ Цурлинденъ и министръ публичныхъ работъ Тиллэ разошлись съ большинствомъ членовъ кабинета, по вопросу о пересмотрѣ, и оба отказались отъ своихъ портфелей; первый замѣненъ генераломъ Шануаномъ, а второй—сенаторомъ Годеномъ. Министръ юстиціи Саррѣнъ изучилъ подлинное производство дѣла Дрейфуса и пришелъ къ заключенію о необходимости новаго судебного разбирательства, но предложилъ принять рѣшеніе министерству въ полномъ составѣ; кабинетъ согласился съ Саррѣномъ, и дѣло передано въ кассационный судъ для принятія окончательной резолюціи въ томъ или другомъ смыслѣ. Запутанная исторія близится къ развязкѣ, и французамъ предстоитъ еще рядъ заключительныхъ волненій, въ связи съ доставкою Дрейфуса въ Парижъ и съ производствомъ новаго надъ нимъ суда.

Чѣмъ окончится дѣло и какія еще появятся разоблаченія—предвидѣть трудно; но во всемъ этомъ продолжительномъ внутреннемъ кризисѣ бросаются въ глаза нѣкоторыя существенныя странности, мало понятныя для иноземнаго наблюдателя. Способность французовъ такъ долго и глубоко волноваться изъ-за возможной судебной ошибки, жертва которой—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ незначительный, ничѣмъ не заслужившій общественныхъ симпатій,—свидѣтельствуе

о чуткой національной совѣсти и дѣлаетъ честь странѣ и народу; однако къ этому возбужденію примѣшивается слишкомъ много элементовъ, указывающихъ на спутанность и сбивчивость самыхъ элементарныхъ понятій. Прежде всего является совершенно непостижимымъ, почему и съ какой точки зрѣнія пересмотръ процесса Дрейфуса можетъ считаться посягательствомъ на честь и достоинство французской арміи. Чтò лучше было бы для арміи—безспорно доказанная измѣна одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба, или напротивъ, доказательство его невинности, т.-е. доказательство того, что въ числѣ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба не было и не могло быть измѣнника? Если военные судьи ошиблись въ своемъ приговорѣ, то разоблаченіе и исправленіе этой ошибки ни для кого не можетъ быть оскорбительно, ибо никакой судъ въ мірѣ не можетъ претендовать на непогрѣшимость. Репутація представителей арміи и генеральнаго штаба страдала не отъ разсужденій о пересмотрѣ рѣшеннаго дѣла, а отъ ихъ собственныхъ сомнительныхъ проступковъ и заявленій, отъ незаконнаго вмѣшательства ихъ въ ходъ правосудія, отъ неправильности и даже преступности дѣйствій такихъ выдающихся офицеровъ, какъ полковникъ Пати дю-Кламъ, Анри и Пикаръ, и, наконецъ, отъ публично доказаннаго непростительнаго легковѣрія самого начальника штаба, генерала Буадефра, а также генерала Пелле и другихъ. Безполезно было хлопотать объ огражденіи военныхъ дѣятелей отъ газетныхъ обвиненій и нападокъ, когда они сами себя компрометтировали съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи; притомъ нападки на отдѣльныхъ представителей военной администраціи не затрагиваютъ достоинства арміи вообще. Въ печати вопросъ постоянно ставился такимъ образомъ, что одни убѣждены въ виновности Дрейфуса, а другіе стоятъ горой за его невинность, и что первые не допускаютъ пересмотра, а послѣдніе требуютъ его; министры и генералы также ссылались на свои твердыя личныя убѣжденія, когда отвергали мысль о новомъ судебномъ разбирательствѣ. Между тѣмъ, очевидно, что личные взгляды лицъ, не бывшихъ вовсе судьями въ дѣлѣ Дрейфуса, не разобравшихъ всѣхъ доказательствъ за и противъ и не выслушавшихъ объясненій подсудимаго, не могли и не должны были играть никакой роли въ принципиальномъ вопросѣ о правильности или неправильности судебного производства, результатомъ котораго былъ обвинительный приговоръ. Можно было считать Дрейфуса виновнымъ и въ то же время находить въ производившемся надъ нимъ процессѣ явныя нарушенія закона, оправдывающія необходимость новаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла; это существенное различіе между двумя отдѣльными вопросами—о виновности Дрейфуса и о законности производства, приведшаго къ его обвиненію,—

систематически забывалось или оставалось въ сторонѣ, вслѣдствіе чего и возможно было нелѣпое дѣленіе людей на дрейфусаровъ и анти-дрейфусаровъ, усвоенное и нѣкоторыми изъ нашихъ газетъ. Непонятно, наконецъ, почему признаніе Дрейфуса измѣнникомъ было такъ важно и необходимо для французскихъ патріотовъ и почему допущеніе мысли объ его невинности озлобляло ихъ до крайности; а настойчивое повтореніе этихъ абсурдовъ въ нашей печати было и остается для насъ неразрѣшимой психологической загадкой.

Еврейство и антисемитизмъ напрасно приписываются къ дѣлу Дрейфуса. Преступники и измѣнники встрѣчаются среди лицъ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій, и если между офицерами бываютъ иноземные шпіоны или сомнительные субъекты, въ родѣ Эстергази, то нельзя предполагать, что одни евреи составляютъ исключеніе и что изъ нихъ никто никогда не окажется продажнымъ негодяемъ. Дрейфусъ могъ быть измѣнникомъ, и однако изъ этого факта не вытекало бы никакого заключенія относительно еврейскихъ офицеровъ вообще, точно такъ же какъ изъ поведенія Эстергази, Анри и имъ подобныхъ невозможно дѣлать какіе-либо выводы относительно офицеровъ-христіанъ. Представители еврейства обнаружили, правда, особый интересъ къ дѣлу Дрейфуса и приняли въ немъ горячее участіе, но только послѣ того какъ выяснились факты, указывающіе на возможность судебной ошибки и на присутствіе антисемитическихъ мотивовъ въ дѣйствіяхъ обвинителей. Безпристрастные и независимые люди во Франціи имѣли основаніе усомниться въ правильности приговора, и все случившееся до сихъ поръ со времени первыхъ заявленій сенатора Шереръ-Кестнера подтверждаютъ эти сомнѣнія. Молодой офицеръ изъ богатой семьи, матеріально вполне обеспеченный, имѣющій жену и дѣтей, не могъ продать себя за деньги иностранной державѣ, а настойчивое отрицаніе имъ своей вины послѣ осужденія выражалось въ слишкомъ трагическихъ формахъ, чтобы быть простой комедіей. Психологическія данныя говорили въ пользу невинности; выставленныя противъ него улики падали одна за другою, а разоблаченіе закулисной стороны процесса 1894 года подорвало послѣдній остатокъ довѣрія къ состоявшемуся тогда рѣшенію. Агитація сторонниковъ пересмотра усиливалась, напоминая нѣкоторыми своими особенностями знаменитую кампанію Вольтера въ дѣлѣ Каласа, и въ концѣ концовъ, несмотря на протесты и угрозы патріотовъ, министерство Бриссона рѣшилось дать ходъ официальной просьбѣ г-жи Дрейфусъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла. Страстные нескончаемые споры, раздѣлившіе какъ будто Францію на два лагеря, должны теперь

умолкнуть; вопросъ правосудія, неправильно перенесенный на почву политической и партійной борьбы, поставленъ на свое надлежащее мѣсто. Иностранной печати, въ томъ числѣ и русской, не слѣдовало вмѣшиваться въ эту внутреннюю французскую распрю; война съ дрейфусарами или съ анти-дрейфусарами не имѣетъ смысла на столбцахъ нашихъ газетъ, и „Новое Время“ поступаетъ крайне безтактно, нападая на нынѣшнее французское министерство въ духѣ и тонѣ парижской „Libre Parole“ Дрюмона.

Дѣло Дрейфуса показало какъ нельзя яснѣе, что традиции второй имперіи сохраняютъ еще свою силу при республикѣ, что онѣ живутъ и отчасти господствуютъ въ нравахъ французской бюрократіи, особенно военной, и въ умахъ значительной части французскаго общества. Полковникъ Анри, рѣшающійся на подлогъ для угожденія начальству,—типъ несомнѣнно бонапартовскаго режима; министры и генералы, не замѣчающіе грубой поддѣлки и слѣпо вѣрящіе въ подлинность документовъ, неправдоподобныхъ по содержанию и по формѣ, вполнѣ напоминаютъ сановниковъ тюльерійскаго двора; публицисты, депутаты и высшіе офицеры (въ томъ числѣ, какъ говорятъ, и генераль Буадефръ), серьезно убѣжденные въ существованіи секретныхъ писемъ императора Вильгельма II къ Дрейфусу, выказываютъ такое же удивительное незнакомство съ политическими обычаями иностранныхъ государствъ и правительствъ, какъ и совѣтники Наполеона III, разсчитывавшіе на союзъ съ нѣмцами южной Германіи противъ Пруссіи. Часто повторяемая въ парижской прессѣ сказка о вмѣшательствѣ германскаго императора въ дѣло Дрейфуса, объ угрозахъ войною въ случаѣ пересмотра процесса или обнародованія какихъ-то документовъ, обличаютъ невѣжество и легковѣріе, немислимые, напр., въ Германіи. Иностранныя газеты или смѣются надъ этими бреднями, или сами удѣляютъ мѣсто сенсационнымъ сообщеніямъ, сбивающимъ съ толку французскую публику; еще недавно такой солидный органъ, какъ „Daily News“, напечаталъ фантастическую исторію—будто бы со словъ бышаго президента республики Казиміра Перье — о томъ, какъ Вильгельмъ II грозилъ мобилизаціею своихъ войскъ за нарушеніе тайны его переписки съ германскимъ посломъ въ Парижѣ, графомъ Мюнстеромъ, и какъ Перье предложилъ Германіи удовлетвореніе въ видѣ своей отставки. Газета не объяснила только, почему эта причина тогдашняго президентскаго кризиса не была никому извѣстна, ни тогда, ни послѣ, и въ какомъ смыслѣ отставка Казиміра Перье могла устранить неудовольствіе и угрозы Берлина по поводу фактовъ, къ которымъ лично президентъ не могъ быть причастенъ. Наивнѣйшія выдумки находятъ вѣру въ парижской печати, и спросъ на разоблаченія вызываетъ фабрикацію особаго рода беллетристики, предлагающей

обстоятельные отчеты о таинственныхъ событіяхъ, которыхъ не только не было, но и быть не могло. Въ этомъ дѣтскомъ сочинительствѣ особенно упражняются патріоты, усматривающіе въ пересмотрѣ процесса Дрейфуса великую опасность для Франціи; они волнуются и волнуютъ другихъ намеками на секретѣйшія дѣла, которыя будто бы раскроются при новомъ разбирательствѣ, — причѣмъ упускается уже изъ виду, что по дѣламъ о государственной измѣнѣ судъ происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Газеты то пугаютъ публику перспективою германскаго нашествія въ случаѣ пересмотра, то приписываютъ Германіи домогательство этого же пересмотра. Невѣроятный сумбуръ царитъ вообще въ разсужденіяхъ и догадкахъ наиболѣе популярныя парижскихъ листковъ. Въ довершеніе всего, постоянные призывы къ запретительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, требованіе обузданія противниковъ, негодующіе мнимо-патріотическіе протесты противъ какой бы то ни было критики по отношенію къ отдѣльнымъ генераламъ и офицерамъ, создаютъ атмосферу чисто бонапартистскихъ чувствъ и понятій. Многіе французскіе республиканцы и радикалы продолжаютъ думать, что критика равносильна оскорбленію, и что она не должна быть допускаема, когда дѣло идетъ объ арміи; они полагаютъ, что для арміи было бы лучше, еслибы полковникъ Аври по прежнему занималъ видное мѣсто въ военномъ министерствѣ и подвигался впередъ по службѣ при помощи подлоговъ, и еслибы во главѣ генеральнаго штаба оставались люди, при которыхъ возможно процвѣтаніе такого рода карьеристовъ. Очевидно, старинныя идеи и привычки не легко поддаются вліянію внѣшнихъ политическихъ перемѣнъ, и бонапартизмъ, исчезнувшій формально, проявляется еще по временамъ въ жизни современной Франціи.

Императрица австрійская, Елизавета, сдѣлалась жертвою безпримѣрнаго злодѣянія въ Женевѣ, 10 сентября (нов. ст.). Направляясь къ парокходной пристани, она была задѣта какимъ-то рабочимъ и получила отъ него ударъ въ грудь; роковое значеніе этого удара обнаружилось только послѣ того, какъ императрица съ трудомъ сѣла на парокходъ и впала въ безсознательное состояніе. Ударъ былъ нанесенъ острымъ и тонкимъ орудіемъ; императрица вслѣдъ затѣмъ скончалась въ гостинницѣ, куда ее доставили на носилкахъ. Убійца назвалъ себя итальянцемъ Луиджи Лукени, родившимся въ Парижѣ отъ прачки; ему 26 лѣтъ, и, скитаясь по разнымъ мѣстамъ въ качествѣ наемнаго рабочаго, онъ съ малыхъ лѣтъ чувствовалъ себя анархистомъ. Онъ готовился убить герцога Орлеанскаго, но такъ какъ герцогъ успѣлъ уѣхать изъ Женевы, то Лукени остановилъ свой выборъ на императрицѣ

австрійской, прибывшей туда инкогнито для посѣщенія баронессы Ротшильдъ.

Несчастное сѣпленіе обстоятельствъ подвергло императрицу встрѣчѣ съ безумцемъ, которому понадобилось убійство знатнаго лица, все равно какого, мужчины или женщины. При этой встрѣчѣ она не имѣла при себѣ никого, кто могъ бы охранить ее отъ нападенія; ее сопровождала только старая придворная дама. Полиція не могла оберегать императрицу потому, что ей не было сообщено объ ея поѣздкѣ изъ Террита въ Женеву. Лукени—несомнѣнно анархистъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ всѣ вообще злодѣи—анархисты. Его преступленіе, бессмысленно-жестокое и ничѣмъ не объяснимое, не можетъ имѣть связь съ какими бы то ни было идеями или принципами. Онъ напалъ изъ-за угла на слабую, беззащитную женщину, всего менѣе представлявшую собою власть и могущество, никогда не вмѣшивавшуюся въ борьбу жизни и извѣстную лишь своею любовью къ искусствамъ и къ невиннымъ удовольствіямъ спорта. Императрица Елизавета испытала много личнаго горя: ея единственный сынъ, наследникъ австрійскаго престола, эрцгерцогъ Рудольфъ, погибъ загадочною смертію во цвѣтъ лѣтъ, въ 1889 году; ея сестра, герцогиня Алансонская, сгорѣла весною прошлаго года на великосвѣтскомъ благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ. Покойной императрицѣ было уже свыше 60 лѣтъ (р. въ декабрѣ 1837 г.); она была дочь герцога Максимилиана баварскаго, въ апрѣлѣ 1854 г. вступила въ бракъ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, славилась своею необыкновенною красотою, пользовалась большою популярностью въ Вѣннѣ и проводила значительную часть жизни въ заграничныхъ путешествіяхъ; она долго жила въ уединеніи на островѣ Корфу, въ устроенномъ ею роскошномъ замкѣ, въ паркѣ котораго красуется статуя любимаго ея поэта Гейне.

Итальянская національность убійцы возбудила раздраженіе противъ итальянцевъ и итальянскихъ рабочихъ и вызвала даже кровавыя схватки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австро-Венгріи. Совершеніе убійства въ Женевѣ дало пищу непріязненнымъ чувствамъ противъ Швейцаріи, служащей будто бы пріютомъ для опасныхъ бѣглецовъ изъ разныхъ странъ, а принадлежность преступника къ числу анархистовъ порождаетъ вопросъ о принятіи энергическихъ мѣръ противъ этой соціально-политической секты. Въ женевскомъ кантонѣ не существуетъ даже смертной казни за убійство, и самъ убійца, какъ говорятъ, выразилъ сожалѣніе о томъ, что не будетъ имѣть случая показать свой героизмъ на эшафотѣ. Умственные и нравственные аномаліи, продукты наследственнаго вырожденія, не устраняются, однако, суровыми мѣрами и казнями; личности, подобныя Лукени,

могутъ быть истребляемы, но появленіе ихъ столь же мало зависитъ отъ слабости законовъ, какъ и существованіе душевныхъ болѣзней и извращеній, вырастающихъ на почвѣ бездомной нищеты и злобы. Для того, чтобы не было такихъ убійцъ, какъ Лукени, необходимо одно существенное условіе,—чтобы дѣти бѣдняковъ не оставались безъ воспитанія и присмотра, чтобы они не должны были съ малолѣтства скитаться въ поискахъ работы, и чтобы въ нихъ не накапливались злобныя чувства, способныя толкнуть ихъ на путь безсмысленныхъ злодѣяній. Этотъ способъ борьбы съ анархизмомъ не выходитъ изъ границъ возможнаго и осуществимаго, и онъ одинъ только могъ бы болѣе дѣйствительно достигнуть цѣли.

Реформаціонное движеніе въ Китаѣ, о которомъ сообщаются весьма любопытныя и подробныя свѣдѣнія въ помѣщенной выше (стр. 496—531) статьѣ нашего пекинскаго корреспондента, получило совершенно неожиданную развязку: китайскій богдоханъ, возвѣщавшій крупныя реформы для пользы своей имперіи, внезапно устранивъ отъ власти дворцовымъ переворотомъ, поставившимъ опять во главѣ управленія вдовствующую императрицу и ея старыхъ совѣтниковъ, приверженцевъ существующаго китайскаго строя и быта, который лучше всего характеризуется легкостью, съ какою „сынъ Неба“ былъ низвергнутъ. Виновникъ реформаторскихъ начинаній, приближенный богдохана, Канъ-Ю-вэй, успѣлъ спастись отъ преслѣдованія и казни, но единомышленники его теперь подавлены, и всякія преобразовательныя попытки пока остановлены. Но разъ начавшееся движеніе найдеть себѣ выходъ, и китайское правительство вынуждено будетъ пойти по пути, указанному отставленнымъ богдоханомъ, если не предпочтетъ подвергнуть имперію дальнѣйшему процессу разложенія и упадка; это вытекаетъ съ особенною ясностью изъ вышеупомянутой корреспонденціи лица, весьма близко знакомаго съ китайскою администраціей и печальнымъ положеніемъ какъ страны, такъ и самого правительства. Тамъ же помѣщена и патріотическая рѣчь извѣстнаго нынѣ Канъ-Ю-вэй, произнесенная имъ въ пекинскомъ собраніи новаго „Общества охраны государства“, въ апрѣлѣ нынѣшняго года. Особенно любопытно то, что авторъ нашей корреспонденціи имѣлъ разговоръ съ самимъ Ли-Хунъ-Чжаномъ о Канъ-Ю-вэй, и тогдашній китайскій канцлеръ отозвался о послѣднемъ съ похвалою, а теперь, вслѣдствіе дворцоваго переворота, Канъ-Ю-вэй спасся отъ лютой казни, только благодаря англійскому военному кораблю, принявшему къ себѣ эту замѣчательную личность.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томъ четвертый. Спб. 1898.

Настоящимъ томомъ заканчивается трудъ, за которымъ мы слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ. Книга г. Шильдера займетъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, весьма небогатой такими цѣльными изслѣдованіями, и тѣмъ болѣе, что въ этой литературѣ всего менѣе разработаны именно новѣйшія времена русской исторіи. Обширный трудъ М. И. Богдановича, вышедшій почти тридцать лѣтъ тому назадъ (въ 1869—71), имѣлъ свои достоинства, какъ историческая рамка, какъ изложеніе, строго державшееся официальныхъ источниковъ, въ которое вошли, между прочимъ, неизвѣстные до тѣхъ поръ документы; достоинствомъ этого труда было и то, что онъ старался обнять всѣ стороны государственной жизни и различныя отрасли управленія,—но характеръ изложенія, не уравновѣшенный оборотной стороною дѣла, изображеніями внутренней жизни общества, характеристикой дѣйствующихъ лицъ, оставлялъ обычное впечатлѣніе официальной неполноты и односторонности. Новый историкъ Александра I ставилъ задачу иначе. Онъ имѣлъ въ виду не исторію Россіи за время Александра I, со всею сложностью вѣдшихъ политическихъ событій и внутреннихъ событій государственнаго управленія, народной и общественной жизни; его изслѣдованіе сосредоточено именно на личности императора Александра I, на его личной дѣятельности и психологической исторіи. Это необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки этого труда. Наша „критика“ сплошь и рядомъ забываетъ элементарное правило—оцѣнивать ученый и литературный трудъ по тѣмъ задачамъ, какія ставилъ себѣ самъ авторъ; очевидно, что въ данномъ случаѣ отъ новаго историка Александра I было бы несправедливо требовать подробной исторіи двѣнадцатаго года, исторіи рус-

скихъ финансовъ, администраціи, народнаго просвѣщенія за это царствованіе. Главное по этимъ вопросамъ авторъ предполагаетъ извѣстнымъ, хотя бы по предъидущей книгѣ М. И. Богдановича,—и касается внѣшнихъ и внутреннихъ событій исторіи того времени настолько, насколько простиралось въ нихъ личное вмѣшательство императора, характерное для его психологическаго опредѣленія.

Историкъ несомнѣнно былъ въ полномъ правѣ избирать предметъ монографическаго изслѣдованія, и предметъ, избранный Н. К. Шильдеромъ, исполненъ величайшаго историческаго интереса. Въ государствѣ самодержавномъ личность властителя составляетъ громадный историческій факторъ. Если въ общемъ ходѣ исторіи сама личность подвергается влиянію общихъ историческихъ условій и настроеній, то чисто единичныя свойства характера съ своей стороны глубоко вліяютъ на ходъ событій, особливо въ средѣ общественной и народной жизни, издавна привыкшихъ къ административному руководству и утратившихъ собственную инициативу и самостоятельность. Были моменты, какъ, напримѣръ, въ двѣнадцатомъ году, когда воля и настроеніе императора вполне совпадали съ мыслями и нравственнымъ возбужденіемъ общества и народа,—и это стало однимъ изъ главнѣйшихъ основаній его народной славы и народной привязанности; но не мало было случаевъ, гдѣ воля императора шла наперекоръ общественному и народному чувству и создавала тягостные факты народной жизни,—какъ печальная исторія военныхъ поселеній, или тягостные факты жизни общественной, какъ, напр., то „министерство затмѣнія“ (по выраженію Карамзина), которое надолго сдѣлалось владычествомъ обскурантизма; какъ роль русской политики въ эпоху греческаго возстанія. Личность императора Александра была могущественнымъ факторомъ и въ политической исторіи западной Европы: время Наполеоновскихъ войнъ, парижскаго мира и французской реставраціи, время конгрессовъ проходило или прямо подъ его авторитетнымъ руководствомъ, или при его ближайшемъ участіи, опредѣлявшемъ ходъ европейской политики. Понятно, какой первостепенный интересъ представить, въ особенности для русскаго историка, освѣщеніе этой личности, и тѣмъ болѣе, что это былъ весьма сложный характеръ, исполненный противорѣчіями,—блестящимъ умомъ и глубокими заблужденіями, проявленіями сильной воли въ критическія минуты и уступчивостью передъ вліяніями часто недостойныхъ людей, сентиментальной мягкости и проявленіями деспотической суровости.

По поводу первыхъ томовъ книги мы говорили уже о томъ, какъ внимательно авторъ старался воспользоваться всей прежней литературой предмета и какъ онъ обогатилъ біографію имп. Александра новыми любопытными свѣдѣніями изъ архивныхъ источниковъ и част-

ныхъ записокъ и воспоминаній, еще не бывшихъ въ печати. Біографія разсказывается обыкновенно въ хронологическомъ порядкѣ событій; какъ выше замѣчено, авторъ говоритъ объ этихъ событіяхъ, внутреннихъ и внѣшне-политическихъ, насколько онѣ ближайшимъ образомъ касались біографіи, и разсказъ перемежается подробностями прямыхъ дѣйствій, писемъ, разговоровъ и замѣчаній Александра, такъ что получается живое реальное изображеніе.

Біографъ, въ заключеніе своего труда, не дѣлаетъ самъ окончательной характеристики императора Александра; но онъ такъ старательно собираетъ характерныя черты его, крупныя и мелкія, отъ первой юности до послѣднихъ дней, что читатель самъ получаетъ обширный матеріалъ для выводовъ. Нечего говорить, что, воздерживаясь отъ собственнаго послѣдняго рѣшенія, авторъ остается безпристрастнымъ и точнымъ въ сообщеніи фактовъ: насколько возможно, онъ собираетъ одинаково свѣтлые и мрачные факты въ исторіи этой эпохи, передавая вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное настроеніе. Къ тому, что болѣе или менѣе извѣстно, авторъ прибавляетъ много новаго, имъ самимъ разысканнаго въ государственномъ и другихъ архивахъ, въ воспоминаніяхъ лицъ, близко стоявшихъ къ импер. Александру, между прочимъ, лицъ императорской фамиліи (напр., воспоминанія вел. княгини, впослѣдствіи императрицы, Александры Ѳеодоровны). До послѣднихъ строкъ книги Александръ I остается для историка „сфинсомъ, неразгаданнымъ до гроба“;—по крайней мѣрѣ, историкъ доставляетъ для разгадки его обильный матеріалъ, какого не было до сихъ поръ собрано въ исторической литературѣ въ такомъ обиліи.

Въ концѣ біографіи авторъ остановился на той легендѣ, которая окружила имя имп. Александра, сначала въ Сибири, и только въ недавнее время нашла мѣсто въ литературѣ.

„Намъ еще остается,—говоритъ г. Шильдеръ,—сказать нѣсколько словъ о народныхъ слухахъ, распространившихся по Россіи въ 1826 году; они были вызваны неожиданной кончиной императора Александра I-го въ Таганрогѣ и необычайными обстоятельствами, среди которыхъ совершилось восшествіе на престолъ императора Николая Павловича. Самые нелѣпые толки и слухи зарождались и распространялись подъ сѣнью господствовавшей тогда полнѣйшей безгласности, благопріятствовавшей ихъ развитію среди невѣжественныхъ народныхъ массъ. Правительство собрало въ то время множество донесеній объ этихъ толкахъ, заслуживающихъ вниманія историка, какъ несомнѣнное произведеніе народной фантазіи, старавшейся по-своему объяснить событія этой смутной эпохи.

„Характерной особенностью всѣхъ этихъ разнообразныхъ сказаній является то, что Александръ не умеръ въ Таганрогѣ, что вмѣсто

него было похоронено подставное лицо, а самъ онъ какимъ-то таинственнымъ образомъ скрылся оттуда неизвѣстно куда.

„Постепенно народные слухи по поводу событій 1825 года умолели, и современные о нихъ письменные слѣды уже покоились въ различныхъ архивахъ, какъ вдругъ во второй половинѣ нашего столѣтія неожиданно и съ новой силой воскресли старыя, давно забытыя народныя сказанія. На этотъ разъ онѣ сосредоточились на одномъ таинственномъ старцѣ, появившемся въ Сибири и умершемъ 20-го января 1864 года, какъ полагають 87-ми лѣтъ, въ Томскѣ. Личность этого отшельника, называвшагося Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, вызвала даже къ жизни официальную переписку о нѣкоемъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи. Легенда, распространившаяся изъ Томска по Сибири, а затѣмъ и по Россіи, заключалась въ томъ, что Ѳеодоръ Кузьмичъ есть не кто иной, какъ императоръ Александръ Павловичъ, скрывавшійся подъ именемъ этого старца и посвятившій себя служенію Богу; затѣмъ, независимо отъ устныхъ преданій, стали появляться печатныя свѣдѣнія о чудесахъ и предсказаніяхъ таинственного отшельника. Наконецъ, въ 1891 году, появилась въ Петербургѣ специальная монографія о жизни и подвигахъ старца Ѳеодора Кузьмича, пережившая нѣсколько изданій.

„О жизни загадочнаго Ѳеодора Кузьмича до его появленія въ Сибири ничего неизвѣстно. Въ 1836 году около города Красноуфимска, въ пермской губерніи, мужчина лѣтъ шестидесяти былъ задержанъ какъ бродяга, наказанъ двадцатью ударами плетей и сосланъ въ Сибирь. Съ 1837 года началась извѣстная уже по различнымъ описаніямъ отшельническая жизнь старца, которая прославила его въ Сибири, окружила его ореоломъ святости и прекратилась лишь въ 1864 году. На могилѣ его, въ оградѣ томскаго Алексѣевского монастыря, былъ поставленъ крестъ съ надписью: „Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца, Ѳеодора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ, 20-го января 1864 года“. Тайну свою Ѳеодоръ Кузьмичъ унесъ въ могилу; незадолго до кончины, на просьбу объявить хотя бы имя своего ангела, загадочный старецъ отвѣчалъ: „Это Богъ знаетъ“. На подобный же вопросъ, сдѣланный старцу ранѣе, онъ замѣтилъ: „я родился въ древахъ; еслибы эти древа на меня посмотрѣли, то бы безъ вѣтра вершинами покачали“.

„По рассказамъ, Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ роста высокаго, плечистый, съ величественной осанкой, такъ что этой своей благообразной наружностью и вмѣстѣ съ тѣмъ тихой и степенной рѣчью онъ производилъ на своихъ собесѣдниковъ обаятельное впечатлѣніе. Всѣхъ сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всемъ обликѣ, въ пріемахъ и въ движеніяхъ старца, въ поступи и въ говорѣ, и осо-

бенно въ благолѣпныхъ чертахъ лица, въ кроткихъ глазахъ, въ чарующемъ звукѣ голоса и въ чудныхъ рѣчахъ, выходившихъ изъ устъ его. Иногда онъ казался строгимъ и даже повелительнымъ. Все это побуждало посѣтителей невольно преклонять предъ старцемъ колѣна и кланяться ему въ ноги“.

Легенда находила вѣру не только у людей, которые вообще склонны къ легендарному суевѣрію, но даже у людей просвѣщенныхъ и серьезныхъ; дѣлались предположенія и сообщались преданія (которыхъ, кажется, еще не было въ печати), объясняющія возможность появленія „старца“. Источникъ этой вѣры заключается, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ поэтическихъ мотивахъ, которые указываетъ историкъ Александра I въ послѣднихъ строкахъ своего труда.

„По этому поводу нельзя не вспомнить справедливаго замѣчанія одного французскаго писателя о томъ, какъ создаются легенды. Онѣ распускаются, подобно роскошнымъ цвѣтамъ, подъ лучезарнымъ блескомъ, озаряющимъ жизнь героевъ. Человѣкъ уже спустился въ могилу, а легенда переживаетъ его, она слѣдуетъ за его переходомъ въ вѣчность, подобно слѣду, оставляемому метеоромъ, и скорѣ разроsteается, расцвѣтаетъ, становится болѣе блестящей, болѣе сіяющей...

„Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы; во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы, съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе. Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ „сфинксъ, неразгаданный до гроба“, безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь увѣнчался бы небывалымъ загробнымъ апоэозомъ, освѣненнымъ лучами святости“.

Въ настоящемъ томѣ, какъ и прежде, въ примѣчаніяхъ указывается литература предмета и сообщается не мало любопытныхъ дополнительныхъ подробностей, а въ обширныхъ приложеніяхъ помѣщенъ документальный матеріалъ, исполненный вообще историческаго интереса, матеріалъ до сихъ поръ неизданный или же неизвѣстный русскимъ читателямъ. Назовемъ, на примѣръ: извлеченія изъ переписки г-жи Сталь съ имп. Александромъ въ 1816 году; неизданный отрывокъ изъ записки графа Каподистріи, 1818 года: „*Aperçu de ma carrière politique*“; записки и письма имп. Александра и вел. княгини, впослѣдствіи императрицы Александры Ѳеодоровны; „Государственная уставная грамота Россійской имперіи“; записка ген.-ад. Закревскаго

о промѣстѣхъ въ Семеновскомъ полку въ октябрѣ 1820 г. и письмо о томъ же полковника Бутурлина; письма гр. Кочубея къ имп. Александру; письмо Меттерниха къ Нессельроде; извлеченія изъ писемъ профессора Паррота къ имп. Александру; собственноручный журналъ кн. П. М. Волконскаго о болѣзни имп. Александра съ 5 по 19 ноября 1825; исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ имп. Александра, на французскомъ языкѣ,—изъ государственнаго архива; протоколъ вскрытія тѣла 20 ноября 1825, актъ о кончинѣ и письма объ этомъ событіи.

По поводу первыхъ томовъ книги мы говорили уже о достоинствахъ самаго изложенія. Оставаясь весьма точнымъ, авторъ умѣетъ сообщить разсказу особенную живость, благодаря обилію собранныхъ имъ подробностей. Множество рисунковъ и портретовъ, собранныхъ между прочимъ изъ весьма рѣдкихъ источниковъ, нерѣдко чрезвычайно характерны.

Въ цѣломъ книга Н. К. Шильдера есть прекрасное приобрѣтеніе нашей исторической литературы. Рѣдкость такихъ цѣльныхъ изслѣдованій по нашей новой исторіи при указанныхъ качествахъ изложенія придаетъ этому труду еще особенное значеніе—весьма цѣнной книги общеобразовательной.

Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель. Сообщеніе Н. В. Волкова. Спб. 1897. Изданіе Имп. Общ. любителей древней письменности.

Въ этой книгѣ авторъ исполнилъ работу, которая должна представить немалый интересъ для тѣхъ, кто занимается изученіемъ нашей древней письменности. Въ чемъ заключается эта письменность, насколько она до сихъ поръ сохранилась? Этотъ вопросъ давно былъ поставленъ нашими изслѣдователями. Срезневскій предпринялъ сосчитать рукописи древняго періода въ трудѣ 1863 года: „Древніе памятники русскаго письма и языка“, и во второмъ нѣсколько дополненномъ послѣ него изданіи этого сочиненія, 1882, цифра древнихъ памятниковъ (считая и тѣ, которые до насъ не дошли, но о которыхъ остались извѣстія) выведена въ 309; впрочемъ самъ онъ замѣчалъ, что въ списокъ не вносилъ тѣхъ памятниковъ, времени которыхъ не могъ опредѣлить съ точностью, и изъ книгъ богослужебныхъ вносилъ только важнѣйшіе списки. Архимандритъ Леонидъ (въ описаніи рукописей графа Уварова) насчиталъ рукописей изъ этого періода — 249, даже меньше, чѣмъ у Срезневскаго. По вычисленію г. Соболевскаго, рукописныхъ книгъ XI—XIV вѣковъ вмѣстѣ съ грамотами дошло до насъ около 500, или, вычитая грамоты, собственно книгъ—433. Но, по мнѣнію г. Волкова, и эта послѣдняя цифра ниже дѣйствительности, и по

его вычисленію въ нашихъ русскихъ и отчасти въ заграничныхъ книгохранилищахъ уцѣлѣло отъ начала письменности до XV вѣка 691 рукописная книга; въ дополненіи онъ прибавляетъ еще 17 книгъ. И эту цифру авторъ не считаетъ окончательной: онъ не ввелъ въ счетъ многихъ рукописей, отъ которыхъ сохранились только небольшіе отрывки или отдѣльные листы, а кромѣ того можетъ быть недоумѣніе относительно многихъ рукописей, отмѣчаемыхъ на переходѣ отъ XIV-го столѣтія къ XV-му. „На первый взглядъ,—говоритъ авторъ,—число уцѣлѣвшихъ древнерусскихъ книгъ отъ начала письменности до XV вѣка—691—можетъ показаться довольно значительнымъ; но вѣдь оно приходится на 4 вѣка и при томъ на всю тогдашнюю Россію, т.-е. среднимъ числомъ по 174 книги на сто лѣтъ, или по 1,7 книги на годъ“. Но сохранившіеся рукописи, замѣчаетъ г. Волковъ, безъ сомнѣнія далеко не составляютъ всего, что было писано въ эти вѣка, и въ особой главѣ, о степени сохранности древнихъ книгъ, авторъ указываетъ, какимъ случайностямъ подвергалось существованіе книгъ какъ въ древнемъ періодѣ, такъ и въ новѣйшее время. Прежде всего книги погибали отъ пожаровъ, и лѣтописи нѣсколько разъ отмѣчаютъ подобные случаи; далѣе, рукописи погибали во время войнъ и, напримѣръ, татарскихъ нашествій: книги не только истреблялись вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, но и уносились въ качествѣ цѣнной добычи.

„Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, поступили татары при взятіи Владимира въ 1237 г.: они разграбили церковныя сокровища и книги „одраша и положиша собѣ въ полонъ“. При нашествіи татаръ на Московское княжество, жители окрестныхъ селеній сносили въ кремль Москвы все, что было поцѣннѣе, въ томъ числѣ и книги, но и тамъ онѣ подвергались сожженію и грабежу со стороны татаръ. Если припомнить, что татарскіе погромы продолжались болѣе двухъ вѣковъ и распространялись на большое пространство, то не будетъ ничего удивительнаго, что такъ мало сохранилось книгъ до-монгольскаго періода изъ мѣстностей юговосточной, средней и западной Руси; съ другой стороны, будетъ понятенъ и тотъ фактъ, что большинство уцѣлѣвшихъ древнихъ рукописей принадлежитъ Новгороду съ его областями, счастливо избѣжавшими татарской грозы. Но зато у Новгорода былъ свой злой сосѣдь—шведы—свеи, а у Пскова—ливонцы, не упускавшіе случая пограбить русскія области. Въ 1869 году въ Императорскую Академію Наукъ были присланы изъ Финляндіи 166 оборванныхъ и погуборѣлыхъ листовъ, представлявшихъ собою, какъ оказалось по разсмотрѣніи ихъ Срезневскимъ, остатки 48 древнихъ книгъ; часть ихъ носила слѣды, свидѣтельствовавшіе, что онѣ служили переплетами и обертками финляндскихъ дѣловыхъ бумагъ или закладками въ нихъ и ярлыками. Судя по числу листовъ изъ разныхъ списковъ прологовъ—

сборниковъ житій, эти рукописи были унесены шведами изъ 12 разграбленныхъ церквей, лишившихся при этомъ не менѣе 200 книгъ. Кромѣ западной, средней и юговосточной Руси, авторъ могъ бы въ особенности назвать еще южную Русь; здѣсь нѣкогда была главная книжная дѣятельность, и именно южныхъ рукописей сохранилось, кажется, всего меньше.

Въ числѣ причинъ гибели рукописей авторъ указываетъ, что онѣ ветшали отъ употребленія и портились отъ неумѣнья ихъ беречь; между прочимъ онъ указываетъ рукописи XII—XIII вѣка (въ библиотекѣ спб. духовной академіи), которая была сильно извѣдена еще древними мышами. Авторъ забылъ указать одну новѣйшую причину гибели рукописей—крайнее невѣжество, истреблявшее рукописи „для порядка“ — ихъ выкидывали въ сырые погреба и на чердаки, какъ негодный хламъ. Таковы, напримѣръ, рассказы извѣстнаго митрополита Евгенія о томъ, что онъ нашелъ въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ и въ Юрьевомъ монастырѣ. Одинъ изъ его биографовъ рассказываетъ: „Впередѣ Евгеній далъ знать туда о своемъ приѣздѣ и этимъ, разумѣется, заставилъ начальство обители нѣсколько посуетиться и прибрать нѣкоторые изъ монастырскихъ помѣщеній въ болѣе чинный порядокъ. Ѣхать въ монастырь онъ могъ одною изъ двухъ дорогъ: или верхнею болѣе проѣзжею, но скучною, или ближнею близъ Волхова, менѣе удобною, но занимательною. Онъ поѣхалъ нижнею—противъ ожиданій монастырскихъ. Близъ самаго монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инокъ. Его заняло, что везетъ инокъ къ рѣкѣ; онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ, что въ возу разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ кучу навозную нельзя, а надобно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ вышелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожку, увидѣлъ порванные книжки и книжные листы и затѣмъ велѣлъ инокъ воротиться въ монастырь. Въ монастырѣ онъ сказалъ начальствующимъ, что если они считаютъ хламъ на возу ни на что негоднымъ соромъ, то готовы, значить, уступить тому, кто имъ будетъ дорожить, что онъ самъ имъ дорожить. И затѣмъ сталъ перебирать его и выбралъ на первый разъ не мало кожаныхъ книгъ и тетрадей, обѣщая порыться въ остальномъ въ другое время“. Нѣкоторые изъ отобранныхъ тетрадей оказались драгоценными остатками древности, между прочимъ даже изъ XI вѣка. Въ самомъ Новгородѣ Евгеній видѣлъ „цѣлыя кучи книгъ и бумагъ, сгнившихъ въ каменныхъ сырыхъ погребахъ, въ кои тяжело и войти“. „Необозримую кучу“ бумагъ онъ видѣлъ между прочимъ подъ кровлею новгородскаго Софійскаго собора; но онъ „опытомъ дозналъ“, что этихъ бумагъ „отъ гнилой вони и пыли нельзя разворачивать ни на два часа“. Это происходило не

въ XIV вѣкѣ, а въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Далѣе авторъ останавливается на распредѣленіи рукописей по вѣкамъ. Такъ какъ только меньшая доля рукописей имѣетъ хронологическія записи, то опредѣленіе вѣка приходится дѣлать приблизительно. Къ X-му вѣку, въ концѣ котораго началась русская письменность, онъ не счелъ возможнымъ отнести ни одной изъ сохранившихся рукописей и не думаетъ вообще, чтобы русскіе написали тогда хоть одну книгу; затѣмъ къ XI вѣку онъ относитъ 22 рукописи, къ XII—86, къ XIII—142, къ XIV—441.

Очень трудно было распредѣленіе рукописей по мѣстамъ написанія, такъ какъ и здѣсь очень рѣдки опредѣленные указанія. Любопытныя цифры получаются въ распредѣленіи рукописей по содержанію. Авторъ принялъ для этого шесть отдѣловъ, именно: книги священнаго писанія представляютъ цифру 226 (всего больше евангелій); книги богослужебныя—261; творенія отцовъ церкви—78; духовно-нравственные сборники—108; церковное и гражданское право—11; книги историческія—6.

Далѣе авторъ указываетъ мѣста храненія рукописей въ настоящее время и наконецъ даетъ указатель всѣхъ рукописей, которыя онъ употребилъ для своихъ статистическихъ исчисленій.

Понятно, что, сохранившіяся рукописи не обозначаютъ самихъ сохранившихся памятниковъ древней русской литературы; большинство памятниковъ сбереглось въ спискахъ позднѣйшихъ; но приведенныя цифры тѣмъ не менѣе любопытны: сбереглись почти исключительно книги церковныя. Видимо, только имъ придавалось особенное значеніе, и кромѣ того ихъ сохранность обезпечивалась ихъ помѣщеніемъ въ церквахъ или въ рукахъ благочестивыхъ людей. Но и число позднѣйшихъ списковъ древнихъ памятниковъ русской письменности, за исключеніемъ лѣтописи и нѣкоторыхъ житій, не весьма значительно, и нѣкоторые сохранились только въ одномъ - двухъ спискахъ.

Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. 25 очерковъ П. Ганзена. Спб. 1898.

Авторъ книги, очень извѣстный своими переводами изъ датской литературы, извѣстенъ также своими статьями объ общественной жизни и именно самопомощи въ скандинавскихъ государствахъ: эти статьи, разбѣяныя за послѣдніе годы въ журналахъ и газетахъ, онъ собралъ теперь въ настоящей книгѣ. Въ 1892 и 1895, авторъ сдѣлалъ путешествія по скандинавскимъ государствамъ, въ особенности для изуче-

нія различныхъ учреждений „общественной самопомощи“, которыя въ послѣднее время достигли здѣсь замѣчательнаго развитія, -- и результатомъ наблюденій былъ настоящій трудъ г. Ганзена. По словамъ его, онъ хотѣлъ въ своей работѣ „заинтересовать русское общество этой еще мало извѣстной ему культурой нашихъ близкихъ сосѣдей и познакомить его съ такими учреждениями на свѣтѣ, которыя болѣе или менѣе удачно и достойно подражанія разрѣшаютъ многіе животрепещущіе общественные вопросы, выдвигаемые жизнью и у насъ“... Авторъ „руководствовался, между прочимъ, желаніемъ ярче отбѣнить *сушность* культуры сѣвера, основанной на личной и общественной инициативѣ, которой правительство предоставляетъ широкій просторъ, но на помощь которой приходитъ тогда лишь, когда за ея дѣло выскажется—опытъ“.

Изъ скандинавскихъ государствъ въ особенности богата подобными учреждениями на общественную пользу Данія, и дѣйствительно, надо удивляться, какъ много сдѣлано въ этомъ отношеніи въ маленькой странѣ только средствами настойчивой общественной инициативы, — правда, дѣйствовавшей при высокомъ уровнѣ образованности и при свободѣ дѣйствій, доставляемой учреждениями.

Авторъ рассказываетъ, обыкновенно весьма отчетливо, о цѣломъ рядѣ такихъ учреждений общественной самопомощи въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни. Онъ начинаетъ съ „писателя мецената“: это былъ Гольбергъ, — одно изъ славныхъ именъ датской литературы (1684—1754), — который изъ прибылей своего литературнаго труда при крайне скромной личной жизни собралъ капиталъ, который и употребилъ на возобновленіе и содержаніе „государственной академіи“ въ Сорѣ: въ настоящее время академія имѣетъ отъ этого капитала Гольберга 500.000 кронъ (250.000 рублей) ежегоднаго дохода, который и идетъ частію на содержаніе академіи, частію на поощреніе наукъ и искусствъ и на пособіе учебнымъ заведеніямъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о „богатѣйшемъ литературномъ фондѣ въ Скандинавіи“: это — громадное пожертвованіе пивовара Якобсена для цѣлей науки и искусства. Якобсенъ (1811—1887), сынъ владѣльца небольшой пивоварни, всю свою жизнь остался пивоваромъ; но это былъ человѣкъ, отъ юности понимавшій значеніе науки, старался ввести ея теоретическія указанія (въ химіи и физиологіи) въ свое практическое дѣло, поднялъ это дѣло до высокаго совершенства и до громадной прибыли; изъ доходовъ пивоварни онъ употреблялъ большія суммы на цѣли науки и искусства и, наконецъ, образовалъ для этого постоянный капиталъ, который въ послѣдніе годы возросъ до шести милліоновъ кронъ. Кромѣ того, большія суммы были имъ употреблены на обезпеченіе рабочихъ своего завода, которые послѣ тридцати лѣтъ

службы могутъ оставить заводъ совершенно обезпеченными. Однимъ изъ замѣчательныхъ дѣлъ Якобсена было основаніе грандіознаго національно-историческаго музея, находящагося въ реставрированной имъ послѣ пожара части древняго замка Фредериксборга. Въ музеѣ собраны историческіе памятники отъ первыхъ временъ Даніи до настоящаго времени и картины, изображающія важнѣйшіе моменты изъ жизни самого народа. По этому поводу Якобсенъ писалъ комитету, заведывавшему реставраціей Фредериксборга: „воскрешая такимъ образомъ память о прошломъ, и можно пробудить и укрѣпить любовь народа къ исторіи его родины, а также внушить ему сознаніе тѣхъ обязанностей, которыя наслѣдіе предковъ возлагаетъ на современныхъ и будущія поколѣнія; а такое сознаніе не можетъ въ свою очередь не способствовать укрѣпленію въ народѣ чувства самоуваженія и нравственной силы, въ чемъ особенно нуждаются такіе малочисленные народы, какъ нашъ“. „Если принять во вниманіе,—прибавляетъ г. Ганзенъ,—что слова эти писалъ человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа (отецъ его былъ простой крестьянинъ), то они получаютъ еще большее значеніе“.

Не останавливаясь на другихъ учрежденіяхъ общественной взаимопомощи въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, которыя описываетъ г. Ганзенъ, ограничимся ихъ перечисленіемъ, которое уже даетъ понятіе объ ихъ разнообразіи. Таковы: борьба съ песками (культура безплодныхъ ютландскихъ равнинъ); высшія народныя школы въ Даніи; датская гимнастика, какъ элементъ воспитанія; ручной трудъ въ Даніи; общества дешевыхъ квартиръ въ Копенгагенѣ; врачебно-экспериментальный свѣтовой институтъ доктора Финсена въ Копенгагенѣ (леченіе свѣтомъ оспы и волчанки); датскія женщины въ области благотворительности и труда; датское общество покровительства одинокимъ женщинамъ; общество призрѣнія и поощренія прислуги въ Копенгагенѣ; призрѣніе слабоумныхъ въ Даніи; Копенгагенское общество призрѣнія калѣкъ и уродовъ; институтъ для слѣпыхъ въ Копенгагенѣ; институты для глухонѣмыхъ въ Даніи; заиканіе, предупрежденіе и леченіе его и значеніе правильнаго дыханія въ дѣлѣ умственнаго развитія дѣтей; западно-европейскія общества покровительства животнымъ и общества милосердія; организація помощи бѣднымъ въ Христіаніи; образцовые дома для рабочихъ въ Христіаніи; призрѣніе дурно-воспитывавшихся дѣтей и малолѣтнихъ преступниковъ въ Норвегіи; какъ поощряютъ кустарей въ Норвегіи; дѣтскіе дома трудолюбія въ Швеціи; школьныя кухни въ Швеціи; упорядоченіе питательнаго дѣла въ Норвегіи и Швеціи; общества трезвости и воздержанія въ Швеціи (борьба съ пьянствомъ).

Кромѣ предпріятій, описанныхъ въ двухъ первыхъ очеркахъ и по-

священныхъ интересамъ науки и искусства, остальная „общественная самопомощь“, изложенная въ дальнѣйшихъ разсказахъ, направлена на специальную филантропію—призрѣніе разнаго рода, медицинскую помощь и т. д. Этими учрежденіями, конечно, не исчерпывается то, что дѣлается у скандинавскихъ народовъ на общую пользу путемъ общественной инициативы, — такъ здѣсь совсѣмъ не упомянуты замѣчательныя предпріятія, какія, напр., въ Швеціи совершены для народнаго просвѣщенія, которое является здѣсь дѣйствительно „народнымъ“ и дѣйствительно „просвѣщеніемъ“, какъ „крестьянскіе университеты“. Все это въ высокой степени привлекательно, какъ здоровая нравственная дѣятельность общества, и безъ сомнѣнія „достойно подражанія“. Къ сожалѣнію, подражаніе очень трудно, потому что для общественной самостоятельности необходимы условія, какими наша жизнь обладаетъ лишь въ малой степени или совсѣмъ не обладаетъ: слишкомъ малъ кругъ образованныхъ людей, способныхъ уразумѣть великую важность подобныхъ задачъ и способныхъ исполнять ихъ (еще повторяются безсмысленные толки о мнимомъ „перепроизводствѣ“ нашего просвѣщенія), а кромѣ того общественная инициатива чрезвычайно стѣснена и не имѣетъ никакихъ обезпеченій своей устойчивости: вспомнимъ недавнюю печальную судьбу комитета грамотности.

II. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ первый. Второе изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. М. 1898.

Тѣ, кто знакомъ съ интересной книгой г. Милюкова, порадуются успѣху, вызвавшему въ короткое время второе ея изданіе. Эта книга есть лучшее, что написано было о развитіи нашей исторіографіи, и нельзя не пожалѣть, что авторъ не находитъ возможности довести трудъ до конца. Второе изданіе сдѣлано безъ перемѣнъ, повидимому безъ участія автора, не пребывающаго въ Москвѣ. Есть впрочемъ одна перемѣна, довольно неудобная для тѣхъ, кому понадобится дѣлать въ книгѣ справки, а именно: въ первомъ изданіи сдѣлано было подробное оглавленіе, котораго во второмъ нѣтъ,—редакція ограничилась только указаніемъ большихъ отдѣловъ и не потрудились выставить новую пагинацію внутри отдѣловъ, какъ было прежде. Напрасно,—потому что, за отсутствіемъ также указателя, это затрудняетъ справки. Напрасно, съ другой стороны, сохранены опечатки перваго изданія: на стр. 354 является „сынъ Дмитріевъ“; это — Батый, сынъ Джучіевъ.

С. С. Шашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Спб. 1898. Изданіе О. Н. Поповой.

Сочиненія Шашкова изданы въ двухъ компактныхъ томахъ, въ двухъ столбцахъ убористаго шрифта, — какъ это теперь входитъ въ обычай для удешевленія книгъ. Въ первомъ томѣ помѣщены сочиненія Шашкова по исторіи женщины, вообще, и исторія русской женщины; во второмъ — нѣсколько статей по европейской исторіи и рядъ статей по русской исторіи: „Русскія реакціи“ (отъ царствованія Петра Великаго до 1861 года); „Поучительная исторія о нѣмцахъ“; „Рабство въ Сибири“; „Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи“; „Россійско-американская компанія“; „Иркутскій погромъ въ 1758—1760 г.“.

Къ изданію приложенъ портретъ писателя, но къ сожалѣнію не приложено весьма существеннаго — хотя бы краткой біографіи Шашкова, которая дала бы понятіе новѣйшему читателю объ авторѣ книги. Шашковъ родомъ былъ сибирякъ (1841—1882), сынъ священника; онъ учился въ иркутской семинаріи, по окончаніи курса былъ посланъ въ Казанскую духовную академію, но черезъ годъ, въ 1861, вышелъ изъ нея и отправился въ Петербургъ, чтобы слушать лекціи въ университетѣ; въ 1863 онъ бывалъ опять въ Сибири, открылъ въ Красноярскѣ частную школу, которая однако вскорѣ была закрыта; затѣмъ онъ подвергся обвиненіямъ по поводу „сибирскаго сепаратизма“ и со второй половины шестидесятыхъ годовъ и до конца жизни пребывалъ въ европейской Россіи, въ разныхъ мѣстахъ своей административной сѣлки — въ Шенкурскѣ, Бобровѣ, Воронежѣ, наконецъ въ Новгородѣ, гдѣ и умеръ. Онъ былъ трудолюбивымъ журнальнымъ работникомъ (особенно въ журналѣ „Дѣло“), — какъ видимъ, въ самой неблагоприятной обстановкѣ, вдали отъ центровъ и слѣдовательно библиотекъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ очень начитанъ, и напр. для статей по исторіи женщины могъ привести большую массу иностранныхъ сочиненій. Въ его матеріальныхъ условіяхъ, для него оставалась возможной только журнальная работа, доставлявшая ему скудные средства существованія; его статьи — по преимуществу популярно-историческія, представлявшія не малый интересъ для тогдашнихъ читателей, такъ какъ лишь незадолго передъ тѣмъ стали доступны литературѣ новѣйшіе періоды нашей исторіи — по крайней мѣрѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ прежде.

Какъ писатель, Шашковъ былъ вполне человекомъ шестидесятыхъ годовъ, съ горячими стремленіями къ общественному благу, съ критическимъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ недавней крѣпостной и бюрократической старинѣ и къ ея остаткамъ въ настоящемъ, съ

мечтами о самостоятельности общества, съ сочувствіями къ народу, соціологическими интересами и начатками народничества.

Въ настоящемъ изданіи собрано, конечно, не все изъ написаннаго Пашковымъ; и въ томъ, что осталось неизданнымъ, намъ кажется, заслуживали бы помѣщенія въ собраніи сочиненій еще многія статьи, любопытныя въ томъ или другомъ отношеніи. Въ сочиненіяхъ Пашкова есть черты именно извѣстнаго періода и извѣстной литературной группы, и чтобы ближе познакомить съ писателемъ, нужно было бы внести въ изданіе хотя нѣкоторую часть его статей публицистическихъ и статей о русскихъ писателяхъ.

Уроженцы и дѣтели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Материалы для біо-библіографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Владиміръ, 1897.

Первый выпускъ сборника г. Смирнова вышелъ въ 1896. Составитель, по его словамъ, много лѣтъ занимается собираніемъ біографическаго матеріала, „касающагося всей Россіи“, и вѣроятно, какъ владимірскій уроженецъ, выдѣлилъ изъ этого матеріала свѣдѣнія о дѣтеляхъ общественныхъ и литературныхъ, которые были уроженцами Владимірскаго края,—по примѣру того, какъ прежде Гацискій далъ подобный трудъ относительно Нижняго-Новгорода, г. Хованскій—Саратова, г. Головшиковъ—Ярославля, г. Селивановъ—Пензы, и т. д. „Качество нашего матеріала,—говоритъ г. Смирновъ въ предисловіи перваго выпуска,—неодинаково; это, по большей части, разбросанныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ свѣдѣнія о томъ или другомъ лицѣ, иногда довольно подробныя, иногда довольно краткія; въ послѣднемъ случаѣ мы старались по возможности дополнить ихъ. Библіографическая часть до извѣстной степени полна“.

Въ сборникѣ г. Смирнова занесены между прочимъ и весьма значительныя имена, біографія которыхъ выходитъ за предѣлы мѣстнаго историческаго интереса и принадлежит широкой исторіи русскаго общества, государственной дѣятельности, литературы и т. д., и гдѣ мѣстные источники доставляютъ мало или ничего; но въ большинствѣ случаевъ, даже относительно именъ довольно извѣстныхъ, мѣстные свѣдѣнія доставляютъ немаловажныя подробности. Въ первый выпускъ вошли, напр., слѣдующія имена: гр. Д. Н. Блудовъ; извѣстный археографъ В. М. Ундольскій; Валер. А. Татариновъ; Ник. В. Калачовъ; Влад. П. Безобразовъ; И. Н. Харламовъ; проф. А. Г. Стодѣтовъ. Во второмъ выпускѣ: кн. Ив. М. Долгорукій; архіепископъ Савва; И. А. Голышевъ, издатель и изслѣдователь народныхъ карти-

нокъ; Павелъ Любопытный, раскольническій писатель, и др. Г. Смирновъ внимательно собиралъ особливо свѣдѣнія изъ мѣстныхъ изданій, вообще мало извѣстныхъ, и заботился о полнотѣ библиографическихъ указаній, такъ что его сборникъ составитъ весьма цѣнный матеріалъ для нашей біографической литературы.

— М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII в.). Изданіе Археограф. Коммиссіи. Спб. 1898.

Однимъ изъ первыхъ, или первымъ крупнымъ трудомъ г. Дьяконова была книга: „Власть московскихъ государей“ (1889), которая обратила на себя вниманіе большою точностью и вѣрными наблюденіями въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи. Первая тема намѣтила уже дальнѣйшія изслѣдованія автора, гдѣ онъ примкнулъ къ тому, все болѣе многочисленному ряду историковъ, которые ставятъ цѣлью объясненіе внутреннихъ процессовъ старой русской жизни—полагая въ этомъ одинъ изъ основныхъ интересовъ историческаго изысканія. Въ 1893, авторъ напечаталъ любопытную статью: „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“. Вопросъ о началѣ крѣпостнаго права, уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ поставленъ въ нашей исторической наукѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ, раздѣляетъ и донынѣ историковъ, которые расходятся во взглядахъ какъ на то, въ какой формѣ совершилось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, такъ и на то, какія причины его вызвали и въ какихъ условіяхъ оно получило юридическую силу. По мнѣнію автора, причина ученаго разногласія лежала особенно въ томъ, что выводы изслѣдователей основывались все на томъ же старомъ матеріалѣ, неясномъ и отрывочномъ; и примѣръ г. Ключевскаго, который обратился наконецъ къ нетронутому еще архивному матеріалу, побудилъ и новаго историка искать разъясненія вопроса въ этомъ направленіи. На первый разъ онъ издалъ, съ своими комментаріями, нѣсколько грамотъ изъ собранія бывшей „коллегіи экономіи“, находящагося въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ 1895 и 1897, г. Дьяконовъ издалъ, въ двухъ выпускахъ, „Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ“, заимствованные имъ изъ московскихъ архивовъ—министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, Троицкаго Сергіева монастыря и Румянцовскаго музея. Это—крестьянскія порядныя записи, въ первомъ выпускѣ, и во второмъ разнообразныя документы, отъ великокняжескихъ и царскихъ, патріаршихъ и боярскихъ грамотъ до частныхъ записей и сдѣлокъ. Авторъ пересмотрѣлъ большую массу документовъ, но такъ какъ они, напримѣръ

крестьянскія порядныя и иныя записи, представляютъ много однороднаго, то онъ выбиралъ изъ нихъ наиболѣе типическіе.

Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ г. Дьяконовъ изложилъ отчасти и свои изслѣдованія по давно намѣченному вопросу. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ, упомянувъ о томъ, какъ до сихъ поръ самый крупный фактъ въ исторіи тяглаго населенія, его закрѣпощеніе, дѣлать изслѣдователей „болѣе чѣмъ на два лагеря“,—замѣчаетъ, что до сихъ поръ не выясненъ и самый составъ тяглаго населенія. „Кто несъ государственное тягло въ московскомъ государствѣ? Была ли группа тяглыхъ плательщиковъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій до Петровскихъ преобразованій однородной, или составъ ея видоизмѣнялся? Эти вопросы, хотя и поднимались въ исторической литературѣ, но не могли получить правильной постановки и рѣшенія по той причинѣ, что лишь въ очень недавнее время выяснена до нѣкоторой степени исторія податного обложенія и въ частности исторія податного оклада“.

Объясненіе цѣлаго вопроса, по мнѣнію автора, едва ли возможно въ настоящее время потому, что многіе важные источники, относящіеся къ нему, не только еще не изданы, но и не приведены въ извѣстность. Поэтому авторъ ограничился разработкой только нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, по которымъ у него былъ собранъ матеріалъ, и хотя эти вопросы находились между собою въ связи, осторожный авторъ уклонился отъ обобщеній, такъ какъ имъ не были рассмотрѣны всѣ разряды тяглаго населенія, и въ самыхъ частныхъ вопросахъ не все могло быть разработано съ надлежащей полнотой. Такимъ образомъ книга состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, въ которыхъ должны были быть затронуты и нѣкоторые побочные вопросы, и по нѣкоторымъ предметамъ, какъ замѣчаетъ авторъ, „могли быть предложены отвѣты, отличающіеся отъ принятыхъ въ исторической литературѣ рѣшеній“.

Вопросы, которые разрабатывалъ г. Дьяконовъ, были слѣдующіе: Крестьяне старожилцы или старинные; крестьяне новопорядчики и условія порядка; половники поморскихъ уѣздовъ (на сѣверѣ); бобыли; задворные и дѣловые люди; монастырскіе дѣтеныши (дѣти и сироты монастырскихъ крестьянъ и бобылей, исправлявшіе пашенную и другую сельскую и домовую монастырскую службу). По каждому вопросу авторъ указываетъ мнѣнія, высказанныя раньше въ исторической литературѣ, и затѣмъ опредѣляетъ его по старымъ памятникамъ и по архивнымъ дѣловымъ матеріаламъ. Въ приложеніяхъ опять помѣщено нѣсколько челобитныхъ и записей.—Т.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Анциферовъ, К. Д.—Сборникъ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству. Спб. 98. Стр. 587.

Арефа, Н. И.—Инструкція полицейскимъ урядникамъ. 3-е изд. М. 99. Стр. 180. Ц. 1 р.

Берендтсъ, Эд.—Опытъ системы административнаго права. Т. I, вып. 1. Ярослав. 98. Стр. 246. Ц. 1 р. 50 к.

Бичеръ-Стоу.—Хижина дяди Тома. Полный перев. съ англ. З. Н. Журавской. Съ 66 рис. Спб. 98. Стр. 250 in 4°. Ц. 1 р. 20 к.

Бодановичъ, Е. В.—Царь-Освободитель. Русскому народу на память. Спб. 98. Стр. 24. Бесплатное народное изданіе.

Бушувъ, В. Ф.—О причинахъ тифа въ русской арміи. Спб. 98. Стр. 24.

Блювельскій, В. И.—Коммерческія комиссіонныя агентства желѣзныхъ дорогъ. Значеніе комис. агентовъ для хлѣбной торговли. Спб. 98. Стр. 22. Ц. 20 к.

Блюводскій, П.—Наши сельско-хозяйственные органы. Кіевъ, 98. Стр. 36. in 16°.

Бляевъ, И. С.—Искушеніе. Историч. романъ XVIII в. М. 98. Стр. 536. Ц. 1 р. 50 к.

Вилмалъ, Ф.—Сборникъ ариметическихъ задачъ. Ч. II: Дробн. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 79. Ц. 35 к.

Воеводскій, Л. Ф.—Опытъ упрощеннаго русскаго правописанія. Од. 98. Стр. 22. Ц. 20 к.

Гальтеринъ, С. К.—Права и обязанности присяжнаго повѣреннаго по дѣлу торговой несостоятельности. Практическія замѣтки. Екатериносл. 98. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

Гартвицъ, А.—Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. М. 98. Стр. 64. Ц. 25 к.

Гроссе, Эрн.—Формы семьи и формы хозяйства. Перев. съ нѣм. М. 98. Стр. 337. Ц. 1 р.

Де-Роберти, П. О.—Разсказы. Кіевъ, 97. Стр. 282. Ц. 1 р.

Драгомировъ, М.—Очерки: Разборъ „Войны и Мира“; Русскій солдатъ; Наполеонъ I; Жанна д'Аркъ. Кіевъ, 98. Стр. 239.

Дмитріевъ, В. К.—Экономическіе очерки. Вып. 1: Теорія цѣнности Рикардо. М. 98. Спб. 64. Ц. 75 к.

Дьяконовъ, М.—Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ московскомъ государствѣ (XVI-XVII вв.). Изданіе Археографической Коммисіи. Спб. 98. III и 344 стр.

Житецкій, П.—Очерки изъ исторіи поэзій. (Пособіе для изученія теорій поэтическихъ произведеній). Кіевъ, 98. Стр. 273. Ц. 1 р.

— Теорія поэзій. Кіевъ. 1898. Стр. 292. Ц. 1 р.

Зинченко, Н.—Любовныя увлеченія Наполеона до брака. Спб. 99. Стр. 40. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г.—Тихое счастье. Ком. въ 3 д. Изъ Репертуара театра Корша. № 1. М. 98. Стр. 83. Ц. 1 р.

Ивановъ, Д. В.—Хребетъ Сихота-Алинь, съ 2 картами. Спб. 98. Стр. 118 in 4°.

Камаровскій, Л. А., гр.—Успѣхи идеи мира. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 22). М. 98. Стр. 217. Ц. 80 к.

Каменскій, П. В.—Преподаваніе гражданской морали въ народныхъ школахъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ зап. Европы. Харьк. 98. Стр. 86. Ц. 30 к.

Кауфманъ, А. А.—Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній. М. 98. Стр. 49.

Колесниковъ, В. А.—Причины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Яросл. 98. Стр. 58. Ц. 50 к.

Конисскій, А. Я.—Жизнь украинскаго поэта. Т. Г. Шевченка. 1814-1861. Од. 98. Стр. 728. Ц. 1 р. 75 к.

Конникъ.—Замѣтки. Военная одежда. Спб. 98. Стр. 28.

Конъ, Людвигъ, д-ръ.—Произвольное вліяніе на полъ потомства. Перев. съ нѣм. д-ръ Н. Лейненбергъ. Од. 99. Стр. 34. Ц. 25 к.

Коппе, Р.—Алкоголь и государственные финансы. М. 98. Стр. 24.

Котичъ, Вл., и Бородавскій, Л.—Ляо-Дунъ и его порты: Портъ-Артуръ и Да-Левъ-Ванъ. Историко-географ. очеркъ, съ картою Ляо-Дуна и 2 пл. Спб. 98. Стр. 48. Ц. 40 к.

Котичъ, Э.—Руководство къ изученію французской филологіи. Перев. Н. Струве, п. р. Э. Ватюшкова. Спб. 99. Стр. 175. Ц. 80 к.

Кудринскій, Э.—Сказаніе о царѣ Саломонѣ. Кіевъ, 97. Стр. 23.

——— Философъ безъ системы. Опытъ характеристике Г. С. Сковороды. Кіевъ, 98. Стр. 69.

Курнатовскій, Г.—Дуэль. Истор.-драм. изслѣдованіе. Варш. 98. Стр. 98.

Левченко, Юл.—Женщина о женщинахъ. Спб. 98. Стр. 8. Ц. 10 к.

Ленинъ, С.—Выборъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Вып. 1. Съ 83 рис. Спб. Стр. 94. Ц. 50 к.

Лоранъ, Э., проф.—Гигіена велосипедиста. Перев. съ франц. врача Э. Говеръ. М. 98. Стр. 96. Ц. 70 к.

Майковъ, И. И.—Нѣкоторые данныя о Тунгусахъ Якутскаго края. Съ 3 табл., 1 фототип. и 1 цинкогр. Иркутскъ, 98. Стр. 214 (Труды Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., № 2).

Моргулисъ, М. Г.—Современныя опасенія з.-европейскихъ евреевъ. Спб. 99. Стр. 51. Ц. 40 к.

——— Значеніе гипнотизма для юристовъ. 2-е изд. Спб. 98. Стр. 56. Ц. 40 к.

Миалъ, Д. С.—Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. С. И. Ершова. Вып. IV. М. 98. Стр. 321—448.

Мовчановскій, Ф.—Водоснабженіе въ гор. Александровскѣ. Од. 98. Стр. 42, съ прилож. Ц. 25 к.

Муратовъ, В. А.—Истерія и истерическій характеръ у дѣтей. Лечебныя и медико-воспитательныя мѣры. М. 98. Стр. 96.

Неждановъ, П.—Нравственность. М. 98. Стр. 179. Ц. 1 р. 25 к.

Николаевъ, П.—Альфонсъ Додэ. Спб. 98. Стр. 89. Ц. 50 к.

Орловскій, С.—В. Г. Вѣлинскій (1810-48). Спб. 98. Стр. 32.

Осадчий, Т. И.—Крестьянское землепользованіе въ Херсон. губерніи. Од. 98. Стр. 66.

Паумсетъ, Ф., проф. берл. унив.—Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Перев. съ нѣм. Н. Вернадской. М. 98. Стр. 181. Ц. 40 к.

Попова, О. Н.—Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ. Фритьофъ Нансенъ. Съ 38 рис. Спб. 98. Стр. 178. Ц. 50 к.

Пытинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. III: Судьбы народной поэзіи.—Эпоха преобразованій Петра В.—Установленіе новой литературы.—Ломоносовъ. Спб. 99. Стр. 534. Ц. 3 р.—съ подпискою на т. IV—10 руб.

Райнесъ, Л. Р., д-ръ.—Какъ слѣдуетъ вскармливать грудныхъ дѣтей. Астрах. 98. Стр. 53. Ц. 35 к.

Ранке.—Объ эпохахъ новой исторіи. Лекціи, читанныя баварскому королю Максимиліану II, въ 1854 г. Перев. П. Шитца, п. р. проф. П. Виноградова. М. 98. Стр. 192.

Ревиль, Ж.—Религія въ Римѣ при Северахъ. Перев. В. Линда. М. 98. Стр. 320. Ц. 1 р. 50 к.

Ределинъ, Г.—Руководство къ разведенію шампиньоновъ. Съ 25 рис. Спб. 98. Стр. 102. Ц. 50 к.

Романенко, Ив.—Итоги народнаго образованія въ г. Ростовѣ-на-Дону, съ краткимъ очеркомъ, историческими справками и планомъ города (1718-1798). Рост.-на-Дону. 98. Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

Ренненкампфъ, Н. К., заслуж. проф. унив. св. Владиміра. Польскій и еврейскій вопросы. (Открытыя письма Б. Н. Чичерину). Кіевъ, 1896. 82 стр. Ц. 30 к.

Святловскій, В. В.—По бѣлу свѣту. За Атлантическимъ океаномъ. Съ 100 рис. въ текстѣ. Еватерипосл. 98. Стр. 473. Ц. 4 р.

Семевскій, В. И.—Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе: — I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. — II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Изслѣдованіе И. М. Сибирякова. Спб. 98. Стр. 574 и 914. Цѣна по 3 р.

Скуаревскій.—1812-й годъ, отъ начала войны до Смоленска включительно. Каз. 98. Стр. 170.

Случевскій, К. К.—Сочиненія, въ шести томахъ, съ портретомъ автора и автографомъ. Спб. 98. Стр. 368, 359, 316, 443, 454 и 395. Ц. 8 р.

Смьловъ, А.—Аскетъ, и другіе рассказы. Спб. 98. Стр. 218. Ц. 60 к.

Страшевичъ, Л.—Взгляды Н. А. Милюткина на учебное дѣло въ царствѣ польскомъ. Перев. съ польск. Спб. 97. Стр. 85.

Толстой, А. К., гр.—Полное собраніе стихотвореній. Драмы, поэмы, повѣсти, былины, баллады, притчи, пѣсни, очерки. — Т. II-ой Полнаго собранія сочиненій. Спб. 98. Стр. 231. Цѣна т. I и II—3 р., въ роскош. пер.—3 р. 75 к.

Трайль, І. Д.—Общественная жизнь Англіи. Т. IV: Отъ воцаренія Іакова I до смерти Анны. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 98. Стр. 537. Ц. 2 р. 50 к.

Трубиновъ, Е. В.—Канунъ XX-го вѣка. Спб. 98. Стр. 8 in 4°. Ц. 10 к.

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Незамѣтныя драмы. Спб. 99. Стр. 416. Ц. 1 р. 50 к.

Фёрстеръ, П., проф.—Вивисекціи, съ естественно-научн., медиц. и нравств. точекъ зрѣнія. Перев. съ нѣм. Спб. 98. Стр. 95. Ц. 50 к.

Фортунатовъ, А. О.—Населенія и хозяйство Австраліи. М. 98. Стр. 47. Ц. 25 к.

Хрущовъ, Н. П.—Памяти гр. И. Д. Делянова. Съ портретомъ. Спб. 98. Стр. 82.

Череванскій, Вл.—Двѣ волны. Историческая хроника. съ иллюстр. Въ 2 ч. Спб. 98. Стр. 350+40, 287.

Чудновская, Л. Д.—Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англ. языку. Од. 98. Стр. 45. Ц. 50 к.

— Англійскіе рассказы и стихотворенія. Посвящ. русскимъ дѣтямъ. Од. 98. Стр. 114. Ц. 1 р.

Шелли.—Сочиненія. Перев. съ англ. К. Вальмонта. Вып. 5. М. 98. Стр. 192. Ц. 75 к.

Эзовъ, Г. А. — Спомненія Петра В. съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченныя изъ Моск. Главн. и Спб. Архивовъ мин. ин. д., Австр. придворн. и госуд. Архива, Бавар. тайн. Государ. Архива и др. учреждений. Спб. 98. Стр. 512.

Этальмайеръ, П. К. — Техническій итогъ XIX-го вѣка. М. 98. Стр. 168. Ц. 80 к.

Теоктистовъ, Ив. — Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ. 2-е изд. Спб. 98. Стр. 63. Ц. 30 к.

Wierzbicki, J. S. — O brzasku. Warszawa, 98. Стр. 252.

Bechterew, W. von. — Bewusstsein und Hirnlocalisation. Deutsch v. R. Weinberg. Leipz. 98. Стр. 50.

Garbell, Ad. — Leitfaden für den Unterricht in der russischen Sprache. — I. Russische Fibel. — II. Elemente der russischen Sprachlehre. Berl. 99. Стр. 49 и 142.

Leist, Arthur. — Armenische Dichter. Uebersetz. Dresden. 98. Стр. 79.

Nys, Ernest. — Recherches sur l'histoire de l'économie politique. Brux. 98. Стр. 217.

Xavier de Maistre. — Chapitre inédit d'histoire littéraire et bibliographique. Genève, 95. Стр. 128.

— Адамъ Мицкевичъ и его современные обличители. Спб. 97. Стр. 21.

— Библиотека общественныхъ знаній, п. р. Л. Зака. Вып. 1. Промысловые синдикаты, Бр. Шейланкъ. Вып. 2. Техническій прогрессъ въ современной промышленности, М. Шиппеля. Од. 98. Стр. 62 и 36. Ц. по 20 к.

— Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изд. М. 98. Стр. 624 и 179. Ц. 3 р.

— Выборный мировой судъ. Сборникъ статей. Спб. 98. Стр. 104.

— Изданіе Жиркова, И. Ѳ.: № 19. С. Семеновъ, Счастливый случай, разск. № 20. Ив. Жирковъ, Друзья — враги. М. 98. Стр. 39 и 45. Ц. 3 к. и 5 к.

— Обзоръ Владимирской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1897 г. Владим.-на-Клязьмѣ. 98. Стр. 531.

— Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1897 г. Томскъ, 98. Стр. 98.

— Переселенцы и переселенческое дѣло въ Златоустовскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи. Уфа. 98. Стр. 119.

— Правительственное содѣйствіе кустарной промышленности за десять лѣтъ (1888-98). Спб. 98. Стр. 178.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. III. Спб. 98. Стр. 288.

— Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды Юриич. Общ. при имп. москов. университетѣ. Т. VIII. М. 98. Стр. 295 и 96. Ц. 2 р. 50 к.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, химіи, физикѣ и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. III, съ 7 карт. и 57 черт. М. 98. Стр. 296.

— Труды Коммисіи по вопросу объ организаціи земско-статистич. оффичныхъ изслѣдованій. М. 98. Стр. 193.

— Труды перваго сѣзда сценическихъ дѣателей. Ч. I и II. Спб. 98. Стр. 276 и 418.

— Что читать дѣтямъ? Вып. 1. Разборъ 264 дѣтскихъ книгъ. Спб. 98. Стр. 172. Ц. 50 к. (Педаг. Муз. в.-учебн. завед. въ Спб. Вып. 1).

— Школьный календарь на 1898—99 гг. Годъ II. Спб. 98. Стр. 126. Ц. 30 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Catulle Mendès. Le chercheur des tares. Paris, 1898. Стр. 519.

Катюля Мендеса считаютъ очень страннымъ писателемъ. Въ немъ живутъ два человѣка, разныхъ по темпераменту и по вкусамъ, и объединенныхъ лишь однимъ существеннымъ свойствомъ—несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Одинъ Катюль Мендесъ—цвѣтъ галльскаго духа—*esprit gaulois*: жадная любовь къ жизни сочетается въ немъ съ умѣньемъ наслаждаться, съ чисто-латинской способностью жить нервами и головой и дѣлать внѣшній міръ источникомъ безконечныхъ утѣхъ. Поэтъ по темпераменту, Мендесъ имѣетъ способность вносить много поэзіи въ свой матеріализмъ и облагораживаетъ безудержную погоню за несложными удовлетвореніями чувствъ своимъ искреннимъ увлеченіемъ красотой. Разказы и повѣсти Катюля Мендеса, короткія и длинныя, очень поверхностны, иногда слишкомъ циничны, но всегда онъ умѣетъ спасти самый рискованный сюжетъ граціей изложенія и той неподдѣльной веселостью, которая роднитъ его съ итальянскими разсказчиками времени Возрожденія.

Но есть въ творчествѣ Катюля Мендеса и совершенно другая струна. Есть у него настроенія, исходящія скорѣе изъ германскаго источника. Его чисто-французскій умъ воспринялъ нѣмецкую метафизику, и это внесло въ его поэзію разладъ съ дѣйствительностью, пониманіе, что въ душѣ человѣка есть желанія, которымъ жизнь не даетъ исхода, и которыя она, напротивъ того, постоянно оскорбляетъ. Этой лучшей дѣйствительности и Мендесъ посвятилъ свою поэзію. То, что существуетъ въ воображеніи, не менѣе живо для души поэта, чѣмъ осязаемыя красоты и радости міра явленій, но міръ воображенія соотвѣтствуетъ инымъ требованіямъ. Катюль Мендесъ очень сильно чувствуетъ противоположность этихъ двухъ міровъ и съ особой гибкостью настроенія живетъ и въ томъ, и въ другомъ. Чѣмъ болѣе полно и страстно онъ любитъ жизнь и ея простыя, понятныя радости, тѣмъ дальше отъ дѣйствительности онъ уходитъ въ своей поэзіи, гдѣ живутъ только его мечты, только неутоленная жажда чувствъ и зрѣлищъ, чуждыхъ пресыщенія и увяданія. Въ поэзіи Мендеса оживаютъ средніе вѣка, жизнь течетъ въ недосыгаемо-чистой красотѣ, и образы,

вызываемые воображеніемъ, соотвѣтствуютъ идеалу души, очевидно, не удовлетворенной внѣшними красотами жизни.

Новая книга Мендеса: „*Le chercheur des tares*“—не относится, однако, ни къ первому, ни ко второму роду произведеній поэта. Дѣйствительность и мечта были до сихъ поръ для Мендеса двумя мірами, изъ которыхъ онъ старался каждый воплощать такъ полно, какъ онъ ихъ чувствовалъ. Но есть что-то болѣе сложное и болѣе важное: это—отношеніе между двумя мірами, одинаково дѣйствительными для внутренней жизни человѣка, одинаково сильно вліяющими на избытокъ силъ, на исполненіе человѣкомъ задачи жизни. Стремленіе изучить и понять это отношеніе менѣе всего ново; оно было и будетъ источникомъ всего истиннаго искусства. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ трагедія, и какъ трагическое начало составляетъ одну изъ важнѣйшихъ основъ искусства, взаимодействіе въ человѣкѣ двухъ противоположныхъ силъ, двухъ разрушающихъ одно другое началъ, стало вѣчной темой въ искусствѣ. Добро и зло, долгъ и чувства классической трагедіи, Фаустъ и Мефистофель въ новомъ искусствѣ, и всѣ безчисленныя воплощенія той же безысходной и необходимой борьбы, которая составляетъ трагическую гармонію души, показываютъ всю неисчерпаемость и всю важность этой темы. Катюль Мендесъ въ свою очередь подходитъ къ загадкѣ души, которая одинаково сильно жаждетъ и добра и зла, и тщетно ищетъ исхода и разрѣшенія въ одномъ изъ двухъ. „*Chercheur des tares*“—попытка не рѣшить эту загадку, а лишь показать тѣ бездны, которыя находятся въ ней. Подходя къ вѣчной, безчисленное множество разъ передуманной мысли, Катюль Мендесъ выказать свойства таланта, которыя въ его прежнихъ произведеніяхъ никогда не отражались,—быть можетъ, не имѣя случая отразиться. Насколько замыселъ новой книги Мендеса выше всего, что онъ когда-либо писалъ, настолько книга его выше и прекраснѣе прежнихъ его вещей. Въ ней нѣтъ ни признака разнузданности языка, которою Мендесъ любитъ щеголять въ своихъ циничныхъ описаніяхъ современности. Если и встрѣчаются смѣлости въ нѣкоторыхъ картинахъ и положеніяхъ, то онѣ вызваны поэтической необходимостью, а не развращенностью вкуса, и только усиливаютъ впечатлѣніе, не оскорбляя эстетическаго чувства.

Въ „*Chercheur des tares*“ мысль о разладѣ правды души и правды жизни освѣщена очень оригинальнымъ образомъ: Катюль Мендесъ рисуетъ душу, одержимую духомъ зла, исканіемъ язвъ, изъязновъ, уродства, скрытаго за всѣмъ, что въ жизни кажется прекраснымъ и чистымъ. „Искатель язвъ“ бессознательно служить высшему добру, во имя котораго онъ отрицаетъ добро и красоту жизни. Для служенія своему невидимому и неосуществимому идеалу герой Мендеса стано-

вится служителемъ зла на землѣ. Онъ нарушаетъ трагическую гармонию, въ которую слиты добро и зло, составляя жизнь, и, нося въ душѣ мучительную жажду уродливаго и злого, превращаетъ дѣйствительность въ царство мрака. Герой Мендеса—своего рода Мефистофель, но уже не безпристрастный духъ зла, спокойный и свѣтлый въ сознаніи своей необходимости, а Мефистофель въ образѣ современнаго человѣка, измученнаго и расколотаго въ своемъ исканіи зла и желаніи добра. Гёте воплотилъ добро и зло въ двухъ раздѣльных образахъ и создалъ аккордъ человѣческой души. Поэтъ конца XIX вѣка далекъ отъ классическаго идеала гармоніи, и, объединивъ Фауста и Мефистофеля въ одно лицо, отразилъ разладъ болѣе поздней культурной эпохи, неспособной къ цѣльности ни въ добрѣ, ни въ злѣ.

Философскій замыселъ Мендеса—окраска жизни одностороннимъ исканіемъ зла—служить предлогомъ для поэтической сказки, въ которой дѣйствительность и фантазія сочетаются, создавая нѣчто совершенно самобытное и глубоко художественное. Страданія человѣка въ погонѣ за уродствомъ, которое онъ ненавидитъ, рассказаны въ капризной формѣ. Дневникъ полубезумнаго героя рассказа драматиченъ и полонъ лиризма, картины дѣйствительности и болѣзненные призраки одинаково живо освѣщаютъ замыселъ художника. Въ рассказъ о дѣйствительныхъ событіяхъ вмѣшано нѣсколько сказочныхъ мотивовъ. Никсъ, всевѣдущій духъ зла, влюбленъ въ Баобо—богиню уродства, и для того, чтобы свершился ихъ чудовищный бракъ, Баобо нуждается въ коронѣ, столь же сверкающей, какъ и корона Никсы, духа ночи и зла; для того же, чтобы загорались камни въ убранствѣ Баобо, нужно, чтобы исчезъ какой бы то ни было свѣтъ на землѣ. Корона богини уродства сверкаетъ потухшими на землѣ свѣточами. Никсъ, готовящій свадебный уборъ своей невѣстѣ, ищетъ гасителя свѣта на землѣ, и становится голосомъ его совѣсти, которая ищетъ правды въ разрушеніи. Если представить себѣ, что эти фантастическія существа—бредъ полубезумца, то этимъ самымъ фантазія сливается съ дѣйствительностью, и разговоры „искателя язвъ“ съ вдохновляющимъ его Никсомъ получаютъ психологическую основу, углубленную и одухотворенную поэтическими образами. Кромѣ разговоровъ съ духомъ зла, фантастическій элементъ книги заключается въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ сказокъ, символизирующихъ отношенія искателя язвъ къ дѣйствительности. Основная мысль всей книги изложена въ фантастической сказкѣ, которую мать героя рассказываетъ ему въ дѣтствѣ,—это сказка о принцессѣ Булочкѣ (Brioche), которая была самой прекрасной особой въ мірѣ пирожныхъ. У нея была маленькая круглая головка съ очень пухлымъ круглымъ тѣломъ, что для булочки считается большой красотой; вся она, головкой и тѣломъ, была такая румяная и

такъ аппетитно пахла, что всѣ останавливались передъ дворцомъ герцога, ея отца, который былъ самымъ знаменитымъ пирожникомъ на свѣтѣ. Люди торопились купить ее и съѣсть. Пришелъ молодой прохожій съ вѣнцомъ изъ звѣздъ; онъ былъ владѣльцемъ города, гдѣ всѣ строенія сдѣланы изъ облаковъ, и гдѣ небо составляетъ крышу. Пирожникъ сказалъ ему:—Что вы сдѣлаете съ ея высочествомъ Булочкой, моей дочерью? У васъ вѣдь питаются воздухомъ и шелестомъ крыльевъ.—Потомъ явились короли-маги, ихъ было трое; на нихъ были вышитыя платья и большіе тюрбаны. Они сказали:—Сегодня канунъ Крещенья, и мы знаемъ, что сегодня во многихъ семьяхъ будутъ ѣсть пирогъ (galette) или булочку (brioche), и вотъ мы тоже хотимъ отпраздновать свой праздникъ. Продайте намъ ея высочество, и мы поѣдимъ ее, запивая бѣлымъ виномъ.—Увы!—сказалъ хозяинъ кондитерской:—Мнѣ не хотѣлось бы обмануть такихъ честныхъ королей-маговъ, —ея высочество, герцогиня, вовсе не то, что вы думаете.—Развѣ въ ней нѣтъ запеченнаго боба?—Бобъ-то въ ней есть, но вотъ что случилось. Однажды, когда меня не было дома, кто-то вошелъ, и съ тѣхъ поръ въ моей Булочкѣ черный, ядовитый бобъ. Вотъ почему, короли-маги, я совѣтую вамъ обратиться въ другое мѣсто.—Они ушли. То, что они узнали, они рассказали всѣмъ, кто хотѣлъ слушать, и всѣ перестали глядѣть на Булочку изъ-за дурного боба. Но былъ кто-то, кто зналъ объ этомъ“...

На этомъ мѣстѣ дѣтская сказка обрывается неутѣшнымъ рыданіемъ ребенка, котораго мать не можетъ убѣдить, что не во всѣхъ булочкахъ на свѣтѣ запеченъ черный бобъ, и что вся эта исторія выдумана. Мальчикъ становится взрослымъ, но сказка вѣчно живетъ въ его памяти, и роковымъ образомъ онъ всегда ищетъ черный бобъ—и всегда находитъ его въ самыхъ прекрасныхъ и золотистыхъ на видъ булочкахъ. Этимъ онъ навсегда закрываетъ себѣ путь къ счастью.

Въ противоположность сказкѣ объ отравленной булочкѣ, въ книгѣ есть другая—о ребенкѣ, который попалъ въ рай, потому что, любя своего друга, онъ не замѣтилъ у него уродливаго горба. Въ этихъ двухъ сказкахъ два отношенія къ жизни, одинаково неправильныя, поскольку одно исключаетъ другое, и фантастическій рассказъ Мендеса направленъ на то, чтобы показать ужасъ односторонней погони за отраженіями вѣчнаго зла. Въ семи послѣдовательныхъ тетрадкахъ дневника, изъ которыхъ состоитъ книга, раскрываются семь извѣ, таящихся въ основахъ жизни. Иллюзія семейнаго счастья—первая, которую разрушаетъ искатель извѣ на горе себѣ. Дѣтство его было счастливое, въ блестящемъ родительскомъ домѣ его отца, могущественнаго графа, и красавицы-матери, „полюковой мамы“, какъ онъ называетъ ее. Когда Никсъ, духъ зла, становится его постояннымъ ночнымъ собесѣдни-

комъ, онъ возбуждаетъ въ немъ странное любопытство, и по его указаніямъ все раскрывается. „Шолковая мама“ и оказывается булочкой съ отравленнымъ бобомъ; графъ оказывается не отцомъ своего мнимаго сына, а тѣмъ, „кто зналъ“ и все-таки женился на ней изъ-за денегъ. Настоящій же отецъ—гнусный журналистъ, развалившійся отъ пороковъ, злой духъ всей семьи. И когда правда раскрыта, „шолковая мама“ уходитъ въ монастырь, графъ теряетъ свое положеніе, а несчастный искатель язвъ становится зависимымъ отъ ненавистнаго и гнуснаго настоящаго отца.

Вслѣдъ за семьей развѣнчивается любовь въ фантастическомъ разсказѣ о прекрасной Мирринѣ (Myrthine), невѣстѣ героя, и ея отцѣ, несмѣтномъ богачѣ, владѣльцѣ цѣлаго острова. И тамъ все отличается сплошнымъ уродствомъ. Великодушный владѣлецъ острова оказывается бывшимъ торговцемъ невольниковъ. Нѣжная Миррина,—дочерью распутной женщины, а фантастическія богатства—плодомъ величайшихъ злодѣяній. Миражъ любви разсѣвается; сама Миррина, узнавъ правду, убиваетъ отца и сама погибаетъ въ сыпучемъ пескѣ, а ея несчастный женихъ еще глубже погружается въ муки зла и наблюдаетъ за собой въ то время, какъ онъ самъ среди своего горя не забываетъ, однако, захватить сколько возможно богатства, и кромѣ того, созерцая мертвую Миррину, отыскиваетъ признаки тлѣна на ея прекрасномъ тѣлѣ.

Уничтоживъ всякую возможность личнаго счастья своимъ больнымъ любопытствомъ, искатель язвъ идетъ далѣе по роковому пути и развѣнчиваетъ всѣ отвлеченные идеалы человѣчества: патриотизмъ, гражданскія доблести, религію, раскрываетъ все, что въ нихъ таится живаго, лицемѣрнаго, гнилого. Образы вѣшняго міра и печальные голоса внутренней борьбы искателя зла съ его мучителемъ Никсомъ переплетаются въ странномъ разсказѣ, гдѣ сухой скептическій тонъ смѣняется порывами трагическаго отчаянія. Конечно, искатель язвъ кончаетъ свою жизнь въ домѣ сумасшедшихъ, куда онъ и попадаетъ, когда перестаетъ отличать Никса, злого духа своего бреда, отъ дѣйствительныхъ людей. Но откровеніе духа зла не теряетъ отъ этого своей силы, хотя авторъ, стремясь возстановить гармонію, противопоставляетъ внутренней трагедіи искателя язвъ веселую компанію молодежи, которая вѣритъ въ красоту и любовь.

Многое можно, конечно, сказать противъ положеній, выставленныхъ Мендесомъ въ его книгѣ. Мы говорили уже, что „исканіе язвъ“—далеко не новый мотивъ въ искусствѣ, и что только человѣчность демоническаго начала составляетъ своеобразность разсказа Мендеса; кромѣ того, самыя язвы, быть можетъ, слишкомъ несложны и вѣстѣ съ тѣмъ явно придуманы въ разсказѣ Мендеса. Не нужно заходить такъ

«лего, чтобы найти язвы жизни. Не каждый день бывшіе торговцы неграми становятся людьми съ огромнымъ общественнымъ значеніемъ. Не нужно такихъ необычайно сложныхъ семейныхъ тайнъ, чтобы надѣ ихъ найти язву семьи. Язвы, раскрываемыя героемъ Мендеса, недостаточно убѣдительны по своей причудливости и придуманности. Но съ художественной стороны эта искусственность психологическихъ мотивовъ становится источникомъ большой красоты. Книга Мендеса— не обличеніе, не сатира нравовъ, а фантастическая сказка, въ которой событія намѣренно преувеличены, и гдѣ намѣренно взяты обычные сказочные герои. Если дѣло идетъ о богатствѣ, то рисуются подземелья сказочныхъ сокровищъ. Если говорится о красавицѣ, то она обладаетъ всѣми свойствами сказочныхъ принцессъ, и т. д. И когда въ этой намѣренно искусственной атмосферѣ выступаетъ глубокая нравственная трагедія, то получается нѣчто своеобразное, поражающее и богатствомъ вымысла, и глубиной идейнаго замысла. „*Chequeur des tares*“—книга настоящаго поэта, и въ этомъ ея главное значеніе.

II.

Léon Buzalquette. L'Esprit Nouveau. Paris, 1898, стр. 393.

Одна изъ самыхъ современныхъ темъ во французской литературѣ— вопросъ о характерѣ переживаемой эпохи. Чувствуя себя на переломѣ между чѣмъ-то, остающимся позади, и новымъ, еще далеко не опредѣлившимся, историческимъ моментомъ, французы заняты тѣмъ, что постоянно измѣряютъ пульсъ національной жизни и указываютъ пути, по которымъ она непременно должна пойти. Книга Леона Базальгета, „*L'Esprit Nouveau*“, тоже одна изъ тѣхъ, въ которыхъ ставится діагнозъ современности. Авторъ увѣренъ въ существованіи какого-то „новаго духа“ въ его отечествѣ, и стремится опредѣлить его. При этомъ онъ не примыкаетъ ни къ спиритуалистамъ, говорящимъ, что Франція находится на пути къ осуществленію мистическаго идеала, ни къ отживающимъ свой вѣкъ во Франціи представителямъ матеріализма. Леонъ Базальгетъ старается найти истину не въ отвлеченныхъ научныхъ формулахъ, а въ требованіяхъ, которыя предъявляетъ сама жизнь. „*L'Esprit Nouveau*“, по его мнѣнію, не спиритуализмъ и не матеріализмъ, а нѣчто сочетающее и то, и другое, въ иномъ основномъ свойствѣ, въ *активности*, и въ томъ, что жизнь разбила оковы всякихъ догматическихъ ученій; средневѣковая мысль подчинила міръ отвлеченной идеѣ Божества; безконечныя толпы живыхъ людей сдѣ-

гались жертвой отвлеченной мысли. Въ періодъ Возрожденія поработанная природа прорвала преграды и вернулась къ свободѣ язычества, и царство жизни, царство дѣйствительности, становилось съ этой поры и до нашего времени все болѣе широкимъ и властнымъ. Освобожденіе личности вопреки господству формулъ—таково существенное свойство духа современности, и въ примѣненіи къ специально французской жизни Базальгетъ видитъ торжество новаго духа въ томъ, что всѣ исключительныя и крайнія формулы въ искусствѣ и въ жизни существуютъ очень недолго, а истинными учителями оказываются лишь тѣ писатели, которые создали активный жизненный идеалъ, гармоничный въ своемъ признаніи всего человѣка, а не исключительно его духа или его плоти.

Говоря объ „Esprit nouveau“ въ искусствѣ и литературѣ, Базальгетъ одинаково не признаетъ крайностей натурализма, какъ и слишкомъ безплотнаго мистическаго искусства новѣйшихъ поэтовъ и художниковъ. Онъ посвящаетъ пространный и почтительный очеркъ Эмилю Золя, признаетъ въ немъ талантъ и силу, но совершенно отрицаетъ его философское міросозерцаніе и порожденную имъ „оргію матеріализма“ въ его романахъ. Пагубнымъ послѣдствіемъ этой философіи онъ считаетъ и художественные недочеты несомнѣнно талантливаго автора Ругонъ-Маккаровъ. Одинъ изъ недочетовъ, по его очень мѣткому наблюденію, это—невывержанность реализма. Свое парадоксальное сужденіе Базальгетъ поясняетъ разницей между практическимъ и пережитымъ реализмомъ—и реализмомъ, основаннымъ на одномъ только наблюденіи. Золя и его послѣдователи выказали себя слишкомъ равнодушными и холодными наблюдателями. Описывать жизнь, значить, принимать участіе въ ея проявленіяхъ, а во всѣхъ произведеніяхъ Золя чувствуется, что онъ гораздо менѣе жилъ самъ, чѣмъ чувствовалъ желаніе описывать жизнь. Въ немъ мало чувствуется непосредственный трепетъ жизни, и слишкомъ сильно замѣтно *namtremie* художника. Свою мысль о томъ, что реалистъ-художникъ долженъ непремѣнно внутренне переживать, а не наблюдать воплощаемую имъ дѣйствительность, Базальгетъ иллюстрируетъ параллелью между Золя и другимъ, выше его стоящимъ, современнымъ реалистомъ, Л. Н. Толстымъ. Эту параллель Базальгетъ заимствуетъ изъ превосходнаго этюда молодого англійскаго критика Гавелока Элліса. Англійскій критикъ и его французскій единомышленникъ придаютъ большое значеніе тому, что Золя былъ бѣденъ въ молодости и жилъ въ мансардѣ, глядя изъ оконъ на разстилающуюся внизу картину блестящаго Парижа,—самъ же принужденъ былъ вести воздержную и скромную жизнь, и только наблюдалъ пышную картину жизни вокругъ себя. Жизнь доходила до него въ видѣ зрѣлищъ, звуковъ и запаховъ, достигавшихъ до оконъ его

мансарды. Самъ онъ не испыталъ глубины жизни и не накопилъ въ душѣ источниковъ личныхъ переживаній, изъ которыхъ великіе художники извлекаютъ самыя блестящія и живыя картины. „До чего отличенъ отъ него“—говоритъ Гавелокъ Эллисъ—„другой великій романистъ нашего времени! Толстой является предъ нами какъ человекъ, самъ глубоко жившій, человекъ съ интенсивной жаждой жизни и удовлетворившій этой жадѣ. Онъ жадно желалъ любви, разгула, волненій, битвъ, ощущеній землепашца въ полѣ; онъ изучалъ все это не какъ матеріалъ для книгъ, а для удовлетворенія своихъ сильныхъ личныхъ страстей. Узнавъ все это, онъ накопилъ сокровищницу опыта, изъ которой черпалъ, когда сталъ писать, и вотъ почему въ его писаніяхъ чувствуется то особое благоуханіе личныхъ переживаній далекаго прошлаго. Золъ же дѣйствовалъ по совершенно другому способу. Когда ему нужно было описать богато устроенный домъ, онъ становился подъ окнами барской квартиры богатаго фабриканта и воображалъ ея внутреннее устройство. Для позднѣйшихъ же романовъ онъ черпалъ матеріалы изъ книгъ и письменныхъ документовъ“.

Есть нѣкоторая правда въ этой параллели между реализмомъ внутреннихъ переживаній и внѣшнихъ описаній, и, конечно, сопоставленіе съ Толстымъ, отражавшимъ въ своихъ герояхъ—драмы своей собственной совѣсти, является самымъ сильнымъ осужденіемъ внѣшнихъ приѣмовъ натурализма.

Осуждая крайности натуралистической школы, Базальгетъ съ такой же или даже бѣльшей рѣзкостью относится къ представителямъ новѣйшаго эстетизма. Что же касается такъ-называемыхъ эгоистовъ, возводящихъ культъ собственнаго „я“ въ своего рода религію, то Базальгетъ доходитъ въ ихъ осужденіи до обвиненія ихъ въ разныхъ грѣхахъ, въ которыхъ едва ли повинны утонченные любители туманныхъ сѣверныхъ пейзажей и молитвенныхъ настроеній, какъ бельгійскій поэтъ Розенбахъ и другіе „современные Нарцисы“, какъ ихъ называетъ критикъ.

Въ своихъ поискахъ за проявленіями „новаго духа“ Базальгетъ ищетъ людей совершенно иного типа, практическихъ дѣятелей въ области искусства, какъ и въ жизни. Онъ останавливается на дѣятельности художниковъ, способныхъ создать нѣчто плодотворное, отразить дѣйствительность въ новыхъ, ей одной лишь свойственныхъ формахъ и, главное, повести за собой современниковъ. Одинокіе мечтатели не могутъ, очевидно, удовлетворить этому активному идеалу, и не о нихъ идетъ рѣчь въ книгѣ Базальгета. Зато мы находимъ у него свѣдѣнія объ искусствѣ, непосредственно связанныя съ жизнью. Базальгетъ справедливо приписываетъ большое значеніе прикладному искусству и требуетъ отъ него оригинальности, соответствія измѣняю-

щемуся характеру времени. Онъ утверждаетъ, что послѣ долгаго подражанія искусству отжившихъ эпохъ, современная Франція создала новый самобытный стиль въ архитектурѣ, и что создателемъ этого стиля является, какъ это часто случается во Франціи въ искусствѣ и въ литературѣ, бельгійскій архитекторъ Викторъ Гортъ (Victor Horta). Базальгетъ даетъ обстоятельную характеристику этого интереснаго художника, соответствующаго духу современности, измѣнившаго прежній типъ архитектуры замѣной камня желѣзомъ, и производя такой же переворотъ въ архитектурныхъ формахъ, какъ и въ матеріалѣ построекъ. Гортъ вводитъ въ искусство науку, и въ этомъ одна изъ чертъ его „модернизма“. Другая черта его искусства—единство замысла, умѣнье придать зданію и всему, что находится въ зданіи, до послѣдней мелочи въ предметахъ обихода, общую артистическую идею. Всѣ прикладныя искусства являются для бельгійскаго художника дополненіемъ его архитектурныхъ замысловъ, а разносторонность его дарованія и богатство фантазіи связываются въ построенныхъ имъ зданіяхъ, въ изготовляемыхъ имъ тканяхъ, расцвѣченныхъ окнахъ, мебели и различныхъ предметахъ роскоши. Въ этомъ художникъ новаго типа, примѣняющемъ свой талантъ къ жизненнымъ требованіямъ, Базальгетъ видитъ очень отрадное явленіе—расцвѣтъ активности, столь важный для дальнѣйшаго процвѣтанія націи. Это заставляетъ его особенно восхищаться и тѣмъ, что Гортъ уже сдѣлалъ, и тѣмъ, что еще есть незаконченнаго въ его творествѣ: „Новый парадный дворецъ въ Брюсселѣ, — говоритъ онъ, — который въ настоящее время заканчиваетъ Гортъ, покажетъ, чего современное искусство можетъ ожидать отъ него. Ревность и неприязнь, возбуждаемая этимъ твореніемъ, непониманіе и рутина, на которыя художникъ часто наталкивается, трудность найти исполнителей своихъ новыхъ замысловъ—не возбуждаютъ въ насъ удивленія. Новаторъ, оригинальный художникъ, черпающій вдохновеніе только въ самомъ себѣ, всегда будетъ врагомъ всѣхъ тѣхъ, кого оскорбляетъ его превосходство. Но въ будущей исторіи искусства Гортъ будетъ отведено значительное мѣсто, и, быть можетъ, будетъ сказано, что съ него начинается новая архитектура“.

Изъ области искусства Базальгетъ переходитъ къ идейной жизни современности и въ ней ищетъ представителей новаго духа. Оказывается, что избранные, въ которыхъ воплотился духъ времени, опять-таки писатели и поэты, но уже не только французы. Кромѣ того, всѣ они не люди нашихъ дней, а уже умершіе дѣятели текущаго вѣка. Базальгетъ изучаетъ главнымъ образомъ трехъ „новыхъ людей“, создавшихъ активный идеалъ жизни и ведущихъ человечество къ проявленію всѣхъ его силъ и способностей. Это—Шелли.

Мишлэ и американскій поэтъ Вальтъ Витманъ. Шелли, раскрывъ богатства и всемірность любви, указалъ на сліяніе человѣка съ жизнью вселенной, которая есть основной законъ жизни. Мишлэ, требуя для всѣхъ здоровой, мощной, правдивой и глубокой жизни, сдѣлалъ это здоровье основнымъ закономъ всякой средней или высшей жизни. Вальтъ Витманъ, наконецъ, показалъ примѣръ самаго широкаго развитія человѣческой и міровой жизни. Всѣ же трое они показали путь къ возрожденію и спасенію среди видимой дѣйствительности, божественной по существу, и этимъ начали путь къ новой жизни среди обновленнаго міра.

Базальгетъ развиваетъ свою теорію, примѣняя ее ко всѣмъ областямъ современной жизни и отрицая всѣ школы, всякое сектантство въ литературѣ, политикѣ, религіи, во имя свободнаго развитія человѣческихъ силъ, среди дружественныхъ ему условій природы. Независимость дѣлаетъ эти разсужденія французскаго писателя несомнѣнно интересными, и уже тотъ фактъ, что онъ противопоставляетъ обычной тенденціозности французскихъ критиковъ и публицистовъ стремленіе согласить всѣ крайнія требованія на одномъ обобщающемъ идеалѣ, составляетъ несомнѣнное достоинство книги Базальгета.

III.

Remy de Gourmont. Le II Livre des Masques. Paris, 1898. Стр. 287.

„Маски“ Реми де-Гурмона обратили на себя большое вниманіе при выходѣ первой книги, составлявшей любопытную галерею писателей „молодой Франціи“. Во второй (II) книгѣ талантливый критикъ продолжаетъ серію своихъ литературныхъ портретовъ. Очень многія имена, встрѣчающіяся въ его книгѣ, не пользуются извѣстностью внѣ своего „кружка“, но Реми де-Гурмонъ стремится дать полную картину всѣхъ болѣе или менѣе оригинальныхъ начинаній среди молодыхъ французскихъ писателей. Его, поэтому, интересуютъ писатели, не имѣющіе достаточно силы, т.-е. таланта, чтобы воплотить свои замыслы въ яркой художественной формѣ; если есть самобытность въ ихъ помыслахъ, то они входятъ въ галерею масокъ и становятся уже чѣмъ-то болѣе цѣльнымъ и выразительнымъ въ изображеніи Реми де-Гурмона. Онъ обладаетъ способностью создавать изъ элементовъ, имѣющихся въ личности писателя, идеальный портретъ того, чѣмъ этотъ писатель могъ бы стать при гармоничномъ взаимодействіи всѣхъ силъ души и ума. Въ „Маскахъ“ Реми де-Гурмона критикъ часто интереснѣе разбираемыхъ имъ писателей. Его галерея наполнена вымышленными портретами въ родѣ выдуманныхъ историче-

скихъ лицъ въ извѣстномъ сборникѣ Марселя Швоба: „Vies Imaginaires“. Все, что Реми де-Гурмонъ говорить въ похвалу книги Швоба, въ значительной степени относится къ нему самому: „Дѣйствительное отдѣлено отъ возможнаго только разстояніемъ имени; возможное, не имѣющее имени, могло бы имѣть его: дѣйствительное бытіе часто скрыто подъ псевдонимомъ. Между мраморными бюстами неизвѣстныхъ въ Луврѣ,—и во всѣхъ другихъ музеяхъ,—можетъ быть, находится бюстъ Лукреція, но такъ какъ онъ не обозначенъ этимъ именемъ, то мы не ощущаемъ при видѣ его трепета, какъ передъ изваяніями дѣйствительно жившихъ людей. Воспитанные на культѣ героевъ, мы хотимъ, чтобы маска, на которой остановился нашъ взоръ, была въ прошломъ хранилищемъ благородныхъ мыслей. Мы забываемъ, однако, что ни мысли, ни дѣйствія людей не отражаются на ихъ тѣлесномъ обликѣ, и что, кромѣ того, возсозданная художникомъ, эта внѣшность воплощаетъ уже геній художника, а не созданнаго имъ лица“. Въ этомъ оригинальномъ опредѣленіи соотношеній между художникомъ и его натурой есть оправданіе и для критика, который только пользуется дѣйствительностью какъ матеріаломъ — иногда даже просто какъ предлогомъ—для выраженія своихъ литературныхъ взглядовъ и понятій. Характеристики Реми де-Гурмона—своего рода мраморные бюсты „неизвѣстныхъ“, хотя они обозначены именами. Тѣмъ ярче выступаетъ художественность скульптора, создающаго живые, привлекательные образы часто изъ однихъ только намековъ на дѣйствительность. Но все-таки, при всей поэтической вымысленности отдѣльных характеристикъ, „Маски“ Реми де-Гурмона имѣютъ значеніе историко-литературнаго памятника: весь литературный пантеонъ молодой Франціи вошелъ въ эти очерки, снабженные къ тому же точнымъ библиографическимъ указателемъ.

Самымъ интереснымъ, однако, по крайней мѣрѣ для современнаго писателя, является въ книгѣ Реми де-Гурмона личность самого критика, съ его оригинальными эстетическими взглядами и психологическими заключеніями. Въ небольшомъ предисловіи Реми де-Гурмонъ высказываетъ свое пониманіе задачъ критики. Она должна, по его мнѣнію, говорить лишь о тѣхъ явленіяхъ, которыя возбуждаютъ въ ней сочувствіе и заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Критики часто—въ русской критикѣ это особенно бросается въ глаза—употребляютъ всѣ усилія, чтобы находить изъяны въ художественныхъ произведеніяхъ, принизить и, если возможно, отвергнуть всякое значеніе художественнаго произведенія, сколько бы въ него ни было вложено искреннихъ намѣреній. Такую критику Реми де-Гурмонъ считаетъ безплодной. Вотъ что онъ говорить по этому поводу: „Гете полагалъ, что если не говорить о вещахъ съ пристрастіемъ, внушеннымъ лю-

бовью, то сказанное не имѣетъ никакой цѣны. Это, быть можетъ, слишкомъ рѣзко сказано. Отрицательная критика нужна. Въ памяти людей нѣтъ достаточнаго количества пьедесталовъ для всѣхъ памятниковъ. Нужно поэтому иногда разбивать бронзы, не имѣющія права на почетное мѣсто. Но это дѣло разрушенія должно совершаться въ потемкахъ. Не слѣдуетъ созывать толпу на мѣсто казни. Мы должны привлекать ее лишь для участія въ празднествѣ славы... Для недостойныхъ книгъ нѣтъ надобности въ кострахъ—достаточно для нихъ пламени камня“.

Такое отношеніе къ задачѣ критики объясняетъ весь характеръ книги Реми де-Гурмона: онъ говоритъ въ ней только о тѣхъ писателяхъ и о тѣхъ произведеніяхъ, которые ему кажутся самобытными и въ которыхъ ему удалось подмѣтить ускользающія отъ поверхностнаго взгляда красоты. Если же онъ иногда преувеличиваетъ достоинства писателя или даже прямо создаетъ вымышленные литературные портреты, то и въ этомъ созданіи его творческой фантазіи выступаютъ привлекающія его художественныя черты. Менѣе всего онъ чувствуетъ влеченіе къ тѣмъ или инымъ отвлеченнымъ идеямъ въ искусствѣ, и требуетъ живыхъ формъ красоты, дѣйствующихъ на воображеніе. „Нужно, чтобы въ литературѣ, какъ и во всемъ другомъ, прекратилось господство отвлеченныхъ словъ. Художественное произведеніе существуетъ только поскольку оно вызываетъ ощущенія; нужно только опредѣлять характеръ самаго ощущенія; метафизика переходитъ тѣмъ самымъ въ ощущеніе чувствъ, а чистая идея отражается въ физическомъ наслажденіи“.

Съ такими требованіями Реми де-Гурмонъ подходитъ къ новѣйшимъ французскимъ поэтамъ и художникамъ. Среди нихъ многіе удовлетворяютъ его изысканному пониманію искусства. Нѣкоторые изъ портретовъ Реми де-Гурмона воспроизводятъ духовныя черты писателей, достигшихъ широкой извѣстности въ литературѣ. Таковы, на примѣръ, Марсель Швобъ и Морисъ Баррессъ. Марсель Швобъ, авторъ „Mimes“ и „Livre de Monelle“—своеобразный писатель, соединяющій необычайно точную и богатую эрудицію съ богатымъ, капризнымъ воображеніемъ. Сюжеты его короткихъ, колоритныхъ рассказовъ фантастичны по содержанію, но самыя необычныя происшествія онъ рассказываетъ съ такимъ обиліемъ подробностей, что читатель проникается убѣжденіемъ въ ихъ исторической правдѣ. Въ этомъ обиліи реалистическихъ подробностей, приведенныхъ въ связь съ вымышленными и почти невозможными сюжетами, сказывается несомнѣнно вліяніе Эдгара Поэ. Реми де-Гурмонъ отмѣчаетъ сходство Марселя Швоба съ американскимъ поэтомъ, но видитъ между ними большую разницу. Эдгара Поэ онъ считаетъ геніальнымъ мистификаторомъ, а характеръ

ной чертой французскаго художника онъ считаетъ иронию, не позволяющую ему доводить до крайности напряженіе читателей. Талантъ Марселя Швоба заключается несомнѣнно въ умѣнѣй възсоздавать живые образы—„выдуманныя жизни“. Для этого, какъ очень тонко замѣчаетъ Реми де-Гурмонъ, онъ наблюдаетъ главнымъ образомъ различія, отдѣляя описываемую имъ личность какъ можно болѣе отъ всѣхъ окружающихъ. Искусство, по собственному выраженію Марселя Швоба, противоположно общимъ идеямъ. Оно описываетъ только индивидуальное и стремится только къ обособленному. Оно не классифицируетъ, а напротивъ того, извлекаетъ изъ типичнаго частное. Согласно этому, Марсель Швобъ изображаетъ только самыя обособленныя черты, доходящія до анекдотичности, но рисующія личность въ ея совершенно отдѣльномъ кругѣ жизни и чувствъ. Этотъ художникъ, любитель рѣдкаго и необычнаго въ людяхъ, приходится очень по душѣ Реми де-Гурмону. Съ меньшимъ сочувствіемъ онъ относится къ другому молодому писателю, успѣвшему создать себѣ громкое имя и во Франціи, и за ея предѣлами,—къ Морису Барресу. Онъ признаетъ и художественную силу проповѣдника эгоизма, а также ту рѣдкую активность духа, которая сдѣлала Барреса учителемъ молодежи, авторомъ воззваній къ обновленной національной жизни. Но Реми де-Гурмонъ, въ своей аристократической замкнутости, съ легкой ироніей говорить объ успѣхахъ Барреса, о томъ, что онъ всегда умѣетъ идти за общественнымъ мнѣніемъ, своевременно обличать политическія нравы, своевременно заниматься политикой и говорить правящіеся фразы о народной энергіи. Все это кажется критику недостойнымъ оппортунизмомъ, и художникъ Барресь въ своемъ послѣднемъ романѣ „Dégasipés“ кажется ему салоннымъ резонеромъ, т.-е. самымъ поверхностнымъ мыслителемъ.

Марсель Швобъ и Морисъ Барресь представляютъ въ коллекціи Реми де-Гурмона наиболѣе извѣстныхъ писателей. Затѣмъ, есть еще въ его книгѣ рядъ писателей, пользующихся мѣстной, парижской, извѣстностью. Мало кому, напримѣръ, за предѣлами Франціи или даже Парижа извѣстенъ Іоганнъ Риктусъ (Jehan Rictus), авторъ „Soliloques du Pauvre“. Въ Парижѣ этотъ поэтъ, декламирующій свои анти-буржуазныя строфы въ монмартрскихъ литературныхъ кофейняхъ, хорошо извѣстенъ. Его безхитростная обличительная поэзія напоминаетъ пѣсни Брюана, но она болѣе литературна и менѣе цинична, чѣмъ кабацкая поэзія послѣдняго. Реми де-Гурмонъ придаетъ литературное значеніе ироническимъ пѣснямъ Риктуса, въ которыхъ воплощена атмосфера парижскаго рабочаго квартала, и особой смѣси беззаботной удали, веселости, сентиментальности, которая составляетъ особенность парижскаго рабочаго, даже когда онъ голодаетъ

и шлеть проклятія сытому буржуа. Критикъ справедливо сожалѣть о злоупотребленіи рабочимъ жаргономъ въ поэмахъ Риктуса. Если бы не пагубное стремленіе воспроизводить грамматическія неправильности парижскаго рабочаго, поэмы Риктуса были бы настоящей поэзіей, между тѣмъ какъ въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, съ обиліемъ сокращенныхъ словъ, неправильныхъ сляній, онѣ являются только благодарнымъ матеріаломъ для декламациі со сцены. Самая интересная, странная и наиболѣе извѣстная поэма въ „Soliloques“—„Le Revenant“ (Привидѣніе): бѣднякъ, блуждающій ночью, вспоминаетъ, что ему когда-то рассказывали, какъ Богъ однажды сдѣлался человекомъ и жилъ какъ бѣднякъ среди бѣдныхъ, а потомъ за Свою доброту и божественную смѣлость слова былъ замученъ. Онъ явился, чтобы спасти міръ, но зло міра было сильнѣе Его словъ, сильнѣе Его смерти, сильнѣе Его воскресенія. Быть можетъ, теперь, двадцать вѣковъ послѣ Его воплощенія, когда люди остались такими же жестокими, какъ въ дни Его земного бытія, быть можетъ теперь Онъ явится снова въ образѣ парижскаго бѣдняка, такъ же, какъ нѣкогда Онъ жилъ въ образѣ галилейскаго бѣдняка. И въ самомъ дѣлѣ Онъ нисходитъ. Вотъ Онъ... Описаніе его блѣднаго, изможденнаго вида сдѣлано на грубоватомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленномъ жаргонѣ рабочаго, и въ заключеніе блѣдный образъ воскресшаго Бога названъ привидѣніемъ („Ah! comm'te's pâle... ah! comme t'es blanc!—Sais tu qu't'as l'air d'un Revenant?..“) Образъ Христа, сдѣланный бѣднякомъ, становится портретомъ самого бѣдняка. Мысль поэмы во всякомъ случаѣ не пошлая, и понятно, что въ выразительномъ чтеніи самого автора она производитъ большое впечатлѣніе. Въ концѣ поэмы оказывается, что всю рѣчь къ Христу бѣднякъ произнесъ передъ зеркаломъ, т.-е. говоря съ самимъ собой въ жалкомъ кабачкѣ своего предмѣстья.

Столь же мало извѣстенъ въ общей литературѣ Поль Форъ (Paul Fort), авторъ „Ballades Françaises“, заслуживающій, однако, вниманія своими необычайно пѣвучими, наивными и живописными балладами, воспроизводящими простоту и вмѣстѣ съ тѣмъ глубину смиренной народной души. Французскій стихъ по природѣ своей такъ близокъ къ прозѣ, что сдѣлать его гибкимъ и пѣвучимъ удастся только рѣдкимъ поэтамъ, и тѣмъ пріятнѣе поражаетъ мелодичная форма поэмъ Фора, соответствующая внутренней поэзіи содержанія. Реми де-Гурмонъ приводитъ въ качествѣ образца маленькое стихотвореніе, вся прелесть котораго заключается, во-первыхъ, въ повтореніи словъ („Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours.—Ils l'ont portée en terre, en terre au point du jour“, etc.), а еще болѣе въ спокойномъ противоположеніи смерти молодой дѣвушки и ненарушенномъ ея обыч-

номъ теченіи жизни („Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours.—Ils sont allés aux champs, aux champs, comme tous les jours“).

Изъ массы другихъ портретовъ, обрисованныхъ бѣлыми, но твердыми чертами, въ „Маскахъ“ выдаются очерки, посвященные нѣсколькимъ основателямъ журналовъ, объявившимъ войну всему условному въ литературѣ во имя обновленнаго молодого искусства. Дѣятельность Эдуарда Дюжардена (Edouard Dujardin), редактора „Revue Indépendante“, и Альфреда Валлета (Alfred Vallette) была особенно плодотворна въ этомъ отношеніи. Говоря объ этихъ двухъ писателяхъ—людяхъ дѣла, а не слова, по вѣрному опредѣленію Реми де-Гурмона, критикъ даетъ бѣлый очеркъ внѣшней исторіи французской поэзіи послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ, опредѣляя значеніе иностранныхъ вліяній на развитіе французскаго вкуса.

Религіозное движеніе, въ смыслѣ отрицанія церкви во имя чистой вѣры, слилось, за послѣдніе годы, съ литературнымъ движеніемъ во Франціи. Реми де-Гурмонъ не былъ бы полнымъ выразителемъ своего поколѣнія, еслибы не удѣлилъ въ своихъ „Маскахъ“ мѣста главнѣйшимъ представителямъ религіозно-литературныхъ толковъ. Конечно, на первомъ планѣ выступаетъ портретъ, или, вѣрнѣе, маска недавняго католика и нынѣшняго врага католической церкви, Виктора Шарбоннеля. Его горячія проповѣди общественной морали Толстовскаго образца и мистическаго идеала свободной вѣры возбуждаютъ живую симпатію у Реми де-Гурмона, который также высоко ставитъ ораторскій талантъ и литературную силу молодого проповѣдника. Болѣе строго критикъ относится къ другому писателю, фанатическому католику Гелло (Hello). Онъ видитъ въ немъ типъ вѣрующаго, для котораго самый процессъ вѣры важнѣе того, во чтѣ онъ вѣритъ. Едва ли впрочемъ эта формула справедлива по отношенію къ столь сложному писателю, какъ Гелло, съ его высокими настроеніями и мощнымъ художественнымъ языкомъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ разнообразна галерея „масокъ“, собранныхъ Реми де-Гурмономъ. Въ ней есть поэты, прозаики, журналисты и проповѣдники. Каждая фигура выдѣляется въ ясно опредѣленный образъ, а въ общемъ получается картина духовной жизни молодой Франціи со всѣми ея широкими начинаніями, но блѣдными воплощеніями этихъ начинаній въ искусствѣ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1898.

Продовольственный вопрос.—Рѣчь и. д. симбирскаго губернатора.—Общественныя запашки и работы, какъ условіе выдачи ссудъ.—Страдаетъ ли продовольственное дѣло отъ обилія „влянекъ“ или отъ чего-нибудь другого?—Новый финляндскій генералъ-губернаторъ.—Продолженіе „Записокъ земскаго начальника“.—Съѣздъ городскихъ головъ.—М. А. Кавось †.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, будетъ оказана въ нынѣшнемъ году болѣе своевременно и болѣе широко, чѣмъ въ прошедшемъ. Правда, изъ числа имѣющихъ право на продовольственную ссуду по прежнему исключаются лица рабочаго возраста; предѣльнымъ срокомъ для выдачи ссудъ по прежнему признается время открытія полевыхъ работъ—но изъ обоихъ правилъ предполагается допускать исключенія, а самый размѣръ выдачъ возвышенъ съ 30 до 35 фунтовъ въ мѣсяцъ на ѣдока. Прошлагодня представленія земскихъ собраній, указывавшихъ на недостаточность продовольственныхъ нормъ, не остались, такимъ образомъ, безъ всякихъ послѣдствій. Рядомъ съ общимъ планомъ дѣйствій, одинаково примѣнимымъ ко всѣмъ потерпѣвшимъ мѣстностямъ, продолжаютъ, однако, заявлять о себѣ своеобразныя системы, направленные къ ограниченію помощи. Такая система предложена, напри- мѣръ, въ рѣчи исправляющаго должность симбирскаго губернатора, произнесенной недавно при открытіи чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія. „Семь лѣтъ тому назадъ“—читаемъ мы въ этой рѣчи, напечатанной въ „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и воспроизведенной съ большимъ сочувствіемъ „Московскими Вѣдомостями“ (№ 222),—„губернія пережила тяжелый годъ. Изъ прошлаго надо черпать указанія. Да не повторится злосчастной памяти 1891-ый годъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы населеніе, которому будетъ оказана помощь, не могло принять ее за даровщину. Чѣмъ строже будутъ поставлены условія для оказанія помощи, чѣмъ настоятельнѣе будетъ обусловлена необходимость, для полученія помощи, работать, тѣмъ плодотворнѣе будетъ помощь, разумѣется при условіи, что для истинно нуждающихся и безпомощныхъ она будетъ на-готовѣ и подастся скоро. Въ виду этого нельзя оставить безъ вниманія предложеній одного уѣзднаго собранія и одного совѣщанія о томъ, чтобы помощь оказывалась лишь тамъ, гдѣ существуютъ общественныя запашки или будетъ рѣшено ихъ завести“. Указавъ, далѣе, на то, что недостатка въ работѣ не будетъ, и. д. губернатора продолжалъ: „обусловить работою выдачу помощи вполнѣ возможно, и это очень важно, чтобы по-

мощь не привела, какъ въ прошломъ, къ новому проявленію лѣни, тунеядства и разврата“. Намъ сообщаютъ изъ Симбирска, что губернское собраніе, по большинству голосовъ, постановило обусловить выдачу ссудъ введеніемъ общественныхъ запасекъ (меньшинство возражало, что населеніе относится къ общественнымъ запаскамъ вѣрнее несочувственно, а результаты ихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣе чѣмъ сомнительны). Это сообщеніе едва ли вполне точно: создать, для выдачи ссудъ, условіе, не предусмотрѣнное закономъ, земское собраніе не имѣло права; оно ограничилось, по всей вѣроятности, возбужденіемъ ходатайства о томъ передъ правительствомъ. Какъ бы то ни было, самая мысль о приуроченіи продовольственныхъ ссудъ къ устройству общественныхъ запасекъ должна быть признана несостоятельною. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ томъ или другомъ сельскомъ обществѣ, пострадавшемъ отъ неурожая, ставится вопросъ о введеніи общественной запашки, какъ объ условіи продовольственной помощи. Большинство высказывается за отрицательное рѣшеніе вопроса, можетъ быть потому, что въ его средѣ преобладаютъ хозяева сравнительно зажиточные, а можетъ быть и потому, что оно имѣло случай убѣдиться въ бесполезности и неудобствѣ общественныхъ запасекъ. Вся тяжесть этого рѣшенія упадаетъ на меньшинство: оно остается безъ помощи, хотя и подало голосъ за введеніе общественной запашки. Представимъ себѣ другой случай, еще болѣе вѣроятный: подъ гнетомъ нужды—или подъ давленіемъ начальства—сельское общество постановляетъ ввести у себя общественную запашку, хотя и считаетъ ее излишней и обременительной. Оканчивается неурожайный годъ; приходится исполнять вынужденное обязательство. Понятно, что исполняется оно кое-какъ, неохотно, вяло и медленно. Отсюда, въ свою очередь, принудительныя мѣры, взысканія имущественныя и личныя, можетъ быть даже такъ называемое „сопротивленіе властямъ“, съ его обычными послѣдствіями... Допустимъ, наконецъ, что общественная запашка введена и обрабатывается сносно (особеннаго усердія къ ея обработкѣ нельзя ожидать уже потому, что она предпринимается по приказу начальства, а не по свободному убѣжденію крестьянъ): гарантіей уплаты продовольственной ссуды это еще не служитъ потому, что хорошаго урожая можетъ и не быть. Не устраняется, по той же причинѣ, и потребность въ ссудѣ на будущее время. Столь же нецѣлесообразнымъ кажется намъ и требованіе работы, какъ необходимаго условія помощи. Не говоря уже о затруднительности или даже невозможности повсемѣстнаго устройства общественныхъ работъ—повсемѣстнаго въ томъ смыслѣ, чтобы можно было участвовать въ нихъ, не отлучаясь изъ мѣста жительства,—слѣдуетъ имѣть въ виду, что не всякая работа, даже самая простая, доступна для всякаго лица рабочаго возраста; вѣдь и между крестья-

нами, въ особенности немолодыми (рабочій возрастъ считается до 55 лѣтъ), есть люди слабосильные, хворые, неспособные къ тяжелому труду, въ суровое время года, подъ открытымъ небомъ, при скудной пищѣ и вообще при неблагоприятной гигиенической обстановкѣ. Въ рѣчи и. д. симбирскаго губернатора сдѣлана оговорка относительно людей „истинно-нуждающихся и безпомощныхъ“, отъ которыхъ можно и не требовать обязательной работы; но *безпомощность*—понятіе относительное, не поддающееся объективной оцѣнкѣ. Къ чему затруднять и безъ того уже до крайности трудное установленіе условий, дающихъ право на ссуду, къ чему увеличивать вѣроятность ошибокъ, тяжело отзывающихся на здоровьѣ и благосостояніи цѣлыхъ семействъ? Не слѣдуетъ забывать, наконецъ, что такое всякая обязательная работа. Она требуетъ постояннаго, дорого стоящаго надзора; она влечетъ за собою мѣры понужденія, часто граничащія съ наказаніемъ; она обращаетъ свободнаго, ни въ чемъ не провинившагося человѣка въ нѣчто среднее между крѣпостнымъ и арестантомъ. Попытки организаціи такой работы встрѣчались еще въ 1891 г. и влекли за собою крайне нежелательныя послѣдствія. Вотъ что, напримѣръ, сообщалось тогда изъ Курска: пятидесяти-восми крестьянамъ предоставлена было на курско-кѣвской жел. дорогѣ распилка дровъ. Крестьяне проработали четыре дня и разошлись, находя, что назначенная имъ плата слишкомъ низка. Губернаторъ призналъ нужнымъ наказать ихъ за уходъ выдержаніемъ при полиціи десять дней на хлѣбѣ и водѣ, и приказалъ высылать ихъ каждый день на распилку дровъ подъ конвоемъ, а слѣдующія имъ за работу деньги отдавать, за вычетомъ стоимости идущаго на пропитаніе ихъ хлѣба, вдовамъ и сиротамъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежать. Земскимъ начальникамъ было поручено объявить объ этомъ распоряженіи на сельскихъ сходахъ, съ предвареніемъ крестьянъ, что кто не захочетъ идти на предлагаемыя работы, тотъ не получитъ продовольственной ссуды и будетъ отправленъ въ Курскъ для ареста и принудительнаго обращенія на общественныя работы. Вотъ къ какимъ явнымъ нарушеніямъ закона и справедливости приводитъ примѣненіе общественныхъ работъ, какъ условія выдачи продовольственной ссуды... Болѣе чѣмъ сомнительна, наконецъ, и правильность доводовъ, которыми мотивируется необходимость установленія этого условія. Если 1891 годъ по истинѣ можетъ быть названъ годомъ „злосчастной памяти“, то конечно не потому, что онъ приучилъ населеніе рассчитывать на „даровщину“ и предаваться „лѣни, тунеядству и разврату“. Всѣ подобныя обвиненія, основанныя на поспѣшномъ и неосторожномъ обобщеніи отдѣльныхъ случаевъ, пора было бы навсегда сдать въ архивъ, какъ громкія фразы, очень мало соотвѣтствующія дѣйствительности. Особенно странно встрѣчаться съ ними въ офи-

ціальныхъ заявленіяхъ и документахъ. Если мы не ошибаемся, и. д. симбирскаго губернатора въ 1891—92 г. не состоялъ еще на службѣ въ симбирской губерніи: онъ можетъ свидѣтельствовать о тогдашнемъ поведеніи крестьянъ только по слухамъ, а слухи не всегда бываютъ достовѣрны. Симбирская губернія—одна изъ тѣхъ, гдѣ всего упорнѣе держатся крѣпостническіе взгляды и предразсудки, между которыми видное мѣсто занимаетъ, какъ извѣстно, вѣра въ „лѣность грубаго простонародья“. И вотъ, эта вѣра окрашивается въ извѣстный цвѣтъ воспоминанія о голодномъ годѣ, отражающіяся, въ свою очередь, на отношеніи къ новому народному бѣдствію. Тамъ, гдѣ нужно сочувствіе, является недовѣріе; вопреки основному началу справедливости, на степень презумпціи возводятся не хорошія, а дурныя свойства человека. До какой степени заблуждаются—или вводятъ въ заблужденіе другихъ—тѣ, которые провозглашаютъ крестьянъ тунеядцами и лежебоками, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по корреспонденціи изъ саратовскаго уѣзда, напечатанной... въ „Гражданинѣ“! Возражая кн. Мещерскому (присоединившемуся, какъ и слѣдовало ожидать, къ хору обличителей крестьянской лѣни), авторъ корреспонденціи указываетъ на настоящія причины, заставляющія нѣкоторыхъ крестьянъ отказываться отъ работы въ неурожайные годы: ихъ собственное изнуреніе и еще большее изнуреніе лошадей. Половина, если не болѣе, крестьянскихъ лошадей въ саратовскомъ уѣздѣ „не годится на маломальски тяжелую работу“. Заработокъ, по словамъ корреспондента, „всегда нуженъ крестьянину, даже въ урожайный годъ. Чтò же можетъ его удержать дома, когда нужда его въ десять разъ больше вслѣдствіе неурожая? Казенный хлѣбъ? Но развѣ ссуда—не тяжелая обуза, которая налагается на него только въ силу страшнаго экономическаго упадка? Развѣ 30 фунтовъ въ мѣсяцъ на малолѣтняго могутъ насытить его, отца этихъ малолѣтнихъ? Развѣ кромѣ хлѣба, еслибы дали его даже втрое больше, не надо приварки, дровъ, керосину, посылки для лошадей, одежды?“ Въ неурожайные годы предложеніе работы превышаетъ спросъ—и работа не оплачивается ¹⁾, тѣмъ болѣе, что каждый работодатель „считаетъ своимъ долгомъ прижимать и сводить заработокъ на нуль“. Всѣ извѣстные корреспонденту отказы работать,—кромѣ единичныхъ случаевъ „лѣни и баловства“,—„были вызваны невозможной заработной платой, невозможными прижимками, невозможными условіями со стороны какъ частныхъ лицъ, такъ и учреждений (любопытно было бы знать, какихъ именно учреждений?), пользовавшихся тѣмъ, что мужикъ дешевле, ничего не стоитъ“. Что правда на сторонѣ корреспондента „Гражданина“, а не на сторонѣ людей, всегда готовыхъ отрицать

¹⁾ Намъ пишутъ изъ симбирской губерніи, что въ 1891 г. заработная плата поденщикамъ падала до „пяти копѣекъ“—и охотники работать за эту плату все-таки находились!

народное бѣдствіе или сводить его къ возможно меньшимъ размѣрамъ, — это подтверждается массою вѣстей, доходящихъ изъ пострадавшихъ губерній. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно характеристичныя и достовѣрныя, приведены въ нашемъ сентябрьскомъ внутреннемъ обзорѣни.

Земскія собранія, старающіяся урѣзать и затруднить продовольственную помощь, составляютъ рѣдкое исключеніе; въ огромномъ большинствѣ случаевъ земство дѣйствуетъ въ интересахъ нуждающагося населенія — и именно этимъ навлекаетъ на себя усиленную вражду ненавистниковъ самоуправления. Любопытно видѣть, въ какихъ формахъ эта вражда выражается въ „охранительной“ печати. Продовольственное дѣло выставляется здѣсь ребенкомъ, гибнущимъ отъ обилія „нянекъ“ ¹⁾. Хлѣбъ для выдачи въ ссуду покупаютъ земства, покупаютъ и министерство финансовъ; министерство финансовъ принимаетъ на себя изслѣдованіе средствъ къ сбереженію рабочаго скота; оно же предполагаетъ учредить особую комиссію для изысканія мѣръ, могущихъ привести къ улучшенію положенія крестьянъ въ центральной Россіи. Съ тою же цѣлью проектируется совѣщаніе, изъ выборныхъ представителей средней Россіи, при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Продовольствіемъ озабочено, далѣе, вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, начиная съ центрального управленія и до сельскихъ и волостныхъ властей. Дѣятельное участіе въ помощи пострадавшему отъ неурожая населенію приняли, съ весны нынѣшняго года, общество Краснаго-Креста, вольное экономическое общество, редакціи газетъ и множество частныхъ лицъ. Обсужденіемъ продовольственныхъ мѣръ занимается, наконецъ, вся печать. Несмотря на всѣ заботы столь многихъ лицъ и учреждений, у насъ нѣтъ ни надлежащихъ зернохранилищъ, ни надлежащихъ хлѣбныхъ запасовъ, и даже частный неурожай вызываетъ суету, не обѣщающую ничего хорошаго. Этой печальной картинѣ противопоставляется идиллія до-реформенной эпохи, когда о продовольственномъ дѣлѣ у государственныхъ крестьянъ заботилось одно только министерство государственныхъ имуществъ, съ его мѣстными органами — и все обстояло благополучно: былъ порядокъ, было дѣло, была отвѣтственность, былъ хлѣбъ — и не было никакихъ продовольственныхъ вопросовъ. „Нужно“ — читаемъ мы въ концѣ статьи, — „нужно, чтобы крестьянское населеніе получило одно высшее попечительное начальство въ центральномъ правительствѣ, въ непосредственномъ подчиненіи которому находились бы учрежденія въ губерніяхъ, уѣздахъ и селахъ, вѣдающія *все* отрасли крестьянскаго управленія“. Это — настоящій *salto mortale*; изъ соображеній, ка-

¹⁾ См. № 246 „Московскихъ Вѣдомостей“.

сающихся *только* продовольственного дѣла, дѣлается выводъ, ставящій вверхъ дномъ все существующее мѣстное устройство. „Отраслями крестьянскаго управленія“ можно признать, наравнѣ съ продовольственной частью, и страховую, и пожарную, и санитарную, съ нѣкоторой натяжкой—даже и школьную, такъ что сосредоточеніе ихъ въ учрежденіяхъ, „непосредственно подчиненныхъ“ центральной администраціи, было бы равносильно упраздненію земства... Посмотримъ, однако, насколько аргументація газеты убѣдительна собственно по отношенію къ продовольственному дѣлу. Болѣе чѣмъ странно причислять къ „нянькамъ“ этого дѣла министерство финансовъ и министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, только потому, что они озабочены улучшеніемъ положенія среднерусскаго крестьянства. Въ такой заботѣ—это признають и „Московскія Вѣдомости“—нѣтъ ничего прямо касающагося продовольственныхъ вопросовъ; вѣдь упадокъ благосостоянія крестьянъ зависитъ не отъ однихъ лишь неурожаевъ. Онъ коренится, отчасти, въ отсталости сельскаго хозяйства—и потому не можетъ не занимать министерство земледѣлія; онъ зависитъ, до известной степени, отъ дѣйствующей у насъ системы налоговъ и грозитъ уменьшеніемъ государственныхъ доходовъ—и потому не можетъ не тревожить министерство финансовъ. Если министерство финансовъ принимаетъ участіе въ закупкѣ хлѣба, то это дѣлается съ согласія министерства внутреннихъ дѣлъ и, слѣдовательно, не нарушаетъ единства въ высшемъ завѣдываніи народнымъ продовольствіемъ. Закупки министерства финансовъ и закупки земства едва ли идутъ въ разрѣзъ однѣ съ другими: первыя, напримѣръ, производятся (или производились) для симбирской губерніи, послѣднія—для саратовской. Конкуренціи между земскими начальниками и земскими учрежденіями въ продовольственномъ дѣлѣ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не должно быть; обязанности тѣхъ и другихъ существенно различны, и для соблюденія установленнаго порядка совершенно достаточно невмѣшательства земскихъ начальниковъ въ область дѣятельности земства (о вмѣшательствѣ послѣдняго въ область дѣятельности первыхъ нѣтъ, конечно, и рѣчи). Что касается, наконецъ, до общества Краснаго-Креста и вольнаго экономическаго общества, до редакцій газетъ и частныхъ лицъ, то относить ихъ къ числу „нянекъ“ продовольственного дѣла, усложняющихъ и затрудняющихъ его веденіе, просто смѣшно: ихъ работа не имѣетъ ничего общаго съ официальнымъ попеченіемъ о народномъ продовольствіи и всецѣло направлена къ тому, что безъ нея осталось бы вовсе несдѣланнымъ. Никакого многоначалія и многовластія въ продовольственномъ дѣлѣ, такимъ образомъ, не оказывается; это только фантомъ, пущенный въ ходъ какъ боевое орудіе противъ

земства—а отчасти и противъ общества, позволяющаго себѣ размышлять о народномъ бѣдствіи и участвовать въ борьбѣ съ его послѣдствіями.

Слѣдуетъ ли отсюда, что въ сферѣ продовольственнаго дѣла все обстоитъ благополучно? Конечно—нѣтъ. Ненормально сохраненіе въ силѣ стараго продовольственнаго устава, давно уже признаннаго устарѣвшимъ и отжившимъ; ненормально внесеніе въ него фактическихъ измѣненій, не предусмотрѣнныхъ закономъ и потому не вездѣ и не всегда одинаковыхъ; ненормально недоувѣріе къ одному изъ элементовъ, призванныхъ къ участию въ продовольственномъ дѣлѣ; ненормально одностороннее предубѣжденіе въ пользу натуральныхъ запасовъ, недостаточность которыхъ обнаружена опытомъ минувшаго и нынѣшняго года. Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбные магазины, на пустоту которыхъ недоброжелатели земства такъ громко жаловались въ 1891 г. (хотя она зависѣла, въ сущности, не отъ земства), содержали въ себѣ, осенью 1897 года, почти все требуемое количество хлѣба—но это только уменьшило затраты изъ имперскаго продовольственнаго капитала, а не сдѣлало ихъ ненужными. То же самое слѣдуетъ сказать и о нынѣшнемъ голодномъ періодѣ: хлѣбные магазины, даже въ губерніяхъ, не пострадавшихъ въ прошломъ году, могутъ доставить только часть хлѣба, необходимаго для обмѣненія и продовольствія, и ссуды уже теперь составляютъ много милліоновъ рублей. Очевидно, что на однихъ запасныхъ магазинахъ—или даже преимущественно на нихъ—нельзя строить продовольственную систему. Какое же значеніе можетъ имѣть, въ виду всего этого, вѣчная ссылка на блаженные времена графа Киселева? Если пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ хлѣбные магазины, поддерживаемые продовольственными капиталами, оказывались цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, то отсюда еще не слѣдуетъ, что они могутъ имѣть точно такое же значеніе и въ настоящее время. Почва въ черноземныхъ губерніяхъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не была еще истощена, лѣса не были вырублены, засухи не сдѣлались еще обычнымъ явленіемъ; не было еще на лицо, однимъ словомъ, тѣхъ условій, вслѣдствіе которыхъ такъ часто и съ такою силой повторяются, въ послѣдніе годы, широко распространенные неурожаи. Новая обстановка требуетъ и новыхъ законодательныхъ мѣропріятій, а не простого возвращенія къ прошедшему. Меньше всего можетъ помочь дѣлу устраненіе изъ него общественнаго элемента, представляемаго земствомъ.

Кстати объ общественномъ участіи въ продовольственной заботѣ. Мы упомянули въ сентябрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи о попыткѣ „Новаго Времени“ набросить тѣнь на организацію частной помощи голодающимъ, будто бы „не удавшуюся“ и допустившую употребле-

ніе части собранныхъ денегъ на издержки лицъ, „командированныхъ“ въ неурожайныя мѣстности. Эта неосторожная выходка вызвала возраженіе Б. Э. Кетрица, бывшаго председателя комитета, образованнаго при вольномъ экономическомъ обществѣ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ. Въ „Новомъ Времени“ это возраженіе почему-то напечатано не было и появилось въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 227). „Изъ 104 тысячъ рублей, собранныхъ комитетомъ“, — говоритъ г. Кетрицъ, — „не болѣе 6% даны въ распоряженіе лицъ, уѣхавшихъ изъ Петербурга въ нуждающіяся мѣстности, для раздачи помощи, да и этимъ лицамъ комитетомъ было указано дѣйствовать по указаніямъ уполномоченныхъ его изъ мѣстныхъ жителей. Всѣ остальные деньги разосланы комитетомъ кореннымъ и постояннымъ жителямъ нуждающихся мѣстностей (председателямъ дворянства, председателямъ и членамъ земскихъ управъ, землевладѣльцамъ, земскимъ врачамъ и статистикамъ, сельскимъ священникамъ, сельскимъ учительницамъ, земскимъ начальникамъ и т. п.), изъ которыхъ многіе были вмѣстѣ и органами Краснаго-Креста. Ни одно изъ уѣхавшихъ лицъ не получило отъ комитета ни одной копѣйки на свой проѣздъ или въ вознагражденіе: всѣ они до одного ѣздили и жили на мѣстахъ на собственные средства. Всѣ расходы почтовые и телеграфные приняло на себя вольное экономическое общество и его члены“. Мы вполне убѣждены, что такой же отвѣтъ могли бы дать „Новому Времени“ если не всѣ, то почти всѣ частныя организаторы помощи голодающимъ; но не на нихъ лежитъ обязанность оправдываться — на обвинителѣ лежитъ обязанность доказать свое обвиненіе. Пускай „Новое Время“ скажетъ прямо и открыто, какія частныя организациі не удались, въ чемъ именно выразилась неудача, и въ особенности — когда и гдѣ часть пожертвованныхъ денегъ была употреблена на „командировки“?

Одинъ изъ характеристичныхъ признаковъ нынѣшняго неурожая заключается въ томъ, что онъ тяжело отразился не только на крестьянахъ, но и на землевладѣльцахъ. Такъ напримѣръ, въ спасскую (казанской губ.) уѣздную земскую управу поступили, по словамъ корреспондента „Новаго Времени“ (№ 8066), просьбы многихъ землевладѣльцевъ о выдачѣ имъ заимообразно овса для посѣва. Аналогичныя ходатайства, мотивированныя участіемъ землевладѣнія въ земскихъ сборахъ, появились и въ Петербургѣ и получили отвѣтъ приблизительно слѣдующаго содержанія: „голодающимъ крестьянскимъ обществамъ оказывается помощь не земская, а государственная; помощь эта имѣетъ въ виду устраненіе не бѣдности, а голода, неурожай же на землевладѣльческихъ земляхъ можетъ привести къ

разоренію, но не къ голодной смерти; наконецъ, обмѣненіе крестьянскихъ полей есть залогъ избавленія крестьянъ отъ голода, посѣвы же землевладѣльческіе имѣютъ характеръ коммерческій“. Вопросъ о помощи землевладѣльцамъ — продолжаетъ корреспондентъ — „былъ возбужденъ и на совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ г. Кабата (директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ) въ Казани, при чемъ г. Кабатъ очень вѣжливо и любезно просто-на-просто снялъ этотъ вопросъ съ программы совѣщанія. Несмотря на все это, землевладѣльцы разоренныхъ неурожаемъ мѣстъ не хотятъ — и я вѣрю — проститься съ надеждой на правительственную помощь“. Эта надежда, раздѣляемая, повидимому, и корреспондентомъ, кажется намъ неосуществимой: мотивы отказа, приведенные выше, не допускаютъ никакихъ разумныхъ возраженій. Одно изъ двухъ: или кредитъ пострадавшихъ землевладѣльцевъ еще не исчерпанъ, имѣнія ихъ не обременены долгами свыше мѣры — въ такомъ случаѣ они могутъ получить ссуду изъ дворянскаго банка или подъ соло-вексель и пережить, благодаря имъ, критическую минуту; или подѣ имѣнія ихъ больше ничего дать нельзя — и въ такомъ случаѣ новая ссуда была бы равносильна безвозвратному пособію, для выдачи котораго государство не имѣетъ ни средствъ, ни основаній. Поддержка, на казенный счетъ, землевладѣльцевъ, разоряющихся отъ неурожая, столь же немислима, какъ и поддержка фабрикантовъ или торговцевъ, несущихъ убытокъ отъ кризиса въ промышленности или торговлѣ.

На должность финляндскаго генераль-губернатора, остававшуюся вакантною болѣе года, назначенъ, 17-го августа, бывшій начальникъ штаба войскъ гвардіи и с.-петербургскаго военного округа, генераль отъ инфантеріи Н. И. Бобриковъ. „Вѣрняя непосредственному попеченію и заботамъ вашимъ“ — сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя новаго генераль-губернатора — „благосостояніе и процвѣтаніе этого близкаго Моему сердцу края. Я питаю увѣренность, что, неизмѣнно руководствуясь данными Мною указаніями, исполненіе новыхъ обязанностей вашихъ, какъ высшаго представителя государственной власти въ семъ краѣ, одушевлено будетъ стремленіемъ къ послѣдовательному вкорененію въ сознаніе мѣстнаго населенія всей важности для блага финляндскаго края тѣснѣйшаго единенія его съ общимъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ отечествомъ“. Для насъ непонятно ликованіе, съ которымъ встрѣчены эти слова въ органахъ печати, издавна враждебныхъ особенностямъ финляндскаго строя. Усилія этихъ органовъ на-

правлены къ тому, чтобы сломить самостоятельность Финляндіи, упразднить или обезсилить охраняющія ее учрежденія, уничтожить, путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, всякое различіе между великимъ княжествомъ и русской губерніей. Ничего подобнаго Высочайшій рескриптъ на имя генерала Бобрікова не предвѣщаетъ. Средствомъ тѣснѣйшаго единенія Финляндіи съ имперіей выставляется здѣсь не рядъ мѣропріятій, а „сознаніе мѣстнаго населенія“, т.-е. *свободное* убѣжденіе его, что въ тѣсной связи съ Россіей заключается для него залогъ преуспѣянія и счастья. Это сознаніе можетъ возрасти тѣмъ быстрее, вкорениться тѣмъ глубже, чѣмъ больше остается внѣ спора все дорогое для Финляндіи, все, къ чему она привыкла и чему обязана своимъ благосостояніемъ. Намъ кажется, что именно въ постепенномъ сближеніи Финляндіи и Россіи, совершающемся силою вещей, чуждомъ всякой принудительности, сознательномъ и добровольномъ, заключается ключъ къ разрѣшенію — или, лучше сказать, къ упраздненію — такъ называемаго финляндскаго вопроса. Его практическая, житейская сторона гораздо важнѣе, чѣмъ юридическая. Какимъ бы техническимъ терминомъ ни опредѣлялись существующія отношенія между великимъ княжествомъ и имперіей, они способствовали бы правильному развитію перваго, нисколько не нарушая интересовъ послѣдней, и потому заслуживаютъ тщательнаго охраненія. На этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ, съ нашими псевдо-охранителями рѣзко расходится охранитель, по истинѣ достойный этого имени — В. Н. Чичеринъ. Вотъ что мы читаемъ въ его новой книгѣ („Политика“, стр. 275—6), упомянутой нами въ предыдущей хроникѣ: „Императоръ Александръ I, послѣ покоренія Финляндіи, не только далъ ей самостоятельное государственное устройство, но и сохранилъ существовавшія въ ней представительныя учрежденія. На этотъ разъ великодушіе принесло свои плоды. Финляндія, довольная своей судьбою, процвѣтаетъ подъ скипетромъ русскихъ монарховъ, Россія же находитъ въ этомъ ту выгоду, что обладаетъ военной позиціей, необходимою для ея обороны... Шведскій элементъ (въ Финляндіи) составляетъ лишь верхній слой, недостаточно сильный, чтобы стремиться къ самостоятельному существованію или къ соединенію съ одноплеменной державой. Для массы же финновъ совершенно все равно, будетъ ли владычествовать — Россія или Швеція, лишь бы охранялись существенные ихъ интересы. Въ этомъ отношеніи связь съ Россіей представляетъ имъ даже болѣе выгоды, ибо послѣдняя не связана національностью съ верхнимъ слоемъ, а стоитъ какъ безпристрастный судья надъ обоими элементами, и потому можетъ удовлетворить оба, *уважая ихъ особенности и сохраняя имъ тѣ свободныя учрежденія, которыми они*

дорожатъ. При такихъ условіяхъ всѣ нападки, которыя раздаются со стороны извѣстной части русской печати, *не только лишены всякаго основанія, но обнаруживаютъ весьма низменный образъ мыслей*". Болѣе вѣрной и мѣткой характеристики для узко-обрусительныхъ тенденцій нельзя и придумать. Трудно представить себѣ, напимѣръ, что-нибудь болѣе мелкое и жалкое, чѣмъ розыски псевдо-патріотовъ, производящихъ въ Гельсингфорсѣ осмотръ гербовъ, картинъ, портретовъ, печатей и вездѣ усматривающихъ признаки неблагонамѣренности и сепаратизма. Нѣсколько серьезнѣе, но за то и опаснѣе, подкобы подъ самостоятельность гельсингфорскаго университета, выставляемаго „разсадникомъ анти-русскаго направленія“ („Новое Время“, № 8058). Подчинить университетъ общерусскимъ порядкамъ значило бы, ничего не выигравъ для Россіи, возбудить среди финляндцевъ тяжелое, горькое чувство невознаградимой потери... До чего доходитъ близорукость нашихъ финнофобовъ, объ этомъ всего лучше можно судить по слѣдующимъ словамъ гельсингфорскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 210): „Мы можемъ сообщить русскимъ людямъ весьма пріятную новость. По словамъ мѣстной печати, ходатайство о сокращеніи сроковъ созыва сеймовъ Государемъ Императоромъ отклонено. Высочайшее повелѣніе 7 іюля (о созывѣ на 7 (19) января 1899 г. чрезвычайнаго сейма, для „согласованія устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ съ началами, дѣйствующими въ семь дѣлѣ въ имперіи“) и настоящее сообщеніе финляндскихъ газетъ ободрило русскихъ людей, заброшенныхъ въ финляндскую окраину, и въ православныхъ храмахъ русскіе люди возносятъ горячія молитвы Царю Царствующихъ за русскаго Царя, неотступно слѣдующаго предначертаніямъ своего „незабвеннаго великаго державнаго отца“. Не касаясь основаній, вызвавшихъ ходатайство о сокращеніи сроковъ созыва сейма, можно сказать съ полною увѣренностью, что интересамъ „русскихъ людей“, хотя бы и „заброшенныхъ“ въ Финляндію, удовлетвореніе этого ходатайства ни мало бы не повредило, и радоваться его отклоненію для нихъ нѣтъ никакой причины. Это—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ громадное большинство русскаго общества остается совершенно равнодушнымъ. Не принимаетъ оно къ сердцу и вопросъ о порядкѣ отбыванія воинской повинности въ Финляндіи; какъ бы онъ ни былъ разрѣшенъ, боевая сила Россіи не станетъ отъ того больше, воинская повинность для самихъ русскихъ не сдѣлается менѣе обременительною. Радость, ощущаемая корреспондентомъ и совершенно произвольно приписываемая имъ вообще „русскимъ людямъ“—не что иное, какъ *заорадство*, т.-е. торжество по поводу огорченія, испытываемаго другими. Въ данномъ случаѣ, притомъ, это зло-

радство нѣсколько преждевременное. Неизвѣстно, покажется, самое содержаніе законопроекта, который будетъ внесенъ на разсмотрѣніе чрезвычайнаго сейма; еще менѣе извѣстно, какъ отнесется къ нему сеймъ. Въ самомъ Высочайшемъ повелѣніи 7-го іюля сдѣлана ссылка на сеймовый уставъ 3 (15) апрѣля 1869 г., одновременно съ которымъ Высочайше утверждена такъ называемая „Форма правленія“ 1772 г.—а за силою этой „Формы“ монархъ „не можетъ издать новаго закона, ниже стараго уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ“.

Мы упомянули въ предыдущей хроникѣ объ интересныхъ „Запискахъ земскаго начальника“ (г. Новикова), печатаемыхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Продолженіе ихъ также представляетъ много поучительнаго—поучительнаго въ особенности для поклонниковъ „властной руки“ и крестьянскаго безправія. Г. Новиковъ самъ, очевидно, принадлежалъ къ ихъ числу, пока горькій опытъ не убѣдилъ его въ ихъ несостоятельности—и главною его заслугой слѣдуетъ считать именно откровенность, съ которою онъ признаетъ свою ошибку. Однимъ изъ основныхъ догматовъ мнимо охранительной доктрины является, какъ извѣстно, необходимость строжайшей опеки надъ крестьянскими семейными раздѣлами и заключенія ихъ въ возможно тѣсныя рамки. Въ началѣ службы г. Новикова къ нему ходили два брата, умоляя разрѣшить имъ раздѣлъ; но онъ „былъ какъ скала“. „Убѣжденный, что дѣлежка вредна, я не давалъ своей всемогущей санкціи: мучайтесь, молъ, хорошій будетъ примѣръ для другихъ. Они, хотя въ одной избѣ, жили врозь, пекли хлѣбъ отдѣльно, у каждаго былъ свой горшокъ, домъ съ коровою принадлежалъ одному, а рига съ лошадыю—другому. Богъ вѣсть до чего бы дошло, еслибы я не опомнился и не пересталъ ихъ неволить. Ой, какъ опасно опрометчивое рѣшеніе—а многіе ли стараются вникнуть въ глубь дѣла?..—Позвольте, ваше благородіе, раздѣлиться.—Нѣтъ, вамъ незачѣмъ, живите вмѣстѣ.—Да позвольте, ради Бога: драка, нелады.—Я сказалъ вамъ, такъ вонъ отсюда.—Послѣднее говорится грозно, мужики убѣгаютъ, а дома ругань, драка, у женъ слезы, у дѣтей крикъ. Нѣтъ! Не административнымъ дѣломъ должно быть дѣло о раздѣлѣ!“ Не менѣе любопытны замѣчанія г. Новикова о начальникахъ надъ крестьянами, большихъ и маленькихъ. „Взглядъ на мужика, какъ на подчиненнаго, который обязанъ исполнять всевозможныя приказанія, и убѣжденіе самого мужика, что онъ дѣйствительно обязанъ исполнять эти приказанія, создаютъ тѣ ненормальныя отношенія, которыя су-

ществуютъ между крестьянами и ихъ начальниками. Отсюда происходитъ масса *превышеній власти, изъ коихъ одно на тысячу всплываетъ наружу* ¹⁾. Это и есть главная причина, почему крестьянинъ не вѣритъ въ законъ; для него законъ есть приказаніе начальника: *вы все можете*,—говоритъ вамъ мужикъ, когда вы ему толкуете про законъ. Большинству же начальниковъ пріятно сознавать, что они все могутъ; такіе не разувѣряютъ мужика въ этомъ, а наоборотъ, поддерживаютъ эту иллюзію... Отъ вѣры во всемогущество начальства является у мужика страсть къ кляузничеству, любовь къ тяжбамъ; всегда онъ надѣется упротить, уговорить начальника, даже если чувствуетъ себя неправымъ... Законъ даетъ старостѣ, старшинѣ, земскому начальнику—безусловное право сажать кого угодно, и притомъ всегда законно... Такая зависимость отъ начальства, къ сожалѣнію, грозитъ въ особенности не плохому крестьянину, который привыкъ къ холодной, а хорошему, который ея боится и потому долженъ молчать, какія бы злоупотребленія начальства ни видѣлъ... Можетъ быть, наружно и лучше сохраняется порядокъ; можетъ быть, благодаря этому, у ловкаго и опытнаго начальника ревизіи сойдутъ глаже, жалобъ будетъ меньше, но желательно ли это въ смыслѣ воспитанія народа? Въ произволѣ старосты, старшины, земскаго начальника надо искать причину усиленія власти кулаковъ и безнаказанности ихъ ²⁾, сокрытія виновныхъ и привлеченія къ отвѣтственности невинныхъ, любви къ тяжбамъ и проч. Законъ долженъ бы былъ быть неумолимъ для власти имѣющихъ; тогда и въ мужикѣ воспиталось бы уваженіе къ закону. У насъ наоборотъ: начальство все можетъ и всегда право по закону; мужикъ, если не угодилъ начальству, всегда виноватъ". Припомнимъ, что все это говоритъ бывший земскій начальникъ и, если мы не ошибаемся, бывший сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей"—и мы поймемъ, что ничего болѣе сильнаго не было написано систематическими противниками преобразованія 1889 г. Читая статьи г. Новикова, невольно задаешь себѣ вопросъ, возможно ли, при изображаемой ими обстановкѣ, отправленіе правосудія въ истинномъ смыслѣ этого слова—и болѣе чѣмъ когда-либо убѣждаешься въ томъ, что неполна и бесплодна будетъ судебная

¹⁾ Это слѣдуетъ имѣть въ виду тѣмъ органамъ печати, которые изъ малочисленности жалобъ на земскихъ начальниковъ дѣлаютъ выводъ о ихъ безузорищенной дѣятельности.

²⁾ Припомнимъ, что однимъ изъ доводовъ въ пользу учрежденія земскихъ начальниковъ служила необходимость обузданія кулаковъ и міробовъ.

реформа, не касающаяся судебныхъ функций мѣстныхъ судебно-административныхъ учреждений ¹⁾).

Мы узнаемъ изъ сообщенія, сдѣланнаго черниговскимъ городскимъ головой черниговской городской думѣ, что въ торжественные дни открытія памятника императору Александру II-му состоялся въ Москвѣ съѣздъ городскихъ головъ, вызвавшій рядъ предложеній по разнымъ вопросамъ городского управленія. Рѣшено, между прочимъ, возбудить ходатайство о періодическихъ съѣздахъ городскихъ головъ. Что такіе съѣзды могли бы принести немало пользы—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Еще важнѣе были бы періодическіе съѣзды предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, одно время (въ 1896 г., послѣ коронаціонныхъ празднествъ) бывшіе близкими къ осуществленію, но подвергнушіеся административному veto. Казалось бы, что совѣщанія лицъ, одинаково пользующихся довѣріемъ населенія и власти (вѣдь предсѣдатели губ. земскихъ управъ, какъ и городскіе головы, утверждаются администраціей), рѣшительно никакихъ неудобствъ не представляютъ. Постановлять они ничего не могутъ, никакой обязательной силы высказанныя ими мнѣнія ни для кого не имѣютъ. Все дѣло сводится къ обмѣну мыслей, ничѣмъ не замѣнимому, дѣлающему общимъ достояніемъ все то, чѣмъ иначе воспользовались бы только немногіе. Сколько такимъ путемъ могло бы быть сбережено силъ и времени, предупреждено ошибокъ, ускорено преобразованій!... Нужно надѣяться, что на этотъ разъ доброе начинаніе не встрѣтитъ никакихъ препятствій.

Скончавшійся 30-го августа Михаилъ Альбертовичъ Кавосъ былъ извѣстенъ только въ небольшихъ кружкахъ литераторовъ, артистовъ, земскихъ дѣятелей—но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ безъ преувеличенія можно назвать солью русскаго общества. Обладая большою и разностороннею начитанностью, живо отзываясь на всѣ вопросы искусства, онъ былъ драгоценнымъ собесѣдникомъ, оригинальнымъ въ своихъ сужденіяхъ, всегда готовымъ дѣлиться своими знаніями. Главные его интересы лежали за предѣлами его официальной дѣятельности—но и въ ней, несмотря на ея скромность, онъ сумѣлъ занять выдающееся мѣсто. Безсмысленно занимая, въ теченіе 25 слишкомъ лѣтъ, должность секретаря с.-петербургской

¹⁾ См. выше: Внутреннее Обозрѣніе.

губернской земской управы, онъ заслужилъ уваженіе всѣхъ гласныхъ губернскаго земскаго собранія. Особенно рельефно оно выразилось во время послѣдней сессіи, когда онъ, по болѣзни, долженъ былъ оставить земскую службу: вопросъ о назначеніи ему пенсіи, поставленный на *закрытую* баллотировку ¹⁾, былъ рѣшенъ въ его пользу *единогласно*—случай почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ земскихъ собраній. Не нашлось ни одного гласнаго, который не оцѣнилъ бы по достоинству мало замѣтную, но полезную работу, проникнутую горячимъ сочувствіемъ къ земскому дѣлу...

¹⁾ Назначеніе пенсій служившимъ въ канцеляріяхъ земскихъ управъ, тамъ, гдѣ нѣтъ земской эмеритуры, для земскихъ собраній не обязательно.

ИЗВѢЩЕНІЯ

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ СПБ. ОБЩЕСТВА ВОСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ БЫВШИМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: ОБЪ УВѢКОВЪЧЕНІИ ПАМЯТИ Н. Х. БУНГЕ.

Лѣтомъ 1895 года скончался *Николай Христіановичъ Бунге*, Предсѣдатель Комитета Министровъ, незабвенный Профессоръ и Ректоръ Кіевскаго Университета. Николай Христіановичъ въ Кіевѣ родился, въ Кіевѣ воспитался, въ стѣнахъ Кіевскаго Университета получилъ высшее образованіе и на кафедрѣ Кіевскаго Университета создалъ себѣ имя, почетное въ наукѣ, уважаемое всѣми просвѣщенными людьми Россіи.

Немного осталось теперь въ живыхъ его товарищей по Университету, помнящихъ его студенческіе годы; но еще много насъ, Кіевскихъ студентовъ, помнящихъ и неспособныхъ забыть нашего дорогаго Профессора, нашего достойнѣйшаго Ректора. Сколько самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній соединяется съ этимъ именемъ: онъ воплощалъ въ себѣ наши лучшія представленія о Профессорѣ и руководителѣ студенческой молодежи.

Не станемъ перечислять всѣхъ заслугъ покойнаго: онѣ достаточно запечатлѣны въ сердцахъ его учениковъ. Скажемъ только, что его нравственный авторитетъ былъ такъ же великъ, какъ и авторитетъ ученаго, а можетъ быть и болѣе того. Вотъ почему во время его продолжительнаго ректорства Кіевскіе студенты не помнятъ серьезныхъ столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, не помнятъ студенческихъ злоключеній и въ то же время прекрасно помнятъ, какое серьезное уваженіе къ Университету, этому храму науки, умѣлъ вселить въ насъ Ректоръ нашего университета Н. Х. Бунге.

Его высокія личныя достоинства и только они одни создали ему почетное положеніе въ Университетѣ, въ наукѣ, въ обществѣ и государствѣ. Призванный на высокій постъ Министра Финансовъ, Николай Христіановичъ и въ столицѣ всегда участливо и сердечно относился къ интересамъ родного Кіева, родного ему Кіевскаго Университета, къ бывшимъ Кіевскимъ студентамъ. Онъ былъ старѣйшимъ и щедрѣйшимъ членомъ существующаго издавна въ Петербургѣ Общества вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета и, умирая, завѣщалъ значительную сумму на нужды этого Общества.

Признательные и всегда глубоко уважавшіе своего Профессора члены Общества порѣшили почтить память достойнѣйшаго и дорогаго ихъ сердцу человѣка основаніемъ въ Кіевѣ городской школы его имени, и для этого въ Общемъ Собраніи своемъ 9-го ноября 1895 г. постановили исходатайствовать чрезъ г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій среди бывшихъ Кіевскихъ студентовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ докладу, въ 16 день января 1897 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе Правленію С.-Петербургскаго Общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Университета Св. Владиміра открыть повсемѣстно между бывшими воспитанниками названнаго Университета подписку на образованіе капитала для устройства школы въ Кіевѣ имени покойнаго Предсѣдателя Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге.

На основаніи такого Высочайшаго разрѣшенія, Правленіе Общества приглашаетъ всѣхъ бывшихъ Кіевскихъ студентовъ къ пожертвованіямъ на устройство городской школы имени Н. Х. Бунге въ г. Кіевѣ. Правленіе питаетъ твердую увѣренность, что этотъ призывъ найдетъ радушный откликъ въ сердцахъ товарищей по Кіевскому Университету, съ воспоминаніями о которомъ такъ ярко выступаетъ имя Николая Христіановича, которое съ любовью и гордостью произносить каждый Кіевскій студентъ предъ лицомъ всей Россіи. Нашъ нравственный долгъ, какъ людей, обязанныхъ своимъ высшимъ образованіемъ Кіевскому Университету, создать этому имени достойный его памятникъ въ родномъ ему Кіевѣ. Такимъ памятникомъ можетъ быть вполне благоустроенная городская школа.

Устройство такой школы потребуетъ, конечно, значительнаго капитала, но Правленіе вѣритъ, что усиліями бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго Университета намѣченная задача успѣшно будетъ выполнена, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано будетъ, насколько образованные русскіе люди умѣютъ цѣнить высокія гражданскія доблести лучшаго изъ своихъ согражданъ.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ С.-Петербургъ въ Правленіе Общества вспомошествованія бывшимъ Кіевскимъ студентамъ или передаваемы довѣреннымъ Правленіемъ лицамъ по особымъ сборнымъ листамъ за печатью Правленія и подписями Членовъ онаго.

II.—Отъ Комитета Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ непривычными условіями далекаго края—вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслію, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣ-

чалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣть деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами, и учебными пособиями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа приютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны приемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособия существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ, въ школьный фондъ.

Въ книгѣ журнала за августъ слѣдуетъ исправить нижеслѣдующія опечатки:

<i>Напечатано:</i>				<i>Читаетъ:</i>
Стран. 512	строка 16	сн.: средневѣковыхъ		средневѣковыя
" 522	" 14	св.: тѣмъ		прежде тѣмъ
" —	" 11	сн.: поднятые		поднятыя
" 529	" 5	" крупный шагъ		крупнѣйшаго
" —	" 12	св.: увѣренности		увѣренности
" 531	" 17	" и		а

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 1898.

Книга девятая. — Сентябрь.

	стр.
Молодо-зелено. — Повесть. — I-XIX. — В. Г. АВСЪЕНКО	5
Славянская Спарта. — Очерки путешествія по Далмацин и Черногорин. — VIII-XI — ЕВГ. МАРКОВА	48
Стихотворения. — „Ошибся!“ — Н. ИЛЬИНА	99
Лето въ Гарцѣ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ. — Н. А. П.	100
Дни недели. — Стих. ВЯЧ. ИВАНОВА	123
Жакомо Леопарди. — III-IV. — Окончаніе. — ЮР. ВЕСЕЛОВСКАГО	125
Обязательное овучение въ Пруссин. — Е. Д-ВИЧЪ	142
Горсть избранныковъ. — Эскизъ изъ романа „Le Soleil des Morts“, par Camille Maucclair. — Ю. З-ОЙ	173
Англійскіе рабочіе на досугъ. — Очеркъ развлеченій рабочихъ въ Лондонѣ. — I-VI. — С. Р-ТЬ	219
„Меншая братія“. — Романъ. — The nether World, by George Gissing. — XVII-XXV. — Съ англ. А. Б-Г-	247
Бисмаркъ. — Письмо изъ Германіи. — ГР. ЮЛЛОСА	304
Стихотворение. — Въ дорогѣ. — Н.	353
Хроника. — Внутреннее Овозрание. — Новый недородъ хлѣбовъ и травъ. — Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1894 и 1895 гг. — Австрійское согласіе, какъ „весьма опасный и вредный“ видъ раскола. — Распространительное толкованіе понятія объ „особенно вредныхъ“ сектахъ и дѣлаемые изъ него выводы. — Фактическое ограниченіе и юридическое измѣненіе закона. — Штундизмъ и молоканство. — Бывшіе греко-уніаты и правила 2-го іюля 1898 г. — Православіе и лютеранство въ прибалтійскомъ краѣ. — Статистическія данныя о церковныхъ школахъ. — Новые законодательныя мѣры	354
Иностранное Овозрание. — Дипломатическая нота 12-го августа. — Вопросъ о тяготахъ вооруженнаго мира и проектъ международной конференціи. — Кончина „железнаго канцлера“. — Князь Бисмаркъ, какъ государственныи дѣятель и германскій патриотъ. — Испанія и Соединенные Штаты. — Новое возраженіе П. А. Тверского	380
Литературное Овозрание. — Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Т. I. — Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ, Ив. Щеглова. — Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, И. А. Шляпкина. — В. Г. Бѣлинскій и чествованіе его памяти, В. Глинскаго. — Д. — Новая книга и брошюры	395
Новости Иностранной Литературы. — I. Alphonse Daudet, par Léon Daudet. — II. Gedichte von Alex. Puschkin, von Fr. Fiedler. — III. Die Frau des Weisen, v. Art. Schnitzler. — З. В. — IV. Fables choisies de Kryloff, par I. Schnitzler. — Т.	412
Изъ Общественной Хроники. — Открытіе памятника императору Александру II-му въ Москвѣ и отголоски этого событія въ печати. — Ляцкая и оборотная сторона сужденій о великихъ реформахъ. — Сотрудники императора; „подготовители“ и „исполнители“ реформъ. — Записки бывшаго земскаго начальника. — Нѣчто о глности крестьянъ. — Письмо старообрядца. — Катковъ по отзывамъ его эпигоновъ и — В. Н. Чичерина. — М. Г. Чернышевъ †	431
Извѣщенія. — Отъ Правленія Слб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета: объ увѣковѣченіи памяти Н. Х. Бунге.	447
Библиографическій Листокъ. — Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстр. Н. К. Шильдера. — Сборникъ статей проф. Н. М. Коркунова. — Антропология, Эд. Тейлора. — Силы и законы природы, А. Лампа. — Дарвинизмъ, Ал. Уоллеса. — Иллюстрированная классификація луговыхъ травъ, А. Ю. Лашкарева. — Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Петра Вейнберга.	
Озвѣяненія. — I-IV; I-XVI стр.	

Книга десятая. — Октябрь.

	СТР.
Молодо-зелено. — Повѣсть. — Окончаніе. — XX-XXXVIII. — В. Г. АВСѢНКО.	449
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ въ Китаѣ. — П. С. ПОПОВА	496
ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ Палацкаго, въ Чешской Прагѣ, въ 1898 году. — Открытое письмо А. Н. Пышину. — В. Д. СПАСОВИЧА	532
СТИХОТВОРЕНІЯ. — Изъ латинскихъ картиннокъ. — I-IV. — П. П. ГАЙДЕБУРОВА.	584
ФАБРИЧНЫЯ ПРАВИЛА въ Швейцаріи. — Н. СѢВЕРОВА.	587
СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА. — Очерки путешествія по Далмаціи и Черногоріи. — XII-XV. — Окончаніе. — ЕВГЕНІЯ МАРКОВА.	601
„Горсть избранныхъ“ — Эскизъ изъ романа: „Le Soleil des Morts“, par Camille Maucclair. — VI-X. — Окончаніе. — Ю. З-ОЙ	658
Изъ воспоминаній о Ѳ. И. Буслаевѣ. — А. АНДРЕЕВОЙ	689
МЕНЬШАЯ БРАТІЯ. — Романъ. — The nether World, by George Gissing. — XXVI-XXXIV. — Окончаніе. — Съ англ. А. Б-Г.	713
ВООРУЖЕННЫЙ МИРЪ и проекты разоруженія. — И. С. Блюхъ, Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I-VI. — Л. З. СЛОНИМСКАГО.	778
Изъ ГАУПТМАНА. — Стих. И. ГРИНЕВСКОЙ	793
ХРОНИКА. — Внутреннее Овозрѣніе. — Близкій конецъ работъ комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. — Выборный мировой судъ въ столицахъ и большихъ городахъ. — Почетные мировые судьи. — Отношеніе мѣстной юстиціи къ судебно-административнымъ учрежденіямъ. — Мечты объ упраздненіи земства и реформа общественнаго призрѣнія. — Земство на окраинахъ. — „Высшее крестьянское управленіе“	794
Иностранное Овозрѣніе. — Новые извѣстія на Критѣ. — Европейская дипломатія въ турецкихъ дѣлахъ. — Равнодушіе нашихъ патріотовъ къ судьбѣ Кандіи и крайнее увлеченіе дѣломъ Дрейфуса. — Политическій кризисъ во Франціи. — Пересмотръ дѣла Дрейфуса. — Убіиство австрійской императрицы и мѣры противъ анархистовъ. — Дворцовый переворотъ въ Китаѣ и его значеніе	814
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера. Т. IV. — Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI-XIV вв. Сообщение Н. В. Волкова. — Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, П. Ганзена. — Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова. — Собраніе сочиненій С. Шашкова. — Уроженцы и дѣтели Владимирской губерніи, А. В. Смирнова. — Очерки изъ исторіи населенія въ московскомъ государствѣ, М. Дьяконова. — Т. — Новые книги и брошюры.	826
НОВОСТИ Иностранной Литературы. — I. Catulle Mendès, Le chercheur des tares. — II. L. Bazalguette, L'Esprit Nouveau. — III. — Remy de Gourmont, Le Livre des Masques. — З. В.	846
Изъ Овощественной Хроники. — Продовольственный вопросъ. — Рѣчь и. д. симбирскаго губернатора. — Общественныя записки и работы, какъ условіе выдачи ссудъ. — Страдаетъ ли продовольственное дѣло отъ обилія „нанекъ“ или отъ чего-нибудь другого? — Новый финляндскій генералъ-губернаторъ. — Продолженіе „Записокъ земскаго начальника“. — Съѣздъ городскихъ головъ. — М. А. Кавосъ †.	861
Извѣщенія. — I. Отъ Правленія Слб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета: объ увѣковѣченіи памяти Н. Х. Бунге. — II. Отъ Комитета Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ	876
Библиографическій Листокъ. — Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина. Т. III. — Сочиненія К. К. Случевского, въ 6 томахъ. — Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изданіе. — Сношенія Петра В. съ армянскимъ народомъ. Г. А. Эзовъ. — Опытъ упрощенія русскаго правописанія, Л. Ф. Воеводскаго, орд. проф. Имп. Новорос(с)ійскаго университета.	
Овѣявленія. — I-IV; I-XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Императоръ Александръ Первый, его жизни и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Н. К. Шварцера. Т. IV. Сиб. 98. Стр. 651.

На-дняхъ выйдетъ четвертый и послѣдній томъ обширнаго труда по исторіи памятной эпохи имп. Александра I. Онъ охватываетъ собою послѣднее ея десятилетіе, начиная съ 1816 г., — печальное и извѣстѣ загадочное время господства Аракчеева и архим. Фотія. Все изданіе выполнено весьма роскошно въ соответствии съ достоинствомъ труда, съ которому мы будемъ имѣть еще случай возвратиться.

Сборникъ статей Н. М. Когутнова, проф. петерб. ун-в., 1877—1897. Сиб. 1898. Стр. 567. Ц. 3 р.

Проф. Коркуновъ давно уже пользуется заслуженнымъ авторитетомъ, какъ ученый юристъ-теоретикъ, вѣрный въ научности присужденіи и старающійся сообщить эту вѣру своимъ читателямъ и слушателямъ. Исследования и этюды его всегда содержательны и дѣльны, хотя проводимые въ нихъ взгляды могутъ вызывать возраженія; авторъ умѣетъ относиться критически къ господствующимъ теоріямъ и идеямъ и не можетъ быть причисленъ къ какой-нибудь опредѣленной научной школѣ. Собранныя теперь статьи его за послѣднія двадцать лѣтъ распределены на четыре отдѣла, соответственно своему содержанию: „общіе вопросы права“, „исторія права“, „государственное право“ и „международное право“. Въ отдѣлѣ „общихъ вопросовъ“ едва ли правильно помѣщена статья о „значеніи свода законовъ“, касавшаяся скорѣе исторіи права; очерки жизни и дѣятельности А. Д. Градовскаго и П. Г. Рѣпина также не относятся къ „общимъ вопросамъ“ права, хотя названные ученые и занимались подобными вопросами.

Антропология. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Изд. В. Тейлора. Переводъ съ англійскаго д-ра Н. С. Янина. Изд. 2-е, вновь исправленное по послѣднему англійскому изданію. Съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе Н. Н. Визлибина. Сиб., 1898. Стр. XXVI+434. Ц. 2 р.

Книга Тейлора настолько извѣстна, что не нуждается въ рекомендаціи. Но ясности изложенія, по богатству сообщаемыхъ свѣдѣній, по глубинѣ и тонкости многихъ выводовъ и замѣчаній, она до сихъ поръ занимаетъ едва ли не первое мѣсто среди современныхъ популярныя сочиненій объ антропологии. Первое изданіе русскаго перевода давно уже довольно давно, въ 1882 году, съ обстоятельными предисловіемъ и, вѣрнѣе, вступительнымъ этюдомъ, переводчицы, переведеннымъ нѣтъ безъ измѣненій. Переводъ отличается точностью въ передачѣ текста и литературностью формы — качествами, не часто встрѣчающимися въ нашей переводной литературѣ.

Силы и законы природы. Д-ра Антона Ламма. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Павлова. Съ 46 рисунк. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1898. Стр. 308. Ц. 1 р.

Очерки д-ра Ламма заключаются въ себѣ

общедоступное изложеніе основныхъ понятій современной физики, съ указаніемъ на принятыя въ ней методы и приемы исследования. Авторъ прибавилъ для русскаго изданія двѣ главы — „объ опытахъ Тесла“ и „о лучахъ Рентгена“, а также сдѣлалъ нѣкоторые измѣненія и дополненія въ различныхъ отдѣлахъ книги.

Дарвинизмъ, изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложений. Альфредъ Расселъ Уоллесъ. Т. XV. „Библиотека для самообразованія“. Перев. проф. М. А. Мензбара. Съ портретомъ и рис. въ текстѣ. М. 98. Стр. 753. Ц. 3 р.

Трудъ англійскаго натуралиста вышелъ въ оригиналѣ около десяти лѣтъ тому назадъ. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, въ чемъ состоитъ существенное различіе между его изслѣдованіями и теоріей Дарвина, который основывалъ ее преимущественно на явленіяхъ измѣнимости прироченныхъ человекомъ животныхъ и культурныхъ растений; напротивъ того, Уоллесъ обратилъ къ фактамъ измѣнимости организмовъ въ ихъ естественномъ отношеніи, безъ всякаго вмѣшательства со стороны человека, и въ нихъ нашелъ еще болѣе прочное основаніе для теоріи Дарвина. Переводчикъ, съ своей стороны, дополнилъ изданіе весьма обстоятельной статіей, посвященной біографіи автора и объясненію значенія его научныхъ трудовъ.

Извѣстнѣйшая классификація главнѣйшихъ сортовъ луговыхъ травъ, съ краткимъ описаніемъ каждой травы въ отдѣльности. А. Ю. Ламкарева. 1 и 2 вып. Сиб. 98. Цѣна 4 вып. — 24 руб.

Въ первыхъ двухъ выпускахъ содержится иллюстрацій 108 травъ, съ описаніемъ каждой травы; главнѣйшія травы раздѣлены на группы: злаки, бобовыя, гринныя, осоковыя, предіи, алоныя. Рисунки должны послужить образцами для приготовленнаго авторомъ къ изданію руководствъ: „Классификація травъ, встрѣчающихся на русскихъ лугахъ“. Для сельскихъ хозяевъ, занимающихся травосѣяніемъ, настоящее изданіе можетъ послужить съ большою пользою. Самые рисунки выполнены, въ отношеніи вѣднѣмъ, превосходно, а по приложеннымъ къ изданію отзывамъ о нихъ специалистовъ, „отчетливо и близко къ природѣ“.

Геніи Гейне. Собраніе сочиненій. Подъ редакціей Петра Вейберга. Т. I—II. Сиб., 1898. Стр. 540+532. Ц. тома по 1 р. 75 к.

Новое изданіе сочиненій Гейне весьма существенно отличается отъ перваго, предпринятаго г. Вейбергомъ въ 1866 году. „Какъ указано въ предисловіи, многія проиженія, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, переведены заново“; прежніе пробѣлы вполнены согласно нѣмецкому тексту, и прибавлены необходимыя пояснительныя примѣчанія. Все изданіе должно состоять изъ восьми томовъ; вышедшіе нынѣ первые два заключаютъ въ себѣ путевыя замѣтки, очерки, повѣствовательныя отрывки и книгу о Людвигѣ Первѣ. Имъ редактора заготовлено, по крайней мѣрѣ, по точности и литературности достоинства перевода.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1898 г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— виходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За гравиров. въ госуд. почтов. охота . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ условіемъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинверлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Падатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ П. И. Мамонтова, на Кузнецк. Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Почтовой, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителности и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителности подписчика. — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе полиціевики, переходя въ инородные, доплачиваютъ 1 руб., и инородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобъ на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленія отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Билеты на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ инородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Аладинъ пр., 7.

